

КУЛЬТУРА РУССКИХ
В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

CULTURE OF RUSSIANS
IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES

Посвящается 400-летию Енисейска

*Морозный туман: Енисейск в -40°C (вид с колокольни Богоявленского собора
на Спасо-Преображенский мужской монастырь)*

Фотография А. М. Сляднева

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ОМСКИЙ ФИЛИАЛ

АДМИНИСТРАЦИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

АДМИНИСТРАЦИЯ ГОРОДА ЕНИСЕЙСКА

ООО «КРАСНОЯРСКАЯ ГЕОАРХЕОЛОГИЯ»

ООО «НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
«АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ И ИЗЫСКАНИЯ»

СЛУЖБА ПО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЕ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

КУЛЬТУРА РУССКИХ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Омск
Издательский дом «Наука»
2017

УДК 930.85(=161.1):902
ББК 63.3(2)-7:63.4
К90

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Института археологии и этнографии СО РАН *А. П. Бородовский*;
доктор исторических наук, доцент
Удмуртского государственного университета *Л. Д. Макаров*

Научный редактор:

кандидат исторических наук *Л. В. Татаурова*

К90 **Культура русских в археологических исследованиях** : сб. науч. ст. / под ред. Л. В. Татауровой. – Омск : Издательский дом «Наука», 2017. – 580 с.

ISBN 978-5-98806-540-0

В сборник статей вошли новейшие исследования и материалы по изучению русской культуры на основе данных археологии. Впервые опубликованы итоги археологического изучения Енисейска, сведения по антропологии и генетике русских, теоретические и методические разработки, результаты охранных мероприятий, междисциплинарных исследований городской культуры и системы жизнеобеспечения русских. Эти материалы рассмотрены и обсуждены на Шестой Международной научной конференции «Культура русских в археологических исследованиях», посвященной 400-летию юбилею Енисейска, состоявшейся в Енисейске 6–10 ноября 2017 г.

Для ученых в области археологии, этнографии, истории, культурологии, специалистов в сфере междисциплинарных исследований в археологии.

УДК 930.85(= 161.1):902
ББК 63.3(2)-7:63.4

Проведение конференции организовано и реализовано при поддержке администрации Красноярского края, администрации города Енисейска и ООО «Красноярская Геоархеология». Издание ее материалов осуществлено на собственные средства ООО «Красноярская Геоархеология»

Дизайн обложки *О. А. Павловой*

В оформлении 1-й страницы обложки использована фотография *А. М. Сляднева* «Вид на Енисейск с водонапорной башни (в месте впадения Мельничной в Енисей. 2016)»

В оформлении сборника использован фирменный логотип и элементы визуальной юбилейной стилистики города Енисейска, предоставленные Министерством культуры Красноярского края. Все права на использованные материалы принадлежат Министерству культуры Красноярского края

ISBN 978-5-98806-540-0

© Омский филиал Института археологии и этнографии
СО РАН, 2017
© ООО «Красноярская Геоархеология», 2017
© Оформление. ООО «Издательский дом “Наука”», 2017

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN BRANCH INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
OMSK BRANCH

ADMINISTRATION OF THE KRASNOYARSK REGION

ADMINISTRATION OF THE CITY OF YENISEISK

KRASNOYARSK GEOARCHAEOLOGY, LTD.

RESEARCH AND PRODUCTION ASSOCIATION
“ARCHAEOLOGICAL ENGINEERING AND RESEARCH”, LTD.

OFFICE OF KRASNOYARSK REGION'S CULTURAL HERITAGE STATE PROTECTION

CULTURE OF RUSSIANS IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES

MISCELLANY OF SCIENTIFIC ARTICLES

Omsk
Publishing House “Nauka”
2017

СОДЕРЖАНИЕ

[Обращение научного коллектива ООО «Красноярская Геоархеология»]	14
От редактора (<i>Л. В. Татаурова</i>).....	15

<i>Головнев А. В.</i> Рывок на восток в русской колонизации Сибири	16
--	----

ЕНИСЕЙСКУ 400 ЛЕТ: К ЮБИЛЕЮ ОСНОВАНИЯ ГОРОДА

<i>Тарасов А. Ю.</i> Сохранение объектов археологического наследия Енисейска в рамках реализации мероприятий подпрограммы «Подготовка к 400-летию города Енисейска в 2019 году» государственной программы Красноярского края «Развитие культуры и туризма»	20
<i>Майничева А. Ю.</i> Архитектура Енисейска – культурное достояние России.....	24
<i>Мецгерин М. Н.</i> Культурный слой Енисейска: вопросы практики и теории.....	28
<i>Бродников А. А.</i> Сведения ранних письменных источников по истории Енисейского острога как материал для исторических реконструкций	33
<i>Гольева А. А.</i> Этапы становления Енисейска по данным почвенных исследований (первые результаты)	37
<i>Томилов Н. А.</i> Енисейск – памятник истории и культуры и Енисейский краеведческий музей	45
<i>Аболина Л. А.</i> Енисейский кирпич: история, технология, параметры, датировка.....	50
<i>Аболина Л. А., Щербаков В. В.</i> Печи Енисейска XVII–XX веков: от каенок и глинобитных беструбных к кирпичным русским и изразцовым голландским до «утермарковских»	57
<i>Щербаков В. В.</i> Печные изразцы Енисейска (по материалам раскопок последних лет).....	64
<i>Галухин Л. Л., Лысенко Д. Н., Сляднев А. М.</i> Пороховой («зеленый») погреб Енисейского острога: планиграфия, стратиграфия и датировка.....	67
<i>Глушенко М. А.</i> Бондарные изделия Енисейска по археологическим материалам (предварительные данные)...	74
<i>Лысенко Д. Н., Галухин Л. Л.</i> История и почитание местночтимого святого Даниила Ачинского в археологических источниках Енисейска	78
<i>Мартынович Н. В.</i> Кости птиц из археологических раскопок Енисейска (материалы XVII–XIX веков)	84
<i>Столбов В. И., Романова К. Р.</i> Товарные пломбы с раскопа усадьбы Баландиных в Енисейске (на материале находок 2015–2016 годов).....	88

МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ В АРХЕОЛОГИИ РУССКИХ. РЕКОНСТРУКЦИИ. ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

<i>Буровский А. М.</i> Чего не видит археология.....	93
<i>Жук А. В.</i> Норматив православной церкви: комментарий для археологов. Часть II. Преступление нормы.....	97
<i>Майничева А. Ю.</i> Методические основы реконструкции зданий и сооружений русских Сибири XVII–XVIII веков: междисциплинарный аспект	102
<i>Кимеев В. М.</i> Археологические памятники русской колонизации Притомья: проблемы реконструкции и музеефикации.....	106
<i>Автушкова А. Л.</i> Русские остроги и форпосты на территории современной Новосибирской области в описании Иоганна Готлиба Гмелина	110
<i>Вдовин А. С., Лысенко Д. Н., Макаров Н. П., Заика А. Л.</i> «Прошлое Енисейского Севера понемногу раскрывается»: история и перспективы исследований русских поселений	114
<i>Погорелов С. Н.</i> Из исследований некрополей в Свердловской области	119
<i>Визгалова М. Ю.</i> Подход к систематизации и изучению археологических находок из растительного волокна на примере изделий из лыка с острова-града Свяжска (XVI–XVIII века)	123
<i>Черная М. П., Ованенко И. В.</i> Опыт реконструкции исторического костюма на примере «мисюрки-приплешницы».....	128
<i>Сопова К. О., Татаурова Л. В.</i> Современные подходы и методы в изучении русской керамики Нового времени.....	133

АНТРОПОЛОГИЯ И ГЕНЕТИКА РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Герасимова М. М., Пежемский Д. В.</i> История изучения краниологических особенностей позднерусского населения. Часть I	141
<i>Аксянова Г. А.</i> Антропология старожильческих групп Сибирской Арктики	146

<i>Черневский К. Г., Чухряева М. И., Аджоян А. Т., Балаганская О. А., Романов А. Г., Маркина Н. В., Бозунова А. А., Черневский Д. К., Кошель С. М., Балановский О. П., Балановская Е. В.</i> Источники формирования генофонда коренного русского населения Новгородской области по данным современной панели маркеров Y-хромосомы.....	151
<i>Гурьева А. Б., Алексеева В. А.</i> Анатомо-антропологическая характеристика русских женщин (16–35 лет) Якутии.....	157
<i>Рыкун М. П., Тихонова Т. В.</i> Палеоантропологические материалы в междисциплинарных исследованиях	159
<i>Рейс Е. С., Савенкова Т. М.</i> Предварительная палеоантропологическая характеристика ранних погребений некрополя Богоявленского собора Енисейска (XVII век).....	166
<i>Южакова А. В.</i> Антропологические данные о русских первопоселенцах Омского Прииртышья (могильник Ананьино-I).....	171

АРХЕОЛОГИЯ РУССКИХ ОТ АРХАНГЕЛЬСКА ДО НОВОАРХАНГЕЛЬСКА: МАТЕРИАЛЫ И ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ

<i>Едовин А. Г.</i> История и проблемы изучения памятников XVII–XIX веков (Нового времени) на архангельском Севере (на примере городов и посадов).....	176
<i>Гортер В. Т., Гортер А. А.</i> Эпиграфика сохранившихся объектов русского (поморского) культурного наследия (промысловые избы, кресты) на островах Шпицберген и Северо-Восточная Земля архипелага Свальбард, Норвегия	182
<i>Хохоровски Я., Крапец М.</i> Структура и хронология поморского промысла в южной части Шпицбергена.....	188
<i>Шахнович М. М.</i> Археологические работы на усадьбе Кандалакшского монастыря в 2015 году	201
<i>Салмина Е. В., Салмин С. А.</i> Вещевые комплексы как индикаторы функционального назначения территорий в эпоху позднего Средневековья – Нового времени	209
<i>Шутелева И. А., Щербаков Н. Б., Леонова Т. А.</i> Проблемы в исследовании русского городского слоя XIX – первой трети XX века на территории памятника археологии «Городище Уфа-II»	214
<i>Гарунова Н. Н.</i> К вопросу о появлении первых русских крепостей на берегах Терека	217
<i>Мининков Н. А.</i> Раскопки Ф. К. Траилина на месте предполагаемого куреня Емельяна Пугачева	221
<i>Камалеев Э. В.</i> Археологическое изучение памятников раннего Нового времени на территории Башкирии XVI–XVIII веков.....	224
<i>Росляков С. Г., Шаповалов А. В.</i> Сузун-завод: результаты архивных и археологических исследований медеплавильного завода и монетного двора (заводская крепость)	227
<i>Строгова Е. А.</i> Русские в низовьях Индигирки: памятники старые и новые	232
<i>Постнов А. В., Басова Н. В.</i> Русские поселения в материалах археологических памятников Приангарья	237
<i>Нестеров С. П.</i> Русское поселение Усть-Громатуха и его влияние на сохранность неолитического памятника	240
<i>Багрин Е. А.</i> К вопросу о реконструкции костюма и комплекса вооружения «амурских» казаков Е. Хабарова и О. Степанова в 1650-е годы.....	246
<i>Константинов А. В.</i> Церковь Успения Пресвятой Богородицы в селе Калинино Забайкальского края: археологический аспект	250
<i>Колзунов И. В.</i> Водоснабжение форта № 12 Владивостокской крепости: предварительные результаты исследования	255
<i>Степанов Н. С., Лысенко Д. Н., Визгалов Г. П.</i> Памятники археологии русского населения на Таймыре (первые результаты обследования)	261
<i>Шубина О. А.</i> Культура и быт русских поселенцев на Курильских островах в XIX веке по данным археологических исследований Сахалинского музея	269
<i>Макмэхан Дж. Д.</i> Крушение парусника «Нева» Российско-Американской компании в 1813 году: заключительная глава.....	276

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

<i>Левченко Т. И., Крыжановский В. О.</i> Фарфоро-фаянсовая посуда из раскопок Верхнего Киева в 2008–2009 годах	282
<i>Лобзова Р. В., Ярош В. Н.</i> Особенности технологии изготовления изразцов и строительной керамики XVI–XVII веков в сооружениях Московского Кремля	288
<i>Беркович В. А., Егоров К. А.</i> Белокаменные надгробия как эпиграфический источник по истории Москвы.....	292
<i>Салмин С. А.</i> Комплекс вооружения XVI–XVII веков из раскопок псковского Окольного города.....	296

<i>Маслюженко Д. Н., Новиков И. К., Первухина А. А.</i> Археологический памятник «Культурный слой города Кургана»: основные итоги изучения	303
<i>Лихтер Ю. А.</i> Стекланные бусы из Мангазеи (раскопки 2011–2012 годов).....	307
<i>Азаркова А. Б.</i> Проблемы комплектования «русских коллекций» в археологическом собрании Сургутского краеведческого музея	311
<i>Аношко О. М., Алиева Т. А.</i> Прикладные печати из культурного слоя Тобольска	315
<i>Балюнов И. В.</i> Некоторые результаты археологических исследований тобольских храмов конца XVII–XVIII веков	320
<i>Горохов С. В., Бородовский А. П.</i> Юго-западная угловая башня Умревинского острога	324
<i>Данилов П. Г.</i> Вопросы топографии Тобольского кремля XVII века по археологическим и историческим материалам	329
<i>Татауров С. Ф.</i> Планиграфия Тары и некоторые вопросы благоустройства города в XVII–XIX веках	331
<i>Краснощечков В. В., Аболина Л. А.</i> Преимущества комплексных исследований при реконструкции участка городской среды Иркутска XVIII века	337
<i>Чикунова И. Ю.</i> Самаровский Ям: итоги первых раскопок	343

СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ: МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Татауров Ф. С.</i> Новации в материальной культуре русских Западной Сибири в XVII – первой половине XVIII века (по материалам археологических исследований).....	347
<i>Тихонов С. С.</i> Последняя верста к граду Тарскому.....	352
<i>Илюшин А. М.</i> Культура русских поселенцев земли Кузнецкой (по материалам археологических разведок в долине реки Ур)	355
<i>Федоров Р. Ю., Лысенко Д. Н., Аболина Л. А.</i> «Погреб с напоребицей»: дворовые постройки для хранения продуктов в XVII–XXI веках (Ангаро-Енисейский регион)	357
<i>Бачура О. П., Лобанова Т. В.</i> Кости животных из кухонных отходов русского населения Екатеринбурга в XVIII–XX веках	363
<i>Визгалов Г. П., Лобанова Т. В.</i> Хозяйство населения русских городов Севера Сибири в XVII–XIX веках: скотоводство, рыбный промысел, охота	368
<i>Глушенко М. А., Яровой Б. П.</i> Перспективы использования развалин водяных мельниц в качестве источника по культуре русских	374
<i>Кухтерин С. А.</i> Памятники археологии Севера Сибири как источник информации о традиционном северорусском судостроении	381
<i>Боброва А. И.</i> Некрополь Томского мужского Богородице-Алексиевского монастыря	387
<i>Загваздин Е. П.</i> Трехвершинная Голгофа с надгробий из Тобольска и Иоанно-Введенского женского монастыря	389
<i>Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С.</i> Вооружение русских воинов в Западной и Южной Сибири в конце XVI–XVII веке (по сведениям Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина)	394
<i>Татауров С. Ф., Фаистов Т. Н.</i> Коллекция пуль XVII века в городе Таре	398
<i>Семенова В. И.</i> Коллекция кожаной обуви из раскопок Тюмени (по материалам 1988 года).....	402
<i>Кениг А. В., Зайцева Е. А., Кимпицкая А. А.</i> Кожаная обувь у населения Нижнего Прииртышья по материалам раскопок могильника Горноправдинский.....	406
<i>Руденко К. А.</i> Православные кресты XVII – начала XX века из коллекции Е. А. Беговатова (предварительный анализ)	411
<i>Попов В. А.</i> Нателные кресты с изображением орудий страстей Христовых из Туринска и Верхотурья	419
<i>Мишкина Е. В., Татаурова Л. В.</i> Культовое литье Сибири: предварительные замечания	423
<i>Зиняков Н. М.</i> Чернометаллические изделия поселения Ананьино в Тарском Прииртышье: технологическая характеристика	427
<i>Пархимович С. Г.</i> «Питейное дело» в Мангазее	438
<i>Тихонов В. В.</i> Археологические исследования и перспектива реконструкции Тальцинского стекольного завода.....	451
<i>Волков П. В., Скобелев С. Г.</i> Технологии использования камня в Саянском остроге: точила и оселки	454
<i>Митько О. А., Швейгерт Е. К.</i> Орнаментированные бляхи с конской упряжи из археологических памятников, случайных находок и этнографических коллекций музеев Сибири.....	458
<i>Загваздина Я. Г.</i> Находки китайского фарфора из культурного слоя Тобольска.....	463
<i>Ожередов Ю. И.</i> Томский мифологический зверь (к семантике артефакта).....	466
<i>Сизев А. С.</i> Материалы русского времени из поселений Среднего Притомья (работы хоздоговорной темы «Волна»).....	471

<i>Тропин Н. А.</i> Мир материальных ценностей зажиточного жителя Ельца второй половины XVII – начала XVIII века (по материалам раскопок 2007 года по улице Маяковского, дом 5)	477
<i>Турова Н. П.</i> О музыкальной детской забаве сибиряков (по археологическим материалам XVII века из Тобольска).....	485
<i>Ширин Ю. В.</i> Гончарный комплекс преподобного Василиска Сибирского	489

**ЭТНОГРАФИЯ РУССКИХ, ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ,
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РУССКОЙ И ДРУГИХ КУЛЬТУР**

<i>Фурсова Е. Ф.</i> Соотнесение данных археологии и этнографии при реконструкции обуви русских Сибири: проблемы и возможные пути решения	494
<i>Терюков А. И.</i> Л. М. Сабурова как исследователь культуры русского старожильского населения Сибири	499
<i>Баранов М. Ю., Куприянов В. А.</i> Культурно-хозяйственный комплекс приобских остяков XVII–XIX веков (по материалам исследований поселения «Урочище Бала 1»).....	504
<i>Баранов М. Ю., Осипов Д. О.</i> Коллекция кожаной обуви из раскопок поселения «Урочище Бала 1» (по материалам 2013–2015 годов)	511
<i>Брызгалов В. В., Овсянников О. В., Ясински М. Э.</i> «Караул» на Мурмане (по документам Холмогорского архиерейского дома XVIII столетия)	517
<i>Брызгалов В. В., Овсянников О. В.</i> «Город архистратига Михаила»: судьба имени (источники и мнения)	525
<i>Желтов М. Б.</i> Наследственные прозвища крестьян Коломенского уезда в XVII–XVIII веках: социальный и географический аспекты.....	534
<i>Тихонов С. С.</i> Традиционный русский берестяной короб	539
<i>Антонович М.</i> Современная деятельность полонийных организаций в Прииртышье (на территории Западной Сибири)	542
<i>Жигунова М. А.</i> Традиции и новации в похоронном обряде русских Западной Сибири начала XXI века.....	546
<i>Мжельская Т. В.</i> Русская волшебная сказка «Царевна-лягушка» в контексте археологии	551
<i>Ольшевски В.</i> «Сибирские воспоминания» как образец «устной истории»: культурологические аспекты.....	556
<i>Соегов М.</i> К этимологии личных имен и прозвищ некоторых правителей древности и Средневековья в связи с правописанием их на русском языке (на кириллице)	560
<i>Таганова М. А.</i> Передача некоторых русских археологических терминов в туркменском языке	564
<i>Чернова И. В.</i> Реконструкция хозяйства населения деревни Ананьино в XVIII–XX веках: опыт междисциплинарного исследования	567
Список сокращений	571
Сведения об авторах	573

CONTENT

[Address of Scientific personnel of “Krasnoyarskaya Geoarkheologiya”, Ltd.]	14
From the editor (<i>L. V. Tataurova</i>)	15

<i>A. V. Golovnev</i> . A dash to the east in the Russian colonization of Siberia.....	16
--	----

400 YEARS OF ENISEYSK: THE ANNIVERSARY OF THE FOUNDING OF THE CITY

<i>Tarasov A. Y.</i> The protection of cultural heritage in Yeniseisk within the framework of the subprogram “Preparation to the 400 anniversary of Yeniseysk city in 2019” of the state Krasnoyarsk region program “Development of culture and tourism”	20
<i>Mainicheva A. Y.</i> The architecture of Yeniseisk is a cultural heritage of Russia	24
<i>Meshcherin M. N.</i> Cultural layer of Yeniseisk city: practice and theory	28
<i>Brodnikov A. A.</i> Earliest written data sources on the history of the Yenisei ostrog as a material for the historical reconstruction	33
<i>Golyeva A. A.</i> Stages of the town Yeniseisk formation based on soil researches: first results	37
<i>Tomilov N. A.</i> Yeniseisk – historical and cultural monuments and Yeniseisk museum	45
<i>Abolina L. A.</i> The Yeniseisk brick: history, technology, parameters, dating.....	50
<i>Abolina L. A., Shcherbakov V. V.</i> Furnaces of Yeniseisk of the 17–20th centuries: from stone and clay furnaces without chimney to brick Russian and tile holland furnaces until utermark furnace	57
<i>Shcherbakov V. V.</i> The Yeniseisk stove tiles (on excavation materials of the last years).....	64
<i>Galukhin L. L., Lysenko D. N., Slyadnev A. M.</i> Gunpowder magazine in the fortress of Yeniseisk: planigraphy, stratigraphy and dating	67
<i>Glushenko M. A.</i> Cooperage Yeniseisk on archaeological materials (preliminary).....	74
<i>Lysenko D. N., Galukhin L. L.</i> The history and worship of saint daniel of atchinsk by the archeological sources of Yeniseisk	78
<i>Martynovich N.</i> Bones of birds from archaeological excavations Yeniseisk (17–19th centuries)	84
<i>Stolbov V. I., Romanova K. R.</i> Marketable seals from excavations of the mansion of the balandins in Yeniseisk (based on the materials of excavations 2015–2016).....	88

METHODOLOGICAL DEVELOPMENTS IN ARCHEOLOGY OF RUSSIAN POPULATION. RECONSTRUCTION. PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE

<i>Burovsky A. M.</i> What is not seen by archeology	93
<i>Zhuk A. V.</i> Orthodox church standard: comments for archaeologists. Part II. Step over standard.....	97
<i>Mainicheva A. Y.</i> Methodological basis for reconstruction of Russian Siberian buildings and facilities of 17–18th centuries: interdisciplinary aspects.....	102
<i>Kimeev V. M.</i> Archaeological site to the Russian colonization of Pritomie: problems of sites reconstruction and museumification	106
<i>Avtushkova A. L.</i> Russian fortress on the territory of novosibirsk oblast in the diary of Johann Georg Gmelin	110
<i>Vdovin A. S., Lysenko D. N., Makarov N. P., Zaika A. L.</i> “The past of the Northern Yenisei is gradually being unearthed”: the history and perspectives for exploring Russian settlements	114
<i>Pogorelov S. N.</i> From the researches of the necropolis in Sverdlovsk region	119
<i>Vizgalova M. Y.</i> Approach to systematization and study of archaeological finds from plant fibers on the example of products from bast from Sviyazhsk island (16–18th centuries).....	123
<i>Chernaya M. P., Ovanenko I. V.</i> The experience of the reconstruction of a historical outfit on a case of “misyurka-pripleshnitsa”.....	128
<i>Sopova K. O., Tataurova L. V.</i> Actual approaches and methods in the study of Russian ceramics of modern ages	133

ANTHROPOLOGY AND GENETICS OF THE RUSSIAN POPULATION: PROBLEMS AND RESEARCH OF RESULTS

<i>Gerasimova M. M., Pezhemsky D. V.</i> The history of craniological studies of the Russian population of the 16–17th centuries. Part 1	141
<i>Aksyanova G. A.</i> Anthropology of Russian old settlers in Siberian Arctic	146

<i>Chernevskii K. G., Chukhryaeva M. I., Agdzhoyan A. A., Balaganskaya O. A., Romanov A. G., Markina N. V., Bogunova A. A., Chernevskii D. K., Koshel S. M., Balanovsky O. P., Balanovskaya E. V.</i> Sources of the gene pool of native Russian population of novgorod oblast based on the panel of modern Y-chromosome markers	151
<i>A Guryeva. B., Alekseeva V. A.</i> Anatomico-anthropological characteristic of the Russian women (16–35 years) of Yakutia	157
<i>Rykun M. P., Tihonova T. V.</i> Paleoantropologicheskyy materials in interdisciplinary studies	159
<i>Reis E. S., Savenkova T. M.</i> Preliminary paleoanthropological characteristics of earliest burials from necropolis of Yeniseisk's Epiphany cathedral (17th century).....	166
<i>Yuzhakova A. V.</i> Anthropological data about Russian first settlers of omsk cis-irtysh (burial ground Anan'iono-I)	171

ARCHEOLOGY OF RUSSIANS FROM ARKHANGELSK TO NOVOARKHANGELSK: MATERIALS AND RESULTS OF THE STUD

<i>Edovin A. G.</i> History and problems of studying objects of the 17th–19th centuries (modern age) in the Arkhangelsk north (through the example of towns and settlements)	176
<i>Gorter W. T., Gorter A. A.</i> Epigraphics on the remaining still standing Russian (pomor) monuments of culture (cabins, crosses) at the islands of Spitsbergen and North East Land of Svalbard, Norway	182
<i>Chochorowski Jan, Krapiec Marek.</i> The structure and the chronology of pomor promysl in the southern part of Spitsbergen.....	188
<i>Shakhnovitch M. M.</i> Archaeological works in the central complex of Kandalakshsky monastery in 2015	201
<i>Салмина Е. В., Салмин С. А.</i> Finds complexes as indicator of functional purpose of the territories in the late middle ages – modern times.....	209
<i>Shuteleva I. A., Shcherbakov N. B., Leonova T. A.</i> Problems of investigations of Russian urban layer XIX – one third of 20th century in the archeological settlement Ufa-II.....	214
<i>Garunova N. N.</i> The question of Russian appearance of the first fortress on the bank of the Terek	217
<i>Mininkov N. A. F. K.</i> Trailin excavations on the site of the alleged house of Emelian Pugachov	221
<i>Kamaleev E. V.</i> Study of early modern period archeological sites in Bashkiria in 16–18th centuries	224
<i>Roslyakov S. G., Shapovalov A. V.</i> Fortification of Suzun copper smelting plant and mint.....	227
<i>Strogova E. A.</i> Russian peoples in the lower reaches of the Indigirka: old and new sites.....	232
<i>Postnov A. V., Basova N. V.</i> Russian settlements among archaeological sites in Priangarye	237
<i>Nesterov S. P.</i> Russian settlement Ust-Gromatuha first half of 20th century in Amur region and its influence on the preservation of the neolithic site.....	240
<i>Bagrin E. A.</i> The question of reconstruction of costume and weapon system of amur cossack under the leadership of E. Khabarov and O. Stepanov in 1650-es.....	246
<i>Konstantinov A. V.</i> Church of the Dormition of the Mother of god in Kalinino village in Transbaikalye: archaeological aspect.....	250
<i>Kolzunov I. V.</i> Water-supply of fort № 12 of Vladivostok fortress, preliminary results of research	255
<i>Stepanov N. S., Lysenko D. N., Vyzgalov G. P.</i> Archaeological sites of Russian inhabitation in Taimyr (first results of the survey).....	261
<i>Shubina O. A.</i> Culture and lifestyle of Russian settlers in the Kuril islands in 19th century according to archaeological research of the Sakhalin museum.....	269
<i>McMahan J. D.</i> The 1813 wreck of the Russian-American company sailing ship Neva: the final chapter.....	276

HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL STUDY OF URBAN CULTURE

<i>Levchenko T. I., Kryzhanovskiy V. O.</i> Porcelain and earthenware excavated in the Upper Kyiv in 2008–2009	282
<i>Lobzova R. V., Yaroch V. N.</i> Technological features of manufacturing process for ceramic tile and bulding ceramics in the Moscow Kremlin construction	288
<i>Berkovich V. A., Egorov K. A.</i> Whitestone tombstones – epigraphic monuments of Moscow.....	292
<i>Salmin S. A.</i> Complex of weapons of the 16–17th centuries on archaeological materials of the Okolny gorod in Pskov.....	296
<i>Masliuzhenko D. N., Novikov I. K., Pervukhina A. A.</i> Archeological monument “Cultural layer of the city of Kurgan”: main results of the study	303
<i>Likhter J. A.</i> Glass beads from Mangazeya (excavation 2011–2012)	307
<i>Agarkova A. B.</i> Some problems of the “Russian collections” gathering in the Surgut regional museum archaeological assemblage.....	311

<i>Anoshko O. M., Alieva T. A.</i> Applied print from the cultural layer of Tobolsk.....	315
<i>Balyunov I. V.</i> The main results of archaeological researches of the churches of Tobolsk end of the 17–18th century	320
<i>Gorokhov S. V., Borodovsky A. P.</i> Southwestern corner tower of Umrevinsky ostrog.....	324
<i>Danilov P. G.</i> Questions topography Tobolsk kremlin 17th century according to archaeological and historical materials	329
<i>Tataurov S. F.</i> Planigraphy of Tara and some questions of improvement of the city in the 17–19th centuries.....	331
<i>Krasnoshchekov V. V., Abolina L. A.</i> Advantages of complex researches at reconstruction of the part of Irkutsk urban environment of the 18th century.....	337
<i>Chikunova I.</i> Samarovsky Yam: the results of the first excavations	343

LIFE SUPPORT SYSTEMS OF THE RUSSIAN POPULATION: MATERIALS AND RESEARCH

<i>Tataurov P. S.</i> Innovation in the Russian material culture of Western Siberia in 17th – first half 18th centuries (according to archeology)	347
<i>Tikhonov S. S.</i> The last mile to Tara fortress	352
<i>Ilyushin A. M.</i> Culture of the Russian settlers of the earth Kuznetsk (on materials of archaeological investigations in the valley of the river Ur)	355
<i>Fedorov R. Yu., Lysenko D. N., Abolina L. A.</i> “A cellar with superstructure”: domestic constructions for storage of food of 17–20th centuries (Angara and Yenisey region)	357
<i>Bachura O. P., Lobanova T. V.</i> Animals remains from kitchen waste of Russian population the Yekaterinburg city in the 18–20th centuries	363
<i>Vizgalov G. P., Lobanova T. V.</i> The economy of the Russian towns of Northern Siberia in the 17–19th centuries: cattle breeding, fishery, hunting	368
<i>Glushenko M. A., Yarovoy B. P.</i> Prospects for the use of the ruins of the water mills as the source for culture of the Russian	374
<i>Kukhterin S. A.</i> Archaeology monuments of Northern Siberia as the source of information about traditional north Russian shipbuilding	381
<i>Bobrova A. I.</i> Necropolis of Bogoroditse-Alekseevskiy monastery of Tomsk.....	387
<i>Zagvazdin E. P.</i> Calvary with three summits on the headstones of Tobolsk and of Ioanno-Vvedensky convent.....	389
<i>Borisenko A. Yu., Khudyakov Yu. S.</i> Armament of the Russian warriors in Western and Southern Siberia in the end of the 16–17th century (based on data of G. F. Miller and J. G. Gmelin).....	394
<i>Tataurov S. F., Faistov T. N.</i> Collection bullets 17th century (on gathering materials at the Tara fortress).....	398
<i>Semyonova V. I.</i> Leather shoe collection from Tyumen excavation (based on the material of 1988).....	402
<i>Kenig A. V., Zayceva E. A., Kimpitskaya A. A.</i> Leather shoes the population of the lower Irtysh region on materials of excavations of the burial ground Gornopravdinsk.....	406
<i>Rudenko K. A.</i> Collection of orthodox crosses 17th – beginnings 20th century from E. A. Begovatov collection: the preliminary analysis.....	411
<i>Popov V. A.</i> Baptismal crosses with image of instruments of the passion of Christ from Turinsk and Verkhoturye	419
<i>Mishkina E. V., Tataurova L. V.</i> Religious foundry formation of Siberia: introductory remarks.....	423
<i>Zinyakov N. M.</i> Black metal products of Ananyino settlement in Tarski Priirtyshye: technological characteristics	427
<i>Parkhimovich S. G.</i> “Drinkable matter” in Mangazey.....	438
<i>Tikhonov V. V.</i> Archaeological research and the prospect of reconstruction of Taltsy glass factory.....	451
<i>Volkov P. V., Skobelev S. G.</i> Technology use of stone in Sayan ostrog: winepresses and touchstones.....	454
<i>Mitko O. A., Schveygert E. K.</i> Ornamented badge Russian origin from archaeological sites, accidental finds and ethnographic collections museums in Siberia.....	458
<i>Zagvazdina Y. G.</i> Finds of chinese porcelain from the cultural layer of Tobolsk.....	463
<i>Ozheredov Y. I.</i> Tomsk mythological beast: semantic study of an artifact.....	466
<i>Sizyov A. S.</i> Materials of Russian time from settlements of Middle Tomsk region (research under administrative contract “Volna”).....	471
<i>Tropin N. A.</i> Valuables of a wealthy citizen of the city of Yelets of the second half of 17th – beginning of 18th centuries (excavations 2007, Mayakovsky str., 5)	477
<i>Turova N. P.</i> On siberian sound toys for children (on the XVIIth century Tobolsk archaeological materials).....	485
<i>Shirin Yu. V.</i> Complex of potter reverend Basilisk Siberian	489

**ETHNOGRAPHY OF RUSSIANS, WRITTEN SOURCES, INTERACTIONS OF RUSSIAN
AND OTHER CULTURES**

<i>Fursova E. F.</i> Attributed of data of archaeology and ethnography in reconstruction of Russian Siberian shoes: problems and possible solutions	494
<i>Teryukov A. I. L. M.</i> Saburova as a researcher of culture of the Russian old-resident population of Siberia	499
<i>Baranov M. Yu., Kupriyanov V. A.</i> Cultural-economic complex of the ob ostyaks in the 17th – late 19th century (based on the materials of the research at the Bala 1 archaeology site)	504
<i>Baranov M. Y., Osipov D. O.</i> Collection of leather foot wear from Bala 1 archaeology site (based upon the excavations of 2013–2015).....	511
<i>Bryzgalov V. V., Ovsiannikov O. V., Jasinski M. E.</i> “Guard” on Murman (on documents of Cholmogor bishop house of 18th century).....	517
<i>Bryzgalov V. V., Ovsiannikov O. V.</i> City of Archistratiga Mikhail: fate on the name (sources and opinions).....	525
<i>Zheltoy M. B.</i> Surnames of peasants of the Kolomna uyezd in 17–18th centuries: social and geographic aspects.....	534
<i>Tikhonov S. S.</i> Traditional Russian birch bark box	539
<i>Antonowicz M.</i> Contemporary activity of polish diaspora organizations in the Irtysh region in West Siberia.....	542
<i>Zhigunova M. A.</i> Traditions and innovations in the funeral ceremony of the Russian population of Western Siberia at the beginning of the 21st century.....	546
<i>Mzhelskaya T. V.</i> Russian fairytale “The Frog princess” in the context of archaeology.....	551
<i>Olszewski W.</i> “Syberyjskie wspomnienia” as an example of oral history: cultural contexts	556
<i>Soyegov M.</i> To etymology of personal names and nicknames of some governors of the antiquity and the middle ages in connection with their spelling in Russian (on cyrillics).....	560
<i>Taganova M. A.</i> Transmission of some archaeological Russian terms in Turkmen language.....	564
<i>Chernova I. V.</i> Reconstruction of the household of the population of the village Ananiino in the 18–20th centuries: the interdisciplinary research	567
List of reductions	571
Information about authors	573

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

**КРАСНОЯРСКАЯ
ГЕОАРХЕОЛОГИЯ**

Коллектив «Красноярской Геоархеологии» рад приветствовать вас в Енисейске – одном из старейших городов Сибири. Еще до недавнего времени на археологической карте нашей страны он оставался «terra incognita»: практически не проводилось целенаправленных исследований, отсутствовали данные о состоянии культурного слоя и его границах. Поворотным моментом стал 2004 г., когда усилиями Комитета по охране и использо-

ванию памятников истории и культуры администрации Красноярского края было организовано первое, предварительное археологическое обследование на территории исторического центра города. В результате впервые выделены хорошо сохранившиеся горизонты, относящиеся как ко времени существования Енисейского острога, так и к последующим периодам жизни города XVIII–XIX вв.

В 2013 г. в рамках реализации долгосрочной целевой программы «Подготовка к 400-летию города Енисейска в 2019 году» нашей организацией проведены масштабные разведочные археологические исследования на территории города. Общий объем земельных раскрытий составил более 1 000 кв. м. Результатом этих работ стали выявление и постановка на государственную охрану девяти памятников археологии различных типов – от стояночных комплексов эпохи неолита до церковных некрополей XVII – начала XX вв. Опорным же археологическим памятником на территории города стал выявленный объект археологического наследия «Енисейск. Енисейское городище», включающий весь исторический центр города и охватывающий площадь порядка 3 102 000 кв. м. Полученные данные о выявленных объектах, мощности культурных слоев и границах их распространения легли в основу разработки научно-проектной документации по сохранению памятников археологии при проведении реставрационных работ в городе.

За период с 2014 по 2017 гг. были проведены охранно-спасательные археологические работы на территории 18 реставрируемых памятников архитектуры, сосредоточенных в историческом центре города. В раскопках, кроме красноярского отряда, принимали участие более 200 чел. со всей страны, среди которых присутствовали не только специалисты-археологи, но и представители смежных научных отраслей: почвоведы, геоморфологи, антропологи, палеонтологи. Всем этим людям хотелось бы выразить глубокую благодарность от всего коллектива ООО «Красноярская Геоархеология».

Благодаря проведенным исследованиям, положено начало введению в научный оборот огромного количества археологических материалов. Среди наиболее значимых стоит упомянуть такие открытия, как обнаружение тыновых стен частотола Енисейского острога, жилых и хозяйственных построек Воеводского двора, остатков пороховых погребов, следов пахоты за пределами острожных стен. На различных участках раскопов зафиксировано до восьми строительных ярусов городской застройки XVII–XIX вв., получены обширнейшие коллекции разнородных артефактов, дающих представление о материальной и духовной жизни населения города. При работах на территории енисейских храмов изучено около 2 000 погребений, прослежены различные варианты погребального обряда, в том числе такое своеобразное сооружение, как «скудельница», датированное XVIII столетием. Кроме того, получены данные о первоначальном ландшафте, существовавшем на территории будущего острога до прихода сюда русских, прослежены особенности формирования городского культурного слоя от момента основания города до начала XX в.

В предлагаемом вашему вниманию сборнике публикуется первый цикл статей по результатам проведенных исследований. Являясь «воротами» в Восточную Сибирь, Енисейский острог на протяжении полутора столетий играл ключевую роль в освоении русским населением огромных территорий. Полученные благодаря проведенным работам данные сделали Енисейск одним из самых археологически изученных городов в Сибири и обеспечили исследователей материалом для научных работ на годы вперед.

Научный коллектив ООО «Красноярская Геоархеология»

ОТ РЕДАКТОРА

Время неумолимо бежит вперед, и вот уже то, что попало в культурный слой 100 лет назад, стало достоянием археологии. История русского населения на разных континентах и территориях Земли имеет неодинаковую протяженность, но она связана единой традицией, имеет общие корни. Это наглядно демонстрирует книга, в которую вошли результаты новейших исследований по изучению русской культуры в различных регионах земного шара на основе археологического материала. Они объединяют древнюю, средневековую, новую и новейшую историю русского народа, проживавшего на территории Евразии и Америки.

Появление этого, уже шестого издания тоже имеет свою историю. К началу XXI в. изучение русских памятников археологическими методами преодолело начальный этап накопления материалов и стало расширять границы. Возникла необходимость в объединении усилий в этом направлении, в обмене мнениями и археологической информацией, в решении вопросов охраны культурного наследия.

Именно Сибирская земля, впитавшая мощные потоки русских переселенцев в XVI–XVII вв., ставшая новой родиной для многих поколений славянского населения, оказалась тем центром, который взял на себя организацию сообщества археологов, исследователей русской культуры. И объединяющим началом стала научная конференция «Культура русских в археологических исследованиях», идея которой возникла в Омске в 2002 г. В первый сборник материалов тезисного характера вошли 36 публикаций, в основном по сибирскому региону. Проведение конференции показало, что тема востребована и у большинства археологов, занимающихся изучением разных территорий и исторических эпох, найдутся материалы русского времени. Так это научное мероприятие стало периодическим и до 2014 г. проводилось в Омске, в 2014 г. оно состоялось в Тюмени. В 2008 г. конференция прошла с участием зарубежных ученых, а с 2011 г. она признана международной.

Пятнадцать лет работы форума позволили проследить динамику формирования научного направления «Археология русских» и произошедшие в его развитии изменения. Исследования вышли на новый уровень вследствие перехода от накопления материала (хотя раскопки, конечно, продолжаются) к его обобщению и построению исторических реконструкций на междисциплинарном уровне.

Изменился и статус публикаций – с 2005 г. в сборниках печатаются статьи, а не тезисы докладов. В результате проводимые форумы дают возможность не только обсуждать научные проблемы, но и формируют источниковую базу, отражающую уровень развития направления «Археология русских» на текущий момент в мировом масштабе. Увеличилось и количество публикаций в сборниках. Так, двухтомник, вышедший в 2014 г., включает 78 работ. В книгу, подготовленную к открытию шестой конференции, которая пройдет в ноябре 2017 г. в Енисейске, прислано 108 статей.

Этот сборник посвящен одному из знаменательных событий сибирской истории – 400-летию основания Енисейска, которое будет отмечаться в 2019 г. Строительство Енисейского острога стало знаковым: через него началось освоение просторов Восточной Сибири, Дальнего Востока и Америки русскими первопроходцами. Археологические исследования Енисейска, начатые в 2014 г., только набирают силу, но уже получены значительные результаты, во много впервые вводимые в научный оборот статьями первого раздела книги.

Кроме итогов работ в Енисейске, в этом издании представлены и другие научные аспекты в археологии русских. Отражением использования новейших междисциплинарных подходов в археологии являются публикации по антропологии и генетике русского населения, теоретическим и методическим разработкам, реконструкциям систем жизнеобеспечения и технологий производств. Широту и разноплановость исследований показывает блок статей под названием «Археология русских от Архангельска до Новоархангельска», где сообщается об итогах археологических работ в штате Аляска (США), на архипелаге Шпицберген, в русской Лапландии, псковской земле, Уфе, Казани, поселениях на берегах Терека, на территории Предуралья, в Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке и о. Сахалин. Не осталось в стороне и археологическое изучение культурных слоев городов, с которым связано складывание археологии русских как научного направления. Существенные дополнения для интерпретации анализа археологического материала дают письменные источники и этнография.

Получившаяся книга, многообразная, разноплановая, многогранная, как сама жизнь и культура изучаемого в ней русского народа, является трудом огромного коллектива ученых из разных стран и регионов, стремящихся по крупицам собрать и воссоздать историю ушедших веков для будущих поколений...

*Кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник Омского филиала ИАЭТ СО РАН
Л. В. Татаурова*

РЫВОК НА ВОСТОК В РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СИБИРИ

Российский рывок на восток был осуществлен силами промышленных людей, казаков и воевод. На старте (Урале) эти три силы сошлись из разных очагов – севера, центра и юга Европейской России, а в финале (у Тихого океана) они перераспределились в смешанные группировки. Преимуществом первых (поморов) было мастерство судовождения и торгово-промышленного партнерства, вторых (казаков) – воинская удаль и огнестрельное оружие, третьих (воевод) – эгида «белого царя», власть и остроги. Скорость этому потоку колонизации задавали соучастие и взаимодействие разных сил и групп в поиске и освоении новых «ничейных земель», ясака, пушнины, женщин, убежищ. Во взаимной гонке и конкуренции вольницы и деспотии состоял социальный механизм стремительной колонизации Сибири.

Ключевые слова: колонизация, Сибирь, Россия, движение, казаки, поморы, воеводы, остроги.

В отечественной и зарубежной литературе принято отмечать стремительность продвижения русских от Урала до Тихого океана в XVII в. При этом разные авторы обращают внимание на особую роль казачьих походов (М. К. Любавский, Х. Дж. Макиндер), предприимчивость северных промышленников (С. В. Бахрушин), удобную для русских экологию (К. Хаусхофер), агрессию империи (И. Л. Кызласов), сходясь в признании пушнины как главного стимула экспансии. Высказывания историков о «пушной лихорадке» (fug fever) дополняются размышлениями о ее сходстве с золотой лихорадкой в Америке, о персональном участии в меховой торговле царя – «первого бизнесмена России», о «погоне за соболем», увлекшей русских за Урал, а затем до Тихого океана [Fisher, 1943, p. 28; Forsyth, 1992, p. 40, 41; Любавский, 1996, с. 448; Зуев, 2009, с. 34].

В эпохальном броске или рывке России на восток неизменно усматривается роль «империи», но на самом деле колониальная гонка развернулась в период, когда Московское царство было поражено смутой и озабочено собственным спасением, а вовсе не расширением. Однако экспансия состоялась, причем в масштабах, до сих пор поражающих воображение историков и геополитиков. Получается, что не империя осуществляла экспансию, а экспансия рождала империю.

Российская колонизация XVII в. развернулась с имперским размахом на основе предшествовавших опытов колонизации новгородцев, татар, московских князей, казаков. Российский «рывок на восток» был подготовлен целым каскадом малых и больших конкист и реконкист. Превращение Московского царства в Россию и соответствующий евразийский диапазон политики был обеспечен подчинением Москве двух метрополий – Великого Новгорода и Казани. Тем самым в российском движении на восток слилось несколько колониционных стратегий, характеризующихся понятиями «нордизм», «ордизм» и «понтизм» [Головнев, 2004; 2015].

Борис Годунов стяжал славу виртуозного колонизатора уже в бытность свою правителем при Федоре Ивановиче, когда он со своими подручными, прежде всего дьяком Андреем Щелкаловым, скрупулезно выверял каждый шаг продвижения на юг и восток. Разработанный под его контролем наказ воеводе князю Петру Горчакову 1592 г. о походе на Пелымское княжество выглядит образцовым пособием по колонизации [Русская историческая библиотека, 1875, с. 103–120]. Инструкция Годунова – Щелкалова выросла из опыта «острожной колонизации» Поля и Поволжья предшествовавших лет. В 1586 г. были одновременно построены Самара, Уфа (в статусе города) и Тюмень. Далее самарская цепь острогов потянулась на юг, перекрывая ногайские переправы (Царицын на Переволоке 1589 г., Саратов на устье Большого Иргиза 1590 г.), а уфимско-тюменская – на восток, охватывая владения Кучума (строительство Уфы мотивировалось обороной от сибирского хана и прокладыванием пути в Сибирь). Шаг за шагом ордынский пояс был рассечен цепью острогов. После закрепления на линии Уфа – Тюмень – Тобольск, в 1593–1594 гг., московские стратеги делают «царский ход» сразу в четырех направлениях: Пелым (1593), Березово (1593), Тара (1594), Сургут (1594), причем острожная колонизация идет тотально и быстро, напоминая ордынские походы. Еще не просохли строения Пельма, а оттуда уже направляется отряд (в составе рати Андрея Елецкого) на Тару; одновременно воевода Траханиотов движется на Березов. Вскоре цепи острогов вытягиваются по северу (Березов, Обдорск, Мангазея, Туруханск) и югу (Тюмень, Тобольск, Пелым, Верхотурье, Сургут, Нарым, Томск) таежного пояса Зауралья.

Слаженность действий воевод в годы правления Годунова сменилась разладом в период Смуты. Вряд ли при Годунове было возможно то, что происходило в междуречье Оби и Енисея в 1610 г.: к осякам рек Сым и Кас повадились ходить за ясаком сборщики из Кетска и Мангазеи. Воеводы обоих острогов знали об этом двоеданстве (кетские сборщики требовали по 12 соболей с человека, а мангазейские – вполовину меньше) и писали в Москву жалобы друг на друга от имени одних и тех же осяков. В ответ от королевича Владислава последовал указ 1611 г., который в лучших традициях тогдашнего польского народовластия предлагал вое-

водам и осякам самим согласовать, кому куда платить. Вместо согласования последовали новые челобитные, уже князю Дмитрию Трубецкому и атаману Ивану Заруцкому, которым было явно не до осяков Сыма и Каса. Наряду с русскими, намерение собирать ясак с осяков междуречья Оби и Енисея изъявили тунгусы. Собранный в 1618 г. пелымско-тобольский отряд под началом Петра Албычева и Черкаса Рукина двинулся на Енисей строить Тунгусский (Енисейский) острог, но по пути основал, без указа из Москвы, Маковский острог на Кети. Бедствовавшие всё это время осяки Сыма и Каса были, наконец, приписаны к основанному в 1619 г. Енисейску [Миллер, 2000, с. 28, 29, 50].

И всё же экспансия русских продолжалась, несмотря на политическую стихию Смуты. Правда, если поступь воеводской «острожной» колонизации отмечена городками и документами, то хождения северных «гулящих», «промышленных» и «торговых» людей, равно как и южных вольных казаков (даже если они переходили в разряд служилых), скрывались от властей или самими властями, поскольку письменных инструкций поморам и казакам никто не составлял. Как и другие историки, опиравшиеся на чиновничьи записи, М. К. Любавский был убежден, что «с наступлением Смутной эпохи распространение русской колонизации в Сибири приостановилось» [Любавский, 1996, с. 446]. На самом деле в первое десятилетие XVII в. русские промышленные люди продвинулись из Западной Сибири в Среднюю и в 1607 г. основали на устье р. Турухан Новую Мангазею (Туруханск).

Северные «гулящие люди» первыми, еще в XVI в., вышли на Енисей, и первым был освоен обско-енисейский волок с Таза на Турухан; позднее, в XVII в., были разведаны южные волокы по Ваху – Елогую, Кети, Тыму – Сыму. Северный (тазовско-туруханский) волок был по-своему комфортно обустроен: на нем стояли волоковая баня с буфетом, где продавались кислый квас и сусло, и игорный дом для игры в зернь, в «картяные» и «всякие закладные игры» [Бахрушин, 1955, с. 120]. Северные «гулящие люди» увлеклись слухами о богатствах «великой реки» за Енисеем и двинулись на Лену. По преданию, путь туда в начале 1620-х гг. проложил промышленный человек Пантелей Пенда, который с партией в 40 чел. прошел по Нижней Тунгуске, ставя зимовья, занимаясь соболиной охотой и отбиваясь от тунгусов. На исходе трехлетнего похода он добрался через Чечуйский волок до Средней Лены, а затем вернулся через Ангару в Енисейск. За ним последовали другие: о наплыве на правобережье Енисея промышленных людей можно судить по отписке из Туруханска о том, что в 1626 г. на Нижнюю Тунгуску отправились 28 каюков с 189 промышленными людьми, а на Подкаменную Тунгуску – 44 каюка с 312 промышленными людьми. От промышленных людей узнали о якутах служилые из Енисейска, Мангазеи и Тобольска. Енисейский атаман Иван Галкин в 1631 г. прошел по Верхней Лене и Алдану, объясачив несколько якутских родов. Следом сотник Петр Бекетов с отрядом в 30 чел. в 1632 г. добрался до центральной Якутии и срубил Ленский острог, взяв ясак с окрестных якутов [Миллер, 2005, с. 53–60; Алексеев, 1996, с. 10].

Сибирские группировки казаков и служилых людей – мангазейская, енисейская, томская, тобольская – открыто и скрыто, с ведома и без ведома воевод конкурировали за «ясачные уголья». В 1633 г. черкас Стефан Корытов повел отряд из Туруханска на Лену и Алдан. Он принялся собирать ясак с якутов, которые уже заплатили его енисейским казакам. Возмущенные якуты убили пятерых посланцев Корытова, а затем встретили войной атамана Ивана Галкина, который в благодушном настроении зимой 1633 г. разослал по якутским наслегам известие о своем возвращении, но «все они вдруг отказались ему повиноваться». Покладистые еще недавно якуты собрались в большое войско во главе с кангаласскими тойонами и осадили Якутск (при этом тойон Тынья и его сын Откурай насмерть преследовали тех, кто платил ясак русским). Пока Галкин в осажденном Якутске отбивал атаки кангаласцев, Корытов отсиживался на р. Амге, а когда после снятия двухмесячной осады Галкин призвал его к ответу, дело дошло до рукопашной схватки. В «казачьей войне», сопровождавшейся погонями и убийствами, одолел Галкин: Корытов лишился собранного ясака и был выслан через Енисейск в Мангазею. В 1636 г. томский атаман Дмитрий Копылов с полусотней служилых людей прошел из Томска мимо Енисейска, несмотря на протесты енисейских властей, затем мимо Якутска на Алдан без согласия якутских властей. Уйдя за пределы владений «енисейцев», Копылов поставил на устье р. Май Бутальское зимовье, откуда в 1639 г. отправил отряд Ивана Москвитина к Тихому океану. Пройдя разведкой по Охотскому взморью, томские казаки получили сведения даже об Амуре. Правда, на обратном пути первопроходцы Пацифики были остановлены на Анге отрядом служилых людей Якутска во главе с сыном боярским Парфеном Ходыревым. У томских казаков были отняты 300 лошадей и 300 коров, а 30 якутов, сопровождавших томский отряд, были зарублены [Миллер, 2005, с. 65–80; Бахрушин, 1955, с. 152].

В то время сибирские воеводства и города порой напоминали древнерусские враждующие княжества. В 1645 г. енисейские воеводы Василий Пушкин и Кирилл Супонев послали атамана Ивана Галкина в Якутск, чтобы он освободил арестованных воеводой Петром Головиным енисейских служилых и промышленных людей. Преодолев в очередной раз путь от Енисейска до Якутска, Галкин отворил тюрьмы и выпустил заключенных. Очередной «воеводский скандал» закончился в 1648 г. отзывом Петра Головина в Москву [Дополнения к актам историческим, 1848, с. 33–35, 139]. Восточная Сибирь превратилась в «дикий восток», где делили уголья разные партии любителей «ничейных земель» и ясака: «меж себя у тех тобольских и у енисейских, и у мангазейских служилых людей для тое своей бездельные корысти бывают бои; друг друга и промышленных людей, которые на той реке Лене соболи промышленяют, побивают до смерти, а новым ясачным людям чинят сумнение, тесноту и смуту и от государя их прочь отгоняют» [Бахрушин, 1955, с. 52–153].

С Лены колониальная лихорадка выплеснулась на Дальний Восток и северо-восток. На Яне, Индигирке, Колыме, Анадыре пересекались маршруты отрядов, шедших с Лены «кочами и коньми». За Индигиркой последовали Алазея и Колыма, где в 1643 г. Михаил Стадухин поставил три укрепленных зимовья (между прочим, промысленных людей не смутила переориентация с «мягкой рухляди» на «моржовый зуб»). Последовавшее открытие Чукотки было омрачено ссорой между Семеном Дежневым и подошедшим к Анадырю сухим путем Стадухиным. Одновременно на противоположном краю восточной экспансии разыгралась драма, главными героями которой стали Василий Поярков и Ерофей Хабаров.

Соперничество между разными казачьими и гулящими ватагами было едва ли не главным ускорителем колониационного рывка. Самые дальние и рискованные походы – Стадухина и Федота Колмогорца на Колыме и Чукотке, Хабарова на Амуре – затевались по частной инициативе. Лихорадка захвата «новых земель» стала массовой, и развернувшаяся гонка нарастила темп и азарт движения, в том числе воевод, пытавшихся или вынужденных конкурировать друг с другом и контролировать казачьи захваты. При этом материальная нажива, обычно (в стиле западной политэкономии) рассматриваемая как ведущий мотив, в русском варианте выглядела лишь сопровождением (к тому же ценность ясака определялась не только стоимостью соболя, но и причастностью к власти). Риски и мучения походов стоили того, чтобы обрести собственную «землицу» – пусть на время и под видом государственной службы. Для русской вольницы и полувольницы этот образ жизни стал чем-то вроде кочевания с приключениями, страданиями, страстями и трофеями.

Опорную роль в сибирской экспансии сыграли татары и зыряне, с которыми русские вступили в отношения, характеризуемые в теории колонизации как симбиоз. Силами служилых татарских царевичей и мурз были покорены или замирены Казанское и Астраханское ханства, Ногайская орда; помощь ногайского мирзы Исмаила обеспечила русским поддержку сибирских татар. Русский арсенал наступления (глубокая разведка, нагнетание страха, подавление элиты) был хорошо знаком татарам, потому что у них он и был заимствован: в свое время теми же средствами татары подчиняли русские княжества. Поиск и обретение партнеров среди покоряемого населения обычно облегчаются туземными распрями и готовностью части местной элиты призвать иноземцев для наказания соседа-врага.

Воевода князь Андрей Елецкий в 1594 г. вел на Кучума отряд, больше чем наполовину состоявший из татар; примечательно, что тобольские татары шли под началом казачьего атамана Черкаса Александра – сподвижника Ермака. Русские обретали союзников по всему «татарскому поясу», например в лице еуштинского князя Тоаяна, изъявившего желание быть «под государевою царскою высокою рукою» и платить ясак, а также сказывать о непослушниках в округе. В 1609 г. Тоян бил челом государю о строительстве в его вотчине острога, а затем по поручению воевод привлек в Томск телеутского князя Абака и даже остался у телеутов в заложниках на время поездки их князя к воеводам. Сходным образом в 1629 г. князец камасинцев Байга «сразу же изъявил покорность и для начала дал 40 соболей ясаку» служилым людям Красноярска [*Русская историческая библиотека*, 1875, с. 159, 160, 195–199; *Миллер*, 2000, с. 65].

На севере в роли проводников и попутчиков выступили коми-зыряне – торговцы и промысловики. Пермьне/зыряне ходили за Камень с XII в., зырянские «вожи» вели в Сибирь Ермака; чрескаменный путь на Сосьву не случайно назывался «зырянской дорогой»: на зырянских крытых лодках (каюках) передвигались по сибирским рекам и волокам. По ходу колонизации русские и зыряне смешались настолько, что в документах XVII в. их не различали, и лишь по прозвищам и фамилиям можно уловить их коми корни.

Пермским/зырянским посредничеством объясняется особое расположение к русским остяцким князьям Коды. Связанные корнями с Пермью Вычегодской, они стали союзниками Ермака, а затем московских воевод. Попутчиками русской колонизации оказались и другие группы туземцев: в освоении русскими Засаянского края (Туву) участвовали хакасы, в казачьих походах на бурятские «землицы» – «канские люди» и верхнеленские тунгусы, в заселении севера Ленского края – якуты. Впрочем, во всех случаях правильнее вести речь не о позиции народа целиком и навсегда, а о ситуативном выборе той или иной части родовой знати.

Например, якуты первоначально восприняли появление в 1632 г. небольшого отряда енисейского сотника Петра Бекетова хладнокровно. Однако три года спустя, в 1635 г., из-за поднятой черкасом Корытовым смуты знатные кангаласские тойоны Откурай и Богейко решительно выступили против русских, стянув к Якутску полутысячное войско. При этом особенно пострадали союзные русским якуты, у которых кангаласцы захватили имущество; «их жестокость дошла до того, что они не оставили в живых даже женщин и детей» [*Миллер*, 2005, с. 56, 64, 73–74]. Вероятно, первоначальная благожелательность якутов к Бекетову связана с двумя обстоятельствами: во-первых, они воспринимали русских по опыту прежних контактов с «гулящими» русскими северянами, которые со всеми туземцами Севера находили общий язык; во-вторых, сами якуты, как недавние мигранты на Средней Лене, находились далеко не в мирном тунгусском окружении и могли увидеть в русских подспорье в укреплении и расширении своих позиций. Массовое расселение якутов на огромном пространстве вплоть до Арктики происходило уже при русских, и среди якутов нашлись сторонники и участники русских походов. Например, в 1636 г. на Верхней Яне якуты приветили Посника Иванова, «надеясь на помощь казаков в противостоянии юкагирам. Объединившись с якутами, Посник Иванов и Иван Ерастов ходили в поход на юкагиров и привели их в русское подданство» [*Алексеев*, 1996, с. 12].

Российский рынок на восток был осуществлен силами промышленных людей, казаков и воевод. На старте (Урале) эти три силы сошлись из разных очагов – севера, центра и юга Европейской России, а в финале (у Тихого океана) они перераспределились в смешанные группировки. Преимуществом первых (поморов) было мастерство судождения и торгово-промыслового партнерства, вторых (казаков) – воинская удаля и огнестрельное оружие, третьих (воевод) – эгида «белого царя», власть и остроги. В общем потоке «скольжение» северян, «удары» казаков и «твердость» воевод создавали пеструю картину движения. Скорость этой лавине задавало притяжение-отталкивание разных сил и групп в поиске и освоении новых «землиц», ясака, пушнины, женщин, убежищ.

Примечательно, что московская автократия даже в самом деспотическом ее облике времен Ивана IV не только плодила окраинную вольницу, но и успешно с ней взаимодействовала. Именно в этом парадоксальном, на первый взгляд, состоянии притяжения-отталкивания кроется источник энергии, раскинувшей Россию на огромное пространство Евразии. В конкуренции и гонке вольницы и деспотии состоял социальный механизм стремительной колонизации русскими Сибири.

Алексеев А. Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. – 152 с.

Бахрушин С. В. Научные труды. – М. : АН СССР, 1955. – Т. 3, ч. 1. – С. 5–354.

Головнев А. В. Северная перспектива в истории России // Социальные трансформации в российской истории. – Екатеринбург ; Москва, 2004. – С. 476–485.

Головнев А. В. Феномен колонизации. – Екатеринбург : УрО РАН, 2015. – 592 с.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. – СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1848. – Т. 3. – 572 с.

Зуев А. С. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII–XVIII век). – Новосибирск : СО РАН, 2009. – 444 с.

Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. – М. : Изд-во МГУ, 1996. – 688 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. – Т. II, III. – М. : Вост. лит., 2000. – 796 с. ; 2005. – 598 с.

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. – СПб. : Тип. бр. Пантелеевых, 1875. – Т. 2. – 656 с.

Fisher R. H. The Russian fur trade 1550–1700. – Berkeley, Los Angeles : University of California Press, 1943. – 267 p.

Forsyth J. A History of the Peoples of Siberia. – Cambridge Univ. Press, 1992. – 455 p.

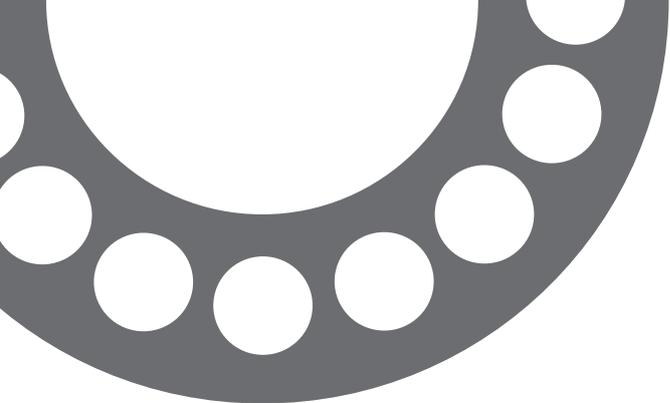
A. V. Golovnev.

Institute of History and Archaeology, UB RAS, Ekaterinburg

A DASH TO THE EAST IN THE RUSSIAN COLONIZATION OF SIBERIA

Russian dash to the East has been fulfilled due to the forces of northern trade people, southern Cossacks and central vоеvodes (captains). On the start (Urals) these three forces from different parts have merged, and the final (by the Pacific shore) has witnessed their rearrangement into mixed groups. The advantage of the first part (Pomors) was a skill in seafaring and trade, of the second (Cossacks) – in warfare and fire-arms, of the third (voevodes) – in aegis of “White Tsar”, power, and fortresses. This colonial stream was geared up by combination and interaction of different forces and groups in surveying and mastering new “no-man’s lands”, tributes, furs, women, refuges. Mutual race and competition of people of freedom and despotism played a role of social mechanism of the rushing colonization of Siberia.

Keywords: Colonization, Siberia, Russia, movement, Cossacks, Pomors, vоеvodes, fortress.

ЕНИСЕЙСКУ 400 ЛЕТ: К ЮБИЛЕЮ ОСНОВАНИЯ ГОРОДА

УДК 351.853.3

А. Ю. Тарасов

Служба по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края

СОХРАНЕНИЕ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ЕНИСЕЙСКА В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ МЕРОПРИЯТИЙ ПОДПРОГРАММЫ «ПОДГОТОВКА К 400-ЛЕТИЮ ГОРОДА ЕНИСЕЙСКА В 2019 ГОДУ» ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ «РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ И ТУРИЗМА»

Публикация характеризует порядок организации и предварительные результаты комплексного подхода государственных органов охраны объектов культурного наследия Красноярского края к организации мероприятий по обеспечению сохранности археологических объектов при проведении работ по сохранению объектов культурного наследия на стадии ремонтно-реставрационных работ в рамках реализации государственной программы Красноярского края «Развитие культуры и туризма» («Подготовка к 400-летию города Енисейска в 2019 г.»).

Ключевые слова: Енисейск, 400-летие, Енисейский острог, Енисейское городище, Богоявленский некрополь, Богоявленский собор, Троицкая церковь, Троицкий некрополь, святой Даниил Ачинский.

Енисейску, старейшему городу Восточной Сибири, единственному в Красноярском крае поселению, обладающему статусом исторического населенного места, в 2019 г. исполняется 400 лет. Город, сохранивший градостроительную среду XVIII–XIX вв., обладает значительным историко-культурным потенциалом: по состоянию на 1 января 2017 г. на его территории располагаются 98 объектов культурного наследия (в том числе 24 памятника федерального значения).

В рамках реализации подпрограммы «Подготовка к 400-летию города Енисейска в 2019 году» государственной программы Красноярского края «Развитие культуры и туризма», утвержденной постановлением Правительства края от 30 сентября 2013 г., предусмотрено проведение мероприятий по сохранению объектов культурного наследия города, в том числе выявленных объектов археологического наследия. По состоянию на 1 января 2017 г. на территории Енисейска зафиксировано 12 таких объектов, характеризующих историю освоения человеком данной территории начиная с эпохи бронзового века:

«Енисейск. Поселение-1» (V–III тыс. л.), «Енисейск. Стоянка Троицкая» (VIII в. до н. э. – II в. н. э.), «Енисейск. Стоянка Татарская» (IX–XIII вв.), «Енисейск. Стоянка Богоявленская» (III–I тыс. до н. э.), «Енисейск. Стоянка Ивановка-1» (первая половина II тыс. н. э. – XIX в.), «Енисейск. Енисейское городище» (XVII – начало XIX вв.), «Енисейск. Богоявленский некрополь» (начало XVII в. – начало XX в.), «Енисейск. Абацацкий некрополь» (XVIII в. – первая четверть XX в.), «Енисейск. Иверский некрополь» (XVII в. – начало XX в.), «Енисейск. Преображенский некрополь» (XVIII–XIX вв.), «Енисейск. Троицкий некрополь» (XVII–XIX вв.), «Енисейск. Комплекс остатков строений, связанных с личностью Даниила Ачинского (Делие)» (первая половина XIX в. – 1843 г. – первая четверть XX в.).

Реализация мероприятий госпрограммы в части выполнения ремонтно-реставрационных работ на 22 объектах культурного наследия Енисейска (памятниках истории и архитектуры) планировалась на территории шести археологических объектов: «Енисейское городище», «Стоянка Богоявленская», «Стоянка Татарская», «Стоянка Троицкая», «Богоявленский некрополь», «Троицкий некрополь». Выполнение ремонтно-реставрационных работ на объектах реставрации (в части земляных работ) привело бы к повреждению археологических объектов.

Законодательство Российской Федерации в области охраны культурного наследия, разделяя недвижимые объекты культурного наследия по типам и категориям, не определяет приоритеты в части сохранения одного объекта за счет нанесения ущерба (или уничтожения) другого объекта. Усилиями государственных органов по сохранению объектов культурного наследия Красноярского края в Енисейске удалось погасить волну повреждения и уничтожения памятников, представляющих интерес с точки зрения археологии [Тарасов, 2014, с. 418–421], организовать комплекс мероприятий, направленных на сохранение археологических объектов при осуществлении хозяйственной деятельности в городе (в том числе в рамках государственной программы).

Комплекс мероприятий включает:

- проведение архитектурно-археологических исследований на объектах реставрации на стадии проектно-исследовательских работ;
- разработку отдельных разделов научно-проектной документации (далее – НПД) по обеспечению сохранности археологических объектов в составе НПД на выполнение ремонтно-реставрационных работ;
- реализацию предусмотренных НПД по обеспечению сохранности археологических объектов мероприятий (до начала и в процессе ремонтно-реставрационных работ);
- корректировку НПД по обеспечению сохранности археологических объектов в связи с корректировкой НПД на выполнение ремонтно-реставрационных работ;
- реализацию предусмотренных откорректированной НПД по обеспечению сохранности археологических объектов мероприятий в процессе ремонтно-реставрационных работ;
- музеефикацию (на месте) зафиксированных археологических комплексов.

Первый этап комплекса мероприятий, основной проблемой реализации которого стала координация действий археологов и реставраторов-проектировщиков, оказался наиболее сложным, так как археологи столкнулись с полным непониманием ситуации со стороны представителей строительно-реставрационного сообщества в части расстановки приоритетов сохранения археологических объектов и способов реализации проектных решений в процессе ремонтно-реставрационных работ. Пройдя через несколько конфликтных ситуаций, связанных в том числе и с разрушением культуросодержащих слоев археологических объектов, удалось организовать процесс архитектурно-археологического изучения участков территорий, осваиваемых в ходе ремонтно-реставрационных работ на объектах реставрации, где археологами выполнялись археологические раскрытия с соблюдением методики полевых работ на участках объектов реставрации, необходимых для инженерного обследования реставраторами-проектировщиками. На втором этапе, при разработке отдельных разделов НПД по сохранению археологических объектов, к сожалению, не удалось преодолеть барьер «вторичности» объектов археологии по отношению к объектам реставрации.

НПД по сохранению археологических объектов разрабатывалась на основании проектных решений, зафиксированных в НПД на выполнение ремонтно-реставрационных работ на объектах реставрации, получившей положительное заключение государственной экспертизы и государственной историко-культурной экспертизы, согласованной государственным органом охраны объектов культурного наследия. Параметры предусмотренных НПД археологических раскрытий определялись на основании зафиксированных в НПД на проведение ремонтно-реставрационных работ объемах необходимых земляных работ (с учетом соблюдения методики археологических исследований и предотвращения нанесения ущерба объекту реставрации). Во избежание конфликтных ситуаций при разработке НПД были использованы схемы планируемых земляных раскрытий на объектах реставрации, дополнительно представленных КГКУ «Управление капитального строительства» (государственным заказчиком на выполнение ремонтно-реставрационных работ на объектах культурного наследия Енисейска, далее – КГКУ «УКС») (наличие схем зафиксировано в условиях технических заданий госконтрактов). Заказчиком на проведение комплекса мероприятий по обеспечению сохранности археологических объектов выступало министерство культуры Красноярского края.

На старте мероприятий программы конфликтная ситуация (завершившаяся судебными разбирательствами) образовалась на первом сдаточном объекте «Дом Дементьева, первая половина XIX в.» (ул. Диктатуры Пролетариата, 5). Подготовленный в ходе предварительного археологического обследования территории данного объекта (в рамках разработки НПД) отчет археологов был представлен проектировщиками (ОАО «Сибирский институт «Сибспецпроектреставрация») как самостоятельный раздел проекта, подрядчик на проведение ремонтно-реставрационных работ (ООО «Стройбыт 2000») не был уведомлен государственным заказчиком (КГКУ «УКС») о необходимости выполнения аварийно-спасательных раскопок и уничтожил культуросодержащие слои XVII–XIX вв.

В 2014–2015 гг. по заказу министерства культуры Красноярского края и КГКУ «УКС» подготовлен 21 комплект НПД на производство работ по обеспечению сохранности археологических объектов при проведении ремонтно-реставрационных работ на реставрируемых объектах.

Раздел по обеспечению сохранности такого археологического объекта, как «Енисейск. Енисейское городище», присутствует в научно-проектной документации по следующим объектам: «Усадьба Евсева, 1730 г.» (ул. Петровского, 11); «Дом Дементьевых, 1860 г.» (ул. Кирова, 80); «Дом Бородкина, 1861 г.» (ул. Рабоче-Крестьянская, 62); «Усадьба Баландина, середина XIX в.» (ул. Ленина, 103); «Дом, в котором в начале марта 1917 г. выступил на собрании Я. М. Свердлов, в мае 1917 г. проходили заседания большевиков Енисейского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» (ул. Ленина, 130); «Здание магазина Кытманова, конец XIX в.» (ул. Ленина, 130); «Дом Савельева, 1860–1870 гг.» (ул. Ленина, 95); «Дом, в котором в марте 1917 г. на собрании енисейских большевиков был избран городской комитет РСДРП(б)» (здание училища 1822–1824 гг., ул. Петровского, 9/ул. Бабкина, 1); «Дом Флеера, 1860 г.» (ул. Ленина, 101); «Дом жилой, XIX в.» (ул. Ленина, 106); «Дом Козицина, начало XX в.» (ул. Петровского, 1); «Церковь Иверской Богородицы, 1871–1872 гг.» (ул. Ленина, 100); «Дом Дементьева, 1820 г.» (ул. Ленина, 109); «Флигель Кобычева, 1837 г.» (ул. Горького, 6); «Дом Кытманова, вторая четверть XIX в.» (ул. Ленина, 105); «Здание, где в сентябре 1913 г. выступал во время сибирской экспедиции норвежский полярный исследователь Фритюф Нансен. Здесь в мужской гимназии в 1915–1917 гг. учился революционер»

большевик Лыткин Федор Матвеевич» (ул. Ленина, 120); «Типография Дементьева, 1890 г.» (ул. Петровского, 7); «Усадьба купца Кытманова, конец XIX в.» (ул. Кирова, 82).

Раздел по обеспечению сохранности археологических объектов «Енисейск. Енисейское городище» и «Енисейск. Стоянка Татарская» присутствует в НПД по объекту «Татарская мечеть, 1892 г.» (ул. Богграда, 41). Раздел НПД по обеспечению сохранности археологических объектов «Енисейск. Енисейское городище», «Енисейск. Стоянка Богоявленская», «Енисейск. Богоявленский некрополь» присутствует в НПД по объекту «Богоявленский собор, 1739–1750 гг.» (пер. Пожарный, 1). Раздел НПД по обеспечению сохранности археологических объектов «Енисейск. Енисейское городище», «Енисейск. Стоянка Троицкая», «Енисейск. Троицкий некрополь» присутствует в НПД по объекту «Троицкая церковь, 1772–1782 гг.» (ул. Перенсона, 34).

В 2015–2016 гг. в связи с изменениями проектных решений (связанными в основном с изменением местоположения сетей подземных коммуникаций) по девяти объектам реставрации выполнена корректировка разделов НПД на производство работ по обеспечению сохранности археологических объектов.

Осенью 2014 г. началась практическая реализация предусмотренных НПД мероприятий по обеспечению сохранности археологических объектов – полевых археологических работ (археологических раскопок и археологических наблюдений). Археологические исследования выполняются силами подрядных организаций, определенных на основании предусмотренных Федеральным законом № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» конкурсных процедур. Генподрядчиком выступает ООО «Красноярская Геоархеология». Работы ведутся круглогодично, практически без перерывов.

По состоянию на 1 января 2017 г. выполнены предусмотренные НПД (в том числе с учетом откорректированной НПД) археологические полевые работы (археологические раскопки и археологические наблюдения) на территории 14 объектов реставрации: «Усадьба Евсеева, 1730 г.»; «Дом Дементьевых, 1860 г.»; «Дом Бородкина, 1861 г.»; «Татарская мечеть, 1892 г.»; «Дом жилой, XIX в.»; «Дом Козицина, начало XX в.»; «Дом, в котором в начале марта 1917 г. выступил на собрании Я. М. Свердлов, в мае 1917 г. проходили заседания большевиков Енисейского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»; «Здание магазина Кытманова, конец XIX в.»; «Флигель Кобычева, 1837 г.»; «Дом, в котором в марте 1917 г. на собрании енисейских большевиков был избран городской комитет РСДРП(б)»; «Дом Флеера, 1860 г.»; «Дом Дементьева, 1820 г.»; «Церковь Иверской Богоматери, 1871–1872 гг.»; «Дом Савельева, 1860–1870 гг.».

В финальной стадии находятся работы на объектах «Троицкая церковь, 1772–1782 гг.» и «Богоявленский собор, 1739–1750 гг.». Стартовали работы на объекте «Дом Кытманова, вторая четверть XIX в.».

В связи с незначительными объемами запланированных на 2016 г. ремонтно-реставрационных работ (в части земляных работ) на объекте «Усадьба Баландина, середина XIX в.» в 2016 г. не удалось выполнить в полном объеме предусмотренные контрактом и зафиксированные НПД археологические раскрытия.

С конца 2016 г. ГККУ «УКС» выступает единым заказчиком на выполнение мероприятий госпрограммы в отношении реставрируемых объектов и археологических объектов.

В 2017 г. планируется приступить к ремонтно-реставрационным работам на следующих объектах: «Здание, где в сентябре 1913 г. выступал во время сибирской экспедиции норвежский полярный исследователь Фридьоф Нансен. Здесь в мужской гимназии в 1915–1917 гг. учился революционер-большевик Лыткин Федор Матвеевич»; «Типография Дементьева, 1890 г.»; «Усадьба купца Кытманова, конец XIX в.» и выполнению полевых археологических работ по обеспечению сохранности археологического объекта «Енисейск. Енисейское городище» на территории вышеперечисленных объектов.

Результаты проведенных в 2014–2016 гг. археологических исследований. Впервые зафиксированы остатки деревянных жилых построек периода становления Енисейского острога в первой половине XVII в. Обнаружены предметы, характеризующие быт и занятия первых русских поселенцев, редкие для нашего региона медные и серебряные монеты начала периода царствования династии Романовых, металлические изделия, покрытые полихромной эмалью, печные изразцы.

Впервые были получены сведения о натурном расположении, конструктивных особенностях и фортификационных возможностях оборонительных сооружений Енисейского острога (участки южной, западной, восточной тыновых стен, датирующихся XVII–XVIII вв.). На территории объекта «Богоявленский собор, 1738–1750 гг.» зафиксирована восточная тыновая стена острога, объектов «Дом Флеера, 1861 г.», «Дом Дементьева, 1820 г.» – южная тыновая стена, объекта «Дом, в котором в марте 1917 г. на собрании енисейских большевиков был избран городской комитет РСДРП(б)» – западная тыновая стена. Появление сведений о фактическом расположении оборонительной линии и ее особенностях дает возможность восстановления (музеефикации) части оборонительных сооружений в историческом ядре города.

На территории объекта «Богоявленский собор, 1738–1750 гг.» обнаружен казенный пороховой (зеленый) погреб острога, датирующийся 1630-ми гг. Погреб представлял собой трехчастный, вкопанный в землю сруб с каменным входом. Внутри конструкции собрана коллекция артефактов – пули, куски свинца. В настоящий момент погреб законсервирован с перспективой дальнейшей музеефикации (о пороховом погребе подробнее см. в настоящем сборнике статью Л. Л. Галухина, Д. Н. Лысенко, А. М. Сляднева, с. 67–74).

На основе полученных материалов разработан эскизный проект подземного музея археологии на базе сооружения, повторяющего конструкцию исторического погреба. Ближайшим аналогом данной конструкции, сохра-

нившей в более плохом состоянии, является погреб во дворце наместника в Тобольске (остатки которого легли в основу формирования отдельной экспозиции музея).

На территории объекта «Дом, в котором в марте 1917 г. на собрании енисейских большевиков был избран городской комитет РСДРП(б)» зафиксированы остатки строений комплекса Воеводского двора Енисейского острога. В настоящий момент на территории Сибири это единственная находка подобного сооружения. В ходе раскопок обнаружена представительная коллекция ювелирных изделий, украшенных перегородчатой эмалью, серия муравленых изразцов, многочисленные предметы снаряжения и вооружения.

Отдельно стоит отметить археологическое изучение комплекса объектов, связанных с именем месточтимого святого Даниила Ачинского на территории Иверского монастыря. Комплекс объединяет выявленные в ходе полевых археологических работ в 2013–2014 гг. археологизированные остатки деревянной постройки (кельи-землянки), в которой проживал и умер старец, и основание кирпичного храма-часовни, перестроенной в 1892 г. над могилой старца и разрушенной в 1920 г. В разграбленной могиле старца были зафиксированы следы обрядовых манипуляций (уложена икона и поставлены свечи в траншею, вырытую над могилой). На дне разрушенной могильной ямы собран антропологический материал, возможно имеющий отношение к погребению старца Даниила (подробнее см. в настоящем сборнике статью Д. Н. Лысенко, Л. Л. Галухина, с. 78–84).

В 2015–2016 гг. отдельной темой исследований являлось изучение погребальных комплексов, попадающих в зону прокладки коммуникаций, строительства и благоустройства. Проведение этих работ без охранно-спасательных работ привело бы к уничтожению захоронений. По состоянию на 1 января 2017 г. на территории объекта «Богоявленский собор, 1738–1750 гг.» исследовано 682 захоронения Богоявленского некрополя, относящиеся к различным периодам функционирования кладбища. Изучены как захоронения XVII в. первых жителей острога, так и погребения церковных иерархов в склепах, попадающих под срезку грунта при благоустройстве территории, обнаружена братская могила периода Гражданской войны.

На территории объекта «Троицкая церковь, 1772–1782 гг.» исследовано 769 захоронений конца XVII – середины XVIII вв. Троицкого некрополя. После палеоантропологических исследований останки будут перезахоронены на территории храмов.

В рамках реализации госпрограммы разработаны *предложения по музеефикации* зафиксированных археологизированных комплексов:

1. Музеефикация (с воссозданием) обнаруженной в ходе раскопок на объекте «Богоявленский собор, 1738–1750 гг.» подземной срубной конструкции с кирпичным арочным входом (погреб для хранения казенных припасов Енисейского острога). Реализация проекта даст уникальную возможность создать не имеющее аналогов за Уральским хребтом выставочное пространство (подземный музей русской археологии Енисейска), наглядно иллюстрирующее период освоения Российским государством Восточной Сибири и Дальнего Востока.

2. Музеефикация (с элементами исторической реконструкции) участка оборонительных сооружений Енисейского острога (строительство угловой башни и участка деревянного тына на пересечении улиц Ленина и Бабкина). Реализация проекта позволит организовать в Енисейске рекреационное пространство, привлекательное с точки зрения проведения культурно-массовых мероприятий (с перспективой дальнейшего развития) с элементами исторической реконструкции.

3. Музеефикация археологизированных конструкций кельи и часовни Даниила Ачинского. Обнаружение важных для православной общественности мест и остатков строений, связанных с именем немногочисленных сибирских святых, создают дополнительные возможности для реализации туристического потенциала города.

Тарасов А. Ю. Археологические исследования в г. Енисейске // Современные проблемы археологии России (Материалы Всероссийского археологического съезда). – Новосибирск, 2006. – С. 244–246.

Тарасов А. Ю. Сохранение объектов археологического наследия на территории г. Енисейска // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань, 2014. – Т. IV. – С. 418–421.

A. Y. Tarasov

State Cultural Heritage Protection Office in Krasnoyarsk Region

**THE PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE IN YENISEYSK WITHIN
THE FRAMEWORK OF THE SUBPROGRAM “PREPARATION TO THE 400 ANNIVERSARY
OF YENISEYSK CITY IN 2019” OF THE STATE KRASNOYARSK REGION PROGRAM
“DEVELOPMENT OF CULTURE AND TOURISM”**

The publication describes the procedure of organization and preliminary results of the state cultural heritage protection bodies' in Krasnoyarsk region complex approach to the organization of the ensuring archeological objects' safety measures during the cultural heritage protection work, on

the repair-restoration activity stage, within the framework of “Development of Culture and Tourism”, “Preparation to the 400 anniversary of Yeniseysk City in 2019” program’s realization in Krasnoyarsk region.

Keywords: Yeniseysk, 400 anniversary, Yeniseyskiy ostrog, Yeniseyskoye gorodishe, Bogoyavlenskiy necropolis, Bogoyavlenskaya Cathedral, Troitskaya Church, Troitskiy necropolis, Saint Daniil Achinskiy.

УДК39+72.03(571.5)+94

А. Ю. Майничева

Институт археологии и этнографии СО РАН,

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусства

АРХИТЕКТУРА ЕНИСЕЙСКА – КУЛЬТУРНОЕ ДОСТОЯНИЕ РОССИИ

На примере 16 описаний деревянных жилых домов рассмотрена роль рядовой застройки в структуре Енисейска, который является историческим городом федерального значения, сохранившим сложившуюся градостроительную структуру и большое количество ценных архитектурных сооружений. Описания показали, что в элементах украшения наличников существуют повторяющиеся элементы, есть и прямые реплики объемно-пространственных решений, которые создают не только материальный, конструктивный, но и обеспечивающий единство застройки символично-образный фон, разрушение которого может привести к дисгармонии в восприятии города. Чувство соразмерности городской среды человеку и психологическая комфортность пребывания в городе достигаются средствами архитектуры, значимую роль играет рядовая застройка.

Ключевые слова: объекты культурного наследия, рядовая застройка, Енисейск, Сибирь XVII–XVIII вв.

Енисейск, основанный в начале XVII в. как русское военно-административное поселение на главном направлении освоения Восточной Сибири, в настоящее время можно отнести к малым городам России, поскольку его численность не достигает даже 20 000 чел. Вместе с тем город имеет богатое прошлое, он переживал взлеты и падения, с его именем связаны судьбы многих значимых для истории страны личностей. Сохранилась значительная часть застройки исторической части города, что позволило включить его в российский перечень исторических поселений федерального значения и в предварительный список Всемирного наследия ЮНЕСКО. В городе выявлено и поставлено на государственный учет более 110 сооружений, недвижимых объектов культурного наследия различного значения. Нет никаких сомнений, что все они составляют неоценимое культурное достояние России. При этом в Енисейске, как и в прочих сибирских городах, фиксируется значительное число не включенных в списки охраняемых жилых и хозяйственных построек, достопримечательных мест, ансамблей жилой, общественной и культовой застройки, которые имеют признаки объектов культурного наследия. В 2009–2010 гг. совместно со специалистами Сибирского федерального университета В. С. Мыгланом и З. Ю. Жарниковым автор этих строк принимала участие в обследовании исторических зданий Енисейска. В статье вводятся в научный оборот ранее не публиковавшиеся описания некоторых деревянных жилых домов, выполненные в краткой форме с выделением особенностей здания, которые придают им историческую или художественную ценность, и предлагаются основные подходы к сохранению объектов рядовой застройки (фотографии З. Ю. Жарникова, 2009 г., с. 26).

Дом по ул. Бабкина, 9. Сложный в плане двухэтажный бревенчатый дом с перерубами и пристройкой. На основном объеме – кровля четырехскатная, на пристройке – двускатная с фронтоном. Всё здание обведено широким простым карнизом без резьбы, характерным для рядовой застройки небольших сибирских городов. Здание имеет многочисленные окна большого размера, вытянутые по вертикали. Каждому окну нижнего этажа соответствует окно второго этажа. На одном из боковых фасадов окна сдвоенные. Ставни двустворчатые, поставлены только на окнах нижнего этажа. Наличники выполнены в стилистике накладной резьбы с барочными элементами. Часть окон заменена на пластиковые.

Дом по ул. Кирова, 70. Оригинальный городской купеческий дом, двухэтажный, срубный с прирубом, покрыт тесовой обшивкой, создающей облик здания «под каменное дело». Аналоги можно найти в других сибирских поселениях, например в г. Таре и селах Братского района Иркутской области. Есть его аналог и в Енисейске, который выполнен в кирпиче, – жилой дом с магазином усадьбы Захарова, расположенный на ул. Ленина (рис. 1, 2, с. 26). Обращает на себя внимание, что здания имеют совпадающее архитектурно-планировочное решение. Кровля четырех-

скатная на основном объеме и сложная с фронтоном на прирубке. Углы сруба выделены обшивкой, имитирующей пилястры. Карниз широкий, с фигурными элементами. Вход расположен на главном фасаде, над ним односкатная крыша, покоящаяся на полукруглых кронштейнах, распространенных в постройках Иркутска. На главном фасаде расположено два ряда окон – первого и второго этажа. Окна второго этажа украшены наличниками, выполненными с элементами стилистики классицизма и барокко. На втором этаже пристройки расположены нарядные окна с полуциркульным завершением и фигурными импостами. Отопление печное. Находится в охранной зоне.

Дом по ул. Кирова, 75. Двухэтажный массивный бревенчатый дом с перерубом и двухэтажной пристройкой из бруса. Фундамент каменный. На основном объеме кровля четырехскатная, с широким карнизом. Окна нижнего этажа с двустворчатыми ставнями. Наличники имеют высокую «корону» (верхнюю часть) с оригинальным фигурным завершением городками. Отопление печное.

Дом по ул. Кирова, 76. Невысокое одноэтажное бревенчатое жилое строение с двускатной кровлей. На фронтоне расположено чердачное окно-продух с полуциркульным завершением и декоративными элементами-накладками в форме лучей. Три окна большого размера имеют двустворчатые ставни и наличники с простой накладной резьбой. Фундамент кирпичный, в нижнем венце сруба сделаны продухи. По уличной стороне усадьба имеет типичную ограду, выполненную из досок «взаплот», ворота и калитку на фигурных в верхней части верях. Отопление печное. Находится в охранной зоне.

Дом по ул. Кирова, 78. Одноэтажный жилой дом под четырехскатной крышей. Строение глубоко ушло в землю. На уличном фасаде расположено три окна с нарядными белыми наличниками и двустворчатыми ставнями. Наличники выполнены в технике накладной и пропиленной резьбы с оригинальным тонким и замысловатым рисунком. Отопление печное. В усадьбу ведут массивные ворота с боковой калиткой. Верей в верхней части соединены решетками с косым расположением планок.

Дом по ул. Кирова, 93. Одноэтажный срубный жилой дом под четырехскатной кровлей с широким карнизом. На главном фасаде расположено четыре окна с двустворчатыми ставнями и барочными наличниками, у которых «короны» и подкарнизные доски являются одинаковыми элементами, но расположены зеркально, что в других регионах встречается редко. Два окна заменены на пластиковые, но сохранено традиционное обрамление проемов. Отопление печное.

Дом по ул. Ленина, 66. Одноэтажный бревенчатый жилой дом с перерубом под четырехскатной крышей с широким простым карнизом. Окна с двустворчатыми ставнями и наличниками. Резьба накладная и профильная с барочными элементами – розетками, флористическими мотивами. На «короне» имеются городки. Фундамент кирпичный, с завалинкой.

Дом по ул. Ленина, 74. Бревенчатый жилой дом с цокольным этажом и пристройкой под двускатной кровлей. Украшением строения является четырехскатная крыша с треугольным фронтоном над центральной частью уличного фасада, оригинальный широкий карниз, выполненный с большим мастерством в технике пропиленной резьбы, а также наличники, в резьбе которых угадывается сочетание растительных мотивов с элементами классицизма. Особенно необычна «корона» с фигурными урнами по бокам центральной части в форме «портала» с полуциркульными завершениями со звездочкой.

Дом по ул. Ленина, 76. Одноэтажный жилой дом с оформлением фасада «под каменное дело» с двускатной кровлей. Фронтон содержит небольшое полуциркульное окно-продух, от которого лучами расходятся доски. Углы сруба забраны фигурными накладками криволинейной формы. Три окна уличного фасада имеют двустворчатые филенчатые ставни и наличники с высокой « короной » с волнообразными городками, сходящимися к центральному элементу в форме сердца.

Дом по ул. Ленина, 78. Одноэтажный бревенчатый жилой дом. Выделяют усадьбу массивные ворота с калиткой, оригинально украшенной накладной резьбой с центральной розеткой.

Дом по ул. Ленина, 80. Одноэтажный жилой дом на высоком кирпичном фундаменте с продухами под четырехскатной крышей, обведенной широким простым карнизом и входной пристройкой, в которую ведет дверь с улицы под двускатной кровлей, крепящейся на криволинейных кронштейнах, встречающихся в постройках Иркутска. Здание выделяет ряд тесно поставленных оконных проемов, обрамленных двустворчатыми филенчатыми ставнями и наличниками с высокой фигурной « короной », выполненной в барочной стилистике. Отличают здание уникальные лобаны наличников, на которых расположены резные объемные личины, по легенде имеющие портретное сходство с хозяином, построившим дом.

Дом по ул. Ленина, 82. Отличают здание наличники, выполненные в ушедшей в XX в. в прошлое технике глубокой резьбы с флористическими мотивами на окнах первого этажа, с барочными волютами на окнах второго этажа. Последний мотив повторяет уже отмеченный случай на строении по ул. Кирова, 93, а также домах по улицам Ленина, 91, 131, 140, Патризанской, 8, Рабоче-Крестьянской, 9.

Дом по ул. Ленина, 87. Это бревенчатый одноэтажный дом с перерубом и входной пристройкой на высоком кирпичном цоколе. Крыша дома четырехскатная, с широким карнизом. На уличном фасаде расположено пять окон с наличниками, которые выполнены в технике накладной пропиленной резьбы, с высокой « короной ». Барочные элементы, волюты и розетки, дополняются растительными мотивами. Два окна были заменены пластиковыми, однако традиционное обрамление окон при этом сохранилось.

Дом по ул. Рабоче-Крестьянской, 70. Бревенчатый дом с перерубом по длинной стороне, с кирпичным цокольным этажом под двускатной кровлей. Фронтон забран горизонтальными досками с полуциркульным окном-продухом, украшенным по периметру накладными элементами. Крыша обведена широким карнизом. На уличном фасаде располагается четыре окна с двухстворчатыми филенчатыми ставнями и наличниками, украшенными накладной резьбой с растительными мотивами. Забор усадьбы выполнен из толстых досок «взаплот».

Дом по ул. Рабоче-Крестьянской, 90. Одноэтажный бревенчатый жилой дом под четырехскатной кровлей. Крыша обведена многоярусным карнизом с пропиленной резьбой. Углы сруба забраны накладными профилированными пилястрами. Три окна на уличном фасаде имеют полуциркульное завершение, двухстворчатые филенчатые ставни, повторяющие форму окна. Наличники нарядные, выполнены в технике пропиленной и накладной резьбы с элементами барочного стиля, волютами и розетками. Верхняя часть волнот украшена резными зубчиками, хорошо сочетающимися с резьбой карниза.

Дом по ул. Рабоче-Крестьянской, 92. Приземистый одноэтажный бревенчатый дом на кирпичном фундаменте. Отличительной особенностью постройки является оригинальное резное украшение фронтона, полностью его закрывающее, широкий резной карниз, резная накладная подкровельная доска, а также окна с полуциркульным завершением, двухстворчатые филенчатые ставни, наличники с пропиленной и накладной резьбой (рис. 3).

Рис. 1. Дом по ул. Кирова, 70

Рис. 2. Дом по ул. Ленина, 97

Рис. 3. Дом по ул. Рабоче-Крестьянской, 92

Дом по ул. Рабоче-Крестьянской, 100. Одноэтажный бревенчатый дом «со связью» на кирпичном фундаменте выделяется карнизом с резными декоративными кронштейнами, украшенными солярными знаками, и широкой подкровельной доской. Окна имеют двухстворчатые филенчатые ставни и красивую «корону» с волютами, розетками и зубчиками. Похожие наличники на окнах домов по ул. Ванеева, 6, 7.

Приведенные описания касаются лишь некоторых деревянных жилых зданий, составляющих рядовую застройку, намеренно упущены здания, являющиеся памятниками архитектуры. Но в городе много и каменных зданий, что выделяет Енисейск среди других малых исторических поселений, имеется и большое число церковных, административных, хозяйственных сооружений, многие из которых поставлены на государственную охрану. Необходимость сохранения уникальных памятников архитектуры очевидна. Но насколько оправдано легкое решение сноса зданий из рядовой застройки как больших, так и малых городов? Чтобы ответить на этот вопрос,

нужно рассмотреть значимость фоновой застройки, ее роль в исторически сложившейся структуре поселения. Следует признать, что для малого города снос любого строения является значительной потерей, поэтому необходимо выработать научные подходы для обоснования сохранения или уничтожения сооружения. Видимо, основным должно стать изучение историко-культурного наследия малых городов, как их современного состояния, так и исторического прошлого, что обусловлено несколькими причинами. Во-первых, значительная часть городов многих стран прошла стадию малого города, что может свидетельствовать об общности процессов урбанизации. Во-вторых, до сегодняшнего дня во многих странах мира малые города составляют значительную часть поселений городского типа. В-третьих, в последнее время в странах Европы наблюдаются изменения направления миграций населения из мегаполисов в малые и средние города. Ко второй половине XIX в. в Сибири сформировалась городская сеть с преобладанием в ней малых городов, ход развития которых в XX в. подвергся трансформационным процессам, характерным для современности. Решающими факторами необходимости оценки историко-культурного наследия в области архитектуры поселений городского типа, расположенных в северных сибирских территориях, являются разворачивание современной застройки в исторических поселениях, недостаточная изученность традиционного зодчества сибирского Севера, обусловленная отдаленностью населенных мест от научных центров, планы по разворачиванию туристической деятельности внутри страны, появление и распространение новых требований к комфорту жилищ.

На основе выявленных особенностей рядовой застройки, не только визуальных, но и смысловых и знаковых, ее соотношения с уникальными зданиями можно принимать решение о ее сохранении или сносе. Описания жилых домов Енисейска показали, что в элементах украшения наличников существуют повторяющиеся элементы, есть и прямые реплики объемно-пространственных решений, которые создают не только материальный, конструктивный, но и обеспечивающий единство застройки символично-образный фон, разрушение которого может привести к дисгармонии в восприятии города. Чувство соразмерности городской среды человеку и психологическая комфортность пребывания в городе достигается средствами архитектуры, что можно проанализировать согласно значимым критериям, которыми, например, являются историческая ретроспектива градостроительной ситуации, размещение и стилевые дефиниции вертикальных доминант города, морфологические и стилевые особенности гражданской застройки, наличие и расположение природных достопримечательных мест. Как было уже показано [Майничева, 2012], всё это составляет культурный потенциал города, в котором рядовая застройка играет существенную роль. На основании предложенного подхода можно заключить, что Енисейск является памятником градостроительства, сохранившим черты традиционной для русских поселений XVII–XIX вв. объемно-пространственной модели, в которой сохраняются основные компоненты художественного образа города, включая пространство Енисея и его притоков, а также исторической рядовой застройки. Архитектура Енисейска – это культурное достояние России, поэтому в настоящее время стоит задача сохранения основных градостроительных качеств территории, что предполагает консервацию планировочной структуры, композиционных узлов, градоформирующего значения доминант, визуальных и ландшафтно-композиционных связей. Новая застройка в пределах исторического ядра должна гармонично вписываться в существующую среду.

Майничева А. Ю. Недвижимые объекты культурного наследия сибирских городов в аспекте концепции культурного капитала (на примере Енисейска) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2012. – № 1. – С. 43–58.

A. Y. Mainicheva

*Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS, Novosibirsk,
Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts*

THE ARCHITECTURE OF YENISEISK IS A CULTURAL HERITAGE OF RUSSIA

The article considers the role of ordinary buildings in the structure of the city of Yeniseisk, which is the historical city of Russian Federal significance, it has retained the existing urban structure and a large number of valuable architectural structures. Descriptions of houses showed that the elements of decoration of buildings have repetitive elements, a direct replica of the spatial solutions exist that create not only material, constructive, but also the character-shaped background, ensuring the unity of development, the destruction of which can lead to disharmony in the perception of the city. The sense of proportionality of the urban environment human and psychological comfort of the city are achieved by means of architecture, ordinary buildings play a significant role in the process.

Keywords: cultural heritage, ordinary buildings, Yeniseisk, Siberia of 17–18th centuries.

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ ЕНИСЕЙСКА: ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ И ТЕОРИИ

Культурный слой – одно из основополагающих понятий в изучении археологических памятников. В 2013–2014 гг. производились работы по уточнению археологической стратиграфии культурного слоя Енисейского городища. На восьми пунктах наблюдений в исторической части города был обследован 31 разрез. Посредством литолого-фациального анализа предварительно установлены основные структурные элементы городского стратиграфического профиля. Полученные данные способствовали формированию относительно хронологической схемы дифференциации отложений, вмещающих культурные остатки, которые характеризуют основные этапы четырехсотлетней истории градоустройства.

Ключевые слова: культурный слой, горизонт, сооружение, ярус, комплекс, относительная хронология, стратиграфия.

Введение. Некоторые методологические предпосылки. Выдающийся исследователь городского слоя В. И. Равдоникас писал, что «главная ценность археологических источников в их точности, объективности и сугубой конкретности...» [1949, с. 47]. События прошлого «документируются» в археологическом культурном слое. В различных отраслях современной отечественной археологии и на разнотипных памятниках под культурным слоем понимается совокупность погребенных артефактов, связанных структурным и технологическим единством, заключенным в определенный литолого-фациальный объем с выраженными границами [Авдусин, 1980, с. 24–31; Амирханов, 2000, с. 43]. Интерполируя крайние точки зрения в формулировке проблемы, обозначаются три уровня обобщений. А) По «условиям обнаружения» культурный слой непременно связан со вмещающими отложениями, которые имеют определенные пространственные границы [Клейн, 1978, с. 98]. Б) В практическом смысле культурный слой определяется как «слой в земле или под водой, содержащий следы существования человека, время возникновения которых превышает 100 лет, и включающий археологические предметы» [Положение о порядке..., 2013, с. 4]. В) На абстрактно теоретическом уровне культурный слой соответствует понятию «матрицы» – «физической среды, которая окружает, вмещает или поддерживает археологические данные» [Классификация в археологии, 2013, с. 12]. Идентификация горизонтальных и латеральных границ слоя обеспечивает надежность «стратиграфических привязок» артефакта, структурированного объекта или комплекса и таким образом способствует пространственно-временной «паспортизации» события. Являясь сложносоставной системой, культурный слой вмещает в себя комплекс разнородных компонентов гуманитарной и естественной природы (рис. 1).

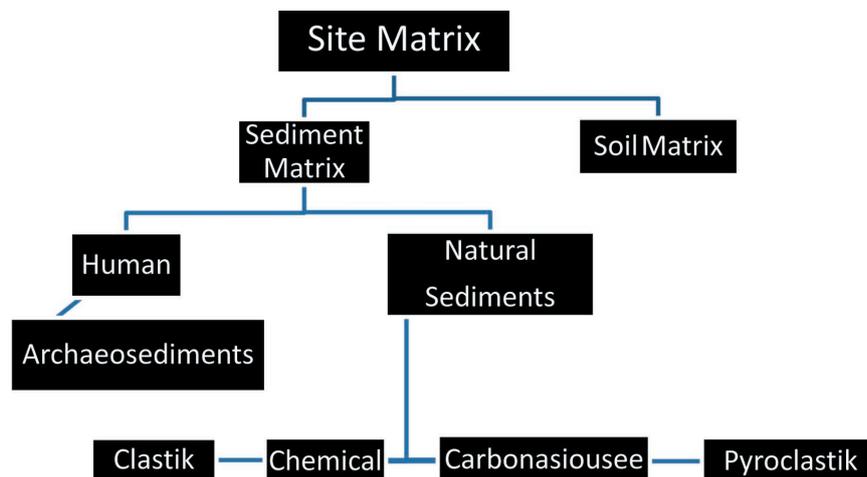

Рис. 1. Составная схема матрицы* археологического памятника
(по: [Waters, 1992, p. 15, 17])

* Понятие «матрица» археологического памятника в отечественной науке широко не используется, но иерархия дефиниции весьма близко описывает общепризнанное представление о «культурном слое». Процессы осадконакопления и почвообразования протекают параллельно. Человек оставляет культурные (техногенные) осадки в составе отдельных и объектно-структурированных предметов хозяйственной деятельности, а продукты естественного осадконакопления являются их «носителем» и/или наполнителем.

© Мещерин М. Н., 2017

Методические основы. С раскопками средневекового городского слоя Новгорода сформировалась методика, при которой за элементарную единицу стратиграфического подразделения археологического разреза стал признаваться «строительный ярус» как эквивалент культурного слоя, точнее его прослойки [Арциховский, 1956, с. 16; 1959, с. 111; Колчин, 1956, с. 49; 1962, с. 127], за которым закрепилась функция синхронизации построек. Отложения каждого нового яруса маркируются деревянными настилами, за пределами которых археологические раскрития производятся по «условным горизонтам». Каждый из пластов вскрытия обычно лимитируется штыком лопаты и «сообщает» совокупности находок «вертикальную координату» [Арциховский, 1956, с. 16–17, 1959, с. 109–110]. Адекватное соотнесение археологических горизонтов с руинированными архитектурно-археологическими объектами обеспечивает стратиграфическое восприятие культурных напластований [Pannonopt, 1983, с. 72].

В стратиграфии Енисейска принято различать горизонты, обусловленные техникой вскрытия культуросодержащей толщи, и многократные наслоения различных строительных событий. Логическая цепочка соподчиненных понятий позволяет выстроить иерархию объектов исследования следующим образом: строение (или синстадиальный комплекс) – ярус (или пачка ярусов) – горизонт. Горизонты, как наиболее крупные подразделения предложенной системы, дифференцируются с учетом характера заполнения и структуры породы, сохранности органического материала, наличия следов пожара и земельных выемок, нивелировочных отметок, соотношения в комплексах датирующего археологического материала. Данная схема, отработанная в Старой Ладогe [Кузьмин, 1997, с. 344–346], позволяет проводить общие относительно хронологические построения по стратиграфическому принципу.

Строения и синстадиальные комплексы отнесены к категории «сооружений» – важнейших и наиболее информативных структурных элементов культурного слоя [Авдусин, 1980, с. 37–40]. В Енисейске самым ранним из достоверно зафиксированных стратиграфическим методом сооружений является фрагмент острожного ограждения в виде бревенчатого частокола, обнаруженный на максимально высоких отметках енисейской набережной (относительные высоты 9–12 м), в песчаных наносах, формирующих прирусловый вал, который перекрывает отложения первой надпойменной террасы и высокой поймы Енисея. Ниже этого горизонта покоится толща, не терпящая техногенного влияния.

Стратиграфия и «вещеведение». В середине XX в. существенным изъяном в «ярусной стратиграфии» считалось отсутствие надежных «хронологических реперов» и «естественной ритмичности», которые позволяли бы коррелировать материалы раскопок с «конкретно историческими» летописно фиксированными событиями [Рыбаков, 1959, с. 103–104]. В качестве руководящего инструмента идентификации «при хронологизации вещей из культурного слоя» было предложено рассматривать «статистико-типологический метод» и метод «тождественности» – поиск изделий, выполненных «одной рукой», названный у П. П. Ефименко методами «культурной стратиграфии» [Рыбаков, 1948, с. 28]. Таким образом, формируется альтернативный подход в изучении урбаногенного слоя, при котором базовой ячейкой научного аппарата признается «комплекс», состоящий из совокупности надежно диагностируемых артефактов, обладающих признаками типологической однородности. Как правило, таковыми признаются продукты керамического производства. Относительно археологической стратификации материалов типолого-статистический (или градационно-типологический [Клейн, 2015, с. 198–209]) метод демонстрирует процедуру исследования от противного: «характер культурного слоя» обеспечивается присутствием руководящих морфотипов, которые обслуживаются, главным образом, особыми статистическими циклами типологических расчетов [Там же, с. 199–202]. Такая метода позволяет выявить «правильные» – которые формируются непосредственно на участках обитания и «неправильные» – мусорные слои. «Несоответствие между датировками и стратиграфическими данными могут быть использованы как указания на перемешанность слоя» [Каменецкий, 1978, с. 88–91].

В ракурсе изложенной парадигмы реально существующий слой, содержащий археологические материалы, разрушается в процессе раскопок как природно-историческая данность литосферы. Выложенные на рабочий стол исследователя артефакты, полученные в ходе экскаваций, ассоциируются по «комплексам», классифицируются и анализируются на предмет стратиграфической «полноценности». Нетрудно заметить, что в описываемой последовательности звено под названием «культурный слой» является пассивным свидетелем компетенции исследователя. В данном случае слой перестает быть литосферной категорией, а становится совокупностью предметов, занимающих определенную позицию в разрезе, типологически выраженных, хронологически и культурно диагностичных.

Подобные методические принципы эффективно применяются при изучении памятников древнейших отделов палеолита с заведомо разрушенным культурным слоем. Для препарирования енисейского городского слоя такая методика не актуальна, поскольку отдельные технологические связи археологического материала отслеживаются в определенных стратиграфических последовательностях и подлежат различению по условиям генотипов вмещающей породы, детерминированных актами общей периодизации событий.

Например, опыт вскрытия культурных напластований «грунтового», относительно гомогенного культурного слоя раннесредневекового городища Старой Рязани вроде бы позволяет в большей мере полагаться на статистическую однородность материала. Типовая стратиграфическая колонка представлена тремя основными стратонами: I – «пахотный» слой, II – «однородный культурный слой», III – «материк». Первый слой формируют

результаты позднейшей полной или частичной деструкции культурного слоя. Слой II содержит культурные накопления и мелкоземное заполнение в «инситном» залегании. Формирование «материкового слоя» не связано с урбаногенными факторами, хотя последние оставили на нем свой след в виде углубленных элементов конструкций. Даже в такой ситуации, по мнению исследователей, безапелляционная датировка сооружений по находкам затруднительна, стратиграфическая картина неясная, но остается единственное решение: «...соблюдать общее для всех раскопок правило: копать не торопясь, чаще применять ножи и кисти, чем лопаты, больше наблюдать» [Монгайт, 1955, с. 13–14].

Маркирующей единицей античного памятника является «дневная поверхность», которая легко определяется при наличии искусственных участков ландшафта [Блаватский, 1967, с. 12, 29]. Благодаря установленным поверхностям стабилизации, как правило, «непочвенного» генезиса, сооружения синхронизируются с учетом обстоятельств архитектурной основательности, сроков бытования и т. п. «Дневные поверхности» в городской планировке Енисейска прослеживаются в наличии настилов надворных прослоек и тротуаров, а также маркируются уровнями заложения полуземляных или подземных сооружений.

Среднестатистический культурный слой обычно претерпевает этапы своего развития от зачатков бытования комплекса на поверхности стабилизации ландшафта к прекращению нормального функционирования и трансформации любого сооружения, а также последующие за ними следы рекультивации и утилизации уцелевших строительных материалов. В ранге ископаемой субстанции слой по аналогии с палеонтологическими понятиями тафономии оказывается в среде постдепозитных изменений [Деревянко и др., 1994, с. 69]. Поэтому представление о слое как о «земле с разными примесями и предметами, а также их обломками, появившимися в результате длительной жизни людей на данном месте» [Блаватский, 1961, с. 39] в условиях современной науки, как минимум, недостаточно полно, а в ряде случаев недопустимо упрощенно.

Культурный слой Енисейска в реалиях существующего современного города физически невозможно охватить полностью. Ранние техногенные наносы почти всегда в той или иной мере деформируются дальнейшими эпизодами хозяйственного освоения площадей. Поэтому археологический слой на территории города прослеживается дискретно. Обычны факты «несогласия» осадконакопления, при которых хронологически ранние городские строения оказываются «вросшими» в перекрывающий уровень культурного слоя и формально «переиспользовались» в дальнейшие периоды. Повсеместно фиксируются техногенные локальные внедрения из вышележащих уровней, ключевыми морфопризнаками которых служат маркированный уровень заложения и седиментационные характеристики заполнения.

Неясные или постепенные границы между горизонтальными наслоениями, как правило, свидетельствуют о медленной смене культурно-исторических событий в относительно протяженные хронологические промежутки. Серийная динамическая изменчивость границ говорит о цикличности процессов на относительно компактном временном отрезке.

Инженерно-геологический ракурс. Изучение свойств «заполнителя» – «культуровмещающей породы» обеспечивает объем информации об условиях функционирования и захоронения антропогенных остатков [Руководство по изучению..., 2000, с. 4], позволяет рассматривать культурные отложения как результат техногенных процессов. Техногенными называются грунты, отложенные или измененные процессами неприродного происхождения [Шанцер, 1966, с. 67–68]. Интенсивность техногенной депрессии и постдепозитные изменения, обусловленные длительностью ископаемого состояния, оказывают соразмерное влияние на мощность слоя. Степень взаимодействия человека и литопедосферы, а следовательно, основные характеристики слоя зависят от фоновых природно-климатических условий [Каздым, 2014, с. 54–61]. Основными характеристиками техногенного слоя признаются значительная скорость осадконакопления, слабая естественная «литофицированность», высокая неоднородность грунтов, структуризация и послойная дифференциация отложений по историческим признакам. Насыщение слоя фрагментами характерных технологически значимых остатков литогенных и органогенных строительных материалов расширяет возможности стратификации по вспомогательным признакам. Техногенные примеси допускают изменения окраса, механико-гранулометрических показателей литологических разностей вмещающей породы. Замечено, что с расширением каменного строительства вырастает дебет минерального вещества, повышается эффективность дренажных систем. В ряде случаев возникает возможность дифференциации «органогенной» и «литогенной» фации в составе культурного слоя. Нижняя, «органогенная» фация (в новгородском лексиконе – «мокрый слой») характеризуется повышенной кислотностью, меньшей плотностью, оглеенностью, высокой обводненностью и очень низкой микробиологической активностью, в результате чего хорошо сохраняется органическое вещество и другие материалы. Верхняя фация – «литогенная», за счет рыхлой упаковки минеральных компонентов пористая (подвержена естественной аэрации), что способствует разрушению органического вещества. Также она обогащена карбонатами и различными солями, и в ней формируется агрессивная карбонатно-щелочная среда [Долгих, Александровский, 2010, с. 522–524], влияющая на сохранность артефактов.

По материалам наблюдений в Свято-Троице Сергиевой лавре, техногенная толща существенно корректирует условия гидрорежима грунтов, а «бронирование» городского слоя асфальтовым покрытием увеличило водонасыщение погребенного рыхлого осадка на 20–50 % и более за счет конденсата [Дмитриев, Выборнов, 2002, с. 31]. Почвенно-грунтоведческие изыскания позволяют рассматривать в органичном единстве не только так называемую

«дневную поверхность» – своеобразный «деятельный» слой в культурно-историческом смысле, но и погребенную часть культурных отложений, на текущий момент ископаемых, уже вовлеченных в диагенез. При этом важно представлять, что «глубокопочвенные» и «диагенетические» процессы не оказывают влияния на хронологию поверхностей стабилизации и никак не могут воздействовать на этнические, культурные, хозяйственные и прочие характеристики обитателей этих поверхностей.

Выводы. Историко-градостроительная периодизация и культурный слой. Стратификация Енисейска представляет собой своеобразную историческую «многоэтажку» с относительной хронологической последовательностью. Согласно основным этапам градостроительства [Енисейск..., 2015, с. 5–6], выделены несколько стратон, маркирующих определенные события или предположительно соответствующих им (нумерация снизу):

I. Горизонт первоначального освоения (ПО) выявлен в центральной части города в прямоугольнике, ограниченном набережной – на севере, р. Мельничной (ул. Горького) на востоке, пересыхающей р. Скородум (ул. Фелова) на юге и канавой-ручьем по ул. Дмитрова. Литологически горизонт представлен суглинисто-супесчаной гумусированной прослойкой различной мощности серовато-черного цвета. В низинных участках территории, зафиксированных в пунктах по ул. Ленина, горизонт ПО оглеен, влагоемок. На верховых участках, расположенных по гриве прируслового вала, горизонт ПО имеет песчаную основу. В большинстве случаев данный слой претерпел агрогенные деформации. Его нижняя и верхняя границы в типичном залегании резкие. Ряд вскрытий вдоль ул. Ленина у здания Музея (дом Захарова) указывает на техногенную депрессию горизонта ПО, которая возникла, скорее всего, в результате грязевого «растаскивания» слоя на участках проезжей части некогда функционировавшей здесь дороги. По прирусловому валу у фронтальной бровки енисейской террасы (дом Козицына, дом Евсеева, Богоявленский собор) наблюдаются местные линейные размывы горизонта ПО в результате пролювиально-аллювиальных процессов. Надежно отнесена к слою ПО частокольная конструкция в отложениях прируслового вала. В периферийной зоне рубленого Енисейска у Троицкой церкви горизонт первоначального освоения менее выразителен – маломощный и слабее окрашен, хотя почвообразующей основой там так же, как и на прирусловом вале, являются сухие пески.

II. Горизонт раннего городского строительства (РГС), сильно гумусированный, темно-коричневого (бурого) цвета, сложен супесчано-суглинистой породой, перенасыщен органикой: унавоженным грунтом разной плотности, а местами отмечен сплошным выстиланием щепой и берестой. Обломочные строительные материалы в виде раскисшей кирпичной крошки, отдельные куски дикого камня местных пород в слое встречаются редко.

III. Горизонт каменного строительства (КС) характеризуется разнозернистыми осадками с высокой долей присутствия битого кирпича, строительного камня, известковых растворов, распространением привозных грунтов, очевидно, строительного назначения (гравийно-галечной смесью, песком). Горизонт КС, по-видимому, должен синхронизироваться со временем возведения каменных культовых сооружений и распространением первых кирпичных домашних печей.

IV. Горизонт массового кирпичного строительства XIX–XX вв. (МКС) с использованием цементных смесей достаточно надежно маркируется по основаниям, уровням заложения фундаментов существующих ныне и достоверно изученных строений.

Наряду с основными четырьмя стратонами археологической стратиграфии Енисейска выделены вспомогательные маркирующие горизонты. К таковым отнесены, например, следы пожаров. В разрезе они представлены концентрацией пирогенного материала, линзами прокаленного грунта, линзами эвакуации слепожарного мусора и рекультивации территории. Коррелировать археологические свидетельства пожарных событий с летописно зафиксированными общегородскими катастрофами однозначно пока не представляется возможным, поскольку они не образуют обширных пирокластических образований наподобие тефры, а локализируются в виде линз зачастую с неясными горизонтальными и латеральными границами. В каждом конкретном случае решающее значение при интерпретации разрушенной пожаром конструкции будет служить сопутствующий датирующий материал – монеты, изразцы, керамика. Чуть более надежно диагностируются следы наводнений, в частности, в ряде вскрытий по прирусловому валу на Богоявленском соборе, у дома Козицына и у здания бывшего уездного училища по ул. Бабкина, 1. К условно маркирующим горизонтам относятся следы документально фиксируемых перестроек. Например, у Богоявленского собора регистрируются надежно датированные события, связанные с горизонтами строительства внешней каменной ограды в 1819 г., горизонты перестройки приделов храма. Совокупность вспомогательных стратиграфических маркеров так же, как и основных стратон, позволяет решать локальные задачи общей хронологии археологических объектов, но не подменяет их.

Дальнейшая систематизация понятийного аппарата и исследовательских процедур будет составлять неотъемлемую часть изучения Енисейского городища. Редуцированные материалы, представленные в статье, формировались в ходе продуктивных обсуждений с коллегами Д. Н. Лысенко, Л. Л. Галухиным, А. А. Гольевой, благодаря колоссальному труду большого творческого коллектива Енисейской археологической экспедиции.

- Арциховский А. В.* Археологическое изучение Новгорода // Труды Новгородской экспедиции. – М., 1956. – С. 1–43. – (Материалы и исследования по археологии СССР ; № 55).
- Арциховский А. В.* О новгородской хронологии // СА. – 1959. – № 4. – С. 107–128.
- Блаватский В. Д.* Античная полевая археология. – М. : Наука, 1967. – 208 с.
- Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А.* Палеолитоведение: Введение и основы. – Новосибирск : ВО «Наука». Сиб. издат. фирма, 1994. – 288 с.
- Дмитриев В. В., Выборный В. Н.* Благоустройство территории Свято-Троицкой Сергиевой лавры // Строительные материалы, техника, технологии XXI века. – 2002. – Ч. 1, № 3 (38). – С. 30–31.
- Долгих А. В., Александровский А. Л.* Почвы и культурный слой Великого Новгорода // Почвоведение. – 2010. – № 5. – С. 515–526.
- Енисейск на рубеже веков. Фотоальбом / сост. В. В. Черкашин. – Красноярск : Сиб. промыслы, 2015. – 156 с.
- Каздым А. А.* Техногенные грунты и техногенные отложения, техногенные ландшафты и культурный слой – современные проблемы классификации и систематики // Грунтоведение. – 2014. – № 1. – С. 54–70.
- Каменецкий И. С.* К теории слоя // Статистико-комбинаторные методы в археологии / под ред. Б. А. Колчина, А. Я. Шера. – М., 1970. – С. 83–95.
- Клейн Л. С.* Археологические источники : учеб. пособие. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1978. – 119 с.
- Клейн Л. С.* Время в археологии. – СПб. : Евразия, 2015. – 384 с.
- Классификация в археологии : терминологический словарь-справочник // Классификация в археологии / отв. ред. Е. М. Колпаков. – СПб., 2013. – С. 10–68.
- Колчин Б. А.* Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // Труды Новгородской экспедиции. – М., 1956. – С. 44–137. – (Материалы и исследования по археологии СССР ; № 55).
- Колчин Б. А.* Дендрохронология Новгорода // СА. – 1962. – № 1. – С. 113–140.
- Кузьмин С. Л.* Ярусная стратиграфия нижних слоев Староладожского городища // Памятники старины. Конференции. Открытия. Версии (Памяти Василия Дмитриевича Белецкого 1919–1997). – СПб. ; Псков, 1997. – Т. 1. – С. 343–358.
- Монгайт А. Л.* Старая Рязань. – М. : Наука, 1955. – 225 с. – (Материалы и исследования по археологии СССР ; № 49).
- Равдоникас В. И.* Старая Ладога (Из итогов археологических исследований 1938–1947 гг.) // СА. – 1949. – XI. – С. 5–55.
- Раннопорт П. А.* Обмер архитектурных сооружений при археологических раскопках // Методика полевых археологических исследований. – М., 1983. – С. 72–77.
- Руководство по изучению палеоэкологии разновозрастных культурных слоев древних поселений (Лабораторные исследования) / под ред. Н. Б. Леоновой, С. А. Сычевой. – М. : Изд-во РФФИ. – 2000. – 87 с.
- Рыбаков Б. А.* К вопросу о методике определения новгородских древностей // СА. – 1959. – № 4. – С. 82–107.
- Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. – М. : Изд-во АН СССР. – 1948. – 793 с.
- Шанцер Е. В.* Очерки учения о генетических типах континентальных осадочных образований. – М. : Наука, 1966. – 237 с. – (Труды ГИН АН СССР ; вып. 161).
- Waters Michael R.* Principles of geoarchaeology: A North American perspective, 1992, The University of Arizona Press, XXIV + 398 p.
- Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации (утверждено постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук РАН от 27 ноября 2013 г. № 85). – URL: http://www.archaeolog.ru/media/2014/Polozhenie_opi_12-02-14.pdf (дата обращения: 12.02.2017).

M. N. Meshcherin
Krasnoyarsk Geoarcheology, Ltd.

CULTURAL LAYER OF YENISEISK CITY: PRACTICE AND THEORY

Cultural layer is one of the fundamental concepts in studying the polytypic archeological heritage. During 2013–2014 the works on the archeological stratigraphy of the Yeniseisk cultural layers were being carried out. On 8 observation sites situated within historical part of the city 31 archeological profiles were explored. By means of lithologic-and-facies analysis the preliminary basic structural elements of the city stratigraphy were identified. The obtained data allowed to formulate a relative chronology of the depositions containing cultural remains which mark the principal milestones of four-hundred-history of Yeniseysk urban development.

Keywords: cultural layer, level, horizon, construction (feature), complex, relative chronology, stratigraphy.

СВЕДЕНИЯ РАННИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ЕНИСЕЙСКОГО ОСТРОГА КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ

Документальные источники могут оказать существенную помощь при проведении археологических работ на территории Енисейска, позволят уточнить расположение исследуемых объектов. Так же как и результаты раскопок помогут «привязать» упоминаемые в письменных источниках объекты к местности. В течение XVII столетия острог неоднократно перестраивался и расширялся, о чем сохранились записи в официальной документации (отписки енисейских воевод Я. И. Хрипунова, А. Л. Ошанина, Ф. П. Полибина, Б. Д. Глебова). После основания острога в 1619 г. он перестраивался и расширялся дважды в середине 1620-х, в начале 1650-х гг., в 1667 г. и в последние годы XVII столетия. Отсутствие в документации сведений о конкретном расположении возведенных укреплений не позволяет провести исчерпывающую реконструкцию острога в разные периоды его существования. Сопоставление же сведений из письменных источников и результатов археологических изысканий позволит восстановить хронологию расширения территории острога и помочь в реконструкции внешнего вида острожных укреплений в разные периоды существования Енисейска.

Ключевые слова: Енисейский острог, укрепления острога, размер острога, отписки воевод, XVII в.

Проводившиеся в последние годы на территории Енисейска археологические исследования показали, что открываются новые перспективы в изучении ранней истории города, истории Енисейского острога как оборонительного укрепления. Совершенно очевидно, что результаты раскопок необходимо сопоставлять со сведениями письменных документальных источников, что позволит уточнять время возведения, а может, и предназначения обнаруженных объектов. В свою очередь, сведения из документации XVII столетия о различных оборонительных, служебных, культовых и прочих сооружениях Енисейского острога получают возможность быть «привязанными» к местности.

В научной литературе о месте расположения Енисейского острога со времени его основания, как известно, доминировала точка зрения, изложенная еще Г. Ф. Миллером. А именно: Енисейский острог был основан в 1619 г. отрядом служилых людей во главе со стрелецким сотником Черкасом Рукиным и сыном боярским Петром Албычевым у места впадения в Енисей р. Мельничной [Миллер, 2000, с. 51–52]. У большинства исследователей, занимавшихся историей Енисейска в XVII в., это мнение академика Миллера сомнения не вызывало [см., например, Копылов, 1965, с. 22]. Хотя относительно года его основания и того, кем был построен первый Енисейский острог, разногласия всё же имеются [см.: Миллер, 2000, с. 667–669]. На приведенном в монографии А. Н. Копылова на внутренней стороне обложки плане Енисейска, созданном во время пребывания Миллера в Енисейске (1735 г.), как раз и показано расположение основных строений Енисейска и остатков стен старого острога [Копылов, 1965]. Согласен с этой точкой зрения и автор настоящего текста [Бродников, 1994, с. 16–21].

Тем не менее следует отметить, что документальных источников, которые могут дать более или менее четкое представление о размере самого острога, почти не сохранилось. Самый известный документ – это отписка в Москву енисейского воеводы Федора Потаповича Полибина о приемке им Енисейского острога у прежнего воеводы Федора Уварова. Документ датируется 19 августа 1647 г. – временем прибытия нового воеводы в Енисейск. Текст этой отписки сохранился в РГАДА (Сибирский приказ) [РГАДА. Стб. 307, л. 505–507] и его копия – в архиве АН (Копийные книги Миллера) [СПбф АРАН, л. 183–184, № 123], был впервые опубликован в «Дополнениях к актам историческим» [Дополнения..., с. 108] и активно использовался в работах по истории Енисейска XVII в. [Васильевский, Резун, 1989, с. 135; Копылов, 1965, с. 21–22 и др.]. Но в этом документе, как ниже будет показано, приводятся размеры острога уже далеко не первоначального, неоднократно увеличенного по периметру.

Однако всё же имеется некоторое, хотя и совсем небольшое количество документальных источников, которые предшествуют отписке Ф. П. Полибина и могут дать определенную информацию о первоначальном облике Енисейского острога.

Первый известный нам документ, дающий некоторую информацию о размерах Енисейского острога, – это сведения из отписки первого енисейского воеводы Якова Игнатьевича Хрипунова. Прибыв в Енисейский острог 1 апреля 1623 г. [РГАДА. Стб. 12, л. 350] и собрав всю информацию о состоянии дел в остроге, он, исходя из принятой в то время практики, отправил соответствующего содержания отписки в Москву и в Тобольск. В Москве, в Приказе Казанского дворца, пристальный интерес к деятельности Хрипунова возник, когда зашла речь об организации «серебряной экспедиции» [Бродников, 2008, с. 367–380]. Так как инициатором этой экспедиции выступал

сам бывший енисейский воевода, было целесообразным его и поставить во главе похода по поиску серебряной руды. В Приказе, прежде чем принять решение об организации этой экспедиции, в течение довольно длительного времени проводили опрос прибывавших в Москву енисейских служилых людей о достоверности предоставленных Хрипуновым сведений. Но в итоге всё же посчитали необходимым выяснить его деловые качества, а именно – как он проявил себя на государственной службе в Енисейском остроге.

Поскольку в результате пожара в Приказе Казанского дворца 3 мая 1626 г. [*СПбф АРАН*, л. 15–15 об., № 21] большая часть сибирских дел погибла, чиновники Приказа отправили соответствующий запрос в Тобольск. В итоге 25 мая 1627 г. тобольские воеводы князя А. Хованский и И. Волконский получили грамоту о предоставлении в Приказ сведений о Хрипунове: «отписать в Тобольске из енисейских отписок Якова Хрипунова, как он был в Енисейском остроге воеводой, сколько вновь каких земель под великого государя руку приведено и сколько ясаку имано и сколько пашенных крестьян прибыло и десятинной пашни прибыли...» [*РГАДА*. Стб. 12, л. 347].

Но, получив из Москвы указание, тобольские воеводы не торопились его выполнять – только 5 августа 1628 г. [*РГАДА*. Стб. 12, л. 347 об.] их ответ был получен в Приказе: то, что было «выписано в Тобольску из енисейских отписок и из ясачных книг Якова Хрипунова как он был на государственной службе в Сибири в Енисейском остроге...» [Там же, л. 350]. Возможно, что такая неторопливость тобольских воевод была связана с тем, что сам Хрипунов прибыл в Тобольск вскоре после получения там вышеупомянутой грамоты [Там же, л. 186–187].

Прибыв к месту службы, как свидетельствует текст выписки, Я. И. Хрипунов обнаружил острог в неудовлетворительном состоянии: как сказано в его отписке в Тобольск о состоянии острожных стен, «...Енисейской острог был худ весь: подгнил и повалился...» [*РГАДА*. Стб. 12, л. 350]. Поэтому первому воеводе пришлось срочно заняться ремонтными работами. Он не просто, как сказано в его отписке, поставил новый острог, но и увеличил его размер: прибавил во все стороны «к старому острогу по десяти сажен и ров кругом велел окопати и чеснок кругом рву и по рву зделати и надолбы круг острогу двои велел поставити и острог накрепко укрепил и башни и на тех башнях роскаты поделал» [Там же, л. 350–351]. Таким образом, уже через четыре года после строительства острога П. Албычевым и Ч. Рукиным, согласно версии Хрипунова, стены острога находились в весьма плачевном состоянии, и первому енисейскому воеводе пришлось ставить новый острог со всеми необходимыми укреплениями, значительно увеличив его периметр. Хотя точного описания острога в отписке Хрипунова нет, но стоит обратить внимание на то, что у острога были поставлены башни (не менее двух), с площадками для установки пушек.

Удивительно, но и сменившему Я. И. Хрипунова в сентябре 1625 г. Андрею Леонтьевичу Ошанину также пришлось заниматься восстановлением острожных стен. Не сумев, в отличие от своего предшественника, установить контакт с енисейским гарнизоном, Ошанин довел разногласия со служилыми людьми до откровенного конфликта, что вылилось в события енисейского бунта 9 мая 1626 г., когда дело дошло до стрельбы на воеводском дворе [*Покровский*, 1988, с. 24–61; *Бродников*, 2005, с. 11–19]. Следствием этих событий была и «измена» ясачных князцов подгородних остяцких волостей. В отписке А. Л. Ошанина, доставленной в Москву 6 января 1627 г. енисейским казаком Смиркою Ондреевым [*РГАДА*. Стб. 12, л. 95 об.], говорится, что именно «9 мая 134 г.» ясачные князцы Епея, Илтик, Тымка Переоров государю изменили: отъехали в Тюлькинскую землю, недоплатя ясаку, и угнали у енисейских пашенных крестьян лошадей – две государевы и три «собинные». Вскоре воеводе стало известно о возникшей для острога внешней опасности, что «собираются к Енисейскому острогу войною киргизские и тюлькинские люди и иных многих земель люди» [Там же, л. 95]. Надо полагать, сбежавшие князцы и общили кочевникам сведения о енисейских событиях, что, в свою очередь, привело тех к размышлениям о возможности легкого захвата Енисейского острога.

Находясь в состоянии затянувшегося конфликта со служилыми людьми енисейского гарнизона, А. Л. Ошанин тем не менее вынужден был заниматься проблемами безопасности острога, а именно – организацией работ по возведению новых острожных стен и других оборонительных укреплений. Согласно отправленной в Москву его отписке, работы в конце весны – начале лета 1626 г. проводились достаточно масштабные. Как писал воевода Ошанин, «...для приходу киргизских и тюлькинских людей зделал к старому острогу новой острог и ров кругом острогу выкопал крепкой – поперег рву две сажени косых, а в глубину ров косая сажень и чеснок по обе стороны рву и во рву, и надолбы круг острогу поставил крепкие и башню новую и ворота проезжие зделал и старой острог укрепил накрепко» [*РГАДА*. Стб. 12, л. 95–96]. По мнению А. Н. Копылова, к этому времени у Енисейского острога имелись две башни с проезжими воротами и две глухих башни с «раскатами» для орудий. Во всяком случае, необходимость в их сооружении была – на вооружении енисейского гарнизона в 1626 г. уже были четыре «пищали затинных» для установки на стенах и полевая артиллерия – «пищаль полковая медная ядром фунт, да тюфяк медной дробовой» [*Копылов*, 1965, с. 23].

То есть если верить информации Ошанина, всего лишь за три года построенный его предшественником Хрипуновым острог вновь оказался в таком состоянии, что требовал капитального ремонта. А сам Ошанин не только восстановил возведенные Хрипуновым стены острога, но и «зделал» вокруг него еще одну стену – «новой острог» со всеми полноценными оборонительными укреплениями. В чем причина быстрого прихода в негодное состояние стен Енисейского острога, остается только догадываться. С одной стороны, на состояние стен, действительно, мог влиять разлив Енисея, размывая грунт, или работы по возведению острожных стен при Хрипунове могли выполняться наспех, без достаточно тщательной утрамбовки грунта у вкопанных бревен. Но нельзя исключать и факт

социальной демагогии со стороны воеводы Ошанина: вступив в конфликт с гарнизоном и, по сути, сорвав сбор ясака в Енисейском уезде в 1626 г., он должен был искать какие-либо оправдания своим действиям. Отсюда в его отписках могли появиться и плачевное состояние острожных укреплений, и весьма продолжительная «осада».

После укрепления острога в Енисейске, похоже, еще долгое время опасались нападения кочевников. Как писал енисейский воевода, он «седел в осаде болше 12 недель с великим бережением», т. е. до конца лета – начала осени. Правда, что он подразумевал под осадой, не совсем понятно, так как, по оценке самого же А. Л. Ошанина, укрепление острога охладило пыл кочевников и нападения не произошло: «... как киргиские и тюлкинские люди услышали, что Енисейской острог укреплен и ров выкопан и для того к Енисейскому острогу не пошли», – говорится в его отписке [РГАДА. Стб. 12, л. 95]. То есть Ошанин, судя по всему, под осадой подразумевает просто сложившуюся по причине внешней опасности необходимость удержания служилых людей в остроге, вместо того чтобы с началом лета рассылать их для сбора ясака по «землицам». Не случайно рассылка енисейских служилых людей «по службам» в 1626 г. произошла только в конце лета [Там же, л. 87; *Оглоблин*, 1900, с. 116–117]. Хотя здесь необходимо помнить и о сохранявшемся противостоянии воеводы с гарнизоном.

Происходило ли расширение периметра стен Енисейского острога в последующие 20 лет, нам неизвестно. Как и то, проводились ли ремонты этих стен. Судя по всему – нет, так как к 1647 г. острожные стены и другие укрепления вновь находились в плачевном состоянии или вообще отсутствовали. Как говорится в отписке Федора Потаповича Полибина, прибывшего в Енисейск в последние дни августа 1647 г., «острог давно поставлен и весь подгнил и провалился, рву и иных крепостей и надолбов вокруг острога нет, а в иных местах вместо острогу поставлен из давних лет заметишко и он подгнил и развалился» [СПбф АРАН, л. 183 об. № 123]. Таким образом, от всех енисейских укреплений, когда-то построенных Ошаниным (или Хрипуновым), остались только изрядно подгнившие и в значительной степени развалившиеся острожные стены со следами так же давно проводившихся ремонтных работ. А от глубокого и широкого рва, выкопанного при воеводе Ошанине, вообще не осталось следа, что удивительно.

С одной стороны, необходимость в поддержании различных укреплений Енисейского острога отпала после появления Красноярского острога, так как главный путь в Восточную Сибирь был теперь надежно прикрыт от кочевников. При этом значительным образом увеличившийся в первой половине 30-х гг. XVII в. [Бродников, 1994, с. 54–89] енисейский гарнизон активно занимался приведением «под государеву руку» населения бассейна Лены. В результате деятельность енисейских воевод с этого времени была направлена на увеличение дохода казне – расширение ясачной территории уезда, организацию таможенного контроля, привлечение крестьян на государеву пашню и решение других экономических вопросов. То есть проблема обороны острога отпала, можно сказать, полностью, и всё «радение» государеву интересу со стороны енисейских воевод теперь заключалось в увеличении полученной прибыли.

В приведенной выше отписке воевода Ф. П. Полибин дает подробное описание острога: «Мерою тот острог кругом в государеву печатную сажень только двести сажень, в длину по середине острога 74 сажени поперег у Спасской проезжей башни по верхнему концу 21 сажень, а по нижнему концу поперег 18 сажени и тот острог тесен. В остроге Введенская церковь, амбар денежной и соболиной казны, два хлебных амбара, съезжая и таможенная избы, воеводский и гостинный двory, подле съезжей избы под окном тюремная изба в тыну»*. При этом Полибин отмечает, что размер острога для Енисейска катастрофически мал и часть важных строений уже находится за его пределами: «За острогом у денежного и соболиного амбара и съезжей избы церковь Богоявленская с приделами Николая Чудотворца и преподобного отца Михаила Малеина, под церковью этого храма и под трапезною и под папертью кладут государеву соль и красноярские хлебные запасы» [РГАДА. Стб. 307, л. 505–507].

Несмотря на то что, приняв острог, Полибин сразу выразил беспокойство по поводу его состояния и оборонноспособности и задал властям вопрос о том, какими силами осуществлять необходимые работы по его реконструкции, ответа он так и не получил. Проявлять же инициативу воеводе было небезопасно: не получив санкцию на проведение работ из Москвы или Тобольска даже в случае их очевидной необходимости, при возникновении проблем с городским бюджетом (а средств на выполнение различных государевых указов всегда было недостаточно) можно было получить обвинение в действиях «не по государеву указу» и оказаться в опале и «на правеже».

Через год Ф. П. Полибин продублировал в Сибирский приказ свой запрос о необходимости ремонта острожных укреплений. Многие фрагменты этой отписки полностью совпадают с его отпиской о приемке острога; при этом енисейский воевода попытался усилить акцент на остроту проблемы, связанную с состоянием острожных стен: «... а которые приезжают с ясаком тунгусские и остяцкие князцы то ходят и острог и острожные крепости смотрят», – писал он [СПбф АРАН, л. 192 об. № 129]. «А как острог ставить по старой подошве или вдоль и поперег прибавить и какими людьми острог ставить и ров капать и надолбы делать енисейскими служилыми, посадскими людьми и крестьянами или приедем торговыми и промышленными людьми, о том вели указ учинить», – адресовал воевода свой вопрос к царю, пытаясь получить квалифицированный ответ из Москвы [Там же, л. 193 об. № 129].

Судя по всему, Полибину так и не удалось получить из Москвы санкцию на проведение ремонтных работ в Енисейском остроге. Известно, что следующий острог был построен только при воеводе Афанасии Филипповиче

* Эти сведения приведены при описании первоначального острога, постройки 1619 г. [Копылов, 1965, с. 22–23].

Пашкове в начале 1650-х гг. Его периметр был существенным образом расширен, и теперь острог имел восемь башен – шесть проезжих и две глухих [Копылов, 1965, с. 23].

Последняя, известная нам постройка стен Енисейского острога проводилась в 1667 г. при воеводе Кирилле Аристарховиче Яковлеве. В тот раз был построен новый острог, периметр стен которого достигал 825 саженей и включал посад на правом берегу Мельничной. У острога было четыре проезжие и две глухие башни, а в стенах три вывода с бойницами. Позднее были построены еще две башни [РГАДА. Кн. 528, л. 218–222].

В 1697 г. очередной енисейский воевода Богдан Данилович Глебов сообщил в Москву о чрезвычайной ветхости острожных стен. В этот раз, несмотря на то что наличие оборонительных сооружений для Енисейска давно уже было неактуальным, ему предписывалось всё же отремонтировать «самые нужные места» [Копылов, 1965, с. 23]. Занимался воевода Глебов ремонтом почти двухкилометровых стен, окружавших енисейский посад, или нет, нам неизвестно. Но, надо полагать, именно эти стены, возведенные еще в конце 60-х гг. XVII в., были изображены во время пребывания в Енисейске Г. Ф. Миллера зимой 1734–1735 гг. или с августа 1738-го по май 1739 г. [Элерт, 1990, с. 150, 151]. Таким образом, письменные документальные источники по истории Енисейска XVII столетия свидетельствуют, что основанный где-то недалеко от места впадения в Енисей Мельничной небольшой укрепленный пункт, острог, неоднократно перестраивался и серьезным образом расширялся, наполнялся и обрастал всякого рода постройками. Сопоставление этих сведений с результатами археологических раскопок на территории старого Енисейска несомненно поможет восстановить его древний облик, понять расположение стен и всевозможных внутренних и внешних строений в разные исторические моменты.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 528. Л. 218–222; Оп. 3. Стб. 12. Л. 87, 95, 95 об., 96, 186–187, 347, 347 об., 350, 351; Стб. 307. Л. 505–507.

СПбф АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 15–15 об. № 21; Л. 183–184. № 123; Л. 192 об. – 193 об. № 129.

Александров В. А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII века (Енисейский край) // Труды Института этнографии. – Новая серия. – М., 1964. – Т. 87. – 304 с.

Бродников А. А. Енисейский острог. Енисейск в XVII в.: очерки по истории города и уезда. – Красноярск : Енисейский благовест, 1994. – 144 с.

Бродников А. А. О причинах и последствиях Енисейского бунта 1626 г. // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. – Новосибирск, 2005. – С. 11–19.

Бродников А. А. Серебряная экспедиция Я. И. Хрипунова (1627–1630 гг.) // Провинция в русской культуре. II Ремезовские чтения 2005. – Новосибирск, 2008. – С. 367–380.

Васильевский Р. С., Резун Д. Я. Летопись сибирских городов. – Новосибирск : Кн. изд-во, 1989. – 305 с.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. – СПб. : В тип. Эдуарда Прана, 1848. – Т. 3. – 539 с.

Копылов А. Н. Русские на Енисее в XVII в.: земледелие, промышленность и торговые связи Енисейского уезда. – Новосибирск : Изд-во СО АН СССР, 1965. – 300 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. – М. : Вост. лит., 2000. – Т. 2. – 796 с.

Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). – М. : Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1900. – Ч. 3. – 393 с.

Покровский Н. Н. Сибирские материалы по «слову и делу государеву» как источник по истории общественного сознания // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. – Новосибирск, 1988. – С. 24–61.

Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. – Новосибирск : Наука, 1990. – 246 с.

A. A. Brodnikov
Novosibirsk State University

EARLIEST WRITTEN DATA SOURCES ON THE HISTORY OF THE YENISEI OSTROG AS A MATERIAL FOR THE HISTORICAL RECONSTRUCTION

Documentary sources may help while archaeological excavation in the city of Yeniseisk and may help clarify the layout of the buildings. On the other hand excavation results may help to link objects, which are mentioned in the sources, to the locality. During the 17th century outpost was rebuilt and expanded several times, which was written in the official documentation. After the foundation of the outpost in 1619 it was rebuilt and expanded twice in the mid 20's, then in early 50's, in 1667 and in the last years of the 17th century. The lack of information about the specific location of the fortifications in the documentation

does not contribute to a comprehensive reconstruction of the outpost during the different periods of its existence. In its turn the comparison of the data from written sources and archaeological research results may help restore the chronology of expanding the territory of the outpost and in the reconstruction of the appearance of the fortifications in different periods of Eniseysk history.

Keywords: Yeniseioutpost (“ostrog”), fortification of the outpost, size of the outpost, official letter (“otpiska”), 17th century.

УДК 631.481

А. А. Гольева
Институт географии РАН, Москва

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЕНИСЕЙСКА ПО ДАННЫМ ПОЧВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ*

Почвенными методами исследованы шесть раскопов в Енисейске (Богоявленская церковь, Троицкая церковь, РСДРП (дом, в котором в 1917 г. енисейскими большевиками был избран городской комитет РСДРП(б)), Музей (дом Захарова), дом Флеера, дом Козицина). Цель работы – выявление начальных этапов становления города, преобразования людьми исходных почв и ландшафтов. Использовался комплексный методический подход с определением морфологических, химических и физических свойств объектов изучения. Исследование показало, что каждый из участков имеет свою историю развития, этапы становления. В то же время есть общие черты, позволяющие говорить о едином тренде формирования города.

Во всех случаях фиксируется лесная, лугово-лесная стадии доантропогенного периода. Приход поселенцев сопровождался коренными перестройками ландшафта: леса вырубались, луга и очищенные пространства распахивались, овраги засыпались. Развитие города способствовало отчуждению огородных полей под строительство домов и дорог. Выделяется три этапа застройки города: деревянный, каменный с незначительным использованием извести и каменный с широким использованием извести.

Ключевые слова: почвы, культурные слои, пашни, огород, этапы становления.

В Енисейске почвенные исследования на археологических раскопах проводились впервые. Основной задачей было выявление начальных этапов становления города. Работы проводились на шести раскопах (Богоявленская церковь, Троицкая церковь, дом, в котором в марте 1917 г. на собрании енисейских большевиков был избран городской комитет РСДРП(б) (далее – РСДРП), Музей (дом Захарова), дом Флеера, дом Козицина). На сегодняшний день нет данных всех запланированных анализов, поэтому полученные выводы носят предварительный характер и позволяют реконструировать этапы развития конкретных точек отбора проб.

Основу работы составил морфологический метод – описание почвенных горизонтов и культурных слоев. Образцы для лабораторных работ отбирались в пределах горизонтов. Во всех образцах были определены кислотность/щелочность почвенных растворов, содержание органического углерода, валового фосфора. Для ряда колонок определено количество углерода карбонатов. В двух разрезах сделан гранулометрический анализ. Название гранулометрических фракций дано по Н. А. Качинскому [1965, с. 300]. Количественные значения по всем химическим анализам представлены в таблице 1. Гранулометрические параметры приведены в таблице 2 (с. 39).

Таблица 1

Химический состав образцов почв с изученных объектов в Енисейске

Глубина, см	Образец	pH _{H₂O}	C, %	P ₂ O ₅ , %, вал	CO ₂ , %
Музей, раскоп 1, участок 7, южная стенка					
0–20	КС	7,95	3,72	0,79	0,48
20–25	Аогор верх	7,58	2,61	0,44	0,08
25–30	Аогор низ	7,53	1,54	0,32	0,02
30–35	Апах верх	7,52	0,74	0,24	0
35–40	Апах низ	7,49	0,62	0,23	0,02

* Теоретическое обобщение сделано в рамках работы по проекту РНФ 14-27-00133.

© Гольева А. А., 2017

Глубина, см	Образец	pH _{H₂O}	C, %	P ₂ O ₅ , %, вал	CO ₂ , %
40–45	AB	7,54	0,56	0,26	0,02
45–50	AB	7,38	0,56	0,26	0,04
50–60	BA	7,37	0,43	0,26	0
60–66	BA	7,45	0,38	0,27	0,05
Музей, раскоп 1, участок 8, южная стенка					
0–17	КС	6,88	7,31	1,11	–
17–30	Аогор	6,94	1,55	0,35	–
30–34	Апах низ	7,18	0,62	0,27	–
34–60	Нанос	7,39	0,48	0,24	–
60–66	Апогн	7,37	0,53	0,25	–
66–72	Апогр	7,30	0,47	0,26	–
72–78	AB	7,25	0,39	0,26	–
78–83	AB	7,38	0,36	0,25	–
Музей, раскоп 5, южная стенка					
0–5	Дернина	6,74	4,94	0,92	0,03
5–10	Аогор	7,15	2,05	1,08	0,04
10–15	AB	6,79	1,17	0,95	0,11
15–20	AB	6,97	0,90	0,97	0,10
20–30	BA	7,07	0,68	0,71	0,08
30–40	BA	7,14	0,53	0,65	0,16
40–50	BA	6,95	0,55	0,91	0,19
50–60	BA	6,92	0,39	0,71	0,16
Дом Флеера, раскоп 7, участок 7, северная стенка					
0–4	КС1	7,78	12,91	0,49	0,16
4–24	КС1	7,60	16,27	0,33	0,09
24–27	КС2	7,43	11,89	0,58	0,19
27–63	КС2	7,09	7,29	0,95	0,53
63–66	Дернина	6,98	18,17	0,90	1,16
66–67	Зола	7,48	0,89	7,03	22,24
67–78	КС3	7,03	9,82	1,38	5,14
84–95	КС3	7,17	11,16	0,97	0,34
95–101	Навоз (?)	7,10	6,95	0,71	0,19
101–105	Древесина	6,92	17,14	0,65	0,13
Дом Флеера, раскоп 7, участок 7, западная стенка					
0–5	Дернина	8,07	3,02	0,92	–
5–10	A1(1)	7,93	1,89	0,80	–
10–15	A1	8,04	1,20	0,56	–
15–20	A1B	7,95	1,02	0,49	–
20–35(38)	Нанос	7,94	0,70	0,30	–
38(38)–42	A1погр. (2)	7,77	0,92	0,32	–
42–47	AB	7,85	0,82	0,28	–
47–52	AB	7,89	0,68	0,25	–
52–62	BA	7,74	0,58	0,25	–
62–72	BA	7,60	0,44	0,25	–
72–82	BA	7,78	0,41	0,26	–
82–92	B	7,87	0,34	0,26	–
92–100	B	7,57	0,31	0,24	–
РСДРП, участок 5, южная стенка					
0–5	Аогор верх	8,15	1,49	0,25	0,09
5–11	Аогор центр	8,25	1,25	0,25	0,06
11–17	Аогор низ	8,32	1,48	0,27	0,13
18–25	E1	8,35	0,33	0,22	0
25–35	E1	8,24	0,30	0,25	0,02

Окончание таблицы 1

Глубина, см	Образец	pH _{H₂O}	C, %	P ₂ O ₅ , %, вал	CO ₂ , %
35–45	EIV	8,27	0,31	0,24	0
45–55	B	7,75	0,27	0,26	0,01
Дом Козицина, раскоп 8, участок 9, северная стенка					
0–8	KC	8,16	5,02	0,78	0,07
8–15(18)	Аогор	7,91	3,96	0,62	0,03
15(18)–57	A1	8,0	2,21	0,43	0,04
27–35	AB	8,11	1,39	0,29	0,02
35–80	Нанос	8,06	1,15	0,28	0,08
80–90	A1 погр. (1)	8,16	0,98	0,26	0,11
90–100	AB	8,15	0,86	0,28	0,06
100–104	B	8,18	0,73	0,25	0,08
104–125	all	8,21	0,55	0,22	0,05
Богоявленская церковь, участок 7, северная стенка					
0–24	KC, бурый	8,92	0,25	0,16	0,04
24–26	Темный прослой	8,78	1,82	0,36	0,5
26–28	Слой пожара	8,55	3,15	0,47	0,56
28–31	A (пах?)	8,68	1,04	0,18	0,25
31–36	AB	8,43	0,45	0,12	0
Троицкая церковь, раскоп 9-III'8, северная стенка					
0–5	Аогор верх	9,16	2,72	0,61	0,42
5–12	Аогор низ	9,27	1,93	0,51	0,61
12–17	A (пах?)	9,29	0,69	0,14	0,29
17–22	AB	9,17	0,50	0,10	0,52
22–27	BA	9,25	0,40	0,11	0,29
27–32	B	9,37	0,38	0,11	0,17
Троицкая церковь, раскоп Г, южная стенка					
0–5	Дернина (?)	9,62	0,25	0,11	0,57
5–15	Нанос	9,16	0,33	0,11	0,04
15–25	Нанос	8,8	0,38	0,11	0,16
25–35	Нанос	8,62	0,45	0,10	0,03
35–37	Прослой	9,05	0,51	0,10	0,28
37–40	Дернина	8,45	2,09	0,08	0,04
40–44	A погр.	8,13	0,95	0,04	0
44–50	AB	7,92	0,32	0,04	0
50–60	B	7,78	0,34	0,08	0

Таблица 2

Гранулометрический состав образцов почв из объектов «Троицкая церковь» и «Дом Флеера»

Глубина, см	Содержание фракций в % (размер частиц в мм)							Название фракции
	1,0–0,25	0,25–0,05	0,05–0,01	0,01–0,005	0,005–0,001	< 0,001	< 0,01	
	Песок		Суглинок			Ил	Физическая глина	
рыхлый	связный	легкий	средний	тяжелый				
Троицкая церковь, южная стенка								
0–5	6,35	61,41	14,33	2,73	3,74	11,44	17,9	Суглинок легкий
5–35	3,86	59,43	17,29	3,02	4,04	12,36	19,4	
35–37	3,86	60,75	17,04	5,02	2,20	11,13	18,3	
37–40	3,28	50,51	23,94	5,35	7,01	9,91	22,3	Суглинок средний
40–44	2,77	52,55	25,48	3,85	7,53	7,82	19,2	Суглинок легкий
44–50	2,92	53,25	24,50	4,25	3,11	11,97	19,3	
50–60	2,77	51,64	22,41	2,61	7,16	13,41	23,2	Суглинок средний

Глубина, см	Содержание фракций в % (размер частиц в мм)							Название фракции
	1,0–0,25	0,25–0,05	0,05–0,01	0,01–0,005	0,005–0,001	< 0,001	< 0,01	
	Песок		Суглинок			Ил	Физическая глина	
рыхлый	связный	легкий	средний	тяжелый				
Дом Флеера, раскоп 7, участок 7, западная стенка								
0–5	0,57	19,63	41,71	7,30	15,77	15,02	38,1	Суглинок тяжелый
5–10	0,35	21,26	40,31	9,11	14,69	14,28	38,1	
10–15	0,29	23,49	40,54	9,40	14,46	11,82	35,7	
15–20	0,44	26,76	38,81	5,79	11,96	16,24	34,0	
20–35	0,29	25,40	37,56	7,79	10,65	18,35	36,7	
38–42	0,32	28,65	35,43	6,04	10,59	18,97	35,6	
42–47	0,31	24,74	36,05	6,80	9,73	22,37	38,9	
47–52	0,31	22,99	36,00	7,63	9,98	23,09	40,7	Глина легкая
52–62	0,19	17,20	34,96	7,45	10,49	29,71	47,6	
62–72	0,05	22,23	33,67	7,14	8,80	28,11	44,1	Суглинок тяжелый
72–82	0,05	30,57	30,00	6,02	6,18	27,18	39,4	
82–92	0,05	45,56	28,06	3,64	5,64	17,05	26,3	Суглинок средний
92–100	0,09	56,33	22,62	3,46	4,60	12,90	20,9	

1. Троицкая церковь

1. Раскоп 9, квадрат Ш'8, северная стенка

Морфологическая характеристика. В верхней части погребенной почвы по цвету выделяются несколько гумусовых горизонтов. Верхний, более темный – огородный. Под ним расположен светло-серый гумусированный маломощный горизонт. Подстилающий горизонт имеет бурую окраску за счет вмывных сверху соединений железа. В его толще видны остатки корней листовых деревьев.

Химические свойства. Вся толща имеет щелочные значения почвенных растворов ($pH > 7$), что не характерно для естественных почв региона, но типично для культурных слоев. Органического углерода много в верхней части профиля. Это указывает на внесение в прошлом органических удобрений. В этих горизонтах также много валового фосфора. Интересно повышенное содержание карбонатов кальция в агрогенных горизонтах. То есть помимо органических удобрений в почвы вносились и минеральные, например зола. Регулярный полив огорода способствовал вымыванию растворенных соединений кальция вниз по профилю, что отразилось в увеличении концентрации карбонатов в нижележащих горизонтах.

Вывод по просмотренному профилю. Скорее всего, приход людей сопровождался вырубкой лесов, распашкой участка под зерновые культуры. В пашню не вносились удобрения. Затем пашня была заброшена на много лет (не менее 100). Участок зарос травами, начал восстанавливаться древесный и кустарничковый ярус. После длительной залежи участок вновь осваивается – распаивается под огороды. В почву вносятся органические и минеральные удобрения. Культурный слой города начал формироваться на «свежем» огороде, на что указывает волнистый рисунок верхней границы огородного горизонта.

2. Сектор Г, квадрат 1–1' ЛМ-ЖЗ, южная стенка

Морфологическая характеристика. За нулевую отметку при описании стенки и отбора проб была взята тонкая светлая прослойка из разложившейся карбонатной крошки. Целью исследования является характеристика нижележащих горизонтов. Верхняя толща изученной колонки имеет относительно однородный серый цвет. Вероятный генезис слоя – агрогенный, сформирован за счет агрогенной эрозии. Под этим горизонтом находится более темный горизонт погребенной дернины. Признаков распашки нет.

Химические и физические свойства. Согласно данным гранулометрического анализа, вся толща является сильно опесчаненным легким суглинком. Лишь слои 37–40 и 50–60 см можно охарактеризовать как суглинок средний. По содержанию органики четко выделяется слой погребенной дернины с уменьшением вниз по профилю, что типично для почв региона. Верхняя часть колонки содержит мало гумуса, распределение его относительно однородное. Это характерно для переотложенных горизонтов. Фосфора мало во всей толще. Карбонатов кальция немного. Выделяется дернина и прослой 35–37 см. В обоих случаях повышенное содержание солей кальция связано с антропогенным воздействием.

Вывод по просмотренному профилю неоднозначный. Верхняя часть, скорее всего, сформировалась за счет агрогенной эрозии, когда при движении плуга происходит механическое перетаскивание распаханной толщи в понижения, которые при этом заполняются и нивелируются. Малое количество органики и валового фосфора позволяют уверенно говорить о том, что в пашню не вносились органические удобрения.

Доагрогенный период реконструируется как луговой. Здесь функционировала дерновая луговая почва, сформировавшая мощный дерновый горизонт.

Общий вывод по участкам объекта «Троицкая церковь». Исходно на этой территории рос лес, местами был луг. В начальный период освоения лес был вырублен, участок распахан под пашню. Пашня не удобрялась. Затем функционирование участков начало различаться. Один участок был занят под погост с последующей постройкой Троицкой церкви, в то время как соседний продолжал распахиваться, но уже не под зерновые, а под пропашные культуры. В почву вносились органические и минеральные удобрения. Городские культурные слои начали формироваться на огородном горизонте.

II. Богоявленская церковь

Раскоп 7, северная стенка, 1 м от северо-западного угла

Морфологическая характеристика. 0–26 см: темноокрашенный культурный слой лежит на слое пожара в виде черного угольного слоя (27 см); 28–31 см: однородный темный гумусированный горизонт, предположительно остаточного пахотного генезиса; 31–37 см: органо-минеральный горизонт, характеризующийся чередованием серых и бурых тонов. Ниже залегает минеральный почвенный горизонт однородного бурого цвета.

Химические свойства. Органики много в слое пожара, а также в темном прослое над пожаром и предполагаемом агрогенном горизонте под ним. Фосфора и карбонатов много в культурных слоях и слое пожара. В предполагаемом пахотном горизонте фосфора немного, что не противоречит требованиям для пахотных горизонтов.

Вывод по просмотренному профилю. В профиле четко прослеживается граница между природной или природно-агрогенной стадией развития участка и началом городской застройки. Это слой пожара. Под ним – исходная почва и, возможно, пашня, над ним – культурные слои поселения.

III. РСДРП*

Раскоп 5, южная стенка

Морфологическая характеристика. За нулевую отметку при описании и отбора проб была взята нижняя граница слоя строительного выкида примерно 1650 г. Исследовались почвенные горизонты под ним. 0–14(18) см: огородный горизонт, темный, с равномерно распределенными по всему горизонту мелкими угольками и светлыми округлыми комочками от припаханного нижележащего горизонта. Нет признаков дернины на поверхности слоя; 14(18)–43 см: подзолистый горизонт белесого цвета. Под ним – минеральный горизонт бурого цвета.

Химические свойства. Огородные горизонты обогащены органическим углеродом, т. е. почвы интенсивно удобрялись. Учитывая то, что раскоп расположен на песке, валового фосфора очень много по всей колонке, вплоть до самого нижнего минерального горизонта. Такое возможно лишь в случае использования жидких фосфорных удобрений, например жидкого навоза. Вся толща практически не содержит карбонатов кальция, что позволяет говорить о том, что при обработке почвы здесь вообще не использовали минеральные удобрения (золу).

Вывод по просмотренному профилю. Отсутствие признаков дернины на поверхности огородного горизонта позволяет говорить о том, что строительный этап начался непосредственно после очередной распашки почвы. То есть здесь не было периода забрасывания огорода. Огород интенсивно удобрялся, в том числе и жидкими видами удобрений. В доантропогенный период здесь произрастали хвойные леса.

IV. Дом Флеера

Раскоп 7, участок 7, западная стенка (юго-западный угол участка)

Морфологическая характеристика. За нулевую отметку при описании стенки и отбора образцов взята нижняя граница самого раннего культурного слоя, определенная как начало (основание) города, т. е. около 1620 г. Описание горизонтов идет ниже этой границы. 0–5 см: темный рыхлый горизонт погребенной дернины, обилие органики и остатков корней; 5–14 см: серый гумусовый горизонт, цвет неоднородный (местами хорошо видны более темные вертикальные клиновидные включения – остатки корней кустарников); 14–20 см: переходный органо-минеральный горизонт; 20–37(40) см: серовато-бурая однородная толща. Здесь одновременно шли два процесса – привнос минеральной массы и проработка ее почвообразованием (синлитогенный процесс почвообразования); 37(40)–50 см: гумусовый горизонт второй погребенной почвы темно-серого цвета; 50–75 см: переходный органо-минеральный горизонт, хорошо видны клиновидные темные включения – остатки древних корней кустарников и трав; 75–90 см: однородный минеральный горизонт бурого цвета, ниже – минеральная толща почвообразующей породы светло-бурого цвета.

Химические и физические свойства. По составу гранулометрических фракций практически вся толща является крупнопылеватым тяжелым суглинком. Средняя часть (47–72 см) – глина легкая, самый низ (82–100 см) – суглинок средний. По химическим свойствам погребенные почвы существенно отличаются друг от друга.

* В 1822–1824 гг. на этом участке было построено здание училища. Позднее, в марте 1917 г., в этом доме на собрании енисейских большевиков был избран городской комитет РСДРП(б). Современный адрес – ул. Петровского, 9 / ул. Бабкина, 1. – *Примеч. ред.* (по устной консультации Л. А. Аболиной).

В верхней почве много органики и валового фосфора, а в нижней их количества полностью соответствуют природным значениям.

Вывод по просмотренному профилю. В разрезе выявлены две погребенные почвы. Нижняя почва была лесная с преобладанием лиственных деревьев в составе древостоя и хорошо развитым травянистым покровом. Стабильный период почвообразования сменился динамичным, стали доминировать процессы переноса мелкозема. Привнос мелкозема был небольшой по мощности, но длительный и регулярный. Это в итоге создало однородную органо-минеральную толщу. Затем вновь начинается период стабилизации, почвообразования. Созданная почва визуально практически не отличается от погребенной. Но она имеет иные химические свойства, и это позволяет уверенно утверждать, что начальные периоды обживания территории и формирования антропоценозов происходили именно на этой почве.

Раскоп 7, участок 7, северная стенка

Основное внимание уделено культурным слоям. Целью исследования было выявить диагностически значимые и морфологически хорошо определяемые различия в составе культурных слоев, связанные с разными этапами строительства города. За нулевую отметку был взят современный строительный прослой.

Морфологическая характеристика. 0–24 см: различные строительные слои и линзовидные участки, обогащенные остатками дерева, кирпичом, камнями и пропитанные известковой крошкой; 24–65 см: серия разномасштабных культурных слоев строительного периода, обогащенная фрагментами дерева, кусками кирпичей, гумусированной массой неясного генезиса (навоз?). Основным отличием этой пачки культурного слоя от вышележащей, является отсутствие известкового налета; 65–67 см: слой пожара черного цвета, 67–105 см: третий блок культурного слоя, отличительной особенностью которого является отсутствие обломков и фрагментов кирпичей, только дерево и камни; 101–105 см: мощные разложившиеся деревянные плашки, между которыми есть темные гумусированные включения. Слой залегает непосредственно на погребенной дернине.

Химические свойства. Вся толща обогащена органикой. Это указывает на широкое использование дерева во все периоды строительных работ. Валового фосфора много, но можно отметить некоторые различия. Так, слой 65–67 см, определенный как сгоревшая трава, содержит аномально высокое количество фосфора. Это однозначно указывает, что помимо травы здесь были значительные объемы животной органики. Карбонатов кальция очень много в слое пожара. Возможно, горели костные фрагменты. Выше и ниже по профилю количество солей кальция резко уменьшается, но также превышает нормальные значения для региона. Анализами не выявлено повышенного количества карбонатов в верхнем строительном горизонте (0–24 см). Это связано с тем, что аналитически почвенными методами определяются легкоподвижные соединения, которые растворяются водами и могут мигрировать по разрезу.

Вывод по просмотренному профилю. Всю пачку культурных слоев можно разделить на три строительных этапа: первый – деревянного строительства, когда помимо дерева могли использовать камни, но не кирпичи. Второй – начало каменного строительства, когда помимо дерева начали строить и из кирпича. И третий – новый этап каменного строительства, когда кирпичную кладку стали скреплять известковым раствором или широко использовать известь при наружной побелке домов. Судя по небольшим величинам валового фосфора, в заключительный период строительных работ использование какой-либо иной органики, кроме дерева, было незначительным.

Между этапом деревянного строительства и последующим фиксируется период некоторого ослабления строительной активности, когда участок зарос травами, началось формирование дерновой почвы. Пожар, хорошо фиксируемый на поверхности этой почвы, возможно, способствовал смене строительной техники – начали возводить каменные (кирпичные) дома. В пожаре горела как растительная, так и животная органика.

Общий вывод по участкам объекта «Дом Флеера»

Согласно морфологическому облику стенки раскопа, начальный период строительства был деревянный. Строения несколько раз горели, но восстанавливались, мостились гати по отложениям навоза и/или навоза с опилками. Между этим строительным этапом и последующими был непродолжительный период стабилизации, когда участок зарос травами, сформировалась дерновая почва. Последующий пожар инициировал активную строительную деятельность, но теперь стали использовать кирпич, т. е. начал формироваться принципиально иной тип культурного слоя. Этот период практически без перерыва сменился третьим этапом, когда помимо кирпича активно использовалась известь в больших объемах, вероятно, для облицовки зданий. Этот строительный этап фиксируется вплоть до современной поверхности.

V. Музей

Раскоп 5, южная стенка

Морфологическая характеристика. 0–10 см: темно-серый огородный горизонт с включениями мелких углей. В верхней части идет усиление темной окраски, т. е. есть признаки травянистой дернины; 10–33 см: переходный органо-минеральный горизонт с чередованием серых и бурых тонов в окраске. Ниже – минеральные горизонты почвы.

Химические свойства. Содержание органики максимально в огородном горизонте и постепенно убывает вниз по профилю. Фосфора много по всей колонке, что нехарактерно для почвенных горизонтов. В колонке оп-

ределено содержание минерального углерода. Енисейск расположен в зоне промывного водного режима, поэтому карбонатов кальция в почвах быть не должно или может быть очень мало. Наличие карбонатов и большого количества фосфора, очевидно, напрямую связано с использованием высоких доз органо-минеральных удобрений, например золы и костной муки.

Вывод по просмотренному профилю. Культурные слои города начали формироваться на заброшенных огородах. Огороды интенсивно удобрялись большими дозами минеральных удобрений. Признаки предыдущей распахки не выявлены.

Раскоп 1, участок 7, южная стенка

Морфологическая характеристика. За нулевую отметку принята нижняя часть культурного слоя (период деревянного строительства). Описание горизонтов и отбор проб проводились ниже этой отметки. 0–20 см: культурный слой темного цвета с включениями фрагментов дерева различной степени разложения; 20–30(33) см: огородный горизонт темного цвета с равномерными включениями мелкого угля и фрагментов нижележащего горизонта. Нижняя граница фестончатая; 30(33)–42 см: пахотный горизонт однородного светло-серого цвета. Нижняя граница линейная, ровная. Ниже – однородный минеральный горизонт бурого цвета.

Химические свойства. Культурный слой, огородный и пахотный горизонты хорошо отделяются друг от друга по составу органики и валового фосфора. Колонка практически не содержит карбонатов, что нормально. Лишь культурный слой обогащен минеральным кальцием.

Вывод по просмотренному профилю. Культурные слои деревянного этапа строительства города легли на относительно «свежую» огородную почву, где использовали органо-минеральные удобрения. Огород, в свою очередь, был создан на более ранней пахне.

Раскоп 1, участок 8, южная стенка

Морфологическая характеристика. За нулевую отметку был взят уровень погребенной почвы (огородного горизонта). 0–17 см: темно серый огородный горизонт с включениями угольков и припаханного нижнего горизонта; 17–20 см: остаточная (нижняя) часть более раннего пахотного горизонта светло-серого цвета, который сохранился лишь между фестончатым рисунком огородной распахки. Нижняя граница линейная, ровная, хорошо заметная; 20–59 см: минеральный горизонт бурого цвета; 59–73 см: вторая погребенная почва с темным гумусовым горизонтом.

Химические свойства. Содержание органики и фосфора максимально в культурном слое и велико в огородном горизонте. Ниже эти значения невелики и соответствуют природным значениям.

Вывод по просмотренному профилю. На участке вскрыто две погребенные почвы. Облик почв близок между собой, т. е. можно говорить о сходстве природно-климатических условий в период формирования обеих почв. Почвы формировались под пологом лугово-лесной растительности. Приход людей сопровождался вырубкой лесов и распахкой участка. Вероятно, по мере роста поселения пахотная стадия заменилась на огородную. Культурные слои поселения перекрыли хорошо сформированную огородную почву.

Общий вывод по объекту «Музей»

Три участка, находящиеся на близком расстоянии друг от друга, не идентичны, что позволяет сделать вывод о различиях в использовании этих участков в прошлом. Различия между верхними погребенными почвами на раскопе 1, очевидно, связаны с исходной геоморфологической неоднородностью участка. Место участка 7 раньше имело понижение (западина), а место участка 8 – повышение в рельефе. Именно поэтому в одном случае была вскрыта вторая погребенная почва (на участке 8 она находилась ближе к поверхности), а на участке 7 нет, так как в случае западины погребенная почва будет глубже от поверхности. Распахка участка сопровождалась агрогенной эрозией, когда шло заполнение более низких элементов рельефа. В итоге на участке 7 мощный пахотный горизонт, а на участке 8 его практически нет, поскольку он полностью вошел в состав огородного горизонта.

Интересны различия по степени сохранности нижней границы огородного горизонта между раскопами 5 и 1. В первом случае граница практически полностью уничтожена корнями трав, видна хорошо сформированная дернина на поверхности огорода. Во втором случае граница огородного горизонта видна хорошо, ее сохранность высока. Здесь отражается новая стадия функционирования территории. Иными словами, участок раскопа 1 был занят под строительство раньше участка раскопа 5 на 30–50 лет. Когда на месте будущего раскопа 1 стоял дом, перекрывший огород, на месте будущего раскопа 5 был двор, заросший травами.

VI. Дом Козицина

Разрез 8, участок 9, северная стенка

Морфологическая характеристика. За нулевую отметку принят тонкий слой пожара, отделяющий период деревянного строительства от начала каменного строительства. Описание слоев и отбор образцов идет вниз от этой отметки. 0–8 см: культурный слой деревянного этапа строительства. Темный, однородный, без крупных включений. Нижняя граница линейная, ровная, проходит по длинной горизонтальной деревянной плашке (настил?); 9–14(18) см: темный огородный горизонт без включений, однородного цвета. Нижняя граница имеет фестончатый рисунок и хорошую сохранность; 15–27 см: гумусовый горизонт исходной луговой почвы темно-серого цвета;

27–35 см: переходный органо-минеральный горизонт с чередованием бурых и серых тонов в окраске горизонта; 35–80 см: серовато-бурый нанос; 80–90 см: гумусовый горизонт второй погребенной почвы темно-серого цвета; 90–100 см: переходный органо-минеральный горизонт неоднородного цвета; 100–104 см: минеральный горизонт бурого цвета. Переход к следующему горизонту ровный, резкий, заметный по появлению окатанной гальки и общей большей опесчаненности толщи; 104–125 см: речной аллювий с окатанной галькой и песком.

Химические свойства. Органического углерода много вплоть до горизонтов погребенной исходной почвы. В случае огородных горизонтов (9–15(18) см) это указывает на внесение в них в прошлом высоких доз органических удобрений. Фосфора много в культурном слое и огородном горизонте. В погребенной почве, особенно в аллювии, содержание этого элемента соответствует природным значениям. Карбонатов кальция практически нет, что нормально для почв региона. Можно отметить лишь незначительное содержание этих солей в погребенном гумусовом горизонте – это типично для гумусовых горизонтов ввиду регулярного поступления опада, обогащенного карбонатами кальция.

Вывод по просмотренному профилю. Исходно на участке была ложбина (овраг?), по дну которой протекал ручей или небольшая речка. В периоды половодья течение было значительным, поскольку переносилась достаточно крупная (около 2 см в диаметре) галька. В остальные сезоны течение было небольшим, на дно осаждался песок и илистый материал. Фиксируется период уменьшения обводненности, когда на подсохшем дне начала формироваться луговая почва. Вероятно, этот этап можно считать начальным в освоении территории.

Затем наблюдается усиление склоновых процессов, погребение почвы. Склоновая эрозия способствовала нивелировке поверхности, заполнению ложбины (оврага?) органо-минеральным мелкоземом. На поверхности наноса формируется луговая почва, которая впоследствии (XVIII в.) распахивается под огород.

Заключение. Проведенное исследование показало, что каждый из исследованных участков имеет свою историю развития, прошел через свои этапы становления. В то же время есть общие черты, позволяющие говорить о едином тренде формирования города. Во всех случаях фиксируются лесная, лугово-лесная стадии доантропогенного периода. Приход поселенцев сопровождался коренными перестройками ландшафта: леса вырубались, луга и очищенные пространства распахивались, овраги засыпались. Вероятно, по мере роста города, увеличения численности его населения менялась система земледелия – от зерновых культур к пропашным. Огороды, в отличие от пашен, интенсивно удобрялись. Дозы удобрений и их состав разнятся на участках, но можно говорить об удобрении золой, навозом и единично костной мукой.

Дальнейшее развитие города способствовало отчуждению огородных полей под строительство домов и дорог. Выделяется три этапа строительства города: деревянный, каменный с незначительным использованием извести и каменный с широким ее использованием.

Одним из основных результатов работы является заключение о том, что начиная с XVII в., т. е. с начала освоения территории, естественные биогеоценозы были коренным образом трансформированы. Полностью и необратимо изменились все компоненты – рельеф, растительный и почвенный покровы, сформировав самостоятельный антропогенный ландшафт. Внутри последнего фиксируется этап смены антропогенной деятельности от агрогенной (пашни, огороды) к поселенческой (сельская и городская застройка).

Качинский Н. А. Физика почвы. – М. : Высшая шк., 1965. – 324 с.

A. A. Golyeva
Institute of Geography, RAS, Moscow

STAGES OF THE TOWN YENISEISK FORMATION BASED ON SOIL RESEARCHES (FIRST RESULTS)

Six archaeological objects in the city of Yeniseisk were studied by soil methods (Church of the Bogojavlenskaja, Troitskaja Church, RSDPR, Museum (Zacharov House), Flier House, Kozitsin House). The aim of this work was to identify the initial stages of the transforming original soils and landscapes and of the town formation. An integrated method with the definition of the morphological, chemical and physical properties were used. The study showed that each of the study objects has its own history and stages of development. At the same time, there are similarities, which suggests a common trend of the town formation. For example, the forest, meadow-forest stages were in the pre-anthropogenic period in all cases. The anthropogenic impact do accompanied by strong landscape reconstructions: forests cut down, meadows were ploughed, the ravines were filled in. The development of the city made the alienation of arable areas for building houses and roads. Possible to say about three stages of town building: wooden, stone, with minor use of lime and stone with extensive use of lime.

Keywords: soils, cultural layers, arable land, gardens, stages.

ЕНИСЕЙСК – ПАМЯТНИК ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ И ЕНИСЕЙСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

В статью включен небольшой очерк истории и современного состояния Енисейска, которому в 2019 г. исполнится 400 лет, и очерк истории Енисейского краеведческого музея имени А. И. Кытманова. Главная цель – дать периодизацию истории этого музея. Первый период длился с 1883 г. по 1927 г. – период становления и развития музея. Второй период – это деятельность музея в условиях советской эпохи в 1928–1990 гг. Третий период начался в 1991 г. и продолжается до сих пор. Он характеризуется существенными сдвигами в работе музея (получение новых помещений, создание филиалов музея, внедрение новых форм работы в условиях реформ и рыночной экономики в России).

Ключевые слова: история, периодизация, музей, краеведение, музейный фонд, экспозиция, научная работа музея.

В музееведении сегодня по-прежнему актуальна тема истории музейных процессов и периодизации музейного дела. Но для любого крупного региона России она может решаться, если будут изучены динамики хотя бы наиболее старых по времени и значительных по воздействию на людей музеев. История музейного дела в Сибири привлекает внимание автора и его некоторых омских и томских коллег уже более 45 лет. За эти годы, наряду с работой по научной паспортизации и каталогизации этнографических предметов и коллекций музеев Новосибирска, Омска, Томска и Тюмени, изданием книг многотомной серии «Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев», было подготовлено несколько очерков по истории ряда музеев Сибири [Томилов, 2016, с. 5–12].

Цель статьи – дать небольшой очерк истории и современного состояния Енисейского краеведческого музея имени А. И. Кытманова, которому в 2018 г. исполнится 135 лет. Но интересна и еще одна дата – в 1970 г. Енисейск получил статус города-памятника истории и культуры России. И сегодня его центральная часть – это фактически музейный ансамбль, включающий самобытные в архитектурном отношении светские и храмовые сооружения каменной и деревянной застройки. Поэтому в начале статьи кратко напомним читателю историю Енисейска, а затем обратимся к прошлому и настоящему Енисейского краеведческого музея.

Материалы для этой статьи были отчасти собраны во время поездки в Енисейск в июле 2004 г. Используются данные из архива Енисейского краеведческого музея (ежегодные отчеты о работе музея), а также частично материалы, опубликованные в ряде изданий [Кытманов, 1889; Малютин, 1957; Фаст, 1994; Горобец, 2001, с. 181; Черепанов, б/г и др.], и устные сведения, полученные от работников музея. На основе собранных источников была разработана схема периодизации истории Енисейского краеведческого музея, подготовлены и опубликованы статьи [Томилов, 2006, с. 82–91; 2010, с. 4–12; 2016, с. 130–139].

Енисейск возник не на пустом месте. Как пишет Г. Фаст, «в 1592 г. инок Тимофей (Иванов) поселился на месте будущего монастыря, построил келью и привлек в свою обитель ищущих спасения... Только через 26 лет появится острог...» [Фаст, 1994, с. 8]. Произошло это в 1619 г., когда отрядом казаков во главе с боярским сыном из Пельыма Петром Албычевым и тобольским стрелецким сотником Черкасом Рукиным был заложен небольшой трехбашенный Енисейский острог. В 1676 г. Енисейск получил статус «разрядного» города, а в 1719 г. стал центром огромной Енисейской провинции (губернии). Но в конце XVIII в. он утратил свою значимость и центром Енисейской губернии стал Красноярск. В настоящее время Енисейск является центром Енисейского района Красноярского края.

В XVII–XVIII вв. этот город играл значительную роль как административный, торговый, ремесленный и транспортный центр Восточной Сибири. Енисейск называли «воротами» в Восточную Сибирь. В немалой мере своим возникновением ему обязаны такие города, как Анадырь, Баргузин, Братск, Верхоянск, Илимск, Иркутск, Красноярск, Нерчинск, Усть-Кут, Якутск. С 30-х гг. XVIII в. в Енисейске началось строительство каменных церковных строений, которые и сегодня украшают город и придают ему облик города-музея. Еще один взлет в экономической сфере Енисейск испытал в XIX в. – он превратился в центр массивного золотопромышленного региона. Но к концу XIX в. добыча золота упала и Енисейск потерял свою экономическую значимость.

Весом вклад Енисейска в организацию освоения и научных исследований Сибири. В этом городе в 1675 г. побывал руководитель русского посольства в Китае ученый Н. Г. Спафарий. В первой половине XVIII в. город был базой Великой Северной экспедиции В. И. Беринга. Здесь бывали и трудились известные путешественники, землепроходцы и исследователи С. И. Дежнев, Д. Я. и Х. П. Лаптевы, Ф. А. Минин, Д. Л. Овцын, В. Д. Поярков,

Е. П. Хабаров, С. И. Челюскин, выдающиеся отечественные ученые И. Г. Гмелин, С. П. Крашенинников, С. О. Макаров, Г. Ф. Миллер, И. Э. Фишер, шведский ученый Д. Г. Мессершмидт (долгое время жил в России), шведский исследователь Н. А. Норденшельд, норвежский исследователь Ф. Нансен, английский мореплаватель Д. Виггинс.

Енисейск известен еще и как город ссылки. Таковую здесь отбывали протопоп Аввакум, декабристы И. В. Абрамов, Н. С. Бобрищев-Пушкин, А. В. Веденякин, С. И. Кривцов, Н. Ф. Лисовский, М. А. Фонвизин, Ф. П. Шаховский, А. И. Якубович, революционеры А. С. Бадаев, А. В. Ванеев, П. А. Заломов, М. К. Муратов, А. С. Перенсон, Г. И. Петровский, Ф. Н. Самойлов, Н. Р. Шагов, А. Г. Шлихтер и др. Остановливался здесь и ссыльный И. В. Сталин. В сталинское время здесь среди ссыльных находились известный архиепископ и хирург В. Ф. Войно-Яселецкий, генерал-лейтенант А. И. Тодорский, философ Г. Г. Шпет, писатель Р. А. Штильмарк, кинодраматург Н. Р. Эрдман. Побывали в Енисейске также писатели В. П. Астафьев и В. Я. Шишков. И, если я не ошибаюсь, в группе экскурсантов с теплохода в Енисейске я видел писателя К. М. Симонова.

Можно сказать, что мне посчастливилось родиться в Енисейске (это произошло в сентябре 1941 г.) и прожить там до поступления в университет в Томске в 1959 г. Те, кто провел в этом городе в те годы детство и юность, конечно же, испытывали сильное эмоциональное воздействие старинной архитектуры. Но и учителя в школах и в Енисейском государственном педагогическом институте были высоко профессиональны, среди них работали и ссыльные с высшим образованием. В городе в 1940-х – середине 1950-х гг. было еще много ссыльных – врачей, преподавателей, артистов. Сосланные сюда музыканты и певцы давали иногда концерты. Когда я учился в начальной школе, мне самому довелось участвовать в опере «Морозко» для детей, которую поставил и сопровождал на рояле московский пианист А. Е. Шварцбург, сосланный в 1938 г. в Колымские лагеря, а позднее во второй раз в Енисейск, где он отбывал ссылку, закончившуюся для него в 1954 г. После ссылки Ананий Ефимович работал сначала солистом-лектором, а впоследствии художественным руководителем Красноярской краевой филармонии (он проработал там 20 лет) [Евграфов, 1989]. Он приезжал с концертами-лекциями из Красноярска и в Енисейск, где мы слушали его яркие выступления. Какое-то влияние А. Е. Шварцбург и другие музыканты Енисейска оказали на моего брата Ю. А. Томилова, который и сейчас занимается композиторским творчеством [Томилов, 2004, с. 179–185].

Енисейск как будущий музейный ансамбль складывался с XVIII в. Именно в этом веке его называли «одним из красивейших городов России». «Как русские, так и иностранные путешественники причисляли его к первой десятке красивейших городов страны» [Гринберг, Истомин, 1989]. Его красоту составляли прежде всего церковные сооружения и среди них Богоявленский собор (построен в 1730–1740 гг.), Троицкая церковь (XVIII в.), мужской Спасский монастырь (середина XVIII – начало XIX вв.) с собором (1730–1750 гг.), Успенская церковь (1793–1818 гг.). Была здесь и кирпичная мечеть, которую, как и многие православные церкви, закрыли в конце 20-х гг. XX в. В датах сооружения храмовых построек в Енисейске в разных источниках имеются разночтения. В тексте нашей статьи приведены сведения из статьи Н. Е. Лалетиной и Н. П. Макарова [2001, с. 306]. Но протоирей Геннадий Фаст приводит другие даты: Богоявленский собор был построен в 1732–1750 гг., Спасская церковь – в 1731–1750 гг. Он же сообщает, что всего в Енисейске в XVIII в. было 11 церквей [Фаст, 1994, с. 19–23].

В последние годы в Енисейске отреставрированы многие памятники архитектуры. В июле 2004 г. этот город-памятник музейного значения отпраздновал свое 385-летие вместе с 70-летием Красноярского края. И вот что писала в связи с этим событием в газете «Енисейская правда» М. Журавлева: «А поклониться енисейцам есть за что. Город, выросший из зимовий казаков, продвигавшихся на восток, чтобы привести под государеву руку местное население, многое перенес за свою историю: он горел в огне и тонул в водах Енисея, пережил золотую лихорадку и гражданскую войну, осквернение и разрушение храмов и возрождение православия. Земля, некогда намоленная иноком Тимофеем, поселившимся здесь еще до прихода казаков, всегда давала людям силу самим подняться и город свой любимый возродить. И будущее Енисейска сейчас зависит от всех нас, от того, как скоро мы адаптируемся к новым экономическим условиям, как будем развивать производство, заниматься сохранением и реставрацией памятников, доставшихся нам в наследство от прошлых поколений» [Журавлева, 2004].

И, конечно же, природа, история и культура Енисейска, Енисейского района, роль этого города в развитии Сибири да и всей России находит отражение в залах Енисейского краеведческого музея, основанного в 1883 г. и считавшегося первоначально Енисейским общественным местным музеем. В краткой статье в «Российской музейной энциклопедии» сообщается, что основан он был золотопромышленником, членом Енисейской городской думы Н. В. Скорняковым и ученым, краеведом А. И. Кытмановым, который сдал музею свою естественно-историческую коллекцию. И далее в этой статье говорится: «В дальнейшем в пополнении музейных фондов участвовали ученый-путешественник проф. А. И. Вильницкий, вице-адм. С. О. Макаров, Н. М. Мартьянов, Е. В. Толь, В. И. Анучин и др. К 1910 г. в музее насчитывалось около 23 тыс. эксп., в основном естественно-науч. характера. С 1906 г. он разместился в здании быв. гор. управы. В 1910–1920-х гг. музейные колл. существенно пострадали, с нач. 1920-х гг. их восстановлением занимался Н. А. Кытманов, сын А. И. Кытманова. С 1928 г. музей имел краеведческий профиль с естеств.-историч. (10 555 ед. хр.), технич. (история пром-сти, кустарных промыслов), с.-х. (1 942 ед. хр.) отделами, собранием картин и фотоматериалов (5 104 ед. хр.), б-кой. Ныне в фондах музея свыше 45 тыс. ед. хр., в т. ч. свыше 31 тыс. ед. хр. осн. фонда, в б-ке ок. 14 тыс. т. Филиал – музей “Декабристы в Енисейской ссылке”» [Горобец, 2001, с. 181]. Последний был создан в 1970 г. [Рафиенко, 2001, с. 232].

На сегодняшний день знакомство с историей Енисейского краеведческого музея, который в советское время долго назывался районным краеведческим музеем, а в последние годы получил статус муниципального учреждения, не дает мне возможности построить окончательную научную схему периодизации его истории. В самом общем виде, как мне представляется, можно выделить три периода. Первый период длился с 1883 г. примерно по 1927 г. – это период становления и роста музея.

Второй период (1928–1990 гг.) – это развитие музея в условиях советской эпохи как музея краеведческого профиля. Значительную роль в выводе музея на новый уровень сыграл Н. А. Кытманов (Николай Александрович – это сын первого директора музея Александра Игнатьевича Кытманова), который был директором музея с 1922 по 1931 гг. Музей по-прежнему размещался в здании, где когда-то (до 1906 г.) находилась городская управа. Это трехэтажное кирпичное здание белого цвета мне помнится хорошо. Меня, еще маленького мальчика, привел в музей мой отец А. В. Томилов (он всегда работал в Енисейске на руководящих должностях), показал мне экспозиции и представил меня тогдашнему директору музея Нине Александровне Грошевой, которая работала на этой должности в 1947–1968 гг.

Третий период музея начался в 1991 г. и продолжается до сих пор. Именно в эти годы музей расположился в здании бывшего Енисейского районного комитета КПСС, получил существенную помощь государства и местных органов власти в создании к юбилейным датам музея и Енисейска экспозиций, внедрил новые формы работы в условиях политических, социально-экономических реформ и рыночной экономики.

В последнем периоде пока видятся два этапа. Первый этап с 1991 по 1996 гг., для него характерны разработка новых тематических планов экспозиций, увеличение сбора материалов, создание ряда выставок, ремонт помещений и работа лишь некоторых постоянных экспозиций. В начале 1990-х гг. по разработке Г. П. Потужновой были созданы в отдельном зале экспозиция, посвященная периоду Великой Отечественной войны, и экспозиция, связанная с ролью Енисейска в освоении Северного морского пути, а также организована выставка картин енисейского художника Н. Ф. Дорогова. В этих работах активное руководящее участие принимала научный сотрудник Т. В. Титовская. В середине 1990-х гг. в музее была открыта экспозиция, посвященная природе края. В состав музея в качестве филиала с 1990 г. входил Музей истории г. Лесосибирска Красноярского края, но в 1992 г. он стал самостоятельным и был преобразован в Музей леса [Шайдт, 2001, с. 330].

Второй этап современного периода Енисейского краеведческого музея начался с 1997 г. Он связан с деятельностью его директора В. Н. Бондаревой (до нее директором работала Н. И. Балюта) и сменившей ее на этом посту Л. Н. Шимохиной, а с 2012 г. с деятельностью директора музея Т. Ю. Кузнецовой. Этот этап представляет собой своеобразный скачок вперед по всем основным направлениям работы музея. И главное – это новые экспозиции и многочисленные выставки. Постоянная экспозиция была создана к юбилею музея в 2003 г.

Отмечу, что в Государственном архиве Енисейского района фактически отсутствуют документы по местному музею, поэтому для составления и обоснования периодизации музея и изучения его истории предстоит проанализировать какие-то иные материалы – документы партийных и советских органов, газетные статьи и т. д. Поэтому еще раз повторюсь, что предложенная в статье периодизация истории Енисейского краеведческого музея носит предварительный и общий характер. Зато мы имеем ряд документов в самом музее, хотя относятся они к современному периоду, это, прежде всего, годовые отчеты о его работе.

В последние годы достаточно планомерно и регулярно пополнялись фонды музея. Если в 1998 г. численность предметов в них составляла 46 600 экземпляров, то в 2004 г. она перевалила за 50 тыс. музейных предметов. По учету на 1 января 2016 г. в музее насчитывалось 56 184 предмета, из них в основном фонде 39 245 ед. хр. и 16 939 в научно-вспомогательном фонде.

Набор предметов в фондах традиционный для краеведческих музеев – материалы по истории (в том числе по археологии и этнографии), нумизматике, ботанике, зоологии, геологии, а также живописные полотна, скульптуры и т. д. Среди способов пополнения фондов – дарения, закупки и экспедиционные поездки. Среди поступивших в музей в последние полтора десятка лет материалов разнообразные исторические и этнографические предметы картины художников, книга и видеозапись тувинского шамана М. К. Лопсана, документы, рукописи и книги профессора Лесосибирского государственного педагогического института А. И. Малютиной, книга памяти погибших в годы Великой Отечественной войны жителей Енисейска и Енисейского района, подаренная сыном писателя Германии В. К. Шнайдера (был в Енисейске в ссылке в 1940-х гг.), материалы личного фонда бывшего директора вечерней школы Енисейска Н. Д. Фомичева, коллекция радио- и телевизионной аппаратуры от старейших работников Енисейской телемастерской В. С. Брюханова и В. А. Дуракова и др.

Основным направлением фондовой работы были научная паспортизация музейных предметов и составление карточек научного описания, подготовка предметов для новых экспозиций и выставок, обслуживание обращающихся для работы с материалами ученых, педагогов, писателей, театральных режиссеров, студентов, учащихся школ и др. Ежегодно в среднем в музей в этот период обращались за консультациями по 120 чел. и работали с материалами фондов более чем по 50 чел.

Например, в 2014 г. музеем были выданы 17 справок и проведены 670 консультаций. В этом же году в музее изучением коллекции старопечатных книг занималась группа аспирантов Новосибирского государственного университета под руководством доктора филологических наук Е. И. Дергачевой-Скоп.

Довольно разнообразна экспозиционная и выставочная работа музея. Впечатляет динамика выставочной деятельности в конце 1990-х гг. – начале 2000-х гг.: если в 1997 г. работали всего семь выставок, то в 1998 г. – уже 31, в 1999 г. – 46, в 2000 г. – 53, в 2001-м – 68 (наиболее высокий показатель), в 2002-м – 52 выставки. И в первой половине 2010-х гг. выставочная деятельность занимала ведущее положение в работе музея. Так, в 2011 г. действовали 70 выставок, в 2012 г. – 48 выставок в музее и 10 вне музея, в 2013 г. – 48 в музее и 16 вне музея. В 2014 г. – 33 в музее и 18 вне музея.

Большая часть стационарных и передвижных выставок создавалась на материалах самого музея. Вот названия некоторых из них: 1998 г. – «Политическая ссылка в Енисейске», «Баландины. Три поколения» (о енисейских меценатах), 1999 г. – «Енисейские коллекционеры» (коллекции оружия и наград), «Иерусалим – прошлое и настоящее» (фотовыставка из Израиля к 2000-летию христианства), 2000 г. – «Воспоминания о будущем» (к 140-летию со дня рождения Ф. Нансена), «Свидетели времен» (выставка икон), 2002 г. – «Енисейск уходящий» и «Первопроходцы земли Енисейской» (две выставки в Красноярске, посвященные 180-летию Енисейской губернии), 2003 г. – «Из личных книг А. И. Кытманова», «Из первых коллекций музея» (эти выставки были посвящены 120-летию Енисейского краеведческого музея). В последние годы выставки «Время собирать камни», посвященная православию и 150-летию Енисейско-Красноярской епархии (2012 г.), «Здесь наши корни, наши святыни» – изображения всех храмов Енисейска художника С. Харченова (2012 г.), «Гроза 1812 года» (2012 г.), «Нам есть чем гордиться, нам есть что хранить» – выставка к 130-летию музея (2013 г.), «Ода Енисейску» – к 395-летию города (2014 г.), «С миру по нитке» – выставка предметов 15 енисейских коллекционеров (2014 г.) и др.

Музей принимает участие и в выставках в других городах. Так, в 2014 г. выставочный проект «Енисейск – территория с богатой историей» был представлен на XVIII Международной туристической выставке-ярмарке «Енисей 2014» в Красноярске, а этнографические экспонаты музея демонстрировались на выставке «Великая Сибирь. Вехи истории» в Красноярском художественном музее имени В. И. Сурикова по проекту к 80-летию Красноярского края. Картины енисейских художников побывали на выставке «Немного солнца» в Красноярском музейно-выставочном центре. В 2015 г. экспонаты музея были представлены в Ачинске и Канске в рамках красноярского краевого проекта «Культурная столица».

Большая работа проводилась в эти годы по созданию постоянных тематических экспозиций. В 1998 г. была открыта экспозиция «Северный морской путь», в 2001 г. – «Енисейское казачество XVII–XX вв.». Фактически создание полного комплекса экспозиций было завершено в 2003 г. к юбилею музея. Был открыт зал «Дары музея и из первых коллекций музея» (создатели Н. В. Поздеева и Г. Н. Ситникова) и историческая экспозиция (разработчик и руководитель работ Т. В. Игнатьева). По поводу последней в отчете о работе музея сказано: «8 августа 2003 г. в музее была торжественно открыта новая экспозиция, посвященная истории развития г. Енисейска. Подготовкой и реализацией данного проекта занимались совместно с сотрудниками музея преподаватели и группа студентов Красноярского художественного института с кафедры “Искусство интерьера”. Открытие качественно новой экспозиции в историческом зале музея стало большим событием... а для музея, несомненно, большим шагом вперед». И с такой оценкой нельзя не согласиться.

Ежегодно в среднем музей в период с 1997 по 2003 гг. посещали 20 тыс. чел. Наибольший показатель пришелся на 1999 г. – 25,6 тыс., наименьший на 1997 г. – 15,4 тыс. И в первой половине 2010-х гг. посещаемость музея сохранилась на таком же уровне. В 2012 г. она составила 18,1 тыс., в 2013 г. – 21,9 тыс. чел. Особенностью работы музея с посетителями являлось то, что на посещения выставок вне музея приходилось до 60 % и более. Вследствие того, что в 2014 г. велась подготовка к полному переезду в арендуемые помещения из основного здания в связи с предстоящими там ремонтно-реставрационными работами, а в 2015 г. этот переезд состоялся, то, естественно, временно изменилась и структура посещений музея и его выставок.

В работе с населением музей использовал разные формы – краеведческие гостиные и лекции на разные темы и для различных социально-профессиональных групп, городские краеведческие викторины, квесты на исторические темы, уроки школьников в музее, встречи с ветеранами, недели «Музей и дети», «Неделя культуры», конференция «Свет родных берез», конкурс плаката «Скажем наркотикам нет!» и др. В музее проходили музейную практику студенты Лесосибирского государственного педагогического университета.

В 2014 г. (это последний год перед переселением музея из основного здания) были проведены 332 экскурсии, прочитаны 54 лекции, состоялись 142 различных мероприятия (они охватили 12,5 тыс. чел.), подготовлены семь образовательных программ.

В пропагандистской работе музея определенное и значительное место занимают публикации статей в газетах «Красноярский рабочий», «Наш Красноярский край», «Енисейская правда», «Енисейск +», «Вестник старинного города», «Вовремя», «Речник Енисея» – обычно это несколько десятков статей в год. Так, в 2012 г. было опубликовано 38 статей, в 2013 г. – 45, в 2014 г. – 77, в 2015 г. – 53. В 2014 г. в Интернете был открыт сайт музея.

Научная работа сотрудников музея осуществляется в рамках выполнения плановых тем – например, по темам «Развитие ремесла в Енисейске», «Великий Северный морской путь и развитие судоходства на Енисее», «Из истории политической ссылки», «Енисейцы – участники военных действий в Японии», «Немцы-переселенцы в Енисейске», «Архитектурные памятники в Енисейске», «Енисейское казачество (XVII–XX вв.)», «Из истории иконописи Сибири», «Енисейцы – участники Сталинградской битвы», «Енисейцы – участники Курской бит-

вы», «Енисейцы – участники войны 1812 года», «Гражданская война в Енисейском уезде 1918–1920 гг.», «Быт и культура народов, населяющих Красноярский край», «Польская диаспора в Енисейске» и др. Результатами выполнения тем становятся научные справки и статьи в газетах. В 2000 г. был составлен справочник-путеводитель «Историко-архитектурные памятники города Енисейска XVIII–XX вв.».

Еще одним видом научной работы стали научно-практические конференции. С 1998 г. ежегодно проводятся «Кытмановские чтения» в два этапа – для учащихся школ и затем второй этап, в котором принимают участие ученые, учителя, краеведы, студенты. В первых «Кытмановских чтениях» принимали участие, например, автор книги «Енисейск православный» Г. Фаст, гости из Лесосибирска и Турана (Тува). В 2001 г. музей организовал и провел научно-практическую конференцию «Проблемы экономики Енисейского района», а в 2003 г. семинар для руководителей школьных музеев и круглый стол «Развитие Енисейска как туристического центра на Енисее».

Научные сотрудники музея в эти годы принимали участие и в некоторых научных мероприятиях в других городах: в Иркутске – во Всероссийской конференции, посвященной 175-летию восстания декабристов (2000 г.), в Красноярске – в «Суриковских чтениях» (2000 г.), во Всероссийской конференции «Российское краеведение в контексте времени» (2001 г.), в Международной научной конференции «Музей и общество» (2002 г.), в межрегиональной научно-практической конференции «Петр Аркадьевич Столыпин и Сибирь» (2014 г.), в Международной научно-практической конференции «VIII Юдинские чтения» (2015 г.), в Лесосибирске – в «Малютинских чтениях» (2012 г.), в Минусинске – в «Мартьяновских чтениях» (1998 г.), в Санкт-Петербурге – во Всероссийской конференции работников музея (2000 г.), в с. Пировское Красноярского края – в «I Касьяновских чтениях» (2014 г.) и др.

В последние годы улучшилась материально-техническая база музея. Этому помогли финансовые вливания со стороны краевых органов власти и со стороны мэрии Енисейска, а также финансы, полученные по выигранным грантам, в том числе по грантам Ассоциации «Открытый музей», грантам Министерства культуры России. Это позволило приобрести компьютерную технику, цифровые фотоаппараты, оборудование для экспозиции, подключиться к Интернету, иметь электронную почту и т. д. Использует для этого музея и доходы от собственной деятельности – они пока небольшие, но в 2002 г. впервые перевалили за 100 тыс. руб. Самый высокий показатель в получении собственных доходов пришелся на 2014 г. – 460 тыс. руб.

Перспективы Енисейского краеведческого музея имени А. И. Кытманова связаны с реализацией целевой программы «Подготовка к празднованию 400-летнего юбилея города Енисейска в 2019 году». Помимо проведения ремонтно-реставрационных работ в основном здании по ул. Ленина, 106 планируется увеличение площадей музея за счет освоения других зданий. В отчете музея о работе в 2013 г. сообщается: «В итоге музею будут отведены здания по пер. Пожарному, 1 “Богоявленский собор” в совместное пользование с Енисейско-Норильской епархией под музей православия, ул. Ленина, 106 с размещением музейного центра, по ул. Рабоче-Крестьянская, 106 “Здание городской лечебницы” для размещения музея ссылки и “Усадьба Кытмановых” по ул. Кирова, 82 под размещение музея енисейского купечества». Объем работы у коллектива и дирекции музея значительно возрастет. Не исключено, что можно будет выделить начало четвертого периода в истории музея. И мы желаем процветания Енисейскому краеведческому музею имени А. И. Кытманова, дальнейших успехов его коллективу во всех видах музейной работы и особенно на научном и научно-пропагандистском поприще! Работа этого музея в последние годы – это яркий показатель тех значительных перемен в лучшую сторону, которые постоянно происходят сегодня в музейном деле Российской Федерации.

Горобец Е. Л. Енисейский краеведческий музей // Российская музейная энциклопедия. – М., 2001. – Т. 1. – С. 181.

Гринберг Ю., Истомин Н. Отец сибирских городов // Красноярский рабочий. – 1989. – 29 янв.

Евграфов В. Музыка и судьба: К 70-летию со дня рождения А. Е. Шварбурга // Красноярский рабочий. – 1989. – 18 янв.

Журавлева М. Многие лета тебе Енисейск // Енисейская правда. – 2004. – 23 июля.

Кытманов А. И. Енисейский общественный местный музей и общественная публичная библиотека. – Енисейск : [Б. и.], 1889. – 64 с.

Лалетина Н. Е., Макаров Н. П. Красноярский край // Российская музейная энциклопедия. – М., 2001. – Т. 1. – С. 306–307.

Малютина А. И. Город Енисейск: историко-краеведческий очерк. – Красноярск : Кн. изд-во, 1957. – 163 с.

Рафиенко Е. Н. Историко-революционные музеи // Российская музейная энциклопедия. – М., 2001. – Т. 1. – С. 232–233.

Томилов Н. А. Енисейск как памятник истории и культуры и Енисейский краеведческий музей // Культурологические исследования в Сибири. – 2006. – № 1. – С. 89–91.

Томилов Н. А. Музееведение и музеи мир. Избранные научные работы : в 2 ч. / отв. ред. П. П. Вибе, В. Г. Рыженко, А. В. Якуб. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2016. – Ч. 1 : Музееведение (музеология): теоретические и историографические аспекты. – 368 с.

Томилов Н. А. Музеи Сибири: периодизация и изучение их истории // Научно-исторический и культурно-образовательный потенциал сибирских музеев. – Новосибирск, 2010. – С. 4–12.

Томилов Ю. А. Немного о себе, о творчестве и культуре // Культурологические исследования в Сибири. – 2004. – № 2. – С. 179–185.

Фаст Г., протоиерей. Енисейск православный. – Красноярск : Енисейский благовест, 1994. – 240 с.

Черепанов Н. Енисейск (буклет). – Енисейск, [Б. г.].

Шайдт А. А. Леса музеев // Российская музейная энциклопедия. – М., 2001. – Т. 1. – С. 330.

N. A. Tomilov

*Omsk Division of the Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS,
Omsk State F. M. Dostoevsky University*

YENISEISK – HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS AND YENISEISK MUSEUM

The article includes a small sketch of the history and current state of the city of Yeniseisk, which in 2019 will celebrate 400 years, and the outline of the history of the Yenisei local history museum named after A. I. Kytmanov. The main purpose – to periodization history of the museum. First Period lasted from 1883 to 1927 – the period of formation and development of the museum. Second period – this activity of the museum under the Soviet era in 1928–1990. Third period started in 1991 and continues to this day. It is characterized by susche governmental changes in the work of the museum – in obtaining new premises creating phi affiliates museum, the introduction of new forms of work in the conditions of market reforms and economic in Russia.

Keywords: history, periodization, museum, local history, museum fund, exposure, the scientific work of the museum.

УДК 904

Л. А. Аболина

ООО «Красноярская Геоархеология»

ЕНИСЕЙСКИЙ КИРПИЧ: ИСТОРИЯ, ТЕХНОЛОГИЯ, ПАРАМЕТРЫ, ДАТИРОВКА

Массовое присутствие кирпича среди археологических находок позволило рассмотреть историю кирпичного промысла в одном из первых сибирских городов, Енисейске, в период со второй половины XVII в. до середины XX в. Приводятся технологические подробности кустарного производства кирпича и обнаруженные клейма. По полученным данным создана датировочная таблица, которая помогает проследить не только изменения параметров кирпича, но и взаимосвязь этого процесса с аналогичными процессами в центральных и соседних регионах. Также сделана попытка связать габариты кирпича с персоналиями ремесленников, в разные периоды участвовавших в кирпичном производстве, кладке зданий и печей.

Ключевые слова: Енисейск, археология, кирпич, каменное строительство, печи, кирпичные клейма, датировка.

Кирпич как керамическое изделие долгое время находился в тени исследовательского интереса. Идея использования кирпичной кладки в качестве датирующего источника возникла в связи с реставрационными работами на территории Москвы. И. А. Киселевым, архитектором по специальности, были разработаны методические рекомендации по обследованию и систематизации кладок зданий и кирпича [Киселев, 1990]. На рубеже XX–XXI вв. началось активное изучение русской культуры на территории Сибири. В сферу пристального внимания ученых различных специальностей, археологов, архитекторов, этнографов и других, попали первые сибирские города: Тюмень, Тобольск, Томск, в том числе оставшиеся далеко в стороне от транссибирской магистрали Мангазeya, Верхотурье, Березов, Тара. В них дольше сохранялась историческая застройка, они менее подвергались техногенному натиску. Археологические исследования в Таре и ее окрестностях дали богатый материал по ее истории и культуре. Одним из объектов изучения стал тарский кирпич [Порох, Татауров, 2012; Порох, 2013]. Масштабные археологические работы в Енисейске, развернувшиеся в связи с подготовкой к юбилею города, стали продолжением изучения кирпича в качестве информативного источника. Была продолжена работа предыдущих исследователей

с персоналиями мастеров кирпичников и каменщиков, участвовавших в разное время в процессах изготовления кирпича и кладках [Копылов, 1965; Копылова, 1979; Буланков, 1992; Шумов, 1992].

Традиции и технологии деревянного строительства, сложившиеся в Древней Руси в результате стремительного освоения больших пространств Сибири и по причине частых пожаров, достигли определенного конструктивно-технического уровня. При этом способ отопления жилищ много веков оставался примитивным и осуществлялся глинобитной печью без дымохода (по-черному), что часто являлось причиной пожаров. Подобное положение в ряду других причин сдерживало рост сибирских городов и требовало качественных изменений в строительных технологиях. Производство кирпича обеспечило базу для развития каменного зодчества и перехода к более совершенному способу отопления печами с трубами «по-белому», значительно улучшая качество жизни.

В 1584 г. в Москве был учрежден Приказ каменных дел, в ведении которого находилось всё, что было связано со строительством из кирпича. Тогда же появился первый государственный стандарт размеров, ставший обязательным для казенных заводов: большемерный государев кирпич $28\text{--}32 \times 14\text{--}16 \times 7\text{--}8$ см и маломерный $20\text{--}22 \times 10\text{--}11 \times 4,5$ см для кладки декора [Баранова, 2008, с. 102]. Крупный кирпич в центральных регионах использовался и раньше: церковь в подмосковном с. Дьяково в 1547 г. была сложена из кирпича с параметрами $28 \times 14 \times 8$ см, крепостные стены Смоленского кремля из кирпича с параметрами $31 \times 15 \times 8$ см [История..., 1956, с. 160].

Параметры кирпича в среде реставраторов принято считать уточняющим датирующим признаком каменных кладок. Методика исследования И. А. Киселева предназначена для датировки зданий, поэтому в качестве основных датирующих признаков им были выделены такие, как совокупность толщины швов с рядами кирпича, способы его пересечений между собой и состав известково-песчаного раствора, – признаки, которые нельзя применить ни к печным кладкам, ни к печным развалам. Общим звеном в кладках стен зданий и печей является только кирпич, поэтому в период возникновения кирпичного промысла значение параметров и визуальных характеристик кирпича повышается [Киселев, 1990].

Начальный период кирпичного производства в Енисейске описан А. Н. Копыловым. В 1656 г. Матвей Хахаля с товарищами обжег кирпичи и сложил погреб и печь в таможене. В 1657 г. на гостином дворе при перестройке старого казенного погреба им же были сделаны «творило каменное и три продуха над тем же погребом, каменные же». В 1681 г. в Енисейске появляется казенная винокурня, чтобы «обеспечивать вином кружечные дворы Енисейска, Илимска, Иркутска, Селенгинска и Даурских острогов». В 1689 и 1691 гг. на этой винокурне клал горны Агафон Фомин. В 1690 г. он же изготовил кирпич и сложил печи в воеводской избе. В 1696 г. А. Фомин продал в казну 1 350 кирпичей и упоминается в качестве печника. Андрей Агафонов (вероятно, его сын) в 1697 г. продал в казну «300 обожженных кирпичей большой руки» ($28 \times 14 \times 8$ см), стоивших в то время 0,12 руб. за 100 шт., а кирпичи «обычного формата» были по цене 0,8 руб. за 1 000 шт. В конце XVII в. в Енисейске работали пять кирпичников: кроме отца и сына Фоминых, братья Харитон и Семен Поповы и присыльный посадский человек Семен Кирпичник, все они совмещали выделку кирпича с кладкой печей [Копылов, 1965, с. 162–164].

Кирпичи, изготовленные во второй половине XVII в., обнаружены археологами на нескольких объектах (Богоявленский собор, раскопы по адресу ул. Бабкина, 1 и усадьба Баландина), в двух случаях они были сырцовыми. Размеры первого обожженного в Енисейске кирпича сильно колеблются по величинам, а также по качеству (рис. 1, с. 55; таблица на с. 53–54). Например, лестница, ведущая в зеленый (пороховой) погреб, обнаруженная рядом со зданием Богоявленского собора, построенная предположительно в 1660-х гг., была сложена из кирпича $24\text{--}26 \times 12\text{--}13 \times 6$ см без раствора. Во время ее ремонта, примерно в 1680-х гг., был использован более крупный кирпич правильной формы с четкими гранями с параметрами $30,0 \times 14,5 \times 7,8$ см. Логично предположить, что его мог изготавливать Агафон Фомин, выполнявший на протяжении многих лет государственные заказы на территории острога, либо «присыльный С. Кирпичник». Пороховой погреб в Тобольске этого периода был построен из кирпича подобных размеров: $26,3\text{--}8 \times 12,1\text{--}4 \times 5,2$ и $24 \times 11 \times 5,4$ см на глиняном растворе [Данилов, 2014, с. 216].

Учитывая наличие сырцового кирпича в развалах печей первого строительного уровня на территории усадьбы Баландина и на территории объекта культурного наследия по адресу ул. Бабкина 1, можно предполагать, что его изготовление в Енисейске для нужд горожан началось стихийно и в ряде случаев кирпич не обжигали. Обожженный кирпич для кладки печей в избах стали использовать примерно в 1690-х гг. В 1704 г. в 33 постоянных дворах города было 10 кирпичных печей [Переписная книга..., 1794].

Из письменных источников известно, что печи в Воеводской избе были сложены в 1690 г. А. Фоминым. В описании отмечается, что даже печь в «мыльне», топившаяся по-белому, была с изразцовой отделкой [Опись строениям Енисейского острога..., 1712]. Однако кроме этого сообщается, что в 1697 г. в одной из построек за острогом «печь образцовая ветхая» [Там же], а это значит, что кирпичные изразцовые печи в Енисейске появились примерно в 1660–1670-х гг., еще во время работы Матвея Хахалы.

В начале XVIII в. в ряде других реформ Петра I была введена новая регламентация размеров кирпича: $11 \times 5,5 \times 3$ дюйма ($28 \times 14 \times 7$ см), но при кустарном уровне производства точных размеров достичь было сложно. Различная по составу глина два раза меняла размер изделия: при сушке и при обжиге.

Описание иркутского «кирпичного заводика» дает представление о процессе изготовления кирпича в первых сибирских городах. Его оборудование состояло из «кади для воды, двух ушат, двух ведер водоносных, тридцати

скамей, девяти носилок, тридцати станков кирпичных (имеются в виду столы и дощатые формы. – Л. А.) и четырех сараев, в трех из которых сушили кирпич, а в одном находилась печь для обжига. Возле сараев была яма, в которой замешивали глину, и навес для дров» [Полунина, 1979, с. 15]. Работа и обжиг происходили под присмотром мастеров-кирпичников. «Три-четыре дня в печи поддерживался легкий огонь, выпаривавший воду, потом два дня топили в полную силу и кирпич раскаляли докрасна, после чего печь гасили и он остывал» [Там же].

Наилучшим строительным материалом в Сибири считался «большой обожженный на красном кирпичом весом 15 фунтов из доброй мятой глины» [Копылова, 1979, с. 112]. Вместе с указами о развертывании каменного строительства в начале XVIII в. Сибирский приказ высылал на места инструкции, например, тобольскому воеводе предписывалось кирпич делать «против Московского, а не больши, и сырого отнюдь в зиму не оставлять», поскольку 205-тысячная партия кирпича, «побитого морозом» в 1698–1699 гг., оказалась непригодной к обжигу [Копылова, 1979, с. 112]. Вероятно, такой обожженный после замерзания кирпич использовали и енисейские строители. Найденные в раскопе на ул. Бабкина, 1 экземпляры сотовой, трубчатой структуры представлены на рис. 2, с. 55 и в таблице на с. 53).

Следующим периодом кирпичного производства в Енисейске стало сооружение первого «каменного» здания – Богоявленского собора, для строительства которого был прислан московский уставщик Ф. М. Чайка. В Енисейске им было организовано производство кирпича и обучение каменщиков. Кирпич в возведенной под его руководством центральной части собора имеет по сравнению с более ранним (лестница порохового погреба и с территории северного раскопа ул. Бабкина, 1) другие параметры (см. таблицу) и не отличается четкостью размеров (33–34,7 × 16 × 7,5; 29 × 16 × 8,5 см). Можно сказать, что Ф. М. Чайка придерживался «дореформенных» традиций при изготовлении кирпича, установленных еще в конце XVI в. Приказом каменных дел. Для декора стен им были изготовлены лекальные фигурные кирпичи нескольких модулей.

После завершения строительства собора в 1712 г. получившие навыки каменщики за отсутствием больших заказов занимались кладкой печей, даже сам Ф. М. Чайка работал в качестве печника примерно до 1722 г., в том числе в 1717 г. вместе с шестью товарищами «сделал пять печей на комендантском дворе» [Буланков, 1992, с. 266]. В 1720 г. в Енисейске проживало 12 каменщиков, отдельно перечислены «кирпичники, которые делают кирпич на продажу», это казаки П. Е. Плотников, С. П. Носков, И. А. Кирпичников, М. Сергеев и посадские люди: Л. П. Тулынин, В. П. Козырев [«...Сколько в городах...», л. 1056 об., 1057].

Следующим каменным зданием, построенным в Енисейске, до недавнего времени считался дом воеводы, датой строительства которого определяли 1722 г. Однако средний размер кирпича из его кладки (27,5 × 13 × 5,8 см) не соответствует размерам, распространенным в это время в Енисейске и зафиксированным в кладках основного здания Богоявленского собора и его приделов (см. таблицу). Кирпичи из кладки дома Евсеева, датой постройки которого считался 1730 г., имеют аналогичный размер (26–29 × 13–14 × 6 см), что также не соответствует размерам кирпича этого времени. Каменная кладка и планировочная структура дома воеводы и дома Евсеева сходны между собой, но дом Евсеева имеет более сформированный и пропорциональный архитектурный облик. Последовательность сооружения этих зданий с разрывом в несколько лет выглядит очевидной: сначала был построен дом воеводы, а через несколько лет дом Евсеева, но построены они оба были гораздо позднее, в 1780–1790-х гг. Это подтверждается и исследованиями К. Ю. Шумова, который, проанализировав документы, указывает более точную дату постройки дома воеводы – 1779–1786 гг. [2016]. Следовательно, дом Евсеева был построен несколькими годами позднее.

В 1737 г. строится южный придел Богоявленского собора, а в 1740 г. – северный придел, колокольня и второй этаж. Для их сооружения использовали кирпич таких размеров: 29 × 14,5 × 6,5 см и 30,0 × 14,0 × 6,0 см. К сожалению, из нашего анализа выпадают недавно отреставрированные Спасский монастырь и Воскресенская церковь, а также несколько утраченных ныне памятников архитектуры. Весь этот период, начиная с середины XVIII в., енисейские каменщики строили храмы во многих селах и городах Красноярского края и за его пределами, что отмечается исследователями как сложившаяся енисейская школа [Шумов, 1992, с. 216–225].

В середине XVIII в., несмотря на официальное деление кирпича на городской и трубяной, при строительстве зданий и печей в Енисейске преобладали его крупные размеры (см. таблицу), что видно по печному кирпичу из нескольких строительных горизонтов раскопов на усадьбах Баландина, Дементьева и Кобычева. Эти усадьбы за южной стеной острога появились на рубеже XVIII в. По технологическим признакам кирпича одного строительного периода из разных развалов печей видно, что изготавливался он разными ремесленниками, число которых в городе неуклонно росло. Это подтверждается и клеймами, появившимися на енисейских кирпичах примерно в 1740-х гг. Более ранние из них: «П», «Н», «Д», «Ф»; затем двух- и трехлитерные: «ФПТ», «СН», «КП» [Киселев, 1990, с. 9, 10], трудночитаемые «РАК»; более крупные «ФМ», «НА»; геометрические – квадратик, прямоугольник с литерой «Н». Все енисейские клейма выполнены технически одинаково: на тычке, при помощи разъемной формы, создававшей небольшой выпуклый рельеф (рис. 3–9, с. 55). Молоточек-штамп, распространенный в центральных районах России и г. Таре, здесь не применялся [Киселев, 1990, с. 10, 11, 19–26; Порох, 2011, с. 220; Щербачков, 2013, с. 425]. Счетные линии, диагональные и перекрещивающиеся, появляются в Енисейске в то же время, что и клейма, такими линиями до обжига помечали при подсчете партии кирпича [Порох, 2011, с. 221, 222; Щербачков, 2013, с. 426]. Во второй половине XIX столетия линии дополняются точками, а также другими фигурами и цифрами (рис. 10, 11, с. 55). Тема клейм и знаков требует отдельного исследования.

В 1755 г. в Енисейск был прислан уставщик А. Стахеев из Долматова монастыря для обучения енисейцев каменному делу и строительства Христорождественской церкви (1755–1758 гг.)*. Здание церкви было утрачено в 1950-х гг., кирпич вывезен. С 1772 по 1776 гг. в Енисейске строится Троицкая церковь. Несмотря на наличие местных профессионалов, ее кладка и декор отличаются от предыдущих зданий и напоминают более ранние каменные постройки юга России с толщиной кладочных швов от 1 до 2,5 см и использованием плинфообразного кирпича размером 27 × 13 × 5 см. Вероятно, это связано с работой каменщиков «другой школы». Стены здания насыщены декоративными элементами, выполненными при помощи лекальных форм. В 1775 г. в городе отмечено пять каменщиков. В списке значатся М. С. Зинбицкой, И. И., П. С. и И. С. Ишимцовы, С. Н. Федоров [Шумов, 1992, с. 221, 217]. Вероятно, к этому времени принадлежит лекальный красноглиняный изразцовый кирпич, найденный на усадьбе Баландина, предположительно использовавшийся в кладке печи (рис. 12, с. 55).

В XVIII в. профессия «печник» отсутствует в документах, кладкой печей занимались каменщики. В связи с такой особенностью ремесла в Енисейске и других городах печи-голландки этого периода выглядели как архитектурные сооружения: «с городками и вычурами». Детали декора для печей, аналогичные храмовым, мастера вытесывали вручную (рис. 13–18, с. 55). Интересно, что среди 294 енисейских цеховых в 1768 г. наряду с плотниками и столярами кирпичники и каменщики не указаны [Кривошапкин, 1865, с. 6]. По-видимому, это связано с налогами на землю, которые взимались круглый год, что было невыгодно сезонно работавшим кирпичникам и каменщикам, возможно, поэтому они не регистрировали свой промысел официально.

Таблица

Размеры и датировки кирпича из кладок зданий и раскопов на территории объектов культурного наследия Енисейска XVII–XX вв.

Объект, год постройки	Размеры кирпича, см			Примечания
	Длина	Ширина	Высота	
Ул. Бабкина, 1 северный раскоп, 1650–1680 гг.	21,0–22,0	11,0–12,0	5,0–5,5	Грубой выделки, деформирован, грани неровные, округлые
южный раскоп, 1650–1680 гг.	21,2	10,3–11,0	5,5	Ровный, плотный
южный раскоп, 1670–1700 гг.	24,2	12,0	6,0	Ровный, край округлый, обжиг оптимальный
Пороховой погреб, 1660-е гг.	24,0–26,0	12,0–13,0	5,0	Пропорционально более квадратный, неровный, кладка без раствора
Пороховой погреб, 1680-е гг.	30,0	14,5	7,8	Ровный, грани четкие, обжиг оптимальный
Ул. Бабкина, 1, 1680-е или 1710–1712 гг.	29,0–30,2	14,5	8,0	Структура трубчатая, слоистая, брак
Богоявленский собор (далее – БГС): основное здание, 1709–1712 гг.	33,0–34,7 29,0	16,0 16,0	7,5 8,5	С органическими включениями, красно-коричневого цвета, деформированы
алтарь, 1709–1712 гг.	31,0–33,0	16,5	8,0	Деформированы при сушке
южный придел, 1737 г.	29,0	14,5	6,5	Более ровные
северный придел, 1740 г.	30,0	14,0	6,0	Ровные, обжиг оптимальный
2-й этаж/2-й этаж, свод	29,5/30,5	14,5/14,5	6,0/6,0	–
колокольня	29,5	14,5	5,5	–
Троицкая церковь, 1772–1782 гг., стены	27,8–29,3, ср. 28,5	14,0	5,5–6,0	Плинфообразный. Толстый кладочный слой до 2,5 см
Троицкая церковь, реконструкции	26,0	13,0	6,0	
Дом воеводы, 1779–1786 гг.	26,0–28,0	13,0	5,8	
Дом Евсеева, 1790-е гг. (ул. Петровского, 11)	26,0–29,0	13,5	6,0	
Дом Грязнова, 1778 г. (ул. Ленина, 83)	28,2–29,5	13,0–14,0	5,5–6,0	
Усадьба Кобычева 1810 г.: два раскопа, первая половина XVIII в.	29,5/28,0	15,0/14,0	6,5/6,5	
раскоп, вторая половина XVIII в.	27,5	13,5	6,0	
Флигель Кобычева, 1837 г. (ул. Горького, 6)	25,5	13,0	5,5	

* К. Ю. Шумов, используя архивные данные, приводит фамилии каменщиков, вероятных последователей школы А. Стахеева, это Злыгостевы, Лютых, Малетины, Огрысковы, Паклины [1997, с. 216].

Объект, год постройки	Размеры кирпича, см			Примечания
	Длина	Ширина	Высота	
Ул. Бабкина, 1. Училище, 1822–1824 гг.	26,0	12,5	6,2–7,0	
Дом Дементьева, 1840-е гг. (ул. Ленина, 109)	25,5–27,2	13,0	5,8–7,4	
Дом Дементьева, 1840-е гг. (со стороны Партизанского пер.)	25,2–27,0	12,0–13,0	6,3–7,0	
Пакгауз во дворе дома Дементьева	26,5	12,3–13,6	6,0–7,0	
Дом П. Кытманова, 1840-е гг. (ул. Ленина, 107)	27,5 24,5–25,5	13,5 12,7	6,5 6,5	
Дом Баландина, 1830–1840-е гг. 1-й этаж (ул. Ленина, 103)	26,5	12,5	6,5	
Лавка Баландина, 1830–1840 гг. (?):	27,0 29,0 24,5–26,9	13,0 14,0 12,0–14,0	6,0 6,0 6,5	Три вида кирпича, встречаются крупноформатные, вторичного использования
Флигель, 1-й этаж/2-й этаж	25,0/26,0	12,0/12,5	6,5/6,3	
Пакгауз, 1-й этаж	23,5–27,4	12,0	6,5	
Пакгауз, 2-й этаж	26,0	12,0	6,0	
БГС, реконструкции, 1830-е гг.	25,5–26,0	12,5	6,0	Плотный, оптимальный обжиг, клейма 1 к 10
Дом Флеера, 1860-е гг. (ул. Ленина, 101)	26,5	12,8	6,3–6,7	
Типография, 1865 г.(?) (Партизанский пер., 19)	26,2–27,5	12,1–13,4	6,3–8,0	
Дом Урушева, 1890-е гг. (ул. Фефелова, 80)	26,5	12,5	7,0	Пережженно-выпуклые
Аптека, 1899 г. (ул. Рабоче-Крестьянская, 106)	25,8	12,7	6,7	
Дом Козичина, начало XX в. (ул. Петровского, 1)	26,0	13,0	7,0	Деформированные, с округлыми гранями

Тенденции в изменении размеров кирпича и клейм синхронно, но с некоторым опозданием повторяют аналогичные процессы, происходившие в Москве. Со второй половины XVIII в. енисейские кирпичники постепенно отказываются от большемерного кирпича, требовавшего больше усилий в обработке и более подверженного деформации. Уменьшение его параметров было продиктовано стремлением к оптимальному сочетанию возможностей материала с размером изделия. После периода «габаритной нестабильности», когда и печи и стены зданий клали из одинакового кирпича, к середине XIX в. его величина постепенно приближается к современному стандарту и намечается разделение кирпича на печной и архитектурный.

На государственном уровне к этому времени регламентированные размеры кирпича тоже изменились, составив $26,5 \times 13,3 \times 6,7$ см [Киселев, 1990, с. 8]. Несмотря на стремление к модернизации трудоемкого процесса кирпичного производства в Европе, в российской провинции до XX в. технология оставалась кустарной и выглядела так же, как и в начале XVIII в. Так, в Шадринском уезде Пермской губернии производство кирпича и во второй половине XIX столетия было процессом длительным и трудоемким: «В ямах глубиной до сажени и более глина скапывается на 3 и 4 четверти лопатами и потом, подливаемая водою и месимая, протаптывается сильно ногами людей и лошадей; при этом выбираются и выбрасываются вон из нее камешки и гальки. После чего переносится в сарай и оставляется до следующего дня “захряснуться”. Сарай обычно делается на высоких местах и накрывается на два ската от солнца и ветра с продушинами внизу, которые открываются по мере необходимости. Выделка производится ручная посредством четырехугольных деревянных форм, сделанных в виде призмы, без всякого дна, в длину 5,5, в ширину 3 и толщину 1,5 вершка ($24,2 \times 13,3 \times 6,7$ см). Форма помещается на низеньком столике, под руками делальщика, в которую бросается им со всего размаха большой ком глины, смятой в руках, смоченной водою и прокатанной в песке, потом вдавливаются он руками в форму» [Зырянов, 1866, с. 39]. Кирпич из большинства печных развалов в Енисейске этого периода содержит все следы подобного производства, при котором один рабочий из готового материала в день мог изготовить 400–500 шт. кирпича.

В середине XIX столетия в Енисейске, согласно «Книге обывательской по Енисейску», «промысел имели от ремесла кирпичного» А. М. Антипин – 60 лет, С. А. Попов – 49 лет, П. И. Симонов – 35 лет, А. Г. Сиколов – 46 лет; от ремесла каменнокладильного А. И. Григорьев – 55 лет, А. Д. Григорьев – 42 лет, С. А. Кочнев – 45 лет, Г. Я. Кочнев – 52 лет, В. А. Терентьев – 55 лет [Книга обывательская..., 1852–1955].

- Рис. 1. Фрагмент кирпича второй половины XVII в.
Рис. 2. Структура кирпича, обожженного после замерзания
Рис. 3–9. Клейма на кирпичах из Енисейска
Рис. 10, 11. Счетные знаки
Рис. 12. Лекальный изразцовый кирпич с усадьбы Баландина
Рис. 13. Декор на Богоявленском соборе Енисейска
Рис. 14. Деталь декора печи «городок» с усадьбы Баландина
Рис. 15. Декор на церкви Святителя Николая в Хамовниках (Москва)
Рис. 16–18. Архитектурные элементы декора на печных кирпичах

«Обжигательные печи устраиваются временные в тех же ямах, из коих добывается глина для кирпича и кои обкладываются по бокам их поврежденным сырцом с обмаскою его глиною, а взамен очага, поперек печи над вместилищем дров выкладываются поперечные перемычки из самого крепкого кирпича, на который составляется потом весь сырец, предназначенный к обжигу. Сырец укладывается рядами с возможными продухами для пропуски жара; а вверх, вместо шатра, закладывается плотнее поврежденными частями его или обломками. В печь усаживается кирпича от 1 000 до 2 000 штук. Обжиг производится в том же режиме и когда кирпич раскаляется, то сверху для равномерности обжига немедленно замазывается глиной и засыпается землею, как закладывается под послед и самый очелок. Охлаждается четыре-пять дней. Весь процесс, начиная с укладки до окончания обжига, составляет 10–14 дней» [Зырянов, 1866, с. 40]. Оранжево-красный цвет готового кирпича свидетельствует о невысокой температуре обжига – до 960 °С, красно-коричневый цвет и более плотная структура свидетельствуют о температуре более 1 050–1 200°.

В 1878 г. среди 27 заводов Енисейска кирпичные снова не указаны. Однако в отчете Енисейской городской думы за 1892 г. записана значительная сумма – 179 руб., полученная «с кирпичных заводов» [Губернские ведомости]. В конце XIX в. упоминается кирпичный завод К. А. Плотникова [Туман-Никифорова, Чеберяк, 2012, с. 228]. Список избирателей в городскую думу 1919 г. содержит имена последних енисейских ремесленников: И. С. Стручков, 60 лет, владелец кирпичного завода; П. В. Бабкин, 73 года, кирпичный мастер. Каменщики: И. Т. Андронников, 43 года; И. П. Кочнев, 39 лет; В. А. Кулыгин, 43 года; Н. В. Кулыгин, 21 год; И. И. Турпанов, 34–36 лет. Печники: П. Я. Кочергин, 50 лет; А. А. Матонцев, 42 года; Ф. И. Холодеев, 58 лет [Список..., 1919].

После революции 1917 г. производство кирпича в Енисейске прекратилось. Свидетельства старожилов о количестве кирпичных заводов, существовавших до 1917 г., противоречивы: от восьми до трех*. Известно, что во время Великой Отечественной войны горожане разбирали Троицкую церковь для кладки домашних печей. Вопрос о возобновлении производства кирпича возник лишь в середине XX в., о чем свидетельствует решение исполкома горсовета ввиду острого дефицита кирпича в Енисейске в виде двух документов:

1) организовать в Енисейске кирпичное производство в объеме 250 тыс. шт. кирпича в год;

2) строительство и эксплуатацию кирпичного завода поручить городскому коммунальному отделу, обязав его выпустить в 1951 г. не менее 50 тыс. шт. кирпича [О строительстве..., 1951, л. 101].

Коммунальный отдел командировал Д. И. Раменского на курсы мастеров кирпичного производства, где он обучался с 24 сентября по 23 ноября 1957 г. и окончил их с отличием, получив удостоверение № 4723.

Из кирпича, изготовленного Енисейским кирпичным заводом, было построено несколько зданий и школа № 3, после чего он был закрыт. В настоящий момент енисейцы используют привозной кирпич.

В результате исследования удалось получить общее представление о кирпичном промысле в Енисейске в период с XVII по середину XX вв. и выделить опорные хронологические ориентиры, которые помогут продолжить работу по изучению объектов культурного наследия города и персоналий кирпичных мастеров.

«Губернские ведомости» // Архив г. Енисейска. Ф. 6. Оп. 1. Д. 76. Л. 3.

Книга обывательская по г. Енисейску с 1852 по 1855 гг. // ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 2. 346 л.

Опись строениям Енисейского острога при передаче стольника воеводы Михаила Даниловича Римского-Корсакова стольнику воеводе Богдану Даниловичу Глебову, 1712 г. // РГАДА. Ф. 214. Кн. 1148. Л. 73, 79–81, 216.

О строительстве в городе Енисейске кирпичного завода (ручной выработки) // Архив г. Енисейска. Р-27. Оп. 1. Д. 154. Л. 101.

Переписная книга постоянных дворов Енисейска 1704 г. // РГАДА. Ф. 214. Кн. 1390. Л. 13–62 об.

«... сколько в городах Сибирской губернии каких заводов и мастеровых людей ведомости...» // РГАДА. Ф. 271. Берг-коллегия. Оп. 1. Кн. 634. Л. 1056–1063.

Список избирателей по выборам в городскую думу 1919 г. Енисейска // ГАКК. Ф. 397. Оп. 1. Д. 1.

Баранова С. И. Кирпич как орудие национальной самоидентификации // Антиквариат. – 2008. – № 5 (57). – С. 100–107.

Буланков В. В. Хронология каменных строений в Енисейске в XVIII в. // Памятники истории и культуры Красноярского края. – Красноярск, 1992. – Вып. 2. – С. 261–270.

Данилов П. Г. Пороховой погреб Тобольска XVII века по археологическим и историческим материалам // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2014. – Т. 13, № 5. – С. 209–220.

Зырянов А. Н. О выделке кирпича крестьянами Шадринского уезда Пермской губернии // Труды Вольного экономического общества, 1866. – Т. 3, вып. 1. – С. 33–41.

История русской архитектуры. – М. : Госстройиздат, 1956. – 614 с.

Киселев И. А. Датировка кирпичных кладок XVI–XIX вв. по визуальным характеристикам : метод. пособие. – М. : Ин-т «Спецпроектреставрация», 1990. – 33 с.

Копылов А. Н. Русские на Енисее в XVII в. – Новосибирск : Наука, 1965. – 235 с.

Копылова С. В. Каменное строительство в Сибири. Конец XVII–XVIII вв. – Новосибирск : Наука, 1979. – 253 с.

Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. – Красноярск : КККМ, 2014. – Т. 1. – 378 с.

* Информаторы – Александр Иванович Васильев, 1925 г. р., и Надежда Семеновна Донова, 1939 г. р., Енисейск.

Полунина Н. В. У истоков каменного града. – Иркутск : Вост.-сиб. изд-во, 1979. – 127 с.

Порох М. И. Тарский кирпич XVIII – начала XX вв. (по результатам археологических исследований и визуального осмотра кладок зданий) // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. – Омск, 2011. – С. 217–223.

Порох М. И., Татауров С. Ф. Методика исследования кирпичей из археологических памятников русского населения XVII – начала XX вв. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – Челябинск, 2012. – № 32 (291). – С. 41–45.

Туман-Никифорова И. О., Чеберяк Н. Б. Купеческое предпринимательство Енисейской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2012. – № 9. – С. 224–230.

Шумов К. Ю. Цех мастеров каменных дел Енисейска XVIII в. // Памятники истории и культуры Красноярского края. – Красноярск, 1992. – Вып. 2. – С. 213.

Щербаков В. В. Кирпичи с клеймами из Сергиева Посада и окрестностей // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. – М., 2010. – Вып. 6. – С. 424–428.

Шумов К. Ю. «Дом воеводы» в Енисейске. – URL: http://naov.ru/articles/65_quotdom-voevodiquot-v-eniseyiske.html (дата обращения: 16. 01.2017).

L. A. Abolina

Krasnoyarsk Geoarcheology, Ltd.

THE YENISEISK BRICK. HISTORY, TECHNOLOGY, PARAMETERS, DATING

Mass presence of bricks among archeological finds allowed to consider history of brick trade in one of the first Siberian towns – Yeniseisk during the period from the second half of the 17th to the middle of 20th centuries. Technological details of handicraft production of bricks and the found brands are given. According to the obtained data the dating table has been created. It allows to trace not only changes of parameters of the bricks, but also compare them with other regions. The attempt to connect brick dimensions with a personnel of handicraftsmen during the different periods participating in brick production, a construction of buildings and furnaces is also have been made.

Keywords: Yeniseisk, archeology, brick, stone construction, furnaces, brick brands, dating.

УДК 904

Л. А. Аболина¹, В. В. Щербаков²

¹ООО «Красноярская Геоархеология»,

²Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник

ПЕЧИ ЕНИСЕЙСКА XVII–XX ВЕКОВ: ОТ КАМЕНОК И ГЛИНОБИТНЫХ БЕСТРУБНЫХ К КИРПИЧНЫМ РУССКИМ И ИЗРАЗЦОВЫМ ГОЛЛАНДСКИМ ДО «УТЕРМАРКОВСКИХ»

Различные виды печей, распространенных в определенные временные промежутки, их характерные элементы и технические характеристики, причины появления и исчезновения рассматриваются на основе археологических, архивных и этнографических материалов. Процесс изменений и усовершенствований печного отопления показан в исторической ретроспективе и тесно связан с развитием жилого комплекса русских. Изучение печей Енисейска подтверждает, что в городах Сибири, ввиду стремительного ее освоения, замена отопления «по-черному» на отопление «трубными печами» произошла значительно быстрее, чем во многих регионах на европейской территории государства и сопровождалась местными изобретениями.

Ключевые слова: Енисейск, печи русские, голландки, изразцовые, печи «утермаркские», кирпич, вьюшки, заслонки.

Эволюционные процессы в системе жизнеобеспечения на разных территориях происходят синхронно, но не одинаково. В полной мере это можно отнести к совершенствованию системы отопления в центральной Сибири. Краткие упоминания о печах содержат и ранние архивные документы, и описания сибирского быта [Опись строениям..., 1712; Челобитные..., 1713; Авдеева-Полевая, 1837 и др.]. В связи с развитием путей сообщения и государственным строительством в европейской части России во второй половине XIX в. появился ряд публикаций

по вопросам печного отопления [Свиязев, 1867; Флавицкий, 1882; Степанов, 1883, 1887; Веденяпин, 1899]. Во второй половине XX в. региональным конструкциям печей уделяли внимание многие авторы [Бломквист, 1956; Александров, 1964; Копылов, 1965; Спегальский, 1968; Станюкович, 1970; Раннопорт, 1975; Маслих, 1983; Баландин, Филиппова, 1994; Майничева, 2002 и др.]. Несмотря на это, в связи с узкой спецификой темы и большим разрывом между теорией и народной практикой история печного дела содержит множество неясностей и вопросов.

В данной статье, основанной на различных материалах Енисейска, показан процесс усовершенствований печного отопления на протяжении четырех сотен лет жизни города. Результаты, полученные в ходе археологических работ на его территории, подтверждают и иллюстрируют предыдущие исследования, привносят новые факты и помогают понять причины и закономерности изменений.

В начале XVII в. на территории Центральной Руси в качестве основных теплотехнических сооружений были распространены беструбные глинобитные русские печи и каменки; в богатых домах уже появились печи кирпичные и ценинные [Рабинович, 1975, с. 235; Раннопорт, 1975, с. 135–151]. Статья С. Н. Баландина и Н. Н. Филипповой дает основательные представления о первоначальном виде русского жилища и его отоплении в период освоения Сибири [1994, с. 90–104]. Археологами в Мангазее обнаружены каменные печи из булыжника и построенные с использованием кирпича-сырца [Белов, Овсянников, Старков, 1981, с. 13, 14, 17; Визгалов, Пархимович, 2008, с. 37–57].

Около 30 наиболее информативных развалов печей, исследованных на сегодняшний день в Енисейске, показывают последующие изменения в печном строительстве. Большая часть обнаруженных развалов до разрушения являлась русскими отопительно-варочными печами рядовых горожан. Другая часть – развалы печей-голландок, в том числе изразцовых, принадлежавших купечеству. Кроме глинобитных сооружений, зафиксированы две печи с применением кирпича-сырца. Так, развал из северного раскопа на ул. Бабкина, 1 состоял из необожженного кирпича и большого количества камней, опечек и пол под развалом отсутствовали, контуры постройки не сохранились. Вторая печь находилась в сгоревшей постройке за пределами острога на усадьбе Баландина, участок 2, развал в результате пожара сместился в сторону понижения грунта. В верхнем слое, выше фрагментов топочной камеры, прочитывалась форма кирпичей, среди которых было несколько небольших камней, в среднем слое сохранился контур опечка. Развал, вероятно, продолжительное время находился в воде, что могло произойти во время наводнения, отчего он имел размытые формы.

Постепенный переход к отоплению по-белому иллюстрируют глинобитные печи с дымовыводными трубами из обожженного кирпича. Развал такой печи в поземной избе (ул. Ленина, 106, конструкция № 13) состоял из фрагментированной обожженной глиняной массы, поверх которой лежал кирпич от трубы. Ниже находился заполненный глиной опечек с несколькими камнями (рис. 1: 1, с. 60). Судя по красно-оранжевому цвету глины, из которой была сбита топочная камера, мощности прокала и состоянию внутренней поверхности стенок камеры, печь работала около 25 лет. Подобные печи еще долго продолжали функционировать рядом с кирпичными голландками, что зафиксировано в усадьбе Баландина (раскоп С. 2–4, ярус 3), предварительно датированной 1800–1840 гг.

Кирпичные печи в домах горожан появились примерно в 1690-х гг. [Перепиная книга..., 1704]. В это время в Енисейске работали уже пять кирпичников, занимавшихся и кладкой печей [Копылов, 1965, с. 162–164]. Этому периоду принадлежит развал русской кирпичной печи в зимовье, предварительно датированном рубежом XVII–XVIII вв. (усадьба Баландина, раскоп В-16, конструкция № 6). Постройка небольшого размера, около 3,5 × 3,5 м, и имеет традиционную планировку зимовья, от которого сохранились два нижних венца с рубкой в обло, пол и развал печи. Вход находился с восточной стороны, где зафиксированы упавшие косяки двери высотой около 1,4 м. Слюдяное окошко было в южной стене. Кирпичная русская печь (145 × 168 см) находилась справа от входа, устьем перпендикулярно к двери, на невысоком, около 40 см, деревянном опечке, стоящем на грунте и заполненном глиной. Под развалом клиновидного кирпича от свода камеры сохранилось четыре ряда ее стенок толщиной в два ряда кирпича (27–29 см) и сильно прогоревшего «пода» из кирпича, лежащего плашмя. В районе устья и на полу лежала груда камней 10–15 см. Под подом, в западной стенке, находился приклад (тазовая кость крупного рогатого скота). За печью на высоте опечка был деревянный настил (177 × 168 см). Судя по состоянию кирпича, до пожара печь использовалась не менее 20 лет. Возгорание произошло перед устьем печи, что прочитывается по картине распространения огня (рис. 1: 2).

Для развалов печей до середины XIX в. характерно большое количество камней среди кирпича и глины [Раннопорт, 1975; Белов, Старков, Овсянников, 1981; Визгалов, Пархимович, 2008 и др.]. Еще в древности была замечена большая теплоемкость камня. В регионах, где исходной конструкцией печей были печи-каменки, глину стали применять, чтобы добиться герметичности кладки. Но у камня и глины из-за разной плотности происходит различное расширение объема, при нагревании разрушающее кладку. Поэтому соотношение и место применения камней варьировалось в попытках приблизиться к идеальному сочетанию [Бломквист, 1956, с. 260].

Глинобитные печи по сравнению с каменками были крепче, долговечнее и практичнее. Во время освоения Сибири они уже сооружались при помощи формообразующего деревянного каркаса, что археологически фиксируется припечным столбом. От применения крупных камней в глинобитной кладке отказались. Тем не менее во всех развалах XVII, XVIII и даже первой половины XIX вв. присутствовало множество камней размером от 10 до 20 см преимущественно плотной структуры, часто фрагментированных (рис. 1: 4). Находились они в развалах русских печей, в районе топочной камеры или в непосредственной близости от нее, большинство не содержало следов копоти, что возможно только в топке; многие имели красноватые следы прокала и трещины, произошедшие

от экстремального температурного режима. На основании многочисленных полевых наблюдений можно утверждать, что камни находились внутри топочной камеры, увеличивая тем самым ее теплоемкость, и использовались в том числе для нагревания воды в деревянных сосудах. Это подтверждается свидетельствами старожилов: когда «бучили» белье в бочке, сыпали золу и заливали водой, «а потом камни раскаливают в печке в русской или в бане и кидают туда». В бане «мужики натаскают воды в бочки. Воду грели камнями. Кидашь в каменку эти камни, наверх дрова налаживашь. У нас же по-черному были бани. Они накалились, угли подгребашь, вот так, и оттуда клюкой эти камни вытасковашь, потом берешь их шшипцами такими и в бочку» (д. Ярцево Енисейского района, пос. Мотыгинск Красноярского района и др.) [*Афанасьева-Медведева*, 2010, с. 59]. В XVIII в. камни для сооружения печи применялись только в бане, например, на Тобольском губернаторском дворе потребовалось «1 500 кирпичей 8 и 5 возов глины и песку, на каменницу 20 возов камня». Для сооружения домашних печей в 1713 г. – только глина и песок: «5 возов глины и песку поровну 400 кирпичей» [*Челобитные...*, 1713, л. 1, 2 об.].

Кирпич, сопоставимый по размеру с сырцовым, в строительных горизонтах второй половины XVII в. имеет средние размеры 24 × 11–12 × 6 см и плохую сохранность, что свидетельствует о стихийном его производстве. В XVIII в. «трубный кирпич» подобного размера не получил распространения, наоборот, после строительства Богоявленского собора в Енисейске мастера, участвовавшие в его возведении, почти до середины XVIII в. клали печи из крупного кирпича: 29 × 14 × 6,5–7 см. «В сентябре 1717 г. Ф. Чайке вместе с товарищами было выдано из казны 3 руб. за дело пяти печей на комендантском дворе» [*Буланков*, 1992, с. 266].

При кладке топочных сводов использовались те же строительные приемы, что и в сооружении кирпичных арок зданий, сводившиеся к уменьшению трудозатрат при изготовлении клиновидного кирпича. В возведении свода печей это выражалось в чередовании продольных рядов целого кирпича с несколькими рядами клиновидного. Полость над сводом заполнялась глиняным раствором, иногда с добавлением гальки. Развалы именно таких печей преобладают в слое XVIII в. В Енисейске не изготавливали лекальный клиновидный кирпич, как это произошло в других населенных пунктах, а вплоть до XX в. продолжали его вытесывать вручную.

Для перекрытия «выводной кирпичной» трубы на разных территориях применялись различные способы. В Енисейске это делали при помощи керамической рамки в виде кольца с верхним желобом и керамической крышкой, вставлявшейся во время кладки в тело трубы перед потолком. Изделие является керамическим прототипом «выюшки» (рис. 1: 3, 5–8). Наружное отверстие, через которое вынимали крышку, прикрывалось заслонкой. Концентрация фрагментов выюшек разного времени на городской территории свидетельствует о том, что этот способ появился вместе с кирпичными трубами и использовался вплоть до распространения железных выюшек заводского изготовления. Фрагменты подобных изделий были найдены авторами в с. Бадай Иркутской области и Иркутске. Информация по другим территориям отсутствует.

Распространение в Енисейске отопительных печей–«голландок» связано с появлением профессиональных каменщиков [*Копылова*, 1979; *Буланков*, *Шумов*, 1992]. Среди печных развалов в усадьбах Баландина, Савельева, Кобычева найдено множество фигурно вытесанных кирпичей в форме пирамидок-городков и «виття» в подражание храмовым архитектурным деталям: «Из сеней входили прямо в горницу; там на правой стороне изразчатая печь с вычурами» [*Авдеева-Полевая*, 1823, с. 19]. Наряду с изразцовыми, в Енисейске в XVIII в. печи «с городками и вычурами» в домах горожан были кирпичными, на многих фрагментах зафиксированы следы светлой покраски.

Изразцовые печи не только обогревали, но и украшали интерьеры домов и церквей (рис. 2, с. 61). О начале их распространения в Сибири дают представление челобитные 1713 г. с перечислением сделанных кирпичных и ценных печей у высокопоставленных обитателей Тобольска [*Челобитные...*, 1713, л. 7, 7 об., 91, 168, 466]. В Енисейске они упоминаются с конца XVII в. К сожалению, ни одной изразцовой печи XVIII в. не сохранилось. О многообразии их форм и художественном оформлении изразцов мы узнаем только из раскопок. В 2015–2016 гг. в ходе археологических исследований на территории усадеб Кобычева и Баландина были найдены фрагменты красных рельефных изразцов от разных частей печного набора. Зеленые «муравленные» изразцы: лицевые, карнизы, городки – встречались в раскопах Богоявленского собора. Помимо растительных узоров, в оформлении изразцов использовали любимые на Руси изображения двуглавого орла и единорога. Слоям конца XVII – начала XVIII вв. принадлежат красные, без поливы, а также муравленные изразцы. В XVIII в. их сменили полихромные рельефные, с «вычурами». Таких фрагментов больше у домов Дементьева и Савельева, где найдены развалы от нескольких печей.

Со второй половины XIX в. получили распространение гладкие белые изразцы. Печи с отделкой из них примерно 1840-х гг. постройки были обнаружены в доме Баландина. В конце XIX – начале XX вв. в облицовке печей получили распространение «кафли», изготавливавшиеся как в России, так и за ее пределами.

Изразцовые, или «голландские» (отопительные, без камеры для готовки), печи первоначально были большими, и за процессом топки следил истопник. Это подтверждается и внушительными печными развалами первой половины XVIII в. в домах зажиточных енисейцев, включая губернаторский дом. Затем размер печей неуклонно уменьшался: «Предки наши относительно устройства печей поступали гораздо благоразумнее нас, потому что строили массивные печи, тогда как мы, доверяя разным шарлатанам, думаем нагреть свои помещения игрушечными печами» [*Степанов*, 1897, с. 198]. Об уменьшении размеров голландок можно судить по основаниям небольших изразцовых печей (около 100 × 80 см) из более поздних построек на усадьбах Баландина и Дементьева.

Рис. 1. Печи Енисейска:

1 – глиняный опечек с камнями (ул. Ленина, 106, конструкция № 13); 2 – зимовье с нижней частью печи (усадебка Баландина, раскоп С, конструкция № 6); 3 – развал кирпичной печи с фрагментом выюшки (усадебка Баландина); 4 – типичный вид камня из развалов печей; 5, 7, 8 – рамки выюшек разных периодов; 6 – фрагменты крышки от выюшки (усадебка Баландина)

Рис. 2. Характерная для XVII в. изразцовая печь, 1680-е гг. (Приказная палата. Музей «Коломенское»)

Про енисейских печников, не имевших опыта в кладке «многоуровневых» печей в этажных зданиях, сообщалось в периодической печати за 1885 г. Во время осмотра здания мужской гимназии «архитектор немец велел при себе истопить печи, полез на вышку, указывал на опасность устройства печных труб (боровов) в дереве, на худую топку, так как затопленные печи все дымили, на необходимость устройства труб для каждой печи» [*Письма из Енисейска*, 1885]. Кто исправлял печи, не сообщается.

Уже в начале XIX в. с появлением многоэтажных зданий возникла необходимость в новых, более тепломкких печах, и такая конструкция была изобретена в 1812 г. И. Г. Утермарком. Это была печь, отличавшаяся от голландки наличием железного футляра и более тонкими внутренними кирпичными стенками. Такие печи в последней четверти XIX в. стихийно стали распространяться в Сибири, но в упрощенном варианте – из листового железа без применения кирпича. Они-то и послужили причиной для бурной полемики о вреде и пользе железных печей и нового витка усовершенствований печного отопления, разработкой которых занимались инженеры [*Свиязев*, 1867; *Флавицкий*, 1882; *Степанов*, 1883, 1887].

О железных печах на территории Восточной Сибири упоминается в описании Николаевского завода в 1880 г., где началось их производство, а также использование для отопления барачных рабочих [*Лыхин, Аболина*, 2013, с. 213]. Такие печи приходилось топить непрерывно: они быстро нагревались, производя при накаливании вредное излучение, но также быстро и остывали, поскольку не обладали массой для сохранения тепла. Несмотря на недостатки, железные печи стали популярны среди населения, поскольку русские печи, стоявшие на опечке высоко от пола, не прогревали нижнюю часть избы.

Голандки, прогревавшиеся от пола до потолка, успешно решали эту проблему, но такие печи были лишь в домах у зажиточных горожан. Для народа были доступнее печи из листового железа. Их устанавливали рядом с русской печью, а трубу выводили в ее дымоход. Заводы быстро откликнулись на потребность рынка, и к концу XIX столетия большинство сибирских домов уже обогревались железными «буржуйками» или «контрамарками». Вот как описывается ее использование: «В стене между кухней и комнатой помещалась по обыкновению русская печь, а в комнате имелась, кроме того, маленькая железная печка, которую приходилось топить непрерывно в жестокие зимние морозы, когда температура падает до 40–50 гр. (ниже нуля)» [*Нансен*, 1913, с. 103]. В деревнях, расположенным по берегам Енисея, в 1911 г. «выгружались всевозможные товары; главным образом мешки с мукой, затем железные печи, кровати и проч.» [Там же, 1913, с. 108].

Инженеров государственных учреждений беспокоили недостатки железных печей, но в то же время привлекали их большие возможности: высокая теплопроводность, мобильность в применении. Не придумав ничего нового, вернулись к конструкции, изобретенной И. Г. Утермарком. Компактные, цилиндрической формы печи в металлическом футляре быстро и хорошо прогревались, были более легкими и простыми в изготовлении. Располагаясь на разных этажах здания, они просто присоединялись дымоходами к общей трубе. Такие печи были одним из самых демократичных изобретений XIX столетия и долго использовались населением и государственными учреждениями.

Несмотря на ряд преимуществ утермарковских печей, в 1880-х гг. по поводу их использования среди специалистов в области отопления разгорелась полемика, длившаяся несколько лет. Инженер-поручик В. П. Степанов приводит обзор ее сути в завершающей стадии: «Генерал-майор Войницкий в своем курсе для инженерной академии признает, что нагревание утермарковскими печами производится значительно скорее, чем голландскими, они занимают меньше места и относительно расхода топлива выгоднее». По мнению Г. Лукашевича, «голландские печи при всех недостатках их конструкции в настоящем виде следует считать нерациональными». «Противник железных печей инженер Флавицкий в конце концов признал, что утермарковские печи не раскаляются до такой степени, чтобы происходило вредное излучение от железа». Таким образом, В. П. Степанов подводит итог: «Вообще, изразчатая облицовка, имея некоторые достоинства, не может быть признана рациональной при устройстве печей и скорее обуславливается не необходимостью, а нашей привычкою и существующим предубеждением против печей в железных футлярах» [Степанов, 1883, с. 13–25].

Пока происходили процессы усовершенствования отопительных конструкций, для выпечки хлеба и приготовления пищи повсеместно, в том числе и в Енисейске, продолжали использовать кирпичные русские печи. Енисейск за это время стал небольшим провинциальным городом. Это обстоятельство способствовало тому, что буквально до начала «реставрационных» работ к предстоящему юбилею в городских памятниках архитектуры сохранялись в гармоничном соседстве печи нескольких видов. В каменных зданиях межкомнатные и угловые изразцовые голландки, уцелевшие во время пожара 1869 г., когда сгорела большая часть города. В доме Бородкина, построенном в 1909 г. в стиле «модерн», комнаты обогревали всё-таки кафельные голландки, а не утермарковские печи, распространившиеся в Енисейске к тому времени и представленные в домах Евсеева, Баландина и в уездном училище. В этом плане интересна публикация в «Сибирском вестнике» за 1893 г. о разных видах печей в жилом доме Енисейска: «Молния ударила в детской в круглую, железом обитую печь сверху в проволоку, раздвинула кирпичи на полдюйма, спустилась в железную обивку до середины, перешла через воздух в рядом стоящую голландку, выходящую в спальню, и, должно быть, по внутренней проволоке спустилась к основанию печки» [Сибирский вестник, 1893]. В описании показано рациональное сочетание голландских и утермарковских печей для обогрева комнат, притом что в кухне непременно использовалась русская печь.

Развитие печного отопления в Енисейске в основных чертах повторяет подобные процессы, происходившие в других районах Сибири со сходными природно-климатическими условиями. В статье остались незатронутыми промышленные печи, предполагающие отдельное исследование.

Опись строениям Енисейского острога при передаче стольника воеводы Михаила Даниловича Римского-Корсакова стольнику воеводе Богдану Даниловичу Глебову, 1712 г. // РГАДА. Ф. 214. Кн. 1148. Л. 78–81.

Переписная книга постоянных дворов Енисейска (1704 г.) // РГАДА. Ф. 214. Кн. 1390. Л. 13–63.

Письма Енисейска // Архив г. Енисейска. Ф. 6. Оп. 1. Д. 39. Л. 4 : Вырезки из газеты «Сибирский вестник». – 1885. – № 26.

Происшествия // Архив г. Енисейска. Ф. 6. Оп. 1. Д. 31. Л. 4 : Вырезки из газеты «Сибирский вестник». – 1893. – № 79, вырезки.

Челобитные разных лиц в Тобольскую канцелярию (1713 г.) // РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. № 2251. Л. 1, 2 об., 7, 7 об., 91, 168, 466.

Авдеева-Полевая К. Записки и замечания о Сибири. С приложением старинных русских песен. – М. : Тип. Николая Степанова, 1837. – 156 с.

Александров В. А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII вв. (Енисейский край). – М. : Наука, 1964. – 304 с.

Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири. – Иркутск : Тип. «ООО Репроцентр А1», 2010. – Т. 5. – 544 с.

Баландин С. Н., Филиппова Н. Н. Жилища русских первопроходцев в Сибири в XVII – первой половине XVIII вв. // Городская культура Сибири: история, памятники, люди. – Новосибирск, 1994. – С. 90–104.

Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. – Л. : Гидрометеиздат, 1980. – Ч. 1. – 164 с.

Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. – М., 1956. – 458 с.

Буланков В. В. Хронология каменных строений в Енисейске в XVIII веке // Памятники истории и культуры Красноярского края. – Красноярск, 1992. – Вып. 2. – С. 261–270.

- Веденягин А.* Курс отопления и вентиляции для Николаевской инженерной академии. – СПб. : Тип. А. Пороховщикова, 1899. – 257 с.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.* Мангазей: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). – Екатеринбург ; Нефтеюганск : Магеллан, 2008. – 296 с.
- Копылов А. Н.* Русские на Енисее в XVII в. – Новосибирск : Наука, 1965. – 235 с.
- Копылова С. В.* Каменное строительство в Сибири. Конец XVII – XVIII вв. – Новосибирск : Наука, 1979. – 253 с.
- Лыхин Ю. П., Аболина Л. А.* Русская печь на берегах Лены // Русская Америка и Восточная Сибирь. – Иркутск, 2011. – С. 205–219.
- Маслих С. А.* Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. – М. : Изобразит. искусство, 1983. – 250 с.
- Нансен Фритъоф.* В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Перевод А. и П. Ганзен. – Магадан : Кн. изд-во, 1969. – 304 с.
- Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище // Древнее жилище народов Восточной Европы. – М., 1975. – С. 104–155.
- Рабинович М. Г.* Русское жилище в XIII–XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. – М., 1975. – С. 156–244.
- Связев.* Теоретические основания печного искусства в применении к устройству разных нагревателей к отоплению и вентиляции зданий. – СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1867. – 235 с.
- Степанов В. П.* Устройство комнатных печей. – СПб. : Тип. Мин-ва путей сообщ. (А. Бенке), 1883. – Вып. 1 : Комнатные печи для всякого рода топлива. – 92 с.
- Степанов В. П.* Устройство комнатных печей / сост. инж. П. В. Степанов. – СПб. : Тип. М-ва путей сообщения (А. Бенке), 1883–1887. – Вып. 1. – 242 с.
- Спегальский Ю. П.* О некоторых приемах отопительных печей XVII в. (по находкам в Пскове) // КСИА. – 1968. – Вып. 113. – С. 75–77.
- Станюкович Т. В.* Внутренняя планировка. Отделка и меблировка русского крестьянского жилища // Русские. Историко-этнографический атлас. Из истории русского народного жилища и костюма. Середина XIX – начало XX вв. – М., 1970. – С. 61–88.
- Флавицкий И.* Здоровое и вредное отопление и оздоровление жилых помещений. – СПб. : Тип. М-ва путей сообщения (А. Бенке), 1882. – 285 с.
- Шумов К. Ю.* Цех мастеров каменных дел Енисейска XVIII в. // Памятники истории и культуры Красноярского края. – Красноярск, 1992. – Вып. 2. – С. 213.
- Майничева А. Ю.* Печи сибиряков-старожилов Верхнего Приобья: конструктивные особенности и семантика // Сибирская заимка. – URL: <http://zaimka.ru/culture/maynich6.shtml> (дата обращения: 11.12. 2016).

L. A. Abolina¹, V. V. Shcherbakov²

¹*Krasnoyarsk Geoarcheology, Ltd.,*

²*The Sergiev Posad State History and Art Museum-Reserve*

FURNACES OF YENISEISK OF THE 17–20th CENTURIES: FROM STONE AND CLAY FURNACES WITHOUT CHIMNEY TO BRICK RUSSIAN AND TILE HOLLAND FURNACES UNTILL UTERMARCK FURNACE

Different kinds of the furnaces widespread in certain temporary intervals, their special elements and technical characteristics as well as the reasons of emergence and disappearance are considered on the basis of archaeological, archival and ethnographic materials. Process of changes and improvements of furnace's heating is shown in a historical retrospective and closely connected with development of a housing estate of Russians. Studying of furnaces of Yeniseisk confirms that in the towns of Siberia, due to its rapid development, replacement of "blackly" heating by heating with "chimney furnaces" has happened much quicker, than in the central and southern regions of the state and was followed by local inventions.

Keywords: Yeniseisk, Russian furnaces, Holland furnaces, tile furnaces, Utermarck furnaces, brick, work line racks, valves.

ПЕЧНЫЕ ИЗРАЗЦЫ ЕНИСЕЙСКА (по материалам раскопок последних лет)

С 2010-х гг. на территории Енисейска проводятся значительные археологические изыскания, связанные с большими ремонтными и реставрационными работами, приуроченными к 400-летию основания города. На многих объектах исследований были найдены печные изразцы разных видов и от различных печных наборов. Среди енисейских находок выявлены почти все типы изразцов, известных в России. Самыми распространенными здесь оказались полихромные рельефные красноглиняные. Наибольший интерес представляют красные рельефные и зеленые «муравленые» изразцы. На примере изразцов Енисейска можно проследить развитие изразцового дела в Сибири с характерными для данного региона особенностями.

Ключевые слова: городки, валики, Енисейск, карнизы, «кафли», колонки, лицевые изразцы, печные изразцы, пояски, подзоры.

История изучения изразцов Сибири. За последние годы в связи с активным развитием русской археологии в разных частях Сибири в результате раскопок собраны коллекции изразцов из ряда городов.

В работе Н. Е. Соколовой описываются рельефные полихромные изразцы из Верхотурья [1998, с. 165–170]. В книге М. П. Черной анализируются «красные» терракотовые рельефные и муравленые изразцы из Томска; по мнению автора, изразцы высокого качества были привезены из Центральной России [2002, с. 65–68]. Сибирские исследователи прослеживают взаимосвязь найденных изразцов с центральными регионами России и даже с небольшими мастерскими, например, как в Троице-Сергиевом монастыре [Кауфман, 2005, с. 294–300]. В статье В. И. Семеновой рассматриваются терракотовые полихромные рельефные изразцы из раскопок в Тюмени [2014, с. 275–278]. В статье Е. П. Загваздина описываются гладкие полихромные изразцы из культурного слоя Абалакского монастыря в Тобольске [2014, с. 231–236], а в публикации А. В. Нескорова анализируются «красные» рельефные изразцы, найденные в Тобольске. Автор выделяет две группы, одна из которых относится к московским, а вторая – к местному производству [Нескоров, 1998, с. 400–403].

Изразцы Енисейска. По наблюдениям архитектора К. Ю. Шумова, в 1997 г. при реставрации гостиного двора в Енисейске были обнаружены фрагменты полихромных изразцов от одного печного набора. Аналогичные изразцы найдены в 2003 г. в придельном храме Покрова Богородицы Спасского собора. По мнению К. Ю. Шумова, найденные изразцы относятся к изделиям енисейского изразечника И. Ф. Попова. С 70-х гг. XVIII в. в городе были собственные керамические мастерские. Цеховой Иван Фадеевич Попов был упомянут в источниках 1773 и 1775 гг. в связи с изготовлением и ремонтом печей в Енисейске [Шумов, 2008, с. 186–190].

За последние годы в Енисейске в результате раскопок и наблюдений была получена значительная коллекция печных изразцов и фрагментов, собранных в разных частях города. Так, в 2010 г. исследования проводились у Богоявленского собора. Собраны полихромные рельефные изразцы, в том числе и внутри храма. Среди 22 экземпляров есть целые изделия и фрагменты от разных частей печного набора.

Наибольший интерес представляют изразец-карниз от печного изразцового клейма с размерами 21,6 × 16 × 13,4 см и два фрагмента от похожих изразцов (рис. 1 : 1). Фон зеленый и белый, рельефный орнамент – желтый, голубой, коричневый. В верхней части орнамент с косой волной, фигурным выступом, на основной части переплетение стеблей с цветами. Возможно, к этому печному набору относятся карниз целый (рис. 1 : 2) и фрагмент колонки (рис. 1 : 3). Аналогичные изразцы известны в Великом Новгороде [Изразцы в собрании, 2006, с. 110–111, рис. 133, 135], поясок (рис. 1 : 4), фрагменты лицевых изразцов, в том числе с орнаментом в виде вазы с цветами (рис. 1 : 5). Мотив вазы на изразцах очень распространен со второй половины XVII в. в разных регионах России.

Печные изразцовые клейма обычно состоят из четырех, шести или девяти изразцов, при их соединении получается цельный рисунок. Широкое распространение клейма получают в Москве с 80-х гг. XVII в., в Вологде со второй половины XVIII в.; в Великом Устюге их использовали для облицовки печей с последней четверти XVIII в. и в начале XIX в. [Маслих, 1983, рис. 199, 200].

Аналогом печей в Богоявленском соборе Енисейска может служить печь из дома Гостевых в Великом Устюге с клеймом из девяти изразцов. Возможно, именно печи Богоявленского собора, с «вычурами» и украшенные клеймом, послужили прототипом для других изразцовых печей города, их пытались повторить, однако качество продукции отличалось от оригинала. Найденные изразцы аналогичны описанным архитектором К. Ю. Шумовым [2008], скорее всего, они являются образцами местного производства и были выполнены в мастерской И. Ф. Попова. Наиболее вероятно, что датировать печь и изразцы по аналогиям можно второй половиной XVIII в.

Рис. 1. Печные изразцы Енисейска второй половины XVIII в.:

- 1 – изразец полихромный рельефный от изразцового клейма; 2 – изразец-карниз полихромный рельефный;
- 3 – изразец-колонка полихромный рельефный; 4 – изразец-поясок (фрагмент) полихромный рельефный;
- 5 – изразец лицевой с изображением вазы, полихромный рельефный

В 2014 г. изразцы найдены на четырех объектах (всего 10 целых изразцов и фрагменты). Наиболее интересным является фрагмент муравленого изразца из белой глины с изображением единорога, с элементами растительного орнамента, имеющий аналогии в Москве.

Найдены также один гладкий угловой изразец и фрагменты с зеленой поливой от другого печного набора. Печи с однородными зелеными красноглиняными изразцами бытовали на протяжении XVIII в. в Центральной России, известны они и в Троице-Сергиевой лавре [Щербаков, 2014, с. 192]. Енисейские изразцы отличаются цветом поливы и небольшой румпой, а также примесями в тесте. Кроме описанных, обнаружены фрагменты красноглиняных полихромных изразцов – валика и лицевых.

В 2015 г. проводились большие археологические работы на 10 объектах в нескольких районах Енисейска. В результате была получена значительная коллекция из 280 предметов от разных печных наборов. Один фрагмент терракотового лицевого рельефного изразца с растительным орнаментом, аналогичный московским изразцам, был найден у дома Ф. Д. Дементьева (современный адрес – ул. Ленина, 109).

Обнаружен 31 экземпляр муравленых рельефных изразцов из белой глины от разных частей печного набора: лицевые с изображением орла и растительного орнамента, карнизы – один целый с растительным орнаментом, городки – один фрагмент фигурный с растительным орнаментом. Фрагменты карнизов найдены у дома Дементьева, у дома Флеера, у здания, в котором в марте 1917 г. на собрании енисейских большевиков был избран городской комитет РСДРП(б), у Свято-Иверского храма. Один фрагмент муравленого рельефного рамочного изразца с элементом растительного орнамента из красной глины найден у дома Дементьева.

Полихромные рельефные красноглиняные изразцы – самый распространенный тип изразцов, они обнаружены в разных частях города и относятся к различным частям печных наборов. У Богоявленского собора найдены один целый карниз, три валика, фрагменты лицевых изразцов, в том числе с рельефными выступами от печного клейма, фрагмент городка и подзора, части поясков, карнизов, колонок, валиков. Среди орнаментальных сюжетов зафиксированы переплетения растительных мотивов, изображения вазы с цветами, птицы и др.

У дома Дементьева в результате раскопок обнаружены полихромные рельефные изразцы, возможно от одного печного набора, почти все со следами от пожара; красные рельефные изразцы, аналогичные полихромным.

Предварительные выводы. В Енисейске прослежены почти все типы изразцов, известных в России, – от терракотовых «красных» рельефных до белых гладких (так называемый «кафель»).

Производство большинства полихромных изделий могло быть местным, на это указывает несколько факторов: 1) своеобразная глина, особенно на красноглиняных изразцах, с большим количеством примесей; 2) находки «красных» рельефных изразцов, аналогичных полихромным.

Среди терракотовых изразцов, обнаруженных в Енисейске, наибольший интерес представляет перемычка, которую можно отнести по археологическому контексту к концу XVII – началу XVIII вв. Аналогом ей служат московские изразцы [Баранова, 2011, с. 76], которые датируются концом XVI – первой половиной XVII вв.

Муравленые изразцы, возможно, изготовлены в Енисейске, но по образцам Центральной России. Их особенностью является своеобразная глина (по цвету бело-розовая, на сломе серая). Эти изделия отличаются разнообразием форм и сюжетов, они найдены в разных частях города и являются остатками от нескольких печей.

Еще одной особенностью Енисейска является небольшое количество расписных изразцов, столь характерных для всей России второй половины XVIII столетия.

Баранова С. И. Русский изразец. Записки музейного хранителя. – М. : МОГМЗ, 2011. – 432 с.

Загваздин Е. П. Изразцы из культурного слоя Абалакского монастыря // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. – Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014. – Т. I. – С. 231–236.

Изразцы в собрании Новгородского музея : каталог выставки. – Великий Новгород : Моби Дик, 2006. – 136 с.

Кауфман Ю. Б. Изразцы в Кузнецке в XVII в. // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2005. – С. 294–300.

Маслих С. А. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. – М. : Изобраз. искусство, 1983. – 30 с.

Нескоров А. В. Тобольские изразцы как исторический источник (к постановке проблемы) // Русские старожилы : материалы III Сиб. симпозиума «Культурное наследие городов Западной Сибири». – Тобольск ; Омск, 2000. – С. 400–403.

Семенова В. И. Коллекция изразцов из раскопок Тюмени // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014. – Т. I. – С. 275–278.

Соколова Н. Е. Изразцы Верхотурского кремля // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. – Екатеринбург, 1998. – С. 165–170.

Черная М. П. Томский кремль середины XVII–XVIII вв.: проблемы реконструкции и исторической интерпретации. – Томск : Изд-во ТГУ, 2002. – 187 с.

Шумов К. Ю. Енисейские изразцы XVIII в. // Сквозь века несущие свет : материалы краевых музейных науч.-образоват. чтений, 2006–2008 гг. Краснояр. культурно-ист. музейный комплекс. – Красноярск, 2008. – 292 с.

Щербakov В. В. Изразцы Троице-Сергиевой лавры по материалам раскопок 2000–2002 гг. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. – Тверь, 2014. – Вып. 7. – С. 180–193.

V. V. Shcherbakov

The Sergiev Posad State History and Art Museum-Reserve

THE YENISEISK STOVE TILES (on excavation materials of the last years)

Since the 2010s, the large-scale archeological investigations have been carried out in Yeniseisk. They are connected with numerous repair and restoration works arranged during the preparation for the 400th anniversary of the town foundation. In many survey sites stove tiles were found. They include various types of tiles belonging to different sets for facing stoves. The red relief and green-glazed tiles

are most interesting. The polychrome relief tiles from different stove sets are richly represented. The Yeniseisk samples illustrate the peculiarities in the development of the tile production in Siberia.

Keywords: scalloped tiles, fillets, Yeniseisk, cornices, tiles, colonnettes, facing tiles, stove tiles, bands, borders.

УДК 904

Л. Л. Галухин¹, Д. Н. Лысенко^{1,2}, А. М. Сляднев¹

¹ООО «Красноярская Геоархеология»,

²ООО «НПО «Археологическое Проектирование и Изыскания», Красноярск

ПОРОХОВОЙ («ЗЕЛЕНЫЙ») ПОГРЕБ ЕНИСЕЙСКОГО ОСТРОГА: ПЛАНИГРАФИЯ, СТРАТИГРАФИЯ И ДАТИРОВКА

В 2015 г. в Енисейске при раскопках на территории Богоявленского собора были выявлены остатки деревянного погребца с кирпичным входом. В процессе исследования обнаруженная конструкция была интерпретирована как казенный пороховой («зеленый») погреб Енисейского острога. Были зафиксированы три этапа перестройки погребца, производившиеся на протяжении XVII в., сделано их планиграфическое описание. На основании привлечения исторических источников и данных стратиграфических наблюдений в раскопе предложены варианты датировки каждой перестройки и время окончания функционирования сооружения в XVIII в.

Ключевые слова: Енисейск, Богоявленский собор, пороховой погреб, планиграфия, стратиграфия, исторические источники.

Енисейский острог, основанный в 1619 г. как небольшое порубежное укрепление на восточных границах расширявшегося Русского государства, в первые два десятилетия своего существования быстро становится основным перевалочным пунктом для дальнейшего продвижения русских в восточном и южном направлениях. Во второй половине XVII в. он уже военный, административный и экономический центр Средней и Восточной Сибири. В условиях враждебности и военных угроз со стороны местного населения как в окрестностях Енисейска, так и на землях, осваиваемых проходившими через него отрядами, острог имел важное значение распределительного пункта вооружения (в том числе артиллерийского) и боеприпасов – пороха («зелья») и свинца. В целях обеспечения безопасности и сохранности этих припасов местной администрацией строились пороховые («зеленые») погреба. Этот тип сооружений входил в стандартный набор городских строений того времени, таких как приказная изба, тюрьма, караульные помещения, хозяйственные постройки и различные амбары [*Градостроительство Сибири*, 2011, с. 132].

Случаи археологического изучения такого рода построек исчисляются единицами, в Сибири же были опубликованы материалы исследований всего двух погребов, обнаруженных на территории Тобольского кремля и Саянского острога [*Скобелев*, 2012; *Данилов*, 2014].

В Енисейске остатки таких подземных сооружений обнаружены и изучены в 2015 г. при проведении спасательных работ на территории Богоявленского собора. Являясь первым каменным зданием города, построенным в 1709–1712 гг., собор стал хроностратиграфическим репером административных и оборонительных сооружений, а также погребальных комплексов, изученных в раскопах, заложенных по его периметру. Геоморфологически территория, на которой располагается здание собора, представляет собой вершину уплощенного гребня енисейского руслового вала, сложенного чехлом покровных отложений и горизонтально слоистыми песками желтого цвета. Фронтальная бровка террасы частично подрезана речной эрозией. Постройки обнаружены на участке раскопа, вплотную примыкавшего с северо-запада к колокольне собора. Топографически они находились в административном центре города – между историческими пунктами размещения Гостиного и Воеводского дворов. В раскопе исследованы остатки трех последовательно сменявших друг друга сооружений (см. рис 1, с. 72, рис. 2, с. 73). Конструктивные особенности построек в совокупности с необычностью и количеством находок, представленных стандартным набором выдаваемого служилым людям боезапаса (пули, свинцовые слитки и рубленные куски свинца), позволяют интерпретировать все исследованные сооружения как казенные пороховые погреба Енисейского острога (см. рис. 2: 2).

Целью настоящей работы является определение очередности изменений конструктивных особенностей и объема порохового («зеленого») погреба, которые происходили при его реконструкциях. Исследование было проведено на основании полученных стратиграфических и планиграфических данных. Интерпретация и датировка отраженных в археологических материалах изменений выполнены с максимальным привлечением имеющегося в настоящий момент в распоряжении авторов корпуса исторических источников.

Все перестройки погребца последовательно проходили на одном и том же месте в котловане, размеры и глубина которого менялись в зависимости от объема возводимой или реконструируемой постройки. Финальным эпизодом перестройки и первым фиксируемым в раскопе сооружением являлся погреб № 1 (см. рис. 1). Постройка установлена в котловане шириной 9,5 (С – Ю) и длиной 21 м (З – В). Всё сооружение ориентировано по сторонам света (параллельно береговой линии Енисея) с отклонением около 24° к востоку. Стратиграфически котлован фиксировался на участке бровки раскопа и в шурфе. Уровень, с которого он был впущен, редуцирован. Провал, образовавшийся после обрушения перекрытия погребца, был сnivelирован строительными прослоями XVIII–XIX вв. Глубина котлована (дно погребца) от уровня погребенной дневной поверхности составляет 2,4–2,6 м. Пазухи между бортами котлована и погребом засыпаны изъятым при строительстве грунтом. Вскрытая раскопом часть конструкции представляет собой сруб, состоящий из основного помещения центральной камеры размером 8,2 × 8,8 м и клетки размером 5,7 × 6,4 м, образованной перерубом с восточной стороны. С западной стороны симметрично располагается еще одна клеть, юго-западный угол которой был зафиксирован в шурфе. Сруб сложен в 10 венцов из лиственничных бревен диаметром 0,25–0,30 м, внешние углы рублены «в лапу» с короткими выпусками.

Потолок представлял собой бревенчатый накат, опиравшийся на северную и южную стенки погребца и усиленный поперечными балками (две в основном помещении, одна в восточной камере). Балки в основном помещении подпирались столбами, вдавленные основания которых были зафиксированы на дне конструкции. Общая высота сруба с перекрытием составляла, таким образом, около 3 м. В стене между камерами погребца располагался проход шириной около 2 м, нижний венец стены был оставлен в качестве порога.

Вход в помещение устроен по центру южной стенки основного помещения на высоте двух венцов от уровня пола и представлял собой лестничный марш с двумя вымощенными кирпичом площадками вверх и вниз лестницы, фланкированный параллельно расположенными кирпичными стенами. Вся конструкция в целом выложена с уклоном около 14° по отношению к срубу погребца. Под ее строительство был выкопан приямок размером 7 × 4,7 м. В наклонном грунтовом основании дна приямка выполнено два свайных поля. Каждое представляло собой четыре параллельных ряда кольев-свай диаметром 10 см, впущенных в грунт на глубину около 50 см. На укрепленную таким образом поверхность было выложено кирпичное основание под стены входного коридора. Фундамент устроен наклонно в один ряд кирпича размером 25 × 12 × 5 см, уложенного на постель (в начале спуска) либо поставленного на ложок (в нижней половине). Стены спуска толщиной 60 см выложены верстовой кладкой (последовательное чередование тычка и ложка в ряду). В кладке использован кирпич «большой руки» (30 × 15 × 8 см) на известковом растворе. На стены опиралось сводчатое кирпичное перекрытие, от которого сохранилась лишь пята свода на восточной стене. Лестничный марш насчитывал девять ступеней, сложенных из кирпичей, поставленных на ложок (сохранилось только шесть ступеней). Площадки вымощены кирпичом, уложенным на постель.

В центральной части южной стены восточного прируба зафиксированы элементы вентиляционной системы. Остатки западной стенки продуха (?) размером 205 × 45 × 60 см представляют собой ленту кладки на известковом растворе в шесть рядов, выполненной из кирпича «большой руки» наклонно под углом 28° к прирубу. Продух к срубу примыкает на высоте двух венцов от уровня пола.

Дно погребца было песчаным – фрагменты досок, лежащих параллельно друг другу и ориентированных по линии запад – восток, зафиксированы только в южной части восточной камеры. Горизонт функционирования погребца представляет собой тонкую натопанную прослойку темной супеси с золой и щепой, которая содержит археологический материал.

После завершения разбора уровня пола погребца № 1 в материковом слое зафиксированы очертания котлована шириной около 7,5 м (С – Ю) и видимой длиной около 7 м (З – В). В котловане, на глубине 0,2–0,3 м ниже основания сруба погребца № 1, в заполнении песчаной подсыпки обнаружены три бревна окладного венца более раннего сооружения того же функционала (погреб № 2). Сохранившиеся бревна относятся к срубу размером 6,65 × 5,95 м. Способ углового соединения – «в лапу» без остатка. Максимально сохранившийся диаметр бревен – 30 см. Уровень функционирования постройки связан со слоем золистой супеси с включениями щепы, бересты и обломков досок, сформировавшимся на гидроизоляционной (?) платформе из дегтя. Этот горизонт распространялся на запад за пределы погребца, что может свидетельствовать о существовании в погребце № 2 еще одной камеры, оформленной перерубом с западной стороны к основному помещению. Деревянные элементы конструкции прируба не сохранились (вероятно, были разобраны при строительстве погребца № 1), однако, судя по площади распространения горизонта функционирования, он имел размеры около 5 × 5,5 м.

С южной стороны основного помещения погребца № 2 обнаружены остатки лестничного входа (см. рис. 1). Зафиксированы два этапа его функционирования. Первоначальный входной коридор располагался в приямке у южной стенки восточной камеры сруба перпендикулярно ему. Параметры сохранившейся части приямка – 2,5 × 3 м. В бровке раскопа удалось зафиксировать стратиграфическую ситуацию уровня впуска приямка – кровля горизонта первоосвоения. В приямке расчищены остатки трех деревянных ступеней, уложенных в ступенчатые выемки, сделанные в песчаном материковом основании. Ширина лестничного проема составляла 2,2 м. В основании лестницы был сформирован горизонтальный помост размером 2,1 × 1,5 м из пяти полубревен, лежащих на поперечных лагах. Угол наклона спуска – около 30°. Стены коридора были обшиты досками на высоту не менее 1,5 м. Остатков перекрытия коридора обнаружено не было. Подобный деревянный входной коридор (с иным устройством ступеней

и отсутствием помоста в нижней части спуска) был зафиксирован при раскопках погребца в Саянском остроге [Скобелев, 2012, с. 276–277].

В процессе функционирования деревянная лестница пришла в негодность и была засыпана песком с включениями кирпичной крошки, угля и щепы. Поверх нее на грунтовом основании был выстроен новый вход в кирпичном исполнении. Его остатки представляют собой две ступени, выложенные в связке с фрагментарно сохранившейся западной опорной стенкой шириной 0,40 м и высотой 1,09 м. Сохранившаяся ширина лестничного пролета составляет 0,7–0,9 м. Стены выложены на глиняном растворе в два ряда кирпича ложковой кладкой с пересечением швов. Размеры кирпича – 25 × 12 × 5 см. Северная часть лестницы разрушена котлованом погребца № 1, при этом часть пригодного кирпича была использована в качестве фундамента стен его нового кирпичного спуска; об этом свидетельствует совпадение размеров кирпичей и способа их формовки.

В слое материкового песка под западной камерой погребца № 2 зафиксированы контуры котлована еще более раннего сооружения. В плане котлован имел подпрямоугольную форму (5,8 × 6,5 м), восточная граница котлована находилась в пределах основного помещения погребца № 2 (90 см восточнее западной стенки).

Глубина котлована составляла 20–35 см от уровня материка. Котлован заполнен мешаным материковым песком. Дно относительно ровное, в центральной части имеет выраженное понижение от основного уровня на 10–12 см. Размер понижения около 3 × 3 м. Горизонт функционирования представлен прослойкой органического тлена мощностью 3–7 см. В границах понижения он раздваивается на отдельные прослойки. Верхний прослой продолжает относительно ровную линию горизонта дна основного котлована и имеет следы обводнения в центральной части (слоистые намывы крупнозернистого песка). Нижний прослой проходит по дну понижения. Между прослойками находится песчаная мешанина мощностью 5 см. Факт расслоения может свидетельствовать о произошедшей перестройке или ремонте погребца.

Остатки пола расчищены в западной части сооружения на уровне нижней прослойки и представлены тремя истлевшими фрагментами досок шириной 34 см, ориентированных вдоль западной стенки и плотно подогнанных друг к другу. На полу также зафиксированы куски бересты и фрагменты бревна – остатки провалившегося перекрытия потолка погребца (?).

От конструктивных элементов постройки сохранились фрагменты северного и западного бревен окладного венца сруба диаметром 30 см. Исходя из размеров котлована и сохранившейся длины бревен, общий размер погребца составлял около 5,5 × 5,8 м. Пришедший в негодность сруб был разобран при строительстве нового погребца (№ 2). На его месте и в тех же границах была построена новая клеть, но уже в качестве дополнительной западной камеры новой постройки. Об этом свидетельствует и факт целенаправленной отсыпки старого котлована до уровня пола основного помещения погребца № 2.

Вход в погреб № 3, как и в остальных изученных сооружениях, располагался с южной стороны. Был зафиксирован контур котлована входного приямка шириной около 3 м, большая часть которого оказалась скрыта под кирпичным входом в погреб № 1. Заполнение представляло собой мешаный песок с включениями щепы. В пределах видимого контура вдоль северной границы приямка (в зоне примыкания к погребу) находились остатки трех столбов диаметром около 20 см, расположенных в линию. Между средним и крайним восточным столбом плашмя уложено полубревно длиной 1,60 м и толщиной 7 см, концы его вплотную примыкают к столбам. Эти элементы представляют собой единственно зафиксированные остатки деревянных конструкций входной группы. Общая длина входного коридора составляла не менее 5 м.

Отражением еще одного эпизода функционирования порохового погребца, менее выраженного планиграфически, может являться яма (остатки котлована?), зафиксированная в центральной части погребца № 3 после расчистки его заполнения. Яма аморфных очертаний (90 × 170 см, глубиной 6 см), выявлена в слое материкового песка на глубине около 3 м от уровня первоосвоения. Яма перекрыта горизонтом функционирования погребца № 3. Заполнение ее в центральной и северной частях представлено мешаным материковым песком с фрагментами щепы и дресвы, в южной – серыми размытыми прослойками, схожими со слоями, маркирующими дно погребца № 3. Сортамент находок представлен железным крючком и наконечником стрелы (?), игровой костью и фрагментом лепного орнаментированного сосуда эпохи неолита.

Имеющиеся исторические сведения дает возможность сделать некоторые предварительные интерпретации, позволяющие соотнести эволюцию исследованных в раскопе сооружений с социально-экономическими и военно-политическими процессами, происходившими в Енисейском уезде на протяжении XVII в.

С 1619 г. в Енисейске несли службу «годовальщики» из городов и острогов Западной Сибири [Александров, 1964, с. 37]. С 1623 г. началось формирование постоянного служилого населения, которое к 1626 г. составило «сотню» стрельцов [Копылов, 1965, с. 31]. В это же время происходит первое расширение Енисейского острога (при воеводе Андрее Ошанине, 1626 г.), основывается Красноярский острог (воевода Андрей Дубенский, 1628 г.), снаряжаются первые дальние экспедиции в Прибайкалье (походы Перфирьева, Галкина и Хрипунова, 1627–1630 гг.). Резкое увеличение численности гарнизона происходит зимой 1630/1631 гг., когда в Москве было принято решение о переводе 150 чел. красноярского гарнизона в Енисейск. Несмотря на то что в 1632 г. решение было отменено, некоторые красноярцы остались в Енисейске на «вечное житье» и приняли участие в присоединении Якутии и «Брацкой земли» (территории расселения западных бурят) [Бахрушин, 1959, с. 26, 27, 30].

В 1633–1634 гг. за счет перевода служилых людей из Тобольска и Березова, а также ссыльных стрельцов и казаков гарнизон Енисейского острога был значительно увеличен и к 1636 г. составил уже 386 чел. (четыре «сотни» стрельцов и казаков во главе с казачьим головой) [Копылов, 1965, с. 32]. С середины 1630-х гг. Енисейский острог становится базой для формирования отрядов, отправляемых в Восточную Сибирь, и с этого момента начинается процесс постоянного отвлечения значительных сил енисейского гарнизона для отправки во всё возрастающее количество якутских, байкальских и забайкальских острожков. Этот процесс не прекращается вплоть до выделения в 1682 г. из Енисейского уезда отдельного Иркутского [Бродников, 1994, с. 72–74], но, даже несмотря на это, Енисейск до конца XVII в. оставался центром снабжения боезапасами и артиллерией ангарских и даурских острогов [Барахович, 2015, с. 71].

Пороховой погреб в Енисейске построен, вероятно, сразу после основания острога в 1619 г. Остатками его котлована может быть аморфная яма, стратиграфически являющаяся самым ранним свидетельством наличия на обследованной площадке подземных сооружений. Первая же надежно зафиксированная постройка – погреб № 3. Его возведение скорее всего связано с уже упомянутым расширением острога при воеводе Андрее Ошанине в 1626 г. – во время «первой волны» увеличения численности гарнизона и начала активного продвижения в Восточную Сибирь. Возможно, что именно этот погреб упоминается в Расходной книге (пометном списке) Енисейского острога за 1636–1637 гг.:

«Сентября в 11 день таможенному подьячему Федору Сидорову за две бочки дубовых дано 13 алтын 2 деньги. А даны те бочки на государев погреб для пушечного зелья. Того ж дня енисейского острогу служилому человеку Фторку Ильину Брянчанину дано за бочку 4 алтына, а отдана та бочка в погреб для ручного зелья» [Цит. по: Бродников, 1994, с. 131].

В этом виде сооружение просуществовало, по всей видимости, до конца 40-х гг. XVII в. Известно сообщение, отправленное в 1647 г. в Москву воеводой Федором Полибиным, в котором он констатировал общее плачевное состояние Енисейского острога, который к тому времени «весь погнил и развалился» [Цит. по: Градостроительство Сибири, 2011, с. 132]. В «отписке», отправленной им же в связи с постигшим Енисейск наводнением 1649 г., погреб перечисляется среди прочих пострадавших построек:

«...пришла тунгуская и ис под Красново Яру енисейская и из иных изо многих рек вешняя вода большая вдруг вскоре, и Енисейской, государь, острог, и посад, и церковное богомолье, и церковь соборную, и иные церкви и колокольни, и в остроге гостин двор, и твой государев казенный зеленой и винной погреб, и твои государевы старые анбары с твоими государевыми ленскими хлебными запасы, старые тобольские присылки, и за острогом и за посадом твои государевы житницы с твоею государевою покупною ж рожью, которые житницы ставлены при прежних воеводах, тою большою водою потоплено, и у многих енисейских у служилых и у посадских людей избы и дворы на посаде совсем снесло» [Миллер, 2005, с. 325].

О том, что изученный в раскопе погреб № 3 пострадал при наводнении, свидетельствуют и зафиксированные при расчистке его заполнения намывы речного песка.

Восстановлением острога после наводнения занимался в начале 50-х гг. XVII в. воевода А. Ф. Пашков. С его именем связано и строительство нового, двухкамерного погреба (погреб № 2). В 1656 г. А. Ф. Пашков во главе большого отряда отправляется в Даурский поход, забрав с собой ссыльного протопопа Аввакума с семьей. На смену ему енисейским воеводой был назначен Максим Ртищев. Ко времени его правления относятся известные данные о применении кирпича при перестройке старого казенного погреба на гостином дворе, которую выполнял «каменщик» Матвей Хахаля. У погреба были сделаны «творило каменное и 3 продуха над тем же погребом каменные же» [Копылов, 1965, с. 162–163]. Запись относится к 1657 г., но имеются данные о выполнении схожих работ тем же мастером годом раньше. Применительно к изученным объектам представляется возможным соотнести эту запись с зафиксированным в раскопе фактом переоформления входа в погреб № 2 из первоначального деревянного в кирпичный.

В 1660 г. Енисейск постигло еще одно сильное наводнение, нанесшее серьезный урон городским постройкам. Кроме того, с 1666 г. начинается очередное обострение военно-политической обстановки в Средней Сибири, связанное с активизацией енисейских киргизов и войной джунгар против государства алтын-ханов. В связи с этим новый енисейский воевода Кирилл Яковлев начинает масштабные фортификационные работы в Енисейске и на подступах к нему. Отчитываясь в 1673 г. о своей деятельности, он писал в Москву:

«...сделано для пушечных запасов, где быть зелью и свинцу, и для всякие государевы казны 3 погреба, окошки и выход и лесница в погребы каменные двери у окошек и у выходу железные» [Цит. по: Барахович, 2015, с. 76].

Как видно из текста, описание соответствует исследованному в раскопе погребу № 1 с его кирпичным входом и остатками кирпичного продуха. В контексте наводнения 1660 г. обращает на себя внимание стратиграфическая

ситуация, наблюдавшаяся на участке раскопа в 15 м южнее погребца. В нижних горизонтах здесь были зафиксированы два слоя мешаной материковой супеси мощностью 10–15 см, разделенных между собой пачкой слоистых обводненных песчаных наносов мощностью 5–20 см. Этот же наносной слой с прослоем мусора и щепы в верхней части был зафиксирован в западной стенке раскопа № 4 непосредственно под входной кирпичной площадкой спуска в погреб № 1. Поверх наносов здесь также расположен слой мешаной материковой супеси мощностью до 55 см, на которой выложена собственно площадка. Учитывая факт наличия последовательно сменявших друг друга на одном и том же месте погребов, строительство которых требовало весьма значительных земляных выработок (рытье котлованов), можно интерпретировать указанные слои мешаной супеси как земляные выкиды из строительных котлованов, разделенные речными наносами, образовавшимися в результате наводнения.

Самое позднее по времени описание постройки, которое можно ассоциировать с погребом, сооруженным при воеводе Яковлеве, содержится в тексте грамоты енисейского воеводы М. И. Римского-Корсакова при передаче города воеводе Б. Д. Глебову в 1712 г., в которой при перечислении имущества упоминается «двор, где живут бояре и воеводы, а в нем строения», на котором, среди прочего, находится «погреб деревянной, у него выход кирпичной да из окна выход кирпичной же, а из того окна затвор железной на погребце сарай решетчатой» [Цит. по: *Градостроительство Сибири*, 2011, с. 677–678].

Более поздние свидетельства XVIII в. о енисейском пороховом погребе имеются в тексте «ответствия», подготовленного енисейской провинциальной канцелярией для анкет Г. Ф. Миллера, посетившего город в 1735 г.:

«В Енисейску казенного строения имеютца... зеленой каменной погреб, огорожен кругом палисадом, в котором содержитца порох и свинец...» [Цит. по: *Шумов*, 1998].

Однако речь здесь идет о постройках за пределами острога, что видно и при сопоставлении текста с планом города этого же времени, где пороховой погреб расположен гораздо западнее, в районе Успенской церкви.

Следует также упомянуть картографические источники XVII в., дающие представление о местоположении погреба внутри острога. На плане голландского географа Н. К. Витсена конца XVII в., выполненном, по-видимому, на основе подробных «чертежей с урочищи», служивших приложением к общему чертежу Сибири 1667 г. [*Шумов*, 1998], пороховой погреб (Pulver Kelder) расположен около южной стены острога, возле Спасской проездовой башни. Там же он расположен на чертеже 1701 г. сибирского картографа С. У. Ремезова. Здесь стоит отметить, что проблема интерпретации острожных построек, отраженных на исторических картах города, тесно связана с широким спектром возникших в процессе археологического изучения Енисейска вопросов, касающихся планиграфии и эволюции Енисейского острога вообще. Данная тема является отдельным перспективным направлением будущих исследований и требует дополнительной проработки как археологических данных, так и имеющегося обширного свода неучтенных исторических источников.

Дополнительные данные к уточнению датировки изученных построек могут быть получены после проведения дендрохронологического анализа взятых в процессе исследований спилов с бревен срубов погребов № 1 и 2, а также анализа нумизматического материала. Тем не менее имеющиеся материалы уже позволяют предложить предварительную датировку этапов строительства и перестройки погреба: 20-е гг. XVII в. – строительство однокамерного сооружения с деревянным входным коридором (погреб № 3). Погреб единожды перестраивался (ремонтировался) и пришел в окончательную негодность, вероятно, после наводнения 1649 г. При восстановлении острога в начале 50-х гг. XVII в. на том же месте был построен новый, уже двухкамерный погреб (№ 2) с деревянной (позже – кирпичной) лестницей. Последний погреб (№ 1) построен после наводнения 1660 г. при последовавшей масштабной реконструкции острога. Стратиграфические наблюдения в раскопе (наличие слоя обводненных наносов и мусора под входной площадкой кирпичного спуска, предварительно засыпанных перед началом строительства слоем материкового песка), вероятнее всего, фиксируют фактор наводнения 1660 г. как основную причину перестройки. Пришедший в негодность старый сруб был разобран, и на его месте заново отстроен новый трехкамерный погреб с арочным кирпичным входным коридором и кирпичными же оконными продухами. В таком виде погреб просуществовал как минимум до 1712 г., когда рядом с ним было закончено возведение нового каменного здания Богоявленского собора, после чего он перестал использоваться по назначению и со временем был заброшен. Новый пороховой склад построен уже за пределами острога, что отмечено в документах и планах города Второй Камчатской экспедиции Г. Ф. Миллера в 30-х гг. XVIII в.

На протяжении всего XVII столетия происходил непрерывный процесс территориального разрастания Енисейского уезда, а также увеличения потока служилых людей, которые отправлялись через Енисейск на освоение новых земель. Указанные тенденции нашли свое отражение в быстром росте Енисейского острога, начавшемся с 30-х гг. XVII в. и достигшем своего пика в 1670-е гг., когда Енисейск становится центром отдельного разряда [*Элерт*, 1990, с. 176] и главным городом всей Средней и Восточной Сибири. Данные процессы находят прямое отражение в рассмотренной эволюции енисейского порохового («зеленого») погреба – от однокамерного сооружения внутри небольшого острога, служившего перевалочным пунктом и оборонительной крепостью на порубежных территориях по типу Саянского острожка, к постепенному формированию крупной базы снабжения, вполне сравнимой с аналогичными постройками столичного в то время Тобольска.

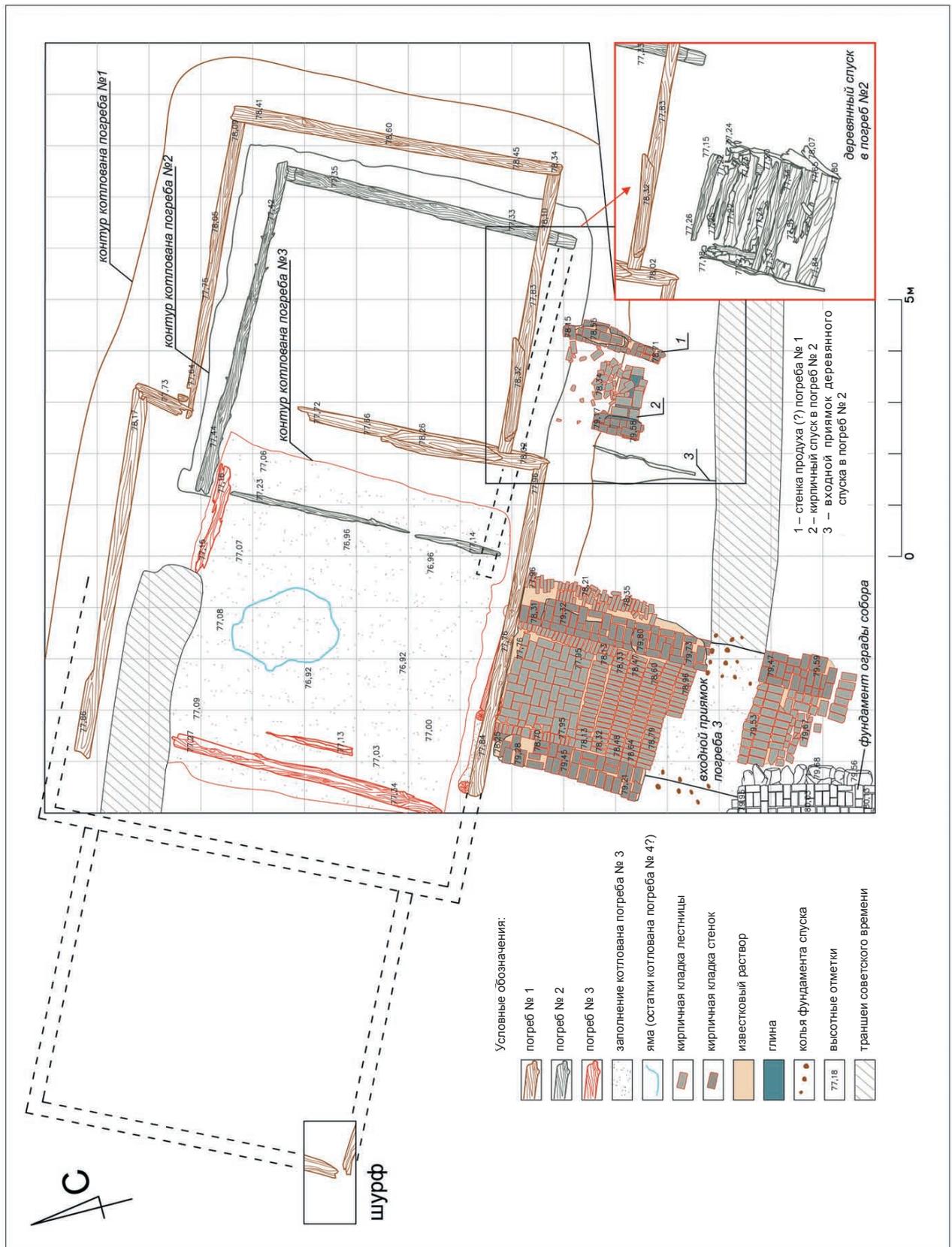

Рис. 1. План-схема изученных пороховых погребов в раскопе

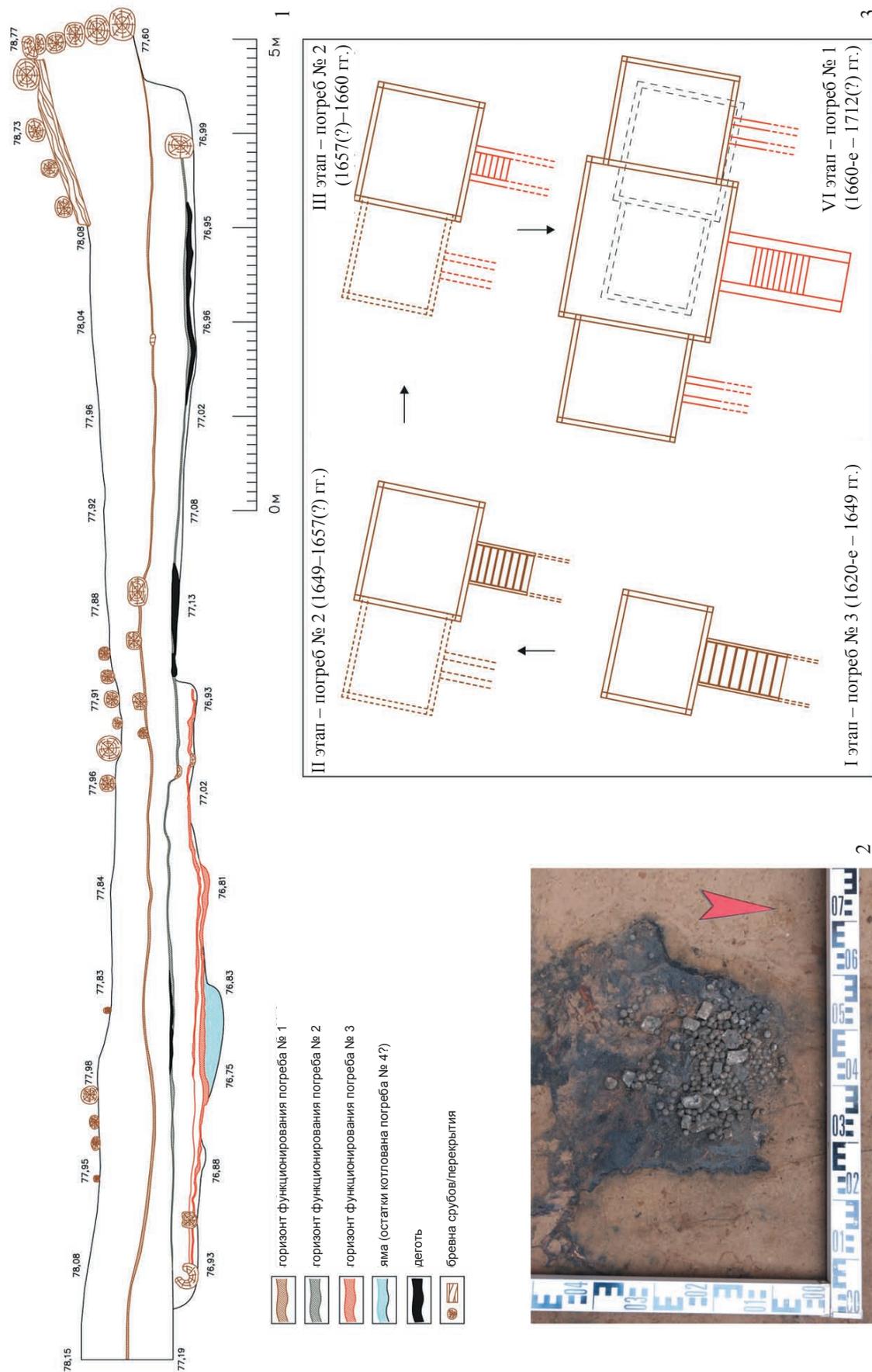

Рис. 2. Пороховой погреб Енисейского острога:

1 – страграфический разрез заполнения погребов; 2 – пули и свинец на дне погреб №1; 3 – схема этапов перестроек порохового погреб

Александров В. А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII вв. (Енисейский край). – М. : Наука, 1964. – 304 с.

Баранович П. Н. «Огненный наряд» Енисейского и Красноярского уездов в XVII столетии // История военного дела: исследования и источники. – 2015. – Спец. вып. VI : Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. – Ч. I. – С. 65–95. – URL: http://www.milhist.info/2015/12/04/barakhovich_2 (дата обращения: 04.12.2015).

Бахрушин С. В. Научные труды. – М. : Наука, 1959. – Т. 4. – 220 с.

Бродников А. А. Енисейский острог. Енисейск в XVII веке: очерки из истории города и уезда. – Красноярск : Енисейский благовест, 1994. – 143 с.

Градостроительство Сибири / [под общ. ред. В. И. Царева] ; Рос. Акад. архитектур. и строит. наук, НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства НИИТИАГ РААСН. – СПб. : Коло, 2011. – 783 с.

Данилов П. Г. Пороховой погреб Тобольска XVII века по археологическим и историческим материалам // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2014. – Т. 13, вып. 5 : Археология и этнография. – С. 209–220.

Копылов А. Н. Русские на Енисее в XVII в. Земледелие, промышленность, торговые связи Енисейского уезда. – Новосибирск : АН СССР. Сиб. отд-ние, 1965. – 297 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. – 3-е изд. – М. : Вост. лит., 2005. – Т. III. – 598 с.

Скобелев С. Г. Пороховой погреб Саянского острога XVIII века // Вестник Новосибирского государственного университета. – Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 3 : Археология и этнография. – С. 273–279.

Элрт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. – Новосибирск : Наука, 1990. – 246 с.

Шумов К. Ю. «Дом воеводы» в Енисейске // Красноярский край. История архитектуры. – 1998. – URL: http://naov.ru/articles/65_quotdom-voevodiquot-v-eniseyske.html (дата обращения: 01.02.2017).

L. L. Galukhin¹, D. N. Lysenko^{1,2}, A. M. Slyadnev¹

¹*Krasnoyarsk Geoarcheology, Ltd.,*

²*Research and Production Association “Archaeological Engineering and Research”, Ltd., Krasnoyarsk*

GUNPOWDER MAGAZINE IN THE FORTRESS OF YENISEISK: PLANIGRAPHY, STRATIGRAPHY AND DATING

In 2015 in Yeniseisk, during archaeological works on the territory of the Epiphany Cathedral, remains of a wooden cellar with brick entrance were found. Discovered construction was identified as state gunpowder magazine of the Yeniseisk fortress. Three stages of cellar rebuilding, made during the 17th century, were discerned. Based on the involvement of historical sources and results of stratigraphic observations, made during excavations, variants of dating of each cellar rebuilding and date of completion of its functioning in the 18th century have been offered.

Keywords: Yeniseysk, Epiphany Cathedral, gunpowder magazine, planigraphy, stratigraphy, historical sources.

УДК 903.01/09

М. А. Глушенко

ООО «Красноярская Геоархеология»,

Братский городской объединенный музей истории освоения Ангары

БОНДАРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ЕНИСЕЙСКА ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ (предварительные данные)

Классификация археологических коллекций бондарных изделий в силу своей разрозненности затруднена. Видовому определению подлежат только развалы сосудов и малочисленные типологически выраженные детали. Благодаря археологическим работам в Енисейске, была накоплена представительная коллекция бондарных изделий XVII–XX вв. Замечательная сохранность большинства из них позволила обратить внимание на следы на поверхности изде-

лий, оставленные инструментами в момент последней стадии обработки. В результате можно не только реконструировать операционную технологическую цепочку изготовления бондарной утвари. Анализ следов позволяет выделить в коллекции более архаичную бондарную технологию производства, не предусматривавшую удаление следов от топора, что могло быть связано с дефицитом специализированного деревообрабатывающего инструмента. Таким образом, при дальнейшем уточнении хронологии изделий технологические следы могут стать датирующим признаком в русской археологии.

Ключевые слова: Енисейск, деревянные изделия, бондарная утварь, классификация, технологии производства.

Фрагменты бондарных сосудов занимают значительную часть среди деревянных изделий в русских поселенческих комплексах. Их массовость в археологических материалах делает этот вид деревянной посуды надежным источником информации о развитии ремесла и торговых связей.

В ходе археологических спасательных работ 2013–2016 гг. в Енисейске получена представительная коллекция бондарных изделий XVII–XX вв. общим количеством 289 экз. Остатки бондарных сосудов были обнаружены на следующих объектах: «Дом Флеера»; «Музей (дом Захарова)»; «Дом Дементьева на ул. Ленина, 109»; «Дом Дементьева на ул. Кирова, 80»; «Усадьба Баландина»; «Дом Савельева»; «Богоявленский собор». В состав коллекции входят клепки (182 экз.), донца (72 экз.), крышки (17 экз.), пробки (7 экз.) и фрагменты обручей (3 экз.).

Изделия относятся не менее чем к сотне отдельных сосудов. Эта цифра получена на основании сохранившихся развалов и взаимосвязи между некоторыми клепками. В определении принадлежности найденных клепок к одному сосуду учитывались следующие размеры: длина, ширина, толщина изделия и расстояние уторного паза от края. Последний параметр в силу технических особенностей является наиболее постоянным у клепок одного сосуда, поэтому при наличии его точного совпадения у нескольких предметов и близких значений остальных параметров устанавливалась принадлежность клепок к одному сосуду. Кроме того, обращали внимание на породу древесины, оформление краев клепок и другие дополнительные признаки.

У 24 % из общего числа находок удалось выявить принадлежность к конкретному виду бондарных изделий: клепки и донца от четырех ведер, двух больших бочек, двух средних бочек, бочонка, баклаги, ушата, шайки, подойника. Также определены три крышки от ушатов и три клепки с подъемом венчика к ушку.

Ведра представлены двумя развалами и двумя отдельными клепками с ушками. Один развал ведра сохранил донце и клепки от половины диаметра стенок (рис. 1: 1, с. 76), это позволило выяснить объем сосуда, равный 11,7 л, что полностью совпадает с системой мер XIV–XVI вв., выявленной по данным археологии Новгорода [Колчин, 1968, с. 27]. Высота ведер без учета ушек варьировала от 18 до 25 см. Отверстия под дужку имеют размеры 1–2 см.

Остатки больших бочек найдены вместе и представлены только клепками. Если принять, что в развалах сохранились все клепки от нескольких сосудов, то можно получить следующие метрические показатели. Первая бочка состоит из 22 клепок, имеет высоту 135 см, а от днища до крышки 123 см. Диаметр по утору равен 59 см, пуковый диаметр – 67 см. Предположительный объем бочки был около 300–350 л. В одной из клепок в середине вырезано прямоугольное отверстие размерами 6,8 × 6,4 см. В коллекции встречается грибовидная деревянная пробка для затыкания прямоугольного отверстия. В сечении пробка выпуклая и повторяет округлость клепок, вероятно для возможности перекачивать бочку. Это отверстие позволяет отнести бочку к водовозной [Колчин, 1968, с. 25]. У второй бочки из 21 клепки была отпилена треть высоты; оставшаяся часть, видимо, использовалась в качестве кадки. Первоначальные размеры ее больше, чем у предыдущей. Диаметр по утору – 61 см, диаметр по пуку – 73 см, высота от утора до обрезанных краев – 89 см. Отверстия, подобного отверстию предыдущей бочки, нет; вместо него у двух клепок в середине и возле утора имеются круглые отверстия диаметром 1 и 1,6 см, заделанные чопиками. Назначение второй бочки не определено.

Клепки, отнесенные к средним бочкам, имеют высоту между уторами 47 и 56 см. У клепки от бочонка эта высота равна 31 см (рис. 1: 3). Ширина по утору – 4 см, а пуковая ширина – 4,7 см. Толщина клепки составляет 1,7 см, но для сгиба клепки по длине в средней части была стесана внутренняя поверхность топором до 0,8 см.

Баклага – это двудонный сосуд в форме усеченного конуса, не имеющий симметрично раздутых боков, как у бочек [Белов, Овсянников Старков, 1981, с. 25]. Этот вид посуды представлен всего одной клепкой с высотой между уторами 26 см.

Подойник определен по одной клепке с цедильным носиком, изготовленной предположительно из древесины лиственных пород. Высота между утором и венчиком клепки – 13 см. Носик оформлен из ветки, выходящей из клепки, имеет длину 7,5 см и диаметр 2,2 см. Отверстие в носике было сначала просверлено диаметром 1,5 см, затем расширено у основания ножом, скорее всего с целью удобной укладки в это место льняной пакли, необходимой для сцеживания молока.

Ушат представлен одной клепкой с ушком, с полезной высотой от утора до венчика 37 см (рис. 2: 1, с. 76). Выступ ушка имеет немного большую толщину и размер 14 × 11 см. Отверстие для переноса емкости подквадратной формы размером 4 × 3,3 см.

Шайка определена по клепке с ручкой в верхней части (рис. 2: 2). Полезная высота сосуда равнялась 12 см.

Среди 88 клепок от однодонной посуды только 11 экз. относятся к открытому типу и принадлежат шести отдельным сосудам, высота их от 18 до 54 см.

Диаметр донцев имеет диапазон от 10 до 75 см. У пяти донцев фиксируются отверстия 0,8–1 см, еще у одного экземпляра на самом краю находится полукруглое отверстие, вероятно от пробки соответствующей формы. Донца с отверстиями имеют диаметр 26–54 см. Планки крупных донцев в двух случаях скрепляли металлическими пластинками.

Крышки от ушатов имеют вырезы по краям под ушки и диаметр 37–52 см (рис. 2: 3). У одной из крышек дополнительно есть прямоугольные отверстия под ручку. Две найденные крышки диаметром 19 см имеют в центре круглые отверстия 1,5 и 2,2 см, такие крышки могли относиться к маслбойкам.

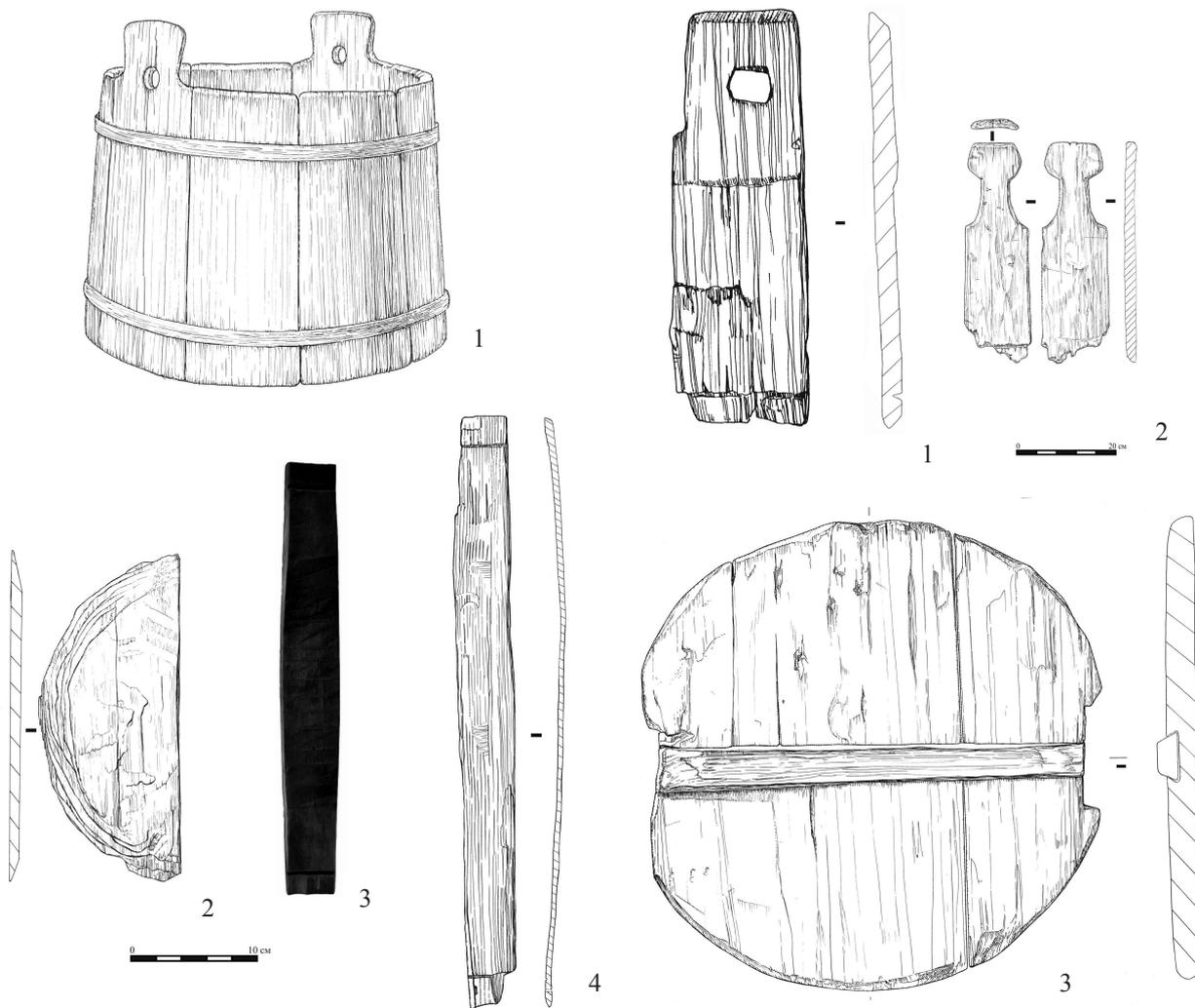

Рис. 1. Бондарные изделия:
1 – ведро (реконструкция); 2 – донце; 3, 4 – клепки

Рис. 2. Бондарные изделия:
1 – ушат; 2 – шайка; 3 – крышка

Пробки для бондарных сосудов имеют грибовидную форму. Круглые пробки (4 экз.) применялись для закрывания отверстий диаметром 8–9 см. Пробки для квадратных отверстий (2 экз.) имеют сечение 3 см. Еще одна пробка служила для закрывания прямоугольного отверстия размерами 11 × 7 см в водовозной бочке.

Обручи для скрепления сосудов найдены в количестве 3 экз., из них 2 экз. изготовлены из хвойных пород. Ширина обручей – 2,5–2,7 см.

Почти все бондарные изделия выполнены из хвойных пород дерева. Шесть изделий можно отнести к импортным на основании используемого сырья. Три донца и клепка выполнены из дуба (рис. 1: 2, 4), еще два донца изготовлены предположительно из вяза. Донца диаметром от 26 до 43 см. Клепка имеет два уторных паза с расстоянием между ними 48 см, но из-за плохой сохранности определить, относится она к бочке или баклаге, невозможно. Изделия из дуба отличаются небольшой толщиной 0,5–0,9 см, что объясняется большей прочностью материала.

О технологиях изготовления бондарных сосудов могут рассказать следы от использованных при изготовлении сосудов инструментов, которые сохранились на поверхности изделий. Примерно 46 % предметов из собранной коллекции дают возможность уверенно идентифицировать такие отпечатки.

Следы *топора* в основном встречаются на донцах (24 экз.). Дощечки для них делали путем расщепления древесины и подтесывания топором неровных мест или всего изделия, а также заостряли край для возможности вставить его в уторный паз. Топор, которым пользовались бондари, был обязательно плоским, т. е. имел небольшую толщину лезвия в отличие от массивных плотницких топоров XVII–XVIII столетий клиновидной конфигурации. Ширина топоров была в пределах 4,5–13 см, преобладает ширина 8–10 см. Встречается как выпуклая, так и плоская форма лезвий.

На клепках чаще всего встречаются следы использования *скобеля*. Исключение составляют две большие бочки. Их внутренние и внешние поверхности обтесаны топорами с шириной лезвия для целой бочки 9 см, для обрезанной – 13 см. Внутренняя вогнутая сторона клепок затесывалась диагональными ударами с одной или обеих сторон подобно тому, как плотники выбирали пазы-канавки в бревнах. Для этого топоры имели специально выпуклое лезвие. Тем не менее на поверхности осталось множество зацепов от глубоких ударов топора и неотлетевшей щепки. Затем внутренняя поверхность выравнивалась скобелем, но только по краям для прорезания уторного паза. Достаточно грубая работа свидетельствует о том, что мастер выпускал такую продукцию, сведя к минимуму технологические затраты.

Боковые края клепок обрабатывались *рубанками* (11 сосудов), либо, возможно, *стругами*, имеющими колодку с фиксированными железками. Только у одной клепки конечная подгонка происходила топором с очень плоским лезвием. Клепки только со следами обработки широких поверхностей скобелем или скобелкой принадлежат восьми сосудам. *Пила* для вырезания крышек и донцев применялась редко (2 экз.), в основном торцовка производилась топорами.

При сравнении енисейской бондарной коллекции с этнографическим собранием, полученным с территории Приангарья (фонды Братского городского объединенного музея), обращает на себя внимание отсутствие следов топора на этнографических изделиях конца XIX – первой половины XX вв. Объяснить их наличие на археологических сосудах сосуществованием бондарей с разным уровнем мастерства будет ошибочно. Скорее всего, в период XVII–XVIII вв. в бондарном ремесле произошли технологические изменения, позволившие использовать рубанок и с его помощью получать гладкую поверхность. Определить более узкие рамки данных изменений поможет дальнейшее уточнение хронологии вскрытых комплексов Енисейска.

Многие исследователи отмечают, что видовое разнообразие, формы бондарных сосудов и технологические приемы мало изменились за последнюю тысячу лет [Фишман, 1987, с. 97]. Материалы археологии Енисейска подтверждают такое мнение только по первым двум пунктам. Технология производства, напротив, зависела от общего уровня развития деревообработки, в которой в рассматриваемый период происходило усложнение набора инструментария от древнерусского к более современному. Таким образом, анализ технологических приемов бондарных изделий может привести в тематику возможность дополнительно классифицировать изделия и самостоятельно относить их к более конкретным хронологическим рамкам. Причем стоит заметить, что для археологии это будет наиболее актуально, так как в ее распоряжении, к сожалению, довольно ничтожен процент целых изделий для одной лишь видовой классификации.

Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. – М. : Наука, 1981. – Ч. 2. – 147 с.

Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия. – М. : Наука, 1968. – 184 с.

Фишман О. М. Методика типологической классификации деревянной утвари (на примере бондарной утвари) // Проблемы комплектования, научного описания и атрибуции этнографических памятников. – Л., 1987. – С. 93–100.

М. А. Glushenko

Krasnoyarsk Geoarchaeology, Ltd.,

Bratsk Joint City History Museum of Mastering the Angara River

COOPERAGE YENISEISK ON ARCHAEOLOGICAL MATERIALS (preliminary)

Classification of archaeological collections, cooperage products because of its fragmentation hampered. The species definition is applicable only to the collapse of small vessels and typologically expressed details. Thanks to archaeological work in Yeniseisk, a representative collection of Coopers' products of 17–20th centuries was gathered. The Remarkable state of most of them let one pay attention to the marks on the surface left by the tools at the moment the last processing stage. As a result, it is possible not only to reconstruct the operational process chain of the manufacture of cooperage utensils. Analysis of the traces allows to select a collection of more archaic cooperage production technology that do not involve the removal of traces of axe that could be related to the lack of specialized

woodworking tools. Thus, further refinement of the chronology of products, technological traces can be dating feature in archaeology.

Keywords: Yeniseisk, wooden ware, cooperage utensils, classification, production technology.

УДК 904

Д. Н. Лысенко^{1,2}, Л. Л. Галухин¹

¹ООО «Красноярская Геоархеология»,

²ООО «НПО «Археологическое Проектирование и Изыскания», Красноярск

ИСТОРИЯ И ПОЧИТАНИЕ МЕСТНОЧТИМОГО СВЯТОГО ДАНИИЛА АЧИНСКОГО В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ ЕНИСЕЙСКА

На территории Иверского монастыря с 2013 г. ведутся раскопки, одна из целей которых – выявление и изучение построек, связанных с именем местночтимого святого Даниила Ачинского. В 2014 и 2015 гг. были изучены строения, идентифицированные как келья-землянка, в которой проживал святой, и часовня, построенная над его могилой. Изучение часовни Даниила Столпника позволило проследить серию ее перестроек с 1859-го по 1892 г. Фиксация техногенных деструкций в алтарной части часовни дала возможность установить последовательность действий при совершении эксгумации могилы старца в 1920 г. и обрядовые манипуляции после ее окончания. Проведенные работы позволили получить новые сведения по изучению такого самобытного явления, как старчество, и легли в основу проекта восстановления построек, связанных с именем святого.

Ключевые слова: Енисейск, Христорождественский монастырь, Даниил Ачинский, келья-землянка, часовня Даниила Столпника, эксгумация.

В последнее десятилетие в Енисейске идет активный процесс восстановления исторической городской среды, важной составляющей которого является реставрация храмов и регенерация монастырских комплексов. Одним из таких объектов стал Иверский монастырь, археологические работы на котором ведутся с 2013 г. В результате раскопок получены новые данные о планировочной структуре, постройках и материальной культуре монастыря. Публикуемая статья представляет выявленные и изученные археологизированные строения, связанные с именем местночтимого святого Даниила Ачинского (Делие), который проживал на территории монастыря в последние месяцы жизни.

Христорождественский монастырь, основанный в 1623 г., располагается на правом берегу р. Мельничной в районе ее устья. Монастырь, стены которого были частью фортификационного обустройства Енисейского острога, защищал город с востока. В течение XVII–XVIII вв., благодаря богатевшему приходу кузнецкой слободы, монастырь разросся: в рапорте 1823 г. пишется, что он «отличается великолепием и драгоценным украшением святых икон и богатством всей утвари церковной. В сей одной церкви серебра и золота более 14 пуд находится на иконах, в лампадах и прочей утвари...» [Дело о предоставлении...]. В XIX в. завершилось формирование его архитектурного облика. В 1873 г. в юго-восточном углу территории была построена церковь Иверской Богоматери, в честь которой и был переименован монастырь. В 20-е гг. XX в. монастырь был закрыт.

Даниил Корнильевич Делие* родился 12 декабря 1784 г. в местечке Новые Сенжары в Полтавской губернии. В 1807 г. его забрали в рекруты, и в качестве застрельщика ему пришлось воевать с французами, он участвовал в Бородинском сражении и затем во взятии Парижа. В 1824 г. за отказ служить в армии и попытки уйти в пустынь Даниил был осужден на каторгу и определен на Боготольский винокурный завод Томской губернии [Фаст, 1994, с. 147, 148]**. Однако в связи с неспособностью к тяжелым работам Даниил был освобожден от каторги, после чего он поселился в Ачинске, а затем переехал в д. Зерцалы. В январе 1843 г. по приглашению игуменьи женского Христорождественского монастыря матушки Евгении Даниил поселился в Енисейске. За прозорливость и подвижническую жизнь старец еще при жизни почитался как святой. Спустя всего три месяца после переезда, утром 15 апреля, он умер и был похоронен в ограде монастыря [Броднева, 2012, с. 12]. В 1999 г. старец был прославлен в Красноярско-Енисейской епархии как местночтимый святой [Антоний, 1999].

* В первой редакции «Сказания о старце Данииле», собранной иноком Парфением, упоминается фамилия Дема. В последующих редакциях сказания, дополненных В. Д. Касьяновым, пишется уже как Делие. Встречаются упоминания фамилий Делиенко, Демин. На обломке могильной плиты, обнаруженной в 1999 г., указывается фамилия Делие [Касьянов, 1887, с. 8; Фаст, 1994, с. 147; Православная энциклопедия, 2007; Майнстренко, 2009, с. 30].

** В настоящий момент г. Боготол Красноярского края.

© Лысенко Д. Н., Галухин Л. Л., 2017

В 1859 г., через 15 лет после смерти Даниила, в Томскую духовную консисторию обратился его крестник купец А. Д. Данилов с прошением о строительстве на территории монастыря памятника над местом упокоения старца. Часовня-памятник была построена в том же году за счет купца и средств, предоставленных игуменьей монастыря Евгенией (Стариковой). В 1869 г. в городе случился пожар, в котором «на две версты вдоль и на версту поперек всё удобосгораемое сгорело». В пожаре пострадало как здание Христорожественской церкви, так и часовня-памятник. В 1871 г. здание часовни было отремонтировано также на средства А. Д. Данилова [Шумов, 2013, с. 122]. По описанию 1887 г., выполненному священником Д. Евтихеевым, часовня представляла собой в плане квадрат, каждая из граней которого в основании имела протяженность три аршина (2,13 м) [Евтихеев, 1994, с. 22]. В 1892 г. из Енисейской духовной консистории был направлен проект пристройки к существующей часовне. В результате переписки церковных властей и строительного отделения проект был значительно видоизменен и реализован в том же году по проекту архитектора С. С. Худзинского [Шумов, 2013, с. 123]. Новая часовня была названа в честь преподобного Даниила Столпника.

В январе 1920 г. Енисейск перешел под власть Советского правительства. К этому времени на территории республики шла кампания по вскрытию мощей православных святых как средство антирелигиозной пропаганды, начатая осенью 1918 г. В феврале 1919 г. стихийные действия местных властей приобрели законодательную основу, после того как Коллегия Наркомата юстиции приняла постановление об организации вскрытия мощей святых на территории России, предусматривающее «порядок их инспекции и конфискации государственными органами». Согласно постановлению, вскрытие должны были производить сами священнослужители в обязательном присутствии представителей местных органов советской власти, ВЧК и медицинских экспертов. После оформления протокола вскрытия мощей, подписанного священнослужителями и медицинскими экспертами, к их осмотру рекомендовалось привлекать «самые широкие массы». По итогам вскрытия предписывалось составлять акт [Щапов, 1996, с. 59]. За период 1919–1920 гг. было произведено и зафиксировано 67* фактов вскрытия захоронений святых как православной, так и католической церкви [Сводка вскрытий..., 1920, с. 74–81].

На территории Сибири самыми известными актами эксгумации были изъятия мощей Иннокентия Иркутского и вскрытие мощей Василия Мангазейского. Эксгумация захоронения Даниила Ачинского привлекала гораздо меньше внимания. Весь корпус сведений в настоящий момент базируется на записанных устных воспоминаниях участников и свидетелей этих событий, часто противоречивых [Фаст, 1994, с. 84].

Эксгумация захоронения проходила, по одним сведениям, 1 мая 1920 г., по другим – в апреле 1921 г. [Майнстренко, 2006, с. 18; Кочетов, 2007, с. 109]. О судьбе изъятых останков также нет единого мнения. По одним данным, они были разбросаны по улице [Фаст, 1994, с. 85]. Согласно другим источникам, после публичного «представления» кости Даниила закопали тут же в ограде, где сейчас стоит трансформаторная будка. Есть свидетели, указавшие, что кости первоначально были погребены в склепе с южной стороны Входа-Иерусалимской церкви на Абалацком кладбище. После закрытия церкви в 1930-х гг. останки были перенесены на Севастьяновское кладбище и захоронены напротив Крестовоздвиженской церкви [Фаст, 1994, с. 85; Майнстренко, 2006, с. 20, 25]. В настоящий момент местом захоронения старца считается Севастьяновское кладбище, где около разрушенной Крестовоздвиженской церкви установлен памятный крест. Из более поздних артефактов, имеющих отношение к могиле Даниила, следует назвать обломок чугунной могильной плиты с именем и годами жизни старца. Условия обнаружения плиты неясны, а свидетельства не несут какого-либо конкретного упоминания ни автора находки, ни места ее обнаружения [Майнстренко, 2009, с. 31]. Таким образом, к началу проведения археологических работ в наличии имелись лишь обрывочные сведения, собранные более чем через 20 лет после смерти старца и через 60 лет после разрушения часовни и эксгумации захоронения.

Христорожественский монастырь занимает приустьевой мыс между р. Мельничной и ее правобережным притоком р. Лазаревкой. Это хорошо задернованный крутой уступ с уклоном до 70° со стороны р. Мельничной. Со стороны Лазаревки (северный борт) склон плавно вылаживается на северо-запад, образуя разновысотные уступы. Территория в настоящий момент занята административными, хозяйственными и жилыми постройками. В современном рельефе практически не выделяются контуры руинированных построек монастыря. Отдельные камни бутового фундамента Христорожественской церкви и часовни Даниила Столпника собраны в груды с установленным поверх нее поклонным крестом, на который прикреплены обломки надмогильных плит. Из исторических построек на территории сохранились здания келейных корпусов, выстроенных в 30-х гг. XIX в. и здание реставрируемой церкви Иверской Богоматери.

В 2013 г. в северо-западном секторе было разбито пять разведочных траншей, зафиксировавших фундамент северо-западного угла Христорожественской церкви, а также остатки сгоревшей деревянной конструкции. Несмотря на достаточно активное техногенное воздействие на исторический участок монастыря, большая часть культурных напластований сохранилась в неповрежденном виде. В 2014 г. над обнаруженной сгоревшей постройкой был заложен раскоп площадью 32 кв. м. В 2015 г. был получен доступ на один из частных огородов, расположенных юго-восточнее келейного корпуса (ул. Ленина, 100), где в двух перпендикулярных друг другу траншеях были зафиксированы остатки фундамента часовни, построенной в 1892 г.

* Церковью официально признано 62 факта эксгумации [Маршадье, 2004, с. 545–571].

В том же году над основным объемом часовни и ее алтарной частью был заложен сплошной раскоп общей площадью 161 кв. м, в котором обнаружены две разновременные постройки. Их описание приводится ниже в соответствии с хронологическим порядком их изучения.

Стратиграфия раскопа 2014 г., заложенного южнее на 5 м келейного корпуса, в 17 м от бровки террасы р. Мельничной, представлена тремя пачками урбаноземов, отражающими характер освоения этого участка в различные периоды. Верхняя пачка напластований связана с существовавшей здесь с 1870-х гг. «кухни-поварни», выстроенной на месте сгоревшей углубленной постройки (второй блок). В свою очередь углубленная постройка была построена на территории монастырского некрополя (третья пачка, связанная с перекопами и выкидами могильных ям).

После разбора верхнего слоя была расчищена сгоревшая конструкция, пострадавшая от техногенного воздействия. Профиль постройки, фиксируемый в южной стенке раскопа, представляет собой котлован глубиной 0,38 м и шириной 2,1 м, впущенный с уровня гумусированной супеси. Восточная стенка углубленной части постройки выдавлена грунтом в более рыхлое внутреннее заполнение, состоящее из остатков надземной части конструкции, перемешанных с грунтом. В центральной части разреза котлована фиксируется развал кирпичной печи шириной 1,2 м с сохранившейся восточной стенкой, состоящей из пяти рядов кирпичей с остатками перекрытия камеры.

При разработке котлована под постройку были разрушены верхние ярусы монастырского некрополя. Крупные кости посткраниального скелета переместили в ямы за пределами котлована, часть их была смещена в отвал. Средний и нижний ярусы захоронений остались непо потревоженными и были зафиксированы под полом землянки во время раскопок.

Планиграфически вся постройка вытянута по оси В – З и состоит из входовой части, основной камеры и камеры, примыкающей к ней с запада.

Центральная камера имеет размер 3,18 × 2,7 м (В – З) и сложена из поставленных на ребро плах толщиной 0,05 м. С внешней стороны по периметру основной камеры установлены столбы диаметром 0,3 м. Три вплотную поставленных столба были расположены вдоль северной стенки в районе северо-восточного угла, один в северо-западном углу и один простеночный столб у восточной стенки, остальные столбы уничтожены поздними экскавациями. Пол землянки выложен барочными плахами с характерными парными цилиндрическими отверстиями в направлении север – юг «по ходу» движения на поперечные лаги.

По центру северной стенки располагался вход в землянку, представляющий собой тамбур с сохранившейся длиной 1,4 м и шириной 1,7 м и разрушенным юго-восточным углом. Стенки тамбура состояли из плах, вероятно забранных «в заплот» в столбы. По сильно обгоревшему столбу с юго-западного края входа характер соединения со стенками коридора установить не удалось. Пол сохранился в виде фрагментов обгорелых досок-ступеней, ориентированных по линии запад – восток. С запада к центральной камере в средней ее части примыкала пристройка шириной 1 м и видимой длиной 1,4 м, состоящая из плах, поставленных на ребро, пол выстелен барочными плахами, ориентированными по оси запад – восток.

Из артефактов обнаружены керамические круговые сосуды разного объема и форм, фарфоровая лампада и столовая тарелка. Посуда и лампада были поставлены на пол, обгорели и одним краем оплавилась в пожаре. В половых щелях обнаружена монета номиналом одна копейка 1840 г. выпуска, «лубочный» жетон и пуговица от форменного мундира.

Известные описания монастыря, составленные как до, так и после пожара 1869 г., сведений о конструкциях такого типа не содержат. На планах 1838 и 1878 гг. этот участок не застроен. На плане 1859 г. между кельями монастыря и зданием Христорожественской церкви литерой «д» обозначены кельи, помеченные как двухэтажные. Судя по плану, здание имело прямоугольные пропорции и два входа, расположенных асимметрично с северной и южной стороны [Царев, 1994, с. 50, 57]. Масштаб, указанный на карте, и конфигурация постройки не позволяют соотнести ее с изученной в раскопе землянкой. На фотоснимках конца XIX в. на этом участке видна изба, нижний венец которой и был зафиксирован в верхней пачке напластований раскопа.

Единственным упоминанием о наличии углубленных жилых построек на территории монастыря являются сведения о «землянушке» на монастырском огороде недалеко от келейного корпуса, выкопанной для Даниила к его приезду. Именно в ней Даниил «сильно угорел... и кое-как приполз в служительский дом», от чего впоследствии и скончался [Броднева, 2012, с. 12]. Даниил принадлежал к одному из течений старчества, прозванного келейничеством. Келейничество являлось особым родом отхода от мирской жизни без монастыря и пострига, но с соблюдением обета безбрачия и монашеского подвижничества. Как правило, старцам-келейникам, объявившим о своем уходе, строили отдельное жилище (келью), которое имело различные варианты – от небольших рубленых изб до землянок [Громыко, 2000, с. 392]. Придерживался этих норм и старец Даниил. При всех его переездах (из Ачинска в д. Зерцалы, а потом в Енисейск) строились землянки. Келью Даниила в д. Зерцалы свидетели описывают как двухкамерную землянку, состоявшую непосредственно из кельи, где проживал старец, и сеней, где он принимал посетителей и оставлял свою одежду перед сном. Сама келья имела вид гроба «с окном в медный грибенник» [Фаст, 1994, с. 150, 155]. По свидетельству В. Д. Касьянова, келья углублялась на глубину на шесть четвертей (1,06 м), имела длину и «вышину» по два аршина (1,42 м) и ширину 12 вершков (0,53 м). Позже это строение было вписано в архитектуру каменной церкви Даниила Столпника, построенной в честь старца, и являлось предметом поклонения православных паломников [Касьянов, 1874, с. 63].

Таким образом, при соотнесении и анализе всего корпуса сведений, полученных из нарративных источников, и результатов раскопок изученную постройку можно идентифицировать как землянку, в которой старец проживал в последние месяцы жизни в Енисейске.

В 2015 г. раскопом был вскрыт основной объем часовни, фланкированный ризалитами с северной и южной стороны и апсидой алтаря с восточной. Юго-восточный угол южного ризалита разрушен. Внешний периметр здания обрамляет широкая вымостка из прямоугольных плит красноцветного девонского песчаника (размеры плит до $1 \times 1,3$ м). Плиты были выложены на подготовленную песчаную подушку и укреплены по внешним краям бревнами. В плане расчищенный участок вымостки представляет собой трапецию, обрамляющую алтарную часть, вдоль стен основного объема здания шириной 2,7 м с небольшим уклоном для стока поверхностных вод на внешнюю сторону (рис. 1).

Рис. 1. План-схема часовни Даниила Столпника в Енисейске с разрушенной могилой святого Даниила Ачинского

Сохранившийся основной объем часовни Даниила Столпника, построенной в 1892 г., представляет собой полуподвальное помещение глубиной 1,73 м от внешней вымостки. Внутренний размер помещения составляет $7,3 \times 2,6$ м при толщине стен 1 м. Помещение на северной и южной стенках ризалитов имеет парные, выходящие наружу на уровне внешней вымостки продухи шириной 0,8 м, закрытые железными коваными решетками. По центру западной стенки расположен вход шириной 1,92 м. К востоку от него, в юго-западном углу помещения, находится основание печи размером $1,4 \times 1,2$ м. Основание второй печи, расположенной практически по центру помещения, имеет размеры $1,5 \times 1,3$ м. Выявленная планировка не совпадает с эскизным чертежом С. С. Худзинского, где указаны две печи – по одной в каждом ризалите; зафиксированы также и другие значительные отличия от проекта в архитектуре часовни.

В углах восточной стены сформированы выступы шириной 0,5 м и длиной 1,3 м. Пол выложен лежащими на поперечных лагах плахами шириной до 0,2 м, ориентированными по оси запад – восток.

Часовня 1892 г. была пристроена к переоформленному прямоугольному основанию часовни-памятника 1859 г., фундамент которой состоял из мелких овальных валунов до 0,15 м, уложенных параллельными рядами. На фундаменте сохранилось основание стен толщиной 1 м, представляющих собой прямоугольник размером $5,5 \times 4,1$ м. Внутри сформирована прямоугольная камера с вогнутыми вовнутрь углами размером $3,2 \times 2,2$ м, стенки которой сложены из кирпичей со скошенными внешними углами, поставленными на ложок. Камера смещена на восток по отношению к основному контуру постройки. У входа образована привходовая площадка шириной 1,2 м. К западной торцовой стенке по ее центру из кирпичей, также поставленных на ложок, выложен отсек размером $0,9 \times 0,5$ м, частично заполненный известковым раствором.

После расчистки внутриалтарного пространства от строительного мусора (остатков разрушенной часовни) были обнаружены фрагменты пологого перекрытия из плах шириной до 0,25 м, ориентированных по оси З – В. Пол был уложен на четыре лаги толщиной 0,1 м, расположен ниже привходового уровня на 0,5 м.

Половое перекрытие в центре алтарной части было перебито ямой размером $3 \times 0,86$ м, ориентированной по оси З – В. Края ямы, расширяющейся в восточной части, неровные, с округлыми углами. Заполнение ямы состоит из двух частей: верхнюю пачку мощностью до 1 м составляет плотный слой битого кирпича с известью. В ней были обнаружены массивные фрагменты деревянной резьбы, украшенные позолотой.

Вторая пачка отложений мощностью 0,4 м представляет собой мешаную темно-бурую супесь с пятнами светло-бурой супеси, остатками дерева, включением фрагментов извести и кирпича. На стыке двух пачек была найдена икона, уложенная по центру ямы ближе к западу, ликом вверх, «головой» ориентированная на запад. На иконе предположительно изображен Иисус Христос в чине Великого Архидиакона*. Состояние иконы неудовлетворительное. Деревянное основание практически сгнило, краска сохранилась фрагментарно. На уцелевших участках просматривается часть лика со стихарем и нимбом. Восточнее иконы, на одном уровне с ней, был обнаружен обломок бронзового креста и кадила.

После снятия второй пачки заполнения перекопа на дне ямы глубиной 1,4 м был расчищен контур разрушенной погребальной конструкции (гроба) с отдельными антропологическими останками. Гроб был смещен относительно ямы к западу вплотную к западной стенке камеры апсиды.

Погребальная конструкция представляет собой трапециевидный гроб длиной 1,6 м, шириной 0,33 м (в голове) и 0,28 м (в ногах). От гроба сохранились часть северной стенки, западный торец и контуры поперечных брусков, которые скрепляли дно. В заполнениях гроба были обнаружены перемешанные фрагменты посткраниального скелета человека.

Отдельные фрагменты посткраниального скелета от разных индивидов были найдены как в заполнении основного объема часовни, так и за ее пределами с юго-восточной стороны. Единичные кости присутствовали в верхней части заполнения ямы в алтарной части. Эти фрагменты связаны с монастырским некрополем, расположенным южнее и западнее часовни.

Все источники, описывающие место захоронения старца, указывают месторасположение его могилы внутри серии перестроенных часовен над местом его захоронения. Косвенно подтверждают эти данные и размеры гроба, совпадающие с известными метрическими промерами ссыльного Д. Делие. В Статейном списке Воронежского губернского правления, составленном в 1823 г., указывается рост два аршина четыре $\frac{4}{8}$ вершка (1,62 м), лицом чист, круглолиц [Касьянов, 1887, с. 45].

По сведениям, собранным у очевидцев эксгумации старца, и в первую очередь Г. Г. Башурова – бывшего секретаря Енисейского городского комитета депутатов трудящихся, члена комиссии по вскрытию мощей, – решение об эксгумации было принято на митинге 1 мая 1920 г. около братской могилы красноармейцев, похороненных за Успенским собором. После оглашения решения была создана специальная комиссия, в состав которой вошел врач, представители енисейских госучреждений и духовенства [Майнстренко, 2006, с. 18]. По одним сведениям, к вскрытию могилы приступили после разрушения часовни и завершили работу после обеда к восьми часам [Фаст, 1994, с. 84]. Г. Г. Башуров дает противоположную информацию: «в часовне было тесно, и вся операция

* Вывод сделан на основании первичного осмотра. В настоящий момент икона находится на реставрации, после которой можно будет более определенно говорить об изображенном лике.

закончилась к обеду» [Майнстренко, 2006, с. 20]. Из личных вещей старца, найденных в могиле, упоминается расшитое полотенце и берестяной пояс. Из антропологических находок фигурирует череп с седой бородой, который впоследствии выставлялся в милиции и в музее. Несмотря на широко распространенную в то время практику публичного обозрения останков святых и праведников, надежных свидетельств этому нет [Фаст, 1994, с. 84; Майнстренко, 2006, с. 20]. Проведенные работы также показывают тщательное изъятие основной части крупных костей из захоронения при проведении эксгумации. В результате плохой освещенности, тесноты и неквалифицированности рабочих часть останков и погребальной конструкции остались в перекопе.

Данные археологического изучения часовни и погребения в ее алтарной части подтверждают и дополняют сведения письменных источников о последовательном возведении над могилой нескольких построек, сооружавшихся на одном основании. Несмотря на локальность раскрития, были получены новые данные о конструктивных особенностях, элементах декора и убранства часовни, не отображенных в эскизном проекте С. С. Худзинского и других источниках.

Фиксация техногенных деструкций, связанных с процессом эксгумации захоронения и обрядовых манипуляций после ее окончания, позволила проследить цепь действий, совершенных над могилой Даниила Ачинского в процессе ее разрушения и получить новые сведения о ранее неизвестных деталях.

Работы, проведенные по поиску объектов, связанных с жизнью и посмертным почитанием Даниила Ачинского, предоставили новый фактический массив сведений, формирующих основу для мемориализации и последующей музеефикации мест, связанных с именем святого.

Дело о предоставлении Енисейским духовным правлением сведений о редких и богатых украшениях, находящихся в городских церквях // ГУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 9. Д. 2114. Л. 1–3.

Антоний (Черемисов), архиепископ. О канонизации исповедника и подвижника Енисейской земли старца Даниила Ачинского (Даниила Корнеевича Делиенко, 1784–1843) в лике местночтимых сибирских святых. О канонизации архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого, 1877–1961) в лике местночтимых сибирских святых, в Красноярской земле просиявшего. – Красноярск : Буква, 1999. – 87 с.

Громыко М. М. Келейничество // Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации / сост. О. А. Платонов. – М., 2000. – С. 392.

Иверский (Христорождественский) монастырь / В. И. Царев. – Красноярск : Бизнеспрессинформ, 1994. – 63 с.

Кочетов Д. Б. Даниил Ачинский // Православная энциклопедия. – М., 2007. – Т. XIV. – С. 109–111.

Майнстренко В. А. Отзовись, брат Даниил! По дорогам святых. – Красноярск : Енисейский благовест, 2009. – 256 с.

Маршадье Б. Вскрытие мощей в первые годы советской власти // Страницы: Богословие. Культура. Образование. – М., 2004. – Т. 9, вып. 4. – С. 545–571.

Сводка вскрытий «мощей», произведенных по почину трудящихся в пределах советской России в 1918, 1919 и 1920 гг. // Революция и церковь. – М., 1920. – № 9–12. – С. 74–81.

Тихий свет зеркал: жизнь и посмертная слава праведного старца Даниила Ачинского / В. А. Майнстренко. – Красноярск : Енисейский благовест, 2006. – 115 с.

Щапов Я. Н. Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М. : Изд-во Библиейско-Богослов. ин-та св. апостола Андрея, 1996. – 352 с.

Шумов К. Ю. Церковные постройки во имя святого Даниила Ачинского // Этно-Мир на Енисее. О народах Красноярского края : альманах. – Красноярск, 2013. – № 9. – С. 121–126.

D. N. Lysenko^{1,2}, L. L. Galukhin¹

¹Krasnoyarsk Geoarchaeology, Ltd.,

²Research and Production Association “Archaeological engineering and research”, Ltd., Krasnoyarsk

THE HISTORY AND WORSHIP OF SAINT DANIEL OF ATCHINSK BY THE ARHEOLOGICAL SOURCES OF YENISEYSK

Since 2013 within the area of the Monastery of Iviron in Yeniseysk some archeological excavations have been held to detect and explore the constructions connected with the name of Saint Daniel of Atchinsk. In 2015–2015 during the field research there were studied some constructions afterward identified as a dugout cell where the Saint lived in and a chapel built on his grave. The investigation of the Daniel’s chapel (also known as a pillar-saint) allows to trace the chapel rebuilding since 1859 and until 1892. Detected techno-genic destruction within altar part of the chapel allows to restore

the order of the Saint's body exhumation in 1920 and religious observance which was secretly held by believers after the body's removal. The excavations have established certain new facts about such peculiar phenomenon as a monastic style of life. This research will be the key stone for the project of the Daniel time constructions restoration.

Keywords: Yeniseysk, the Monastery of Ivron, Daniel of Atchinsk, dugout cell, Daniel pillar-saint's chapel, exhumation.

УДК 902(571.51)''16/18''

Н. В. Мартынович

Музей Мирового океана, Калининград

КОСТИ ПТИЦ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК ЕНИСЕЙСКА (материалы XVII–XIX веков)

Приводятся сведения о результатах исследования остеологических остатков птиц из археологических раскопок 2013–2015 гг. в историческом центре Сибири – Енисейске. Исследованный материал относится ко времени первопоселения русских на территории Енисейска и развития города вплоть до конца XIX в. Археозоологический материал происходит из раскопок пяти городских объектов и шурфов. Рекогносцировочные работы показали различия в насыщенности слоев Енисейска остатками животных. Основу собрания костей птиц составили остеологические материалы из объекта «РСДРП, Бабкина, 1». Исследование коллекции костных остатков в 1 796 единиц позволило установить присутствие 25 видов таежных и водоплавающих птиц, а также домашних представителей – курицы, гуся, утки и индейки. Промысловые птицы представлены 19 видами (гуменник, лебедь-кликун, речные и нырковые утки, тетеревиные и серый журавль). Самыми важными промысловыми видами оказались гуменник, глухарь и лебедь-кликун, наиболее массовыми домашними видами – курица и гусь. В коллекции представлены практически все элементы скелета птиц, в том числе позвонки, фаланги пальцев, фрагменты черепа. Преобладают кости крыла – плечевые, локтевые, лучевые и карпометакарпус. Высоким оказался процент целых костей – более 41 %.

Ключевые слова: Сибирь, русские, промысел, боровая, водоплавающая дичь, куры.

Введение. Начиная с 2005 г. и по настоящее время на территории Енисейска проводятся охранные археологические работы, связанные с обследованием и реставрацией памятников архитектуры. Спасательные работы общей площадью более 16 500 кв. м проведены на 18 участках, расположенных в историческом центре города. Раскопками изучены культурные слои, относящиеся к усадебной застройке, оборонительным укреплениям, административно-хозяйственным и ритуальным комплексам, датирующимся в хронологическом диапазоне XVII–XIX вв. Результаты предварительного изучения собранной остеологической коллекции (млекопитающие, птицы и рыбы) опубликованы, показано доминирование костей домашних животных и промысловых (боровая и водоплавающей дичи) видов птиц [Клементьев, Лысенко, Мартынович, 2016, с. 245].

Видовой состав. Для пяти культурных и исторических памятников Енисейска по материалам XVII–XIX вв. определены 28 видов птиц из коллекции в 1 769 единиц. Приведен систематический список по объектам и совокупно по шурфам (табл. 1).

Список составляют представители таежной фауны, а также водоплавающие и околородные птицы, что, конечно, объясняется положением старинного русского города, который закладывался в начале XVII в. в окружении таежных лесов как острог на берегу Енисея. Практически все виды принадлежат современной авифауне средней полосы приенисейской тайги на широте Енисейска.

Основу собрания (раскопки 2014–2015 гг.), почти 82 %, составили остеологические материалы из объекта «РСДРП, Бабкина, 1»*. На этом памятнике выявлен и самый представительный состав птиц.

Практически на всех объектах отмечены кости лебедя-кликун, гуменника и домашнего гуся, глухаря, курицы и домашней утки. Среди промысловых видов основу добычи составили гуменник (17 %) и глухарь (17 %), на долю костей лебедя пришлось 15,6 %, на диких уток – 14,7 %. Доля костей кур тоже закономерно высока – 15 %. Доля промысловых птиц в рационе жителей Енисейска оказалась высокой. Можно сказать, что енисейцы жили за счет разведения домашнего скота и охоты на птицу. Отдельно следует отметить находку индейки. Енисейск –

* См. об объекте «Дом, в котором в марте 1917 г. на собрании енисейских большевиков был избран городской комитет РСДРП(б)» (здание училища, 1822–1824) в других статьях сборник (с. 21, 37, 38–39, 41, 53–54, 58). – *Примеч. ред.*

© Мартынович Н. В., 2017

второй после Иркутска сибирский город, где была найдена эта домашняя птица на территории Сибири в городских слоях XVIII–XIX вв. [Исаев, Клементьев, Мартынович, 2011, с. 9].

Таблица 1

Кости птиц из раскопок Енисейска (материалы 2014–2015 гг.)

Вид/объект	Название объекта/усадьбы*					
	I	II	III	IV	V	VI
Лебедь-кликун (<i>Cygnus cygnus</i>)	4	2	–	4	217	1
Гуменник (<i>Anser fabalis</i>)	–	6	10	4	317	–
Гусь домашний (<i>A. anser dom</i>)	–	9	5	18	64	–
Гусь (домашний/гуменник)	7	3	7	7	49	–
Белолобый гусь (<i>A. albifrons</i>)	–	–	–	–	3	–
Пискулька (<i>A. erythropus</i>)	–	–	1	–	1	–
Связь (<i>A. penelope</i>)	–	–	3	1	24	–
Чирок-свистунок (<i>A. crecca</i>)	–	–	–	–	8	–
Кряква (<i>Anas platyrhynchos</i>)	–	3	3	2	75	–
Утка домашняя (<i>A. platyrhynchos dom</i>)	–	3	3	6	11	–
Шилохвость (<i>A. acuta</i>)	–	–	3	2	29	–
Шилохвость-связь (<i>A. acuta/penelope</i>)	–	–	6	5	5	–
Чирок-трескунок (<i>A. queruedula</i>)	–	–	–	–	3	–
Широконоска (<i>A. clypeata</i>)	–	–	–	–	18	–
Утки речные (<i>Anas sp.</i>)	–	–	–	1	21	–
Красноголовый нырок (<i>Aythya ferina</i>)	–	–	–	–	3	–
Хохлатая чернеть (<i>A. fuligula</i>)	–	–	1	–	–	–
Гоголь (<i>Bucephala clangula</i>)	1	–	3	1	8	–
Средний крохаль (<i>Mergus serrator</i>)	–	–	1	5	9	–
Большой крохаль (<i>M. merganser</i>)	–	–	–	1	3	–
Ястреб-тетеревятник (<i>Accipiter gentilis</i>)	–	–	–	–	1	–
Орлан-белохвост (<i>Haliaeetus albicilla</i>)	–	–	–	–	5	–
Глухарь (<i>Tetrao urogallus</i>)	6	14	13	44	238	1
Тетерев (<i>T. tetrix</i>)	–	2	–	2	22	–
Рябчик (<i>Bonasa bonasia</i>)	–	–	1	1	19	–
Курица (<i>Gallus gallus dom</i>)	7	7	18	57	213	1
Индейка (<i>Meleagris galopavo</i>)	–	1	–	–	–	–
Серый журавль (<i>Grus grus</i>)	–	–	–	–	25	–
Сизая чайка (<i>Larus canus</i>)	–	–	–	1	1	–
Турухтан (<i>Philonachus pugnax</i>)	–	–	–	–	1	–
Сизый голубь (<i>Columba livia</i>)	–	–	–	–	3	–
Ворон (<i>Corvus corax</i>)	–	–	–	–	1	–
Неопределимые	–	3	4	–	74	–
в т. ч. обработанные	1	–	–	1	1	–
<i>Всего</i>	26	53	82	163	1 472	3

*I – шурфы, 2013 г. Объекты: II – «Дом Дементьевых, 1860», 2014 г.; III – «Дом Евсеева, 1730», 2014 г.; IV – «Дом жилой XIX в.» (ул. Ленина, 106), 2014 г.; V – «Здание училища» («РСДРП», ул. Бабкина, 1), 2014–2015 гг.; VI – «Дом Козицина» (ул. Петровского, 1), 2014 г.

Тафономия, следы на костях. В таблице 2 (с. 86) приведен процентный состав остеологической коллекции по элементам скелета для самого большого собрания остеологических остатков (1 471 фрагмент), полученных в ходе раскопок в 2014 и 2015 гг. объекта «РСДРП, Бабкина, 1». Достаточно высоким оказался процент целых костей, а в пробах, в которых было задействовано просеивание грунта, закономерно оказалось большое количество целых мелких костей – фаланг, позвонков, костей уток. Возможно, поэтому на данном памятнике утки представлены и в количественном и видовом отношении лучше, чем на других. Можно оценить и относительную прочность отдельных костей, которая повлияла на сохранность у утиных – это компактная бедренная и достаточно прочные, практически вообще без мускулатуры карпометакarpus и тарзометатарзус.

Анатомический состав собрания костей птиц из археологических материалов объекта «РСДРП, Бабкина, 1» (2014–2015 гг.)

Наименование кости	Число фрагментов	Наименование кости	Число фрагментов
Череп, нижняя челюсть	71/0*	Локтевая	90/78
Вилочка	3/38	Лучевая	44/69
Грудина	73/0	Карпометакарпус	81/30
Коракоид	58/23	Таз	64/0
Лопатка	23/32	Бедренная	38/37
Плечевая	61/145	Тибиотарзус	23/84
		Тарзометатарзус	70/26

* В числителе – целые кости, в знаменателе – поврежденные и фрагменты.

Картина распределения костей по элементам скелета показала для Енисейска в целом достаточно равномерное присутствие разных анатомических частей – птиц приносили с охоты целиком, а добывали, скорее всего, при помощи луков и самоловов.

Как известно, в царской России на охоте применялась крайне отсталая техника [Каменский, 1953, с. 5]. Русские охотники в XVII и XVIII вв. и во многих местах в XIX в. в основном использовали для охоты на птиц лук, разнообразные ловушки и сетки. Причем чаще применяли самоловы при добыче боровой дичи. Не все служилые люди в те времена имели огнестрельное оружие, поэтому даже в начале XIX в. умение стрелять из лука у русского населения, занятого на промысле, было распространено довольно широко. Птицу били не только стрелами с вильчатыми наконечниками (есть примеры пробитых костей гусей с такими следами в материалах Мангазеи [Мартынович, 2013а, с. 1133]), но преимущественно стрелами-томарами. Эти стрелы, с тупым набалдашником из кости или выточенные из дерева целиком, ломали полые птичьи кости и, скорее всего, не оставили для современного исследователя-археозоолога характерных следов на костях.

В коллекции костей птиц из Енисейска, кроме специфических следов на костях, оставленных рукой человека, есть также образцы со следами погрызов от зубов собак. Были найдены плечевая и локтевая кости лебедей, у которых длинная часть (диафиз) отрезана. Хорошо известно, что части длинных костей птиц (чаще всего лебедей, серых журавлей) использовались в качестве инструментов, приспособлений, в частности игольников [Serjeantson, 2009, с. 209–239].

Представляется интересной поздняя по времени (XIX в.?) находка проксимальной части плечевой кости лебедя-кликлуна с застрявшей картечиной почти шаровидной формы, диаметром около 10 мм, из мягкого свинца (рис. 1).

Рис 1. Головка плечевой кости лебедя-кликлуна с застрявшей картечиной («РСДРП, Бабкина, 1»). Раскоп 10,2, УГ-4 № 2455-2463)

Обсуждение. За последний десяток лет появился достаточно обильный материал, представляющий кости птиц из памятников Западной, а также Средней Сибири, что связано с большим объемом археологических охранных работ, которые проводятся во многих исторических центрах, поселениях, на археологических памятниках. Есть в том числе и данные по русским поселениям – Мангазее (XVII в.) и Березовскому городищу (преимущественно XVII в.) [Мартынович, 2013а, б; Косинцев, Лобанова, 2015].

Фаунистический список птиц из Енисейска практически идентичен выявленному для Березовского городища, в коллекции которого из 22 тыс. единиц костей кур оказалось относительно больше (их доля составила 8,8 %) [Мартынович, 2013с, с. 330]. Отличия от фауны птиц, найденных среди остеологических материалов Мангазеи, более существенны – не так разнообразен видовой состав гусей, нет совсем белой куропатки и больше встречено костей кур, кости которых в Мангазее оказались единичными и отличались мелкими размерами [Мартынович, 2013б, с. 1131].

Выводы. Значительный объем исследованного материала позволил охарактеризовать особенности накопления костей птиц в культурном слое Енисейска. Выявлено 24 вида диких, главным образом промысловых видов боровой и водоплавающей дичи и четыре вида домашних птиц. Наиболее многочисленными видами домашних птиц Енисейска в XVII–XIX вв. были курица и в меньшей степени гусь. Из промысловой фауны преобладают кости водоплавающей (гуменник и лебедь-кликун) и боровой дичи (доминирует глухарь). Ожидаемое дальнейшее уточнение хронологической приуроченности материала должно увеличить детальность исследований.

Автор благодарит палеонтолога и археозоолога А. М. Клементьева (Институт земной коры, Иркутск) за помощь в комплектовании и доставке субфоссильного материала по птицам, орнитолога Г. В. Гришанова (Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград) за помощь в комплектовании сравнительной коллекции скелетов птиц и этнографа М. С. Баташева (Красноярский краеведческий музей) за консультации по технике охотничьего промысла в Сибири и у русских первопоселенцев в частности.

Исаев Ю. А., Клементьев А. М., Мартынович Н. В. Фауна позвоночных из археологических раскопок исторического центра г. Иркутска // Байкальский зоологический журнал. – Иркутск, 2011. – № 2 (7). – С. 5–10.

Каменский В. В. Техника охотничьего промысла. – М.: Заготиздат, 1953. – 192 с.

Клементьев А. М., Лысенко Д. Н., Мартынович Н. В. Остатки млекопитающих и птиц из археологических раскопок Енисейска (XVII–XIX вв) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII Междунар. науч. конф. – Красноярск, 2016. – Т. 2. – С. 240–248.

Косинцев П. А., Лобанова Т. Птицы из голоценовых местонахождений севера Западной Сибири // Фауна Урала и Сибири. – Екатеринбург, 2015. – № 2. – С. 88–105.

Мартынович Н. В. Птицы «Златокипящей Мангазеи» // Зоологический журнал. – 2013а. – Т. 92, № 9. – С. 1129–1135.

Мартынович Н. В. Птицы Березовского городища (Нижнее Приобье) // Динамика современных экосистем в голоцене: материалы Третьей Всерос. науч. конф. – Казань, 2013б. – С. 241–242.

Мартынович Н. В. Куры (*Gallus gallus domestica*) Березовского городища (Нижнее Приобье) // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи: материалы Всерос. науч. конф. – Екатеринбург; Сургут, 2013с. – С. 330–332.

Serjeantson D. Birds (Cambridge. Manual in Archaeology). 2009, Cambridge University Press. – P. 209–239.

N. Martynovich

The Museum of the World Ocean, Kaliningrad

BONES OF BIRDS FROM ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS YENISEISK (17–19th centuries)

The information about the results of the study of osteological bird remnants from the archeological excavations of 2013–2015 in the historic centre of Siberia, the city of Yeniseisk is given. The material relates to the timing of the first settlers of Russians on the territory of the Yeniseisk and development of the city until the late nineteenth century. Reconnaissance work shown differences in concentration of remains of animals in the layers of Yeniseisk. The basis of the collection of the bones of birds have formed a rich material from object “of the “RSDRP, Babkina, 1”. The study of the collection of bone remains in 1796 examples allowed to establish the presence of 25 species of the taiga and waterfowl as well as home of representatives, hen, goose, duck, and turkeys. Commercial poultry are 19 species: bean goose, whooper Swan, river and sea ducks, grouse, gray crane. The most important commercial species was the bean goose, grouse and whooper Swan, the most widespread domestic species – chicken and goose. The collection includes almost all the elements of the skeleton of birds, including the vertebrae, phalanges, skull fragments. The bones of the wing (humerus, ulna, radius and carpometacarpus) predominate. High was the percentage of whole bones is more than 41 %.

Keywords: Siberia, Russian, upland game, waterfowl, chicken.

**ТОВАРНЫЕ ПЛОМБЫ С РАСКОПА УСАДЬБЫ БАЛАНДИНЫХ В ЕНИСЕЙСКЕ
(на материале находок 2015–2016 годов)**

В статье рассматриваются товарные пломбы, найденные в ходе раскопок усадьбы Баландиных, произведенных в Енисейске в 2015–2016 гг. Приводятся данные атрибуции свинцовых пломб. Дана детальная характеристика пломб, определены их место производства и время выпуска, особенности планиграфического и стратиграфического распределения в раскопе. Детальный анализ товарных пломб позволил расширить представления о характере продаваемого и производившегося товара в Енисейске, что делает материалы сфрагистики важным источником для изучения торгово-экономической и историко-культурной жизни города в XIX столетии.

Ключевые слова: сфрагистика, торговые пломбы, городская усадьба, купечество.

Специфическое положение Енисейска между территориями Западной и Восточной Сибири, его значительная удаленность как от европейской части России, так и от азиатских стран сделали город важным центром обмена товарами в XIX в. Династия енисейских купцов Баландиных, известных предпринимателей и меценатов, также занималась торговлей и привозом товаров из разных регионов.

Глава династии Баландиных, Федор Григорьевич, прибыл в Енисейск из Владимирской губернии вместе со своим братом Софроном и племянником Алексеем примерно в 1840 г. [Макогонова, Кабанов, 2002, с. 2]. Сюда их, как и многих других купцов XIX в., привлекла сибирская «золотая лихорадка». Здесь Федор Баландин открыл два магазина, где велась торговля различной мануфактурой, табаком, вином, пушниной и рыбой, а позднее лавки были переданы А. С. Баландину – купцу первой гильдии. По замечанию Е. В. Болонкиной, в руках А. С. Баландина была сосредоточена не только торговля, но и золотопромышленность [1999, с. 22]. Также им была основана первая частная пароходная компания, которая приносила большую прибыль. После приобретения винокуренного завода в 1860-х гг. Баландин выстроил в центре города каменный склад, при котором в лавках торговал вином, в том числе привезенным из-за границы.

Около 1887 г. Алексей Софронович передал все торговые дела в руки сына Александра, который вошел в историю не только как успешный предприниматель, но и как просветитель Енисейской губернии. В целом, династия Баландиных оказала большое влияние на экономическую и культурную жизнь города.

В течение 2015–2016 гг., в ходе реализации целевой программы по реконструкции исторического центра Енисейска, на территории усадьбы Баландиных, расположенной на пересечении ул. Ленина и Партизанского пер., велись археологические работы. За это время специалистам удалось исследовать большую часть владений Баландиных (двор усадьбы, участки, прилегающие к пакагузу, каменным лавкам и флигелю), а также собрать коллекцию артефактов, которая после обработки будет передана в историко-краеведческий музей Енисейска.

В статье мы хотели бы обратить внимание на находки свинцовых пломб на территории усадьбы Баландиных. Этот тип сфрагистического материала дает довольно точное представление о специфике торговой жизни города. На примере конкретной усадьбы (которая в том числе функционировала как торговая и складская площадка) мы можем узнать, какие товары продавали в магазинах и в лавках, где концентрировался товар, какой путь он проходил внутри территории усадьбы, и хотя бы частично воссоздать атмосферу эпохи.

Стоит отметить, что при раскопках усадьбы Баландиных было найдено большое количество сфрагистического материала в целом. Это стеклянные изделия с клеймами (например, бутылки с товарным знаком Мамонтовых – династии купцов, которые занимались винной торговлей), предметы из фарфора, фаянса, маркированные знаками фабрик Гарднера, Кузнецова, Храпунова-Нового. Эти источники на разных этапах привлекали внимание исследователей, поэтому сегодня есть сложившаяся научная база для изучения подобного материала [Тройницкий, 1924; Салтыков, 1952; Дулькина, 1978, Татаурова, 2010 и др.]. Если же говорить о свинцовых товарных пломбах как материале сфрагистики, то в научной литературе до сих пор отсутствуют специализированные тексты, которые обобщают опыт, накопленный в данной области. Темой исследования ученых становились древнерусские и средневековые пломбы [Янин и Гайдуков, 1998; Лихачев, 2012; Степаненко, 2013, с. 37–77; Белецкий, 2015, с. 127–139 и др.], а информацию о более поздних периодах можно найти лишь в отдельных статьях, тезисах конференций и т. п. [Аношко, Игнатов, 2014, с. 77–86].

В целом, на территории усадьбы Баландиных найдена и зафиксирована 281 свинцовая пломба. Все пломбы были изготовлены из свинца в технике штамповки или литья. Они имеют в основном круглую или овальную форму, торцевые отверстия для пропуска проволоки или бечевки, могут отличаться и простым, и сложным профилем. Гурт у них обычно гладкий, но иногда встречается рубчатый.

Оттиски в виде надписей, аббревиатур, инициалов, дат, товарных, фирменных и других знаков, отдельных букв и цифр, гербов, эмблем и иных изображений несут на себе, как правило, обе стороны пломб и печатей. Эти оттиски обычно рельефны и лишь иногда – углублены. Удалось установить, что 88 из них принадлежат к таможенному типу, 133 – к торговому, пять – к типу почтовых пломб (рис. 1: 7, 8), и еще 55 не удалось опознать по причине плохой сохранности или недостаточной информативности. Судя по оттискам дат, пломбы охватывают временной отрезок с 1834 по 1891 г., но наибольшее число атрибутированных находок относится к 50-м гг. XIX в.

Таможенные пломбы – это особый тип сфрагистического материала, позволяющий судить о характере торговых связей купцов Баландиных. Поскольку любой вид товара, который транспортировался по территории России в XIX в. (кроме контрабандного), проходил через таможенные посты, неудивительно, что при раскопках усадьбы Баландиных встретились многочисленные пломбы этого типа. Внешние признаки таможенных пломб таковы: на лицевой стороне по центру «цветок» с шестью лепестками, вокруг него дата, которая читается с двух сторон, сверху и снизу, а не по кругу. То есть если по часовой стрелке читаются цифры «1885», это значит, что сверху «18», а снизу «58», другими словами, перед нами – пломба 1858 г. По краю пломбы набор букв – сокращенное название таможни. В зависимости от года название выглядело по-разному: например, Таурагская таможня в 1858 г. обозначалась буквами ТАУР. Т., в 1862-м – ТАУРОГЕ, в 1864-м – ТАУРОГ. Т. После названия таможни шло указание «импорт-экспорт» (в нашем случае – только «ПРИ(возной) Т(овар)»). На оборотной стороне всегда четкий и детализированный герб в виде двуглавого орла со скипетром и державой, в центре герба часто буква и римская цифра, например Н и I, т. е. «Николай I», что подтверждает казенный статус пломбы.

На усадьбе Баландиных были найдены пломбы Московской (20 шт., рис. 1: 1), Петербургской (20 шт., рис. 1: 4), Кяхтинской (16 шт., рис. 1: 2), Иркутской (6 шт.), Таурагской (8 шт., рис. 1: 6), Вержболовской (2 шт., рис. 1: 3), Варшавской (2 шт.) и Пражской (1 шт.) таможен, которые имеют пометки «ПРИ. Т.». Есть также одна пломба 1843 г., где читается надпись «ПОЛАН. Т. ПРИ. Т.». Ею был опечатан товар, проходивший через Полангенскую таможню, которая располагалась близ г. Паланга на Балтийском море (рис. 1: 5). Еще 12 пломб с явными признаками таможенной штамповки не были идентифицированы.

Рис. 1. Примеры почтовых и таможенных пломб с раскопок ОКН «Усадьба Баландина, XIX век» в 2015–2016 гг.:

- 1 – свинцовая пломба Московской таможни, 1852 г.; 2 – свинцовая пломба Кяхтинской таможни, 1850 г.;
- 3 – свинцовая пломба Вержболовской таможни, 1866 г.; 4 – свинцовая пломба таможни Санкт-Петербурга, 1848 г.;
- 5 – свинцовая пломба Полангенской таможни, 1843 г.; 6 – свинцовая пломба Таурагской таможни, 1858 г.;
- 7, 8 – свинцовые пломбы почтового типа

Если столичные таможни контролировали товарооборот с западноевропейскими странами, то Кяхта и Иркутск были важными центрами русско-азиатской торговли. Например, свинцовые пломбы с пометкой о том, что товар прошел через Кяхтинскую таможню, преимущественно представлены 1849 (3 шт.) и 1850 (4 шт.) гг. Как известно, в этот период Кяхта являлась Меккой для купцов, которые вели торговлю с Китаем. Основными продуктами экспорта в Китай были тогда пушнина, медь, текстиль, рыба, мед, скобяные товары, а импорта – фарфор, шелк, сахар и, конечно, чай. Однако в 1861 г. Кяхтинская таможня была расформирована и перенесена в Иркутск, поэтому неудивительно, что 1860 г. заканчиваются находки пломб этой таможни.

Всего в раскопе найдено 88 таможенных пломб. Из них к 1830-м гг. относятся три пломбы (3,4 %), к 1840-м – 20 (22,7 %), 1850-м – 27 (30,7 %), 1860-м – 16 (18,2 %), 1870-м – пять (5,7 %), 1880-м – две (2,3 %) и к 1890-м – одна (1,1 %). Не удалось датировать по причине плохой сохранности 14 таможенных пломб (15,9 %).

Другой тип сфрагистического материала, широко представленный находками на территории усадьбы Баландиных, – это торговые пломбы, которые маркировали продукцию отдельных заводов, фабрик, мануфактур, фирм, товариществ и т. д. Таких пломб нами выделено 133. Эти пломбы могут содержать информацию не только о типе производства, но и о годе и месте выпуска товара, зачастую с указанием его артикула, веса или размера (рис. 2).

Иногда на пломбах читаются имена владельцев предприятия или их инициалы. Так, например, пять торговых пломб с указанием даты – «1855 г.» принадлежат производству Николая Ивановича Каулина, который был московским купцом первой гильдии и держал свою бумаготкацкую фабрику в Твери (рис. 2: 1). Несколько пломб (7 шт.) маркировали производство фабрики Гучковых (рис. 2: 4), которым принадлежали пять торгово-промышленных заведений, в том числе три фабричных предприятия и две лавки – в одной лавке торговали шелком, во второй – железом.

Среди сфрагистического материала, найденного на территории усадьбы, встречаются товарные пломбы таких предприятий, как «Верманъ съ сыномъ», чугунолитейные заводы которых располагались в Риге, фирмы «Е. Армандъ съ сыновьями», управлявшей красильными и ткацкими производствами в Подмоскowie, магазинов «Братья Елисеевы» (Санкт-Петербург) и «Братья Носовы» (Омск, рис. 2: 6), торгового дома «Савва Морозов съ сыновьями» (Москва, рис. 2: 2). Две из найденных пломб указывают на продукцию известного купца А. Ф. Штригера, с 1855 г. владевшего рядом спиртоочистительных и ликероводочных предприятий в Санкт-Петербурге. В материалах Баландинского раскопа есть также пломбы купца В. Залогина – владельца шелкоткацких производств в России, а также пломбы московских купцов и фабрикантов Н. Осипова, Е. Молчанова, И. Алексева, А. Прохорова, И. Фландена, В. Елагина, С. Лепешкина, С. Пельцера, М. Соколова, М. Григорьева, петербургского заводчика А. Миллера, нерехтских купцов Сыромятникова и Дьяконова.

Рис. 2. Примеры торговых пломб с раскопок ОКН «Усадьба Баландина, XIX век» в 2015–2016 гг.:

- 1 – свинцовая пломба фабрики Н. И. Каулина; 2 – свинцовая пломба торгового дома Саввы Морозова с сыновьями в Москве; 3 – свинцовая пломба бумаготкацкой фабрики Прохоровых в Москве; 4 – свинцовая пломба ткацкой фабрики Гучковых в Москве; 5 – свинцовая пломба А. А. Баландина в Енисейске; 6 – свинцовая пломба товарищества братьев Носовых в Омске; 7 – свинцовая пломба фирмы «Фландень и К», которая осуществляла торговлю коврами;
- 8 – свинцовая пломба фабрики почетного гражданина Николая Осипова в Москве;
- 9 – свинцовая пломба мануфактуры России, 1885 г.; 10 – свинцовая пломба «Russische mannifatur»

Точно датированных торговых пломб было найдено гораздо меньше, чем таможенных пломб, скорее всего, потому что купцам не обязательно было фиксировать год отправки товара, каждый раз при этом обновляя пломбатор. Отличаются в этом плане лишь уже упомянутый купец Каулин и изредка фабрика Гучковых. Всего датированных пломб оказалось 24 (18 % от общего числа), из них 17 относится к 1850-м гг., а к 30-м, 40-м, 60-м и 80-м гг. XIX в. – по одной пломбе. Об остальных пломбах как датирующих находках можно судить только в пределах функционирования предприятия, а этот период мог продолжаться от 10 до 90 лет.

В некоторых случаях можно определить нижнюю границу слоя по дополнительной информации, связанной с производством. Так, с 1839 г. Гучковым было предоставлено за высочайшее качество продукции право «на вывесках и изделиях употреблять государственный герб» [Ульянова, 2013, с. 133]. Тот факт, что на обратной стороне найденных гучковских пломб размещен двуглавый орел, увенчанный короной, позволяет нам говорить о том, что товар был опломбирован и отправлен на продажу после 1839 г., а это конкретизирует датировку слоя.

В материалах раскопок усадьбы присутствует также восемь торговых пломб с текстами на иностранных языках, где читаются такие надписи, как «ROSSY MANOUFACTUR» и «RUSSISCHE MANNIFATUR» (рис. 2: 10), две торговых пломбы с иероглифами и пять пломб почтового типа с пометками «МОСК. ПОЧТ» и государственным гербом на лицевой стороне.

Остальные пломбы (55 шт.) не были отнесены нами ни к одному из выявленных типов из-за слишком малого количества информации на них или же полного ее отсутствия.

Анализируя атрибутированный материал и изучая места скопления пломб в слоях XIX в., можно реконструировать путь, который проходил товар внутри усадьбы перед тем, как попасть на прилавки магазинов. Товар привозили с южной стороны усадьбы, со стороны ул. Кедровой (сейчас – Кирова), заводили телеги с товаром через каменную арку во двор усадьбы; здесь – судя по всему, под навесом для лошадей – товар выгружали, срывали с него пломбы и относили на склад (восточная часть пакгауза). Далее товар по мере необходимости перетаскивали к каменным лавкам, где оставшаяся часть пломб тоже обрывалась и выкидывалась. Об этом свидетельствует большое число находок у дверей лавок со стороны двора (рис. 3). Найденный сфрагистический материал указывает на то, что в лавках торговали шерстью, шелком, железом, чугуном, вином, чаем, бакалейей.

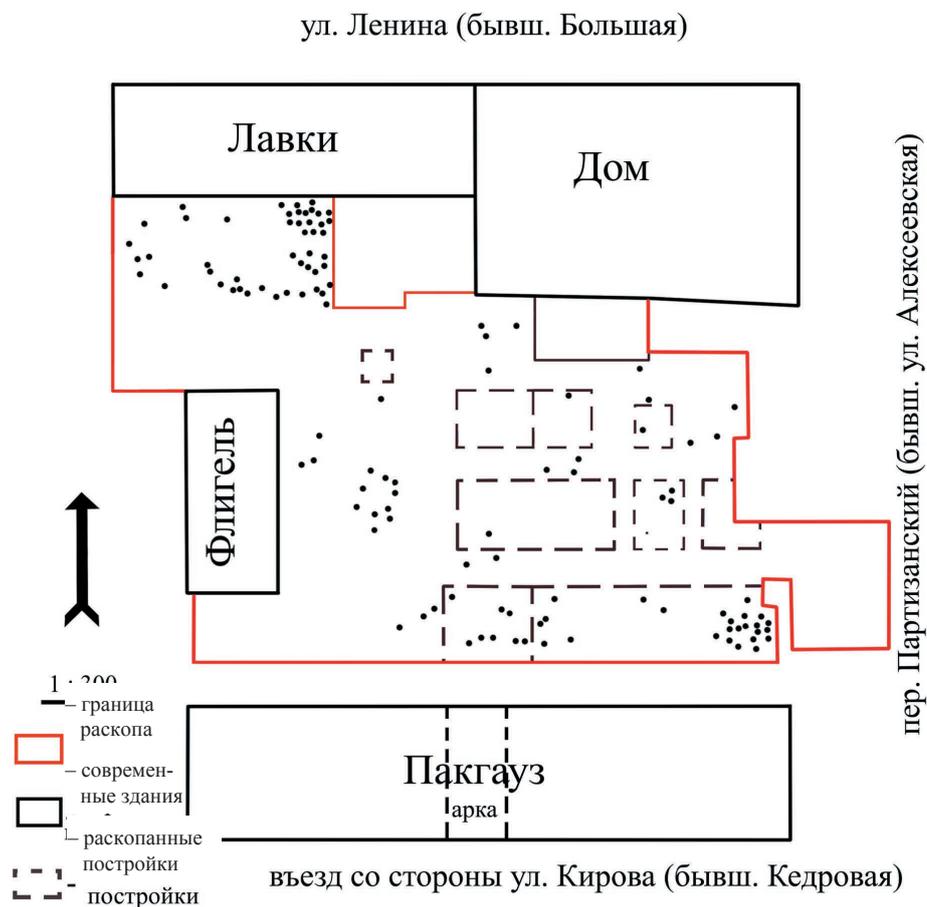

Рис. 3. План примерного скопления находок, обозначенных точками (торговых пломб), на территории ОКН «Усадьба Баландина, XIX век»

География торговых связей купцов Баландиных восстанавливается таким образом. Судя по пломбам, найденным на территории усадьбы, на протяжении 1840–1880-х гг. в Енисейск свозили товары из разных городов России – Москвы, Санкт-Петербурга, Омска, Риги, Варшавы и т. д. Одни товары были произведены на заводах и фабриках известных предпринимателей XIX в., другая часть была привезена из конкретных магазинов и торговых домов (Елисеевых, Носовых и др.). В указанный период, границы которого определяют находки товарных пломб, владельцами торговых лавок и пакгауза на территории усадьбы являлась династия купцов Баландиных.

Особого внимания заслуживают две свинцовые пломбы, найденные на территории усадьбы, где на лицевой стороне читается надпись «А. А. Баландин», а на обратной – «г. Енисейск» (рис. 2: 5). Эти пломбы относятся ко времени, когда А. С. Баландин передал торговые дела своему сыну, т. е. к периоду после 1887 г. Найденные нами пломбы могут служить подтверждением того, что в 90-х гг. XIX в. лавки на территории усадьбы продолжали функционировать, только уже под руководством сына А. С. Баландина.

В связи с отсутствием в современной историографии выработанной методологии исследования материала подобного типа нами была проведена первичная работа по атрибуции и классификации пломб. Мы установили, что на примере материала отдельной усадьбы (в нашем случае – купцов Баландиных) можно проследить многообразие торговой, хозяйственной и культурной жизни усадьбы в период между 1830-ми и 1890-ми гг., а также характер экономических связей восточносибирского города XIX в. в целом.

Подводя итог, необходимо отметить, что:

- анализ пломб позволяет воссоздать путь прохождения товара внутри усадьбы (от момента попадания груза на склад до его транспортировки в лавки);
- находки пломб, залегающие внутри построек, дают возможность охарактеризовать данные конструкции – отнести их к хозяйственным;
- товарная пломба позволяет датировать культурный слой с точностью до года, так как попадает в него максимально близко к году, указанному на ней, в отличие от нумизматического материала, который может функционировать на протяжении нескольких десятков лет.

Аношко О. М., Игнатов С. В. Нумизматические и сфрагистические материалы Базарного раскопа в Тобольске // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – № 4 (27). – С. 77–86.

Белецкий С. В. Древнерусская печать как текст // Труды Санкт-Петербургского университета культуры и искусств. – СПб., 2015. – Т. 212. – С. 127–139.

Болонкина Е. В. Из истории семьи Баландиных – енисейских купцов и предпринимателей (40–60-е гг. 19 в.) // Формирование культурно-исторической среды в крае в 19–20 вв. : материалы II краевед. чтений. – Красноярск, 1999. – С. 21–25.

Дулькина Т. У. Русская керамика и стекло XVIII–XX вв.: Собрание Государственного исторического музея. Альбом. – М. : Изобразит. искусство, 1978. – 338 с.

Лихачев Н. П. Русская сфрагистика. – М. : Книга по требованию, 2012. – 94 с.

Макогонова Т. С., Кабанов А. А. Династия Баландиных // Красноярский рабочий. – 2002. – 27 дек. – С. 2.

Салтыков А. Б. Русская керамика : пособие по определению памятников материальной культуры XVIII – начала XX вв. – М. : Гос. изд-во культ.-просвет. лит., 1952. – 272 с.

Степаненко В. П. Образы древнерусских князей в древнерусской сфрагистике XI – начала XII вв. // Материалы Международного коллоквиума по русско-византийской сфрагистике / сост. Н. Алексеенко. – Севастополь, 2013. – С. 73–77.

Татаурова Л. В., Татауров Ф. С. Возможности археологического фарфора как источника // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Томск, 2010. – С. 285–288.

Тройницкий Н. С. Фарфор и быт. – Л. : Брокгауз и Эфрон, 1924. – 76 с.

Ульянова Г. Н. История купеческих династий: Гучковы в истории Москвы в XIX веке // Российский парламентаризм: истоки, история и современность : материалы науч.-практ. конф. – М., 2013. – С. 131–140.

Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. – Т. III : Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. – М. : Интрада, 1998. – 504 с.

V. I. Stolbov, K. R. Romanova

Research and Production Association “Northern Archaeology – 1”, Ltd., Nefteyugansk

MARKETABLE SEALS FROM EXCAVATIONS OF THE MANSION OF THE BALANDINS IN YENISEISK (based on the materials of excavations 2015–2016)

The article considers the marketable seals which were founded in the excavations committed in the city of Yeniseisk of the Mansion of the Balandins in 2015–2016. Data of attribution plumbic seals are presented. The paper gives a detailed description of the seals, determining place and time of issue, as well as distinctions of their planigraphic and stratigraphic distribution in the pit. An analysis of marketable seals expended the interpretation of traded goods in Yeniseysk. It demonstrated that the materials of sphragistics are important source for studying of the economic relations and culture life of the town in the 19th century.

Keywords: sphragistics, marketable seals, mansion, merchants.

МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ В АРХЕОЛОГИИ РУССКИХ. РЕКОНСТРУКЦИИ. ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

УДК: 904.93.911

А. М. Буровский

ООО «Книги и фильмы Андрея Буровского», Санкт-Петербург

ЧЕГО НЕ ВИДИТ АРХЕОЛОГИЯ

Осваивая долину Енисея, русские в XVII в. ставили поселения исключительно удачно: в контрастных точках ландшафтов, и притом в местах, комфортных для обитания. Комфорт достигается сочетанием трех факторов, два из которых легко объяснимы – удобство для жизни, удобство для ведения хозяйства. Третий фактор – психологический комфорт труднее всего исследовать и описать. Каждое из поселений вызывает ощущение защищенности бытия в особенном и выделенном месте. С каждого из них открывается широкий обзор (архитекторы и градостроители называют это «раскрытием на вид»). Комфортность места обитания не отражается в археологических источниках. Чтобы осознать ее, необходимо находиться на месте поселения. Для анализа причин психологического комфорта нужен аппарат этнологии, психологии, градостроительства. Предки не применяли никаких научных методов анализа территории, и всё-таки создание комфортных месторазвитий до сих пор является завидным достижением предков.

Ключевые слова: археология, география, ландшафты, месторазвития, поселения, выбор места.

Введение. XVII–XVIII вв. стали временем интенсивного освоения русскими долины Енисея. Для них, новых владык Сибири, земля казалась «пустой» при непривычно малой плотности жителей [Буровский, 1996]. Так, туземное население Приенисейского края в конце XVII столетия не составляло и 20 тыс. чел. на территории площадью порядка 200 тыс. кв. км [Долгих, 1960]. Вологодская земля, отправка территория для московского продвижения в Сибирь, в Европейской России ближе всего к Приенисейскому краю по климатическим условиям. Население этого края в середине XVII в. можно оценить примерно в 500 тыс. чел. [Володарский, 1973] при площади 400–500 кв. км.

Закон Московского царства защищал «ясачных инородцев» и их хозяйство. По договорам с аринами и асанами русские не селились на территории их кочевий и не вели промыслового освоения их племенных территорий [Павлов, 1972; 1974]. Но русские переселенцы могли ставить деревни и заводить земледельческое хозяйство практически в любом месте долины Енисея.

В XVII в. на Енисее между Енисейском и Красным Яром возникает до 30 русских населенных пунктов. Сел среди них немного, деревни тоже крайне немногочисленны; некоторые из них состояли из двух-трех дворов. Вероятно, такие деревни в Европейской России считались бы «заимками» и «хуторами». Тем не менее ни один из этих населенных пунктов не был впоследствии заброшен, все они разрастались и процветали. Исключение – с. Бuzим из нескольких дворов, заброшенное из-за постоянных наводнений.

Таким образом, выбор мест для поселения русскими на Енисее следует признать исключительно удачным. Это «эмпирическое обобщение» [Вернадский, 1988, с. 234] тем более интересно, что первопроходцы не применяли никаких «научных» методов для выбора таких мест.

Важнейший вопрос: чем же они руководствовались? По каким признакам выбиралось место для поселения и какие точки пространства оказывались привлекательны для предков?

В самой археологии нет ни малейшей возможности ответить на этот вопрос. Самые тщательные раскопки не в состоянии дать на него ответ. Но автор уже пытался показать, что полевая археология дает первичный материал для реконструкций в области немалого числа наук, от геологии и физики до исторической психологии и эстетики [Буровский, 1991; 2004]. К сожалению, эта работа не вызвала особого интереса коллег, но является не неким авторским вымыслом, а обобщением профессионального опыта.

Археология сама по себе, в общем-то, бессильна. Собственно археология включает, помимо раскопок, разве что реконструкцию и атрибуцию объектов материальной культуры. Однако на стыке с другими науками археология становится очень важной источниковедческой базой, использование материалов которой может дать неожиданно полные ответы на самые сложные вопросы.

Цели и задачи. Целью автора стало выяснить, чем отличаются места, в которых создавались населенные пункты, от остальных точек географического пространства, и понять, почему именно они стали местами поселений.

Методы. В качестве первичного материала использовалось картирование населенных пунктов с указанием времени их появления. Достаточно полный свод данных по поселениям XVII в. дается в работах Г. Ф. Быкони [Быкони, Федорова, Ценюга, 2006; Безруких, Быкони, Федорова, 2012] и В. А. Александрова [1964].

Анализ самого места предполагает применение данных разных научных дисциплин к полученному материалу. Автору доводилось применять междисциплинарный межпредметный подход [Назаретян, 1991] к анализу семантики большого города [Буровский, 2003]. Тот же подход использован при изучении интересующих нас «точек на карте».

Анализ предполагает собственное полевое исследование, включающее картирование места поселения с определением границ географических и антропогенных ландшафтов.

Результаты исследования селитебных ландшафтов разного возраста сравнивались.

Особенности мест поселений: хозяйство. В качестве общего положения очевидно, что населенные пункты основывались там, где возможно вести хозяйственную деятельность. Учитывая, что выбирать можно было достаточно свободно, видимо, выбирались в первую очередь места, где вести хозяйство было *особенно* удобно.

И. И. Крупник на совершенно ином материале (охотников Арктики) сделал важный вывод: человек искал точки особенно высокой биологической продуктивности. Найдя, он селился именно там и полной мерой брал всё, до чего мог дотянуться. Когда ресурсы исчерпывались, он переходил в другое место [Крупник, 1989, с. 283].

По-видимому, отмеченная И. И. Крупником закономерность относится к числу универсальных – с поправкой на географические особенности территории и способы ведения хозяйства. Первопоселенцы могли искать точки пространства, в которых их хозяйство было особенно продуктивным и его было особенно удобно организовать. Это уже указывает на такую особенность ландшафта в месте будущего поселения, как наличие разных природных (географических) ландшафтов в пределах доступности, т. е. на расстоянии не больше чем один день пешего пути.

Антропогенные урочища. Всякое поселение соответствует географическому термину «урочище», который применяется в двух значениях:

– как всякий участок земной поверхности, чем-то отличный и выделенный среди остальных. В этом значении и сосновый бор среди полей, и расчищенное среди леса поле – это урочище. Разумеется, в этом смысле и любой поселок, независимо от размеров и значения, может рассматриваться как урочище;

– как сопряженная система элементарных ячеек ландшафта – фаций. В ландшафтоведении фация – это участок поверхности Земли, характеризующийся полным единством всех компонентов ландшафта: материнской породы, микроклимата, водного режима, почвы, биогеохимических циклов, фауны и флоры [Мильков, 1968; 1968а].

В этом смысле уже далеко не всякий сосновый лес может рассматриваться как урочище. Сосновый лес с одним типом травяной растительности, на одном типе почв, одинаково увлажненный на всем протяжении и с одним составом видов животных – это не урочище, а фация.

Только если в одном месте (на склоне холма, в излучине реки) соединяются сосновые леса с разным подлеском (брусничные и травяные), состав подпочвы различен, встречаются поляны, а склон холма спускается к речке (т. е. форма рельефа, склон холма, соединяет много различных фаций) – тогда это урочище.

При любых обстоятельствах поселение – это урочище и во втором понимании термина. Поселение просто не может быть фацией, даже если это всего три двора с хозяйственными постройками. Даже в таком поселке есть улица или тропка, заборы и колодцы, коровники, овины и гумна, пустыри и огороды. Словом, это всегда сочетание пусть небольших территорий, но с разным типом застройки и разным характером использования.

Если антропогенное урочище «ложится» на уже существующее географическое урочище или создает новое урочище в географическом пространстве, хорошо видно: застройка и созданное человеком охватывает разные природные фации и образует множество новых антропогенных фаций.

Примером того, как это происходит, могут стать как города Енисейск и Красноярск, так и села... По существу, любое из них. Примеры приводятся не потому, что именно эти села чем-то отличаются, а просто потому, что на них упал взгляд автора. Они типичны, но не «типичнее других».

Поселения южнее Российскойки (Юксеево, Павловщина, Берегтаскино, Атаманово) стоят на высоких ярах, покрытых сосновым лесом. Они имеют выход на Енисей и его пойму, которая в историческом прошлом была покрыта заливными лугами. В пределах доступности находятся острова на Енисее и впадающая в него малая речка.

Реликтовый «язык» степной растительности завершается у д. Береговая Подъемная. Степные ландшафты находятся в пределах 5–12 км от каждого из этих поселений.

Севернее левый берег становится ниже, холмы отступают от русла реки. Реликтовая степь исчезает. Тем не менее Казачинское, Галанино, Маклаково стоят на возвышенностях, пусть и не таких заметных, как более южные поселения. Они стоят при впадении малой речки в Енисей, с выходом на реку, его пойму и острова [Буровский, Голубцова, 1995; Буровский, 1997].

Как видно, все русские поселения XVII столетия изначально ставились так, чтобы можно было находиться в разных географических ландшафтах [Буровский, 1994].

Но отметим: первоначальные поселения русских переселенцев ставились не во всех точках впадения малых рек в Енисей. Между Красноярском и Енисейском Енисей принимает слева до 80 рек и речек, справа – до 90. Поселения поставлены не более чем в 30 пунктах. Это невозможно объяснить тем, что остальные места впадения малых рек в Енисей чем-то неудобны, что реки эти образуют теснины близ устья и что леса и заливные луга в этих местах чем-то уступают другим. Реки Нижняя, Ивановка, Бобровка, Язаевка, Шапкина ничем не «хуже» других, но в точках их впадения в Енисей поселения не поставлены.

Покровка на р. Посольной поставлена только в 1911 г. Поселок Предивинск на речке Большая Юдинка – только в 1931-м. По-видимому, выбор определялся не только удобствами хозяйственного освоения.

Место развития культуры. Чем гетерогеннее территория по своим природным условиям, тем быстрее идут в ней основные энергетические и геологические процессы. Пространственно-временная структура этих территорий более «плотная», чем однородных территорий [Буровский, 1993а; 1994; 2005; 2009].

Нет ничего нового в «эффекте краевых границ», на которых концентрируется биомасса, встречаются разнообразнейшие животные, чаще возникают эволюционные изменения [Гентнер, 1936; Лопатин, 1989; Морозова, 2008]. Обществу границы тоже «бросают вызов» [Тойнби, 2001], а Лев Гумилев дал великолепное название «контрастным ландшафтам», где возникают новые (по терминологии самого Гумилева) «этнотипы»: место развития [Гумилев, 1989, с. 289].

Место развития может быть зоной ускоренной биологической эволюции [Буровский, 2012], в том числе эволюции человека [Буровский, 2011]. А может быть «местом развития культуры» [Буровский, 1993; 1994]. В данном исследовании мы явно имеем дело с последним случаем.

Особенности мест поселения: жизнь. Очевидно, что населенный пункт ставился там, где удобно жить; там, где легко доступны вода, дрова. В условиях Сибири особенно важно расположение на овеваемых ветром местах, где нет гноса. Но этим условиям удовлетворяют и те места, на которых поселения не возникли.

Возможно, причина выбора места поселения в том, что искалась территория психологически комфортная. Жить в разнообразном месте, где на человека оказываются различные, порой разнонаправленные воздействия, где природная среда динамична, а порой угрожающа, интересно. Судя по многим признакам, «красивое» в эстетике европейских культур почти обязательно включает в себя проявления разнообразия. Места поселений XVII в. на Енисее всегда необычайно красивы.

Возможно, поиск психологически комфортного места становился «противовесом» поиску сложной, но при этом напряженной, повышенно опасной красоты.

Факторы комфортного расположения. Психологическое восприятие местности человеком мало изучено. Анализ того, что комфортно для человека, приходится совершать, основываясь скорее на опыте и повторяющихся наблюдениях.

Первым из этих факторов комфорта следует признать «центральность» расположения поселения. Существует внутренняя необходимость жить в месте, центральное положение которого психологически ощущается. Это ощущение «центральности» может достигаться за счет расположения селитебного ландшафта на естественных возвышениях местности. С территории поселения должно быть, как говорят архитекторы и градостроители, «раскрытие на вид».

Фактор «выделенности»: место поселения должно как-то отличаться от соседних участков, быть особенным и естественным образом выделяться за счет расположения на господствующем над местностью возвышенном участке: возвышающейся над поймой террасе реки, на холме и т. д.

Находясь на территории поселения, человек должен ощущать себя психологически защищенным от внешней среды. До известной степени это достигается самим «центральным» положением поселения – со всех сторон видно, потому безопасно и раскрытием на вид – далеко видно, подойти незаметно невозможно. Самый идеальный вариант защищенности и соединения сразу нескольких факторов психологического комфорта – это расположение поселения на плоскости, причлененной к склону холмов и с другой стороны раскрытой в более низкую долину. Тогда поселение одновременно защищено тем, что прижато к возвышенности, как бы закрыто с одной или с нескольких сторон. А в то же время оно раскрыто со стороны другого склона.

Расположение поселения на равнине у подножия гор, у начала склона уже не в такой степени комфортно: исчезают «выделенность», «возвышенность», раскрытие на вид. Конечно же, размер поселения и степень зависимости человека от природных условий позволяют оценивать как «психологически хорошие» разные по размерам участки местности. Многие поселения в долине Енисея поставлены на мысах – выдвинутых в пойму террасах Енисея (Берегтаскино, Юкеево, Маклаково, Павловщина). При этом Маклаково и Берегтаскино еще и «защищены» возвышениями, у подножия которых они расположены.

«Новые» поселения. Поселения, возникшие на притоках Енисея вблизи основного русла в XVIII–XIX вв. (Большая Мурта, Сухобузимское, Миндерла), сохраняют особенности поставленных веком-двумя назад на Енисее.

Поселения, созданные в XX в. на Енисее или его притоках, чаще всего не обладают той же селитебной ценностью. Лесосибирск и Предивное, несомненно, важные экономические объекты, однако они не являются ни местами развития, ни тем более комфортными местобитаниями. Это касается и малых поселений типа Комаровки в Большемуртинском районе Красноярского края [Буровский, Голубцова, 1995а].

Выводы. Конечно, все археологические реконструкции и реконструкции, сделанные на основе археологического материала, – лишь построение неких вероятных моделей [Клейн, 1978]. Степень приближения каждой из них к реальности может быть различной, но сильная сторона археологического изучения русского прошлого в Сибири в том, что объекты исследования лежат в пределах так называемой «этнографической современности». Это позволяет особенно легко привлекать к решению поставленных задач другие науки – как «смежные», так и считающиеся «отдаленными».

Сама по себе «отдельно взятая» археология «не видит» закономерностей развития селитебных ландшафтов – местообитаний. Но на материалах археологии методом междисциплинарного межпредметного анализа можно сделать выводы, имеющие значение не только для фундаментальной науки. В конце концов, если предки с помощью интуиции и опыта могли создавать комфортные для обитания места развития, то мы, вооружившись рациональным знанием, способны по крайней мере не на меньшее.

-
- Александров В. А.* Русское население Сибири XVII – начала XVIII вв. – М. : Наука, 1964. – 304 с.
- Безруких В., Быконя Г., Федорова В.* Иллюстрированная история Красноярья (XVI – начало XX века). – Красноярск : РАСТР, 2012. – 240 с.
- Буровский А. М.* О характере археологических источников // СА. – 1991. – № 2. – С. 115–119.
- Буровский А. М.* Экология и энергетика культуры // Генетические коды цивилизаций (7–12 сент. 1994). – М., 1994. – С. 89–94.
- Буровский А. М.* Антропозософия. Теория антропогеосферы. – 2-е изд. – М. : Вуз. книга, 2005. – 258 с.
- Буровский А. М.* Антропозософия. Теория антропогеосферы. – СПб. : Изд-во СПбГУСЭ, 2009. – 299 с.
- Буровский А. М.* Антропозология. Концепция антропогеосферы: ее сущности, морфологии, структуры, динамики, истории. – Красноярск : [Б. и.], 1994. – 214 с.
- Буровский А. М.* География культурогенеза // Социогенез и культурогенез древних обществ Западной Сибири : тез. докл. – Томск, 1993а. – С. 55–59.
- Буровский А. М.* Долина Енисея – место «встречи» культур // Цивилизации. – М., 1997. – Вып. 4. – С. 103–115.
- Буровский А. М.* Запад Евразии – основное поле эволюции человека // Биосфера. – 2011. – № 3. – С. 2–33; 2012. – № 3. – С. 33–65.
- Буровский А. М.* Неклассическая и постнеклассическая археология // Археолог: детектив и мыслитель : сб., посвящ. 77-летию Л. Н. Клейна. – СПб., 2004. – С. 167–182.
- Буровский А. М.* Русские как этнос Сибири // Русский вопрос в конце XX века. – Омск, 1996. – С. 41–44.
- Буровский А. М.* Санкт-Петербург как географический феномен. – СПб. : Алетей, 2003. – 256 с.
- Буровский А. М., Голубцова Е. В.* Идеология и ландшафты // Вестник Евразии. – 1995а. – № 1. – С. 32–46.
- Буровский А. М., Голубцова Е. В.* Пространственная инфраструктура культуры // Лик сфинкса : материалы исследовательской программы «Генезис кризисов природы и общества в России» и IV Междунар. конф. «Человек и природа – проблемы социоестественной истории». – М., 1995. – С. 128–130.
- Быконя Г. Ф., Федорова В. И., Ценюга И. Н.* Красноярье: пять веков истории : учеб. пособие по краеведению. – Красноярск : Платина, 2006. – 239 с.
- Вернадский В. И.* Философские мысли натуралиста. – М. : Наука, 1988. – 519 с.
- Водарский Я. Е.* Население России за 400 лет (XVI – начало XX вв.). – М. : Просвещение, 1973. – 158 с.
- Гептнер В. Г.* Общая зоогеография. – М. : Био-медгиз, 1936. – 553 с.
- Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. – Л. : ЛГУ, 1989. – 496 с.
- Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 622 с.
- Клейн Л. С.* Археологические источники. – Л. : ЛГУ, 1978. – 120 с.
- Крупник И. И.* Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. – М. : Наука, 1989. – 270 с.
- Лопатин И. К.* Зоогеография. – Минск : Вышэйшая шк., 1989. – 318 с.
- Мильков Ф. Н.* Контрастность сред и ее географические следствия // Философия и естествознание. – Воронеж, 1968а. – Вып. 2. – С. 129–141.
- Мильков Ф. Н.* Ландшафтная сфера Земли. – М. : Наука, 1968. – 208 с.
- Морозова О. В.* Таксономическое богатство Восточной Европы: факторы пространственной дифференциации. – М. : Наука, 2008. – 328 с.
- Назаретян А. П.* Интеллект во Вселенной: истоки, становление, перспективы (Очерки междисциплинарной теории прогресса). – М. : Недра. 1991. – 223 с.
- Павлов П. Н.* Промысловая колонизация Сибири в XVII в. – Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. пед. ин-та, 1974. – 238 с.
- Павлов П. Н.* Пушной промысел в Сибири в XVII в. – Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. пед. ин-та, 1972. – 360 с.
- Тойнби А. Дж.* Постигание истории : сб. / пер. с англ. Е. Д. Жаркова. – М. : Рольф, 2001. – 640 с.

A. M. Burovsky

Andrey Burovsky' Books and Films, Ltd., Saint-Petersburg

WHAT IS NOT SEEN BY ARCHEOLOGY

During the development of the valley of Yenisei river in 17th century Russian people were remarkably successful in the establishment of settlements because they managed to choose both such contrasting landscape points and places that are comfortable for living.

The comfort is reached by a combination of three factors: convenience for life, convenience for housekeeping and psychological comfort. While the first two of them are easily explainable, the third factor is the most difficult to investigate and describe. One can experience the feelings of safeness and of being in the special and allocated place in each settlements. The wide view opens from those places (architects and town-planners call it “deployment on the view”).

Archaeological sources do not fully describe the comfort of the habitat in those settlements. It is necessary to be in the place of the settlement to realize it. The tools of ethnology, psychology and urban development is necessary for the analysis of the reasons of psychological comfort.

Ancestors did not apply any scientific methods of the analysis of the territory. Nevertheless, the creation of comfortable place of development is still an enviable achievement of the ancestors.

Keywords: archaeology, geography, landscapes, place of development, settlements, choice of a place.

УДК 902

А. В. Жук

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

НОРМАТИВ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ: КОММЕНТАРИЙ ДЛЯ АРХЕОЛОГОВ. ЧАСТЬ II. ПРЕСТУПЛЕНИЕ НОРМЫ

Статья продолжает начатую в 2014 г. на V конференции «Культура русских в археологических исследованиях» характеристику норматива православной церкви в его применении к археологическому исследованию. Развивается тема норматива православной церкви, особенностей его формирования и бытования. Рассматривается соотношение христианства и язычества, понятие «одичавшее христианство» и его значение для археологической науки. Анализируются различные аспекты отступления от норматива православной церкви, прежде всего – в области церковно-практической нормы, т. е. традиции, обряда и дисциплины, последствия отступления от нормы для церковного народа. Статья содержит рекомендации отечественным археологам и этнографам отказаться от порочной по своей познавательной природе идеологии и методологии позитивизма.

Ключевые слова: православная церковь, археология, этнография, церковно-практическая норма, язычество, одичавшее христианство, традиция, обряд, дисциплина.

В 2014 г. в Тюмени, на V конференции «Культура русских в археологических исследованиях», вниманию коллег был представлен норматив православной церкви в качестве контекста археологического исследования. Речь шла о том, как понятийный аппарат объекта изучения соотносится с понятийным аппаратом субъекта исследования. И конкретнее, в нашем случае – как понятийный аппарат православной церкви соотносится с понятийным аппаратом археологии и этнографии.

Вывод лежал на поверхности: язык объекта исследования и язык ученого не могут быть идентичны – в противном случае субъект исследования сольется с объектом, и далее никакого исследования уже не будет. Однако их (объекта и субъекта исследования) понятийные аппараты должны быть согласованы, языки должны быть взаимопонимаемы и взаимоприемлемы; иначе исследователь просто не сможет понять, что он исследует, и неизбежно будет принимать желаемое за действительное. А поскольку субъект исследования вторичен по отношению к объекту (да и вообще, ученый зависим от объекта своего исследования), *язык исследователя*, его понятийный аппарат *должны строиться на базе языка объекта исследования*.

Другое дело, что согласовать понятийные аппараты объекта и субъекта исследования достаточно просто в области технологии. А труднее всего – в области идеологии, т. е. там, где заканчивается мировоззрение (знание, обретенное верой) и начинается миропонимание (наука, обретенная религией). Уже исходное согласование

здесь предельно трудно: Истина православной веры, по ее природе, недоступна человеческому восприятию, *непостижна уму*. А потому соборное сознание Церкви «развертывает» спасительную Истину, осмысляет и формулирует ее в категориях, которые соотнесены между собой на трех иерархических уровнях – на уровнях *догмата, канона и церковно-практической нормы*.

То, что здесь означено словами *церковно-практическая норма*, известно также как *традиция, обряд и дисциплина*. Традиция – «преданье; всё, что устно перешло от одного поколения на другое» [Даль, 1955. Т. IV, с. 425]; обряд – «порядок в чем-либо; внешняя обстановка какого-либо действия условными околичностями; церемония, обык, законный порядок, чин» [Даль, 1955. Т. II, с. 618–619]; и, наконец, дисциплина – «повиновение, послушание, порядок подчиненности, чинопочитание; управа, расправа» [Даль, 1955. Т. I, с. 437].

По-человечески понятно желание коллег заполучить канонически (а еще лучше – догматически) четкую формулировку той или иной церковно-практической нормы, а затем посредством этого трактования толковать факты церковной археологии. Объяснять, например, то, что на Руси «ношение крестов было подчинено строгим правилам. Их никогда не носили на поясе, как другие виды украшений, а положение креста в ожерельях было центральным» [Степанова, 2014, с. 289]. Здесь Юлия Владимировна откровенно лукавит, ибо никто, конечно же, правил такого рода никогда не читал, поскольку их никто никогда не писал. Впрочем, методологическая установка, соблазнившая коллегу, очевидна, и звучит она так: все веры, по существу, одинаковы, а различаются они по внешности, по обряду. Соответственно, задача исследователя – выявить разницу по обряду, по *правилам*, а затем, руководствуясь этой разницей, идентифицировать исповедания веры. Должен разочаровать коллег: это – заблуждение; на самом деле, всё обстоит с точностью до наоборот.

Все конфессии – как христианские, так и иноверные – различаются именно по вероучению, которое отражено в догматах и развернуто в канонах. В области же традиции, обряда и дисциплины вероисповедания, как правило, неразличимы, особенно – на материале археологии. На уровне догмата легко отличить православного от католика, на уровне канона легко отличить православного от старовера; а вот на уровне обряда подчас невозможно отличить христианина от язычника.

Преступление церковной нормы может привести и в ересь, и в раскол; но это бывает сравнительно редко. Чаще всего преступление церковной нормы возвращает народ в язычество. Собственно именно это отличие и объясняет для археолога основное содержание заглавной проблемы. Когда перед нами встает проблема церковной нормы, это, прежде всего, проблема соотношения христианства и язычества в наших памятниках.

С язычества и начнем. Точнее, с того, что Церковь никоим образом не упраздняет язычество, не приходит на смену ему. Церковь лишь *просвещает* народ, т. е. предоставляет ему возможность увидеть язычество в истинном свете. Именно Церковь позволяет увидеть в истинном свете преступление первых двух заповедей:

– неразличение духов, т. е. поклонение как Тому, Кому следует поклоняться, так и тому, кому поклоняться вовсе не следует (преступление 1-й заповеди);

– олицетворение стихий, т. е. сотворение кумиров (преступление 2-й заповеди).

Проще говоря, язычество и христианство не могут и не должны быть сопоставляемы как *две религии*: это, на самом деле, различные координаты состояния души, различные плоскости ориентации в мире. А потому язычество и христианство вполне могут сочетаться в личности одного человека, ибо язычник – это всего лишь тот, кто преступает 1-ю и 2-ю заповеди, т. е. тот, кто руководится известным присловьем: «Богу молись и черта не обижай». У В. И. Даля есть такая редакция этой *светлой* мысли: «Ставь и черту ожить: не знаешь, куда угодишь!» [1955. Т. IV, с. 598].

Вот Редвальд, король Восточной Англии на рубеже VI–VII вв. «По обычаю древних самаритян он служил и Христу, и тем богам, которым поклонялся прежде; в одном храме у него был алтарь для христианских обрядов и другой алтарь, поменьше, на котором он приносил жертвы демонам» [Бедя Достопочтенный, 2001, с. 66]. А вот Хельги Тоший, IX в., один из первопоселенцев Исландии. «Хельги был весьма религиозен. Он верил в Христа, но о даровании попутного ветра и мужества возносил молитву Тору. Когда на горизонте показалась Исландия, Хельги обратился к оракулу Тора с вопросом, к какому берегу следует пристать. Оракул указал на северный берег» [Цит. по: Кардини, 1987, с. 194].

И Редвальд, и Хельги – настоящие христиане, ибо они верят во Христа («hann trudhi ä Krist», т. е. верою своей полагаются на Христа); языческих же богов они всего лишь *не обижают*. Разумеется, и Редвальд, и Хельги нарушают 1-ю и 2-ю заповеди. Нарушение заповедей делает имярек плохими христианами; но это нарушение не выводит их за пределы Церкви: этот выход совершается не на уровне традиции, обряда и дисциплины, но на уровне догмата; в не-христианина обращает преступление не заповедей, но Символа веры. Христианин, сотворивший кумира, не перестает быть христианином; а вот тот, кто не верит в Церковь, не чаёт воскресения мертвых и жизни будущего века, – тот перестает быть христианином.

Христианин – это не тот, кто перестал верить в языческих богов: болваны реальны, они суть либо падшие ангелы, либо сотворенные кумиры. Христианин – это тот, кто верит в Бога, т. е. принес Ему *клятву верности, верен* Ему, *полагается, надеется, уповает* на Него. Коротко говоря, христианин – «яко добр воин Иисус Христов» (Второе послание к Тимофею. II : 3). Вместе с тем язычество, как и Ветхий Завет, есть приурочивание Нового Завета. А потому крещение не отменяет да и не может отменить не только Ветхого Завета, но и язычества.

Смысл существования Церкви – отнюдь не упразднение язычества, но *просвещение*, т. е. подаяние света, посредством которого можно разглядеть спасительную Истину. В Псалтири, настольной книге церковного народа, об этом сказано так: «Возвестіша небеса правду Его, и видеша вси людие славу Его. Да постыдятся вси кланяющіися истуканным, хвалящіися о идолах своих» (Псалтирь. 96). То есть кланяться истуканам и хвалиться ими *людие*, конечно же, не перестанут; но теперь они могут видеть, что делать так – *стыдно*. А *стыд*, согласно В. И. Далю, это «чувство или внутреннее сознание предосудительного, уничиженья, самоосужденья, раскаянья и смиренья, нутреная исповедь перед совестью» [1955. Т. IV, с. 347].

А вот *взаимоотношение* имярек с Истиной строится уже на базе личной ответственности, т. е. предполагает клятву, бытие под знаменем, служение. «Аще же и постраждет кто, не венчается, аще не законно мучен будет» (Второе послание к Тимофею. II: 5). Иначе говоря, недостаточно быть христианином, чтобы стать членом Церкви – подобно тому, как недостаточно овладеть военным ремеслом, чтобы обрести звание солдата. С другой стороны, солдатом можно стать, не владея военным ремеслом (хотя такой солдат, конечно же, не есть хороший солдат).

Таким образом, «чистое» христианство, христианство *вне* и *без* язычества – это понятийный фантом. Никто, приняв крещение, не перестает быть язычником – просто потому, что эти понятия лежат в разных плоскостях. В свое время Козьма Прутков очень хорошо прокомментировал мысль апостола Павла о том, что Церковь «еллином же безумие» (Первое послание к Коринфянам. I: 23). «Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы, но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий» [*Сочинения...*, 1988, с. 112]. Понятийные круги христианства и язычества различны, они не входят друг в друга; а потому христианство по отношению к язычеству никоим образом не есть *другая*, т. е. однотипная, сопоставимая, *еще одна* вера. Применительно к научной практике можно сказать, что христианство и язычество никоим образом не есть два равнозначных объекта исследования, они не выстраиваются в один типологический ряд.

А вот прямое следствие нераскаянного, закостенелого язычества – это прогрессирующая апостасия (духовное оскудевание) церковного народа, т. е. *одичание христианства* как процесс (что важно для пастырей) и, соответственно, *одичавшее христианство* как результат (что важно для археологов).

В *узком смысле*, одичавшее христианство – это церковный народ, который духовно осиротел, остался без правильной церковной организации и не смог вынести этого испытания. В результате, не только догмат и канон, но и традиция, обряд и дисциплина переходят на уровень исторической памяти. Последствия производят, как правило, сильное впечатление, особенно – на людей непривычных, со стороны; хрестоматийный пример тому – горцы Кавказа. «Христианские часовни, уцелевшие здесь со времени грузинского царства, обыкновенно стоят среди высоких роць. Сванеты сохранили лишь слабые следы своей официальной принадлежности к христианству; самое имя Иисуса далеко не всем известно; часовни их не только не посещались прихожанами, но о них еще ходило представление как об обители духа, готового покарать всякого, кто дерзнет проникнуть в посвященное ему жилище» [*Ковалевский*, 1997, с. 275].

В *более широком смысле*, одичавшее христианство – это откровенно низкий уровень воспитания церковного народа. Яркими картинками того, что бывает в таких случаях, изобилует наш церковно-этнографический опыт. Как пример – записки священника Тобольской, а затем Омской епархии Иоанна Степановича Голошубина (1866–1922). По жизни ему довелось много раз «сталкиваться с некоторыми нелепыми и подчас ничем не объяснимыми обычаями, занесенными сюда из России; в особенности в этом отношении замечательны черниговцы и полтавцы» [*Голошубин*, 1911, № 12, с. 28]. Так, за всё время своего служения среди переселенцев И. С. Голошубин не мог «указать ни одного случая *соборования*, совершенного у полтавцев или черниговцев, тогда как это же таинство приходилось совершать неоднократно у переселенцев из Рязанской губернии и наиболее часто – у сибиряков... <...> Но взамен *соборования* переселенцы-черниговцы обращаются иногда с просьбою к священнику, чтобы он сделал над больным “сотрясение” большим покровцем (воздухом); но на этот странный обычай никто из священников-сибиряков откликнуться не дерзнул» [Там же, № 14, с. 19].

Иоанн Степанович вспоминал: «Я когда-то, в течение трех лет, жил среди инородцев – остяков и самоедов (на приходе в Обдорске. – А. Ж.). Но там я чувствовал себя далеко легче. Я видел пред собою только как бы взрослых детей, которых еще не коснулась никакая культура; но я не видел в них той испорченности и грубости, которыми полна жизнь нашего переселенца-малоросса» [*Голошубин*, 1911, № 16, с. 28].

Что же до «коренных сибирских старожиллов», то «они, находясь в тяжелых условиях жизни в пустынном и диком крае и лишённые близкого соседства церкви, настолько от нее отвыкли, что она уже не составляет для них насущной потребности; разве только в Рождество и на Пасху да еще в престольные праздники, с которыми соединены обыкновенно ярмарки, приезжают они в храм» [Там же, № 11, с. 32]. В общем, вся паства несчастного о. Иоанна – это испорченные малороссы, некультурные инородцы да отвыкшие от Церкви старожилы. Кончилось тем, что батюшка, *замкнувший Церковь на себя*, сложил сан и обратился в расстригу.

Наконец, в *предельно широком смысле*, одичавшее христианство – это реальное состояние Церкви Воинствующей, т. е. Церкви, которая пребывает на земле здесь и сейчас, исторически конкретно по месту и времени. Одичание в данном случае – это вилка между должным обликом церковного народа и тем обликом, который этот народ обретает на деле, по человечеству. Так, проблема богослужебного облачения клира и мирян будет достаточно острой при любом состоянии Церкви. И вот лишь один (причем далеко не самый драматичный) аспект этой проблемы.

Вообще-то, «по уставу», головы в храме покрывают «жены» (Первое послание к Коринфянам. XI, 5), т. е. матроны, матери семейств: «должна есть жена власть имети на главе» (Первое послание к Коринфянам. XI, 10). Не случайно Юдифь – раба Анны, матери Богородицы – говорит ей на праздник Пасхи: «Возьми головную повязку, которую мне дала госпожа за работу: не подобает мне носить ее, ибо я слуга, а повязка несет знак царственности» [Апокрифы..., 1989, с. 117]. Стоят на молитве с покрытой головой и все прочие, кто «власть имети» – священники, иноки, мирские *владычные люди*.

А вот девицы, дети, церковнослужители, воины *владычных людей*, мужья вышеозначенных жен молятся с непокрытой головой. «Муж бо не должен есть покрывати главу, образ и слава Божия» (Первое послание к Коринфянам. XI: 7). То есть в Церкви покрытая голова – символ власти, а непокрытая голова – символ Славы Божией. Хороши оба символа и оба вида головы; но это – разные аспекты бытия, разные судьбы людей в Церкви.

Однако по мере апостасийного оскудевания народа восприятие этой нормы предельно (точнее, за-предельно) упрощается. Покрытие голов на молитве начинает ассоциироваться не столько с «властью», не столько с духовно-дисциплинарным тандемом «муж – жена», сколько с физической природой женщины – что в собственно церковном отношении не имеет никакого смысла. А уж новоманерное покрытие голов в храме не только замужними женщинами, но и, *под магометан*, всем женским родом вообще начиная с девочек-младенцев содержит еще меньше церковно-дисциплинарного смысла, т. е. смысл здесь уже откровенно *в минусах*.

Вывод из вышесказанного следующий: православная церковь – институция хотя и стойкая, но тонкая, деликатная; она требует постоянной заботы, грамотного попечения. *Сама собой* Церковь не устраивается, ее созидают и хранят люди. Церковь хорошо *держит удар* извне; однако деградировать, духовно одичать в Церкви может каждый. Сделать это несложно – достаточно предаться *само-мыслию, само-мнению и само-чинию*.

И единственные из христиан, кто перестал быть язычником, кто не преступает 1-ю и 2-ю заповеди, не дичает в Церкви, – это святые угодники, друзья Божии, т. е. те, кто не просто *верит* в Бога, но *понимает* Его. Именно те, кто угодил Богу, кто стал Его личными друзьями, определяют лицо Церкви, ее традицию, обряд и дисциплину; норма жизни Церкви выверяется по ее подвижникам, по ее *лучшим людям*.

Однако святость – это уже преображенное состояние, достигнутое присно-благо-бытие, т. е. благо-бытие не потенциальное, но состоявшееся, а потому всегдашнее. Святость – это человеческая природа в ее должном, приличествующем достоинству homo sapiens облике. Не случайно в православной церкви никого нельзя называть святым при жизни, *в процессе* совершения подвига. Человек, названный святым, – это тот, кто уже совершил подвиг, отошел ко Господу. Церковь Воинствующая равняет свой строй по людям Церкви Торжествующей, т. е. по тем, кто оставил этот мир и стал другом Божиим. Святой человек не может ошибиться: все возможные ошибки он уже совершил в земной жизни.

Отсюда следует важный вывод. *Любое* обиходное состояние в Церкви (особенно такое, которое фиксируется лишь археологически и этнографически) можно принять за уклонение от нормы; едва ли не каждый факт церковной археологии можно при желании оценить как феномен язычества. А такое желание есть; и, в результате, едва ли не вся наша церковно-археологическая источниковая база идентифицируется коллегами как проявление глубинного, сущностного язычества под поверхностно-наносным, чуждым народной природе христианством, под пришедшей на смену древним праотеческим богам *новой верой*.

Типичной в этом отношении можно признать такую современную оценку тельного креста. «Крестики в древнерусском костюме выполняли декоративную функцию, что не мешало одновременно воспринимать их и как обереги, и как знаки новой религии... <...> Помимо знака принадлежности к христианской конфессии, крест и в XIX–XX вв. оставался оберегом. Иногда их помещали на одной цепочке по несколько штук вместе с зубом или когтем животного и другими оберегами, что было призвано усилить охранительную функцию» [Степанова, 2014, с. 289–290].

И очень даже легко поверить, что изложенное Юлией Владимировной безобразие – правда. В чем ведь только не кается православный человек! А одна из молитв на чтение Псалтири содержит и прямое обобщение: «Кий бо вид греха не соделах? Кое дело дѣмонское не содѣях? Кое деяние студное и блудное не с преимуществом и тщанием соверших? Ум воспоминаньими плотскѣми оскверних, тело смѣшеньми окалях (т. е. осквернил, обезобразил, замарал. – А. Ж.), дух сосложѣнием (соглашательством. – А. Ж.) оскверних, всяк уд окаянный моя плѣти служити и работати грѣхѣм возлюбѣх» [Псалтирь, 1973, с. 145].

Картина, безусловно, впечатляющая. Но ведь от всего этого имярек не перестает быть человеком Церкви! Да, собственно, никаких других людей в Церкви (если не считать самой основы Церкви, т. е. друзей Божиих) нет. Как писал в свое время профессор Московской духовной академии С. И. Смирнов (1870–1916), «жизнь верующих была всегда ниже нормы, требуемой канонами, и последние едва ли имели когда-нибудь полную силу в применении к жизни» [Смирнов, 2003, с. 381].

Кстати, такой расклад вполне соответствует и замыслу Спасителя о Церкви. Когда мытарь Матфей был призван Им на служение, то оказалось, что Матфей – не только хороший мытарь, но и хороший товарищ. Первым делом, Матфей захотел разделить радость своего призвания с сослуживцами, а потому созвал собутыльников, мытарей и грешниц, в компании с которыми он прежде отводил душу, на пир. Спаситель по достоинству оценил товарищескую верность Матфея и вместе с апостолами принял участие в этом угощении. «И бысть возлежащу Ему в доме его, и мнози мытари и грешници возлежаху со Иисусом и со оученики его» (От Марка святое благовествование. II : 15).

В заключение – несколько слов о переложении вышесказанного на нашу исследовательскую практику. Я далек от мысли, что археологи в массе своей прислушаются к тому, о чем шла речь. Ибо инерция мировосприятия даже в сфере научной интерпретации – страшная сила. Можно не сомневаться, что в деле понимания фактов церковной археологии большинство коллег и впредь будет руководиться установкой, согласно которой язычество и христианство – это мировоззрения одного порядка, только одно старое, а другое новое; христианство – это *тоже* религия, *другая, еще одна* религия. Став христианином, имярек перестает быть язычником, ибо он переходит из одной веры в другую. А между двумя верами одного плана вполне возможна межеумная фаза; люди в этой фазе – *двоеверы*: они крещены, но лишь формально, а на деле остаются язычниками.

Трудно представить современного археолога, который вдруг возьмет да и откажется от такого понимания существа дела. А это значит, что мы и впредь будем ориентироваться по обряду, величать церковно-практические нормы канонами (т. е. принимать литературу за источник) и видеть в этих фантомных «канонах» критерий некоего «чистого» христианства, христианства «собственно как такового». Более того: мы и впредь будем идентифицировать религию и магию, а в православном попе видеть инвариант шамана.

Кстати, всё сказанное здесь справедливо и применительно к фактам церковной этнографии – с той важной оговоркой, что этнограф имеет дело с *живой* традицией, *совершающимися* обрядами и *действующей* дисциплиной ныне благополучно здравствующего народа. А потому отступление от церковно-дисциплинарной нормы (апостасийное одичание) производит на этнографа куда более сильное впечатление, нежели на археолога. Соблазн усвоить *позитивное* понимание религии в этнографии объективно еще более силен, нежели в археологии.

Но, как бы то ни было, представленный здесь в 2014–2017 гг. комментарий – это путь к *правильному* толкованию фактов церковной археологии. И если рано или поздно хоть кто-нибудь из моих коллег серьезно усомнится в позитивистской идеологии и методологии, я буду считать свою задачу близкой к решению.

Апокрифы древних христиан. Исследование, тексты, комментарии. – М. : Мысль, 1989. – 336 с.

Беда Достопочтенный. Церковная история народа англо-саксов / пер. с лат., ст., примеч., библиогр. и указ. В. В. Эрлихмана. – СПб. : Алетей, 2001. – 363 с.

Голошубин И. С. Из впечатлений сельского священника // Омские епархиальные ведомости. – 1911. – № 11. – С. 29–41; № 12. – С. 28–41; № 13. – С. 28–42; № 14. – С. 18–37; № 15. – С. 25–35; № 16. – С. 20–35.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – М. : Гос. изд-во иностран. и нац. словарей, 1955 (репринт 2-го изд. 1880–1882 гг.). – Т. I. – 700 с.; Т. II. – 780 с.; Т. III. – 556 с.; Т. IV. – 684 с.

Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства / пер. с ит. В. П. Гайдука, вступ. ст. и общ. ред. В. И. Уколовой и Л. А. Котельниковой. – М. : Прогресс, 1987. – 384 с.

Ковалевский М. М. Социология. – СПб. : Алетей, 1997. – Т. I. – 287 с.

Псалтирь. – М. : Изд. Моск. Патриархии, 1973. – 256 с.

Смирнов С. И. Духовный отец в Древней Восточной церкви. – М. : Православ. Свято-Тихон. богослов. ин-т, 2003. – 527 с.

Сочинения Козьмы Пруткова. – Омск : Кн. изд-во, 1988. – 400 с.

Степанова Ю. В. Кресты в составе древнерусского костюма Верхневолжья по материалам погребальных памятников // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014. – Т. I. – С. 288–292.

A. V. Zhuk

Omsk State F. M. Dostoevsky University

ORTHODOX CHURCH STANDARD: COMMENTS FOR ARCHAEOLOGISTS. PART II. STEP OVER STANDARD

The article continues beginning in 2014 at the V-th conference “Culture of Russians in archaeological researches” characterization of the Orthodox Church standard in its application to the archaeological research. Develops the direction of the Orthodox Church standard, peculiarities of its formation and existence. Discusses the relationship of Christianity and paganism, the concept of “feral Christianity” and its importance to archaeological science. Different aspects of the deviation from the Orthodox Church standard, especially in the domain of Orthodox-practical standard, i. e. tradition, ceremony and discipline, the consequences of a retreat from the standard for Orthodox Church people. The article contains urgent guidance for archaeologists and ethnographers of Russian science to get rid of the depraved, according to its cognitive nature, the ideology and methodology of positivism.

Keywords: Orthodox Church, archaeology, ethnography, Church practical norm, paganism, feral Christianity, tradition, ceremony, discipline.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ РУССКИХ СИБИРИ XVII–XVIII ВЕКОВ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АСПЕКТ*

В статье обобщен опыт реконструкции Саянского острога, церкви Владимирской Богоматери в Братском остроге, а также печи в трапезной Спасской церкви из Зашиверска. Сделан вывод о том, что воссоздание построек прошлого является сложной междисциплинарной проблемой, решение которой достижимо с привлечением подходов исторической этнографии, археологии, теории и истории архитектуры, искусствоведения. Методическими основами реконструкций выступают формирование адекватной источниковой базы, подбор аналогов, определение исторического времени, на которое позволяют имеющиеся данные провести реконструкцию, выявление конструктивных и культурных особенностей построек соответствующего времени, учет современных сооружений этноконфессиональных маркеров, мировоззренческих установок, стилевых особенностей и тенденций развития архитектуры и строительства, а также верификация реконструкции на всех этапах работы по различным критериям.

Ключевые слова: реконструкция, русские, здания и сооружения XVII–XVIII вв., Сибирь.

Актуальность работы по реконструкции построек русских Сибири XVII–XVIII вв. связана как с необходимостью развития исторических представлений о рукотворном окружении людей и о взаимодействии его с природными условиями, так и с расширяющейся практикой натурального воспроизведения зданий периода раннего освоения русскими сибирских территорий. Восстановлен Казымский острог как экспонат Историко-архитектурного музея под открытым небом Института археологии и этнографии (ИАЭТ) СО РАН, ведутся работы по Братскому, Илимскому, Умревинскому и другим острогам. Обобщение накопленного опыта может помочь в формировании ряда методических основ по воссозданию русских построек в Сибири, чему посвящена данная статья.

Основополагающим положением для выполнения реконструкций является как можно более полное выявление источников по возрождаемым постройкам, это могут быть опубликованные и хранящиеся в архивах отписки, реестры на строительство, описания и зарисовки построек современниками, чертежи, материалы археологических раскопок. Тщательное прочтение и верифицируемая интерпретация источников должны показать основные конструктивные и типологические особенности здания.

Во многих случаях археологические раскопки могут предоставить богатые материалы для реконструкции русских острожных построек. Хорошими примерами являются археологические исследования Томска, Тары, Умревинского острога [Черная, 2002, 2016; Бородовский, 2005, с. 414–416; Бородовский, Горохов, 2009; Горохов, 2011, с. 284–291; Татауров, 2013, с. 332–335; Данилов, 2014, с. 209–220; Татауров, Черная, 2014, с. 292–294; Татаурова, 2015, с. 413–416] (в силу обширности историографии по острожной тематике названы лишь некоторые статьи последних лет и монографии), благодаря им стало многое известно о размерах и конструктивных особенностях сибирских крепостей. Данные раскопок могут пролить свет на горизонтальные габаритные размеры построек, что крайне важно, поскольку определение размеров является серьезной проблемой, которая возникает перед исследователями. Специфика документов XVII в. состоит в том, что в них, как правило, очень редко указываются горизонтальные и вертикальные измерения построек, особенно малозначимых сооружений хозяйственного назначения. В части документов высоты определены как количество бревен в срубе, т. е. чтобы получить высоту, необходимо знать размер бревна в отрубе, как правило составлявший шесть вершков (один вершок варьировал от 3,5 до 4,5 см). Археологические данные требуют дополнительных уточнений, поскольку размеры определяются специалистами приблизительно, а надземная часть сооружений остается гипотетической.

Примером одного из немногих сохранившихся памятников русской фортификации стал Саянский острог, который был построен русскими в Северном Присяянье в первой четверти XVIII в. [Шаповалов, 1997; Скобелев, 2013, 2014]. На его территории размещались отдельно стоявшие хозяйственные постройки, пороховой погреб, амбар с погребом, кузница, дом приказчика. Выполненное к настоящему времени доскональное археологическое изучение позволяют выбрать Саянский острог в качестве примера для выработки принципов конкретизации размеров и внешнего вида хозяйственных, складских и административных сооружений в сибирских крепостях.

В уточнении размеров зданий необходимо сделать перевод измерений, зафиксированных в метрической системе, в систему, основанную на сажени и производных от нее мерах. Если речь идет о крепостных стенах, то не исключено, что мерой длины можно выбрать городовую сажень, составляющую 284,8 см. Если реконструируются здания, то нужно ориентироваться на трехаршинную (или казенную) сажень (213,4 см), которая вошла в употребле-

* Работа выполнена при поддержке РНФ № 14-50-00036.

© Майничева А. Ю., 2017

ление с 1630-х гг. и была узаконена Соборным уложением 1649 г. [*Соборное уложение*, 1987]. В сажени укладывается три аршина, один аршин равен 71,1 см. В России петровского времени в строительстве вошли в употребление футы, равные 30,48 см или $\frac{1}{2}$ сажени. При переводе мер измерения будут дробными, но это не должно смущать, так как дробные измерения часто встречаются в источниках, например, длина порохового погреба в Каргополе была $5\frac{1}{2}$ сажени, есть и такие измерения, как $3\frac{3}{4}$ сажени, $5\frac{3}{4}$ аршин, $6\frac{1}{3}$ аршин. Приблизительность измерений конструкций, как правило, бревен как исходного материала и для стен, и для кровли вполне объяснима, поскольку строители не стремились к предельной точности, не имели выверенных измерительных приборов, многое определялось «на глаз». Часто в качестве эталона пользовались величинами собственного тела – размахом рук, размером предплечья, ладони и т. п. Неполное совпадение с установленными археологически данными в метрической системе и в соотношениях размеров в аршинах и футах связано с тем, что эти меры не кратны друг другу.

Дом приказчика в Саянском остроге в плане имел установленные археологически размеры 6×6 м, что составляет $8\frac{1}{2} \times 8\frac{1}{2}$ аршин. Какова же могла быть высота здания? Она зависела от типа и стилевых особенностей постройки, варианты которой можно представить гипотетически. Возможно, было возведено жилище со служебными помещениями, традиционное для изб XVI–XVII в., т. е. с бревенчатым срубом под кровлей на два ската, выполненной «по курицам и потокам». Такие были обычны для Русского Севера. Тогда высота здания высчитывается исходя из типичных пропорциональных соотношений горизонтальных и вертикальных членений подобных изб. Но то, что избы имели прямоугольный план, а форма плана дома приказчика квадратная, заставляет искать другие варианты реконструкции, ставит проблему типичности постройки и ее соответствия архитектурно-художественным чертам эпохи, что заставляет решать вопрос определения универсализма и уникальности, воплощенных в строении.

Подсказками могут служить найденные изображения подобных зданий, а также их оценка очевидцами. Понятно, что зафиксированные в документе восхищение и указание на какие-либо выдающиеся черты свидетельствуют о выдающихся, особых качествах постройки. Однако следует помнить, что любая сделанная реконструкция аккумулирует информацию ограниченного круга источников, понятых с той ли иной степенью точности, что ведет к ее вариативности и приблизительности. О ее достоверности можно говорить лишь с какой-то степенью уверенности, поэтому выполненная вчерне реконструкция должна проходить многоступенчатую верификацию. Например, важную роль играет историко-культурный контекст, в котором существует здание.

Дом саянского приказчика был возведен в первой четверти XVIII в., который принес новые веяния в архитектуре, что вынуждает рассмотреть второй вариант реконструкции и учесть несколько факторов: значимость Саянского острога на дальних рубежах страны и, вследствие этого, допустимое предположение о высоком самосознании его приказчика как важной фигуры, изменения архитектурно-строительных принципов петровского времени, что отразилось в проектах образцовых домов Доменико Трезини, рекомендованных для широкого применения и уже строившихся в Санкт-Петербурге. Приказчик мог следовать новым и модным тенденциям, построив свою резиденцию в стиле столичных построек, тогда квадратный в плане сруб должна была венчать стропильная четырехскатная кровля, а высота строения была соразмерна плановым размерам, обычным для такого типа зданий.

Работа по воссозданию построек острога еще раз продемонстрировала, что немалое значение имеет поиск аналогов. Для реконструкции зданий острогов можно широко привлекать типологически подобные постройки других сибирских крепостей. Вполне обоснованно обращаться к аналогам, существовавшим в других городах Московского государства в XVII–XVIII в., так как из-за краткости пребывания на недавно освоенных землях сибирская архитектура не приобрела собственной школы и являлась вариантом общерусских правил и способов возведения сооружений. Кроме того, имевшие типологическое единство постройки внутри городских стен отличались общностью конструкций и размеров, принципы их построения отражали единство русского деревянного зодчества, что дает возможность привлекать примеры из широкого спектра источников, включающих не только описания городов или острогов, но и монастырей, пустыней, заимок и т. п. Сказывается и то, что описания построек, располагавшихся на территории европейской части Русского царства, более детальны, чем тех, что строились в Сибири; в первых чаще встречаются и размеры строений.

Для решения вопроса о стилистике постройки может понадобиться выявление этнокультурных маркеров, которыми выступают имеющие этноконфессиональную окраску явления культуры, осознаваемые в качестве знаковых. Большое значение в демонстрации конфессиональной принадлежности имеют культовые сооружения, которые являются символическими доминантами, организующими природное и рукотворное пространство. В русских городах, выстроенных на сибирских территориях в XVII–XVIII вв., обязательными сооружениями были православные культовые здания, ставшие статусным маркером идентичности, что было учтено при выполнении проекта воссоздания деревянной Владимирской церкви в Братском остроге. Было показано, что, несмотря на возможную реконструкцию церкви как клетской, т. е. с двускатной кровлей, несомненно более предпочтительна форма ее завершения «бочкой» – двускатным покрытием с плавными криволинейными очертаниями, которые сходятся под конек заостренным углом. Благодаря историко-культурным изысканиям, работе с документами, были сделаны выводы о символической значимости бочечного покрытия в сибирской церковной архитектуре XVII столетия, что может служить серьезным обоснованием для выбора варианта реконструкции церкви в Саянском остроге как имеющей завершение «бочкой» [подробнее об этом см.: *Майничева*, 2015].

Особое место занимает воссоздание конструктивных особенностей частей здания (фундамента, кровли, крылец, галерей и пр.) и элементов интерьера зданий (дверей, окон, системы отопления). Если нет особых указаний, то приходится ориентироваться на общие закономерности развития строительного дела, характерные для XVII–XVIII вв. Так, срубы делались бревенчатые, кровли «по курицам и потокам», «на самцах», стропильные; непосредственное воплощение хорошо описано в литературе и зафиксировано на фотоизображениях. Например, в постройках Саянского острога двускатные и четырехскатные кровли, скорее всего, были выполнены дранью или тесом со скалоу, т. е. крупными досками, сделанными из бревен топором, с прокладкой шитыми из бересты щитами для гидроизоляции. Такой способ известен из этнографических источников, о нем сохранились и сведения XVII–XVIII вв. [Забелин, 1884. Ч. I, с. 530–531, 860–861, 1197; 1891. Ч. II, с. 635]. Венцы стен прокладывались мхом для теплоизоляции [Забелин, 1884. Ч. I, с. 530–531, 1197]. Археологически было установлено большое количество слюдяных остатков. Это позволяет предположить, что окна построек были выполнены из слюды. Конструкции и размеры их, а также дверей можно определить по письменным источникам, что уже было опробовано для зданий архиерейского двора XVII в. в Тобольске [Курилов, Люцидарская, Майничева, 2005, с. 49–50]. Окна могли быть косящатыми, одинарными или сдвоенными, и волоковыми. В хозяйственных постройках и подклетах жилых и административных зданий должны были быть устроены небольшие продухи, размер которых в высоту устанавливается в полбревна или на размер бревна, т. е. 12–15 см или 20–25 см, длина могла варьировать до 0,71 м – 1 аршина, например, в кузнице.

Оконницы были подъемные и отворные [Писарев, 1904, с. 74–75]. Окна закрывались одностворчатыми «вставнями» или «затворами» («у окошек затворов не имеется... сделать деревянные, оные вышиною по 2 арш., шириною по 1 арш. по 7 верш.» [Забелин, 1884, с. 270]), которые могли иметь специальные «оконные приборы», петли, крючья, подставки, кольца и пр. С наружной стороны к окнам иногда приделывали решетки. Размеры окон и оконниц различались, но за некоторыми исключениями составляли несколько больше аршина [Забелин, 1884. Ч. I, с. 270, 1079; Писарев, 1904, с. 76]. Волоковые окна заполнения не имели, закрывались специальными дощатыми крышками с ручками и были существенно меньше – около пол-аршина по высоте и ширине. Двери делались из широких плах, как правило, одностворчатые на кованых жиковинах, высота их несколько превышала два аршина, ширина была порядка полутора аршин [Забелин, 1884. Ч. I, с. 270, 1079].

Для отопления жилых и административных помещений служили печи, которые могли различаться по способу вывода дыма – черные и белые (с дымоходом), по материалу (кирпичные, фаянсовые), по облицовке (могли иметь облицовочные изразцы), по расположению устья (их могли топить из самих комнат или из сеней) [Забелин, 1884. Ч. I, с. 270, 1084, 1197, 1287; 1891. Ч. II, с. 542, 1079]. В Саянском остроге печи могли быть установлены в караульне и доме приказчика, но археологически они уверенно не определены. Как уже говорилось, особая по конструкции печь была в кузнице. Вряд ли печи были изразцовые: на это не было ни возможностей, ни материалов. Скорее всего, они были битыми, с добавлением речной гальки, как в острожных башнях, где найдены остатки печей, сложенных из крупной речной гальки на глине и установленных прямо на земле. Печи имели трубы [Ватин, 1913, с. 59]. Возможно, печь топилась в доме приказчика из сеней, а в караульне непосредственно из комнаты.

Печи являются важным элементом культуры жизнеобеспечения, на их конструктивные особенности и внешний вид оказывают влияние мировоззренческие установки, особенно ярко это выражено в культовых сооружениях. Работа над графическим воссозданием печи в церкви Спаса Нерукотворного Образа из Зашиверска (Историко-архитектурный музей ИАЭТ СО РАН) показала, что для адекватной реконструкции отопительной системы церковного здания необходимо учитывать не только ее потребительские качества, но и ее особенности как элемента культуры жизнеобеспечения русских, созданного в рамках православной церковной традиции XVIII – начала XIX вв. Архаичность форм церкви позволяла предположить отсутствие новаторства и в отопительной системе здания. Этапность преобразований храмового здания в течение двух веков со времени его возведения, прошедшего путь от часовни до церкви важного административного центра северо-востока Якутии, а затем покинутого города, а также отсутствие церкви в перечне 1797 г. отапливаемых строений города позволили считать периодом, возможным для проведения реконструкции форм печи, конец XVIII – начало XIX вв. Осмотр стен трапезной церкви выявил врубку и затеску стен, которые определили размеры печи, наличие и характерные черты припечных конструкций. Печь топилась «по-черному», об этом свидетельствуют закопченность стен, отсутствие выводных конструкций для удаления дыма и характерное расположение окон – волоковые находятся по обеим сторонам от косячатых окон. Поиск аналогов привел к выводу о том, что массивная печь с шестком стояла на сложенных костром бревнах. Аналогично крестьянским избам, в церкви был применен уже освоенный вариант организации лаза рядом с печью, которая была выгорожена деревянной заборкой, что вполне соответствовало необходимости создания молитвенного, далекого от бытового, несколько парадного пространства. Решение вопроса об иерархичности ценностей строителей церкви, о том, что было предпочтено – хозяйственная сторона и эффективность теплоотдачи печи или создание традиционного образа интерьера церкви, привело к выводу о вариативности реконструкции. В первом случае печь занимала бы всё отведенное ей пространство северо-западного угла трапезной. Противоречит такому решению наличие многочисленных врубок, которые оказываются совершенно случайными. Образ интерьера трапезной приближал бы ее к курной избе в ее наименее представительном варианте. Известно, что избы без околочных конструкций и заборки принадлежали беднейшим хозяевам. Для уездного города, имевшего высокий статус административного центра обширной территории, такое решение трапезной

явно было неуместно. Во втором случае несколько снижаются отопительные показатели, но наличие врубок оправдано, а интерьер церкви приобретает характерные для русской церковной архитектуры свойства праздничности, торжественности, эмоциональной насыщенности.

Таким образом, опыт реконструкции построек русских, возводившихся в Сибири в XVII–XVIII вв., показал, что воссоздание зданий и сооружений прошлого является сложной проблемой, решение которой лежит на стыке нескольких дисциплин, включая историческую этнографию, археологию, теорию и историю архитектуры, искусствоведение. Для успешного выполнения поставленных задач в качестве методических основ можно рекомендовать формирование адекватной источниковой базы, подбор аналогов, определение исторического времени, на котором имеющиеся данные позволяют провести реконструкцию, выявление конструктивных и культурных особенностей построек соответствующего времени, учет современных сооружениям этноконфессиональных маркеров, мировоззренческих установок, стилевых особенностей и тенденций развития архитектуры и строительства, а также верификацию реконструкции на всех этапах работы по различным критериям.

Бородовский А. П. Исследования приказной избы Умревинского острога // Археологические открытия 2004 г. – М., 2005. – С. 414–416.

Бородовский А. П., Горохов С. В. Умревинский острог: археологические исследования 2002–2009 гг. – Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, НГПУ, 2009. – 244 с.

Ватин В. А. Минусинский край в XVIII в. Этюд по истории Сибири. – Минусинск : Тип. А. Ф. Метелкина, 1913. – 215 с.

Горохов С. В. Русский острог в Сибири конца XVI–XVIII века как археологический памятник // Вестник НГУ. – Серия: История и филология. – 2011. – Вып. 7. – С. 284–291.

Данилов П. Г. Пороховой погреб Тобольска XVII в. по археологическим и историческим материалам // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2014. – Т. 13, вып. 5 : Археология и этнография. – С. 209–220.

Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. – Ч. I–II. – М. : Моск. гор. тип., 1884. – Ч. I. – 1564 с. ; 1891. – Ч. II. – 1300 с.

Курилов В. Н., Люцидарская А. А., Майничева А. Ю. Освоение Сибири: сохранение и трансформация русской культуры в XVII – начале XX вв. – Новосибирск : ПреПресс-Студио, 2005. – 100 с.

Майничева А. Ю. Этноконфессиональные маркеры самоидентификации русских в Сибири в XVII–XVIII веках: церкви с бочечным покрытием // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 3. – С. 100–106.

Писарев Н. Домашний быт русских патриархов. – Казань : Типолит. Имп. ун-та, 1904. – 511 с.

Скобелев С. Г. Кузница Саянского острога // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2013. – Т. 12, вып. 7 : Археология и этнография. – С. 171–176.

Скобелев С. Г. Отдельно стоящие постройки хозяйственно-служебного назначения на площади двора Саянского острога // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. : в 2 т. / под ред. Л. В. Татауров, В. А. Борзунова. – Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014. – Т. I. – С. 278–280.

Соборное уложение 1649 г. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. – 448 с.

Татауров С. Ф. Тарский кремль (итоги исследований 2013 г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2013. – Т. XIX. – С. 332–335.

Татауров С. Ф., Черная М. П. Усадьба на территории Тарской крепости: итоги исследований 2011–2014 гг. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2014. – Т. XX. – С. 292–294.

Татаурова Л. В. Исследования русского комплекса XVII–XIX веков Ананьино I в 2015 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2015. – Т. XXI. – С. 413–416.

Черная М. П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг. – Томск : Д-принт, 2015. – 276 с.

Черная М. П. Томский кремль середины XVII–XVIII вв.: проблемы реконструкции и исторической интерпретации. – Томск : Изд-во ТГУ, 2002. – 187 с.

Шаповалов А. В. Саянский острог – памятник материальной культуры русских первопроходцев Южной Сибири XVIII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Новосибирский ун-т. – Новосибирск, 1997. – 22 с.

A. Y. Mainicheva

*Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS,
Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts*

METHODOLOGICAL BASIS FOR RECONSTRUCTION OF RUSSIAN SIBERIAN BUILDINGS AND FACILITIES OF 17–18th CENTURIES: INTERDISCIPLINARY ASPECTS

The article summarizes the experience of reconstruction of Sayan fortress, the church of Our Lady of Vladimir in Bratsk, and oven in the refectory of the Church of the Saviour in Zashiversk. The conclusion

is made that the reconstruction of the buildings of the past is a complex interdisciplinary problem which solution is achieved with the assistance of approaches of historical ethnography, archeology, history and theory of architecture, art. Methodical bases of reconstruction includes the formation of an adequate source base, the selection of analogues, the definition of historical time of reconstruction, identifying structural and cultural characteristics of buildings in appropriate time, taking into account modern facilities, ethnic and confessional markers, worldview, style characteristics and trends of architecture and construction, and reconstruction verification at all stages according to different criteria.

Keywords: reconstruction, Russian and buildings 17–18th centuries, Siberia.

УДК 39+902/904

В. М. Кимеев

Кемеровский государственный университет

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ПРИТОМЬЯ: ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ И МУЗЕЕФИКАЦИИ*

На территории Притомья исследовано несколько десятков археологических памятников, связанных с эпохой освоения русскими старожилами этой территории. Результаты отражены в значительном количестве научных работ начиная с 1950-х гг. Территориально известные памятники сосредоточены в основном вблизи бывших притомских острогов, а также в устьях притоков Томи и в бассейне Ини – притока Оби. Реконструкция казачьих острогов и жилого комплекса русских старожилов на основе археологических раскопок на прежнем их местонахождении по многим причинам почти невозможна. Поэтому наиболее удачной можно считать реконструкцию собирательного образа сибирского острога в экомузее-заповеднике «Тюльберский городок» на основе архитектурных проектов с последующей музеефикацией объектов.

Ключевые слова: русские старожилы, сибирские остроги, колонизация, археологические памятники, реконструкция, музеефикация.

На территории Притомья к настоящему времени обнаружено около 50 археологических памятников, связанных с эпохой русской колонизации. Результаты исследований начиная со сборов Новокузнецкого краеведа К. А. Евреинова с 1930-х гг. на месте бывшего Кузнецкого острога и подъемного материала на склонах Воскресенской горы на месте Томского острога томского учителя-краеведа И. В. Тататурова отражены в значительном количестве научных работ. Территориально известные памятники распределяются неравномерно и сосредоточены в основном вблизи бывших притомских острогов в нижнем и среднем течении Томи, а также устьях ее притоков и в бассейне Ини – притока Оби. Большинство из них найдены в окрестностях современного Новокузнецка, что объясняется наиболее ранним освоением русскими этой территории и возведением здесь в 1618 г. Кузнецкого острога. Хорошо исследованы памятники русской археологии на месте Томского (1604 г.), Сосновского (1657 г.), Верхотомского (1665 г.) и Мунгатского (1718 г.) острогов. Все наиболее значимые результаты получены Новокузнецким археологом Ю. В. Шириным и томским археологом М. В. Черной за последние нескольких десятилетий их неутомимой деятельности [Ширин, 1990, 2002, 2004, 2006, 2012; Черная, 2002 и др.].

Оборонительный комплекс первого Томского острога первоначально был сооружен в виде частокола, замененного к середине XVII в. на тарасы и в плане представлял неправильный прямоугольник с четырьмя угловыми и двумя проездными башнями. Внутри довольно внушительного острога располагались воеводский двор, съезжая изба, житница (хлебозапасный амбар), амбары для других продуктовых припасов и мягкой рухляди (ясачной пушнины), а также первая Троицкая церковь, срубленная еще в 1606 г. [Кочедамов, 1978, с. 22; Черная, 2002, с. 61].

Постоянная военная угрозы со стороны приобских телеутов и енисейских кыргызов, разрушительные пожары 1634–1648 гг., а также конструктивные недостатки явились основными причинами перестройки комплекса. В 1648 г. деревянный кремль был разобран и перенесен на незастроенный южный участок Воскресенской горы, который более отвечал основным требованиям военно-оборонительного комплекса.

Неоднократные раскопки Томского кремля, проведенные археологами Г. В. Трухиным, Н. М. Петровым, В. И. Матющенко и М. П. Черной [Трухин, 1952, с. 72; Петров, 1956, с. 75; Черная, 2002, с. 27, 28] и сопоставление полученных результатов с изобразительными, письменными и картографическими источниками позволили

* Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РФФИ № 17-11-420043/17-ОГОН «Этнокультурное наследие коренных малочисленных народов и русских старожилов Притомья: трансформация в современной социокультурной среде и подходы к актуализации».

© Кимеев В. М., 2017

уточнить конструктивные особенности оборонительных сооружений, сделать их графическую реконструкцию и воссоздать на южном мысу фрагмент оборонительного комплекса с частоколом и проездной башней. Возникла целая дискуссия между археологами и архитекторами, предложившими несколько вариантов дальнейшей реконструкции фрагментов кремля [Романова, 1999, с. 19; Черная, 2002, с. 164; Бобровский, 2012, с. 158].

После постройки острога томские воеводы неоднократно отправляли отряды пеших и конных казаков вверх по Томи с целью взять ясак с кузнецких татар (предков шорцев). В один из таких рейдов в 1615 г. был заложен первый укрепленный острожек на месте «городка» абинцев (предков шорцев), который просуществовал недолго [Ширин, 1990, с. 93]. Поздней осенью 1617 г. по указу царя на лыжах и саних из Томского острога по льду Томи отправился отряд казаков, который к весне 1618 г. в устье Кондомы заложил первый Кузнецкий острог. Но осенью 1620 г. острог был перенесен на правый берег Томи поближе к пашням [Добжанский, Ширин, 2002, с. 227].

Дискуссия о первоначальном месте постройки Кузнецкого острога много лет будоражит умы историков, археологов и краеведов. По одной из версий, он находился на северо-восточном правом берегу Томи в устье некой Брызы [Элерт, 1996, с. 21]. Другая гипотеза о левобережном местонахождении Кузнецкого острога, основанная на устных сообщениях неких кузнецких старожилов, полученных в 1771 г. И. С. Фальком, была отвергнута в 1938 г. краеведом А. П. Дубком, историком А. Ю. Огурцовым и археологом Ю. В. Шириным [Огурцов, 2005, с. 81].

По праву наиболее исследованным можно считать участок бывшего Кузнецкого острога и прилегающую местность Старокузнецка – правобережного района современного Новокузнецка. В течение 1986–1992, 2003, 2012 гг. на территории Старокузнецка при аварийных раскопках внутри Преображенского собора Ю. В. Шириным выявлены остатки построек XVII–XVIII вв. и могилы, многие из которых оказались разрушенными в результате современной строительной деятельности. Также им проводились аварийные работы на бывших русских кладбищах XVII–XIX вв. в районе улиц Водопадная и Народная [Ширин, 1993, с. 23; 2011, с. 420]. Позднее в 2012 г. при масштабных раскопках Советской площади были обнаружены остатки нескольких усадеб XVIII в. и одна жилая постройка XVII в. Масштабными оказались в 2012–2014 гг. аварийные раскопки Советской площади, подлежащей коренной реконструкции по новому городскому проекту [Ширин, 2012, с. 70, 75].

В 1987–1988 гг. Ю. В. Шириным при обследовании культурных напластований внутри фундамента полуразрушенного Преображенского храма выявлены остатки трех домов XVII в., датированных найденными в погребках серебряными копейками периода правления Михаила Федоровича и Алексея Михайловича [Ширин, 1990, с. 95]. В дальнейшем во время активной реставрации собора 1990–1991 гг. Ю. В. Ширину и А. Ю. Огурцову удалось провести охранные раскопки на всех не занятых церковными сараями и строительным материалом участках бывшего острога. Продолжить дальнейшие раскопки на месте Кузнецкого острога, а значит, сделать хотя бы фрагментарную реконструкцию оборонительного и административно-хозяйственного комплекса на прежнем месте оказалось невозможным из-за противодействия со стороны клириков Спасо-Преображенского собора. Вся огороженная территория вокруг собора к настоящему времени полностью заасфальтирована. По проекту архитектора В. Н. Усольцева Кемеровская региональная общественная организация социально-экономического и культурного развития «Кузнецкая Сечь» на участке недостроенной объездной дороги за ручьем Водопадным на границе зон охраны музея-заповедника «Кузнецкая крепость» планирует реконструкцию кремля Кузнецкого острога.

Строительство Сосновского острога в 1657 г. на возвышенном правом берегу Томи в 58 верстах выше Томска было вызвано необходимостью защиты русских поселений от набегов телеутов [Кимеев, Ширин, 1998а, с. 25]. Археологическое исследование территории бывшего Сосновского острога было начато еще в 1940 г. томским археологом Н. А. Чернышевым [Ширин, 1995, с. 50] и продолжено в 1950-х гг. томским археологом Г. В. Трухиным [Трухин, 1952, с. 42]. В 1991 г. на месте Сосновского острога кемеровским археологом А. С. Васютиным и этнографом В. М. Кимеевым были заложены две зондажные траншеи, в одной из которых на юго-западном прибрежном валу обнаружены детские погребения [Кимеев, 2008, с. 215].

По описанию Г. Ф. Миллера, подтвержденному раскопками археолога Ю. В. Ширина и этнографа В. М. Кимеева в 1997 г., оборонительный комплекс острога площадью 100 × 100 м состоял из деревянного частокола (тына или палисада) в виде вертикально врытых в землю толстых бревен с горизонтальными прожилинами. С северо-восточной напольной стороны при раскопках были выявлены остатки воротных столбов у силосной канавы, сооруженной в 1975 г. местным совхозом. В западном углу острога у обрыва к Томи раскопан фундамент угловой дозорной башни. В сторону посада в центре западной стены, видимо, располагалась проездная башня, место которой было скрыто бульдозером еще в советский период. У юго-западной стены внутри палисада, по описанию Г. Ф. Миллера, стояли два «государевых» амбара и пороховые погреба [Элерт, 1988, с. 59], где в настоящее время прослеживаются фрагменты бетонных фундаментов построек школы и клуба. У южной стены до сих пор виден земляной продолговатый холм фундамент Спасской церкви. В 2010 г. на этом месте «поработали» томские черные копатели с миноискателями, упредив дальнейшие исследования остатков территории острога.

Проектные предложения московских архитекторов 1991 г. по реконструкции объектов острога в составе экомузeya «Калмаки» так и остались нереализованными из-за вымирания д. Сосновский Острог [Кимеев, Афанасьев, 1996, с. 90]. Всё ограничилось установкой в 2010 г. кемеровскими казаками на площадке острога Поклонного креста.

Для охраны водного пути и русских деревень в 1665 г. на высоком скалистом правом берегу Томи в 94 верстах выше Сосновского острога был сооружен Верхотомский острог. По описанию лично посетивших острог

2 октября 1734 г. И. Г. Гмелина и С. П. Крашенинникова, он был выполнен четырехугольным палисадом с боевой башней над воротами, снабженной одной медной и одной чугунной пушками. Внутри острога находились изба приказчика, судная изба (людская) и амбары. Снаружи тына были обустроены рогатки и надолбы. За оборонительным комплексом острога располагались посадские дома, а справа от въездной башни церковь Вознесения Господня первого поколения [Крашенинников, 1966, с. 52].

При исследовании площадки Верхотомского острога в 1940 г. сотрудником Томского краеведческого музея Н. А. Чернышевым около здания уже закрытой в то время Вознесенской церкви третьего поколения были обнаружены валы в виде четырехугольника (150 × 150 м), которые он принял за следы «тюремно-этапных сооружений XIX в.», а сам Верхотомский острог, по его ошибочному мнению, располагался выше по течению Томи, где сохранилось много ям (2,5 × 2,5 м) с квадратной обваловкой [Ширин, 1995, с. 51].

В 1959–1960 гг. рядом с фундаментом разобранной к тому времени церкви археологом А. И. Мартыновым во время раскопок были обнаружены обломки камней, древесный уголь, фрагменты русской неорнаментированной керамики, черешковый нож, кресало, кованые железные гвозди, скобы и три монеты XVIII в. В центральной части были раскопаны венцы нижнего сруба приказной избы, состоящей из четырех-пяти квадратных помещений. Ни находок, ни плана раскопа не сохранилось в архиве Кемеровского краеведческого музея, где в те годы работал директором А. И. Мартынов.

В 1997 г. при исследовании площадки Верхотомского острога Ю. В. Шириним и В. М. Кимеевым было выяснено, что в современном рельефе местности уже не сохранилось явных следов прежних фортификационных сооружений и построек. Используя фотографии экспедиции А. И. Мартынова 1959 г. (негативы хранятся в фондах краеведческого музея), исследователи сделали инструментальную съемку плана всей предполагаемой площадки Верхотомского острога с надолбами и рогатками и уточнили первоначальные его границы (не менее 150 × 150 м). Сейчас это место на краю возвышенной скалистой террасы правого берега Томи к юго-западу от современной школы обезображено землеройной техникой в ходе прокладки дренажных канав, планировки территории вокруг школы и разработки бывшего гравийного карьера, превращенного затем в свалку мусора. На всей площадке культурный слой полностью срыт, на краю террасы – погребен под толщей насыпного грунта.

На крутом склоне обрыва, перекрытом метровым слоем наносного грунта, в ходе зачистки выявлен тонкий культурный слой, где был найден обломок глиняной тарелки, покрытой изнутри белой глазурью, кости свиньи и обломки простой гончарной посуды [Отчет о НИР Кузбасской археолого-этнографической экспедиции 1997 г.].

На месте самого острога в 2008 г. по инициативе Кемеровской епархии, директора экомузеев-заповедника «Тюльберский городок» В. М. Кимеева, директора Верхотомской школы П. Н. Кислицина казаками был установлен и освящен Поклонный крест, а у ограды школы на бетонном помосте водружен черный мраморный камень с высеченным названием острога и датой постройки. Реализация предложений местных властей о реконструкции и музеефикации на прежнем месте острога оказалась невозможной, так как площадка острога полностью входит в санитарную 50-метровую зону расположенной рядом скважины.

Предпринимается попытка реконструкции Верхотомского острога в полном объеме на территории «Поляны праздников» музея-заповедника «Томская Писаница», что должно стать по идее директора музея В. А. Каплунова составной частью комплекса экспозиций под открытым небом по русским Притомья [Каплунов, Скрязина, 2015, с. 60].

Для защиты крестьянских усадеб д. Мунгатской от набегов степняков-кочевников, а также чтобы иметь промежуточный остановочный пункт на левом западном берегу Томи в 135 верстах вниз от Кузнецка в 1715 г. был поставлен Мунгатский острог. По данным Г. Ф. Миллера, он состоял из обводной стены в 410 сажень, сооруженной из бревенчатого частокола в виде полукруга со стороны, противоположной крутому берегу. Внутри острога находились дом приказчика, судная изба, магазины и амбары, а также несколько крестьянских домов. Остальные жилые дома вместе с часовней на площади располагались вне острога к востоку вверх по Томи. Название острога и д. Мунгатской взято от речки Мунгат, впадающей слева в Томь в двух верстах выше острога [Кимеев, Ширин, 1998б, с. 24].

Первая попытка определить местонахождение Мунгатского острога была предпринята в 1940 г. экспедицией Томского и Сталинского краеведческих музеев под руководством томского археолога Н. А. Чернышева. На обрывистом берегу Томи высотой 20–30 м были обнаружены остатки сгнивших строений конца XVIII в., а в осыпях найден обломок дна сосуда с ошлакованными стенками [Ширин, 1995, с. 60]. В 1954 г. предположительное место Мунгатского острога осматривал преподаватель Новокузнецкого пединститута У. Э. Эрдниев, которому местные жители сообщили, что из-за постоянного обрушения крутого берега жилые дома из их крайнего берегового ряда д. Мунгатской были разобраны и вывезены в пос. Крапивино. При этом сам острог старожилы связывали с каторжниками, которых якобы «этапировали» по р. Томи в Кузнецкую тюрьму. Кроме того, У. Э. Эрдниев собрал подъемный материал в осыпи разрушавшегося берега [Эрдниев, 1954, л. 21–22].

В 1962 г. в окрестностях пос. Крапивина археолог А. И. Мартынов собрал подъемный материал вдоль берегового обнажения и зафиксировал некий ров, который на составленном им схематичном плане имел протяженность с юга на север от р. Быструхи (ошибочно помеченной А. И. Мартыновым как р. Мунгат) до северной окраины д. Мунгатской [Мартынов, 1962, л. 7, 17].

Ю. В. Шириним и В. М. Кимеевым в 1997 г. была обследована терраса обрушающегося берега по ул. Советской и собран подъемный материал в виде обломков глазурованной посуды. По разработанному ими проекту

музея «Мунгатский острог» предлагалось на месте трех старых усадеб по современной ул. Совхозной реконструировать постройки XVIII в., описанные Г. Ф. Миллером: дом-связь приказчика, магазин с двумя амбарами, ссудную избу, и обнести всё это частоколом в форме полукруга с проездными воротами и смотровой вышкой [Кимеев, Ширин, 1998б, с. 33]. Однако власти с клириками прихода местной Никольской церкви не одобрили проект. В 2013 г. в 5 км от подлинного местонахождения острога в логу был создан так называемый Этнографический центр традиционной и воинской культуры «Мунгатский острог» в виде деревянных ворот с вывеской, часовой в низине лога у священного источника и других странных сооружений. На подлинном месте острога теперь высятся два частных особняка, огороженных высоким бетонным забором.

К концу XVIII – началу XIX вв. большинство острогов потеряли военное значение, пришли в запустение и превратились в населенные пункты без острожной специфики. Реконструировать казачьи остроги и жилой комплекс русских старожилов на основе археологических раскопок на прежнем их местонахождении невозможно. Поэтому в 2002–2009 гг. на территории экомuzeя-заповедника «Тюльберский городок» по проекту новокузнецкого архитектора В. Н. Усольцева и томского архитектора В. Р. Новикова был реконструирован собирательный образ сибирского острога. В состав оборонительного комплекса вошли Борисо-Глебовская проездная башня (реконструкция проездной башни Верхотомского острога), три угловые: Александровская дозорная башня (реконструкция башни Сосновского острога), Георгиевская и Никольская (реконструкции башен Томского и Братского острогов). Внутри острога в 2009 г. по чертежам одной из построек Казымского острога реконструирована казачья караульная изба и воссоздан ее внутренний интерьер [Кимеев, 2002, с. 33; Голубев, Кимеев, 2016, с. 44].

Отчет о НИР Кузбасской археолого-этнографической экспедиции 1997 г. // Архив Музея-заповедника «Томская Писаница». Ф. 1. Оп. 1. Д. 3.

Эрдниева У. А., 1954; Мартынов А. И., 1962 // Архив Новокузнецкого краеведческого музея. НФ-Д. Оп. 1. Р. 1. Д. 23. Л. 7, 17, 21–23.

Бобровский Ю. А. О методологической болезни докторов наук (критические заметки к автореферату М. П. Черной) // Из Кузнецкой старины. – Новокузнецк, 2012. – Вып. 3. – С. 58–172.

Голубев М. Е., Кимеев В. М. Остроги Притомья: история изучения и архитектурная // Археология Южной Сибири. К 40-летию кафедры археологии Кемеровского государственного университета. – Кемерово, 2016. – Вып. 27. – С. 38–45.

Добжанский В. Н., Ширин Ю. В. Кузнецкий острог 1618 и 1620 гг. // Аборигены и русские старожилы Притомья: (материалы науч.-практ. конф.). – Кемерово, 2002. – С. 221–242.

Каплунов В. А., Скрябина Л. А. Архитектурный историко-этнографический комплекс «Русские Притомья» как новый социокультурный проект музея-заповедника «Томская Писаница» // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. – 2015. – № 32. – С. 57–64.

Кимеев В. М. Проблема реконструкции и музеефикации казачьих острогов Сибири // Музей и наука: материалы науч.-практ. семинара, посвящ. 25-летию музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемер. гос. ун-та. – Кемерово, 2002. – С. 27–34.

Кимеев В. М. Экомuzeи Притомья в постиндустриальном обществе: генезис, архитектурная, функции. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. – 452 с.

Кимеев В. М., Афанасьев А. Г. Экомuzeология. Национальные экомuzeи Кузбасса. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1996. – 135 с.

Кимеев В. М., Ширин Ю. В. Сосновский казачий острог // Притомские калмаки. – Кемерово, 1998а. – С. 25–42.

Кимеев В. М., Ширин Ю. В. Экомuzeй «Мунгатский острог» // 55 лет Кемеровской области. – Кемерово, 1998б. – С. 28–33.

Кочеданов В. И. Первые русские города Сибири. – М.: Стройиздат, 1978. – 185 с.

Крашенинников С. П. в Сибири. Неопубликованные материалы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1966. – С. 39, 51, 52.

Огуцов А. Ю. О трехсотлетнем споре // Кузнецкая старина: ист.-краев. сб.; отв. ред. Ю. В. Ширин. – Новокузнецк, 2005. – Вып. 7. – С. 77–98.

Романова Л. С. Принципы формирования музеефицированного комплекса в историческом центре города (на примере комплекса «Старый Томск»): автореф. дис. ... канд. архитектуры. – Новосибирск, 1999. – 18 с.

Петров Н. М. Опыт восстановления плана Томского города и острога начала XVII в. // Труды ТОКМ. – Томск, 1956. – Т. 5. – С. 59–78.

Трухин Г. В. Описание археологических памятников по берегам р. Томи в пределах Томской области // Ученые записки Томского государственного педагогического института. – Томск, 1952. – Т. 9. – С. 64–75.

Черная М. П. Томский кремль середины XVII–XVIII вв.: проблемы реконструкции и исторической интерпретации. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 187 с.

Ширин Ю. В. Археологическое изучение Кузнецкого острога // Разыскания: историко-краеведческий альманах. – Кемерово, 1990. – Вып. 1. – С. 91–96.

Шири́н Ю. В. Археологические памятники г. Новокузнецка // Кузнецкая старина. – Вып. 1. – Новокузнецк, 1993. – С. 10–46.

Шири́н Ю. В. Археологические работы на реке Томи и Чумыше в 1940 г. // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. – Томск, 1995. – С. 57–64.

Шири́н Ю. В. Археологические раскопки на памятнике «Кузнецк» в 2012 г. // Историко-культурное наследие Кузбасса. – Кемерово, 2012. – Вып. 4. – С. 70–76.

Шири́н Ю. В. Древности Беловского: их историко-культурный потенциал, проблемы использования и охраны // Труды Кузбасской комплексной экспедиции. Беловский, Яшкинский, Таштагольский районы Кемеровской области. – Кемерово, 2004. – Т. 1. – С. 374–388.

Шири́н Ю. В. К проблеме этнической атрибуции южносибирских археологических комплексов Нового времени в зоне расселения русских // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 2006. – С. 25–36.

Шири́н Ю. В. Погребальный обряд христианских кладбищ Притомья XVII–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. – Омск, 2011. – С. 416–422.

Элерт А. Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г. Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск, 1988. – С. 59–101.

Элерт А. Х. Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии, в сентябре 1734 г. // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. – Новосибирск, 1996. – Вып. VI. – С. 17–36.

V. M. Kimeev

Kemerovo State University

ARCHAEOLOGICAL SITE TO THE RUSSIAN COLONIZATION OF PRITOMIE: PROBLEMS OF SITES RECONSTRUCTION AND MUSEUMIFICATION

In Pritomye several tens of archaeological sites connected with a period of development by the Russian old residents of this territory are investigated. Results are reflected in a significant amount of scientific works since 1950. The archaeological sites are concentrated generally close the jails, and also in mouths of inflows of Tom and in a river basin of Yin – inflow of Ob. Reconstruction of the Cossack jails and a housing estate of the Russian old residents on the basis of archeological excavations on their former location for many reasons is almost not possible. Therefore the most successful can consider reconstruction of a generalized character of the Siberian jail in the ecomuseum “Tyulbersky gorodok”, on the basis of architectural projects with the subsequent museumification of objects.

Keywords: Russian old residents, Siberian jails, colonization, archaeological sites, reconstruction, museumification.

УДК 902/904

А. Л. Автушкова

Новосибирский государственный краеведческий музей

РУССКИЕ ОСТРОГИ И ФОРПОСТЫ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В ОПИСАНИИ ИОГАННА ГОТЛИБА ГМЕЛИНА

В статье предпринимается попытка на основе анализа дневника И. Г. Гмелина, посвященного путешествию ученого по территории Сибири в XVIII в., в части, относящейся к отрезку пути Томск – Тара, охарактеризовать строительство острогов и форпостов на территории Новосибирского Приобья и Барабинской лесостепи, их внутреннее устройство, вооружение, экономические и культурные предпочтения населения острогов. Рассматриваются Умревинский и Чаусский остроги, а также Каинский, Убинский и Усть-Тартасский форпосты. Исследование в противовес мнению И. Г. Гмелина показало, что по внутреннему устройству остроги и форпосты на изучаемой территории принципиальных различий не имели. В статье также высказано предположение о возможном месторасположении Каинского и Убинского форпостов для дальнейшего поиска памятников.

Ключевые слова: И. Г. Гмелин, Умревинский острог, Чаусский острог, Убинский форпост, Каинский форпост, Усть-Тартасский форпост, Новосибирская область, Барабинская лесостепь.

Процесс присоединения Сибири к российскому государству, происходивший со второй половины XVI в., связан со строительством острогов, а затем и более укрепленных сооружений – форпостов – первых оплотов государственности на покоренных землях. Остроги имели огромное значение для защиты приобретенных территорий, хозяйственной и культурной деятельности населения. На территории современной Новосибирской области их строили вблизи крупных рек с начала XVII в. Таковыми являются Умревинский острог (1703 г.), Чаусский острог (1713 г.), Бердский острог (1716 г.). В 1722 г. строится целая серия небольших форпостов в Барабинской лесостепи – Убинский, Каинский, Усть-Тартасский (1722 г.). Первые свидетельства об их устройстве и населении мы находим в описании немецких ученых и путешественников, участников Академических экспедиций Императорской Академии наук Д. Г. Мессершмидта (1719 г.), Г. Ф. Миллера (1734 г.), И. Г. Гмелина (1741 г.), И. П. Фалька, И. С. Палласа (1771–1773 гг.). Труды Г. Ф. Миллера «Описание Томского уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его положении, в октябре 1734 г.», И. П. Фалька «Полное собрание ученых путешествий по России проф. Крашенинникова, Лепехина и Фалька» и И. С. Палласа впоследствии были изданы на русском языке. С трудами Д. Г. Мессершмидта и И. Г. Гмелина всё несколько сложнее – они до сих пор не переведены, хотя вот уже много лет осуществляются выборочные тематические переводы из различных частей их сочинений. Если у Д. Г. Мессершмидта мы находим только сведения о Чаусском остроге и отрывочные об Умревинском, то сочинения И. Г. Гмелина содержат достаточно полные и интересные заметки обо всех острогах и форпостах, в которых он останавливался по пути.

В настоящее время наиболее археологически исследованными являются Умревинский и Чаусский остроги, а также Усть-Тартасский форпост. Археологическое изучение этих объектов, относящихся уже к историческому времени, вкупе с письменными свидетельствами Гмелина дает возможность проследить этапы строительства острогов и форпостов на территории современной Новосибирской области, а также особенности их фортификации, вооружения, хозяйственных и культурных предпочтений населения.

За основу исследования был взят дневник И. Г. Гмелина на немецком языке «Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743», изданный в Геттингене в 1751–1752 гг.

Иоганн Георг Гмелин – немецкий ученый, ботаник, врач, путешественник, исследователь Сибири и Урала на русской службе, действительный член Петербургской Академии наук. Летом 1741 г. Гмелин проследовал из Томска в Тару через Барабинскую лесостепь. В дневниковых записях он тщательно, в мельчайших деталях, описывает свой маршрут. Он указывает название каждого населенного пункта, водоема, которые пересекает. Благодаря этому мы можем проследить его путь: 1 июня 1741 г. он выезжает из Томска вверх по Томи; проехав через ряд деревень (Большая Черная, Малая Черная, Лоншиково, Санкино (Паново), Садково (Пашково), Елизарово, Шухово – станция Ояшинская), он прибывает в Умревинский острог. Интересно описание острога, данное И. Г. Гмелиным. По его мнению, острог – это не что иное, как прямоугольник, окруженный поднятыми вверх бревнами: с одной стороны 30 и с двух других – 24, четвертая сторона вплотную примыкала к воде. Острог имел обычные укрепления в виде надолбов и рогаток. Отсутствие гарнизона и артиллерии в остроге ранее подтверждал Г. Ф. Миллер [*Историко-географическое описание...*, 1988, с. 65–101]. Внутри были расположены церковь «в честь Святого», построенная в 1719 г., два амбара для хранения зерна, а также остатки бывшей тюрьмы. Здесь же проживал командующий. Внизу располагалась слобода, принадлежавшая Умревинскому острогу. Площадь острога была довольно значительной, так как территория его вместе со слободой доходила до д. Умрева. Гмелин называет дату основания острога – 1709 г. вместо 1703 г., правда оговаривается, что эту дату необходимо уточнить («насколько я знаю древние времена, возможно, придется просить уточнения»). Острог считался старейшим на территории Новосибирского Приобья уже во времена И. Г. Гмелина. Ученый приводит и точную дату его ликвидации – 1738 г., когда 2 июля поступило распоряжение томского градоначальника.

На данный момент территория Умревинского острога достаточно хорошо изучена экспедициями А. В. Шаповалова [2000] и А. П. Бородовского (2002–2009 гг.) [*Бородовский, Горохов, 2009*].

От Уени И. Г. Гмелин едет западным берегом р. Чаус, проезжая д. Скалинскую (современное с. Скала) и посещает по пути Чаусский острог и Чаусскую слободу. Внимательный и дотошный исследователь, он отмечает каждую деталь в расположении острога и в его внутреннем устройстве. Для описания Чаусского острога, составленного им, характерно подробное изложение фактов, вплоть до промера расстояний между внутренними постройками и подсчета военных запасов и единиц вооружения. Этим оно отличается от описания, несколько ранее составленного Д. Г. Мессершмидтом [*Messerschmidt, 1962, s. 90–91*], но уточняет описание Г. Ф. Миллера [*Историко-географическое описание...*, 1988, с. 65–101].

Датой возникновения Чаусского острога, по мнению И. Г. Гмелина, следует считать 1713 г. Острог был создан для защиты окружающих территорий от нападений южных, враждебно настроенных соседей на западном берегу р. Чаус, в 58 верстах от Ташаринского Станца (возможно, современное с. Ташара) и в 122 верстах от Томска. Место для расположения острога, по мнению путешественника, было выбрано удобное, поэтому острог всегда имел всё необходимое для жизни. Крепость в плане представляла собой четырехугольник из поднятых вверх бревен. В каждом углу имелись сторожевые башни. На южной и северной сторонах располагались дополнительные башни, одна из которых была снабжена въездными воротами. Западная башня также имела ворота. С севера, запада и юга крепость окружал глубокий ров, выходящий на берег Чауса. Дополнительными оборонительными сооружениями служили

надолбы и рогатки. Внутри был расположен арсенал. К западу от него имелся другой, чуть поменьше. Ближе к западной стене находились помещения охраны и кладовая, занятая старой церковной утварью ручной работы. В остроге имелась судная изба («судебный зал») недалеко от южной стены, на восточной стене острога. Между восточной и южной стенами острога размещался подвал для хранения спиртных напитков. Дом командующего находился тут же, недалеко от подвала, почти в центре. В северо-западной стороне острога в два ряда были построены пять домов для хранения провианта и соли, занимавшие пространство вплоть до западной стены. В центре крепости стояла деревянная церковь Святого Ильи. И. Г. Гмелиным были подсчитаны стратегические запасы острога: четыре железные пушки и одна медная, пять пудов и 30 фунтов пороха, 13 пудов и 28 фунтов свинца и 83 железных ядра (у Г. Ф. Миллера: медная двухфунтовая, две чугунные двухфунтовые и две чугунные однофунтовые пушки). Внизу, под острогом, тянулась Чаусская слобода, в которой проживало 80 чел. Помимо всего, в слободе имелся кабак с пиво-коньячной кладовой, где отмечались все праздники и отдыхали люди. Жители острога, как пишет путешественник, в основном состоятельные люди, но жуткие пьяницы, держат огороды и небольшое количество крупного рогатого скота. Г. Ф. Миллер писал, что местные жители относятся к белопоместным казакам и служат в гарнизоне [*Историко-географическое описание...*, 1988, с. 65–101].

Чаусский острог, благодаря своему удачному расположению, продолжал развиваться, и уже в 1822 г. с. Чаус (ранее острог-крепость) было объявлено уездным городом под названием Кольвань [*Бородовский, Бородовская*, 2003, с. 12].

Посетив Чаусский острог, И. Г. Гмелин едет далее по Оешу через деревни Большая Оешская и Малая Оешская, Подволошная, Крутые Лога, Писаная Береза, Полубабкино Зимовье (Государев Двор), Тырышкино Зимовье, пересекая при этом территорию Барабинской лесостепи до Убинского и Каинского форпостов, которые тоже не обходит вниманием.

Все форпосты, находившиеся в Барабинской лесостепи, исследователь называет «пас» и пишет, что данное понятие относится только к Барабе. Строились они в целях безопасности от ограблений дорог и окрестных деревень. Форпост, или пас барабинский, строили обычно из устойчивых балок в два ряда, снабжали время от времени бойницами, иногда даже с бастиянами, рavelинами и другими приспособлениями. Для постройки пасов использовался только березовый лес за неимением другого. По мнению ученого, пас – достаточно безыскусная конструкция, но до другого в Барабе пока еще не додумались.

Убинский форпост, по И. Г. Гмелину пас, располагался в двух с половиной верстах от Убинского озера, в 84 верстах от р. Чулыма и от Чаусского острога в 207 верстах. В плане – это круг, окруженный узким и глубоким рвом, укрепленным надолбами и рогатками. Форпост имел два входа – с востока и с юго-запада. В южную и восточную стены встраивались пять казарм, где проживали 50 чел., частично русских, частично татар. Командующий форпостом жил в Каинском форпосте. Убинский форпост располагался на открытом и ровном поле, где не было никакой воды, кроме колодца, вода которого имела соленый вкус и пахла серой. Лес отстоял от форпоста на восемь верст, поэтому дров постоянно не хватало. И. Г. Гмелин пишет, что казаки подавали прошение пять лет назад, чтобы перенести этот пас к р. Каргат, где имелась хорошая вода и дрова. Но ответа им не последовало, и шесть лет они живут без жен, детей и домашнего хозяйства. Летом питаются исключительно карасями, а зимой тем, что дает им благосклонная природа, т. е. дичью, которую поймают.

Уже 21 июня И. Г. Гмелин останавливается в Каинском форпосте, взявшем свое название от маленькой речки Каинки. От оз. Убинского по зимнему пути до форпоста 28 верст. Каинский пас расположен на западном берегу Оми, в месте ее соединения с Каинкой (Каин-глу). Крепость в плане представляет собой квадрат со сторонами 39 и 31 «кластеров», стены из тонких наложенных березовых бревен. Большая часть стен занята 12 казармами, распределенными между четырьмя стенами. В форпосте две башни – одна в южной, другая в западной стороне. Одна из башен имеет ворота. Вдоль северной стороны, немного на восток, – дом командира, от которого недалеко к западу находятся кладовая и арсенал. Из артиллерии и оружейного припаса в остроге имеется два орудия, 80 фунтовых, 79 полуфунтовых ядер, восемь пищалей, три пуда пороха, четыре пуда свинца. Гарнизон острога состоял из 200 казаков, 50 из которых отдано в Убинский острог.

Через 30 лет после И. Г. Гмелина Каинский форпост посетил другой немецкий путешественник – И. П. Паллас, который писал, что Каинская слобода, ранее бывшая форпостом и достаточно именитым местом, начала уменьшаться в размерах, так как местные жители переселялись на Обь, в междуречье Бурлы и Карасука, на новую, проложенную через необитаемую Кулундинскую степь дорогу. По этой причине Каинский форпост уже трети своих жителей лишился [*Паллас*, 1788, с. 9]. Однако Каинскому форпосту повезло: через него пролегла основная на то время транссибирская магистраль – Московско-Сибирский тракт. Это стало одним из факторов превращения Каинского форпоста в уездный город уже в конце XVIII в. В качестве дополнения можно привести сведения И. П. Фалька, указавшего, что Каинский форпост первоначально располагался на оз. Тандово, в южной части Барабы [*Полное собрание...*, 1825, с. 430–431].

Через три дня, 24 июня, И. Г. Гмелин продолжает путь вниз по Оми и попадает в Усть-Тартасский форпост, называемый им Татарский пас. Ученый оставил неплохое описание форпоста, ныне являющегося памятником археологии Новосибирской области наряду с Умревинским и Чаусским острогами. Находившийся в месте впадения Тартаса в Омь («на их западной и северной сторонах») Татарский пас, по словам Гмелина, напоминал больше деревню,

чем острог, но был всё же несколько лучше по сравнению с Убинским форпостом. В плане он четырехугольный, стены построены из березовых плах. Как с северной, так и с южной стороны форпост имел въездные ворота, «которые вряд ли лучше, чем те, которыми запирают выгоны». У северных ворот к востоку сторожевая башня с голубятней. Под ней совсем маленькое строение, использовавшееся одновременно под склад и арсенал. На территории форпоста находилось еще семь казарм, расположенных хаотично. Во время посещения форпоста Гmeliным они находились в жалком состоянии. Лишние опустевшие здания занимались бывшими солдатами. На южной стороне была расположена запасная казарма для нескольких казаков. В самом форпосте, помимо прочего, имелась церковь Спасителя Возрожденного. С северной и западной стороны стояли рогатки, совсем сгнившие от времени. Татарский пас защищала одна единственная пушка, латники и 50 казаков, над которыми стоял капитан (сотник). Послужной состав периодически сменялся, смена должна была поступать из Тары через год. Однако зачастую это правило не выполнялось, и казаки служили здесь от четырех до шести лет. Форпост имел очень удобное расположение, так как большую часть года он был окружен водой. Как и Каинский, этот форпост горел во время нападения киргизов. Археологические раскопки на территории форпоста не производились, но по итогам неоднократного сбора подъемного материала была составлена значительная коллекция [Колонцов, Воробьев, 2003, 154–158].

Таким образом, с точки зрения фортификации, внутреннего устройства острога и форпосты, имевшиеся на территории современной Новосибирской области, никак не отличаются.

В конце XVIII в. административное и военное положение острогов и форпостов на территории Приобья и Барабинской лесостепи меняется. Деревянные оборонительные сооружения ветшают и разрушаются. Население острогов переселяется в другие районы в связи с влиянием экологических факторов в сторону ухудшения. Кроме того, еще одной важной причиной исчезновения острогов и форпостов с административной карты региона стало строительство Московского тракта, который в основной своей части прошел мимо острогов Приобья и пасов Барабы. Единственным исключением стал Каинский форпост, давший начало уездному Каинску (в настоящее время г. Куйбышев). Еще одним важным фактором исчезновения острогов и форпостов стало изменение южных границ государства и продвижение их дальше на юг, в связи с чем прежние остроги и форпосты теряют свое оборонительное и административное значение.

По истории Умревинского, Чаусского острогов и Усть-Тартасского форпоста написано немало литературы. Их месторасположение, современное описание, комплексы находок достаточно подробно освещены в научных трудах. Каинский и Убинский форпосты еще до сих пор не изучены, так как имеется лишь приблизительное описание их месторасположения, которое указано, по сути, только И. Г. Гmeliным.

Сопоставив сведения И. Г. Гмелина и современную карту г. Куйбышева, можно предположить, что остатки Каинского форпоста следует искать на территории современного города, в его западной части, в месте впадения притока Каинки в Омь, по левому берегу последней, на углу улиц Агафоновой и Плановой.

С Убинским форпостом сложнее. И. Г. Гмелин указывает, что пас находится в 2,5 версты от Убинского озера (2,65 км), прямо на зимнем пути, идущем в одной миле от западного берега озера ($\approx 7,4$ км). Судя по словам путешественника, зимний путь до форпоста окружали болота. Из этого следует, что он находился в пойме озера. Подтверждением могут служить слова ученого, что расположен пас на открытом и ровном безлесном поле, с близким уровнем соленых подземных вод (неглубокий колодец). Жители паса питаются в основном рыбой, добываемой из озера. Расстояния от Чулыма и Чаусского острога следует признать ошибочными, так как при перерасчете на современные меры длины указанное место находится достаточно далеко от озера. Таким образом, форпост, вероятнее всего, был на западной или северо-западной окраине озера, в его пойменной части, в 2 км от берега, как показано на карте 1737 г. Примерное месторасположение паса – район современного пос. Крещенский Убинского района в радиусе 2–3 км по окружности.

Убинский форпост просуществовал недолго и уже в 1746 г. был переведен на р. Каргат, где существует под именем с. Форпост-Каргат до сих пор [Миненко, 1990, с. 33].

Подводя итоги, следует отметить, что для разрешения ситуации с местоположением Каинского и Убинского форпостов необходимы дальнейшие археологические исследования, которые подтвердят или опровергнут высказанные в статье предположения.

Шаповалов А. В. Отчет об археологических исследованиях Умревинского острога в Мошковском районе Новосибирской области в 2000 г. // Архив ГАУ НПЦ НСО.

Бородовский А. П., Бородовская Е. Л. Русские остроги на территории Новосибирской области. – Новосибирск : НПЦ НСО, 2003. – 44 с.

Бородовский А. П., Горюхов С. В. Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг. – Новосибирск, 2009. – 241 с.

Историко-географическое описание Томского уезда Г. Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск, 1988. – С. 65–101.

Колонцов С. В., Воробьев А. А. Материалы Усть-Тартасского форпоста // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2001. – Вып. 3. – С. 154–158.

Миненко Н. А. По старому Московскому тракту. – Новосибирск : Новосибир. кн. изд-во, 1990. – 184 с.

Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией наук по предложению ее президента. – Т. 6 : Записки путешествия академика Фалька. – СПб. : Имп. Акад. наук, 1824. – 560 с.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3. Половина вторая. – СПб. : Имп. Акад. наук, 1788. – 481 с.

D. Johann Georg Gmelins Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743. – Göttingen, Verlegts Abram Vandenhoecks seel., Wittwe, 1751–1752. – Т. III : 1752. – С. 71–129.

Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. – Т. 1 : Tagebuchaufzeichnungen, 1721–1722 / Herausgegeben von E. Winter und N. A. Figurovskij; mit einem vorwort von W. Steinitz und A. V. Topčiev. – Berlin : Akademie-Verlag, 1962. – 380 s. Mit 2. Textabbildungen, 8 Kunstdrucktafeln und 1 Karte. – (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas ; b. VIII; t. 1). – URL: http://www.ranar.spb.ru/rus/doc_publ/id/423 (дата обращения: 12.02.2017).

A. L. Avtushkova

Novosibirsk State Region Museum

RUSSIAN FORTRESSIS ON THE TERRITORY OF NOVOSIBIRSK OBLAST IN THE DIARY OF JOHANN GEORG GMELIN

Article is intended to analyze the diary of J. G. Gmelin about his travel for territory of Sibir in 18th century (the part of track “Tomsk – Tara”), to analyze the construction, plan, arms, economy, culture of fortressis and passes on the Ob coast (in the modern Novosibirsk region) and forest-steppe of Baraba. Currently there is attempt to study Tchausky fortress, Ust-Tartassky pass, Ubinsky pass, Umrevinsky fortress, Kainsky pass. This reseach shows that passes and fortress hav’nt distinctions in the construction of fortification. Also author suggests the opinion about modern location of the Ubinsky and Kainsky passes, who were don’t found.

Keywords: Johann Georg Gmelin, Kainsky pass, Ust-Tartassky pass, Ubinsky pass, Tchausky fortress, Umrevinsky fortress, Novosibirsk oblast, forest-steppe of Baraba.

УДК 930 (092)

А. С. Вдовин¹, Д. Н. Лысенко², Н. П. Макаров³, А. Л. Заика¹

¹Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева,

²ООО «НПО «Археологическое Проектирование и Изыскания», Красноярск,

³Красноярский краевой краеведческий музей

«ПРОШЛОЕ ЕНИСЕЙСКОГО СЕВЕРА ПОНЕМНОГУ РАСКРЫВАЕТСЯ»: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ РУССКИХ ПОСЕЛЕНИЙ*

Представлены малоизвестные архивные данные о раскопках Н. К. Ауэрбахом в 20-е гг. XX в. жилых построек русского старожильческого населения на севере Красноярского края. Современные археологические экспедиции дополняют исторические сведения. Сделаны выводы о раннем, но неплотном заселении Нижнего Енисея в результате промысловой колонизации северных территорий. Многие объекты в аварийном состоянии. Перспективны поиск и исследования поселенческих памятников русского времени, скрытых под поздними техногенными слоями. Предлагаются меры по сохранению и популяризации исторических памятников, вовлечению их в сферу туризма. Актуальна разработка проекта музея-заповедника «Хатангский тракт», где можно проследить этапы русского освоения Таймыра, аспекты этнической истории долган и других северных народов.

Ключевые слова: Н. К. Ауэрбах, освоение русскими Севера Енисея, история исследований, археология, этнография, музеефикация.

Изучение Енисейского Севера имеет богатую историю и связано с именами известных полярных исследователей Х. П. Лаптева, Ф. А. Минина, А. Ф. Миддендорфа, А. М. Кастрена, А. Э. Норденшельда, Ф. Нансена и дру-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 16-11-24009 а(р) и № 17-11-24603.

© Вдовин А. С., Лысенко Д. Н., Макаров Н. П., Заика А. Л., 2017

гих, описавших природу и географию региона, быт и нравы северных народов. С выделением археологии в самостоятельную отрасль науки с начала XX столетия внимание исследователей обращается и на исторические памятники в зоне Заполярья. Первые исследования русских поселений в Енисейском заливе Карского моря связаны с именем Н. К. Ауэрбаха.

Николай Константинович Ауэрбах, 125-летие которого со дня рождения отмечалось в 2017 г., известен как археолог, организатор науки в Сибири. В публикациях об ученом рассматривались различные периоды его жизни и деятельности [Макаров и др., 1995; Н. К. Ауэрбах. *Первый период...*, 1998; Вдовин и др., 2004; Вдовин, Макаров, 2015]. Круг научных интересов этого незаурядного исследователя был достаточно широк: археология, этнография, музейное и архивное дело, библиография и история.

Большой вклад ученый внес также в изучение проблем колонизации, освоения Енисея и Северного морского пути [Вдовин и др., 2007; Вдовин, Макаров, 2013]. Интерес к этой теме проявился у Н. К. Ауэрбаха в первых же его публикациях. Одна из них посвящена декабристам в Туруханской ссылке [Ауэрбах, 1917], вторая – хозяйственному освоению Енисейской губернии [Ауэрбах, 1918]. В последней на основании архивных данных исследователь дает описание рыбного промысла в окрестностях Красноярска в начале XVIII столетия. Хотя эти статьи и носили описательный характер, автором широко использовались архивные документы, что говорит о нем как о глубоком исследователе.

В 1918–1919 гг. после возвращения с фронта Н. К. Ауэрбах активно включается в деятельность Красноярского подотдела Русского географического общества, где избирается членом распорядительного комитета и становится сотрудником музея Приенисейского края. В это же время он корреспондент одной из влиятельных сибирских газет «Свободная Сибирь», на страницах которой публикует рецензии на исследования, посвященные Северному морскому пути и эксплуатации Норильских месторождений [Вдовин и др., 2005].

В 1920 г. Николай Константинович участвует в Норильской экспедиции Сибирского геологического комитета, которой руководил Н. Н. Урванцев, работает в гидрографическом отряде в устье Енисея. По заданию музея он собирает материалы по колонизации низовьев Енисея. Всё это послужило толчком к углубленному изучению Н. К. Ауэрбахом истории Енисейского Севера.

Большое внимание во время этой экспедиции Н. К. Ауэрбах уделяет сбору сведений о русских поселениях на Енисейском Севере. В своем дневнике он неоднократно обращается к этой теме: «...я говорил с председателем союза рыбопромышленников, его фамилия Осип Герасимович Прокотук, Красноярск, Почтамтский, 13. Им были даны следующие сведения: “Постройки, полуразвалившиеся домики встречаются, начиная от Казачьего (около Гольчихи) до Глубокой по р. Енисею. Они квадратные. Здесь не приходилось встречать утварь. Дом громадный, примерно сажень до 10 одна сторона, делится на части крестообразным коридором. четыре русских печи, листовые. В одном доме была вырезана надпись на неизвестном языке. А отпиленная гурка с этой надписью отправлена в Красноярский музей. Надпись была в пос. Ачеевском ниже Гольчихи. Обычно домики немного дальше от реки, чем нынешние, на холмике или на равнине, чтобы не было заносов. От Глубокой идут постройки другого типа, двухэтажные, внутри обычно покрытые тесом. Русская печка по[-]черному. Видимо, [занимались] битьем морских коров, белуг, потому что в крытом дворе построек масса костей, колоды для жиру. Иногда попадает посуда исключительно медная и ружья бандалеты. Был найден бандалет за Ефремовым камнем и Дисконот. Все постройки на правом берегу, на левом, говорят, тоже есть, и там должны сохраниться они в большей сохранности. Постройки до гавани Диксена. На Крестовском имеется кладбище, где лежат кресты на могилах с нерусскими надписями”» [Ауэрбах, 1920].

Во время встречи с Н. А. Бегичевым Ауэрбах записал: «Я расспросил его сперва об остатках старины, после ужина он начал рассказывать... 84° 18' сев[ерной] широты 118 зап[адной] долготы от Гринвича на острове Бегичева, Сизом (первое название Географич[еского] о[бществ]а) нашел в 1910 г. шахматы из кости, а когда развернул пол, то топоры секиры 5 шт. Хижина обыкновенная – поварня, без крыши, с земляной крышей, большая. Три клыка мамонта лежало в избе. Шахматы сработаны как будто на токарном станке из мамонтовой кости. Фигуры все такие же, как и теперь. У края моря, которое поднимало берег и часть избы, обрушилось. Некоторые бревна сгнили. На Севере лес сохраняется долго. Почти кругом всего острова 11 балаганов. 9 аргишей на оленях – вокруг острова, считаю около 10 тыс. кв. верст. Нансен считает, что площадь острова меньше. Балаганы разрушены до основания. При р. Анабаре крест, об этом говорят инородцы. При самом устье Пясины есть изба вполне сохранившаяся – в ней не был. Об этом говорил инородец, ходивший туда в позапрошлом году. Изба на острове сделана на две половины» [Ауэрбах, 1920].

Весной 1921 г. Н. К. Ауэрбах вновь отбывает в Туруханский край, теперь – как матрос Енисейского гидрографического отряда и по совместительству сотрудник музея. В этот период он продолжает собирать информацию о русских поселениях.

«Остатки избышек. 1) В 7–8 верстах к югу от мыса Бражникова (к югу Ефремова камня) заметил две вехи (две половины). 2) В 10 верстах к северу от избышки Осиповича речки (около Омудевской бухты) две избышки маленькие. 3) К югу от Исаченко – 2-этаж[ные] развал[ины]. <...> Записано со слов Тимофеевского. Развалины встречаются у мыса Исаченко. Между мысом Бражникова и Макаревича имеется речка и развалины (Митахо) у речки Осиповича, где станок Рагозинского недавней постройки. В Омудевской бухте станок “Волгино” однотипный

с нашей на 5 комнат. В Варгузинной бухте, говорят, была избушка в одну комнату, но теперь нет. Между Варгузинной бухтой и Крестовским мысом 2 станка – 1 Пусто-Троицкий у реки – совершенно обвалившийся, раскопки никем не производились, около Крестовского мыса (Крестовское)» [Ауэрбах, 1921].

Основным объектом исследования был тогда определен район р. Промысловой, где Н. К. Ауэрбах вместе с фотографом музея Приенисейского края А. В. Кудрявцевым раскапывает остатки зимовья русских промышленников – Малое.

Н. К. Ауэрбах описывает раскопки следующим образом: «3-го августа... Эти развалины копал [В. И.] Громов в прошлом году и вырыл во второй от входа (налево) комнате под скамьями сундук, в котором были женские вещи, полуистлевшие от времени и в том числе остатки песцовой шубки с шелковым верхом, слипшийся молитвенник, пожелтевший листок бумаги, исписанный чернилами (сложенный вчетверо и потому очень плохо сохранившийся), дающий возможность по отдельным видимым буквам отнести к концу XVIII столетия. Кроме того, под другой скамьей он нашел целую кузницу, причем на напильниках были английские марки. Во второй комнате (вторая справа) – обломок стола, стоявшего в теплом помещении. Окрестности богаты культурными остатками. Видны канавы для стока воды, может быть, они служили для осушения косы, лежащей перед избушкой. Сохранились около канавы остатки какого-то ворота. Около избушки валяются колоды для белужьего жира, череп белого медведя.

В этом году раскапывал в той же комнате, где и Громов, нач[альник] станции Тимофеевский. Он натолкнулся на шкаф, в котором были деревянные формы (круглые чашки) для хлеба и остатки ножей. В углу Тимофеевский нашел ружье, толстое.

Мои раскопки были неудачны. Шел дождик, глина, покрывающая избушку (от упавшего потолка), размякла, и копать было трудно при адском ветре. В первой комнате у входа налево я нашел под скамьей поплавки деревянные и берестяные для пушки русского типа, не [такие], как обычно делают их в Туруханском крае, а круглые. Во второй комнате прямо обнаружилась доска со звездой посередине. А. В. [Кудрявцев] думает, что это солнечные часы, я же думаю, что просто крышка скамейки...

21-го августа. Утром пошел раскапывать развалины избушки...

23-го августа. Несмотря на плохую погоду, рылся в развалинах. Вскрыл полки в комнатах № III и VII, мерзлота остановила работу, перешел в комнату № I. Копался весь день. Сперва вытаскивал обвалившиеся бревна потолка, потом шел по слоям до пола. Снимал по слойке. В левом углу наткнулся на винтовку, нож и кусок мамонтовой кости. находка меня подбодрила. К сожалению, к вечеру заболел зуб и заставил меня закончить работы преждевременно. А. В. трунил над моим увлечением раскопками, доказывая, что избушка не представляет никакого интереса и не может быть древней. Конечно, ей не 150 лет, всего 100.

24-го августа. ... Раскопки сегодн[ашнего] дня были менее удачны, чем вчера. Я копался в той же комнате, но в других участках, снимал землю послойно. Мог установить большое количество всякой посуды из дерева, бочек, кадок и поносок» [Ауэрбах, 1921].

Во время этой поездки Н. К. Ауэрбах проводит исследования еще не менее пяти объектов, в том числе раскопки избушки Рубенса XVIII–XIX вв.

Над полученными материалами исследователь продолжает работать в течение 1922–1924 гг. Правда, не все из собранных материалов Николай Константинович успел обработать. В печати же анализ архива появился долгое время спустя, и далеко не полностью.

Первая обзорная статья «К исторической археологии низовьев Енисея» была опубликована в 1923 г. [Ауэрбах, 1923]. В ней автор кратко останавливается на предшествующих работах Норденшельда, Сибирякова, Окулича, Нансена по изучению Севера, оставивших свидетельства о поселениях. Дает описание типичного жилища русских промышленников – зимовья, которое характеризует как постройку северного типа, с крытым двором, обычно из пяти-десяти помещений, как правило, – одноэтажную. Н. К. Ауэрбах отмечает интересный факт, что, по рассказам старожилов, «местные промышленники передают интересные сведения о развалинах: зимовья, ныне необитаемые, “пустые”, как их зовут на севере, тянутся по правому берегу Енисейского залива, начиная от Толстого Носа на расстоянии 15–50 верст друг от друга. Некоторые представляют из себя постройки различной степени сохранности, обычного северного типа, конечно, деревянные, с крытым двором в несколько – пять-десять отдельных помещений, из которых большинство – кладовые, склады – одним словом, службы. Другие постройки – двухэтажные. Таких немного: у Крестовского и еще на мысе Макаревича в северной части залива. В районе ниже Крестовского промышленники находили в таких пустых зимовьях всю обстановку жилья: посуду, оружие и всё в таком виде, будто жители оставили случайно и неожиданно» [Ауэрбах, 1923, с. 15].

По мнению Ауэрбаха, такая же участь постигла зимовье в устье Промысловой. Оно было заброшено, судя по материалам раскопок, в первой половине XIX столетия. Последними его обитателями была семья русских промышленников, которые сбежали на юг, спасаясь от эпидемии. «Прошлое Енисейского Севера понемногу раскрывается в таких исследованиях, но многое еще неясно. Пытливый ум найдет здесь много интересного, особенно этнограф, которому на севере открываются широкие поля для работы над живой стариной, исключительно устойчивой в стране холода и тундры», – так завершает Николай Константинович статью «К исторической археологии низовьев Енисея», не вошедшую в публикацию 1923 г. [Ауэрбах, 1923а].

Привлекая архивные данные, сопоставляя карты, исследователь приходит к выводу о том, что раскопанное им зимовье принадлежало туруханскому Троицкому монастырю до секуляризации 1764 г. и было известно под именем «Малое». Вообще, метод сопоставления различных источников – археологических, письменных, картографических – весьма характерен для Н. К. Ауэрбаха.

В последующие годы Николай Константинович неоднократно обращался к теме Енисейского Севера [Ауэрбах, 1927, 1928, 1929]. Для первой четверти XX в. выводы ученого были новыми. Так, его отчет о раскопках зимовья Малое в устье р. Промысловой фактически положил начало археологическому изучению проблемы освоения Енисейского Севера первыми русскими землепроходцами. Анализируя археологические и архивные материалы по истории колонизации Енисея, исследователь делает новаторский вывод о возникновении в этом регионе поселений русских в XVI в., еще до постройки Мангазеи.

Интерес к русским поселениям не ослабевает и в середине XX в. В 1945 г. были проведены раскопки зимовьев промышленных людей в заливе Симса и на о. Фаддея [Окладников, 1951]. Обнажения культурного слоя в Хатанге осмотрены в 1976 г. М. И. Беловым. Им же дана историческая сводка об известных зимовьях на восточном Таймыре. Более того, им впервые в СССР опубликован лист из «Хорографической книги Сибири» С. У. Ремезова с расшифровкой части, касаемой русских зимовьев в восточной части Таймыра [Белов, 1977, с. 58, 62]. В 1970–1980-е гг. на Таймыре ведет активную исследовательскую деятельность Л. П. Хлобыстин. Им на территории полуострова выявлено свыше 200 памятников археологии, в том числе начаты палеоэтнографические исследования объектов Нового времени [Грачева, 1990, с. 24–26]. В 1988–1989 гг. в районе Авамо-Тагенарского волока работала комплексная экспедиция Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) под руководством В. И. Козлова. За два года работ было обследовано 72 исторических места различных типов – зимовья, кладбища, культовые места и т. д.

В последнее время интерес к славянским поселениям в Арктике связан с изучением исторических памятников периода деятельности Второй Камчатской экспедиции [Исторические памятники..., 2002; Визгалов, 2013]. Для уточнения времени сооружения деревянных построек в низовьях р. Хатанги В. С. Мыгланом проводились дендрохронологические исследования [Мыглан, Ваганов, 2005].

В настоящее время активизировалась краеведческая работа по поиску и сбору сведений об исторических памятниках Таймыра [Троицкий, 1975]. Летом 2016 г. совместным отрядом Клуба исследователей Таймыра, Красноярского пединститута имени В. П. Астафьева, ООО «Красноярская Геоархеология» были проведены рекогносцировочные работы в устье Рыбной (западные отроги плато Путорана). Обследована территория станка Норильский (Часовня) и долганское кладбище 30-х гг. XX в. [Курилова, 2016, с. 9].

Первое упоминание о станке Норильском содержится в дневниковых записях Х. П. Лаптева от марта 1742 г.: «Приехали на устье р. Норильской, по которой ехали вверх 10 верст в Норильское зимовье ночевать» [Денисов, 2009, с. 65]. Видимо, уже тогда станок входил в систему населенных пунктов Хатангского тракта. В 1884 г. название «станок Норильский» впервые появилось на государственных топографических картах [Там же, с. 101, 102].

В 1920 г., по свидетельству геолога Н. Н. Урванцева, станок практически стал нежилым. «Путь сначала шел к устью Рыбной, где стоит старинная часовня. Там раньше приезжавший раз в год миссионер-священник разом выполнял все требы: крестил давно родившихся, венчал поженившихся и отпевал похороненных. Теперь часовня пустует, но всё равно это место так и именуется – Часовня. Здесь дудинский житель К. В. Пуссе поставил дом и рыбачит» [Урванцев, 1978, с. 21]. В дальнейшем станок Норильский постепенно стали называть просто «Часовня», а название «Норильск» перекечовало к Рудничному поселку, расположенному на месте современного Норильска. С 1930 г. Норильск административно относился к Норильско-Пясинскому кочевому совету с центром в Часовне (статус города Норильск получил в 1953 г.). В последующем станок переименовывается в колхоз имени Красной Армии и становится местом базирования многочисленных изыскательских экспедиций. В настоящее время от былого хозяйственного всплеска сохранились остатки построек, разбросанных вдоль береговой кромки. Несмотря на активное техногенное воздействие, которое нарушило кровлю покровных отложений и береговую эрозию, удалось выявить участки с сохранившимся культурным слоем XIX в. Найдены бой стеклянной посуды, аптечные флаконы, фрагменты кожаной обуви и обрести. И хотя результаты работ оказались скромными, они показали перспективность дальнейших исследований поселенческих памятников русского времени, скрытых под поздними техногенными напластованиями.

Возрастающий интерес к арктическому региону актуализирует вопросы выявления, изучения и сохранения исторических памятников на Таймыре, поднятые около 100 лет назад Н. К. Ауэрбахом. С целью популяризации историко-культурного наследия региона необходимо уже сейчас предпринимать меры по их музеефикации и вовлечению в сферу культурного туризма. В данном случае перспективна разработка, например, проекта музея-заповедника «Хатангский тракт» (на уровне серийного номинирования памятников).

«Большая русская дорога» (Хатангский тракт) была проложена через Таймыр, соединив низовья Енисея (Дудинка) и Якутию (низовья Анабары и Лены). Вдоль тракта располагались на расстоянии дневного перегона оленьей упряжки (25–30 км) относительно постоянные поселения – станки. Они имели свои названия, были нанесены на карты. На многих станках стояли избы или группы изб. На базе их в советское время, в период, предшествовавший коллективизации (до 1938–1939 гг.), создавались фактории торгово-заготовительных организаций. Именно

здесь, видимо, в конце XVIII – начале XIX вв. на зимних станках и летовках «складывались совместно живущие, кочующие и совместно ведущие свое хозяйство группы семей самого разного происхождения, но говорившие на одном языке и создавшие явственное единство своей материальной и духовной культуры. Вся эта зона была своеобразным реактором, в котором самое различное по происхождению население консолидировалось в единообразную массу долган» [Долгих, 1963, с. 96]. Соответственно, поиск, исследование и сохранение исторических поселений на Таймыре открывают широкие перспективы для изучения и популяризации истории русского освоения Енисейского Севера, этнической истории северных народов.

Ауэрбах Н. К. Дневник 1920 г. // ИАЭТ СО РАН. Б. н. Архив семьи Ауэрбах.

Ауэрбах Н. К. Дневник 1921 г. // ИАЭТ СО РАН. Б. н. Архив семьи Ауэрбах.

Ауэрбах Н. К. К исторической археологии низовьев Енисея. 1923а // ИАЭТ СО РАН. Б. н. Архив семьи Ауэрбах.

Визгалов Г. П. Проведение археологических работ на территории объекта культурного наследия регионального значения «Остатки базового поселка 1739 г. отряда землепроходца Лаптева Харитона Прокопьевича» в Таймырском Долганско-Ненецком муниципальном районе Красноярского края в 2012 г. : отчет о научно-исследовательской работе. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Нефтеюганск, 2013. 105 с. // Архив ООО «НПО «Северная археология». Б. н.

Ауэрбах Н. К. Архив Туруханского монастыря // Сибирские огни. – 1927. – № 4. – С. 213–214.

Ауэрбах Н. К. Заселение и развитие промыслов в низовьях реки Енисея. – Красноярск : Краснояр. гостип., 1929. – 30 с.

Ауэрбах Н. К. Зимовье в бухте Промысловой Енисейского залива // Северная Азия. – 1928. – № 5–6. – С. 125–146.

Ауэрбах Н. К. К исторической археологии низовьев Енисея // Этнографическое бюро Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества. – 1923. – № 4. – С. 14–16.

Ауэрбах Н. К. Материалы по истории декабристов (декабристы в Туруханском крае). – Красноярск : [Б. и.], 1917. – 7 с. Отд. оттиск из журнала «Сибирские записки». – 1917. – № 6. – С. 84–90.

Ауэрбах Н. К. Материалы по истории Енисейской губернии // Сибирские записки. – 1918. – № 2–3. – С. 39–41.

Белов М. И. Первое русское поселение на Таймыре (к 350-летию Хатанги) // Известия Всесоюзного Географического общества. – 1977. – Т. 109, вып. 1. – С. 56–63.

Вдовин А. С., Гуляева Н. П., Макаров Н. П. «Н. А.» – корреспондент газеты «Свободная Сибирь» в 1918–1919 гг. // Актуальные вопросы истории Сибири : Пятые науч. чтения памяти проф. А. П. Бородавкина. – Барнаул, 2005. – С. 164–166.

Вдовин А. С., Гуляева Н. П., Макаров Н. П., Н. К. Ауэрбах – исследователь истории освоения Енисейского Севера // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: историко-археологические исследования. – Владивосток, 2007. – Т. 5, ч. 2. – С. 290–296.

Вдовин А. С., Гуляева Н. П., Макаров Н. П. Этнографические интересы Н. К. Ауэрбаха // Этнос Сибири. Прошлое, настоящее, будущее. – Красноярск, 2004. – Ч. 2. – С. 103–107.

Вдовин А. С., Макаров Н. П., Н. К. Ауэрбах и истоки русской археологии Севера Приенисейской Сибири // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи. – Екатеринбург ; Сургут, 2013. – С. 224–226.

Вдовин А. С., Макаров Н. П., Н. К. Ауэрбах – ученый и организатор науки в Сибири // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 3 (48). – С. 17–26.

Грачева Г. Н. Палеоэтнографические исследования в Арктике // КСИА. – 1990. – № 200. – С. 21–27.

Долгих Б. О. Происхождение долган // Сибирский этнографический сборник. – М., 1963. – С. 92–141.

Денисов В. В. Хронология Таймыра: хронология исторических событий генезиса Таймыра и Норильского района. – Норильск : АПЕКС, 2009. – 224 с.

Исторические памятники Второй Камчатской экспедиции. – М. : Науч. мир, 2002. – 216 с.

Курилова Л. Н. На сто лет старше // Неизвестный Норильск. – 2016. – № 25. – С. 8–11.

Макаров Н. П., Вдовин А. С., Щербакова Н. П., Н. К. Ауэрбах – как археолог // Третьи исторические чтения памяти М. П. Грязнова. – Омск, 1995. – Ч. I. – С. 57–61.

Мыглан В. С., Ваганов Е. А. К вопросу о датировке исторических памятников на Таймырском полуострове: дендрохронологический и исторический аспекты // Вестник КрасГУ. – 2005. – № 5. – С. 176–182.

Н. К. Ауэрбах. Первый период научной деятельности (1918–1923 гг.) / *Н. К. Ауэрбах, А. С. Вдовин, Н. П. Макаров, Н. П. Щербакова* // Межмузейный сборник. – Красноярск, 1998. – С. 52–60.

Окладников А. П. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. – Л. ; М., 1951. – С. 7–40.

Троицкий В. А. Русские поселения на Севере Таймыра в XVIII веке // СЭ. – 1975. – № 3. – С. 122–126.

Урванцев Н. Н. Таймыр – край мой северный. – М. : Мысль, 1978. – 238 с.

A. S. Vdovin¹, D. N. Lysenko², N. P. Makarov³, A. L. Zaika¹

¹Krasnoyarsk State Pedagogical V. P. Astafiev University,

²Research and Production Association "Archaeological Engineering and Research", Ltd., Krasnoyarsk,

³Krasnoyarsk Regional Museum

“THE PAST OF THE NORTHERN YENISEI IS GRADUALLY BEING UNEARTHED”: THE HISTORY AND PERSPECTIVES FOR EXPLORING RUSSIAN SETTLEMENTS

The following paper discusses the archeological works of N. K. Auerbakh in the 1920's, conducted in the settlements of the Russian starozhil (first inhabitants) in the north of the Krasnoyarskii krai. Recent archeological expeditions have significantly contributed to existing historical knowledge. It has been discovered that the Lower Yenisei had a scattered population. The Russian settling in this territory began early as a result of hunting expeditions to these northern regions. Many historical sites are currently in very poor conditions. There is certain perspective for the discovery and exploration of Russian settlements that have been buried under layers of more recent historical epochs. The paper proposes new measures for the preservation and popularization of historical sites, including them into the sphere of recreational outdoor activities. A perspective project in the "Khatanga Way" open-air museum, which will demonstrate the history of Russian advancement into the Taimyr, historical aspects of the history of local peoples.

Keywords: N. K. Auerbakh, Russian exploration of the Taimyr and northern Yenisei, history of exploration, ethnography, museufication.

УДК 902:470.54

С. Н. Погорелов

Уральское общество краеведов, Екатеринбург

ИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ НЕКРОПОЛЕЙ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

С 2000 по 2016 гг. подразделением по городской археологии Научно-производственного центра по охране памятников истории и культуры Свердловской области проведен ряд исследований некрополей в исторических городах области. Все изыскания имели охранно-спасательный статус. Обследованы и изучены отдельные погребения, погосты при церквях и старые кладбища в острогах, крепостях, монастырях и городах, всего на 28 объектах историко-культурного и археологического наследия. Научные работы проведены в Екатеринбурге, Верхотурье, Туринске, Ирбите, Камышлове, Арамиле, Невьянске, Каменск-Уральском, Красноуфимске, Березовском, Ревде, Нижних Сергах и селах Калиновское Камышловского района и Миронова Артемовского района. Погребения, совершенные в колодах, бересте, гробах и дополнительно в склепах, датируются XVII – первой половиной XX вв.

Ключевые слова: городская археология, исторические города, Свердловская область, изучение некрополей XVII–XX вв., сохранение объектов культурного наследия, итоги работ.

Исследования некрополей в Свердловской области проводило подразделение по городской археологии Научно-производственного центра (НПЦ) по охране памятников истории и культуры Свердловской области в 2000–2016 гг. до его оптимизации (уволнили две трети сотрудников НПЦ и сотрудников восьми филиалов в исторических городах области).

2000 г. При раскопках Ипатьевской усадьбы (строительство Храма на Крови), под снесенным домом (ул. К. Либкнехта, 47), где в 1918 г. убили царскую семью, обнаружили погребение женщины и младенца (погоста Вознесенской церкви, 1766–1792 гг.). Останки отобраны представителями УВД города [Погорелов, 2013, с. 189–205].

2002 г. Изучили 14 могил на ул. К. Либкнехта (первое кладбище Екатеринбургской крепости-завода (1720 г. основания, далее – г. о.) – «Заречное» (1726–1770-е гг.) прихода церкви Святой Екатерины (1726–1745 гг.) и Екатеринбургского собора (1747–1930 гг.), десятки – уничтожены строительством дороги. Останки не перезахоронены.

2002–2014 гг. Начали исследование Монастырского кладбища (1830–1920-е гг., к 1940-м гг. снесено) в Ново-Тихвинском женском монастыре (1809–1930 гг., с 1993 г. по сей день). Вокруг Александроневского собора (1814 г. о.) изучены более 200 погребений. Идентифицированы игуменьи Александра (1826–1858 гг.) и Агния (1893–1895 гг.); минцмейстер Екатеринбургского монетного двора (ЕМД), берг-гауптман, помощник главного начальника екатеринбургских заводов И. Ф. Фелькнер (а также его жена и четыре дочери); минцмейстер ЕМД,

берг-гауптман, помощник главного начальника екатеринбургских заводов И. И. Колобов и дочь Вера, родня – Мария Ювенальевна (1840–1860); обер-берг-мейстер, помощник главного начальника екатеринбургских заводов И. И. Ленартцен (1820–1870), а также жена Анна Михайловна (1830–1863); ученый-энциклопедист Н. К. Чупин (1824–1882); глава Екатеринбурга А. А. Черкасов; купец 1-й гильдии, промышленник, надворный советник, дважды глава Екатеринбурга М. А. Нуров (1832–1880), а также мать, жена К. И. Нурова (1845–1917), внучка (?); начальник канцелярии главного начальника екатеринбургских заводов коллежский асессор В. И. Ильин; врач В. А. Доброхотов; штабс-капитан А. В. Гилев; мать М. С. Мамина, племянница Т. Удинцева (умерла в 1815 г.) и брат, присяжный поверенный В. Н. Мамин (1863–1909) писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка, служащие монастыря протоиереи о. Крискент, о. Григорий, о. Николай, монахиня Е. Кожевникова и др.

По обломкам памятников мы определили личности: А. П. Поносов (1840-е гг.) – сын берг-инспектора корпуса горных инженеров П. И. Поносова; Е. Грехова (1820–1833) – дочь титулярного советника Я. Я. Грехова; урядник А. В. Наумов (1862–1897), жена Серафима Ивановна (1875–1897), дочь Амфия (1897); К. Андреянов – сын Сухотина (1786–1837), Д. А. Полякова (?), Е. А. Самонова (1842). По редкой находке чугунной надгробной плиты узнали об «Екатеринбургских рот» отставном прапорщике И. В. Саламатове (1696 г. р.). Вторая плита принадлежит Александру (1801), – сыну надворного советника И. М. Енгелгардта [*Погорелов*, 2005, с. 204–211].

Историк-краевед В. К. Некрасов (умер в 2008 г.) по архивным данным установил более 100 известных фамилий погребенных: Ошурковы, Злоказовы, Деви, Иосса, Европеус, Ардашевы, Жиряковы, Телегины, Турчаниновы-Саломирские и др. [*Некрасов*, 2000, с. 238–247].

На Успенском кладбище (1772–1830-е гг.) монастыря у Успенской церкви (1782 г. о.) исследовали 54 погребения (2012–2014 гг.). Были идентифицированы основательница монастыря игуменья Таисия (1811–1826), игуменья Магдалина (1858–1893); строитель церкви, купец 1 гильдии, промышленник И. И. Хлепетин (начало XVIII в. – 1783 г.) с женой П. Постниковой (середина XVIII в. – 1782 г.). Нашли два каменных памятника с участка рода Граматчиковых: Анна Андреевна (умерла в 1824 г.), жена статского советника Федора Илларионовича (1738–1797) – управляющего ряда заводов, Екатерининским монетным двором, Березовскими золотыми промыслами, главного начальника екатериненских заводов; их сын маркшейдер Петр (1778–1825) – смотритель Екатеринбургской опытной промывальной фабрики, старший член Монетной экспедиции, его жена Авдотья Дмитриевна (1793–1861). Основателем горной династии был И. П. Граматчиков (1703 г. р.) – плотинный мастер (плотины Верх-Исетского, Алапаевского и других заводов), шихтмейстер [*Погорелов*, 2015а, с. 185–194].

Часть останков погребли на кладбище «Лесное». В 2015 г. перезахоронены все игуменья у Александроневского собора. Правивший ранее архиерей Викентий обещал оставить всех в монастыре на элитном кладбище под новой часовней с памятной плитой определенных фамилий. Возглавляющий сейчас епархию митрополит Кирилл к этому вопросу безразличен.

2002–2015 гг. Исследовали 484 погребения 2-го Немецкого кладбища (католический, лютеранский с 1770-х гг., еврейский с 1840 г. и советский участки до 1975 г.) на ул. Блюхера (одноименный парк). Здесь упокоены известные на Урале управляющий Екатеринбургской гранильной фабрикой генерал Вейц, кандидат права Хволос, врач, меценат Котелянский, промышленник Перетц и др. По обнаруженным памятникам установлены 98 фамилий усопших. Останки перезахоронены в братской могиле на историческом месте. Планируемый властями «Парк памяти» не создали, но уже трижды продавали земли парка-кладбища под строительство, вырубали часть аллеи, построили высотный дом [*Погорелов*, 2012, с. 119–127].

2005–2006 гг. Изучены 12 погребений 1-го Богоявленского кладбища (пр. Ленина – ул. Вайнера, 1740-е гг. – конец XVIII в.) прихода церкви Святой Анны (1733–1735 гг.) и церкви Явления Господня (1745–1778 гг.). В XVIII в. погост уже стал застраиваться, в XIX в. – каменными особняками (памятники архитектуры). Недавно их снесли и возвели торгово-развлекательный центр «Европа», часть погребений уничтожили. Останки не перезахоронены.

2007–2008 гг. Строительством высотки разрушили старообрядческое кладбище (XVIII в. – 1920-е гг.), названное в честь купцов Рязановых – известной династии в регионе, они семь раз (чаще всех) избирались городскими головами. Здесь покоились представители купеческих и промышленных династий Урала: Расторгуевы, Харитоновы, Казанцевы, Бородины, Зотовы, Толстиковы, Тарасовы, Баландины, Романовы, Нуровы и другие, в том числе 14 глав Екатеринбурга. Первым котлованом уничтожили более 500 погребений по центральной аллее. Мы зафиксировали в котловане более десятка разрушенных захоронений. Куда вывезли останки, выяснить не удалось.

2007–2014 гг. Мы обнаружили и изучили место уничтожения и сокрытия останков убитых царских детей Николая II Романова – цесаревича Алексея и великой княжны Марии. Нами определено, что группа Я. М. Юровского оттащила тела Алексея и Марии в лес от Поросенкова лога, где под Коптяковской дорогой закапывали девять тел остальных жертв. В лесу большевики выкопали прямоугольную неглубокую яму в глинистой почве, положили в нее друг на друга тела. Затем принесли один японский кувшин с серной кислотой, облили тела. После этого собрали ветки, разломали ящик из-под кувшина, обложили обломками тела, облили керосином и подожгли, используя пластиковую расческу. Жгли несколько часов, разрубая лопатой горевшие тела. Под утро на полкостра выкопали яму, сгребли туда все останки и артефакты, закопали и сверху вновь развели костер для маскировки. Большую часть разбитого кувшина разнесли по лесу и прикопали [*Эхо царевубийства...*, 2007, с. 115–120]. Вероятно, «сомневаться» больше возможности нет, и после многолетнего отрицания наших открытий (и А. Н. Авдониной

с Г. Т. Рябовым) весной 2017 г. останки царской семьи всё же должны будут признаны Русской православной церковью, а там и светская чиновничья власть перестанет умалчивать итоги наших работ (?).

2007–2008 гг. Обнаружили и раскопали (улицы 8 Марта – Малышева) фундаменты Максимилиановской церкви (Большой Златоуст, 1847–1930 гг.). Рядом нашли могилу настоятеля – митрофорного протоиерея И. Д. Знаменского (умер в 1910 г.), он же настоятель Святодуховской церкви (Малый Златоуст, 1755 г. о.), попечитель духовных училищ, гласный городской думы, кавалер орденов, награжден золотой митрой. Мы решили вопрос с епархией о сохранении могилы на историческом месте, этому помогло и возведение рядом нового Большого Златоуста. Вместо нашего деревянного креста над могилой вскоре установили каменный. Неожиданным стало обнаружение под склепом И. Д. Знаменского захоронения мужчины, вероятно 1720 г., когда при В. Н. Татищеве здесь началась вырубка и заготовка леса для создания площадки под строительство будущего завода-крепости [Погорелов, 2015б, с. 178–184].

2008 г. При ремонте Площади 1905 г. строители начали разрушать погост при церкви Явления Господня. В аварийном режиме мы исследовали все 50 захоронений за ее алтарем. Определены восемь погребений чиновников горного ведомств и могила (перед архиерейским входом) первого настоятеля Феодора Афанасьева (умер в 1747 г.). Останки не перезахоронены.

2008 г. Исследования проведены на месте (пр. Ленина) церкви Святой Екатерины и Екатерининского собора (прокладка коммуникаций). Зафиксированы 10 могил, изучена одна нарушенная траншеей. Изыскания остановлены в связи с отказом от строительства нового храма. Останки не перезахоронены.

2009–2010 гг. На действующем Ивановском некрополе (1810 г. о.) по инициативе бизнесмена и мецената В. А. Лобанова (умер в 2015 г.) началась реставрация памятника Л. И. Брусницына (1784–1857) и его сына Ивана (1828–1855). Мы изучили их могилы [Погорелов, 2014, с. 164–169]. Открытие россыпного золота в России (1814 г.) Л. И. Брусницына вывело страну на первое место в мире по добыче золота. В 2014 г. останки при участии потомков перезахоронили у Успенской церкви (1868 г. о.) г. Березовского (1748 г. о.), а в 2016 г. недалеко был установлен бронзовый памятник Л. И. Брусницыну (автор К. В. Грюнберг).

2011 г. Обследовали некрополь (1831–1955 гг.) в районе бывшего с. Шарташ (1672 г. о.). Объект подвергается разрушению (слом памятников, подрезание дорог, застройка коттеджами). Выявили 27 сломанных мраморных памятников и остатки двух деревянных крестов XIX в. Охранные работы провести не дали.

2015–2016 гг. На месте парка-кладбища «Коммунаров, павших в борьбе за свободу» (исторический и природный памятник, пр. Ленина – бульвар ВИЗ – ул. Репина) начали строить авторазвязку к чемпионату мира по футболу (2018 г.), несмотря на то что все, от краеведов до властей, считали, что парк насыщен могилами героев Гражданской войны, жертв репрессий 1930-х гг., умерших в госпиталях солдат Великой Отечественной войны. Это подтвердили изыскания (2006–2008 гг.) ГОУ НПП «УралСейсмоЦентр», ОАО «Проектный НИИ изысканий в строительстве», Института геофизики УрО РАН, МГУ имени М. В. Ломоносова, обнаружившие 10 братских захоронений и ряды одиночных.

Наши исследования установили: захоронений 1930-х и 1940-х гг. нет, десятка братских могил времен Гражданской войны нет, а есть один участок (пять-шесть рядов одиночных могил) с погребениями 30 (больше?) большевиков; первые могилы появились не в 1919 г. (по паспорту памятника), а в 1918 г. Также половина указанных на каменной плите мемориала красноармейцев, погибших при подавлении восстания генерала А. И. Дутова, захоронены в других местах. Нашли данные о других «забытых» героях (по причине их связи с будущими «врагами народа»). Здесь похоронены: 1918 г. – комполка Н. Родионов, его адъютант (?); 1919 г. – секретарь Уралобкома РКП(б) Л. И. Вайнер, комполка 29-й дивизии В. М. Осипычев, большевик А. Смановский, школьный учитель, революционерка Р. В. Полежаева; 1920 г. – член Уралсовета, председатель правления национализированных заводов Урала А. А. Кузьмин, сотрудница уездного комитета РКП(б) З. Ф. Быкова-Осколкова, член Екатеринбургского комитета РКП(б) С. И. Дерябина; 1921 г. – член Президиума Екатеринбургского губпрофсовета А. П. Валов, член Екатеринбургского губисполкома С. Е. Волков; 1922 г. – член екатеринбургского комитета РКП(б) Я. Н. Элиасберг; 1923 г. – член коллегии Ревтрибунала при 57-й дивизии Кац; 1924 г. – большевик, основатель Южнорусского рабочего союза в 1874 г. В. Я. Мрачковский, большевик Нагорничевский и др. Мемориал сохранен на историческом месте, но останки нарушили коммуникациями.

2016–2017 гг. Новой дорогой (улицы Татищева – Токарей) к чемпионату мира по футболу уничтожено первое православное кладбище Верх-Исетского завода-поселения, основанного при Г. В. де Геннине (с 1725 г. и до настоящего времени). Исследовали 10 погребений. Сотни могил, несмотря на открытие, законы, участие прокуратуры, уничтожены.

Исследования некрополей мы провели и в ряде исторических городов области [Погорелов, 2010, с. 29–33].

2000–2001 гг. Остановив стройку на площади 25-летия Октября, разрушавшую некрополь в Каменск-Уральске (1701 г. о.), изучили 44 погребения XVIII в. прихода Трехсвятской церкви (1701–1813 гг.) Каменского завода-крепости. Всё найденное передано в краеведческий музей [Погорелов, 2002, с. 118–121]. На другой застраиваемый некрополь (на территории Каменск-Уральского металлургического завода) доступа не получили.

2000 г. Обнаружили и исследовали могилы святых о. Л. Ершова и о. А. Малиновского (умер в 1918 г.) у Святотроицкой церкви (1804 г. о.) в Красноуфимске (1781 г. о.). Останки переданы служителям.

2002 г. Аварийными раскопками изучили 26 погребений около демидовского завода-крепости Ревды (1734 г. о.). Некрополь XVIII в. разрушен новыми заводскими цехами. Зафиксировали также, что на месте Михайлоархангельской церкви (1826–1964 гг.) снесены склепы представителей династии Демидовых и участок погоста.

2004 г. Разведкой в Туринске (1600 г. о.) обнаружили место Крестовоздвиженского собора (1765–1940-е гг.) и участки захоронений. В 2007 г. изучили 54 погребения XVIII – начала XIX вв. за алтарями храма. Среди них искомой могилы святого о. Феодора нет. Исследования приостановлены, останки переданы представителям епархии [*Погорелов*, 2011, с. 130–148].

2005 г. Человеческие останки из разрушенных строительствами погребений мы зафиксировали на центральной площади и у р. Ирбит в старой части Ирбита (острог 1631 г. о.). Раскопки не проведены.

2007–2008 гг. В. А. Лобанов реставрировал памятник-ротонду на Успенском кладбище Березовского. Мы в ней изучили захоронения представителей семьи князя С. Д. Эристави и породненных из семьи И. К. Кокшарова – коменданта и управляющего Березовскими золотыми приисками. В двух склепах найдены останки княгини Марии Гавриловны (умерла в 1835 г.), ее дочери княжны Варвары (умерла в 1827 г.). Могилы были разграблены в 1950-е гг. Поверхностное захоронение сына И. К. Кокшарова Павла полностью уничтожено. Останки перезахоронены на месте при участии потомков.

2008 г. Строители в Невьянске (1801 г. о.) снесли более 50 погребений некрополя Невьянской крепости-завода (Демидовых – Яковлевых) и часть развалин Спасо-Преображенской церкви (1710–1826 гг.). В новых траншеях и котлованах изучили 41 погребение. Останки не перезахоронены.

2010–2015 гг. В связи с планируемой реставрацией изучены около 100 захоронений XVII–XIX вв. за алтарями церкви Верхотурья: старой Покровской (1744 г. о.), Рождественской (1754 г. о.), Воскресенской (1786 г. о.), Знаменской (1781 г. о.) и в кремле (1698 г. о.). Исследовано погребение младенца верхотурского воеводы (начало XVIII в.) в Свято-Троицком соборе (1702 г. о.). Останки переданы для перезахоронения, артефакты – в историко-архитектурный музей-заповедник.

2011 г. Проведено разведочное обследование места некрополя в Нижних Сергах (завод-крепость 1734 г. о.) у церкви Святодуховской (1744–1782 гг.) и Святотроицкой (1782–1934 гг.). Изыскания приостановлены.

2012 г. Обследовали территорию некрополя у церкви Святого Георгия Победоносца (1801 г. о.) в с. Миронова Артемовского района Свердловской области. В новых коммуникационных траншеях зафиксированы и изучены более 30 захоронений. Останки переданы в храм.

2012–2013 гг. Провели разведку на месте некрополя Арамилевского острога (1675 г. о.), на территории Святотроицкого храма (1784 г. о.) в Арамиле. Обнаружены ряды захоронений. Изыскания приостановлены представителями епархии.

2014 г. Провели обследования у Рождественской церкви (1787 г. о.) с. Калиновского (1674 г. о.) Камышловского района. Определены границы ограды храма, территория окружающего некрополя, выявлены первые ряды могил (12) за алтарями. Исследования приостановлены.

2015 г. При обследовании Свято-Николаевского мужского монастыря (1604 г. о.) нашли фундаменты церкви Святого Неофита (1867–1930-е гг.) и мощи святых схимонаха Илии (Чеботарев) и архимандрита Арефы (Катаргин). Могилы (1918 г.) канонизированных монахов Иакинфа (Питателев), Каллиста (Опарин) и иеромонаха Аполлинария (Мосалетин) не обнаружены. Исследования приостановлены.

Еще на ряде объектов выявили чугунные надгробные плиты. На верхотурском некрополе рядом с Успенской церковью (1799 г. о.) по спасенной из металлолома плите установили наличие могилы Д. А. Второва (1805–1843), Рязанской губернии с. Ловец свободного земледельца. В пос. Быньги (до 1704 г.) Невьянского района нашли самую большую плиту (0,9 × 1,9 м) у церкви Святого Николая Чудотворца (1789 г. о.) и определили могилу пресвитера Т. Г. Пономарева (1777–1829), награжденного наперсным крестом за 1812 г. В ограде церкви Покрова Пресвятой Богородицы (1883 г. о.) в Каменск-Уральском по плите установили наличие могилы гиттенфервальтера Ивана Ченанкова (?) жены Дарьи Петровны (1725–1755).

Итого за период с 2000 по 2016 гг. удалось провести изыскания и исследования на 28 объектах историко-культурного и археологического наследия (XVII – середина XX вв.): отдельных погребениях, погостах при церквях, старых кладбищах в острогах, крепостях, монастырях и городах (в колодах, бересте, гробах, склепах). Научные работы проведены в Екатеринбурге, Верхотурье, Туринске, Ирбите, Камышлове, Арамиле, Невьянске, Каменск-Уральском, Красноуфимске, Березовском, Ревде, Нижних Сергах и селах Калиновское и Миронова.

Некрасов В. К. Некрополи старого Екатеринбурга // Уральская старина: литературно-краеведческие записки. – Екатеринбург, 2000. – Вып. 4. – С. 238–247.

Погорелов С. Н. Архитектурно-археологические исследования культовых объектов в исторических городах Свердловской области // Православие в судьбе Урала и России: история и современность. – Екатеринбург, 2010. – С. 29–33.

Погорелов С. Н. Архитектурно-археологические исследования на месте храма Большой Златоуст // Православие на Урале: связь времен. – Екатеринбург, 2015б. – С. 178–184.

Погорелов С. Н. Л. И. Брусницын – первооткрыватель россыпного золота России (новые открытия и исследования в теме золота) // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск ; Тюмень ; Екатеринбург. – 2014. – Т. 1. – С. – 164–169.

Погорелов С. Н. Некоторые итоги новых исследований Успенского и Монастырского некрополей Ново-Тихвинского монастыря // Православие на Урале: связь времен. – Екатеринбург, 2015а. – С. 185–194.

Погорелов С. Н. Охранные исследования захоронений Ново-Тихвинского женского монастыря // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2005. – С. 204–211.

Погорелов С. Н. Погребенные Второго Немецкого кладбища г. Екатеринбурга // Уральский родовед. – Екатеринбург, – 2012. – Вып. 11. – С. 119–127.

Погорелов С. Н. Предварительные итоги исторических исследований территории Ипатьевской усадьбы в 2000–2001 гг. // Православие на Урале. Вехи истории. – Екатеринбург, 2013. – С. 189–205.

Погорелов С. Н., Святков В. Н. Захоронения первопоселенцев г. Верхотурья и Каменска-Уральского // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2002. – С. 118–121.

Погорелов С. Н., Попов В. А., Святкова Е. О. Археологические исследования исторического города Туринска в 2004 и 2007 гг. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Пермь, 2011. – Вып. VII. – С. 130–148.

Эхо царевийства: открытие на Старой Коптяковской дороге / С. Н. Погорелов, Д. И. Ражев, Е. А. Курлаев, Н. Г. Ерохин // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург, 2007. – № 17. – С. 115–120.

S. N. Pogorelov

Ural Society of Local Historians, Yekaterinburg

FROM THE RESEARCHES OF THE NECROPOLIS IN SVERDLOVSK REGION

From 2000 to 2016 by division of scientific production center for protection of historical and cultural monuments in Sverdlovsk region there were held series of necropolis researches in the historical towns of the region. All studies had a protective and survival status. There were searched and explored individual burials, churchyards and old stockade's cemeteries at the fortresses, monasteries and towns, in all 28 sites of historical, cultural and archaeological heritage. Research operations were carried out in the cities and towns, such as Yekaterinburg, Verkhoturye, Turinsk, Irbit, Kamyshlov, Aramil, Nevyansk, Kamensk-Uralsky, Krasnoufimsk, Beryozovsky, Revda, Nizhnie Sergi, and villages Kalinovskoye of Kamyshlov and Mironovo Artyimovsky districts. Burials, which were made in log decks, in birch barks, coffins and additionally in tombs are dated from 17th to the first half of the 20th century.

Keywords: urban archaeology, historical towns, Sverdlovsk region, research of 17–20th centuries cemeteries, preservation of cultural heritage's objects, results of operations.

УДК 902.34:069.44

М. Ю. Визгалова

Институт археологии имени А. Х. Халикова, Казань

ПОДХОД К СИСТЕМАТИЗАЦИИ И ИЗУЧЕНИЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК ИЗ РАСТИТЕЛЬНОГО ВОЛОКНА НА ПРИМЕРЕ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЛЫКА С ОСТРОВА-ГРАДА СВЯЖСКА (XVI–XVIII века)

В статье отражен подход к систематизации изделий из растительных волокон типа лыка, ранее не выделявшихся в отдельную категорию. Несложные реставрационные меры способны восстановить для исследований фрагменты изделий так называемого «мочального» промысла. При раскопках Посада позднесредневекового города-крепости Свяжска получена коллекция предметов из липового лыка и луба. На основе этнографических, статистических и технологических исследований стало возможным разделить данный комплекс на следующие группы: веревочные изделия или «сторожковые» снасти; изделия рогожно-кулетского промысла; лапти; единичные находки, предназначение которых не выяснено. Внутри каждой группы предметов выделяются подгруппы по определенным признакам. Основные подходы к дифференцированию данного материала позволят исследователям в более полном объеме систематизировать находки из органических материалов.

Ключевые слова: позднее Средневековье, Свяжск, растительное волокно, реставрация, классификация изделий из лыка.

Археологическое изучение позднесредневекового города-крепости Свияжска дало богатейший материал о жизни и быте населения на Средней Волге. При раскопках «Деревянной слободки» на площади 2 100 кв. м в 2011–2014 гг. удалось обнаружить более 250 разновременных сооружений XVI–XVIII вв., представленных остатками крупных жилых и хозяйственных построек, разделенных между собой сетью различных оград на небольшие домовладения. В соответствии со стратиграфическими наблюдениями, до XVIII в. на этой территории насчитывается до четырех строительных ярусов, прослеженных по всей площади раскопа. Мощность культурного археологического слоя достигает 300 см [Археологические исследования, 2015, с. 32].

Во влажном культурном слое прибрежной зоны сохранились предметы из органических материалов: предметы быта из дерева, изделия из кожи, растительных волокон, ткани [Старков, 2011; Шакиров, Валиев, Ситдииков, 2012, с. 196, рис 8; с. 200, рис. 10]. В числе находок обнаружены многочисленные фрагменты изделий из лубяного (мочального) волокна липы (*Tilia cordata* Mill.). Это предметы так называемого «мочального» или «рогожно-кулетского» промысла. Вот что писал об этом ремесле известный исследователь XIX в. П. И. Кеппен: «Мочальный промысел состоит в заготовлении необходимых в русском быту рогож разного рода, кулей, луба, мочал, лаптей и сторожковых снастей» [Кеппен, 1841, с. 1]. Рогожно-кулетский промысел – это заготовка мочала, ткань из него рогож и циновки, сшивка кулей [Смыков, 1982, с. 272]. Эти изделия обнаружены как на территории хозяйственных и жилых помещений, так и на месте старых улиц. Большая часть подобных находок представляет разрозненные фрагменты, потому что лыко ломкое и поэтому очень быстро рассыпается в труху. Такое состояние материала имеет объяснение.

Лубяными называют волокна, которые скрыты в стеблях растений между верхней кожицей (корой-эпидермисом) и древесиной в рыхлой растительной ткани – паренхиме. Они относятся к II группе растительных волокон [Руководство по технологии..., 1933, с. 179]. Химические вещества, составляющие лубяные волокна, – органические, основным является целлюлоза. Волокна целлюлозы похожи на нитевидный кристалл, при их обработке минеральными кислотами образуется гидроцеллюлоза, которая еще имеет волокнистую структуру, но гораздо более хрупка, легко истирается в порошок. Под действием окислителей целлюлоза видоизменяется и превращается в оксидцеллюлозу. Другие важные составляющие луб вещества – пектин и лигнин. Цементирующие волокна целлюлозы в растениях также под действием окислителей распадаются [Там же, с. 248–253].

Аналогичные процессы, химическое и бактериальное разложение, происходят в почве с деревом, тканями из растительных волокон и лыком. Поэтому первобытные и раннесредневековые поделки из луба, за редким исключением (например – в погребениях), не сохранились до нашей поры. В памятниках более позднего времени, благодаря особым условиям, подобные материалы иногда сохраняются [Шакиров, 2008. Т. I, с. 79–80]. Но есть опасность их деструкции в процессе археологических исследований. Грунт, проникая между волокнами изделия, разрывает их уже на стадии выборки из раскопа; далее опасность разрушения находок существует при любых стандартных операциях камеральной обработки: чистке, мойке, сушке. При раскопках средневековых городов такие изделия обычно учитывались под общим названием «лыко» или «лапти», «лыковые решета» [Арциховский, 1949, с. 145].

Поэтому перед реставрационной лабораторией по органическим материалам при Институте археологии имени А. Х. Халикова была поставлена задача разработать методику консервации лыка и реставрации изделий из растительного волокна. Методика была создана на основе комбинирования методов консервации археологической ткани и дерева [Синицына, 2009, с. 213–221; Федосеева и др., 2016, с. 148–190], а также привлечения новых технологических приемов, выработанных опытным путем.

Сохранить изделия из лыкового волокна позволяют следующие операции:

- выборка изделия из раскопа единым монолитом вместе с грунтом;
- упаковка в целлофановые пакеты для предотвращения высыхания;
- еженедельная отправка изделий в лабораторию;
- разбор монолита на столе, удаление грунта с помощью кисти;
- замачивание в дистиллированной воде для растворения глинистых грунтов;
- разворачивание изделия с помощью хирургического шпателя, удаление крупных глинистых загрязнений;
- влажная чистка с помощью синтетических кистей и салфеток из фильтровальной бумаги с обеих сторон от двух до пяти раз с каждой стороны попеременно – для плоских фрагментов (плетенки) и с разворачиванием вокруг своей оси – для объемных (веревки, канаты);
- обработка с кисти 2 % раствором катамина АБ;
- обработка 4 % раствором ПЭГ-400;
- формирующая сушка: плоских изделий между слоями фильтровальной бумаги и тонким стеклом, объемных с помощью микалентной бумаги;
- совмещение разрозненных фрагментов.

В результате проведения реставрационных мероприятий по описанной методике была получена интересная коллекция из 220 изделий из липового волокна, которую можно использовать для типологического и технологического исследования.

Среди предметов коллекции больше всего разнообразных веревок диаметром от 0,4 до 5,5 см – около 100 находок. Вербки свиты из двух, трех или четырех прядей лыка. Отдельное место занимают тесемки в виде коси-

чек, сплетенные из трех прядей (диаметр – от 0,5 до 2 см), однако их незначительное количество. Веревоочные изделия в раскопе нередко представлены отдельными расплетенными серпантинovidными прядями, но и по ним можно составить представление об изначальном диаметре изделий. Исходя из размерного ряда веревок их можно разделить на виды, сделать вывод о характере их использования в быту. Бечевки диаметром от 0,4 до 0,7 см скорее всего применялись в качестве «обор», которыми подвязывали лапти (поршни) к ноге (рис. 1: 1). Такая обувь с фрагментами обор представлена в раскопе в достаточном количестве. Еще одно использование тонких веревок – «тятиво» для насадки сети [Скобелев, 2010, с. 4]. Крученые шнуры из двух-трех полос лыка от 0,7 до 1,2 см и плетеные косички диаметром до 1,5 см (рис. 1: 2), вероятно, служили для круговой опояски чего-либо, например, холщовой покрывки на горшке или одежды бедных слоев населения и назывались «гашниками» [Даль, 2007, с. 346]. Собственно «веревки» представлены размерным рядом от 1,2 до 2,5 см, на некоторых присутствуют узлы (рис. 1: 3). Они наиболее многочисленны в этой категории веревочных изделий (около 40 шт.). Последний вид – канаты диаметром 2,5–5,5 см. Интересно, что канаты представлены рублеными фрагментами (рис. 1: 4). Это явление объяснимо следующей причиной. Близость речного порта давала населению Посада бесплатный источник мочального волокна. Это списанные с кораблей судовые канаты, которых хватало только на один навигационный период [Халиков, 1995, с. 165], и канаты, срубленные с плотов строительного леса, пригнанного к пристани. Причем факт, что отличные липовые канаты остаются гнить на берегу, вынудил уже в начале XX в. Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) СССР выпустить приказ «О рациональном использовании отработанных канатов...» (6 августа 1930 г.) в качестве сырья для рогожно-кулетского производства. Вызван он был стремлением открыть новые источники дохода для экономики молодого советского государства [Файвишевский, Пашенин, 1933, с. 151].

Канаты на Волге имели свое название – «шейма»; общее название для мочальных веревок, бытовавшее у русских крестьян, – «лычага» [Даль, 2007, с. 179]. По П. И. Кеппену, все виды веревок относятся к сторожковым снастям [Кеппен, 1841, с. 12].

Рис. 1. Вережки – «сторожковые снасти»:

- 1 – оборы, «тятиво» ($0,4 \leq d \leq 0,7$); 2 – шнуры – «гашники» ($0,7 \leq d \leq 1,2$); 3 – веревки ($1,2 \leq d \leq 2,5$);
4 – канаты – «шейма» ($2,5 \leq d \leq 5,5$)

Следующей категорией по количеству находок являются плетенки. Их около 60 изделий, каждое состоит из нескольких фрагментов (рис. 2, с. 126). Они представляют собой полотняное переплетение тонких лыковых полос шириной от 0,4 до 0,8 см. Помимо одинарных, встречаются также обрывки многослойных рогож – в два, три и даже в шесть слоев притертых друг к другу полотнищ. Морфологически все плетенки различаются характером кромки: край с прямым перегибом лык и с косым перегибом лык. Много фрагментов, вообще не имеющих окантовки. Среди дополнительной обработки кромки изделий можно отметить различные варианты:

- вплетение более широкой и толстой полосы лыка с краю (рис 2: 1);
- обшивка тонкой крученой мочальной нитью (рис. 2: 2);
- выплетение дополнительных ребер с «ушками» (рис. 2: 3);
- лыки завязаны по 4 шт. в узел и образуют кисть (рис. 2: 4).

Отдельного внимания заслуживают циновки, сотканые из крученой мочальной нити.

На основании технологической литературы все фрагменты по морфологическому принципу были идентифицированы как предметы рогожно-кулетского промысла, т. е. рогожи, коврики, циновки, покрывала, кули разных видов и, вероятно, учитывая близость судоходной реки, паруса [Файвишевский, Пашенин, 1933, с. 30–50]. Точную атрибуцию сделать невозможно, так как ни одно изделие, обнаруженное в Свяжске, не имеет полную сохранность. Рогожи вплоть до второй половины XX в. являлись упаковочным и покрывным материалом для товаров. У П. И. Кеппена описано семь видов рогож: парная, рядная или «циновка», кулевая, крышечная или «таевка», парусовка, табачная, карточная или «картошовка» [Кеппен, 1841, с. 10]. Кули, которые шивались из рогожного полотна, служили универсальной тарой (аналог современных пакетов и мешков), имели различные размеры и конструкцию. На начало XX в. существовало 25 видов кулей. Вот некоторые из них: мучные (три размера), овсяные, соляные, рыбные, угольные, огуречные, меловые и особо мелких размеров – бакалейные [Файвишевский, Пашенин, 1933, с. 30, табл. 15]. Более подробно производство и технологические особенности свияжских рогож рассмотрены в отдельной статье [Визгалова, 2017, с. 125–127]. Возможно, в обозначенный хронологический период (XVI–XVIII вв.) производство рогож существовало на о. Свяжск. Косвенным доказательством этого является находка фрагментов «бил» – деталь горизонтального рогожного станка, служащая для прибивания уточин в полотне, и костяных игл для шивания рогож соответствующего размера. Активная рыбная и мясная торговля на территории Посада могла способствовать появлению этого ремесла в Свяжске. Об этом свидетельствует карта города с указанием мест торговли в прибрежной зоне.

Рис. 2. Плетенки – фрагменты рогожных изделий:

- 1 – изделие с толстой полосой лыка по кромке; 2 – обшивка края тонкой крученой мочальной нитью;
3 – выплетение ребер с «ушками»; 4 – рогожа с кистями

Еще одна категория изделий из лыка – многочисленные находки фрагментов лаптей: головок, подошв, краев со жгутиком и др. Отличить части лаптей от других плетеных изделий помогают следующие признаки:

– ширина лыковых полос составляет от 0,8 до 1,5 см. Чем большего размера требовались лапти, тем шире брались полосы луба. Так, детские лапти имеют «строки» шириной не больше 1 см;

– плетение нередко двуслойное, однако полотна не отслаиваются так, как у рогож. Это следствие такой технологической операции, как «подковырка» – закрепление концов лыка вплетением в первое полотно или подплетение дополнительного второго слоя лыка для придания особой прочности всей конструкции [Редичев, 2001, с. 85, рис. 17–19].

Свияжские лапти очень разнообразны, первоначально было атрибутировано три вида [Абдуллин, Визгалова и др., 2014, с. 277–293]. На сегодня, исходя из морфологии, можно выделить в два раза больше видов, в том числе интересную низкую форму без бортов (по ним готовится публикация). Примечательно, что чисто лыковые лапти имеют обычно головки прямого плетения, аналогичные найденным при раскопках Казанского кремля [Ситдииков, 2006, рис. 80]. Материал, из которого делали эту обувь, различен: лыко, береста, кожа-лыко. Всего лыковых лаптей и лыковых с кожаным подплетом около 40 фрагментов.

К единичным следует отнести следующие находки:

- фрагменты из твердого лубяного слоя – возможно, «короба»;
- часть изделия редкого плетения с поперечным перевитым жгутиком, такое плетение использовалось в кошелках из рогоза [Файвишевский, Пашенин, 1933, с. 170–190], но, возможно, кошелки плели и из лыка;
- сетка из перевитых петель, предмет рыбного промысла – сети (о безузловом сетном полотне, сплетенном путем скручивания нитей, и сетях из лыкового волокна см. [Брандт, 1980, с. 146–149]);
- сложные веревочные конструкции – сенные кошелки для лошадей [Кеппен, 1841, с. 12] или снасти.

Все рассмотренные находки датируются второй половиной XVI–XVIII вв., но ввиду архаичности ремесла они могут дать представление о раннесредневековых изделиях из растительного волокна. Предметы, представленные в статье по группам, позволяют разработать классификацию археологических находок из лыка, поскольку данный материал был необоснованно обойден вниманием исследователей. Однако он играет важную роль в реконструкции быта и ремесла населения средневекового и Нового времени, так как обработкой волокнистых материалов и производством из него изделий на рынок в нашем регионе занималось до одной пятой всего населения [Смыков, 1982, с. 260].

Старков А. С. Отчет об археологических исследованиях «Татарская Слободка» на территории села Свияжск в Зеленодольском районе Республики Татарстан в 2011 г. // Архив Института археологии имени А. Х. Халикова АН РТ. Ф. 4. Оп. 1.

Шакиров З. Г. Отчет об археологических охранно-спасательных исследованиях в Зеленодольском районе Республики Татарстан на территории о. Свияжск за 2008 г. Т. I // Архив Института археологии имени А. Х. Халикова АН РТ. Ф. 4. Оп. 1.

Археологические исследования 2014 г. Болгар и Свияжск / авт.-сост.: А. Г. Ситдииков, Р. Р. Валиев, А. С. Старков. – Казань : Издат. дом «Казанская недвижимость», 2015. – 38 с.

Арциховский А. В. Раскопки на Славне в Новгороде // МИА. – 1949. – Вып. 11. – С. 119–151.

Брандт А. Из истории рыболовной сети // Наука и жизнь. – 1980. – № 7. – С. 146–149.

Визгалова М. Ю. Рогожные ткани их производство в XVI–XVIII вв. по археологическим находкам из Свияжска // МОДА И ДИЗАЙН: исторический опыт – новые технологии : материалы XX-й Междунар. науч. конф. / под ред. Н. М. Калашниковой. – СПб., 2017. – С. 150–154.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – Т. 1 : А – З. – 4-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз.-Медиа, 2007. – LXXXVIII, 699 с.

Кеппен П. И. О мочальном промысле. Сведения, собранные Петром Кеппеном. – СПб., 1861. – 61 с. – (Из журнала Министерства государственных имуществ. – 1841. – № 3).

Лапти как археологический материал: происхождение, классификация, реставрация (на примере находок Свияжска и Казани) / Х. М. Абдуллин, М. Ю. Визгалова, А. Г. Ситдииков, А. С. Старков, Ю. В. Федотова, Р. Х. Храменкова // Поволжская археология. – 2013. – № 3. – С. 277–293.

Редичев С. Т. Не учась и лаптя не сплетешь // Наука и жизнь. – 2001. – № 1. – С. 82–86.

Реставрационные материалы. Курс лекций / Т. С. Федосеева, О. Н. Белявская, В. И. Гордюшина, Е. Л. Малачевская, С. А. Писарева. – М. : Индрик, 2016. – 232 с.

Руководство по технологии первичной обработки новых лубяных волокон / сост. науч. работниками Новлублин-та под общ. ред. А. М. Краснощекова. – М. : Изд. Новлублин-та ВАСХНИЛ, 1933. – 320 с.

Синицына Н. П. Реставрация и консервация археологического текстиля и кожи, разработка методики // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. – Т. I : История усыпальницы и методика исследования захоронений / отв. ред.-сост. Т. Д. Панова. – М., 2009. – С. 213–221.

Ситдииков А. Г. Казанский кремль: историко-археологическое исследование. – Казань : Фолиант, 2006. – 288 с.

Скобелев О. А. Липовое лыко заонежан: и гуж, и веревка, и мочалка. – Петрозаводск : Издат. центр музея-заповедника «Кижы», 2010. – 16 с.

Смыков Ю. И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма. 1861–1900 гг. (социально-экономическое исследование). – Казань, на правах рукописи, 1982. – 513 с. (Хранится в научной библиотеке Казанского федерального университета имени Н. И. Лобачевского.)

Файвишевский Я. Л., Пашенин М. Г. Мягкая тара из мочала, древесной стружки и рогоза. – М. ; Л. : Всесоюз. кооператив. объедин. изд-во, 1933. – 192 с.

Халиков Н. А. Промыслы и ремесла татар Поволжья и Приуралья (середина XIX – начало XX вв.). – Казань : Мастер Лайн, 1998. – 100 с.

Шакиров З. Г., Валиев Р. Р., Ситдииков А. Г. О застройке посадской части Свияжска (по материалам раскопок 2008 г.) // Поволжская археология. – 2012. – № 2. – С. 184–210.

M. Y. Vizgalova

The Khalikov Institute of Archaeology AS RT, Kazan

APPROACH TO SYSTEMATIZATION AND STUDY OF ARCHAEOLOGICAL FINDS FROM PLANT FIBERS ON THE EXAMPLE OF PRODUCTS FROM BAST FROM SVIYAZHSK ISLAND (16–18th CENTURIES)

The article reflects the approach to systematizing of products from the plant fibers like a bast which were earlier not allocated in separate category the archeological finds. Simple restoration measures are capable to restore fragments of products so-called “wisp of bast” trade for researches. During excavation in the Posad of the late medieval fortified city of Sviyazhsk is received a collection of objects from linden bast and a bass. On the basis of ethnographic, statistical and technological researches became possible to divide this complex into the following groups: rope products or “sentry” tackles; product of bast mat-bag trade; bast shoes; single finds, the mission of which is not found out. In each group of objects are allocated subgroups on certain signs. The main approaches to differentiation of this material will allow researchers to systematize in fuller volume finds from organic materials.

Keywords: Late Middle Ages, Sviyazhsk, plant fibers, restoration, classification of products from a bast.

УДК 903.07:745.5

М. П. Черная, И. В. Ованенко

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО КОСТЮМА НА ПРИМЕРЕ «МИСЮРКИ-ПРИПЛЕШНИЦЫ»*

В статье изложена методика поэтапной натурной реконструкции мисюрки-припleshницы – разновидности боевого наголовья эпохи Средневековья – начала Нового времени, которая входила и в комплекс защитного вооружения служилых людей Сибири. Натурная реконструкция позволяет выявить особенности технологических приемов, такие свойства предмета, которые проявляются только в процессе воспроизводства, дает наиболее полное представление об артефакте, а кроме того, возможность практической проверки физической модели. Натурная реплика мисюрки полностью соответствует характеристикам исходного образца из коллекции оружия графа С. Д. Шереметьева и подобному типу боевых наголовий в целом. Методика реконструкции может быть использована при создании различных металлических атрибутов исторического защитного костюма, находившихся на вооружении средневековых сообществ Северной Евразии.

Ключевые слова: защитное вооружение, боевое наголовье, мисюрка-припleshница, натурная реконструкция, поэтапная методика.

Для формирования представления об исторической эпохе недостаточно словесного описания, нужны зримые образы, совокупность которых создает видимую картину прошлого. «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» – этот афоризм отражает действенный механизм познания, выработанный и закреплённый тысячелетней практикой. В современном обществе возросшие требования к тотальной визуализации проявляют себя в самых

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ.
© Черная М. П., Ованенко И. В., 2017

разных областях быденной жизни, профессиональной сфере, культуре, образовании. В современной науке визуальная реконструкция, в том числе и исторического процесса, становится не только средством показа результатов исследования прошлого, но и инструментом его изучения. Из всех видов реконструкции (рисунок, графика, трехмерные модели, макет) наиболее полной является натурная, которая не ограничивается восстановлением формы предмета или объекта, но предполагает воссоздание и овладение технологией их изготовления. Натурализация в формате новодела, выполненного своими руками, обеспечивает большую глубину проникновения в прошлое, рождает чувство живой сопричастности с историей. Успешность натурального вида реконструкций и возрастающую их востребованность со стороны общества, всё более тяготеющего к зрелищности, демонстрируют экспериментальная история и экспериментальная археология. Принципиально важно, чтобы моделирование исторических реалий опиралось на источниковую и методическую базу и было адекватным воспроизведением исторического прототипа.

Одна из первых ролей в воссоздании зрительного образа исторической эпохи принадлежит историческому костюму – одежде, обуви, головным уборам, аксессуарам, которые отражают внешний облик людей своего времени. Не случайно известный режиссер, педагог, теоретик театра Ф. Ф. Комиссаржевский, хорошо представляющий, как «живут» костюмы на сцене и как они определяют стиль эпохи, писал в предисловии к своей книге: «изучение истории костюма дает ключ к познанию нравов и обычаев народов... в одежде отражаются характер, вкусы, весь склад умственной и духовной жизни народа и его зависимость от другого народа» [Комиссаржевский, 2005, с. 10]. Одним из наиболее показательных в плане отображения облика общества является военный костюм.

Данная статья – часть работы по натурной реконструкции защитного снаряжения служилых людей по прибору (новобранцев из других сословий, не имевших собственного военного костюма и вооружения) в Сибири в конце XVI – начале XVIII вв. Авторы обращаются к одному из атрибутов военного костюма средневековой Руси, а именно мисюрке (мисюрке) – защитному головному убору. Источниками для реконструкции служат описания, изображения, музейные экспонаты. Казалось бы, зачем прибегать к натурной реконструкции, если сохранились подлинные предметы защитного снаряжения? Дело не только в разнообразии типов защитных головных уборов, в том числе мисюрок, и неполноте описаний, условности изображений, физических утратах на сохранившихся оригиналах. Воссоздание в формате «handmade» («сделано своими руками») дает возможность проверить умозрительные/теоретические представления о предмете, правильность графических реконструкций, выявить особенности технологических приемов изготовления, такие свойства предмета, которые проявляются только в процессе воспроизводства. Кроме того, физическая модель позволяет ее практически проверить в ходе, скажем, ролевой военной игры. Натурная реконструкция дает наиболее полное представление об артефакте и, в частности, раскрывает значение каждого компонента в комплекте защитного снаряжения и взаимосвязь между ними. Это определяет растущую популярность исторических реплик-новоделов как в научной сфере, так и среди любителей-реконструкторов.

Мисюрки – вид боевого наголовья, состоявшего из плоского или немного выпуклого (полусферического) круглого «наплешника» из железа или из стали и кольчужной бармицы. Они предназначались для защиты в основном от режущих ударов. Кольчужная бармица, крепившаяся к краям «наплешника», достигала большой длины и полностью или частично закрывала лицо, шею, плечи. В большинстве мисюрки снабжались подкладками или стегаными шапками, чтобы обеспечить амортизацию удара. Поскольку они надевались поверх довольно высокой амортизирующей подшлемной шапки, передняя часть бармицы не закрывала глаза. Впрочем, через кольчужную сетку тоже можно было смотреть. К бармице могли крепиться науши.

Происхождение мисюрки связывают с Передней и Средней Азией. На Руси такие наголовья получили наибольшее распространение в XVI–XVII вв., о чем упоминается в письменных источниках: «Васюкь Ивановъ сынъ Телефовъ, поместья за нимъ на 100 четв. Самъ въ тегиляе въ толстомъ о дву конь да шапка мисюрская, человек со вьюкомъ»; «Юрий Ивановъ сынъ Горбатого, поместья за ним на 350 четв., сам о дву конь, въ доспехе, въ шапке мисюрской...»; в сундуке полковника Ивана Перекрестова «...6 мисюрок по местам золочены, весу 5 фунтов без четверти, мисюрка серебряная, подложена железом, без весу, приборов на мисюрки...» [Шиндлер, 2016, с. 169; *Неизвестные источники...*, 1987] и др. К наиболее ранним известным наголовьям этого типа относится мисюрка из числа реликвий Куликовской битвы 1380 г. Судя по описанию, она состояла из круглого «блюдечка» диаметром около 16 см и бармицы, кольца которой были склепаны «на гвоздь». Бармица имела длину приблизительно 41 см с боков и сзади, 9,5 см – на лбу. Шлем принадлежал к парадному доспеху, так как по внешней стороне монолитного железного верха мисюрки в два концентрических ряда были сделаны надписи золотом на арабском языке. Спереди бармица была оторочена медью. «Шлем, скорее всего, был утерян в бою, так как в бармице выявлены две дыры, сделанные острым колющим оружием, а также в верхней части было утеряно либо кольцо, либо другое навершие, от крепления которого осталось отверстие» [История изучения реликвий...].

Мисюрки находились также в распоряжении служилых людей Сибири, о чем свидетельствуют письменные документы, например, «семь шапок мисюрских» было выдано из государственной казны Тобольска в 1633 г. воинам отряда В. Шахова. Не менее девяти мисюрок хранится в музеях Сибири, хотя ни одну из них нельзя уверенно

отнести к русским предметам вооружения. Основная масса боевых наголовий, в том числе и мисюрок, поступала в арсеналы сибирских городов и острогов в качестве «государевой казны» из Европейской России и затем выдавалась служилым для несения «государевых служб» [Бобров, Худяков, 2008, с. 469; Худяков, 2011, с. 172; Бобров, 2014, с. 204–207].

Одним из ярких образцов этого вида защитного снаряжения является мисюрка-приплешница из коллекции графа С. Д. Шереметьева, которая взята нами как источник для натурной реконструкции (рис. 1, с. 131). Этот образец объединяет в себе ключевые параметры, характеризующие снаряжение служивых по прибору: минимализм и в связи с этим низкую стоимость и возможность приобретения как трофея на территории Сибири. В описи коллекции, составленной Э. Э. Ленцем, о мисюрке (под № 196) сказано следующее: «На черепе небольшое кольцо. Кольчатая бармица прикреплена к черепу проволокой. XVI–XVII вв. Вес – 580 г. Длина кольчужной сетки – 20 см. Кольца мелкие, полуоблые, штампованные, с неровно отрезанными краями и согнуты без скрепления» [Ленц, 1895, с. 51].

В статье изложена методика поэтапной натурной реконструкции мисюрки-приплешницы.

Этап первый – реконструкция «черепа» (верхняя выпуклая сферическая пластина наголовья). Для реконструкции потребовалась листовая сталь толщиной 1,5–2 мм, а также несколько специальных приспособлений, в том числе молоток. По весу, форме и пропорциям лучше всего подходит сапожный молоток, боек которого нужно скруглить пологим куполом и тщательно отшлифовать наждачной лентой или даже отполировать, чтобы исключить какие бы то ни было локальные изломы абриса (рис. 2: 1, с. 131). Лист стали удобно тянуть на торцевом чурбаке с аккуратно выбранным сферическим углублением. Дерево для этого лучше брать плотное и твердое (например, вишню), углубление вырезать стамеской, а затем пропитать эпоксидной смолой [Хорев, 2011].

Из стального листа вырезается заготовка круглой формы. Средний диаметр «черепа» составляет от 160 до 230 мм (с запасом в 10–20 мм). На чурбаке, поставленном на резиновую подкладку (толщиной от 150 мм), выбирается полусфера, начиная с центра заготовки и по спирали увеличивая радиус (рис. 2: 2).

При отбивке возрастает внутреннее напряжение, в результате сталь хуже поддается деформации, поэтому ее нужно отжечь – произвести отпуск металла с помощью равномерного нагрева. Отбивку и отжиг приходится делать несколько раз. Количество операций зависит от марки стали и глубины вытяжки, которая для мисюрки колеблется от 20 до 70 мм.

Этап второй – изготовление бармицы. Бармица плетется из колец «противорядкой». Сначала кольца собирают в «пятерки» (четыре кольца, сквозь которые проходит пятое), «пятерки» соединяют в полосы (рис. 3: 1, с. 131), а полосы между собой (рис. 3: 2). Длинная, прямоугольная по форме бармица при скреплении с пластиной собирается в складки, натирая шею. Ровнее ложится бармица расклеванной формы, которая зачастую встречается на богато украшенных мисюрках. Расширить нижнюю часть можно сразу при плетении или потом вставить клинья. Форма бармицы исходного образца неизвестна, но она короткая (20 см), что позволяет изготовить прямоугольное полотно.

Этап третий – подготовка к сборке. Сетку бармицы надо разложить на гладкой поверхности не растягивая, чтобы кольца максимально плотно прилегали друг к другу. В таком положении измеряем интервал между центрами смежных колец. Затем измеряется длина окружности «черепа» с отступом на 3–4 мм от внешнего края. Длина окружности делится на интервал между кольцами, чтобы определить число отверстий, которые нужно просверлить в «черепе» мисюрки.

Далее делается разметка отверстий, которые просверливаются (рис. 4: 1, с. 131). Затем необходимо сделать отпуск (снять напряжение) края заготовки с помощью его нагрева и выравнивания в раскаленном виде на наковальне (рис. 4: 2).

Этап четвертый – изготовление кольца. Исходный образец, как и многие другие мисюрки, имеет на маковке кольцо, держась за которое удобно снимать, надевать, переносить увесистый головной убор.

Укрепление под кольцо изготовлено из стального прута диаметром 12 мм, его нижнюю часть нужно расклепать, потом отрезать от прута 15–20 мм и в отрезке просверлить отверстие под кольцо (рис. 5: 1, с. 132). Для изготовления кольца был взят прут толщиной 8 мм, с помощью горячейковки диаметр прута был уменьшен до 5 мм. Чтобы получить кольцо, прокованный прут был обернут вокруг прута диаметром 20 мм (рис. 5: 2).

В центре «черепа» мисюрки надо высверлить отверстие диаметром 12 мм, нагреть «череп», после чего вставить крепление, а в него – кольцо. Затем напильником сгладить края крепления. Следующий процесс – закалка и воронение «черепа» (рис. 5: 3). Для закаливания сталь нужно разогреть в горне до светло-малинового цвета, потом погрузить ее в холодную воду или масло. Для создания эффекта воронения используется масло, которое создает на металле защитную пленку, препятствующую коррозии.

Этап пятый – сборка. Финальный этап реконструкции мисюрки – соединение «черепа» и бармицы. В описании образца отмечено: «Кольчатая бармица прикреплена к черепу проволокой» [Ленц, 1895, с. 51]. Металлическая проволока после обжига в горне для отпуска металла была накручена на металлический стержень диаметром 8 мм, чтобы получить витки. Витки надо растянуть таким образом, чтобы расстояние между ними соответствовало расстоянию между отверстиями в «черепе» (рис. 6: 1, с. 132). Протягивая проволоку через отверстия и верхнюю часть колец бармицы, «череп» и бармицу соединяют (рис. 6: 2).

Результатом проделанной работы по реконструкции исторического костюма конца XVI–XVIII в. стала натурная реплика боевого наголовья служивых людей в Сибири – мисюрки-приплешницы (рис. 6: 3).

196

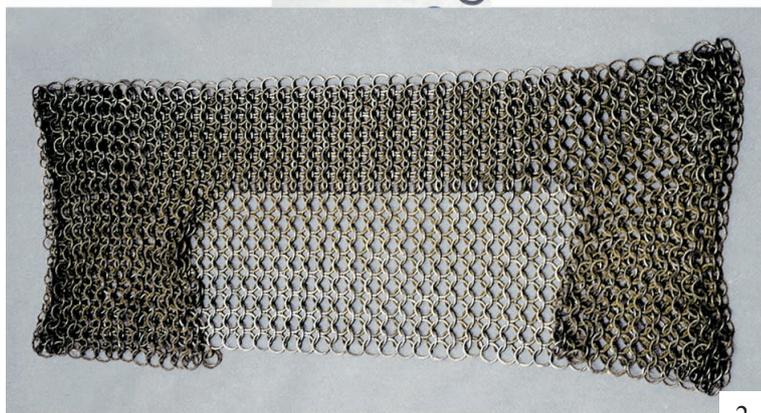
Рис. 1. Мисюрка из собрания оружия графа С. Д. Шереметьева [по: *Лени*, 1895, с. 51, табл. IV]

Рис. 2. Вытяжка «череп» мисюрки с помощью молотка:
1 – модифицированный молоток; 2 – заготовка «череп» после вытяжки углубления

1

2

Рис. 3. Изготовление бармицы:
1 – кольца и полосы для изготовления бармицы; 2 – готовая бармица

1

2

Рис. 4. Изготовление «череп»:
1 – заготовка «череп» после разметки и сверловки; 2 – заготовка «череп» после выравнивания края

Рис 5. Изготовление кольца и воронение «черепа»:

1 – часть крепления с отверстием под кольцо; 2 – кольцо для крепления; 3 – «черепа» с кольцом в процессе воронения

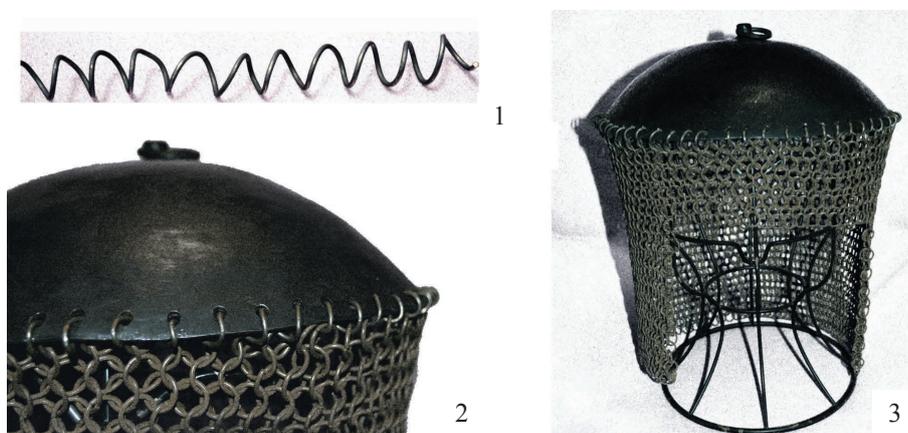

Рис 6. Сборка мисюрки:

1 – скрученная в спираль проволока; 2 – крепление «черепа» и бармицы с помощью проволоки;
3 – реплика мисюрки-припleshницы

Выводы. Реконструированная реплика мисюрки-припleshницы полностью соответствует как характеристикам исходного образца, так и подобному типу боевых наголовий в целом, которые бытовали в Северной Евразии не менее 400 лет. Разработанную пошаговую методику реконструкции можно применять при создании не только мисюрки, но и других металлических элементов исторического защитного костюма. Использовать подобные реплики можно в научных, педагогических и коммерческих проектах, например, на музейных выставках, при съемках фильмов, в качестве учебного пособия, для организации мероприятий и т. д.

Бобров Л. А. Опыт реконструкции шлемов российских воинов в Сибири конца XVI–XVII вв. // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014. – Т. I. – С. 204–214.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). – СПб. : Филолог. фак. СПбГУ, 2008. – 776 с.

Комиссаржевский Ф. Ф. История костюма. – М. : Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 336 с.

Ленц Э. Э. Описание собрания оружия графа Шереметьева. – СПб., 1895. – URL: <https://muscovitearmor.wordpress.com/category/xvi-%D0%B2%D0%B5%D0%BA-2/> (дата обращения 11.10.2016).

Неизвестные источники о быте петровского времени // Памятники культуры: новые открытия. Письменность, искусство, археология. Ежегодник – 1986. – Л. : Наука, 1987. – URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1700-1720/Perekrestovy/text.phtml> (дата обращения 27.11.2016).

Хорев В. Н. Реконструкция старинного оружия. – Ростов н/Д. : Феникс, 2011. – 198 с.

Худяков Ю. С. Русские воины в борьбе за Южную Сибирь в первой трети XVII в. // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. – Омск, 2011. – С. 170–174.

Шиндлер О. В. Русские шлемы XVI века // История военного дела: исследования и источники. – 2016. – Т. VIII. – С. 167–219. – URL: http://www.milhist.info/2016/05/10/schindler_3 (дата обращения 16.12.2016).

История изучения реликвий Куликовской битвы. – URL: http://www.kulpole.ru/history/detail.php?SECTION_ID=58&ID=177 (дата обращения 10.01.2017).

M. P. Chernaya, I. V. Ovanenko
National Research Tomsk State University

THE EXPERIENCE OF THE RECONSTRUCTION OF A HISTORICAL OUTFIT ON A CASE OF “MISYURKA-PRIPLESHINITSA”

The method of step-by-step full-scale reconstruction for misyurka-ripleshinitza – the kind of combat helmet consisted of a domed top and aventail attached to it in the Middle Ages and early Modern Age. The helmet was a part of armour of service class people of Siberia. The full-scale reconstruction allows revealing of specific techniques, the item's properties, which are revealed only while its reproduce, and gives the most complete vision of an artifact, as well as a possibility of practice testing of a physical model. The misyurka's full-scale reconstruction entirely corresponds to the properties of the initial pattern from the count Sheremet'ev's weapon collection and the similar type of combat helmets as the whole. The reconstruction method may be used for creation of various metal paraphernalia of defensive outfit of Northern Eurasia societies.

Keywords: armour, combat helmet, misyurka-ripleshinitza, full-scale reconstruction, step-by-step method.

УДК 902/904

К. О. Сопова¹, Л. В. Татаурова²

¹*Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского,*

²*Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН*

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ В ИЗУЧЕНИИ РУССКОЙ КЕРАМИКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Русская археологическая керамика, несмотря на формирование представительных коллекций из раскопок исторических центров городов и сельских комплексов, до сих пор остается малоизученным элементом культуры жизнеобеспечения населения, особенно на территории Западной Сибири. На сегодняшний день сибирские коллекции практически не систематизированы, публикации немногочисленны. Современные подходы в изучении славяно-русской керамики всё более ориентируются на применение методов естественных наук, при использовании которых можно получить новую информацию о технологии изготовления глиняной посуды, морфологических особенностях выделенных типов, что позволяет выйти на изучение различных уровней гончарства и его специализацию. Результаты комплексных исследований археологического материала дают возможность соотнести его с письменными источниками и подойти к реконструкции гончарного производства.

Ключевые слова: русская керамика, Западная Сибирь, типология, морфология, реконструкции.

Русская глиняная посуда является таким же культурным маркером, как и керамика древнего населения, только в отличие от материалов ранних эпох она, к сожалению, остается малоизученной, несмотря на значительное увеличение в последние десятилетия объемов раскопок и артефактов с памятников Нового времени на территории Западной Сибири.

В прошлом веке сформировалось несколько *подходов* в изучении керамического производства, среди них применительно к русской керамике наиболее близки такие, как историко-культурный, системный, этноархеологический. Формально-типологический, применяемый к материалам ранних эпох, тоже использовался, но он менее конструктивен, так как большинство типов русской посуды сохранились до этнографической современности и археологический материал можно структурировать на этой основе [Татаурова, 1998].

Основные принципы *историко-культурного подхода* сформулированы А. А. Бобринским [1978] и акцентированы на изучении форм глиняной посуды, которые зависят от назначения и традиций использования изделий, что формирует технологические приемы их изготовления. Археологические коллекции русской керамики Западной Сибири отражают многообразие типов посуды, предназначенной для различного применения. Особенностью русского гончарства на первых этапах освоения Сибири было отсутствие профессиональных гончаров – посуду делали все по мере необходимости. В условиях домашнего производства с помощью самых простых технологических приемов (на шаблоне, ленточным или жгутовым способами) умельцы воспроизводили знакомые, привычные, зафиксированные в русской культурной традиции формы посуды. Происходила культурная адаптация с появлением гибридных (по технологии) форм сосудов в процессе освоения гончарного круга только в рамках русской традиции. Это был процесс, связанный с формированием системы жизнеобеспечения в новых сибирских условиях.

Системный подход представляет собой систему, состоящую из трех основных элементов: экологические условия, включающие климат, сырьевую базу, природные ресурсы; технико-технологический цикл; организацию гончарства как формы деятельности во времени, пространстве, социуме [Жущиховская, 1996, с. 9–11]. Системный подход ориентирует на комплексную реконструкцию традиций гончарства, основанную на использовании методов естественных наук. Гончарство как любой вид деятельности, направленный на удовлетворение витальных потребностей человека, обеспечивало продукцией процесс приготовления пищи – одного из важнейших элементов системы и культуры жизнеобеспечения.

Этноархеологический подход предполагает использование результатов этнографических наблюдений для культурно-исторической интерпретации археологических источников. Этот и системный подход были применены Л. В. Татауровой при создании типологии русской керамики Нового времени Омского Прииртышья [1997, 1998]. Сочетание в исследованиях системного и этноархеологического подходов считается очень перспективным в изучении гончарства [Жущиховская, 2004, с. 7].

Изучение русской керамики из памятников Западной Сибири в XX в. основывалось на применении классических методов типологии. Одно из первых представительных собраний в Сибири появилось в ходе раскопок Мангазеи в 1968–1970, 1973 гг. Систематизировали этот материал на базе исследований М. Г. Рабиновича, Р. Л. Розенфельдта по результатам раскопок Москвы. Основанием для сравнения московской и сибирской керамики считалась схожесть форм сосудов и традиций изготовления. Высказывались предположения, что на ранних этапах заселения русскими Сибири керамику сюда привозили из европейской части России [Овсянников, 1973, с. 269–272].

К настоящему времени внушительные керамические коллекции получены в ходе изучения культурных слоев Березова, Тобольска, Томска, Тары, Мангазеи, Сургута, Ханты-Мансийска, а также сельских комплексов Омского Прииртышья и др. Однако использование этого материала в исторических исследованиях минимально. Предпринимались попытки систематизации керамических комплексов отдельных памятников, выполненные с использованием разных методов и для достижения целей, которые ставили перед собой ученые, решавшие достаточно узкие задачи.

На современном этапе исследований типологические построения вышли на новый уровень. В структуре систематизации материала важную роль стали отводить изучению технологии изготовления. Происходит *синтез историко-культурного и системного подходов*. Если в середине прошлого века технологические особенности определяли визуально, то сегодня, взяв за основу прежнюю технолого-морфологическую концепцию, ученые опираются на данные естественных наук. В большей степени это используется в изучении русской керамики памятников Центральной России, Подмосковья, Булгара. Особенности технологии и морфологии керамики г. Дмитрова XII–XIX вв., Багаевского карьера XVIII–XIX вв. рассматривал К. И. Панченко [2004, 2010]; керамику золотоордынской эпохи Коломны – В. В. Черкасов [2005]; Северо-Западного Подмосковья XIV–XVI вв. – В. Ю. Коваль [2010]; Владимира XVI в. – С. А. Зоц [2010]. Сравнение гончарной технологии Самарского Поволжья XIII–XIV вв. и северо-восточных русских земель, используя петрографический метод, провела И. Н. Васильева [2013] и т. д.

В Западной Сибири Л. В. Татауровой [1997, 1998] на основе археологических материалов Бергамакского острога (Омская область) была предложена типология посуды на основе этноархеологического подхода. Главными критериями стали назначение и применение посуды, выявленные по этнографическим материалам. Впервые для

изучения русской керамики были применены методы рентгенофазового и дериватографического анализов исходного сырья и формовочных масс, температуры обжига. Однако ограниченный на тот момент объем археологической коллекции не позволил сделать обобщающих выводов.

Технологическо-морфологическая концепция использована в типологии керамики на основе материалов раскопок Мангазеи в 2001–2008 гг., в основу положены технологический (обработка поверхности) критерий и морфология сосудов [Визгалов, Пархимович, 2008, с. 87–89]. Авторы опровергают мнение относительно доставки керамической посуды из Европейской России, настаивая на местном ее производстве. Аналогичную систематизацию предложил С. Г. Пархимович для керамики Березовского городища [2008, с. 251–263].

Для керамики Тобольска А. М. Аношко и Т. В. Селиверстова [2009], Т. В. Селиверстова [2011] выполнили морфологический анализ горловин сосудов, который дает возможность выделить общие и специфические черты, демонстрирующие сходство и различие материалов других русских памятников и способствующие тем самым выявлению тенденций изменения керамики в хронологическом аспекте. Вопросы типологии тобольской керамической посуды рассмотрены И. В. Балюновым [2014, с. 99–109]. Кроме археологов, проявили интерес к построению типологий и этнографы. О. С. Мамонтовой в работе «Типология русской керамики Алтайского края конца XIX – первой половины XX века» [2012] сделана систематизация русской этнографической посуды из музеев Алтайского края.

Все рассмотренные классификационные и типологические схемы хороши для достижения целей, которые ставили перед собой ученые, систематизируя имеющийся материал, но они решали узкие археологические или этнографические (исследовательские, формализационные) задачи по разделению предметов по типам и выявлению их внутренней вариативности. Однако для периода Нового времени такого подхода уже недостаточно.

С накоплением материалов с памятников Нового времени возрастают интерпретационные возможности керамики как археологического источника, а использование разных методов ее анализа дает возможность извлечения новой историко-культурной информации. Коллекции русской керамики очень объемны и включают разнообразие типов, как основных, так и вспомогательных. К основному типу в категории кухонной посуды относится горшок, среди столовой – миска [Татаурова, 1998]. В связи с развитым домашним производством керамики при сохранении традиционного облика основных типов посуды в каждой деревне, в кустарном городском производстве складываются местные особенности в форме и пропорциях изделий. Поэтому важным является выделение устойчивых черт или их комбинаций, характерных для керамического производства русского населения отдельного гончарного центра, деревни или города.

Для решения этой задачи мы попытались применить *морфологический анализ* керамического материала, полученного при раскопках сельских памятников Омского Прииртышья XVII–XIX вв. (комплекс Ананьино-I, Тарский район) и Тары*, выявляя технологические признаки гончарного производства русского населения Омского Прииртышья и «эталонные» формы керамических сосудов на материалах изученных комплексов.

В практике исследований археологической керамики не сложилось единой методики описания и анализа элементов. Например, А. А. Бобринский выделил два основных подхода к изучению форм сосудов: ассоциативный – форма воспринимается как целостный образ, акцент делается на выработку приемов общего обозначения форм, и аналитический – рассмотрение форм как совокупности элементарных частей и, соответственно, разработка приемов выделения и изучения этих составляющих [Бобринский, 1986, с. 137–157].

О. И. Горюнова и Н. А. Савельев разработали концепцию «номенклатурных понятий для описания керамики», предложив для изучения морфологии сосудов использовать геометрические фигуры. Сосуд при этом рассматривается как комбинированное тело вращения, которое состоит из отдельных частей, составляющих его пространственную форму [1975, с. 50–60].

Л. Н. Мыльникова при изучении керамических материалов ранних эпох применила способ исследования морфологии сосудов на основе метода анализа форм, разработанного Х. Нордстрём [2015, с. 173–184]. Суть метода в создании «портрета идеального сосуда» изучаемой культуры и выявлении направления изменения морфологии изделий. «Портрет» получается в результате прорисовки в одном масштабе полупрофилей сосудов с помощью методики работы с экстремальными точками за счет наложения полученных «полускелетов» друг на друга. Таким образом в графическом варианте представляется картина номенклатуры изделий, господствующая форма и ее модификации. Такой анализ позволяет выделить «эталон», направления изменения форм, размах этих изменений и ассортимент предметов. Эта методика стала основой для выявления эталонных форм керамических изделий памятника Ананьино-I и керамики из раскопок Тарской крепости.

Критериями для выделения *морфологических групп* выступают профилировка венчика, длина шейки и форма перехода от шейки к тулову. По качеству изготовления главная отличительная черта всех морфологических групп керамического комплекса Ананьино-I – лепное производство с разной степенью использования функций гончарного круга, использование различных способов обработки поверхности (заглаживание, лощение, орнаментация), восстановительный обжиг в домашних условиях. В коллекции тарской керамики чаще встречаются гончарные и поливные сосуды, имеется больший процент лощеной и качественно обожженной посуды, что свойственно городскому памятнику (в городе раньше, чем в селе, налаживалось ремесленное производство, хотя в письменных

* Пользуясь случаем, авторы выражают благодарность С. С. Тихонову и С. Ф. Татаурову за возможность работы с археологической коллекцией Тары.

источниках по Таре сведения о нем относятся только к середине XIX в. [Тара в XVI–XIX веках, 2014, с. 127–169]). Общее для обоих комплексов – преобладание простого заглаживания при обработке поверхности и восстановительного способа обжига.

В качестве предмета исследования нами был выбран самый распространенный и наиболее представленный в археологическом материале тип русской посуды – горшок [Татаурова, 2013, с. 254–265]. Недостатком в работе был только один фактор – малое количество целых форм изделий, поэтому для анализа взяли только венчики. По сути, проделанная работа представляет собой пилотный проект, направленный на выяснение возможностей использованных методик.

Из коллекции памятника Ананьино-I обработано 830 фрагментов венчиков и девять археологически целых горшков. Из материалов Тарской крепости – 117 венчиков и 11 целых сосудов. В результате изучения морфологии венчиков сосудов горшковидной формы с памятника Ананьино-I выделено 10 групп [Сонова, 2016, с. 833–835]. В обработанной коллекции керамики из раскопок Тарской крепости выявлено восемь совпавших с керамикой памятника Ананьино-I морфологических групп.

В обеих коллекциях наиболее представительной по количеству оказалась группа, которую мы считаем эталонной и обозначаем как *первую*. Для нее характерны следующие параметры: венчик округлой формы, слабо отогнутый наружу, короткая профилированная шейка, удлиненное плечо с плавным переходом от шейки к тулову (рис. 1). Диаметр устья, характерный для этой морфологической группы, варьируется от 18 до 23 см. Все фрагменты эталонной группы с памятника Ананьино-I являются примером лепного производства с восстановительным печным способом обжига. В коллекции городской посуды этой группы присутствует как лепная, так и гончарная. Дополнительная обработка поверхности (орнамент, лощение и т. п.) не свойственна. При сравнении формы венчиков и профилей сосудов первой группы с подтипами горшков, представленных Л. В. Татауровой в типологии русской посуды, можно заключить, что они соответствуют подтипу 2 – горшки средних размеров с диаметром устья 10–18 см и высотой до 20 см [Татаурова, 1997, с. 40–41].

Следующей по количеству проанализированных фрагментов как в Ананьино, так и в Таре является *вторая группа*, для которой характерен более отогнутый наружу, чем у керамики первой группы, венчик, профилированная шейка, плавно переходящая в тулово (рис. 2). Часть сосудов второй морфологической группы имеет орнаментацию, расположенную под шейкой, на плечиках и при переходе к тулову. Орнаменты и способы их нанесения были различны [Татаурова, 2014, с. 186–188]. Диаметр устья варьируется от 20 до 29 см. С этой группой в типологии Л. В. Татауровой соотносятся сосуды первого подтипа, высотой до 25 см, диаметром 18 см, горшковидной формы больших объемов, которые предназначались для приготовления кваса, пива и назывались корчагами [Татаурова, 1997, с. 44–45; 1998, с. 88–123].

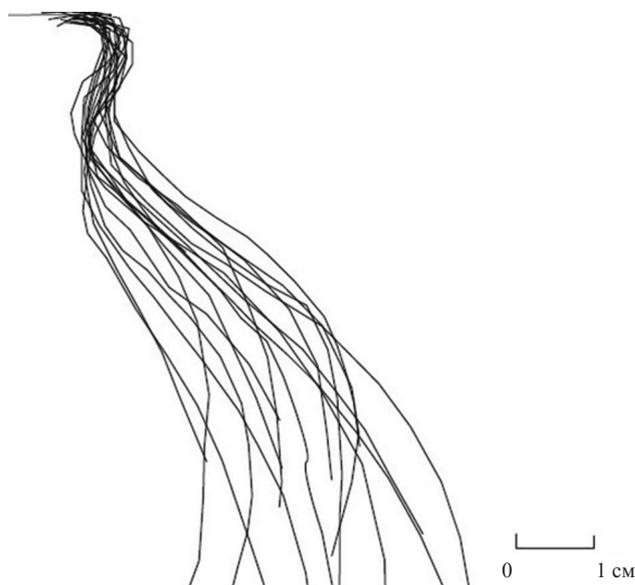

Рис. 1. Профили сосудов эталонной (первой) морфологической группы

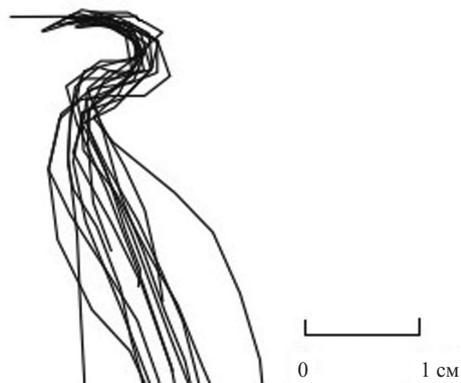

Рис. 2. Профили сосудов второй морфологической группы

Третья морфологическая группа представлена фрагментами с сильно отогнутым наружу и вниз венчиком, профилированной короткой шейкой, переходящей в тулово (рис. 3, с. 137). Для керамики этой группы с памятника Ананьино-I свойственна орнаментация горизонтальными линиями и подтреугольными вдавлениями при переходе от шейки к тулову. Среди тарского материала этой группы встречается поливная керамика. Диаметр устья сосудов этой группы на обоих памятниках – 16–23 см.

По своим характеристикам *четвертая группа* похожа на первую – венчик округлой формы, слабо отогнутый наружу. Главным отличием является профилированная длинная шейка, переходящая в тулово (рис. 4); для сосудов этой морфологической группы обоих археологических комплексов свойственно лощение в качестве дополнительной обработки поверхности. Для сельской керамики характерен диаметр 10–23 см, а для городской – 10–14 см. Эта группа коррелируется со вторым подтипом, выделенным Л. В. Татауровой в типе 1, – горшки из категории кухонной посуды, хотя такая профилировка сосудов есть и среди корчаг [1997, с. 40–41, 44–45].

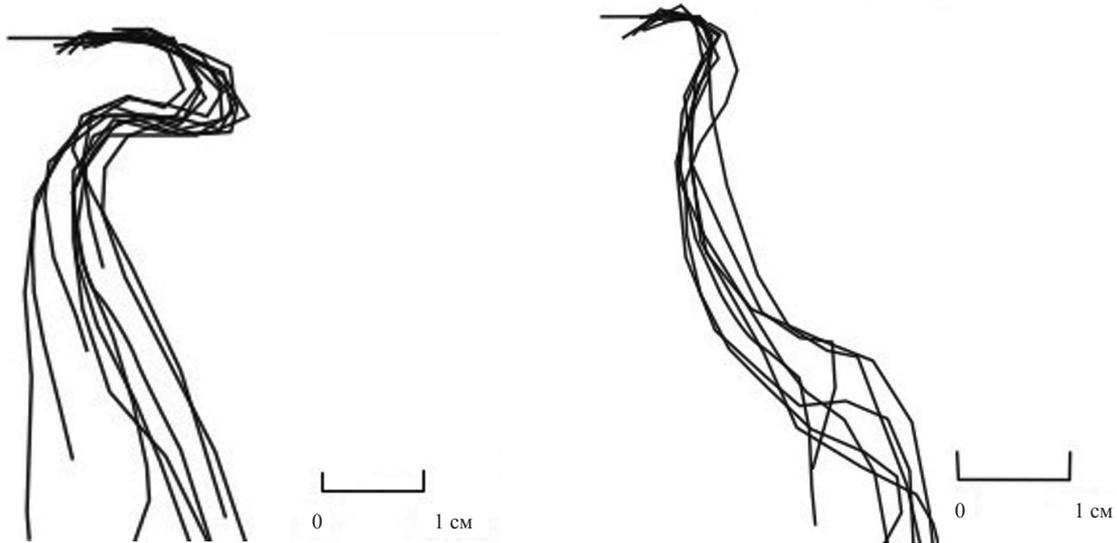

Рис. 3. Профили сосудов третьей морфологической группы Рис. 4. Профили сосудов четвертой морфологической группы

Отличием *пятой группы* является сильно отогнутый наружу и вниз венчик (рис. 5), короткая профилированная шейка и резкий переход к тулову. Необходимо отметить, что эта группа для тарской керамики является самой малочисленной по количеству представленных фрагментов. Для обоих комплексов типичен диаметр устья – 14–20 см. По типологии Л. В. Татауровой группа соотносится со 2-м подтипом.

Шестая морфологическая группа имеет специфическую особенность – это вогнутый внутрь сосуда венчик. Шейка короткая, прямая, переход к тулову плавный. Диаметр устья – 13–21 см (рис. 6). На момент создания Л. В. Татауровой типологии подобных экземпляров, как и керамики последующих групп, в коллекции Омского Прииртышья не было.

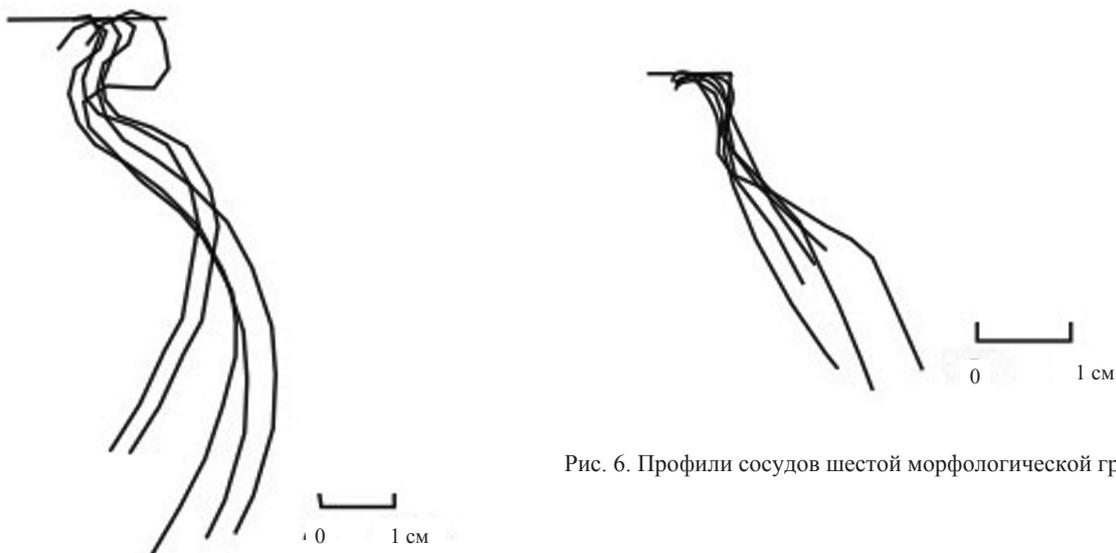

Рис. 6. Профили сосудов шестой морфологической группы

Рис. 5. Профили сосудов пятой морфологической группы

Следующая, *седьмая морфологическая группа* (как и последующие группы) представлена только материалом памятника Ананьино-I. Среди тарского материала данные морфологические группы не встретились. Характерным

морфологическим отличием является сильно отогнутый наружу венчик, очень короткая шейка и плавный переход от шейки к тулову (рис. 7). Присущий седьмой группе диаметр сосудов – 10–28 см. Дополнительная обработка поверхности представлена лошением и орнаментацией горизонтальными линиями.

В качестве отличия для *восьмой группы* можно выделить прямой округлый венчик, длинную вертикальную шейку, покатоое плечо (рис. 8). Диаметр, типичный для этой группы, имеет широкий интервал – от 9 до 26 см.

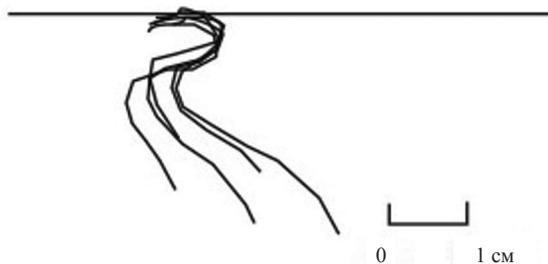

Рис. 7. Профили сосудов седьмой морфологической группы

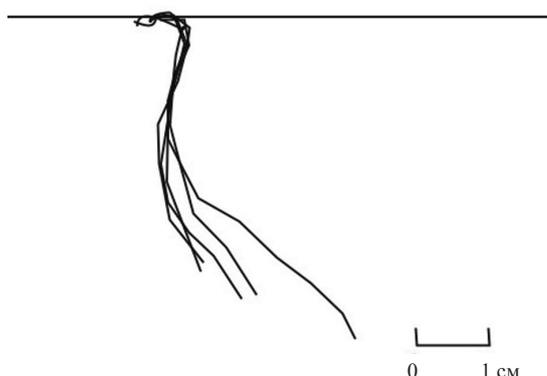

Рис. 8. Профили сосудов восьмой морфологической группы

Девятая морфологическая группа представлена слабо отогнутым венчиком, профилированной шейкой с очень резким переходом к устью (рис. 9). Диаметр варьируется от 11 до 28 см. Есть лошенные изделия. По типологии Л. В. Татауровой эту группу можно было бы соотнести с подтипом 3, однако для бергамакской посуды* характерны меньшие диаметры устья.

Десятая морфологическая группа самая малочисленная. Ее форма отличается крайне выраженным (наружу и вниз) изгибом венчика (рис. 10). Фрагменты сосудов, включенных в эту группу, отличаются от других морфологических групп большей толщиной (1–1,1 см), диаметр, типичный для этой группы, – 20–23 см. Вероятно, эти фрагменты принадлежали сосудам больших объемов – корчагам, для которых была необходима высокая прочность в эксплуатации, связанная не только с хранением продуктов, но и с требованием к стойкости при перепаде температур при приготовлении напитков.

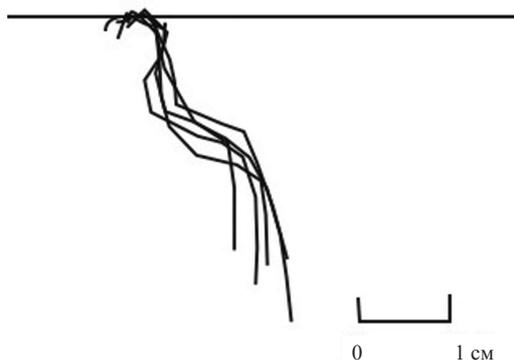

Рис. 9. Профили сосудов девятой морфологической группы

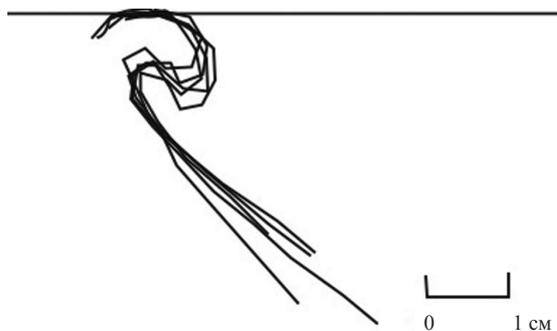

Рис. 10. Профили сосудов десятой морфологической группы

Проведенный анализ позволяет сделать вывод об одинаковых гончарных традициях в городе и селе: большинство морфологических групп сельского комплекса Ананьино-I находят аналоги в керамическом материале Тарской крепости. Схожие по профилировке формы сосудов изготавливали независимо от их назначения. Это подтверждает находка комплекта мисок в избе Тарского острога [*Адаптация русских...*, 2014, с. 257, рис. 55]. Такие же миски были найдены и на территории памятника Ананьино-I. Однако эта тема требует дальнейшего исследования и привлечения более обширного материала.

* Посуда с территории сельского комплекса Бергамак-I (с. Бергамак Муромцевского района Омской области). – *Примеч. ред.*

До прихода русских народы Западной Сибири не знали гончарного круга, а технологии изготовления керамики аборигенного населения не отличались от древних и средневековых производств. На первом этапе складывания русского гончарства в Сибири изготовление посуды тоже базировалось на простых способах использования круга (по А. А. Бобринскому [1978], 1–4-й этапы развития функций гончарного круга). Освоение функций круга и создание гибридных (по технологии) [Бобринский, 1999] форм посуды происходило не в процессе внедрения новых навыков в имеющиеся гончарные традиции, как это было при контакте с аборигенными культурами, а в рамках адаптационных процессов русской культуры и создания системы жизнеобеспечения на вновь осваиваемых сибирских территориях. Это связано с высокой потребностью в посуде и отсутствием профессиональных гончаров среди населения сибирских городов и деревень. Так, по письменным источникам XVII–XVIII вв., в Омском Прииртышье ремеслом занимались в свободное время служилые люди, состоявшие на государственной службе. Поэтому развитие ремесел было медленным. Даже в 1720 г. среди 113 ремесленников, учтенных в г. Таре (основан в 1594 г.), гончаров не упоминается. Лишь в 1858 г. письменные источники фиксируют одну гончарную мастерскую в Таре и три – в Омске (основан в 1716 г.) [Тара в XVI–XIX веках, 2014, с. 127–169]. Между тем в Тобольске на этот год было зафиксировано восемь гончарных заводов, в Тюмени – 30. Однако археологические исследования русских сельских комплексов Омского Прииртышья представляют обширные керамические материалы, свидетельствующие о широком использовании глиняной посуды в быту. Русская посуда как элемент материальной культуры пришла в Сибирь уже в сложившемся виде. Несмотря на то что первоначально ее делали непрофессионалы и технология производства керамических изделий заново прошла весь путь от создания сосудов методом скульптурной лепки до гончарного круга, набор типов глиняной посуды не пополнился новыми формами, хотя в рамках типа они были весьма вариативны, а распространился по Сибири в традиционном виде, который сложился у русских европейской части России.

Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI–XVIII веке (по материалам археологических исследований) : монография / Л. В. Татаурова, С. Ф. Татауров, Ф. С. Татауров, К. Н. Тихомиров, С. С. Тихонов. – Омск : Издатель-Полиграфист, 2014. – 374 с.

Аношко А. М., Селиверстова Т. В. Характеристика русской гончарной посуды из раскопок на территории Верхнего посада г. Тобольска // Вестник Тюменского государственного университета. – 2009. – № 7. – С. 80–90.

Балюнов И. В. Материальная культура населения города Тобольска конца XVI–XVII веков по данным археологических исследований : дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2014. – Т. 1. – 204 с.

Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. – М. : Наука, 1981. – Ч. 2. – 147 с.

Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства : коллективная монография. – Самара, 1999. – С. 5–109.

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М. : Наука, 1978. – 272 с.

Бобринский А. А. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. – Куйбышев, 1986. – С. 137–157.

Васильева И. Н. Опыт сравнительного изучения русской гончарной технологии второй половины XIII–XIV веков Самарского Поволжья и некоторых северо-восточных русских земель // Археология Подмосковья : материалы науч. семинара. – М., 2013. – Вып. 9. – С. 168–199.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). – Екатеринбург ; Нефтеюганск : Магеллан, 2008. – 296 с.

Горюнова О. И., Савельев Н. А. Опыт разработки номенклатурных понятий для описания неолитической и раннебронзовой керамики Восточной Сибири // Проблемы терминологии и анализа археологических источников : тез. к Вост.-Сиб. регион. совещанию по планированию и координации археолог. исследований палеолита, мезолита, неолита. – Иркутск, 1975. – С. 50–60.

Жущиковская И. С. Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. – Владивосток : ДВО РАН, 2004. – 312 с.

Жущиковская И. С. Системный подход в изучении древнего гончарства // Керамика как исторический источник : тез. докл. и материалы конф., проходившей 16–18 апреля в г. Тобольске. – Тобольск, 1996. – С. 9–11.

Зоц С. А. Позднесредневековая керамика из города Владимира (по материалам раскопок 2006 года) // Археология Подмосковья : материалы науч. семинара. – М., 2010. – Вып. 6. – С. 361–370.

Коваль В. Ю. Три группы керамики из Северо-Западного Подмосковья // Археология Подмосковья : материалы науч. семинара. – М., 2010. – Вып. 6. – С. 196–205.

Мамонтова О. С. Типология русской керамики Алтайского края конца XIX – первой половины XX века // Вестник ТГПУ. – 2012. – № 9 (124). – С. 88–95.

Мыльникова Л. Н. Керамика переходного времени от бронзового к железному веку лесостепной зоны Западной Сибири: диалог культур : дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2015. – Т. 1. – 491 с.

Овсянников А. В. О керамике древней Мангазеи // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М., 1973. – С. 269–272.

- Панченко К. И.* Пропорции керамических сосудов XII–XIX веков // Археология Подмосковья : материалы науч. семинара. – М., 2004. – С. 321–328.
- Панченко К. И.* Гончарная керамика XVIII–XIX веков с селища Багаевский карьер // Археология Подмосковья : материалы науч. семинара. – М., 2010. – Вып. 6. – С. 248–257.
- Пархимович С. Г.* Коллекция артефактов из раскопок Березовского городища // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2008. – С. 251–263.
- Селиверстова Т. В.* Русская гончарная посуда из культурного слоя Тобольска // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. – Омск, 2011. – С. 369–377.
- Сопова К. О.* Основные направления развития морфологии керамических сосудов на территории Омского Прииртышья (по материалам археологических комплексов русского населения) // Молодежь третьего тысячелетия : сб. науч. ст. – Омск, 2016. – С. 833–835. – URL: <http://www.omsk.ru/science/materialy-konferentsiy/2016/III.pdf> (дата обращения: 20.10.2016.).
- Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша / Д. А. Алисов, Ю. М. Гончаров, А. Р. Ивошин, А. В. Матвеев, С. Ф. Татауров, Ф. С. Татауров, К. Н. Тихомиров, М. Н. Тихомирова, С. С. Тихонов. – Омск : Амфора, 2014. – 332 с.
- Татаурова Л. В.* Глиняный горшок как архетип в славяно-русской культуре // Українська керамологія : національний науковий щорічник. За рік 2012. Глиняний посуд у культурі харчування народів світу. – Опішне, 2013. – Кн. VIII, т. 1. – С. 254–265.
- Татаурова Л. В.* Керамическое производство Нижней Тары в XVII–XX веках (по данным археологии и этнографии) : дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 1997. – 285 с.
- Татаурова Л. В.* Орнаменты на посуде русских сибиряков XVII–XVIII веков // Архаическое и традиционное искусство Сибири: проблемы научной и художественной интерпретации. – Новосибирск, 2014. – С. 186–188.
- Татаурова Л. В.* О типологии русской керамической посуды XVIII в. // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. – М., 2015. – С. 142–154.
- Татаурова Л. В.* Типология русской керамики (по этнографическим материалам) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1998. – Т. 3. – С. 88–123.
- Черкасов В. В.* Керамика Коломны второй половины XIII – первой половины XIV века (к вопросу об изменениях в гончарстве Среднего Поочья в Золотоордынскую эпоху) // Археология Подмосковья : материалы науч. семинара. – М., 2005. – Вып. 2. – С. 54–74.

К. О. Sopova¹, L. V. Tataurova²

¹*Omsk State F. M. Dostoyevsky University,*

²*Omsk Division of the Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS*

ACTUAL APPROACHES AND METHODS IN THE STUDY OF RUSSIAN CERAMICS OF MODERN AGES

Russian archeological ceramics, despite the formation of representative collections from the excavations of historical centers of cities and country complexes, still remains an unexplored element of culture, especially in the territory of Western Siberia. Today Siberian collections are almost not systematized and a few publication. Actual approaches to the study of Slavic-Russian ceramics are increasingly oriented towards the application of methods of natural science, which allows to get new information about the technology of making pottery, the morphological features of the selected types, this allows you to go on to study the different levels of pottery and its specialization. The results of complex studies of archaeological material make it possible to correlate it with written source and reconstruct pottery production.

Keywords: Russian ceramics, Western Siberia, typology, morphology, reconstruction.

АНТРОПОЛОГИЯ И ГЕНЕТИКА РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 572

М. М. Герасимова¹, Д. В. Пежемский²

¹Институт этнологии и антропологии РАН, Москва,

²НИИ и Музей антропологии МГУ, Москва

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КРАНИОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПОЗДНЕРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ. ЧАСТЬ 1

В статье рассматривается история исследований краниологических особенностей позднерусского населения XVI–XVII вв. Выделены четыре периода: 1) середина XIX – начало XX вв., 2) 1930–1950-е гг., 3) вторая половина XX в., 4) 1990-е гг. – настоящее время. Подробно рассмотрены второй и третий периоды – работы В. В. Бунака, Г. Ф. Дебеца, Т. А. Трофимовой, Н. Н. Чебоксарова и В. П. Алексеева. В отличие от более раннего периода выявлено падение интереса к краниологии русского населения в первой половине XX в. Последующий рост актуальности данной проблематики связан, во-первых, с конкретными усилиями В. П. Алексеева по сбору и публикации соответствующих краниологических материалов в 1960-е гг. и, во-вторых, с развитием ретроспективного подхода к анализу антропологических типов, созданного В. В. Бунаком еще в 1920–1930-е гг.

Ключевые слова: физическая антропология, краниология, позднерусское население, происхождение русского народа, расогенез, этногенез.

Введение. Около четверти века назад в изучении краниологических особенностей православного, в основном русского населения XVI–XVIII вв. начался новый этап, который стоит отсчитывать с 1995 г., когда были защищены сразу две диссертации, содержавшие соответствующие данные, и собран большой новый материал в Москве и Великом Новгороде [Гончарова, 1995, 2000; Санкина, 1995, 2000а, 2000б; Дубов, Дубова, 2000; Пежемский, 2000]. Этап этот продолжается и по сей день, его характерные черты – предмет грядущего анализа, от изложения результатов которого мы воздержимся. В данной работе для нас было важно разобраться с содержанием предыдущих этапов, попытаться построить более или менее объективную их периодизацию.

Предвосхищая основное содержание, оговоримся, что в работе впервые систематически используется понятие «позднерусское население», введенное одним из авторов в устных выступлениях и требующее пояснений. С нашей точки зрения, процесс этногенеза русского народа был длительным и нелинейным. Используя понятия «древнерусское население» для XI–XIII вв. (академик В. В. Седов систематически пользовался в данном случае термином «древнерусская народность») и «русский народ», которым обозначаются современные русские и их предки XIX – первой половины XX вв., антрополог оказывается в ситуации, когда собранный им материал, относящийся к позднему Средневековью, раннему Новому времени (да и к части позднедревнерусского периода), содержательно никак не может быть определен. Население XVI–XVIII вв., периода, в который происходили события и явления, собственно и определявшие основные вехи этногенеза русского народа, не имеет своего обозначения с точки зрения физической антропологии, а с точки зрения гуманитарных наук относится к разным историческим периодам. Именно для его обозначения и только для контекстов антропологических работ нами и предложен термин «позднерусское население». Может показаться, что более точным был бы термин «позднедревнерусское». Однако отметим, что пока мы располагаем очень скудным фондом антропологических данных о населении XIV–XV вв., которое и должно характеризоваться как позднедревнерусское.

Позволим себе кратко изложить, в чем суть краниологических исследований и их разрешающих возможностей для решения исторических проблем. Использование краниологического материала в качестве исторического источника, в частности – для решения проблем этногенеза, является традиционным для работ отечественной школы физической антропологии. В основе этой методологии лежит идея о группировке рас, культур и языков в причинно-независимые общности [Дебец, 1948; Дебец, Левин, Трофимова, 1952; Алексеев, 1979, 1986, 1989]. Определенная географическая приуроченность как социальных, так и биологических общностей человека, несмотря на различные время и темпы их формирования и различные законы развития, является тем связующим звеном, с помощью которого осуществляется, согласно летучему выражению, переход «от истории рас к истории народов». Значимость

краниологических данных определяется их спецификой по сравнению со всеми другими историческими источниками, которая заключается в том, что антропологические особенности любого народа свободны от действия феномена исторического заимствования, в отличие от языка и культуры. Появление комплекса антропологических особенностей, обнаруженного в чужеродной антропологической среде или на территории, где он раньше не был зафиксирован, безусловно, связано с переселением людей. В этом преимущество антропологических данных для установления масштабов и направлений миграций, конкретных движений человеческих коллективов, реальных носителей этих особенностей, роли отдельных популяций в сложении того или иного народа. Этот источник данных должен рассматриваться как основной при решении спорных вопросов, выдвигаемых конкретной исторической проблематикой (например, о родстве древних и современных народов, миграционизме или автохтонизме в развитии их культуры и формировании физических особенностей, о характере взаимодействия субстрата и суперстрата).

После этой короткой преамбулы хотелось бы определить рамки нашего историографического обзора. Его содержание — это анализ работ, посвященных краниологическим особенностям русского (православного) населения XVI–XVII вв. Однако характер анализируемых публикаций и материал, содержащийся в них, не позволяют строго соблюдать эти рамки.

Как нам представляется, периодизация истории изучения краниологических особенностей позднерусского населения предварительно может быть представлена так:

– период I (вторая половина XIX – начало XX вв.) – работы «отца» русской антропологии А. П. Богданова, его ближайших учеников и последователей; изложение сути этого периода и его специфики пока отложим из-за ограниченного объема статьи;

– период II (1930–1950-е гг.);

– период III (вторая половина XX в.);

– период IV (1990-е гг. – настоящее время) также требует отдельного рассмотрения.

Обзор работ 30–50 гг. XX в. После бурного развития искомой проблематики во второй половине XIX в., катализированного процессами развития французской антропологии, начало XX столетия характеризуется в этом отношении заметным падением исследовательского интереса. Еще более выраженной стала эта тенденция в 1930-е гг. – период, когда собственно и родилась современная российская палеоантропология. Здесь мы сталкиваемся с удивительным фактом – почти полным отсутствием краниологических данных по русскому населению, отсутствием явно выраженного внимания к краниологии русских позднего Средневековья и раннего Нового времени. Работы этого периода, во многом интересные и вполне сохраняющие свое значение, отличаются тем, что посвящены решению довольно частных проблем.

В основополагающей работе Г. Ф. Дебеца «Палеоантропология СССР», написанной в 1930-е гг. и защищенной в качестве кандидатской диссертации еще до Великой Отечественной войны, краниологии позднерусского населения посвящено чуть менее страницы. И уж совсем неодобрительно отзывался Г. Ф. Дебец об информативной ценности материала из городских позднесредневековых кладбищ (имелась в виду заведомая смешанность городского населения). Интерпретируя данные Т. А. Трофимовой об изученных ею сериях черепов из сельского кладбища XVI–XVII вв. у с. Никольского под Москвой, из кладбищ XVI в. в Московском Кремле и московских городских кладбищ XVIII в., исследователь обращает внимание на увеличение черепного указателя у русских по сравнению с черепным указателем в сериях восточных славян из Волго-Окского региона (вятичей и кривичей). Наиболее интенсивное увеличение черепного указателя у позднерусского населения он связывал с эпохальным процессом брахикефализации, оставляя вопросы этногенеза и этнической истории вне рассмотрения [Дебец, 1948, с. 238, 294]. Между тем ему было хорошо известно, что XV–XVI вв. – это очень интересный и значимый период в истории русского народа, который характеризуется распадом единого восточнославянского языка и выделением великорусской народности, что это эпоха собирания русских земель и формирования Московского государства. Возможно, не совсем понятное отсутствие интереса к самому многочисленному, государствообразующему народу России, эпонимному ее населению, было связано с недостаточностью источниковой базы. Однако малочисленность материала редко останавливала Г. Ф. Дебеца. Мало того, в заключении своей монографии он пишет о задачах дальнейших исследований и говорит о проблемах в палеоантропологическом источнике по Якутии и Дальнему Востоку, Западной Сибири, Кавказу и Средней Азии, но ни слова об отсутствии материалов по русскому населению (именно русского, а не восточнославянского, оставившего после себя многочисленные курганные могильники!). Вполне вероятным может оказаться предположение, что это было продиктовано политическими причинами, идеологическим прессингом того времени.

Результаты работы Т. А. Трофимовой, на которые и опирался Г. Ф. Дебец, в связи с темой нашего историографического очерка заслуживают специального рассмотрения. Краниологическими исследованиями восточнославянского населения она занималась под руководством В. В. Бунака с конца 1920-х гг., в основном изучая черепа из древнерусских курганов. Данные эти до обобщающих публикаций самой Т. А. Трофимовой не раз использовали в своих работах В. В. Бунак, Г. Ф. Дебец, Н. Н. Чебоксаров. Одна из обобщающих ее публикаций, увидевшая свет в 1941 г. и посвященная палеоантропологии восточных славян, содержала и монографическое описание серии черепов из сельского кладбища XVI–XVII вв. у с. Никольского на р. Сходне под Москвой. На тот момент это был единственный материал такого рода [Трофимова, 1941]. Привлеченные ею для сравнения серии происходили из городских кладбищ XVI–XVII и даже XVIII вв. и характеризовали уже городское русское население.

По сравнению с вятичами, черепа русских из погребений Никольского кладбища характеризовались укорочением продольного диаметра, уменьшением высотного и увеличением поперечного, т. е. значительно большим черепным указателем. Лоб оказался прямее, рельеф черепа был развит слабее. Выступание носа – более значительное, сильнее выражена и собачья ямка, высока частота антропических форм нижнего края грушевидного отверстия. Сравнение сельского населения XVI–XVII вв. из Никольского с городским населением того же времени из Московского Кремля показало (несмотря на некоторые отличия, связанные скорее всего с социальными условиями городской жизни) близкое сходство. Что касается серии черепов городского населения XVIII в., то она отличается от Никольской в том же направлении, что и кремлевская. Поскольку в то время считалось, что городские кладбища дают малопригодный материал вследствие специфических особенностей населения городов, этот материал не получил того научного резонанса, которого явно заслуживал.

В 1947 г. вышла в свет работа Н. Н. Чебоксарова «Ильменские поозеры», подготовленная еще до Великой Отечественной войны и посвященная ретроспективному анализу антропологических материалов из Ильменского Поозерья, сопоставлению современных и средневековых расовых типов, характерных для Новгородских земель. Антропологическое исследование морфологических особенностей поозерцев как предполагаемых потомков древних новгородцев представляет исключительный интерес для изучения вопросов заселения как самой Новгородской земли, так и обширных пространств Русского Севера и Северо-Запада. В работе впервые опубликованы краниологические данные по населению позднесредневекового Новгорода из раскопок А. В. Арциховского 1930-х гг. [Чебоксаров, 1947; Пежемский, 2004].

Безусловно, нельзя обойти вниманием и труды одного из крупнейших отечественных антропологов – В. В. Бунака. Для его исследований характерен ретроспективный подход к расовому анализу: исследуя современное живое население, В. В. Бунак всегда рассматривал истоки выделенных им антропологических вариантов [Бунак, 1932, 1956, 1965; *Bunak*, 1932]. Особо следует отметить коллективную монографию «Происхождение и этническая история русского народа» под общей редакцией В. В. Бунака, большинство глав которой, а также предисловие написаны им же. В основу работы легли материалы многолетней Русской антропологической экспедиции, исследованиями которой было охвачено 17 тыс. русских Европейской России. В контексте нашего очерка интерес представляет описание антропологического типа русского населения центральных областей. Здесь ученым был выделен, кроме описанных пяти других вариантов, восточноевропейский расовый тип как самостоятельная ветвь в пределах европеоидной расы, что представляется одним из важнейших итогов исследования восточнославянских народов. Отдельные черты его близки к центральному западноевропейскому расовому варианту, но сочетания признаков своеобразны. К ним, по сравнению с западноевропейскими группами, относятся такие особенности, как небольшой сдвиг в профилировке скуловой области, специфика в строении носа и верхнего века. В. В. Бунак полагал эти особенности очень древними, сформировавшимися до распространения в восточной части Европейской России уральских групп и до окончательного формирования в западных областях балтийского антропологического комплекса. Тип этот, как мы уже писали, выделен как характерный для центральных районов расселения русского народа.

Однако как раз для таких фундаментальных обобщений и трансэпохального сравнительного анализа палеоантропологического источника в ту пору было крайне недостаточно. По существу, гениальные догадки В. В. Бунака об истоках тех или иных антропологических типов еще только предстоит проверить.

Работы второй половины XX в. Существенные изменения в изучении краниологических особенностей русского народа связаны с именем В. П. Алексеева. Им были собраны (в том числе – в ходе собственных раскопок), обработаны и опубликованы новые серии черепов из русских кладбищ XVII–XVIII вв., обоснованы необходимость сбора и исследования палеоантропологического материала из поздних захоронений XVIII–XIX вв., как прочного моста между древностью и современностью, как ключа к пониманию генезиса современных антропологических типов [Алексеев, 1969, с. 22–25, 35, 320]. Одна из первых работ ученого, посвященная изучению краниологии современного восточнославянского населения, была основана на изучении 11 групп русского населения, четырех групп украинского и одной сборной группы белорусов [Алексеев, 1967]. В. П. Алексеев обращал наше внимание на то, что средневековые серии из вятичских и кривичских курганов (древнерусское население) отличаются от современных русских большей величиной профилировки лица на среднем уровне и меньшей величиной угла выступания носа. Равным образом, как и при сравнении их с белорусской серией. При сравнении серий черепов из полянских и северянских курганных могильников с современными украинскими сериями таких отличий В. П. Алексеев не обнаружил. Поскольку это признаки высокого таксономического ранга, дифференцирующие европеоидный и монголоидный компоненты в смешанных популяциях (исследователь был приверженцем метисационной гипотезы происхождения уральской расы, к которой относятся современные восточно-финские народы), он склонен был рассматривать этот факт как проявление дославянского финского субстрата, сыгравшего существенную роль в формировании русского и белорусского народов. Антропологический состав украинцев не обнаруживал влияния этого субстрата.

В. П. Алексеевым был изучен огромный краниологический материал конца XIX – начала XX вв. из клиник университетских центров. Эти данные сгруппированы им по губерниям. Именно они позволили охарактеризовать краниологические особенности современного или близкого к современности русского населения Новгородской, Московской, Рязанской, Тверской, Костромской и Ярославской, Вологодской, Смоленской и Витебской губерний [Алексеев,

1969]. Исходя из них, русские серии в целом характеризуются среднелинней и среднеширокой, невысокой черепной коробкой, среднешироким и средненаклонным лбом, довольно узким и средневысоким лицом, средними величинами глазниц и средними же величинами размеров носа, значительным выступанием носовых костей и переносья. По вертикальному профилю русские приближаются к мезогнатии, в горизонтальной плоскости профилировка лица резкая, величины ее минимальны даже в пределах вариаций европеоидных серий [Алексеев, 1969, с. 324]. В. П. Алексеев подчеркивал исключительное морфологическое сходство всех краниологических серий современного русского народа – все локальные варианты, отклоняющиеся от основного антропологического типа весьма незначительно, прослеживаются в пределах единого антропологического типа. Единственное более или менее заметное отличие от этого типа – уменьшение выступающего носа в архангельской, олонечкой, вологодской, витебской и смоленской сериях. Анализируя характер морфологической изменчивости в пределах Восточной Европы, распространение единого антропологического типа, свойственного современному русскому населению на огромной территории от Архангельска до Курска и от Смоленска до Пензы, он объяснял отсутствием серьезных географических рубежей, а также распространением единого языка, понятного на всей территории, отсутствием социальной изоляции.

Данные по современному населению различных областей В. П. Алексеев сопоставил, с учетом возможных генетических связей, со средневековым населением, сгруппировав их в соответствии с племенными границами [Алексеев, 1969, с. 43–46]. Словене сравнивались с жителями Петербургской и Новгородской областей; кривичи – с жителями Витебской, Смоленской, Костромской, Ярославской, Тверской, Московской и Владимирской областей; вятичи – с жителями Московской и Рязанской областей. Это сопоставление позволило выявить закономерные различия в особенностях мозговой коробки и лицевого скелета у современного русского и средневекового славянского населения – увеличение поперечного и лобного диаметров, увеличение черепного указателя, т. е. налицо фактор расширения мозговой коробки. Однако общему увеличению размеров черепа противоречит уменьшение высоты его, что свидетельствует об изменении морфофизиологических корреляций, следовательно, фактор уменьшения высоты мозговой коробки имеет самостоятельное значение.

При анализе признаков лицевого скелета В. П. Алексеев также выделяет несколько факторов, определяющих структурную перестройку черепа. Это сужение и повышение лица, усиление угла выступающего носа и увеличение профилировки лица на среднем его уровне. Поскольку эти признаки служат для разграничения монголоидных и европеоидных типов, даже незначительный сдвиг в выраженности этих признаков в сторону понижения он был склонен рассматривать как показатель монголоидной примеси и, таким образом, как доказательство финского субстрата. Ученый полагал, что финноязычные народы Поволжья представляют собой результат различной интенсивности контактов между монголоидными и европеоидными группами и относятся к субуральскому варианту уральской расы [Алексеев, 1969, с. 159]. Современные серии восточнославянских народов более сближаются с западнославянскими и южнославянскими группами, чем со средневековыми восточнославянскими группами древнерусского, «курганного» населения. Это сходство трактуется им как свидетельство в пользу западного и юго-западного пути проникновения основного антропологического типа в составе восточнославянских народов на территорию Украины, Белоруссии и остальной части Русской равнины [Алексеев, 1969, с. 206, 207].

К сожалению, в исследованиях В. П. Алексеева имелся существенный пробел, касающийся материалов именно позднерусского населения. Временной хиатус между сравниваемыми пластами населения занимает не менее 500 лет. Однако эти исследования имели мировоззренческое значение, они сыграли огромную роль в формировании взглядов Т. И. Алексеевой, занимавшейся параллельно изучением краниологических особенностей древнерусского населения. Практически ею была проделана подобная же работа.

Т. И. Алексеева также попыталась проследить уровень соответствия населения на одних и тех же территориях в разные исторические периоды. К сожалению, периоды эти также были ограничены двумя временными рамками – «курганным» периодом XI–XIII вв. и современностью (или временем, близким к современности). Разделяя идею антропологического единства русских, она тем не менее выявила преемственность населения на одних территориях и смену на других [Алексеева, 1973].

Заключение. В данном кратком обзоре рассмотрена часть истории исследований краниологических особенностей позднерусского населения XVI–XVII вв. Предварительно выделены четыре периода: 1) середина XIX – начало XX вв., 2) 1930–1950-е гг., 3) вторая половина XX в., 4) 1990-е гг. – настоящее время, два из которых содержательно охарактеризованы. В отличие от второй половины XIX в., когда были опубликованы данные о населении Москвы, Твери, Великого Новгорода, в начале следующего столетия отчетливо прослеживается утрата интереса к краниологии русского населения. Рост актуальности этой проблематики во второй половине XX в. связан, безусловно, с конкретными усилиями В. П. Алексеева по сбору и публикации соответствующих краниологических материалов в 1960-е гг. Немаловажным фактором изменения ситуации здесь является и дальнейшее развитие ретроспективного подхода к расовому анализу, созданного В. В. Бунаком еще в 1920–1930-е гг. и широко применявшегося этим исследователем в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. [Бунак, 1965], несмотря на то что из выделенных им по соматологическим данным в составе русских шести антропологических вариантов, на краниологическом материале В. П. Алексееву удалось зафиксировать только один – восточноевропейский. Поэтому стоит продолжить эти исследования, так как источниковедческую недостаточность середины XX столетия к настоящему времени можно считать фактически преодоленной.

- Алексеев В. П.* Историческая антропология. – М. : Высшая шк., 1979. – 216 с.
- Алексеев В. П.* Историческая антропология и этногенез. – М. : Наука, 1989. – 445 с.
- Алексеев В. П.* Некоторые итоги изучения краниологии восточнославянских народов // Akten des anthropologischen Kongresses, Brno (Tschechoslowakei), 1965. – Brno, 1967. – С. 9–13.
- Алексеев В. П.* Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). – М. : Наука, 1969. – 324 с.
- Алексеев В. П.* Этногенез. – М. : Высшая шк., 1986. – 176 с.
- Алексеева Т. И.* Этногенез восточных славян по данным антропологии. – М. : Изд-во МГУ, 1973. – 331 с.
- Бунак В. В.* Антропологические исследования в южной Белоруссии // Антропологический сборник. № 1. – М., 1956. – С. 3–36. – (Труды Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия ; т. XXXIII).
- Бунак В. В.* Вопросы расогенеза // Происхождение и этническая история русского народа. – М., 1965. – С. 174–190. – (Труды Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия ; т. 88).
- Бунак В. В.* Расы Западной Европы. Классификационная система // Большая советская энциклопедия. – 2-е изд. – М., 1932. – Т. 24. – С. 227–236.
- Гончарова Н. Н.* Антропология словен новгородских и их генетические связи : автореф. дис. ... канд. биол. наук. – М., 1995. – 22 с.
- Гончарова Н. Н.* Особенности антропологического типа новгородских словен в связи с вопросами происхождения // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. – М., 2000. – Ч. 2. – С. 66–94.
- Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР. – М. ; Л. : Изд-во и 1-я тип. изд-ва Акад. наук СССР, 1948. – 392 с. – (Труды Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия ; т. IV).
- Дебец Г. Ф., Левин М. Г., Трофимова Т. А.* Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза // СЭ. – 1952. – № 1. – С. 22–35.
- Дубов А. И., Дубова Н. А.* Антропологическая характеристика четырех краниологических серий с территории г. Москвы // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. – М., 2000. – Ч. 2. – С. 130–150.
- Пежемский Д. В.* Новые материалы по краниологии позднесредневековых новгородцев // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. – М., 2000. – Ч. 2. – С. 95–129.
- Пежемский Д. В.* Краниологические материалы из раскопок А. В. Арциховского 1936–1938 и 1952 гг. // Новгородские археологические чтения : материалы науч. конф., 21–24 сентября 2002 г. – Великий Новгород, 2004. – С. 106–113.
- Санкина С. Л.* Антропологический состав и происхождение средневекового населения Новгородской земли : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 1995. – 20 с.
- Санкина С. Л.* Антропологический состав средневекового населения Новгородской земли // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. – М., 2000а. – Ч. 2. – С. 5–65.
- Санкина С. Л.* Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. – СПб. : Изд-во Дмитрий Буланин, 2000б. – 109 с.
- Трофимова Т. А.* Черепа из Никольского кладбища // Ученые записки МГУ. Антропология. – М., 1941. – Вып. 63. – С. 197–235.
- Чебоксаров Н. Н.* Ильменские позеры // Труды Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. – Т. I. – М. ; Л., 1947. – С. 235–267.
- Bunak V. V.* Neues Material zur Aussonderung anthropologischen Typen unter der Bevölkerung Osteuropas // Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie. – Bd. 30, H. 3. – 1932. – S. 441–503.

M. M. Gerasimova¹, D. V. Pezhemsky²

¹Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Moscow,

²Research Institute and Museum of Anthropology, Moscow State University

THE HISTORY OF CRANIOLOGICAL STUDIES OF THE RUSSIAN POPULATION OF THE 16–17th CENTURIES. PART 1

This article presents the history of craniological studies of the Russian population of the 16–17th centuries. Four periods are distinguished: 1) middle 19th century – early 20th century, 2) 1930s – 1950s, 3) the second half of the 20th century, 4) 1990s – up to the present time. We closely reviewed the second and the third period of studies, namely the works of V. V. Bunak, G. F. Debetz, T. A. Trofimova, N. N. Cheboksarov and V. P. Alekseev. In contrast to the earlier period we observe a weakening of interest in craniological studies of the Russian population in the first half of 20th century. Further significance of this subject resulted initially from the efforts of V. P. Alekseev who had collected and published corresponding craniological material in the 1960s. The second important factor was the development of a retrospective approach to analysis of anthropological types established by V. V. Bunak back in 1920–1930s.

Keywords: physical anthropology, craniology, Russian population, origin of races, ethnogenesis.

АНТРОПОЛОГИЯ СТАРОЖИЛЬЧЕСКИХ ГРУПП СИБИРСКОЙ АРКТИКИ

Представлены результаты комплексного антропологического изучения двух групп русских старожилов сибирского Заполярья – индигирщиков и колымчан. Материалы получены в 2013–2014 гг. в Аллаиховском и Нижнеколымском улусах Республики Саха (Якутия). Обследованы коренные жители разного пола, возраста, национальности, всего более 450 чел. Обе группы представляют единый и эндемичный расовый комплекс смешанного европеоидно-монголоидного происхождения. В его основе европейская комбинация черт внешнего облика, в которой выражена мозаичность признаков из-за проявлений азиатской монголоидной тенденции. О метисной природе изученных групп говорит генеалогический состав выборки, а также довольно широкий диапазон индивидуальных фенотипов внешнего облика. Доля примеси сибирских народов выше у колымчан. В целом старожилы низовьев Индигирки и Колымы сближаются с северными коми и русскими, а также с национально-смешанными группами в евразийском пограничье.

Ключевые слова: русские старожилы Сибири, Русское Устье, Походск, происхождение, этническое самоопределение, физический тип популяции, метисация.

При восстановлении процесса формирования любого народа, выявлении его генетических компонентов и последующих контактов важную роль играет антропологический материал, который представляет биологическую характеристику человеческих популяций по некоторым варьирующим в норме морфологическим, физиологическим или генетическим признакам. Сложение особенностей в конкретные, исторически более или менее длительно существующие комплексы обусловлено рядом причин: адаптацией к природной среде, исходными биологическими компонентами, характером межгрупповых социальных контактов, степенью изолированности популяций, случайными обстоятельствами. Важно понимать, что антропологический комплекс маркирует, прежде всего, территорию (ареал), на которой сформировалась непохожая на других группа популяций, а расширение этого ареала или появление подобного комплекса на удаленной территории невозможно без миграции самого населения. Поскольку в этих же популяциях идут одновременно и культурологические процессы, формирующие круги брачных связей, постольку биологические и социальные маркеры популяций оказываются исторически сопряженными. Антропологический материал не фиксирует исторические контакты, если они протекают в биологически однородной среде.

Русское старожильческое население Сибири впервые вошло в круг научных интересов исследователей-антропологов на рубеже XIX–XX вв. при изучении коренного населения Якутии [Геккер, 1896; Майнов, 1900, 1912]. В 1920-е гг. в ходе масштабной антропологической работы на Алтае были обследованы также русские и русско-алтайские потомки [Ярхо, 1947], а в 1940-е гг. камчадалы и русские старожилы Камчатки [Дебец, 1951]. Позднее эти группы были изучены по новым антропологическим методикам [Перевозчиков, 1986, 1994]. Дважды обследованы потомки старожильческого и староверческого населения в Забайкалье [Золотарева, 1957; Бунак, 1963; Давыдова, 1963, 1998]. Целенаправленное и широкое изучение сибирских русских провели сотрудники Института этнографии АН СССР в 1960-е гг., что нашло отражение в ряде серьезных научных публикаций В. В. Бунака, Г. М. Давыдовой, В. П. Алексеева с соавторами [Антропологические исследования..., 1968], Н. А. Долиновой [1992]. Тогда были изучены по нескольким методическим программам старожильческие группы на Алтае, Енисее и Ангаре, в Забайкалье, на Олекме и Индигирке. Наиболее полная публикация этих материалов по соматологии представлена в хорошо известной специалистам книге «Русские старожилы Сибири» [1973], в которой антропологические главы написали В. В. Бунак и Г. М. Давыдова. Небольшой раздел в этом издании посвящен и русско-устьинцам, кратко описанным как «метисы индигирские». Сравнение этой выборки с енисейскими русскими, якутами и ламутами/эвенами показало приближение к сибирским народам, особенно к якутам по измерительным признакам головы и лица, а также по частотам генов групп крови системы АВО. Среди изученных старожильческих групп есть две енисейские – южная из района Енисейска, включающая небольшую местную примесь, и туруханская, в наибольшей степени сохранившая черты североευропейских переселенцев начальных этапов миграции в Сибирь. К енисейским группам антропологически близки старожилы Ангары. По результатам обследования 1960-х гг. девяти русских сибирских групп установлено, что они, включая старообрядцев, не являются изолятами, не имеют достоверных климатических адаптаций в своем физическом типе. По сравнению с суммарной европейской выборкой русских (по данным Русской антропологической экспедиции 1955–1959 гг.) у сибиряков в среднем увеличены размеры лица и носа, в телосложении увеличены широтные размеры. В. В. Бунак связывал эти тенденции с первичным отбором в среде первооселенцев на физическую выносливость, а также смешением с аборигенным населением. Исторически известна распространенность браков европейских мигрантов (не старообрядцев) с местными женщинами, интеграция национально-смешанных потомков в этнически

русскую общность, что подтверждается и проведенным нами генеалогическим опросом. Эти процессы шли с разной интенсивностью на разных территориях и в разное время.

Н. А. Долинова обобщила дерматоглифические данные по многим переселенческим группам русских, в том числе и по русскоустынцам. При суммарном сходстве с русскими европейской части России старожилы Индигирки по важным признакам имеют сибирские и североευропейские черты.

В 2013–2014 гг. в рамках государственной целевой программы Республики Саха (Якутия) проведено комплексное антропологическое исследование в районах традиционного и компактного проживания русских старожил в низовьях Индигирки и Колымы (руководитель проекта кандидат исторических наук С. Е. Никитина, Якутск). Начало формирования этнографических групп русских индигирщиков, или русскоустынцев, и колымчан, или походчан, относится к XVII–XVIII вв. В начале XXI в. потомков первопроходцев насчитывается несколько сотен человек в каждой группе. Значительная их часть постоянно живет теперь в райцентре («в городе»), т. е. в Якутске.

Обследованы местные жители разного пола, возраста и национальности: в Аллаиховском улусе пос. Чокурдах и с. Русское Устье 215 чел., в Нижнеколымском улусе пос. Черский и с. Походск 239 чел. Взрослые выборки включают исключительно потомков русских старожил, но с разной долей этого компонента в родословной (101 и 94 чел. в каждом районе). Генеалогический состав мужских и женских выборок, выявленный устным опросом при заполнении анкетных данных в антропологические бланки, представлен в таблице 1 (с. 149). Доля собственно старожильческого компонента в них варьирует от 47 до 63 %. Ранее антропологи работали только на Индигирке (экспедиция 1967 г. под руководством В. П. Алексеева, материалы опубликованы фрагментарно). Колымская же группа обследована впервые. Выполнялись следующие антропологические программы: классическое описание внешнего облика и портретная фотосъемка взрослых от 17 лет, морфология зубной системы у детей от семи лет, вариации отдельных морфогенетических маркеров у детей и взрослых. Последовательные полевые обследования, проведенные одним и тем же специалистом, обеспечивают наиболее корректное сравнение полученных данных. Удачным в методологическом отношении фактом является также наличие хорошо сопоставимых литературных материалов по научному описанию антропологического типа сибирских народов тех же районов Якутии. Они получены И. М. Золотаревой в 1959 г. в ходе работы Юкагирской (Колымской) комплексной экспедиции. Народы Таймыра, Западной Сибири и северо-востока Европы, необходимые в данном случае для сравнительного расогенетического анализа, представлены также полевыми материалами ее ученицы Г. А. Аксяновой, а по Русскому Северу М. В. Витовым [Золотарева, 1962, 1965, 1968, 1975а, 1975б; Аксянова, Золотарева, 1992; Витов, 1997; Аксянова, 2005].

В настоящее время две старожильческие группы (индигирщики-русскоустынцы и колымчане-походчане) представляют разные круги брачных связей, что ярко отражено различающимся составом фамилий. В мужских выборках отмечено 26 фамилий у русскоустынцев и 31 у походчан, из которых две общие – Суздалов и Шкулев. В женских выборках по паспортным данным соответственно 32 и 35 разных фамилий, общая – Яковлева. В нашей выборке русскоустынцев наиболее распространенные фамилии – Киселев, Чикачев, Портнягин, Черемкин, Шкулев, Ровкин, Шахов (до 16 % выборки), у походчан это Бережнов, Борисов, Котельников, Кузаков, Налетов, Суздалов, Третьяков (до 15 %). Антропонимический и генеалогический критерии выявили большую однородность популяции индигирщиков. В генофонде старожил Колымы примерно на 10 % уменьшен вклад этнически русских предков, но увеличен вклад юкагирского и особенно чукотского народов. Из сибирских народов максимальный вклад сейчас вносят якуты (8–16 % доля в родословной потомков старожил). Эти соотношения находят отражение в антропологической характеристике исследованных групп.

На Колыме мы провели блиц-опрос, чтобы выяснить у взрослых потомков старожил, кого они называют походчанами («Кто такие походчане?»). Приводим эти устные ответы.

Юля, 30 лет: «В Походске есть свой особенный “мирок”, здесь все вместе, друг за друга. Чувствуешь себя в большой семье».

Григорий, 42 года: «Походчане – это люди – смесь всех северных народов и русских».

Василий, 71 год: «Походчане – мы отличаемся от всех местных народов и говорим по-своему».

Геннадий, 36 лет: «Походчане – это очень добрые люди. Это люди, которых можно рассматривать как эталон россиянина. Походчанин – это человек равнодушный ко всему, что вокруг него, не пройдет мимо проблем другого человека, даже если в споре или приезжий».

Владимир, 42 года: «Походчане – это люди, которые проживают здесь на Колыме, имеют общие родственные корни и сплоченность. В целом, каждого односельчанина считаешь членом своей большой семьи не по крови, а по духу, по мировоззрению и воспитанию. Личные события являются общими. Беда и радость – это общие переживания».

Александр, 22 года (самоидентификация – якут): «Походчане – это жители одного старинного села».

Кроме того, при соматологическом обследовании взрослого населения во время выяснения анкетных данных мы задавали вопрос: «Считаете ли Вы себя походчанином/походчанкой?». Вопрос не вызывал затруднений практически у всех опрошенных лиц в возрасте 17–70 лет. Ответы респондентов звучали однотипно и свидетельствовали, что этот термин отражает территориальную идентичность человека вследствие проживания в Походске сейчас или в детстве (с рождения или летом), наличия там родственников сейчас или в прошлом, признания села и его окрестностей своей малой родиной. Ответы отражали причастность к определенной территориальной общности. Признание себя походчанином, характерное для многих людей, означает реальность единого территориального

самосознания у части местного населения разной этнической идентичности, чьи генеалогические корни – в Походске. Наименование «походчанин» воспринимается ими позитивно либо нейтрально. Родословные обследованных нами лиц в разной степени связаны со старожильческим населением – казаками нижнего течения Колымы (со стороны любого из родителей). Некоторые наши респонденты говорили о себе «Я местный – черский / Я из Черского, «черчанин» / Русский из старожилов».

На широком североазиатском фоне разных расовых типов потомки русских старожилов устья Индигирки и Колымы являются наиболее близкими друг другу группами (табл. 1). Европейский (европеоидный) компонент во внешнем облике этого населения преобладает, но одновременно есть и характерные азиатские (монголоидные) черты. По средним данным, это заметно ослабленное развитие бороды при значительном, особенно у колымчан, проценте эпикантуса, зауженная и с легким наклоном глазная щель, тенденция к уплощенности увеличенного по размерам лица, преобладание темной окраски волос и глаз. В дополнение к физической внешности зубные маркеры, отмечаемые в детских выборках, также демонстрируют мозаичный по расовой направленности набор характеристик. Это еще раз доказывает метисную природу изученных групп российского Заполярья.

При сравнении евразийских этносов из циркумполярных регионов обе старожильческие группы заполярной Якутии ближе всего к северным коми (ижемцам), несколько более удалены по внешним признакам от обобщенной выборки Русского Севера. Следующий уровень – это смешанные группы, как в национальном, так и расовом отношении (колвинские ненцы, хантыйско-русские метисы). На большом биологическом расстоянии от старожильческого кластера находятся долганы с отмеченной у них русской примесью, камчадалы и две группы хантов. Очень далеки походчане и тем более русскоустыинцы от выраженно монголоидных групп (нганасаны, чукчи, юкагиры, якуты) (рис. 1).

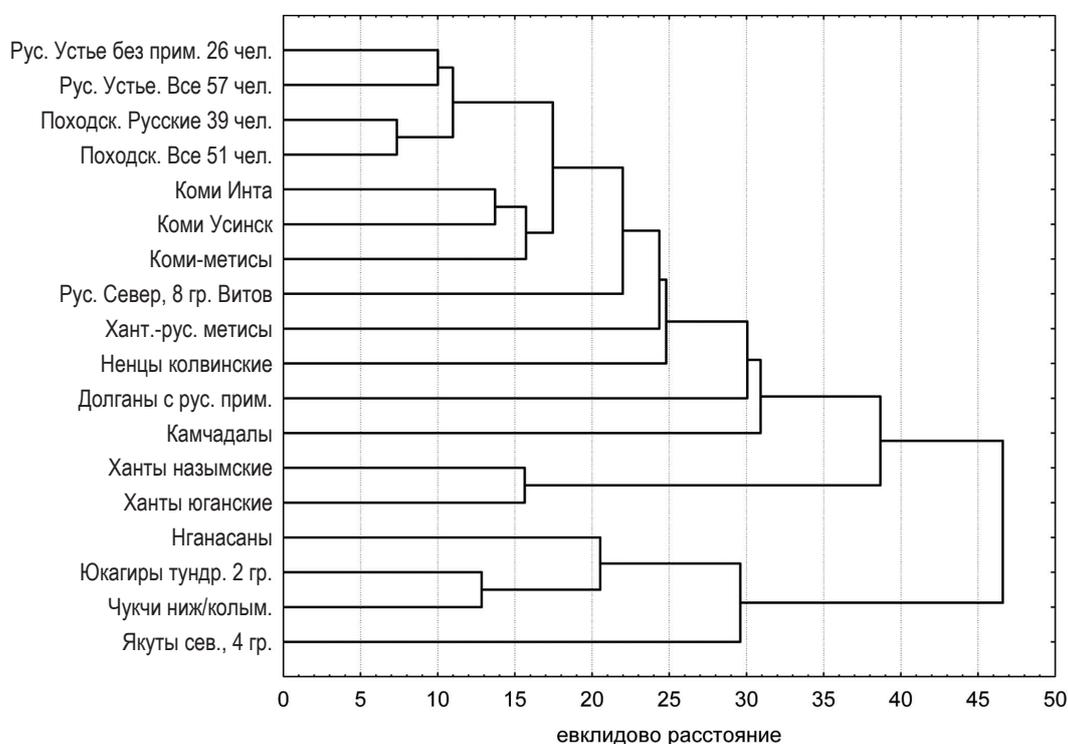

Рис. 1. Кластеризация 18 групп по комплексу расовых особенностей внешности (21 признак в мужских выборках). Каждая старожильческая группа представлена двумя выборками. *Русскоустыинцы (индигирицики)*: N = 26 чел., все без смешения с сибирскими народами, только этнические русские; N = 57 чел., включает также лиц с зарегистрированной сибирской примесью; единичные случаи нерусской идентичности (якут, татарин, юкагир). *Походчане (колымчане)*: N = 39 чел., включает лиц с самосознанием «русский», большинство имеет сибирскую примесь; N = 51 чел., включает кроме того лиц с нерусской идентичностью (якут, чукча, юкагир, татарин, эвен)

По данным о встречаемости некоторых зубных и морфогенетических маркеров у потомков старожилов сильнее, чем по признакам внешнего облика, проявляется монголоидный компонент в их антропологическом составе, особенно у походчан по зубным признакам. Русскоустыинцы-школьники, которые не имеют сибирской примеси, занимают особое положение в таксономическом пространстве евразийских вариантов, объединяя в контрастной форме североазиатские и сибирские черты.

Походчане немного более монголоидны, чем русскоустыинцы, что соответствует генеалогическим сведениям. При детальном анализе характеристик старожилов и соседних коренных сибирских народов можно в каждой из них увидеть разницу по преобладающему азиатскому монголоидному компоненту. Если такой сдвиг характеристики индигиричников в основном определяется влиянием якутской примеси, то у колымчан – чукотской и юкагирской.

Таблица 1

Генеалогический состав мужских и женских выборок старожил по данным устного опроса обследованных лиц (в %)

Выборка	Этническая самоидентификация				Доля этнического компонента в генофонде							
	русские	якуты	чукчи	юкагиры	прочие	русский	из них старожиль-ческий	другой европей-ский	якутский	чукотский	юкагир-ский	другой азиатский
I. Мужчины												
Русские старожилы, Нижняя Колыма (<i>походчане</i>), только этнические русские N = 39 чел.	100	0	0	0	0	69	(57)	9*	8	4,5	5	0
Русские старожилы, Нижняя Колыма (<i>походчане</i>), все нац-ти. N = 51 чел.	77	12	4	2	тагарин, эвен, не выражено (по 2)	65	(55)	8*	12	6	5	эвены (0,5)
Русские старожилы, Нижняя Индигирка (<i>русскоустыинцы</i>) N = 57 чел.	95**	2	0	2	тагарин (2)	77	(63)	7**	11	0,6	3	эвены (0,3), буряты (0,3)
II. Женщины												
Русские старожилы, Нижняя Колыма (<i>походчане</i>), только этнические русские N = 32 чел.	100	0	0	0	0	63	(51)	10*	11	8	5,5	эвены (0,8)
Русские старожилы, Нижняя Колыма (<i>походчане</i>), все нац-ти. N = 43 чел.	72	4,7	4,7	4,7	тагарка, эвенка (по 4,6) башкирка (2,3)	58	(47)	10,5	12,5	8	8	эвены (1,5)
Русские старожилы, Нижняя Индигирка (<i>русскоустыинцы</i>), все нац-ти. N = 44 чел.	89	7	0	4,5	0	67	(54)	9**	16	0,3	4,5	эвены (3), буряты (0,6)

Примечание. I. *У походчан (39 чел.) в числе предков есть украинцы, белорусы, поляки, татары, норвежец и азербайджанец, а в группе 51 чел., кроме того, еще евреи. **У русскоустыинцев отдельные случаи украинской или белорусской идентичности. В числе предков есть украинцы, белорусы, молдаване, поляки, немцы, татары, цыгане.

II. *У походских женщин (выборка 32 чел.) в числе европейских по антропологическому типу предков, помимо этнических русских, есть в отдельных случаях украинцы, белорусы, татары, мордва, норвежец, еврей и цыгане. В полной выборке (43 чел.), кроме того, еще башкиры.

**У женщин русскоустыинцев отдельные случаи украинской или белорусской идентичности. В числе предков есть украинцы, белорусы, молдаване, поляки, татары, евреи.

При оценке степени полового диморфизма преобладание европеоидного компонента у походчан хорошо подтверждается одновременно с очевидным проявлением ряда тенденций, свойственных метисным европеоидно-монголоидным группам. По данному критерию колымская группа старожилов, как и русскоустыинцы, морфологически достаточно однородна и, безусловно, является в антропологическом аспекте органической частью местной этнорасовой среды.

Обобщенные фотопортреты полных выборок русскоустыинцев и походчан (мужчин и женщин) выполнил сотрудник НИИ и Музея антропологии МГУ кандидат биологических наук А. М. Маурер.

Межгрупповое варьирование группы независимых биологических особенностей, функционально никак не связанных между собой, нейтральных в отношении жизнедеятельности людей, помещает рассмотренные выборки мужчин-индигирщиков и колымчан, в большинстве случаев признающих себя частью русского народа, в ряд промежуточных европеоидно-монголоидных популяций, которые имеют смешанное европейско-сибирское происхождение. В зависимости от природы самого признака и, очевидно, степени его доминантности разные маркеры демонстрируют различную степень приближения русских старожилов к сибирским этнорасовым группам. Наиболее дифференцирующим европейские и азиатские популяции является тип ушной серы. В Русском Устье подгруппа потомков русских старожилов без указанной ими аборигенной примеси слабо различается с полной выборкой по рассмотренной группе признаков, что ясно говорит о наличии в ней также сибирского компонента. По аналогии с известными нам группами смешанного антропологического состава правомерно допустить, что в среднем не менее трети генофонда популяции русскоустыинцев обусловлено участием в их формировании местного сибирского населения. У походчан эта доля поднимается примерно до 45 % генофонда (по генеалогическим оценкам).

Таким образом, походчане, как и русскоустыинцы, — это выражено метисные группы. Обе они по расовому комплексу сближаются, прежде всего, с ослабленно европеоидными группами коми и русскими из районов северо-востока Европы. А различия между ними определяются не только большей долей азиатского компонента на Колыме, но, что важно, и удельным весом разных коренных сибирских народов в каждой из этих территориальных групп. Нет сомнения в эндемичной и метисной природе заполярных старожиловских групп Якутии, в усилении азиатского монголоидного компонента у колымчан, в продолжающемся процессе метисации в обеих группах и смешении с пришлым европейским населением.

Аксянова Г. А. Современные представления об антропологическом составе народа коми и его генетических истоках // Антропология коми. — М., 2005. — С. 53–176.

Аксянова Г. А., Золотарева И. М. Антропологический тип современных нганасан (исследование взрослого населения) // Нганасаны. Антропологическое исследование. — М., 1992. — Вып. I. — С. 31–113.

Антропологические исследования на Лене / В. П. Алексеев, Ю. Д. Беневоленская, И. И. Гохман, Г. М. Давыдова, В. К. Жомова // СЭ. — 1968. — № 5. — С. 40–52.

Бунак В. В. Русское население в Забайкалье // Антропологический сборник IV. — М., 1963. — С. 169–195. — (Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия ; т. 82).

Витов М. В. Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера. — М. : ИЭА РАН, 1997. — 201 с.

Геккер Н. Л. К характеристике физического типа якутов. (Антропологический очерк). — Иркутск, 1896. — 90 с. (Записки Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества по этнографии ; т. III, вып. 1).

Давыдова Г. М. Антропологические исследования среди семейских русских Забайкалья // Антропологический сборник IV. — М., 1963. — С. 196–207. — (Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия ; т. 82).

Давыдова Г. М. Антропологические типы русских Сибири // Вопросы антропологии, диалектологии и этнографии русского народа. — М., 1998. — С. 28–36.

Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области. — М. : Изд-во АН СССР, 1951. — 264 с. — (Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия ; т. XVII).

Долинова Н. А. Дерматоглифика русских переселенцев Сибири и Кавказа // Материалы и исследования по антропологии 80-х годов : материалы к серии: Народы и культуры. Вып. X : Антропологические исследования. Кн. 1. — М., 1992. — С. 62–80.

Золотарева И. М. Некоторые данные по этнической антропологии населения Забайкалья // Записки Бурят-Монгольского НИИ культуры. XXIV. — Улан-Удэ, 1957. — С. 203–241.

Золотарева И. М. Антропологическое исследование долган // СЭ. — 1965. — № 3. — С. 27–39.

Золотарева И. М. Антропологическое исследование нганасан // СЭ. — 1962. — № 6. — С. 131–136.

Золотарева И. М. Антропология некоторых народов Северной Сибири // Юкагиры (историко-этнографический очерк). — Новосибирск, 1975а. — С. 97–110, 154–192.

Золотарева И. М. Территориальные варианты антропологического типа якутов (в связи с проблемой их происхождения) // Этногенез и этническая история народов Севера. — М., 1975б. — С. 231–248.

Золотарева И. М. Юкагиры (антропологический очерк) // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. — М., 1968. — С. 148–177.

Майнов И. И. Помесь русских с якутами // Русский антропологический журнал. – 1900. – № 4. – С. 37–57.

Майнов И. И. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. – СПб., 1912. – 29 с. – (Записки Русского географического общества. Отдел статистики ; т. XII).

Перевозчиков И. В. Антропология старожилов Камчатки // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. – М., 1986. – С. 159–165.

Перевозчиков И. В. Антропология смешанных групп населения : автореф. дис. ... д-ра биол. наук. – М., 1994. – 47 с.

Русские старожилы Сибири: историко-антропологический очерк. – М. : Наука, 1973. – 188 с.

Ярхо А. И. Алтае-саянские тюрки. Антропологический очерк. – Абакан : Хакоблнациздат, 1947. – 148 с.

G. A. Aksyanova

The N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Moscow

ANTHROPOLOGY OF RUSSIAN OLD SETTLERS IN SIBERIAN ARCTIC

The physical anthropology of the Russian Old Settlers – indigirshchiky, or “russkoustyintsy”, and the kolymchane, or “pokhodchane” from the Republic of Sakha (Yakutia) are represents. It is different populations of historically related population now. The vast majority of the examined persons have the Russian ethnic identity. Metisation level in both groups rather high, but the European gene pool, Old Settlers’ including, prevails. Kolymchane have higher extent of mixture with all local Asian people, Mongoloid on racial type – Yakuts, Chukchi, Yukaghirs and Evens. Physical appearance and tooth morphology are well coordinated with historical and genealogical data on formation of special groups of ethnic Russians. The inflow of the European population, which was not stopping within centuries, maintained a phenotypic variety of marriage partners in Asian polar region. Mongoloid component more pronounced in the Kolyma group, however two modern populations represent the general anthropological complex endemic owing to Caucasian and Mongoloid mixture. We find its analogs in the basin of Pechora, in groups of the Komi (Zyryans), Northern Russian and Komi – Nenets border zone in the extreme northeast of Europe.

Keywords: the Russians Old Settlers (starozhily), Russkoe Ust’e, Pokhodsk, anthropology, ethnical origin and identification, the physical type of population, mixation.

УДК № 572

К. Г. Черневский¹, М. И. Чухряева², А. Т. Агджоян^{2,1}, О. А. Балаганская²,
А. Г. Романов¹, Н. В. Маркина², А. А. Богунова², Д. К. Черневский¹, С. М. Кошель³,
О. П. Балановский^{2,1}, Е. В. Балановская¹

¹Медико-генетический научный центр, Москва,

²Институт общей генетики имени Н. И. Вавилова РАН, Москва,

³Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ГЕНОФОНДА КОРЕННОГО РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ДАННЫМ СОВРЕМЕННОЙ ПАНЕЛИ МАРКЕРОВ Y-ХРОМОСОМЫ

Коренное русское население Новгородской области (N = 87) исследовано по современной высокоинформативной панели SNP маркеров Y-хромосомы. Более высокие, чем в среднем для русского генофонда, частоты гаплогруппы N-M178 сближают новгородцев с генофондами народов северо-востока Европы. Детальный анализ субветвей этой гаплогруппы указывает на равное влияние дославянского и балто-славянского населения на новгородский генофонд. Картографический анализ обнаруживает основную зону генетического сходства Новгородчины с популяциями, расположенными вдоль правобережья Волги. Совокупность полученных результатов позволяет предполагать, что в генофонде новгородцев сохранился как пласт дославянского населения, так и следы последующих миграций балто-славянского населения.

Ключевые слова: генофонд, русские, Новгородчина, Y-хромосома, популяционная генетика.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-06-00303_a) и РНФ (проекты № 14-14-00827 и 17-14-01345).

© Черневский К. Г., Чухряева М. И., Агджоян А. Т., Балаганская О. А., Романов А. Г., Маркина Н. В., Богунова А. А., Черневский Д. К., Кошель С. М., Балановский О. П., Балановская Е. В., 2017

Введение. Изучение формирования русского народа входит в область интересов многих наук – этнологии, истории, археологии, антропологии и генетики: лишь синтез данных всех наук позволит надежно реконструировать его происхождение и этническую историю. Популяционная генетика давно и активно исследует русский генофонд. Однако до сих пор остаются открытыми такие вопросы, как соотношение демической (миграции населения) и культурной экспансии в раннем расселении славян, как степень сохранения в современном русском генофонде следов предшествовавшего им дославянского населения.

Авторами по современной панели маркеров Y-хромосомы изучен генофонд населения Новгородчины – одного из древнейших центров формирования восточных славян, ключевого для понимания этнической истории русского народа. Официальной датой возникновения Великого Новгорода принято считать 859 г. В «Повести временных лет» говорится: «Новгородцы же – те люди от варяжского рода, а прежде были словене» [2012, с. 862]. Есть указания, что на генофонд новгородцев могли оказать влияние окружавшие их западно-финские племена: чудь приладожская, водь, корела, ижора [Гончарова, 1995, с. 4; Санкина, 2000, с. 98]. У этих племен сходная судьба: с X–XI вв. они исчезают из летописей, что отражает процесс ассимиляции славянами местного населения и присоединения их земель к древнерусским княжествам. Вопрос о том, какое влияние на генофонд Новгородчины было преобладающим – славянских или западно-финских племен, остается открытым. Изучение генофонда коренного населения новгородских земель осложняется и тем, что в XV в. государственная политика была направлена на массовое переселение новгородцев в Москву, Владимир, Муром, Переславль, Ростов; в Новгород же переселяли целые семьи из Московского княжества [Платонов, 1994, с. 264].

Какие события оставили основной след в генофонде современных новгородцев? Неполнота данных гуманитарных наук не позволяет надежно реконструировать миграции населения и оценить роль дославянских племен в формировании современного русского населения Новгородчины. Поэтому стоит использовать возможности современной популяционной генетики, которая может дать полезную информацию и верифицировать некоторые гипотезы. Наиболее эффективным генетическим инструментом при реконструкции исторических миграций служат маркеры Y-хромосомы, чувствительные даже к небольшим межпопуляционным различиям. Ее нерекombинирующая часть (NRY), составляющая 95 % Y-хромосомы, фактически ведет летопись генетической истории поцовских линиям наследования. А поскольку различия между популяциями по Y-хромосоме максимальны, то такая генетическая летопись становится высокоинформативным инструментом для реконструкции истории генофондов. Конечно, поскольку Y-хромосома наследуется только от отца к сыну, она отражает лишь одну грань генофонда. Однако многочисленные сравнительные исследования генофондов по полногеномным панелям (все линии наследования) и по Y-хромосоме (отцовские линии) показывают, что в подавляющем большинстве случаев их результаты совпадают, а исключения лишь подтверждают это правило. При этом изучение Y-хромосомы имеет ряд преимуществ, в том числе возможность изучения представительной выборки из популяции и генетической датировки миграционных событий. Однако следует помнить, что если миграционное поведение женской части популяции было иным, чем мужской (например, славяне чаще брали в жены женщин из местного населения, чем славянки выходили замуж за «местных» мужчин), то при изучении Y-хромосомы мы зафиксируем только включение мужской части дославянского населения в генофонд современного русского населения.

Имеющиеся в литературе данные о полиморфизме Y-хромосомы в населении Новгородской области основаны на изучении 37 образцов из Великого Новгорода по узкой панели маркеров с невысоким уровнем разрешения (слабо подразделенные гаплогруппы Y-хромосомы); причем стратегия формирования выборки не была нацелена на изучение коренного населения Новгородчины. Это привело к выводу о генетическом сходстве Новгорода с популяциями Центральной России [Малыарчук, Деренко, 2008].

Целью данной работы стало исследование основных источников формирования генофонда коренного русского населения Новгородской области по современной панели маркеров Y-хромосомы.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили образцы слюны представителей коренного населения Новгородской области (суммарно N = 87), собранные под руководством профессора Е. В. Балановской и профессора РАН О. П. Балановского (2013–2015 гг.) преимущественно в Хвойнинском районе (единичные образцы из Боровичковского, Любыгинского, Пестовского и Чудовского районов) Новгородской области. Сбор образцов проводился в небольших селах, где лучше сохранилось коренное население. Для каждого обследуемого индивида составлялась родословная на глубину трех поколений, причем в выборку включались только те неродственные между собой мужчины, все предки которых как минимум до третьего поколения родились в Новгородской области и относили себя к русским. Обследование проводилось на основе письменного информированного согласия и под контролем Этической комиссии Медико-генетического научного центра.

Материалом для генотипирования служила геномная ДНК, выделенная из слюны фенол-хлороформным методом. Все образцы были исследованы по широкой панели 35 SNP маркеров Y-хромосомы, включая коровые гаплогруппы, генотипирование, которое необходимо для определения конечных вариантов. Генотипирование проводилось методом ПЦР в реальном времени на приборе 9700HT (Applied Biosystems) с использованием технологии Taqman (Applied Biosystems).

Результаты исследования и их обсуждение. В генофонде коренного русского населения Новгородской области выявлено 13 гаплогрупп (вариантов) Y-хромосомы. Из них семь можно отнести к часто встречающимся гап-

логруппам: R-M198 (×M458) (27,6 %), R-M458 (13,8 %), N3a3-VL29 (11,2 %), N3a4-Z1936 (10,1 %), R-M269 (6,9 %), I-M253 (6,9 %), I-M170 (×M253, P37.2, M223) (5,7 %), а остальные – к редким (< 5 %): E-M35 (×M78), E-M78, I-P37.2, M172 (×M47, M12, M67), J-M67, N-LLY22g (×M178).

Для возможности сравнения с результатами выборки новгородцев, изученных по узкой панели маркеров [Малярчук, Деренко, 2008], приведем частоты неподразделенных гаплогрупп: R-M198 (41,4 %) и N (24,8 %). Обе «стволовые» гаплогруппы характерны для русского генофонда в целом [Two sources..., 2008; Популяционные био-банки, 2011; Genetic heritage..., 2015].

Положение генофонда новгородской популяции в многомерном генетическом пространстве Европы рассмотрено в двух вариантах: 1) по широкой панели маркеров (рис. 1 : 1, с. 154), где число популяций, изученных по этой панели, невелико; 2) по узкой панели маркеров (рис. 1 : 2), для которой имеется больше популяций для сравнения. Однако второй вариант анализа менее информативен, поскольку основан на частотах наиболее крупных ствол гаплогрупп, что не позволяет фиксировать поздние события генетической истории.

В первом варианте анализа (рис. 1 : 1) новгородская популяция вместе с псковской заняла промежуточное положение между «североевропейским» и «восточноевропейским» кластерами популяций. Иными словами, в генофонде новгородцев в равной степени выражены оба генетических компонента: народов севера Восточной Европы (литовцы, эстонцы, карелы) и восточных славян (к которым генетически близки и приуральские популяции Мордовии – мокша и эрзя).

Во втором варианте анализа (рис. 1 : 2) все популяции Центральной и Южной России, украинцы, белорусы образуют единый кластер (условно названный «восточнославянским»). Однако изученная нами популяция коренного русского населения Новгородской области вошла в другой кластер – «североевропейский» – вместе с большинством популяций Русского Севера, Волго-Уральского региона и Северной Европы. В ближайшем генетическом окружении новгородцев остаются прибалтийские популяции (как на рис. 1 : 1), а также русские Псковской и Архангельской областей и народы Волго-Уральского региона – марийцы и удмурты.

Согласованность обоих вариантов анализа (т. е. слабая зависимость как от сокращения панели маркеров, так и от сокращения числа популяций сравнения) отражает устойчивость вывода о двусоставной структуре генофонда изученной авторами новгородской популяции.

Изученная коллегами [Малярчук, Деренко, 2008] популяция новгородцев (Новгород-1 на рис. 1 : 2) характеризуется существенно отличной структурой генофонда: в два раза меньшей частотой гаплогруппы N (13 %, в то время как в нашей выборке 25 %), в полтора раза большей частотой гаплогруппы R-M198 (62 %, в то время как в нашей выборке 41 %) и рядом других отличий. Причина столь существенных отличий двух новгородских выборок – в стратегиях сбора образцов. Наша выборка охватывает 11 сел из пяти районов, в которых можно ожидать сохранения коренного населения, и включает лишь тех индивидов, все предки которых на глубину трех поколений принадлежали к новгородской популяции. А выборка в работе [Малярчук, Деренко, 2008] собиралась в самом Великом Новгороде без учета родословных обследуемых. Различия в стратегиях сбора выборки привели к различиям в выводах о генетической истории Новгородчины. Это подчеркивает важность корректного подхода к формированию выборки. Генофонд населения крупных городов, как правило, включает огромный массив недавних мигрантов со всей России и потому приближается к «средним по России» характеристикам генофонда. Но для реконструкции истории генофонда необходимо собирать выборку биологических образцов в небольших населенных пунктах вдали от больших потоков миграций и соблюдать «правило трех поколений» (все деды и бабушки обследуемых родились в данной популяции и относили себя к данному этносу) [Популяционные био-банки..., 2016, с. 1375].

Уточнить картину генетического сходства изученной нами новгородской популяции с населением Восточной Европы позволяет картографирование (рис. 2, с. 155): на карте отражены генетические расстояния от новгородской популяции до всех остальных. Для картографического анализа обязательно, чтобы все популяции были генотипированы по всем гаплогруппам, поэтому 15 гаплогрупп, использованных для картографического анализа, не полностью совпадают со спектром по другим видам анализа.

Наиболее темные тона на карте показывают ареалы наибольшего сходства с генофондом новгородцев, чем светлее тон – тем больше генетические расстояния, больше генетические отличия от новгородцев. Мы обнаруживаем, что основная зона генетического сходства с новгородцами тянется на восток и юго-восток вдоль правобережья Волги, а на запад – в Беларусь. В целом, такая картина распределения сходных генофондов позволяет выдвинуть гипотезу сохранения дославянского балтского пласта. Однако эта гипотеза требует проверки с помощью тестирования всех популяций по широкой панели маркеров (пока протестирована только часть популяций, что может исказить картину). Для проверки гипотезы также проводится дополнительный сбор образцов новгородцев из разных районов.

Мы проверили эту гипотезу с помощью анализа новых субветвей гаплогруппы N-M178, недавно выявленных благодаря полногеномному анализу Y-хромосомы, проведенному с активным участием нашего коллектива [Human Y-chromosomal..., 2016], и выявили, что из восьми субветвей гаплогруппы N-M178 для новгородского генофонда характерны только две субветви, причем встречающиеся с равными частотами: N3a3-VL29 – с частотой 11 %, N3a4-Z1936 – 10 %. Первая, «балто-славянская» субветвь (N3a3-VL29) преобладает в Прибалтике, а также

встречается в большинстве русских популяций Центральной и Северной России, в то время как вторая, «дославянская» субветвь (N3a4-Z1936) характерна для населения севера Восточной Европы и Волго-Уральского региона [Human Y-chromosomal..., 2016]. Похожая ситуация обнаружена нами и при изучении генофонда Ярославской области, где обе субветви гаплогруппы N-M178 встречаются с равной частотой, однако вдвое меньшей, чем у новгородцев: N3a3-VL29 – 5 %, N3a4-Z1936 – 7 %. При этом в одной из популяций ярославцев (мологжан) субветвь N3a4-Z1936 обнаружена с очень высокой частотой (33 %), маркирующей значительный вклад дославянского населения в ее генофонд [Сохранились ли следы..., 2017].

Рис. 1. Положение новгородской популяции в генетическом пространстве окружающих популяций:

1 – популяций, изученных по широкому спектру гаплогрупп (A-M91, B-M60, C-M130, D-M174, E-M35, G-M201, I-M170 (xM253, P37.2, M223), I-M253, I-M223, I-P37.2, J-M267, J-M172, N-LLY22g, N3a3-VL29, N3a4-Z1926, R-M198 (xM458), R-M458, R-M269). График многомерного шкалирования: показатель стресса = 0,09; алиенации = 0,11

Обозначения: для краткости русские популяции названы по их областному центру;

2 – популяций, изученных по узкому спектру гаплогрупп (C-M130, DE-P205, G-L116, H-M69, I-M170, J-M304, L-M11, N-M231, O-M175, Q-M242, R1-M173, R2-L261, T-L206). График многомерного шкалирования:

показатель стресса = 0,033; алиенации = 0,037

Обозначения: для краткости русские популяции названы по областному центру. Новгород-2 – популяция, изученная в данной работе; Новгород-1 – популяция, представленная в [Малярчук, Деренко, 2008, с. 226–231]. Популяции, обозначенные цифрами: 1 – Рязань; 2 – Ярославль; 3 – Курск-1; 4 – Тверь-1; 5 – Курск-2; 6 – Оrel-1; 7 – Воронеж; 8 – Белгород

Рис. 2. Карта генетических расстояний от коренного населения Новгородской области до окружающих популяций (построена по совокупности гаплогрупп: С-М130, Е-М35 (хМ78), Е-М78, I-М170 (хМ253, Р37.2, М223), I-М253, I-М223, I-Р37.2, J-М172 (хМ67), J-М67, N3а3-VL29, N3а4-Z1936, N-LLY22g, R-М198 (хМ458), R-М458, R-М269).

Обозначения: чем темнее тона, тем больше генетическое сходство с новгородской популяцией (обозначена белой звездочкой). Чем светлее тона, тем меньше генетическое сходство с новгородской популяцией (максимальные генетические расстояния от него). Черные точки – генетически изученные популяции

Таким образом, даже на глубоком уровне анализа – по субветвям гаплогруппы N-М178 – прослеживаются два соразмерных источника генофонда новгородской популяции: вклад балто-славянского населения, принесшего субветвь N3а3-VL29 в генофонд новгородской популяции, оказывается равным вкладу дославянского населения, предположительного маркируемого северо-восточноевропейской субветвью N3а4-Z1936.

Выводы. В генетическом портрете коренного русского населения Новгородской области отражена как дославянская основа (на что указывает сходство новгородцев с популяциями северо-востока Европы и Волго-Уральского

региона), так и влияние балто-славянской общности. Детальное субтипирование гаплогруппы N-M178 выявило два ее источника: субветвь N3a3-VL29 предположительно принесена в генофонд новгородцев миграциями балто-славян, а субветвь N3a4-Z1936 сближает новгородцев с современными финноязычными популяциями Восточной Европы. В системе русского генофонда новгородцы занимают промежуточное положение между популяциями Русского Севера (где преобладает генетический компонент северо-восточной Европы) и популяциями центра и юга России.

Генофонд Европы. — М. : КМК, 2015. — 254 с.

Генофонд Русского Севера: славяне? Финны? Палеоевропейцы? / Е. В. Балановская, Д. В. Пежемский, А. Г. Романов, Е. Е. Баранова, М. В. Ромашкина, А. Т. Агджоян, А. Г. Балаганский, И. В. Евсеева, Р. Виллемс, О. П. Балановский // Вестник Московского университета. Серия XXIII : Антропология. — 2011. — № 3. — С. 27–58.

Гончарова Н. Н. Антропология славян новгородских и их генетические связи : автореф. дис. ... канд. антроп. наук. — М., 1995. — 24 с.

Малярчук Б. А., Деренко М. В. Структура генофонда русского населения европейской части России по данным о распределении гаплогрупп Y-хромосомы // Генетика. — 2008. — Т. 44, № 2. — С. 226–231.

Платонов С. Ф. Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков // Собрание сочинений по русской истории : в 2 т. — СПб., 1994. — Т. 2. — 640 с.

Повесть временных лет (по Лаврентьевскому списку 1377 года) в переводе Д. С. Лихачева. — М. : Вита Нова. — 2012. — 512 с.

Популяционные биобанки: принципы организации и перспективы применения в геногеографии и персонализированной медицине / Е. В. Балановская, М. К. Жабагин, А. Т. Агджоян, М. И. Чухряева, Н. В. Маркина, О. А. Балаганская, Р. А. Схалыхо, Ю. М. Юсупов, О. М. Утевская, Ю. В. Богунов, Р. Р. Асылгужин, Д. О. Долинина, Ж. А. Кагазежева, Л. Д. Дамба, В. В. Запорожченко, А. Г. Романов, Х. Д. Дибирова, М. А. Кузнецова, М. Б. Лавряшина, Э. А. Почешхова, О. П. Балановский // Генетика. — 2016. — Т. 52, № 12. — С. 1371–1387.

Санкина С. Л. Этническая история средневекового населения Новгородской земли. — СПб. : Дмитрий Буланин. — 2000. — 110 с.

Сохранились ли следы финно-угорского влияния в генофонде русского населения Ярославской области? / М. И. Чухряева, Е. С. Павлова, В. В. Напольских Э. В. Гарин, С. Н. Темнякин, А. В. Клопов, В. В. Запорожченко, А. Г. Романов, А. Т. Агджоян, О. М. Утевская, Н. В. Маркина, С. М. Кошель, О. П. Балановский, Е. В. Балановская // Генетика. — 2017. — Т. 53, № 3. — С. 1–12.

Human Y-chromosomal haplogroup N: A non-trivial time-resolved phylogeography that cuts across language families / A. M. Ilumäe, M. Reidla, M. Chukhryaeva, A. Agdzhoyan, E. Balanovska, O. Balanovsky [et al.] // Am J Hum Genet. 2016. — Vol. 99. — P. 163–173.

Genetic heritage of the Balto-Slavic speaking populations: a synthesis of autosomal, mitochondrial and Y-chromosomal data / A. Kushniarevich, O. Utevska, M. Chukhryaeva, A. Agdzhoyan, E. Balanovska, O. Balanovsky [et al.] // PLoS One. 2015. — Sept 2. 10 (9). — P. 1–19.

Two sources of the Russian patrilineal heritage in their Eurasian context / O. Balanovsky, S. Rootsi, A. Pshenichnov E, Balanovska [et al.] // Am J Hum Genet. 2008. — Vol. 82. — P. 236–250.

*K. G. Chernevskii¹, M. I. Chukhryaeva², A. A. Agdzhoyan^{2,1}, O. A. Balaganskaya²,
A. G. Romanov¹, N. V. Markina², A. A. Bogunova², D. K. Chernevskii¹, S. M. Koshe³,
O. P. Balanovsky^{2,1}, E. V. Balanovskaya¹*

¹Research Centre for Medical Genetics, Moscow,

²The Vavilov Institute of General Genetics, RAS, Moscow,

³Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University

SOURCES OF THE GENE POOL OF NATIVE RUSSIAN POPULATION OF NOVGOROD OBLAST BASED ON THE PANEL OF MODERN Y-CHROMOSOME MARKERS

The native Russian population of the Novgorod Oblast (N = 87) was studied by modern highly informative SNP markers of Y-chromosome. The frequency of haplogroup N-M178 in gene pool of Novgorod population is higher than the average for Russian populations. This fact brings together Novgorod population with the gene pool of northeastern Europe. Detailed analysis sub-branches of N-M178 indicate equal pre-Slavonic and Baltic-Slavic contribution to gene pool of population of Novgorod. Mapping of genetic distances from population of Novgorod reveals the zone of maximum genetic similarity to populations located along the right bank of the Volga River. The obtained results suggest that the gene pool of Novgorod preserved as a reservoir pre-Slavonic population, and traces of subsequent migrations of Balto-Slavic population.

Keywords: gene pool, Russians, Y-chromosome, population genetics.

АНАТОМО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РУССКИХ ЖЕНЩИН (16–35 лет) ЯКУТИИ

С целью исследования анатомо-антропологических характеристик русских женщин Якутии проведено антропометрическое обследование 1 224 женщин русской национальности в возрасте от 16 до 35 лет, родившихся и постоянно проживающих в Якутии. Антропометрические измерения проводились по методике В. В. Бунака, определение типов телосложения по индексу Rees – Eizenk (1945). Показатели длины тела женщин Якутии были значимо меньше аналогичных показателей русских женщин Красноярска и Саратова, а показатели массы тела не различались. Соматотипологическое распределение русских женщин Якутии выявило преобладание астенического типа телосложения, что достоверно не различалось с показателями женщин Красноярска. Представлены параметры длины и массы тела, диаметров плеч, таза и грудной клетки, длины отдельных сегментов тела русских женщин Якутии в зависимости от типа телосложения.

Ключевые слова: антропометрия, типы телосложения, женщины, Якутия.

Введение. Морфофункциональные показатели человека зависят от многих факторов, в том числе и от климатогеографических особенностей региона проживания индивида [Алексеева, 1998; Петрова, 2011]. В этом отношении Республика Саха (Якутия) является уникальным регионом с экстремальными климатическими и географическими характеристиками (резко континентальный климат, особенности светового режима, наличие вечной мерзлоты и др.). В Республике Саха (Якутия) проводится изучение изменчивости габаритных размеров, компонентного состава, соматотипологических характеристик женского населения [Гурьева, 2011; Алексеева, 2016]. Однако научных работ, посвященных изучению физического статуса русских женщин Якутии, недостаточно, что и определило актуальность данной работы, цель которой – дать анатомо-антропологическую характеристику русских женщин юношеского и первого периода зрелого возраста Якутии.

Материалы и методы исследования. В работе представлен анализ антропометрического обследования 1 224 женщин русской национальности в возрасте от 16 до 35 лет, родившихся и постоянно проживающих в Якутии. В соответствии с возрастной периодизацией онтогенеза человека, принятой на VII Всесоюзной конференции по проблемам возрастной морфологии, физиологии и биохимии АПН СССР (1965 г.), обследованные женщины относились к двум периодам онтогенеза человека: юношескому (16–20 лет) и первому периоду зрелого возраста (21–35 лет). Работа проведена после получения положительного решения Этического комитета Якутского научного центра комплексных медицинских проблем Сибирского отделения РАМН. Соблюдены принципы добровольности, прав и свобод личности обследованных. Исследование проводилось в условиях междисциплинарной научной лаборатории «Эволюция природы и человека на Севере» Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Этническая принадлежность устанавливалась на основании опроса, исключалась метисация в трех поколениях. Антропометрические измерения проводились по методике В. В. Бунака, принятой в НИИ антропологии МГУ (1981 г.) [Бунак, 1941]. Длина тела измерялась при помощи антропометра с точностью до 0,1 см. Определение массы тела осуществлялось на медицинских весах с точностью до 50 г. Диаметры плеч (акромиальный), таза (межгребневый), поперечный и передне-задний диаметры грудной клетки измерялись при помощи большого толстотного циркуля. Измеряли отдельные сегменты тела (верхней и нижней конечностей, кисти, стопы) линейкой антропометра.

Определение типа телосложения проводилось по индексу Rees – Eizenk (1945) [Rees, 1945, p. 219]. Индекс Rees – Eizenk = $DT \cdot 100 / (ПДГК \cdot 6)$, где DT – длина тела (см); ПДГК – поперечный диаметр грудной клетки (см). Лица, имеющие величину индекса до 96, относятся к пикническому соматотипу, от 96 до 106 – к нормостеническому и выше 106 – к астеническому соматотипам.

Полученный материал обрабатывался методом вариационной статистики с использованием пакета прикладных программ SPSS для Windows (версия 17,0). Определялся характер распределения каждого признака с последующим расчетом медианы и интерквартильного размаха. Показатели представлены в формате Me [25–75 %]. Для оценки нормальности распределения данных использовался критерий Колмогорова – Смирнова. Использовались методы параметрической и непараметрической статистики, метод одномерного дисперсионного анализа (ANOVA). Применялись оценки межгрупповых различий по U-критерию Манна – Уитни и Краскела – Уоллиса [Глани, 1998]. Значимым считали различие с уровнем достоверной вероятности 95 % ($p < 0,05$). Для оценки межгрупповых различий относительных показателей использован критерий Пирсона хи-квадрат (χ^2).

Результаты и обсуждение. Средние значения длины и массы тела русских женщин (16–35 лет) Якутии составили $162,14 \pm 0,17$ см и $57,85 \pm 0,26$ кг. Показатели длины тела русских женщин Якутии были достоверно ниже

показателей русских женщин Красноярска [Николаев, 2015, с. 62] и Саратова [Добровольский, 2008, с. 15]. Показатели массы тела обследованных женщин Якутии не имели достоверных различий при сравнении с аналогичными показателями женщин сравниваемых регионов. Полученные особенности габаритных параметров тела русских женщин, родившихся и постоянно проживающих в Якутии, могут быть одним из признаков адаптации организма человека к экстремальным климатическим условиям Крайнего Севера [Алексеева, 1998; Петрова, 2011, с. 152].

Соматотипирование русских женщин Якутии по индексу Рис – Айзенка выявило, что статистически значимое большинство женщин ($n = 819$) имели астенический тип телосложения (66,9 %). Нормостенический тип выявлен у 350 женщин (28,6 %). Пикнический тип телосложения определен у 55 женщин (4,5 %) ($\chi^2 = 129,653-519,928$, $p < 0,01$). Полученная соматотипологическая картина не имеет достоверных отличий от данных соматотипирования русских женщин Красноярска [Николаев, 2015, с. 98].

Проведен сравнительный анализ антропометрических показателей русских женщин Якутии в зависимости от типа телосложения по индексу Рис – Айзенка. Габаритные параметры женщин астенического типа: рост – 164,00 см [159,00; 167,80], масса тела – 55,00 кг [50,00; 59,00]. Длина и масса тела женщин нормостенического типа составили 158,80 см [154,20; 163,60] и 61,00 кг [56,00; 67,50]. Параметры женщин пикнического типа были равны 160,50 см [158,50; 164,00] и 70,20 кг [58,00; 79,30] соответственно. Дисперсионный анализ габаритных размеров тела женщин разных соматотипов выявил существенные различия в показателях длины ($F = 88,515$; $p < 0,001$) и массы тела ($F = 136,706$; $p < 0,001$). Длина тела женщин астенического типа значимо выше, чем показатели женщин других типов телосложения. Статистически значимо меньшие показатели длины тела регистрировались у женщин нормостенического типа. Показатели массы тела были больше у женщин пикнического типа, меньшие показатели регистрировались у женщин астенического типа ($p < 0,001$).

Поперечный диаметр грудной клетки у женщин астенического типа телосложения составил 24,50 см [23,50; 25,00], нормостенического типа – 25,50 см [25,00; 26,50], пикнического типа – 28 см [24,50; 28,80]. Анализ показал, что поперечный диаметр грудной клетки женщин разных типов телосложения статистически значимо различался ($F = 154,086$; $p < 0,001$). Это объясняется тем, что в основу определения индекса Рис – Айзенка положено соотношение длины тела к поперечному диаметру грудной клетки. Анализ результатов измерения передне-заднего диаметра грудной клетки у русских женщин выявил достоверно меньшие значения параметра у представительниц астенического типа телосложения – 16,00 см [15,00; 17,30] ($F = 27,997$, $p < 0,001$). У женщин нормостенического и пикнического типов телосложения этот показатель составил 17,00 см [16,00; 18,00] и 16,5 см [15,00; 19,50] соответственно.

Диаметр таза у женщин нормостенического (27,00 см [26,00; 28,00]) и пикнического (27,00 см [26,00; 28,40]) типов значимо не различался ($p = 0,106$) и был достоверно больше ($p < 0,001$) значений диаметра таза женщин астенического типа (27,00 см [25,50; 27,50]). Диаметр плеч имел значимые различия ($F = 16,506$; $p < 0,001$). Меньшие значения диаметра плеч регистрировались у представительниц астенического типа телосложения (35,00 см [33,50; 35,30]), большие – у женщин пикнического типа (36,00 см [34,50; 36,50]). У лиц нормостенического типа телосложения данный показатель занимал промежуточное положение – 35,00 см [34,00; 36,20].

Отмечены значимо высокие показатели длины кисти ($F = 41,571$; $p < 0,001$) и стопы ($F = 7,587$; $p < 0,001$) у женщин астенического и пикнического типов по сравнению с аналогичными показателями женщин нормостенического типа телосложения. У женщин астеников длина кисти составила 18,00 см [17,00; 18,20], длина стопы – 24,00 см [23,75; 24,50]. У пикников длина кисти – 17,3 см [17,15; 18,10], длина стопы – 24,20 см [23,10; 24,65]. У женщин нормостеников показатели длины кисти и длины стопы составили 16,70 см [16,00; 17,20] и 23,40 см [22,20; 23,70] соответственно.

Измерение длины верхней и нижней конечностей выявило значимо высокие ($p < 0,001$) показатели у обследованных астенического и пикнического телосложения. У астеников длина верхней конечности составила 70,90 см [69,15; 72,20], нижней – 85,00 см [79,00; 86,95]. У пикников длина верхней конечности составила 71,00 см [70,00; 71,80], нижней – 84,20 см [82,20; 84,20]. У женщин нормостенического типа данные показатели были значимо меньше и равнялись 68,10 [65,40; 71,00] и 81,50 см [80,60; 84,50] соответственно.

Выводы. Проведенное обследование выявило антропометрическую характеристику физического статуса русских женщин Якутии юношеского и первого периода зрелого возраста. Показатели длины тела были значимо меньше аналогичных показателей русских женщин Красноярска и Саратова, в то время как показатели массы тела не различались. Соматотипологическое распределение русских женщин Якутии выявило преобладание астенического типа телосложения, что достоверно не различалось от показателей женщин Красноярска. Представлены показатели длины и массы тела, диаметров плеч, таза и грудной клетки, длины отдельных сегментов тела русских женщин Якутии в зависимости от типа телосложения.

Алексеева В. А., Гурьева А. Б., Петрова П. Г. Физический статус женщин европеоидов (56–74 лет) Якутии по Таннеру // Морфологические ведомости. – 2016. – Т. 24, № 3. – С. 82–85.

Алексеева Т. И. Адаптация человека в различных экологических нишах Земли (биологические аспекты) : курс лекций. – М. : Изд-во МНЭПУ, 1998. – 280 с.

Анатомо-функциональные особенности физического развития саратовских женщин 17–25 лет в таблицах / Г. А. Добровольский, И. Г. Добровольский, В. Н. Николенко [и др.]. – Саратов : Изд-во Саратов. мед. ун-та, 2008. – 287 с.

Бунак В. В. Антропометрия: практический курс : пособие для ун-та. – М. : Гос. учеб.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1941. – 368 с.

Гланц С. Медико-биологическая статистика: пер. с англ. – М. : Практика, 1998. – 321 с.

Гурьева А. Б. Антропометрическая характеристика физического статуса женщин-европеоидов 36–75 лет Республики Саха (Якутия) // Дальневосточный медицинский журнал. – 2011. – № 4. – С. 80–82.

Очерки интегративной антропологии : монография / В. Г. Николаев, Н. Н. Медведева, В. Н. Николенко [и др.] ; отв. ред. В. Г. Николаев. – Красноярск : КрасГМУ, 2015. – 326 с.

Петрова П. Г. Эколого-физиологические аспекты адаптации человека к условиям Севера. – Якутск : Дани АлмаС, 2011. – 272 с.

Rees Z. A., Eisenk H. A factorial study of some morphological aspects of human constitution // J. Mental Sci. – 1945. – Vol. 91. – P. 219–232.

A. B. Guryeva, V. A. Alekseeva

North-East Federal M. K. Ammosov University, Medical Institute, Yakutsk

ANATOMO-ANTHROPOLOGICAL CHARACTERISTIC OF THE RUSSIAN WOMEN (16–35 years) OF YAKUTIA

With a research objective of anatomico-anthropological characteristics of the Russian women of Yakutia anthropometric examination of 1224 women of the Russian nationality aged from 16 up to 35 years born and permanently residing in Yakutia is conducted. Anthropometric measurements were performed using the method of V. V. Bunak, the body type – by Rees-Eizenk index (1945). Length of a body were significantly less similar parameters of the Russian women of Krasnoyarsk and Saratov, parameters of body weight did not differ. Somatotypological distribution of the Russian women of Yakutia revealed a dominance of asthenic type of a body that did not differ with parameters of women of Krasnoyarsk. Parameters of length and body weight, diameters of brachiums, a pelvic and a thorax, length of a body segments of the Russian women of Yakutia depending on body type are presented.

Keywords: anthropometry, body types, woman, Yakutia.

УДК: 611.018.4

М. П. Рыкун¹, Т. В. Тихонова²

¹*Национальный исследовательский Томский государственный университет,*

²*Сибирский государственный медицинский университет, Томск*

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье рассматриваются антропологические материалы как исторический источник для реконструкции жизнедеятельности населения западносибирского региона в конце XVIII–XIX вв. Обнаруженные патологические изменения (дегенеративно-дистрофические заболевания позвоночника и суставов), травмы, посттравматические изменения на посткраниальных скелетах из захоронений Томска (Богородице-Алексиевский мужской монастырь) свидетельствуют о непростой социальной обстановке в городе на момент переселения русского населения в Сибирь. Были проведены исследования по выявлению поражений зубочелюстного аппарата (кариес, абсцесс, гипоплазия эмали, зубной камень); остеометрических характеристик длинных трубчатых костей, их рельефности, степени выраженности мест прикрепления мышц и связок. При исследовании антропологического материала был использован комплексный подход, полученные результаты будут интересны для широкого круга исследователей не только гуманитарного, но и естественного направлений.

Ключевые слова: палеопатология, историческая реконструкция, естественно-гуманитарные исследования, русское население Томска, конец XVIII–XIX вв.

Палеоантропологические собрания, будучи органическим материалом, представляют интерес для междисциплинарных естественно-гуманитарных исследований, так как содержат важную информацию о жизнедеятельности населения конкретной эпохи, территории и представляют собой источник для исторических реконструкций. Хранение палеоантропологических коллекций в специальных фондах позволяет исследовать их в зависимости от целей исследований и развития новых методов их изучения. Так, если раньше такие коллекции изучались по разным системам признаков палеоантропологами (краниометрические, одонтологические, краниоскопические, остеометрические и др.), то в последнее время большой интерес они вызывают у представителей медицинских наук (стоматология, нейрохирургия, патологическая анатомия).

Достаточно хорошо проанализированы краниологические коллекции на предмет состояния стоматологического здоровья коренных народов Западной Сибири, так как они представлены репрезентативными выборками в собраниях кабинета антропологии Томского госуниверситета (ТГУ) [Смердина и др., 2008, 2015; Ражев и др., 2011].

Например, изучение краниологических коллекций раннего (VIII–X вв.) и развитого (XI–XIII вв.) Средневековья Кузнецкой котловины на предмет стоматологических заболеваний показало ряд интересных закономерностей распространенности основных заболеваний зубочелюстной системы (кариес, заболевания пародонта, прижизненная потеря зубов, вторичная деформация зубных рядов). Например, с эпохи раннего Средневековья до Нового времени распространенность кариеса и прижизненная потеря зубов у населения Кузнецкой котловины выше, чем у коренных жителей таежной зоны Западной Сибири, хотя общая тенденция к увеличению этих показателей одинакова [Смердина и др., 2016, с. 6].

Материалы по русскому населению Томской области немногочисленны и в основном представлены материалами с православных кладбищ Томска XVII–XVIII вв. (Воскресенская гора, Троицкая и Богоявленская церкви и др.), которые в начале прошлого века исследованы и опубликованы С. М. Чугуновым, а в 2014 г. обследованы М. П. Рыкун на предмет состояния зубочелюстной системы [Чугунов, 1905, с. 16–23; Рыкун, Кравченко, 2014, с. 131]. Однако большая часть материала была перезахоронена, только десятая часть его хранится сейчас в Музее нормальной анатомии человека Сибирского государственного медицинского университета Томска (СибГМУ). Понимая ценность источниковой базы по первым русским переселенцам Сибири, мы решили собрать имеющиеся палеоантропологические материалы в Кабинете антропологии ТГУ. На данный момент эти материалы представлены единичными находками с территории Томска, материалами из Богородице-Алексиевского монастыря (кладбище Алексиевского монастыря), Омского Прииртышья (Ананьино-I, Изюк-I).

Предварительные палеопатологические исследования антропологических материалов выполнены по русским первопоселенцам Омского Прииртышья (кладбище XVII–XVIII вв. Ананьино-I) и Томска (кладбище XVII–XIX вв. Алексиевского монастыря) [Слепченко, Татаурова, 2012; Барсуков и др., 2013; Рыкун, Васильева, 2013; Боброва и др., 2015].

После остеоскопического анализа захороненных (87 могил) на кладбище у Алексиевского монастыря были отобраны черепа и посткраниальные скелеты, имевшие наиболее выраженные признаки патологии (30 мужских и 13 женских); по результатам их предварительного исследования установлено три группы патологических изменений: 1) дегенеративно-дистрофические изменения позвоночника и крупных суставов (грыжи Шморля, окостенение передней продольной связки позвоночного столба); 2) травмы и посттравматические изменения (костные мозоли на ребрах, длинных трубчатых костях); 3) аномалии развития (двойные отверстия шейных позвонков, фасетки, дополнительные кости швов черепа, отверстия в грудине) [Рыкун, Васильева, 2013, с. 199–201]. Результаты исследования отражены в таблице 1. Для дальнейших остеометрических исследований были отобраны посткраниальные скелеты, имевшие наилучшую сохранность (32 мужских и 14 женских).

Таблица 1

Патологические изменения костной системы погребенных на территории Богородице-Алексиевского мужского монастыря (БМ – 2012)

М*	Пол	Возраст, лет	Дегенеративно-дистрофические изменения в позвоночном столбе и крупных суставах	Травма и посттравматические изменения	Аномалии развития
2	Муж.	40–50	Грыжи Шморля		
4	Муж.	50–55	Грыжи Шморля, окостенение передней продольной связки	Перелом левой ключицы	
6	Муж.	40–55	Грыжи Шморля, остеохондроз выраженный		
7.1	Жен.	40–45	Грыжи Шморля		
7.2	Муж.	25–30			Двойное отверстие 5–6-го шейных позвонков

Продолжение таблицы 1

М*	Пол	Возраст, лет	Дегенеративно-дистрофические изменения в позвоночном столбе и крупных суставах	Травма и посттравматические изменения	Аномалии развития
8	Муж.	Около 20	Грыжи Шморля		Отверстие на теле грудины
11	Жен.	55	Окостенение передней продольной связки		
12	Муж.	50–60			
15	Муж.	45–55		Перелом 8-го ребра справа	Несращение 1-й дуги крестца, фасетки на атланте, кости швов в ламбде
16	Жен.	40			Фасетки на атланте
17	Муж.	35–40	Грыжи Шморля		Фасетки на атланте. Двойное отверстие 5–6-го шейных позвонков
18	Муж.	40–45	Грыжи Шморля	Перелом 7–10-го ребер, справа	Атлант – spina bifida posterior
19	Муж.	20–25	Грыжи Шморля, остеохондроз выраженный	Перелом ребер 8–10-го слева. 3, 4, 8-го – справа	Фасетки на атланте и затылочной кости, кости швов в ламбде
20.1	Муж.	40–50	Грыжи Шморля		
20.2	Муж.	Около 45	Грыжи Шморля, остеохондроз 6-го шейного позвонка		
21	Муж.	35–40	Грыжи Шморля	Перелом правой бедренной кости	
22	Жен.	35–40			Кости швов в ламбде
23	Жен.	25–30	Грыжи Шморля	Отверстие правой теменной кости	
29.2	Жен.	40–45	Грыжи Шморля		
35	Муж.	35–40	Грыжи Шморля		
36	Муж.	50–55	Грыжи Шморля, окостенение передней продольной связки		Отверстие в мечевидном отростке
37	Муж.	45–50	Грыжи Шморля, окостенение передней продольной связки		
40	Муж.	35–40			Кости швов в ламбде
41	Жен.	25–30	Окостенение передней продольной связки, артроз плечевых и коленных суставов		
44	Муж.	Около 25	Грыжи Шморля		Фасетки на атланте. Двойное отверстие 5–6-го шейных позвонков
45	Муж.	50–60	Грыжи Шморля, остеохондроз выраженный		
47	Муж.	40–45			Фасетки на атланте, кости швов в ламбде.
56	Жен.	40–45	Грыжи Шморля		
58	Жен.	Около 50	Грыжи Шморля		Двойное отверстие 5–6-го шейных позвонков
59	Муж.	25–30	Грыжи Шморля		
62	Жен.	55–60	Грыжи Шморля		Кости швов в ламбде
63	Муж.	35–40	Грыжи Шморля		

М*	Пол	Возраст, лет	Дегенеративно-дистрофические изменения в позвоночном столбе и крупных суставах	Травма и посттравматические изменения	Аномалии развития
64	Муж.	55–60		Перелом плечевой кости слева	
67	Муж.	45–50	Грыжи Шморля		
74	Жен.	50–55	Грыжи Шморля		Кости швов в ламбде
76	Муж.	40–45		Деформация черепа	Фасетки на атланте
77	Муж.	35–40	Грыжи Шморля, конкреция 2–3-го грудных позвонков		
78	Муж.	35–40	Грыжи Шморля, конкреция 5–6-го шейных позвонков		
81	Жен.	50–55	Окостенение передней продольной связки, артроз голеностопных суставов		
82	Муж.	45–50	Грыжи Шморля, остеохондроз выраженный		Кости швов в ламбде
86	Муж.	45–50	Грыжи Шморля		
–	Муж.	40–45	Окостенение передней продольной связки		
–	Жен.	35–40			Фасетки на атланте

*№ признака по Р. Мартину.

Результаты и обсуждение. Описание посткраниального скелета следует начать с оценки массивности длинных костей. Для этого используется индекс массивности и окружности середины диафиза. Для длинных трубчатых костей у мужчин указатель массивности несколько выше, чем у женщин, однако указатель массивности у женщин правой и левой конечности приближен к цифрам у мужчин, что обосновывается характером распределения физической нагрузки среди мужчин и женщин. У женщин правая плечевая кость несколько толще (указатель сечения – 91,05), чем левая (указатель сечения – 87,64). У мужчин указатель сечения правой плечевой кости составил 86,94, а левой плечевой кости – 84,88. Среди женщин данный показатель составляет 87,64, а среди мужчин – 84,88. Ширина нижнего эпифиза правой плечевой кости для женщин составила 53,79, а для мужчин – 53,53. Указатель массивности плечевых костей справа у мужчин составил 17,62, у женщин – 16,62. Слева указатель массивности у мужчин составил 14,84, у женщин – 16,98. Для лучевой и локтевой костей указатель массивности невысокий, но для локтевой кости указатель массивности больше у мужчин справа, а у женщин слева.

Таким образом, верхние конечности женщин характеризуются низкой степенью массивности, морфологически их можно отнести к грацильным. Среди продольных размеров наблюдается увеличение средних показателей у мужчин, особенно для правой конечности. Среди женщин преобладают средние показатели продольных размеров для левой конечности. Исходя из полученных данных физическая нагрузка у мужчин приходилась в основном на правую плечевую и локтевую кости, а у женщин на левую плечевую и локтевую кости.

Указатель массивности бедренных костей у женщин преобладает справа (19,50) в сравнении с мужчинами (18,80). Для больших берцовых костей правой нижней конечности указатель также выше среди женщин и составляет 21,33, у мужчин – 21,27. Наибольшая длина больших берцовых костей выражена справа, у мужчин составляет 369,56 мм, у женщин – 359,13 мм.

Пропорции тела оценивались по соотношению длиннотных размеров отдельных сегментов конечностей. Интермембранное соотношение дает общее представление о характере соотношений свободных конечностей. Так, по интермембранному указателю исследуемую группу можно отнести к категории очень малых величин. По луче-плечевому указателю косяки попадают в категорию средних величин (брахикеркия). Большеберцово-бедренный указатель варьирует в пределах больших значений (долихогамбия). Описанные характеристики показателей длинных трубчатых костей свидетельствуют о том, что у исследуемого населения нижние конечности длиннее верхних, что и подтверждают малые значения интермембранного указателя.

Рост (формула В. В. Бунака) мужчин составил 165,95 см, у женщин – 155,47 см, что соответствует (по Мартину) средним показателям. Длина корпуса у мужчин составила 77,70 см, у женщин – 74,35 см (рис. 1).

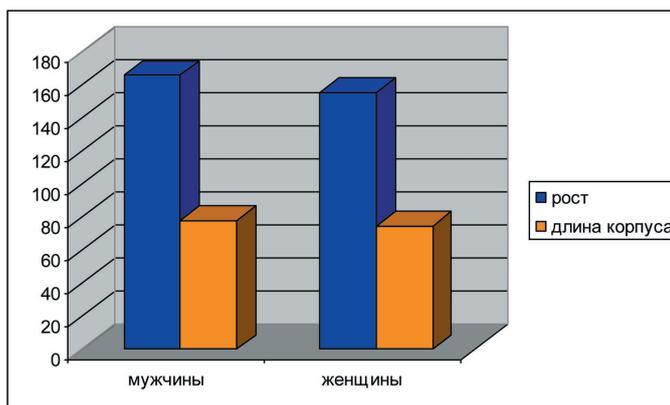

Рис. 1. Соотношение длины тела и корпуса у мужчин и женщин, погребенных на территории Богородице-Алексиевского мужского монастыря (БАМ – 2012)

По системе, описанной Д. И. Ражевым, оценивалась степень развития мышечно-связочного рельефа посткраниального скелета [Ражев, 2009, с. 255–256]. Регистрация морфологии мест прикрепления мышц осуществлялась по пятибалльной системе (от 0 до 4) на следующих костях: ключица – два признака (начало дельтовидной и большой грудной мышц); плечевая кость – шесть признаков (прикрепление дельтовидной, большой грудной, подлопаточной, большой круглой мышц и начало длинного лучевого разгибателя запястья, длинного лучевого сгибателя запястья и поверхностного сгибателя пальцев кисти); локтевая кость – два признака (прикрепление плечевой мышцы и начало супинатора); лучевая кость – один признак (прикрепление двуглавой мышцы плеча); бедренная кость – пять признаков (прикрепление наружной запирающей, подвздошно-поясничной, большой ягодичной мышц, наружная и внутренняя губы шероховатой линии бедра); большая берцовая кость – два признака (начало камбаловидной мышцы и прикрепление четырехглавой мышцы бедра).

Регистрация мест прикрепления связок: ключица – три признака (коническая, трапециевидная и реберно-ключичная связки); локтевая и лучевая кости – один признак (прикрепление межкостной мембраны); бедренная кость – один признак (подвздошно-бедренная связка); большая берцовая кость – два признака (межкостная мембрана и большеберцово-малоберцовая связка) [Hawkey, Merbs, 1995; Hawkey, 1998].

В целом длинные кости мужской и женской групп имеют умеренно развитый рельеф прикрепления мышц и связок. У мужчин наибольшее развитие рельефа имеют плечевые, локтевые, бедренные и большие берцовые кости, с преобладанием правых размеров над левыми. У женщин наибольшее развитие рельефа встречается на лучевых костях как справа, так и слева.

Оценивалось также наличие дополнительных суставных фасеток на бедренных и больших берцовых костях. На бедре регистрировалась фасетка, выходящая за контур головки на верхне-переднюю поверхность шейки, – фасетка Пуарье. На большой берцовой кости дополнительная суставная фасетка фиксировалась на передней стороне дистального конца – *squatting facets* [Kennedy, 1989]. Появление фасетки на большой берцовой кости связано, прежде всего, с избыточным тыльным сгибанием в голеностопном суставе – «сидение на корточках». Встречаемость фасеток на больших берцовых костях была в восьми случаях, фасетки Пуарье в четырех случаях и только у мужчин (могилы 35,45,82,86), что соответствует 6,7 %.

Для изучения распределения показателей механического стресса из захоронений Алексиевского монастыря было выбрано 45 костяков с хорошей сохранностью суставных поверхностей (30 мужских и 15 женских). Оценка уровня и характера физической нагрузки определялась по морфометрическим характеристикам длинных костей, степени поражения суставов. Степень дегенеративно-дистрофических изменений суставных поверхностей определялась по балловой системе (от 0 до 4): 0 – нет признаков поражения суставов; 1 – отмечается пороз (разная степень интенсивности); 2 – пороз, краевые разрастания суставных площадок; 3 – интенсивное изменение суставных поверхностей (пороз, резкие краевые разрастания, остеофиты, узлы Помера и другие признаки); 4 – крайне резкая степень изменения суставных поверхностей, наличие полировки. Такая градация признаков предложена П. Уолкером и С. Холлимоном [Walker, Hollimon, 1989]. Степень поражения суставов вычисляется исходя из индивидуальных характеристик суставных поверхностей костей, входящих в тот или иной сустав. Условный балл поражения суставов получают суммированием значений суставных поверхностей, входящих в тот или иной сустав, и делением на число суставных поверхностей. Данные вычислялись отдельно для каждого сустава по правой и левой сторонам.

Исходя из полученных данных, было выявлено, что среди мужчин чаще всего встречаются поражения грудно-ключичного и крестцово-подвздошных суставов; прослеживаются также изменения в тазобедренных и коленных суставах. У женщин наблюдалось увеличение физической нагрузки в основном пояса нижних конечностей с поражением коленных суставов, более выраженные справа, и изменения в суставах верхней конечности слева. В связи с полученными данными можно установить, что нагрузка на верхние и нижние конечности у женщин распределялась асимметрично. Возможно, это связано с такой хозяйственной деятельностью, как прядение, и качанием люльки, чем девочкам приходилось заниматься с самого раннего возраста (с пяти-шести лет).

Для остеоскопического анализа зубного аппарата были отобраны черепа 59 индивидуумов, имевшие наилучшую сохранность (37 мужских и 22 женских). В процессе исследования выявлено высокое процентное соотношение по наличию кариеса как у мужчин (81,08 %), так и у женщин (72,72 %). Оказалось, что зубной камень у мужской части населения выражен больше (мужчины – 81,08 %, женщины – 54,54 %). Частота встречаемости гипоплазии зубной эмали выше у мужчин (43,24 %), чем у женщин (18,18 %). Это говорит о том, что в детстве мальчики в отличие от девочек были подвержены в большей степени влиянию стрессовых факторов разной этиологии. Кариес является маркером, связанным со специфическими реакциями организма. Это наиболее распространенная патология, которая может маркировать нарушение иммунитета, специфику диеты, общее состояние здоровья индивида. Хронический абсцесс является воспалительным процессом верхней или нижней челюсти, он распространяется на вещество кости и надкостницу, возникая в результате проникновения возбудителей гнойной инфекции из очага воспаления (кариозного зуба), что приводит к локальной резорбции костной ткани (секвестры). Такой хронический очаг в организме снижает иммунитет и провоцирует инфицирование других систем организма [Михайлов, 1989, с. 500–501]. На зубах взрослых индивидуумов макроскопически фиксируются различные нарушения толщины эмалевого зубного покрова, эмалевая гипоплазия, которая проявляется в виде ямок, углублений, бороздок и располагается на различных участках коронки. Как правило, этот признак отражает последствия стрессов, различных по силе и продолжительности. Эмалевая гипоплазия является индикатором целого спектра негативных факторов: от пищевого стресса до специфических заболеваний [Бужилова, 1995, с. 19–22]. Зубной камень главным образом образован из минерализованных погибших бактерий и небольшого количества минерализованных белков слюны. Основные химические компоненты зубного камня – фосфат кальция, карбонат кальция и фосфат магния. Соли кальция твердые, подобно кости, и прочно прикрепляются к зубу [Ланге, 2008, с. 79]. Образование зубного камня имеет сложную этиологию и в немалой степени зависит от особенностей диеты. Известно, что витамин С замедляет его формирование, а витамин А, кальций и углеводы наоборот стимулируют. Способствует образованию зубного камня пища мягкой консистенции за счет ограничения возможностей естественного очищения зубов от бактериального налета. Скорость образования зубного камня зависит от рН слюны, она возрастает при повышенном уровне употребления белков [Тур, Рыкун, 2008, с. 194].

Заключение. Исследуемая группа людей из захоронений конца XVIII–XIX вв. Томска (кладбище Алексиевского монастыря) по морфологическим особенностям посткраниального скелета (рельефность) и состоянию мышечно-связочного аппарата длинных трубчатых костей имеет некоторые гендерные отличия. Так, у мужчин наибольшая физическая нагрузка приходилась на правую часть тела, в то время как для женщин наблюдается асимметрия в распределении нагрузки на конечности. Это, возможно, связано с нагрузкой на левую верхнюю конечность и правую нижнюю конечность, например, при использовании самопрялки или при качании люльки ногой при помощи лямки.

Население исследуемой группы при среднем росте мужчин и женщин характеризуется удлинением нижних конечностей по отношению к верхним конечностям.

Высокий процент встречаемости кариеса подтверждает употребление в пищу ржаного хлеба и углеводов. А наличие зубного налета свидетельствует о том, что пища обладала низкими абразивными свойствами и содержала мало растительной клетчатки. Причем по состоянию зубочелюстной системы зафиксировано гендерное неравенство в исследуемой группе, скорее всего, пищевой рацион девочек был более сбалансированным. Эмалевая гипоплазия говорит о негативных воздействиях стрессовых факторов на организм детей, причем мальчики были более уязвимы и по этому признаку.

Анализ костных материалов из захоронений на кладбище Алексиевского монастыря (БАМ – 12), а также со старинных томских приходских православных кладбищ XVII – начала XIX вв. [Рыкун, Кравченко, 2014] показал, что проживание первых русских поселенцев в Сибири было неблагоприятным и несло большое количество стрессовых факторов (акклиматизация, новый пищевой рацион, эпидемиологическая обстановка).

Археологические раскопки на территории Богородице-Алексиевского монастыря / Е. В. Барсуков, Н. В. Березовская, М. В. Вавулин, И. Н. Коробейников, Е. А. Решетников, М. П. Рыкун // Труды Томского областного краеведческого музея имени М. Б. Шатилова : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Шатиловские чтения – 2012» (25–28 сентября 2012 г.) : сб. ст. / науч. ред. А. Г. Тучков. – Томск, 2013. – Т. XVIII. – С. 214–230.

Боброва А. И., Рыкун М. П., Васильева Т. В. Некрополь Богородице-Алексиевского монастыря // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2015. – С. 93–107.

Бунак В. В. Соотношение длины сегментов и полная длина тела по измерениям на скелете // Вопросы антропологии. – 1961. – Вып. 7. – С. 41–65.

Бужилова А. П. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). – М. : ИА РАН. – 1995. – 189 с.

Дебец Г. Ф. Об изучении физического развития древних народов // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1963 г. – М., 1964. – С. 3–6.

Ланге Р. П., Миллер К. С. Атлас заболеваний полости рта : атлас / пер. с англ. под ред. Л. А. Дмитриевой. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2008. – 224 с.

Михайлов А. Н. Рентгенодиагностика и диагностика болезней человека. – Минск : Вышшая шк., 1989. – 608 с.

Ражев Д. И. Биоантропология населения саргатской общности. – Екатеринбург : УрО РАН. – 2009. – 492 с.

Рыкун М. П., Васильева Т. В. Результаты исследований антропологического материала с раскопок Богородицко-Алексиевского мужского монастыря г. Томска (конец XVIII–XIX вв.) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 3 (23). – С. 199–201.

Рыкун М. П., Кравченко Г. Г. Оценка климатических условий при изучении культуры первых русских Сибири (междисциплинарный аспект) // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. : в 2 т. / под ред. Л. В. Татауровой, В. А. Борзунова. – Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014. – Т. 1. – С. 129–133.

Слепченко С. М., Татаурова Л. В. Палеопатологии у русских первопоселенцев Тарского Прииртышья (по материалам могильника Ананьино I) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 3(18). – С. 92–101.

Смердина Ю. Г., Киселева Е. А. Распространенность кариеса зубов в исторических эпохах // Dental Forum. – 2015. – № 2. – С. 45–49.

Смердина Ю. Г., Киселева Е. А., Рыкун М. П. Распространенность основных стоматологических заболеваний у жителей Кузнецкой котловины в эпоху Средневековья // Dental Forum. – 2016. – № 2. – С. 2–7.

Смердина Ю. Г., Смердина Л. Н. Состояние зубочелюстной системы у телеутов (конец XIX–XX вв.) // Успехи современного естествознания. – 2008. – № 5. – С. 136–138.

Тур С. С., Рыкун М. П. Население андроновской культуры Алтая по данным биоархеологического исследования // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – № 4/2. – С. 191–198.

Чугунов С. М. Антропологический состав населения г. Томска, по данным пяти старинных православных кладбищ. – Томск : Паровая тип. Н. И. Орловой, 1905. – Ч. I. – 197 с.

Hawkey D. E., Merbs C. F. Activity-induced musculoskeletal stress markers (MSM) and subsistence strategy changes among ancient Hudson Bay Eskimos // Int. J. of Osteoarcheology. – 1995. – Vol. 5. – P. 324–338.

Hawkey D. E. Desabilytly compassion and the skeletal record: using musculoskeletal stress markers (MSM) to construct an oateobiography from early New Mexico // Int. J. of Osteoarcheology. – 1998. – Vol. 8. – P. 326–340.

Kennedy K. A. R. Skeletal marcers of occupational stress // Reconstruction of Life from the Skeleton / ed. by M. Y. Iscan, K. A. Kennedy, N. Y. Alan, R. Liss. – 1989. – P. 129–160.

Walker P. L., Hollimon S. E. Changes in osteoarthritis associated with the deeevelopment of a maritime economy among Southern California Indians // Internationl Jornal of anthropology. – 1989. – Vol. 4, № 3. – P. 171–183.

M. P. Rykun¹, T. V. Tihonova²

¹National Research Tomsk State University,

²Siberian State Medical University, Tomsk

PALEOANTROPOLOGICHESKY MATERIALS IN INTERDISCIPLINARY STUDIES

The article discusses the anthropological materials as a historical source for reconstructing the life of the population of the West Siberian region in the late 18–19th centuries. The observed (degenerative-dystrophic diseases of spine and joints), injuries, post-traumatic changes detected in the postcranial skeletons of the graves in the city of Tomsk (the Purification Aleksievskiy monastery) testify to the difficult social situation in the city at the time of resettlement of the Russian population in Siberia. Studies have been conducted to identify dentoalveolar lesions (caries, abscess, enamel hypoplasia, dental calculus); osteometry characteristics of long bones, their prominence, the severity of the areas of attachment of muscles and ligaments.

In the study of the anthropological material was used an integrated approach, the results will be interesting for a wide circle of researchers not only humanitarian but also natural areas.

Keywords: paleopathology, historical reconstruction, of course-Humanities research, the Russian population of Tomsk, the end of the 18–19th centuries.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАННИХ ПОГРЕБЕНИЙ НЕКРОПОЛЯ БОГОЯВЛЕНСКОГО СОБОРА ЕНИСЕЙСКА (XVII век)

Статья посвящена изучению ранних погребений (XVII в.) взрослого населения Енисейского острога, обнаруженных в ходе археологических раскопок православного некрополя Богоявленского собора в 2015–2016 гг. В работе представлены демографические, остеологические и палеопатологические характеристики взрослого населения. Рассчитана средняя продолжительность жизни мужчин и женщин. Приводятся таблицы средних значений остеометрических признаков, дается сравнительная характеристика посткраниальных скелетов мужчин и женщин, рассчитан рост. На скелетном материале исследовались палеопатологические особенности населения. Были выявлены зубочелюстные заболевания, болезни суставов, травмы и посттравматические изменения.

Ключевые слова: Енисейск, православный некрополь, Богоявленский собор, XVII в., остеология, палеопатология.

С 2004 г. красноярскими археологами ведутся планомерные археологические работы на православных некрополях Енисейска, результатом которых является многочисленный палеоантропологический материал, отражающий историю формирования населения города. В процессе исследований выделены этапы и периоды функционирования погребальных комплексов. Наиболее полная информация получена по кладбищу Богоявленского собора, где удалось выявить захоронения различных хронологических этапов его существования – XVII–XIX вв. [Лысенко, Тарасов, 2015, с. 116–123].

Целью данной работы является исследование наиболее ранних палеоантропологических материалов некрополя Богоявленского собора, которые представляют начальный этап формирования населения Енисейского острога и автором раскопок датируются XVII в. [Галухин, 2015, с. 18].

Общее количество материала, полученного из ранних погребений, составило 56 скелетов различной сохранности: 40 взрослых и 16 детских. В работе исследованы демографические, остеологические и палеопатологические характеристики взрослого населения. Пол и возраст индивидов определялись на основе комплекса признаков, отмечаемых на черепе и посткраниальном скелете [Алексеев, 1966; Алексеев, Дебец, 1964; Пащикова, Резников, 1978; Добряк, 1968 и др.]. Измерения посткраниальных скелетов проводились по стандартной методике Р. Мартина [Алексеев, 1966]. Измерялись все длинные трубчатые кости скелета, а также лопатки и ключицы. При описании посткраниальных скелетов учитывались, прежде всего, продольные размеры костей, указатели их массивности и сечения (таблицы 1 и 2).

В программу измерений включались посткраниальные скелеты взрослых индивидов с завершенными ростовыми процессами и отсутствием патологических проявлений на костях. Для определения размерного класса значений признаков использовались рубрикации, разработанные В. В. Бунаком [Мамонова, 1986], А. Г. Тихоновым [1997], Е. Н. Хрисанфовой [1990], Я. Я. Рогинским и М. Г. Левиным [1978]. Патологические изменения описывались по методикам, изложенным в исследованиях А. П. Бужиловой [1998], D. J. Ortner, W. G. J. Putschar [1981].

Распределение по полу в группе исследуемых следующее: мужчин – 16, женщин – 22. Средний биологический возраст смерти мужчин составил 36,7 лет, женщин – 30,7 лет.

Таблица 1

Остеометрическая характеристика мужчин некрополя Богоявленского собора

№ признака по Р. Мартину и его название	Левые			Правые		
	X	N	σ	X	N	σ
Плечевая кость						
1. Наибольшая длина	327,5	12	12,6	329,6	11	15,0
2. Общая длина	320,1	11	13,2	322,0	9	16,2
3. Верхняя эпифизарная ширина	51,4	11	2,1	51,9	9	2,5
4. Нижняя эпифизарная ширина	65,3	12	3,4	66,3	11	3,9
5. Наибольший \emptyset середины диафиза	23,7	12	1,6	23,9	10	2,1
6. Наименьший \emptyset середины диафиза	18,2	12	1,3	18,1	10	1,4

Окончание таблицы 1

№ признака по Р. Мартину и его название	Левые			Правые		
	X	N	σ	X	N	σ
7. Наименьшая окружность диафиза	64,3	12	3,3	64,7	11	4,0
7а. Окружность середины диафиза	68,4	12	3,8	68,7	10	5,4
7: 1. Указатель массивности	77,1	12	4,8	75,9	10	4,7
6: 5. Указатель поперечного сечения	19,9	11	1,3	19,7	10	1,4
Лучевая кость						
1. Наибольшая длина	244,6	10	9,4	244,6	11	9,2
2. Суставная длина	229,1	10	9,0	230,3	12	9,6
4. Поперечный Ø диафиза	17,3	11	1,6	17,9	11	1,6
5. Сагиттальный Ø диафиза	11,7	11	0,6	11,5	11	0,5
3. Наименьшая окружность диафиза	42,3	12	1,8	42,9	11	1,7
3: 2. Указатель массивности	67,9	11	5,7	64,5	11	5,6
5: 4. Указатель поперечного сечения	18,4	10	0,9	18,7	11	1,1
Локтевая кость						
1. Наибольшая длина	265,1	9	8,8	271,3	8	9,3
2. Суставная длина	230,9	11	9,1	234,3	10	9,8
11. Сагиттальный Ø диафиза	14,1	13	1,9	13,7	11	0,8
12. Поперечный Ø диафиза	18,1	13	1,7	18,3	11	1,4
13. Верхний поперечный Ø диафиза	21,7	14	2,0	21,6	12	1,9
14. Верхний сагиттальный Ø диафиза	24,8	13	1,9	24,7	11	1,6
3. Наименьшая окружность диафиза	36,2	13	4,0	36,5	11	2,9
3: 2. Указатель массивности	15,6	11	2,2	15,5	10	1,3
11: 12. Указатель поперечного сечения	79,2	13	19,5	74,9	11	5,0
13: 14. Указатель платолении	88,1	12	10,5	87,5	11	6,1
Ключица						
1. Наибольшая длина	143,8	9	5,8	142,2	6	9,9
6. Окружность середины диафиза	37,7	9	3,2	36,3	6	2,7
6: 1. Указатель массивности	26,2	9	2,4	25,7	6	3,3
Бедренная кость						
1. Наибольшая длина	442,5	10	21,1	440,0	11	20,1
2. Длина в естественном положении	440,2	10	20,5	438,0	11	19,8
21. Мышелковская ширина	81,0	5	1,2	80,7	5	1,3
6. Сагиттальный Ø середины диафиза	27,6	10	3,2	27,6	10	1,9
7. Поперечный Ø середины диафиза	29,2	10	1,7	29,1	11	1,2
9. Верхний поперечный Ø диафиза	31,9	12	2,0	31,5	12	1,6
10. Верхний сагиттальный Ø диафиза	27,0	12	2,2	26,9	12	1,8
8. Окружность середины диафиза	89,1	10	6,0	87,3	11	3,5
18. Вертикальный Ø головки	45,8	10	2,1	46,5	11	2,3
19. Сагиттальный Ø головки	47,7	11	1,5	47,7	11	1,6
8: 2. Указатель массивности	20,3	10	1,3	20,0	11	1,2
6: 7. Указатель пиялострии	94,9	10	13,9	95,0	10	7,8
10: 9. Указатель платимерии	85,1	12	9,2	85,5	12	5,9
Большая берцовая кость						
1. Общая длина	358,8	10	12,2	353,4	9	13,6
8а. Верхний сагиттальный Ø диафиза	32,6	12	3,0	32,3	12	2,7
9а. Верхний поперечный Ø диафиза	24,9	12	1,6	24,7	11	1,6
10. Окружность середины диафиза	78,9	11	3,2	77,7	9	2,3
10b. Наименьшая окружность диафиза	72,0	11	3,4	71,7	10	3,1
10b: 1. Указатель прочности	76,8	12	4,9	76,5	11	5,5
9а: 8а. Указатель платикнемии	20,1	10	1,1	20,1	9	1,0

Остеометрическая характеристика женщин некрополя Богоявленского собора

№ признака по Р. Мартину и его название	Левые			Правые		
	X	N	σ	X	N	σ
Плечевая кость						
1. Наибольшая длина	303,0	15	18,8	305,9	15	20,1
2. Общая длина	297,9	15	18,3	301,4	14	20,0
3. Верхняя эпифизарная ширина	45,7	14	2,2	46,4	11	2,2
4. Нижняя эпифизарная ширина	55,6	16	4,0	56,3	14	4,2
5. Наибольший \emptyset середины диафиза	21,5	14	2,4	21,5	15	2,2
6. Наименьший \emptyset середины диафиза	16,8	14	1,5	16,6	15	1,7
7. Наименьшая окружность диафиза	57,1	16	5,1	57,6	15	4,7
7а. Окружность середины диафиза	61,7	14	6,1	61,8	15	6,2
7: 1. Указатель массивности	78,4	14	6,8	77,5	15	6,5
6: 5. Указатель поперечного сечения	19,0	14	1,1	18,8	15	1,2
Лучевая кость						
1. Наибольшая длина	225,9	12	12,0	225,1	16	11,8
2. Суставная длина	210,5	13	13,8	210,9	16	12,1
4. Поперечный \emptyset диафиза	15,8	15	1,8	16,0	16	1,7
5. Сагиттальный \emptyset диафиза	10,3	15	0,8	10,4	16	1,0
3. Наименьшая окружность диафиза	36,3	15	2,8	37,5	16	3,4
3: 2. Указатель массивности	65,6	15	4,7	65,4	16	5,2
5: 4. Указатель поперечного сечения	17,1	13	0,9	17,7	15	1,3
Локтевая кость						
1. Наибольшая длина	243,8	13	16,3	244,6	11	15,7
2. Суставная длина	213,1	14	13,9	213,8	15	13,4
11. Сагиттальный \emptyset диафиза	11,9	16	1,6	12,0	16	1,4
12. Поперечный \emptyset диафиза	15,7	16	1,6	15,6	16	1,9
13. Верхний поперечный \emptyset диафиза	18,9	15	2,0	19,4	16	1,9
14. Верхний сагиттальный \emptyset диафиза	23,0	16	2,0	23,0	16	1,7
3. Наименьшая окружность диафиза	33,7	15	3,6	34,3	14	3,5
3: 2. Указатель массивности	15,8	13	1,2	16,1	14	1,2
11: 12. Указатель поперечного сечения	75,3	16	8,1	77,7	16	9,4
13: 14. Указатель платолении	82,4	15	9,7	84,7	16	7,5
Ключица						
1. Наибольшая длина	132,5	13	9,1	132,3	13	8,2
6. Окружность середины диафиза	32,4	13	2,2	32,5	13	2,5
6: 1. Указатель массивности	24,5	13	2,0	24,6	13	2,2
Лопатка						
1. Морфологическая ширина	147,5	8	11,2	144,9	8	15,0
2. Морфологическая длина	91,2	9	5,3	91,3	12	4,7
2: 1. Указатель формы	62,8	7	3,2	62,6	8	4,2
Бедренная кость						
1. Наибольшая длина	421,4	13	27,8	415,7	15	26,5
2. Длина в естественном положении	418,8	13	28,0	412,4	15	26,8
21. Мышелковая ширина	72,8	9	4,9	72,5	12	4,3
6. Сагиттальный \emptyset середины диафиза	25,7	13	2,3	25,4	15	2,2
7. Поперечный \emptyset середины диафиза	25,9	13	2,0	25,4	15	2,1
9. Верхний поперечный \emptyset диафиза	28,2	16	3,1	28,1	17	2,9
10. Верхний сагиттальный \emptyset диафиза	24,2	16	2,5	24,6	17	2,3
8. Окружность середины диафиза	80,3	13	5,3	78,8	15	5,9
18. Вертикальный \emptyset головки	40,2	16	2,1	40,8	17	2,3
19. Сагиттальный \emptyset головки	41,4	15	2,2	41,4	15	2,6
8: 2. Указатель массивности	19,2	13	1,0	19,1	15	1,0
6: 7. Указатель пиястрии	99,7	13	10,8	100,6	15	9,4

Окончание таблицы 2

№ признака по Р. Мартину и его название	Левые			Правые		
	X	N	σ	X	N	σ
10: 9. Указатель платимерии	86,6	16	12,0	88,1	17	11,0
Большая берцовая кость						
1. Общая длина	336,9	10	17,0	333,6	12	21,5
8a. Верхний сагиттальный Ø диафиза	29,2	14	2,1	29,6	15	2,9
9a. Верхний поперечный Ø диафиза	22,6	15	2,4	22,5	15	2,4
10. Округлость середины диафиза	71,6	9	4,6	71,3	11	4,9
10b. Наименьшая округлость диафиза	65,2	12	4,7	65,1	14	4,6
10b: 1. Указатель прочности	77,4	14	6,2	76,4	15	7,1
9a: 8a. Указатель платикнемии	19,4	9	0,9	19,6	12	0,9

В результате сравнения остеометрических признаков получены следующие результаты. Для мужчин и женщин некрополя Богоявленского собора характерны ключицы средней длины и массивности, мужские более массивные, по сравнению с женскими, с выраженной левосторонней асимметрией.

Продольные размеры плечевых костей у женщин укладываются в разряд очень больших, а у мужчин – больших категорий. Значения указателей массивности и сечения плечевых костей в обеих группах не выходят за границы средних размеров. Массивность правых плечевых костей у мужчин превосходит женскую, для указателей массивности и сечения характерна левосторонняя асимметрия, причем у женщин она более выраженная, чем у мужчин.

Лучевые кости у мужчин средней длины, массивность незначительно выше среднего. Локтевые – средней массивности, продольные размеры у мужских относятся к средним и большим категориям, характерна правосторонняя асимметрия. Значения указателя сечения у лучевых костей в мужской выборке ниже среднего, наблюдается левосторонняя асимметрия, так же как и у локтевых, что указывает на более округлую форму диафиза левых костей и более уплощенные в сагиттальном направлении правых. Строение верхней части диафиза локтевых костей у мужчин может быть описано как нормальное, характерна зуроления (сечение не имеет какой-либо специализированной формы).

Для женщин характерны удлиненные кости предплечья средней массивности, правые более массивные, чем левые. В отличие от мужских локтевых, у женских значения указателя сечения правых выше, чем у левых. Что касается строения верхней части диафиза, то для женских характерна платоления – кость расширена в сагиттальном направлении.

Характеристика нижних конечностей в мужской серии: бедро средней длины и массивности. Продольные размеры бедренных костей у женщин относятся к категории очень больших величин, массивность, как и у мужчин, средняя. Для поперечного сечения верхней части диафиза мужских и женских бедренных костей характерна зуримерия.

Длина больших берцовых костей у мужчин средняя или ниже среднего, у женщин выше средних значений. Массивность в обеих группах средняя, у мужчин выше, чем у женщин. Верхнее сечение больших берцовых костей расширено в поперечном направлении, характерна зурикнемия.

В целом массивность мужских скелетов превышает массивность женских, исключение составляют локтевые и левые большие берцовые кости – у женщин они более массивные. Для верхних конечностей как мужчин, так и женщин характерно укорочение дистальных сегментов относительно проксимальных, что подтверждает значение лучеплечевого индекса, которому свойственна брахикеркия. У мужчин, в отличие от женщин, правые кости предплечья более уплощенные в сагиттальном направлении, что свидетельствует о большей нагрузке на кости предплечья правой руки. Верхнее сечение больших берцовых костей в обеих группах расширено в поперечном направлении, что может свидетельствовать об относительно малой нагрузке на голень, при которой происходит перестройка кости, в результате чего она приобретает цилиндрическую форму [Пежемский, 2003, с. 89].

Рассчитанная по формулам К. Пирсона и А. Ли, С Дюпертюи и Д. Хэддена, В. В. Бунака прижизненная длина тела характеризует рост мужчин и женщин как средний, немного выше среднего (табл. 3).

Таблица 3

Длина тела мужчин и женщин некрополя Богоявленского собора, см

Используемые формулы	Женщины			Мужчины		
	N	X	σ	N	X	σ
Прижизненный рост по формуле В. В. Бунака	9	156,2	5,5	8	164,1	4,3
Прижизненный рост по формуле С. Дюпертюи и Д. Хэддена	15	157,7	6,1	11	167,6	4,5
Прижизненный рост по формуле К. Пирсона и А. Ли	15	153,7	5,2	11	164,0	3,8

Проведенные палеопатологические исследования 21 скелета жителей Енисейского острога XVII в. (10 – мужских, 11 – женских) выявили ряд заболеваний. Наиболее высока частота встречаемости патологических нарушений в зубочелюстной системе (табл. 4).

Таблица 4

Частота встречаемости зубочелюстных патологий у населения Енисейского острога в XVII веке, %

Зубочелюстные патологии	Мужчины	Женщины	Всего
Кариес	40	45,5	42,9
Потеря зуба	50	45,5	47,6
Болезни пародонта	60	45,5	52,4
Наличие зубного камня	60	45,5	52,4
Абсцесс	40	27,3	33,3
Гипоплазия	30	36,4	33,3

Причины высокой распространенности этих заболеваний, вероятно, связаны с пищевым стрессом, который часто испытывало население того времени. Бесконечные изнурительные походы мужской части населения, связанные с освоением новых территорий в Восточной Сибири, несением «годовальной» службы в отдаленных острогах в течение длительного времени, и тяжелый физический труд истощали жизненный ресурс организма.

Заслуживают внимания скелетные останки мужчины, у которого в результате патологического процесса разрушена левая половина лицевого отдела черепа. Вероятнее всего, у индивида был гайморит: полностью разрушена левая гайморова пазуха с вовлечением в процесс соседних костей – скуловой, носовой, слезной, частично решетчатой. Возможно, это заболевание и послужило причиной смерти мужчины. К патологической характеристике этого скелета стоит добавить следующее: искривление носовой перегородки вследствие заболевания; анкилоз двух грудных позвонков с клиновидной деформацией тела одного из них. Остеоартрит шейного, грудного, поясничного и пояснично-крестцового отделов позвоночника (клиновидную форму имеют еще тела двух грудных позвонков; на суставных площадках шейных позвонков эбурнеация), грыжи Шморля. Наблюдается симметричный остеоартрит плеча, грудинно-ключичный, акромиально-ключичный, запястья, стопы с наличием эбурнеации. Двойной перелом второго правого ребра со следами заживления. Не «обошли стороной» данного индивида и зубочелюстные патологии: кариес, прижизненная потеря нескольких зубов, наличие многочисленных абсцессов с образованием каверн на челюстях, присутствие зубного камня крышеобразной формы и, как следствие, пародонтоз.

Анализ травматических поражений на скелетном материале показал, что у женщин травмы (которые можно отнести к разряду бытовых) чаще встречаются на костях верхних конечностей; у мужчин – на черепах. Судя по тому, что раны нанесены острым предметом, мужчинам приходилось участвовать в военных столкновениях. Это подтверждается и историческими данными – «главной обязанностью казаков была военная служба» [Бродников, 1984, с. 75]. Но их деятельность этим не ограничивалась. В коллективной челобитной царю за 1623–1625 гг. енисейцы писали: «всякие твои государевы службы служили без перестани и в новые земли ходим, острог почищаем и ров вокруг острогу копали и надолбы и башни новые делали, кочи и струги делаем. Служим в зиме на нартах и на лыжах, а в лете ходим на шесте, да на весле безперестани» [Бродников, 1984, с. 74]. И такой тяжелый труд отразился на костях скелетов этих людей: артрозные поражения различных суставных поверхностей с наличием эбурнеации, грыжи Шморля, маркеры холодового стресса на черепе, периоститы на костях голени. Но не исключено, что периоститы на больших берцовых костях могли быть и следствием трепанематоза.

Галухин Л. Л. Краткий научно-технический отчет о выполнении спасательных археологических полевых работ по сохранению ВОАН «Енисейск. Енисейское городище» при проведении ремонтно-реставрационных работ на ОКН федерального значения «Богоявленский собор», 1738–1750 гг. Красноярск, 2015. 43 с. Хранится в ООО «Красноярская Геоархеология».

Алексеев В. П. Остеометрия: методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1966. – 251 с.

Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия: методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 129 с.

Бродников А. Енисейский острог. Енисейск в XVII веке. Очерки из истории города и уезда. – Красноярск: Енисейский благовест, 1994. – 143 с.

Бужилова А. П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека: методика биологических исследований. – М., 1998. – Вып. 1. – С. 87–146.

Добряк В. И. Возрастные особенности симфиза лобковых костей // Вопросы антропологии. – 1968. – Вып. 29. – С. 140–147.

Лысенко Д. Н., Тарасов А. Ю. Исторические некрополи г. Енисейска (по данным археологических исследований 2004–2014 гг.) // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. – Красноярск, 2015. – Вып. VII. – С. 114–126.

Мамонова Н. Н. Опыт применения таблиц В. В. Бунака при разработке остеометрических материалов // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. – М., 1986. – С. 21–33.

Пащикова В. И., Резников Б. Д. Судебно-медицинское отождествление личности по костным останкам. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1978. – 320 с.

Пежемский Д. В. Остеологическая характеристика калаусских ногайцев (морфология длинных костей скелета) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. – М., 2003. – Вып. IV : Антропология ногайцев. – С. 83–92.

Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология : учебник для студентов ун-тов. – М. : Высшая шк., 1978. – 528 с.

Тихонов А. Г. Физический тип средневекового населения Евразии по данным остеологии : автореф дис. ... канд. ист. наук. – М., 1997. – 36 с.

Хрисанфова Е. Н. Вариации структуры основных отделов скелета // Морфология человека : учеб. пособие / под ред. Б. А. Никитюка, В. П. Чтецова. – М., 1990. – С. 127–158.

Ortner D. J., Putschar W. G. J. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. – Washington : Smithsonian Inst. Press, 1981. – 479 p.

E. S. Reis¹, T. M. Savenkova²

¹Research and Production Association “Archaeological Engineering and Research”, Ltd., Krasnoyarsk,

²Krasnoyarsk State Medical Prof. V. F. Voino-Yasenetsky University

PRELIMINARY PALEOANTHROPOLOGICAL CHARACTERISTICS OF EARLIEST BURIALS FROM NECROPOLIS OF YENISEISK'S EPIPHANY CATHEDRAL (17th century)

The article is devoted to the study of early burials (the XVII century) of the adult population of old Yeniseisk. These burials were obtained during the archaeological excavations of the Orthodox Epiphany Cathedral necropolis in the 2015–2016 years. The paper presents the demographical, osteological and paleopathological characteristics of adult population. Calculate the average life expectancy for men and women. Also are given tables of mean values of the parameters of osteometric signs and the comparative characteristic postcranial skeletons of men and women. The growth was calculated. Paleopathological characteristics were investigated on the skeletal materials. Were identified: the teeth-jaw disease, joint disease, trauma and post-traumatic changes.

Keywords: Yeniseisk, orthodox necropolis, Epiphany Cathedral, the 17th century, osteology, paleopathology.

УДК 904, 572

А. В. Южакова

Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О РУССКИХ ПЕРВОПОСЕЛЕНЦАХ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ (могильник Ананьино-I)

В статье представлены результаты краниологического изучения останков русских Сибири. Материалы получены в результате раскопок могильника Ананьино-I (XVII–XVIII вв.) в Тарском районе Омской области. Приведена половозрастная характеристика могильника (56 индивидуумов – 20 взрослых, 36 детей). Краниологическая серия могильника (восемь мужских и семь женских черепов) изучена по стандартной краниометрической программе. Полученные значения характеризуют серию как брахикранную, со средней высотой и шириной лица, выступающим лицом и хорошей профилировкой по горизонтали у мужчин и чуть менее выступающим у женщин с небольшой уплощенностью на верхнем уровне. Нос и орбиты средних размеров, степень выступления носовых костей большая. По основным метрическим характеристикам мужская серия может быть охарактеризована как европеоидная, женская серия имеет смешанный характер антропологического типа.

Ключевые слова: палеоантропология, краниология, Омское Прииртышье, могильник Ананьино-I, русские Сибири.

Введение. На сегодняшний день антропология старожильческого населения Омской области представлена несколькими публикациями с использованием краниологических материалов по памятнику Изюк-I [Багашев, Антонов, 2004; 2005; 2010]. Цель нашей работы – ввести в научный оборот новые данные по краниологии первопоселенцев Сибири. Палеоантропологические материалы русского населения Омского Прииртышья получены в результате раскопок могильника Ананьино-I (XVII–XVIII вв.), расположенного в Тарском районе Омской области. Памятник исследуется Л. В. Татауровой с 2005 г. [Татаурова, 2007]. В 2012 г. было проведено палеопатологическое исследование найденных материалов [Слепченко, Татаурова, 2012]. Коллекция хранится в Кабинете антропологии Томского государственного университета (ТГУ).

Материал и методы. Палеоантропологический материал из могильника Ананьино-I включает останки 56 индивидуумов (20 – взрослые и 36 – дети). Краниологическая серия изучаемого памятника сформирована в выборку из 15 черепов хорошей сохранности (восемь мужских и семь женских). Половозрастные определения проводились по принятой в отечественной палеоантропологии и судебной медицине методике – использовались данные по всему скелету (череп, зубы, посткраниальный скелет) [Пашкова, 1963; Алексеев, Дебец, 1964]. Определение биологического возраста происходило в пределах следующих категорий: Juvenilis II (20–25 лет), Adultus (25–35 лет), Maturus I (35–45 лет), Maturus II (45–55 лет), Senilis (старше 55 лет) [Пежемский, 2003, с. 225].

Измерение краниологического материала памятника и последующее вычисление указателей проводилось по традиционной методике, используемой в настоящее время отечественными антропологами [Алексеев, Дебец, 1964; Балабанова, 1998; Лебединская, 1998; Пежемский, Харламова, 2013]. Дополнительно измерялась высота изгиба лба над ее наименьшей шириной, на основе которой вычислялся угол поперечного изгиба лба (УПИЛ) [Гохман, 1961].

Результаты и их обсуждение. Половозрастная характеристика взрослого населения, оставившего могильник Ананьино-I, представлена в таблице 1, общая хронологическая – в таблице 2.

Таблица 1

Половозрастная характеристика взрослого населения, оставившего могильник Ананьино-I

Могила*	Пол	Возраст
6	Жен.	Senilis (55+)
11	Муж.	Adultus (25–35)
12	Муж.	Senilis (55+)
12a	Жен.	Senilis (55+)
24	Муж.	Maturus I (35–45)
25	Муж.	Maturus II (45–55)
27	Муж.	Maturus II (45–55)
33	Муж.	Senilis (55+)
34	Муж.	Maturus II (45–55)
35	Муж.	Senilis (55+)
36	Муж.	Senilis (55+)
41	Жен.	Adultus (25–35)
44	Муж.	Maturus II (45–55)
45	Жен.	Juvenilis II (20–25)
48	Жен.	Adultus (25–35)
без №	Жен.	Juvenilis II (20–25)
2	Жен.	Senilis (55+)
4	Жен.	Maturus II (45–55)
5	Жен.	Senilis (55+)
8	Муж.	Senilis (55+)

* Первые 16 могил – раскопки 2005 г.,
четыре последних – 2014-го.

Таблица 2

Краниометрическая характеристика мужских и женских черепов из могильника Ананьино-I

№ по Р. Мартину	Название признака	Мужчины		Женщины	
		n	x	n	x
1	Продольный диаметр	8	176,5	7	171,3
8	Поперечный диаметр	8	141,5	7	138,6
8: 1	Черепной указатель	8	80,2	7	81,0
17	Высотный диаметр	8	134,1	7	128,4
17: 1	Высотно-продольный указатель	8	76,1	7	75,1
17: 8	Высотно-поперечный указатель	8	94,9	7	92,8
20	Ушная высота	8	115,9	7	110,6
5	Длина основания черепа	8	98,9	7	97,1
9	Наименьшая ширина лба	8	97,8	7	91,7
10	Наибольшая ширина лба	8	119,1	7	111,4
9: 8	Лобно-поперечный указатель	8	69,1	7	66,2
11	Ширина основания черепа	8	124,4	7	122,1
12	Ширина затылка	8	111,0	7	108,4
29	Лобная хорда	8	111,6	7	106,0
Sub. Nβ	Высота изгиба лба	8	25,4	7	24,3
Sub. Nβ: 29	Указатель выпуклости лба	8	22,8	7	22,9
32	Угол наклона лба (n – m)	7	85,9	6	84,7
УПИЛ	Угол поперечного изгиба лба	8	135,7	7	136,0
40	Длина основания лица	7	97,6	5	96,1
40: 5	Указатель выступания лица	7	99,1	5	99,3
45	Скуловой диаметр	7	130,1	6	124,3
43	Верхняя ширина лица	7	107,3	6	101,3
46	Средняя ширина лица	7	93,6	6	92,7
48	Верхняя высота лица	7	70,9	5	67,5
47	Полная высота лица	4	118,3	3	107,0
48: 17	Вертик. фацио-церебр. указатель	7	52,9	5	53,3
45: 8	Поперечный фацио-церебральный указатель	7	92,6	6	88,8
9: 45	Лобно-скуловой указатель	7	75,6	6	73,7
48: 45	Верхний лицевой указатель	7	54,5	5	54,5
47: 45	Общий лицевой указатель	4	90,8	3	86,7
72	Общий лицевой угол	7	85,1	5	82,6
74	Угол альвеолярной части	7	79,1	5	76,8
77	Назюмалярный угол	6	139,6	6	144,9
< zm'	Зигмаксиллярный угол	7	126,7	5	126,6
55	Высота носа	7	50,4	6	49,2
54	Ширина носа	7	25,7	6	23,8
54: 55	Носовой указатель	7	51,2	6	48,5
75(1)	Угол выступания носа	6	29,8	4	25,8
51	Ширина орбиты от mf	7	42,6	6	41,0
51a	Ширина орбиты от d	7	40,3	3	37,2
52	Высота орбиты	7	31,3	6	32,1
52: 51	Орбитный указатель	7	73,7	6	78,2
SC	Симотическая ширина	7	9,4	6	8,7
SS	Симотическая высота	7	5,2	6	3,8
SS: SC	Симотический указатель	7	54,9	6	42,4
DC	Дакриальная ширина	7	21,1	3	20,9
DS	Дакриальная высота	7	12,8	3	10,1
DC: DS	Дакриальный указатель	7	60,7	3	48,6

Мозговой отдел черепа. Мужские черепа характеризуются брахикранией при малом продольном и среднем поперечном диаметре. Абсолютная высота черепа, как и высотно-поперечный указатель, находятся в пределах средних значений, высотно-продольный указатель относится к категории высоких. Затылок средней ширины. Лоб средней ширины, прямой, выпуклый – указатель выпуклости лба на границе средних и больших размеров. Угол поперечного изгиба лба составляет $135,7^\circ$.

В женской серии черепной указатель попадает в категорию больших размеров, в вертикальной норме, так же как и в мужской серии, преобладают черепа сферической формы (57,5 %), указатели высоты черепа средние. Затылок широкий. Лоб умеренно-выпуклый, наклонный, лобно-поперечный указатель попадает в категорию малых размеров. Угол поперечного изгиба лба 136° .

Лицевой отдел черепа. В мужской серии лицо средневысокое, широкое на уровне орбит и узкое в средней части. Вертикальный фацио-церебральный и поперечный указатели попадают в категорию средних размеров. Лобно-скуловой указатель большой. Лицевой скелет выступает средне, ортогнатный по общему лицевому углу, прогнатный в альвеолярной части резко профилирован по горизонтали – зигомаксиллярный угол малый, назомаллярный – на границе малых и средних размеров. Орбиты среднеширокие и низкие, по указателю попадают в категорию очень малых. Нос среднеширокий и низкий, по указателю широкий, переносье среднеширокое. Угол выступания носа большой ($29,8^\circ$).

Женская серия характеризуется средними значениями высоты и ширины лица на обоих уровнях. Вертикальный фацио-церебральный указатель – на границе средних и больших размеров, а поперечный попадает в категорию малых размеров. Лобно-скуловой указатель средний. По указателю выступания лица и по общему лицевому углу женские черепа мезогнатные, прогнатные в альвеолярной части. На верхнем уровне наблюдается умеренная уплощенность, назомаллярный угол на границе средних и больших размеров ($144,9^\circ$). Горизонтальная профилировка лица на нижнем уровне выражена очень хорошо, зигомаксиллярный угол попадает в категорию малых размеров. Орбиты невысокие, среднеширокие, по указателю мезоконхные. Нос среднеширокий и средневысокий как по абсолютному значению, так и по указателю, переносье средней ширины. Угол выступания носа большой ($25,8^\circ$).

Существуют признаки с высокой таксономической значимостью, т. е. признаки, по которым хорошо дифференцируются европеоиды и монголоиды.

Угол выступания носа. У мужчин в исследуемой серии носовые кости резко выступающие, с высоким переносьем, что характерно для европеоидных групп. У женщин величина несколько меньше, чем у европеоидов, однако значительно больше, чем у монголоидов.

Степень уплощенности лица (назомаллярный и зигомаксиллярный углы). Горизонтальная профилировка лица в мужской серии развита очень хорошо, в женской уплощенность верхней части лица проявляется совершенно отчетливо.

Угол поперечного изгиба лба. У мужчин данный показатель равен $135,7^\circ$, у женщин – 136° . Полученные значения попадают в пределы значений этого признака у европеоидных групп.

Вертикальный фацио-церебральный указатель. У европеоидных групп данный указатель низкий, у монголоидных высокий. В мужской серии этот показатель средних значений, у женщин – на границе средних и высоких.

Таким образом, видим, что мужские черепа из могильника Ананьино-I имеют европеоидный комплекс черт. В женской выборке проявляется смешанный характер антропологического типа. К сожалению, малая численность женской выборки не позволяет провести внутригрупповой анализ и выяснить, какие компоненты составляют данный антропологический тип.

Заключение. По результатам краниологического анализа было установлено, что серия из могильника Ананьино-I характеризуется небольшими размерами мозговой коробки, чуть более выраженной брахикранией у женщин, прямым лбом у мужчин и наклонным у женщин, средней высоты и ширины лицом. Вертикальная профилировка женских черепов мезогнатная на обоих уровнях, у мужчин более ортогнатная. Отмечен прогнатизм альвеолярной части как у мужчин, так и у женщин. Сильная горизонтальная профилировка в мужской серии, у женщин верхняя часть лица немного уплощена. Нос и орбиты средних размеров.

Анализ таких признаков, как выступание носа и высота переносья, степень уплощенности лица, угол поперечного изгиба лба, вертикальный фацио-церебральный указатель, показал, что мужские черепа морфологически выражено европеоидны, а в женской серии проявляется ослабленность европеоидного комплекса.

Дальнейшее накопление палеоантропологического материала по русским Омского Прииртышья и сравнение полученных результатов позволит более детально проследить этапы формирования антропологического типа русских первооселенцев Сибири.

Алексеев В. П., Дебеч Г. Ф. Краниометрия: методика антропологических исследований. – М. : Наука, 1964. – 128 с.

Багашев А. Н., Антонов А. Л. Антропологические особенности русских старожилов Омского Прииртышья // Русские : материалы VII Сиб. симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск, 2004. – С. 10–13.

Багашев А. Н., Антонов А. Л. К проблеме генезиса компонентов антропологической структуры русского старожильческого населения Омского Прииртышья // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2005. – С. 29–37.

Багашев А. Н., Антонов А. Л. Краниологическая характеристика русских старожилов Омского Прииртышья // Татаурова Л. В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XVIII вв. По материалам комплекса Изюк-I. – Омск, 2010. – Прил. I. – С. 247–280.

Балабанова М. А. Методика палеоантропологических исследований : учеб.-метод. пособие. – Волгоград : Волгогр. гос. ун-т, 1998. – 84 с.

Гохман И. И. Угол поперечного изгиба лба и его значение для расовой диагностики // Вопросы антропологии. – 1961. – Вып. 8. – С. 88–98.

Лебединская Г. В. Реконструкция лица по черепу. Методическое руководство. – М. : Старый сад, 1998. – 125 с.

Пашкова В. И. Очерки судебно-медицинской остеологии. – М. : Гос. изд-во мед. лит, 1963. – 155 с.

Пежемский Д. В. Определение биологического возраста в палеоантропологии и проблема возрастных интервалов // V Конгресс этнографов и антропологов России : тез. докл. – Омск, 2003. – С. 255.

Пежемский Д. В., Харламова Н. В. Методический семинар по коннекции краниометрических программ // Вестник антропологии. – 2013. – Т. 24. – С. 169–172.

Слепченко С. М., Татаурова Л. В. Палеопатологии у русских первопоселенцев Тарского Прииртышья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 3(18). – С. 92–101.

Татаурова Л. В. Деревня Ананьино, одно из первых поселений Омской области // Археологические открытия 2005 года. – М., 2007. – С. 520–521.

A. V. Yuzhakova

The N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Moscow

ANTHROPOLOGICAL DATA ABOUT RUSSIAN FIRST SETTLERS OF OMSK CIS-IRTYSH (burial ground Anan'iono-I)

The article presents the results of the craniological study of the remains of Russian Siberia. The materials were obtained from the excavations of the Ananino I burial ground (17–18th centuries) in the Tarsk region, Omsk region. The age and sex characteristics of the burial ground are described (56 individuals, 20 adults, 36 children). The craniological series of the burial ground (8 male and 7 female skulls) was studied according to the standard craniometric program. The values obtained characterize the series as brachicranial, with medium height and width of face, prominent face and good horizontal profiling in men, and slightly less prominent in women with a slight flattening at the upper level. The nose and orbits are of medium size, the degree of protrusion of the nasal bones is large. According to the basic metric characteristics, the male series can be described as a European, female series has a mixed character of the anthropological type.

Keywords: paleoanthropology, craniology, Omsk Cis-Irtysh, burial ground Anan'iono I, Russian of Siberia.

АРХЕОЛОГИЯ РУССКИХ ОТ АРХАНГЕЛЬСКА ДО НОВОАРХАНГЕЛЬСКА: МАТЕРИАЛЫ И ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ

УДК 9-904

А. Г. Едовин
Архангельский краеведческий музей

ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ XVII–XIX ВЕКОВ (НОВОГО ВРЕМЕНИ) НА АРХАНГЕЛЬСКОМ СЕВЕРЕ (на примере городов и посадов)

В статье отражены результаты многолетних исследований городов и посадов Архангельского Севера (Поморья) эпохи Нового времени несколькими поколениями археологов. Описывается краткая история их изучения, формулируются основные проблемы: разновременность и разная степень изученности, что делает сопоставление данных малопродуктивным. Археологические исследования и архивные данные отражают сильные изменения, произошедшие в градостроительной ситуации ряда населенных пунктов региона в течение XVIII в. В изучаемое время заметны существенные изменения в территориальном росте городов и посадов, связанные с приданием им статуса «уездных городов». Отмечается определенная корреляция археологических и письменных источников. Выделяются основные категории инвентаря из культурного слоя Нового времени и их микрорегиональная специфика.

Ключевые слова: города, посады, Архангельский Север, Новое время, археологические источники.

Изучение памятников Нового времени – сравнительно молодое направление в археологии, оперирующее, помимо собственно археологических методов, большим корпусом письменных источников. На Архангельском Севере, занимавшем в ту эпоху весь европейский северо-восток, в Новое время сформировались крупные посадские и городские центры, ставшие основой уездного деления административных реформ. В статье содержится первая попытка обобщения всех известных на настоящее время сведений об археологическом изучении городов и посадов XVII–XIX вв. вкпе с письменными данными по истории региона. Некоторые пункты, например Яренск, Пинега, Мезень, не вошли в данную сводку, так как археологические исследования там не проводились (рис. 1).

Холмогоры. Холмогоры упоминаются впервые в грамоте Великого князя Московского Ивана Ивановича в 1358 г. Первые исследования археологических объектов Холмогор произвел К. П. Рева в 1896 г. Им было изучено городище первой половины XIV в., расположенное в южной части Холмогор. В местности Падеры К. П. Рева собрал небольшую коллекцию изразцов [Рева, 1897, с. 3–4].

Исследования были продолжены в советское время О. В. Овсянниковым. В разных частях города проведены разведки, а в Падрокурском посаде – в 3,5 км от Холмогор на берегу Северной Двины – раскопки. В ходе работ 1960 г. изучена площадь в 570 кв. м.

Верхняя хронологическая граница существования посада определялась монетами середины XVIII в. К материалам, определяющим нижнюю хронологическую границу существования исследованной части посада, относится красный изразец. Красные или терракотовые изразцы появляются на Руси в конце XVI в. и получают широкое распространение в первой половине XVII в. [Рабинович, 1949, с. 83]. Таким образом, нижнюю хронологическую границу можно предварительно отнести к середине XVII в.

Наиболее массовым керамическим материалом является глиняная посуда, которую можно разделить на две большие группы: первая – хозяйственная сероглиняная или красноглиняная посуда, в основном горшки; вторую группу составляет чернолощенная керамика, сосуды этой группы (горшки, миски, чашки, фрагменты рукомольников) повторяют московские формы.

Большое количество обнаруженных металлических, в основном железных изделий свидетельствует о масштабах работ в древних Холмогорах, связанных с обработкой металла. Материалы по косторезному ремеслу позволяют поставить по-новому вопрос о резьбе по кости как о ремесле, продукция которого идет даже на другие рынки уже в XVII в. Из слоновой кости найдено два предмета – шахматная фигура и пуансон для нанесения ор-

намента. Из вещей на Падрокурском посаде обнаружены стеклянная бусина, серебряное кольцо, нательный крестик, свинцовая пуговица. Нумизматический материал представлен серебряными копейками от эпохи Ивана IV до медных денег Анны Иоанновны [Овсянников, 1960, с. 9–21].

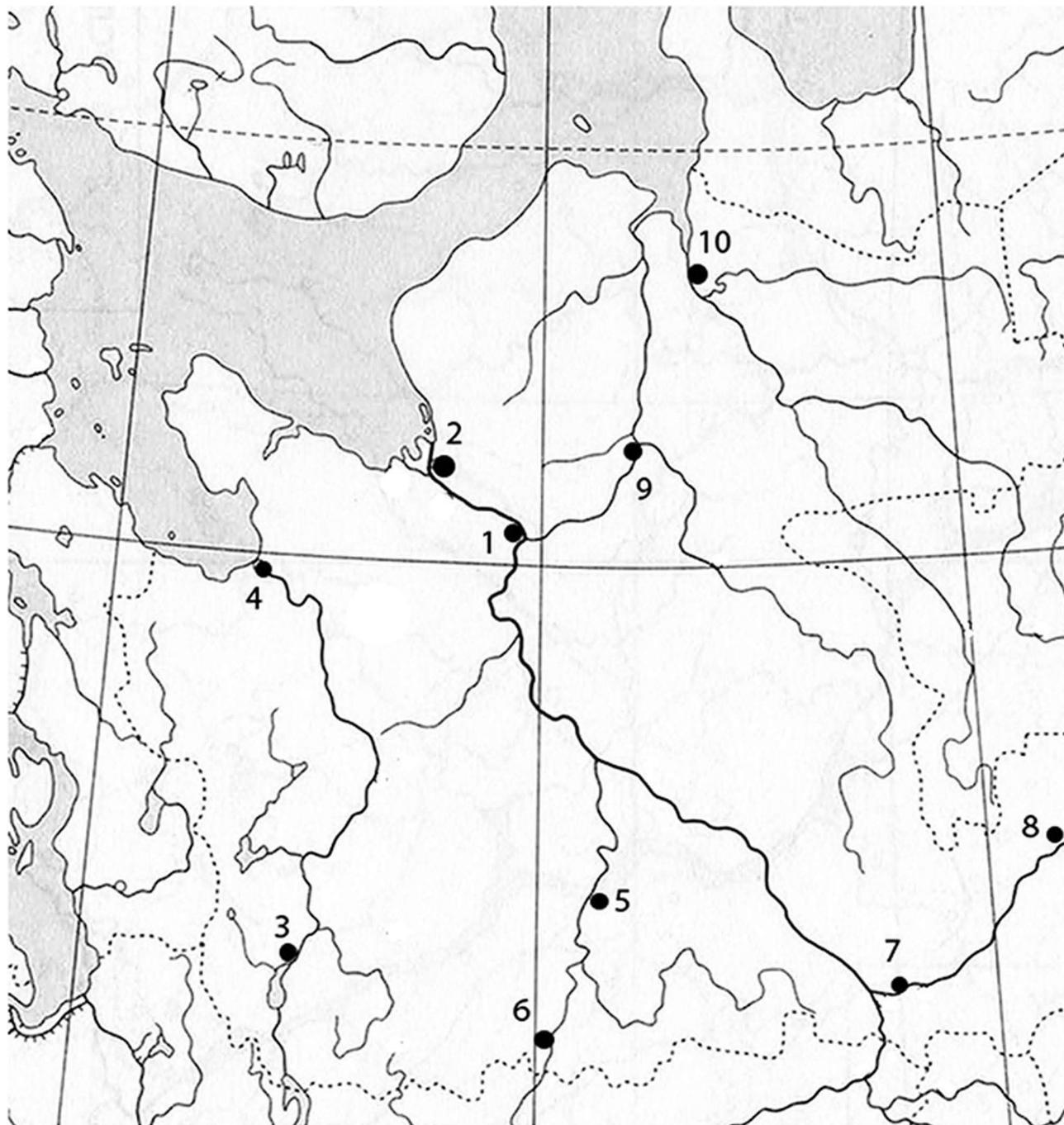

Рис. 1. Карта городов и посадов Нового времени Архангельского Севера:

1 – Холмогоры, 2 – Архангельск, 3 – Каргополь, 4 – Онега, 5 – Шенкурск, 6 – Вельск, 7 – Сольвычегодск, 8 – Яренск, 9 – Пинега, 10 – Мезень

Архангельск. Архангельск основан в 1584 г., и его история как города почти полностью приходится на Новое и Новейшее время. Археологические исследования по изучению культурных слоев города начались достаточно поздно. Только в 1959 г. Ю. П. Прокопьевым были проведены первые надзорные работы на территории бывшей Стрелецкой слободы. Им было исследовано два раскопа по 28 кв. м каждый, в которых собраны остатки дымоходов, шахматная фигурка, грузило из сланца, детали оленьих упряжек, курительные трубки «голландки», кожаный мяч, а также массовый материал – керамика, кость, фаянс, стекло и остатки деревянных емкостей [Прокопьев, 1998, с. 176–186]. С 1980-х гг. регулярные исследования в Архангельске начал проводить О. В. Овсянников, изучивший здесь остатки Гостиных дворов и Успенской церкви.

Исследования на территории Гостиных дворов проводились в 1981, 1984 и 1991 гг. В 1984 г. на месте каменного корпуса, отделявшего территорию немецкого Гостиного двора от «каменного города» и разобранный в 80-е гг. XVIII в., был разбит большой раскоп площадью 2 000 кв. м. Общая глубина культурных напластований доходила до 3 м. В ходе работ зафиксировано северное крыло каменной крепости и ее «деревянный предшественник» – идущий под другим углом слой деревянной вымостки конца XVI в. Количество находок огромно – бронзовый ковш, деревянные клепки и днища бочек, ушатов, корыт, фрагменты лодок с шитьем вицей, рукоятки, колышки, фаянсовые курительные трубки, чернолощенная керамика, железные топоры, ножи, сверла, гвозди, инструменты, стеклянная посуда, импортная «рейнская» керамика, красные терракотовые изразцы, костяные гребешки, пуговицы, рукоятки, пуансон, стиль, другие украшения из кости и пр. Весь комплекс находок относился к XVII–XVIII вв. [Ясински, Овсянников, 1998, с. 198–218].

В 1991 г. Институт истории материальной культуры (ИИМК) РАН в связи с проектируемым строительством гостиничного комплекса провел охранные археологические работы в северо-западной части Немецкого гостиного двора (в 60 м к северо-западу от охранного раскопа 1984 г.). В раскопе зафиксированы остатки северной стены здания Немецкого гостиного двора, причем на всю ее ширину и часть его внутреннего пространства, однако угловая башня осталась западнее места работ и не была прослежена [Ясински, Овсянников, 1998, с. 218–220].

С 1990 г. регулярные работы в Архангельске ведет археологическая экспедиция Поморского государственного университета под руководством А. Е. Беличенко и отряд Архангельского краеведческого музея под руководством А. Г. Едовина (с 1997 г.). За последние 20 лет были исследованы значительные площади культурного слоя древнего Архангельска. А. Е. Беличенко производил раскопки на территории Стрелецкой слободы и Немецкой слободы. Из находок отметим керамику: собрано несколько сосудов – чернолощенных, сероглиняных, поливных, «рейнских», в том числе рукомытники, кувшины, бутылки, латки, горшки, миски, банки, корчаги, ковши, кисельницы, крышки сосудов. Найдена масса железных изделий – ножи, навесы, крючки, петли, скобы, пробои, топоры, кольца, струг и пр. Много изделий из фаянса и фарфора – перечницы, чернильницы, баночки, чашки, блюдца. Собраны керамические грузила для рыболовных сетей, продухи дымоходов, печные изразцы. Значительно количество изделий из дерева – клепки бочек, ковши с ручкой, днища, ручки и крышки туесов, кадок и бочек, лопатки, веретена, рукоятки, украшения, части поплавков, колышки, ложки, шахматные фигурки, берестяные туеса, лапти, ножны, фрагменты пряжи и сукна. Найдены осколки стеклянной посуды, бисер, бусины, пуговицы. Уникальной является коллекция кожаной обуви – более 50 образцов различных бот, туфель и сапог [Беличенко, 1995, с. 2–16].

А. Г. Едовиным продолжено изучение территории Стрелецкой слободы, территории у Речного вокзала и у Кукольного театра. Важные результаты появились при надзорных работах 2007–2011 гг. на территории Гостиных дворов, где производятся реставрационные мероприятия. Были получены существенные данные по строительной истории комплекса, собраны уникальные экспонаты (терракотовые изразцы, монеты, курительные трубки голландского производства и пр.) [Едовин, 2009, с. 12–14]. Исследования показали, что в течение XVIII–XIX вв. на территории города произошли существенные изменения (рис. 2).

Каргополь. Дата основания Каргополя – 1379 г. Именно тогда в Устюжском летописном своде упомянут поп, пойманный с ядом и сосланный в Каргополь [Устюжский летописный свод, 1950, с. 58]. Первые археологические исследования здесь в 1929 г. осуществила известная исследовательница Севера М. Е. Фосс. Они велись в четырех пунктах внутри острога – первый у северо-западного вала, второй – у дороги, идущей от ворот северо-западного вала к реке, третий – у берега реки, четвертый – на юго-восточном валу. В каждом пункте заложено по траншее разной площади, всего 53 кв. м.

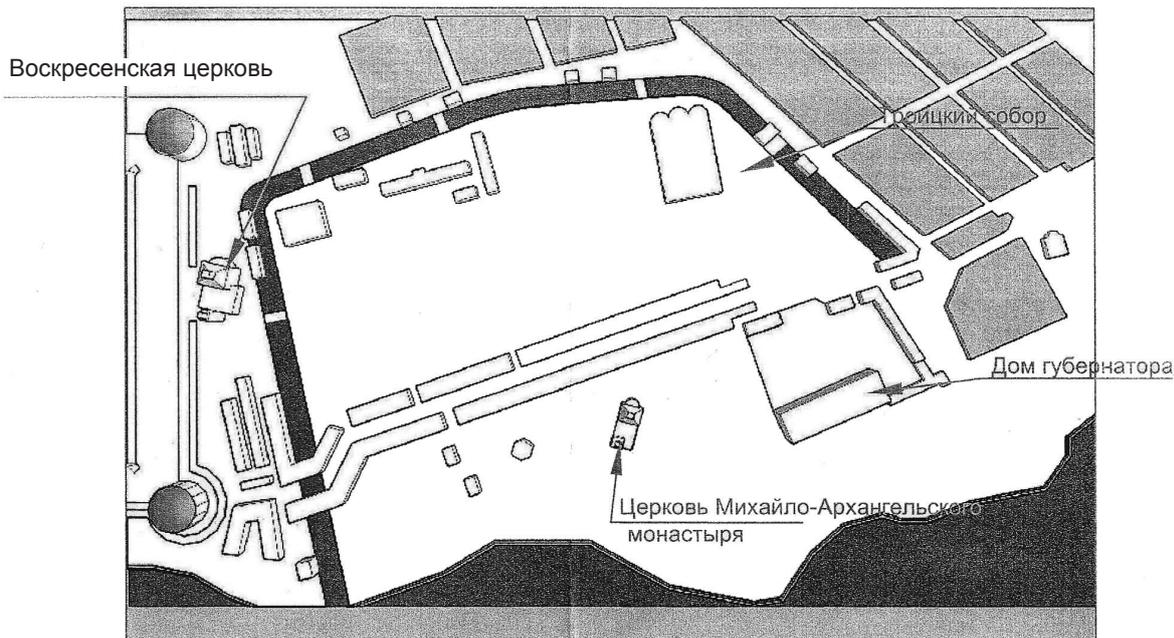
Находки – костяные гребни, костяная рукоять, пуговица и кольцо, обломки каменной литейной формы, фрагменты стеклянной посуды, куски глиняного шлака, глиняные грузила, серая и поливная керамика, фаянсовая посуда, обломки слюды, железные крюки, подковы, гвозди, замки, пробои, ножи, сапожные подковки, медная с позолотой обкладка пуговицы, монеты XVIII–XIX вв., наперстки, украшения, медные бляхи, печать, кожаная обувь, деревянные клепки бондарных изделий [Фосс, 1929, с. 28–33].

В 1972 г. в Каргополе исследования проводил О. В. Овсянников. Им было заложено четыре раскопа в северо-восточной части Каргопольского городища и один – у Воскресенской церкви. Найдены резные детали порталов и наличников окон, керамика, железные вещи (гвозди, подковки), фрагменты печных поливных изразцов XVII в. и декоративные резные детали из известняка [Овсянников, 1972, с. 2–8].

В 1974 г. археологические работы в Каргополе производил А. В. Никитин. Исследования проходили на Старой торговой площади, в Святодуховском монастыре и Рыбачьей слободке. Культурный слой города не превышал 0,6 м. Находки – чернолощенная керамика, монокромные и полихромные изразцы. Датировка – XVI–XVII вв. Работы в районе церкви Зосимы и Савватия дали более существенные результаты. Заложено шесть траншей и 15 шурфов. Собрана керамика XVII–XX вв., зафиксированы три погребения, одно с остатками ткани XVI–XVII века, найдены кирпичи, кованые гвозди, слюда, остатки жилого дома XVIII в. [Никитин, 1975, с. 28].

В 1994–1995 гг. территорию старой торговой площади исследовал А. В. Суворов. Были обнаружены древнерусская круговая керамика, железное шило, бисер, доломитовые пряслица, стеклянный бусинный бисер, бронзовые крестики, височное кольцо, перстень, серьга с молочным шлифованным опалом, глиняная игрушечный конь. Датировка самых ранних предметов – XIV–XV вв. [Суворов, 1996, с. 40–59].

Начало 1740-х гг.

Начало XIX в.

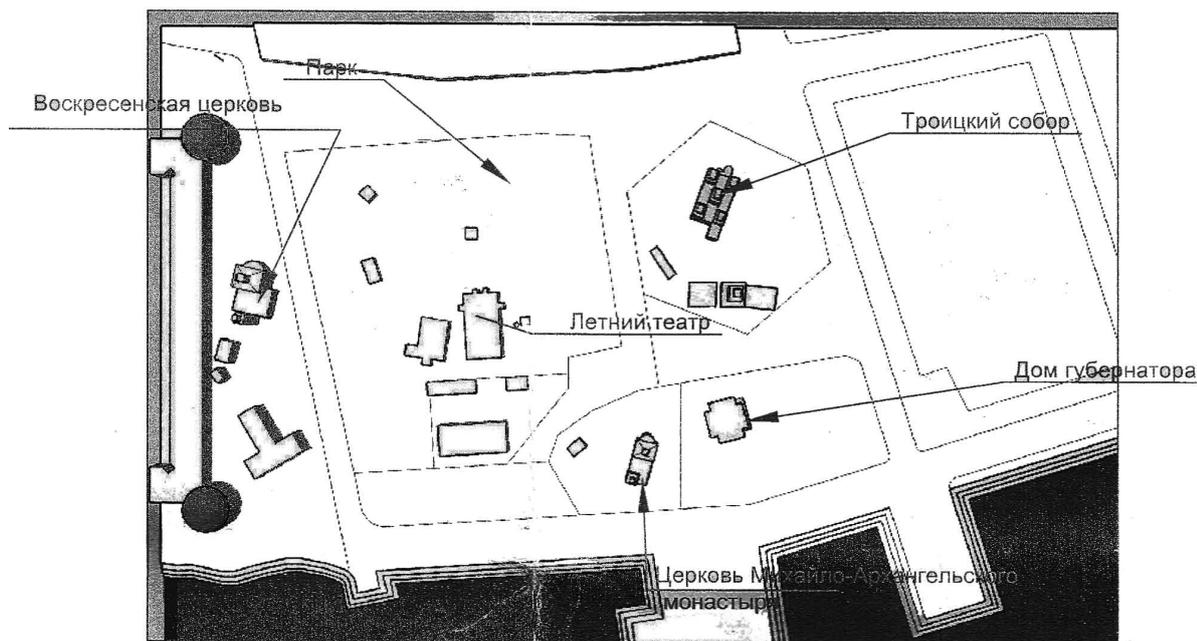

Рис. 2. Изменения в исторической части Архангельска, произошедшие с 1740 г. до начала XIX в.

Онега. Первое упоминание об Онеге мы находим в сотной на Турчасовский стан Каргопольского уезда: «...волостка Устьонежская, а в ней погост, а на погосте церковь Успенье, да другая церковь Никола Чудотворец, к тому же погосту деревня церковная» [Васильев, 1981, с. 123]. В 1780 г. по указу Екатерины II Устье Онежское становится городом Онегой и объединяет волости вновь созданного Онежского уезда. Позже был разработан генеральный план (1784 г.), который так и не был осуществлен на практике.

В целях создания нового Генерального плана Онеги в 1992 г. Е. Л. Хворостовой были произведены исследования по определению исторической части города. Было заложено 15 шурфов. Оказалось, что культурные слои XVI–XVII вв. залегали на ограниченной территории прибрежной части города и отмечены только в двух шурфах (2 и 6). К моменту придания статуса уездного города Онега значительно территориально расширяется: уже в 11 шурфах отмечен слой XVIII в. Далее рост поселения происходил более медленными темпами за счет освоения менее удобных для селитьбы пространств. Формирование культурных слоев Онеги, которое происходило с XVI–XVII вв., согласуется с данными письменных источников [Хворостова, 1992].

Шенкурск. Дата основания Шенкурска пока является дискуссионной, однако она укладывается в узкие рамки 1315–1322 гг. В писцовой книге Я. М. Боборыкина 1620–1621 гг. есть сотная на Шенкурский острог, где даются сведения об укреплениях и вооружении острога, перечисляются казенные строения, дворы и их жители мужского пола [Васильев, 1970, с. 538].

Первые археологические исследования в Шенкурске провел А. М. Талльгрэн в 1909 г. Раскопки производились на территории Шенкурского городища, основание которого датируется XV в. Высота берега от уровня реки Вага – 15 м, размеры городища – 200 × 20–30 м (большая часть памятника уже была размыва). Мощность культурного слоя составляла всего 15–20 см, в нем найдено много угля и черепков глиняной посуды без орнамента. Сверху культурный слой перекрыт песчаным пластом мощностью до 45 см. Были заложены траншея и два раскопа общей площадью около 50 кв. м. Находки – керамика, нож, железные петли, крюки, пластинки, гвозди, кости животных, части кожаного пояса и угли. Найден гроб со скелетом с западной ориентировкой (1,43 × 0,53 м) на глубине 1,5 м и черепки посуды в нем. Материалы из раскопок датируются XVI–XVIII вв. [Талльгрэн, 1909, с. 43–44].

В 1961 г. археологические исследования в Шенкурске проводил О. В. Овсянников. Была произведена зачистка берега длиной 2 м. Культурный слой в виде серой супеси залегал на материке (белесый песок). В зачистке были зафиксированы два бревна с контрфорсом на глубине 1,2 м, а также найдены фрагменты керамики XVII в. [Овсянников, 1961, с. 11–12].

Вельск. Первое упоминание о Вельске находим в 1398 г. во время известного похода новгородцев на крепость Орлец [Новгородская первая летопись, 1950, с. 391]. В более позднее время Вельский погост оставался неукрепленным и получил статус посада в 1550 г. Наиболее ранние сведения о количестве жителей и дворов в Вельске относятся к 1678 г. По дозору и переписи важского воеводы, думного дворянина Богдана Васильевича Яковлева, в Вельском погосте было 22 посадских двора и 57 душ мужского пола [Городские поселения, 1860, с. 333]. По ревизии 1722 г. в посаде находилось 24 души мужского пола – купцов и посадских людей. В 1780 г. 25 января Вельск становится уездным городом [Воронов, 1859, с. 75–118]. В 1784 г. был утвержден его первый план.

Археологические исследования в Вельске проводились в 1999–2000 гг. разведкой и шурфовкой с целью создания проекта охранных зон для нового Генплана. В 2000 г. были заложены 10 шурфов в различных пунктах исторической части города [Едовин, 2000].

Культурный слой XIV–XVI вв. зафиксирован только в одном пункте на территории города (шурф 1). Это говорит о небольшой площади первоначального погоста, который занимал территорию близ Троицкого собора и приречный участок. Только в XVII–XVIII вв. территория посада незначительно расширяется. Культурный слой этого времени был найден в шурфах 1, 5, 7, что очерчивает территорию его распространения пределами Центральной площади и округой соборных церквей.

Значительный прирост городской территории по археологическим данным наблюдается во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. К концу XIX – началу XX вв. граница города на западе доходит фактически до ручья Паздренец. Остальные территории были застроены уже в XX столетии.

Сольвычегодск. Первое упоминание о Сольвычегодске находим в летописи 1385 г., когда новгородцы пришли ратью на пермские земли, но были разбиты устюжанами на Черной реке под «Солдором» [Устюжский летописный свод, 1950, с. 63]. Именно с этими событиями отождествляют появление Чернигова, который располагался в устье Черной – притоке Вычегды. Сгорел Чернигов в 1546 г., внутри города находилась церковь Иоанна Предтечи. В 1581 г. близ церкви Рождества Богородицы был поставлен другой городок – Выбор. В 1586 г. его западную стену разрушило половодьем, осталось всего 23 городни. На передней стене располагалась воротная башня. После этих событий Выбор просуществовал недолго, а в 1590 г. храм Вознесенья был перенесен с городища на Соборную площадь.

В начале XVII в. посады многих городов укрепляются острогами. В Сольвычегодске острог был поставлен в 1602 г. на Никольской стороне посада. Деревянные стены из тына тянулись на 809 саженей (1,5 км). В центре располагался Благовещенский собор и дворы Строгановых. Острог имел четверо ворот и 14 глухих башен (известны названия трех башен – Благовещенская, Сретенская, Борисоглебская). Острожные стены стояли на валу, перед ним находился ров. За стенами рубленые тарасы, засыпанные землей. После отражения отряда польско-литовских «воров» в 1619–1625 гг. выстроили новый острог на Троицкой стороне посада [Летопиसेц, л. 2–3].

Первые археологические исследования в Сольвычегодске произведены только в 1961 г. О. В. Овсянниковым. Им был собран подъемный материал у пристани: керамика XVII в., красный изразец, бронзовые пуговицы. В 4 км от города на р. Черной была исследована гончарная мастерская. Найдены две группы керамики – сероглиняная XV–XVII вв. и поливная с желтой, светло-коричневой и зеленой глазурью, в том числе кубические и круглые с ручками сосуды [Овсянников, 1961, с. 16–17].

В 1991 г. археологические исследования возобновились специалистами из Сыктывкара. Изучались остатки Черниговского городища, расположенные в 3 км от Сольвычегодска. Исследован обрыв берега от впадения Черной на протяжении 1,5 км к западу, по результатам зачисток берега обнаружено три пункта, в которых на верхней площадке заложены шурфы 1 × 1 м и раскоп 20 кв. м. Культурный слой – темно-серый гумус мощностью 40–80 см, материк – желто-красная глина. Находки – керамика XV–XVI вв., железные гвозди, клинья, пластины, серебряная денга, бронзовая пластина [Краснова, 1992, с. 87–92].

В 2007 г. И. В. Папиным произведены разведочные работы в рамках разработки охранных зон Сольвычегодска. На территории города было заложено четыре шурфа, кроме того, выполнена зачистка траншеи у Введенского собора. Культурный слой имеет мощность 0,5–1,6 м, в ямах до 2,2 м. Собрана коллекция предметов численностью около 3 тыс. единиц, самые ранние датируются XIV в. Из находок отметим стеклянный браслет, пуговицы, ножи, серп, гвозди, обувные подковки, монеты разных периодов, свинцовые торговые пломбы и сосуд с клеймами [Папин, Аникина, 2008, с 52–60].

Основные проблемы изучения памятников Нового времени Архангельского Севера формулируются так:

- разная степень изученности культурного слоя памятников, препятствующая адекватному анализу;
- сильное антропогенное изменение, произошедшее как во время накопления культурного слоя, так и в более поздний период;
- недостаток письменных источников по ряду объектов.

Беличенко А. Е. Отчет о работах Северо-Двинского археологического отряда в 1995 г. // Архив Института археологии РАН, № 19273.

Едовин А. Г. Отчет об археологических исследованиях в исторической части г. Вельска в 2000 г. // Архив Архангельского областного краеведческого музея. Ф. III. Оп. 3. № 974.

Летописец о граде и о посаде Соли Вычегодской // Рукописный отдел Российской национальной библиотеки. № 01.835.

Овсянников О. В. Археологические работы 1972 г. в г. Каргополе // Архив Архангельского областного краеведческого музея. Ф. III. Оп. 3. № 49.

Овсянников О. В. Отчет об археологической экспедиции Архангельского краеведческого музея в 1960 г. // Архив Архангельского областного краеведческого музея. Ф. III. Оп. 1. № 307а.

Овсянников О. В. Отчет об археологической экспедиции АОКМ в 1961 г. // Архив Архангельского областного краеведческого музея. Ф. III. Оп. 1. № 318.

О раскопках магистра А. М. Таллыгрена в Казанской и Архангельской губерниях // Архив ИИМК (Санкт-Петербург). Ф. 1. Оп. 1. № 80 (1909).

Фосс М. Е. Работы Вологодского музея в Каргопольском уезде и у д. Лукьяново // Архив ИИМК (Санкт-Петербург). Ф. 2. Оп. 1. № 165.

Хворостова Е. Л. Отчет об археологических исследованиях на территории г. Онега в 1992 году // Архив Института археологии РАН. № 17348.

Васильев Ю. С. Важские писцовые книги и сотницы XVI–XVII вв. // Вопросы аграрной истории европейского Севера СССР. Вып. 3: Аграрная история. – Вологда, 1970. – С. 537–562.

Васильев Ю. С. Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). – Вологда : Изд-во Вологод. гос. пед. ин-та, 1981. – 192 с.

Воронов П. Вельск, уездный город Вологодской губернии // Вестник Императорского Русского географического общества. – 1859. – № 2. – С. 95–118.

Городские поселения в Российской Империи. – СПб. : Изд-во Мин-ва внутр. дел, 1860. – Т. 1. – 465 с.

Едовин А. Г. Археологическое изучение Гостиных дворов в г. Архангельске в 2009 году // Архангельская старина. – Архангельск, 2009–2010. – № 3–1. – С. 12–14.

Краснова Е. В. Археологическая разведка в округе г. Сольвычегодска в 1991 г. // Проблемы изучения традиционной культуры Севера : межвуз. сб. науч. тр. – Сыктывкар, 1992. – С. 87–92.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М ; Л. : Изд. Акад. наук СССР, 1950. – 642 с.

Никитин А. В. Вологодская и Каргопольская экспедиции // Археологические открытия 1974. – М., 1975. – С. 28.

Папин И. В., Аникина А. А. Археологические исследования в г. Сольвычегодске Архангельской области // Русский Север: вариативность развития в контексте исторического и социально-философского осмысления : материалы межрегион. науч. конф. – Вологда. 2008. – Т. 1. – С. 52–60.

Прокопьев Ю. П. К археологии Архангельска // Научно-исследовательская работа в художественном музее. – Архангельск, 1998. – Вып. 1. – С. 176–186.

Рабинович М. Г. Московская керамика // Материалы и исследования по археологии Москвы : в 2 т. – Т. 2. – М., 1949. – С. 57–105. – (Материалы и исследования по археологии СССР ; № 12).

Рева К. П. Холмогорское городище // Архангельские губернские вестн. – 1897. – № 44. – С. 3–4.

Суворов А. В. Археологические исследования сезона 1995 года на Соборной площади города Каргополя // Каргополь. Историческое и культурное наследие. – Каргополь, 1996. – С. 40–59.

Устюжский летописный свод. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 128 с.

Ясински М. Э., Овсянников О. В. Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский Север: проблемы и источники : в 2 т. – СПб. : Archaeologica Petropolitana, 1998. – Т. 1. – 432 с.

**HISTORY AND PROBLEMS OF STUDYING OBJECTS OF THE 17th–19th CENTURIES
(MODERN AGE) IN THE ARKHANGELSK NORTH
(through the example of towns and settlements)**

This article features results of the research of towns and settlements in the Arkhangelsk North (Pomorland) in the modern age carried out by several generations of archaeologists. It describes brief history of them being studied and states the main problems: difference in time and exploration degree, what makes the data comparison not efficient. Archaeological research and archival data show significant changes in the town-planning situation in a number of settlements in the mentioned region during the 18th century. Strong changes in the territorial growth of towns and settlements in the studied period are explained by the status of districts chief towns granted to them. Definite correlation of archaeological and written sources is indicated. The fundamental categories of the cultural layer implements of the modern age are distinguished altogether with their micro-regional specific character.

Keywords: Towns, settlements, Arkhangelsk North, modern age, archaeological sources.

УДК 908

В. Т. Гортер¹, А. А. Гортер²¹Фирма «Архангельск Помор», г. Вадсе, Норвегия,¹Северный (Арктический) федеральный университет, Архангельск,²Администрация губернатора Свальбарда, Норвегия**ЭПИГРАФИКА СОХРАНИВШИХСЯ ОБЪЕКТОВ РУССКОГО (ПОМОРСКОГО)
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (ПРОМЫСЛОВЫЕ ИЗБЫ, КРЕСТЫ) НА ОСТРОВАХ
ШПИЦБЕРГЕН И СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ ЗЕМЛЯ АРХИПЕЛАГА СВАЛЬБАРД, НОРВЕГИЯ**

Анализ стоящих по сей день русских (поморских) памятников культуры на норвежском арктическом архипелаге Свальбард (до 1925 г. именовался архипелагом Шпицберген) показывает, что эти объекты культурного наследия, представленные православными крестами и промысловыми избами, датируются второй половиной XVIII – первой половиной XIX вв. Это самые старые из сохранившихся промысловых изб и крестов на Свальбарде. Более ранние, как и прочие более поздние деревянные конструкции русских (поморов) разрушены. Сопоставление архивных материалов скандинавских стран (Швеция, Норвегия) и России позволяет интерпретировать и более точно датировать эти памятники культурного наследия. В статье впервые представлена полная эпиграфика уцелевших русских (поморских) памятников на Свальбарде, собранная в ходе полевых исследований в течение целого ряда лет.

Ключевые слова: Шпицберген, поморы, промыслы, кресты, становища, старообрядцы, промысловые избы, надписи.

В статье представлена эпиграфика (далее по тексту «надписи») на шести последних уцелевших (еще не обрешившихся) деревянных памятниках русского (поморского) культурного наследия на архипелаге Свальбард.

Поморы называли этот архипелаг «батюшкой Грумантом», о. Шпицберген – Новым Беруном, а о. Эдж – Старым Беруном. Последнее позволяет сделать предположение, что поморы начали осваивать архипелаг с востока, возможно, еще до открытия архипелага В. Баренцем в 1596 г. Кроме того, поморы могли участвовать в моржовых промыслах на архипелаге и в начале XVII в. в процессе деятельности на о. Медвежьем и о. Шпицбергене лондонской «Московской компании», созданной еще в 1555 г. для торговли с Россией через порт Николо-Корельского монастыря в Двинской губе Белого моря. Неоспоримо поморское присутствие на Шпицбергене с рубежа XVII–XVIII вв. и до середины XIX в. Имеются косвенные свидетельства спорадичного пребывания русских промышленников на Шпицбергене во второй половине XIX в. [*Carlheim-Gyllensköld*, 1900, с. 158], хотя в этот период уже не требовалось отдельно отмечать Шпицберген в таможенной документации [*Минаева, Гортер*, 2013, с. 10]. В первой половине 1920-х гг. на Шпицбергене зафиксировано несколько зимовок русских промышленников, эмигрировавших в Норвегию после революции 1917 г. Они занимались типично норвежскими промыслами

(главным образом, охотой на пушного зверя), сформировавшимися в 1891–1895 гг. [Kjær, 2016, с. 255–256]. В более ранний период (1800–1870 гг.) норвежские зверобои осваивали Шпицберген преимущественно в летнее время, поначалу с использованием поморских проводников и поморских судов, постепенно заимствуя у поморов традиционные знания и береговую инфраструктуру, тогда еще находившуюся в неплохом состоянии.

В Поморье существовала традиция эпиграфики на крестах и стенах изб, которая, по мнению Андрея Мельника, уходит корнями в Древний Новгород. Распространившись по Поморью, эта традиция постепенно приобрела свою северорусскую специфику. На Грумант поморы добирались на кочах или лодьях. Так как Шпицберген не имел постоянного населения, поморская промысловая культура Русского Севера беспрепятственно распространилась на территорию архипелага. Среди поморов было много старообрядцев. Проникновению старообрядцев на Север способствовали их религиозные предпочтения: потребность в уединении и уход от репрессий со стороны официальной никонианской церкви. Поэтому следует ожидать, что среди поморских промышленников на Шпицбергене в начале XX в. было немало старообрядцев. Известно, что промысловые партии на Шпицберген снаряжали как никонианский к тому времени Соловецкий монастырь, так и Выговский (Даниловский) старообрядческий монастырь [Crummey, 1970, s. 141]. Любопытно, что главная улица российского рудника Баренцбург была названа именем Ивана Старостина, 32 года промышлявшего от Соловецкого монастыря на становище близ бухты, которую впоследствии не случайно назвали Соловецкой. Путешественники XIX в. неоднократно обращали внимание на множество русских изб и крестов на Шпицбергене. Одно из лучших описаний поморского становища старовеера Ивана Рогачева на о. Эдж было дано норвежским путешественником Кейлхау [Keilhau, 1831, с. 155–158].

До наших дней окончательно не обрушилось всего несколько памятников поморского культурного наследия. Это кресты на о. Нордре Руссойа и о. Кроссойа на Северо-Восточной Земле, три промысловые избы в местечках Дирксодден, Реквика и Эльветанген по обе стороны губы Вейде-фьорд в северной части о. Шпицберген, а кроме того, крест и надмогильные столбики из залива Весле Раудфьорд (в настоящее время хранящиеся в музее). Все эти памятники относятся ко второй половине XVIII – середине XIX вв. Избы, несомненно, являются самыми старыми из сохранившихся построек Свальбарда. Все норвежские промысловые домики – более поздние. Все три избы расположены в непосредственной близости к местам лежбищ моржей.

Надписи, обнаруженные на многочисленных уже обрушившихся памятниках (обломки крестов, судов и построек), в данной статье не рассматриваются. Часть их зафиксирована и изучена советско-российским археологом В. Ф. Старковым за 40-летний период его работы на архипелаге. До 2006 г. В. Ф. Старковым раскопано или визуальным образом исследовано 44 поселения, 20 погребений, 25 остатков крестов и 60 мест залегания судового дерева [Starkov, 2006, с. 11]. Исследователь располагает сведениями примерно о 38 поморских крестах на Свальбарде [Старков и др., 2002, с. 71–86].

О функциях таких крестов уже многое сказано. Поэтому мы напомним только об одной из них, сформулированной членами голландской экспедиции В. Баренца. В 1597 г. голландцы, возвращаясь с зимовья на Новой Земле, встретили в Печорском море поморов. На расспросы голландцев о дальнейшем пути следования на запад поморы пояснили, что группа из пяти крестов на берегу моря будет указывать на вход в Белое море [L'Honore Naber, 1917, с. 166]. Можно предположить, что подобное скопление из пяти крестов на о. Кроссойа обозначало вход в залив Мерчисон. До нашего времени дошел только один из них, но каменные кучи, оставшиеся от других четырех крестов, еще хорошо заметны.

Большинство поморских крестов имеют надписи: стандартные религиозные и «мирские» в зависимости от функции. П. А. Филин и Н. Н. Фризин видят различие между крестами на становищах (обычно удаленных промысловых станций на Мурмане, Новой Земле, Шпицбергене и Вайчае) и крестами на тонях (близких к деревням рыболовецких станций) [Филин, Фризин, 2001, с. 166–198]. На становищах могло стоять по нескольку крестов, в то время как на тонях водружался только один крест, как правило, без «мирских» надписей. Таким образом, кресты на становищах были не только культовыми объектами и навигационными знаками, но также хранили память о судьбе и имуществе промысловых экспедиций и закрепляли права своих создателей на пользование становищем в будущем.

Ниже мы приводим обзор зарегистрированных нами надписей на уцелевших от разрушения временем памятниках поморского культурного наследия.

1. Крест на о. Нордре Руссойа (рис. 1б, с. 185 и 2б, с. 186) расположен на вершине возвышенности на расстоянии нескольких сотен метров от когда-то стоявшей там русской промысловой избы, ныне утраченной. Этот крест – самый северный православный крест в мире! Неподалеку от него имеется погребение. Представляется, что морское побережье перед возвышенностью с крестом когда-то служило хорошим лежбищем для моржей. На острове зарегистрировано место забоя моржей. У северного конца пляжа возвышается часть стойки еще одного креста, обломанного белыми медведями. Оба креста хорошо просматриваются со стороны моря и служат надежным ориентиром для мореходов.

Сохранившийся крест утратил только подножье. У основания он укреплен кучей из 30 камней. Высота вертикальной балки от верха камней – 3,90 м, длина перекладки – 1,25 м. Крест выполнен из пиленого леса размером 15 × 11 см. Обычно такого рода кресты изготавливались поморами в родном селе, после чего их благословляли, разбирали и привозили в комплекте к месту установки на становище.

Нижняя часть креста пострадала от когтей и зубов белых медведей. В 1899 г. Карлхейм-Гюлленшольд зафиксировал только одну надпись на этом кресте – «1798», расположенную на высоте 1 м от земли. Эта надпись позднее была утрачена. В нашем распоряжении оказались фотографии этого креста 1899, 1978 и 2009 гг. Сопоставление фотоснимков и осмотр креста на местности не позволили с уверенностью реконструировать надписи на верхних перекладинах, однако нечеткие следы на второй сверху перекладине можно истолковать как «IC XC». Наличие на стойке между верхней и нижней перекладиной выемки в форме распятия, характерной для выговской мелкой пластики, может дать основание предположить, что этот крест был воздвигнут старообрядцами. Подобные крестики-распятия – не редкость в находках, сделанных археологами на Шпицбергене. Гвоздики, с помощью которых распятие крепилось к стойке, еще сохранились. Еще один интересный символ – солярный знак – вырезан по центру большой перекладины. Солнце ассоциируется с Иисусом Христом, Воскресением и Царствием Небесным. Такие солярные знаки часто использовались на мачтах поморских судов. Эту традицию сохранил и Петр I при строительстве своих первых кораблей в Архангельске.

2. Крест на о. Кроссойа (рис. 1в, с. 185 и 2в, с. 186) стоит на возвышенности в одной (самой южной) из пяти каменных куч, расположенных по линии север – юг при входе в залив Мерчисон. В залив ведут и другие проливы между островами, но все они, за исключением этого, мелки и опасны для кораблей. Кресты над остальными каменными кучами утрачены. Высота каменной кучи в основании сохранившегося креста – около 1,4 м. Стойка креста была вытесана из бревна плавника. Перекладки выполнены из пиленого леса. Высота стойки – 4 м. Это обычная для поморских крестов высота. Делать кресты ниже не рекомендовалось, так как считалось, что это могло «урезать» удачу. Куча камней на расстоянии 3 м от креста может быть погребением.

Сопоставление фотографий 1899, 1978 и 2009 гг. и обследование на месте позволило нам расшифровать большую часть надписей. На верхушке стойки креста вырезана надпись в две строки: «ЦРЬ СЛВЫ» (Царь Славы), на верхней перекладине – «ИН-ЦИ» (Иисус Назорей Царь Иудейский), на нижней перекладине – «IC СЫНЪ БОЖИЙ ХС» (Иисус Христос, Сын Божий). Подножье утрачено. На стойке между большой перекладиной и недостающим подножием вырезаны изображения копья и трости и соответствующие аббревиатуры «Т» и «К». Ниже паза для подножия вырезаны две или три строки текста, которые трудно разобрать. Скорее всего, это тоже стандартные религиозные надписи. Одна из строк может быть прочтена как «НИКА». Под этими строчками проведена прямая линия, обозначающая переход к «мирской» надписи с рассказом об экспедиции. Здесь можно выделить 10 или 11 линий, однако текст настолько выветрился, что прочитать его практически невозможно. Читаемы лишь некоторые отдельно взятые буквы. Вокруг самой нижней утолщенной части стойки вырезаны надписи явно постпоморского периода – скорее всего, «граффити» XX в.: на лицевой стороне – «LUNA», «PIPS», «METOL», «IFÖP»(?), «NISS:N»(?), на оборотной стороне – «ADM», «FNE» или «FVE» и «50». Реставратор В. Шапошник датировал крест ориентировочно серединой XIX в. и отнес его к официальному (никонианскому) направлению. К этому выводу он пришел, не зная о существовании на задней стороне верхней перекладины слева от стойки надписи «EH 52» или «EH 59» (возможно, «EH 1852» или «EH 1859»). Надпись была обнаружена при обследовании фотографии 1978 г.

3. Крест из залива Весле Раудфьорд (рис. 1е, с. 185 и 2е, с. 186) первоначально стоял вблизи поморской становой избы на наволоке к северу от лагуны Морена в заливе Брейбуген. Крест был демонтирован в первой половине XX в. и впоследствии передан в Свальбардский музей, где он экспонируется по сей день. Этот крест сохранился лучше предыдущих благодаря тому, что уже почти 100 лет он находится на хранении в фондах музея. Он был изучен нами в 2010 г. и сопоставлен с обнаруженными материалами в архиве Академии наук Швеции в Стокгольме и Государственном архиве Архангельской области. На этом кресте имеются стандартные религиозные надписи и символы. Верхняя перекладина содержит надпись «ЦРЬ СЛВЫ», большая перекладина – «ИИСЪ СЫНЪ БОЖИЙ ХРИСЪ», подножье – «НИКА» (рис. 2е, с. 186). Под подножием искусно вырезана голова с надписью «Г. А.» (голова Адама). Под ней на лицевой стороне креста имеется текст с информацией о промысловой экспедиции, которая, во всей видимости, его водрузила. Текст состоит из семи строк. С уверенностью можно различить только самые первые цифры и буквы «<1>752 год <a>», а также некоторые отдельные буквы в последующих строках. Более поздний экспедиционный текст содержится на задней стороне креста. Сопоставление экспоната с записями шведского исследователя Трюггве Рубина, хранящимися в Академии наук Швеции [Rubins, 1902], помогло расшифровать несколько слов в 11 линиях надписи: «кормщик», «Ку <z>нецова», «<...>адцать» (возможно, одиннадцать), что позволило связать крест с последней документированной промысловой экспедицией поморов на Шпицберген в 1851–1852 гг. Впоследствии это предположение подтвердилось, когда в ходе комплексной экспедиции губернатора Свальбарда вокруг архипелага в 2015 г. было обнаружено место зимовки и могилы с надмогильными столбиками, содержащими имена двух из одиннадцати умерших от цинги и похороненных там членов экспедиции: «Вас. Калининъ» (кормщик Василий Калинин) и «Н. <...>ас <...>левъ» (Николай Васильев) (рис. 2е). [Gorter, 2016, с. 125–138; Гортер, 2016, с. 26–34].

4. Разволочная изба в Дирксоддене (рис. 1а, с. 185 и 2а, с. 186). Такие избы были, как правило, очень маленькие. Их привозили с материка в виде бревен для сруба и собирали в разных местах для временного пребывания в период промысла. При необходимости постройку могли разбирать и перевозить на новое место. Промысловая экспедиция имела, как правило, одну общую становую избы и несколько разволочных, расположенных на срав-

нительно большом расстоянии от становой избы и друг от друга. Изба в Дирксоддене, наиболее хорошо сохранившаяся из трех еще не обрушившихся поморских изб на архипелаге, уцелела во многом благодаря вторичному использованию (с 1910 г.) норвежскими промышленниками, которые в 1921 г. пристроили к ней на месте сеней свое жилое помещение. Поморские сени представляли собой каркасную конструкцию без крыши, накрывавшуюся парусом и использовавшуюся для обработки шкур и пр. Рядом с существующей постройкой имеются следы от стоявшей здесь более ранней русской промысловой избы. На некотором удалении от нее расположены две могилы. В 1995 г. ураганом снесло кровлю избы, однако уже в 1999 г. она была отреставрирована Службой губернатора Свальбарда.

Рис. 1. Сохранившиеся памятники русского (поморского) культурного наследия на архипелаге Свальбард. Фотографии Анастасии и Валинга Гортеров

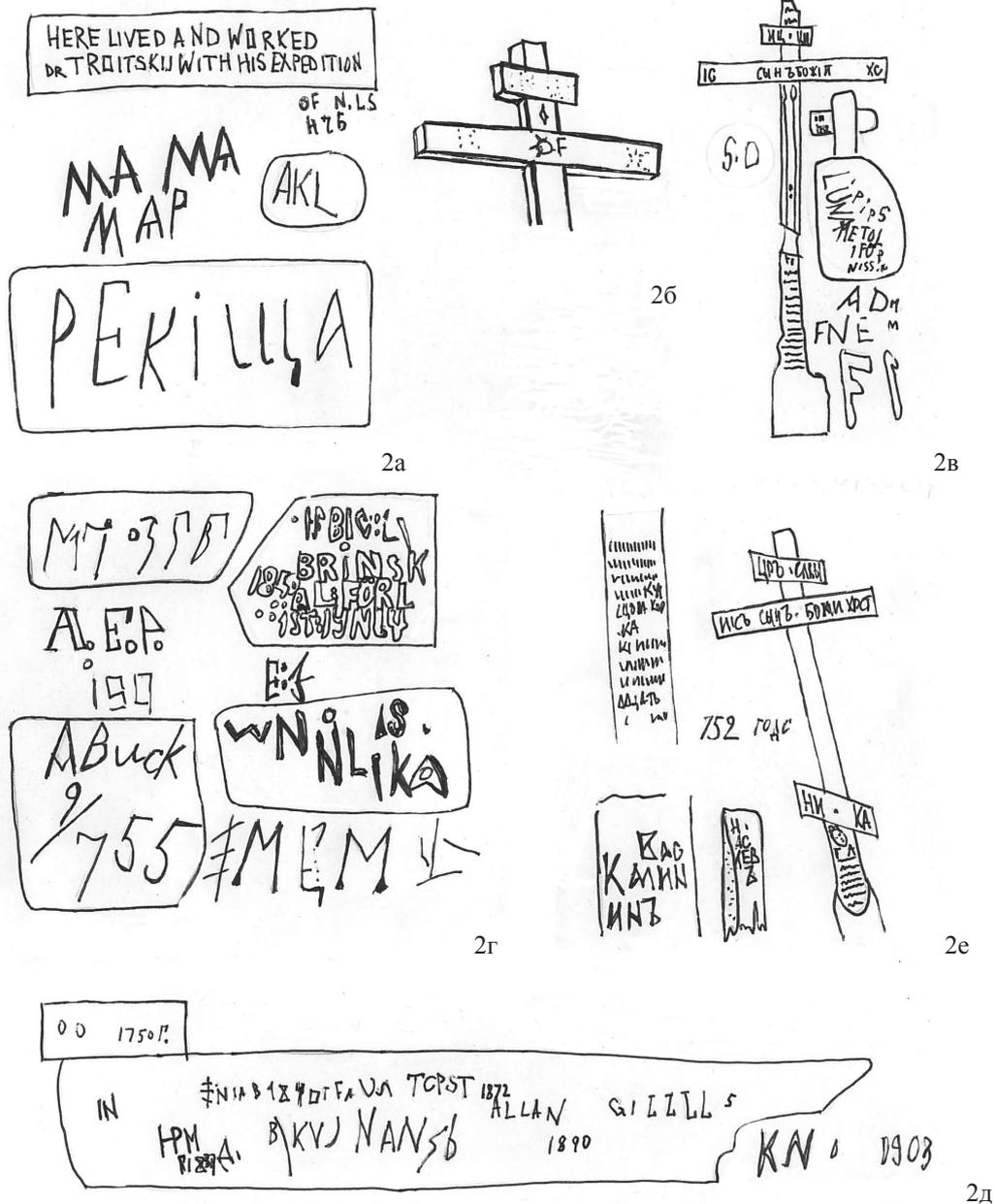

Рис. 2. Надписи, зарегистрированные на памятниках русского (поморского) культурного наследия на архипелаге Свальбард. Рисунок Анастасии Гортер

На внутренних стенах избы были зафиксированы следующие надписи как поморского, так и постпоморского периода: «HERE LIVED AND WORKED DR. TROITSKIJ WITH HIS EXPEDITION» («Здесь жил и работал д-р Троицкий со своей экспедицией»). Эта надпись вырезана на отдельной доске, прибитой к южной стене (рис. 2). По всей видимости, надпись была сделана Л. С. Троицким – гляциологом Географического института Академии наук СССР в Москве, работавшим в экспедициях на Шпицбергене с 1960-х гг.

На доске, прибитой под лавкой к западной стене избы, имеется надпись «AKL», перевернутая вверх ногами. На восточной стене вырезана трогательная надпись «МА МА» («мама») и «МАР» (рис. 2а).

Снаружи на южном фасаде постройки имеется несколько надписей: «РЕКИЦА» (согласно «Толковому словарю живого великорусского языка» В. И. Даля, речка – старица, покинутое рекою русло [Даль, Т. IV, с. 122]), аббревиатуры «N. L. S.», «OF»(?) и «HN»(?), несколько других неразборчивых цифр или букв.

5. Становая изба в Реквике (рис. 1г, с. 185 и 2г, с. 186) была устроена как общая зимовочная изба поморского становища, находившегося на берегу лагуны. Недалеко от избы зарегистрировано захоронение. На территории становища в свое время был найден железный топор, датированный археологом В. Ф. Старковым концом XVIII в. [Bertelsen, 2010]. Норвежские промышленники возобновили пользование старой избой, пристроив к ней жилое помещение на месте сеней, частично сохранившихся. В северо-восточном углу сеней когда-то была баня. Изначально русская изба была курной. Впоследствии там была установлена железная печь. В красном углу осталась

угловая полочка под икону. Этот комплекс частично ремонтировался Службой губернатора Свальбарда в 1993 г. Однако кровля над русской избой восстановлена не была, и деревянный пол в избе сгнил. В настоящее время как русская изба, так и норвежская пристройка находятся в очень плохом состоянии. Гниение древесины в последние годы набирает темпы из-за изменения климата.

Внутри помещения русской избы на западной стене имеются следующие надписи: «A. BUCK 9/7 55» (вероятно, идет речь об Андреасе Буке из Гаммерфеста, который занимался зверобойными промыслами на Шпицбергене в середине XIX в.); «MI SS B» (или «...17 55 Г»?), изображение восьмиконечного креста и аббревиатура «M(?)M». На южной стене – аббревиатура «E: J».

Снаружи на выпусках бревен юго-западного угла со стороны фасада зафиксировано несколько надписей: «ISBIC:L»(?) и «BRINSK 1850 AL:FÖRL IST:IYN14»; < нечитаемая надпись >; «A.E.P» (? последняя буква написана неразборчиво), «1811» (очень неразборчиво, возможно, «1911»).

На южной стене снаружи (по фасаду избы) имеются надписи: «IS», «НИКА» (рис. 2г, с. 186) и еще несколько других настолько выветрившихся, что расшифровать их нам не удалось. Надпись на внутренней поверхности западной стены сеней: « < ... > A».

6. Становая изба в Эльветангене (рис. 1д, с. 185 и 2д, с. 186), как и в Реквике, когда-то служила общей зимовочной избой. В 1912 г. норвежские промышленники пристроили жилое помещение на месте сеней. Сейчас изба представляет собой руины. Часть сруба русской избы еще стоит, но крыша давно обвалилась. В отличие от изб Дирксоддене и в Реквике этот комплекс не реставрировался, и поэтому он представляется наиболее аутентичным.

На восточной стене внутри сруба на выровненной топором поверхности самого большого бревна имеется скопление надписей на латинице и кириллице: «IN < ... >», восьмиконечный крест, «N < ... >», «в 1840 г < ... >», «TCPST», «1872», «ALLAN», «187 < ... >», «GILLLS» (или «CILLLS»), «НРМ (или ЮМ) Г 1837 (или 1831 или 1851) А». Некоторые аббревиатуры являются предположительно инициалами. Слева от этого отесанного бревна (и чуть выше его) имеется надпись: «90 (или ОО?)» и «1750 Г. », а справа – «БК». Возле входной двери изнутри вырезано: «KN I 1903(?)» (северная стена).

Все упомянутые дошедшие до наших дней памятники русского (поморского) культурного наследия имеют надписи на кириллице и латинице. Тексты на латинице более позднего происхождения. Большая часть русских (поморских) памятников на Шпицбергене частично или полностью утрачена [Katalog..., 2013]. В настоящее время все русские (поморские) памятники охраняются государством в соответствии с Законом об охране природной окружающей среды Свальбарда, запрещающим наносить вред, выкапывать, перемещать, удалять, изменять, укрывать, скрывать или разрушать охраняемые памятники культуры. Однако угрозу для них представляет не только человек. Ущерб наносят белые медведи. Дополнительные проблемы создает изменение климата. Увеличение количества атмосферных осадков и более частые колебания температуры около точки замерзания способствуют ускорению процессов гниения (ранее практически не наблюдавшихся) и разрушают структуру материалов. Участившиеся ветра приводят к эрозии как самих памятников, так и почвы, на которой они стоят.

Гортер А. А. Последние из глуманлан // Соловецкое море : историко-лит. альманах. – Архангельск ; М., 2016. – С. 26–34.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – Т. IV. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. – 684 с.

Минаева Т. С., Гортер В. Поморское и норвежское освоение Шпицбергена в первой половине XIX в. // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – 2013. – № 4. – С. 5–12.

Старков В. Ф., Черноsvитов П. Ю., Дубровин Г. Е. Материальная культура русских поморов по данным исследований на архипелаге Шпицберген. Остатки судов. – М. : Науч. мир, 2002. – Вып. 1. – 151 с.

Филин П. А., Фризин Н. Н. Крест в промысловой культуре поморов Русского Севера // Ставрографический сборник / Издат. совет РПЦ; Фед. арх. служба России; РГАДА. – М., 2001. – Кн. 1. – С. 166–198.

Askeladden (National database of automatically protected cultural heritage sites): ID-No.92933, 92937, 92936, 92935, 217510, 93122, 93146, 93126.

Bertelsen, Reidar (Бертельсен, Рейдар, археолог Университета Тромсе / Музея Тромсе). Устная информация. 2010.

Carlheim-Gyllensköld V. Åttionde breddegraden. – Stockholm, 1900. – 256 p.

Crummey R. O. The Old Believers & the World of Antichrist : The Vyg Community & the Russian State 1694–1855. Madison, Milwaukee and London : The University of Wisconsin – Press, 1970.

Gorter A. Lokaliseringen av Kuznetsovs fangstekspedisjon (1851–1852) i Breibogen på Svalbard // Polarboken 2015–2016. – Oslo, 2016. – Page 125–138

Katalog prioriterte kulturminner og kulturmiljøer på Svalbard [Каталог приоритетных памятников культуры на Свальбарде]. Versjon 1.1. Sysselmannen på Svalbard, 2013. – 220 p. – URL: www.sysselmannen.no

Keilhau B. M. Reise i Öst-og Vest-Finmarken samt til Beeren-Eiland og Spitsbergen i Aarene 1827 og 1828. Christiania, 1831. – 247 p.

Kjær K.-G. Ishavsfarene 1859–1909. – Orkana, 2016. – 540 p.

L'Honore Naber. Reizen van Willem Barents, Jacob van Heemskerck, Jan Cornelisz. Rijk en Anderen naar het Noorden (1594–1597) verhaald door Gerrit de Veer. Part 1. 's Gravenhage, 1917. – 284 p.

Rubins ryssaker (5. august 1902). Manuscript from Royal Swedish Academy of Sciences. The Archive of the Museum of History of Exact Sciences. MEVN, dossier F02: 1.

Starkov V. F. Spitsbergen in the History Research Works. – M. : Scientific World, 2006. – 407 p.

W. T. Gorter¹, A. A. Gorter²

¹Company "Archangelsk Pomor", Vadsø, Norway,

¹Northern (Arctic) Federal University, Archangelsk,

²The Governor of Svalbard, Svalbard, Norway

EPIGRAPHICS ON THE REMAINING STILL STANDING RUSSIAN (POMOR) MONUMENTS OF CULTURE (CABINS, CROSSES) AT THE ISLANDS OF SPITSBERGEN AND NORTH EAST LAND OF SVALBARD, NORWAY

An analysis of still standing Russian (Pomor) monuments of culture at the Norwegian Arctic archipelago of Svalbard, which before Norway took over the sovereignty in 1925 was called the Spitsbergen Archipelago, shows that these monuments of culture, represented by orthodox crosses and hunting and trapping cabins, date from 2nd part 18th century until mid 19th century. These are the oldest still standing cabins and crosses at Svalbard. Other earlier and later wooden structures of Russians (Pomors) have fallen down. A combination of archive materials from Scandinavian countries (Sweden, Norway) and Russia allows interpretation and precise dating of these still standing monuments of culture. This is the first complete presentation of all inscriptions on these still standing Russian (Pomor) monuments in Svalbard, based on extensive fieldwork over a number of years.

Keywords: Spitsbergen, pomors, trapping and hunting, crosses, overwintering stations, old believers, cabins, inscriptions.

Я. Хохоровски¹, М. Крапец²

¹Ягеллонский университет, Краков, Польша,

²Академия горного дела и металлургии, Краков, Польша

СТРУКТУРА И ХРОНОЛОГИЯ ПОМОРСКОГО ПРОМЫСЛА В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ШПИЦБЕРГЕНА

В ходе работ польской археологической экспедиции Ягеллонского университета за 1982–1987 гг. в южной части Шпицбергена (на территории Серкаппланда и в зоне Хорнсунда) были исследованы три русские промысловые станции: Бирнбайнфлиене, Пальфьюдден и Шеннингхольмане, а также остатки причальных сооружений на побережье Террфлюа. Отобранные образцы дерева, представляющие все возможные виды строительного материала (отесанные и «сырые» брусья, привезенные с континента полуфабрикаты, детали разбитых кораблей, а также используемый как стройматериал плавник), подвергались дендрохронологическим и радиоуглеродным анализам. Хронологическая последовательность полученных дендрологических дат определялась методом корреляции кривых (wiggle-matching). Абсолютные даты дерева, использовавшего при строительстве поморских домов в северной части Серкаппланда, отвечают хронологическим рамкам промысла на этой территории, установленным на основе исторических и археологических источников.

Ключевые слова: Шпицберген, русские промысловые станции, дендрохронология, датирование 14С, wiggle-matching.

Формулировка проблематики исследования. Дендродатирование сыграло существенную роль в определении временных рамок поморского промысла на Шпицбергене как важного исторического процесса освоения русскими этой части Арктики. Основываясь на дендродатах [Черных, 1987, с. 252–255, табл. 1–2; 1996, с. 52–59, рис. 41, табл. 6], которые позволили датировать пять поморских промысловых поселков в южной части Шпицбергена второй половиной XVI в., советские ученые еще в 80-х гг. прошлого столетия выдвинули концепцию «добаренцева»

этапа (до 1596 г.) освоения поморами этой части Арктики [Старков, Корякин, Завьялов, 1983, с. 109–113; Одинцов, Старков, 1985, с. 151–161; Старков, 1987, с. 236–241; 1998, с. 48–58, табл. 3–4]. Несмотря на существенные методологические недостатки этой концепции [Arlov, 1987, p. 83; Albrethsen, Arlov, 1988, p. 107–108; Chochorowski, 1999, p. 12–22], ее основные положения продолжают оставаться ведущими в вопросах начала активности поморов на Шпицбергене, а также структуры заложенных ими охотничьих поселков на побережьях архипелага.

С точки зрения логики мореплавания южная часть Шпицбергена, расположенная ближе к континенту, должна была быть освоена в первую очередь. Дендрохронологические и исторические данные в совокупности указывают на то, что поморский промысел в южной части Шпицбергена, на Серкаппланде (Sørkappland), функционировал 274 года [Завьялов, Старков, 1987, с. 248]. Наиболее ранняя дата его складывания (1563 г.) получена при анализе дерева с поселения Мосватнет 2 (Mosvatnet 2) на о. Серкаппейя (Sørkappøya). Последняя в этой части Шпицбергена и, к слову, трагическая зимовка 11 русских промышленников в становой избе на Скольтнесет (Skolteneset), по историческим данным, относится к 1837 г. [Conway, 1906, p. 275–276]. Столь продолжительный по времени процесс промышленной активности поморов должен обладать внутренней логикой и структурой, для познания которых, к сожалению, не имеется исторических источников. Археологические данные (особенно датирование фрагментов каолиновых трубок), полученные в ходе польских исследований на Серкаппланде и в районе фьорда Хорнсунд (Hornsund) [Chochorowski, 1988, p. 123–144; 1989, p. 179–266], не подтверждают ранее установленных хронологических рамок этого процесса. По итогам археологических исследований самое раннее становище – Пальфьодден (Palffyodden), основанное около 1720 г. Наиболее поздним является комплекс на Бирнбайнфлиене (Bjørnbeinfluene), построенный в конце XVIII в. (возможно, 1790 г.). Но для установления взаимных временных и функциональных взаимосвязей между отдельными становищами археологических данных недостаточно.

Цель исследования и теоретические положения. Отправной точкой исследования является анализ структуры (характер и количество объектов, тип строительного материала – [Chochorowski, Jasinski, 1993, с. 1–33]) и дендрохронологическое датирование поморских промысловых становищ и отдельных станов, а также следов мореплавательной деятельности, изученных в южной части Шпицбергена, на Серкаппланде и в районе фьорда Хорнсунд (рис. 1, с. 191). Они отличаются друг от друга не только количеством построек и других остатков промысловой деятельности, но и использованным для их сооружения материалом. Это могли быть отесанные брусья, привезенные с континента (полуфабрикаты), а также «сырой» или «промысловый» (например, детали разбитых кораблей) плавник, собранный на месте и скорее всего разновременный. Целью получения результатов дендрохронологического датирования является не столько установление абсолютной хронологии отдельных «поселков» (что затруднено неясным происхождением и разнородностью строительного материала, например, плавника – [Högglum, 1982, p. 81–92; Eggertsson, 1994, p. 4–8; Hellmann, Tegel et al, 2013, p. 1–9]), сколько определение хронологии функционирования разных объектов и этапов промысловой активности. Относится это в первую очередь к показателям временного соотношения строительного материала разных построек и станových изб, а также к выяснению синхронности или ее отсутствия между отдельными становищами и станками, составляющими «поселенческую» базу поморского промысла.

Результаты дендрохронологического анализа. В ходе исследования были проведены тесты 26 отобранных образцов дерева (табл. 1, с. 190), представляющих все возможные виды строительного материала, использовавшегося поморами, включая элементы разбитых кораблей и лодок. Взятые пробы также представляют весь спектр использовавшихся в строительстве пород дерева (в основном *Larix sp.*, потом *Pinus sp.* и редко *Picea sp.*). Самым распространенным строительным материалом является лиственница (*Larix sp.*), часто привозившаяся с континента в виде полуфабрикатов, заранее приготовленных для сборки. Для лиственницы был получен временной интервал в 208 лет, позволяющий синхронизировать отдельные строительные периоды и определять их характер (рис. 2, с. 192). Благодаря этим данным удалось установить, что, например, становище Шеннингхольмане (Schønningholmane) с южной стороны входа в Хорнсунд, состоявшее из трех домов, было построено одновременно под зимовку большой группы (*артели*) промысловиков (рис. 3, с. 192). В состав этого становища входили большой жилой дом (рис. 4, с. 193), баня (рис. 5, с. 193) и изба штурмана (*кормищика*). Интересно, что монументальный православный крест (рис. 6, с. 193), установленный недалеко от становища (рис. 7, с. 193), изготовлен из дерева, срубленного 43 годами ранее. Возможно, его опорная балка была повторно использована, либо крест, первоначально находившийся на континенте, был демонтирован, перевезен и установлен на новом месте в ходе церемонии освящения этого места и промысла в целом. Предположение, что крест был установлен раньше постройки поселения, является маловероятным.

Время строительства становища на Шеннингхольмане совпадает по дендродатам с постройкой промысловой избы на Биернбайнфлиене (рис. 8, с. 194), в южной части Серкаппланда и с датированной 1770–1810 гг. (скорее всего, 1790 г.) археологической находкой – каолиновой трубкой. Она была найдена поблизости от ледника Олсок (Olsokbreen), преграждающего дорогу вдоль побережья к южному мысу острова (рис. 9, с. 194). Ледник, скорее всего, обозначал южную границу охотничьих угодий промысловиков из северной части Серкаппланда (из базы на Шеннингхольмане). Недалеко от стана на Биернбайнфлиене, на побережье Террфлюа (Tørrflua), были открыты фрагменты причальных сооружений, использовавшихся охотниками и моряками во время ловли в этой зоне. Если принять, что использование пристани на Террфлюа (рис. 10, с. 194) и найденные рядом части разбитого небольшого судна (рис. 11, с. 194) связаны с этапом строительства и функционирования избы на Биернбайнфлиене,

то можно предположить, что самая младшая деталь судна (222 г. хронологии по *Pinus sp.*) старше либо почти одновременно самым поздним элементам конструкции жилища (208 г. датировки по *Larix sp.*). В таком случае теоретически можно составить уравнение: 222 г. хронологии *Pinus sp.* = условно одновременный либо старше (на несколько? лет) – 208 г. датировки *Larix sp.* Это означает, что сосновый брус (*Pinus sp.*), из которого изготовлен крест, установленный рядом с домом на Бирнбайнфлиене, минимум на 45 лет старше материала, использованного для постройки этого дома. Однако данный факт не вызывает подозрения, если мы сопоставим его с ситуацией, наблюдаемой на Шеннингхольмане, где эта разница составляет 43 г. в датировке по *Larix sp.* Одновременно вышеприведенные факты могут служить подтверждением предположения, согласно которому установление монументального креста у становища не только связано с культовыми традициями, оно еще и происходило задолго до начала промыслового дела. Но топографическая обстановка Бирнбайнфлиене противоречит тому, что крест был здесь установлен задолго до сооружения становой избы как знак судовой обстановки, показывавший направление подхода к причалу пристани [Старков, Овсянников, 1980, с. 124]. Море у небольшого мыса, на котором находится изба, сильно мелководное и усыпанное шхерами, что делает затрудненным подход даже на лодке.

Таблица 1

Результаты дендрохронологического анализа образцов дерева из поморских становищ в северной части Серкапланда

No.	Lab code	Sample description	Species	Number of rings	Dating of the sequence
1	SPITS 7	Schönningholmane, hut C, wall SW, beam	<i>Larix sp.</i>	79	
2	SPITS 8	Schönningholmane, hut C, wall NE, beam	<i>Larix sp.</i>	88	*115–202
3	SPITS 22	Schönningholmane, hut C, wall NW, beam	<i>Larix sp.</i>	134	*71–204
4	SPITS 23	Schönningholmane, hut C, wall NW, beam	<i>Larix sp.</i>	130	*73–202
5	SPITS 2	Schönningholmane, shaft of monumental cross	<i>Larix sp.</i>	157	*5–161
6	SPITS 26	Schönningholmane, diagonal arm of monumental cross	<i>Larix sp.</i>	58	*103–160
7	SPITS 5	Tørrflya, landing place 1, wrecked boat, clamp	<i>Pinus sp.</i>	94	#14–222
8	SPITS 6	Tørrflya, landing place 1, wrecked boat, frame	<i>Pinus sp.</i>	74	
9	SPITS 11	Tørrflya, landing place 1, wrecked boat, deck plank	<i>Pinus sp.</i>	91	
10	SPITS 13	Tørrflya, landing place 1, wrecked boat, frame	<i>Pinus sp.</i>	159	#1–173
11	SPITS 16	Tørrflya, landing place 1, wrecked boat, clamp	<i>Pinus sp.</i>	128	
12	SPITS 18	Tørrflya, landing place 1, wrecked boat, frame	<i>Pinus sp.</i>	54	#69–122
13	SPITS 1	Bjørnbeinflyene, hut, beam from wall S	<i>Larix sp.</i>	145	*64–208
14	SPITS 12	Bjørnbeinflyene, hut, floor	?	54	
15	SPITS 20	Bjørnbeinflyene, hut, beam from wall N	<i>Larix sp.</i>	125	
16	SPITS 21	Bjørnbeinflyene, hut, beam from wall E	<i>Larix sp.</i>	202	*1–202
17	SPITS 15	Bjørnbeinflyene, shaft of monumental cross	<i>Pinus sp.</i>	173	#5–177
18	SPITS 9	Palffyodden, hut A, beam from wall SW	<i>Larix sp.</i>	94	
19	SPITS 14	Palffyodden, hut A, floor, deck plank	<i>Pinus sp.</i>	73	
20	SPITS 19	Palffyodden, hut A, stove construction, post	<i>Larix sp.</i>	73	*64–136
21	SPITS 24	Palffyodden, grave 1, plank from wooden frame	<i>Larix sp.</i>	192	*3–194
22	SPITS 25	Palffyodden, grave 1, planks from wooden frame	<i>Larix sp.</i>	42 + 55	
23	SPITS 3	Breineset, clamp from wrecked ship	<i>Picea sp.</i>	142	1769–1910
24	SPITS 4	Breineset, clamp from wrecked ship	<i>Picea sp.</i>	123	1787–1909
25	SPITS 17	Breinesflya, detail from wrecked ship	<i>Pinus sp.</i>	99	#105–203
26	SPITS 10	Tørrflya, detail from wrecked ship	<i>Pinus sp.</i>	70	

* – относительная датировка образцов в рамках секвенции лиственницы (*Larix sp.*) SPITS_A3; # – относительная датировка образцов в рамках секвенции сосны (*Pinus sp.*) SPITS_B1.

С помощью хронологической периодизации для *Larix sp.* установлено, что сооружение становища на Пальфюдден (рис. 12, с. 195) состоялось почти 70 годами ранее, чем базы для зимовки на Шеннингхольмане. Самый молодой брус, использованный при постройке избы «С» на Шеннингхольмане, на 68 лет младше столба в фундаменте печи из жилища «А» на Пальфюдден (рис. 13, с. 195), датированной данными археологии 1720 г. Надо напомнить, что предполагаемая дата постройки поселения на Шеннингхольмане приходится примерно на 1770–1810 гг. (1790? г.). Этот факт, как уже было установлено, соответствует датировке постройки на Бирнбайнфлиене. Следовательно, круг хронологических определений логично замыкается. Становище на Пальфюдден (три сооружения из разнообразного стройматериала и расположенные в разных топографических условиях, а также небольшое кладбище) непрерывно функционировало не менее 60 лет, а может, и дольше, практически в течение всего XVIII в. Доска опалубки, зафиксированная в одной из могил, находящихся на кладбище (состоящем из пяти мо-

гил, накрытых каменной кладкой), на 58 лет старше предполагаемой даты постройки самой старой постройки «А» (воздвигнутой около 1720 г.). Из этого становится ясно, что на пике развития поморского промысла, т. е. в последней четверти XVIII в., на территории Серкаппланда все три становища: Пальфьодден, Шеннингхольмане и Бирнбайнфлиене – функционировали одновременно. Они образовывали единую организационную базу охотничьей артели, промышленявшей между фьордом Хорнсунд на севере и ледником Олсок на юге. Надо напомнить, что речь здесь идет о датах «около 1770–1810 гг. (1790? г.)» как времени постройки жилищ, тогда как их использование на Бирнбайнфлиене и Шеннингхольмане могло продолжаться значительно дольше, включая не одно поколение промышленников. Картина, полученная при помощи данных дендрохронологии (минимум 70 лет разницы между постройкой крайних по хронологии сооружений: Пальфьодден, жилище «А» = около 1720 г. и Бирнбайнфлиене – около 1790? г.; и максимальная длительность функционирования промысла в северной части Серкаппланда – около 100 лет), во многом совпадает с хронологическими рамками, полученными на основе археологических и исторических данных (от около 1720 г. до 1837 г.). Нерешенным остался только вопрос абсолютной датировки, ключевой для решения шкалы *Larix sp.*, так как не удалось сопоставить ее с доступными абсолютными датами для шкал хвойного дерева. Это касается тоже сосновой шкалы *Pinus sp.* Шанс на установление абсолютного датирования для шкалы *Larix sp.* и *Pinus sp.* могло бы дать только радиоуглеродное исследование при использовании методики корреляции кривых (*wiggle-matching*) [Bronk Ramsey, van der Plicht, Weninger, 2001].

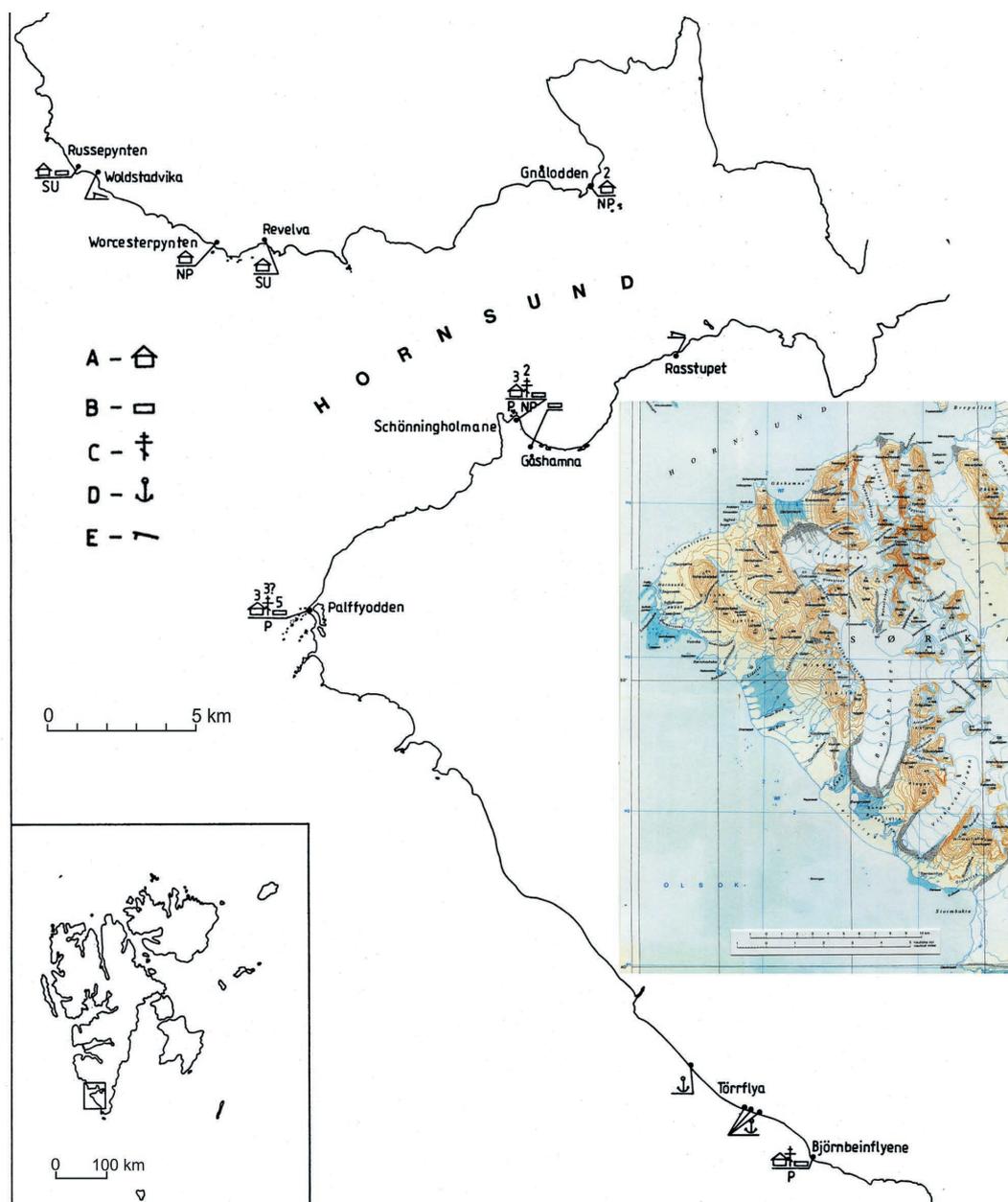

Рис. 1. Расположение остатков поморских промысловых сооружений в северной части Серкаппланда и в зоне Хорнсунда: А – дом, В – захоронение, С – крест, D – причал пристани, E – ловушка; P – польские, N – норвежские, SU – советские исследования. Цифры обозначают количество объектов

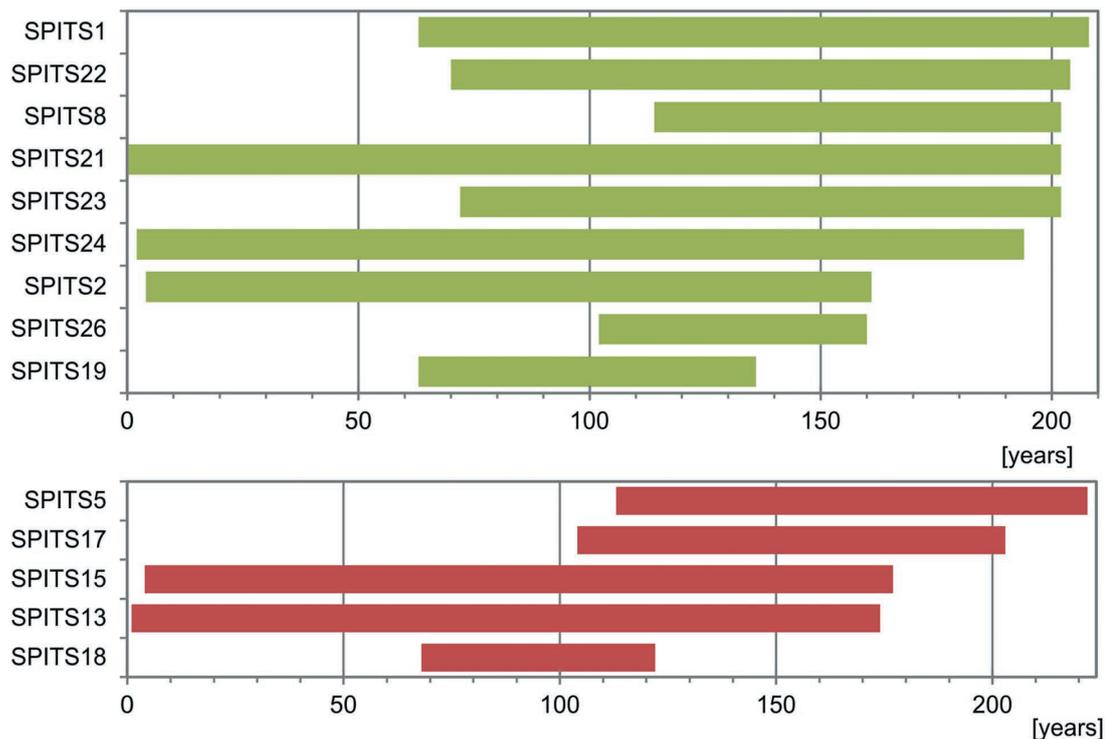

Рис. 2. Диаграмма корреляции образцов в рамках дендрохронологических секвенций лиственницы (*Larix sp.*) – в верхней части и сосны (*Pinus sp.*) – в нижней

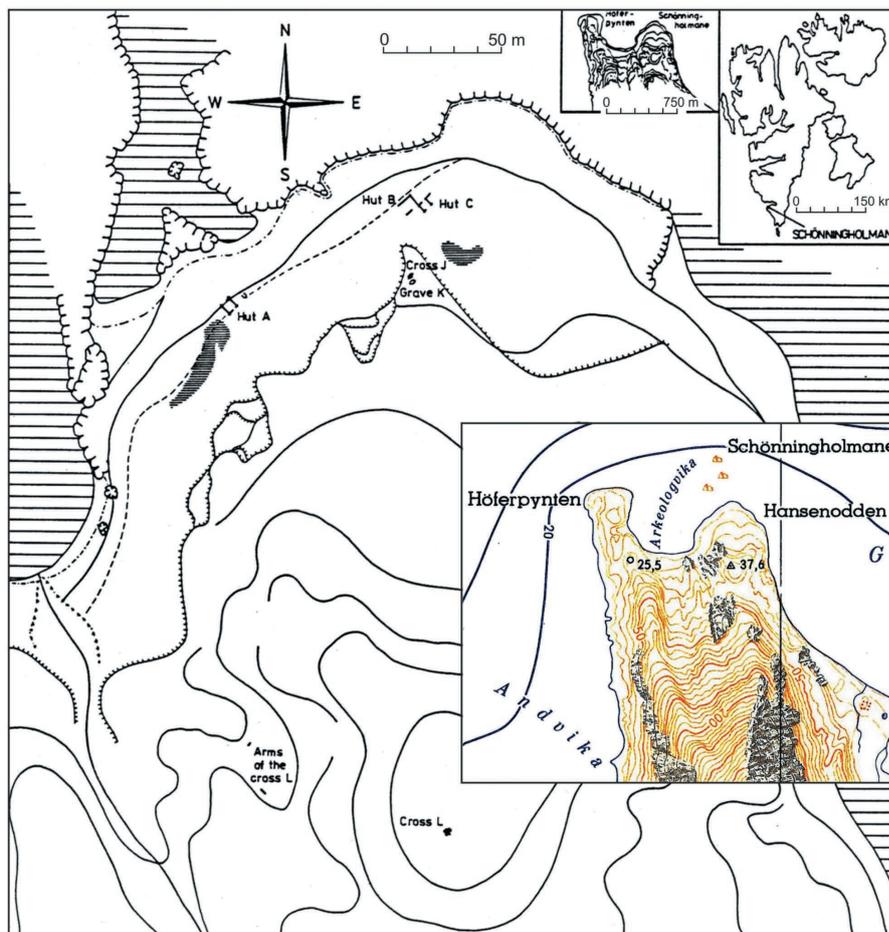

Рис. 3. Расположение становища на Шеннингхольмане: А, В, С – дома, J, L – кресты, К – захоронение

Рис. 4. Шеннингхольмане: остатки большой становой избы (дом В) – спереди и бани (дом С) – сзади, сооруженных из обтесанных «полуфабрикатов»

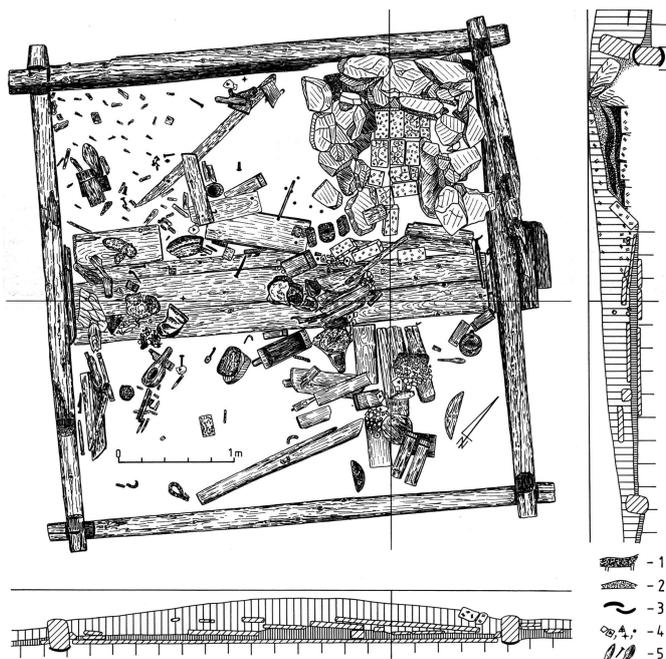

Рис. 5. Шеннингхольмане: баня – сооружение с каменной печкой. Вид на уровне пола помещения

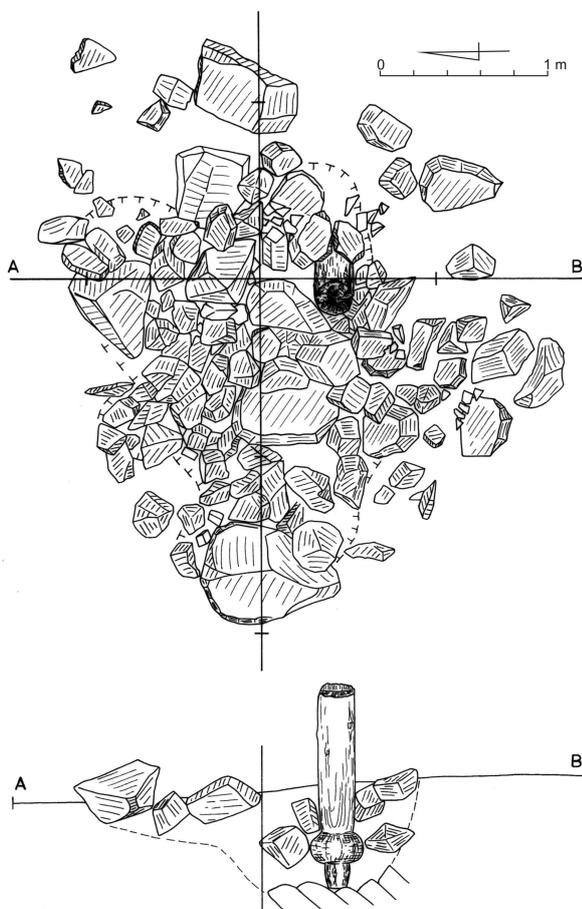

Рис. 6. Шеннингхольмане: остатки монументального креста на вершине холма над становищем

Рис. 7. Шеннингхольмане: остатки монументального креста – на фоне сзади мелкая бухта (Аркеольогвика), удобная для якорной стоянки

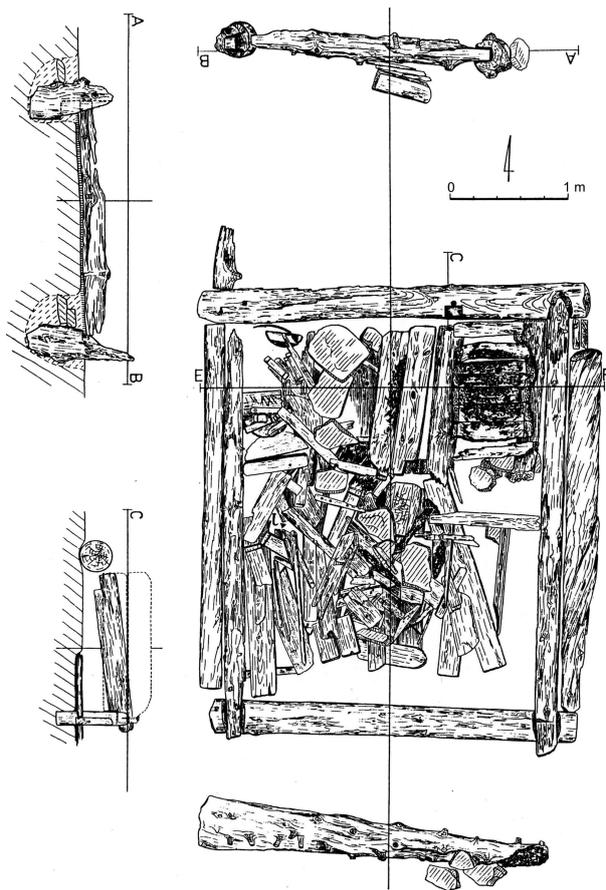

Рис. 8. Бирнбайнфлиене: остатки избы, построенной из «полуфабрикатов» и плавника. Вид слоя разрушения

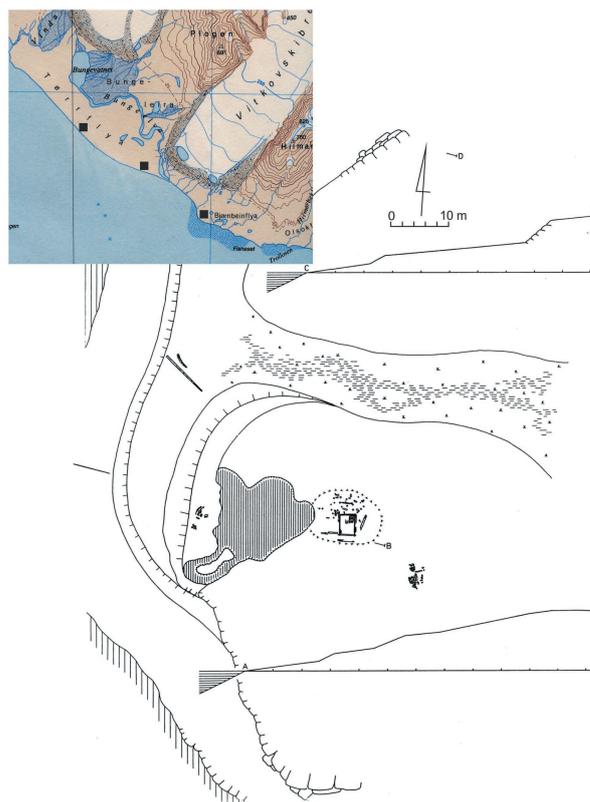

Рис. 9. Бирнбайнфлиене: топографическое положение остатков избы, а также каменной кладки захоронения и монументального креста, расположенных с юго-восточной стороны

Рис. 10. Террфлюа: реликты разбитого небольшого поморского судна, залегающие на высокой террасе побережья. Вид до раскопок

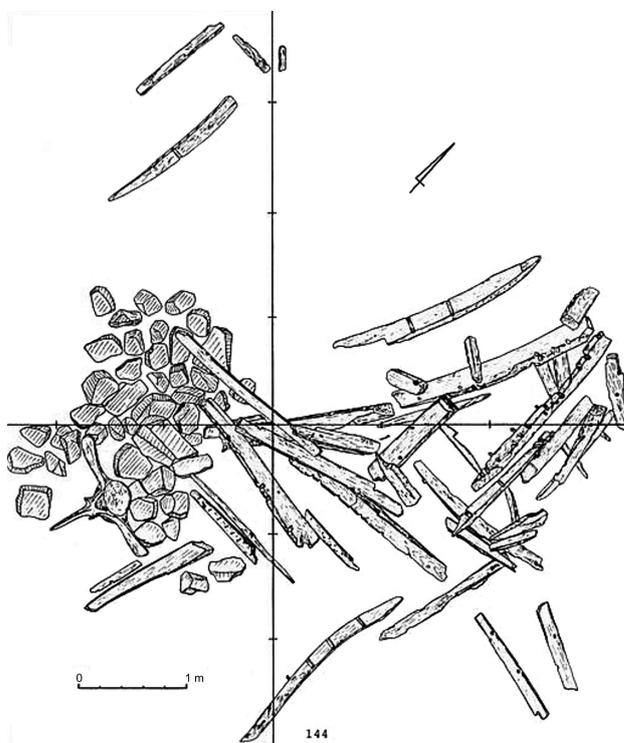

Рис. 11. Террфлюа: причальные сооружения и реликты разбитого судна (шпангоуты, доски и балки палубы, доски из обшивки бортов)

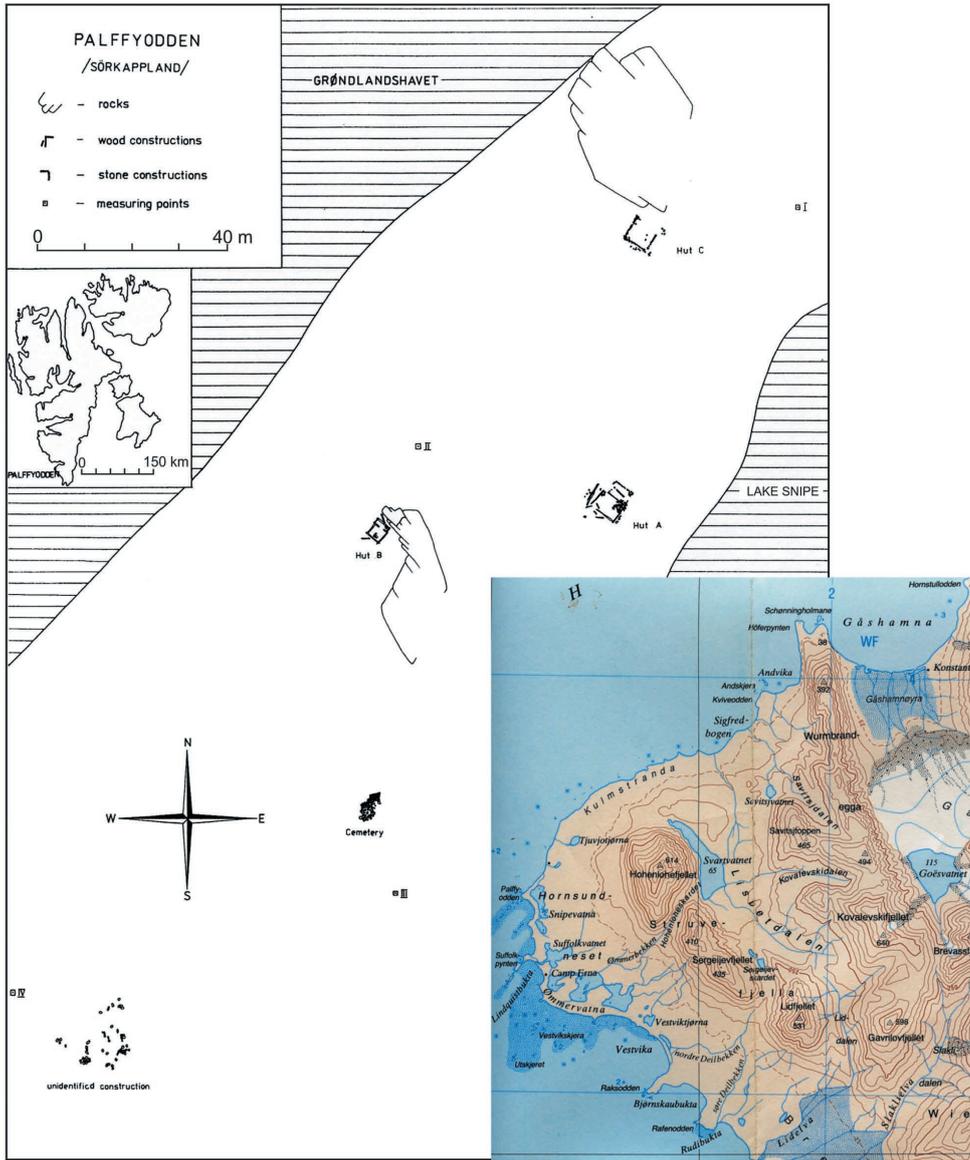

Рис. 12. Становище Пальфюдден: размещение объектов и топографическая обстановка

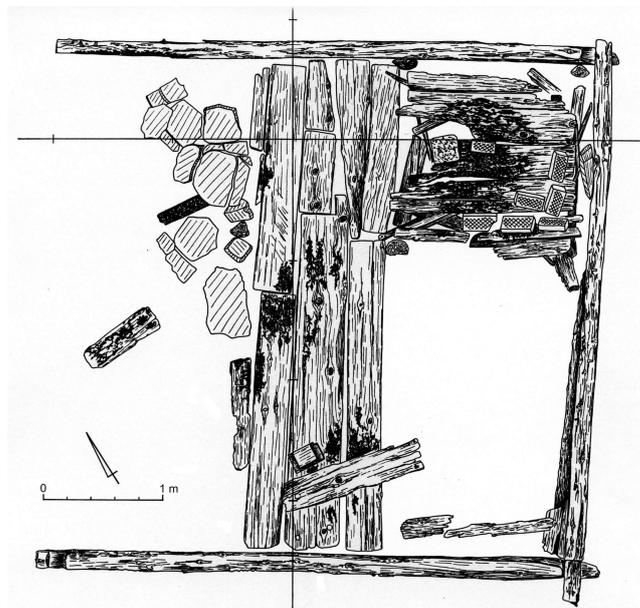

Рис. 13. Пальфюдден: остатки жилища «А», сооруженного из «полуфабрикатов»

Итоги радиоуглеродного анализа (wiggle-matching). Для радиоуглеродного анализа шкалы SPITS_A3 (*Larix sp.*) было взято четыре пробы брусков SPITS 1 (подвалина фундамента с поселения Бирнбайнфлиене) и SPITS 2 (столб креста с Шеннингхольмане); каждый из образцов насчитывал по 10 колец, причем середины пределов хронологии приходятся на 5, 105, 145 и 195 гг. (табл. 2). В итоге корреляции радиоуглеродных определений установлено, что самые младшие кольца в хронологии лиственницы не могут быть старше 1751 г. (таблицы 3–4, с. 197), а наиболее вероятный временной интервал, к которому они относятся, – это вторая половина XVIII в. (1751–1798 гг. AD – 95,4 % вероятности). Принимая во внимание, что материал для анализа был взят из станка на Бирнбайнфлиене (археологически датированного 1770–1810 (1790?) гг. и креста со становища Шеннингхольмане, построенного примерно в это же время (причем крест на 43 года старше становища), то результаты весьма удовлетворительны. Аналогичная процедура была проведена для сосновой шкалы SPITS_B1 (*Pinus sp.*). Были выбраны четыре интервала годичных колец из проб SPITS 13 (шпангоут разбитого судна с Террфлюа), SPITS 15 (Бирнбайнфлиене, столб монументального креста) и SPITS 17 (деталь разбитого корабля с Бреинесфлюа – Breinesflya). Середины пределов приходились на 3, 101, 163 и 197 гг. в шкале SPITS_B1 (*Pinus sp.*). По результатам корреляции радиоуглеродных значений (таблицы 5–6, с. 197) удалось выявить, что наиболее молодые кольца в хронологической шкале сосны принадлежат временному отрезку в пределах 1718–1760 гг. (31,1 % вероятности) либо 1772–1808 (31,7 %) и 1825–1869 гг. (32,6 % вероятности). Учитывая исторические и археологические данные динамики мореплавания и промысла в этом регионе, то и первый, и второй варианты датировки кажутся одинаково вероятными. Подтверждает это также и одновременность следов мореплавания вдоль побережий Террфлюа и Бреинесфлюа (где были открыты детали разбитых поморских «кочей») с постройкой дома на станции Бирнбайнфлиене (1770–1810 гг.). Однако основным выводом для всех этих фактов является то, что даже самая ранняя из радиоуглеродных дат не пересекает рубежа начала XVIII в.

Таблица 2

Конвенциональные даты ¹⁴C образцов из секвенции лиственницы (*Larix sp.*) SPITS_A3 (*) и сосны (*Pinus sp.*) SPITS_B1 (#)

Обозначение образца	№ лаборатории	Позиция в секвенции годичных колец ^a	¹⁴ C век (BP)
SPITS2/1	MKL-2749	1–10*	330 ± 50
SPITS2/2	MKL-2750	101–109*	180 ± 30
SPITS1/4	MKL-3116	141–149*	110 ± 30
SPITS1/3	Ki-11304	191–199*	170 ± 50
SPITS13/1	Ki-11302	1–5#	380 ± 50
SPITS13/2	Ki-11303	97–105#	230 ± 50
SPITS15/2	MKL-3117	150–177#	170 ± 30
SPITS17/1	Ki-11305	193–201#	70 ± 50

^a – позиция годичных колец, использованных в анализе wiggle-matching в секвенции лиственницы SPITS_A3 (*) и сосны SPITS_B1 (#).

Таблица 3

Результаты значений ¹⁴C wiggle-matching плавающей хронологии для секвенции лиственницы (*Larix sp.*) SPITS_A3

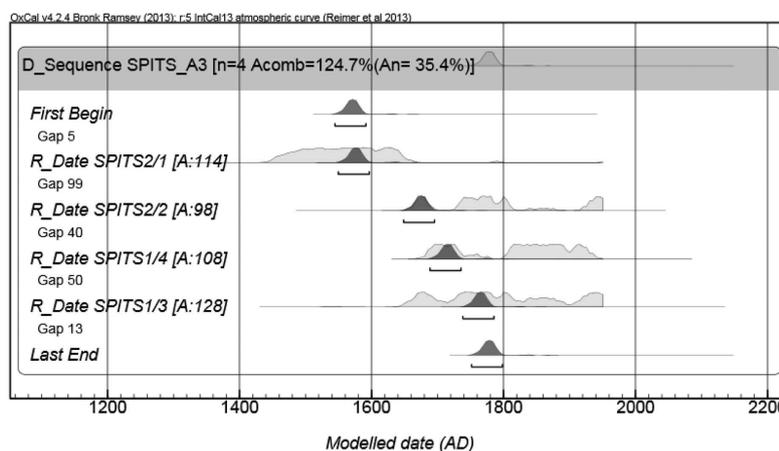

Таблица 4

Датировка ^{14}C wiggle-matching самых молодых годовичных колец в секвенции лиственницы (*Larix sp.*) SPITS_A3

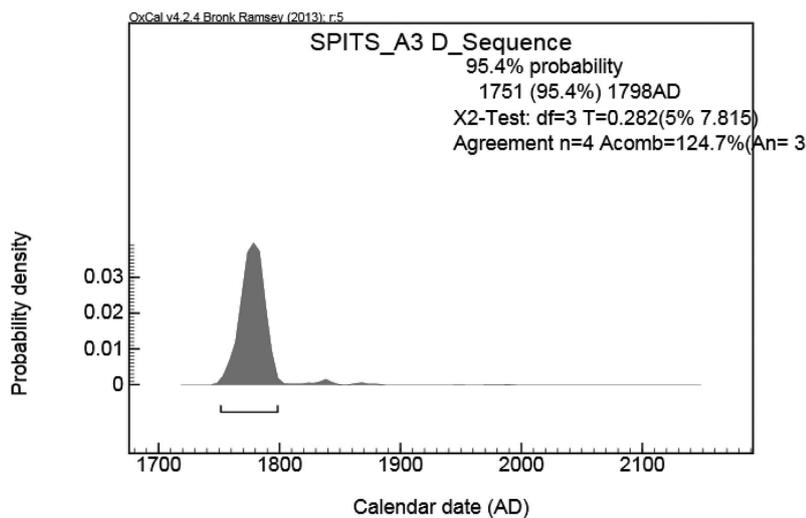

Таблица 5

Результаты значений ^{14}C wiggle-matching плавающей хронологии для секвенции сосны (*Pinus sp.*) SPITS_B1

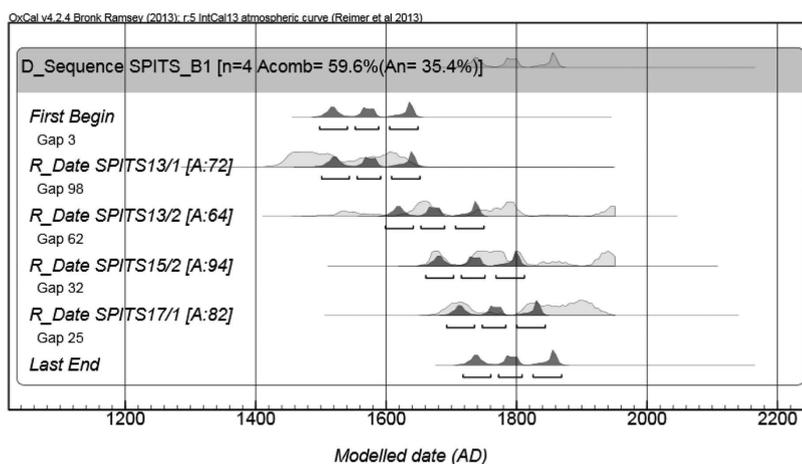
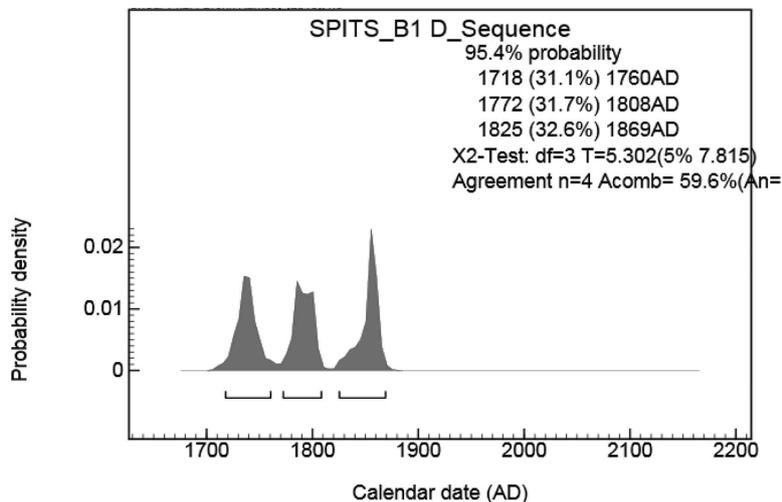

Таблица 6

Датировка ^{14}C wiggle-matching самых молодых годовичных колец в секвенции сосны (*Pinus sp.*) SPITS_B1

Интерпретация поморского промысла в северной части Серкаппланда как исторического процесса. Остатки русских промысловых поселений на берегах северного Серкаппланда, ограниченного с юга ледником Олсок, а с севера водами фьорда Хорнсунд, представляют собой части автономно действовавшего организма, происхождение и история которого определяют наличие рациональности и внутренней логики. На начальном этапе поморские мореплаватели и охотники, промышленявшие на побережьях южного Шпицбергена, выбрали местом для своего стана мыс Пальфьюдден, выдающийся далеко в море, видный издали и расположенный с южной стороны входа в Хорнсунд. Район мыса усыпан шхерами, маленькими скальными островками и мысами, а также уютными пляжами в небольших бухтах. Такой рельеф привлекал морских обитателей, скорее всего местность изобиловала лежбищами моржей; через мыс проходила (как и сейчас) трасса миграции белых медведей. Однако, несмотря на свою привлекательность, место это не было удобным и безопасным для стоянки кораблей. В начале XVIII в. (около 1720 г.) на Пальфьюдден был построен первый домик (сооружение «А»), но расположен он был крайне неудачно, на продуваемом сильными ветрами как с моря, так и со стороны фьорда месте (рис. 14). Стратегическое расположение поселения на Пальфьюдден послужило тому, что последующие поколения промысловиков постоянно использовали его как базу для освоения охотничьих угодий, расположенных вдоль берега как в сторону фьорда Хорнсунд, так и вдоль побережья до границы ледника Олсок. С течением времени на станции строились новые постройки. Жилище «С» датировано находками фрагментов каолиновых труб на 1750–1760 гг. Строение «В» воздвигнуто из плавника, возможно, в конце XVIII (?) в. (рис. 15). Новые постройки были уже лучше вписаны в окружающий ландшафт и защищены от непогоды скальными уступами (рис. 16, с. 199). О последовательности и продолжительности промыслов на этом месте свидетельствует кладбище, находящееся недалеко от жилых сооружений. Интенсификация охотничьей активности и расположение зданий в области не очень комфортных топографических, мореходных, логистических и других условий в этой части Серкаппланда послужила тому, что в последние десятилетия XVIII в. поморы заложили новую станцию на Шеннингхольмане, в удобной для кораблей бухте в Аркеологвика (Arkeologvika) или в бухте Госхамна (Gåshamna). Шеннингхольмане является одним из наиболее характерных пунктов Хорсунда, а также благоприятным местом для развития промысла как вдоль побережья Серкаппланда, так и в глубине фьорда. На этот раз станция представляла собой большую единовременную постройку, которая должна была стать базой для артели промышленников. Вспомогательными пунктами для базы, расширившими ареал промысловой деятельности, были самая поздняя из построек на Пальфьюдден (строение «В») и домик на Бирнбайнфлиене, специально построенный на самой южной окраине территории. Организация промысловой деятельности была в тот момент не только заранее спланирована и осуществлена с размахом, но и сакрально санкционирована, в согласии с верованиями поморов. Похожую территорию, кстати, занимал ловецкий участок норвежских трапперов в этой части Шпицбергена в XIX и начале XX вв. [Rosnes, 1990, s. 77] (рис. 17, с. 199). Образ русского промысла в северной части Серкаппланда, учитывающий исследовательскую ценность дендрохронологического датирования, совпадает с его хронологическими рамками, установленными на базе исторических данных [Arlov, 1988, p. 140; Jasinski, 1993, p. 35–36; Hultgreen, 2000, s. 267–280].

Рис. 14. Пальфьюдден: остатки жилища «А», расположенного на гребне высокой террасы между побережьем и озером. Вид до раскопок

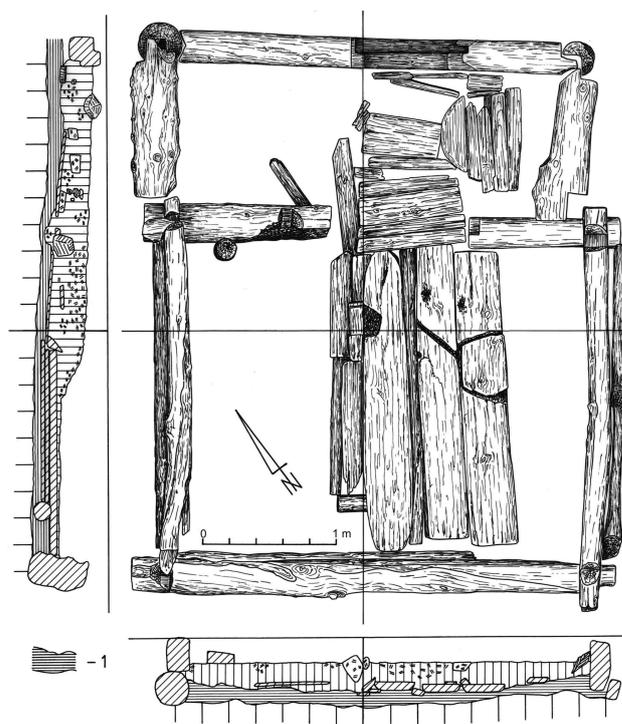

Рис. 15. Пальфьюдден: реликты сооружения «В», в основном построенного из плавника

Рис. 16. Пальфьодден: местоположение строения «В» близ скального уступа, защищавшего его от сильных ветров со стороны залива. Вид до раскопок

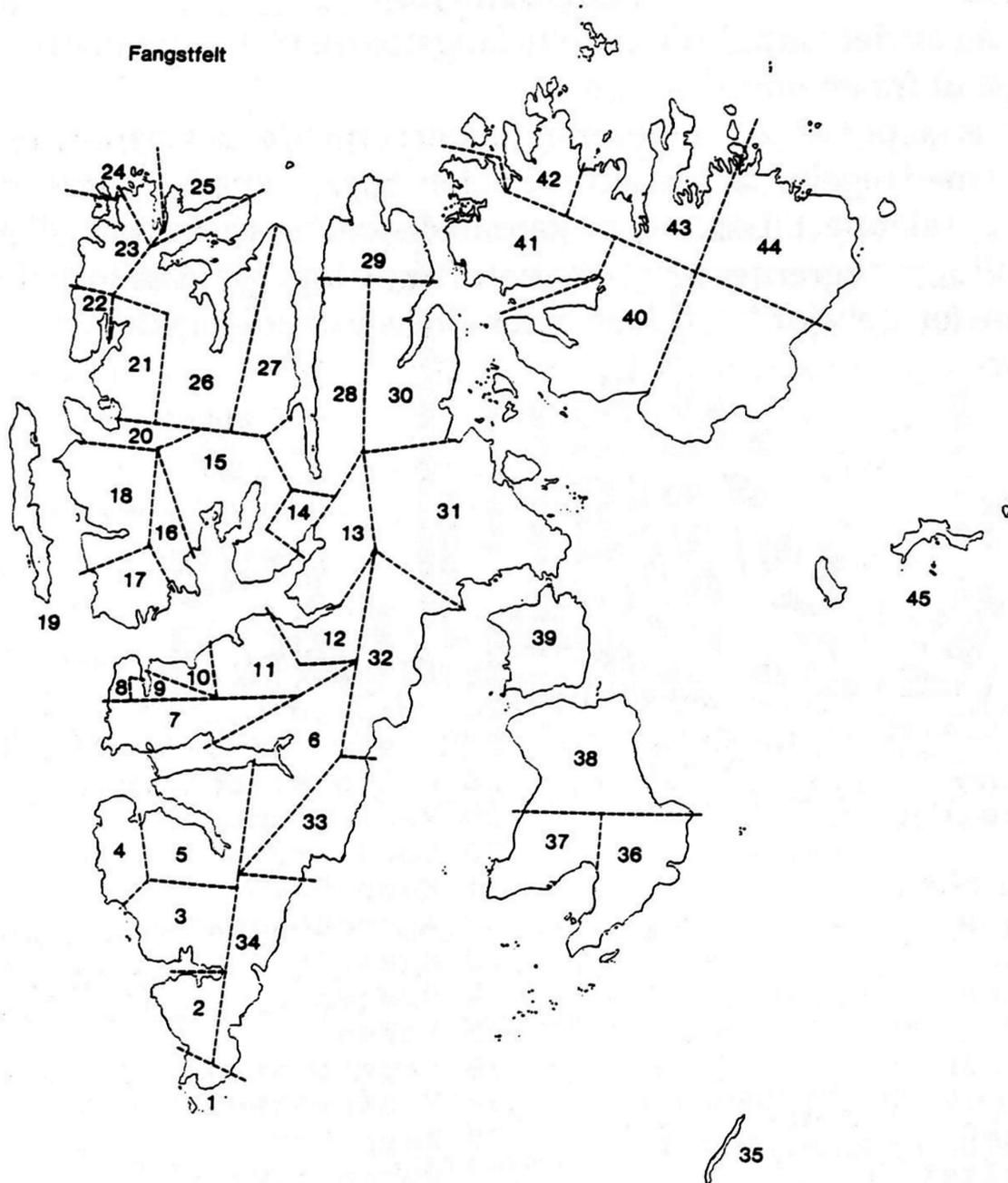

Рис. 17. Границы ловецких участков норвежских трапперов на Шпицбергене в XIX и начале XX вв. [по: *Rossnes*, 1990, рис. 4]

Завьялов В. И., Старков В. Ф. Археологические памятники острова Серкап (архипелаг Шпицберген) // J. Repelewska-Pękalowa, M. Harasymiuk, K. Pękala (ред.), XIV Sympozjum Polarne. Aktualne Problemy Badawcze w Arktyce i Antarktyce. – Lublin, 1987. – С. 242–248.

Одинцов В. А., Старков В. Ф. Некоторые проблемы арктического мореплавания и походы русских на архипелаг Шпицберген // Летопись Севера. – 1985. – № 11. – С. 147–161.

Старков В. Ф. Очерки истории освоения Арктики. – Т. I : Шпицберген. – М. : Науч. мир, 1998. – 95 с.

Старков В. Ф. Русское арктическое мореплавание и походы на Шпицберген в XVI веке // J. Repelewska-Pękalowa, M. Harasymiuk, K. Pękala (ред.), XIV Sympozjum Polarne. Aktualne Problemy Badawcze w Arktyce i Antarktyce. – Lublin, 1987. – С. 236–241.

Старков В. Ф., Корякин В. С., Завьялов В. И. Русские поселения XVI в. на Шпицбергене // Вестник Академии наук СССР. – 1983. – № 12. – С. 109–113.

Старков В. Ф., Овсянников О. В. Археологические исследования на Шпицбергене // Вестник Академии наук СССР. – 1980. – № 3. – С. 122–128.

Черных Н. Б. Дендрохронология и археология. – М. : NOX, 1996. – 213 с.

Черных Н. Б. Некоторые итоги дендрохронологического изучения дерева построек с архипелага Шпицберген // J. Repelewska-Pękalowa, M. Harasymiuk, K. Pękala (ред.), XIV Sympozjum Polarne. Aktualne Problemy Badawcze w Arktyce i Antarktyce. – Lublin, 1987. – С. 252–259.

Albrethsen S. E., Arlov T. B. The discovery of Svalbard – a problem reconsidered // Fennoscandia archaeologica. – 1988. – № V. – P. 105–110.

Arlov T. B. Nytt lyd over Svalbards oppdagelse? // Heimen. – 1987. – № XXIV(2). – P. 75–85.

Arlov T. B. Svalbard 1596–1650 i historiografisk lys. – Oslo : Norsk Polarinstitut, 1988. – 152 s.

Bronk Ramsey C., van der Plicht J., Weninger B. “Wiggle-matching” radiocarbon dates // Radiocarbon. – 2001. – № 43(2A). – P. 381–389.

Chochorowski J. Pomor settlement complexes in north-western Sørkappland (West Spitsbergen) in the light of polish archeological exploration // Tromsø, Kulturhistorie. – 1988. – N 11. – P. 123–144.

Chochorowski J. Some major problems of the archaeological exploration of north-western Sørkapp Land (Spitsbergen) // Prace Geograficzne. – 1989. – N 81. – P. 179–266.

Chochorowski J. Problemy dendrochronologii rosyjskich stacji łowieckich na Spitsbergenie; Problems of the dendrochronology of russian hunting stations on Spitsbergen. – Kraków : Oficyna Cracovia, 1999. – 104 p.

Chochorowski J., Jasinski M. E. Topography, Structure and Chronology of Russian Hunting Stations on the West Coast of Spitsbergen // M. E. Jasinski, Pomors in Grumant. Archaeological Studies of Russian Hunting Stations in Svalbard, T. II. – Trondheim/Tromsø, 1993. – P. 1–33.

Conway M. *no Man’s Land.* A History of Spitsbergen from its discovery in 1596 to the beginning of the scientific exploration of the Country. – Cambridge, 1906. – reprint. – Oslo/Gjøvik : Damms Antikvariat A/S (Claes Nyegaard), 1995. – 377 p.

Eggertson O. Driftwood as an indicator of relative changes in the influx of Arctic and Atlantic Water into the coastal areas of Svalbard // Polar Research. – 1994. – N 13/2. – P. 1–9.

Hellmann L., Tegel W., Eggertson O., Schweingruber F. H., Blanchette R., Kirilyanov A., Gärtner H., Büntgen U. Tracing the origin of Arctic driftwood // Journal of Geophysical Research. – 2013. – N 118. – doi: 10.1002/jgrg.20022. – P. 1–9.

Högblom A. Driftwood in Svalbard as an indicator of sea ice conditions // Geografiska Annaler. – 1982. – N 64A/1-2. – P. 81–94.

Hultgreen T. Den russiske fangsten på Svalbard. En reanalyse av arkeologiske og historiske kilder. – Tromsø : University of Tromsø, 2000 (2003). – 324 s.

Jasinski M. E. Russian hunting in Svalbard – the fourth model // M. E. Jasinski, Pomors in Grumant. Archaeological Studies of Russian Hunting Stations in Svalbard. – T. II. – Trondheim/Tromsø, 1993. – P. 1–75.

Rosnes G. „Den statistiske fangstmann“. Norsk overvintringsfangst på Svalbard 1895–1940 // Forskning om mennesker på Svalbard. – Oslo, 1990. – S. 71–94.

Jan Chochorowski, Marek Krąpiec

Jagiellonian University, Kraków, Poland,

AGH-University of Science and Technology, Kraków, Poland

THE STRUCTURE AND THE CHRONOLOGY OF POMOR PROMYSŁ IN THE SOUTHERN PART OF SPITSBERGEN

Excavations conducted in 1982–1987 by the Polish archaeological expedition of Jagiellonian University in the Sørkappland and Hornsund regions of Spitsbergen encompassed the three Pomor

hunting stations of Bjørnbeinflyene, Palffyodden, and Schönningholmane, and included relics from the landing site on the Tørrflya coast used by the Pomors. The wood recovered during the excavations, originating from wooden dwellings, monumental crosses, and a shipwreck, was subjected to dendrochronological and radiocarbon analysis. The chronological position of the remaining sequences was established by means of wiggle-matching. Absolute dates obtained for the wood from the huts from the northern part of Sørkapland are consistent with the chronological framework established based on historical data.

Keywords: Spitsbergen, russian hunting stations, dendrochronology, 14C dating, wiggle-matching.

УДК 904 (470.21)

М. М. Шахнович

Национальный музей Республики Карелия, Петрозаводск

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА УСАДЬБЕ КАНДАЛАКШСКОГО МОНАСТЫРЯ В 2015 ГОДУ

В 2013 и 2015 гг. экспедиция Национального музея Республики Карелия проводила работы в Кандалакшском монастыре на берегу Белого моря. Раскопки проводились на месте церкви Рождества Богородицы и на территории монастыря. Впервые для Русской Лапландии найдены остатки монастырского жилого комплекса – дом с печью, большое количество керамики XVI–XVII вв.

Ключевые слова: Кандалакшский монастырь, XVII в., Русская Лапландия, археология позднего Средневековья, красножгущая и чернолощеная керамика.

История археологического изучения устья р. Нива. Первые попытки провести археологические изыскания в устье р. Нива осуществлены в 1928 г. сотрудниками Палеоэтнологической партии Антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции Музея археологии и этнографии (МАЭ) под руководством А. В. Шмидта. В 1934–1935 гг. геологом Г. И. Горецким обнаружены на древних террасах на участке между селами Кандалакша и Пинозеро девять стоянок эпохи неолита [Горецкий, 1937, с. 114–118]. В 1946 г. Н. Н. Гурина осмотрела окрестности Кандалакши, где отметила еще семь новых небольших скоплений находок кварцевого материала и асбестовой керамики [Гурина, 1947, с. 55–57; 1950, с. 116].

В 1970–1974 гг. археологи Карельского филиала АН СССР Ю. В. Титов, П. Э. Песонен и А. В. Анпилогов «полностью обследовали левый берег р. Нива от Пинозера до Кандалакшской губы. Здесь открыто более 30 древних поселений, из которых 22 частично или полностью раскопаны» [Титов и др., 1975, с. 41]. На Монастырском Наволоке в устье р. Нива на территории поморского кладбища в 1971 г. собрана гончарная керамика и зафиксировано позднесредневековое поселение Нива VII [Титов, Песонен, 1972, с. 10]. В 2006 г. «поздние» валунные сложения и энеолитические стоянки в районе Кандалакшского лабиринта обследовал А. М. Жульников. В 2013 г. М. М. Шахнович провел предварительные раскопки (32 кв. м) в алтарной части церкви Рождества Пресвятой Богородицы на Монастырском Наволоке [Шахнович, Широбоков, 2014, с. 174–189].

Задачи 2015 г. Бывшая усадьба Кандалакшского Пречистенского монастыря находится на левом берегу устья р. Нива. Сейчас большая часть ее территории занята поморским кладбищем XIX–XX вв., огородами и частными домами. В наши дни остатки монастырских строений полностью археологизированы.

Церковь Рождества Пречистой Богородицы располагалась на краю ровной песчаной площадки северного берегового склона скального приустьевых мыса, в 0,15 км к востоку от окончания левого берега р. Нива, при ее впадении в Белое море. В настоящее время от нее сохранился только каменный фундамент, построенный в середине XIX в. Место, где находятся руины церкви, – это холм, окруженный по периметру огородами.

Усадьба Кандалакшского Пречистенского монастыря, судя по перечню строений в писцовых документах, уже в XVI в. должна была занимать значительный участок Монастырского Наволока. Однако, опираясь на предварительные результаты работ 2013 г., точно можно указать только место церкви Рождества Богородицы в XVII столетии. Поэтому в 2015 г. выяснение характера сохранившегося культурного слоя, а также границ его распространения на левом приустьевом берегу р. Нива стало приоритетной задачей продолжения исследований на Монастырском Наволоке. Для этого было решено заложить на скальной площадке, расположенной к юго-востоку от развалин храма, рекогносцировочный шурф, который выявил сохранившийся участок культурного слоя периода позднего Средневековья – Нового времени – поселение Монастырский Наволок I.

Общее описание. Удобных мест для закладки шурфа на вершине полуострова Монастырского Наволока очень немного. Нами выбрана небольшая площадка к западу от скального выхода без следов перекопов – самая высокая точка приустьевое участка полуострова (15 м над уровнем моря). С запада, севера и юга шурф (12 кв. м) ограничивают грунтовая дорога и место для парковки автомашин с гравийным покрытием, с востока – скала, на юго-западе начинается падение крутого уступа первой морской террасы, в 25 м к юго-западу – северо-восточный край кладбища. Общая площадь выявленного культурного слоя по состоянию на 2015 г. небольшая – около 60 кв. м (12 × 5 м). Возможно, он сохранился под гравийной отсыпкой автомобильной площадки к западу от шурфа.

Разборка культурного слоя производилась по методике так называемых «медленных раскопок». Грунт исследовался с помощью «мелкого» шанцевого инструмента методом горизонтальных зачисток по 1–2 см толщиной по пластам мощностью по 10 см. Весь грунт дополнительно просеивался на мелком металлическом сите с ячейей в 4 мм, позволяющем полностью извлекать находки из слоя.

Стратиграфическая колонка – относительно ровная и простая: дерн, мощностью 10–11 см; черный углистый песок – 5–10 см, в местах кладок он более значительный – 20–50 см; темно-желтый песок с углистостью – 4–6 см; темно-желтый песок – 4–5 см. Материком на большей части исследованного участка была поверхность скалы. Общая насыщенность слоя углем может объясняться как четырьмя пожарами, известными в истории монастыря, так и наличием двух «кухонных мест», выявленных в границах шурфа.

Мощность культурного слоя определялась по цвету и распространению находок. В границах шурфа она варьировала от 32–37 см на большей части поверхности и до 60–78 см в западаниях.

Искусственные сооружения. В границах исследованного участка выявлено две кладки и одна яма с каменной выкладкой (рис. 1).

Кладка 1 располагается в центре шурфа. Это обширный развал обожженных (очажных) камней, небольших по размеру (8–15 см), уложенных плотно друг к другу, одним слоем толщиной до 0,1 м на глубине 18–20 см от современной дневной поверхности (с. д. п.) (верхний уровень). В плане она имеет подпрямоугольные очертания (160 × 80 см) и вытянута по направлению север – юг. Окружающий слой – темно-желтый с углистостью песок, под камнями – тонкий слой желтого песка (толщиной 5 см), лежащий на скале. На участке, примыкающем с юга к кладке, в темно-желтом с углистостью песке отмечены фрагменты древесного тлена (рис. 2).

Рис. 1. Кандалакша. Монастырский Наволок. Шурф 1. 2015 г. Уровень 0,3 м от с. д. п. Вид с юга

Рис. 2. Кандалакша. Монастырский Наволок. Шурф 1. 2015 г. Кладка 1. Вид с севера

При разборке кладки найдены только четыре небольших фрагмента (фр.) расслоившейся слюды. В слое непосредственно поверх камней встречена керамика чернолощенная (37 фр.), красножгущаяся (10 фр.), серожгущаяся (7 фр.), один скол кремня, скрепы железные (7 шт.), гвозди кованые (4 шт.), подковка и три небольших кусочка глиняной обмазки. Находки в песке под камнями отсутствовали.

Данную кладку следует рассматривать как остатки нижней части печи. Она конструктивно сходна с известными примерами из многочисленных раскопок стандартных развалов печей в углу, при входе, в курных избах позднего Средневековья [Раппопорт, 1975, с. 114; Визгалов, Пархимович, 2008, рис. 45, 69]. Из наших работ на Кольском полуострове мы можем привести пример идентичного печного развала начала XV в. на городище с. Варзуга [Шахнович, 2010а, с. 63–80]. Нужно подчеркнуть, что кладка, исследованная на Монастырском Наволоке, находится не на деревянном опечье, а непосредственно на преднамеренно выбранном скальном участке.

Кладка 2. Крупные камни (15–21 см) проступили одним рядом на глубине 12–14 см от с. д. п. в юго-восточной части шурфа. В плане кладка округлой формы, размерами – 80 × 100 см, с севера к ней примыкает выход скалы. Очажный слой – темно-желтый песок (с углистыми включениями в верхней части заполнения) продолжался на глубину 74 см от с. д. п.

Фрагмент древесного угля из нижней части заполнения ямы (уровень 45 см от с. д. п.) под камнями кладки использован для проведения радиоуглеродного анализа. Его калиброванный календарный возраст приходится на два интервала: 1635–1678 гг. (58,5 %) и 1647–1666 гг. (48,7 %). Радиоуглеродный возраст образца – 239 ± 25 л. н. (SPb 2031). Таким образом, время существования кладки – середина XVII столетия.

Находки. Коллекция вещевого материала из раскопа существенная – 798 экз. (в среднем 66,5 шт. на 1 кв. м). Такая плотность находок связана с большим количеством массового рядового археологического материала (гвозди, слюда и т. п.) и многочисленного керамического блока. Как индивидуальные артефакты определены 24 экз.

Небольшая мощность культурного пласта не позволяет в полной мере использовать стратиграфические наблюдения для установления времени попадания разных находок в слой. Но удалось выявить определенную планиграфическую приуроченность местонахождений отдельных предметов. Находки преимущественно встречались на уровне 0,1–0,25 м от с. д. п., и хронологически различные группы материала часто залежали совместно. Основные места концентрации находок – это каменные кладки и примыкающие к ним участки. Кроме очевидно современных вещей второй половины XX в., как, например, оконное и бутылочное стекло, фабричные металлические пробки от бутылок, пистолетная гильза и т. п., есть и предметы, несомненно, более раннего времени, среди которых явно датирующие вещи (кроме керамики) отсутствуют.

При раскопках позднесредневековых жилищ самые массовые находки после керамического материала – это изделия из черного металла. Среди них доминируют части скрепления деревянных строительных конструкций: гвозди, скрепы, скобы. Строительно-крепежные *гвозди* (45 шт.) можно разделить на фрагментированные (16 шт.) и целые экземпляры (29 шт.). Они изготовлены вручную, имеют следы деформации и термического воздействия, подквадратную или подпрямоугольную форму в поперечном сечении стержня (0,4–0,6 × 0,4–0,7 см), плоскую, осаженную на гвоздильне расплюснутую шляпку в плане подпрямоугольной формы и плавное сужение по всей длине. Наиболее распространенная длина стержней кованых «гвоздей прибойных» варьирует в пределах от семи до 11 см (преимущественно – 8,5 и 10,5 см) – так называемые «тесовые» [Корчагин, 2011, с. 60]. Максимальный размер в коллекции найденных гвоздей – 15,5 × 0,5 см при подквадратной шляпке 1,5 × 1,5–2 см, минимальный – 4,2 × 0,5–0,7 см при шляпке 1,5 × 1,5–2 см (рис. 3, с. 205).

Среди единообразных по морфологии гвоздей, по нашему мнению, можно выделить небольшую группу «архаичного» вида (6 шт.). Ранее они нам не встречались при раскопках позднесредневековых церквей Русской Лапландии. Им присущ не только общий «грубоватый» облик, но и нестандартные пропорции: соотношение размеров массивной шляпки к длине стержня составляет 1: 2, тогда как обычно это 1: 4–10. Минимальный образец этой группы имеет «кнопочные» пропорции: длина стержня – 1,8 см, размеры шляпки – 2 × 2,5 см, а максимальный, соответственно, – 6,4 см и 2 × 2,5 см (рис. 3: 5, 6). Похожие гвозди найдены при раскопках погребений XV–XVI вв. прицерковного могильника в с. Варзуга. Нами отмечено, что в позднем Средневековье вколачивание гвоздей в гробовину носило не утилитарное, а возможно, пока неясное ритуальное назначение: они присутствовали не у всех домовин, единично (по 1–2 шт.) вбивались только горизонтально и по направлению длинной оси в торцовую часть гроба и всегда были укороченных пропорций [Шахнович, 2015, с. 297–298]. Если это наблюдение верно, то непонятно, как «погребальные» гвозди соотносятся с рассматриваемым явно жилищным комплексом. Но нельзя исключить и какое-то другое, например, более прозаичное назначение этих предметов «архаичного» облика.

Отдельная группа строительно-крепежного инвентаря – это железные *скрепы*. Обычно на более южных позднесредневековых памятниках Русского Севера – это многочисленные находки, но на Кольском полуострове при раскопках церквей в Печенге, Варзуге, Борисоглебске они встречались единично. В раскопе 2013 г. в церкви Рождества Богородицы на Монастырском Наволоке они уже составляли 10,5 % (70 шт.) от общего количества всех находок. В раскопе 2015 г. – 5,7 % (46 шт.), что равно числу найденных гвоздей. Из них фрагментированы 29 экз. Скрепы – тонкие железные пластины с заостренными концами и с расширенной центральной частью, согнутые под острый угол (около 40°), что придает им «циркулеобразную» форму. Одна «ножка» скрепы часто незначительно короче другой (на 1–1,5 см). Размеры: толщина – 0,3–0,4 см, ширина в месте сгиба – 0,8–1,1 см, расстояние между концами – 2,5–3,6 см, максимальная длина – 6,5 см, а минимальная – 2,5 см (рис. 4: 5, с. 205). Как и гвозди, они концентрировались на уровне 5–22 см. В эту группу строительных «поковок» нужно отнести и единственную находку небольшого железного пробоя (4,2 × 1,6 × 0,7 см), изготовленного из тонкой железной пластинки толщиной 0,4 см (рис. 4: 6).

Производство разнообразной строительной продукции из черного металла не было повсеместным занятием и концентрировалось в городах и посадах. Документы XVI–XVII вв. свидетельствуют о дробной специализации кузнецов железопроизводящих центров. Например, чтобы приобрести продукцию гвоздочников и скобочников для строительства или в «варничный и судовой обиход», монастыри в Центральной России отправляли обозы за 300–500 км [Завьялов и др., 2007, с. 132]. Поэтому можно предположить, что гвозди и скрепы были привезены в Кандалакшу.

Индивидуальные находки представлены в основном бытовыми вещами с широкой датировкой.

Обувные подковки. В шурфе впервые для наших работ на Кольском полуострове получены не единичные, фрагментированные находки, а небольшая коллекция железных каблучных подковок – 5 экз. Все они найдены в северной части шурфа: три фрагментированных экземпляра – в нижней части заполнения ямы и две целых – в кладке 1.

Обувные подковки – «скобы сапожные» разделяются по способу крепления к каблуку (на шипах, гвоздях и комбинированные), а также по морфологии [с.м.: Колчин, 1959, с. 110; Никитин, 1971, с. 42]. Пластины, использованные для этой детали обуви, стандартные: концы приостренные, ширина – 1,6 см (1 экз.) и 2,2 см (3 экз.), толщина – 0,3–0,5 см. Одна подковка – на трех шипах, расположенных на концах и в центре, остальные – с тремя круглыми отверстиями (диаметром 0,5 см) для крепления гвоздями. У одной подковки сохранились гвозди (общая длина – 2,8 см) с выступающими выпуклыми шляпками круглой формы (рис. 4: 1–4).

Время появления шиповых подковок в городах России относится к XVI в., а тип простых набивных со скругленными концами встречается преимущественно в слоях XVIII–XIX вв. [Векслер и др., 1997, с. 114, 116]. Поэтому есть большое искушение хронологически разделить эти находки: на «поздние» – из ямы и «ранние» (XVII в.) – из комплекса, связанного с печью, находящие аналогии в коллекциях из раскопок Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2008, с. 82–83, рис. 120].

Ножи. В раскопе обнаружены два ножа: целый и обломок лезвия (8 × 2 × 0,5 см). У крупного черешкового ножа лезвие длиной 12 см, шириной 2,7 см и с прямой спинкой толщиной 0,4 см с «копейным» переходом от насада к лезвию (без оформления плечиков), образующему тупой угол с рукоятью-черешком. Черешок (длина – 4,5 см) на конце сужен, параллелен оси спинки клинка. Датировать нож можно в широких пределах – XVII–XIX вв., тип – универсальный хозяйственно-кухонный [Колчин, 1959, с. 60]. По морфологии он похож на поясной саамский нож (goakka), в повседневном обиходе используемый от Средневековья до современности. Идентичные образцы ножей в Русской Лапландии есть среди находок из раскопок на р. Паз в 2010 г. [Шахнович, 2011, с. 112] и среди сборов в устье р. Варзуги [Коткин, 2012, с. 232], но отметим, что и в коллекции из Мангазеи подобный тип тоже присутствует [Визгалов, Пархимович, 2008, рис. 131; Денисов, 2011, с. 302] (рис. 4: 11).

Жиковины представлены двумя находками: для сундука и двери. Сундучная накладка небольших размеров – 7,8 × 2 × 0,5 см, с округлым окончанием и двумя круглыми отверстиями для гвоздей разного диаметра (0,4 и 0,6 см). Вторая (55,5 × 4 × 0,5 см) – стандартной формы, широко распространенной в простых образцах кузнечного оформления дверного убранства: окончание толстой железной пластины выполнено в виде заостренной «стрелки» с утолщенным округлым окончанием, с тремя пробитыми круглыми отверстиями диаметром 1 и 0,7 см (рис. 4: 7). Подобные кузнечные изделия встречались, например, при раскопках церкви Святых Бориса и Глеба на р. Паз и на месте церкви Успения Божьей Матери в Печенгском монастыре на р. Мане [Шахнович, 2012, с. 195], а также среди продукции кузниц Соловецкого монастыря [Веселовская, 2006, с. 157–173].

Среди находок отметим железную втулку диаметром 1,5 см и длиной 4,1 см из свернутого листа железа, которая является частью подсвечника и также имеет аналоги в коллекции из раскопок церкви на р. Паз [Шахнович, 2012, с. 196].

В коллекции предметов из черного металла есть также два небольших единообразных крючка (длина – 4 и 4,8 см, толщина в верхней части – 0,4 × 1 см), кусок чугуна (?) с двумя отверстиями диаметром 1,5 см, фигурная стрелка из медного сплава, вероятно, от больших напольных часов и 10 предметов из железа, не поддающихся атрибутированию (куски стержней, обломки пластин, проволока) (рис. 4: 8–10).

Слюда. Части от слюдяных оконниц-«шитух» найдено 6 экз. Они соотносятся с нижними слоями (2 экз.) и ямой (4 экз.). Целых экземпляров только два (максимальные размеры – 6 × 4,5 см), остальные – фрагменты. По форме это разносторонние трапеции. На четырех экземплярах присутствуют сквозные сверленные отверстия, сделанные по краю пластин через равные промежутки приблизительно в 2 см. При толщине в 1 мм пластинки обладают хорошей для крепления жесткостью и прозрачностью. Отобранные для «стекления» нужного качества небольшие пластинки слюды в процессе подгонки резались на месте из имевшегося сырья на многоугольники. Кроме того, собрано 84 экз. (48 г) необработанной слюды – «чешуек» мусковита. Фрагментов слюды непрозрачного, золотисто-желтого цвета, т. е. подвергшихся термическому воздействию, два экземпляра [Скамницкая и др., 2015, с. 184–185] (рис. 5, с. 206).

Кремни. Для небольшой исследованной площади находки кремней составляют значительную группу – 25 экз. Сборы кремневых отщепов производились еще при самом первом обследовании Монастырского Наволока Ю. В. Титовым в 1971 г. [Титов, Песонен, 1972, с. 10]. При анализе коллекции возникает проблема функциональной и хронологической идентификации данной категории находок – это следы стоянки эпохи камня – раннего металла или же кресальные либо оружейные кремни. Последние обычно сходны с кремневыми скребками и скобелями, но по специфичным следам износа их отделить всё же можно. Трасологические признаки кресальных и ружейных кремней сходны: это «смятая», «разорванная» кромка ударного края и прилегающих поверхностей обоих фасов; глубокие ступенчатые, «занозистые» сколы, утончающие ударную кромку с обеих сторон; «забитость» поверхности ударного края, образование мелких кольцевых трещинок, а также выемок и, наоборот, микроскопических ударных бугорков в точках прямого удара кремня о кресало. Конкретно оружейные кремни имеют правильную прямоугольную форму, близкую к квадратной, со средними размерами 3 × 2,8 × 0,8 см и остатки пороха на поверхности в виде серого налета [Серигов, 2003, с. 256; Галимова и др., 2014, с. 259–264].

Сколы из раскопа 2015 г. – это преимущественно хорошего качества меловой кремнь различных оттенков серого и черного цветов, возможно, из южнскандинавских месторождений. Следы термического воздействия присутствуют на четырех экземплярах, остатки известковой желвачной корки – у двух. Очевидные кресальные кремни с характерными «забитыми» краями – 5 экз., остальные – это сколы с отсутствующей проксимальной частью, сделанные в ударной технике жестким отбойником. По специфичному виду ударного бугорка на одном экземпляре можно предположить, что это производилось железным молотком. На большинстве отщепов есть ретушь утилизации, которая также, возможно, связана с кресальной функцией. Остается вопрос о возможном подборе и повторном использовании древних кремневых изделий – фрагментов ножевидных пластин, скребков и нуклеусов в качестве кресальных кремней. В целом коллекцию каменных артефактов можно рассматривать как единую, связанную с изготовлением, подправкой и использованием кресал*. Отметим, что встречались находки кремня преимущественно около кладок.

* Определение научного сотрудника сектора археологии ИЯЛИ КарНЦ РАН кандидата исторических наук А. Ю. Тарасова.

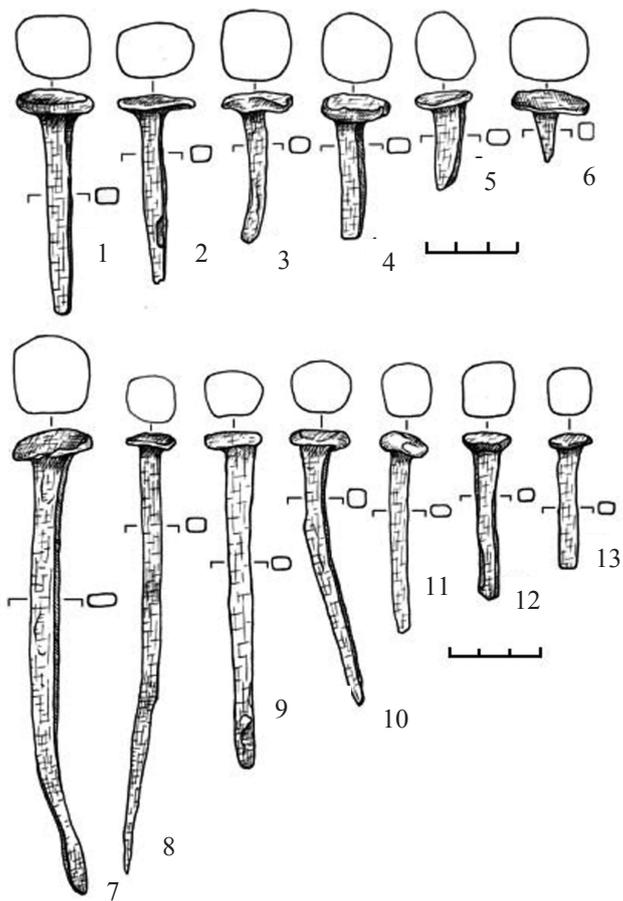

Рис. 3. Кандалакша. Монастырский Наволок. Шурф 1. 2015 г. Гвозди железные

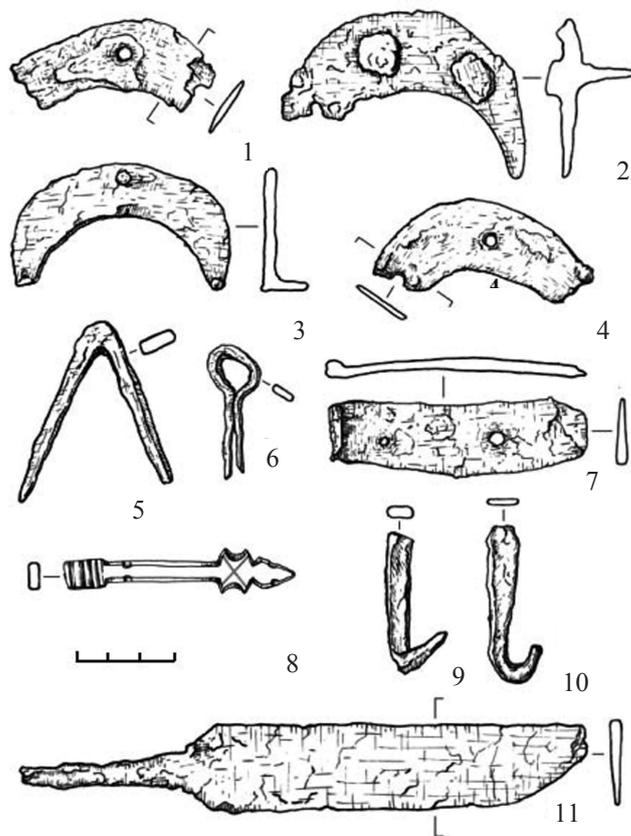

Рис. 4. Кандалакша. Монастырский Наволок. Шурф 1. 2015 г. Находки железные:
1–4 – подковки обувные; 5 – скрепа; 6 – пробой; 7 – жиковина сундучная; 8 – стрелка от часов; 9–10 – крючки; 11 – нож

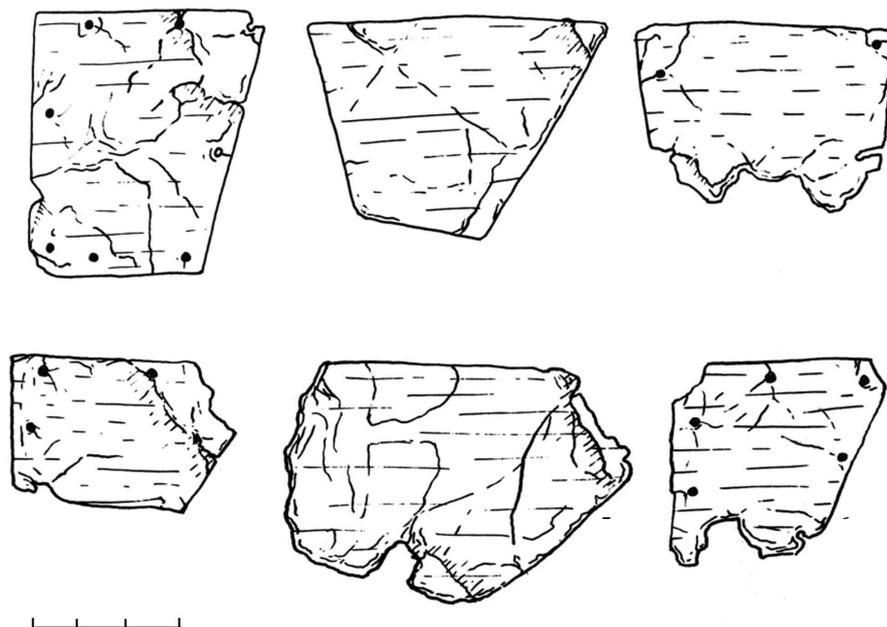

Рис. 5. Кандалакша. Монастырский Наволок. Шурф 1. 2015 г. Фрагменты слюдяных оконниц

Керамика. Коллекция из раскопок 2015 г. на Монастырском Наволоке насчитывает 539 фрагментов керамики. По технологическим признакам (сырье, обжиг, характер обработки поверхности) можно выделить три группы глиняной посуды: красножгущуюся, беложгущуюся и чернолощеную*.

Подавляющее количество фрагментов керамики (434 экз. – 80 %) относится к единообразному блоку красножгущейся: цвет черепков варьирует от оранжевого до бурого и черного, а в тесте присутствует естественная примесь мелкого песка. По профилировке венчиков можно выделить не менее 30 сосудов, по форме относимых к горшкам. В основном среди красножгущейся керамики представлены сосуды с диаметром горла 18–22 см, но присутствуют и большие горшки с диаметром горла до 28 см, и совсем маленькие горшочки (диаметр – 8,5 см). Часть из них удалось реконструировать практически полностью (рис. 6–7).

Рис. 6. Кандалакша. Монастырский Наволок. Шурф 1. 2015 г.
Керамика красножгущаяся

Рис. 7. Кандалакша. Монастырский Наволок. Шурф 1.
2015 г. Керамика красножгущаяся

В центральном регионе России [Рыбакова, Купряшин, 2015, с. 226–229] и на территориях к северу и северо-западу от Москвы подобные формы тулова и венчиков сосудов известны с середины XVI в.** Есть они и среди керамического материала из Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2008, с. 254, рис. 138]. В. Ю. Коваль считает, что это «северные» типы местных керамических образцов, идущие в русле «центрально-российской традиции». По мнению В. И. Кильдюшевского, основанному на изучении керамических комплексов городов новгородской земли (Орешек,

* Определение научного сотрудника Государственного комитета Республики Карелия по охране объектов культурного наследия Т. П. Амелиной.

** Научная консультация заведующего отделом средневековой археологии Института археологии РАН кандидата исторических наук В. Ю. Ковалья.

Ивангород, Корела), такие горшки с выраженным плечиком можно отнести к XVI в. Сосуды с похожей профилировкой «уходят» во вторую половину XV в., но нельзя исключать бытование такой посуды и позже, в XVII–XVIII вв. В археологических коллекциях из Южного Беломорья они, как правило, пока рассматриваются как поздние типы посуды, бытовавшей в XVII–XVIII вв.: археологические памятники низовья р. Выг, сборы на территории сел Сумский Посад [Амелина, 2009, с. 185–187, 189], Нюхча, Гайжево, Варзуга [Шахнович, 2010, с. 157], коллекция из раскопок железодобывающего завода Соловецкого монастыря на р. Пяла [Мулло, 1992, с. 151–156]. Среди красножгущейся керамики из шурфа есть четыре шлакованных фрагмента, что является, вероятно, следствием пожара.

Беложгущаяся керамика немногочисленна (14 фр.) и представлена обломками минимум от двух сосудов. Удалось реконструировать часть тулова большого горшка с толщиной стенок от 0,5 до 0,8 см. Глиняное тесто с отдельными крупными включениями в изломе одного цвета, что говорит о хорошем обжиге. Фрагменты верхней профильной части сосуда отсутствуют, но по внешнему облику его можно датировать тем же периодом, что и красноглиняную керамику. Второй сосуд представлен небольшим фрагментом стенки (0,3–0,5 см) с частично отбитой внешней поверхностью, которая орнаментирована полосами гребенчатого штампа. К сожалению, незначительность материала не позволяет точно его определить и датировать.

Коллекция чернолощенной керамики, собранная в раскопе, насчитывает 91 фр., минимум от четырех сосудов, цвет которых варьирует от иссиня-черного до серого. По верхним профилям сосудов, придонным фрагментам, обломку ручки и носика-слива можно определить, что среди находок есть части изделий типа рукомыльника и миски. Верхняя часть тулова кувшинов орнаментирована одной-двумя горизонтальными полосами, придонная область украшена орнаментом из небрежных полос лощения в виде ромбической сетки. Чернолощенная керамика получает наибольшее распространение в XVI–XVIII вв. Орнаментальное лощение появляется на русской чернолощенной посуде только во второй половине XVII – начале XVIII вв., а сплошное двустороннее лощение – в XVI–XVII вв. [Розенфельд, 1968, с. 28–29].

Таким образом, впервые для памятников Нового времени Кольского полуострова получен комплекс керамических находок – коллекция Монастырского Наволока из раскопа 2015 г. Ее можно рассматривать как цельную и единовременную, сформировавшуюся за краткий хронологический отрезок в границах широкого периода – XVI–XVII вв. Пока трудно точно говорить о месте производства керамики: была ли она изготовлена на Кольском полуострове или привезена из других районов Беломорья. Ближайший известный нам крупный центр гончарного производства – это Соловецкий монастырь [Критский, 2006, с. 232; Шульгина, Зарайченко, 2009, с. 102–103].

Выводы. Комплекс сооружений и сопутствующих находок, происходящий из исследованного участка 2015 г., следует определить как остатки строения, связанного с бытовой жизнедеятельностью монастыря. В этом отношении показательны наличие интересного и разнообразного керамического блока находок. По общежительному монастырскому уставу, который был основой жизни в Кандалакшской обители, инокам было запрещено готовить пищу и столоваться индивидуально в кельях. Дома же бельцов и служек строились за границей условного центра монастыря: за оградой или водной преградой, а на Монастырском Наволоке – просто в отдалении. Поэтому строение, которое частично вошло в шурф, гипотетически не могло быть жилой кельей. Но пока мы однозначно не можем точно ответить на вопрос – нами вскрыта часть жилого помещения или это было специализированное сооружение («поварня»?).

Значительное число крестьянских жилищ периода позднего Средневековья в лесной зоне России изучено раскопками. Это дает возможность активного привлечения сравнительного археологического материала для интерпретации и реконструкции обследованного в 2015 г. комплекса на Монастырском Наволоке. Вполне естественно использование и этнографических данных по домостроительным традициям локальных групп русского этноса лесной зоны Восточной Европы и Западной Сибири [Рабинович, 1975; Раммонорт, 1975].

По имеющемуся материалу можно предварительно определить выявленное в шурфе сооружение как наземную курную избу клетного типа с очагом. Скорее всего, это был стандартный архаический тип жилой постройки – одноэтажный срубный дом с дополнительным помещением-сеними со стороны входа – основное «народное» деревенское жилище Русского Севера. Традиционная подклеть, вероятно, отсутствовала. Небольшая исследованная площадь не позволяет точно ответить на вопрос, сколько помещений было у постройки.

Обычно печь располагалась в углу подобного типа жилищ, и поэтому несколькостораживает «некомфортная» близость двух каменных кладок – расстояние между ними около 1 м. Нахождение двух очагов в одном доме на компактной территории маловероятно, и, наверно, следует рассматривать вариант их разновременности.

В границах шурфа выявлены и изучены материалы, относящиеся к эпохе позднего Средневековья и Нового времени. Керамический блок позволяет несколько расширить границы предполагаемого временного периода, когда мог существовать исследованный комплекс, и сделать вывод о том, что освоение данного участка началось не ранее второй половины XVI в. К сожалению, в нашем распоряжении нет «ярких», маркирующих находок, имеющих узкие хронологические рамки бытования, и коллекция Монастырского Наволока I пока может быть датирована в широких временных пределах XVII – начала XVIII вв. Необходимо учесть, что имеющееся единственное радиоуглеродное определение угля из одной кладки приходится на середину XVII в.

Некоторым косвенным аргументом вхождения исследованного строения в монастырский комплекс XVII в. может быть отмеченное морфологическое сходство материалов из раскопов 2013 и 2015 гг. по такому пока редкому

для позднесредневековых памятников Русской Лапландии виду строительной кузнечной поковки, как скрепы. Скорее всего, они единовременно были привезены в монастырь для конкретного строительства. В алтарной части церкви Рождества Пресвятой Богородицы они соотносятся со слоем пожара XVII в.

Работами 2015 г. на Монастырском Наволоке Кандалакши расширены границы распространения сохранившегося культурного слоя периода позднего Средневековья – Нового времени на месте исторической усадьбы Кандалакшского монастыря. Необходимо дальнейшее продолжение исследований в этом направлении.

Амелина Т. П. Вопросы хозяйственно-культурной адаптации населения Карелии в эпоху Средневековья и Нового времени // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – Средневековья. Гуманитарные исследования. – Петрозаводск, 2009. – Вып. 4. – С. 169–191.

Векслер А. Г., Лихтер Ю. А., Осипов Д. О. Обувные подковки XV–XVII вв. (по материалам раскопок в Москве) // РА. – 1997. – № 3. – С. 114–119.

Веселовская Н. В. Кузнечное ремесло и железоделательный промысел // Наследие Соловецкого монастыря в музеях Архангельской области. – М., 2006. – С. 207–245.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея. Новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). – Екатеринбург : Магеллан, 2008. – 296 с.

Галимова М. Ш., Ситдииков А. Г., Хабаров В. В. Оружейные и кресальные кремни из раскопок Казани: экспериментально-трасологическое исследование // Поволжская археология. – 2014. – № 3 (9). – С. 256–267.

Гурина Н. Н. Некоторые данные о заселении южного побережья Кольского полуострова // СА. – 1950. – XII. – С. 105–127.

Гурина Н. Н. Результаты археологического обследования южного побережья Кольского полуострова // КСИИМК. – 1947. – Вып. XXI. – С. 55–57.

Горецкий Г. И. Некоторые данные о неолитических стоянках Кольского перешейка // Труды Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. – 1937. – Вып. III. – С. 107–118.

Денисов С. А. Технологическое исследование ножей из г. Мангазея (по материалам раскопок ООО НПО «Северная археология») // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. – Омск, 2011. – С. 296–302.

Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. – М. : Прогресс, 2007. – 282 с.

Критский Ю. М. Промыслы и ремесла северного крестьянства и Соловецкого монастыря XV–XX вв. // Соловецкий сборник. – Архангельск, 2006. – Вып. 3. – С. 218–254.

Колчин Б. А. Железоделательное ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // МИА. – 1959. – № 65. – С. 7–120.

Корчагин П. А. Возможности интерпретации археологических источников позднего Средневековья и Нового времени: гвозди // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. – Омск, 2011. – С. 56–83.

Коткин К. Я. Археологические предметы Терского берега в коллекции Мурманского областного краеведческого музея // Север и история. IV Феодоритовские чтения. – Мурманск ; СПб., 2012. – С. 229–239.

Мулло И. М. К вопросу о производстве огнестрельного оружия в Карельском Поморье в XVI–XVII вв. // Краеведение и музей. – Петрозаводск, 1992. – С. 151–165.

Никитин А. В. Кузнечное ремесло XV–XVII вв. // САИ. – 1971. – Вып. Е1-34. – 84 с.

Раппопорт П. А. Древнерусское жилище (VI–XIII вв. н. э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. – М., 1975. – С. 104–155.

Рабинович М. Г. Русское жилище в XIII–XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. – М., 1975. – С. 156–184.

Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. – 1968. – Вып. Е1-39. – 124 с.

Рыбакова О. Е., Купряшин А. В. Керамический комплекс из постройки XVI – рубежа XVI–XVII вв. близ Архангельского монастыря на Звенигородском посаде Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. – Тверь, 2015. – Вып. 8. – С. 209–243.

Серигов Ю. Б. К вопросу об орудиях для высекания огня // Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии. В честь юбилея Г. Ф. Коробковой. – СПб., 2003. – С. 254–263.

Скамницкая Л. С., Шахнович М. М., Букчина О. В. Использование слюды и расположение мест добычи мусковита в позднем Средневековье на Кольском полуострове и в Северной Карелии // Труды Карельского научно-го центра РАН. – № 7. – 2015. – С. 181–191.

Титов Ю. В., Песонен П. Э. Новые памятники на Кольском полуострове // Археологические открытия – 1971. – М., 1972. – С. 10–11.

Титов Ю. В., Анпилогов А. В., Лобанова И. Ю. Кольская археологическая экспедиция // Археологические открытия – 1974. – М., 1975. – С. 41–42.

Шахнович М. М. Археология реки Варзуга // Варзуга – первое русское поселение на Кольском Севере. Вторые Феодоритовские чтения. – СПб., 2010. – С. 153–172.

Шахнович М. М. Археологическое изучение Свято-Никольской церкви с. Варзуга в 2013 году // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Великий Новгород, 2015. – Вып. 29. – С. 291–303.

Шахнович М. М. Древний храм святых Бориса и Глеба на реке Паз: опыт историко-археологического исследования // Север и история. Четвертые Феодоритовские чтения. – СПб., 2012. – С. 181–215.

Шахнович М. М. Новые средневековые находки в Русской Лапландии (Печенгский район Мурманской области) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Великий Новгород, 2011. – Вып. 25. – С. 100–113.

Шахнович М. М. Средневековая археология Северного Прибеломорья (река Варзуга) // Новгород и Новгородская земля: история и археология. – Великий Новгород, 2010а. – Вып. 24. – С. 63–80.

Шахнович М. М., Широбоков И. Г. Археологическое обследование церкви Рождества Пречистой Богородицы в г. Кандалакша в 2013 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Великий Новгород, 2014. – Вып. 28. – С. 174–189.

Шульгина М. В., Зарайченко А. Е. Исследования гончарного завода Соловецкого монастыря // Археологические открытия – 2006. – М., 2009. – С. 102–103.

M. M. Shakhnovitch

National Museum of the Republic of Karelia, Petrozavodsk

ARCHAEOLOGICAL WORKS IN THE CENTRAL COMPLEX OF KANDALAKSHSKY MONASTERY IN 2015

There was an archaeological expedition of National Museum of the Republic of Karelia in Kandalakshsky monastery in 2013 and 2015. The part of territory of the monastery including the place of the church dedicated the Nativity of the Virgin was excavated. The first remains of monastery residence – house with oven, a lot of pottery 16–17th century – were found.

Keywords: Kandalakshsky monastery, XVIIIth century, Russian Lapland, Late Middle Ages archaeology, ceramics of 16–17th century.

УДК 902/904

Е. В. Салмина¹, С. А. Салмин²,

¹Археологический центр Псковской области,

²Псковский археологический центр

ВЕЩЕВЫЕ КОМПЛЕКСЫ КАК ИНДИКАТОРЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИЙ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ – НОВОГО ВРЕМЕНИ*

При археологических раскопках в Пскове в 2005 и 2011–2013 гг., когда исследовалась территория Нового торгового ряда 16–18 вв. (торговые ряды и гостиные дворы), были получены коллекции находок, состав которых позволил определить черты общего вещевого набора, происходящего из культурных отложений этих «не-городских» и «не-жилых» территорий, и выделить своеобразные маркеры. История изучаемой территории была отражена в письменных источниках (летописях и писцовых книгах), что позволило уже на раннем этапе исследования соотнести особенности материальной культуры (в том числе – организации изучаемого пространства), зафиксированные при раскопках, со специализированным назначением участков.

Ключевые слова: Псков, Новый Торг, торговые ряды, инвентарь, вещевые коллекции.

В 2011–2013 гг. в Пскове при археологических раскопках (Лужские II–IV, руководители Р. Г. Подгорная, Е. В. Салмина, С. А. Салмин) на большой площади были открыты развалины деревянных торговых рядов (лавок, клетей, междурядных замощений) – остатки Нового Торга Пскова XVI–XVIII вв., известного также по

* Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ 2014–2015 № 14-11-60005 «Новый Торг Пскова XVI–XVIII вв. по данным археологии и письменных источников».

© Салмина Е. В., Салмин С. А., 2017

письменным источникам. После первоначальной интерпретации и осмысления великолепной сохранности археологического комплекса было принято решение о необходимости обобщения результатов и перспективности возвращения к полученным ранее данным раскопок на этом участке города, проводившихся со значительными перерывами с 1955 г.

За четыре года (2013–2016) выполнена реконструкция внутренней планировки Нового торгога, составлен «принципиальный план» расположения торговых рядов [*Салмин, Салмина, рукопись**], локализован ряд объектов, в настоящее время не имеющих наземных признаков, составлены сводные планы входивших в Торг элементов уличной сети, реконструирован палеорельеф и природно-ландшафтные условия территории Нового Торга. В сводный каталог вещевых коллекций раскопок на территории Нового Торга Пскова вошло более 7 000 предметов. Одному из аспектов работы с коллекциями и посвящена наша статья.

Три ярких черты вещевой коллекции были выделены практически сразу, еще при ведении полевых работ.

1. Отсутствие заметных материальных следов ведения традиционного домашнего хозяйства. Количество предметов печной керамики, домашней утвари и бытового инвентаря оказалось необыкновенно малым в сравнении с традиционно большим количеством подобных находок из участков городской застройки периода позднего Средневековья – Нового времени. Изразцы и печные дуговые кирпичи составляют менее 1 % коллекции. Примерно ту же картину показывают многие категории железных бытовых изделий и домашних инструментов. Так, во всей 3,5-тысячной коллекции присутствуют всего один топор, два сверла, две кудельные булавки – тогда как при раскопках в Пскове мест традиционной застройки такие находки исчисляются десятками и даже сотнями.

2. Свидетельства того, что мы имеем дело с «общественной», «коммунальной» территорией. «Коммунальное» пространство Торга могло целенаправленно содержаться в порядке, относительно регулярно убираться. Возможно, именно с этим связано отсутствие сравнительно крупных находок при насыщенности культурного слоя на участке торгового ряда мелкими артефактами (бусы, пуговицы, фрагменты украшений, мелкий бронзовый лом, находки вислых свинцовых печатей, монет) [*Подгорная, Салмина, 2012, с. 140–141, рис. 9, 10*]. Аналогии такому отсутствию относительно крупных находок известны и по раскопкам торговых площадей в других городах [*Курбатов, 2007, с. 93*].

Общественный характер территории демонстрируют находки игральных бабок, костяных коньков, обрывков обуви, сумок, ножен. В основном эти находки тяготеют к полотну мощеных междурядных пространств. Заслуживает упоминания своеобразная находка – стертая до полной неразличимости номинала медная монета с заточенным краем, обнаруженная между плахами мостовой. Как нам представляется, это мог быть «инструмент» вора-карманника. Материалом для подобной «жанровой зарисовки» может служить и состав деталей кожаной обуви, где вместе с фрагментами высококачественной (в том числе детской) кожаной обуви присутствуют части со следами многократной починки. Так, найдены изношенные поршни с «подвязанными» подошвами, детали верха сапог с отпоротыми голенищами («опорки»), имеющие отверстия для продергивания завязок и т. п.

3. Наличие специфических групп находок – инвентаря торговых рядов, товара, отходов обработки продукции на месте. Представлялось, что территории торжищ должны быть маркированы находками импортных изделий, многочисленными монетами, торговыми пломбами, разновесами, остатками тары. Картина такого рода известна, например, по раскопкам торговых площадей в других городах [*Каплунайте, 2009, с. 425–435; Schofield, Vince, 2003, с. 161–162*]. Однако находки этого плана оказались не так уж многочисленны.

«Мясницкие спицы». На раскопе Лужский II (2011–2012) был получен весьма нетрадиционный комплекс находок, который мы можем связывать со спецификой «мясного ряда»**. В этот комплекс входят железные ножи и их обломки (более 70 единиц), большое количество оселков с явными следами долгого использования (более 90) и особая многочисленная категория предметов – палочки и прутья, заостренные с двух концов (их найдено около 100***), а также специфические крючья [*Салмина и др., 2014, с. 40, рис. 6*]. И палочки-распорки (так называемые «мясницкие спицы», «спички», «шпильки»), и деревянные крючки используются при краткосрочном хранении, складировании, разделке, вялении, вывешивании на продажу рубленых мясных туш. Типологически и функционально сходные предметы применялись и применяются в этнографической современности или в недавнем прошлом в охотничьем быту и в рыночной торговле. Свидетельство использования такого предмета в XVIII в. дает картина Франца Снейдерса «Мясная лавка» [*Государственный музей изобразительных искусств... Эл. ресурс*].

«Железье ветошь». Упомянутая «романтизация» материальной культуры средневекового рынка заставляла исследователей не искать дополнительных объяснений многочисленным находкам замков на территории

* В настоящий момент продолжается работа над подготовкой к изданию коллективной монографии «Торг Болшей», выполненной в результате проекта «Новый Торг Пскова XVI–XVIII веков по данным археологии и письменных источников». Эта рукопись (и другие, упоминаемые или цитируемые в настоящей статье) является одним из приложений к предоставленному в РГНФ отчету по проекту и одновременно одним из разделов планируемой книги.

** Интерпретацию этих деревянных сооружений как «Полонисского» и «Запсковского» мясных рядов мы полагаем доказанной [*Гроздилов, 1962, с. 38–42; Салмина и др., 2014, с. 31–41*].

*** К сожалению, общее число этих находок определяется с погрешностью: первоначально эти предметы (особенно обломки) не были определены как специфичные артефакты, и поэтому они выбрасывались.

Торга и связывать их с охраняемым складированием товаров. При этом в случае находки значительного скопления корпусов замков (без механизмов) в едином месте, как на раскопе Новоторговский IV 2005 г. [Михайлов, Яковлева, 2007, с. 42], речь может идти и об известном приеме выржавливания дорогого цветного металла – напомним, что псковские замки рассматриваемого периода традиционно украшены бронзовой обтяжкой. Писцовая книга 1585–1587 гг. неоднократно сообщает о лавках и мастерских, специализировавшихся на продаже (и скупке) металллолома – «железной ветоши»: «...Анб. Михалка Кузмина... торгуеть хлебами и колачи и железьемъ ветошью, оброку полтретья алтына... На другой стороне отъ воротъ идучи, лав. Осипка Самойлова... торгуеть железомъ ветошью, оброку полтретья алтына...» [Подлинная писцовая книга, с. 60–61] и др. Отметим, что в составе железного лома, найденного на Новоторговском IV раскопе, присутствует украшенное медью навершие боевого шестопера крайней степени износа [Салмин, 2008, с. 52–56]. Постройка, изученная в раскопе 1967 г. на периферии Нового Торга, была связана с комплексом, куда входили мелкие обломки металлических предметов, фрагменты железного листа и проволоки, медные шлаки, выплески, фрагменты тиглей, массивная колоколообразная железная гиля с утраченным подвесом, фрагмент массивной железной оковки, части железных ядер [Лабутина, 1994, с. 37–39]. Против предложенной автором раскопа интерпретации объекта как мастерской, связанной с горячей починкой металлических предметов, как нам кажется, свидетельствует наличие деревянного пола (настила) в сооружении, что противоречит традиционным правилам безопасности при работе с нагретым металлом. Сочетание предметов, на наш взгляд, соответствует комплексу вторичной утилизации металла – «железной ветоши».

«Лавки судоплатов». Южнее сооружений Мясных рядов на Лужском II раскопе в 2011 г. зафиксированы два других комплекса находок, свидетельствующих об иной специализации ремесленников Торга. В первом случае отмечена распространенная на площади около 30 кв. м россыпь обрезков медного и бронзового листа, маленьких фрагментов проволоки, медных заклепок и проклепанных фрагментов листовой меди, а также небольшой клепаный из медного листа сосуд [Подгорная, Салмина, 2012, с. 141, рис. 10]. Второе скопление, выявленное на небольшом расстоянии к северо-востоку от первого, было составлено несколькими десятками обломков металлических предметов, отходов обработки металла (обрезки железного листа, скрученные в спираль, что является признаком применения ножниц по металлу, обрезки и обрубки железных и медных пластин и прутьев, железные пластины со следами обработки зубилом, латунная и бронзовая проволока и др.). Обращает на себя внимание количество разрозненных деталей от замков, в том числе обладающих несомненными признаками подготовки к вторичному использованию (пружинные пластины) или же утилизации (фрагменты крупных замков в обтяжке из цветного металла с дужками, разрушенными зубилом). Здесь же были найдены инструменты, связанные с металлообработкой (зубила, молоточки).

Информацию для интерпретации комплекса также содержит Писцовая книга 1585–1587 гг., согласно которой в северо-западном углу Нового Торга концентрировались лавки и мастерские судоплатов-жестянщиков, специализировавшиеся на починке слесарных изделий и металлической посуды: «Лав. Осипка Григорьева судоплата, оброку полтретья алтына. Лав. Бориска Иванова судоплата, живетъ в Кстовском сте, оброку 2 алтына...» [Подлинная писцовая книга, с. 61]. Кроме того, южнее Мясного Полонисского ряда располагался Котелный ряд* [Там же, с. 25], в ходе функционирования которого также могли быть востребованы услуги жестянщика.

Постройка, связанная со вторым скоплением, стоит несколько в стороне от основных строений торговых рядов. Это двухчастное сооружение (прямоугольный срубный объем и каркасная пристройка), в подвальной части которого найден шлифовальный круг из песчаника от стационарного точила. Постройка такой планировки (и частично назначения) упоминается в Писцовой книге 1585/1586 гг. в несколько иной локации: «Да по конецъ Болшово ряду на Луцкой улице... Лав. Осипка Григорьева рыбника... у тое же лавки чуланъ, а стоит точило Олексейка Лукина... оброку от лавки и съ точила 4 алтына» [Подлинная писцовая книга, 1585–1587, с. 35]. Характерно, что обе постройки (и упомянутая в писцовой книге, и найденная при раскопках) с пристройками-«чуланами», в которых находились стационарные точила, располагаются в конце рядов, предполагавших «порционную» продажу товаров: Мясного ряда и Хлебного отрезка Большого ряда.

«Двор Гостин». Предыдущие примеры показали, как информация вещевых коллекций в немалой мере повышала возможности соотнесения объектов, упомянутых в Писцовой книге, с комплексами, выявленными при археологических раскопках. Среди важнейших локализованных строений находятся гостиные дворы.

Известно, что в конце XVI в. в Пскове, на территории Нового Торга, имелось два государственных «двора», к которым применялось понятие «гостиный»: двор Гостин приезжих гостей московских (Гостин Большой) и двор Лняной гостин [Там же, с. 14–15]. Месторасположение обоих дворов долгое время оставалось дискуссионным [Козюренко, 1994, с. 124–126]. Ситуация изменилась после идентификации открытых при раскопках Торговых рядов [Салмина и др., 2014, с. 31–41] и выполнения работ по реконструкции палеорельефа изучаемого участка [Яковлева и др., рукопись], когда топоним «Лужа» позволил связать Гостиный двор с заметным понижением рельефа у церкви Покрова Богородицы от Торга (сохранилась до наших дней) и с исторической

* Полное описание специализации этого ряда есть в Писцовой книге 1585–1587 гг. – Котелный, Саадачный, Седелный, Москатилный, Овчинный, Мыльный, Крневый, Ветошный.

Лужской улицей, проходившей по краю этой западины. В конечном итоге, Гостин Большой двор был локализован в юго-западной четверти перекрестка, образованного современными улицами К. Маркса и Некрасова, и с этой территорией оказался связан участок Новоторговских XI и X раскопов 2011–2013 гг. (руководители Т. Е. Ершова, А. В. Яковлев).

Состав коллекций довольно ярко подтвердил нашу гипотезу. Гостиный двор приезжих гостей московских в Писцовой книге охарактеризован следующим образом: «...на дворе 3 избы, 2 по 4 сажени, а третья полчетверты сажени, а межь избъ двои сени дощаты поутретьи сажени, а за избами конюшни, стоятъ в нихъ лошади. Да на дворе же отъ избъ до воротъ по левой стороне верхнихъ рубленыхъ анбаровъ 24 анбары, а нижнихъ подъ теми же анбары то жъ, а держать въ нихъ гости всякий товаръ, по другой стороне нижнихъ анбаровъ 31 анбаръ, держать в нихъ гости на время всякий товаръ... Да на томъ же дворе 2 м[еста], торгуют на нихъ масломъ коноплянымъ и коровымъ... а дворники себе емлютъ со всякого гостя за тепло, и за стряпню, и за соль, и за капусту, и за скатерть, и за квась, и за утиралники... Да на томъ же дворе запасу: котель медяной зъ дугою весомъ 25 гривенок, да другой котель медяной зъ дугою весомъ 23 гривенки, да третей котель медяной зъ дугою весомъ 19 гривенокъ, да горшокъ медяной весомъ 11 гривенокъ, да другой горшокъ медяной весомъ полтретьинатцаты гривенокъ, да третей горшокъ медяной весомъ полдесяты гривенки, да корчага железная...» [*Подлинная писцовая книга...*, с. 14–15].

В настоящий момент работа с отчетной документацией по Новоторговским раскопам еще не завершена, поэтому мы ознакомились только с вещевыми коллекциями из этих раскопов.

Прежде всего, обращает на себя внимание значительное количество предметов, которые могут быть отнесены, применительно к их обнаружению в Пскове, к категории недорогих и не самых престижных импортов. Это фрагменты не производившейся в регионе чернолощеной (серолощеной) столовой посуды (48 фрагментов) и посуды из беложгущейся глины (501 фрагмент). Характерно, что в большинстве раскопов Пскова такие находки единичны. Обе разновидности керамической продукции широко представлены на территории Москвы [*Глазунова, 2009, с. 133–139*], и столь высокий процент их содержания в псковских культурных отложениях, скорее всего, может объясняться присутствием приезжего контингента и обычаем при поездках пользоваться собственным набором посуды. Неизбежность использования собственной посуды подчеркивается как набором услуг, предоставлявшихся дворниками, так и набором большеразмерной кухонной утвари, приписанной ко двору (см. выше).

С территории этих раскопов происходит 27 целых экземпляров и фрагментов деревянных ложек. По сообщению Августина Мейерберга, убранство стола в России даже в случае официальных приемов было скромным: «На длинный и узкий стол, покрытый скатертью из плохого льна, ставятся уксусница, перечница и солонка. Каждому из обедающих кладутся ложка и хлеб...» [1997, с. 66] – и выпадение в грунт фрагментов недорогих и недолговечных столовых приборов (ложек) оказалось высоким.

Второй ярко выраженной составляющей вещевой коллекции предполагаемого Гостиного двора является значительное число предметов, связанных с конской упряжью, уходом за лошадьми, деталей снаряжения всадников. Зафиксировано 10 экземпляров удил, восемь фрагментов шпор, семь фрагментов седельных костяных обкладок, детали седельной крышки, шесть подпружных пряжек, кнутовище, детали хомутов и упряжных седелок (шесть штук), санный полоз, скребницы (четыре фрагмента), кожаные детали упряжи (10 фрагментов), «лапа» для снятия подков с копыт. Здесь же были обнаружены четыре фрагмента крупноразмерных черпаков, кожаная крышка и доска мехов для раздувания огня, фрагменты крупноразмерных металлических (железных и медных) сосудов.

Значительно и количество деталей стационарных запорных устройств (пробои – 18, запорные скобы – 26, запорные цепи – 4), 38 экземпляров целых и фрагментированных замков, 34 экземпляра замочных ключей.

Таким образом, комплекс находок, происходящих с территории предполагаемых Гостиных дворов, совмещает в себе следующие функции:

- общежительной территории,
- зоны складирования товаров и транспорта,
- зоны содержания упряжных и верховых животных.

Хорошо соотносится с сообщением о ведении на территории двора розничной торговли маслом обнаружение двух коромысел от рычажных весов. Логично дополняют картину зоны общежительного продолжительного пребывания мужского коллектива 27 игральные бабки и 21 костяной конек. Стоит заметить, что частое упоминание «торговых площадей», устраивавшихся зимой на льду реки [*Кирпичников, 1995, с. 26*], может свидетельствовать о том, что коньки не только являлись средством развлечения, но и упрощали передвижение торговцев и покупателей как по льду реки, так и по обледенелым деревянным мостовым города.

Яковлева Е. А., Салмин С. А., Подгорная Р. Г. Модель погребенного рельефа Пскова на территории Нового торгового двора. Рукопись (авторская копия приложения к предоставленному в РГНФ отчету по проекту 2014–2015 № 14-11-60005).

Глазунова О. Н. Керамика кухонная, тарная и столовая XIV–XVIII вв. // Археология Романова двора: предыстория и история Москвы в XII–XIX вв. – М., 2009. – С. 130–141.

Капдунайте И. Нумизматический и сфрагистический материал Ратушной площади: торговые аспекты Вильнюса XV–XVII веков // АИППЗ (Археология и история Пскова и Псковской земли). Материалы 54-го заседания [семинара имени академика В. В. Седова]. – Псков, 2009. – С. 425–435.

Кирпичников А. Н. Россия XVII века в рисунках и описаниях голландского путешественника Николааса Витсена. – СПб : Славия, 1995. – 208 с.

Козюренко О. В. Новый Торг Пскова (вопросы топографии) // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии : сб. ст. к 75-летию В. Д. Белецкого. – СПб., 1994. – С. 121–127.

Курбатов А. В. Раскопки 2003–2004 гг. у Торговых рядов в г. Владимире // Археология Владимиро-Суздальской земли : материалы науч. семинара. – М., 2007. – Вып. 1. – С. 90–97.

Лабутина И. К. Раскоп 1967 г. в Окольном городе Пскова // Археология и история Пскова. – Псков, 1994. – Вып. 2. – С. 6–43.

Мейерберг А. Путешествие в Московию // Утверждение династии. – М., 1997. – С. 43–184.

Михайлов А. В., Яковлева Е. А. Археологические исследования на Ново-Торговском IV раскопе // АИППЗ (Археология и история Пскова и Псковской земли). Материалы 52-го заседания, посвящ. памяти профессора А. Р. Артемьева. – Псков, 2007. – С. 29–45.

Подгорная Р. Г., Салмина Е. В. Раскопки Нового торгового ряда в Пскове в 2011 году (предварительные обобщения) // Новгород и Новгородская земля. История и археология : материалы науч. конф., посвящ. 1150-летию рос. государственности. – Великий Новгород, 2012. – Вып. 26. – С. 127–149.

Подлинная писцовая книга № 355 (1585–1587 гг.) // СМАМЮ. – М., 1913. – Т. V. – С. 14, 15, 25, 35, 60–61.

Салмин С. А. Наверхние шестопера из раскопок в Пскове в 2005 году // АИППЗ (Археология и история Пскова и Псковской земли). Материалы 54-го заседания [семинара имени академика В. В. Седова]. Материалы LIII заседания (10–13 апреля 2007 года). – Псков, 2008. – С. 52–56.

Салмин С. А., Салмина Е. В. Внутренняя планировка Нового торгового ряда Пскова: попытка составления «принципиального плана» расположения торговых рядов. Рукопись (авторская копия приложения к предоставленному в РГНФ отчету по проекту 2014–2015 № 14-11-60005).

Салмина Е. В., Салмин С. А., Подгорная Р. Г. Планировка Нового торгового ряда: возможности реконструкции с учетом новых археологических данных // АИППЗ (Археология и история Пскова и Псковской земли). Материалы 54-го заседания [семинара имени академика В. В. Седова]. Материалы 59 заседания (9–11 апреля 2014 г.) [семинара имени академика В. В. Седова]. – М. ; Псков ; СПб., 2014. – С. 31–41.

Schofield J., Vince A. Medieval Towns. The archaeology of British Towns in their European Setting. – London, 2003. – 335 p.

Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. – URL: http://www.arts-museum.ru/data/fonds/europe_and_america/j/1001_2000/5015_Myasnaya_lavka (дата обращения: 12.12.2016).

Е. В. Салмина¹, С. А. Салмин²

¹Archaeological Centre of Pskov Region,

²Pskov Archaeological Centre

FINDS COMPLEXES AS INDICATOR OF FUNCTIONAL PURPOSE OF THE TERRITORIES IN THE LATE MIDDLE AGES – MODERN TIMES

During the archaeological excavations in Pskov in 2005, 2011–2013 when the territory of the New Torg of the 16–18th centuries (the shopping arcades and the Gostiny Dvory) was investigated there were obtained collections of finds, the composition of which allowed us to determine general features of a ware set coming from cultural deposits of these “non-urban” and “non-residential” areas and highlight the distinctive markers.

The history of the area under study was reflected in written sources (chronicles and scribes books) and allowed to correlate features of the material culture (including organization of the studied area), fixed during the excavations with specialized purpose of the plots at an early stage of research.

Keywords: Pskov, New Torg, shopping arcades, inventory, finds collections.

ПРОБЛЕМЫ В ИССЛЕДОВАНИИ РУССКОГО ГОРОДСКОГО СЛОЯ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ ПАМЯТНИКА АРХЕОЛОГИИ «ГОРОДИЩЕ УФА-II»

Статья посвящена исследованию городской повседневности уфимцев XIX – первой трети XX вв. В ходе археологических раскопок территории городища Уфа-II в 2013, 2015 гг. исследователи выделили три группы исторических «парадоксов» артефактов позднейшего культурного слоя Уфы. Среди них поразительная бедность культурного слоя XIX в., первая треть которого атрибутируется только керамическим комплексом, отсутствие датирующих вещей, кроме фарфора и стекла, «запаздывающих» почти на 80 лет от начала вторичного заселения исследуемой ул. Пушкинской (ныне Пушкина). Процесс урбанизации территории Уфы осложнялся трудным ландшафтом и частыми пожарами.

Ключевые слова: поздняя археология, историческая археология, городская археология, урбанизация.

На территории исторической центральной части Уфы П. Ф. Ищериковым [1959, с. 97] в 1953 г., затем совместно с Н. А. Мажитовым [*Ищериков, Мажитов*, 1962, с. 140] в 1958 г. было выделено «Городище Уфа-II». Расположен этот памятник археологии на расстоянии 399 м к северо-западу от территории бывшего Уфимского кремля. С территории кремля в конце XVI в. начинается освоение Уфимского полуострова русскими переселенцами. До 1920 г. Уфа преимущественно была русским городом, 75 % населения было русским, изменение численного и национального состава города начинает фиксироваться только с 1939 г. Территория памятника археологии «Городище Уфа-II» содержит, кроме средневекового слоя, и «русский слой». В 1961 г. памятник археологии «Городище Уфа-II» был поставлен на государственную охрану.

История изучения городища имеет достаточно долгую историю, большая часть которой связана с деятельностью Н. А. Мажитова. Начиная с первых лет обнаружения городища Н. Г. Рутто в 1974 г. провела осмотр археологического памятника в ходе археологических работ на территории Уфы. В 1990 и 2005 гг. в рамках археологических разведок «Городище Уфа-II» было осмотрено В. В. Овсянниковым; кроме того, в 1990 г. он провел там небольшие раскопки. В 2004 г. разрушенная часть территории памятника археологии была исследована Н. А. Мажитовым [2005]. В 2006–2011 гг. проводились исследования памятника археологии силами Башкирского государственного университета, Научно-производственного центра по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия Республики Башкортостан при Министерстве культуры и национальной политики РБ и Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра (ИИЯЛ УНЦ) РАН. Под научным руководством доктора исторических наук Н. А. Мажитова исследования осуществлял коллектив ученых в составе кандидата исторических наук А. Н. Султанова, Г. И. Пинаева, В. И. Мухаметдинова, Р. Р. Тамимдарова, К. А. Ахметшина, кандидата исторических наук Ф. А. Сунгатова, старшего научного сотрудника ИИЯЛ УНЦ РАН кандидата исторических наук Р. Б. Исмагилова. В 2006, 2007, 2008 и 2009 гг. руководил археологическими раскопками Ф. А. Сунгатов, в 2008, 2010 гг. – Р. Б. Исмагилов, в 2011 г. на городище проводил археологические раскопки В. И. Мухаметдинов, в 2012 г. памятник исследовала Р. Р. Тамимдарова [УФА-II, 2013], в 2014 г. – М. Р. Шамсутдинов.

Основной задачей, стоявшей перед исследователями, стало изучение средневековых слоев памятника «Городище Уфа-II», связанных с бахмутинско-турбаслинским населением III–VIII вв. н. э. (II–VII вв. н. э. по результатам радиоуглеродного датирования) [*Сунгатов*, 2014, с. 44].

В 2013 г. и 2015 гг. группой исследователей Лаборатории методологии и методов гуманитарных исследований Т. А. Леоновой, Н. Б. Щербаковым, И. А. Шутелевой были поставлены более широкие задачи в изучении территории «Городища Уфа-II», обусловленные тем, что это сложный многослойный памятник.

В настоящее время, как отмечалось ранее, территория самого городища и прилегающих более поздних городских кварталов подверглась значительному разрушению. С целью реконструкции первоначального облика площадки памятника археологии была проведена работа с дореволюционным картографическим материалом. В ходе исследования выбраны три карты Уфы: план губернского города Уфы, подтвержденный в 1819 г.; план города Уфы 1897 г.; план города Уфы 1908 г., изданный в качестве приложения справочной книги. В них наиболее полно отражены городские кварталы, занятые городищем. Для уточнения топографии части городища, разрушенной строительством проспекта Салавата Юлаева, были использованы фотографии дома Тушнова и относимой к этой части улиц картине М. В. Нестерова «Домик в Уфе» (1884 г.). Проведенная работа позволила примерно реконструировать топографический план памятника «Городище Уфа-II».

Анализ картографического материала показал, что «План губернского города Уфы, подтвержденный в 1819 г.» наиболее четко отражает топографическое состояние территории «Городища Уфа-II». Поэтому эта карта была

взята за топооснову для реконструктивных построений совместно с кадастровым планом территории в границах кварталов № 570 и 533 Кировского района городского округа Уфы.

По «Плану города Уфы. 1897 год» городище Уфа-II занимало квартал между улицами Голубиной, Спасской, Малой Ильинской, Ильинской; на карте выделены огороды. Эти данные очевидно свидетельствуют, что площадка памятника почти не разрушена, за исключением доминирующих деревянных построек с достаточно небольшим фундаментом.

Изданная в 1908 г. «Справочная книга г. Уфы с приложением плана. Составлена чинами Уфимской городской полиции» выделяет на городище квартал между ул. Спасской до ул. Малой Ильинской: ул. Пушкинская, 33–121; 30–114, ул. Ильинская, 61–83; 52–62, огороды на карте уже не выделены.

В ходе исследовательских работ на основе карт Уфы XIX и XX вв. реконструирована топография площадки памятника. По центру мыса, где расположено городище, проходит ул. Пушкина, с двух сторон которой расположены современные жилые и хозяйственные постройки. В 1970-е гг., в связи с началом строительства подъездных путей к мосту через р. Белую, южная часть городища длиной около 100 м была уничтожена, в настоящее время это проспект Салавата Юлаева. В 1990-е гг. на территории городища проводилась застройка с южной стороны по ул. Заки Валиди, был разрушен культурный слой памятника на участке более 200 м, в 2008 г. между домами 136, 136б уничтожен культурный слой памятника на площади 1 200 кв. м.

Благодаря анализу исторического картографического материала можно четко проследить выделение улиц на территории «Городища Уфа-II» по «Плану Оренбургской губернии городу Уфе, утвержденному 3 июля 1803 г.». Соответственно, можно определенно утверждать наличие жилой застройки и проживания городского населения на данной территории с начала XIX в., а также соответствующего вещевого комплекса.

Процесс урбанизации городского пространства Уфы шел медленно, что связано с достаточно трудным для освоения ландшафтом высокого берега Белой. Только с 20-х гг. XIX в. стали засыпать овраги и строить мосты в районе площадки городища. Деревянные дома, расположенные на этой территории, часто попадали в зону пожаров. В настоящее время на нечетной стороне ул. Пушкина можно насчитать 16 слоев со следами углистых включений и золы от пожаров, а на четной стороне улицы – девять.

Анализ архивных данных позволил объяснить представительную археологическую коллекцию XIX – первой трети XX вв. Справочные книги 1908 и 1914 гг. дали возможность представить обывателей и собственников домов по ул. Пушкинской от перекрестка с ул. Спасской: Петр Константинович Кадкин (д. 99), Аркадий Александрович Куровской (д. 101), Ф. Л. Ястржембский (д. 103), Александр Васильевич Смоленцев (д. 105), Я. А. Бердин (д. 107), Евгений Константинович Топорнин (д. 109), Августа Андреевна Берг (д. 111), К. Г. Еникеева (д. 113), Н. И. Благовещенский (д. 115), О. В. Михайлов (д. 117), Вал. Гав. Коропачинская (д. 119), Ахмет Биктимиров (д. 121), Александр Васильевич Соколов (д. 90, 92, 94), Рауз. Абдулов. Акчурина (д. 96), Арист. Аверк. Куровской (д. 98), Евд. Андр. Мыльникова (д. 100), Протасий Серг. Тришин (д. 102), Мария Вас. Курковская (д. 104), Христ. Ант. Лещинская (д. 106), Ант. Иосиф. Карпинская (д. 108), Е. Н. Никитин (д. 110), Магисрура Терегулова (д. 112).

В этой части Пушкинской улицы квартиры и комнаты снимали Дмитрий Николаевич Берг – член губернского присутствия (д. 111), Василий Иванович Корсаков – уездный землемер (д. 117), Болеслав Клементьевич Кулаковский – дел. акцизн[ого] управл[ения] 1 окр. (д. 103), Николай Иванович Лавров – член межевой комиссии (д. 115), Владимир Александрович Лазарев-Станищев – бухгалтер губернской акцизной управы (д. 105), А. А. Розов – млад. запас. лесничий (д. 103), Евгений Константинович Топорнин – чин[овник] особ[ых] пор[учений] переселен[ческого] упр[авления] (д. 109), Леонид Васильевич Чуфаровский – непр. чл. от. крест. поз. бак. (д. 105), Чесл. Феликс. Ястржембский (д. 103), Павел Владимирович Архангельский – пом[ощник] прис[яжного] поверенного (д. 115), Антон. Иосиф. Карпинская – учит[ель] част[ного] приг. учил[ища] (д. 115), Михаил Михал. Курковский – зас. дворян. опеки (д. 104), Александр Порфирьевич Полев – бухг. агрон. от губ[ернской] зем[ской] уп[равы] (д. 94), Александр Григор. Ребенко – член межевой комиссии (д. 94), Василий Филип. Федоров – стар[ший] ревиз[ор] контр[ольной] пал[аты] (д. 108), Илья Константинович Штегман – уездный исправник (д. 93).

Социальный состав горожан, населявших на начало XX в. юго-западный конец ул. Пушкинской, в большей части был представлен малосостоятельными мещанами и служащими, что и определило вещевой комплекс территории: разнообразные фрагменты фарфоровой посуды, стекла. Фарфор, который удалось идентифицировать, относится к периоду 1889–1959 гг. Подобные материалы обнаружены в разрушенных слоях городища, расположенных над снесенными постройками и коммуникациями. Состав фарфора достаточно разнообразен: Тверь. Товарищество М. С. Кузнецов. 1889–1917 гг.; фабрика И. Е. Кузнецова, с. Бронницы Новгородской губернии Бр-007 1892/93–1913 гг.; Дмитровский фарфоровый завод (Вербилки) (Красное надглазурное) 1918–1919-е гг.; трест «Государственные Малцовские заводы» Песочненская фаянсовая фабрика (Песочня) 1919–1927 гг.; Барановский фарфоровый (Украина, Житомирская область) завод, клеймо 1925–1927 гг.; Центрфарфортрест село Грузино 1926–1940 гг.; Дулевский фарфоровый завод (Дулево), клеймо «НКМП ф-ка Дулево» 1934–1937 гг.; Барановский фарфоровый (Украина, Житомирская область) завод, клеймо 1945–1948 гг.; ГЛАВФАРФОРФАЯНС ММП РСФСР фабрика имени Калинина Конаково 1946–1950 гг.; Конаковский фаянсовый завод (Конаково) 1959 г.

Удивительно то, что при зафиксированном повторном освоении площадки «Городища Уфа-II» в начале XIX в. фарфоровая посуда хронологически запаздывает как минимум на 80 лет. Г. Ф. Галиева отмечала, что

«с середины XIX в. даже немного зажиточный крестьянин считал своей обязанностью иметь самовар и фарфоровую чайную посуду; при столе также были деревянные и каменные чашки» [Галиева, 2012, с. 32].

Разнообразие аптекарских пузырьков, найденных при раскопках западной – четной части ул. Пушкинской в 2013 г., поставило вопрос об их происхождении, которое, по-видимому, можно объяснить большим количеством докторов всевозможных специализаций, практиковавших в этой части Уфы. Врач города (по внутренним, женским и детским болезням) – Александр Васильевич Соколов (д. 92). Ветеринарные врачи – Борис Алекс. Куравский (д. 98); Василий Алекс. Фон-Вилькен (д. 108). Зубные врачи и дантисты – Ицка Шмулевич Гуревич (д. 78). Фельдшерицы-акушерки и акушерки – Айк. С. Султанова (д. 94); Мария Варл. Трухина (д. 83). Чесл. Феликс. Ястржембский (д. 103).

Богатая коллекция аптекарских пузырьков (посуда аптекарская рецептурная) также встречалась в разрушенном культурном слое, в верхних, молодых пластах, соответствующих 1890–1946 гг. Характеристика аптекарских пузырьков как датирующих маркеров: найдены стеклянные треугольные пузырьки для уксусной эссенции с надписью «Центросоюз» (размеры 136 × 33 × 33 мм) (1897–1946 гг.), стеклянный пузырек с фрагментом этикетки «Ацетометил» (размеры 138 × 37 × 37 мм) (1920–1924 гг.), стеклянный пузырек с надписью «мера на 2 бутылки» конца XIX – начала XX вв. (размеры 105 × 30 × 30 мм). Сохранность изделий хорошая, сколов нет. В этом же пласте найдены аптекарские пузырьки (посуда аптекарская рецептурная), которые производились с 1890 и по 1930 гг., размеры (100 × 45 × 10 мм), (52 × 25 × 10 мм), (61 × 27 × 12 мм). Сохранность хорошая, сколов нет. В разрушенном культурном слое обнаружен аптекарский пузырек с частично сохранившейся надписью «Украинский центральный институт эндокринологии Харьков» (1928 – конец 1930-х гг.) размерами (4,72 × 26 × 26 мм).

Самым массовым материалом является керамический и остеологический. Из преобладающей группы средневековой бахмутинско-турбаслинской керамики выделяется более поздняя посуда, вероятно произведенная местными гончарами, кустарями-ремесленниками. К сожалению, проведенные раскопки 2013, 2015 гг. не дали целых сосудов или их развалов в поздних слоях. Поразительно, но керамика, соотносимая с XIX в., изготовлена кустарями-ремесленниками с помощью гончарного круга, а иногда с применением поливы (глазурь с медной окисью, дающей зеленый цвет). В основном встречаются фрагменты серой и черной матовой посуды, обожженной в домашней печи [Галиева, 2012]. Керамика, изготовленная до середины XIX в., сделана с применением лощения и обварки. В более позднее время в основном производилась глазурованная посуда [Шабалина, 2010, с. 114–121]. Следует отметить, что для получения поливной посуды необходим горн для обжига и специальная мастерская. По данным письменных источников (справочных книг Уфимской губернии), с 1880-х гг. в Уфе фиксируется промышленное производство гончарной посуды: «В 1882 г. в Уфимской губернии были зарегистрированы: в г. Уфе – гончарный завод купца Т. Козлова, там же – изразцовый завод купца М. Н. Облецова, в г. Стерлитамаке – горшечные заводы мещанина Я. А. Корешкова и И. М. Сазонова» [Галиева, 2012, с. 65].

Пожалуй, керамика явилась единственным сохранившимся атрибутом начала XIX в. на территории памятника «Городище Уфа-II». Однако мы не можем выявить точное время попадания глиняной посуды XIX в. на площадку памятника археологии, что собственно может быть отнесено и к другим группам находок этого периода. К сожалению, материалы археологических раскопок 2013, 2015 гг. не содержат датирующих предметов, кроме керамики, фарфора и стекла, т. е. среди находок полностью отсутствуют монеты, пуговицы, бляшки и другие бытовые вещи этого времени. Обнаруженный в ходе археологических раскопок 2013, 2015 гг. вещевой комплекс хронологически запаздывает как минимум на 80 лет от зафиксированного письменными, архивными источниками периода освоения уфимской ул. Пушкинской (ныне ул. Пушкина). Данные «парадоксы» обнаруженных артефактов требуют дополнительной работы в архивах для выявления и уточнения социальной принадлежности уфимцев, которые жили на ул. Пушкинской в первой половине XIX столетия.

Мажитов Н. А. Отчет разведочных археологических исследований на городище Уфа-II в 2005 г. // Научный архив археологической лаборатории БашГУ. Ф. 2. Д. 45. 103 л.

Галиева Ф. Г. Этнографические исследования русского населения Башкортостана / Институт этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН. – Уфа : Гилем, 2012. – 168 с.

Ищериков П. Ф. Городище Уфа-II // Башкирский археологический сборник. – Уфа, 1959. – С. 97–99.

Ищериков П. Ф., Мажитов Н. А. Городище Уфа II // Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1962 – Т. I. – С. 140–150.

Сунгатов Ф. А., Левченко В. А. Хронология средневекового городища Уфа-II по данным радиоуглеродного датирования культурных отложений // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. – 2014. – Т. 19, № 1. – С. 44–55.

Шабалина Н. М. Традиционные центры народного гончарства и изразцового производства на Южном Урале // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2010. – 28 (204). – С. 114–121.

Уфа-II – средневековое городище на Южном Урале : материалы раскопок 2013 года / И. А. Шутелева, Н. Б. Щербаков, Т. А. Леонова [и др.]. – Уфа : Инеш, 2013. – 192 с.

I. A. Shuteleva, N. B. Shcherbakov, T. A. Leonova
M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa

PROBLEMS OF INVESTIGATIONS OF RUSSIAN URBAN LAYER XIX – ONE THIRD OF 20th CENTURY IN THE ARCHEOLOGICAL SETTLEMENT UFA-II

The article investigates the urban everyday Ufimtsev 19th – early 20th century. In the course of archaeological excavations territory of the settlement Ufa-II, in 2013, 2015, researchers identified three groups of historical “paradoxes” of artifacts of the later cultural layers of the city of Ufa. Among them, striking poverty of the cultural layer of the 19th century, the first third of which is attributed only to the ceramic complex, the lack of dating as back things besides porcelain and glass, “delayed”, almost 80 years from the beginning of the secondary settling investigated Pushkinskaya Street (now Pushkin), the city of Ufa. The process of urbanization in the city of Ufa is complicated by difficult terrain and the frequent fires.

Keywords: late archeology, historical archeology, urban archeology, urbanization.

УДК 94(979)”17”

Н. Н. Гарунова

Дагестанский государственный университет, Махачкала

К ВОПРОСУ О ПОЯВЛЕНИИ ПЕРВЫХ РУССКИХ КРЕПОСТЕЙ НА БЕРЕГАХ ТЕРЕКА

В статье рассматриваются ключевые этапы возникновения русских крепостей в низовьях Терека. Особое внимание уделено истории крепостей «Трехстенный городок», Терки, которые были основаны русскими на рубеже XVI–XVII вв. у впадения Терека в Каспийское море. Обосновывается идея о том, что особенностью казачьих поселений был их военный характер. Значительное внимание уделяется процессу переоформления казачества в военно-служилое сословие, так как это привело к продолжению строительства целого ряда городков, которые становились форпостами российской политики в регионе. В статье раскрываются проблемы взаимосвязи первых крепостей с местом первоначального поселения казаков-первопоселенцев в низовьях Терека, по которым в исторической литературе нет единого мнения.

Ключевые слова: Терек, казаки, городки, крепость, русские, атаман, община, пристань, поселение, беглые люди.

В 1588–1589 гг. в устье Терека на одном из его протоков – Тюменке – была построена крепость Терки (или Терский городок). Это первое исторически известное русское поселение на территории нынешнего Дагестана. Появление первых русских крепостей на берегах Терека можно рассматривать как повод, послуживший толчком к началу сплочения терского низового казачества. В отличие от гребенского, источники его формирования были иные. Здесь, очевидно, осела небольшая часть казаков из Червленого Яра, а также отдельные представители кавказских черкесов, поляков, грузин, донских, гребенских казаков и «казаки волжские, опальные беглецы без государева ведома». Учитывая сложившуюся традицию, казаки называли свои укрепленные поселения «городками». Но казачьи городки не относились к городским поселениям в полном смысле этого слова, так как не имели других важнейших признаков города – развитого ремесленного производства и сколько-нибудь значительной торговли, да и по населению они были не столь уж велики. Не относились они и к сельским поселениям, так как сельское хозяйство не являлось в то время главным занятием его жителей.

Процесс организационного оформления терского низового казачества («прямые терские казаки») начался во второй половине XVI в. [Голованова, 2001, с. 25], при этом характерно то, что казаки стремились сохранить свои традиции. Это стремление сказывалось, в частности, в строительстве поселений. У гребенцов, например, сначала это были своеобразные укрепленные временные селения, позднее возникли городки – «зимники». Со временем укрепленные лагеря гребенцов и терцев стали постоянными казачьими городками, застроенными землянками и шаламами. В памяти старожилов и в казачьем фольклоре они сохранились под названием «курней» или «зимников». Такие укрепленные городки окружались оборонительными валами, опоясывались рвами, колючими терновыми изгородями и частоколом, внутри которых располагались казачьи землянки – видимо, наиболее архаичный тип жилища русских поселенцев в крае [Заседателева, 1984, с. 38]. Такими казачьими городками, предполагал И. Попко,

могли быть некоторые городища, открытые археологами на Северном Кавказе, например «Трехстенный городок», который Е. И. Крупнов иногда называл городищем, а иногда «острогом» [Крупнов, 1935, с. 124].

Можно ли в таком случае считать Трехстенный городок «острогом»? С одной стороны, следует ответить отрицательно, так как острог – это небольшое деревянное оборонительное укрепление, возводившееся для защиты мест второстепенного значения, чаще всего на границах с народами, мало знакомыми с осадным делом. Размеры Трехстенного городка были достаточно большими для острога – около 2 га. Остроги были больше характерны для Сибири и Урала в конце XVI – начале XVIII вв., а не для южного направления, потому что ставились в пунктах, имевших важное стратегическое значение для защиты русских владений, подчинения и контроля окрестного населения, осуществления коммуникации. Правда, со временем острог мог превратиться в город-крепость, оставаясь ее центральной частью.

С другой стороны, нужно учесть и такой любопытный для нас факт, что остроги в Сибири изредка имели треугольную форму, как, например, Охотский острог постройки 1665 г., внешне схожий с Трехстенным городком [Баландин, 1981, с. 174]. Это важные факты, так как они позволяют, безусловно, согласиться с мнением Е. И. Крупнова, что Трехстенный городок не местного культурного круга и параллели ему следует искать не на Кавказе, потому что подобных ему построек здесь не было. Крайне любопытные данные, позволяющие установить сходство интересующих нас памятников, находим у автора начала XX в. М. К. Любавского, который, говоря о колонизационной деятельности Московского государства XVII в. в Прикамье, пишет: «правительство царя Алексея Михайловича решилось провести непрерывную черту укреплений от р. Волга до р. Ика для защиты Казанского ханства вообще, и в частности Закамского, от набегов калмыков и ногайцев (1652–1656). В ее состав входил целый ряд городков» [Любавский, 1909, с. 222].

Материальным подтверждением сходства городища «Трехстенный городок» с городками, некогда строившимся Московским государством в Поволжье и Прикамье, может служить так называемое Ундорское городище недалеко от Волги, в 35 верстах от Ульяновска, входившее в Тетюшинскую засеку. Оно представляет собой укрепленный с трех сторон городок, а с четвертой стороны находится лес. По аналогии с Трехстенным городищем одна из сторон не защищена искусственным сооружением, а имеет естественную защиту. Тетюшинская засека, как одна из ранних оградительных линий на окраине Московского государства, включавшая валы, сторожевые посты и городки, была проведена русскими при царе Федоре Ивановиче или Борисе Годунове. Следовательно, Е. И. Крупнов по аналогии выводит дату строительства Трехстенного городка или в конце XVI или в начале XVII вв., что также не вызывает сомнений [Невоструев, 1871, с. 547].

В исторической литературе продолжительное время господствовало мнение, что одним из первых русских казачьих поселений в устье Терека был так называемый Трехстенный городок, построенный в 1579 г. волжскими казаками совместно с кабардинцами и кумыками. Несмотря на критику теории И. Попко [1880, с. 463] о местах первых поселений казаков на Тереке И. Кравцовым [1882, с. 67] и И. В. Бентковским [1889, с. 56], вплоть до исследований Трехстенного городка Е. И. Крупновым, который обнаружил здесь остатки крупного крепостного сооружения XVI–XVII вв., считалось, что именно это одно из первых казачьих поселений. С точкой зрения Е. И. Крупнова не согласен исследователь края Д. Васильев, который считает, что это остатки Терского города, возникшего в 1588–1589 гг. в низовьях Терека [Васильев, 1974, с. 38]. Среди современных авторов, наиболее активно исследующих эти вопросы, следует особо выделить Е. И. Нарожного [2016, с. 29].

В то же время нельзя не учитывать и другую версию, что эта крепость – один из сторожевых постов Золотой орды, созданный против ильханов Ирана в конце XIII в. [Омельченко, 1991, с. 67]. Довольно слабо аргументированные основные выводы и положения работы И. Попко, особенно в своей ранней исторической части, всё же не лишены интереса.

Е. И. Крупнов писал, что «Трехстенный городок был основан русскими на рубеже XVI–XVII вв. как опорный и сборный пункт терских казаков. Согласно преданиям, вместе с русскими здесь жили представители местных народов – кумыки, ногайцы, кабардинцы. С этим нельзя согласиться, так как И. Гильденштедт оставил в своих записках следующее воспоминание «в самом море при впадении Копая еще видны руины Бохчала, который русские называют Трехстенный город» [Цит. по: Крупнов, 1935, с. 124].

В. А. Потто, как и другие официальные историографы Терского казачества, сообщает, что казаки где-то около 1578 г. поставили укрепленный городок в урочище Баклакове с пристанью и обширным окопом в виде треугольника, почему он и назывался Трехстенным [Потто, 1991, с. 22]. Это, пожалуй, и все имеющиеся на сегодняшний день сведения об этой крепости.

В исторических преданиях и фольклоре казаков этот городок также нашел свое отражение, его появление встречается и у С. Писарева. Значительный интерес представляет историческое предание о возникновении городка на Тереке, в котором утверждается, что «три атамана волжских казаков, навлекших на себя царскую опалу в 1579 г., совещались в низовье Волги, куда им укрыться от царского гнева. Старший Ермак Тимофеевич потянул на север к именитым людям Строгановым и сделался завоевателем царства Сибирского. Остальное казачество выплыло в море и, разбившись на два товарищества, направилось – меньшинство к Яику, большинство к Тереку, в глухое приволье Тюменского владения. Здесь русские казаки сошлись с подобными им кабардинскими и кумыцкими сходцами и при впадении одного из рукавов Терека в море построили крепкий

городок с пристанью. Городок этот имел обширный окоп в виде треугольника, почему и назывался Трехстенным. Когда царские воеводы прибыли из Астрахани в Тюменское владение для возведения второго Терка, казаки Трехстенного городка явились к ним с повинною и оказали добрые услуги при построении царского города» [Писарев, 1881, с. 89].

Для нас важно из этих описаний то, что, хотя существуют разногласия в истории появления Трехстенного городка, всеми признается его интернациональность с самого зарождения. «Никто не спрашивал, какого он рода и племени, откуда появился, какую исповедует веру, и православные христиане уживались рядом с христианами католиками, с магометанами и даже с идолопоклонниками» [Поммо, 1991, с. 22]. И еще одна особенность Трехстенного городка, которая в конечном итоге привела его к упадку, а его жителей – вольных казаков – на службу русскому царю. Дело в том, что городок этот был только «опорным и сборным пунктом терских казаков, а жили они разбросанными юртами по разметам терского устья и держались ватагами по ближайшим островам для производства рыболовного промысла» [Писарев, 1881, с. 89].

После того как в 1559 г. вольные казаки овладели г. Теркальте, или Тюменью, располагавшимся на одном из рукавов Терека [Пономарев, 1880, с. 78], в низовьях Терека «этот город для них стал опорным пунктом, а жили они по-прежнему небольшими юртами в удобных для промысла местах, занимаясь рыбной ловлей, охотой, бортничеством и скотоводством. В разметах низового течения Терека терялась черта, разграничивавшая Шамхальские и Кабардинские владения, и сюда-то, в непролазную глушь приречных камышей, недосыгаемых ни для какой московской погони, стекались удалыцы со всего Поволжья... Сюда же, в глухое приволье Тюменского владения, как в безопасное убежище, бежали разные кабардинцы, чеченцы, кумыки, большие и малые ногаи, даже грузины, армяне и закубанские черкесы – все, кому тесно было жить на родине... Всё это были люди того же пошиба, что и русские вольные казаки...». В непролазной глуши низового течения Терека, недосыгаемой ни для какой погони, нашли казаки для себя «превосходные зимние стоянки с обильными угожьями для рыболовного и охотничьего промыслов» [Попко, 1880, с. 463].

Сами терцы об этих событиях рассказывают следующее: «Предки наши напередь сего, в давних временах, были из разных мест и народов, как-то: донские и волжские казаки, поляки, грузины, черкесы и другие... По умножившемуся оных количеству приняли они намерение, учредя усадьбы и место поселения, объявить Высочайшему скипетру как о своем поселении, так и о ревностном желании содержать стражу к охранению пограничных мест и обеспечению их от набегов горских хищников. Желание наших предков принято было с монаршим благоволением, и от царя Ивана Васильевича в 1478 г. пожалована была им первая по времени грамота». Около того же времени казаки поставили, как указывает В. А. Потто, при впадении одного из рукавов Терека в море, на урочище Балкакова, крепкий городок с пристанью и обширным окопом в виде треугольника, почему он и «назывался Трехстенным» [Поммо, 1991, с. 176].

В середине XVI в. на Кавказе, кроме гребенцов, появилась еще одна община казаков – на Нижнем Тереке (впервые упоминается в 1563 г.). Судя по сведениям из дипломатической переписки о том, что «на Тереке волжские казаки громят» турецких гонцов, и о казаках, «которые Волгою приходят в Терку», нижнетерская община отпочковалась от волжских казаков, построила Трехстенный городок и прочно обосновалась в нем [Шамбаров, 2007, с. 84]. Многие города в начале своей истории, когда осваиваются периферийные районы, представляли собой суверенные общины из вчерашних отважных пионеров-колонистов, выходцев из разных мест, к каким и относили казаков. Инстинкт самосохранения требовал всеединства, сознательной организации и дисциплины.

Во второй половине XVI в. казаки овладели долиной Терека. Строители городков прекрасно чувствовали природу и умели использовать ее в своих целях. По свидетельству источников, почти все ранние городки страдали от весенних разливов рек. Городки не противостояли природе, а как бы вбирали ее в себя, становясь частью ландшафта, сливаясь с ним.

Если взглянуть на подробную карту «старой» России или только посмотреть полный список населенных мест по разным областям, можно заметить, как часто у нас встречаются в истории такие названия, как «городище», «город», «городок», «городец». Очень часто дореволюционные и современные историки искажали и подменяли название таких укреплений. Каждое такое название происходит от того, что на месте таких сел и деревень находились древние поселения, называвшиеся вообще городищами, которых в России насчитывается великое множество. Считалось, что в старину «городом» называлось всякое огороженное валом, тыном, стенами жилое место, служившее укрепленным центром более или менее значительного поселения. Населенные пункты, обнесенные более слабыми оградами, чаще всего одним тыном, назывались на Руси не городами, а острогами. Южное направление было самым уязвимым, поэтому здесь возводились целые линии укреплений.

Процесс создания оборонительной системы южных границ государства во всей ее совокупности был, естественно, длительным и требовавшим колоссального количества материальных и трудовых затрат. Укрепленные рубежи и города постепенно продвигались на юг. Как справедливо полагает профессор В. П. Даркевич в своей работе, посвященной происхождению и развитию древних городов в истории нашей страны, все города можно было разделить на политико-административно-правовые (города как средоточие властных структур); военные (особенно важно значение городов-крепостей, их стратегическая роль в южном лесостепном пограничье); культурные, с включением как религиозных, так и светских начал; ремесленные; торговые; коммуникационные

(расположенные на главных путях сообщения города, поддерживавшие международные связи, что ведет к взаимообогащению культур, так как города осуществляют контакты между отдельными территориями) [Даркевич, 1994, с. 43].

Строительство на юге России проводилось на огромной территории в течение двух столетий, что, естественно, привело к многообразию типов архитектурно-планировочных решений городов этого периода. Особенностью казачьих поселений был их военный характер. При строительстве своих городков-крепостей казаки, несомненно, использовали опыт, накопленный за многие века славянской и русской фортификационной культурой. Искусственные оборонительные сооружения в укрепленных поселениях сооружались преимущественно из земли и состояли из вала и образовавшегося при его насыпке рва. Каждое городское поселение обладало специфическими чертами, имело свое неповторимое лицо, в том числе и в низовьях Терека.

По мере расширения русской колонизации на Северном Кавказе казачество всё больше попадало под влияние московских воевод и постепенно утрачивало свою самостоятельность. Оно стало привлекаться на службу [Потто, 1991, с. 22]. Казаки контролировали торговые и стратегические пути, сопровождали посольства, помогали кабардинским и иным князьям – союзникам России, защищали возникшие городки и острожки от нападений турецких и иранских отрядов и пр. Взамен казаки получали порох, оружие, продовольствие [Великая, 2001, с. 45]. Переоформление казачества в военно-служилое сословие привело к продолжению строительства целого ряда городков, которые становились форпостами российской политики в регионе. Несмотря на некоторую лояльность терских казаков по отношению к царскому правительству, казачество постоянно пополнялось пришлым и бунтарским элементом. Появление на Тереке многочисленных потоков беглых людей из разных уголков России, прежде всего, было обусловлено внутривосточными факторами.

Но, несмотря на пеструю этнокарту «обживания» этих районов, первыми жителями городков в низовьях Терека были казаки, переход которых в последующем под юрисдикцию Российского государства и включение их в единую сословную систему изменили весь ход этнокультурных процессов в крае.

Баландин С. Н. Начало русского каменного строительства в Сибири // Сибирские города XVII – начала XX века. – Новосибирск, 1981. – 303 с.

Бентковский И. В. Гребенцы. – М.: Рус. типолит., 1889. – 300 с.

Васильев Д. Загадка старого Кизляра // Вопросы истории Дагестана. – 1974. – Вып. 1. – С. 38–45.

Великая Н. Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. – Ростов н/Д.: Изд. Рос. акад. образования, 2001. – 278 с.

Гарунова Н. Н. Кизляр в кавказской политике России в XVIII – первой половине XIX века // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2004. – № 1. – С. 15–19.

Гильденштедт Иоганн Антон. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. – СПб.: Петербург. востоковедение, 2002. – 160 с.

Голованова С. А. Региональные группы казачества Юга России: опыт системного анализа. – Армавир: ИЦ АГПИ, 2001. – 164 с.

Даркевич В. П. Происхождение и развитие городов древней Руси (X–XIII вв.) // Вопросы истории. – 1994. – № 10. – С. 43–60.

Заседателева Л. Б. Культура и быт русского и украинского населения Северного Кавказа в конце XVI–XIX вв. // Кавказский этнографический сборник. – М., 1984. – Т. 8. – С. 38–60.

Кравцов И. Очерк о начале Терского казачьего войска. – Харьков: [Б. и.], 1882. – 234 с.

Крупнов Е. И. Городище «Трехстенный городок» // СА. – 1935. – № 2. – С. 124–133.

Любавский М. К. Историческая география России. – М.: [Б. и.], 1909. – 222 с.

Невоструев К. И. Ундорское городище // Труды Первого археологического съезда Москвы (1869). – М., 1871. – Т. 1. – С. 547–549.

Нарожный Е. И. Историко-географические реалии Нижнего Поволжья и Терско-Сулакского междуречья рукописной карты 1720-х гг. // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – № 5. – С. 1–29.

Омельченко И. Л. Терское казачество. – Владикавказ: ИР, 1991. – 185 с.

Писарев С. Трехсотлетие Терского казачьего войска. 1577–1877. – Владикавказ: Тип. Тер. обл. правления, 1881. – 287 с.

Пономарев Ф. Материалы для истории Терского казачьего войска с 1559 по 1880 гг. // Военный сборник. – СПб., 1880. – № 10. – С. 351–352.

Попко И. Терские казаки со стародавних времен. – СПб.: [Б. и.], 1880. – VIII. – 500 с.

Потто В. А. Два века терского казачества (1577–1801). – Ставрополь: Кавк. б-ка, 1991. – Т. 1. – 340 с.

Шамбаров В. Казачество. История вольной Руси. – М.: Алгоритм, 2007. – 406 с.

THE QUESTION OF RUSSIAN APPEARANCE OF THE FIRST FORTRESS ON THE BANK OF THE TEREK

The article examines the key stages of the emergence Russian fortresses in the lower reaches of the Terek. Particular attention is paid to the history of fortresses “trójścienna town”, graters, which were based on the Russian turn of 16–17th centuries at the confluence of the Terek River to the Caspian Sea. It substantiates the idea that a feature of the Cossack settlements was their military nature. Considerable attention is paid to the process of renewal of the Cossacks in military service class, as it has led to the continuation of the construction of a number of towns, which became outposts of Russian policy in the region. In the article the problem of the relationship of the first fortresses to the place of the original settlement kazakov- pioneers in the lower reaches of the Terek River, on which there is no consensus in the historical literature.

Keywords: Terek, cossacks, towns, fortress, Russian, ataman, community, marina, village, people escaped.

УДК 904

Н. А. Мининков

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

РАСКОПКИ Ф. К. ТРАИЛИНА НА МЕСТЕ ПРЕДПОЛАГАЕМОГО КУРЕНЯ ЕМЕЛЬЯНА ПУГАЧЕВА

Член Статистического комитета Области войска Донского Ф. К. Траилин в 1896 и 1897 гг. вел раскопки сожженного куреня в станице Зимовейской. Этот курень будто бы принадлежал Емельяну Пугачеву. Такой вывод исследователь сделал на основании рассказов жителей станицы Потемкинской. В нем якобы во время Пугачевского восстания жила жена Пугачева Софья Недюжева. На этом месте были проведены раскопки и найдены следы пожарища и остатки печи, зола, дубовые и сосновые угли. Всё было занесено илом и песком. Траилин предполагал, что под полом этого дома могли скрываться драгоценности, которые награбил Пугачев и которые отвозили на Дон. Это предположение основывалось на преданиях донских казаков. В них говорилось о кладах, которые казаки зарывали под своими домами. Эти клады состояли из награбленных драгоценностей. Показания Софьи Недюжевой опровергают эти предположения.

Ключевые слова: Статистический комитет Области войска Донского, Ф. К. Траилин, Пугачевское восстание, станица Зимовейская, дом Пугачева.

Статистический комитет, созданный в 1839 г. в Новочеркасске, стал первым научным учреждением на территории Дона. В 1876 г. он был переименован в Областной войска Донского статистический комитет. С самого начала своего существования комитет развернул широкомасштабные и самые разнообразные исследования разных сторон жизни края, его природы, истории и культуры. Одним из направлений этих исследований стали история и археология донского казачества и территории Дона в целом.

Как правило, члены Статкомитета имели гимназическое образование. Специальное образования имели далеко не все из них. Но огромный интерес к прошлому Дона, как к древностям, так и к событиям новой истории, предопределял их деятельность, в том числе в области археологии. Одним из таких энтузиастов-исследователей был действительный член Статкомитета Федор Калинич Траилин (1837–1919).

Ф. К. Траилин родился в семье казака станицы Верхне-Курмоярской Второго Донского округа, служил в 17-м донском казачьем полку, был участником Крымской войны и войны на Северо-Восточном Кавказе на завершающем ее этапе. За время службы был произведен в урядники. За проявленную в боевых делах храбрость награждался медалями «За покорение Чечни и Дагестана 1857–1859», серебряной медалью «За службу на Кавказе» и бронзовой медалью «В память Восточной (Крымской) войны 1853–1856». В память об этих событиях Траилин подписывал некоторые публикации псевдонимом «Баклановец», поскольку служил под командованием знаменитого донского генерала Я. П. Бакланова, пользовавшегося исключительной популярностью в казачьей среде. После завершения военной службы Федор Калинич окончил педагогическое отделение новочеркасской гимназии.

С 1864 г. служил в Калмыцком окружном училище Земли войска Донского и был законоучителем и учителем русского языка. Уже тогда проявился его большой интерес к истории, культуре и быту донских казаков-калмыков, к разным сторонам прошлого, повседневной бытовой культуры и внутренней жизни Дона. На эти темы он стал публиковаться в печати, и после этих публикаций его в 1866 г. приняли в члены Статкомитета. В 1869 г., когда в Новочеркасске открылась публичная библиотека, Траилина назначили ее первым библиотекарем, что соответствовало должности заведующего библиотекой. Выступая как просветитель, он видел в новочеркасской библиотеке, прежде всего, учреждение, призванное развивать культуру населения края и способствовать вместе со Статистическим комитетом становлению в нем науки. С 1870 г., когда произошла реорганизация управления на Дону и Земля войска Донского была преобразована в Область войска Донского, Траилин был назначен редактором газеты «Донские областные ведомости», где в неофициальном отделе публиковалось немало исторических и литературных материалов.

Для Траилина была характерна широта исторических интересов, относящихся к Дону. Он по-своему решал вопрос о происхождении донского казачества, усматривая его корни еще во времена Дмитрия Донского и Куликовской битвы, допуская, что «предками» донцов были «казары», которые с нашествием монголов спрятались в донских плавнях и камышах, а после победы Дмитрия Донского на Куликовом поле вышли «с измененным названием “казаки” в поле». Атамана Ермака Тимофеевича Траилин считал донским казаком и до похода в Сибирь атаманом донского казачьего Каргальского городка [*О командировании...*, 1897–1899, л. 11]. Но для него был также характерен интерес к истории своей станицы и ближайших к ней донских казачьих станиц. Так, особый интерес исследователя вызывала жизнь, судьба и творчество знаменитого земляка, есаула из его родной станицы Верхне-Курмоярской Евлампия Никифоровича Кательникова, который, возвратившись на Дон после завершения войны с наполеоновской Францией, написал в 1818 г. историю своей станицы. Траилин знал, что есаул Кательников, как религиозный сектант, был разжалован и сослан в Соловецкий монастырь в 1826 г., откуда уже на Дон не возвратился. Когда в станице Верхне-Курмоярской была найдена рукопись, написанная Кательниковым в 1821 г. и посвященная освещению новой станичной церкви, Траилин опубликовал ее в 1877 г. в сборнике «Часовой», который он издавал, помещая в нем материалы по истории и культуре Дона [*О переходе...*, 1877, с. 38–41].

Еще одним выдающимся земляком Траилина был Емельян Пугачев, родившийся в соседней с Верхне-Курмоярской станице Зимовейской, которая находилась выше по Дону и после восстания под предводительством Пугачева была переименована в Потемкинскую. Известно, что после восстания существовал проект полной ликвидации станицы, из которой вышел повстанческий предводитель, и расселения казаков по другим станицам. В этом отношении самодержавие уже имело определенный опыт. Еще при Петре I после подавления Булавинского восстания был уничтожен целый ряд казачьих станиц по Северскому Донцу. Проект уничтожения станицы Зимовейской не был приведен в исполнение по ходатайству князя Г. А. Потемкина, но станица была переименована в честь этого знаменитого екатерининского фаворита, активно в тот период занимавшегося вопросами управления войском Донским и готовившего реформу этого управления. Кроме того, станица была перенесена с правого берега Дона на левый. В общем, в этом ничего необычного не было. Донские станицы по разным причинам меняли свое положение, о чем писал в истории Верхне-Курмоярской станицы Кательников, и такие причины связаны прежде всего с природными условиями. Значительно позже Траилин отмечал, что нынешние станицы по среднему течению Дона сидят уже на третьих местах, а некоторые на четвертых. В советское время станица была переименована в Пугачевскую. Еще раз она пережила перенос во время строительства Волго-Донского гидроузла и Цимлянской ГЭС. Ныне она находится на левом берегу Цимлянского водохранилища в составе Волгоградской области, тогда как родная станица Траилина, Верхне-Курмоярская, оказалась затоплена. И если к Кательникову Траилин относился с глубоким почтением, то Пугачева он воспринимал резко негативно.

Вскоре после начала восстания принадлежавший Пугачеву курень, в котором до своего ухода в 1772 г. в скитания он жил со своей женой Софьей Недюжевой, был сожжен. Однако старожилы станицы Потемкинской почти через 100 лет после этого события заявляли Траилину, что знают, где находилось это место. В 1869 г. один из них указал его Траилину. Тот хорошо запомнил это место, но не был вполне уверен, что потемкинские старожилы обладают достоверными знаниями по поводу места нахождения и сожжения пугачевского куреня. В записке в Статкомитет от 21 ноября 1898 г. сообщается о двух разведках летом 1896 и 1897 гг. на этом месте. Уже на глубине в один аршин, писал Траилин, им были обнаружены развалины печи, занесенные илом и песком. Кроме того, обнаружили зола, а также дубовые и сосновые угли, и в этом он видел свидетельство тому, что печь топилась. Появление на месте бывшего жилья с печью ила и песка неудивительно. Водный режим Дона до зарегулирования Цимлянской плотиной был очень неровным: весной могли быть значительные разливы реки из-за таяния снегов в ее верховьях, а летом немногочисленная река нередко сильно мелела. И то, и другое, но особенно разливы были бедствием для станиц и нередко оказывались причиной переноса станицы на новое место. Об этом Траилин, как местный житель, очень хорошо знал. По его сведениям, городище на месте бывшей станицы Зимовейской затоплялось высокими разливами Дона глубиной до двух аршин.

При раскопках были обнаружены отдельные части печи, сделанные из огнеупорного материала. Печь была изразцовая, а изразцы, или «кафли», без характерной для них глазури были матовыми. Как отмечал Траилин, подобные изразцы ему довелось видеть в коллекции Исторического музея в Москве, в отделе древностей

Херсонеса Таврического. Однако говорить что-то на этом основании о происхождении подобных печных изразцов он не стал [*О командировании...*, 1897–1899, л. 12].

Траилин сделал предположение, что дальнейшие раскопки в этом месте, под печью, могут дать на глубине двух-трех аршин новый материал. Это, по его мнению, могли быть или какие-либо «древности», или вообще «место хранения награбленного Пугачом золота, серебра и драгоценных камней». Дальнейшие раскопки в глубину им не проводились. Но о возможности наличия на этом месте пугачевского хранилища для награбленных драгоценностей он говорил на основании «легенды», ходившей среди местного казачьего населения. Траилин писал, что в конце городища находится курган, который жители Потемкинской станицы называют Золотым. Такое название объяснялось тем, что среди местных казаков ходили слухи о наличии внутри кургана особого каменного погребца, в котором будто бы складывались привозившиеся от Пугачева с Волги награбленные драгоценности, которые отбирались восставшими и яйцкими казаками во время грабежа помещиков.

Это предание Траилин воспринял как источник информации о наличии клада от Пугачева на территории прежнего расположения станицы, но подошел к нему критически. При исследовании кургана он не выявил следов каких-либо сооружений в нем. Но сооружений в этом кургане, отмечал он, и не могло быть, поскольку насыпь состояла из песка. Кроме того, курган располагался в некотором отдалении, и для хранения драгоценностей потребовалась бы, как полагал исследователь, стража, «которой Пугач не мог иметь в городке» [*О командировании...*, 1897–1899, д. 12 об.]. В то же время Траилин доверял сообщению легенды о складывании в станице награбленных Пугачевым богатств. Но местом их хранения он считал вовсе не Золотой курган, а его курень, в котором якобы всё еще проживала жена Пугачева. В доказательство он приводил некоторые бытовые стороны казачьей жизни, которые хорошо знал и о которых слышал от казаков. По его словам, казаки еще в далеком прошлом, когда они могли самостоятельно совершать боевые походы против турок и татар, морские и сухопутные, привозили из этих походов награбленное золото, серебро и драгоценные камни. Всё это они прятали в землю и зарывали или у себя во дворах, или вообще в куренях. Отсюда, подчеркивал он, у казаков имелось расхожее выражение: «горшок под печкою зарыл с деньгами». Такие клады назывались им «наследственными», поскольку они предназначались для передачи по наследству [Там же, л. 13].

Поэтому Траилин вполне допускал, что клад драгоценностей, награбленных Пугачевым и привезенных в станицу, находился в его курене, только еще глубже. По его мнению, появление в курене глубоко под полом таких драгоценностей происходило тогда, когда их привозили в станицу «гонцы» от Пугачева, а Софья Недюжева зарывала их под полом. Таким образом, данную версию Федор Калинич считал недоказанной, но в пользу нее приводил собственные соображения, основанные на знании местных преданий и традиций. Тем самым он призывал продолжить исследование этого места, которое он считал сожженным пугачевским куренем, но которое он сам так далее и не исследовал. Письменных подтверждений подобной версии также не имеется.

Также, говоря о сгоревшем доме на месте прежнего расположения Зимовейской станицы как о доме, принадлежавшем Пугачеву, Траилин не вышел за пределы предположения. Вместе с тем из показаний Софьи Недюжевой, взятых на допросе, происходившем незадолго до 13 февраля 1774 г. в крепости Святого Димитрия Ростовского, известно, что дом, где жил Пугачев до своего ухода в октябре 1772 г., в самом деле был сожжен. Но до того, по ее показаниям, после ухода мужа она из-за нужды продала этот дом на слом казаку Есауловской станицы Ереме Евсееву за 24 руб. 50 коп. Евсеев разобрал дом, перевез детали в Есауловскую и поставил дом у себя. Но после того как началось восстание, этот дом был «особою командою паки в Зимовейскую станицу перевезен, и на том же месте, где он стоял и они жили, сожжен». Кроме того, как она говорила на допросе, был сожжен также их хутор, расположенный недалеко от станицы Зимовейской [*Дон и Нижнее Поволжье...*, 1961, с. 40]. Таким образом, показания Софьи Недюжевой опровергают версию местных жителей, приведенную и поддерживавшуюся Траилиным, о возможности нахождения под полом дома Пугачева в Зимовейской драгоценностей, награбленных Пугачевым и его казаками. Ко времени восстания Недюжева уже в этом доме не жила, и дом вообще стоял уже совсем на другом месте. Сожжение дома представляло собой акцию своеобразной мести Пугачеву и восставшим со стороны властей и призвано было лишний раз запугать тех казаков, которые готовы были бы поддержать восставших в случае появления их в пределах Земли войска Донского. Едва ли у Пугачева как у предводителя массового движения, выдававшего себя за самодержавного императора Петра III, были основания что-то посылать жене. К тому же, как совершенно справедливо отмечал В. Я. Мауль, брак Емельяна Пугачева и Софьи Недюжевой вовсе не был благополучным [Мауль, 2014, с. 336–349], тем более это относится к периоду восстания, когда само наличие брака с казачкой могло только компрометировать «Третьего императора».

Таким образом, раскопки Ф. К. Траилина на самом деле не имели никакого отношения к археологии Пугачевского восстания. Вместе с тем сделанные им находки всё же дают представление об отдельных сторонах быта донских казаков, особенностях устройства печи в их доме. Сам Траилин какой-либо археологической подготовки не получил, а начатые раскопки до конца не довел, поэтому и оценивал их невысоко, называя «некоторыми опытами для археологических розысков» [*О командировании...*, 1897–1899, л. 12], следовательно, считал необходимым продолжать раскопки, несомненно, в том же месте, однако в силу ряда обстоятельств не сумел их провести. Тем не менее даже такие ограниченные раскопки способствовали оживлению интереса к истории родной станицы Емельяна Пугачева и к событиям на Дону во время восстания под его предводительством.

О командировании членов комитета И. В. Тимошенко и Ф. К. Траилина для собирания статистических сведений о землевладении и хлебных грузах. 1897, декабря 31 – 1899, август // ГАРО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 486. 57 л.

Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 годов. – Ростов н/Д. : Изд-во РГУ, 1961. – 232 с.

Мауль В. Я. Софья Недюжева, или Судьба жены второго плана на фоне русского бунта // Слава и забвение: парадоксы биографики : сб. науч. ст. / отв. ред. Л. П. Репина. – СПб., 2014. – 544 с.

О переходе станицы Верхне-Курмоярской и постройке церкви (с рукописи 1821 года найденной в станичном архиве) // Часовой. Донской сборник. Труды любителей донского прошлого и современного быта. Изд. Ф. Траилина. – Новочеркасск, 1877. – Вып. 2. – С. 38–41.

N. A. Mininkov

Southern Federal University, Rostov-on-Don

F. K. TRAILIN EXCAVATIONS ON THE SITE OF THE ALLEGED HOUSE OF EMELIAN PUGACHOV

Member of the Statistical committee of Region Donarmy F. K. Trailin conducted the excavations of burned houses in the Cossack village Simovejskaja. This house supposedly belonged to Emelian Pugachov. This conclusion he did based on the stories of the residents of the Cossack village Potemkinskaja. It is said during the Pugachev revolt lived Pugachevs wife Sophia Nedjusheva. At this place he excavated the area and found traces of conflagration, and the remains of the furnace, ash, oak and pine embers. Everything was covered with silt and sand. Trailin assumed, that under the floor of this house could be hiding the jewels, looted Pugachev, and which were taken to Don. This assumption was based on the traditions of the Don Cossacks. They talked about the treasures, that the Cossacks were buried under their houses. These treasures consisted of stolen jewelry. Testimonies of Sophia Nedjusheva refute these assumptions.

Keywords: Statistical committee of Region Donarmy, F. K. Trailin, Pugachev revolt, Cossack village Simovejskaja, house of Pugachov.

УДК 94+902/904+394

Э. В. Камалеев

Институт этнологических исследований УНЦ РАН, Уфа

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ БАШКИРИИ XVI–XVIII ВЕКОВ

Наступление периода раннего Нового времени на вотчинных территориях кочевых башкир во второй половине XVI в. связано с переселением русских, татар, марийцев, удмуртов и других народов из западных районов России. Значительное внимание медиевистов было обращено к историко-архивному исследованию Уфимской крепости XVI в., истории Солеварного городка и Бирской крепости XVII в. Благодаря проведению этнографо-археологических исследований на территории Башкирии были выявлены довольно значимые исторические объекты периода раннего Нового времени – с. Никольское, Вознесенская пустынь и с. Архангельское. Комплексное историко-археологическое изучение указанных объектов является ключевым вопросом в исследованиях периода Нового времени на Южном Урале.

Ключевые слова: раннее Новое время, Башкирия, гончарная керамика, летовка, культурный слой, стратиграфия.

Для западноевропейских государств, равно как и для европейской части России, хронологическим маркером окончания периода Средневековья и наступления эпохи Нового времени является период конца XV – начала XVI вв. [Всемирная история, 2013]. Для территории восточной части России, где преобладал кочевой и полукочевой образ жизни, по мнению медиевистов, «...Восток в силу своих территориальных и демографических показателей гораздо дольше, чем Запад, сохраняет элементы Средневековья» [Раннее Новое время, 2014, с. 348].

На территории современной Республики Башкортостан коренное население – башкиры – в XVI–XVIII вв., хотя и занималось земледелием [Кузеев, 1978, с. 21–22, 63], всё же продолжало вести кочевой и полукочевой образ

жизни, сохраняя характерные элементы материальной культуры. Наряду с кочевническими традициями, западные и северо-западные районы современной Башкирии оказались вовлечены в колонизационные процессы, связанные с переселением в XVI в. русских, татар, марийцев, мордвы и других поволжских народов.

Отражением процессов взаимодействия этих переселенцев и появления «новых» элементов материальной культуры в XVI в. являются культурные слои первых русских поселений. Основным массовым археологическим материалом в эпоху раннего Нового времени XVI–XVIII вв., а также в последующий период на территории Башкирии становится поливная и неполивная гончарная посуда окислительного и восстановительного обжига, фаянсовая и фарфоровая посуда, различные металлические изделия, использовавшиеся в хозяйстве, стеклянная посуда и др.

Точечные археологические исследования на территории многочисленных памятников башкир в Зауралье фиксируют либо полное отсутствие предметов в культурном слое, либо наличие малочисленных находок. В качестве примера приведем исследования Г. Н. Гарустовича в период 1995–1997 гг. на территории Хайбуллинского района РБ, в результате которых были выявлены и частично изучены около 15 объектов, именуемых как земляные ограды, каменные выкладки и стоянки XVI–XIX вв. [*Свод археологических памятников Республики Башкортостан*, 2004, с. 123, 147–148].

На полностью исследованном Г. Н. Гарустовичем в 1995 г. памятнике «Макан-5, стоянка» была вскрыта ограда неправильно-овальной формы длиной 8,5 м, шириной 5–5,5 м, шириной стен до 1,2 м, вытянутая по линии СЗ – ЮВ. На всей территории раскопа площадью 130 кв. м был выявлен лишь зольник на глубине 0,25 м мощностью 0,25 м и несколько мелких обломков костей животных. По словам местных жителей, памятник является башкирской летовкой (яйляу) XVII–XVIII вв.

На другом памятнике, «Макан-4а, стоянка», при изучении подквадратного котлована площадью 2,5 × 2,5 м глубиной до 0,15 м были зафиксированы две пары столбовых ямок, а на глубине 0,6 м была найдена монета 1813 г. Комплекс интерпретирован как башкирская летовка. На памятнике «Петропавловский-7, земляная ограда» была исследована кольцевая земляная обваловка диаметром 9 м и высотой 0,25 м с неглубоким ровиком по внешней стороне. В центре площадки выявлено кострище, за пределами ровика – мусорная яма с остатками деревянного столба. Находки представлены костями животных, кусками глиняной обмазки и медной монетой 1832 г. Сама ограда, по мнению автора, является обваловкой основания юрты на летовке.

Слабая насыщенность культурного слоя находками на исследованных объектах XVI–XIX вв. в Хайбуллинском районе РБ, очевидно, связана с кочевым образом жизни башкир. Основу их быта и хозяйства составляли предметы, изготовленные из дерева, кожи и шерсти, в частности домашняя утварь, элементы конской сбруи, трудно выявляемые или не сохранившиеся в культурном слое.

Возвращаясь к вопросу о периодизации, следует вывод о том, что критерии перехода от Средневековья к Новому времени, выработанные для западноевропейской истории, не совсем характерны для территории кочевых башкир. На примере изучения русских поселений раннего Нового времени XVI–XVIII вв. становится ясно, что часть территории Башкирии, освоенная пришлыми земледельческими народами, с середины XVI в. всё же оказалась в русле масштабных изменений. Данный тезис подтверждается в археологических исследованиях первых русских городов и населенных пунктов, в которых мощность культурного слоя и его насыщенность предметами материальной культуры наиболее ярко свидетельствуют о наступлении нового исторического этапа.

В изучении населенных пунктов XVI – первой половины XVIII вв. в Башкирии особое внимание уделялось историко-архивному исследованию Уфимской крепости, основанной в последней четверти XVI в., Солеварному городку и Бирской крепости второй половины XVII в. [*Буканова*, 1993; *Буканов*, 2010].

Строительство и освоение территорий указанных населенных пунктов началось еще в XVI в. Об этом свидетельствуют, например, архивные данные о Вознесенской пустыни второй половины XVI в., в которой проживало монашество, занимаясь также вывариванием соли на р. Усолке. На берегах той же реки во второй половине XVII в. возник Солеварный городок [*Камалеев*, 2017].

Официальная история Бирской крепости берет свое начало в 1663 г., когда на месте дворцового с. Архангельского в XVI в. началось строительство укрепленного поселения. Наличие села было вызвано необходимостью иметь перевалочную пристань на водном переходе по р. Белой между центральной частью Башкирии до впадения в Каму.

Важность местоположения с. Архангельского, очевидно, побудила русское правительство к строительству крепости на этой территории. Следует отметить, что расстояние между первыми ключевыми русскими поселениями в Башкирии второй половины XVI – начала XVII вв., а именно Вознесенской пустыни, Уфимской крепостью, с. Архангельское и далее до Камы, соответствовало однодневному переходу и не превышало 100–150 км [*Камалеев*, *Ахатов*, 2015, с. 48].

Робкие попытки проникновения пришлого населения в центральные районы Башкирии в XVI в. связаны с созданием инфраструктурных предпосылок для закрепления новых восточных территорий и продвижения в рудные районы Южного Урала в XVIII–XIX вв.

Археологические исследования русского культурного слоя периода раннего Нового времени на территории Башкирии находятся на начальной стадии и связаны с обобщением полученных ранее материалов и пополнением источниковой базы. Направленные археологические исследования по изучению культурного слоя XVI–XVII вв. на территории Бирской крепости отсутствуют, осложнены они также плотной частной и многоэтажной застройкой современного Бирска. Однако в 2007 г. сотрудниками НИЦ «Наследие» по заказу Министерства строительства,

архитектуры и транспорта РБ проведены работы по определению зоны охраны объектов культурного наследия Бирска. В частности, на основании рекогносцировочного шурфа и натурных исследований определены границы культурного слоя XVII–XX вв. Мощность культурных напластований в исторической части достигала 0,85 м [Савельев].

Исследованиями В. В. Гольмстен, датированными далеким 1910 г., были выявлены валы и определены границы Солеварного городка XVII вв. (ныне территория санатория «Красноусольский», Гафурийский район РБ), однако локализовать местоположение Вознесенской пустыни XVI в. автору всё же не удалось [Гольмстен]. В этой связи одним из перспективных направлений археологического изучения раннего Нового времени на территории Башкирии являются разведочные натурные работы по выявлению культурного слоя XVI в. с. Архангельского (ныне Бирск) и Вознесенской пустыни.

На территории Уфимской крепости XVI в. работы проведены А. И. Лебедевым в 1988 г. и Н. Н. Григорьевым в 2015 г. Материалы 1988 г. не были систематизированы и не опубликованы по сей день. Их использование возможно лишь в качестве общего анализа культурного слоя Уфимской крепости XVI–XVIII вв. Раскопки проводились на восточном склоне мыса, где переотложение грунта и поверхностных напластований не дают возможности выделения четко стратифицированного культурного слоя.

Единственными на данный момент систематизированными сведениями об археологическом культурном слое XVI в. Уфы являются материалы шурфов 2015 г. научного сотрудника научно-производственного центра по охране недвижимых объектов культурного наследия РБ Н. Н. Григорьева. Публикуя их, автор указывает мощность культурного слоя около 2,4 м и техногенный характер культурных напластований вплоть до 8-го горизонта (около 2 м).

Более 50 % (около 26) фрагментов всех керамических изделий были найдены на уровне 9-го и 10-го горизонтов (2–2,4 м) и представлены керамикой как окислительного, так и восстановительного обжига, косвенно свидетельствующих о раннем этапе изготовления гончарной посуды. Несмотря на сложность определения стратиграфии культурного слоя Уфимского кремля, автор отмечает необходимость комплексного изучения этого памятника [Григорьев, 2016, с. 15].

В ходе проведения историко-архивных и натурных археологических изысканий на территории Башкирии был выявлен перспективный объект этнографо-археологических исследований XVI–XVIII вв. – с. Николо-Березовка Краснокамского района РБ (ранее с. Никольское, Березовка). На основании «Книги письма и дозора Тимофея Бутурлина да подьячего Алексея Грибоедова 154 г. (1646 г.)» численность населения с. Никольского составляла 380 чел. мужского пола, проживавшего в 140 дворах [Покровский, 1909, с. 106]. В то же время (в начале XVII в.) в Уфимской крепости (ныне Уфа) проживало 279 жителей [Синенко, 2002, с. 16], а в 1635 г. – 702 чел. в 66 дворах [Ефремов, 1913, с. 9].

Учитывая единовременность возникновения с. Никольского и Уфы, численность населения обоих населенных пунктов в конце XVI – начале XVII вв. можно считать вполне сопоставимой. Перспективы исследования культурного слоя с. Никольского, на наш взгляд, предпочтительнее исследований Уфимского кремля по нескольким причинам.

Во-первых, появление первых переселенцев-крестьян с территории Поморья и верховьев Камы носило мирный характер и связано с необходимостью приобретения или аренды пашенных земель для занятия земледелием. На протяжении своей истории село не имело статуса города или укрепленного поселения с фортификационными сооружениями. Крестьянский быт населения с. Никольского, возможно, окажется значительно перспективнее в плане изучения материальной культуры русских на раннем этапе, нежели ограниченный хозяйственный быт военного населения крепостей.

Во-вторых, натурные исследования на территории села выявили переотложение поверхностного слоя грунта на глубине 1-го и 2-го горизонтов, тогда как культурный слой села, связанный с ранним этапом его существования, в значительной степени сохранился без изменений и связан с хозяйственной деятельностью населения.

Таким образом, вторая половина XVI в. является переломным периодом в истории Южного Урала. Колонизация восточных территорий населением западных районов России, в частности русскими, татарами, удмуртами, марийцами, отразилась на хозяйственном укладе, материальной культуре, что находит отражение в культурном слое поселений XVI–XVIII вв. Мирный характер освоения башкирских вотчинных земель в XVI в. сменился довольно агрессивной политикой русского правительства, результатом которой стало масштабное строительство крепостей в Башкирии XVII–XVIII вв. Основа для этого была заложена в XVI столетии со строительством первых русских поселений на этой территории, археологическое изучение которых является ключевым вопросом в исследованиях периода Нового времени на Южном Урале.

Гольмстен В. В. Отчеты о произведенных археологических раскопках в 1910, 1911 и 1912 гг. на Чертовом городище, на могильнике близ него и на месте близ Вознесенского монастыря на р. Усолке (в Гафурийском районе) // Научный архив Уфимского научного центра РАН (НА УНЦ РАН). Ф. 3. Оп. 5. Д. 32.

Савельев Н. С. Проект зоны охраны объектов культурного наследия города Бирск : в 2 т. // Архив Государственного бюджетного учреждения культуры «Научно-производственный центр по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия Республики Башкортостан при Министерстве культуры Республики Башкортостан».

Бужанова Р. Г. Города и городское население Башкирии в XVI–XVII вв. – Уфа : Китап, 1993. – 86 с.

- Буканова Р. Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. – Уфа : Китап, 2010. – 264 с.
- Всемирная история : в 6 т. – Т. 3 : Мир в раннее Новое время. – М. : Наука, 2013. – 854 с.
- Григорьев Н. Н. Об итогах проведения археологической разведки на территории Уфимского кремля // Река времени. 2016. К 400-летию Смоленского собора Уфы. – Уфа, 2016. – С. 8–15.
- Ефремов В. А. Из истории Уфимского края. Уфимский край в конце XVI и в XVII вв. – Уфа : [Б. и.], 1913.
- Камалеев Э. В. Русская крепость Табынск и его окрестности: к вопросу о колонизации центральной части Башкирии в XVI–XVIII вв. // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. – Уфа, 2017. – Т. 22, № 1 (85). – С. 20–28.
- Камалеев Э. В., Ахатов А. Т. Историко-археологическая характеристика культурного слоя с. Николо-Березовка XVI–XX вв. // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность. – Уфа, 2015. – С. 45–52.
- Кузеев, Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. – Уфа : Башк. кн. изд-во, 1978. – 264 с.
- Покровский И. М. К истории помещного и экономического быта в Казанском крае в половине XVII в. // Ученые записки Казанского университета. – Казань, 1909. – Т. 76, кн. 7–8. – С. 85–107.
- Раннее Новое время и «Всемирная история» : в 6 т.: размышления над страницами третьего тома (материалы круглого стола, состоявшегося в Институте всеобщей истории РАН 11–12 декабря 2013 г.) // Средние века. – М., 2014. – Вып. 75(3–4). – 658 с.
- Свод археологических памятников Республики Башкортостан, выявленных в 1987–2000 годах. – Уфа : Информреклама, 2004. – № 303. – 184 с.
- Синенко С. Г. Город над Белой рекой: краткая история Уфы в очерках и зарисовках: 1574–2000 гг. – Уфа : Башкортостан, 2002. – 183 с.

E. V. Kamaleev

Institute of Ethnological Research the Ufa Scientific Centre, RAS

STUDY OF EARLY MODERN PERIOD ARCHEOLOGICAL SITES IN BASHKIRIA IN 16–18th CENTURIES

The beginning of Early modern period in the patrimonial lands of nomadic Bashkirs in the second half of the 16th century was closely related to the migration of Russian, Tatar, Mari, Udmurt and other peoples from Western regions of Russia. Considerable attention has been devoted by medievalists to historical and archival research of Ufa fortress of the 16th century and the history of Solevarniy town and Birk fortress of the 17th century. Thanks to conducted ethnographic and archaeological researches in the territory of Bashkortostan, there have been revealed some fairly significant historical sites of Early modern period – the village of Nikolskoye, Voznesenskaya hermitage and village Arkhangelskoe. A complex historical and archaeological study of the above mentioned sites is a key issue in the research of Early modern period in the Southern Urals.

Keywords: Early modern history, Bashkortostan, pottery, summer pasture, cultural layer, stratigraphy.

УДК 904

С. Г. Росляков, А. В. Шаповалов

Новосибирский государственный краеведческий музей

СУЗУН-ЗАВОД: РЕЗУЛЬТАТЫ АРХИВНЫХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МЕДЕПЛАВИЛЬНОГО ЗАВОДА И МОНЕТНОГО ДВОРА (заводская крепость)

В 2011 г. исследовательской группой Новосибирского государственного краеведческого музея и Сибирского музейного агентства проводились исследовательские и проектные работы для создания музейно-туристического комплекса «Сузун-завод и монетный двор». Сузунский медеплавильный завод и монетный двор были построены как часть Кольвано-Воскресенских заводов в 1764 г. С 1765 г. на единственном за Уралом монетном дворе выпускали особую сибирскую монету из знаменитой сибирской золотистой меди, а с 1787-го по 1847 г. здесь чеканились медные монеты единого российского образца. В результате архивных изысканий и археологических раскопок на территории бывшего Сузунского медеплавильного завода и монетного двора получены новые материалы по истории сибирского деревянного строительства, в том числе о конструкции крепостных сооружений.

Цель исследования – выяснение структуры оборонительных сооружений заводского комплекса и их конструктивных особенностей, его основной метод – перекрестная верификация письменных, картографических источников и данных археологических раскопок. В результате работ выяснилось, что заводская крепость была построена в виде неправильного четырехугольника, ограждавшего все заводские строения. Внутри крепости были возведены дополнительные стены, окружавшие монетный двор. Все крепостные стены построены в технике «заплот» (стена из горизонтального ряда бревен, концы которых укреплены в специальных пазах вертикально стоящих столбов). Длина пролета стены – 5 м. Высота стен заводской крепости – 2,5–3 м. Судя по полученным данным, крепостные стены Сузунского медеплавильного завода были достаточно мощным фортификационным сооружением, построенным с учетом инженерных и градостроительных правил своего времени.

Ключевые слова: Сузун, крепость, крепостная стена, археологические исследования.

С начала XVIII в. в Сибири постепенно вводятся принципы регулярного градостроительства [Крадин, 1988, с. 66–67]. На протяжении первой половины XVIII в. при строительстве острогов и форпостов на южной границе Сибири использовались «заведенные планы и наказы», предписывавшие организацию ведения работ в зависимости от конкретных географических и климатических условий, а также размеры, конфигурацию внешних укреплений и планировку строений внутренних сооружений. Еще более жестко регламентировалось строительство во второй половине XVIII в., особенно при постройке Колывано-Воскресенских заводов. Теперь письменный «наказ» заменили точные планы и профессиональные чертежи, на смену умельцам и опытным плотникам пришли специалисты – строители и инженеры. Однако оборонительным сооружениям заводов, считавшихся «крепостями», уделялось не столь пристальное внимание. Конечно, их строили по утвержденному плану, но конструктивно они повторяли острожные строения, а в некоторых случаях даже уступали им по фортификационной надежности.

Конструкции оборонительных сооружений заводов практически не попадали в поле зрения историков и специально не изучались. При наличии многочисленных планов, чертежей и достоверных письменных источников всё казалось и так достаточно ясным, но детальное исследование этих сооружений позволяет выявить не только новые исторические свидетельства об оборонной архитектуре, но и оказывается чрезвычайно полезным при реконструкции и музеефикации объектов индустриального наследия.

В 2011 г. исследовательской группой Новосибирского государственного краеведческого музея и Сибирского музейного агентства под руководством А. В. Шаповалова проводились подготовительные исследовательские и проектные работы для создания музейно-туристического комплекса «Сузун-завод и монетный двор». В ходе работ, включавших архивные изыскания и археологические раскопки на территории бывшего Сузунского медеплавильного завода и монетного двора, получены новые материалы по истории сибирского деревянного строительства, в том числе о конструкции крепостных сооружений.

Цель работы – выяснение структуры оборонительных сооружений заводского комплекса и их конструктивных особенностей. Основным методом исследования – перекрестная верификация письменных, картографических источников и данных археологических работ.

Сузунский завод и монетный двор были построены как часть Колывано-Воскресенских заводов в 1764 г. С 1765 г. на единственном за Уралом монетном дворе выпускали особую сибирскую монету из знаменитой сибирской золотистой меди, а с 1787-го по 1847 г. – медные монеты единого российского образца.

В 1764 г. на р. Нижний Сузун была возведена плотина, образовавшая пруд, вода которого приводила в движение водоналивные механизмы завода. Сам завод и рабочий поселок при нем строились по регулярному плану, который до сих пор является основой планировочной структуры центральной части р. п. Сузун. Строительство шло по известным образцам: монетный двор создавался аналогично Екатеринбургскому, а медеплавильный завод – закрытому в 1759 г. Колыванскому. Из-за пожаров и наводнений, а также в связи с появлением новой техники сооружения завода неоднократно перестраивались, но в целом его планировочная структура оставалась неизменной. Основным заводским сооружением была собственно заводская крепость, расположенная под плотиной. Все Колывано-Воскресенские заводы строили в виде крепостных оборонительных сооружений, так как в первой половине XVIII в. еще существовала опасность нападения кочевников. Позже крепостные сооружения создавали по традиции, а также для предотвращения воровства и бегства рабочих. Названия «крепость» и «оплот» сохранялись за заводскими оградами до начала XIX в.

Сведений о конструкции крепостных стен начального периода в письменных источниках не обнаружено. В 1771 г. завод посетил академик П. С. Паллас. Согласно его описанию, «заведенный ныне монетный двор окружен высоким острогом четвероугольником сделанным и у входа оного стоит караул» [Паллас, 1786, с. 410]. И. П. Фальк, посетивший завод в этом же году, сообщает, что «на заводе находятся плавильня и монетный двор. Оба составляют общий, но раздельный двор» [Фальк, 1824, с. 502]. Далее он упоминает, что палисадом окружена заводская слобода [Там же, с. 503].

Сохранился блок планов, рисунков и чертежей завода, относящихся к 1798–1800 гг., 1835 и 1848 (?) гг. [Воротникова, Шаповалов, 2015] и дающих прекрасное представление о планировочной структуре «крепости». Это

стена, возведенная в виде неправильного четырехугольника, окружавшая все заводские строения. Главная длинная сторона стены проходила по гребню плотины, начинаясь у первого сливного канала, и тянулась до последней улицы поселка (ныне ул. Фурманова). Здесь к ней под прямым углом примыкала еще одна прямая стена, которая продолжалась до современной ул. Старикова. Еще одна длинная стена проходила вдоль ул. Старикова и упиралась в водоотводный канал. Крепостная стена построена в виде ломаной линии, повторяющей рельеф высокой береговой террасы бывшего русла Пивоварки. С четвертой стороны, от реки, стены не было. Достаточными препятствиями служили укрепленные рядами берега двух водоспусков, но в месте перехода их в широкое и мелкое русло они продолжались стенами, тянувшимися вдоль обоих берегов.

Внутри описанной была выстроена еще одна крепость, огораживавшая монетный двор. В плане это четырехугольник, образованный примыкавшими к общей стене крепости еще двумя дополнительными стенами, четвертую стену составляла высокая конструкция капитального ларя, разделявшего собственно монетный двор и медеплавильный завод. В крепость вели трое ворот. Ворота монетного двора выходили на пустынный полуостров, образованный рекой и водосливным каналом. Через прорезы и каналы были перекинута мосты, по которым можно было попасть на территорию медеплавильного завода. Рядом с этими воротами стояла караульная будка с круглосуточной охраной. Покинуть заводскую территорию или войти на нее можно было только через двое основных специальных ворот, которые вели к разным жилым районам поселка.

В крепостную стену со стороны плотины было врезано несколько административных зданий, в одном из них – заводской конторе был сквозной проход из завода к кварталу чиновников. Судя по всему, они пользовались этим входом на завод.

На цветном рисунке 1798 г. изображены заводские фабричные строения, обнесенные по периметру «оплотом». В южной стене, имеющей ломаные очертания, расположена башня с воротами. При сравнении крепостной стены с рядом стоящими зданиями можно примерно определить ее высоту – около 2,5–3 м. Крепостная стена монетного двора также изображена в виде заплота, однако более высокого, чем внешние стены заводской стены. На другом рисунке того же времени въездная башня отсутствует. В плане ремонтных и строительных работ, составленном после наводнения 1800 г., также значится «оплот» вокруг монетного двора. На плане 1935 г. «крепостная ограда», стены, обращенные к дамбе и к реке, изображены в виде прямой линии, а противоположные стены – в виде линии точек или насечек. Возможно, что эти обозначения различают стену в виде заплота и стену типа частокола.

В немногочисленной литературе по Сузунскому заводу эти сведения никак не учитываются, более того, приводятся совершенно другие данные. Так, в единственной монографии, посвященной заводу, упоминается о «крепости, обнесенной частоколом». «Монетный двор был обнесенный деревянной стеной длиной 54, шириной 29 и высотой 3 сажени. Из него были только одни ворота, снаружи которых стояли караулка и гауптвахта» [Маслениковский, 2006, с. 17].

Согласно планам и фасадам зданий, построенных в Сузунском заводе, например «конюшни с прислугами» и пильной, заплотная техника строительства стен хозяйственных помещений и оград была принята в заводской архитектуре, по крайней мере, на рубеже XVIII–XIX вв. Заплот широко применялся в строительной технике в Сибири. Стены такого типа имели Саянский острог, Бикатунская крепость, Ялаторовская слобода и др. [Кабо, 1949, с. 102–103; Резун, 1989, с. 101, 105; 8, с. 24, 63; Скобелев, Шаповалов, 1995, с. 141]. Строительство укрепленных линий в середине XVIII столетия на юге России также ориентируется преимущественно на этот прием [Ласковский, 1858, с. 106–107].

Конструктивные детали крепостной стены Сузунского медеплавильного завода обнаружены при археологических исследованиях на месте бывшего завода, которые проводились в 2010–2012 гг. [Шаповалов, Росляков, 2013]. Территория исследований находится в центре р. п. Сузун, проходит вдоль главной улицы – Ленина. Большая часть памятника в настоящее время застроена современными строениями разных собственников. В 2011 г. вдоль плотины были разбиты два раскопа общей площадью 300 кв. м. Раскоп № 1 заложен на территории монетного двора на юго-западном склоне насыпи плотины и на ее подошве. В верхней части насыпи плотины выявлены остатки деревянных конструкций: доски, бревна, расположенные вдоль плотины, а также столбы, скорее всего являющиеся фрагментами конструкций крепостной стены завода. Раскоп № 2 заложен в месте расположения медеплавильного завода на юго-западном склоне насыпи плотины. После снятия верхних слоев шлака, слоя ила и залегающих под ним пластов шлаков выявлен материк – желтый суглинок заполнения тела плотины, спускающийся к подошве широкими ступенями.

На всем участке раскопа выявлены остатки основания (сохранились три венца из сосновых бревен) деревянной стены, окружавшей медеплавильную фабрику (рис. 1: 1, с. 230). Зачистка нижнего слоя показала, что обнаруженная стена была установлена поверх мощного слоя ила. Перед ее возведением поверхность была тщательно выровнена. В ней выкопаны четырехугольные ямы глубиной до 0,8 м под вертикальные опорные столбы. Шесть обнаруженных опорных столбов ограды, квадратных в сечении, со сторонами 0,4 м, имеют с двух боковых сторон прямоугольные пазы шириной 0,06 м и глубиной до 0,1 м. К пазам с двух сторон подходят бревна, в которых выпилены соответствующие пазам шипы (рис. 1: 2, 3). Три венца бревен сохранились очень хорошо, и удалось измерить их диаметр – 0,26–0,28 м. Длина продольных бревен, определяющих расстояние пролетов стены, – около 5 м. Под нижние бревна у их краев, примыкающих к столбам, были уложены поперечные деревянные плахи

и крупные доски для выравнивания нижнего уровня горизонта (рис. 1: 4). Такие плахи со следами спилов и затесов были зачищены под каждым концом бревен. На верхнем бревне одного из участков зафиксировано хорошо сохранившаяся деревянная планка длиной 3 м и шириной 0,06 м, с трапециевидными выпилами сверху (рис. 1: 1). Судя по расположению обнаруженных бревен, а также их конфигурации, это остатки деревянной крепостной стены, выполненной в технике заплота.

В результате исследований выявлены факты починки крепостной стены (рис. 1: 3). Некоторые столбы укреплены при помощи клиньев, вбитых у их основания. У одного из бревен с южной стороны паза не было, но с боковой части (внутренняя часть ограды) к нему примыкал клиновидный опорный кол, плотно забитый в землю, – судя по всему, результат починки ограды. Один вертикальный опорный столб был наклонен в сторону подошвы плотины, его края с пазами сильно прогнили, вероятно, еще при использовании ограды. Для того чтобы шипы нижних бревен стены не выпадали и бревна не скатывались по склону, последние при замене сразу прикрепили клинья к грунту. Для этого в нижнем венце на краях, примыкающих к опорному столбу, вырезаны четырехугольные отверстия, через которые деревянными вертикальными клиньями бревно прибивалось к грунту. В одном из нижних бревен сбоку вырублен паз, и через него в тело плотины вбит деревянный клин. Зафиксирован и другой способ починки деревянных конструкций – при помощи скрепления бревен шкантом. Торец бревна вырублен в пол-дерева и имеет круглое отверстие диаметром 0,07 м, в которое вбит штифт, видимо соединяющий его с нижним бревном (рис. 1: 1). Еще одно бревно длиной 2,2 м с шипами на торцах имеет по два поперечных широких паза по длинной стороне (рис. 1: 1). Бревно, скорее всего, являлось специально изготовленной деталью для починки конструкции и было вставлено между венцами при замене сгнившего участка бревна.

В этом же раскопе, но уровнем выше и ближе к гребню плотины обнаружены остатки еще одной стены иного устройства (рис. 1: 1). Несущими элементами являются конструкции «п»-образной формы, составленные из установленных вплотную друг к другу и вкопанных в грунт на 0,6 м семи столбов диаметром 0,25–0,28 м. Расстояние между этими сооружениями – 6 м. Между крайними столбами соседних конструкций в пазы вставлены горизонтальные бревна диаметром 0,18–0,2 м.

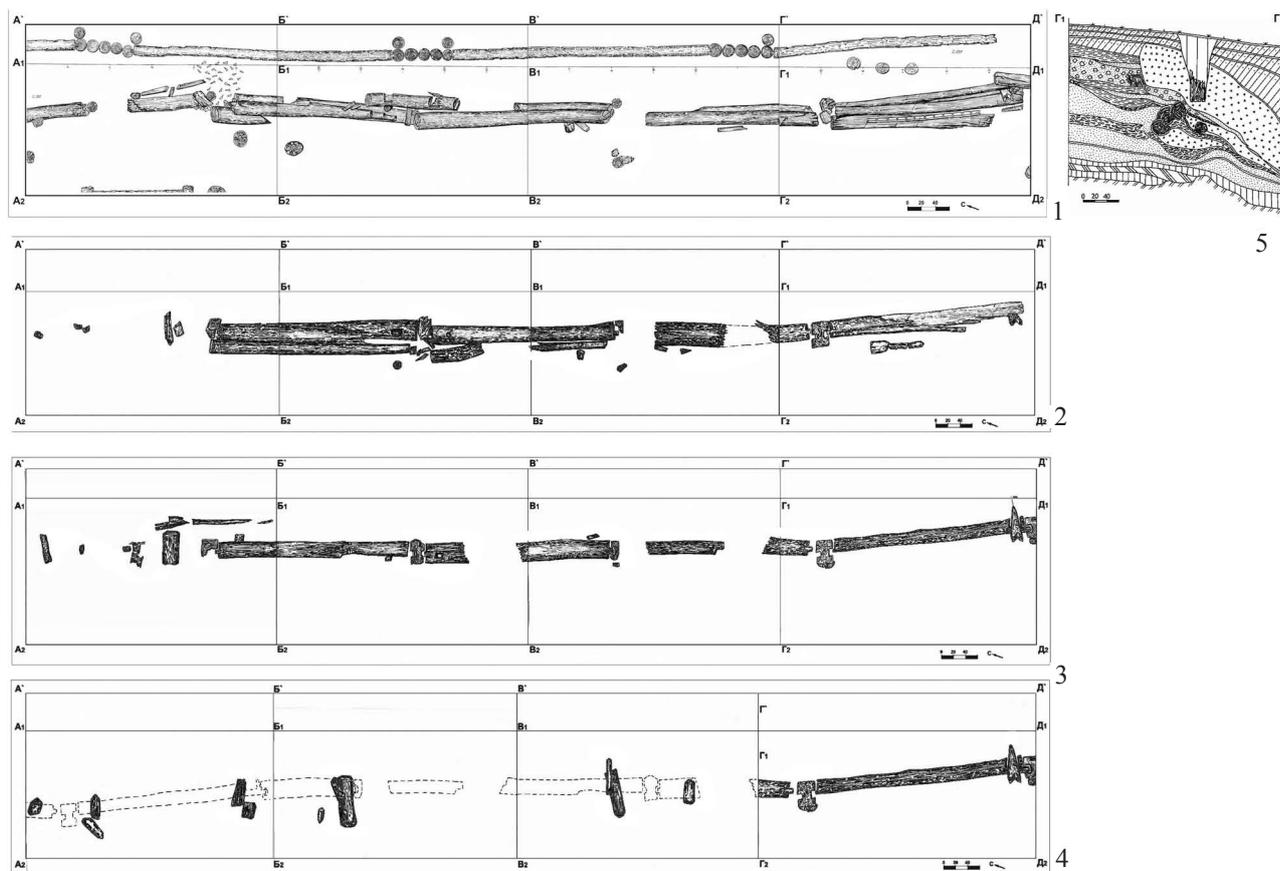

Рис. 1. Остатки крепостной стены Сузун-завода. План и разрез раскопа:
1 – уровень 1; 2 – уровень 2; 3 – уровень 3; 4 – уровень 4; разрез раскопа по линии Г1 – Г2

Стратиграфическая ситуация, особенно уровень илистого слоя, скорее всего связанного с самым мощным наводнением, зафиксированным в письменных источниках, а также факты починки стены позволяют датировать

первый фрагмент заплота началом XIX в., скорее всего 1800 г. Остатки второй стены относятся к более позднему времени, вероятнее всего, к последнему этапу существования завода – рубежу XIX и XX вв.

Таким образом, в результате раскопок обнаружена заводская крепостная ограда – «оплот», упомянутый в экспликациях к планам и графическим изображениям завода. Выявлены особенности конструкции стены и факты ее реконструкции. Судя по полученным данным, крепостные стены Сузунского медеплавильного завода и монетного двора были достаточно мощным фортификационным сооружением, построенным с учетом инженерных и градостроительных правил своего времени.

Воротникова Е. Ю., Шаповалов А. В. Сузунский медеплавильный завод и монетный двор на рубеже XVIII–XIX вв. – Новосибирск : Сиб. музейн. агентство, 2015. – 86 с.

Кабо Р. М. Города Западной Сибири: очерки историко-экономической географии (XVII – первая половина XIX вв.). – М. : Географгиз, 1949. – 220 с.

Крадин Н. П. Русское деревянное оборонное зодчество. – М. : Искусство, 1988. – 142 с.

Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. – СПб. : Имп. Акад. наук, 1858 г. – 315 с.

Маслениковский С. И. Сузунский монетный двор. – Барнаул : [Б. и.], 2006. – 68 с.

Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства по велению Санкт-Петербургской императорской Академии наук. 1770 г. – СПб. : Имп. Акад. наук, 1786. – Ч. 2, кн. 2. – 571 с.

Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. – Новосибирск : Кн. изд-во, 1989. – 304 с.

Скобелев С. Г., Шаповалов А. В. Оборонительные сооружения Саянского острога // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово, 1995. – С. 138–148.

Полное собрание ученых путешествий по России. – Т. 6 : Записки путешествия академика Фалька. – СПб. : Тип. при Имп. Акад. наук, 1824. – 560 с.

Шаповалов А. В., Росляков С. Г. Крепостные стены Сузунского медеплавильного завода и монетного двора // Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 300-летию Чаусского острога «Освоение и развитие Западной Сибири в XVI–XX вв.». – Новосибирск, 2013. – С. 175–179.

S. G. Roslyakov, A. V. Shapovalov
Novosibirsk State Museum of Local History

FORTIFICATION OF SUZUN COPPER SMELTING PLANT AND MINT

In 2011 the research group of the Novosibirsk State Museum of Local History and the Siberian Museum Agency conducted a special research for the project of creation of a Museum-tourist complex “Suzun-plant and mint”. Suzun copper smelting plant and the mint were built as part of the Kolyvano-Voskresensk works in 1764. This only one behind the Urals mint produced a special Siberian coin from the famous Siberian Golden copper from 1765 to 1786 and since 1787 to 1847 – coins of the Russian General sample.

In the course of work, which included archival research and archaeological excavations on the territory of the former Suzun copper smelting plant and mint, new materials on the history of Siberian wooden architecture, including the construction of fortifications.

The purpose of work is the clarification of the structure of the defensive constructions and design features. The main research method – cross-verification of written, cartographic sources and the results of archaeological work.

The study found that the fortress was built around all factory buildings in the form of an irregular quadrangle. Inside the fortress were built additional walls surrounding the mint. All walls were constructed in the technique of “zaplot”, which was a wall of horizontal row of logs, which ends were strengthened in special grooves of vertically standing pillars. The length of the walls’ span was 5 m. The height of the walls of the factory fortress was 2,5–3 m. Judging by the obtained data, the fortress walls of the Suzun plant had been powerful enough fortification, built with light engineering and urban planning rules of that time.

Keywords: Suzun, fortress, fortress wall, archeological research.

**РУССКИЕ В НИЗОВЬЯХ ИНДИГИРКИ:
ПАМЯТНИКИ СТАРЫЕ И НОВЫЕ**

В статье представлены результаты разведочных работ 2016 г. в нижнем течении Индигирки. В Якутии известно всего шесть русских археологических памятников, из них изучен только один. Наиболее ценным памятником является Зашиверск, большая часть которого исследована не была. Основной целью работ была оценка возможности доисследования городища Зашиверск и обследование старинных русских поселений в дельте. Мониторинг городища показал медленное уменьшение его площади в результате разрушения природными процессами. Планирование проведения раскопок здесь затруднено, поскольку связано с метеоусловиями конкретного лета. Результатом обследования дельты стало открытие нового археологического памятника – селища Русское Устье, представляющего ценность для изучения процесса этнокультурной адаптации русских в Арктике.

Ключевые слова: Якутия, русские, первопроходцы, старожилы, Индигирка, археологическое изучение.

Индигирка – одна из крупнейших рек северо-востока Сибири. Ее длина составляет 1 726 км, площадь бассейна – 360 тыс. кв. км. Впадая в Восточно-Сибирское море, Индигирка образует дельту площадью 5 500 кв. км, состоящую из трех крупных проток – Русскоустынской, Средней и Колымской, соединенных между собой огромным количеством более мелких, образующих бесчисленные острова.

К началу XVII в. берега Индигирки в среднем и нижнем течении населяли юкагирские и эвенские роды шоромба, янга, олюбенцы и алаи [Долгих, 1960]. Юкагиры когда-то расселились и в самой дельте, но здесь в XVII в. русские их уже не застали. Предположительно древнеюкагирские жилища – чандалы были уже давно заброшены и стали предметом для рождения легенд. Якуты появились в этих местах только в начале XVIII в. и не расселились в низовьях Индигирки севернее Бурулгина камня и устья Елоны (Берелех), поскольку в тундре отсутствует корм для крупного рогатого скота. Это хорошо иллюстрирует топонимика: все названия в дельте абсолютно русские и даже те объекты, что в недавнее время получили якутские наименования, географическую привязку сохранили русскую – лайда, курья, виска.

Впервые русские появились на Индигирке в 1636 г., когда Иван Ребров, отделившись на Яне от отряда Ильи Перфильева, двинулся на восток в поисках «новых земель». В том же году он вошел в устье Индигирки и, миновав дельту, основал в низовьях зимовье, точное местоположение которого неизвестно, но на части карт какое-то зимовье фиксируется в районе Бурулгина камня на правом берегу Индигирки. Поднявшись вверх по реке в районе устья Уяндины, он построил Уяндинское (Нижнеиндигирское) зимовье и пробыл в нем два года, собирая ясак с юкагир. Постник Иванов Губарь в 1639 г. прошел с р. Яны в верхнее, а затем и в среднее течение Индигирки, где основал Подшиверское (Верхнеиндигирское) и Зашиверское зимовья. Таким образом, Индигирка была открыта русскими одновременно с верховьев и с низовьев, и на ней в короткий промежуток времени появилось сразу четыре зимовья. Наиболее успешным из них стало Зашиверское, преобразованное в 1783 г. в уездный г. Зашиверск. С 40-х гг. XVII в. низовья Индигирки начинают активно осваивать русские промышленники, которые почти сразу стали оседать в местах промысла [Сафронов, 1980, с. 50]. Вероятно, на этот период и приходится время рождения зимовья, ставшего впоследствии знаменитым Русским Устьем.

Археологическое изучение русских памятников в Якутии всё еще не сложилось в устойчивое направление и происходит спорадически. Всего на 3 млн кв. м ее территории известно шесть объектов такого рода – это Зашиверск, изучавшийся А. П. Окладниковым в 1969–1971 гг. [Окладников, 1977], открытое В. Ф. Старковым Оленекское зимовье и раскопанная им же могила Прончищевых [Исторические памятники..., 2002; Старков, 2007], исследованные А. Н. Алексеевым Алазейское (1986–1992) и Нижнеколымское (1989–1990) зимовья [Алексеев, 1996], изучение последнего продолжил Г. П. Визгалов в 2009–2011 гг. [Визгалов, 2011]; в 2012–2014 гг. серией небольших разведок в центре Якутска Е. А. Строговой был зафиксирован культурный слой Якутского острога [Строгова, 2014а]. Из этих памятников полностью изученными можно считать только могилу Прончищевых и Алазейский острог, остальные четыре объекта нуждаются в продолжении их изучения, потому что находятся под угрозой дальнейшего уничтожения как природными силами (Зашиверск, Нижнеколымское зимовье), так и деятельностью человека (Якутский острог). Именно поэтому в августе 2016 г. в рамках экспедиции Русского географического общества «Полюс холода соединяет океаны» была предпринята разведка, одной из основных целей которой как раз и была оценка возможности доисследования Зашиверского городища.

Городище Зашиверск располагается на 67° северной широты в лесотундровой зоне, в окружении гор кряжа Андрей-Тас и Момского хребта, на полуострове около 5 км в длину и до 1,5 км в ширину, образованном меандром Индигирки в среднем ее течении. Индигирка здесь судоходна, имеет быстрое течение и водовороты.

Зашиверск как археологический памятник представляет большую ценность для изучения истории русского освоения северо-востока России, реконструкции повседневной жизни тех, кто открывал и покорял необъятные просторы российской Арктики. Археологические исследования, проводившиеся в 1969–1970 гг., были подчинены интересам историко-архитектурного изучения и поэтому не затронули основную часть культурного слоя городища [Окладников, 1977, с. 13].

К Зашиверску экспедиция «Полюс холода соединяет океаны» прибыла из с. Хону – районного центра Момского района Республики Саха (Якутия) на четырех надувных лодках модели «Фрегат». Осмотр берега показал, что из-за высокой воды сбор подъемного материала и оценка состояния культурного слоя оказались невозможны, зато очень хорошо видны пласты оползающего в реку грунта. Это говорит о том, что воды Индигирки, размывая берега, постепенно уменьшают площадь городища. Этот процесс фиксируется при анализе фотоматериалов 1969–1971 гг. и картографического материала этого же времени в сравнении с современными спутниковыми картами и отснятым в ходе разведки фотоматериалом.

Осмотр самого городища проходил в сложных погодных условиях непрекращавшегося ливня. На поверхности памятника в настоящее время находятся часовня, построенная в 2000 г., памятный крест на месте расположения Спасской Зашиверской церкви. В юго-западной части городища зафиксированы остатки избы, той самой, что хорошо видна на фотографии 1969 г., а также определяется на плане Турчанинова 1798 г. Практически в центре городища на старом отвале возвышается большой нарядный крест, установленный администрацией Момского района в год 370-летия Зашиверска (рис. 1, с. 235).

Следы работ А. П. Окладникова хорошо видны на поверхности в виде увалов высотой от 0,5 до 1 м, расположенных почти правильным прямоугольником. Недалеко от места расположения Спасской церкви сохранились бревна, видимо отбракованные при разборке, состояние их удовлетворительное, поскольку в климатических условиях Севера процессы разрушения древесины идут медленно.

Городище представляет собой неправильный пятиугольник. Как видно из исторических рисунков и чертежей, на противоположной стороне протоки находилось небольшое количество построек. Вся обследованная территория покрыта кочковатым болотом, глубина поверхностного слоя воды около 20 см, расчленена полигональными морозобойными трещинами. Частичную заболоченность территории Зашиверска отмечал и А. П. Окладников, его указание на слой торфа, обнаруженный в ходе археологических раскопок, говорит о том, что заболачивание происходило и в прежние столетия [1977, с. 49]. Священник о. Евгений, уроженец с. Хону, подтвердил, что в 1970-е гг. в этих местах было сравнительно сухо. В 2008 г. городище посещала экскурсия старожилов из с. Русское Устье, и, по их информации, территория была довольно сухой. Развитие кочковатого болота на исследуемой территории, видимо, происходило в последние десятилетия в связи с глобальными климатическими изменениями. Заболачивание территории, возможно, имеет периодический характер и зависит от погодных условий конкретного лета. В периоды высокой обводненности археологические раскопки не имеют смысла, поскольку в таких условиях не только трудно копать, но и невозможно зафиксировать инситу положение предметов в культурном слое. Все они перейдут в разряд подъемного материала, что существенно снизит их научную ценность.

Ниже Зашиверска на Индигирке существовало еще два ясачных зимовья (Уяндинское и Олюбенское). Изучение картографического материала показало, что на картах различного времени Уяндинское поселение отмечено в разных местах и даже на разных берегах Индигирки. В беседах с местными старожилами: А. А. Банщиковым – уроженцем старинного русского селения Ожогоино, П. П. Неустровым, А. Д. Слепцовой – выяснилось, что еще лет 30 назад на левом берегу Индигирки, примерно в 300 м ниже устья Уяндины, можно было видеть торчавшие из берега остатки постройки. Визуально обследовать урез берега не удалось из-за высокого уровня воды, но информаторы утверждают, что «эти бревна» смыты во время половодий последних десяти лет.

Освоение дельты Индигирки русскими промышленниками началось несколько позже ее открытия, таможенные документы фиксируют первые отпуска на эту «стороннюю реку» начиная с 1642 г., к середине столетия они становятся массовыми, а к концу века сходят к минимуму из-за упадка пушной добычи и перераспределения миграционных потоков в сторону Дальнего Востока. Карта расположения русских поселений в дельте, составленная краеведом В. И. Шаховой, хоть и не очень точна географически, но хорошо демонстрирует освоенность территории [Шахова, 2011, с. 49].

При посещении Гольженской протоки в 300 м от берега были обнаружены остатки заимки Сыроватское, существовавшей в начале XX столетия, но отсутствующей как в списке В. М. Зензинова [см.: Зензинов, 2001], так и на топографической карте. Это поселение располагалось посреди тундры на небольшой гриве. На заимке было выявлено шесть погребений с деревянными надгробиями и крестами, в 100 м от них находились остатки жилища, вероятнее всего балагана.

Специальное обследование было проведено в местности Станчик, расположенной на перекрестке проток Колымской, Лундина и Керемсит. Заимка Станчик, по-видимому, одна из старейших в дельте Индигирки, она упомянута в списке Зензинова как одно из знаковых поселений. Удобное расположение в перекрестье проток,

соединяющих крупные рукава дельты с океаном, позволило Станчику к концу XIX в. развиться в серьезную торговую факторию, куда, по воспоминаниям русскоустыинцев, заходили американские торговые шхуны. Постройка в XVIII в. церкви, которая подробно изучена и описана А. В. Ополовниковым [1989, с. 326, 341–344], говорит о том, что уже в это время здесь существовало значительное для этих мест поселение, а само название наводит на мысль о существовании здесь в XVII в. «станового» зимовья промышленников.

Урочище Станчик представляет собой участок, покрытый полигональной тундрой, расположенный на юго-восточном мысу, образованном слиянием двух протоков: Керемсит и Колымской. На поверхности у самого уреза берега зафиксирован оклад церкви XVIII в., сама церковь в 2004 г. силами В. Г. Чикачева, В. Е. и П. Е. Чикачевых была перенесена на 200 м в глубину участка к существующим погребениям. Оклад церкви в ближайшее время обрушится в реку из-за сильного разрушения берегов водами протоки и таяния вечной мерзлоты. К западу от оклада в урезе берега хорошо видны остатки сруба. Здесь была сделана зачистка. Наибольшую часть занимают остатки трех венцов сруба, сложенного в обло из бревен длиной 3 м и диаметром 20 см. Внутри сруба обнаружены деревянные предмет неизвестного назначения, который извлечь из сруба не удалось, вероятно, он частично придавлен бревнами, коромысло от безмена и дуло двустольного ружья.

Южнее зачистки на восточном берегу протоки Керемсит, на оконечности небольшой гривки, расположены развалины избы. Интересно, что А. В. Ополовников, подробно описавший самую северную в мире православную церковь, ни словом не заикнулся о том, что она расположена на краю поселения, от которого в 1970-х гг. сохранилось еще около десятка строений. Исследуемая постройка представляет собой русскую избу размером 4 × 4 м, рубленную в обло с остатком, с пристроенными к ней каркасно-столбовыми сенями такого же размера. Такие постройки, характерные для русского населения арктической зоны России, раскопаны на Мангазее [Визгалов, 2008], в Алазейском и Стадухинском острогах [Алексеев, 1996], их можно и сейчас увидеть на заимках в Халерчинской тундре [Строгова, 2014б]. Постройка ориентирована по линии запад – восток, вход находится с южной стороны сеней. Печь (камелек?) расположена у восточной стены слева от входа, северную и западную стены занимают закрепленные на них нары, часть нар (около 1 м у северной стены) отделена перегородкой из вертикально стоящих досок. На восточной стене между печью и нарами закреплена деревянная планка-календарь.

Урочище Старое Русское Устье расположено на левом берегу Русскоустыинской протоки Индигирки в 20 км выше современного пос. Русское Устье (до 1988 г. Полярный) на северном берегу небольшого полуострова, образованного меандром Индигирки. До 1943 г. здесь располагалось старинное селение Русское Устье, время основания которого неизвестно, но не позднее первой четверти XVIII в., поскольку об участии жителей Русского Устья в спасении своего судна упоминает Д. Лаптев [Экспедиция Беринга, 1941, с. 161, 233–234]. Территория селища представляет собой участок тундры с небольшими всхолмлениями и увалами, на которых и расположены остатки построек.

На поверхности в настоящее время хорошо просматриваются руины семи строений, а также местоположение кладбища. Части еще двух построек зафиксированы в урезе берега. Одну из них удалось идентифицировать на основании рисунка, обнаруженного в Архиве Якутского научного центра СО РАН в материалах этнографа Н. М. Алексеева – участника экспедиции 1949 г. Рисунок, судя по надписи на нем, изображает Русское Устье в 1932 г. Здесь хорошо видны здания церкви и школы. Школа была построена в 1929 г. из бревен разобранный ожогинской церкви, при переносе поселения на новое место аккуратно разобрана и в настоящее время, правда в плачевном состоянии, находится на территории современного поселка. Церковь же, в традициях того времени, была заброшена. Вероятно, что в условиях дефицита дерева часть ее бревен тоже была со временем использована на какое-либо строительство или на дрова.

В урезе берега хорошо наблюдается культурный слой, состоящий из щепы, спрессованной в сером пылеватом суглинке (рис. 2, с. 235). Мощность слоя в центре поселения – 160 см, к периферии постепенно истончается до 40 см. На образовавшемся после ухода воды бечевнике практически у подножия зачистки было собрано 33 единицы подъемного материала, из которых 15 металлических предметов из меди и железа, восемь изделий из кости, три деревянных предмета, три каменных грузила-кибаса, четыре фрагмента фарфора.

Железные изделия представлены фрагментами двух ножей (черешкового и складного), развилчатый накопчик стрелы, массивным цельнокованным железным ушком котла, а также крупным кованым гвоздем длиной 22 см и деформированным железным кольцом из круглой в сечении проволоки диаметром 0,5 см. Кованый предмет, представляющий собой толстую железную пластину, загнутую с одной стороны в кольцо, а на другом имеющий прямоугольную петлю, сформированную из двух заостренных стержней прямоугольного сечения, интерпретирован местными жителями как деталь капкана. Из железа изготовлена небольшая миска, из-за деформации приобретшая подтреугольную форму, покрытая темно-зеленой эмалью плохой сохранности.

Наиболее крупным медным изделием является деформированный фрагмент какого-то сосуда (ведра, котелка, чайника?). Предмет подвергался ремонту – хорошо видна заплатка прямоугольной формы, прикрепленная с помощью медных клепок. Еще одна такая заплатка найдена отдельно. Кроме того, из медного сплава изготовлен и фрагмент шумовки, представляющий собой округлую пластину с рядами пробитых в ней дырок. Такие шумовки известны в этнографических материалах Индигирки и Колымы. Мелкие предметы представлены носиком от чайника, вероятно подготовленным к вторичному применению, ремешком прямоугольной формы и женской серьгой. Серьга (рис. 4 : 1) изготовлена из оловянно-цинкового сплава с небольшим содержанием меди и по-

крыта тонким слоем позолоты. Дужка замка сделана из того же сплава с небольшим добавлением железа. Дизайн этого предмета бессмертен и широко используется по настоящее время.

Наиболее интересное изделие из кости, обнаруженное на памятнике, – это накладка на полоз нарты (подполозник), выполненная из китового ребра (рис. 3). Такие накладки крепились в передней части полоза после изгиба для улучшения скольжения. Именно поэтому лицевая поверхность изделия отполирована до блеска. Сами русскоустыинцы такие вещи не делали, а покупали у чукчей на Анюйской ярмарке. Другой интереснейший предмет – миниатюрная копоушка, вырезанная из мамонтовой кости и украшенная резьбой (рис. 4: 2). Длина предмета от крайней точки крепления до края ложечки – 6,3 см.

Рис. 1. Вид городища Зашиверск с высоты птичьего полета, 2016 г. Фотография А. Николаева

Рис. 2. Культурный слой селища Русское Устье, 2016 г.

Рис. 3. Подполозок из китового ребра, подъемные сборы. Русское Устье, 2016 г.

Рис. 4. Серьга (1) и копоушка (2), подъемные сборы. Русское Устье, 2016 г.

Из рога изготовлены такие специфически северные предметы, как колотушка саблевидной формы для сбивания снега с одежды, головного убора и обуви, а также детали собачьей упряжи, но поскольку собачьих упряжек в Русском Устье нет уже 15 лет, то никто не мог указать конкретное назначение и место расположения деталей.

Кроме этого, было обнаружено еще три деревянных предмета: поплавок листовидной формы с прямым основанием и тремя сквозными отверстиями; деталь, интерпретированная как волчок в виде круглого диска с маленьким отверстием в центре; фрагмент детали неизвестного изделия, который представляет собой расколотый вдоль брусок с тремя сквозными, просверленными сбоку круглыми отверстиями.

Найдены пять мелких фрагментов фарфора, возраст которых определить не представляется возможным, и три каменных грузила – кибаса, прикрепленных лыком к кольцам из тальниковых прутьев. Два камня были использованы в необработанном виде, один – плоская галька имеет подработку в виде двух выбоин на противоположных сторонах для крепления лыковой оплетки. Такие «кибасья», как называют их русскоустыинцы, рыбаки используют и в настоящее время.

Таким образом, поселения XVII–XIX вв., расположенные по берегам Индигирки, с точки зрения изучения культуры русских методами археологии имеют хорошие перспективы. Наиболее ценным и значимым памятником, безусловно, является городище Зашиверск, которое в случае организации здесь масштабных раскопок могло бы стать «второй Мангазеей» по объему и важности полученного материала. Очень большой интерес представляет селище Русское Устье, которое было обитаемо не менее 200 лет, а потому полученные здесь материалы могут продемонстрировать в динамике процесс сложения культурной традиции, зафиксированной В. М. Зензиновым в начале XX столетия. Следует отметить, что все археологические памятники нижнего течения Индигирки являются разрушающимися объектами и интенсивность этого процесса зависит только от скорости мерзлотных изменений и интенсивности деятельности реки.

Алексеев А. Н. Русские поселения XVII–XVIII в. на северо-востоке Якутии. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 149 с.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазая: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). – Екатеринбург ; Нефтеюганск : Магеллан, 2008. – 296 с.

Визгалов Г. П. Новые археологические исследования Стадухинского поселения на Нижней Колыме. Результаты и перспективы комплексных исследований // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. – Омск, 2011. – С. 40–47.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 622 с.

Зензинов В. Н. Старинные люди у холодного океана. – Изд. 2-е. – Якутск : Якут. край, 2001. – 133 с.

Исторические памятники Второй Камчатской экспедиции / Е. И. Елкина, С. М. Епишкин, В. Н. Звягин, В. Н. Калыкин, Н. Ш. Насырова, А. К. Станюкович, В. Ф. Старков, П. Ю. Черносвитов. – М. : Науч. мир, 2002. – 216 с.

Окладников А. П., Гоголев З. В., Ощепков Е. А. Древний Зашиверск. – М. : Наука, 1977. – 212 с.

Ополовников А. В. Сокровища Русского Севера. – М. : Стройиздат, 1989. – 367 с.

Сафронов Ф. Г. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX вв. – М. : Наука, 1980. – 142 с.

Старков В. Ф. Оленекское зимовье // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: историко-археологические исследования. – Владивосток, 2007. – Т. 5, ч. 1. – С. 195–208.

Строгова Е. А. Археологические исследования на территории Якутского острога: первые результаты // Культура русских в археологических исследованиях. – Тюмень ; Екатеринбург, 2014а. – Т. 1. – С. 170–175.

Строгова Е. А. Истоки культурной традиции русских старожилов Нижней Колымы по данным комплексного исследования // Арктика и Север. Электронный журнал. – 2014б. – № 16. – С. 144–152.

Шахова В. И. Русскоустыинская национальная культура. Рабочая тетрадь. – Якутск : Бичик, 2011. – 56 с.

Экспедиция Беринга. Сборник документов. – М. : Глав. архив. управление НКВД СССР, 1941. – 418 с.

E. A. Strogova

Institute of Humanitarian Research and Indigenous Peoples of the North, SB RAS, Yakutsk

RUSSIAN PEOPLES IN THE LOWER REACHES OF THE INDIGIRKA: OLD AND NEW SITES

The article presents the results of archeological exploration in 2016 in the lower reaches of the Indigirka River. In Yakutia known only six archaeological sites of Russian culture, of which only one was studied. The most valuable monument is the Zashiversk, much of which was not been investigated. The main aim of the work was to evaluate the possibility of new research of Zashiversk and a survey of ancient Russian settlements in the delta. Monitoring showed a slow decrease in its area as a result of the destruction by natural processes. Planning of the excavation will be difficult, because it depends on to the weather conditions of a particular summer. The result of the survey was the discovery of the delta of the new archaeological site – settlement Russkoe Ustye, representing a big value for the study of process of ethno-cultural adaptation by Russian people in the Arctic.

Keywords: Yakutia, Russian pioneers, old timers, Indigirka, archaeological study.

РУССКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ В МАТЕРИАЛАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРИАНГАРЬЯ

Рассматриваются археологические объекты, расположенные в Приангарье, свидетельствующие об освоении русскими данной территории. Цель статьи – реконструкция особенностей жизнедеятельности русского и аборигенного населения Сибири в Средневековье и этнографической современности на примере поселений Деревня Ёдарма, Деревня Ката, стоянки Усть-Ката 2. В работе решались следующие задачи: определение характерных свойств материальной культуры, функциональных элементов и специфики рассматриваемых памятников Като-Ёдарминского микрорайона. В результате определен характер занятий аборигенного и русского населения, которое вело охотничье-рыболовное хозяйство. Установлено, что слой позднего Средневековья и этнографической современности включает памятники деревянного зодчества. Подтвержден факт культурного взаимовлияния пришлых поселенцев и коренных жителей.

Ключевые слова: р. Ката, Ката-Ёдарминский микрорайон, русские, поселения, Средневековье, этнографическая современность.

Вопрос о характере присоединения Сибири русскими до сих пор остается открытым для дискуссий. Письменные источники свидетельствуют как о русской экспансии в Сибирь, так и о мирном освоении этой территории. Зачастую начало русской Сибири связывают с военным походом атамана Ермака. Но, как известно, предшествовали Ермаку устремившиеся сюда за пушниной добровольцы, промышленники. Наряду с локальными захватами сибирского пространства казаками, шло постепенное мирное заселение региона русскими. Преимущественно субширотное направление этого процесса вполне очевидно. Важным дополнением письменных источников об освоении Сибири русскими являются материалы раскопок позднесредневековых археологических памятников. С 2008 по 2012 гг. Богучанской археологической экспедицией Института этнографии и археологии СО РАН проводились самые широкомасштабные за последние полвека спасательные археологические работы в зоне затопления Богучанской ГЭС (Красноярский край, Иркутская область). Территория Богучанского водохранилища занимает участок течения Ангары протяженностью 300 км. Экспедицией были изучены все археологические объекты, расположенные в этом географическом диапазоне. Благодаря субширотному простираню Ангары, на протяжении длительного периода она служила артерией, по которой осуществлялся культурный обмен Востока и Запада Северной Евразии, а крупные ее притоки позволяли человеческим коллективам, в том числе и русским, осваивать и более северные регионы.

На приустьевых участках крупных рек в Северном Приангарье можно археологически фиксировать следы культурных взаимодействий. Одним из ярких доказательств русского заселения выступают памятники Като-Ёдарминского археологического микрорайона. Долины рек Каты и Ёдармы, расположенные практически напротив друг друга, являясь правым и левым притоками Ангары, образуют Като-Ёдарминское расширение. Здесь археологами обнаружены русские старожильческие поселения: Деревня Ёдарма, Деревня Ката, а также многослойная стоянка Усть-Ката 2, включающая слои русского времени XVII–XX вв. Взаимное расположение памятников зафиксировано с применением GPS-позиционирования по современным методикам [Вергунов, Постнов, 2006; Постнов, Вергунов, 2006].

Поселение Деревня Ёдарма находится на территории Усть-Илимского района Иркутской области, в 100 км ниже Усть-Илимска, на левом берегу Ангары, на правобережном приустьевом мысу ее левого притока Ёдармы [Богучанская..., 2015, с. 391]. В 2009, 2011 гг. на территории памятника проводились археологические исследования, в результате которых обнаружен археологический материал, свидетельствующий о занятиях населения рыболовством и охотой [Липнина, Лохов, 2012, с. 449]. Кроме того, по находкам удалось восстановить комплекс оружия служилого человека, который состоял из копий, наконечников стрел старорусского типа, бронебойных, срезней. А разнотипные замки от кремневых ружей, найденные в раскопе, говорят о том, что на вооружении у военных допетровского времени уже имелись ранние образцы огнестрельного оружия [Там же, с. 392]. Также на памятнике найден нательный крест. Такие типы крестов-тельников, скорее всего, были характерны для XVII вв.

К русскому поселению, датированному XVII–XX вв., относится археологический объект поселение Деревня Ката. Памятник расположен в Усть-Илимском районе Иркутской области, в 92 км от бьефа плотины Усть-Илимской ГЭС, на правом берегу Ангары, на левом берегу Каты. Объект открыли в 1998 г, а в 2012 г. на нем были проведены завершающие охранно-спасательные работы. В 2011 г. здесь обнаружены фрагменты

деревянных сооружений – вертикальные столбы, прослойки древесной трухи, фрагменты оконных перекрытий, относящиеся к истории русского старожильского населения Каты XVIII–XIX вв. [Постнов, Выборнов, Яровой, 2012, с. 471].

Раскоп, продолженный в 2012 г., вскрыл разрушенные деревянные конструкции, столбы, плахи, горизонтальные бревна, отдельные линзы деревянной трухи, прослойки горелого дерева. Эти следы оказались остатками православного храма во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, построенного во второй половине XIX в. (рис. 1) [Богучанская..., 2014, с. 83]. В ходе раскопок установлено, что при храме была землянка с очагом и боковым срубом. На месте храмового комплекса под дерном находился хорошо утрамбованный грунт, смесь глины, гравия, щебня, песка, под которым, в свою очередь, – толстый настил из щепы и древесной коры. Однако малое количество деревянных сооружений, не позволяющее сформировать такой мощный слой естественным образом, говорит о том, что жители деревни знали о нахождении в низине слоя мерзлоты и старались его сохранить нетронутым, создав слой щепы и коры в целях теплоизоляции. Всё это давало возможность строить, не боясь проседания грунта, а также делать «ледники», которые не таяли всё лето. В этом случае интересны аналогии с объектами памятника Усть-Ката 2. Археологическая стоянка Усть-Ката 2 расположена на левом берегу Каты, на первой (4 м над уровнем воды) и второй (17 м над уровнем воды) надпойменных террасах. Стоянка была открыта в 1998 г. Площадь памятника разделена на два участка, дислоцированных на второй (участок 1) и первой, находящейся выше по течению (участок 2) террасе Каты. В ходе работ 2012 г. на втором участке разбит раскоп № 6 общей площадью 1 750 кв. м [Постнов, Выборнов, Яровой, 2012, с. 471].

Рис. 1. Общий вид храмового комплекса во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, обнаруженного при раскопках памятника «Деревня Ката» (по: [Богучанская..., 2014, с. 83])

Анализ стратиграфии культурных отложений памятника показал, что в первом почвенно-растительном горизонте и пачке светло-серой супеси содержались артефакты, объекты и конструкции этнографической современности. В этом слое проявляются венцы деревянных сооружений, столбовые ямы, орудия охоты, рыбной ловли, предметы быта: наконечники стрел, нож, железный крюк, наконечник гарпуна, кованые железные гвозди.

Като-Ёдарминские памятники рассматриваемого периода имели очень много схожих черт. Так, на месте храмового комплекса Деревни Ката и в раскопках Деревни Ёдарма обнаружены «ледники» – специально подготовленные места для хранения скоропортящихся продуктов. Зимой «ледники» выстуживали и натаскивали колотый лед в его дальний отсек, а в ближнем отсеке стояли кадушки, туеса, большие встроенные долбленные корыта, в которых хранились соленья, ягоды, мясо, рыба.

На Като-Ёдарминских памятниках отмечены объекты, границы которых определялись по тонкой прослойке гумусированной супеси. В планиграфическом контексте такой объект выглядит как пятно с заполнением в верхней части из светло-коричневой легкой супеси с включениями участков гумусированной супеси. На глубине около 40 см от кромки пятна в центральной части объекта – округлое углубление с заполнением темно-серой до черной супеси с прослойками золистой, светло-серой супеси. Предположительно такие объекты являлись дерновым сооружением хозяйственно-бытового назначения, результатом хозяйственной деятельности населения деревень Ёдарма и Ката XVIII–XX столетий. Аналогии известны в Чистоозерном районе Новосибирской области в виде углубленных конструкций с полусферической кровлей из дерна, связываемых с белорусскими поселенцами. Широко известно использование дерна в качестве покрытия жилых конструкций в этнографии народов Сибири и Дальнего Востока [Историко-этнографический атлас Сибири, 1961, с. 173, табл. 13: 2, с. 174, табл. 14: 1, 3, с. 180, табл. 20: 2, с. 183, табл. 23: 2, с. 185, табл. 25: 1, с. 190, табл. 30: 3].

Като-Ёдарминский микрорайон являлся благоприятным местом для проживания с древности. Природные условия сочетали богатые пищевые ресурсы и сложную геоморфологию со скальными выходами, удобными для обзора сопредельных территорий во время охоты.

Особенности климата рассматриваемого региона, выраженного в резкой континентальности, длительности холодного зимнего периода, большой разнице среднемесячных температур января и июля (градиент 80°), не могли не наложить определенный отпечаток на характер занятий и образ жизни обитателей этого края. Так, жаркое лето (порой температура доходит до 40 °С) могло обусловить необходимость в создании специальных хранилищ (ледников) для продуктов.

Особенности природных процессов, которые на протяжении последнего периода плейстоцена и всего голоцена на этой территории характеризуются постепенным развитием и автохтонностью, позволяют проводить аналогии хозяйственного освоения этой территории с древности до современности. Като-Ёдарминский микрорайон был весьма удобен в качестве рыболовно-охотничьих угодий, и в разновременном в археологическом материале мы не наблюдаем значительных изменений в вариативности форм и типов изделий.

Археологические материалы памятника Усть-Ката 2, как и других местонахождений Като-Ёдарминского микрорайона, богаты находками объектов разных исторических эпох. Слой позднего Средневековья и этнографической современности включает руинированные остатки деревянного храма. На протяжении многих веков дерево в этой таежной зоне было господствующим строительным материалом, накапливался огромный опыт, вырабатывались наиболее рациональные приемы, складывались традиции. Благодаря раскопкам, зафиксирован оригинальный способ соединения бревен без использования шипов и шкантов (на памятниках «Деревня Ката» и «Деревня Ёдарма»), а также исключая применение пилы (по крайней мере, вплоть до XIX в.). Кроме того, здесь обнаружены железоделательные площадки, землянки, ледники, находки фрагментов гончарной керамической и стеклянной посуды, железные ножи, пальмы, наконечники стрел, китайская монета, остатки фауны. В памятниках Северного Приангарья известен широкий круг аналогий данным изделиям [*Постнов, Басова*, 2012, с. 468; *Басова*, 2016, с. 103, рис. 2, 3, 9].

Обнаружение отдельных артефактов (китайские монеты, пальмы) в деревенском слое русского поселения говорит о том, что пришлое население использовало в своем обиходе предметы аборигенов. Достаточное стремительное заселение русскими территории Сибири привело к активным культурным, экономическим, бытовым, родственным связям между ними и коренными жителями региона.

Общность природных условий, уклада жизни, родственных отношений порождала устойчивые традиции хозяйствования всего Като-Ёдарминского микрорайона на протяжении длительного времени, что нашло свое отражение в археологическом материале рассматриваемых памятников.

Басова Н. В. Предметный комплекс из погребений на стоянке Ката 2 на Ангаре // Вестник НГУ. Серия : История, филология. № 7. – Новосибирск, 2016. – Т. 15. – С. 100–111.

Богучанская археологическая экспедиция / А. А. Цыбанков, А. В. Постнов, В. С. Славинский, А. В. Выборнов, С. В. Колонцов, Г. И. Марковский, А. А. Присекайло, А. А. Дудко. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – 105 с.

Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы) / А. П. Дервянко, А. А. Цыбанков, А. В. Постнов, В. С. Славинский, А. В. Выборнов, И. Д. Зольников, Е. В. Деев, А. А. Присекайло, Г. И. Марковский, А. А. Дудко. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. 1. – 564 с. – (Труды Богучанской археологической экспедиции).

Вергунов Е. Г., Постнов А. В. Проблемы освоения геодезического пространства в археологических исследованиях // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. – Новосибирск, 2006. – Вып. 11. – С. 57–76.

Липнина Е. А., Лохов Д. Н. Спасательные археологические работы на объектах археологического наследия Усть-Ёдарма II и Деревня Ёдарма в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2012. – Т. XVIII. – С. 448–452.

Историко-этнографический атлас Сибири / под ред. М. Г. Левин, Л. П. Потапов. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – 498 с.

Постнов А. В., Вергунов Е. Г. Геодезические работы при археологических исследованиях с применением GPS-навигатора (теория и методика) : учеб.-метод. пособие. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2006. – 74 с.

Постнов А. В., Выборнов А. В., Яровой Б. П. Исследования стояночного комплекса Усть-Ката-2 в Северном Приангарье в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2012. – Т. XVIII. – С. 470–472.

Постнов А. В., Басова Н. В. Археологические исследования стоянки Остров Сосновый Тушамский в Северном Приангарье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2012. – Т. XVIII. – С. 465–469.

RUSSIAN SETTLEMENTS AMONG ARCHAEOLOGICAL SITES IN PRIANGARYE

The goal of this paper is the reconstruction of livelihood peculiarities of Russians and aboriginals in Siberia during Middle Ages and ethnographical modernity on the base Yedarma Village, Kata Village, and Ust'-Kata settlement. Archaeological sites documenting Russian colonization of Priangarye are examined. The following research tasks have been solved: characteristics of material culture, function and specialty of settlements within Kata-Yedarma microregion. As the result Russian and aboriginal activities as hunter-gathering type was identified. It was also determined that the level of the Late Middle Ages and ethnographic modernity includes examples of wooden architecture. The fact of cultural interference between newcomers and aboriginals was confirmed.

Keywords: Kata River, Kata-Yedarma microregion, Russians, settlements, Middle Ages, ethnographic modernity.

УДК 903.2

С. П. Нестеров

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

РУССКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ УСТЬ-ГРОМАТУХА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОХРАННОСТЬ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА

В 1960-х и 2004 гг. во время раскопок многослойного неолитического памятника Громатуха на р. Зее исследован слой отложений 1920–1940-х гг. русского поселения. Здесь раскопаны два погребя, остатки каменной печи, дренажная траншея. Исследованный участок террасы между домом и берегом Зеи был двором с хозяйственными постройками, навесом и деревянными дорожками. Кроме русских вещей промышленного производства, в русском слое найдены эксклюзивные предметы, в том числе кустарного изготовления. Многочисленные строительные работы обитателей поселка на террасе привели к разрушению древних археологических слоев, в некоторых случаях до полного уничтожения. Сообщений жителей Усть-Громатухи о находках здесь древних предметов ни в Амурский областной краеведческий музей, ни в Государственный архив Амурской области не поступало.

Ключевые слова: Амурская область, Громатуха, русское поселение, громатухинская, осиноозерская неолитические культуры.

Введение. Археологический памятник Громатуха расположен в Мазановском районе, в 30 км на север от пос. Новокиевский Увал вверх по р. Зее. До него можно добраться только водным путем (рис. 1: 1, с. 242). Раскопки в устье р. Громатухи, впадающей слева в Зею, впервые были проведены 50 лет назад, продолжены в 2004 г. (рис. 1: 2, с. 242). Новые радиоуглеродные даты, полученные по громатухинским образцам угля и нагару на керамике, позволили отнести памятник Громатуха к начальному неолиту с очень ранней датой для неолита с керамикой (до 14–16 тыс. л. н.) [Кузьмин, Нестеров, 2010].

Многослойный памятник располагается на мысовидной террасе (ширина около 70 м, длина 80 м), с западной стороны круто обрывающейся к Зее и более пологим юго-восточным склоном спускающейся в низкую пойму речки Громатухи. Северо-западная сторона террасы переходит в довольно крутой склон сопки, расположенной выше по течению Зеи, образующей в этом месте скалистый берег. Восточная часть мыса уходит в распадок, устье которого представляет собой глубокое русло высохшего водотока. В первой половине XX в. на террасе располагался небольшой русский поселок Усть-Громатуха*, от которого сохранились западины, мусор на современной поверхности в виде битого кирпича и отвалы грунта. По рассказу профессора Б. С. Сапунова (Благовещенский государственный педагогический университет), участвовавшего в раскопках середины 1960-х гг. на Громатухе, восточнее раскопа в то время были остатки русского барака. Сейчас на этом месте западина, густо заросшая травой. Мощный слой русских отложений практически полностью перекрыл *первичный дерн*, которым были укрыты

* Так это место называет А. Н. Арбузов (1962 г. р.) из пос. Новокиевский Увал, который в 2002 г. севернее раскопов 1960-х гг. на месте котлована русского жилища построил полуземлянку и поставил пасеку на арендованных землях площадью 1 000 кв. м.

© Нестеров С. П., 2017

археологические слои. На большей части исследованной площади этот дерн в результате жизнедеятельности русского поселка был уничтожен. В русском слое, кроме предметов первой половины XX в., в переотложенном состоянии встречены различные древние артефакты.

В монографии А. П. Окладникова и А. П. Деревянко по результатам исследований в 1960-х гг. более 400 кв. м вещи из русского слоя не упоминаются, видимо, в силу иных задач, поставленных в ней. Тем не менее при характеристике планиграфии и стратиграфических разрезов отмечается русская землянка (яма) в секторе А по линии 10, над которой была глубокая западина; глубокая яма с современным заполнением в секторе Б по линии А и фрагмент ямы в секторе Г [1977, с. 36, рис. 5; с. 39, рис. 9; с. 76, рис. 20].

Исследование русского слоя. Для понимания степени воздействия жителей пос. Усть-Громатуха на древний археологический памятник представим выявленные во время раскопок в 2004 г. остатки конструкций, а также найденные в русском слое вещи.

На современной поверхности раскопа Д (8×10 м) находились две западины: в юго-восточной части (вплотную к раскопанному в 1966 г. сектору Г) и в середине сектора Д. Глубина *западины 1* составила от современной поверхности 20 см, размеры $3,15 \times 5$ м. Часть западины была раскопана в 1966 г. в секторе Г. Здесь на уровне слоя 2 отмечено пятно черной гумусированной супеси с неровными очертаниями (2×5 м). Таким образом, западина 1 первоначально могла иметь подквадратные очертания 5×5 м. Наибольшая глубина западины около 20 см. Ширина котлована под западиной составила 3,48 м. В котловане зафиксирован русский бревенчатый сруб из трех венцов: верхний в полуистлевшем состоянии, остальные сохранились хорошо. Квадратный сруб был сооружен с отступом от стен котлована на 28–38 см. Размеры сруба: по внешней стороне 2,8 м, по внутренней – 2,28 м, высота около 60 см. Заполнение котлована рыхлое, с включением кирпичей. С западной стороны между двумя верхними венцами и стенкой котлована имеется слой засыпки толщиной 36 см, представляющий собой глинисто-дресвяной грунт из слоя 4 (рис. 1: 4).

Западина 2 выглядела как понижение овальной в плане формы размерами 4×5 м. Ее глубина, учитывая общее понижение поверхности в южном направлении, была 15–36 см относительно северного края и 3–6 см – южного. Под ней был котлован длиной 3,2 м, шириной по дну 1,64 м, по верху – 2,4 см, глубиной 1–1,2 м. Его дно имело уклон в сторону края террасы (перепад – 20 см). В котловане располагалась деревянная рама из поставленных на ребро плах лиственницы толщиной 8–10 см (размеры $1,3 \times 3$ м), ориентированная углами по сторонам горизонта. Высота плах – 48 и 62 см. Восточная плаха поставлена на дно котлована в 40 см от его стенки, западная – практически вплотную к ней. Внутренние размеры рамы были $1,1 \times 2,76$ м (рис. 1: 3). Котлован 2 был заполнен битым кирпичом, известью, мелким щебнем, здесь же встречены отдельные русские предметы и советские монеты.

В южном углу *сектора Д I* (раскоп 2004 г. был разделен на четыре части, отсчет которым начинался с правого участка со стороны зейского берега и шел против часовой стрелки) обнаружена группа камней, скорее всего, от какой-то теплотехнической конструкции. Под камнями наблюдаются углистые прослойки и оранжевый провал. Плитняк в некоторых случаях термически расколот. В 1 м восточнее камней зафиксирована ямка диаметром и глубиной 30 см, которой здесь был разрушен неолитический слой 1. Сверху она перекрыта дерном черного цвета, в котором присутствуют доски, возможно перекрывавшие деревянный короб 90×45 см. В северо-западном углу короба вертикальной основой служил столбик. В южном углу *сектора Д IV* обнаружен навал крупного рваного камня. Здесь же было пятно темного цвета, вытянутое вдоль берега Зеи. В западном углу найдена современная железная цепь, уходящая в стенку раскопа.

После вскрытия второго горизонта верхнего слоя было выяснено, что в секторах Д I, Д II и частично Д III и Д IV найдены остатки русской постройки. В первом и втором секторах встречено много древесной трухи от горизонтально уложенных досок. В секторе Д I и Д IV найдены обломки шести столбов диаметром 12–18 см. Еще один столб был в секторе Д II. В секторе Д II после выхода на верхнюю кромку буро-желтого суглинка (слой 1) был обнаружен угол русской конструкции. В секторе Д I она продолжается в виде пятна темного цвета на фоне буро-желтого суглинка и соединяется с конструкцией, состоящей из столбов, бревна и поперечных бревнышек. Конструкция узкой полосой длиной 1,6 м вытянута с юго-востока на северо-запад и занимает середину исследованного участка террасы.

В секторе Д III выявлена *дренажная траншея*, следы которой были хорошо видны на современной поверхности в виде понижения. Она располагалась в квадратах по линии 40. Ее длина прослежена до 5 м в направлении края террасы, обращенного к Зее. В разрезе восточной стенки раскопа Д ширина траншеи по верху составила около 80 см, глубина – 58 см. Ее дно чашевидное, с закругленными углами. В сторону Зеи ее размеры постепенно уменьшаются (через 3,5 м ширина 70 см и глубина 38–40 см). С уменьшением линейных размеров траншеи и ближе к Зее ее воздействие на культурные археологические слои становилось меньше. В середине раскопа она полностью разрушила поздне-неолитический слой 1 осиноозерской культуры и прослой 2.1 слоя 2, относящийся к периоду среднего неолита, который в археологии Западного Приамурья пока никак не обозначен в культурном отношении. Прослой 2.2 слоя 2 и отложения слоя 3 начального неолита громатухинской культуры остались неразрушенными. В западной стенке раскопа, которая простиралась вдоль берега Зеи, следы траншеи уже не зафиксированы (на 4,5 м ниже от предыдущего пункта ее фиксации в разрезе и в плане). В заполнении траншеи было много современного дерева, которое лежало следующим образом: одно длинное бревно шло вдоль ямы, остальные бревна – поперек. В одном месте под деревянным настилом был слой угля и песка. На этом участке раскопа траншея разрушила полностью слои 1 и 2, а также верхнюю часть слоя 3 (рис. 1: 5).

Стратиграфические наблюдения за разрезами на раскопе Д показали, что к северу от дренажной траншеи воздействие русского населения на поверхность террасы было минимальным. Здесь фиксируется поверхность, которая южнее была перекрыта напластованиями мешаного русского слоя мощностью в разных местах от 6–10 до 40–64 см. Наименьшая толщина русских отложений как раз и наблюдается около дренажной траншеи. За ней практически через 3 м начинается подъем в сопку, которая западным склоном в виде скалы обрывается в Зею.

Таким образом, анализ планиграфии остатков построек русского поселения Усть-Громатуха показал, что, видимо, на террасе располагался заглубленный в грунт барак, который занимал восточную часть террасы, удаленную от берега Зеи. Юго-западнее него, ближе к берегу Зеи и Громатухи, экспедицией А. П. Окладникова зафиксирована землянка длиной не менее 3 м. На пространстве между бараком и берегом Зеи, видимо, находился двор, который с севера был ограничен дренажной канавой, не только отводящей воду с террасы, но и задерживающей потоки с сопки. Было ли ограждение по склонам площадки со стороны Зеи или Громатухи, не установлено: в материалах 1960-х гг. такой информации нет, раскоп Д 2004 г. пришелся на участок, расположенный ближе к бараку и северной части террасы.

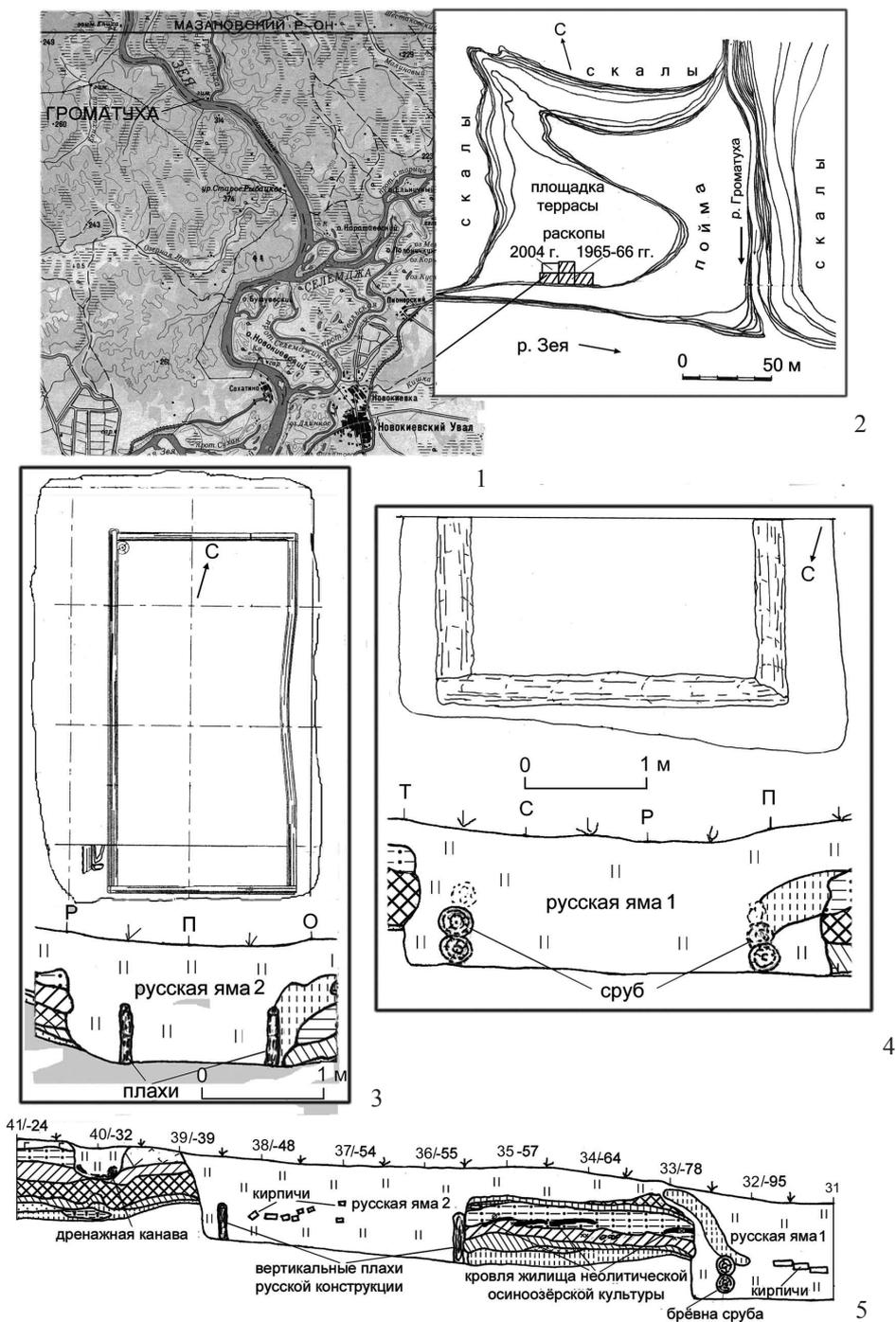

Рис. 1. Карта месторасположения памятника Громатуха (1), топографический план террасы (2), планы русских деревянных конструкций в котлованах (3, 4) и стратиграфический разрез раскопа 2004 г. (5)

Можно только предположительно сказать, что с северной стороны на цепи, которую здесь обнаружили (ее так и не смогли вытянуть из слоя), могла бегать сторожевая собака. Она должна была предупреждать появление вблизи диких зверей (медведей, кабанов, лисиц, волков) со стороны сопки и отпугивать их лаем. Реальность прихода отсюда медведя была отмечена во время раскопок в 2004 г., несмотря на наличие на местной пасеке собак.

Во дворе установлено расположение двух хранилищ-погребов, возможно печи, сложенной из плитняка, и, видимо, навеса на столбах, под которым могла находиться и печь, и ларь из четырех листовенных плах. Частично поверхность двора была покрыта настилом из досок.

Слои отложений во дворе содержали различные находки заводского и фабричного производства. Это – пластмассовые пуговицы, костяшка домино, круглая железная пряжка, обувная пряжка с двумя язычками, осколки фаянсовой посуды (тарелки, блюдца с орнаментом в виде красного кленового листа, чашки), гвозди на 150 и 200 мм, дюбель, фрагмент крупнозубой пилы, пятиугольная железная шайба, напильник, бутылочное стекло; монета в 15 коп. 1924 г., две монеты номиналом в 1 коп. и 5 коп. 1931 г. выпуска, резиновая подошва валенка, обломки кирпичей, круглая металлическая коробочка с черным кремом для обуви, гильза 16-го калибра (1945 г. выпуска), гильзы от японского карабина* и др. (рис. 2: 2, 3, 4, 7, 10, с. 244). Здесь же встречен строительный мусор в виде пласта белой краски (толщиной в три-четыре слоя), слоя извести и кирпичей. Кухонные отбросы представлены костями животных.

Однако в этом же слое найдены предметы, которые можно назвать эксклюзивными на фоне советских товаров широкого потребления или их реплик.

Прямоугольная фаянсовая пепельница (7,8 × 8,5 см) с закругленными углами на небольшом поддоне, украшенная синей каемкой и синими цветами с зелеными листьями, была произведена на Дулевском фарфоровом заводе. На обратной стороне нанесено клеймо (рис. 2: 1, с. 244), которое, по данным каталогов, является редким: его ставили с 1936 по 1945 гг.

Встреченные в русском слое обломки фаянсовой глазурованной керамики с синим орнаментом сложились в придонную часть *пиалы* на конусовидном поддоне диаметром 6,5 см, высотой 1,4 см. Толщина стенок пиалы у дна составляет 8 мм, у округлого, скошенного внутрь венчика 3 мм. Внутри емкости дно очерчивает концентрическая полоса синего цвета. Четырехлепестковый цветок изображен со смещением от центра изделия. На внешней поверхности чаши нарисованы цветы на стеблях с листьями (рис. 2: 8). Такие чаши китайского производства могли попасть на Громатуху из района Маньчжурского клина, который был ликвидирован в 1900 г. [*«Маньчжурский клин»...*, 2005, с. 46].

Глиняное *лицо куклы* европеоидного типа высотой 5 и шириной 4 см имеет высокий выпуклый лоб, глубоко посаженные глаза без выделения зрачков, слегка курносый нос и ярко выраженные губы. Левая часть лица частично сломана, сохранившееся справа ухо слегка намечено (рис. 2: 9). Цвет обожженной глины без примесей светло-коричневый. Местами на поверхности видны темные пятна как результат обжига в печи с доступом кислорода. Внешний вид лица куклы, нечеткое проявление некоторых деталей, неравномерный обжиг, возможно, связаны с репликой с оригинального фабричного изделия. Оно послужило для создания матрицы-отпечатка, которая использовалась в кустарной мастерской. На обратной стороне лицевой маски четко видны отпечатки пальца мастера, ее формовавшего.

Другим самодельным изделием является *костяная зубная щетка*. Когда она была найдена, в ней еще местами сохранялась щетина. Рабочая часть щетки длиной 3,5 см и шириной 1 см имела закругленный торцовый край. На слегка выпуклой лицевой поверхности были высверлены 37 конусовидных в разрезе ямок диаметром около 1,5–2 мм (овальные в плане), глубиной 2–2,5 мм при общей толщине пластины 2,5 мм у края и 4 мм у ручки. По длинной оси рабочей части щетки ямки расположены в три ряда: крайние насчитывают по 12, средний – 13 ямок. Ручка щетки была сломана по краю рабочей части, по последним ямкам, а также обломана с другого конца. Сохранившаяся длина ручки равна 5,8 см, наибольшая ширина – 8 мм, толщина около 4 мм. Она имеет фигурный контур, характерный для современных зубных щеток. Ручка украшена резным орнаментом. Боковые грани притуплены косыми насечками. На обеих широких поверхностях вырезаны две длинные параллельные линии, которые при переходе к ее зауженной части ограничиваются двумя короткими чертами. На конце ручки были просверлены четыре сквозных отверстия диаметром 1,5 мм, края которых были фасками увеличены до 3,5 мм. Полностью сохранилось одно отверстие, но расположение остальных трех на плоскости говорит о том, что при их помощи был создан орнамент в виде четырехлепестковой розетки (рис. 2: 6).

Среди строительных *гвоздей* встречены два экземпляра, которые используются для подковки лошадей. Они прямоугольные в сечении, с конусовидной уплощенной головкой. Длина гвоздей – 5,5 см (рис. 2: 11, 12).

Время существования поселения в устье Громатухи определяется по монетам и гильзам, которые укладываются в хронологические рамки от 1924-го до 1945 г. Редко встречаемое на дулевской фаянсовой посуде клеймо с пепельницы подтверждает эту дату. По данным из музея Мазановского района Амурской области (с. Новокиевский Увал), здесь располагался леспромхоз Усть-Громатуха (начальник Василий Борцов), который занимался

* Относительно находки японской гильзы А. Н. Арбузов сказал, что она могла остаться от японцев. В 1920-е гг. на правом, противоположном берегу Зеи, на вершине сопки, находился японский отряд, там и сейчас еще видны окопы. Об этом рассказал пожилой японец, служивший здесь в 1918–1920 гг. и сравнительно недавно приехавший на Громатуху.

лесосплавом, заготовкой леса, дров и газочурок (березовые чурки*, которые затем сжигались в бункере без достаточного количества воздуха) для газочурков (машин, тракторов). Работники жили в больших бараках**.

Рис. 2. Русские предметы из слоя поселения Усть-Громатуха:

- 1 – фаянсовая пепельница; 2–4 – пластмассовые пуговицы; 5 – плитка-абразив; 6 – костяная зубная щетка;
 7 – пластмассовая костяшка домино; 8 – фаянсовая глазурованная пиала; 9 – глиняное лицо куклы;
 10 – железная пряжка; 11–12 – железные подковные гвозди

* Березовое бревно распиливалось на «шайбы» длиной не более 7,5 см. Обломки крупнозубой пилы в 2004 г. были найдены в русском слое.

** Благодарю директора музея Ольгу Семеновну Резуну за предоставленную информацию.

Возможно, поселение могли использовать жители пос. Громатуха (в 10 км вверх по левому берегу Зеи), Сохатино, Новокиевский Увал, Мазано (в 20–25 км ниже) во время зимней охоты. Нужно заметить, что участок у устья Громатухи с древности является путем сезонной миграции животных из расположенной выше по течению на правом берегу Зеи долины небольшой безымянной речки по направлению к устью Громатухи на левом берегу. Окружающий поселение горно-таежный ландшафт до сих пор служит угольями для охоты на кабана, медведя, изюбря, косулю и других промысловых животных.

Современное антропогенное влияние на состояние древнего памятника. Анализ распространения археологических находок в русском слое показал, что основная его концентрация была вокруг выявленных хозяйственных построек. Их появление в современном слое связано с копкой котлованов и различных ям. Так, яма 1 уничтожила полностью все три археологических слоя (1–3) и с восточной стороны на 32 см внедрилась в материковый слой 4. Полностью разрушили древние слои яма 2 и дренажная траншея с восточной стороны. К западу урон, нанесенный нижележащим археологическим слоям траншеей, уменьшился: были скрыты слой 1 и 2, а наиболее древний слой 3 остался целым. Хозяйственная и строительная деятельность обитателей Усть-Громатухи привела к тому, что отложения русского слоя оказались в значительной мере насыщены преимущественно артефактами эпохи начального неолита громатухинской культуры и поздненеолитической осиноозерской культуры, отложения которого были в слое 1. Встречены фрагменты керамики мальшевской культуры раннего-среднего неолита Нижнего Амура [Мыльникова, 1999, с. 81; Шевкомуд, 2004, с. 133, рис. 102]. Судя по радиоуглеродным датам, к среднему неолиту можно отнести черепки богато орнаментированной керамической посуды из слоя 2, часть которой исследователи относят и бойсманской культуре, бытовавшей в Приморье [Морева, 2005, с. 22]. Кроме того, в русском слое найдены артефакты урильской культуры раннего железного века и раннесредневековых мохэ триоцкой группы. Некоторые переотложенные каменные артефакты можно отнести к широкому хронологическому диапазону, вплоть до современности. Например, каменная плитка-абразив (рис. 2: 5) для заточки или обточки округлых изделий, плоских лезвий из широкого спектра материала (камень, дерево, кость, металл) известна с раннего неолита и до Средневековья. Нельзя исключать ее использование и обитателями современного поселка, хотя она могла быть выброшена из археологических слоев.

Заключение. В результате анализа имеющихся материалов из раскопок памятника в устье Громатухи было установлено, что небольшое по площади русское поселение возникло на месте стоянок древнего человека. Наиболее интенсивно этот участок использовался в начальном неолите носителями громатухинской культуры и в позднем неолите племенами осиноозерской культуры. Редкие находки эпохи раннего железного века и Средневековья позволяют констатировать случайные посещения людьми этой площадки.

Русское население 1920–1940 гг. оставило после себя довольно мощные культурные отложения, обильно насыщенные не только древними артефактами, появившимися здесь в результате многочисленных перекопов поверхности террасы, но и вещами и материалами его жизнедеятельности. Прямых свидетельств о том, что обитатели Усть-Громатухи в полной мере осознавали, что они живут на месте стоянок древнего человека, не зафиксировано. Никаких сообщений о находках древних предметов на Громатухе в Амурский областной краеведческий музей (основан в августе 1891 г.) не поступало. Еще в 1925 г. заведующий губернским отделом народного образования С. Иванов (Благовещенск) сообщал в Главное управление научных, научно-художественных и музейных учреждений (Главнаука Народного комиссариата просвещения): «хотя в музее и имеются сведения о ряде мест залегания археологических остатков, разбросанных преимущественно по берегу Среднего Амура, но эти сведения настолько кратки, что не могут удовлетворить анкетным запросам. Отсутствие подробных сведений объясняется тем обстоятельством, что до сих пор в Амурской губернии не производилось научных исследований археологических остатков и вообще не было специальных работ по изучению местной археологии» [Материалы (анкеты) ..., 1925, л. 59]. Именно по этой причине в списке археологических памятников Амурской губернии было указано всего 19 пунктов [Там же, л. 60], и среди них не значилась Громатуха.

Материалы (анкеты) по учету археологических памятников // Архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1925. № 99 (192). 109 л.

Кузьмин Я. В., Нестеров С. П. Хронология неолитических культур Западного Приамурья // Традиционная культура Востока Азии. – Благовещенск, 2010. – Вып. 6. – С. 103–110.

«Маньчжурский клин»: история, народы, религии / С. Э. Аниховский, Д. П. Болотин, А. П. Забияко, Т. А. Пан. – Благовещенск : Амур. гос. ун-т, 2005. – 316 с.

Морева О. Л. Керамика бойсманской культуры (по материалам памятника Бойсмана-2) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Владивосток, 2005. – 26 с.

Мыльникова Л. Н. Гончарство неолитических племен Нижнего Амура (по материалам поселения Кондон-Почта). – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. – 160 с.

Окладников А. П., Деревянко А. П. Громатухинская культура. – Новосибирск : Наука, 1977. – 288 с.

Шевкомуд И. Я. Поздний неолит Нижнего Амура. – Владивосток : ДВО РАН, 2004. – 156 с.

RUSSIAN SETTLEMENT UST-GROMATUHA AND ITS INFLUENCE ON THE PRESERVATION OF THE NEOLITHIC SITE

In 1960 and 2004 during the excavation of the multilayer Neolithic site Gromatuha on the river Zeya layer studied sediments 1920–1940-ies Russian settlement. There are two cellars excavated, the remains of a stone oven, drainage trench. The investigated portion terrace between the house and the bank of the Zeya River was a courtyard with outbuildings, shelter and wooden walkways. Besides Russian items of industrial production, in the Russian found a layer exclusive items, including hand-made. Multiple construction works of the village inhabitants led to the destruction on the terrace of the ancient archaeological layers, in some cases, to total destruction. The information about the Russian settlement on Gromatuha in the archive of the Amur region is not detected, as well as messages of the finds its inhabitants are ancient objects.

Keywords: Amur region, Gromatuha, Russian settlement, Gromatuhinskaya, Osinozerskaya Neolithic cultures.

УДК 94 (517.24)

Е. А. Багрин

Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина, Санкт-Петербург

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ КОСТЮМА И КОМПЛЕКСА ВООРУЖЕНИЯ «АМУРСКИХ» КАЗАКОВ Е. ХАБАРОВА И О. СТЕПАНОВА В 1650-е ГОДЫ*

В статье представлены графические реконструкции костюма и комплекса вооружения русских первопроходцев, которые действовали в Приамурье под руководством Ерофея Хабарова и Онуфрия Степанова в 50-е гг. XVII в. Для реконструкции военного костюма и набора оружия русских служилых людей использованы материалы письменных и изобразительных источников, предметы музейных коллекций и находки из археологических экспедиций, относящиеся к первопроходцам Сибири и Дальнего Востока и военной культуре Русского государства XVII в. В статье представлены реконструкции следующих комплектов одежды и оружия: Ерофея Хабарова, тяжеловооруженного казака из его экспедиции и воина из «Амурского войска» Онуфрия Степанова после обороны Комарского острога. Главной их отличительной особенностью является сочетание в едином комплексе русских, даурских, дючерских и маньчжурских предметов одежды и вооружения.

Ключевые слова: Сибирь, Дальний Восток, XVII в., первопроходцы, казаки, реконструкция, Е. П. Хабаров, О. Степанов, Амур, служилые люди.

Графическая реконструкция военного костюма первопроходцев, действовавших на Дальнем Востоке в 1640–1650-е гг., до настоящего момента почти не делалась. Пожалуй, единственной опубликованной работой в этом направлении являются рисунки Л. А. Боброва [Бобров, Худяков, 2008]. Также Е. А. Багрин опубликовал некоторые данные, взятые из письменных источников, о вооружении и костюме русских служилых людей, способные послужить основой для создания графических реконструкций, изображающих русских воинов в Сибири в XVII в. [Багрин, 2013]. В статье приведены три графические реконструкции, представляющие русских первопроходцев, участвовавших в основных военных событиях, происходивших на Дальнем Востоке в 50-е гг. XVII в. Все рисунки выполнены художником Н. Д. Фоминым при его деятельном участии в уточнении внешнего облика реконструируемых вещей и образов (рис. 1–3, с. 249).

Реконструкция № 1. Ерофей Павлович Хабаров. Приамурье. 1653 г. (рис. 2, с. 249)

Разгромив самые богатые поселения даур и дючеров, Е. П. Хабаров и его люди захватили большое количество дорогой, нарядной одежды, ставшей частью их гардероба. В одном из документов отмечается, что «Даурской земли завотчик Ярко Хабаров с товарищи в камчатом платье по Лене реке, и на Ленском волоку, наряжая,

* Реконструкции и материал статьи представлены в коллективной монографии (Албазинский острог: история, археология, антропология народов Приамурья / под ред. А. П. Забияко, А. Н. Черкасова. – Новосибирск : Изд-во И-та археологии и этнографии СО РАН, 2017, в печати).

© Багрин Е. А., 2017

и хвалил Даурскую землю... говорил что там житье богатое» [*Красноштанов*, 2008, с. 426]. В перечнях имущества Е. П. Хабарова указано более 30 шуб и других видов одежды из пушнины и больше 20 «озямов, камок и отласов – громленных у даурских людей» [Там же, с. 450–460].

В основу реконструкции комплекта верхней одежды и обуви знаменитого землепроходца легли данные о подарке Е. П. Хабаровым московскому дворянину Дмитрию Ивановичу Зиновьеву алого камчатого кафтана, камчатых червчатых (ярко-малиновых. – *Е. Б.*) штанов и собольих рукавиц, покрытых червчатым сукном, бывших частью его «амурской» добычи. В ответ от Д. А. Зиновьева он получил дорогую одежду из европейской части России: вишневым охабень (цена – 20 руб.), сафьянные башмаки и ичетоги (7 руб.), черные сафьянные сапоги (5 руб.), шапку бобровую «на оба лица» (10 руб.), лазоревые (ярко-голубые. – *Е. Б.*) штаны (7 руб.), две рубашки и двое порток (10 руб.), изображенные на реконструкции сафьянные желтые сапоги (12 руб.) и бархатную шапку с соболем (12 руб.).

Эти элементы одежды дополняет самая дорогая шуба, которая числится в списке «погромной рухляди», принадлежавшей Е. П. Хабарову, – «шуба соболя пластинная под золотою червчатою камкою с восемью серебряными пуговицами», ценой 65 руб. Шуба также дополнялась не представленным на реконструкции ожерельем из черных собольих хвостов, «кроеных надвое». Таким образом, вся вышеперечисленная одежда и обувь документально соотнесена с Е. П. Хабаровым и гипотетически могла им носиться, что делает реконструкцию достаточно достоверной.

Пояс с серебряными ажурными бляшками, изображенный на Е. П. Хабарове, соответствует поясам, которые носили коренные жители Приамурья в XVII–XVIII вв.

В упомянутом перечне доспехов, выданных Е. П. Хабарову из казны в Якутске для «войска», перечислены 34 куйка, 23 наруча, 13 шлемов «ерихонок», две мисюрки и панцирь [*Красноштанов*, 2008, с. 250].

С большой долей уверенности можно говорить о том, что Хабаров имел, подобно большей части добротного снаряженных им людей, саблю и якутский куйак, дополненный русскими наручами. За образец сабли на реконструкции взят клинок XVII в., хранящийся в Оружейной палате Московского Кремля. В тексте документов есть сведения о том, что Е. П. Хабаров обладал достаточно тяжелым ударом – одному из аманатов он отрубил руку, а другого и вовсе «пересек надвое посеретке пополам» [Там же, с. 327]. Якутский куйак представлен в том виде, в каком его изобразил знаменитый исследователь истории оружия М. В. Горелик. В реконструкции комплекта доспеха атамана использованы мисюрка и панцирь, выделяющиеся на общем фоне, упомянутого арсенала. Интересно, что в северо-восточном регионе, контролируемом из Якутска, мисюрки, вероятно, носили достаточно длительное время. А. К. Нефедкин, основываясь на чукотских преданиях, предполагает, что майор Д. И. Павлуцкий в последнем своем бою на Чукотке в 1747 г. носил «шапку-мисюрку» [*Нефедкин*, 2003, с. 235–236], а якутские власти в период экспедиции Хабарова отмечали, что было бы хорошо иметь в запасе «500 пищалей гладких и 100 панцирей добрых с шапками мисюрками» [*Красноштанов*, 2008, с. 250].

Таким образом, на реконструкции Е. П. Хабарова одет в даурские вещи: кафтан алого цвета и малиновые штаны из камки, соболиную шубу с серебряными пуговицами, покрытую малиновой камкой с золотым узором, и соболиные рукавицы, покрытые малиновым сукном. Пояс атамана украшен даурскими серебряными бляшками. Одежду народов Приамурья в его гардеробе дополняют русские бархатная шапка с соболем и желтые сафьяновые сапоги. Вооружение Е. П. Хабарова состоит из восточной сабли, русских мисюрки, панциря и наручей, якутского куйака.

Реконструкция № 2. Тяжеловооруженный казак. Экспедиция Е. П. Хабарова. Приамурье. 1653 г. (рис. 1: 1, с. 249)

Отличительной особенностью костюма казаков, бывших на Амуре с Е. П. Хабаровым, от остальных служилых «сибиряков» является широкое использование ими одежды, захваченной в даурских и дючерских поселениях. Как правило, трофеем становилась одежда из дорогих китайских тканей. Илимские чиновники отмечали, что даурские служилые люди, шедшие в Москву с Амурского острога с отписками, говорили, что в Даурской земле носят «платья золотые и камчатые всегда холсту вместо. И сами они даурские платья надевали на себя. А иным всяких чинов людям Илимского острогу и в уезде такое платье показывали». Например, Петр Бекетов имел «четыре камки даурские, две которые с травами розных цветов» (цена – 14 руб.), «две камки двоелистные, чернато и шелк с лазоревым» (1 руб. с полтиною), «спорок черной и камчатой с цветными травами, ношены, червчатые» (6 руб.), «две рубашки камчатые белые» (5 руб.), «штаны камчатые зеленые, подложены кумачем» (3 руб. 50 коп.), «двой штаны камчатые белые» (6 руб.), а казак Якунька Мелентьев – «азям камчатой на золоте, цвет зеленой Даурской земли» (8 руб.) [*Красноштанов*, 2008, с. 432–433, 548–549].

В руки к амурским казакам также попало значительное количество меховой даурской и дючерской одежды. Главным образом это были шубы и малахай. Они рассматривались как товар, имевший высокую цену, и носились в повседневном быту. Брат Е. П. Хабарова Никифор после экспедиции имел девять соболиных шуб и восемь малахаев [Там же, с. 533]; Степан Поляков – три шубы соболя и малахай хвостовой, а среди вещей Петра Бекетова числились «шуба соболя пластинная с ожерельем, шуба пупкатая соболя, восемь малахаев хвостовых соболя их (9 руб. с полтиною), двой рукавицы соболя, пять малахаев соболя даурских под камкою, пушены выдрой (7 руб. с полтиною)» [Там же, с. 548–549]. В описи «даурской погромной мягкой рухляди» из 18 служилых людей,

вернувшихся с Амура в Якутск, больше половины имели от одного до шести малахаев хвостовых собольих и от одной до четырех шуб «даурских пластинчатых собольих» [Красноштанов, 2008, с. 475, 527–529]. Иногда в документах встречаются более подробные описания даурской одежды. Это является ценной информацией для ее реконструкции, например, «треух соболей под камкою, опушен хвостами собольими» [Там же, с. 535–536]. Интересно, что отдельно казаки привозили «кружки жемчужные с нанизанным жемчугом, те кружочки у даурских людей нашиты на шапках» [Там же, с. 340–341]. Кроме шуб и головных уборов из шкурки соболя, носилась трофейная одежда и из другой пушнины. Например, казак Федька Иванов имел «шубу рысью под мелкотравчатой камкою розных цветов» [Там же, с. 432–433].

Таким образом, обычная одежда русских сибиряков на Амуре дополнялась даурскими и дючерскими меховыми шубами и малахаями, а также верхней одеждой из дорогих китайских тканей.

Вооружение русских «амурцев» составляли пищали, мушкеты, сабли, копья и ножи. Не исключено употребление в бою луков. Защитным вооружением значительной части людей, бывших в отряде Е. П. Хабарова, были куяки. Часть людей имела более разнообразное вооружение, так как в Якутском остроге перед походом им были выданы «тридцать четыре куяка, да дватцать трои наручи, да тринацать шапок ерихонских, да две шапки-мистюрки, да пансырь» [Там же, с. 250].

Один из казаков Дружинки Васильев Попов в челобитной о своей службе на Амуре писал: «был... я холоп твой, на боях в куяке и в шапке и в наручнях... билися мы... сцепным боем с утра до вечера в трех, приходили многие стрелы, и меня... ранили, наручень проббили у правой руки и уранили в мышку, и по полым местам ранили правую ногу по берцу, а мою ногу по колену» [Там же, с. 275]. На людях Е. П. Хабарова были якутские куяки. Подлинный их облик, к сожалению, на данный момент невозможно установить, однако в документах есть сведения о большой надежности этих доспехов [Багрин, 2013, с. 123–125]. По информации из челобитной Дружинки Попова можно судить о том, что полы куяка имели длину до колена, не защищая ногу ниже.

На реконструкции представлен собирательный образ, не относящийся к комплекту одежды и вооружения какого-то одного конкретного участника амурских экспедиций. Казак одет в «шубу нагольную (мехом наружу. – Е. Б.) даурскую с полурукавами», «озям даурский рудожелтой (желтый с красноватым оттенком, рыжий. – Е. Б.) золотной, подложеный камкою лазоревою», «штаны даурские камчатые» красного цвета и собольи рукавицы, даурский пояс с металлическими бляшками и русские черные сафьяновые сапоги.

Казак вооружен русскими пищалью, саблей и ножом. На его поясе висит пороховница с государственным орлом (аналогичная экспонатам, хранящимся в Оружейной палате), чтобы подчеркнуть момент того, что большая часть оружия, которое использовали казаки, была получена из государственной казны. Защитное вооружение соответствует по комплектности вооружению казака Дружинки Васильева Попова: якутский куяк, наручи и «шапка ерихонская».

Реконструкция № 3. Казак Амурского войска Онуфрия Степанова после отражения осады Комарского острога. Приамурье. 1655 г. (рис. 1: 2, с. 249)

Пополнявшие Амурское войско люди были одеты и снаряжены также, как и основная масса русских первопроходцев, осваивавших северные и северо-восточные регионы Сибири. После того как большая часть дауров и дючеров подверглась разгрому экспедицией Е. П. Хабарова и была выселена маньчжурами с Амура, одежда из дорогих китайских тканей стала редким трофеем и перестала влиять на формирование внешнего облика первопроходцев. Однако включение элементов одежды местного населения в русский костюм по-прежнему сохранилось, главным образом меховых головных уборов и шуб.

Стандартный набор одежды русского сибиряка отражен в челобитной, написанной в 1629 г. Е. П. Хабаровым, о беззаконии мангазейского воеводы Г. И. Кокорева: «и закладывают у него на дворе в том карчевном питье платье: кафтаны, и шубы, и шапки, и рубахи, и портки, и кресты, и перстни» [Красноштанов, 2008, с. 28]. В бассейне Лены первопроходцы носили одежду из сермяжного сукна и холста, бараньи шубы, рукавицы – вареги [Там же, с. 79–80, 122, 164, 234, 477]. Обувью служили чарки, уледницы и сапоги [Там же, с. 122, 164, 234]. В документах упоминаются чарки красного цвета и сукно белого. Одежда людей зависела от их достатка. Например, наемные работники Е. П. Хабарова имели полученную от него одежду из «сукна англещкого». Сам Хабаров, отправляясь в Ленский острог в 1637 г., среди прочих товаров привозил на продажу и дорогую одежду – «двадцать семь кафтанов бархатных» [Красноштанов, 2008, с. 79, 94, 190]. В 1645 г. зипун одного из промышленных людей на Лене стоил 5 руб., а сапоги – 1 руб. [Там же, с. 177].

Реконструированный образ казака из Амурского войска Онуфрия Степанова не относится к какому-либо конкретному человеку, а имеет собирательный характер. За основу представленного комплекта вещей взяты данные, касающиеся описания остатков снаряжения людей из посольства Е. Чечигина, отправленного в Китай и перебитого дючерами на Амуре: «убитых, по юртам многие признаки находили: зипунные, и штанные, и рубашечные, и чулошные, и сапожные, и вершечные обрезки. Да их же, убитых, нашли котлы и топоры, и сковородку, и нож, и от лядунок наконечники, и от натрусков набойки, и от поясов пряжи и запряжники, и выбойки от пологу, и заболташи пулешные» [Красноштанов, 2008, с. 493]. Как видим, в этом описании оказались представлены практически все важные элементы снаряжения русского первопроходца этого периода.

На реконструкции казак одет в русский кафтан из сермяги (шерстяная ткань) красно-коричневого цвета с подолом чуть выше колена по сибирской моде; русские штаны белые, суконные, сшитые почти в обтяжку; чулки вязаные, темно-песочного цвета, из шерсти, доходящие до колена; красные чарки с затяжками на щиколотке. Все цвета соотнесены с описаниями аналогичных вещей в документах, касающихся сибиряков из бассейна Лены. Одежду дополняет малахай (малахай хвостовой, соболиный, с вершком из зеленой камки) – распространенный головной убор народов Приамурья. За образец изображения чарок взята реконструкция обуви сибиряков, выполненная В. Б. Богомоловым и Л. В. Татауровой на основе материалов из погребений [Богомолов, Татаурова, 2014, с. 7–18].

Защитное вооружение казака состоит из части трофейного маньчжурского доспеха, захваченного под Комарским острогом. Уходя, китайцы бросили значительное количество вооружения, которое было подобрано русскими и принесено в острог: «куяки, шишаки и наручни... и дорогию... те воинские люди доспешную свою одежду метали, целые куюки и шишаки... и мы... ту доспешную одежду дорогою собрав, пришли в Комарский острожек» [Красноштанов, 2008, с. 522].

Казак вооружен русскими пищалью, ножом и дорожным топориком, а также трофейным копьем с древком, обмотанным берестой, захваченным у народов Приамурья (ср. рис. 3). В снаряжение входят русский пояс с пряжкой, лядунка (сумка для патронов), заболташ (сумочка для пуль) и пороховница. За плечами кожаный короб с прикрепленным котелком. Совокупная стоимость пищали, двух фунтов пороха, двух фунтов свинца и котла в среде русских первопроходцев на Амуре могла достигать 60–70 руб. [Красноштанов, 2008, с. 260]. Вооружение казака соответствует комплексу вооружения, сложившемуся среди русских в Приамурье в этот период, а его поза – позы русского первопроходца, изображенного на одной из миниатюр Ремезовской летописи (рис. 4).

Рис. 1. Тяжеловооруженный казак. Экспедиция Е. П. Хабарова. Приамурье. 1653 г. (1); казак Амурского войска Онуфрия Степанова после отражения осады Комарского острога. Приамурье. 1655 г. (2)

Рис. 2. Ерофей Павлович Хабаров. Приамурье. 1653 г.

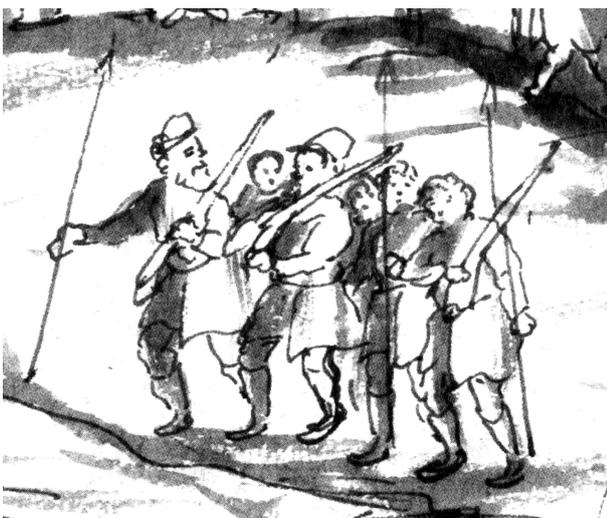

Рис. 3. Фрагмент рисунка из Ремезовской летописи, изображающий небольшой отряд русских первопроходцев. Одной рукой они держат копыя, опираясь на них во время ходьбы, другой рукой удерживают ружья, положенные на плечи

Рис. 4. Фрагмент рисунка из Ремезовской летописи, изображающий трех русских первопроходцев, один из которых с заплечным коробом

Таким образом, нами сделана попытка максимально точно отобразить костюм и вооружение русских первооткрывателей Дальнего Востока. Однако работа в этом направлении не может считаться законченной. Благодаря деятельности историков и археологов, появляется много новых данных, которые способствуют созданию более детальной и точной реконструкции военного костюма русских служивых людей.

Багрин Е. А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: тактика и вооружение служивых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. – СПб. : Нестор-История, 2013. – 288 с.

Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). – СПб. : Филол. фак. СПбГТУ, 2008. – 776 с.

Богомолов В. Б., Татаурова Л. В. Погребальная кожаная обувь русских Омского Прииртышья XVII–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014. – Т. 2. – С. 7–18.

Красноштанов Г. Б. Ерофей Павлович Хабаров. – Хабаровск : Приамур. географ. о-во, РИОТИП, 2008. – 752 с.

Нефедкин А. К. Военное дело чукчей (середина XVII – начало XX вв.). – СПб. : Петербург. востоковедение, 2003. – 352 с.

Ремезовская летопись. – URL: http://antipont.ru/remizov_letopis.php (дата обращения: 03.03.2017).

Е. А. Багрин

Presidential Boris Yeltsin Library, Saint-Petersburg

THE QUESTION OF RECONSTRUCTION OF COSTUME AND WEAPON SYSTEM OF AMUR COSSACK UNDER THE LEADERSHIP OF E. KHABAROV AND O. STEPANOV IN 1650s

The article represents the graphic reconstructions of costume and weapon system of Russian pathfinders, who had taken action in the Amur region under the leadership of Yerofey Khabarov and Onuphrius Stepanov in 50s of 17th century. For the reconstruction of military costume and weapon set of Russian serving men were used the content of written and visual sources, objects of museum collections and findings from archaeological expeditions related to the pathfinders of Siberia and the Far East and the Russian military culture of the 17th century.

The article presents the reconstruction of costume and weapon sets belonging to Yerofey Khabarov, heavily armed Cossack from Khabarov's expedition and the warrior from the "Amur troops" – Onuphrius Stepanov after defense of Komarsky Fort. The main characteristic of them is the combination of Russian, Dahurian, Ducher and Manchurian costume and weapon set in a single complex.

Keywords: Siberia, Far East, 17th century, pathfinders, the Cossacks, reconstruction, Khabarov, Stepanov, Amur river, serving people.

УДК 902

А. В. Константинов

Забайкальский государственный университет, Чита

ЦЕРКОВЬ УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ В СЕЛЕ КАЛИНИНО ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье освещены предварительные результаты археологических исследований территории, прилегающей к Успенской церкви в с. Калинино (Монастырское) Нерчинского района Забайкальского края. Церковь, построенная в 1712 г. по указу Петра I, была центром Нерчинского монастыря, который являлся форпостом православия на востоке страны. Монастырь располагался напротив устья Нерчи на правом берегу Шилки в нескольких километрах от Нерчинска – старейшего города за Байкалом (основан в 1653 г. как острог, с 1689 г. город). В монастыре нашли приют первые землепроходцы Забайкалья, одновременно монастырь использовался для заточения особо опасных государственных преступников. Здесь «под строгим караулом» в 1730-х гг. содержался опальный иерарх Русской православной церкви Гедеон (Г. Дашков). От некогда

многочисленных монастырских строений осталась одна церковь. Закрытая в 1930 г., к 1970-м гг. она пришла в полное запустение. В церковь свободно заходил скот, и она напоминала «авгиевы конюшни». Церковь является уникальным памятником истории и культуры, самым древним каменным сооружением на территории от Байкала до Тихого океана. С 2010 г. ставится вопрос о реконструкции церкви, создан попечительский совет, разработана проектно-сметная документация. Однако разработанная документация не предполагает проведения предварительных археологических работ, которые очень нужны. С целью аргументации данного положения на территории памятника были проведены разведывательные работы. Они позволили установить характер культурного слоя, получить разнообразные артефакты, выявить захоронения и предварительно наметить границы некрополя. К северу от храма ведутся целенаправленные поиски могилы Гедсона. Дальнейшее проведение археологических работ представляется крайне необходимым.

Ключевые слова: Забайкальский край, с. Калинино (Монастырское), Нерчинск, Нерчинский Успенский монастырь, церковь Успения Пресвятой Богородицы, Петр I, Гедсон (Г. Дашков), культурный слой, артефакты, некрополь.

В 2016 г. волонтерским археологическим отрядом Забайкальского государственного университета под руководством автора статьи при поддержке Забайкальского регионального отделения Русского географического общества проводились разведывательные работы на территории церкви Успения Пресвятой Богородицы в с. Калинино Нерчинского района Забайкальского края.

Местоположение и история церкви примечательны. Церковь расположена в с. Калинино (бывшее Монастырское) на правом берегу Шилки напротив устья Нерчи в непосредственной близости от старинного сибирского г. Нерчинска – административного центра «земли даурской». Как известно, Нерчинский (Нелюдский) острог был основан в 1653 г. М. Урасовым – казачьим десятником в отряде П. Бекетова. Построенный им «малый острожек» был поставлен на правом берегу Шилки и, вполне вероятно, на месте с. Калинино, но просуществовал он совсем недолго и был сожжен тунгусами в 1656 г. В 1658 г. острог был заново отстроен А. Пашковым в устье Нерчи, но уже на левом берегу Шилки. Таким образом, церковь и острог в течение XVII–XVIII вв. находились в пределах видимости в нескольких километрах друг от друга (в начале XIX в. Нерчинск из-за наводнений вновь был перенесен выше по Нерчи). Заметим, что оба отряда землепроходцев и П. Бекетова – казачьего сотника, и А. Пашкова – енисейского воеводы формировались в Енисейске, откуда и отправились за Байкал в таинственную Даурию. В отряде А. Пашкова находился опальный протопоп Аввакум с семьей.

На территории Нерчинского острога, или, как он еще именуется местными жителями, Старого города (ныне с. Михайловское), под руководством А. Р. Артемьева проводились археологические раскопки [Артемьев, 1999].

Строительство церкви связано с созданием Нерчинского мужского монастыря. По просьбе первых забайкальских землепроходцев на имя Петра I была подана челобитная. В ней они молили государя об устройении обители: «И те престарелые отставленные служилые люди желают постричься. А в Нерчинске де монастыря не бывало, и по се время нет». В 1706 г. Петром I был издан указ о начале строительства Успенской церкви, которое завершилось в 1712 г. [Казакова, Литвинцев, 2013, с. 17]. Несомненный интерес представляет архитектура церкви. По своему типу она относится к бесстолпным храмам с традиционной осевой композицией: алтарь, четверик храма, трапезная и трехъярусная колокольня. Основной объем завершен пятью главами. Композиция колокольни традиционна: восьмерик на четверике, с шатровым завершением (рис. 1, с. 253).

Отметим также, что строительство каменного храма в начале XVIII в. само по себе уникально, поскольку указом того же Петра I сооружение каменных зданий было запрещено в связи со строительством новой столицы – Петербурга. Монастырь был обителью не только монахов. Здесь содержали особо опасных государственных преступников. Среди монастырских узников самым известным был Гедсон (Г. Дашков) – один из иерархов Русской православной церкви начала XVIII в., вице-президент Священного Синода, архиепископ Ростовский и Ярославский, обвиненный в государственной измене и сосланный в монастырь с наказом «содержать его там до смерти не исходно под крепким караулом и никого к нему не допускать» [Карташев, 2007, с. 260].

Монастырский период в истории церкви закончился в 1773 г., когда Нерчинский Успенский монастырь был упразднен. Утварь и имущество перевезли в Иркутск, оставшихся трех монахов перевели в Киренский монастырь, а монастырские земли передали крестьянам. Спустя два года крестьяне селений Монастырское, Закаменное, Матусово и Кирочинское просили открыть приход и дать им священника. Просьба была удовлетворена, и в 1775 г. приход был учрежден, его первым настоятелем стал Иосиф Титов. Во второй половине XIX в. церковь на средства прихожан была отреставрирована. Крыша покрыта листовым железом, полы перестелены, обновлены иконостасы, престолы с жертвенниками вновь освящены, вокруг церкви появилась новая ограда. В церкви в это время долго служил священник Иоанн Знаменский, положивший начало династии священнослужителей.

В 1923 г. с. Монастырское посетил один из руководителей партии и советского государства, или, как его называли, «всесоюзный староста», – М. И. Калинин. В селе перед церковью в честь приезда высокого гостя была построена трибуна, с которой М. И. Калинин выступил перед крестьянами окрестных сел. После этого село и было переименовано в его честь. В 1930 г. после ареста настоятеля Успенской церкви Н. И. Знаменского храм был

закрыт и какое-то время использовался под разные нужды, а с 1970-х гг. он стал полностью бесхозным и в результате начал быстро разрушаться.

В 1980-х гг. изучением церкви занялся известный специалист по историко-архитектурному наследию Н. П. Крадин. Он первый оценил масштаб разрушений церкви и поставил вопрос о необходимости ее срочной реконструкции. Оценивая значение церкви, он особо подчеркивал, что она является единственным примером каменного церковного зодчества на территории к востоку от Байкала того времени. Благодаря публикации материалов в альманахе Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, результаты исследований получили широкую известность [Крадин, 1984]. Однако в то время в практическую плоскость вопрос, к сожалению, так и не перешел.

Интерес к церкви резко возрос в начале 2000-х гг. Об ее истории, архитектуре, необходимости реконструкции в это время были написаны десятки статей в различных изданиях. Усилиями волонтеров церковь была освобождена от мусора, а вокруг нее на расстоянии 5–8 м установлена ограда.

В 2010 г. в Забайкальском крае провели конкурс «7 чудес Забайкалья». По итогам конкурса наибольшее количество голосов получила именно Успенская церковь. В целях организации ее реконструкции был создан попечительский совет, председателем которого стал губернатор края Р. Ф. Гениатулин. В 2011 г. разработана проектно-сметная документация – «Проект консервации объекта культурного наследия» и «Реконструкция церкви Успения Пресвятой Богородицы в с. Калинино Нерчинского района». В крае начался сбор средств на реконструкцию церкви, начать работы планировалось в 2012 г. Однако осуществить задуманное из-за нехватки средств так и не удалось. Заметим, что вопрос о проведении археологических исследований на территории, прилегающей к церкви, в принятых документах даже не был обозначен.

Все последующие годы церковь продолжает разрушаться. Разведывательные археологические работы на территории Успенской церкви решено было провести, чтобы попытаться еще раз привлечь внимание властей и общественности к необходимости проведения срочной реконструкции церкви и организации целенаправленных археологических изысканий. В ходе осмотра церкви на колокольне в слое мусора была обнаружена медная прямоугольная накладка, видимо, от церковной книги. Она украшена сферическим выступом, от которого в разные стороны расходятся лучи.

Раскоп площадью 65 кв. м был заложен вдоль северной стены храма, обращенной к р. Шилке. Раскопки позволили выявить стратиграфию культурного слоя, получить набор артефактов, понять характер их распространения, выявить неизвестные прихрамовые структуры. Все находки связаны с верхней частью отложений (почвенно-дерновый слой) и залегают в нем до глубины в 15–20 см. Ниже идет другой литологический слой – темный (до черноты) почвенный слой времени атлантического оптимума (8–4 тыс. л. н.), который не содержит находок.

В ходе раскопок найдено 242 предмета. Среди них 106 фрагментов керамики, 12 обломков фаянсовых и восемь фрагментов стеклянных сосудов, 110 кованых железных гвоздей и их обломков, пять фрагментов слюды. Особый интерес представляет медный нательный крестик размерами 3,5 × 5,3 см. Керамика преимущественно лепная, неорнаментированная, средняя толщина фрагментов – 0,5–0,7 см. Цвет от светло- до темно-коричневого. Тесто пористое, обожжено неравномерно, отощено мелкозернистым песком и дресвой. Обнаружено 12 фрагментов венчиков, из которых три прямых гладко срезанных и девять слегка отогнутых наружу.

Фрагменты фаянсовой посуды преимущественно белого и голубого цвета имеют среднюю толщину 0,3–0,5 см. Толщина осколков стеклянных сосудов от 0,5 до 1,2 см, стекло полупрозрачное, зеленого цвета. Обнаружено донышко из стекла зеленого цвета толщиной 1 см. Все кованые железные гвозди в сечении четырехгранные или круглые, длиной от 4 до 10 см при диаметре шляпки от 0,7 до 1 см. Находки в целом распространены по площади равномерно. Обнаруженный материал датируется XVIII – началом XX вв.

Неожиданностью стало обнаружение на глубине 5 см от поверхности хорошо сохранившейся выкладки из тщательно уложенных небольших каменных плиток алевролита толщиной в 1 см. Выкладка ориентирована вдоль стены (2,7 м от северного входа в церковь и 2 м от стены) и имеет длину 1,85 м при ширине 0,5 м (с западной стороны) и 0,35 м (с восточной). Внешне по форме выкладка напоминала крышку гроба и, казалось, свидетельствовала о наличии в этом месте захоронения. Однако такового не оказалась, что подтвердила небольшая траншея, прорытая параллельно выкладке (сама выкладка не разбиралась). Можно предположить, что выкладка играла роль своеобразного кенотафа (рис. 2, с. 253).

Известно, что с северной стороны храма недалеко от входа в 1739 г. был похоронен упомянутый выше опальный церковный иерарх Гедеон (в монастыре находился с 1735 г.). Его похоронили за пределами монастырского некрополя, без какого-либо обозначения могилы (он был государственный преступник), но всё-таки рядом с церковью (он не был лишен сана). Высочайший указ от 23 октября 1740 г. о помиловании невинносланных в предшествующее царствование уже не застал схимонаха Гедеона в живых. О возведении после этого указа какого-либо надгробного сооружения на его могиле сведений нет. Возьмем на себя смелость высказать предположение, что могила Гедеона была потеряна, а затем возникла идея ее символически отметить. В результате и появилась выявленная нами выкладка. Известно только, что в XIX в. нерчинцы (в то время они именовались нерчугане) хорошо помнили, что у северной стены храма был похоронен Гедеон, о нахождении его могилы напоминал разросшийся куст бузины, по преданию посаженный им самим [Георгий Дашков в ссылке..., 1867, с. 24]. На фотографиях церкви конца XIX столетия видны разросшиеся кусты бузины у церковной ограды.

По свидетельству местных жителей, еще в 1970-е гг. у храма с восточной и южной сторон сохранялись могильные сооружения некрополя. Известно, что за алтарем хоронили церковнослужителей. Здесь был похоронен и известный священник Иоанн Знаменский, много лет служивший в храме, и его супруга. Сейчас о наличии здесь храмового некрополя напоминает несколько каменных надгробий, которые просто валяются на поверхности и уже давно утратили свое первоначальное местоположение. В 2014 г. с южной стороны храма за церковной оградой построили часовню, которая попала на захоронения. Это подтверждают человеческие кости, оказавшиеся на поверхности при закладке фундамента часовни.

С целью изучения некрополя с восточной стороны, за алтарем, была заложена разведывательная траншея. В ней выявлено семь плотно расположенных захоронений. При этом мы не ставили цель их вскрытия (проводилась только их зачистка по поверхности). Зафиксированы контуры шести могильных ям и массивная погребальная плита из песчаника толщиной до 30 см. При зачистке поверхности могильных ям отмечены отдельные человеческие кости. Вероятно, они оказывались на поверхности при подготовке очередной могилы. Можно предположить, что хронологически все захоронения относятся к XVIII – началу XX вв. (рис. 3).

Рис. 1. Общий вид Успенской церкви с северо-востока

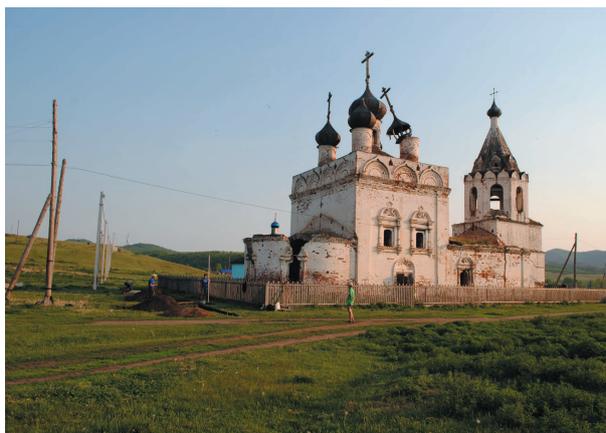

Рис. 2. Выкладка у северного входа в храм

Рис. 3. Изучение приалтарной территории

Проведение археологических исследований на территории Успенской церкви в 2016 г. было поддержано академиком СО РАН М. И. Эповым – директором Института нефтегазовой геологии и геофизики (ИНГГ) СО РАН (Новосибирск). Совместно с археологами работала группа геофизиков – сотрудников ИНГГ и Института природных ресурсов, экологии и криологии (ИПРЭК) СО РАН (Чита) под руководством В. В. Оленченко и А. А. Шеина. Геофизическими методами была исследована как сама церковь, так и территория, прилегающая к ней. По линиям археологической квадратной сетки проведены соответствующие геофизические измерения на достаточно большой территории некрополя (алтарная – восточная сторона), а также с северной стороны храма. В настоящее время результаты исследований обрабатываются. Надеемся, что они будут полезны при проведении будущих археологических исследований и в целом при реконструкции церкви.

Археологические работы на территории Успенской церкви в с. Калинино (Монастырское) только начаты, и впереди предстоит еще очень много работы. Тем не менее уже сейчас можно сделать ряд выводов и дать некоторые рекомендации. Необходимо обосновать границы охранной зоны. Как уже упоминалось, в настоящее время церковь обнесена оградой. Однако при этом большая часть некрополя оказалась за пределами огороженной территории. Также представляется, что охранная зона должна обеспечить пространственное восприятие памятника. За пределами охранной зоны нужно устроить стоянку для транспорта и т. д.

Уже сейчас можно говорить о различиях культуросодержащих остатков на участках вокруг церкви. За алтарем и с южной стороны выявлены следы многочисленных захоронений. Значительное количество артефактов с северной стороны храма (прежде всего кованых гвоздей) подтверждает сведения о ремонте храма.

При реконструкции следует учесть необходимость установки памятных знаков, например, за алтарем знак о том, что в этом месте находится православный некрополь, где упокоились в том числе первые землепроходцы Забайкалья. Стоило бы отдельно обозначить место захоронения священника Иоанна Знаменского и его супруги. И, конечно, с северной стороны храма следует обозначить хотя бы примерно место захоронения Гедео́на – крупнейшего деятеля Русской православной церкви, похороненного в Сибири. Археологическое изучение территории Успенской церкви позволит существенно дополнить ее историю, предоставит важные сведения для ее реконструкции и позволит церкви получить статус памятника федерального значения.

Арте́мьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. – Владивосток : [Б. и.], 1999. – 336 с.

Георгий Дашков в ссылке в Нерчинске // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. – 1867. – № 2 (14 янв.). – С. 15–24.

Казакова Т. П., Литвинцев С. Ю. Успенский монастырь // Нерчинск. Альбомная серия «Энциклопедии Забайкалья». – Чита, 2013. – С. 31–39.

Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. – Т. 2 : Патриарший период. – М. : Харвест, 2007. – 370 с.

Крадин Н. П. Нерчинск // Памятники Отечества. Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. – 1984. – № 1(9). – С 50–53.

A. V. Konstantinov
Transbaikal State University, Chita

CHURCH OF THE DORMITION OF THE MOTHER OF GOD IN KALININO VILLAGE IN TRANSBAIKALYE: ARCHAEOLOGICAL ASPECT

The paper presents preliminary results of archaeological excavations conducted on the territory near the Church of the Dormition in Kalinino village (Monastirskoye), Nerchinsk region, Transbaikaliye. The church built in 1712 by the order of Peter I was a center of Nerchinsk monastery which was the main eastern outpost of Orthodoxy in the country. The monastery lay in front of the mouth of the Nercha river on the right bank of the Shilka river some kilometers from Nerchinsk, the oldest city beyond Lake Baikal (founded in 1653 as a military outpost, in 1689 – as a city).

The monastery was a safe haven to the pioneers of Transbaikalye. At the same time it was used as prison for incarcerating dangerous state criminals. In 1730 a disgraced hierarch of the Russian Orthodox church Gedeon (G. Dashkov) was kept here under strict supervision. Now out of many constructions that once stood here only one church remains. It was closed in 1930 and by 1970s it had fallen into disrepair. Cattle trod freely in and out of the church which resembled Augean stables.

The church is a unique historical and cultural monument and the oldest stone construction on the territory from Lake Baikal to the very Pacific Ocean. From 2010 the question of reconstruction of the church is being raised, a board of trustees has been created, cost estimate documentation has been prepared. However, the prepared paperwork does not include necessary preliminary archaeological works. To prove this fact survey works have been conducted on the territory of the church. They allowed to establish the character of the cultural horizon, obtain various archaeological artifacts, uncover burials and draw initial borders of the necropolis. To the north of the church there are archaeological excavations which search for Gedeon's grave. Further archaeological excavations are of great necessity.

Keywords: Transbaikalye, Kalinino village (Monastirskoye), Nerchinsk, Nerchinsk Monastery of the Dormition, Church of the Dormition of the Mother of God, Peter I, Gedeon (G. Dashkov), cultural horizon, artifacts, necropolis.

**ВОДОСНАБЖЕНИЕ ФОРТА № 12 ВЛАДИВОСТОКСКОЙ КРЕПОСТИ:
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Исследованы инженерно-строительные особенности системы водоснабжения форта № 12 Владивостокской крепости на о. Русском. Время проектирования и строительства – 1910–1915 гг. Объект исследований включает трассы напорного водопровода, насосные станции, водосборные колодцы и галереи. Полевое исследование в данном случае является главным инструментом, поскольку сведения о крепостном водоснабжении вообще крайне слабо отражены в архивах. Малая посещаемость Русского острова способствовала хорошей сохранности комплекса инженерных сооружений. Однако за истекший век плотина, пруд, остатки насосных станций перешли в категорию археологических объектов.

Проведены обмеры локальных сооружений и промеры их взаимного расположения на местности, которые составили основу научной реконструкции. Выявлен ранее неизвестный, редкий, возможно, уникальный для Владивостокской крепости объект – подкачивающая насосная станция, укомплектованная тройным комплектом насосного оборудования. Возведение такого рода насосной станции, очевидно, связано с появлением во Владивостокской крепости нетипичного на тот период долговременного оборонительного укрепления – так называемого расчлененного форта, отчасти предвосхитившего принципы распыленной фортификации, инженерной оборонительной подготовки местности, развившейся в последующие 1930–1940-е гг.

Ключевые слова: Владивостокская крепость, форт, водоснабжение, насосная станция, плотина, запруда, водосборный колодец, насос, фундамент, строительство.

Введение. Форт № 12 Владивостокской крепости располагается на о. Русском. Время проектирования и строительства – 1910–1915 гг. Автор проекта – инженер-капитан Ф. Д. Шабанов [*Крепость Владивосток*, 2001, с. 178].

С мая 2013 г. по декабрь 2016 г. автором настоящей работы выполнено и практически завершено исследование системы строительного водоснабжения форта № 12 Владивостокской крепости, включающее значительный объем промеров на местности, составление чертежей и нанесение на план отдельных объектов.

Источник водоснабжения, плотина и водоприемник. Источником водоснабжения для строительства форта № 12 являлся ручей, протекающий в тылу с востока и впадающий в бухту Новик в ее верхней части, между мысом Фета и мысом Конечный [*Колзунов*, 2011, с. 202]. Начинаясь в небольшом овражке с крутыми незадернованными склонами, вскоре переходящими в постепенно расширяющуюся ложину, собирающую дождевые и грунтовые воды из множества прилегающих боковых мелких ложинок, обладающих значительной поверхностью водосбора, ручей весьма многоводен. В среднем течении ручья ложина имеет плоское, поросшее кочками дно. Водоприемник (рис. 1: 1, с. 256) располагался в полукилометре к северу от форта.

Здесь берега ложины достаточно расширяются, и в ней сооружена земляная плотина, трапециевидная в сечении, около 100 м в длину по верху гребня, который далее плавно переходит в береговую террасу. Ширина гребня составляет от 3 до 5 м, увеличиваясь по мере приближения к бортам ложины. Откос плотины, обращенный к водоему, в нижней части весь вымощен крупными камнями для защиты от размывания. Точно так же вымощено и дно водосливного канала, по крайней мере, со стороны водоема. На левом, южном берегу ручья сохранились останки насосной станции (рис. 1: 2). С севера по берегу в твердом ненасыпном грунте прорыт широкий канал аварийного водослива.

Котлован пруда представляет собой размеченный на местности четырехугольник неправильной формы со сторонами различной длины: по уровню дна – 75 м, западная (вдоль плотины) – 78 м, восточная – 29 м, южная и северная – 25 м. При планировании в основном использованы естественные формы береговых откосов. Только с восточной стороны, где местность полого повышается, водоем слегка углублен искусственно, образуя уступ с перепадом высоты 1 м, соответственно, и глубина пруда не превышала 1 м по нивелировочному уровню.

Расчетная емкость пруда – около 2 000 кв. м. С учетом недоступного для использования придонного объема и потерь воды вследствие просачивания в грунт можно допустить некий приблизительный полезный объем котлована в 1 000 куб. м.

Несмотря на внушительную, почти двухметровую высоту плотины, противоположный берег низок, что могло бы приводить к подтоплению дороги, огибающей водохранилище. Впрочем, вода могла достигать этого критического уровня лишь изредка, например во время ливневых дождей, выпадающих в период тайфунов. В этом случае вступал в действие береговой канал. Транспорт того времени был преимущественно гужевым, и, вероятно благодаря запруде, выше по течению располагались участок с заливаемыми водой травами, неглубокий брод и водопой.

Схема строительного водоснабжение форта № 12

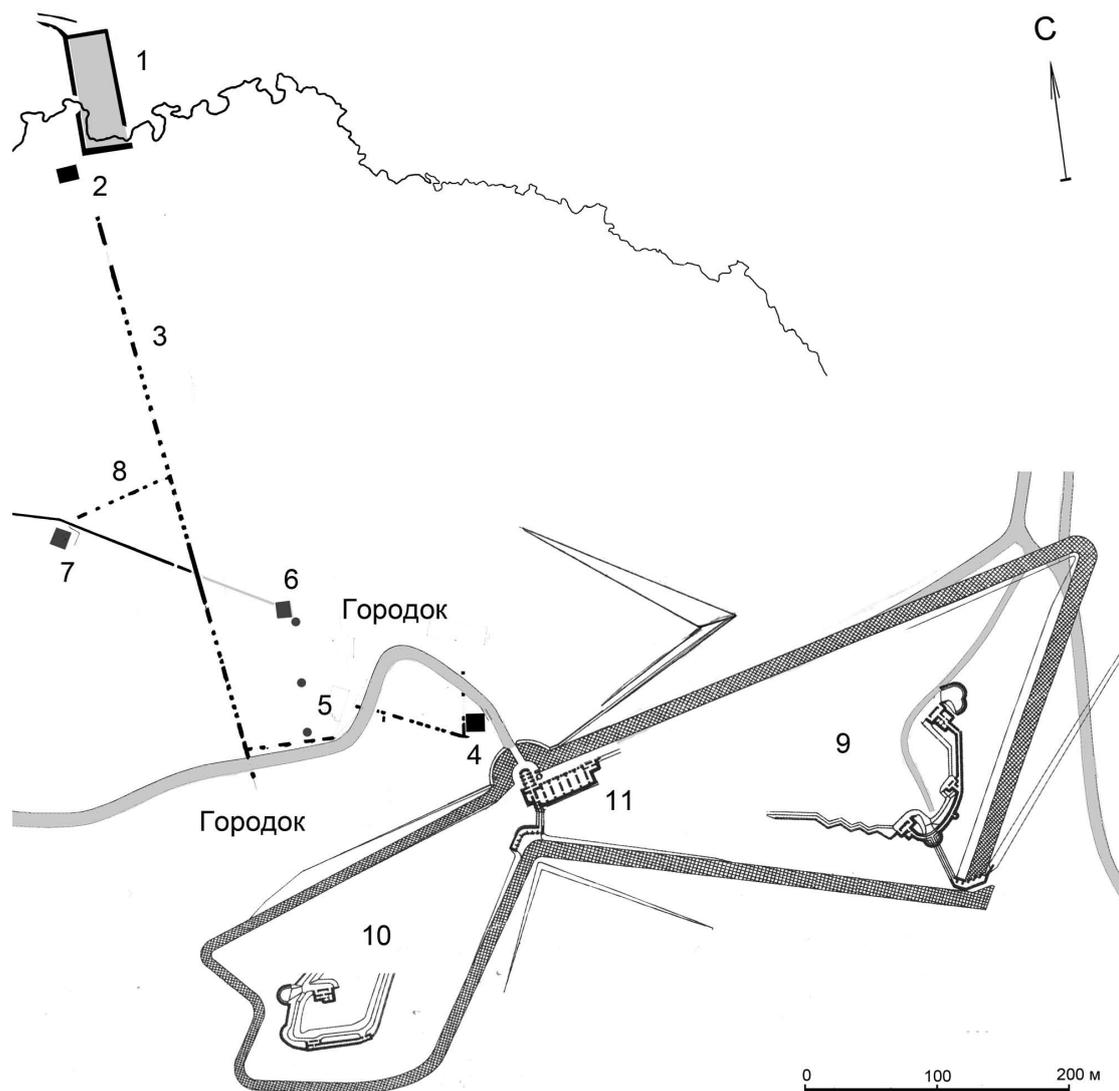

Рис. 1. Схема расположения объектов водоснабжения форта № 12 (по данным полевых обмеров):

- 1 – запруда; 2 – фундаменты нижней насосной станции; 3 – трассированная на местности линия водоподъемника;
- 4 – верхняя подкачивающая насосная станция; 5 – круглые колодцы водосборной галереи; 6 – действующий коллектор, водосборник; 7 – нижний колодец или резервуар; 8 – отвод напорного трубопровода от основной линии к нижнему резервуару; 9 – левый люнет форта с бетонным бруствером, подбрустверной галереей-укрытием, двумя укрытиями для артиллерийских орудий на колесных лафетах и двумя барбетам для орудий, соединенный потерней с артиллерийским кофром во рву; 10 – правый редут форта с бетонным бруствером, подбрустверной галереей, отдельно стоящим укрытием для орудий и орудийным барбетом; 11 – место, где успели построить только фундамент для казематированной оборонительной казармы, сопряженной с фундаментом для тыльного артиллерийского капонира

Северо-западный угол котлована явно несколько глубже, что видно по заболоченности и стоящей между кочек воде. Можно предположить, что водозабор осуществлялся именно в этом глубоком месте, в пользу чего свидетельствуют два бетонных блока, лежащие в выемке откоса плотины почти на уровне дна котлована. По гребню плотины мог быть протянут трубопровод до водосборного колодца насосной станции.

Интересно отметить, что на противоположном берегу в грунт забита стальная труба – до водоносного слоя, который соответствовал уровню воды в запруде. Ее вполне можно рассматривать в качестве альтернативного варианта водозабора.

В средней части, ближе к левому южному берегу, плотина промыта ручьем, таким образом, образовался вертикальный разрез высотой до 2 м и горизонтальный разрыв, который составляет 15 м по гребню. Через этот пропуск в настоящее время свободно протекает ручей.

Можно предположить, что водоспуск в земляной плотине предусмотрен не был ввиду технической сложности его устройства. Плотина, скорее всего, была разрыта в средней части для осушения пруда позже, в период де-

монтажа оборудования насосной станции и самого ее строения, сохраняя, таким образом, место от дальнейшего бесцельного заболачивания.

Насосная станция у водоприемника. На берегу, в 18 м к юго-западу от соответствующего угла котлована, располагалось здание насосной станции с береговым водосборным колодцем внутри, укомплектованное горизонтальным насосом высокого давления, электромотором и редуктором ременной передачи [Колзунов, 2008, с. 244–266].

Прежде всего, обращает на себя внимание вырытая в грунте и почти квадратная в плане яма (рис. 2: 1, с. 259), примерно $11,5 \times 11,5$ футов и около 1,5 м в глубину, расположенная внутри помещения непосредственно по линии хода водоподъемника. С восточной стороны стенка ямы укреплена каменной кладкой на растворе. Угол каменной кладки сохранился хорошо, однако посредине стенку выпучило внутрь ямы. Сквозь промежутки между камнями кладки видны пустоты, яма в процессе разрушения. Противоположная западная сторона ямы не была капитально укреплена, либо кладка уже разрушилась. Грунт осыпался из-под краев бетонной стяжки пола помещения, части ее надломились и, наклонившись, нависли над ямой. Назначение ямы неизвестно, так как в других насосных станциях в материковой части крепости аналоги не найдены.

К северной стороне ямы примыкает вертикальный бетонный фундамент электромотора в виде углубленной в землю не менее чем на 1,5 м бетонной тумбы, лишь на несколько дюймов возвышающийся над полом (рис. 2: 2). Утратив опору вследствие осыпания и оседания грунта со стороны ямы, фундамент слегка отклонился от вертикального положения, накренившись в яму, ничем с этой стороны не удерживаемый. Верхняя монтажная поверхность сохраняет четыре пары анкерных болтов и отпечаток станины мотора.

В юго-западном углу размещался водосборный колодец прямоугольной формы (рис. 2: 3), точные размеры которого не установлены, так как, вероятно, вследствие постоянного увлажнения, а также сезонного промерзания грунта, стенки его разрушились со временем. Обломки нагромождены хаотично.

Бетонный фундамент насоса представляет собой низкий фундамент, располагавшийся практически вровень с полом (рис. 2: 4). Напротив водосборного колодца помещался стационарный бетонный фундамент с шестью анкерными болтами для крепления чугунной литой станины насоса горизонтального типа высокого давления. От фундамента насоса в сторону водоприемного колодца устроен короткий канал, в который опускался всасывающий патрубок насоса. В свою очередь колодец заполнялся водой, поступающей из водозабора.

Между фундаментами насоса и электромотора находился промежуточный вертикальный бетонный оштукатуренный фундамент с полуцилиндрической выемкой на верхнем торце (рис. 2: 5), имеющий по паре крепежных анкерных болтов по обеим сторонам выемки, предназначенных для крепления подшипника и вала колес редуктора промежуточной ременной передачи – от электромотора к насосу. Передача такого рода состояла из колес и полотняных движущихся ремней, что было небезопасно. Видимо, по этой причине рабочая зона была ограничена перилами или леерами, от которых сохранились лишь четыре вертикальные стойки, изготовленные из установленных в бетон железных уголков с заклепками, образуя узкий обходной путь вдоль северной стены помещения по направлению к колодцу.

Пространство вдоль южной стены здания, ограниченное ямой с одной стороны, колодцем и фундаментом насоса – с другой, было поделено перегородками (рис. 2: 6) на небольшие клетушки, открытые с третьей стороны внутрь здания, образуя два небольших отсека. Стеновые внутренние перегородки возводились до бетонирования стяжки пола, так как под ними остался нетронутый суглинок. Перегородки вдаются внутрь помещения на восемь футов.

Пол помещения выполнен в виде бетонной стяжки, залитой между машинными фундаментами.

Водоподъемник. Насосная станция у ручья связана с фортом основной линией водоподъемника, состоящей из трех прямых в плане участков (рис. 1: 3, с. 256). Практически это хорошо видимая цепочка ям и отрезков траншей на местности. Самый протяженный участок водоподъемника идет непосредственно от насосной станции, азимут в среднем $173,5^\circ$, до пересечения с основной крепостной дорогой, непосредственно обходящей форт с тыла. Здесь, рядом с дорогой, находится квадратный в плане каменный технический колодец, и в этой точке трасса водоподъемника разветвляется. Одна, неосновная линия продолжается прямо и, пересекая дорогу, поднимается вверх по склону к вершине по направлению к оборонительным сооружениям, к бетонному укрытию противоштурмовых пушек правого редута форта, проходя при этом через территорию бывшего временного городка строителей форта выше дороги, мимо сохранившихся фундаментов домов. Вторая, основная линия поворачивает влево, азимут 91° , и следует параллельно данному участку дороги, затем еще немного поворачивает влево, азимут 51° , в соответствии с поворотом дороги. Здесь существовал короткий локальный отвод водопровода влево, к фундаменту одного из находившихся ниже дороги домов. Основная же линия водоподъемника, поворачивая направо, пересекает дорогу и на другой стороне продолжается по пологому склону вверх в виде прямого участка, азимут 116° , оканчиваясь у выровненной террасы, ограниченной с трех сторон грунтовыми откосами. Данная площадка – место второй или верхней насосной станции 12-го форта (рис. 1: 4). Отсюда, прежде чем войти в насосное помещение, линия водопровода делает еще одно ответвление – локальный отвод в сторону фундамента жилого барака для рабочих, располагавшегося через дорогу ниже по склону на аналогичной террасе.

Водосборная галерея. Дополнением напорного водопровода является система, которую, скорее всего, можно интерпретировать как сооруженную по склону немного ниже крайних домов городка строителей водосборную галерею с действующим водяным коллектором.

У дороги, примыкая к яме трассы водоподъемника, находится круглый каменный сухой колодец с широким бетонированным кольцом верха и уступом под крышку (рис. 1: 5, с. 256). Через 37 м в лесу расположен второй колодец, осмотр которого дает представление об их устройстве. В грунте уложены трубы. Одна труба входит в колодец через стенку, а вторая выходит из него с противоположной стороны, но уровнем ниже примерно на 1 фут в направлении, куда предполагалось направить воду. Дно колодца заполнено крупными камнями для предотвращения забивания трубы крупным мусором, падающими ветками, листом, тогда как вода свободно проходила между камнями. Собственно, это технические колодцы водосборной галереи. Еще дальше и ниже, в соответствии с понижением пологого склона, на расстоянии 57 м от второго расположен третий сухой колодец с таким же каменным заполнением дна, непосредственно связанный с достаточно интересно устроенным бетонным водяным коллектором (рис. 1: 6), принимающим собираемую галереей воду. На поверхность выведены три бетонных кольца-колодца, скомпонованные и вписанные в равносторонний треугольник, являющиеся частью подземного сооружения, состоящего из трех отдельных камер. В них с шумом мчится поток, поступающий самотеком извне, и, не задерживаясь, на высокой скорости движется дальше, очевидно, по созданному для него пути. Вероятно, это – надежный источник регулярного поступления питьевой воды для городка строителей форта.

Вниз по склону от бетонного коллектора прослеживается едва намечающаяся на поверхности земли неровная канавка, которая, однако, после пересечения с основной линией водоподъемника преобразуется в полноценную, прокопанную в земле прямую траншею, азимут 301° . Примерно в 90 м от места пересечения с трассой водоподъемника слева от траншеи расположена прямоугольная грунтовая платформа с одиночным бетонным колодцем, опоясанная широким дренающим ровиком (рис. 1: 7). При этом сама траншея проходит мимо. Немного не доходя до оврага, она слегка изменяет направление, поворачивая левее, и выходит в ближайший отрожек оврага. Очевидно, сделано это исключительно для дренажа, чтобы внизу траншеи не застаивалась вода. По поверхности платформы разбросано несколько бетонных кубиков с размером грани ровно 1 фут. Такие кубы могли использоваться, например, в качестве опор для нижней обвязки каркасной постройки временного характера. Колодец по своей конструкции более всего напоминает принимающую сливную шахту, поскольку через его стенку ближе к верху колодца внутрь выведена железная сливная труба. Примерно в 4 м от края колодца из земли также торчит вертикально стальная труба 1,5 дюйма в диаметре со следами оцинковки, подобная использовавшимся в напорном водопроводе. Также от линии основного напорного водопровода несколько ниже точки пересечения с вышеописанной траншеей целенаправленно сделан отвод, азимут 255° (рис. 1: 8) – в сторону данной площадки, располагающейся на самом краю оврага. Вполне возможно, что здесь была организована баня для рабочих.

Подкачивающая насосная станция форта № 12. Вторая насосная станция располагалась вблизи центральной части форта, северо-восточным углом едва ли не упираясь в кювет обходившей форт дороги. Основное отличие этой насосной станции от ранее исследованных состоит в том, что она была укомплектована сразу тремя совершенно одинаковыми комплектами стандартного для крепости насосного оборудования. Остатки похожей по компоновке насосной станции находятся на вершине г. Попова, форт № 3 [Колзунов, 2011, с. 199]. Однако отличие той состоит в специфике установочных частей применявшихся там электродвигателей и в худшей степени общей сохранности.

Как и нижняя, верхняя насосная станция имеет внутри прямоугольную яму (рис. 2: 7), выкопанную в суглинистом грунте как раз в том месте, где заканчивалась линия водоподъемника и напорная линия входила в машинное помещение. Стенки ямы ничем не укреплены, возможно, были дощатыми. Грунт осыпался на дно ямы по краям бетонной стяжки пола, имеющей в этом месте толщину около 20 см. Стяжка треснула, некоторые крупные куски наклонились и частично сползли в яму, а некоторые упали в нее.

Справа от грунтовой ямы, вдоль южной стены помещения, вплотную к стене располагались три бетонные прямоугольные ямы водосборных колодцев (рис. 2: 8). Собственно, это не только колодцы, это три отдельных блока-монолита. Каждый блок включал в себя капитальное основание для насоса (рис. 2: 9), канал для погружаемого патрубка насоса, фронтальную и две боковые стенки водоприемного колодца. Также в монолит входилходящий от этого канала вправо, а затем поворачивающийся под прямым углом и идущий вдоль боковой стенки колодца неглубокий канал аварийного водослива, предназначенный для поддержания постоянного уровня воды в колодце. Четвертая стенка водосборного колодца выполнена во всех случаях отдельно от массива в виде тонкой стеночки посредством опалубки. С внутренней стороны колодца она была набрана из досок, а с внешней, как собственно и по периметру всего помещения, использовались обрезки волнистого кровельного железа.

Основания насосов имеют по шесть массивных анкерных болтов крепления станины насоса. Вблизи колодца, куда опускался всасывающий патрубок насоса, отпечаток станины на цементе во всех трех случаях сохранился неплохо, а на противоположном конце цемент разрушился, раскрошившись в труху.

Промежутки между названными тремя бетонными массивами (или блоками) выполнены в виде поверхностной бетонной стяжки, образующей пол всего помещения.

Далее в помещении располагаются три вертикальных промежуточных столбообразных оштукатуренных бетонных фундамента с выемками полуцилиндрической формы на верхних торцах, имеющих также по две пары анкерных болтов для крепления колес редуктора ременной передачи между насосами и электродвигателями (рис. 2: 10).

Рис. 2. Фундаменты насосных станций форта № 12, нижней и подкачивающей верхней (по результатам обмеров):
 1 и 7 – яма в начале (в конце) напорной линии; 2 и 11 – фундаменты электромоторов; 3 и 8 – водосборные колодцы внутри насосного помещения; 4 и 9 – основания для насосов высокого давления; 5 и 10 – вертикальный фундамент редуктора ременной передачи; 6 и 12 – внутренние стеновые перегородки

Наконец, за ними находятся в ряд три низко расположенных над уровнем пола бетонных оштукатуренных фундамента для установки электромоторов (рис. 2: 11), которые имеют стандартно по четыре пары анкерных крепежных болтов, а также следы чугунных станин моторов.

Вдоль северной стены стяжка не сплошная, имеет пропуски, так как помещение было поделено деревянными щитами, перегородками на семь отсеков, примыкающих к внешней стене (рис. 2: 12). Удалось установить, что перегородки вдавались в глубь помещения на восемь футов. Судя по тому, что размеры отсеков по ширине выдержаны довольно приблизительно (размеры не соблюдались строго), становится понятно, что это не имеет отношения к машинному оборудованию. Судя по размерам клетушек, можно предположить, что места было как раз достаточно, чтобы оборудовать здесь индивидуальные спальные места, по одному в каждом отсеке, для отдыха

технического персонала. Крайний слева, седьмой отсек у северо-восточного угла здания короче остальных и образует что-то вроде порожка – возможно, это вход в помещение.

Важно отметить: вертикальные фундаменты с полуцилиндрическими выемками слегка не соосны, т. е. каждая связка оборудования работала независимо, а не через некий общий вал, и каждый насос, следовательно, мог качать воду автономно.

Выводы об особенностях водоснабжения форта № 12, задачах и функции верхней насосной станции. Форт № 12 относился к числу расчлененных фортов [Владивостокская крепость, 2006, с. 283] и состоял из трех отдельных частей. Это так называемый левый люнет (рис. 1: 9, с. 256), правый редут (рис. 1: 10) и центральная часть (рис. 1: 11), где предполагалось построить оборонительную казематированную казарму, соединенную с двумя артиллерийскими капонирами. В целом форт имел небольшую глубину по фронту и значительную протяженность оборонительной линии, до 750 м, или около 350 русских саженей. Такой планировкой форта рассчитывали добиться наибольшего рассеяния артиллерийского огня противника [Яковлев, 1995, с. 274–276]. Расстояния от углов проектируемой казармы до левой и правой частей форта примерно одинаковы – около 200 м, или по 100 саженей, в обе стороны. В глубину позиция форта также достигает 100 саженей.

Для того чтобы подать воду на строительство всех этих трех разнесенных на приличное расстояние объектов, строившихся одновременно, необходимо было развести ее по трем направлениям. Причем удовлетворительно решить вопрос, очевидно, не удалось, так как это делалось при разводке по территории жилого городка, т. е. отводами с кранами от основной линии водопровода. Вероятно, специально для расчлененных фортов была спроектирована насосная станция с тройным комплектом оборудования для поддержания напора, пусть даже при меньшем количестве одновременно подававшейся воды к разным частям строившегося форта.

Надо отметить, что это единственная в крепости насосная станция данного типа, сравнительно неплохо сохранившаяся в лесной и прежде труднодоступной части острова.

Заключение. Технические сооружения форта № 12, включая грунтовую плотину, место пруда, трассы водоподъемников, остатки насосных станций, колодцы водосборной галереи и остатки временного городка строителей, представляют единый комплекс с боевыми частями форта. Это объект российской истории, характеризующий эволюцию военно-инженерного дела, в настоящее время доступный для изучения.

Владивостокская крепость / Н. Б. Аюшин, В. И. Калинин, С. А. Воробьев, Н. В. Гаврилкин. – Владивосток : Дальнаука, 2006. – 336 с.

Колзунов И. В. Обзор строительных водозаборов Владивостокской крепости, функционировавших с 1910 по 1914 гг., по материалам полевых исследований // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии : сб. науч. ст. / под ред. Л. В. Татауровой. – Омск, 2011. – С. 198–205.

Колзунов И. В. Организация строительного водоснабжения бетонных заводов фортов № 4, 5, 6, 7 и опорного пункта литеры «З» Владивостокской крепости // Азиатско-Тихоокеанский регион: археология, этнография, история. – Владивосток, 2008. – С. 244–266.

Крепость Владивосток / Н. Б. Аюшин, В. И. Калинин, С. А. Воробьев, Н. В. Гаврилкин. – СПб. : Остров, 2001. – 264 с.

Яковлев В. В. История крепостей. – СПб. : Полигон, 1995. – 318 с.

I. V. Kolzunov

*The Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East,
FEB RAS, Vladivostok*

WATER-SUPPLY OF FORT № 12 OF VLADIVOSTOK FORTRESS, PRELIMINARY RESULTS OF RESEARCH

Engineering construction peculiarities of the water supply system of the fort № 12 of Vladivostok fortress on Russian island have been investigated. Time of designing and building of the object is 1910–1915. The object includes pump stations, water lifts, water modular wells and galleries. The field research of the fort № 12 is the principal instrument since there are no sufficient data in archives. The limited attendance to the island promoted good preservation of its complex of the engineering constructions. However, after the one century the dam, the pond, and the pump stations were transformed into the category of archaeological sites.

Measurements of the local constructions have been carried out and their mutual disposition at the district have been determined that have consisted the basis of the scientific reconstruction. An unknown, rare and, perhaps, unique object of the Vladivostok fortress is – the pump station pumping up completed with a three-fold the pump equipment set have been first revealed. Erection of such type

of the pump station may be related with occurrence of a rare type of a fort at Vladivostok's fortress. This is a so-called divided parts fortification which partly anticipated the principles of multipartite field fortification, engineering defensive preparation of the districts which was developed during the following thirties and forties of the 20th century.

Keywords: Vladivostok Fortress, fort, water supply, pumping station, construction, dam, catchment gallery, pump, foundation.

УДК 902.21

Н. С. Степанов¹, Д. Н. Лысенко¹, Г. П. Визгалов²

¹ООО «НПО «Археологическое Проектирование и Изыскания», Красноярск,

²ООО «НПО «Северная археология – 1», Нефтеюганск

ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ТАЙМЫРЕ (первые результаты обследования)

Основываясь на результатах археологических работ, проведенных на Таймыре в 2016 г., авторы рассмотрели типы русских промысловых зимовий XVIII – начала XX вв., а также дали краткую историю изучения памятников русского времени. В ходе визуального осмотра выделено две категории памятников: зимовья и селища. Дано их определение как памятников археологии Заполярья, выделено два типа планировки двора зимовья: закрытого и открытого типов. Рассмотрены особенности условий расположения объектов, стратиграфия, архитектурно-планировочные характеристики построек. Проведено описание культурных отложений на наиболее выразительных объектах, заявлены общие благоприятные и негативные факторы, влияющие на сохранность культурного слоя. В результате в научный оборот введены новые археологические памятники русского населения низовьев Енисея, обозначена проблема их изучения и сохранения.

Ключевые слова: Красноярский край, Таймыр, Енисей, зимовье, селище, культурный слой.

В 2016 г. ООО «НПО «Археологическое Проектирование и Изыскания» с привлечением сотрудников ООО «НПО «Северная археология – 1» была проведена разведка на территории западной части Таймырского полуострова. Цель работ – актуализация сведений о памятниках археологии Нового времени. В задачи экспедиции входило выявление и обследование памятников археологии русского населения Заполярья с целью придания им статуса объектов археологического наследия для постановки на государственную охрану.

Таймыр, самый северный полуостров Азии, находится между Енисейским заливом Карского моря и Хатангским заливом моря Лаптевых. По характеру поверхности он делится на Северо-Сибирскую низменность, горы Бырранга и прибрежную равнину, вытянутую вдоль побережья Карского моря [БСЭ, 1976, с. 212]. Административно находится на севере Красноярского края в пределах Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района.

Начиная с первой половины XVII в. территория Таймыра и низовья Енисея активно заселялись русским населением. В связи с возросшей ролью пушного промысла во второй половине XVII в. усиливается процесс заселения русскими низовьев Енисея и побережья Ледовитого океана. Промышленники размещают зимовья на побережье между Енисейским заливом и устьем Пясины, а также осваивают земли по речным системам Таймырского полуострова [Дьяченко, 2014, с. 80, 81]. В XVIII в. берега Енисея вплоть до Карского моря уже плотно заселены русскими промысловиками [Троицкий, 1982, с. 127]. Основным видом жилища и опорно-перевалочными пунктами в процессе освоения этих территорий служили зимовья [Баландин, Филиппова, 1994, с. 90]. Они привлекали внимание русских и европейских полярных исследователей, посещавших и описывавших их как местные достопримечательности [Бегичев, 1935, с. 154; Пасецкий, 1979, с. 117; Троицкий, 1982, с. 77–78, 127]. Несмотря на общеупотребительный тезис об исторической и археологической значимости русских поселений в контексте освоения сибирского Крайнего Севера, конкретных полевых работ по их картографированию и обследованию проводилось крайне мало.

Первым исследователем объектов подобного типа был Н. К. Ауэрбах, который в 1920 и 1921 гг. совместно с В. И. Громовым провел раскопки развалин зимовья Малое в Енисейской губе [Ауэрбах, 1928, с. 129]. В 1945 г. были проведены раскопки зимовья промышленных людей в заливе Симса и на о. Фаддея [Окладников, 1951, с. 7–10]. Обнажения культурного слоя в пос. Хатанга были осмотрены в 1976 г. М. И. Беловым. Базируясь на чертеже «Помория Туруханского» «Хорографической книги Сибири» С. У. Ремезова и «Экстракте» из ясачных книг

Мангазеи, он выполнил работу по картографированию русских поселений в контексте основания Хатанги [Белов, 1977, с. 58, 62]. Историко-географические изыскания на памятниках времен освоения русским населением Таймыра были продолжены В. А. Троицким. Им был осмотрен целый ряд объектов, связанных с деятельностью Второй камчатской экспедиции, и осуществлена современная географическая привязка многих пунктов, упоминаемых в исторических источниках [Троицкий, 1975, с. 126]. В 1980-х гг. рекогносцировкой Хатангского зимовья занимался Л. П. Хлобыстин, которым была проведена шурфовка памятника и частичные раскопки остатков одной из построек с печью [Исторические источники..., 2002, с. 36].

В 1988–1989 гг. в бассейне верхнего течения Пясины и в районе Авамо-Тагенарского волока работала комплексная экспедиция Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) под руководством В. И. Козлова. За два года работ им было обследовано 72 исторических места, в том числе и зимовья, а в ряде пунктов собран подъемный материал [Козлов, 1988, с. 1; 1989, с. 2]. С целью уточнения датировки построек русского времени было предпринято дендрохронологическое обследование в низовьях Хатанги [Мыглан, Ваганов, 2005, с. 177]. В 2012 г. проводилось обследование базового лагеря Х. П. Лаптева [Визгалов, 2013, с. 6, 12–13]. С 2005 по 2008 гг. Таймырским отрядом Морской арктической комплексной экспедиции НИИ «Наследие» Академии наук были обследованы зимовья на берегу Петра Чичагова [Лубнина, 2009].

В настоящий момент основными сведениями о памятниках русского времени на Таймыре служат результаты краеведческих экспедиций, посещающих остатки построек и собирающих подъемный материал. Наиболее активно в этом направлении работают несколько объединений в Норильске и школьный кружок в пос. Диксон [Лубнина, 2009; Стрючков, 2011, с. 2].

В 2016 г. рекогносцировочными маршрутами было обследовано восемь участков по правому берегу Енисея от Дудинки до устья реки, один участок в Енисейском заливе (в районе пос. Диксон) и приустьевой участок р. Рыбной (приток р. Норильской, впадающей в оз. Пясино). Учитывая протяженность маршрута, свыше 430 км, его труднодоступность и короткий летний период, в первую очередь осматривали населенные пункты, обозначенные на карт-материалах XVII–XIX вв. Всего было обнаружено и обследовано 10 памятников, из числа которых выделено две категории – зимовья и селища (рис. 1, с. 263).

Н. К. Ауэрбах делил зимовья на два типа: коренные и отъезжие. Коренные имели одно, реже два отапливаемых помещения и шесть-восемь хозяйственных построек, объединенных одним двором. Служили они для постоянного проживания. Отъезжие зимовья представляли собой небольшую избушку, использовавшуюся для сезонного промысла [Ауэрбах, 1929, с. 21; Безруких и др., 2012, с. 50].

В археологическом плане к зимовьям относится однодворный комплекс выраженных в рельефе развалов построек, группирующихся вокруг отапливаемой избы. В разрезах фиксируется культурный слой, латеральные границы которого определяются радиусом антропогенных наносов, сформированных при строительстве и функционировании построек. Южной точкой фиксации подобных объектов является 205 км Енисея, северной – устье Енисейского залива Карского моря.

Наблюдения 2016 г. зафиксировали замкнутый и открытый тип планировки двора зимовья. К замкнутому типу принадлежат клетские избы с прирубами подсобных и хозяйственных помещений, размещенных по периметру крытого двора. Весь комплекс, в особенности северо-западный угол, дополнительно утеплялся дерновой обваловкой с наружной стороны, служившей защитой от господствующих в этом регионе северных и северо-западных ветров. К этому типу относится зимовье в устье Курья (выявленный объект археологического наследия, далее – ВОАН, Воронцово, зимовье Курья-2) и зимовье на территории заброшенного пос. Троицк.

Эти объекты расположены в широкой пойменной части Енисея, в местах, наиболее богатых рыбой, – устьях рек, или «песках». Под постройки выбирались сухие, инсолированные формы рельефа, максимально приближенные к воде и месту сбора плавника. Такими участками, как правило, являлись намытые или мерзлотные бугры в пойменной части реки. Сооружение на них зимовий, дополнительно утепленных обваловкой, выделяло их в рельефе тундры, из-за чего в лексике местного населения они именуются «земляными курганами». Типичной постройкой этого типа является зимовье Курья-2 на левобережном приустьевом участке р. Курья (20 км от Енисея).

Зимовье представляло собой многокамерную постройку размером 22 × 18 м, площадью 320 кв. м. Она ориентирована по оси СВ – ЮЗ (рис. 2, с. 264). С наружной стороны северо-западного угла фиксируется обваловка, высотой 1,5–2 м, длиной 10–12 м, шириной 3–3,5 м. Вход в зимовье находился с востока (подветренная сторона). За тамбуром шириной 1 м располагался коридор, стены которого набраны в заплотной технике. У входа он имел сложную Г-образную планировку для защиты от сквозняков. Визуально коридор напоминает крытый двор площадью 75 кв. м, который делил зимовье на две части: жилую и хозяйственную.

В жилой части постройки располагались две отапливаемые камеры, устроенные в юго-западном и юго-восточном углах, размером 5 × 5 и 7 × 5 м соответственно. Развалы печей подквадратной в плане формы, размером 2 × 2 м, высотой 0,3–0,6 м. В юго-западной камере развал печи расположен во внутреннем, северо-восточном углу жилой части. Во второй камере печь находилась в юго-восточном углу. В северной половине зимовья были построены хозяйственные постройки, которые состояли из нескольких камер различной площади с плохо просматриваемой границей между ними.

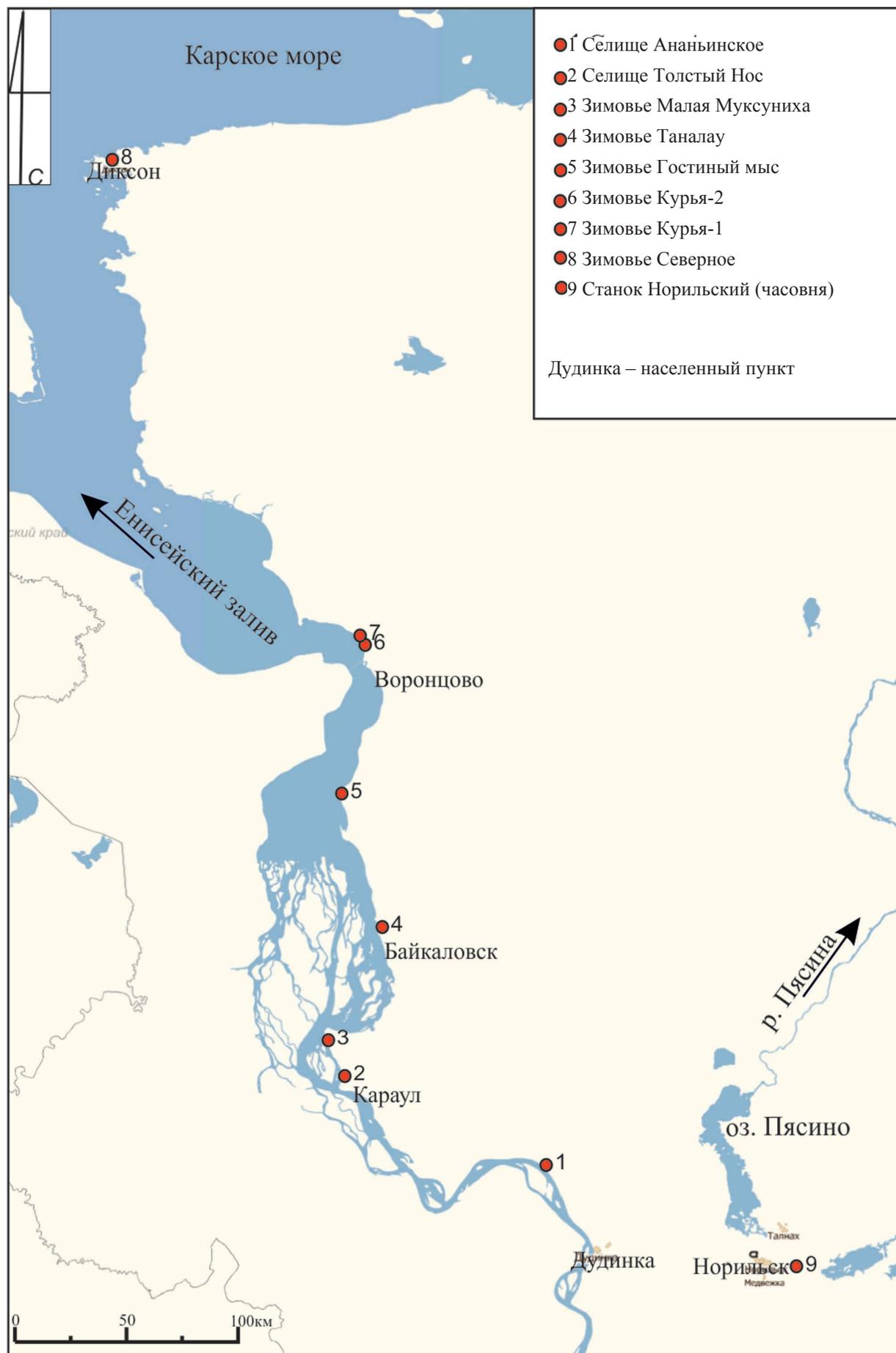

Рис. 1. Карта-схема низовьев Енисея с памятниками археологии русского времени, выявленными в 2016 г.

Рис. 2. План-схема построек ВОАН Воронцово. Зимовье Курья-2

Напротив входа в зимовье заложен шурф размером 1 × 1 м со следующей стратиграфией:

- слабо сформированный дерновый слой мощностью 0,05–0,07 м;
- слоистый речной песок с включением тонких горизонтальных гумусированных прослоек и небольших линз мощностью 0,13–0,15 м;
- рыхловатый увлажненный слой щепы на темно-коричневой супесчаной основе (мощность – 0,05–0,07 м);
- крупнозернистый речной песок светло-серого цвета (мощность – 0,05 м).

Находки в слое щепы – железный зуб остроги, фрагмент выделанной кожи и мешковины, перевязанной веревкой. Фаунистические останки из числа определимых принадлежат северному оленю и птице*.

Подобные брошенные зимовья были встречены Н. А. Норденшельдом в 1875 г. в Енисейском заливе, местности Крестовской. Он описывает их как дома с плоскими крышами, покрытыми торфом. Внутри располагались помещения для жилья, пекарня, баня, амбары для ворвани, ящики с остатками белуги и т. д., образующие настоящий лабиринт. Время их функционирования он определяет первой третью XIX в. [*Пасецкий*, 1979, с. 117].

Аналогичную постройку, но меньшей площадью (121 кв. м), раскопал Н. К. Ауэрбах в устье Промысловой (совр. Лемберова) – зимовье Малое. Оно также имело две отапливаемые камеры – жилое помещение, или «горницу», и баню, расположенные в противоположной стороне от холодной северной стены. В опубликованных материалах ничего не говорится об утеплении постройки с наружной стороны. Исследователь считает, что зимовье было оставлено его жителями в первой половине XIX в. в связи с эпидемией тифа [*Ауэрбах*, 1928, с. 142–143]. В 1916 г. А. Я. Тугариновым была сфотографирована рыбопромышленная точка в устье Гольчихи с похожей, видимо, планировкой и утеплением дерново-торфяными блоками наружного угла и части крыши (рис. 3). Некоторые современные зимовья, осмотренные по ходу движения маршрута, с подобной структурой. Так, в устье Казачьей находится зимовье Мельника, построенное, по свидетельству местных жителей, по старым традициям. В нем также жилая комната и баня, комплекс хозяйственных построек, расположенных по периметру. В центре находится крытый двор. Роль утеплителя северо-западного угла играл войлок, прикрепленный посредством сетки-рабицы.

Рис. 3. Балаган рыбопромышленников в Гольчихе. Архив Красноярского краевого краеведческого музея, № 4805. Фотография А. Я. Тугаринова, 1916

Планиграфические особенности и набор артефактов в культурном слое позволяют датировать зимовье Курья-2 концом XVIII – первой третью XIX вв. Более точные выводы можно получить после проведения раскопок и дендрохронологического анализа.

Зимовья с планировкой открытого типа представляют собой отдельно стоящую избу с прирубками и без, в некоторых случаях тоже дополнительно утепленную обваловкой. Рядом с избой также могут располагаться отдельно стоящие подсобные и хозяйственные постройки.

Из числа выявленных объектов к открытому типу зимовий относятся памятники на правом берегу Курьи (ВОАН Воронцово, зимовье Курья-1), на о. Северный (ВОАН Диксон, зимовье Северное), на левом берегу Малой Муксунихи (ВОАН Караул, Малая Муксуниха) и в районе строящегося нефтепорта Таналау (ВОАН Байкаловск, зимовье Таналау). Они расположены на различных гипсометрических отметках – на пологих мысовидных уступах, в устьях рек или на удобных неподтапливаемых участках. В качестве дополнительной защиты от ветров используются естественные складки рельефа.

Самой северной постройкой такого типа является зимовье на о. Северный, расположенном в северо-восточной части Енисейского залива Карского моря, в проливе Превен, между о. Диксон и береговым поселком. Остров сложен твердыми скальными породами диабазы, на которых отдельными участками сформировались арктические пустынные почвы. Зимовье располагается в южной части острова на ровной площадке, прикрытой с севера выходами коренных пород.

Постройка представляет собой остатки рубленной из плавника избы с прирубленными к ней сенями и хозяйственной клетью (рис. 4, с. 266). Изба сложена из бревен диаметром 0,25–0,3 м, ее основная площадь имеет размеры 5 × 4,5 м. Замковые угловые сопряжения рублены чашей, концы бревен отпилены. Часть стен избы и ее кровля свалились наружу и, вероятно, были пущены на дрова или переиспользованы. Рядом с постройкой найден современный стол для разделки рыбы, сколоченный из бревен и досок зимовья. В северной стенке, на уровне второго венца, фиксируется дверной проем шириной 0,9 м. Проем оформлен боковыми косяками прямоугольного сечения, вставленными во врубки соответствующей формы. Для крепления с боковыми бревнами в них был

* Определение кандидата биологических наук А. В. Клементьева.

вырублен шип, в местах примыкания на бревнах сделаны затески, уплощающие их толщину до размера косяков. Справа от входа, в северо-западном углу, фиксируется печной развал из кирпичных обломков и валунов. От опечка размером $2 \times 2,2$ м сохранились растащенные куски досок от рамы, а также угловой столб диаметром 0,25 м. Половых досок не зафиксировано.

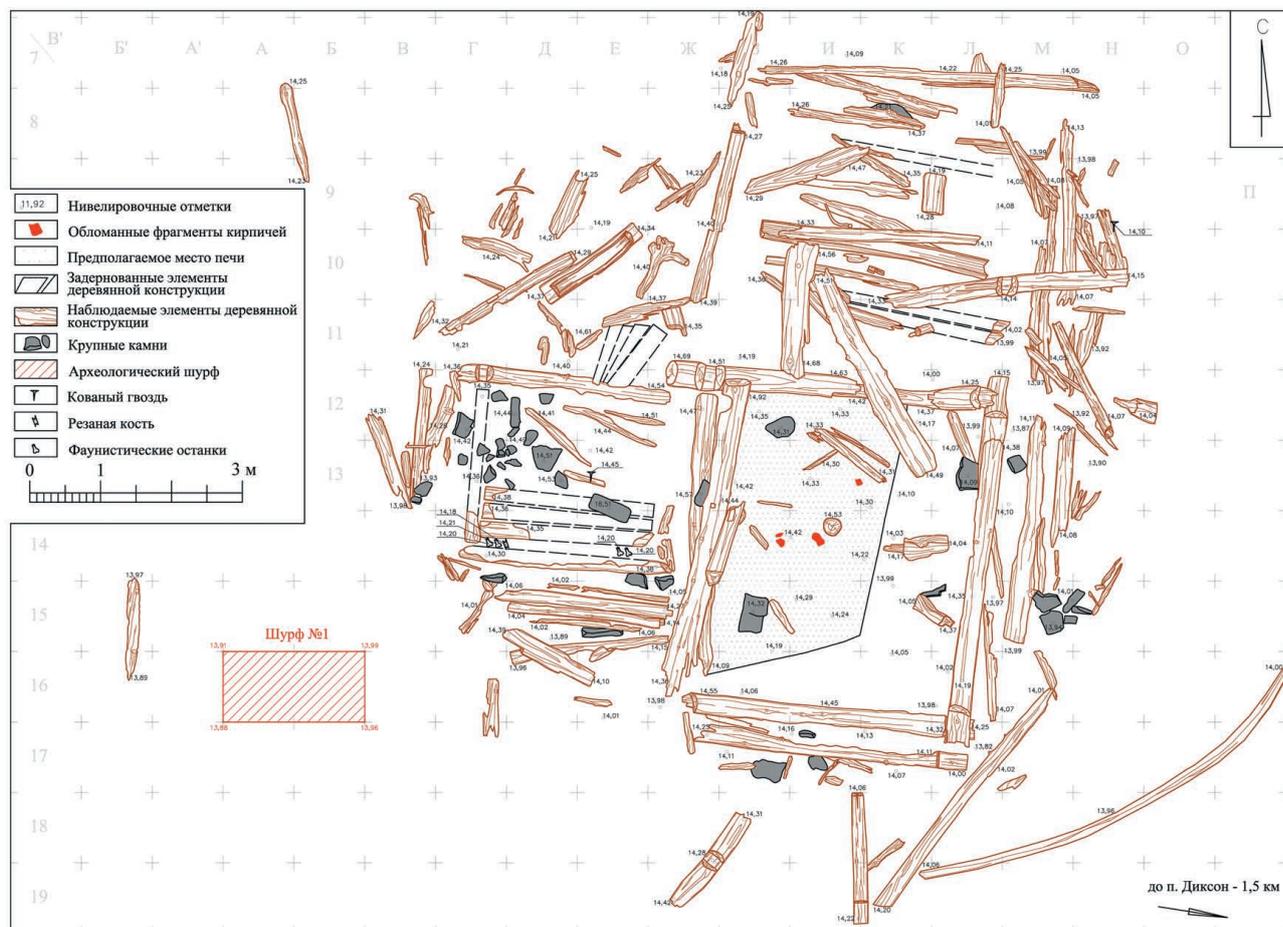

Рис. 4. План-схема построек ВОАН Диксон, зимовье Северное

С севера к избе прирублены сени размером 5×5 м, от которых сохранился развал верхних венцов. Угловые сопряжения не просматриваются. Пол выложен из бревен диаметром 0,15–0,2 м, ориентированных по оси З – В.

С запада к избе прирублена клеть размером $3 \times 2,5$ м. Она собрана из бревен диаметром 0,18–0,22 м, внешние углы постройки рублены «в чашу». Для соединения с прирубом в стене основного объема выбран паз, а в бревнах прируба ответные шипы. Пол в клетке выложен плахами шириной 0,18–0,2 м, уложенными по оси З – В. В северо-западном углу фиксируется развал печи-каменки размером $1 \times 1,5$ м, сложенной из валунов и крупных кусков скальника. На валунах наблюдается слабый нагар.

В 16 м к западу от юго-западного угла избы фиксируются уходящие под дерн остатки окладного венца еще одного строения, возможно имеющего отношение к хозяйственному комплексу.

К западу от юго-западного угла постройки был заложен шурф, стратиграфическая ситуация в котором выглядит следующим образом:

- торфо-моховая подстилка мощностью 0,05–0,07 м;
- увлажненный слой мелкой щепы мощностью 0,03 м;
- увлажненный темно-серый гумусированный суглинок с редким включением мелких древесных остатков (мощность – 0,02–0,03 м);
- уплотненный слой светло-бурой глины с включением гумусированных пятен, линз темновато-серой (сизой) и бурой глины. В подошве фиксируется мелкий галечник и дресва (видимая мощность – 0,23–0,25 м).

Несмотря на отсутствие находок в шурфе, уровень строительства зимовья и его функционирования маркируется слоем № 2. Естественные угнетенные арктические условия почвообразования, с одной стороны, и редкие кратковременные посещения зимовья – с другой, характеризуют слабую насыщенность слоя культурными останками и органикой. Небольшая коллекция находок: кованый гвоздь, скоба, резаная кость и кирпичный лом – собрана на современной поверхности вокруг сруба. Практически полное отсутствие предметов в заброшенных зимовьях Енисейского залива отмечалось и Э. Н. Норденшельдом. Он объяснял это тем, что зимовья ввиду транспортной

труднодоступности поставок муки были оставлены, а все вещи из них вывезены [Пасецкий, 1979, с. 117]. Свою роль сыграла и близость пос. Диксон, жители которого регулярно посещают заброшенные населенные пункты с целью сбора предметов [Ауэрбах, 1928, с. 129].

Н. К. Ауэрбах, осматривавший в 1921 г. эту постройку, предположил, что «в ней не жили оседло, как в зимовье (Малое), а только наезжали по временам для осмотра пастей, для охоты на медведя и, может быть, для ловли нерпы» [Ауэрбах, 1928, с. 138]. Хозяйственную специализацию подтверждает корыто размером $1,6 \times 0,3$ м, найденное в текущем сезоне, лежащее напротив северо-западного угла постройки. Подобные корыта использовались для хранения жира тюленей или белых медведей [Там же, 1928, с. 132]. Датировка зимовья из-за малочисленности находок затруднена и по предварительным оценкам находится, скорее всего, в диапазоне второй половины XVIII – первой половине XIX вв.

Другой категорией археологических объектов, фиксируемых от Дудинки до устья Гольчихи, являются селища. Селища – остатки неукрепленных поселений, одновременные городищам, когда определенная группа людей жила вне укрепленной части поселения, за его стеной [Авдусин, 1980, с. 23, 24]. Применительно к условиям Енисейского Заполярья термин селище употребляется нами в следующем значении: многодворное поселение, как правило неукрепленное, имеющее культурный слой с расширяющимися в ходе развития и роста населенного пункта горизонтальными и вертикальными границами и содержащий ярусы построек различных хронологических этапов его функционирования.

Появление селищ в низовьях Енисея связано с развитием и сменой основных видов хозяйственной деятельности в регионе (пушной и морской промысел в XVII–XVIII вв. и рыбный в XIX – начале XX вв.). В результате часть зимовий разрослась в небольшие поселки с постоянным русским населением.

Ф. Нансен во время экспедиции по этим местам в 1913 г. отмечал: «Сначала встречались лишь отдельные избы, где проживал какой-нибудь одинокий купец или помещалась почтовая станция». Затем, вверх по течению Енисея, количество изб увеличивается, появляются улицы и, наконец, настоящие деревни: «Всюду те же приземистые, четырехугольные, крепкие деревянные избы, выстроенные в ряд вдоль обрыва над рекой» [Нансен, 1969, с. 142]. В новейшее время некоторые из этих поселений пережили хозяйственный расцвет, другие были заброшены. На их территории сохранились развалины поздних построек советского времени, иногда переложенных из более ранних строений. Разведочная шурфовка показала наличие культурного слоя, основой которого является традиционный для северных широт материал – щепка. Всего было обследовано два селища на Енисее – Ананьинское (ВОАН Дудинка, селище Ананьинское) и Толстый Нос (ВОАН Караул, селище Толстый Нос) и одно в устье Рыбной – станок Норильский (ВОАН Норильск, местонахождение – станок Норильский, часовня).

Селище Ананьинское расположено на 380 км Енисея, на месте заброшенного пос. Ананьинского. Оно приурочено к приустьевому мысовидному выступу, по склону которого рассредоточены остатки построек середины – второй половины XX в. В 1913 г. поселение имело следующий вид: «На высоком берегу вытянулись в ряд четыре или пять домов. Местечко это принадлежит одному богатому купцу, который ведет большую торговлю с инородцами» [Нансен, 1969, с. 142].

На оконечности выступа был заложен шурф размером 1×1 м. В шурфе, под слоем дерна, зафиксирован рыхловатый слой темно-коричневого суглинка, насыщенного щепой и углем (0,1–0,15 м). В нем найдены кованые гвозди, поливная круговая керамика, черепки фаянсовой посуды и колотые кости. Под этим слоем расчищен фрагмент глинобитной печи с развалом термически обработанной гальки, лежащей на пачке светло-серой глины. От самой постройки, под печью, зафиксировано половое перекрытие с лагой. Из-за мерзлоты ниже отложения не вскрывались. Предварительная датировка верхней пачки культурных отложений – XIX в.

Обследование 2016 г. показало наличие культурных слоев в мерзлотном или оттаивающем на краткосрочный летний период состоянии на всех выявленных объектах. В разрезах отмечается традиционная для памятников русского времени структура культурного слоя, состоящего из техногенных отложений органического и неорганического происхождения [Пархимович, 2011, с. 87]. При зачистке береговой бровки в устье Верхней Гостиной (ВОАН Воронцово, зимовье Гостиный мыс) мощность слоя достигала 1,2 м, на других памятниках она составляет от 0,05 до 1 м. Раскрытия также показали высокую плотность и представительность коллекции артефактов в слое, в том числе из кожи, ткани и дерева.

При благоприятных условиях накопления слоев наблюдаются несколько негативных моментов, связанных как с общим изменением климата в Арктике и снижением зоны и глубины распространения многолетнемерзлых грунтов [Питулько, 2007, с. 34; 2008, с. 26], так и с техногенными факторами.

Природные факторы обусловлены деструктивными рельефообразующими процессами, связанными с повышением положительных температур и, в частности, с термоабразионными, термоэрозионными и термоденудационными размывами мерзлого грунта [Марахтанов, 2004, с. 60]. Основная масса наблюдавшихся нами размывов культурного слоя связана с берегами абразионно-термоденудационного типа. Цикл развития таких берегов заключается в оттаивании отложений, которые смещаются вниз по склону и в ходе осыпания, оползания или вязкопластического течения обнажают мерзлую толщу, начинающую также протаивать [Совершаев, 1992 с. 35–36; Кизяков, 2006, с. 80].

Негативные природные явления усиливают расширение зоны хозяйственного освоения на территории некоторых объектов. Смещение дернового покрова приводит к усилению водной и ветровой эрозии и развитию

нежелательных криогенных явлений. Под угрозой находится зимовье Таналау, располагающееся недалеко от строящегося порта в устье одноименной речки. В настоящий момент остатки построек зажаты с одной стороны дорогой, подрезающей восточный край, а с другой – размываемым берегом. Лишь остатки ненецкого кладбища на месте руинированных построек спасают его от полного механического уничтожения.

В результате проведенных работ были обследованы памятники наиболее выразительных типов, принадлежащие русскому населению Таймыра. Общее количество таких населенных пунктов на таймырском берегу Енисея и Карского моря не было постоянным, что подтверждается анализом карт-материалов XVII – начала XX вв. В «Хорографической книге Сибири» С. У. Ремезова по правому берегу Енисея, от Дудинки до устья Пясины, обозначено 18 зимовий и две церкви. На карте Гензелиуса 1745 г., составленной на основании описи Великой северной экспедиции, на данном маршруте обозначено 38 населенных пунктов [Ауэрбах, 1929, с. 16]. В «Атласе Российской империи» Н. Зуева 1860 г. от Дудинки до устья Енисея по его правому берегу насчитывается 25 зимовий. Топографические карты середины XX в. фиксируют развалины и избы в 89 пунктах. Натурное обследование лишь части из них показало совпадение обозначенных развалин с остатками исторических построек Нового времени различных хронологических периодов.

Большое количество объектов подобного рода, их хорошая сохранность, типологическое разнообразие и высокая информативность культурного слоя позволяют расширить круг источников по материальной культуре, истории и времени освоения Арктики. Всё это требует повышенного внимания к изучению и сохранению таких объектов, а также регулярного мониторинга их состояния.

Визгалов Г. П. Проведение археологических работ на территории объекта культурного наследия регионального значения «Остатки базового поселка 1739 г. отряда землепроходца Лаптева Харитона Прокопьевича» в Таймырском Долгано-Ненецком муниципальном районе Красноярского края в 2012 году. Отчет о научно-исследовательской работе. ХМАО – Югра, Нефтеюганск, 2013. 105 с. // Архив ООО «НПО «Северная археология – 1». Ф. 1. Д. 394.

Козлов В. И. Разведка и обследование исторических памятных мест центрального Таймыра в 1988 году. Отчет о научно-исследовательской работе, 1988 // Архив Службы по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края. Р-1, 13406. 8 с.

Козлов В. И. Разведка и обследование исторических памятных мест центрального Таймыра в 1989 году. Отчет о научно-исследовательской работе, 1988 // Архив Службы по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края. Р-1, 14007. 8 с.

Авдусин Д. А. Полевая археология СССР. – 2-е изд. – М. : Высшая школа, 1980. – 335 с.

Ауэрбах Н. К. Заселение и развитие промыслов в низовьях реки Енисей // Научно-промысловые исследования Сибири. – Красноярск, 1929. – Серия А. – Вып. 6. – С. 3–30.

Ауэрбах Н. К. Зимовье в бухте Промысловой Енисейского залива (Отчет о раскопках) // Северная Азия. – 1928. – № 5–6. – С. 125–146.

Баландин С. Н., Филиппова Н. Н. Жилища русских первопроходцев в Сибири в XVII – первой половине XVIII вв. // Городская культура Сибири: история, памятники, люди. – Новосибирск, 1994. – С. 90–104.

Бегичев Н. А. Из записок боцмана Бегичева // Сибирские огни. – Новосибирск, 1935. – Вып. 2. – С. 151–169.

Безруких В. А., Быконя Г. Ф., Федорова В. И. Иллюстрированная история Красноярья (XVI – начало XX века). – Красноярск : РАСТР, 2012. – 217 с.

Белов М. И. Первое русское поселение на Таймыре (к 350-летию Хатанги) // Известия Всесоюзного географического общества. – 1977. – Т. 109, вып. 1. – С. 56–63.

Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. – Изд. 3-е. – М. : Совет. энциклопедия, 1976. – Т. 25. – С. 212.

Дьяченко В. И. Пути и особенности колонизации русскими Таймыра // Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII – начало XX вв.). – СПб., 2014. – С. 68–123.

Исторические памятники Второй камчатской экспедиции / И. И. Елкина, С. М. Епишкин, В. Н. Звягин, В. Н. Кальякин, Н. Ш. Насырова, А. К. Станюкович, В. Ф. Старков, П. Ю. Черносвитов. – М. : Науч. мир, 2002. – 216 с.

Кизяков А. И., Лейбман М. О., Передня Д. Д. Деструктивные рельефообразующие процессы побережий арктических равнин с пластовыми подземными льдами // Криосфера Земли. – 2006. – Т. X, № 2. – С. 79–89.

Лубнина А. По следу Витуса Беринга // Красноярск: газ. Красноярский рабочий, 18.04.2009. – URL: http://www.krasrab.com/archive/2009/04/18/10/view_article (дата обращения: 07.02.2017).

Марахтанов В. П. Термомеханическое оттаивание грунтов (понятие и методика расчета) // Криосфера Земли. – 2006. – Т. X, № 4. – С. 59–67.

Мыглан В. С., Ваганов Е. А. К вопросу о датировке исторических памятников на Таймырском полуострове: дендрохронологический и исторический аспекты // Вестник КрасГУ. – 2005. – № 5. – С. 176–182.

Нансен Ф. В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море / авториз. перевод с норвеж. А. и П. Ганзен. – Магадан : Кн. изд-во, 1969. – 304 с. – (Дальневосточная историческая библиотека).

Окладников А. П. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. – Л. ; М., 1951. – С. 7–40.

Пархимович С. Г. О методах раскопок поселений Средневековья и Нового времени // Методика междисциплинарных археологических исследований. – Омск, 2011. – С. 78–92.

Пасецкий В. М. Нильс Адольф Эрик Норденшельд. – М. : Наука, 1979. – 296 с.

Питулько В. В. Основные сценарии раскопочных работ в условиях многолетнемерзлых отложений (по опыту работ на Жоховской и Янской стоянках, Северная Якутия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2(34). – С. 26–33.

Питулько В. В. Основы методики раскопок памятников каменного века в условиях многолетнемерзлых отложений // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 3. – С. 29–38.

Совершаев В. А., Новиков В. Н. Проблемы рациональной эксплуатации береговой зоны арктических морей // Проблемы экологии полярных областей. – М., 1991. – Вып. 2. – С. 35–40.

Стрючков С. А. Вот такая байда // Неизвестный Норильск. – СПб., 2011. – Спецвып. № 3. – С. 2–6.

Троицкий В. А. Русские поселения на севере полуострова Таймыр в XVIII веке // СЭ. – 1975. – № 3. – С. 120–126.

Троицкий В. А. Записки Харитона Лаптева. – М. : Мысль, 1982. – 144 с.

N. S. Stepanov¹, D. N. Lysenko¹, G. P. Vyzgalov².

¹Research and Production Association “Archaeological Engineering and Research”, Ltd., Krasnoyarsk,

²Research and Production Association “Northern Archaeology – 1”, Ltd., Nefteyuagansk

ARCHAEOLOGICAL SITES OF RUSSIAN INHABITATION IN TAIMYR (first results of the survey)

Based on the results of conducted archaeological works in Taimyr in 2016, the types of Russian trade winter lodges of the 18th – early 20th centuries are considered, and a brief history of the study of Russian time sites is given. In the course of visual inspection, two categories of monuments were identified: winter hunting lodges and settlements. Their definition as archeological sites of the Polar region is given. Their yards planning are defined as closed and open ones. Features of the location, stratigraphy, architectural and planning characteristics of constructions are considered. Cultural deposits on the most representative objects are described, general conducive and negative factors affecting the preservation of the cultural layer are declared. As a result, new archaeological sites of the Russian inhabitation of the lower reaches of the Yenisei River were introduced into the scientific circulation, the problem of their study and preservation is indicated.

Keywords: Krasnoyarsk region, Taimyr, Yenisei, winter lodges, settlements, cultural layer.

УДК 904

О. А. Шубина

Сахалинский областной краеведческий музей, Южно-Сахалинск

КУЛЬТУРА И БЫТ РУССКИХ ПОСЕЛЕНЦЕВ НА КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВАХ В XIX ВЕКЕ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ САХАЛИНСКОГО МУЗЕЯ

В результате археологических исследований Сахалинского областного краеведческого музея в бухте Алеутка на о. Уруп было обследовано место расположения «Курилороссии» – первого русского поселения на островах Курильской гряды, существовавшего с перерывами с 1775-го по 1875 г. С 1828-го по 1867 г. оно существовало под эгидой Российско-Американской компании. В ходе многолетних раскопок собрана большая коллекция орудий труда и предметов быта русских поселенцев – охотников на морского зверя, найдено основание жилой постройки, бани и кузнечного комплекса. Итоги работ позволили охарактеризовать образ жизни, занятия, черты традиционной материальной культуры русских поселенцев и выявить инновации, обусловленные спецификой природно-климатических и экономических условий их существования.

Ключевые слова: Курильские острова, Уруп, Алеутка, русские, Российско-Американская компания, жилые и хозяйственные постройки, раскопки, Сахалинский музей.

Освоение Курильских островов русскими людьми в XVIII–XIX вв. представляло собой сложный, многоэтапный и многосторонний процесс, обусловленный разнообразными внешними и внутренними факторами развития Российской империи. Географический, политический и экономический аспекты процесса освоения Россией ее дальневосточных окраин изучены к настоящему времени достаточно полно по имеющимся архивным и литературным источникам [*История...*, 2008; *Шубин*, 1992, 1994], однако особенности материальной культуры русских первопоселенцев на островах Курильской гряды долгое время оставались вне поля зрения исследователей.

В 1978–1994 гг. экспедицией Сахалинского областного краеведческого музея проводились полевые исследования на островах Уруп, Симушир, Северный Чирпой и Шумшу. В результате многолетних работ были не только выявлены места расположения первых русских поселений, но и получен значительный массив совершенно новой информации о быте, занятиях и образе жизни двух категорий новых жителей островов: завезенных из Русской Америки алеутов – точнее, эскимосов с о. Кадьяк [*Шубин*, 1985] и русских поселенцев [*Шубин*, *Шубина*, 1985а, б]. В бухте Алеутка на океанской стороне о. Уруп археологическими раскопками было обследовано 3 710 кв. м культурного слоя «Курилороссии» – первого русского долговременного поселения на островах, пережившего три этапа (1775–1785, 1795–1805 и 1828–1875 гг.), а также исследован небольшой участок культурного слоя на месте главного поселения Курильского отдела Российско-Американской компании (1831–1867 гг.) в бухте Броутона на Симушире. В фондах Сахалинского музея хранится и частично экспонируется самая крупная в России коллекция, связанная с деятельностью на Курилах русских зверопромышленников с конца XVIII до второй половины XIX вв., насчитывающая более 13 тыс. предметов.

В процессе раскопок в бухте Алеутка выявлены остатки целого комплекса жилых и хозяйственных построек, орудий труда, оружия, предметов быта, посуды, украшений, личных принадлежностей как русских поселенцев, так и группы алеутов, совместно с русскими проживавших и промышлявших морского зверя – преимущественно добывавших «мягкую рухлядь» – мех калана, ценившийся в то время на вес золота. Суровые климатические условия, полная изолированность поселенцев от внешнего мира, скудное и нерегулярное снабжение, несомненно, наложили свой отпечаток на образ жизни и культуру этой небольшой колонии русских людей на дальних островах. Поселение располагалось на сухом и ровном участке побережья небольшой, глубоко вдающейся в берег бухты, защищенной от морских ветров высокими скалистыми берегами, занимало площадь около 4–5 тыс. кв. м между рекой и ручьем, у подножия невысокой округлой сопки.

В 1795 г. по инициативе иркутского купца Г. И. Шелихова в Алеутке обосновался отряд «промышленников» и «посельщиков» численностью около 40 чел. под предводительством передовщика В. К. Звездочетова. А на этапе, связанном с деятельностью Российско-Американской компании на Курилах (с 1828 г.), в поселке проживало более 50 чел. Сюда был завезен домашний скот, имелись мастерские заведения (столярные, кузнечные, слесарные), велся интенсивный промысел морского зверя, развивалась островная торговля [*Историческое обозрение...*, 1861, с. 270–271]. Вероятно, именно к этому времени и относится большинство находок, сделанных в процессе археологических раскопок. Особый интерес представляют остатки деревянного дома, бани и кузнечного комплекса – элементы материальной культуры русских, отражающие как традиции, сложившиеся в домостроительстве на протяжении веков, так и черты инноваций, связанных с местными особенностями [*Шубин*, *Шубина*, 1985а, с. 15–37].

В ходе раскопок было выявлено основание деревянной постройки: верхние плоскости лежащих горизонтально брусьев и остатки вкопанных вертикально столбов. В плане постройка четко делится на три части, что позволяет отнести ее к типу трехчастного, или трехкамерного, дома – «связи» – в его классическом варианте «изба – сени – клеть» (рис. 1, с. 272). Такой тип жилища с комплексом дворовых хозяйственных строений был широко распространен в XVII–XIX вв. в русской сибирской деревне [*Этнография...*, 1981, с. 111, 126]. Вместе с тем, прослеживая определенную общность жилища курильских поселенцев с русским сибирским жилищем, следует учитывать и специфику в конструктивных деталях устройства дома, технике строительства, строительных материалах, обусловленную суровым климатом, недостатком хорошего строевого леса, фактором длительной изоляции. Дом, построенный русскими поселенцами на берегу бухты Алеутка, имел небольшие размеры (4,1 × 9,9 м), длинной осью он ориентирован в направлении с северо-запада на юго-восток таким образом, что углом постройка обращена в сторону бухты. Этот прием оправдан тем, что именно с востока, со стороны океана, «гавань не защищена ни мало» от сильных ветров, тогда как с других сторон ее прикрывают сопки. Подставляя под удар холодных морских ветров не стену, а угол, о который разбивался воздушный поток, русские строители способствовали улучшению теплоизоляции дома. Видимо, с этим связаны и его меньшие, по сравнению с типичными крестьянскими домами [*Русские...* 1970, с. 67], размеры. Жителям северных районов Сибири и Дальнего Востока в борьбе за тепло приходилось уменьшать размеры дома, проемы окон и дверей, углублять жилое помещение в землю, делать высокую завалинку, утеплять крыши землей [*Этнография...*, 1981, с. 137]. Это было характерно и для русских построек на Курильских островах.

Западная часть дома размером 4,1 × 3,3 м служила основным жилым помещением («изба»), в центре которого находилась печь. Сохранилась нижняя часть опечка (подпечья), служившего основой для возведения печного свода. Это была рама подпрямоугольных очертаний, собранная «в четверть» из стволов разных пород местных деревьев (березы, ольхи, кедрового стланика) без специальной обработки. Внутренняя часть опечка заполнена морским песком. По уцелевшим остаткам трудно судить об устройстве печи и конструкции дымохода. Вероятно,

она топилась «по-черному». Расположена печь не у входной двери (как на большей части территории расселения русских), а посреди жилого помещения – очевидно, для улучшения обогрева. Центральное расположение печи зарегистрировано в одном случае в Мангазее [Белов и др., 1981, с. 15] и характерно для русского населения Камчатки [Этнография..., 1981, с. 118], т. е. в местах с похожими природно-климатическими условиями. Устьем печь, по-видимому, была обращена на север. Традиционным для русского жилища считается выделение пространства избы перед печью в качестве места хозяйки. В северной части помещения были обнаружены такие предметы, как деревянные толкушка и разделочная доска, осколки фаянсовой посуды и стеклянного стакана, скопления разноцветного бисера, металлический светец, обрывок подошвы от женской кожаной обуви с каблуком, что говорит в пользу этого предположения. Полы в избе были земляные. Об этом можно судить по мощному (до 20 см) слою бытового и строительного мусора, в котором в изобилии встречаются фаунистические остатки (обломки костей рыб, птиц, морских и домашних животных, употреблявшихся в пищу), осколки посуды, фрагменты кожаной обуви, остатки домашней утвари. В углу комнаты расчищена куча «лапника» (веток кедрового стланика), которую могли использовать в качестве постели, под ней – топор с топорием, рядом – обломок железной лопаты и кованные гвозди. В юго-восточном углу избы располагался дверной проем шириной около 1 м – дверь в сени.

Сени коридорообразной формы, размером 4,1 × 1,8 м, были сквозными, так как помимо дверей в западную и восточную части постройки, они имели еще два внешних входа, оформленных с наружной стороны каменными вымостками, подсыпанными мелкой морской галькой. По сохранившимся элементам нижнего венца можно предположить наличие в сенях пола: перпендикулярно длинным стенам находится пять лаг-переводин под деревянный настил пола (брусья прямоугольного сечения), расположенных на расстоянии 0,75 м одна от другой. Досок пола не сохранилось.

С востока к сеням примыкает клеть размером 4,1 × 4,3 м. Это было неотапливаемое помещение (следов печи не найдено), которое могло использоваться как для жилья, так и для хранения бытового инвентаря, пищевых запасов, а также других хозяйственных нужд. Здесь был настлан пол: сохранилось семь брусьев-лаг, три целые доски и несколько обломков.

С восточной торцевой стороны дома имелась легкая пристройка или навес шириной 0,5–0,7 м: на такое расстояние за пределы восточной стены выступают лежень южной стены дома и вертикальный столб, завершающий северную стену. На этом участке зафиксировано большое скопление металла (гвозди, стержни, полосы, поковки и т. д.). С южной стороны к клетки примыкала пристройка для содержания скота: сохранились основания 10 вертикальных стоек, образующих прямоугольник размером около 3 × 2 м с одним столбом в центре. Культурный слой здесь насыщен навозом, сильно гумусирован. Аналогии подобного устройства дома (смыкать такие хозяйственные сооружения с жилыми строениями по принципу однорядной связи) можно проследить в севернорусской традиции [Этнография..., 1981, с. 110].

Раскопки показали, что дом был поставлен непосредственно на грунт – точнее, на слой щепы толщиной от 4–5 до 20 см, образовавшийся при строительстве от обработки бревен непосредственно на месте. Такой тип постройки назывался «поземным». При этом использовалась как столбовая, так и срубная техника. Судя по сохранившемуся нижнему венцу, изба была сложена из грубо обтесанных бревен местных пород деревьев, преимущественно березы. Бревна неровные, короткие, так как хороший строевой лес на Урупке отсутствует.

Основу стен (частичный каркас в виде стоек) составляли врытые в землю столбы по южным углам избы и углам сеней, а также внутри стен, что было обусловлено отсутствием строительного материала достаточной длины. Лежни в основании избы и сеней имеют по торцам хорошо сохранившиеся шипы для соединения со стойками, а в ряде стоек отчетливо прослеживаются пазы, характерные для техники горизонтальной закладки или набирки (заплота), когда бревна или брусья закреплялись в вертикально выдолбленных пазах столбов [Этнография..., 1981, с. 261]. На лежнях, образующих основание северной стены избы и восточной стены сеней, отмечены пазы в верхней горизонтальной плоскости брусьев, выдолбленные с шагом 0,8 м и служившие, вероятно, для шпоночного соединения. Северные углы избы оформлены срубной техникой «в угол» (или «в обло»): концы бревен связаны в углах вырубкой, при этом они выступают за стены сруба на 0,2 м. Интересно, что такой смешанный прием, когда горизонтальная «набирка» сочеталась с рубкой «в обло», зафиксирован и при раскопках Мангазеи [Белов и др., 1981, с. 14]. Остатки бревен восточной части дома (клетки) позволяют предположить применение здесь техники рубки «в косяк»: брусья-лежни ровно обрублены на конце и вплотную примыкают к брусьям-стойкам. Таким образом, изба и сени выполнены столбовой техникой горизонтальной закладки с частичным применением срубной техники, а клеть – срубной техникой. Отсутствие единообразия в строительной технологии объясняется не только ограниченным выбором строительных материалов, но и, возможно, разновременностью возведения отдельных частей дома. Можно предположить, что сначала была поставлена изба (она имеет наиболее примитивное строение типа временных зимовий, изготовлена из подручного низкосортного леса), а затем «прирубом» к ней было достроено два других помещения. При их строительстве использовали привозной материал – брусья, судовые доски. Слой строительного мусора (щепы, стружек) в этой части постройки тонкий или совсем отсутствует. В отличие от земляного пола избы, в этих помещениях был настлан деревянный дощатый пол. Тот факт, что стены сеней и клетки не продолжают стен избы по прямой линии, а образуют ломаную с отклонением в 5° линию, подтверждает эту версию.

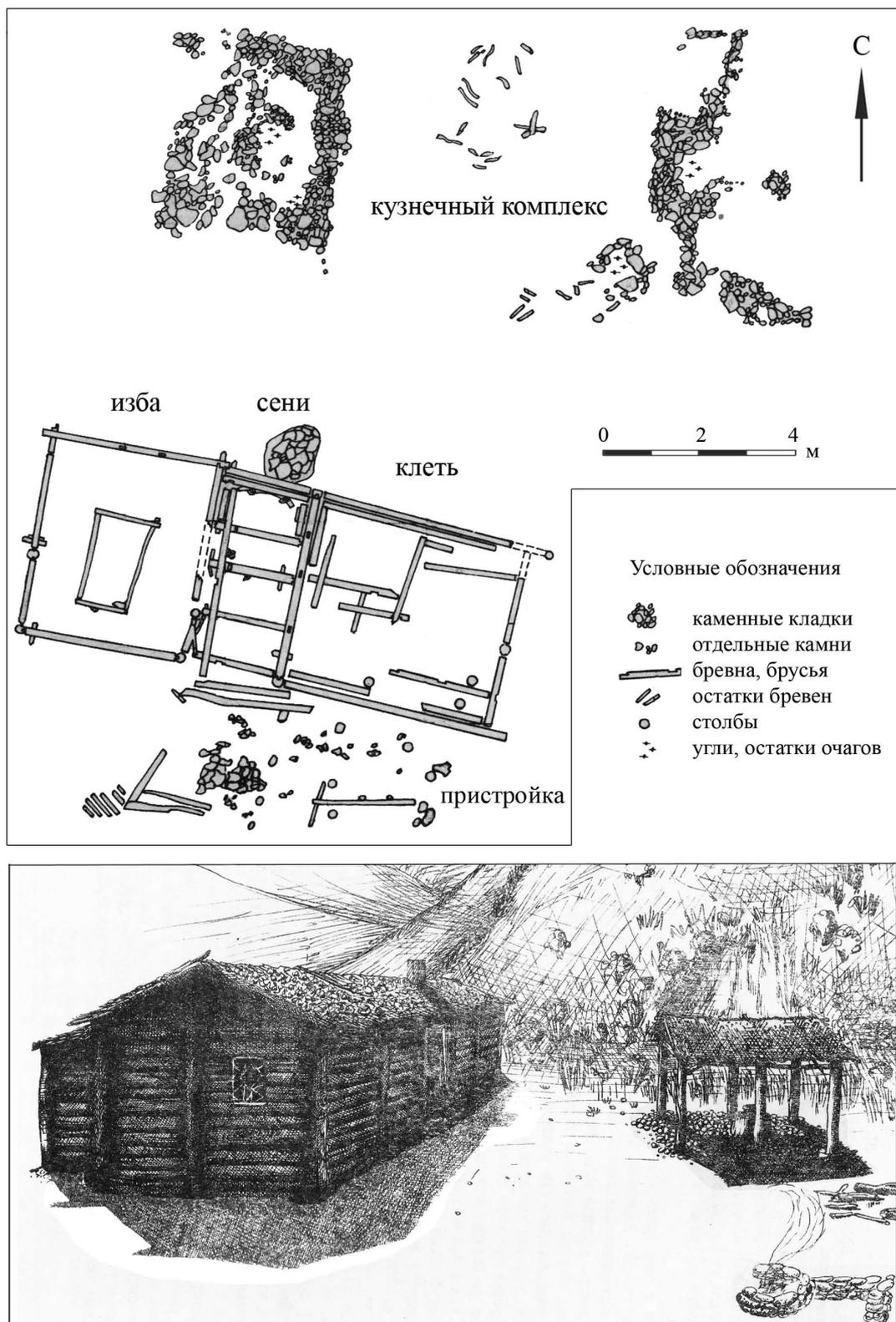

Рис. 1. План основания кузнечного комплекса и жилой постройки, выявленных в процессе археологических раскопок на месте русского поселения XIX в. в бухте Алеутка на о. Уруп (Курильские острова), и их графическая реконструкция (вид с востока)

Археологические источники не позволяют с уверенностью судить об устройстве крыши и окон в доме. Вероятно, аналогично русским жилищам на Камчатке, кровлю делали уплощенной и покрывали корьем или травой,

закреплявшимися на крыше жердями. Бревенчатый накат изб мог служить одновременно и потолком, и кровлей [Тюшов, 1906, с. 128; *Этнография...*, 1981, с. 118, 112]. Окна были слюдяные: при раскопках внутри и снаружи дома были обнаружены многочисленные обрывки и кусочки слюды в форме неправильных многоугольников с мелкими отверстиями вдоль краев, служившими для скрепления фрагментов в оконное полотно. Помимо «слюдных шитух», в слое близ дома найдены осколки тонкого оконного стекла. Исследованное в бухте Алеутка русское жилище более всего напоминает постройки осевших на Камчатке в XVIII в. русских поселенцев, которые из-за недостатка хорошего строевого леса также возводили срубные жилища из неровных суковатых березовых бревен, щели между бревнами закладывали мхом и обмазывали глиной; избы были низкие, небольших размеров, с земляным полом [Тюшов, 1906, с. 128]. Тем не менее выявленный при раскопках в бухте Алеутка русский дом можно охарактеризовать как вариант жилища северорусского типа, построенного с учетом местных особенностей и специфики природных условий Курильских островов [Шубин, Шубина, 1985а, с. 18–28]. Отличительной особенностью всех русских построек Курило-россии (дома, бани, кузницы) является их ориентация не по сторонам света, а с отклонением от оси меридиана примерно на 10–12° к востоку.

Остатки бани – еще одного сооружения, характеризующего культуру и быт русских поселенцев на Курилах, – выявлены на берегу речной старицы (рис. 2, с. 274). В ходе раскопок была расчищена площадка подпрямоугольной формы размером около 2,3 × 3,6 м, образованная серией столбовых ям. На значительной части пространства, ограниченного столбами, сохранились следы деревянного настила, уложенного непосредственно на грунт. Настил состоял из тонких досок, размещенных параллельно длинной оси постройки, и образовывал как бы две площадки: размером 1,6 × 1,6 м в западной половине и 1 × 1 м в северо-восточной части постройки. Примерно посередине южной стенки помещения располагалась печь-каменка. Она представляла собой каменную кладку овальной формы, размером 1,2–0,9–1 м, высотой до 0,58 м, сложенную из морских окатанных галек. В основании – подсыпка из мелкой гальки и песка. Топка печи – сквозное отверстие шириной около 0,5 м, высотой 0,3 м, с южной стороны закрытое крупной (0,5 × 0,3 × 0,2 м) морской галькой. Низ топки выстлан листом железа; верх кладки держался на железной полосе размером 76 × 9 см, опирающейся концами на крупные поставленные торцом гальки. Внутри топки отмечены угольки.

Расположение этой постройки на периферии поселения близ реки, малый размер, тип печки, отсутствие среди находок на полу остатков бытовой утвари позволяют предполагать, что это была баня («мыльня»), без которой не обходилось на одно русское подворье. При ее возведении использовалась столбовая техника: каркасом служили вертикальные столбы по углам и по периметру стен, промежутки между которыми забирались досками и засыпались сверху землей (рис. 2). Эта постройка также находит аналогии в сибирских «земляных банях». Они топились «по-черному»: при входе в угол складывали печь-каменку из дикого камня, на печи в котле нагревали воду либо грели ее в бочках, опуская в них раскаленные камни [*Этнография...*, 1981, с. 116]. Такой же прием использовался, вероятно, и в Алеутке: около каменки расчищена яма диаметром около 0,3 м – возможно, от вкопанного в землю бочонка. Неподалеку найдены два железных обода от бочек, которые могли служить для хранения воды. Вход в баню находился с южной стороны восточнее печки-каменки. Местные условия наложили отпечаток и на этот тип хозяйственной постройки русского населения о. Урупа: баня отличается малыми размерами (в Сибири размер бань составлял 4,3 × 4,3 или 6,4 × 4,3 м [Александров, 1964, с. 165]), более примитивной техникой постройки, отсутствием предбанника («предсенья»).

К комплексу хозяйственных построек обитателей поселения относится кузница, остатки которой зафиксированы в 5 м севернее жилого дома (рис. 1, с. 272). Была обнаружена выложенная окатанной морской галькой и песком прямоугольная площадка размером около 3,5 × 4 м – вымостка пола легкой наземной постройки или навеса. Конструкция постройки была столбовой: по ее периметру вкопаны столбы из грубо отесанных бревен диаметром 20 см, отмечены также следы более тонких (5–6 см) стоек. В юго-восточном углу располагался очаг; в центральной части «пола» находилось свободное от камней пространство – площадка утоптанной земли овальной формы размером 2,3 × 1,7 м, посреди которой сохранилась подковообразная выкладка из камней – возможно окружавшая поставленную в центре наковальню. В слое обнаружены многочисленные угольки, золистые пятна, железные поковки, полосы и стержни, куски железа, а также каменные формочки для отливки пуль и картечи, медные льячки, кусочки свинца. Поблизости от постройки располагались еще две каменные кладки размером 5,5 × 1,6 м, высотой до 0,5 м и 2,5 × 1 м, высотой до 0,2 м с очагами из прокаленных до розовато-желтого цвета камней, содержащими мощный углистый слой – вероятно кузнечные горны. Здесь найдены металлургический шлак, обломки и целые изделия, связанные с кузнечным делом: поковки, куски железа и листовой меди, кузнечный молоток, кованые изделия, картечницы, медные льячки и т. д.

В культурном слое русских поселений на Урупе и Симушире было найдено большое количество предметов, характеризующих быт и занятия совместно проживавших русских и алеутских поселенцев. Наиболее многочисленную категорию находок составляют осколки стеклянной, фаянсовой, фарфоровой, керамической посуды как русского, так и иностранного происхождения, в том числе тарелок, блюдец, чашек, чайничков, стаканов, бутылок, штофов (вся посуда привозная). Однако местной особенностью было то, что ее использовали по максимуму долго: даже разбитую или треснувшую фаянсовую посуду «реставрировали» с помощью просверленных по краям сквозных отверстий, через которые обломки связывали нитками или тонкой проволокой. А охотники-алеуты

изготавливали скребки для обработки шкур из осколков стеклянных бутылок, применяя методы своих неолитических предков – с помощью краевого ретуширования. Для приготовления пищи использовались металлические котлы, котелки, чайники; столовые приборы представлены находками ножей, вилок, ложек. Имеются самодельные (скорее всего, выполненные на месте) предметы: деревянные ложка, толкушка, разделочные доски, костяное шило, медные наперстки. Обращает на себя внимание большое количество остатков самодельной обуви (мужской, женской и даже детской) из грубой сыромятной кожи, с берестяными стельками; подошвы и каблуки подбиты деревянными (реже – медными) гвоздиками. Обувь изготавливалась на месте, о чем свидетельствуют многочисленные обрезки кроя. Найдено большое количество орудий труда и оружия, в том числе топоры, молотки, кувалды, пещни, гарпуны, багры, железные и медные кованые гвозди, детали ружей, ружейные кремни, пули, картечь; деревянная и медная линейки, медный транспорт и многие другие предметы. Имеются находки личных вещей обитателей поселения: нательные крестики, украшения (кольца, бусы, бисер, пуговицы), монеты, кожаный кошелек, складные ножи, обломки курительных трубок, фрагменты одежды из ткани и кожи, обуви и т. д. Уникальными находками являются свинцовые пломбы с монограммой «РАК» (Российско-Американская компания), служившие для опечатывания складов и мешков с добывавшейся на островах пушниной.

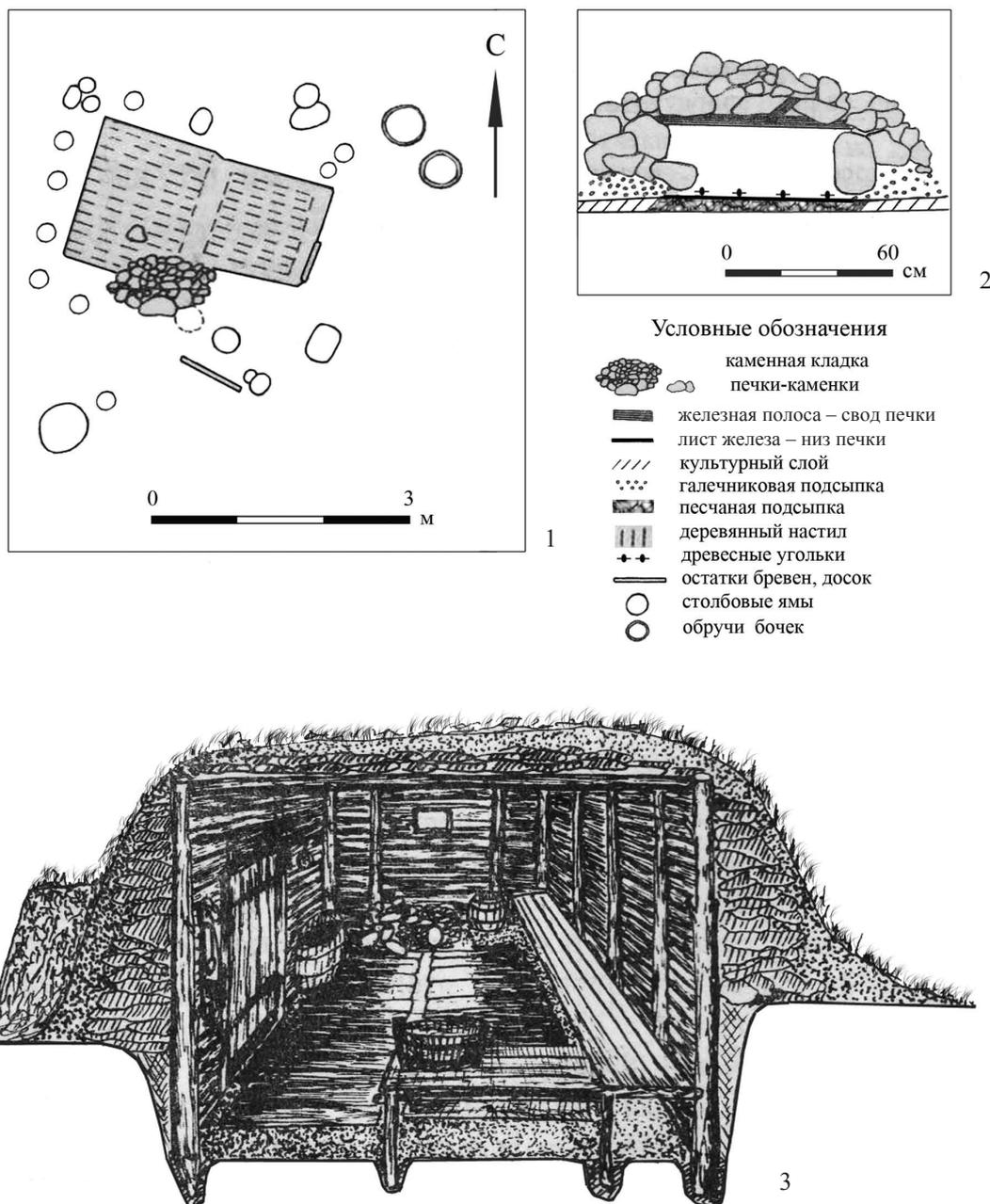

Рис. 2. План основания постройки, интерпретируемой как баня (1), схематический разрез печки-каменки (2) и графическая реконструкция бани, выявленной при раскопках на месте русского поселения XIX в. в бухте Алеутка на о. Уруп (3)

Вместе с тем, несмотря на полученный в ходе раскопок большой массив интересных находок, археологические свидетельства культуры русского населения Курильских островов в XIX в. довольно отрывочны и фрагментарны. Они дают определенное представление о материальной стороне жизни, о быте и занятиях людей, подтверждая имеющиеся письменные источники, но совершенно недостаточны для характеристики их культуры в целом. Заброшенные на дальние острова, без регулярной поддержки метрополии, поставленные в трудные условия существования – практически на выживание, люди сохранили определенные традиции, проявившиеся в технике домостроения и организации быта. Однако местные природно-климатические условия, близкий контакт с представителями коренного населения Курильских островов – айнами – и завезенными с Аляски «профессиональными» морскими зверобоями алеутами, бесспорно, существенно повлияли на образ жизни и культуру русских людей, обусловив появление ряда специфических особенностей в их жизненном укладе.

Александров В. А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII вв. – М. : Наука, 1964. – 304 с.

Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. – М. : Наука, 1981. – Ч. II. – 152 с.

Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени / сост. П Тихменов : в 2 ч. – СПб. : Тип. Э. Веймара, 1861. – Ч. 1. – 470 с.

История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия. – Южно-Сахалинск : Сахалин. кн. изд-во, 2008. – 712 с.

Русские. Историко-этнографический атлас. – М. : Наука, 1970. – 213 с.

Тюшов В. И. По западному берегу Камчатки // Записки ИРГО по общей географии. – СПб., 1906. – Т. XXXVII, № 2. – 522 с.

Шубин В. О. Алеуты на Курильских островах // Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея. Препринт. – Южно-Сахалинск, 1985. – С. 14–27.

Шубин В. О. История поселений Российско-Американской компании на Курильских островах // Краеведческий бюллетень. – Южно-Сахалинск, 1992. – № 3. – С. 12–64.

Шубин В. О. Русские поселения на Курильских островах в XVIII–XIX вв. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. Историко-археологические исследования. – Т. 1. – Владивосток, 1994. – С. 54–79.

Шубин В. О., Шубина О. А. Жилые и хозяйственные постройки русских в бухте Алеутка на острове Уруп (XVIII–XIX вв.) // Русские люди на Сахалине и Курильских островах в XVIII – начале XX вв. Препринт. – Южно-Сахалинск, 1985а. – С. 15–37.

Шубин В. О., Шубина О. А. Курильороссия // Вопросы истории. – 1985б. – № 5. – С. 184–189.

Шубин В. О., Шубина О. А. Русское поселение Курильороссия на острове Уруп // Краеведы ведут поиск. – Южно-Сахалинск, 1985в. – С. 43–50.

Этнография русского крестьянства Сибири. XVII – середина XIX вв. – М. : Наука, 1981. – 274 с.

O. A. Shubina

Sakhalin Regional Museum, Yuzhno-Sakhalinsk

CULTURE AND LIFESTYLE OF RUSSIAN SETTLERS IN THE KURIL ISLANDS IN 19th CENTURY ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE SAKHALIN MUSEUM

As a result of archaeological research of the Sakhalin Regional Museum in Aleutka Bay at the Urup Island in 1978–1994, the first Russian settlement on the Kuril Islands – “Kurilorossia” – was surveyed. It existed intermittently from 1775 to 1875. Since the 20s of the 19th century, the settlement existed under the auspices of the Russian-American Company. During the multi-year excavation, archaeologists found many tools and objects of everyday life of Russian settlers, who were sea mammal hunters; also, foundation of residential building, bath and blacksmith complex were discovered. Results of the fieldwork made it possible to characterize lifestyle, occupation, main characteristics of traditional material culture of Russian settlers, and to identify innovations that appeared due to specific climatic and economic conditions of their existence.

Keywords: Kuril Islands, Urup, Aleutka, Russian, Russian-American Company, residential and farm buildings, archaeological excavations, Sakhalin Museum.

**КРУШЕНИЕ ПАРУСНИКА «НЕВА» РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ
В 1813 ГОДУ: ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ГЛАВА***

В 2012 г. археологи обнаружили гипотетическое место расположения лагеря выживших при крушении шлюпа «Нева» Российско-Американской компании в 1813 г. В 2015 и 2016 гг. международная команда американских, российских и канадских ученых провела археологические раскопки, в ходе которых были найдены останки судна и лагеря оставшихся в живых, в том числе могила одной из жертв кораблекрушения. Эти данные, наряду с результатами архивных исследований в Санкт-Петербурге и Лондоне, добавляют детали к нашим знаниям истории и последнего рейса «Невы», а также выживания в суровых условиях.

Ключевые слова: археология, Российско-Американская компания, шлюп «Нева», кораблекрушение, лагерь выживших.

Введение. В 2012 г. автор возглавлял команду археологов Управления истории и археологии Аляски, Лесной службы США (USFS) и Исторического общества г. Ситка для поисков следов корабля «Нева» Русско-Американской компании (РАК), о котором известно, что он потерпел крушение возле г. Ситка в январе 1813 г. [McMahon, 2012]. Место крушения было установлено на основе воспоминаний выживших, аэрофотосъемки, полетов над местностью, исторических данных по приливам и отливам и устных рассказов. В ходе полевых исследований в пункте предполагаемого расположения лагеря выживших в кораблекрушении «Невы» команда обнаружила клад русских топоров и других артефактов. При финансовой поддержке со стороны Национального научного фонда США (NSF) автор вернулся на место поисков в июле 2015 г. с американскими, российскими и канадскими учеными для проведения археологических раскопок и подводных съемок. Помимо Д. Макмэхана (руководитель экспедиции и ведущий ученый), в исследовательский коллектив вошли Тимоти (Тай) Диллиплейн (второй главный исследователь), Евгения Анищенко (университет Саувхэмптона), Артур Харинский (Иркутский государственный технический университет), Юрий Лихин (Иркутский архитектурно-этнографический музей «Тальцы»), Даниэль Томпсон (консультант по археологии), Джон Поллок и Шон Адамс (Институт подводной археологии), Бриннен Картер (Национальный исторический парк г. Ситка), Хал Спэкмен (директор Исторического общества г. Ситка) и Боб Медингер (бывший директор Исторического общества г. Ситка). Хотя не все тайны, окружающие последние дни «Невы», были раскрыты в результате археологических работ 2015–2016 гг., находки оставляют мало сомнений в том, что спустя более 200 лет обнаружено место крушения корабля и лагерь выживших.

Историческая справка. Судна «Нева» и «Надежда» известны тем, что именно на них было совершено первое русское кругосветное путешествие в 1803–1806 гг. (рис. 1). «Нева», первоначально названная «Темза», была 372-тонным фрегатом, построенным в Англии и купленным Ю. Ф. Лисянским для кругосветного рейса по заказу руководителя экспедиции Адама Иоганна Риттер фон Крузенштерна [Krusenstern, 1813, p. 3; Shalkop, 1979, p. 9; Lloyd's Register, 1801–1802, entry 51]. Благодаря архивным исследованиям Е. Анищенко и Д. Макмэхана в Лондоне в 2015 г. установлено, что судно построено и спущено на воду на верфи «Король и королева» в лондонском районе Роттерхит 6 августа 1800 г. [Registry of shipping, London foreign trade, British National Archives BT 107/13, p. 217–218]. Район Роттерхит на берегу Темзы прославлен наличием многих известных верфей в XVII–XIX вв. «Темза» построена знаменитым лондонским судостроителем Питером Эвериттом Местаером, который занимался этой деятельностью в конце XVIII и начале XIX вв. Многие из кораблей Местаера были предназначены для Ост-Индской компании, хотя он также строил британские военные суда. Документы Лондонского центрального архива свидетельствуют, что Местаер был богатым человеком с многочисленным недвижимым имуществом, в частности, в районе Роттерхит, где ему принадлежал паб. Налоговые записи показывают, что в 1800 г. Местаер жил в Бишопсгейте – главном финансовом районе Лондона. Первым владельцем «Темзы» был Роберт Тейлор (Taylor and Co), «агент ордена Братьев Святого Креста». О Роберте Тейлоре известно мало, но в записях Судостроительного музея Лондона упоминается «Роберт Тейлор», капитан и/или владелец судов, связанных с работоторговлей в Карибском бассейне в 1791 и 1793 гг. Регистр судоходства Ллойда (1801–1802 гг., запись 51) указывает на то, что «Темза» была осмотрена в августе 1800 г. и совершила путешествие из Лондона в Гамбург в 1801–1802 гг. под руководством капитана Уильяма Линдера. На момент проведения осмотра в 1800 г. судно было описано следующим образом:

«3 мачты, 2 палубы, наибольшая длина судна 110' 6", наибольшая ширина 28', высота между палубами 5' 8", чистая регистровая вместимость 372 1/94, корабль с транцевой кормой и кормовыми окнами, гладкопалубный, без шканец, с резными бушпритом. Осадка при полной загрузке 16 футов».

* Работа выполнена в рамках гранта Национального научного фонда США (премия PLR-1330939), а также разрешений, выданных Лесной службой США (SIT699/620935010602) и Управлением истории и археологии Аляски (2014-02).

© Макмэхан Дж. Д., 2017

Более позднее описание встречается в Лондонском регистре судов дальнего плавания (1803 г., запись 61), которое указывает на «полторы палубы», а также носовую фигуру «в виде головы». Отсутствие более конкретного описания носовой фигуры наталкивает на предположение, что это была не явная фигура человека или животного, а стилизация.

На сегодняшний день строительные чертежи «Темзы» не обнаружены, и историки мореплавания в Лондоне сомневаются, что таковые существуют. Ко времени публикации Регистра Ллойда в июне или июле 1803 г. судно, ранее известное как «Темза», было внесено в список под названием «Нева» [*Lloyd's Register*, 1803–1804, *Entry* 289]. Регистр указывает на то, что судно в 1803 г. имело обшивку из меди, и содержит запись о рейсе из Лондона в Санкт-Петербург под руководством капитана «С. Брайанта». Интересно отметить, что пометка, добавленная к записи 61 в Лондонском регистре судов дальнего плавания, указывает на то, что судно было «продано иностранцам» в мае 1803 г. В то время как переговоры, вероятно, состоялись в конце 1802 г. – начале 1803 г., запись подтверждает, что «Темза» («Нева») сменила владельца в мае 1803 г. И. Ф. Крузенштерн отправил Юрия Федоровича Лисянского в Гамбург, затем в Лондон, чтобы приобрести два судна [*Krusenstern*, 1813, р. 2–3; *Moessner*, 2003, р. 6]. Вполне возможно, что Лисянский впервые узнал о «Темзе» в Гамбурге в 1802 г. и совершил покупку в Лондоне. «Темза» была переименована в «Неву» прежде, чем она покинула Лондон, и прибыла в порт Кронштадта под командованием британского капитана и экипажа. Записи в Центральном военно-морском музее в Санкт-Петербурге дают подробную информацию о вооружении и припасах на борту судов в ходе кругосветного плавания. В Кронштадте Крузенштерн принял на себя командование «Надеждой» и сделал Лисянского капитаном «Невы». Судна были похожи – оба шлюпа трехмачтовые, хотя «Надежда» была чуть больше [*Moessner*, 1993, р. XIV]. Упоминается, что на борту «Невы» было 14 орудий [*Tikhmenev*, 1978, р. 71] и экипаж из 50 профессиональных моряков [*Moessner*, 1993, р. XIV]. Корабли покинули Кронштадт в июне 1803 г., а уже через год стали первыми российскими судами, посетившими Гавайи [*Lisiansky*, 1814, р. 99–137; *Barratt*, 1978]. Там они разошлись: «Нева» пошла в Кадьяк и Ситку, а «Надежда» – в Японию [*Pierce*, 1990, р. 311–313].

Именно из-за роли «Невы» в битве за Ситку в 1804 г. ее хорошо знают на Аляске. В бою приняли участие не менее 1 000 русских, алеутов и алутииков, а также 500 тлинкитских мужчин, женщин и детей. В конце сентября 1804 г. главный управляющий Российско-Американской компании Александр Баранов присоединился к Лисянскому на «Неве» для отвоевания Новоархангельска (г. Ситка) у тлинкитов [*Lisiansky*, 1814, р. 147–168]. В апреле 1805 г. «Нева» присоединилась к «Надежде» в Китае с грузом котика, бобра и других шкурок, предназначенных для Кантона [*Lisiansky*, 1814, р. 272–273; *Moessner*, 2003, р. 380]. Оба судна вернулись в Кронштадт в августе 1806 г. В 1807 г. «Нева» стала первым русским судном, посетившим Австралию [*Massov*, 2006], а в 1807–1813 гг. состояла на службе РАК [*Фредерик в Shalkop*, 1979, р. 7]. На тот период она, как говорят, осталась на якоре в Охотске, чтобы избежать захвата, пока Россия поддерживала Францию в войне против Англии [*DeArmond*, 1946, р. 10].

Архивное исследование не дало много информации о последнем рейсе «Невы» из Охотска в августе 1812 г. и кораблекрушении в январе 1813 г. Источником того, что мы знаем, являются в основном опубликованные свидетельства нескольких выживших в кораблекрушении. Перед последним рейсом «Невы» в конце августа 1812 г. официальная переписка, найденная в Российском военно-морском архиве, показывает несогласие между РАК и царскими чиновниками в том, следует ли судно направить в разведывательную миссию в Японию или отправить для поддержки поселений на Аляске. РАК, как владелец, в конечном счете, выиграла разрешение на отправку «Невы» на Аляску. Информация о последнем рейсе, кратко изложенная ниже, основана на опубликованных свидетельствах мичмана Михаила Ильича Терпигорева [*Berkh*, 1979].

Рис. 1. Цветная гравюра под названием «Остров Святого Павла и остров Кадьяк», опубликованная Ю. Ф. Лисянским. Лондон, 1814. «Нева» на переднем плане

Последний рейс. «Нева» отправилась в свой последний рейс в конце августа 1812 г. Целью рейса была доставка грузов и пассажиров из сибирского порта Охотск в главное поселение компании в Новоархангельске (Ситка, штат Аляска). Среди пассажиров находился Третий Степанович Борноволоков, который должен был заметить Александра Баранова в качестве главного управляющего РАК. Неудачи преследовали рейс с самого начала. Это был уже конец сезона рейсов на Аляску. Штурман Васильев, который должен был быть капитаном «Невы», утонул, когда его ялик опрокинулся, совершая первоначальный инспекционный объезд. Лейтенант флота, Яков Подушкин, принял на себя командование судном, разделив обязанности со штурманом Даниилом Калининым. Вместо того чтобы взять курс прямо на Ситку, Подушкин решил идти вниз вдоль Алеутской гряды в надежде пополнить запасы пресной воды. Жестокий шторм обрушился на «Неву», сломав грот-мачту и повредив снасти. Ослабевший капитан передал командование Калинину. В конце ноября менявшиеся ветры привели преследуемый несчастьями корабль в безопасную гавань в проливе Принца Вильгельма. Не будучи уверенным в том, что ослабленный экипаж и пассажиры смогут пережить там зиму, Калинин направил судно в Ситку. Несмотря на переменчивый ветер и вновь возникшие трудности, «Нева» достигла пределов видимости Ситки в начале января 1813 г.; 8 января при благоприятном ветре и простиравшемся вдоль берега тумане Калинин приказал придерживаться заданного курса, пока он будет отсыпаться, чтобы подготовиться к встрече с Барановым на следующее утро. Обреченное судно село на мель у внешнего берега о. Крузов, каким-то образом оказавшись носом в направлении, противоположном своему курсу. Все попытки спасти корабль провалились, и он в конце концов разбился о скалы, в результате чего 26 выживших остались ждать спасения в условиях суровой аляскинской зимы. При крушении погибли 32 чел., и еще 15 умерли на борту во время рейса (цифры незначительно различаются в свидетельствах). Среди тех, кто погиб, пытаясь привести корабль к берегу, был и Борноволоков. В начале февраля, после того как было замечено каноэ и привлечено внимание находившегося в нем аборигена, оставшиеся в живых были спасены и доставлены в Ситку.

Несмотря на первоначальные усилия собрать материалы на берегу после спасения, расположение места крушения со временем было потеряно. Несколько свидетельств выживших опубликованы в первые годы после кораблекрушения, но не было сделано никаких официальных записей. В ряде газетных статей в 1915 г. утверждалось, что была запланирована операция по спасению, но не было никаких статей, указывающих, что такие попытки когда-либо предпринимались или что судно было обнаружено. Учитывая сведения о кораблекрушении и активную динамику береговой линии, можно предположить, что судно разбилось на части, а целыми остались только тяжелые предметы, такие как пушки, которые можно найти в трещинах и щелях.

Методы и результаты. В 2012 г. автор (тогда еще археолог штата Аляска) сотрудничал с национальным лесным заповедником Тонгасс и Историческим обществом г. Ситка в поисках места кораблекрушения «Невы» и лагеря выживших. Поскольку очень многие искали это место и попытки закончились неудачей, далеко не все верили в успех экспедиции 2012 г. Автор считал, что самым удачным решением для поисков места крушения было использование справочной информации, чтобы сузить область поисков, а затем прочесывание береговой линии при нижней точке отлива для поиска артефактов того периода. Это было выполнено в июне 2012 г., при самом низком отливе в году. Не найдя ничего в приливной зоне, команда обратилась к возвышенностям. На узком ровном выступе, представлявшемся наиболее логичным местом для расположения лагеря потерпевших, команда обследовала почву металлоискателем и проанализировала геологическую среду. В результате найдено два клада русских топоров, сложенных, как если бы они изначально находились в ящиках или контейнерах без рукояток. Один из кладов, образовавший большой конгломерат, было сложно идентифицировать до тех пор, пока его не подвергли обработке в специальном растворе методом электролиза в лабораторных условиях. Анализ на содержания хлористого натрия подтвердил наличие солей, из чего можно заключить, что на топоры какое-то время воздействовала соленая вода, вследствие чего они подверглись сильной коррозии. Отличительной чертой найденных предметов было наличие острого выступа перед отверстием для ручки, что характерно для русских топоров XVII в. [Viires, 1969, p. 15–17]. На Аляске до 1867 г. такие топоры ассоциируются исключительно с русскими. Незадолго до экспедиции 2012 г. команда связалась с ныряльщиком за моллюсками, который сообщил, что в 1980-х гг. видел корабельное орудие недалеко от берега, где были найдены клады топоров [Wilber, 1993; 2012].

В августе 2012 г. команда, в которую вошли Дейв Макмэхан, Боб Медингер, Сью Торсен и морской археолог Фрэнк Кантелас, вернулась в Невскую губу с морским магнитометром, взятым напрокат у Национального управления по исследованию океана и атмосферы США. Сектора исследования с лодки шли параллельно береговой линии на глубине 4,5–10,5 м, систематически перекрывая область поиска. В нормальных условиях прибор бы зафиксировал аномалии, вызванные большими железными объектами, такими как пушки, якоря и такелаж. Однако вулканическая активность в районе горы Эджком вызвала пирокластические потоки, образовавшие очень крутой градиент магнитного поля, что помешало обнаружить любые такие аномалии. По сути, данные, полученные в результате исследования Невской губы, оказались бесполезными из-за природного содержания железа в породах. Возникшие проблемы связаны именно с этим местом, потому что в других случаях инструмент работал правильно. Были предприняты попытки погружений, оказавшиеся в значительной степени неэффективными из-за густых водорослей и продольного сноса вследствие сильных течений.

В 2013 г., в 200-ю годовщину кораблекрушения, Национальный научный фонд США наградил Историческое общество г. Ситка за инициативу в проведении совместного многопрофильного исследования места крушения. Проект был поддержан правительствами США и России путем его включения в план работ Американо-русской двусторонней президентской комиссии на 2013–2014 гг. В июле 2015 г., после консультаций с Лесной службой США (собственник земли) и Ситкинским советом старейшин племен, была начата работа с российскими и канадскими коллегами. Крушение произошло на территории традиционного проживания ситкинских тлинкитов, в месте, которое является священным для племени. Работа, выполненная в 2015 г., в значительной степени подтверждает теорию о том, что именно здесь было место лагеря выживших с «Невы». Среди находок обнаружены ружейные кремни, медные гвозди и фрагмент циркуля для измерения расстояний на картах. В ходе предварительного исследования ни наземные, ни морские находки не дали прямых свидетельств крушения судна. Кроме того, некоторые артефакты с места лагеря потерпевших вызвали противоречия, так как были отнесены ко времени после 1813 г. Позднее идентифицировали их источник – более позднее кострище. Тем не менее общий характер находок говорит скорее о лагере для выживания, а не о поселении. Например, ружейные кремни использовались для высекания огня с помощью кремня и кресала, а ружейные пули были сточены под оружие меньшего калибра, такое как пистолет. Некоторые из восстановленных медных зубцов были сломаны от напряжения сдвига, как при кораблекрушении, и один был приспособлен под рыболовный крючок. В совокупности эти артефакты указывали на то, что оставшиеся в живых изобретательно модифицировали обломки кораблекрушения. И, наоборот, отсутствовали такие материалы, как керамика и стекло, которые обычно указывают на наличие поселения.

Археологические работы на месте предполагаемого лагеря выживших продолжились в июле 2016 г. (рис. 2), территория поисков была расширена, включив прилегающие к нему участки. Команда также выполнила подводное погружение для сбора геопривязанных картографических данных с использованием дронов, сонара и тахеометра (любезно предоставленных Шоном Адамсом, Джоном Поллаком и Райаном Марлоу). В 2016 г. в «лагере выживших» было обнаружено мало артефактов. Исключение составили обгоревший французский ружейный кремль, переоборудованный из двух частей, и несколько железных конкреций. Рентген конкреций выявил сильно проржавленные железные гвозди и железное кольцо крепления. С помощью металлоискателя был найден наконечник бронзовых или латунных ножен, предположительно от кинжала колониальной эпохи. К северу от лагеря выживших металлоискатель определил наличие многочисленных предметов, большинство из которых относятся к охотничьему лагерю середины XIX в., обнаруженному в 2015 г. Среди них, однако, нашлось четыре куска медной обшивки корабля с отверстиями под квадратные гвозди. По крайней мере, одна из частей была отодрана, оставив скругленные отверстия в месте гвоздей. Место находки на возвышенности указывает на то, что в 1813 г. предмет находился в верхней зоне берега, а расположение кусков обшивки друг поверх друга позволяет предположить, что они были сложены намеренно. Исследования показывают, что земля в этом районе за последние 200 лет поднялась на целых 11 футов, таким образом, лагерь оставшихся в живых моряков был расположен на склоне отмели, который в настоящее время зарос лесом из-за своего возвышенного положения. Далее по береговой линии, на той же высоте, где была найдена обшивка, археологи обнаружили еще один клад русских топоров, круглую железную картечь и грота-брас (железную снасть, использовавшуюся на рангоуте парусного судна). На грота-брасе имеются следы горения. Это позволяет сделать предположение, что он был помещен в огонь, чтобы отделить металл от дерева. Это было истолковано как свидетельство деятельности по выживанию и организации схронов. Поодаль, на берегу, обнаружен зажатый между валунами крупный выкованный вручную пробойник. Такими креплениями могли выполняться соединения кия с кильсоном на парусных судах. В совокупности предметы из кладов представляют собой бесспорные доказательства присутствия здесь русского парусника конца XVIII или начала XIX вв.

Рис. 2. Команда 2016 г. в лагере выживших с «Невы». Остров Крузов, недалеко от г. Ситка (штат Аляска)

Наконец, во время археологических работ, проводившихся вдоль одного края «лагеря выживших», обнаружена вытянутая низинка, покрытая спекшимся грунтом и золой. В течение последних нескольких дней нахождения на участке низинка была раскопана, в результате чего открылось прямоугольное пятно древесины с вкраплениями линейно и вразнобой расположенных гвоздей или крепежных элементов по краю. Размер и форма сильно напоминают гроб в европейском стиле, а расположение с востока на запад согласуется с православной традицией. По требованию Лесной службы США и Ситкинского совета старейшин место раскопок было засыпано без дальнейшего вмешательства. Один из выживших упоминал, что некоторые из тел жертв кораблекрушения были обнаружены и захоронены, но конкретно упоминаются только похороны Борноволокова. Несмотря на то что невозможно узнать, кто похоронен в могиле, можно предположить, что это может быть Борноволоков, назначенный заместителем Баранова. Он был одним из двух покойных, найденных оставшимися в живых «целиком», и он имел достаточно высокий статус, чтобы оправдать изготовление гроба в примитивных условиях. По завершении археологических работ представители племени и Русской православной церкви отслужили панихиду по погибшим.

Заключение. Успех полевого исследования 2016 г. связан с усилиями талантливой и хорошо подобранной команды. В то время как полевая работа в рамках гранта была завершена, Лесной службе США было поручено ежегодно проверять этот участок на предмет обнаружения размываемых артефактов. Участок в настоящее время сильно подмывается штормовыми волнами, и, скорее всего, на нем будет невозможно вести поисковые работы уже в следующем десятилетии. Одной из составляющих проекта является разработка «виртуального музея» с фотографиями и 3D-изображениями имеющихся артефактов. Это позволит представить находки всему миру. Сканирование некоторых предметов уже завершено, благодаря Теду Парсенсу и Райану Харроду (Университет Аляски в Анкоридже). Кроме того, Историческое общество г. Ситка разрабатывает учебную программу для местной школьной системы.

Поскольку шлюп «Нева» имеет глубокую связь с местной и международной историей, это место было включено в Национальный реестр исторических мест. Артефакты, хотя и в ограниченном количестве, повествуют о выживании остатков команды судна и являются уникальным осязаемым свидетельством событий января 1813 г. «Нева» и ее богатый, по словам некоторых, груз обросли историями. Благодаря многопрофильному исследованию, проведенному в рамках этого проекта, некоторые из «преданий моря» теперь могут уступить место научным открытиям. Несмотря на тесные географические, культурные и исторические связи России и Аляски, было проведено относительно мало совместных международных исследований в области исторической археологии Русской Америки. Этот проект является более серьезным продолжением предыдущей совместной работы Д. Макмэхана*, Т. Диллиплейна, А. Харинского, В. Тихонова, Ю. Лихина, Е. Анищенко и других исследователей на Аляске и в России (премии NSF № ARC-1153209, ARC-0939789 и ARC-0620600). Проект «Нева» расширяет нашу базу знаний о колониальной Русской Америке, а также о лагерях выживших в кораблекрушениях в субарктических/арктических регионах.

Barratt G. The Russian Discovery of Hawaii // The Ethnographic and Historic Record. Editions Limited, 1987. – 259 p.

Berkh V. N. Description of the Unfortunate Shipwreck of the Frigate NEVA of the Russian-American Company // In The Wreck of the NEVA, annotated and translated by Antoinette Shalkop, with an introduction by Antoinette Shalkop and Richard Pierce/ The Alaska Historical Society and Sitka Historical Society, Anchorage, 1979. – P. 16–45.

DeArmond R. N. Baranov's Fleet, in Alaska Life the Territorial Magazine / Alaska Life Publishing Company, Seattle, 1946. – P. 8–14.

Krusenstern A. J. Voyage Round the World, in the Years 1803, 1804, 1805, & 1806, by order of His Imperial Majesty Alexander the First, on board the Ships Nadeshda and Neva // Printed by Roworth [I] and T. Davison [II] for John Murray and the Board of Longitude, London, 1813. – 404 p.

Lisiansky U. A. Voyage round the world: in the years 1803, 4, 5, & 6; performed, by Order of His Imperial Majesty, Alexander the First, Emperor of Russia, in the Ship NEVA, by Urey Lisiansky, Captain in the Russian Navy and Knight of the Orders of St. George and St. Vladimir. London, 1814 – 388 p.

McMahan J. D. Search for the NEVA Wreck Site: 200th Anniversary Expedition: Report of 2012 Investigations // Unpublished [restricted] document on file at the Office of History and Archaeology, Alaska Division of Parks and Outdoor Recreation, Anchorage, 2012. – 15 p.

Moessner V. J. Translator's Introduction // A Voyage Around the World 1803–1807, by Georg Heinrich von Langsdorff / Richard A. Pierce. Limestone Press, Kingston, Ontario, 1993. – 281 p.

Moessner V. J. First Russian Voyage around the World // The Journal of Hermann Ludwig von Lowenstern 1803–1806. – University of Alaska Press, Fairban, 2003. – 510 p.

* В передаче на русском языке фамилий типа *McMahan* нет устойчивой традиции. Встречаются написания МакМахан, МакМэхан и Макмэхан. – *Примеч. ред.*

Pierce R. A. Russian America / A Biographical Dictionary. Limestone Press, Kingston, Ontario and Fairbanks, Alaska, 1990. – 555 p.

Shalkop A. The Wreck of the NEVA, annotated and translated by Antoinette Shalkop, with an introduction by Antoinette Shalkop and Richard Pierce / Published by the Alaska Historical Society and Sitka Historical Society, and partially funded through a grant from the Alaska Historical Commission, Anchorage, 1979. – 64 p.

Tikhmenev P. A. A History of the Russian American Company // Translated and edited by Richard A. Pierce and Alton S. Donnelly. – University of Washington Press, Seattle and London, 1978. – 538 p.

Viies A. Woodworking in Estonia: Historical Survey // Israel Program for Scientific Translations, Jerusalem [translated from Estonian], 1960. – 340 p.

Wilber G. NEVA – Russian Man of War. In Sitka – our ‘Land of Destin // Pamphlet published by Alaska Publications, 1993. – 23 p.

Massov A. The Visit of the Russian Sloop Neva to Sydney in 1807: 200 Years of Russian-Australian Contacts // Australian Slavonic and East European Studies (ASEES). – 2006. 20(1–2). – Queensland, 2006. – P. 203–214.

Wilber, Personal communication to Medinger, McMahan and Kinsman via satellite phone during the June 2012 investigation, 2012. unpublished communication.

J. D. McMahan
Sitka Historical Society

THE 1813 WRECK OF THE RUSSIAN-AMERICAN COMPANY SAILING SHIP “NEVA”, THE FINAL CHAPTER

In 2012, archaeologists discovered a site hypothesized to be the survivor camp from the 1813 wreck of the Russian-American Company ship “Neva”. In 2015 and 2016 an international team of American, Russian and Canadian scientists conducted archaeological excavations that revealed evidence of both the ship and survivor camp, including the grave of one of the shipwreck victims. This evidence, along with the results of archival research in St. Petersburg and London, are adding details to our knowledge of the NEVA’s history and final voyage, as well as survival in a harsh environment.

Keywords: archaeology, Russian-American Company, ship “Neva”, shipwreck, survivor camp.

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 903.23

Т. И. Левченко¹, В. О. Крыжановский²

¹Музей истории Десятинной церкви, Киев,

²Институт археологии НАН Украины, Киев

ФАРФОРО-ФАЯНСОВАЯ ПОСУДА ИЗ РАСКОПОК ВЕРХНЕГО КИЕВА В 2008–2009 ГОДАХ

Статья посвящена фарфоро-фаянсовым изделиям российского производства XIX – начала XX вв., найденным при археологических раскопках в Киеве на земельном участке по ул. Олеся Гончара, 17–23 в 2008–2009 гг. и на других участках территории Верхнего Киева. Подробно описана разнообразная фарфоровая и фаянсовая посуда, ее технико-типологические особенности, орнаментация и предназначение. Отдельное внимание уделено происхождению того или иного предмета: подробно анализируются заводские клейма и надписи (если такие имеются), типовые характеристики, стиль и датировка. Анализ изделий позволяет расширить представление о быте и культуре населения Киева XIX – начала XX вв., уточнить географию распространения изделий различных фарфоро-фаянсовых заводов на территории Российской империи.

Ключевые слова: фарфор, фаянс, гжель, декор, роспись, орнамент, клеймо, археологические раскопки, Верхний Киев, Российская империя.

В 2008–2009 гг. Старокиевская экспедиция Института археологии НАН Украины проводила научно-спасательные раскопки на территории Верхнего города на земельном участке по ул. Олеся Гончара, 17–23. Во время раскопок обнаружено более 30 сооружений и ям хозяйственного назначения, которые датируются XVIII–XIX вв. Некоторые из них, соединяясь, образуют небольшие хозяйственные комплексы.

На карте Киева, датированной 1803 г., видно, что участок раскопа по ул. О. Гончара, 17–23 застроен одноэтажными домами с подвалами, принадлежавшими семьям отставных офицеров. При строительстве этих зданий активно разрушался культурный слой более ранних периодов, особенно древнерусский. Застройка оставалась почти неизменной до конца XIX – начала XX вв. К сожалению, почти все объекты, обнаруженные экспедицией, а также большая часть ям были разрушены поздними перекопами при прокладке коммуникаций. Несмотря на плохую сохранность, всё же удалось исследовать их строение и заполнение [*Козловський, Ієвлев, Крижановський, 2009, с. 2–3*].

Среди материалов XIX – начала XX вв. были найдены фрагменты фаянсовых и фарфоровых изделий. Самую большую группу (50 фрагментов) в этой коллекции составили изделия из подмосковного керамического района Гжели. Эта посуда декорирована ручной подглазурной росписью геометрическими и стилизованными растительными орнаментами синим кобальтом на белом фоне. «Шашечный» геометрический орнамент, в виде чередующихся белых и синих квадратов-прямоугольников, сохранился на 16 фрагментах фаянсовых тарелок. На одной тарелке – белый квадрат без декора. На остальных в белых прямоугольниках нанесено по четыре синие точки. Роспись выполнена небрежно, с нарушением симметрии в орнаменте. Склон этих тарелок, от бортика к полю зеркала, украшен синим «крытьем» в технике «мраморизации». Другой вид геометрического орнамента встречается на сохранившемся фрагменте зеркала тарелки, где в окружности, обведенной голубой полосой, нанесены неровные пересекающиеся линии, образующие неаккуратные прямоугольники. Также было найдено 14 фрагментов с растительными мотивами гжельской росписи. Бортик одной тарелки украшен трилистниками и выющимися стеблями. На другой тарелке по бортику по обе стороны стеблей находятся графически нарисованные листочки. На фрагменте (возможно, придонной части блюда) сохранилось изображение трех точек-ягод на веточках. На обломке поля зеркала тарелки нанесены крупные мазки листовых элементов, которые находятся в двойной окружности. На некоторых тарелках – иной вид стилизованного растительного орнамента: овалы с наклоном, с точками внутри. Среди изделий гжельского производства в данной коллекции выделяется роспись фаянсового блюда с развернутым бортиком (d – 15 см). Его глазурь качественная, блестящая. Край венчика огибает синяя отводка. Роспись размашистая, свободная, уверенная, выполненная насыщенной синей краской. Бортик и часть поля зеркала расписаны крупными трехпалыми трилистниками, трилистниками со стилизованными ягодками и од-

ним мазком нанесенным овальным листиком. На маленькой части стенки на глубоком синем фоне тонкой голубой линией прорисован петлеобразный орнамент, нанесенный по сырой краске. Часть бортика еще одного изделия ($d = 14$ см) украшена в технике так называемой «мраморизации» (основанной на свободном растекании красок). В этой же технике украшены два фрагмента доньшек тарелок и фрагмент изгиба глубокой тарелки (рис. 1: 1, с. 284). Аналогичная гжельская посуда была найдена в подольских комплексах Киева, в объектах Верхнего города в Десятинном переулке и на участке Михайловского Золотоверхого монастыря [Левченко, 2014, с. 64–67].

К гжельскому производству относится и фарфоровый белый кувшин (рис. 1: 2) с округлым туловом, плавно суживающимся к доньшку ($d = 8$ см, $h = 19,5$ см, $d = 7$ см). Плечико с плавным изгибом. Венчик переходит в широкий слив. С наружной стороны днища проходит кольцевая канавка. Плечико огибает рельефная линия, обведенная голубой краской. Голубые полосы украшают верхний край и доньшко кувшина. Под сливом тулово кувшина расписано букетом цветов. В букете доминирует темно-розовый цветок типа розы в окружении бордовых и голубых цветов на желтых стеблях, с желтыми листьями и пятнами зеленого. По обе стороны от ручки изображены небольшие веточки, выполненные в той же манере и в том же колорите. Ручка отбита. Основание ручки украшено голубым пятилепестковым листиком, по центру ручки нанесены поперечные короткие линии. Кувшин расписан в стилизованной манере, свойственной народной живописи Гжели.

Фаянсовые помадные банки ($d = 5$ см, $h = 5,5$ см; $d = 5$ см, $h = 4,5$ см). Первая с внешней стороны покрыта темно-серой эмалью. Горизонтально отогнутый наружу венчик, выступающий над туловом, и внутренняя поверхность с небольшим конусовидным углублением покрыты белой эмалью. С наружной стороны доньшка проходит кольцевая канавка (0,7 см) (рис. 1: 3). Вторая помадная банка с подобной формой венчика покрыта темно-серой эмалью с обеих сторон. Внутри глубокое конусовидное углубление. Доньшко с наружной стороны гладкое, без покрытия эмалью (рис. 1: 4). Эти изделия были распространены в городских слоях Российской империи второй половины XVIII–XIX вв. и в Белоруссии. Производство таких банок зафиксировано в Москве в XVIII в., в Гжельском керамическом регионе XIX в. Считается, что они завозились оттуда, хотя исследователи не исключают возможности их производства и в других городах. Название «помадные банки» довольно условно: они использовались в фармацевтическом и косметико-парфюмерном производстве как тара для лекарственных мазей, бальзамов, кремов, помад [Розенфельдт, 1968, с. 55; Левко, 1992, с. 56–57; Зданович, 1993, с. 65–66; Полюлях, 2007, с. 377–378].

В России тонкий фаянс впервые стали изготавливать на *Казенном Киево-Межигорском заводе*, основанном в 1798 г. Посуда с его клеймом находится и в нашей коллекции. Это фаянсовый белый судок цилиндрической формы ($d = 17$ см, $h = 6,7$ см) на круглом поддоне ($d = 15$ см). Вверх венчика горизонтальный, срезанный, его внешний край выступает наружу. В нижней части бортика, с его наружной стороны, расположен рельефный выступ, симметричный выступу венчика. Под выступом венчика и над нижним выступом проходят две одинаковые полосы рельефного стилизованного растительного орнамента. На одной стороне под венчиком сохранилась прямоугольная горизонтальная ручка, которая заканчивается на корпусе рельефными трилистниками. На наружной стороне доньшка – тисненые надписи в четыре строчки: «95» / «Кієвъ» / «1848» / «Мол. ч» (?) (рис. 1: 5). Изделие было изготовлено на Казенной Киево-Межигорской фабрике в 1848 г. [Селиванов, 2002, с. 188].

Большое влияние на развитие производства фарфора в России оказала *фабрика Ф. Я. Гарднера* – первая частная фарфоровая фабрика, которая была построена в 1766 г. в с. *Вербилки Дмитровского уезда Московской губернии* англичанином Ф. Я. Гарднером. В 1891 г. фабрику купил М. С. Кузнецов, и она вошла в «Товарищество М. С. Кузнецова» как *Дмитровская фабрика*. В коллекции фабрику Гарднера представляют фарфоровые чашки. Одна из них чайная чашка круглой формы на кольцевом поддоне ($d = 7,5$ см, $h = 5,5$ см, $d = 3,6$ см). Фарфор тонкий, белоснежный. Край венчика обведен красно-коричневой линией. Украшена чашка букетом цветов в вазоне. Цветы типа астр со светло-зелеными овальными крупными листьями. Соцветия круглые, темно-розовые, с бордовой серединкой. Светло-серый вазон стоит на зеленой поверхности. Внутри чашки на доньшке нарисована зеленая ветка с голубыми мелкими цветами (рис. 1: 6). Ручка отбита. От нее сохранились рельефные листья на корпусе чашки в верхней и нижней части. Вверху два листика были расположены горизонтально по сторонам ручки, а внизу два изогнутых листика спускаются вниз. В 2013 г. во время археологических раскопок в бывшем Митрополичьем саду в «Софии Киевской» была найдена фаянсовая чашка с клеймом фабрики Гарднера с аналогичной ручкой. На наружной стороне доньшка описанной чашки светло-голубой краской под глазурью нанесена буква «С». Здесь же стоят вдавленные в тесте цифры («62») и рамка с надписью «ГАРДНЕРЪ». Чашка датируется 1820–1840 гг. [Родионов, 2005, с. 57].

Изделия этой фабрики представлены еще двумя кофейными чашками с красными подглазурными печатными клеймами с изображением герба Москвы – Георгия Победоносца с надписью «фабрики ГАРДНЕРЪ въ Москвѣ», здесь же находятся тисненые в тесте изображение Георгия Победоносца и надпись «ГАРДНЕРЪ». Чашки оформлены росписью с одинаковым цветочным мотивом (рис. 1: 7). Они цилиндрические ($d = 7$ см), на кольцевом поддоне ($d = 4$ см). На одной сохранилась прямоугольная ручка. У чашки с ручкой $h = 6,7$ см, у второй $h = 6,5$ см. Край венчика слегка волнистый. Верхнюю часть чашек обрамляют рельефные изогнутые, спускающиеся вниз листья, прорисованные золотом. Чашка с подобным украшением верхнего края найдена во время археологических исследований 2013 г. на территории бывшего Митрополичьего сада в Национальном заповеднике «София Киевская». По центральной окружности тулова нашей чашки располагаются шесть цветков на тонком стебле в сочетании с мелкими золотистыми растительными элементами. Стебли расписаны зелеными листочками, анютиными

глазками фиолетовой и желтой краской, серо-голубым цветком типа ромашки и оранжево-красными цветами с желтой сердцевинкой. Внутри чашек на доньшках нанесены стебли цветов. Золотой стилизованный листик покрывает всю длину ручки. Сверху ручка украшена графическим изображением золотого листка. По венчику и по доньшку проходит тонкая золотая линия. Датируются чашки 1850–1860 гг. [Родионов, 2005, с. 59].

Рис. 1. Фарфорово-фаянсовая посуда из раскопок Верхнего Киева:

- 1 – фрагменты посуды с гжельской росписью; 2 – кувшин с гжельской росписью; 3–4 – помадные банки; 5 – фаянсовый судок Казенной Киево-Межигорской фабрики; 6–7 – фарфоровые чашки производства фабрики Ф. Я. Гарднера; 8 – фарфоровая чашка Дмитровского (Гарднеровского) завода; 9 – фарфоровый чайник Дулевского завода; 10 – фарфоровая чашка Дулевского завода; 11 – фаянсовое блюдце Будовской фабрики «Т-ва М. С. Кузнецова»; 12 – фаянсовый кувшин производства М. С. Кузнецова

Еще одну фарфоровую чашку можно отнести к гарднеровскому производству, к периоду, когда завод принадлежал *М. С. Кузнецову* (рис. 1: 8, с. 284). Чашка полукруглая, на кольцевом поддоне ($d - 7,5$ см, $h - 4,8$ см, $d - 3,7$ см). Фарфор тонкий, качественный. Внешняя сторона тонирована «полукрытьем» в светло-бирюзовый цвет. Золотым «усиком» обведен край венчика и доньшка. На стенках чашки снаружи и внутри сохранились частично цветочные композиции с голубыми незабудками (деколь). На наружной стороне доньшка фрагмент печатного зеленого клейма «Товарищества М. С. Кузнецова» – двуглавый орел и надпись: «Т-во...», красной краской написано «63.». По декору и по качеству фарфора можно предположить, что чашка была изготовлена на Дмитровском (гарднеровском) заводе «Товарищества М. С. Кузнецова» в период 1891–1917 гг.

Среди находок представлены и другие фарфоровые и фаянсовые предметы, выпущенные «Товариществом производства фарфоровых и фаянсовых изделий М. С. Кузнецова».

На двух изделиях встречаются клейма *Дулевского завода*. Завод был основан в 1832 г. в пустоши Дулево Владимирской губернии и впоследствии стал основой товарищества М. С. Кузнецова. На одном изделии – фарфоровом белом чайнике – подглазурное клеймо, относящееся к раннему периоду производства. Оно зеленого цвета: шестиугольная звездочка с надписью в виньетке: «С. Т. Кузнецова въ дулевь». Датируется 1854–1864 гг. [*Салтыков*, 1952, с. 122, 181]. Чайник на круглом поддоне ($d - 7,5$ см, $h - 7,5$ см, $d - 6$ см). Золотой полоской обведены край венчика, плечико, поддон. Носик плавно изогнут, декорирован растительным рельефом. Центр носика и верхний его край украшает золотая полоска. Ручка отбита (рис. 1: 9).

Второе изделие – фарфоровая чайная чашка цилиндрической формы ($d - 8,8$ см, $h - 5,5$ см, $d - 7$ см). Покрытие ее внешней стороны выполнено аэрографом зеленой краской. Венчик и доньшко обведены тонкой золотой линией. По верхнему краю чашки полоска золотого стилизованного растительного орнамента, состоящая из чередующихся дуг, точек и трилистников. Выполнена роспись неаккуратно, с нарушением симметрии. На одной стороне чашки сохранилось частично изображение сцены сельской жизни. На переднем плане на фоне поля фрагментарно видны женские фигуры со снопами в руках (рис. 1: 10). Картинка выполнена в технике деколь мягкими оттенками серого, коричневого, зеленого, оливкового и сиреневатого цветов. На наружной стороне доньшка клеймо. Красочный слой стерся, однако можно увидеть отпечаток клейма на фарфоре – изображение герба СССР, под ним овальная рамка с надписью по окружности: «Дулевская Фабр. имени Правды». В центре рамки: «Фарфортрест». Дулевский завод «Товарищества М. С. Кузнецова» с 1917 г. был национализирован. В оформлении изделий ничего не изменилось: сохранились кузнецовские традиции, продолжали использовать прежние росписи и деколи. Изменилось только клеймо, его ставили на выпускаемую продукцию в 1925 г. [URL: http://www.antik-invest.ru/blog/?page_id=3386].

Фаянсовое блюдо ($d - 15$ см), изготовленное на фабрике в с. Буды Харьковской губернии, принадлежавшей «Товариществу М. С. Кузнецова», украшено сплошным печатным синим декором. В центре зеркала находится архитектурный пейзаж, напоминающий восточный город с башнями минаретов (предположительно Стамбул) и центральным зданием с большим круглым куполом. Здесь же на белом фоне две поясные фигурки людей. Бортик и часть зеркала заполнены орнаментами, состоящими из набегающей волны и стилизованных растений. На обратной стороне доньшка – синее подглазурное печатное клеймо: двуглавый орел с надписью в три строчки «Т-ва М. С. Кузнецова Б. Ф.» (т. е. Будовская фабрика) (рис. 1: 11). Датируется 1894–1917 гг.

На изделиях товарищества М. С. Кузнецова встречаются клейма без указания принадлежности к определенному предприятию. Такое клеймо стоит на фаянсовом кувшине. Кувшин с носиком слива на кольцевом поддоне ($d - 7,5$ см, $h - 15$ см, $d - 9$ см). Внешняя часть тулова тонирована желто-коричневым «крытьем», имитирующим цвет и фактуру дерева. По верхнему краю и по кольцевому поддону проходят темно-коричневые отводки. От ручки сохранились отдельные фрагменты. По декору ручка псевдовитая (рис. 1: 12). На наружной стороне доньшка тисненное клеймо: двуглавый орел, с двух сторон от которого цифры «9» и «3». Под орлом надпись: «М. С. / Кузнецова / 1013». Датируется клеймо периодом 1889–1917 гг. [*Родионов*, 2005, с. 127].

Как в европейских странах, так и в России пользовалась спросом посуда, оформленная в восточном стиле. Наиболее популярными были китайские мотивы. Представление европейцев о Китае было своеобразным: изображения восточной архитектуры и бытовых сцен использовались в декоре произвольно. К категории «китайщины» относятся несколько изделий из нашей коллекции. Это фаянсовая чашка, блюдо и салатник.

Чашка, близкая к колоколовидной форме, на кольцевой ножке, с развернутым широким венчиком ($d - 8,7$ см, $h - 5,5$ см; $d - 4,3$ см). Фаянс тонкий, легкий, хорошего качества, без трещин на глазури. Вся поверхность покрыта печатным декором с китайскими сюжетами. Здесь изображены многоярусные пагоды, здания с изогнутыми краями крыш, гора, китайская джонка с плывущим в ней гребцом, пальмы, экзотические растения, цветы. Внутри чашки сверху – картуши с цветочным декором. На дне китайский пейзаж (рис. 2а: 1, с. 286). Печать выполнена в черном цвете. Изделие не маркировано.

Следующее изделие – фаянсовое блюдо, поле зеркала которого также украшено условным китайским пейзажем. Он состоит из разнохарактерных архитектурных сооружений, джонки с двумя гребцами, необычных деревьев и цветов. Бортик блюда обрамляет сплошной орнамент из крупных цветов и стилизованных растительных элементов. Декор выполнен в технике печати черным цветом. На наружной стороне доньшка стоит черное печатное подглазурное клеймо в виде надписи в две строчки «БРАТЬЕФЪ / РАЧКИНЫХЪ» (рис. 2а: 2). Этот завод

Рачкиных находился в д. Глебово Бронницкого уезда Московской губернии. По технике исполнения завод был одним из значительных в Гжельском керамическом районе. Клеймо на блюде относится к 50-м гг. XIX в. [*Салтыков*, 1952, с. 176].

2а

4

7

2б

Рис. 2а. Фаянсовая посуда из раскопок Верхнего Киева:
 1 – чашка с китайским пейзажем; 2 – блюдо с китайским пейзажем; 3 – салатница (?) с китайским мотивом;
 4 – вазочка с изображением китайца; 5 – фруктовница; 6 – супница; 7 – мармеладница

Рис. 2б. Фрагменты фарфорового блюда из раскопок

Фаянсовая салатница (?), относящаяся к группе «китайских» изделий, оформлена необычно. Она имеет округлую форму с подчеркнутым закруглением в нижней части ($d = 14$ см, $h = 6$ см), покрыта глазурью цвета слоновой кости. Край венчика горизонтально ($0,6$ см) отогнут наружу. Декор дополнен цветовыми пятнами надглазурной росписи. Вверху по окружности проходит широкая темно-бордовая полоса. С одной стороны тулово украшено различными резервами: ромбовидными гладкими, бордовым и желтым, между ними асимметричные черные и коричневые. Коричневые украшены цветочными элементами, нанесенными белой эмалью, черные – белой россыпью точек. Резервы разделяются сине-зеленой широкой полосой. С двух сторон от нее находятся белые прямоугольные рамки, в которых нанесен мазок красно-коричневой краской. С противоположной стороны желтого резерва – клиновидные зелено-синие, красно-коричневые, коричневые выступы. Под выступами асимметричный черный резерв с россыпью белых точек. К нему примыкает изображение цветка с шестью крупными лепестками, окрашенными через один розовым и зеленым цветами. Сердцевиной у цветка служит знак инь-ян в виде окружности, разделенной волнистой линией на две половины – красно-коричневую и зеленую. Внутри круга симметрично расположены две белые точки. Знак инь-ян окружен рамкой из мелких полукружий светло-бежевого цвета (рис. 2а: 3). Все элементы обведены желтой пастозной краской. Декоративная вазочка с подобной стилистикой декора была найдена во время раскопок в бывшем Митрополичьем саду Софийского монастыря в 2013 г. На одной из ее сторон был изображен китаец в национальной одежде (рис. 2а: 4).

В коллекции выделяется колоритная фаянсовая фруктовница овальной формы. Сохранились часть бортика и часть поля зеркала с фрагментом ножки (бортик – 19 см \times $6,5$ см, $h = 16$ см). Фаянс грубый, толстостенный ($0,3$ – $0,9$ см), покрытый бирюзовой глазурью. Внутри ножки коричневая глазурь. Верхний край бортика фестончатый. Изделие с внешней стороны усыпано россыпью фаянсовой мелкой прямоугольной крошки («соломки»). Дополняет декор глазурованная скульптурная ветка розы с сохранившимися двумя крупными цветками – белым и желтым. Листья розы покрыты разноцветной глазурью – оливковой, зеленой, светло-зеленой, коричневой. Кое-где на них видны пятна бордовой глазури. Листья прорисованы очень детально (рис. 2а: 5). Место производства не определено.

Фаянсовая супница овальная, на поддоне ($d = 23,5$ см, $h = 13,5$ см, $d = 17$ см). Глазурь цвета слоновой кости. Венчик слегка развернутый, сверху горизонтально и вертикально с внешней стороны срезанный. Украшают изделие вертикальные ручки с растительным стилизованным рельефным декором. Крепятся ручки по центру тулова и возвышаются над верхним его краем (рис. 2а: 6). На донышке отсутствует маркировка. Атрибуция производителя пока не осуществлена.

Фаянсовая мармеладница покрыта поливой цвета слоновой кости ($d = 8,5$ см, $h = 11$ см, $d = 11,5$ см). Развернутый наружу венчик плавно переходит к плечу изделия. Тулово цилиндрическое (рис. 2а: 7). Изделие без маркировки.

Блюдец фарфоровое на круглом поддоне ($d = 14$ см). Глазурь белая с красивым блеском. Венчик обведен золотой отводкой. Бортик и поле зеркала расписаны зелеными кружочками и красными точками. Кружочки с точками разбросаны хаотично (рис. 2б). Роспись выполнена небрежно. На поверхности блюда имеются дефекты глазури «наколы» (изделие было плохо прочищено перед глазурованием). Клеймо на блюде отсутствует.

Изделия без клейм подлежат дальнейшей атрибуции. Однако с большей долей вероятности их производство также можно отнести к предприятиям, которые находились на территории Российской империи.

Таким образом, исследуя фрагменты фарфоровых и фаянсовых изделий российского производства из археологических раскопок по ул. Олеся Гончара, 17–23, можно получить представление о технологии производства фарфора и фаянса, о декоре в оформлении изделий, а также о культуре и быте населения, проживавшего в этом квартале Верхнего Киева. Клейма на изделиях дают нам информацию о датировке и географии производства посуды на предприятиях Российской империи в XIX – начале XX вв.

Здановіч Н. І., Трусаў А. А. Беларуская паліваная кераміка XI–XVIII ст. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 183 с.

Козловський А. О., Іевлев М. М., Крижановський В. О. Звіт про археологічні дослідження по вул. О. Гончара, 17–23 у м. Києві в 2008–2009 рр. – 142 с. // Науковий архів Інституту археології НАНУ.

Левко О. Н. Средневековое гончарство Северо-Восточной Белоруссии. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 127 с.

Левченко Т. И. Гжельский фаянс из раскопок в Киеве // Культура русских в археологических исследованиях : [сб. науч. ст.]. – Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014. – Т. 2. – С. 64–67.

Полюлях А. А. Фаянсовые изделия заводов Я. Т. и С. Т. Фарфальных // Археология Подмоскovie : материалы науч. семинара. – М. : Ин-т археологии РАН, 2007. – Вып. 3. – С. 374–385.

Родионов А. М. Марки русского фарфора. – Киев : Стило, 2005. – 287 с.

Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. – М. : Наука, 1968. – 124 с.

Салтыков А. Б. Русская керамика XVIII – начала XX вв. – М. : Госкультпросветиздат, 1952. – 268 с.

Селиванов А. В. Фарфор и фаянс Российской империи. Описание фабрик и заводов с изображениями фабричных клейм. – М. : Изд-во Ирины Касаткиной, 2002 – 423 с.

Дулевский фарфоровый завод – клейма, марочник по годам. – URL: http://www.antik-invest.ru/blog/?page_id=3386 (дата обращения: 27.01.2017).

T. I. Levchenko¹, V. O. Kryzhanovskiy²

¹*Museum of the History of the Tithe Church, Kyiv,*

²*Institute of Archaeology NAS of Ukraine, Kyiv*

PORCELAIN AND EARTHENWARE EXCAVATED IN THE UPPER KYIV IN 2008–2009

This article is devoted to the porcelain products of Russian production 19th – early 20th centuries, found during archaeological excavations in Kyiv on the land on the street, named by Oles Gonchar, 17–23 in 2008–2009, and in other parts of the Upper Kyiv. The article described in details various porcelain and crockery, its technical and typological features, ornamentation and purpose. Special attention is paid to the origin of an object: the factory stamps are analyzed in detail and descriptions (if any), sample characteristics, style and dating. Analysis of the product allows to expand the understanding of the life and culture of the population of Kyiv 19th – early 20th centuries, specify geographical distribution of products of various porcelain factories in the Russian Empire.

Keywords: porcelain, earthenware, Gzhel, decor, painting, ornament, brand, archaeological excavations, Upper Kyiv, Russian Empire.

УДК 902/904

Р. В. Лобзова¹, В. Н. Ярош²

¹*Государственный НИИ реставрации, Москва,*

²*Институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Москва*

ОСОБЕННОСТИ ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ИЗРАЗЦОВ И СТРОИТЕЛЬНОЙ КЕРАМИКИ XVI–XVII ВЕКОВ В СООРУЖЕНИЯХ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

Методами оптической и электронной микроскопии (СЕМ) в сочетании с рентгеноспектральным анализом, а также методом петрографии изучены образцы строительной керамики и изразцов (с глазурью и без глазури), их минеральный, элементный состав и микроструктура.

Ключевые слова: изразцы, плитки пола, черепица, кирпичи, глины, полива, электронная микроскопия, петрография.

Группой специалистов (в том числе авторов данной статьи) по инициативе и при участии С. С. Подъяпольского с конца 1990-х гг. было положено начало применения естественно-научных методов в исследовании белого камня, строительной и декоративной керамики в сооружениях Московского Кремля и памятников Подмосковья. Некоторые работы были поддержаны грантами РГНФ [*Керамика в архитектуре Московского Кремля. 2001–2004*]. Изучение технологии изготовления строительной и декоративной керамики продолжено нами с применением таких естественно-научных методов, как аналитическая электронная микроскопия, рентгенофазовый анализ, термический анализ. Результаты работ доложены на научных конференциях, проводимых Государственной Третьяковской галереей (ГТГ) и Санкт-Петербургским государственным университетом (СПбГУ), и частично опубликованы в материалах научных конференций ГТГ – Магнум АРС, журнале «Вопросы музеологии» СПбГУ и сборниках РГБ [*Исследование микроструктуры...*, 2003, с. 117–128; *Исследование технологии...*, 2005, с. 178–180; Ярош, Лобзова, 2012, с. 133–139].

Предметом исследования стали образцы керамики, датированные XV – началом XVII вв., хранящиеся в лапидарии Московского Кремля (их краткое описание опубликовано в каталоге собрания архитектурных деталей и сооружений XIV – начала XX вв. [*Граценков, 2010*]), а также образцы из натуральных объектов, сохранившихся или изъятых при ремонтно-реставрационных работах, проводившихся в последнее время. Кроме того, были исследованы близкие по времени изготовления изразцы Собора Покрова-на-Рву XVI в. и уникальные керамические иконы с фасадов Успенского собора Дмитрова и фрагменты керамического декора собора Бориса и Глеба в Старице (археологические образцы из частного собрания).

Среди образцов, взятых для исследования, были следующие:

– плитки выстилки пола, черепица (из собрания Кремлевского лапидария) и кирпичи некоторых великокняжеских надгробий Архангельского собора;

– изразцы Великокняжеского собора, Теремного дворца начала XVI в., найденные во время ремонтных работ на территории Кремля и хранящиеся в экспозиции, а также – изразцы Верхоспасского собора XVII в. (собрание ГИКМЗ «Московский Кремль» и коллекция МГОМЗ «Коломенское»);

– изразцы собора Бориса и Глеба в Старице (археологические образцы из частной коллекции) и образцы керамических икон на фасадах Успенского собора Дмитрова (керамические иконы «Спас Нерукотворный» и «Распятие»);

– чернолощенная и краснолощенная плитки пола Колокольни Ивана Великого;

– терракотовая деталь портала собора Чудова монастыря. Фрагмент (собрание ГИКМЗ «Московский Кремль»);

– терракотовые балясины, терракотовые плиты и кирпичи церкви Ризоположения.

В работе были применены следующие методы и подходы:

– петрографические исследования (исследования шлифов);

– электронно-микроскопические исследования. Количественный анализ состава образцов керамики и глазурей проведен на электронном микроскопе JSM-5300 (Япония), оснащенный спектральным анализатором Link ISIS (Великобритания);

– анализ образцов на микроскопах: МБС-10 и Leica EZ4 D (отраженный свет, с фотофиксацией проб).

В задачи данного исследования входило:

– определение элементного и минерального состава метаглинистой массы (данные рентгеноспектрального анализа, петрохимические расчеты);

– определение состава и технологии керамической массы (структура, пористость, температура обжига, минеральный состав включений);

– технология подготовки глинистого сырья;

– выявление и количественная оценка щелочных примесей в глинистой массе (соединения K и Na), природные щелочные примеси в глине и вводимые специально в массу для снижения температуры спекания;

– определение добавки слюды и других компонентов, в том числе мелкодисперсного кварца (маршаллита);

– цвет и состав полив;

– определение температуры и состава среды в камере при обжиге изделия.

Технологическая и петрохимическая характеристика исследованных образцов керамики. Кроме изучения минерального состава и текстурно-структурных особенностей керамических деталей с помощью методов петрографии, было проведено исследование микроструктуры и элементного состава черепка и поливы методом аналитической электронной микроскопии.

С целью реконструкции минерального состава формовочной массы, применявшейся при изготовлении образцов керамики, полученные результаты анализа их элементного состава были пересчитаны по методике А. А. Предродовского [Соболев, Фельдман, 1984, с. 109–120]. Метаглинистую массу керамики оценивали по следующим характеристикам: фракционный состав, химический состав, параметры петрохимических расчетов (фемичность, глиноземистость, калиевость, магнизиальность и соотношение $\text{SiO}_2/\text{Al}_2\text{O}_3$). Результаты исследования представлены в таблице (см. с. 290).

Было установлено следующее. Петрографические исследования состава черепка образцов строительной керамики: кирпичи из Успенского собора Московского Кремля, а также некоторых великокняжеских надгробий Архангельского собора [Ярош, Лобзова, 2015, с. 386–388] – выявили высокое содержание песчаной фракции, в минеральном составе которой преобладает кварц. Формовочная масса плохо промешана, температура обжига невысокая. Реконструкция состава метаглинистой массы позволяет предположить, что строительная керамика изготовлена из местных тощих глин (или суглинков) надпойменной террасы Москвы-реки.

Такая же глина служила сырьем и для изготовления кирпича и деталей керамического декора церкви Ризоположения. Кирпичи церкви Ризоположения различаются по размеру, варьируя от большемерных с красным черепком оранжевого оттенка до маломерных плиток вишневого оттенка, что свидетельствует о различной температуре обжига. Состояние их сохранности различно: большемерные кирпичи на некоторых участках выветрены до мучнистого состояния. Реставрационные кирпичи с клеймом 1948 г. представляют группу кирпичей, отличающихся высоким качеством, они имеют хорошую степень сохранности, что нельзя сказать о современных реставрационных кирпичах, которые, еще не будучи примененными, уже имеют на ребрах утраты, а углы отколотыми.

Для декоративных изразцов портала и фасадов собора Чуда Архангела Михаила Чудова монастыря, отличающихся более тонкой технологией изготовления, чем крупные терракотовые детали церкви Ризоположения, было использовано седиментированное глинистое сырье.

Плитки пола Архангельского собора, наличники окон и черепица Великокняжеского дворца изготовлены из сырья, содержащего в основном гидрослюдистую глину с примесью каолиновой или монтмориллонитовой составляющей. Она отличается повышенным содержанием калия. Группа керамики соборов Дмитрова и Старицы характеризуется как каолинит-гидрослюдистая или гидрослюдистая, маложелезистая с калиевым уклоном.

Иной состав характерен для керамики Верхоспасского собора XVII в. Черепок изразцов интенсивно красного цвета вследствие применения высокожелезистого сырья (высокое значение коэффициента «фемичности»).

В изразцах этой группы диагностируются запесоченные глины. Присутствие угловатых мельчайших включений кварца (алевритовой размерности) свидетельствует о предварительной подготовке формовочной массы, возможно, путем отмучивания. Глинистая составляющая – смесь смешанно-слоистых глинистых минералов.

Петрохимические параметры пересчетов состава черепка в деталях керамики

Образец. Происхождение. Принадлежность	Образец, инв. №	Параметры				
		F	A	K	M	SiO ₂ /Al ₂ O ₃
Архангельский собор. Собрание ГИКМЗ «Московский Кремль»	Плитка пола, № 121 (полива оливково-зеленая)	0,066	+141	+42	0,9	4,6
Великокняжеский собор	Черепица, № 103 (полива ярко-зеленая)	0,078	+133	+66	3,4	5,1
Археологический образец. Собрание ГИКМЗ «Московский Кремль»	Изразец с изображением птицы (полива ярко-зеленая)	0,05	+246	29	2,0	3,5
Керамическая икона. Борисоглебский собор Старицы (частное собрание)	Керамическая икона «Спас Нерукотворный» (полива желтая), обр. 1	0,076	-307	+28	0,1	5,0
То же	Керамическая икона «Спас Нерукотворный» (полива красно-коричневая), обр. 2	0,049	+129	+42	3,0	6,5
То же. Находится на фасаде Успенского собора Дмитрова	Керамическая икона «Распятие»	0,06	+95	33	0,7	5,5
Портал собора Чудова монастыря. Фрагмент. Собрание ГИКМЗ «Московский Кремль»	Обр. 850/1. Терракота	0,149	47	34	0,68	5,9
	Глина включения	0,10	88	30	1,25	7,5
	850/1a (верх)	0,17	-114	29	0,17	7,1
Колокольня Ивана Великого. Собрание ГИКМЗ «Московский Кремль»	Обр. 189/99. Плитка пола черно-лощеная на 1-м этаже					
	Черный слой	0,15	14	33	0,72	7
	Серый слой	0,08	41	37	0,1	6,0
	Включение	0,05	27	21	0,06	16,2
Верхоспасский собор. Собрание ГИКМЗ «Московский Кремль»	Обр. А-1374. Изразец Светлый участок	0,44	156	42	11,1	2,8
	Серый участок	0,033	21	30	1,09	18
	Полива белая	0,1	4	12	0,35	5,0
То же	Обр. А-137. Изразец Анализ по площади	0,17	-41	35	0,43	5,7
То же	Обр. А-2218. Изразец Светлый участок	0,14	27	27	0,58	7,1
То же	Обр. А-2218. Изразец Серый участок	0,22	83	31	1,58	4,7
То же	То же. Анализ по площади	0,52	-76	17	0,9	5,4
Мономинеральные глины	Монтмориллонитовые	0,147	+116,0	-0,8		5,5
	Гидрослюдистые	0,090	+214,0	+26,0		3,5
	Каолиновые	0,001	+182,0	+14		2,0

Параметры: F – фемичность, A – глиноземистость, K – калийность, M – магнизиальность.

Таким образом, при изготовлении керамических деталей использовались различные типы глин. Сравнивая данные, выявленные для исследованных образцов с эталонными типами глин, которые характеризуются разными величинами параметров для каолиновых глин: F = 0,001, A = +182,0, K = +14; для гидрослюдистых: F = 0,090, A = +214,0, K = +26,0; для монтмориллонитовых: F = 0,147, A = +116,0, K = -8,0), можно заключить,

что формовочная масса деталей состояла преимущественно из гидрослюдистых глин с различным содержанием монтмориллонитовой или каолининовой составляющей. Красящее вещество, представленное оксидами и гидроксидами железа, входило в состав как глинистых минералов, так и в виде тонкодисперсной примеси и мелких включений. Различные цветовые оттенки связаны с поведением этих минералов при различной температуре обжига.

Цветные поливы. В результате проведенного исследования полив с помощью аналитической электронной микроскопии были выявлены различия в составе основных компонентов, щелочных добавок и хромофоров. Все исследованные образцы полив по содержанию основного плавня, оксида свинца, можно разделить на три группы. К первой группе относятся образцы с высоким содержанием PbO, достигающим 60 %. Сюда входят в основном образцы XVI в. из собрания Московского Кремля (плитки пола Архангельского собора, керамические наличники окон Великокняжеского дворца, плитка с изображением павлина из подклета Грановитой Палаты и др.). Вторую группу составляют датируемые XVII в. изразцы Верхоспасского собора, в которых содержание оксида свинца меньше (45–52 %). Третья группа изразцов характеризуется самым низким содержанием в поливе PbO, варьирующим в пределах 28–40 % (минимальное значение – 21 %). Следует отметить неоднородность состава полив всех трех групп, но третья группа характеризуется большей неравномерностью распределения компонентов шихты, включая и хромофорные добавки.

При исследовании образцов полив было обнаружено, что их цвет был результатом введения в шихту разных хромофоров. Качественный и количественный состав шихты существенно сказывался на цветовых характеристиках полив.

Синие поливы. Основными хромофорами в поливах синего цвета во всех образцах являются двухвалентное железо и кобальт, в ряде случаев с примесью никеля, меди и мышьяка; в одном случае полива светло-синего цвета содержала мышьяк, стронций и олово (разбеливающий компонент).

Белые поливы делятся на две группы. В образцах одной группы хромофорами являются мышьяк и стронций, в них же отмечается и высокое содержание оксида свинца (45–52 %). Образцы второй группы содержат стронций и олово, количество оксида свинца в них минимальное (28–40 %).

Желтые поливы. Основными хромофорами во всех желтых поливах является трехвалентное железо. Сочетание трехвалентного железа со стронцием и кальцием дает различные оттенки, так как стронций и кальций являются разбеливающими компонентами стекол. Сочетание трехвалентного железа с соединениями олова (разбел) замечено только в образцах поливных изразцов Верхоспасского собора XVII в. Московского Кремля из коллекции Государственного музея-заповедника (ГМЗ) «Коломенское».

Коричневые поливы. Коричневые поливы всех исследованных изразцов содержат трехвалентное железо, иногда в сочетании с соединениями стронция и олова, причем олово встречается только в поливах образцов Верхоспасского собора из коллекции музея-заповедника «Коломенское».

Зеленые поливы. Цвет полив основан на сочетании соединений двухвалентного железа и меди. Исключением являются образцы 23 и 28 с поливой светло-зеленого цвета, содержащие следующие элементы-хромофоры: железо и никель в первом случае и железо, никель, олово во втором.

Следует отметить, что в поливной керамике Московского Кремля отсутствуют черный и красный цвета. Между тем триада цветов (черный – белый – красный) является древнейшей в искусстве человека еще со времен неолита и широко распространена в декоре кремлевских сооружений.

Кроме полив, в декоративной отделке изразцов применялся ангоб. Более насыщенные и яркие тона красного цвета связаны с применением красного ангоба. С его помощью декорированы изразцы керамического портала, фриза главы и других деталей собора Чуда Архангела Михаила Чудова монастыря (конец XV в.), напольных плиток второго этажа Колокольни Ивана Великого. По составу красный ангоб представлял собой тонкодисперсную фракцию глины, получаемую методом седиментации (отмучивания) исходной глины. При обжиге эта тонкодисперсная фракция спекалась в красную с фиолетовым оттенком, не содержащую пор керамическую массу. Этот плотный слой ангоба на поверхности пористой керамики не только усиливал колористическое звучание архитектурных деталей, но и обеспечивал одновременно такие эксплуатационные качества, как водонепроницаемость и повышенную стойкость к истиранию. Разнообразные цветовые оттенки красного цвета обеспечивались различным минеральным составом глиняного теста, основным красящим веществом которого являлись соединения железа. Неодинаковая температура обжига в окислительных условиях усиливала интенсивность первоначальной окраски глины.

Для придания поверхности керамики нужного оттенка красного и розового цветов применялись также обмазки и покраски, содержащие минеральные пигменты. Традиционными пигментами в обмазках и покрасках красного и оранжевого цвета с множеством вариаций оттенков являлись следующие: свинцовый сурик, который давал цвета от яркого оранжево-красного (или алого) до золотисто-розового в разбеле; железный сурик вводили в поливу для достижения цветов от красно-коричневого до светло-розового в разбеле.

Черный цвет обеспечивался получением углеродсодержащего слоя (сажи и битума) на поверхности обжигаемой керамики в условиях восстановительного обжига с использованием копильной камеры. Эта технология появилась в Москве не ранее конца XV столетия и может быть связана с деятельностью в столице итальянских

мастеров (например, черный цвет в декоре черепицы Великокняжеского дворца, которая датируется концом XV в.). Черно-бурый цвет, не связанный с восстановительным обжигом, получался с помощью ангоба уникального состава, который содержал почти равные части тонкодисперсной глиняной массы, аналогичной красному ангобу, и жженой кости. Ангоб такого состава и технологии приготовления отмечен в виде толстого (2–4 мм) слоя на плите пола второго этажа Колокольни Ивана Великого, а также как подложка под зеленую поливу на плитке пола Архангельского собора Московского Кремля.

Керамика в архитектуре Московского Кремля XV – начала XVII вв. (материаловедческие исследования для решения историко-архитектурных задач)». Грант РГНФ 2002–2004 гг. Руководитель проекта А. В. Гращенко, исполнители М. Г. Безруков, В. Н. Ярош, Р. В. Лобзова.

Гращенко А. С. Архитектурные детали и фрагменты сооружений XIV – начала XX века. Каталог собрания. – М. : ГИКМЗ «Московский Кремль», 2010. – 366 с.

Исследование технологии декоративной керамики в образцах из древнейшей части коллекции Московского Кремля / М. Г. Безруков, В. Н. Ярош, Р. В. Лобзова, А. В. Гращенко // Материалы IX научной конференции «Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного искусства». – М., 2005. – С. 178–180.

Исследование микроструктуры, состава и технологии изготовления строительной керамики из кремлевских сооружений / М. Г. Безруков, С. С. Подъяпольский, А. Н. Густова, В. Н. Ярош // Материальная база сферы культуры : науч.-информ. сб. Рос. гос. б-ка, Информкультура. – М., 2003. – Вып. 3. – С. 117–128.

Соболев Р. Н., Фельдман В. И. Методы петрохимических пересчетов горных пород и минералов. – М. : Недра, 1984. – С. 109–120.

Ярош В. Н., Лобзова Р. В. Методические подходы в технологическом исследовании объектов из керамики в музейных коллекциях на примере коллекций ГИКМЗ «Московский Кремль» и МГОМЗ «Коломенское» // Вопросы музеологии. – СПб., 2012. – № 1 (5). – С. 133–139.

Ярош В. Н., Лобзова Р. В. Технологическое исследование строительной керамики сооружений Московского Кремля // Материалы XVII научной конференции «Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного искусства». – М., 2015. – С. 386–388.

R. V. Lobzova¹, V. N. Yaroch²

¹The State Science Research Institute of Restoration, Moscow,

²The Likhachev Heritage Institute, Moscow

TECHNOLOGICAL FEATURES OF MANUFACTURING PROCESS FOR CERAMIC TILE AND BUILDING CERAMICS IN THE MOSCOW KREMLIN CONSTRUCTION

Specimens of ceramic building materials and tile (both glazed and unglazed) their mineral and elemental composition, and microstructure were studied by scanning electron microscopy (SEM) and optical microscopy methods.

Keywords: ceramic tiles, floor tiles, roofing tiles, bricks, clays, glazing, optical microscopy, scanning electron microscopy (SEM), petrography.

УДК 904

В. А. Беркович, К. А. Егоров

ООО «Археологические изыскания в строительстве», Москва

БЕЛОКАМЕННЫЕ НАДГРОБИЯ КАК ЭПИГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МОСКВЫ

Представленная работа является продолжением опубликованного А. Г. Векслером и В. А. Берковичем каталога белокаменных надгробий, найденных в Москве с 1989 по 1997 гг. В ходе каталогизации белокаменных надгробий, саркофагов, плит и крестов XIV–XIX вв., найденных в Москве в 1989–2016 гг., проанализировано 227 памятников эпиграфики. Три надписи на немецком языке, остальные – на русском. По результатам их изучения подготовлен комментированный словоуказатель. Выявлена общность языка надгробных надписей, несмотря на их

формализованный характер, с разговорным языком горожан. Рассмотренный эпиграфический материал включает значительный объем информации о городе и его населении указанного периода. Ежегодное обнаружение на территории Москвы надгробных белокаменных памятников позволяет рассчитывать на продолжение этой работы в будущем.

Ключевые слова: Москва, надгробие, эпиграфика.

Надписи на московских белокаменных надгробиях стали объектом исследования достаточно давно. К этой теме обращались А. А. Мартынов [1895, с. 97–109, 219–240, 383–395, 521–528], А. В. Арциховский [1936, с. 160–164], В. Б. Гиршберг [1954, с. 95–130; 1960, с. 3–77; 1962, с. 212–287], Ю. М. Золотов [1984, с. 246–250; 1987, с. 223–229], Л. А. Беляев [1996], С. Ю. Шокарев [2006, с. 124–129], А. Г. Авдеев [2015, с. 330–366].

Сотрудниками ООО «Археологические изыскания в строительстве» проведена каталогизация белокаменных надгробий, саркофагов, плит и крестов, найденных различными археологическими структурами в Москве за последние 26 лет. Эта работа является продолжением опубликованного А. Г. Векслером и В. А. Берковичем каталога белокаменных надгробий, найденных в Москве с 1989 по 1997 гг. [Векслер, Беркович, 2006, с. 51–81]. Основными источниками информации для создания свода послужили научные археологические отчеты, хранящиеся в архивах Института археологии Российской академии наук и Департамента культурного наследия г. Москвы. Помимо них, были использованы материалы из фондов и экспозиций нескольких московских музеев, а также авторские публикации прошлых лет [Векслер, Беркович, 2002, с. 167–168; Векслер, Беркович, Егоров, 2015, с. 367–383; Векслер, Егоров, 2011, с. 272–321; Егоров, 2015, 2016].

В каталог включены находки из 43 московских объектов (34 церкви, шесть монастырей, одно городское и два загородных кладбища) и 17 местонахождений (находки, связь которых с конкретным храмом, монастырем или некрополем не установлена).

Общее число памятников – 669, из них 630 надгробий, 16 саркофагов, 14 крышек от саркофагов, одна крышка от «закладного камня», четыре фрагмента крестов, две плиты со строительными надписями, одна плита с поминальной надписью, одна декоративная панель.

Более трети всех находок (227 экз.) снабжены надписями (см. рис. 1 и 2, с. 295). Многие из рассмотренных нами крупных серий надгробий демонстрируют достаточно высокий процент эпиграфической составляющей: 48 % – Рождественский монастырь; 38,1 % – церковь Михаила и Федора Черниговских Чудотворцев; 33,3 % – церковь Николая Чудотворца Большой Крест; 32,7 % – церковь Всех Святых на Кулишках; 26,3 % – церковь Живоначальной Троицы в Старых Полях.

Значительное количество надписей (89 экз. – 39,2 %) имеет точные даты. Самая ранняя из них относится к 1497/1498 гг., самая поздняя – к 1831 г. По столетиям все надписи каталога распределены следующим образом:

- XV в. – 1 (0,4 %),
- XV–XVI вв. – 3 (1,3 %),
- XVI в. – 55 (24,2 %),
- XVI–XVII вв. – 23 (10,1 %),
- XVII в. – 77 (34,0 %),
- XVII–XVIII вв. – 14 (6,2 %),
- XVIII в. – 51 (22,5 %),
- XIX в. – 3 (1,3 %).

Такое представительное собрание памятников эпиграфики Средневековья и Нового времени имеет самостоятельную научную ценность. Одним из важных результатов его изучения явилась подготовка комментированного словоуказателя. Сопоставление надгробных надписей с текстами московских памятников деловой и бытовой письменности XVII–XVIII вв. показало общность языка надгробных надписей, несмотря на их формализованный характер, с разговорным языком горожан.

В надписях приведены имена 177 чел. В основном это жители Москвы. Среди погребенных представители следующих групп городского населения:

- представители фамилий, носивших царский титул (семья царевича Андрея Кучумовича);
- княжеские фамилии (Е. Баратаева, В. Долгоруков (рис. 2, с. 295), Хилковы);
- дворяне (Аладыны, Милославские, Собакины, П. Яганов);
- купцы (Козмины, Малютины);
- чиновники (М. Аронов, И. Кокошилов, И. Ларионов, В. Мошнин, Фед. Обухов, Фил. Абухов, К. Сытин);
- военные (семья вахмистра Д. Скапина, дочь секунд-майора Д. Львова, майор Ф. Панов);
- монашествующие (Е. Белозерец, Евникея, Е. Колоченин, Ф. Кудрин, Е. Фокина, Ф. Шоломова, А. Шишкина);
- священнослужители (попадья Акилина, протопопица Евдокия, попадья Екатерина, семья священника В. Иоаннова);
- слобожане (Н. Докучаев, Коробейниковы, Петр – без указания фамилии);
- господские служители (М. Волкова, Голиковы, Иван Остафьев сын, А. Карамышев, С. Лутовинин, С. Рабазанов, Светлаковы, Стефан Антонов сын);

• представители различных специальностей (садовник Д. Воронин, орешник Харитон, серебряных дел мастер Филипп Иванов сын).

Из пяти включенных в каталог «подписных» саркофагов четыре предназначались для членов княжеских родов (Воротынские, Шаховские), а один – для отпрыска сибирского царского рода (Е. Стрешнева).

В надписях представлены следующие *возрастные группы* москвичей:

- 18 младенцев (А. Аладына, князя Андрей и Федор, П. Вараксина, Василий, Е. Голикова, Т. Келлерман, Кондрат, И. Ларионов, Е. Львова, Оксинья, А. Осипов, Г. Собычаков, Е. Стрешнева и др.);
- 12 детей и отроков, включая 22-летнего отрока из надписи 1761 г. (Анна и Василий Перваковы, Иван Хилков, Петр Коробейников, А. Балбеков, Феодор Васильев сын, Феодор Гаврилов сын и др.);
- 94 взрослых.

Отметим, что *возраст* умерших начал указываться на исследованных русскоязычных надгробиях начиная со второй половины XVII в. (на немецких – несколько раньше: 1638 г.). Основная же часть «возрастных» данных относится к XVIII в. В надписях зафиксированы следующие продолжительности жизни погребенных: один месяц (1739 г.); семь недель (1706 г.); два месяца (1653 г.); 20 недель (1-я треть XVIII в.); 9 лет, 13 дней (конец XVII – начало XVIII вв.); 15 лет (2-я половина XVIII в.); 20 лет (1743 г.); 22 года (1761 г.); 24 года (2-я треть XVIII в.); 29 лет (2-я треть XVIII в.); 29 лет, 4 месяца, 25 дней (2-я треть XVIII в.); 30 лет (1760 г.); 33 года, 4 месяца, 22 дня (1739 г.); 35 лет (1759 г.); 38 лет (1732 и 1740–1750-е гг.); 40 лет и 7 месяцев (1716 г.); 42 года (1761 г.); 43 года (1745 г. и 1806 г.); 45 лет (2-я половина XVII в. и 2-я половина XVIII в.); 55 лет (1713 г.); 55 лет, 2 месяца, 1 день (2-я треть XVIII в.); 58 лет (1-я половина XVIII в.); 60 лет (1746 г.); 68 лет (1720-е гг.); 75 лет (1743 г.); 76 лет (1785 г.); 100 лет (1730-е гг.).

При изучении надгробных надписей были выделены наиболее часто встречающиеся в них *имена*: женские (Анна – 13, Акилина – 6), мужские (Иван – 15, Василий – 9), а также *месяцы* года (май – 14, сентябрь – 12, февраль – 11).

Во многих надгробных текстах отмечены *семейно-родственные связи* погребенных в их различных вариантах:

- муж – жена (Н. Докучаев – А. Докучаева, Л. Милославский – А. Милославская, В. Мошнин – А. Мошнина, Д. Перваков – Г. Первакова);
- муж – жены (К. Сытин – Марья Васильевна, Федора Петровна);
- муж – вдова (? – Е. М. Баратаева, И. А. Воротынский – Н. Л. Воротынская);
- сын – отец (Феодор – В. Иоаннов, Б. Келлерман – Х. Келлерман, Т. Келлерман – Т. Келлерман, Сергей – Д. Скапин);
- дочь – отец (Евдокия – В. Стрешнев, Елизавета – Т. Голиков, А. Милославская – В. Толстой);
- дети – отец (Андрей, Федор – Андрей Кучумович; Кондрат, Анна, Василий – Д. Перваков);
- сын – мать (Сергей – П. Скапина);
- дочь – мать (Герткен – Маргарита);
- дети – мать (дети – А. Милославская);
- внук – дед (Петр – И. Коробейников);
- внучка – дед (Елизавета – Я. Голиков).

Кроме того, на надгробии 1739 г. упоминается второй брак, а на семейном надгробии 1720-х гг. – третий.

Этническое разнообразие жителей Москвы нашло отражение в целом ряде надписей:

- немцы (Герткен и Маргарита, семейство Келлерманов – 1588, 1638, 1653 гг.);
- грузины (П. Яганов, Е. Баратаева (Бараташвили) – 1759, 1785 гг.);
- представители тюркских народов Сибири (сибирский царевич Абдул-Хаир (Андрей Кучумович) – середина XVII в.);
- «гречин» (Д. Перваков, 1630 г.).

Общую картину дополняют надгробия выходцев из Ярославля (2-я четверть XVII в.; 1633 г.), Переславля-Залесского (1634 г.), Белоозера (1653 г.) и Новгорода (1740–1750-е гг.). Дополнительную информацию о происхождении жителей Москвы дает анализ фамилий, указанных в надписях. Среди них встречены фамилии новгородского происхождения: Коробейников, Кудрин, Лопухина, Некрасов, Шиловцов, Шишкин; архангельского происхождения: Матокин, Обухов (Абухов), Каратаев; рязанского, смоленского происхождения: Лутовинин.

Список упомянутых на надгробиях *православных праздников* весьма обширен. Среди них Введение Богородицы во храм (начало XVIII в.) и дни памяти: Смирнского епископа Вукола (конец XV – 1-я четверть XVI вв.), мученицы Акилины (2-я четверть XVI в.), архидьякона Евпла (1584 г.), Иоанна Палеолаврита (1594 г.), епископа Иерапольского Аверкия (1-я четверть XVII в.), мученика Конона градара (1625 г.), преподобного Герасима иже на Иордане (2-я четверть XVII в.), святого Спиридона (1640 г.), мученицы Мелании Римлянины (1644 г.), пророка Иоиля (1674 г.), великомученика Никиты (1679 г.), епископа Лампсакийского Парфения (1692 г.), мученика Трофима (1696 г.), мучеников Мины, Ермогена и Евграфа (1697 г.), мучеников Петра и Дионисия (2-я половина XVII в.), епископа Смирнского Поликарпа (4-я четверть XVII в.), мучеников Онисифора и Порфирия (конец XVII – начало XVIII вв.), святых Космы и Дамиана (1708 г.), Тита «чюдотворца» (1710 г.), святого Иоанна Богослова (1715 г.), пророка Иеремии (1720-е гг.), мучеников Феопемпта и Феоны (1730-е гг.), святого Василия

Великого (1739 г., 1-я половина XVIII в.), священномученика Артемона Лаодикийского (1740–1750-е гг.), апостола Онисима (2-я треть XVIII в.), великомученицы Екатерины (1-я половина XVIII в.), преподобного Онуфрия Великого (середина XVIII в.), апостола Иоанна Богослова (1761 г.).

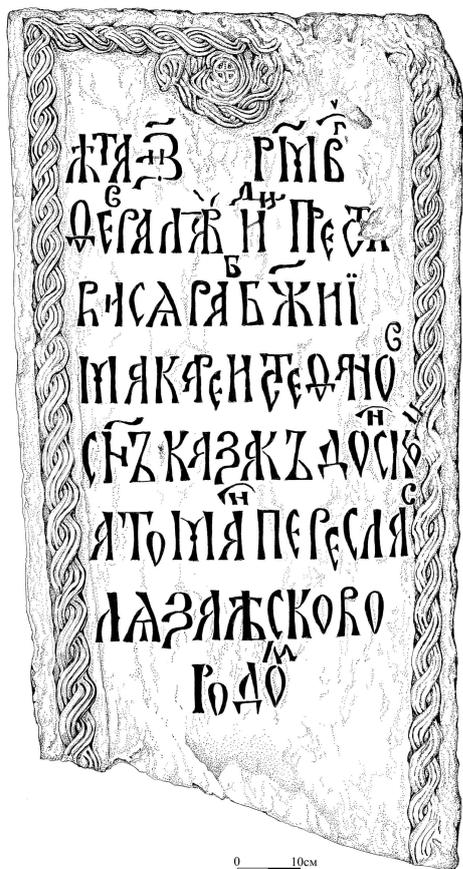

Рис. 1. Надгробие донского атамана Макарея Стефанова сына, 1634 г. Рис. С. М. Царевой

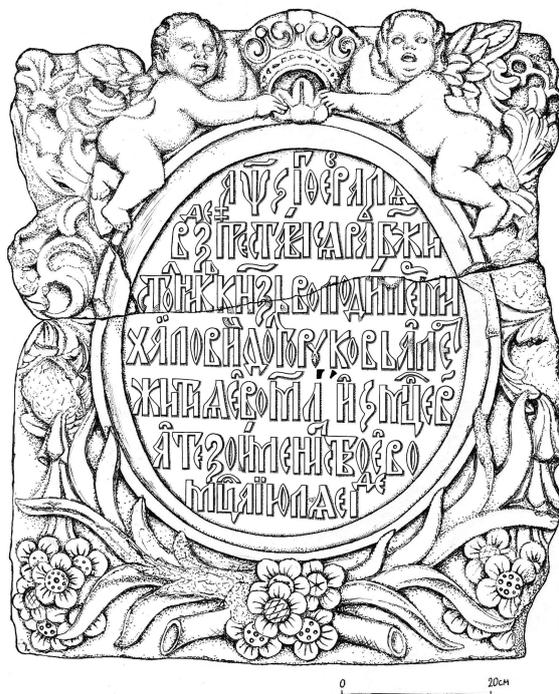

Рис. 2. Надгробие князя Владимира Михайловича Долгорукова, 1716 г. Рис. Т. С. Поддаевой

Жизнь многих горожан была связана с существовавшими в Москве различными *структурами*. Это – слободы, купеческие корпорации, учебные заведения, дворцовые, государственные и муниципальные учреждения, воинские части и пр. В надгробных надписях отмечены Кадашевская (начало XVIII в.), Садовая (1718 г.) и Донская (2-я треть XVIII в.) слободы, Суконная (1675 г.) и Гостиная (1739 г.) сотни, Славяно-греко-латинская академия (1761 г.), Хлебный дворец (1644 г.), Государевы сады (1720 г.), Разрядный (1706 г.) и Преображенский (1710 г.) приказы, Ратуша (1713 г.), Лейб-гвардии Московский батальон (2-я треть XVIII в.) и Московская 8-я ротная команда (1806 г.).

Таким образом, в ходе каталогизации московских белокаменных надгробий, саркофагов и плит был получен обширный эпиграфический материал, освещающий различные стороны жизни города и его жителей. Вместе с тем ежегодное обнаружение на территории Москвы надгробных белокаменных памятников позволяет рассчитывать на продолжение этой работы в будущем.

Авдеев А. Г., Донской Г. Г. Эпиграфические памятники Москвы XVI–XVIII вв. // Вопросы эпиграфики. – М., 2015. – Вып. 8. – С. 330–366.

Арциховский А. В. Надписи, сделанные на Метрострое // По трассе первой очереди Московского метрополитена имени Л. М. Кагановича. – Л., 1936. – С. 160–164.

Беляев Л. А. Русское средневековое надгробие: белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XVIII–XVII вв. – М.: Модус-Граффити, 1996. – 567 с.

Векслер А. Г., Беркович В. А. Монастырские и церковные кладбища XVI–XVII веков. Раскопки и наблюдения Центра археологических исследований г. Москвы. 1989–1997 годы // Русское средневековое надгробие. XIII–XVII века: материалы к своду. – М., 2006. – С. 51–81.

Векслер А. Г., Беркович В. А. Надгробие стольника эпохи Петра I // РА. – 2002. – № 1. – С. 167–168.

Векслер А. Г., Беркович В. А., Егоров К. А. Новые находки белокаменных надгробий с эпитафиями в историческом центре Москвы // Вопросы эпиграфики. – М., 2015. – Вып. 8. – С. 367–383.

Векслер А. Г., Егоров К. А. Белокаменные надгробия с надписями (по результатам работ на исторических церковных и монастырских кладбищах Москвы) // Вопросы эпиграфики. – М., 2011. – Вып. 5. – С. 272–321.

Гириберг В. Б. Надписи из Георгиевского монастыря (по материалам наблюдений Музея истории и реконструкции Москвы. 1949 г.) // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. – М., 1954. – Вып. 5. – С. 95–130.

Гириберг В. Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. // Нумизматика и эпиграфика. – М., 1960. – Т. 1. – С. 3–77.

Гириберг В. Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. // Нумизматика и эпиграфика. – М., 1962. – Т. 3. – С. 212–287.

Егоров К. А. Белокаменные надгробия храма Воскресения Христова в Кадашах (каталог). – М.: ТМ Продакшн, 2015. – 128 с.

Егоров К. А. Белокаменные надгробия храма Всех Святых на Кулишках. Каталог. – М.: ТМ Продакшн, 2016. – 96 с.

Золотов Ю. М. Семь надписей XVI–XVII вв. из Москвы // СА. – 1987. – № 3. – С. 223–229.

Золотов Ю. М. Три памятника старомосковской эпиграфики // СА. – 1984. – № 2. – С. 246–250.

Мартынов А. А. Надгробная летопись Москвы // Русский архив. – М., 1895. – Кн. 5. – С. 97–109; Кн. 6. – С. 219–240; Кн. 7. – С. 383–395; Кн. 8. – С. 521–528.

Шокарев С. Ю. Некрополь XVI–XVII веков в избранных надписях. Плиты из коллекции Музея истории г. Москвы // Русское средневековое надгробие. XIII–XVII века: материалы к своду. – М., 2006. – С. 124–129.

V. A. Berkovich, K. A. Egorov

Archeological survey in construction, Ltd., Moscow

WHITESTONE TOMBSTONES – EPIGRAPHIC MONUMENTS OF MOSCOW

The following article supplements a catalogue of whitestone tombstones, found in Moscow over the period of 1989–1997, compiled by A. G. Veksler and V. A. Berkovich. The study of 227 epigraphic monuments (14–19th) is the result of cataloging whitestone tombstones, sarcophagi, tiles and crosses found in Moscow over the period of 1989–2016. There are 3 German inscriptions, the rest are written in Russian. The annotated glossary is the result of the research. It shows the similarities between epigraphs and spoken language of Moscovits. The inscriptions contain information on both Moscow and its inhabitants. As we discover whitestone tombstones in Moscow every year, we hope to research this topic further in the future.

Keywords: Moscow, tombstone, epigraphy.

УДК 902/904

С. А. Салмин

Псковский археологический центр

КОМПЛЕКС ВООРУЖЕНИЯ XVI–XVII ВЕКОВ ИЗ РАСКОПОК ПСКОВСКОГО ОКОЛЬНОГО ГОРОДА

Обзор оружейных материалов XVI–XVII вв., происходящих из археологических раскопок на территории псковского Окольного города, показывает, что начиная с первой половины XVI в. паноплия Пскова утрачивает самобытность и приобретает классические для Московского государства черты. Площадь Окольного города в рассматриваемый период не становилась зоной боевых действий. Таким образом, коллекция, полученная с этой территории, – это представительная выборка примеров распространения оружия в среде горожан. Среди рассматриваемых предметов – детали доспеха, холодного и огнестрельного оружия (топоры, пики, перекрестье сабли, шестопер, пищаль, ствол пистолета, ружейный замок-серпентин, пули, ядра, деталь пороховницы).

Ключевые слова: Псков, Московское государство, Новое время, предметы вооружения.

Причиной обращения к тематике позднесредневекового вооружения русского Северо-Запада по данным археологии является слабая, поверхностная представленность научному сообществу этих обширных материалов.

Это связано и с наличием значительного корпуса письменных источников, на первый взгляд содержащих весь необходимый объем информации, и с доминировавшим долгое время в исследовательской среде пренебрежительным отношением к археологическим материалам периода позднего Средневековья – Нового времени. Однако сейчас, когда должное внимание уделяется всему массиву отложений, поступление новой информации идет настолько высокими темпами, что обобщения не успевают за накоплением фактов. Предметами публикаций чаще всего становятся только наиболее яркие «нехарактерные» находки, предварительные обзоры охватывают материалы лишь отдельных раскопов.

Результатом этого является отсутствие хронологических вещевых индикаторов для целых категорий предметов, в том числе – оружия. В настоящее время идет процесс каталогизации псковской коллекции вооружения, однако работа еще далека от завершения. В статье предлагается обзор предметов, происходящих из культурных отложений Пскова XV–XVIII вв., с целью дать общее представление скорее о наборе вооружения в целом, чем о конкретных находках. Нам представляется, что выборка предметов вооружения из хорошо датированных археологических горизонтов крупнейшей в XVI–XVII вв. крепости русского Северо-Запада послужит вкладом в решение общей проблемы хронологии этой категории находок.

Исторический контекст: «Господин Псков» и «Государство Псковское». К началу XVI в. Псков обладал достаточно сильной и технологически развитой армией, включавшей не только местные постоянные и ополченческие формирования, но и наемные контингенты («жолныри с пищальми» [ПСРЛ, 2003, с. 87], ландскнехты [Бессуднова, 2007, с. 182]). Источники отмечают наличие специализированных, предполагающих высокую степень профессиональной подготовки формирований – пищальников, арбалетчиков, «наряда» [Алексеев, 2007, с. 198]. Описание битвы «в Устьях» (1480 г.) перечисляет в составе псковского войска щитников, копейщиков, пищальников, доспешную и легкую конницу [ПСРЛ, 2000, с. 59], что соответствует традиционной комплектации западноевропейских коммунальных ополчений и наемных рот этого периода [Пенской, 2010, с. 45–46, 140]. Сообщения о военных операциях псковичей на протяжении XV в. показывают, что в Пскове в это время существовала латная конница, способная к ведению «копейного боя» в сомкнутом строю [ПСРЛ, 2000, с. 153; Лобин, 2011, с. 108].

После присоединения Пскова к Московскому государству в 1510 г. Псков продолжает выставлять в войско великих князей московских значительные контингенты пищальников (1 000 чел.) [ПСРЛ, 2000, с. 259] и конных копейщиков [Лобин, 2011, с. 108]. Уже к началу Ливонской войны происходит слияние собственно восточнорусских (Москва, Рязань) и северо-западных (Новгород, Псков, Тверь) традиций, на основе которого и возникает классическая военная организация московского периода русской истории.

Подчеркнем, что Псков, будучи важнейшим торговым пунктом и наиболее значительной крепостью Северо-Запада в период Московского царства, обладал весьма боеспособным посадским населением (что ярко проявилось в конце Ливонской войны, в период Смуты и особенно в момент Псковского восстания 1650 г.).

Археологический контекст: особенности «поздних» антропогенных отложений Пскова. Накопление культурных слоев после Северной войны, приведшей к упадку военно-политического и экономического значения Пскова, было достаточно «спокойным», что послужило к консервации отложений позднего Средневековья – раннего Нового времени на значительных площадях. Сложившаяся в Пскове еще в 1980-е гг. традиция исследовать археологическими методами культурные напластования XVII–XVIII вв. позволила получить объективное представление об особенностях рядовой материальной культуры этого периода. Хорошая сохранность древесины на немалой части древнего Пскова и разработанная для позднего Средневековья – Нового времени дендрохронологическая шкала подкрепила датировки попадания предметов в культурный слой.

Данные, полученные в результате археологических исследований в Окольном городе Пскова, в последние годы уже становились предметом обобщающих исследований. Проекты РГНФ «Петровский конец Пскова XV–XVIII вв. по данным археологии и письменных источников» (2008–2009, № 08-01-00376а) и «Новый Торг Пскова XVI–XVIII вв. по данным археологии и письменных источников» (2014–2015, № 14-11-60005) позволили выделить значительные участки хорошо стратифицированных городских отложений XV–XVIII столетий, уточнить начальные даты их освоения.

Рассматриваемые участки находятся внутри кольца городских укреплений, на территории Окольного города, относятся к селитбенной зоне посадского населения, достаточно удалены от внешней крепостной стены и не связываются в письменных источниках с планомерными военными действиями. Они были освоены и вошли в состав города достаточно поздно (последняя четверть XV – середина XVI вв.), часть их длительное время использовалась для общественных нужд (торговые площади, церковные места). Важно, что доказанное весьма позднее заселение рассматриваемой территории исключает ошибочные «удревненные» датировки. Подчеркнем также, что все участки города, учтенные в обзоре, не являлись зоной компактного проживания профессионального военного населения: пушкарей, стрельцов или солдат.

Предлагаемый обзор базируется на коллекциях ряда раскопов: Петровские I–XV, Новоторговские I–XI, Лужские I–III, раскоп на ул. Гоголя (1978–2013 гг.).

Холодное оружие ближнего боя представлено боевыми топорками, наконечниками кавалерийских пик, втоками, навершием шестопера и перекрестьем сабли (рис. 1, с. 299).

Боевые топоры этого периода представляют собой довольно массивное оружие, называвшееся в источниках «топорок», предназначенное для действий обеими руками. Два топорка происходят из раскопок на ул. Гоголя (ПГ–1978 г.), третий из раскопа Петровский IV. Первые два относятся к типу VII по О. В. Двуреченскому [2015, с. 142–146], это тяжелые топоры на длинных рукоятях (рис. 1: 1, 2). Один из них был опубликован почти 40 лет назад [Сергина, 1983, с. 88, рис. 7], но с досадными неточностями: изображение необъяснимо претерпело зеркальную инверсию, топор на изображении стал более массивным, клеймо «переместилось» на другую сторону. К сожалению, в свод О. В. Двуреченского вошла именно ошибочная прорисовка топора.

Третий топор имеет своеобразную форму и не совсем вписывается в известные классификации (рис. 1: 3). Благодаря нижнему углу лезвия, скошенному к древку, он обладает выраженной рассекающей функцией, в отличие от первых двух образцов, выкован из более качественной стали. Несмотря на тонкое лезвие и небольшой вес металлической части, широкий проух позволяет отнести его к топорам на длинном двуручном древке. На спинке топора зафиксирована выраженная зарубка – возможно, остался след столкновения с подобным же тяжелым оружием. Вероятно, топоры этого типа появляются под влиянием турецкого варианта топоров – «балта» [Асватцатурян, 2002, с. 182].

Наконечники пик. К относительно надежным критериям отличия наконечников пик от втоков (см. далее) может служить длина боевой части и наличие над втулкой «яблока» или упора иной конфигурации. Интересный образец этого оружия происходит из Петровского IV раскопа: пика с граненым сердцевидным пером, с отверстиями для колец, расширением над «яблоком» и массивной втулкой. Общий облик позволяет отнести ее к восточным образцам этого оружия (рис. 1: 14). Более примитивный образец пики происходит из Новоторговского X раскопа – тип 16 [Двуреченский, 2015, с. 73–81] (рис. 1: 13).

Наконечник копья (Петровский IV) (рис. 1: 12) имеет широчайшие общеизвестные аналогии, может быть отнесен и к рогатинам, хотя разделение в типологии О. В. Двуреченского на копья второго типа и рогатины второго типа [2015, с. 93, 106] трудно безоговорочно признать убедительным.

«Втоки» (рис. 1: 11) использовались в качестве оправы нижней части древка бердышей и, возможно, поздних боевых топорков (во всяком случае несколько втоков из псковских раскопок происходят из того же комплекса находок, что и топорки), однако всё же далеко не всегда «втоки» были связаны с военным делом. Нередко эти же предметы могли являться завершением посохов и дорожных палок, выполняя, в частности, функции орудия самозащиты. Поскольку абсолютных критериев, согласно которым можно уверенно различить наконечник пики и «вток», пока не существует, к категории «вток» нами отнесены все металлические конусовидные наконечники с пером менее 10 см.

Единичными экземплярами представлены детали ударно-дробящего (навершие шестопера) и клинкового (перекрестье сабли) оружия.

Шестопер (Новоторговский IV) происходит из-под настила, датируемого XVII в., из ямы для «выржавливания» цветного металла. Эта находка подробно опубликована [Салмин, 2007], поэтому здесь мы ограничимся констатацией присутствия этого редкого артефакта в псковской паноплии. Совокупность признаков позволяет датировать его концом XV – 1-й половиной XVI вв. (рис. 1: 4).

Перекрестье сабли (Лужский II) (рис. 1: 9), бронзовое, с центральной железной частью, с уплощенными расширяющимися концами крестовины и протяженными центральными выступами. Аналоги известны по изображениям и по археологическим материалам из хорошо датированных памятников (Гушинский лагерь). Тип характерен для XVI в. [Двуреченский, 2015, с. 56–57, тип 16].

Метательное оружие. Этот тип оружия представлен различными наконечниками.

Наконечник сулицы-джериды из Петровского IV раскопа (рис. 1: 10). Наконечник черешковый, трехлопастной, с плечиками, массивный, с «яблоком» над черенком, находится за пределами традиционных классификаций русского оружия. Этот восточный по происхождению вид оружия упоминается в источниках и присутствует в музейных собраниях [Асватцатурян, 2002, с. 197–200; Лобин, 2011, с. 108].

Наконечники стрел. В псковских археологических материалах преобладают некрупные черешковые наконечники (тип 6, доминирует 6в [Двуреченский, 2015, с. 234–241]), при этом присутствует несколько редких оригинальных разновидностей.

Наконечник из Новоторговского X раскопа (рис. 1: 7) может быть отнесен к типу 9а [Там же, с. 241, 254]. Особенностью наконечника является выраженный орнаментальный пояс, выгравированный в нижней части пера, и выделенное гравировкой острие.

Два сложных по форме наконечника (рис. 1: 5, 6), происходящие из Лужского II и Новоторговского X раскопов, возможно, представляют собой не столько наконечники боевых стрел, сколько личные метки – «жеребья» лучников. Наконечники с выраженной пирамидальной четырехгранной головкой, характерной для «бронебойных» типов, но примерно на середине пера имеют «яблоки», препятствующие глубокому проникновению. Возможно, они использовались для конкурсной стрельбы или для жеребьевки.

Еще один наконечник из Лужского II раскопа может быть отнесен к типу 1а [Двуреченский, 2015, с. 241, 252]. От стандартных образцов он отличается «яблоком» над черенком – деталью излишней, снижающей проникающую способность стрелы и значительно усложняющей изготовление наконечника (рис. 1: 8).

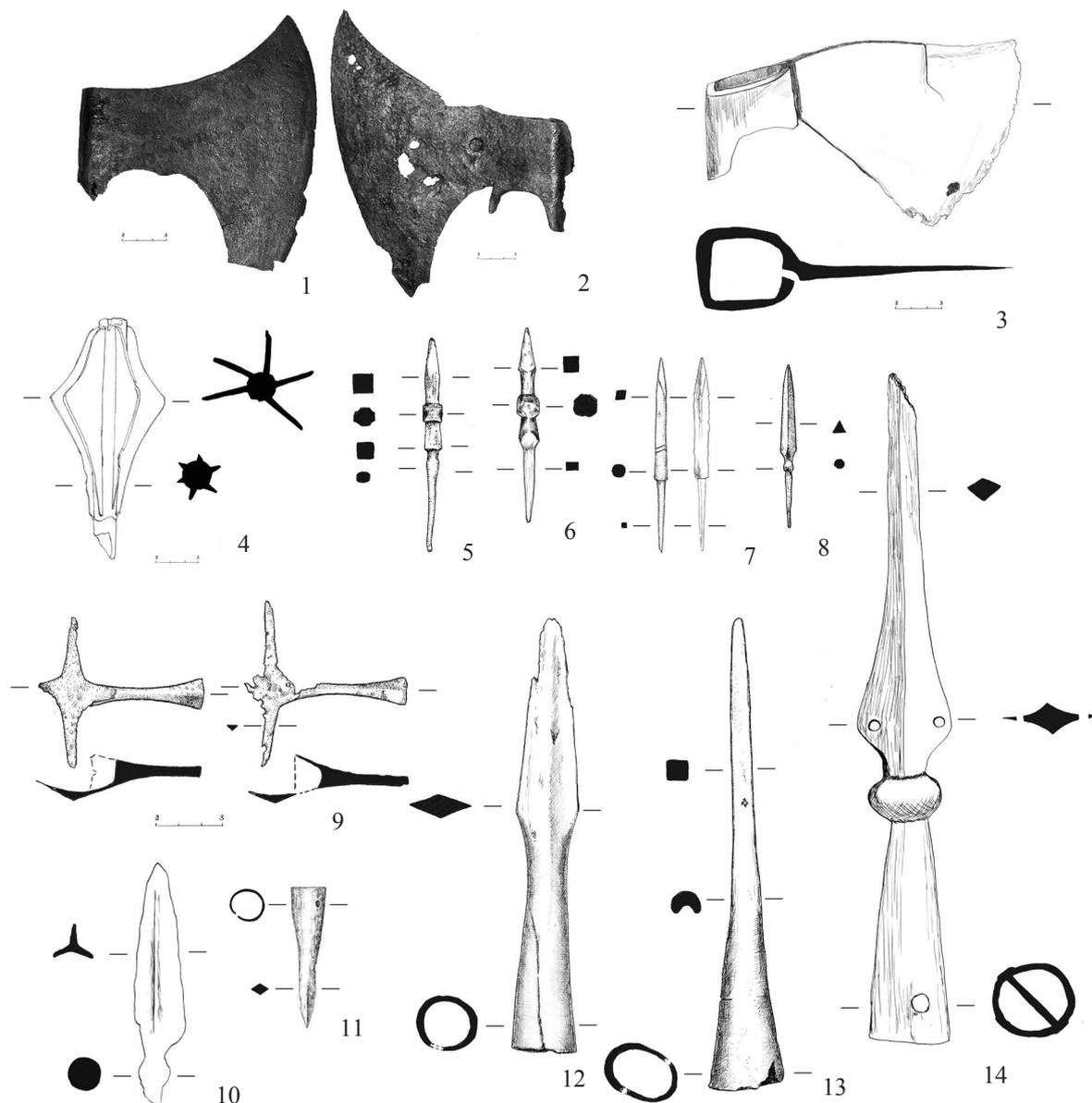

Рис. 1. Холодное оружие ближнего боя и метательное оружие:

- 1, 2 – тяжелые топоры на длинных рукоятях из раскопок на ул. Гоголя; 3 – топор из раскопа Петровский IV; 4 – шестопер из раскопа Новоторговский IV; 5–8 – наконечники из Лужского II и Новоторговского X раскопов; 9 – перекрестье сабли из Лужского II раскопа; 10 – наконечник сулицы-джериды из Петровского IV раскопа; 11 – конусовидный наконечник с пером – «втоку»; 12 – наконечник копья (Петровский IV); 13 – наконечник пики (Новгородский X); 14 – наконечник пики (Петровский IV)

Детали огнестрельного оружия. На сегодняшний момент часть коллекции уже становилась предметом публикации [Салмин, 2011а, с. 28–34], однако с тех пор число находок значительно возросло.

Пули свинцовые (рис. 2: 1–8, с. 300). Сфероконические, литые, с остатками литников или несрубленными литниками, диаметр 1–1,6 см, что соответствует наиболее распространенным калибрам 1-й половины XVII в.

Пули железные (рис. 2: 10–13). Калибр от 2,4 до 3,2 см. Эти калибры широко применялись в период с начала XVI до начала XVIII вв. в легкой крепостной артиллерии (затинные пищали и волконечи).

Большое число *ружейных кремней*, происходящих с территории Окольного города, мы оставим за пределами рассмотрения в связи со сложностью вычленения датирующих морфологических признаков. Отметим, что все кремни привозные, большинство из них, вероятно, происходит из одного месторождения (серый, со стекляннным блеском полупрозрачный кремль). Обработка кремня производилась на территории Пскова, в частности в Крепнем ряду Нового Торга.

Серпентинный замок (рис. 2: 14) (из раскопа Петровский IX). Форма этой детали характерна для середины XVI столетия [Маковская, 1992, с. 13], спуск боковой (кнопка). Держатель фитиля «S»-видный, разноплечий, боевая пружина замка пластинчатая, слабо изогнутая.

Хвостовой шуруп (рис. 2: 15) – деталь, служившая для крепления хвостовика к ложу огнестрельного оружия (Петровский VII). Массивность предмета позволяет предположить, что он относился к тяжелому огнестрельному оружию класса «затинной пищали» [Маковская, 1992, с. 40–41].

Крышка пороховницы из лосиного рога (рис. 2: 9) украшена гравированным растительным орнаментом, в нижней части имеет сквозное отверстие диаметром 0,65 см, со следами потертостей, оставленными ввинчивающимся устройством – предположительно форсункой (Петровский IX). Пороховницы с крышками подобной формы использовались с начала XVI в. [Кренке, Курмановский, 2008, с. 118–119].

Ствол пистолета (рис. 2: 16) по своим промерам не принадлежит ни к одному из стандартных образцов вооружения русской армии XVII–XVIII вв., но имеет некоторое сходство с западноевропейскими пистолетными стволами середины – 2-й половины XVII в. (Петровский III). В частности, его размеры очень близки к промерам ствола шведского флотского пистолета образца 1683 г. [Блэр, 2007, с. 275, № 109].

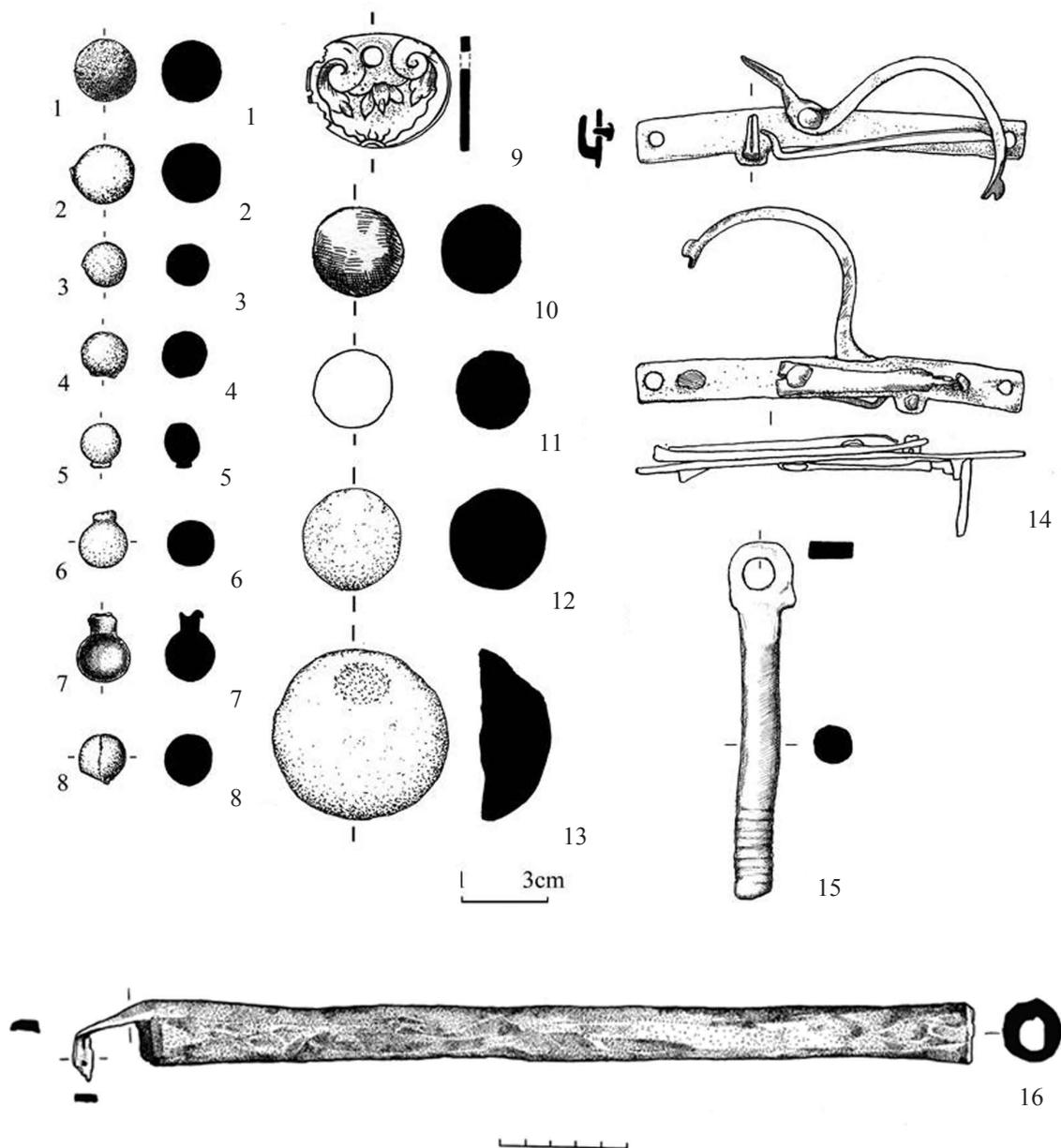

Рис. 2. Детали огнестрельного оружия:

1–8 – пули свинцовые; 1–9 – крышка пороховницы из лосиного рога (Петровский IX); 10–13 – пули железные; 14 – серпентинный замок (Петровский IX); 15 – хвостовой шуруп (Петровский VII); 16 – ствол пистолета (Петровский III)

Пищаль-«недомерок» винтовальная кавалерийская (определение по: [Маковская, 1992, с. 70]) происходит из своеобразного «клада» на участке жилой застройки XVII в. (раскоп Петровский IX). Необычна и топографическая ситуация обнаружения находки, и состояние самого оружия в момент его попадания в культурный слой. Оружие

было уложено между обломками жердей и сверху просыпано песком. Все пружины замка спущены, полка прикрыта. Кремь вынут, губки курка сведены. Пищаль, как представляется, прятали и «консервировали» для хранения и долгого пребывания в земле. На наш взгляд, этот «схрон» может быть связан с событиями псковского восстания 1650 г., когда после установления мира и приведения города к присяге «наново» [Тихомиров, 1969, с. 23–138] наличие дорогого и вдобавок узнаваемого оружия могло серьезно скомпрометировать участника восстания. Оружие сохранилось практически полностью, утраченной оказалась только часть приклада. Находка опубликована [Салмин, 2011].

Защитное снаряжение (рис. 3) из псковского Окольного города в основном представлено панцирными пластинами достаточно распространенных типов:

- подпрямоугольные пластины с закругленными углами, выпуклые в двух плоскостях, с отверстиями для пришивания по одной стороне и единичной заклепкой (рис. 3: 2, 3, 4, 6, 7);
- подпрямоугольные пластины с закругленными углами, выпуклые в двух плоскостях, с отверстиями для пришивания по одной стороне и двумя заклепками (рис. 3: 1, 5);
- пластины с отверстиями для пришивания по периметру, с закругленной нижней стороной (рис. 3: 11).

Более редкую форму представляет собой полуфабрикат пластины в форме неравнобедренной трапеции, вероятно, оторочка проймы зеркального доспеха (рис. 3: 8).

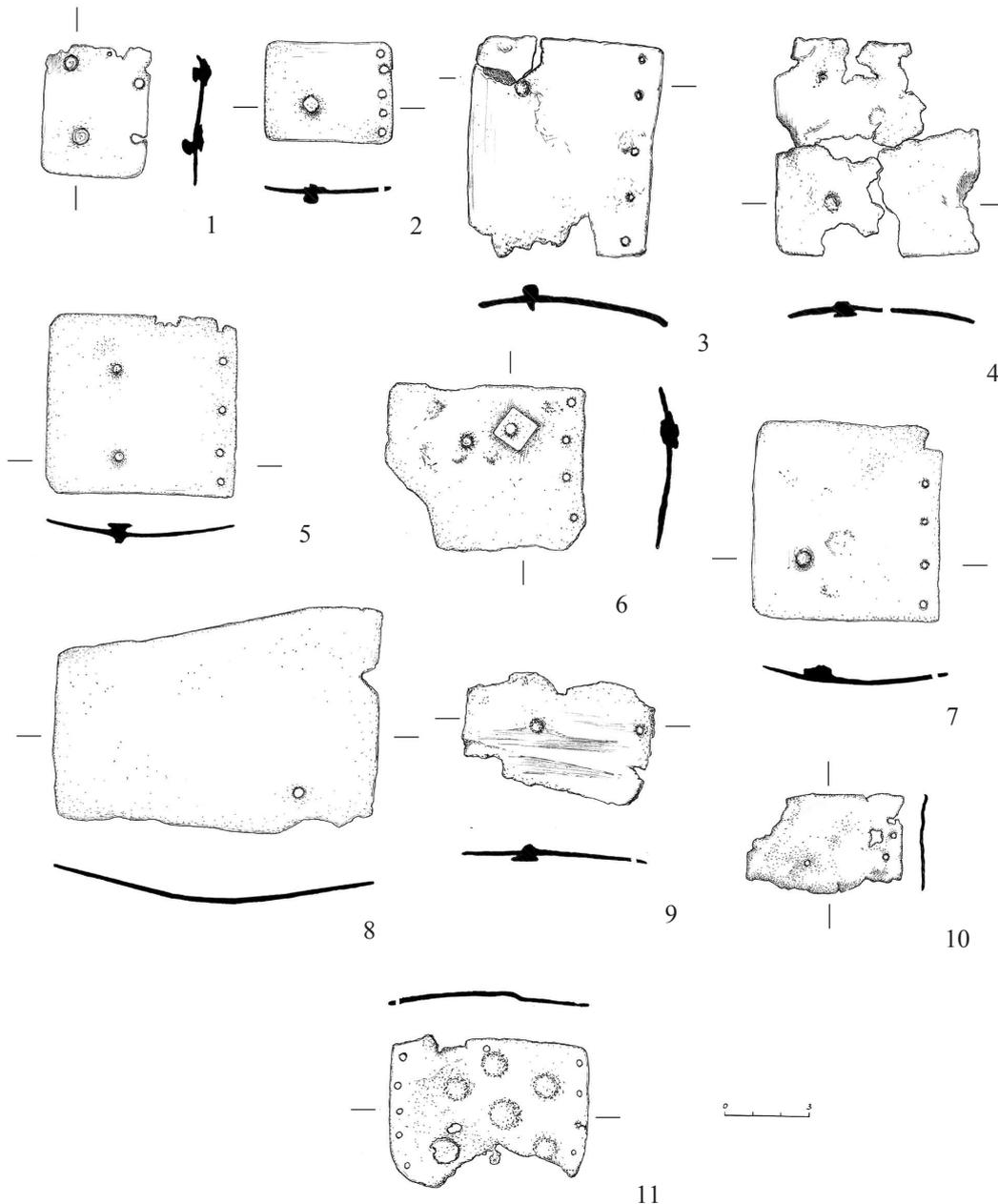

Рис. 3. Защитное снаряжение:

1–7, 9, 11 – панцирные пластины разных типов; 8 – полуфабрикат панцирной пластины; 10 – бракованная панцирная пластина из мастерской 2-й половины XVI в.

Заклепки, сохранившиеся в пластинах (первых двух разновидностей), расположены головкой наружу (в этом случае головка имеет полусферическую форму) или внутрь (дисковидная головка сильно уплощена). Во втором случае форма заклепки предполагает наличие шайбы на выпуклой стороне пластины и, следовательно, наличие покрытия из мягкого материала на внешней стороне панциря. На пластине из Новоторговского X раскопа сохранилась внешняя шайба (рис. 3: б).

Значительная часть пластин первых двух разновидностей была широко распространена на территории Руси. Наиболее известными находками комплексов пластин этого типа являются так называемый «доспех Онцифора Лукича» в Новгороде и «доспех из Довмонтова города» в Пскове, традиционно они датируются XIII–XV вв. Однако датировки 1950–1960-х гг. были скорее интуитивны, чем доказательны. Согласно отчетной документации, «доспех из Довмонтова города» попадает в мусорное заполнение постройки, где он был обнаружен при раскопках, датируется не ранее 1-й половины XVII в., возможно, даже позднее, в момент постройки нового здания Приказных палат в 1702 г. [Гроздилов, 1960, с. 18–23, рис. 12]. «Удревнение» этой находки не подкреплено ни обстоятельствами обнаружения, ни сопутствующими находками (в числе которых, в частности, зеленополивные печные изразцы со сценой «соколиной» охоты, вислые свинцовые печати архиепископов новгородских Феофила (1470–1482 гг.) и Геннадия 1484–1504 гг.), выпадение которых в грунт явно могло произойти не ранее разрушения документов, которые они скрепляли).

Серия дендрохронологические дат уверенно позволяет датировать попадание в культурный слой панцирных пластин, представленных в данной статье, временем не ранее 2-й половины XVI в. Об изготовлении доспехов, сформированных с использованием этого типа пластин в Пскове, свидетельствует бракованная пластина (рис. 3: 10) из мастерской 2-й половины XVI в.

В целом полученные при археологическом изучении территории Окольного города материалы позволяют выделить типичный набор предметов вооружения, происходящий с жилой и торговой территории русского города периода Московского государства. На наш взгляд, выявление набора посадского оружия сможет стать еще одним из индикаторов продвижения русского населения в восточном и южном направлении и послужить опорой в синхронизации коренных и переселенческих комплексов вооружения на территории России.

Гроздилов Г. П. Отчет о раскопках в г. Пскове в 1960 г. // Архив Института археологии РАН. 1956, 1958–1960. Ф. 1. Р. 1. № 2198. 142 л.

Альбомы иллюстраций к отчету: № 2198а; № 2198б // Древлехранилище ПГОИАХМЗ. Фонд Г. П. Гроздилова (195, шк. 113), о/ф 30306, № 9.

Алексеев Ю. Г. Походы русских войск при Иване III. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2007. – 462 с.

Асватцатурян Э. Г. Турецкое оружие в собрании Государственного исторического музея. – СПб. : ТПП «Атлант», 2002. – 336 с.

Бессуднова М. Б. Походы магистра Вольтера фон Плеттенберга на Псковщину в 1501–1502 гг. по данным ливонских источников. Прил. 2 // АИППЗ : Материалы 54-го заседания. – Псков, 2007. – С. 157–185.

Блэр К. Пистолеты мира. – М. : Центрполиграф, 2007. – 446 с.

Двуреченский О. В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII вв. – Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2015. – 498 с.

Кренке Н. А., Курмановский В. С. Предметы вооружения и снаряжения всадника XIV–XVII вв. из раскопок Романова двора в Москве // Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках. Материалы охранных археологических исследований. – М., 2009. – Т. 12. – С. 114–119.

Лобин А. Н. Битва под Оршей. – СПб. : О-во памяти игумении Таисии, 2011. – 262 с.

Маковская Л. К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII вв. Определитель. – М. : Воен. изд-во, 1992. – 200 с.

Пенской В. В. Великая огнестрельная революция. – М. : Эксмо-Яуза, 2010. – 448 с.

ПСРЛ. Т. V, вып. 2 : Псковские летописи. – М. : Языки рус. культуры, 2000. – 368 с.

ПСРЛ. Т. V, вып. 1 : Псковские летописи. – М. : Языки рус. культуры, 2003. – 256 с.

Салмин С. А. Навершие шестопера из Новоторговского IV раскопа // АИППЗ : материалы 53-го заседания. – Псков, 2007. – С. 52–56.

Салмин С. А. Находка кавалерийской пищали на Петровском IX раскопе в Пскове // Позднесредневековый город III: археология и история. Материалы III Всерос. семинара. – Тула, 2011. – С. 271–274.

Салмин С. А. Огнестрельное оружие из Петровских раскопов 1980–2009 гг. // АИППЗ : материалы 56-го заседания, посвящ. 130-летию Псков. археолог. о-ва. – М. ; Псков, 2011а. – С. 28–34.

Сергина Т. В. Раскопки в Окольном городе в 1978–1979 гг. // Археологическое изучение Пскова. – М., 1983. – С. 81–104.

Тихомиров М. Н. Псковское восстание 1650 г. Классовая борьба в России XVII в. – М. : Наука, 1969. – С. 23–138.

COMPLEX OF WEAPONS OF THE 16th–17th CENTURIES ON ARCHAEOLOGICAL MATERIALS OF THE OKOLNY GOROD IN PSKOV

The overview of weapon materials of the 16th–17th centuries originating from archaeological excavations on the territory of Pskov Okolny Gorod shows that since the first half of the 16th century Pskov Panoplia had lost its identity and acquired typical Moscow State features.

The area of the Pskov Okolny Gorod in the period under consideration was not a war zone, and thus the collection derived from this territory is a representative sample of weapons among citizens in 16th–17th centuries proliferation.

Among the discussed objects are details of armor, weapons and firearms (axes, spades, a saber hand cross, a mace, a musket, a gun barrel, a gun-serpentine lock, bullets, cannon balls, a powder flask detail).

Keywords: Pskov, Moscow State, Modern time, armament.

УДК 902.2"18/19"

Д. Н. Маслюженко, И. К. Новиков, А. А. Первухина
Курганский государственный университет

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК «КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ ГОРОДА КУРГАНА»: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ

Археологический памятник «Культурный слой города Кургана» был выделен в 2005 г. С 2009 г. начались ежегодные археологические раскопки на разных городских усадьбах середины XVIII – начала XX вв., расположенных в границах выявленного объекта культурного наследия. При их проведении обязательно осуществляются архивные изыскания с целью выявить смену хозяев усадеб и их занятий, что удается для времени не ранее первых десятилетий XIX в. Это является привлекательной чертой городской археологии Нового времени, поскольку позволяет создать «археологию с человеческим лицом». Совокупность архивных материалов и датирующих артефактов (нумизматика, клейма производителей на стекле, фарфоре и фаянсе) дает возможность определить этапы изменений строительных технологий, материальной культуры и повседневности горожан, а также время появления новых бытовых предметов, связав это со становлением российского и городского производства и торговли.

Ключевые слова: культурный слой города, материальная культура горожан.

Опыт выделения и обоснования существования особых зон археологического наследия на территории города в форме так называемого «культурного слоя» есть не во всех регионах. Курган стал одним из первых городов, где такой проект появился и был удачно реализован. Археологические исследования, направленные на предварительное изучение культурного слоя Кургана, проводились с 2005 г. Д. В. Бровко и М. П. Вохменцевым. Проведено шурфование и обследованы строительные котлованы в историческом центре, в результате удалось проследить залегание выраженных стратиграфических горизонтов XVIII–XIX вв. на территории старого центра города и обнаружить кладбище слободы Царево Городище середины XVIII в. Для определения планиграфии и границ объекта «Культурный слой города Кургана» были привлечены картографические источники, в частности самая старая карта Кургана 1786 г., на которой указаны как районы хаотичной слободской застройки, так и начавшееся формирование первых городских кварталов. В результате было предложено не только выделить сам археологический памятник в качестве выявленного объекта культурного наследия на территории города, но и определить его границы между берегом Тобола и ул. К. Маркса с прилегающим к нему городским кладбищем середины XIX в. [Бровко, 2006, с. 22–38, табл. 100]. В дальнейшем при подготовке нормативной документации для Управления культуры Курганской области размеры памятника «Культурный слой города Кургана» были уменьшены и ограничены кварталами между Тоболом и ул. Советской, в том числе на основании того, что в иных кварталах слои дореволюционного времени были практически полностью разрушены в ходе советской застройки.

С августа 2009 г. началось проведение городских археологических раскопок большой площади. За период 2009–2016 гг. обследованы девять участков: ул. Климова (между домами № 80А и 74), улицы Пролетарская, 11,

1-я Заводская, Куйбышева, 15, участки на пересечении улиц Пролетарской и Куйбышева, Советской и 1-й Заводской, Кирова и Климова [Первухина, 2014, с. 27–28]. Два раскопа исследованы в 2016 г. (ул. Куйбышева, 21 и ул. Советская, 85б). В процессе полевых работ проводился поиск информации в архивных материалах и краеведческой литературе о хозяевах изучаемых городских усадеб. Для некоторых усадеб удавалось выявить смену хозяев с первых десятилетий XIX в. (на основании плана 1810 г.) до 1930-х гг. Это позволяет соотнести хронологию владения и проживания в усадьбах отдельных городских семей с наблюдениями над изменениями структуры усадеб и встречаемыми в слоях нумизматическими материалами и иными датирующими вещами, а следовательно, более точно определить хронологию конкретных стратиграфических горизонтов и привязать их бытование и находящиеся в них артефакты к конкретным людям. При этом на участках не выявлены более ранние, чем XVIII в., культурные отложения, кроме единичных находок в заполнении ям. К ним можно отнести кремневую пластину эпохи мезолита – неолита, два фрагмента керамического сосуда эпохи бронзы (раскоп по ул. Климова между домами № 80А и 74), каменную пластину эпохи неолита (пересечение улиц Советской и 1-й Заводской). Накопление материалов позволит построить схему развития тех аспектов материальной культуры горожан, которые характерны именно для жилых усадеб местных купцов, мещан и крестьян в большинстве случаев русского происхождения.

Исследование «Культурного слоя города Кургана» дает интереснейший материал в плане строительных технологий, которые можно рассматривать в рамках второй половины XVIII – начала XX вв. При раскопках обнаружены остатки построек хозяйственного (сарай, конюшни) и торгового назначения (магазин), жилых помещений (кирпичные кладки, деревянные лаги, столбы, венцы), наземных конструкций (настилы, вымостки). К сожалению, по археологическим данным можно реконструировать лишь небольшую часть сооружений, при этом по возможности подобрав им этнографические аналогии. Архивные данные конца XIX – начала XX вв. обычно отражают перечень жилых и хозяйственных сооружений на участке, материал, из которых они сделаны, а также иногда некоторые технические особенности, такие как количество окон, этажность, форма крыши. Остаются неосвоенными строительные технологии, этапы и способы формирования культурного слоя изученных усадеб.

Одним из наиболее многочисленных археологических объектов являются столбовые ямки, в поздних объектах зачастую с остатками столбов. Примечателен факт, разделяющий столбовые ямки на ранние и поздние: ранние столбовые ямки имеют округлые очертания, тогда как поздние ямки в основном подквадратной формы. Данная закономерность, по всей видимости, связана с особенностью инструмента для копки. Современная лопата используется как рычаг при рытье, а лопатой XIX в. или инструментом, сходным по назначению, по всей видимости, работали в двух вариантах – сначала для рыхления, потом для выгребания или вычерпывания земли, что приводило к формированию округлой столбовой ямки вне зависимости от ее размеров. Также характерны столбовые ямки маленького диаметра, которые могут интерпретироваться как норы. Так, в раскопе на мещанской усадьбе на углу улиц Советская и Пичугина было зафиксировано большое количество круглых пятен на материковой поверхности диаметром до 10 см, которые вполне подходили по своим характеристикам под описание нор грызунов. В связи с этим обычно они не исследуются, однако в этом же раскопе было зафиксировано два столба диаметром 7 см, которые были заострены под очень острым углом и вбиты в грунт, в том числе и в материковую поверхность. После удаления столбов на материковой поверхности остались столбовые ямки диаметром 7 см, а спустя некоторую время края ямки осыпались и сомкнулись, не оставляя после себя видимых следов, кроме небольшого углубления.

Деревянные настилы зафиксированы в 2014 г. во время раскопок двора усадьбы на углу улиц Советская и Пичугина. Раскоп четко стратифицирован с начала XIX в. Настил представлял собой фрагменты досок, вытянутых по одной линии, никак не скрепленных между собой. При этом доски без лаг были брошены прямо на подстилающую поверхность. Интересно длительное бытование настил. Так, под досками верхнего горизонта, отнесенного к концу XIX – начала XX вв., в 40 см ниже находились такие же доски, лежащие в том же направлении. Нижние доски относятся к слою середины XIX в., что может говорить о сохранении традиции выстилания двора, векторов передвижения и мест расположения основных построек в пределах усадьбы в течение полувека.

Еще один настил обнаружен в 2009 г. во время раскопок на участке между ул. Климова и Тоболом. Здесь был зафиксирован крупный участок настила, ориентированного перпендикулярно улице и руслу реки. Настил сформирован из толстых, уложенных на лаги досок, скрепленных между собой. Сам настил повторяет рельеф участка – наклонен в сторону реки. Предположительно (по данным картографии) этот настил является покрытием переулка, ведущего от реки к улице. Возможно, он использовался для перемещения товаров на речные пристани, что подтверждается находками рядом с ним свинцовых пломб второй половины XIX в. Расположение досок, скорее всего, обусловлено лучшим сцеплением при передвижении по наклонной поверхности.

Нижние венцы деревянных домов и части пола зафиксированы на ул. 1-й Заводская, по сопутствующему материалу объект был датирован серединой XVIII в. На данный момент это единственный объект, относящийся к слободскому периоду истории. Примечательно использование бревен подпорок, заведенных вертикально под нижние венцы сруба в обло, а также композитного многослойного пола, состоящего из древесного тлена, битого кирпича и большого количества фрагментов керамики [Слобода..., 2015, с. 197–198]. Деревянный пол также был зафиксирован при раскопках на ул. Пичугина, по всей видимости, он относился к зданию магазина, который одновременно (по архивным данным) являлся и складом. Толстые доски лежали на деревянных лагах, расстояние между лагами составило 1,2 м, общая площадь исследованной части сооружения более 50 кв. м. Под лаги с оди-

наковым шагом были заведены деревянные столбы до 1 м длиной. Интересно использование в качестве опорных столбов комлевой части дерева, отличающейся высокой степенью сохранности, в сравнении с вышележащими досками и лагами [*Исследования...*, 2015, с. 148–149].

Каменные фундаменты обычно относятся ко второй половине XIX – началу XX вв. Примечательно четкое выдерживание горизонтальной плоскости фундаментов. Так, например, во время раскопок на ул. Пролетарской, где материковая поверхность имеет естественный уклон, кирпичная кладка была положена горизонтально, с переходом на погребенную почву, с последующим введением еще двух рядов кирпичной кладки снизу [Там же, 2015, с. 151]. Примечательны наблюдения над особенностями сооружения раскопанных фундаментов – всё характеризуется минимизацией земельных работ. Так, сооружения с подвалами и просто фундаменты для построек четко вписаны в котлован/траншею, о чем свидетельствует не потревоженная за пределами котлованов стратиграфия, которая сохраняется буквально в 1 см от края кирпичной кладки. Например, фундамент для кирпичного здания водочного завода сооружен в траншее шириной 80 см, кирпич укладывался обычной кладкой с использованием известкового раствора и занимал всё пространство траншеи [Там же, 2015, с. 150–151]. Фрагмент кирпичного фундамента, оконтуривающий цокольный этаж усадьбы на углу улиц Советская и Пичугина, также был идеально вписан в котлован, оставляя непо потревоженным окружающий его культурный слой [*Новиков, Усачев*, 2015, с. 25–26].

Сходные по конструкции известковые ямы, связанные со строительными технологиями, были обнаружены на двух усадьбах: при раскопках на углу улиц Советская и Пролетарская (№ 1) и на углу улиц Кирова и Куйбышева (№ 2) [*Новиков*, 2013, с. 22–24]. Обе ямы относятся к слоям второй половиной XIX в. и, скорее всего, имеют отношение к каменному строительству, объем которого резко возрос после сильных пожаров 1850–1860-х гг., когда выгорели две трети города. Подобная яма должна была находиться возле каждого крупного кирпичного или полукаменного здания (яма № 1 находилась возле снесенного полукаменного дома, яма № 2 возле брандмаурной стены). Представляют они из себя вырытые в земле ямы, борта и дно которых закрыты деревянными щитами. С внешней стороны щиты скреплены поперечными досками, а внутренняя их поверхность остается гладкой. На дне и в особенности по углам фиксируется застывшая известь. Доски в обоих случаях плохой сохранности, при этом исходя из стратиграфии верхние доски убирались, а нижние и поперечные оставались в яме. После использования яма закапывалась. На дне одной из ям (№ 2) была зафиксирована застывшая в известковом растворе железная лопата, которая, видимо, слетела с черенка при перемешивании или заборе извести.

Примечателен факт переиспользования материкового песка, который является вынужденным отходом при сооружении заглубленных в землю сооружений. Практически на всех изученных участках фиксируются прослойки местного материкового песка, распространенного на большой площади. Мощность таких прослоек различна. Например, при исследовании купеческой усадьбы на ул. Пролетарской зафиксированы крупные линзы местного материкового песка. Известно, что в конце XIX в. на этом участке был сооружен ренсковый погреб, постройка которого должна была сопровождаться сооружением большого котлована. При раскопках на углу улиц Советская и Пичугина фиксируется четыре прослойки материкового песка, имевшего на этом раскопе характерный серый цвет. Они прослеживаются на всей площади раскопа и разделяют между собой слои древесного тлена, содержащие основные артефакты. Создается ощущение, что после каждого строительства, включавшего создание котлована, участок выравнивался полученным песком, после чего на нем какое-то время формировались следы жизнедеятельности.

Самый массовый материал при исследовании культурного слоя, несомненно, посуда (стеклянная, фарфоровая, фаянсовая, керамическая) и ее фрагменты. Встречаются отдельные железные и деревянные предметы, в том числе зубные щетки, а также изделия из кожи.

Вопрос изучения стеклянной тары был раскрыт при помощи материалов раскопок 2013 г. На пересечении улиц Куйбышева и Пролетарской (бывших ул. Троицкой и Шишкинского переулка) с середины XIX в. жило семейство купцов Шишкиных и Смолиных. Помимо всего прочего, купцы занимались производством и продажей алкогольной продукции. При исследовании третьего строительного горизонта (датируется 1880–1890-ми гг.) обнаружены остовы деревянного сооружения, перекрытого слоем угля. При разборе пола были найдены многочисленные фрагменты стеклянных и керамических бутылок. Вероятно, сооружение было частью деревянного магазина из трех отделений, где алкоголь не только хранили, но и продавали. Слой угля свидетельствует о пожаре, однако информации о нем в архиве найдено не было. Возможно, именно с этим локальным пожаром связано и обнаружение столь большого числа битой посуды. Зафиксирована тара из-под продукции, изготовлявшейся на расположенном на этой же усадьбе водочном заводе и привозившейся из иных регионов Европы и России, в том числе с заводов Смирновых и Гельмиха. Наличие находок с клеймами этих производителей говорит о том, что их продукция активно продавалась в торговых помещениях Смолиных. В целом коллекция показывает определенные приоритеты в выборе различных напитков в провинциальном городе последней четверти XIX в. [*Исследования...*, 2015, с. 145–161].

Другой тип стеклянной тары – парфюмерные и аптечные флаконы. На протяжении всех лет проведения раскопок было собрано репрезентативное собрание находок этой категории, серьезно его дополнили материалы раскопа 2016 г. (ул. Куйбышева, 21), который характеризовался наличием нескольких мусорных ям XIX–XX вв. В целом, анализ коллекции показал соответствие находок из культурного слоя Кургана состоянию парфюмерно-косметического производства и фармакологии XIX–XX вв.: зарождение производств пришлось на конец XIX в., их активное развитие – на рубеж веков, а изменения – на второе десятилетие XX столетия.

Фаянсовая и фарфоровая посуда наиболее широко представлена в материалах раскопок на пересечении улиц Советской и Пичугина (2014 г.), с ул. Куйбышева, 21 (2016 г.). При анализе ее выяснено, что наиболее часто встречаются изделия с заводов Г. А. Ушкова, М. С. Кузнецова, братьев Марковых, реже – братьев Чекановых, Ф. Гарднера. Предметы из фарфора и фаянса, имеющие клеймо производителя, при сочетании с нумизматическим материалом дают возможность достаточно точно датировать слой: в Кургане такая посуда появляется в середине XIX в., ее количество незначительно, что, в общем, сочетается с историей становления и развития этого производства в Российской империи [Янченко, 2016, с. 76–80].

Керамическая посуда и ее фрагменты – традиционно наиболее часто встречаемая категория находок. Стоит отметить большую фрагментарность полученного материала, что препятствует определению как типа сосуда, так и его функционала: до сезона 2016 г. общее количество целых сосудов не превышало 10. Раскоп на ул. Куйбышева, 21, благодаря насыщенности объектами, о чем уже упоминалось ранее, позволил восстановить значительное количество форм. Основную часть всей найденной керамической посуды составляют горшки (плоскодонные, средних и малых размеров, со слабо или сильно отогнутым венчиком, с короткой шеей и высоким плечиком, сильно раздутым туловом), корчаги (плоскодонные, больших размеров, со слабо или сильно отогнутым венчиком, с короткой шеей и высоким плечиком), латки (узкое дно, расширяющиеся кверху стенки, открытая форма, прямостоять в верхней части сосуда), кринки (высокая шейка, прямой или отогнутый венчик), реже встречаются миски или сковороды (вертикальные, слегка отогнутые у дна стенки, диаметр дна чуть меньше диаметра горла, низкая стенка). Керамика из культурного слоя Кургана хронологически относится к XVIII–XX вв. Однако вопрос о ее датировке неоднозначен в силу консервативности гончарного производства вообще и в нашем регионе особенно. Ввиду этого основным способом получения хронологии бытования керамической посуды является ее рассмотрение совместно с датирующими артефактами [Первухина, 2016а, с. 170–174].

В 2014 г. при раскопках усадьбы на пересечении улиц Советской и Пичугина получена уникальная коллекция кожаной обуви, обрезков кожи, заготовок бересты, скорлупы фундука, металлических изделий («кнопки», пряжки, обрезки листового металла). Основной объем кожаных находок сконцентрирован в 5-м и 6-м горизонтах, которые датируются нумизматическим материалом 1815–1847 гг. Согласно данным курганского краеведа А. М. Васильевой, с 1810 по 1846 гг. усадьба принадлежала мещанину Ивану Александровичу Захарову, который, по всей видимости, либо владел кустарным производством обуви, либо занимался ее ремонтом. Последняя версия подтверждается соотношением цельных элементов обуви и обрезков кожи и обувных деталей со следами вторичного использования – последних подавляющее большинство. В результате обработки коллекции получена информация о моделях и технологических схемах производства и конструктивных особенностях обуви, ее деталях и мелкой фурнитуре, использовавшихся материалах [Первухина, 2016б, с. 337–339].

В заключение подведем краткие итоги. Прежде всего, выявлены особенности материальной культуры горожан середины XVIII – начала XX вв., переиспользования отдельных вещей в первые советские годы. Полученные данные значительно отличаются от имеющихся в местных музейных коллекциях, потому что представляют именно рядовые массовые предметы. Более основательно изучены особенности формирования слоя, планировочной структуры, отдельные элементы быта (стеклянная, фарфоровая, фаянсовая посуда, кожаные вещи). В целом, это позволяет считать сам выявленный объект «Культурный слой города Кургана» перспективным источником изучения материальной культуры и повседневности провинциального сибирского города.

Бровка Д. В. Отчет об археологических исследованиях на территории Юргамышского района Курганской области и города Кургана в 2005 г. Курган, 2006. 170 с., 100 табл. // Архив Курганского государственного университета. «НПО по охране и использованию культурного наследия (памятников истории и культуры) Курганской области». [Без №].

Исследования на территории купеческой усадьбы второй четверти XIX – начала XX века в Кургане / Д. Н. Маслоуженко, И. К. Новиков, А. А. Первухина, Е. С. Янченко // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. к 50-летию Л. В. Татауровой. – Омск, 2015. – С. 145–161.

Новиков И. К. Предварительные итоги исследования культурного слоя г. Кургана в 2013 г. // XI Зырянские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Курган, 2013. – С. 22–24.

Новиков И. К., Усачев Е. В. Эхо Забытой войны (Артефакты гражданской войны в городской археологии Кургана) // XIII Зырянские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конференции. – Курган, 2015. – С. 25–28.

Первухина А. А. Анализ керамической коллекции с раскопок усадьбы по ул. 1-й Заводская в г. Кургане // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития России : сб. науч. тр. – Омск, 2016а. – С. 170–174.

Первухина А. А. Археологическое исследование обувной мастерской XIX века на мещанской усадьбе в г. Кургане // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание) : материалы Всерос. науч. конф. (с междунар. участием). – Ижевск, 2016б. – С. 337–339.

Первухина А. А. История городских охранных раскопок в Кургане (2005–2014 гг.) // Зырянские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «XII Зырянские чтения». – Курган, 2014. – С. 27–28.

Слобода Царево Городище на Тоболе (1679–1782 гг.) / под ред. Д. Н. Маслюженко, В. В. Менщикова. – Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2015. – 254 с.

Янченко Е. С. Исследование культурного слоя города Кургана в 2014 г. Коллекция фарфоровых и фаянсовых изделий // АрхЛаб. IX Башкирская археологическая конференция студентов и молодых ученых. – Уфа, 2016. – Вып. 2. – С. 76–80.

D. N. Masliuzhenko, I. K. Novikov, A. A. Pervukhina
Kurgan State University

ARCHEOLOGICAL MONUMENT “CULTURAL LAYER OF THE CITY OF KURGAN”: MAIN RESULTS OF THE STUDY

Archeological monument “Cultural layer of the city of Kurgan” was discovered in 2005. Since 2009 the annual archaeological excavations were carried out in different urban estates of the middle of the 18th – the beginning of the 20th centuries which were located within the borders of the discovered object of cultural heritage. Archaeological excavations comprised a study of the archives, in order to identify the change of owners of estates and their occupations. It should be noted that archival materials belonged to the period not earlier than the first decades of the 19th century. The use of the archives was the attractive feature of urban archaeology of the new time, because it allowed creating “archaeology with a human face”. The combination of archival materials and artifacts (coins, stamps manufacturers on glass, porcelain and earthenware) gave the possibility to determine changes of construction technology, material culture and everyday life of citizens, and also the appearance of new household items, justifying it with the development of state and local production and trade.

Keywords: Cultural layer of the city, the material culture of citizens.

УДК 903.03

Ю. А. Лихтер

ООО «Археологические изыскания в строительстве», Москва

СТЕКЛЯННЫЕ БУСЫ ИЗ МАНГАЗЕИ (раскопки 2011–2012 годов)

В ходе раскопок 2011–2012 гг. в Мангазее было найдено 426 бусин. Все бусы округлые, преимущественно шаровидные, усеченные дважды; небольшое количество – эллипсоидные усеченные дважды, пять бусин сдвоенные. Размеры от 0,23 до 1,57 см. Чаще всего встречаются синие бусы, за ними следуют бирюзовые и сине-фиолетовые. Другие цвета – белый, белый с голубоватым оттенком (серо-голубой), зеленый, сине-зеленый – редки. Небольшое количество бус декорировано вертикальными полосками красного или белого цвета. Большинство бус находит параллели среди бус, найденных у канадских индейцев. Подавляющее большинство бус изготовлено из тянутой трубочки, некоторые сделаны из трубочки двуслойной – заготовку из естественно окрашенного стекла окунали в жидкое цветное стекло и затем вытягивали. Сохранившиеся на некоторых бусах дефекты дают возможность говорить об использовании техники «А спрео», характерной для венецианского и связанного с ним нидерландского стеклоделия.

Анализ химического состава бус показал, что в качестве красителя использовались окись меди (синие, бирюзовые, зеленые, сине-зеленые), окись кобальта (сине-фиолетовые) и окись олова (белые). Источником щелочей послужила зола растений пустынной зоны – поташника (*Kalidium kaspicum*) и солероса (*Salicornia Herbacea*). Сопоставление технологии и химии стекла позволило сделать вывод, что бусы сделаны из стекла, сваренного по венецианскому рецепту и по венецианской технологии. В то же время бусы привозили на нидерландских судах. По-видимому, это бусы нидерландского производства, но на основе венецианских полуфабрикатов. Вероятно, так же как и бусы, встречающиеся у американских индейцев, они использовались для меновой торговли с охотничьим населением Сибири.

Ключевые слова: бусы, морфология бус, технология бус, химический состав стекла, венецианское стекло.

За время раскопок 2011–2012 гг. в Мангазее было найдено 426 бусин*. В культурном слое бусы распределились следующим образом – больше половины (255 экз.) зафиксированы в постройках, причем подавляющее большинство (231 экз.) приходится на постройку 31. У остальных бус либо вообще не указан комплекс (119 экз.), либо стоит пометка «мжп» – межжилищное пространство (52 экз.).

Исследование бус проводилось по методике Ю. Л. Щаповой, предполагающей изучение артефактов по трем основным подсистемам – морфология, технология, химический состав. В свою очередь, морфология подразделяется на форму, размеры, цвет и декор. Эти подсистемы связаны между собой, но в то же время обладают относительной самостоятельностью [Щапова, 1989].

Рассмотрение бус начнем с *морфологии*. По форме тулова – все рассмотренные бусы округлые, преимущественно шаровидные, усеченные дважды (зонные); небольшое количество – эллипсоидные, усеченные дважды (бочоковидные). При этом пять бусин сдвоенные, у них форма каждой части рассматривалась самостоятельно.

Изучение размеров бус (по диаметру) производилось по методике Ю. Кальмера, согласно которой бусы делятся на четыре группы – микро, средние, макро и гиганты. Каждая группа в свою очередь подразделяется на малые, средние и большие [Callmer, 1977, p. 35]. Размеры рассмотренных нами бус расположены в интервале от 0,23 до 1,57 см. Преобладают микробусы по терминологии Кальмера (средние и большие – от 0,3 до 0,5 см). Крайние значения единичны. Мелкие бусы принято называть бисером, однако разные авторы указывают для него разные границы. По нашему мнению, лучше пользоваться градациями Кальмера.

Изучение цвета бус показывает, что чаще всего встречаются синие, за ними следуют бирюзовые и сине-фиолетовые. Другие цвета – белый, белый с голубоватым оттенком (серо-голубой), зеленый, сине-зеленый – встречаются значительно реже.

Существенной особенностью многих бус (117 экз.) является то, что бусины состоят не из одного, а из двух слоев стекла – внутренняя часть бусины из грубого, естественно окрашенного стекла, на который наложен тонкий слой цветного стекла – белого или сине-фиолетового. По преимуществу, наружный слой – сине-фиолетовый, однако отметим и обратный случай – на сине-фиолетовую основу накладывается тонкий слой белого стекла (рис. 1: 4). У большинства бус с белым наружным слоем (27 из 30) на него были наложены также тонкие вертикальные полоски красного цвета (рис. 1: 5).

Небольшое количество бус декорировано. Кроме уже упомянутых двуслойных с красными полосками, отметим бусы с белыми вертикальными полосками, наложенными на основу однослойной бусины (рис. 1: 6) – таких бусин всего четыре (одна бирюзовая и три синие).

В целом, можно сказать, что морфология не отличается разнообразием. Отметим также, что большинство бус находит параллели среди подобных изделий, найденных у канадских индейцев [Kidd, 1970]. Стоит подчеркнуть, что не всегда удавалось найти точное соответствие с типами, выделенными К. Е. Kidd и М. А. Kidd, но более общую группу указать всегда можно.

Перейдем к рассмотрению *технологии*. Подавляющее большинство бус изготовлено из тянутой трубочки, причем, как уже было отмечено выше, некоторые сделаны из двуслойной трубочки – заготовку из естественно окрашенного стекла окунали в жидкое цветное стекло и затем вытягивали (приблизительно одна треть). Исключение составляет одна плохо сохранившаяся бусина, возможно сделанная в технике навивки.

Однако внимательное изучение бус позволило заметить на некоторых из них характерные дефекты. Отметим, что речь идет о бусах из однослойной трубочки: у бус, изготовленных из двуслойной трубочки, какие-либо дефекты отсутствуют. Особенно заметен хвостик возле канала, как будто бусина была срезана наискось (рис. 1: 3). К дефектам можно отнести и соединение бус друг с другом (упомянутые выше сдвоенные бусины), а также деформацию формы бусины (восемь бусин).

Рис. 1. Бусы:

1 – № 855; 2 – № 936; 3 – № 942; 4 – № 1082; 5 – № 117; 6 – № 1027 (даны № бус по описи)

* Пользуясь случаем, благодарю руководителя раскопок Г. П. Визгалова (НПО «Северная археология – 1») за предоставленную возможность поработать с его материалом.

Такого рода дефекты остаются при обработке бус в технике «А спрео» – фрагменты трубочки, нанизанные на род вертела, размягчали в огне печи. Этот прием появился на рубеже XVI–XVII вв. Техника, возникшая первоначально в Мурано, была принесена в другие центры производства стекла переселившимися венецианцами. По утверждению К. Карклинса, в начале XVII в. подобная техника использовалась в Амстердаме [Karklins, 1993, р. 34–35]. По мнению автора, опирающегося на анализ бус из археологических раскопок на северо-востоке США и в сопредельных районах Канады, этот технологический процесс изготовления бус использовался с начала XVII в. и изделия, сделанные в этой технике, датируются с 1600 по 1817 гг. [Ibid., р. 35].

Автор восстанавливает технологию изготовления, опираясь на следы производственных операций и изображение этого процесса на картине XVII в., которая хранится в Копенгагене в Королевском музее изящных искусств (рис. 2).

Рис. 2. Деталь картины «The Glass and Coral Factory» Якоба ван Лоо (1614–1670), хранящейся в Королевском музее изящных искусств, Копенгаген [по: Karklins, 1993. Fig. 1]

В левой части полотна показан молодой мужчина, который раскалывает стеклянные трубки на отрезки бус. Позади него стоят инструменты, которые К. Карклинс определяет как *спрео* (по-английски – *спит*). По описанию и рисунку получается, что это вилы, на зубцы которых нанизаны отрезки стеклянных трубочек. На зубцы одного такого инструмента надеты готовые бусы, на другом – отколотые отрезки трубочек, приготовленные к обработке в печи, третий – пустой, что дает возможность увидеть его конструкцию.

Детали картины позволяют определить даже виды производившихся бус – непрозрачные кирпично-красные и полупрозрачные с просвечивающей темно-синей поверхностью, непрозрачным белым внутренним слоем и просвечивающим темно-синим ядром с белыми полосами [Karklins, 1993, р. 29].

Бусы, описанные автором, похожи на рассмотренные нами, как по цвету и декору, так и по технологическим дефектам. Это позволяет сделать вывод, что мы имеем дело с комплексом бус, привезенных из Голландии.

Однако на рассмотренной К. Карклинсом картине видна только обработка готовых трубочек. Этап изготовления самих трубочек отсутствует. Известно, что крупнейшим центром изготовления бус из трубочек была Венеция, и эта технология сохранилась до настоящего времени. С другой стороны, исследователи отмечают тесные связи нидерландского стеклоделия с итальянским, в первую очередь, венецианским: «большинство итальянцев, работавших в Нидерландах, приглашались на сезонной основе и возвращались в Италию регулярно, сохраняя, таким образом, тесные связи со стилями и процессами итальянского стеклоделия» [Polak, 1975, р. 75]. Возможно, бусы изготавливались в Нидерландах из полуфабрикатов – тянутых трубочек, сделанных в Венеции.

Решить этот вопрос может помочь *химический состав* стекла. Для анализа нами были отобраны несколько бусин, отличающихся по цвету и технологии изготовления, – двуслойная бусина с белым наружным слоем и красными вертикальными полосками (рис. 1: 5, с. 308), бирюзовая, белая с голубоватым оттенком, зеленая, синяя и сине-фиолетовая однослойная (результаты анализа см. в таблице на с. 310).

Результаты анализа химического состава*

№ по описи	№ анализа	Na ₂ O	K ₂ O	CaO	MgO	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	MnO	CuO	CoO	PbO	Sb ₂ O ₃	SnO ₂	Ag ₂ O ₃	TiO ₂	NiO
901	888-12	18	2,6	4,3	1	0,6	0,6	0,01	1,4	0,02	0,1	0	0,07	0	0,09	0,02
1087	888-14	14	1,9	9	2,6	1	1	0,3	0,2	0	21	0	8	0,02	0,3	0
1049	888-15	17	2,5	9,4	2,1	1,6	1,6	0,04	1,3	0,02	0	0	0,01	0	0,1	0,02
1086	888-13	0,01	1,6	0,5	0,1	0,1	0,1	0	0,5	0	60	0,1	0	0	0,08	0
1124	888-16	18	2,1	15	4	1,7	1,7	0,2	0,2	0	1	0,2	0,6	0	0,2	0
66	879-35	14	5,3	11	4	1,7	1,1	0,4	0,2	0,3	11	0	12	0	0,03	0,07

* Эмиссионно-спектральный анализ был выполнен кандидатом технических наук А. Н. Егорьковым – старшим научным сотрудником лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры РАН.

Интерпретация данных, полученных по методике Ю. Л. Щаповой [1989, с. 105–107], позволяет сделать ряд выводов.

Для проанализированных бус можно выделить следующие красители: белый цвет получен с помощью окиси олова, бирюзовый, зеленый, синий зависят от окиси меди, сине-фиолетовый – дает окись кобальта, в данном случае в соединении с окисью меди. Эти данные можно экстраполировать и на цвет бус, не подвергшихся анализу. Так, в целом, бусы, окрашенные окисью меди (синие, бирюзовые, зеленые, сине-зеленые), представлены 292 экземплярами, что составляет 64,18 % от общего числа бус, окрашенные окисью кобальта (сине-фиолетовые), – 102 экз. (22,42 %). На долю белых бус приходится 9,38 % (40 экз).

По набору основных стеклообразующих можно выделить три химических типа стекла: Na – K – Ca – Mg – Si, Na – K – Ca – Mg – Pb – Si, (K) – Pb – Si. Последний тип представлен одним сильно расстеклованным фрагментом бусины, у которого даже не определяется надежно техника изготовления. Основными стеклообразующими здесь являются окись свинца и окись калия. Калия мало, однако, судя по состоянию стекла, большая часть окиси калия могла утратиться (выщелочиться). Химический тип K – Pb – Si был в ходу у киевских стеклоделов домонгольской Руси. Каким образом бусина подобного состава оказалась в слое XVII в., сказать трудно.

Пользуясь методикой Ю. Л. Щаповой [1989, с. 96–97] и Т. Ставярской [Stawiarska, 1984, s. 24–27], мы выяснили источник щелочей в составе стекла. Здесь определяются зола *Kalidium kaspicum* (поташник) и зола *Salicornia Herbacea* (солерос), т. е. растений пустынной зоны; на золе континентальных растений сварена одна бусина. Использование золы растений пустынной зоны характерно для венецианского стеклоделия. Бусина, изготовленная из стекла, сваренного на золе континентальных растений, по химическому типу совпадает с древнерусскими бусами киевского производства [Щапова, 1972]. Чтобы определить, каким образом она попала в культурный слой Мангазеи, необходимо дополнительное исследование.

Бусы, как и подавляющее большинство западноевропейских товаров, попадали в Россию, в том числе и в Мангазею, северным путем. Основной порт с таможней располагался в Архангельске [Бакланова, 1928, с. 6]. Возможно, какие-то суда с товарами приходили в Мангазею и минуя архангельскую таможню. Как пишет Н. А. Бакланова, «...иностранцы умели обходить все препятствия, и в Архангельске XVII в. была широко развита контрабандная торговля. Иностранные корабли, не входя в устье, приставали к берегу какого-нибудь села и там происходила торговля с местным населением или, не доходя до Архангельска, бросали якорь между двинскими островами, куда ночью русские подплывали к ним со своими товарами» [Там же, с. 10–13]. Большая часть кораблей во второй половине XVII в. принадлежала голландцам [Там же, с. 10–11].

Итак, мы имеем бусы, сделанные из стекла, сваренного по венецианскому рецепту и по венецианской технологии, но привезенные на нидерландских судах. Это может свидетельствовать о том, что это бусы нидерландского производства, но на основе венецианских полуфабрикатов. По-видимому, так же как и в случае бус, встречающихся у американских индейцев, они использовались для меновой торговли с охотничьим населением Сибири.

Бакланова Н. А. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII века // Очерки по истории торговли и промышленности в России. – М., 1928. – С. 5–118. – (Труды ГИМ : вып. 4 : Отдел исторической общий).

Щапова Ю. Л. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. – М. : Изд-во МГУ, 1989. – 120 с.

Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. – М. : Изд-во МГУ, 1972. – 215 с.

Callmer J. Trade beads and bead trade in Scandinavia ca 800–1000 A. D. – Lund, 1977. – 230 p. – (Acta archaeologica Lundensia. Series in 4o, No 11).

Karklins Karlis. The A Speo method of Heat Rounding Drawn Glass Beads and its Archaeological Manifestations // *Beads.* – 1993. – Vol. 13. – P. 27–36.

Kidd K. E., Kidd M. A. A Classification System for Glass beads for the Use of Field Archaeologists. // *Canadian Historic Sites: Occasional Papers in Archaeology and History.* – 1970. – № 1. – P. 45–89.

Polak A. Glass. Its tradition and its makers. – N. Y. : G. P. Putnam's – Sons, 1975. – 224 p.

Stawiarska T. Szkła z okresu wplywow rzymskich z Polnocnej Polski. Studium technologiczne. Ossolineum. – Wroclaw etc., 1984. – 156 p.

Julia A. Likhter

Archaeological research in construction business, Ltd., Moscow

GLASS BEADS FROM MANGAZEYA (excavation 2011–2012)

During the excavations in Mangazeya (2011–2012) 426 beads were found. All beads are round mostly sphere-shaped double truncated. Small amount of the beads is ellipsoid double truncated. Five beads are double. The sizes of the beads are in the interval from 0,23 to 1,57 cm. Studying the color of the beads shows that blue beads can be found more often followed by turquoise and blue-violet ones. Another color shades are white, white-bluish, green and dark blue-green are rarely found. Small number of the beads is decorated with vertical stripes of red or white color. Most of the beads are traced back to their parallels found at the Canadian Indians. The beads were made from the drawn tube. Some were made from the double layered tube. A natural-colored blank was first dipped in soluble color glass and then drawn. The flaws on some beads allow suggesting the use of “A speo” technique specific for Venice or related to Venice glassmaking.

The analysis of the chemical composition showed that copper oxide (blue, turquoise, green and blue-green), cobalt oxide (blue-violet) and tin oxide (white) were used as natural coloring agents. Desert zone plants ash was the source of the alkalis, *Kalidium kaspicum* and *Salicornia Herbacea*. The examined beads were made of glass melted according to Venetian recipe and technologies but delivered on Dutch ships. Obviously, it has to do with the Dutch beads on the basis of Venetian semi-products. Probably, the beads were used in a barter trade among the hunting population of Siberia.

Keywords: beads, morphology of beads, technology of beads, chemical composition of glass, Venetian glass.

УДК: 903.2

А. Б. Агаркова

Сургутский краеведческий музей

ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ «РУССКИХ КОЛЛЕКЦИЙ» В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ СОБРАНИИ СУРГУТСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В статье представлена краткая история формирования и общая характеристика части археологического собрания Сургутского краеведческого музея, относящаяся к «русскому» периоду истории Среднего Приобья (конец XVI – начало XX вв.). Обозначены основные проблемы и подходы к комплектованию коллекций. Показана структура и состав фондового собрания, где традиционно для «русских» коллекций доминируют фрагментарно представленные изделия из керамики, железа и сплавов, кожи и дерева. Особое внимание уделено процессу формирования и характеристике коллекции исторического слоя Сургута, которая была получена в ходе археологического обследования города в границах «Достопримечательного места “Культурный слой Сургута XVII–XIX вв.”».

Ключевые слова: Среднее Приобье, Сургут, комплектование музейных предметов, археологические коллекции, достопримечательное место.

Фонд археологии Сургутского краеведческого музея имеет более чем 40-летнюю историю комплектования. В настоящее время он является одним из самых представительных в Югре. Эта источниковая база дает возможность

качественной иллюстрации всех этапов древней истории Среднего Приобья. Однако период русского освоения Сибири и последующего укрепления Российского государства в собрании музея представлен весьма скудно.

Причиной тому стало фактическое уничтожение культурного слоя Сургута (конца XVI – 1-й половины XX вв.) в период второго (промышленного) освоения Севера Западной Сибири. В ходе активной индустриальной застройки города в 1970–1980-е гг. значительная часть материальных свидетельств многовековой истории города была утрачена. Сургутский краеведческий музей (СКМ) был образован в 1963 г., когда старый город еще существовал. Возможно, поэтому собирание предметов уходящей городской бытовой культуры не велось, а основное внимание уделялось этнографическим предметам культуры ханты, письменным и фотодокументам 2-й половины XX в. Имеются лишь два факта передачи случайных «русских» находок от горожан. Это три фрагмента слюдяного окна – «шитухи», найденных при рытье траншеи на глубине 2 м (переданы А. Н. Танишевым в августе 1983 г.) и бляха ременная узорная, с зубчатым краем [Агаркова, 2013. с. 78–79].

На протяжении последних 25 лет комплектование фондов музея «русскими» предметами и коллекциями конца XVI – начала XX вв. становится приоритетным. Причиной этого является необходимость качественного представления в экспозициях музея материальной культуры и быта Сургута и Среднего Приобья в целом. Как показало время, это стало одной из сложнейших задач фондообразования. Частично эта лакуна заполняется путем закупок и/или дарения отдельных предметов городского быта XIX столетия, а также сборов в ходе историко-бытовых экспедиций.

Долгое время основной проблемой комплектования фондового собрания было отсутствие материальных свидетельств собственно сургутской истории ранних периодов существования города. Периодические обследования ремонтных траншей и карьеров в черте города, проведенные сотрудниками музея в 1990-х – начале 2000-х гг., реальных результатов не дали. Требовалось проведение масштабных изысканий с привлечением всего комплекса письменных источников. Так, в 2008 г. по инициативе и при участии Сургутского краеведческого музея было начато археологическое обследование городской территории района Энергетиков (улицы Гагарина, Просвещения, Энергетиков) под руководством П. А. Корчагина. Задачей археологов было выявление границ Сургутского острога [Корчагин, 2009].

Раскопкам предшествовал длительный подготовительный этап – ознакомление с картографическими и письменными источниками по истории строительства Сургута и натурное изучение территории будущих раскопок. В августе 2008 г. было заложено пять раскопов в районе Энергетиков. Первые результаты полевых изысканий оказались успешными. Были зафиксированы фрагменты усадебных оград, местоположение одной из проезжих улиц, развал глинобитной печи дома, разрушенного пожаром 1712 г. Наиболее информативными оказались раскопки близ Мемориала Славы. Именно здесь обнаружены бревенчатые конструкции одной из сургутских усадеб конца XVI – XVII вв. В 2011 г. по инициативе Службы государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО – Югры была проведена государственная экспертиза. В 2012 г. исследования были продолжены при участии уральских археологов В. Н. Святова и С. Е. Чаиркина. В том же году С. Ю. и С. Г. Пархимович подготовили научно-проектную документацию для обоснования достопримечательного места «Культурный слой Сургута» [Пархимович, 2012; Пархимович С. Г. и С. Ю., 2013. с. 219–221]. Весь комплекс мероприятий позволил определить границы объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательное место “Культурный слой Сургута XVI – XIX вв.”», которые были утверждены в феврале 2015 г.

Несмотря на многократную и плотную современную застройку Сургута, в городе точно сохранились культурные напластования XVII–XIX вв., что определило необходимость их дальнейшего исследования и государственной охраны. В настоящее время проведение различных земляных работ на территории «Достопримечательного места» происходит при согласовании со Службой государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО – Югры. Координатором всех мероприятий по охране объектов археологии в черте города является Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Сургутский краеведческий музей». В 2015–2016 гг. музей продолжал наблюдение при проведении всех ремонтных работ в границах «Достопримечательного места». Как и при археологических исследованиях 2008, 2012 гг., в коммуникационных траншеях фиксируется неравномерность, а зачастую полное отсутствие культурного слоя и находок XVII–XIX вв.

Результатом двух лет полевых исследований стало поступление в фонды музея коллекции «Исторический слой Сургута», общей численностью 407 предметов. Большая часть – это керамическая посуда, представленная 244 фрагментами венчиков, стенок и днищ не менее чем от 172 сосудов. Среди них преобладает черно- и сероошечная, а также поливная (зеленая, зелено-коричневая, темно- и светло-коричневая) керамика. Изделия из фарфора и фаянса представлены фрагментами четырех предметов. В коллекции имеются восемь предметов из стекла (один аптечный пузырек, фрагменты штофа, бусина, пуговица) и фрагменты оконной слюды.

Второй по численности группой являются изделия из металла – 79 предметов. Это кованые гвозди (46 ед.), ножи промысловые (4 ед.), замок шведский, фрагменты различных изделий (светец, вырица, крючки, ножницы, ключи, подковы и т. п.). «Археологическая кожа» представлена в количестве 32 фрагментов обувных деталей, накладкой сумки (?) и обрезками раскроя. В состав коллекции вошли изделия из дерева: формы для литья блесны, фрагмент поплавка, мутовки, веселки, фрагмент ложки и пр. (рис. 1). Кроме того, имеются фрагменты изделий из бересты, кости и ткани. В ближайшее время планируется издание обобщенных результатов археологического обследования города, а также иллюстрированного каталога «русской» коллекции.

Рис. 1. Коллекция «Исторический слой Сургута» (фрагмент):
1 – горшок с лощением; 2 – донце сосуда; 3 – мутовка; 4 – ручка костяной ложки; 5–6 – детали обуви;
7–8 – формы для литья блесен (?); 9 – грузило

Фрагментарность и ординарность коллекции, полученной в условиях значительной утраты культурного слоя Сургута, подтверждают правильность выбора музеем подходов в комплектовании «русских» археологических материалов. Для расширения в фондовом собрании музея предметов периода XVI–XIX столетий в начале 2000-х гг. руководством музея было принято решение о приеме хронологически и территориально близких коллекций, типичных для первых русских городов и поселений Сибири.

В 2004 г. в музей поступила коллекция, сформированная в ходе обследования окрестностей Мангазейского городища. Она насчитывает 213 ед. хр. Это фрагменты кожаной обуви, травяных циновок, шерстяной и суконных тканей, украшения костюма, деревянных и стеклянных изделий, керамических сосудов, а также кибасы, гвозди (строительные и сапожные), скобы и монеты. Эти материалы являются типичными для Мангазеи и широко представлены в издательских проектах [Визгалов, Пархимович, 2008].

В 2006 г. группой К. Г. Карачарова было проведено натурное обследование Мало-Ярковского городища в Уватском районе Тюменской области. Авторы исследования соотносят городище с летописным Демьянским городком – одним из ключевых пунктов в походе «ермаковых казаков» [Носкова, 2007, с. 13]. Значительная часть подъемного материала датирована XVI–XX вв. Эти материалы также были переданы в фонды СКМ в количестве 175 ед. Это изделия из железа: скобы пищали и судовые скобы; кованые гвозди; ножи охотничьи и универсально-хозяйственные; фрагменты инструментов и кованой посуды. Имеются в коллекции и изделия из сплавов: нательные кресты и монеты Колывановского и Екатеринбургского монетных дворов, отчеканенные в период 2-й половины XVIII – 1-й четверти XIX вв. Преобладающими являются керамические изделия: фрагменты сосудов и грузил. Автором выделены сосуды, изготовленные путем ручной лепки и выполненные на гончарном круге. Среди последних – фрагменты чернолощеной и поливной посуды.

В 2012 г. фонды музея пополнились коллекцией, полученной в ходе аварийных раскопок на территории бывшей Знаменской церкви в с. Ларьяк Нижневартовского района ХМАО. Основу коллекции артефактов составил материал из 14 погребений (кожаная обувь, фрагменты тканых изделий, нательные медные кресты, украшения, монеты, а также предметы культа – кадила и ручные кресты), относящиеся к XIX – началу XX вв. [Чибиряк, 2006]. Особенностью коллекции является обилие текстильных материалов. В январе – феврале 2015 г. они были изучены Т. Н. Глушковой и находятся на стадии подготовки к публикации.

Часть предметов археологического собрания музея, относимых к «русским», происходит из исследованных памятников таежного населения Среднего Приобья. Так, в коллекциях культовых мест (городище и святилище Ермаково I) и могильников (Моховая 45, 46) имеются инокультурные предметы (пуговицы, кольца, монеты и пр.). В распоряжении этнографии подобных примеров включения в культовую практику вещей «другой» культуры имеется огромное количество, и этот процесс фиксируется исследователями вплоть до конца XX в. [Азаркова, Исаева, 2004, с. 179].

Коллекции, связанные с изучением различных аспектов жизнедеятельности таежного населения, представлены материалами селищ Силин Пас II, Сырой Аган 11, Почекуйское 14, Мохтикеган 15. Эти памятники исследованы в 2002–2007 гг. Все они были связаны с проведением аварийно-спасательных раскопок в местах сооружений промышленных объектов и дорог. В последние годы раскопки разрушенных памятников стали едва ли не единственным способом получения информации о материальной культуре населения Среднего Приобья. В состав вышеобозначенных коллекций входят такие предметы, как ножи хозяйственные, посуда (нередко фарфоровые чашки и блюда), нательные кресты, монеты Российского государства различного достоинства, украшения (перстни, серьги, бусины) и др.

Таким образом, процесс комплектования археологических свидетельств «русской» страницы в истории Сургута и Среднего Приобья в Сургутском краеведческом музее осложнен рядом объективных трудностей. Основная – это фактическая утрата значительной части культурного слоя в городе. Работы, проведенные по установлению границ объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательное место “Культурный слой Сургута XVI–XIX вв.”», и дальнейшая популяризация археологических городских изысканий среди населения дают положительные результаты. Постепенно в сознании горожан формируется внимательное отношение к территории «Достопримечательного места». Стала оперативно поступать информация о проведении несанкционированных работ, старожилы передают в фонды ранее найденные предметы (в 2016 г. переданы нож с черешковым насадом, пушечное ядро, фрагменты чернолощеной керамики).

Обращение в ходе комплектования к коллекциям, территориально и хронологически близким Сургуту, способствовало увеличению общего объема «русских» предметов в фондах Сургутского краеведческого музея – более 1 700 ед. хр. Но наиболее важна разнообразность в фондовом собрании вещевого комплекса, типичного для первых русских городов и поселений Сибири. Несмотря на значительную фрагментарность этих материалов, у музея теперь появилась возможность представления качественно иных экспозиционных вариаций. Благодаря результатам археологических исследований русской Сибири и издательским проектам последних лет, даже такие фрагментарные коллекции становятся «говорящими» в выставочных пространствах музея.

Корчагин П. А. Отчет о НИР. Рекогносцировочные археологические исследования в историческом центре г. Сургута в 2008 г. Пермь ; Сургут, 2009 // Архив СКМ. Ф. 11. Д. 44.

Носкова Л. В. Отчет о НИР. Археологическое обследование Демьянского городка (Мало-Ярковского городища) в Уватском районе Тюменской области в 2006 г. Нефтеюганск, 2007 // Архив СКМ. Ф. 11. Д. 26.

Пархимович С. Г. Отчет о НИР. Разработка научно-проектной документации для обоснования «Достопримечательного места “Культурный слой Сургута”». Нефтеюганск, 2012 // Архив СКМ. Ф. 11. Д. 65.

Чибиряк В. Э. Отчет о НИР. Аварийные раскопки на территории бывшей Знаменской церкви в с. Ларьяк Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа в 2005 г. Нефтеюганск, 2006 // Архив СКМ. Ф. 11. Д. 52.

Агаркова А. Б. Коллекция случайных находок в археологическом собрании СКМ // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях. – Сургут, 2013. – С. 76–80.

Агаркова А. Б., Исаева Т. А. Погребения XVI – первой половины XVII вв. как отражение процесса аккультурации в Сургутском Приобье // Северная цивилизация: становление, проблемы, перспективы. – Сургут, 2004. – С. 179–181.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). – Екатеринбург ; Нефтеюганск, 2008. – 296 с.

Пархимович С. Г., Пархимович С. Ю. О поисках Сургута «погребенного» в Сургуте современном // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи. – Екатеринбург ; Сургут, 2013. – С. 215–221.

A. B. Agarkova

Surgut Museum of Local Lore

SOME PROBLEMS OF THE “RUSSIAN COLLECTIONS” GATHERING IN THE SURGUT REGIONAL MUSEUM ARCHAEOLOGICAL ASSEMBLAGE

The article presents a brief story of formation and general characteristics of some part of “Surgut Regional Museum” collections, related to the “Russian” period of the Middle Ob region history (the end of 16th – the beginning of 20th centuries). Some basic problems and scientific approaches to collection gathering are indicated. Also the structure and the composition of the museum assemblage are shown. One of the assemblage specialties is a significant proportion of highly fragmented ceramic, iron (or made of a metal alloy), skin and wooden objects, that is a common feature for “Russian” collections. Special attention is paid for depiction of the Surgut historical layer collection that was formed during the archaeological researches on the municipal territory of the «Surgut cultural layer, dated back to the 17–19th centuries» noteworthy place.

Keywords: the Middle Ob region, Surgut, museum objects gathering, archaeological collections, noteworthy place.

УДК 904

О. М. Аношко¹, Т. А. Алиева²

¹Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень,

²Отдел экскурсионного обслуживания Музейного комплекса имени И. Я. Слоцова, Тюмень

ПРИКЛАДНЫЕ ПЕЧАТИ ИЗ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ТОБОЛЬСКА

Дана морфологическая и хронологическая атрибуция печатей-матриц из Базарного раскопа на нижнем посаде Тобольска. По аналогии с общепринятой классификацией выделены имеющие четкую археологическую привязку типы – печати с рукоятями, перстни-печатки (?), шейная печать. Первые две категории обнаружены в слоях XVIII–XIX вв. тобольского торжища, а последняя – в заполнении русской усадьбы конца XVII – начала XVIII вв. Приведены описания этих предметов, определены их сюжетные композиции и датировка, выявлены параллели в материалах европейской части России и Сибири. Сделан вывод о массовом производстве печатей с рукоятями и перстней с псевдогеральдическими изображениями, которыми могли пользоваться представители любого сословия. Шейная печать была «штучным товаром» и принадлежала конкретному человеку – владельцу усадьбы, изготовившему ее на заказ.

Ключевые слова: прикладные печати, Тобольск, Базарный раскоп, торжище, усадьба.

Русские средневековые прикладные печати считаются ценным источником по исследованию социально-политической, идеологической, правовой и культурной сфер общества. Однако степень их изученности гораздо слабее, чем у более ранних вислых печатей. Первые публикации изображений печатей и их оттисков появились еще в начале XIX в. в результате деятельности русских коллекционеров и государственных структур [Иванов,

1858; *Снимки древних русских печатей...*, 1882]. Основоположником русской сфрагистики являлся Н. П. Лихачев, который не только собирал, но и систематизировал печати, их оттиски и поддельные копии [Лихачев, 1899–1900]. В XX в. много публикаций было посвящено отдельным предметам сфрагистики, принадлежавшим известным историческим личностям, или определенным видам печатей раннего и позднего Средневековья [Демидова, 1966, с. 518–529; Добровольская, 1981, с. 186–193]. Труды, посвященные атрибуции сфрагистических археологических находок, относятся в основном к периоду древней и средневековой Руси [Янин, 1970; Соболева, 1991; Янин, Гайдуков, 1998]. Информацию о подобных изделиях более позднего времени можно встретить лишь в отдельных статьях, тезисах докладов либо на различных сайтах интернет-ресурсов. А. К. Станюкович и А. Г. Авдеев обобщили и систематизировали более 200 прикладных печатей XIII–XVIII вв. из археологических коллекций и частных собраний, описав сюжетную композицию предметов и палеографические особенности их легенд [2007].

Сибирские материалы в изучении русских печатей привлекались значительно реже. В исследовании И. Г. Куренной по историческим источникам прослежена эволюция территориальной символики гербов и печатей русских острогов Восточной Сибири от времени Петра I до начала XX в. [2010]. В культурных слоях первых сибирских городов такие находки единичны и практически не введены в научный оборот.

При изучении прикладных печатей предпочтение отдается их оттискам на документах, что облегчает датировку предмета и определение его именной принадлежности. Хронологическую привязку самих матриц установить весьма затруднительно: необходим комплексный анализ, включающий выявление морфологических признаков, трактовку сюжетной композиции и палеографию надписи легенды. Обнаружение печатей *in situ* в культурном слое в процессе археологических исследований позволяет решать проблемы их датировки и принадлежности при анализе стратиграфических и планиграфических наблюдений, но расшифровка этой категории находок зависит, во-первых, от степени их сохранности, а во-вторых, от содержащейся на них информации. При классификационных построениях прикладных печатей исследователи в основном опираются на их морфологические признаки. Так, обработанные А. К. Станюковичем и А. Г. Авдеевым изделия были разделены на три самостоятельных класса: шейные печати, печати с рукоятями и перстни-печати [2007, с. 43–47].

В 2010–2011 гг. в ходе археологических исследований на нижнем посаде Тобольска собрана коллекция прикладных печатей-матриц. Базарным раскопом площадью 350 кв. м удалось выявить два периода использования этого участка. В слоях XVIII–XIX вв. расчищены остатки деревянных конструкций торговых рядов. Судя по количеству обнаруженных монет (около 850), товарных пломб (более 100) и разнообразных находок, здесь в это время функционировало торжище, на котором располагались частные лавки и шла активная розничная торговля. По археологическим данным, на нижнем посаде Тобольска продавали российские, в том числе местного производства, товары, которые, скорее всего, были не дорогостоящими, исходя из мелкого номинала обнаруженных монет. Среди них преобладала продукция легкой промышленности, фарфорово-фаянсового производства, а также некоторые виды продовольствия (вино, сахар, чай, кофе и т. п.) [Аношко, Игнатов, 2013, с. 76–87].

Второй период соотносен с жилой застройкой участка в конце XVII – начале XVIII вв. К этому времени относятся остатки срубных конструкций комплекса русской усадьбы и фрагмент городской улицы – деревянной мостовой [Аношко, 2015, с. 18]. В процессе исследования данного комплекса найдены монеты петровского периода, в том числе медные и серебряные чешуйки, гончарная посуда, фрагменты войлока, кожаной обуви и одежды, изделия из железа, дерева и бересты.

Прикладные печати-матрицы, обнаруженные в Базарном раскопе, также стратиграфически и планиграфически соотносятся с двумя хронологическими периодами, что облегчает датировку этих предметов. В основу их классификации положены морфологические признаки. Четыре анэпиграфичных перстня, перстень с аббревиатурой и две печати с рукоятями были найдены на площади тобольского торжища, а шейная печать – при исследовании русской усадьбы.

Печати с рукоятями обнаружены в слоях XIX в. при расчистке деревянных конструкций торговых рядов. Первый предмет с овальным щитком и рукоятью в виде восьмерки, заканчивающейся круглым ушком с отверстием (рис. 1: 1, с. 318). Общая длина изделия составляет 3,1 см, размеры щитка – 2,3 × 2,1 см. На нем в круглом ободке выполнено псевдогеральдическое изображение. В верхней части схематично нанесена Большая императорская корона, под которой две ветви образуют в центре щитка пустой круг, в нижней – приведена дата 1799 г. Второе изделие с круглым щитком диаметром 1,5 см и рукоятью подтреугольной формы, изготовленной в барочном стиле, с ушком для подвешивания (рис. 1: 2). На щитке присутствует растительный орнамент (виньетка или лилия?). Изображение не центрировано, сделано небрежно, в схематичной манере. Вполне возможно, что подобные печати были в массовом производстве.

Изделия с растительными орнаментами, как и с псевдогеральдическими изображениями, являлись весьма распространенными среди сюжетных композиций XVIII–XIX вв. Печати-матрицы с рукоятями из культурных слоев сибирских городов встречаются довольно редко. Два похожих предмета были обнаружены при исследовании Старотуруханска (Новой Мангазеи), но, к сожалению, подробная информация об этих находках в публикации не дана [Визгалов, Рудковская, 2011, с. 188, рис. 6: 6–7]. Предметы с треугольной формой ручки, аналогичные тобольской печати, описаны в каталоге А. К. Станюковича и А. Г. Авдеева [2007, с. 78, рис. 56].

Перстни-печатки (?) происходили из слоев XVIII в., из заполнения торговых лавок. Перстень с аббревиатурой имеет массивный восьмигранный щиток и вставку из синего стекла, которая закреплена «глухим» способом (рис. 1: 3, с. 318). Вверху стекла-вставки изображена императорская корона, а под ней в рамке из растительного орнамента буква «X». Перстни с восьмигранным щитком являются характерными предметами XVIII в. Вероятнее всего, найденный перстень использовался в качестве печати для личной переписки.

На остальных щитковых перстнях присутствуют псевдогеральдические композиции. На щитке у первого из них отмечена часть герба Тобольска – ладья, под ней растительный «вензель», и по всей дужке нанесен рельефно-растительный орнамент (рис. 1: 4). На изделии фиксируются следы позолоты, но изготовлено оно неаккуратно, возможно, являлось продукцией тобольских ремесленников. У второго перстня на щитке отмечено схематичное изображение императорской короны, под которой располагается заштрихованный овал, а остальное пространство заполнено симметричными «ветвями» (рис. 1: 5). Дужка третьего перстня украшена растительным орнаментом, а на щитке сверху изображена дворянская корона с тремя листовидными зубцами и двумя жемчужинами между ними. Из основания короны спускаются геральдические ленты, образующие рамку вокруг пустого овала (рис. 1: 6). Внизу под ним присутствует еще одна геральдическая лента. Предмет хорошего качества, и видно, что многократно использовался, так как дужка очень сильно затерта. Подобные перстни были распространены и в Центральной России, и на территории Сибири. Аналогичные изделия происходили из слоя русской деревни XVIII в. на территории Карачинского острова [Матвеева, Нагибин, 2014, с. 31, рис. 3], а также были найдены во время работ на городище и святилище Ермаково 1 ХМАО – Югра [Кузина, 2013, с. 246, рис. 1: 2].

На щитке одного перстня маленького диаметра отмечено изображение четырехконечного креста. У этого экземпляра выявлены следы починки дужки, которая, по-видимому, была сломана, впоследствии ее концы спаяли, что привело к уменьшению размера перстня. Данная отливка, возможно, являлась культовым украшением (подобные изделия использовались в качестве оберегов). Перстни с изображением креста известны в материалах древнерусских памятников (Древний Новгород, Золоторевское поселение, Белозерье, Изборское городище) и, по мнению ряда ученых, получают распространение с XIII в. [Седова, 1981, с. 135–136; Сумина, 1999, рис. 6, 10; Белорыбкин, 2001, с. 61; Яковлев, Лопатин, 2014, с. 141, 482, рис. 3: 2].

Анэпиграфические перстни, или перстни с псевдогеральдическими изображениями, являются одной из распространенных категорий находок в городских и поселенческих слоях позднего Средневековья и Нового времени. Подобными предметами могли пользоваться представители любого сословия и рода деятельности, не исключено, что и члены купеческих гильдий. К сожалению, отсутствие инициалов, зеркальных надписей делает атрибуцию имени владельца практически невозможной. Многие исследователи не включают эти изделия в круг печатей [Станюкович, Авдеев, 2007, с. 10]. А. Г. Векслер и В. А. Беркович считают такие предметы одним из трех типов печатей, к первому они относят надписные печатки, ко второму – печатки с подписными изображениями [2008, с. 435]. Изображения на тобольских перстнях встречаются довольно часто, а сами предметы были в массовом производстве и распространены на территории Европейской России.

Шейная печать найдена при выборке заполнения усадьбы конца XVII – начала XVIII вв. Это двусторчатый предмет с диаметром матриц 1,5 см, толщиной 0,2 см и круглым ушком для привешивания (рис. 1: 7). Его оглавие отлито отдельно от створок, имеет треугольную форму с тремя сквозными отверстиями. Створки крепились между собой подвижным, «цепным» способом, а с оглавием – с помощью небольшого штырька. Такое подвижное соединение позволяло получать отпечатки с двух сторон каждой из матриц.

На внешней стороне правой створки в круглом линейном ободке изображен лев с поднятой передней лапой. У него читается проработанная грива и длинный завивающийся в один оборот хвост, заканчивающийся кисточкой. Этот символ является весьма распространенным в русской традиции. Образ льва мог трактоваться как оберег либо как охранительный знак: «Где хочет спать, окружает хвостом своим, подобно гумну круговидно, и тут спит. Дикие звери обходят вокруг того места, внутрь же не дерзают войти. Если же кто приблизится к знаку этому, тогда поднимется лев и хватает его» [Нелюбов, 2002, с. 8]. Лев присутствует на многих перстневых украшениях и печатях развитого и позднего Средневековья, а к концу XVIII в. такой способ изображения постепенно исчезает. Изделия с аналогичным сюжетом мы можем встретить на щитках перстней, обнаруженных при исследовании Мангазейского острога, Надымского городка, Окуневского могильника [Визгалов, Пархимович, 2008], на круглой печати-матрице из раскопок в Москве, датирующейся XVII в. [Векслер, Беркович, 2008, с. 433; рис. 1а, б].

С внутренней стороны правой створки печати также в ободке присутствует гербовый щит, увенчанный императорской короной. В центре герба располагается хорошо проработанное изображение сидящей на ветке птицы (голубь?), справа от которой (на оттиске слева) – восьмиконечная звезда. По бокам от герба расходятся растительные побеги. Трактовку этих символов мы встречаем в христианстве. Изображение голубя могло иметь несколько значений. Во-первых, птица являлась воплощением Духа Святого, а во-вторых, могла обозначать праведную душу или молящегося в церкви человека, к которому не может подступить дьявол [Белова, 1999, с. 88–89]. Восьмиконечная звезда, возможно, связана с образом Богородицы, которую нередко изображают на иконах с тремя восьмиконечными или шестиконечными звездами в трех местах на ее ризе [Куренная, 2010, с. 131]. Композиция птицы со звездой была весьма распространена на родовых гербах дворянства Российской империи, также она очень часто встречается на перстнях-печатях, выставленных на кладоискательских сайтах.

Рис. 1. Базарный раскоп, Тобольск. Прикладные печати:
1, 2 – печати с рукоятками; 3–6 – перстни-печатки (?); 7 – шейная печать

На левой створке печати с внешней стороны изображена крепостная стена с воротами и двумя башнями, причем нарушены ее пропорции, и поэтому композиция не симметрична. Над воротами крепости нанесена сцена битвы Орла и Змея, которая подробно описывается у Нестора Искандера в «Повести о взятии Царьграда турками»: «И вдруг выползла из норы змея, и поползла по земле, но тут ниспал с поднебесья орел, схватил змею

и взмыл ввысь, а змея стала обвиваться вокруг орла. Цесарь же и все люди смотрели на орла и на змею. Орел же на недолгое время скрылся из глаз, и, показавшись снова, стал снижаться, и упал со змеей на то же самое место, ибо одолела его змея. Люди же, подбежав, змеей убили, а орла у нее отняли...» [*Нестор Искандер*, 1982, с. 219]. Змей у автора отождествлялся с турками, а орел с воинами-христианами. Сюжет означает вечную битву добра со злом. Аналогию данному изображению мы находим в материалах частных собраний, представленных в книге А. К. Станюковича и А. Г. Авдеева [2007, с. 74, рис. 40]. Авторы датируют находки концом XVII – первой половиной XVIII вв. и считают, что данная композиция была весьма популярна в это время.

На внутренней стороне левой матрицы в ободке представлена негативная надпись «ПЕЧАТЬ/НЯУМНОИ/ВЯ-КРЕПО/СТЬ». Она относится к разряду нравоучительных изречений и, по мнению ряда авторов, восходит к христианской морали и перекликается с поговоркой из собрания В. И. Даля: «Для умного печать, для глупого замок». Это изречение являлось одним из самых распространенных на печатях, наряду с фразой «печать добра человека» [Векслер, Беркович, 2008, с. 433]. Предметы с аналогичной надписью можно встретить как в частных коллекциях [Станюкович, Авдеев, 2007, табл. IX: 38; X: 43; XIX: 84, 85], так и в материалах археологических раскопок. Например, в окрестностях Нижнего Новгорода был найден артефакт с подобной надписью [Станюкович, Авдеев, 2007, с. 19]. В собрании И. К. Антошевского 1903 г., в разделе «Именные печати светских лиц», упоминается две печати с подобными изречениями, при этом автор датирует их XVII в. [1903, с. 8]. Большинство исследователей считают, что печати-матрицы с нравоучительными надписями были распространены в XVII–XVIII вв. [Станюкович, Авдеев, 2007, с. 119]. Палеографические особенности написания – трехмачтовое «Т», буква «В» в виде четырехугольника, украшение передней мачты буквы «П», мягкое «ТЬ», лишняя «Л» – указывают на упомянутый выше хронологический промежуток.

Надпись и сюжетные композиции, присутствующие на матрицах шейной печати, а также ее обнаружение среди находок, в том числе нумизматических, датированных концом XVII – началом XVIII вв., не противоречат тому, что она функционировала в указанный период.

В целом все рассмотренные нами изделия относятся к группе частновладельческих предметов и могли не только использоваться в качестве определителя личности своего владельца, но и выполнять охранную функцию, применяясь в качестве пломбы [Соболева, 1991, с. 228–229]. Печати с рукоятями и перстни, скорее всего, были в массовом производстве: изображения на них схематичны, условны и зачастую повторяются. Не вызывает сомнения, что шейная круглая печать из тобольской коллекции была изготовлена на заказ, судя по тщательности проработки деталей. К сожалению, ничего не указывает нам на имя владельца этой вещи, но то, что она принадлежала хозяину усадьбы, не вызывает сомнения. Тобольская шейная печать – это уникальная находка на территории Сибири, так как похожих предметов в материалах сибирских памятников нами не обнаружено.

Аношко О. М. Археологические исследования культурного слоя первой российской столицы Сибири // *Наследие Тюменской области*. – Тюмень, 2015. – № 1(5). – С. 11–19.

Аношко О. М., Игнатов С. В. О торговле в Тобольске в XVIII–XIX вв. по археологическим и историческим данным // *AV ORIGINE* : археолого-этнограф. сб. Тюмен. гос. ун-та. – Тюмень, 2013. – Вып. 5. – С. 76–87.

Антошевский И. К. Надписи и девизы на русских печатях частных лиц : из собрания И. К. Антошевского. – СПб. : Паровая скоропеч. Г. П. Пожарова, 1903. – 17 с.

Белова О. В. Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. – М. : Индрик, 1999. – 320 с.

Белорыбкин Г. Н. Золотаревское поселение. – СПб. ; Пенза : Изд-во ПГПУ, 2001. – 200 с. – URL: <http://belorybkin.ru/science/detail/18> (дата обращения: 12.02.2017).

Векслер А. Г., Беркович В. А. Печать «Добра человека» (московские печатки XVI–XVII вв. по материалам раскопок Центра археологических исследований г. Москвы 1994–2004 гг.) // *Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале*. – М., 2008. – Т. II. – С. 432–435.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). – Екатеринбург ; Нефтеюганск : Магеллан, 2008. – 296 с.

Визгалов Г. П., Рудковская М. А. Первые результаты археологических раскопок Старотуруханского городища (Новой Мангазеи) // *Культура русских в археологических исследованиях*. – Омск, 2011. – С. 180–188.

Демидова Н. Ф. Русские городские печати XVIII в. // *Города феодальной России*. – М. : Наука, 1966. – С. 518–529.

Добровольская М. А. Личные печатки рода Огиньских в Эрмитаже // *Труды Государственного Эрмитажа*. – Л., 1981. – Т. 21 : Нумизматика. – Вып. 5. – С. 186–193.

Иванов П. Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. – М., 1858. – 43 с.

Кузина А. В. Перстяные украшения Нижнего и Среднего Приобья // *Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи*. – Екатеринбург ; Сургут, 2013. – С. 243–246.

Куренная И. Г. Территориальная символика Восточной Сибири (вторая половина XVII – начало XX вв.). – Новосибирск : Наука, 2010. – 292 с.

Лихачев Н. П. Русская сфрагистика. – СПб. : Типолит. П. С. Курочкина, изд. слушателя А. Коротаева, [1900]. – 94 с.

Матвеева Н. П., Нагибин Г. Ф. Работы по обнаружению поля битвы Ермака с татарской дружиной на Карачинском острове // Присоединение Сибири к России: новые данные. – Тюмень, 2014. – С. 29–33.

Нелюбов С. Символика русских средневековых перстней. Зверь – образ, зверь – символ, зверь – оберег // Цейхгауз. – М., 2002. – № 17. – С. 4–10.

Нестор Искандер. Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г. // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. – М., 1982. – С. 216–267, 602–607.

Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). – М. : Наука, 1981. – 196 с.

Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц. – Вып. 1. – М. : Комис. печатания гос. грамот и договоров, сост. при Моск. гл. арх. М-ва иностр. дел, 1882. – 146 с.

Соболева Н. А. Русские печати. – М. : Наука, 1991. – 240 с.

Станюкович А. К., Авдеев А. Г. Неизвестные памятники русской сфрагистики. Прикладные печати-матрицы XIII–XVIII вв. из частных собраний. – М. : Группа «Искатели», 2007. – 189 с.

Сумина И. А. Металлические перстни средневекового Белозерья // Археологический сборник. Памяти Марии Васильевны Фехнер. – М., 1999. – С. 167–205. – (Труды ГИМ ; вып. 111).

Яковлев А. В., Лопатин Н. В. Археологические работы на Изборском городище и посаде 2011–2012 // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова : материалы 59-го заседания. – М. ; СПб., 2014. – Вып. 29. – С. 137–146.

Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV : в 2 т. – М. : Наука, 1970. – Т. I : Печати X – начала XIII вв. – 324 с.

Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати древней Руси X–XV вв. – М. : Инрада, 1998. – Т. III : Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. – 238 с.

O. M. Anoshko¹, T. A. Alieva²

¹*Institute of the Problems of Northern Development, SB RAS, Tyumen,*

²*Division of the excursion service of I. Y. Slovtsov Museum Complex, Tyumen*

APPLIED PRINT FROM THE CULTURAL LAYER OF TOBOLSK

In the article is given the morphological and chronological attribution of the print matrixes from the Bazarny excavation on the lower posad of Tobolsk. By analogy with the standard classification are allocated types – the print with handles, the rings-signets (?), the cervical print having an accurate archaeological binding. The first two categories are found in layers of the 18–19th centuries of the Tobolsk market place, and the last – in filling of the Russian farmstead of the end of 17th – the beginnings of the 18th centuries. As a result, descriptions of these objects are provided, their subject compositions and dating are defined, parallels in materials of the European part of Russia and Siberia are revealed. The conclusion is drawn on mass production of print with handles and rings with pseudo-heraldic images which representatives of any estate could use. The cervical print was “piece good” and belonged to the specific person – the owner of the farmstead who made it to order.

Keywords: applied print, Tobolsk, the Bazarny excavation, the market place, farmstead.

УДК 903.7

И. В. Балюнов

Новосибирский государственный университет

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ТОБОЛЬСКИХ ХРАМОВ КОНЦА XVII–XVIII ВЕКА

Церкви Тобольска неоднократно становились предметом изучения в научной литературе. Археологические источники позволяют значительно дополнить эти сведения. Выявлены отличия фундаментов храмов XVII и XVIII вв. Софийский собор XVII в. стоит на насыпном фундаменте из привозного камня; фундаменты церквей XVIII в. имеют сложную структуру и могут быть многослойными. Эти признаки, возможно, отражают зарождение местных строительных традиций.

Ключевые слова: церковь, Тобольск, фундамент, строительство, кладка, археология.

Тобольск начиная с конца XVI в. являлся не только административным, но и православным центром Сибири. Последнее обстоятельство во многом определило достаточно активное храмовое строительство на территории города и в его ближайших окрестностях. Церковные постройки неоднократно становились предметом изучения в научной литературе, при этом авторы опирались на письменные источники, картографические материалы и сохранившиеся архитектурные объекты. Значительный объем информации можно найти в описании 1852 г. А. И. Сулоцкого [Сулоцкий, 2000], позднее к этой теме обращались в своих обзорных трудах такие исследователи, как В. И. Кочадамов [1963], В. В. Кириллов [1984], С. П. Заварихин [1987]. Сравнительно недавно появилась возможность дополнить эти сведения данными археологических раскопок, результаты которых в настоящее время еще только вводятся в научный оборот.

Насколько можно судить, первые раскопки в Тобольском кремле велись в 60–70-е гг. XX в. (и позднее) советскими реставраторами, которые занимались его восстановлением, однако эти работы не были правильно задокументированы, и на сегодняшний день мы обладаем лишь отрывочными свидетельствами. В 2000 г. первые официальные археологические исследования начались под руководством А. А. Адамова на месте строительства Иконной лавки, позднее в 2001 и 2003 гг. им же велись раскопки в залах Дворца наместника. В 2004–2008 гг. совместно с А. А. Адамовым работали его ученики И. В. Балюнов и П. Г. Данилов. Локальные исследования проведены практически на всех участках Тобольского кремля и на целом ряде объектов в исторической части города [Адамов, Балюнов, Данилов, 2008, с. 25–26]. По понятным причинам раскопками не было возможности раскрыть всю территорию полностью, но был получен уникальный материал, характеризующий в том числе и церковную архитектуру.

Первые церкви в Тобольске были деревянными, и они не могли сохраниться до настоящего времени. Археологических материалов об этих объектах пока не обнаружено. Это можно объяснить целым рядом причин: некой сибирской традицией строить там, где в этом нет особой надобности, без фундаментов; плохой сохранностью дерева в культурном слое; последующей интенсивной строительной деятельностью. Еще одной причиной являлись частые пожары XVII в.; например, в 1643, 1677, 1680 гг. деревянный Тобольск выгорал практически полностью. Однако именно пожары явились одним из стимулов, давших толчок началу каменного строительства. Уже в конце XVII в. в черте города построено четыре кирпичных храма: Софийский собор (1686 г.), Преображенская (1691 г.), Богоявленская (1684 г.), Троицкая (1691 г.) церкви и Знаменский собор (1691 г.) в с. Абалак близ Тобольска. Из этого списка до нашего времени сохранились лишь Софийский и Знаменский соборы. Исчезнувшие культовые сооружения находились на территории, сегодня уже застроенной, поэтому обнаружить их остатки археологическими методами трудно.

Исключением является Софийско-Успенский собор в Тобольском кремле, площадка внутри которого осталась свободной. Поэтому на ней и на прилегающей территории проведены объемные археологические исследования. В 2003 г. по внешнему периметру собора было вскрыто несколько шурфов для изучения фундаментов храма, в 2005 г. – заложено несколько раскопов как внутри здания, так и за его пределами [Балюнов, 2006, с. 185].

Фундамент собора сложен из большемерного кирпича (28 × 12,5 × 6,4 см) на известковом растворе. Если бы его кладка была поставлена на культурный слой или материк, здание имело бы неравномерную осадку, что впоследствии привело бы к его разрушению. Стремясь избежать этого, тобольские мастера устанавливали фундамент для стен и колонн Софийского собора на так называемой субструкции – особой искусственной подстилке – засыпке из дикого камня. Природно-климатические условия и конструктивные особенности храма предъявляли к его сооружению особые требования. Это, прежде всего, глубина залегания бутового камня, которая зависела от внушительных размеров здания, а также от уровня зимнего промерзания почвы (так как промерзшая земля коробится). По нашим данным, мощность засыпки составляет 2,9 м. Засыпка имела постепенное расширение в стороны к низу около 10 см с каждой стороны. Камни, по-видимому, совсем не обрабатывались и выкладывались без связующего раствора: в нем не было необходимости, так как плотный материковый суглинок, в который была помещена основная часть подошвы здания, надежно «обхватывал» каменную засыпку, придавая конструкции дополнительную прочность.

На основании полученных сведений можно представить последовательность начального этапа строительства: по периметру будущего здания выкапывались глубокие траншеи для стен и четыре котлована для колонн собора. Их засыпали рваным камнем, после чего, вероятно, требовалось какое-то время на его усадку. Любопытно, что на территории храма и с его западной стороны было обнаружено довольно внушительное христианское кладбище; при этом строители не испытывали особого почтения к «отеческим гробам», так как нередко погребения были либо разрушены, либо перерезаны каменной засыпкой. Подобное отношение к покойным, например, отмечается в XVII в. при сооружении в Тобольском кремле «зеленого» (порохового) погреба и крепостных стен Софийского двора.

На камне выкладывалась уже кирпичная кладка фундамента, которая была несколько шире стоявших на нем кирпичных стен. Причем это расширение было характерно для внутреннего и частично внешнего устройства стен. Наружная сторона фундамента западной стены собора является почти отвесной, хотя и повторяет все особенности укладывания кирпича. Внутренняя часть фундамента имеет три ряда, образующих своего рода ступеньки. В нижнем ряду, который лежит на каменной засыпке, кирпич стоит на ложковой грани. В двух верхних рядах он был уложен плашмя, при этом кирпич, лежащий по длине, чередуется с кирпичом, лежащим по ширине (кладка «тычок – ложка»), или так называемая старорусская кладка). Последний способ сопряжения кирпичей был характерен в целом и для стен Софийско-Успенского храма [Балюнов, 2006, с. 185].

Следует отметить, что указанный формат кирпича и способ его сопряжения (старорусская кладка) соответствуют эпохе и традициям строительства, характерным для центральных районов Московского государства в XVII в. Эти обстоятельства хорошо согласуются со сведениями письменных источников, приведенными В. И. Кочедамовым, о том, что для возведения в Тобольске Софийского собора «из Москвы были присланы каменных дел подмастерья Герасим Шарыпин и Гаврила Тютин, их помощники Василий Харитонов и Савелий Ларионов и артель опытных каменщиков: Федот Меркурьев, Федор Бухарский, Семен Филиппов, Иван Тимофеев, Ануфрий Ларионов, Дмитрий Иванов и другие. Пять опытных каменщиков и 20 кирпичников приехали из Устюга» [Кочедамов, 1963, с. 26].

Еще одним фактом, который хорошо верифицируется письменными источниками, является устройство субструкции. В работе В. И. Кочедамова приводятся данные, что для строительства Софийского собора на реках «Нейве и Туре был отыскан бутовый камень» [1963, с. 25]. И далее автор упоминает, что «3 июля 1681 г. начали копать рвы для фундамента будущего собора, но заложили здание только 22 апреля 1683 г.» [Кочедамов, 1963, с. 28]. Эти совсем небольшие по объему данные позволяют оценить масштаб проделанных грузовых и земляных работ.

Поскольку Софийский собор – единственный на территории Сибири храм XVII в., изученный относительно полно, существующая информация может считаться репрезентативной для характеристики каменного строительства того времени. К этому можно добавить, что эта постройка является не единственной, возведенной Герасимом Шарыпиным и Гаврилой Тютиным в Тобольске. Сразу после окончания строительства собора ими были сооружены крепостные стены и башни вокруг Софийского двора Тобольского кремля. При возведении этих объектов также применялась субструкция, состоявшая из камня, на этот раз искусственного. Для строительства стен и башен нижней засыпкой являлся слой битого кирпича, под которым (в ряде случаев, где конструкция была сильно порушена) обнаружено еще и использование деревянных свай для укрепления грунта. Неизвестно, применялись ли такие сваи при сооружении фундамента Софийского собора, поскольку проверить это археологическим раскопом на стоящем здании не представляется возможным.

На протяжении 2005–2007 гг. проводились археологические исследования в городских приходских храмах, время создания которых – XVIII в.: Спасская (1713 г.), Петропавловская (1769 г.), Захарьевская (1776 г.), Крестовоздвиженская (1771 г.) церкви. Стоит отметить, что указанные даты строительства не вполне отражают существовавшую строительную тенденцию. Приходские храмы, как правило, возводились на месте прежде стоявших деревянных церквей, которые до этого сгорали в частых пожарах. Последующее каменное строительство могло затянуться на долгие годы и состоять из нескольких этапов, когда сначала возводилась основная часть здания, позже с перерывом добавлялись придел, трапезная, надвратная колокольня.

Археологические исследования позволяют выявить некоторые «новинки» в устройстве фундаментов тобольских храмов XVIII в. Это можно проиллюстрировать материалами шурфов, заложенных у стен Спасской церкви в 2007 г. [Балюнов, 2007].

Непосредственно фундамент основного здания (угол трапезной и центрального предела) сложен из кирпича на известковом растворе крестовым способом. Стоит добавить, что придел мог быть построен в 1772 г. или в 1791 г. [Заварихин, 1987, с. 135]. Формат кирпича – 28–30 × 14–15 × 6,5–7 см. Кладка фундамента поставлена на засыпку из битого кирпича и известковой крошки мощностью 45 см, помещенную в вырытую в материковом суглинке траншею (рис. 1, с. 323). Засыпка шире кирпичной кладки на 20 см. Верх засыпки выровнен тонкой прослойкой извести, на которую уложена кладка фундамента. Нижние три ряда кладки выложены тычковой стороной наружу, выше крестовая кладка. Фундамент храма расширяется к низу ступеньками с шагом в полкирпича (одна или четыре ступеньки) [Балюнов, 2007, с. 17].

Иное устройство фундамента наблюдаем у колокольни, пристроенной к церкви, по данным С. П. Заварихина, во второй половине XVIII в. [1987, с. 135]. Фундамент стены выложен из кирпича форматом 27–28 × 14 × 7 см. Способ уложения кладки – крестовый (ряды ложковой кладки перемежаются с тычковой). В конструкции фундамента прослеживается несколько сменяющихся слоев – снизу вверх (рис. 2, с. 323). Нижняя часть фундамента установлена на материке, ее образуют три ряда кирпичей (общая мощность рядов – 21 см), уложенных ложковой гранью наружу без использования связующего раствора. Выше выявлен слой битого кирпича, который также засыпан без связующего раствора, мощностью 35 см. В этом слое выявлено отверстие, заполненное древесной трухой. Можно предположить, что здесь в фундаменте помещалось бревно, которое располагалось примерно по линии 3–В, перпендикулярно фундаменту. Очевидно, это такой строительный прием, как использование так называемых «лежней». На слой битого кирпича устанавливались три ряда кладки, общая толщина которой составляет 24 см. Кладка уложена крестовым способом на известковом растворе. Выше прослеживается засыпка из битого кирпича на известковом растворе мощностью около 50 см. На эту засыпку установлена кладка фундамента [Балюнов, 2007, с. 12].

Обобщая полученные данные, можно прийти к выводу, что стены храма на отдельных участках имеют различную конструкцию фундаментов. Фундамент колокольни и ее контрфорса выложен из нескольких сменяющихся друг друга слоев (кладки и засыпки из битого кирпича), уровень их заложения составляет около 250 см от уровня дневной поверхности. Фундамент центрального придела был установлен на засыпку из битого кирпича, смешанного с известковой крошкой, уровень его заложения составляет от 1,8 до 2,10 м [Балюнов, 2007, с. 21]. Очевидно, что такие отличия обусловлены разным временем строительства некоторых частей Спасской церкви.

Рис. 1. Фундамент центрального придела Спасской церкви

Рис. 2. Основа фундамента колокольни Спасской церкви

К этому стоит добавить, что отдельные конструктивные особенности характерны и для других храмов Тобольска XVIII в. В частности, «многослойная» структура использовалась при создании фундаментов Петропавловской церкви [Загваздин, 2006, с. 192], применение лежней зафиксировано в основании Крестовоздвиженской церкви [Данилов, 2007, с. 33].

Сравнивая выявленные архитектурные особенности Софийско-Успенского собора XVII в. с архитектурой приходских храмов XVIII столетия, можно отметить, что вряд ли произошли какие-то серьезные изменения формата кирпича, использовавшегося в храмовом зодчестве в это время. Однако модифицировались строительные приемы. Например, начинает применяться крестовый способ кладки вместо старорусского. Бутовый камень, который приходилось завозить издалека (что было неудобно и дорого), не получил широкого распространения при создании субструкции, поэтому употребляются иные материалы, чаще всего битый кирпич. Еще одна значимая черта – такая конструкция фундамента, когда могли чередоваться слои разного заполнения. Обнаруженные признаки не только отражают хронологические изменения и «статус» храма, но и являются показателем того, что «московские» традиции строительного дела с течением времени постепенно преобразовались под влиянием местных условий в сибирскую «школу» зодчества.

Балюнов И. В. Отчет о проведении археологических исследований на объекте «Спасская церковь» в 2007 г. // НА ТГИАМЗ. 2007. № 1747. 94 с.

Адамов А. А., Балюнов И. В., Данилов П. Г. Город Тобольск. Археологический очерк. – Тобольск : ИАЭТ СО РАН ; ТГПИ им. Д. И. Менделеева ; ТГИАМЗ, 2008. – 114 с.

Балюнов И. В. Начало каменного строительства в г. Тобольске (по материалам археологических исследований) // Ежегодник Тобольского музея-заповедника. – Тюмень, 2006. – № 3–4 (32–33). – С. 184–189.

Данилов П. Г. Археологические исследования храма Воздвижения Креста в Тобольске // II Емельяновские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Курган, 2007. – С. 32–34.

Заварихин С. П. В древнем центре Сибири. – М. : Искусство, 1987. – 192 с.

Загваздин Е. П. Исследование у церкви Петра и Павла в г. Тобольске // Ежегодник Тобольского музея-заповедника. – Тюмень, 2006. – № 3–4 (32–33). – С. 190–194.

Кириллов В. В. Тобольск. – М. : Искусство, 1984. – 240 с.

Кочедамов В. И. Тобольск (как рос и строился город). – Тюмень : Кн. изд-во, 1963. – 154 с.

Сулоцкий А. И. О церковных древностях Сибири. Сочинения : в 3 т / под ред. В. А. Чупина. – Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 2000. – Т. 1. – 480 с.

**THE MAIN RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES OF THE CHURCHES
OF TOBOLSK END OF THE 17–18th CENTURY**

Church in Tobolsk have repeatedly been subjects of study in the scientific literature. Archaeological sources can significantly complement this information. Revealed differences between the foundations of temples 17th. and the 18th century. St. Sophia Cathedral of the 17th century, it stands on an artificial foundation of brought stone. Foundations churches of the 18th century, They have a complex structure and may be a multilayer. These indication may reflect the emergence of local building traditions.

Keywords: church, Tobolsk, foundation, construction, masonry, archeology.

УДК 902/904

С. В. Горохов, А. П. Бородовский
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

ЮГО-ЗАПАДНАЯ УГЛОВАЯ БАШНЯ УМРЕВИНСКОГО ОСТРОГА*

Башни как элемент фортификационных сооружений появились в Сибири в самом конце XVI в., когда началось ее присоединение к Российскому государству. Поэтому выявление остатков башни при проведении археологических раскопок дает возможность уверенно интерпретировать памятник как оборонительное сооружение эпохи русского освоения Сибири. Именно обнаружение юго-западной угловой башни позволило снять все сомнения относительно точного места расположения Умревинского острога. Остатки башни представлены ленточным свайным фундаментом и грунтовой гидроизоляционной подсыпкой. По археологическим и письменным данным, возведение башни было осуществлено в период с 1730 по 1734 гг., так как на фундаменте найдена монета 1730 г., а по описанию острога Г. Ф. Миллером в 1734 г. в остроге имелось две башни. Юго-западный угол острога, где расположена башня, неоднократно менял свое функциональное назначение, в связи с чем выделено четыре строительных периода. После завершения раскопок башня была реконструирована в том числе с целью наблюдения за динамикой деформации конструкции.

Ключевые слова: Умревинский острог, башня, ленточный свайный фундамент, тын, натурная реконструкция.

В результате археологических раскопок к настоящему времени выявлено около трех десятков башен сибирских острогов. Еще семь сохранилось до нашего времени. Остатки башен представлены, как правило, площадкой, специально подготовленной для возведения строения, остатками фундамента (если конструкция башни его предполагала) и одним-тремя венцами.

До начала широкомасштабного освоения русскими территории Сибири в самом конце XVI в. практики возведения деревянных башен у сибирских народов, по всей видимости, не было. В последнее время в научной литературе появляются сообщения об археологическом изучении башен, существовавших в Сибири в дорусскую эпоху. Например, в 2016 г. опубликованы сведения об обнаружении двух башен на памятнике саргатской культуры Старо-Лыбаевское городище – 1 [Матвеева, Алиева, 2016]. Однако представленные в статье материалы всё же не позволяют убедительно интерпретировать находки как остатки башен. Поэтому в условиях, когда археологические исследования Умревинского острога были только начаты, обнаружение юго-западной наугольной набережной башни в 2002 г. стало главным аргументом при атрибуции исследуемого памятника в качестве острога.

Поиски юго-западной угловой набережной башни начались осенью этого года на участке грунтовой дороги (у береговой кромки Умревинской протоки Оби) в юго-западной части острога, т. е. в зоне наиболее интенсивного антропогенного воздействия (рис. 1: 1, с. 325). Общая площадь раскопа составила 66 кв. м [Бородовский, Горохов, 2009, с. 41–52].

В раскопе прослежено пятно заполнения рва, которое было изогнуто по дуге. Здесь же под дерновой поверхностью было зафиксировано суглинистое пятно подпрямоугольной формы, ориентированное по сторонам света с незначительным отклонением. Размеры этого пятна, оказавшегося суглинистой подсыпкой фундамента

* Работа выполнена при поддержке РНФ (проект № 14-50-00036).

© Горохов С. В., Бородовский А. П., 2017

юго-западной башни, составляли $3,2 \times 3,4$ м. Расстояние от западного угла подсыпки до внутреннего края рва составляло около 0,5 м.

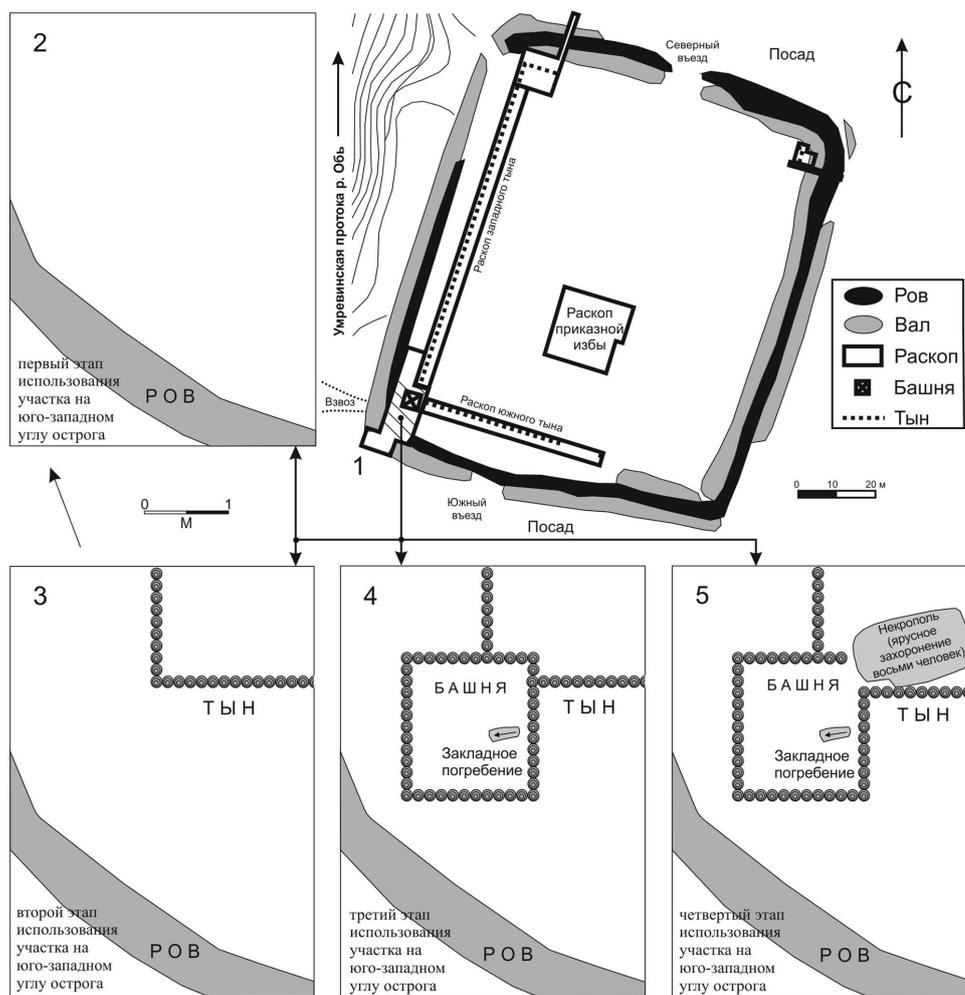

Рис. 1. Умревинский острог:

1 – топографический план-схема Умревинского острога; 2 – первый этап использования участка на юго-западном углу острога; 3 – второй этап; 4 – третий этап; 5 – четвертый этап

Расчистка основания фундамента юго-западной башни под желтой суглинистой подсыпкой позволила выявить верхний край деревянных конструкций из полубревен, установленных в подпрямоугольную канавку, вырытую в материковой поверхности (рис. 2, с. 326). Очертания канавки имели форму квадрата с размером сторон $3,2 \times 3,5$ м. Ширина канавки фундамента составляла от 0,42 до 0,3 м. Глубина ее на различных участках варьировалась: у стороны, обращенной к берегу, – до 0,8 м, с внутренней стороны острожных укреплений – 0,5 м.

Деревянное основание фундамента в канавке представлено полубревнами, установленными округлой стороной к внешней стенке канавки. Диаметр этих деталей деревянной конструкции составлял до 0,2 м, длина от 0,78 до 0,5 м. Полубревна устанавливались в канавку с последующей подтрамбовкой глинистым грунтом. Общее количество полубревен на одной стороне фундамента до 15 шт. Всего для сооружения фундамента было использовано около 50 полубревен (рис. 2).

В желтом суглинистом слое между деревянными полубревнами фундамента башни обнаружена медная монета 1730 г. достоинством «денга». За пределами ленточного свайно-столбчатого фундамента башни, около ее восточной стенки, под дерном найден бронзовый крест (Cu + Pb + Sn), который, вероятно, был утерян. За пределами башни также зафиксирована денга сибирской чеканки 1769 г.

При разборке темно-серого гумусированного грунта, заполняющего внутреннее пространство башни, выявлено погребение (рис. 2). Контуры могильной ямы прослеживались в почве исключительно по древесному тлену от колоды, в которую было помещено тело младенца. Размеры погребальной конструкции составляли $0,7 \times 0,25$ м, высота сохранившихся стенок около 0,05 м. Сверху колода была прикрыта плохо сохранившимся дощатым перекрытием. Детское захоронение расположено на уровне погребенной почвы. Младенец (+/- два месяца по определению антрополога Д. Позднякова) уложен вытянуто на спине, головой на запад. Кости голеней перекрещены, под левой тазовой костью в перевернутом состоянии лежал бронзовый крестик (Cu + Zn + Pb).

Около северо-западного угла башни находилось погребение 3 (рис. 2). Захоронение перерезает фундамент башни в месте, где находился вход. Контур могильной ямы имел на уровне материковой поверхности подпрямоугольно-овальные очертания с небольшим выступом на юго-западном углу. Общие размеры могильной ямы составляют $2,6 \times 1,6$ м, глубина от материковой поверхности от 0,33 до 0,61 м. Погребение является коллективным и ярусным (рис. 3, с. 327). Все захороненные располагались вытянуто на спине, головой на запад с незначительными отклонениями от этого направления. Всего в могиле было погребено девять человек различного пола и возраста (три женщины, двое мужчин и четыре ребенка в возрасте до двух лет).

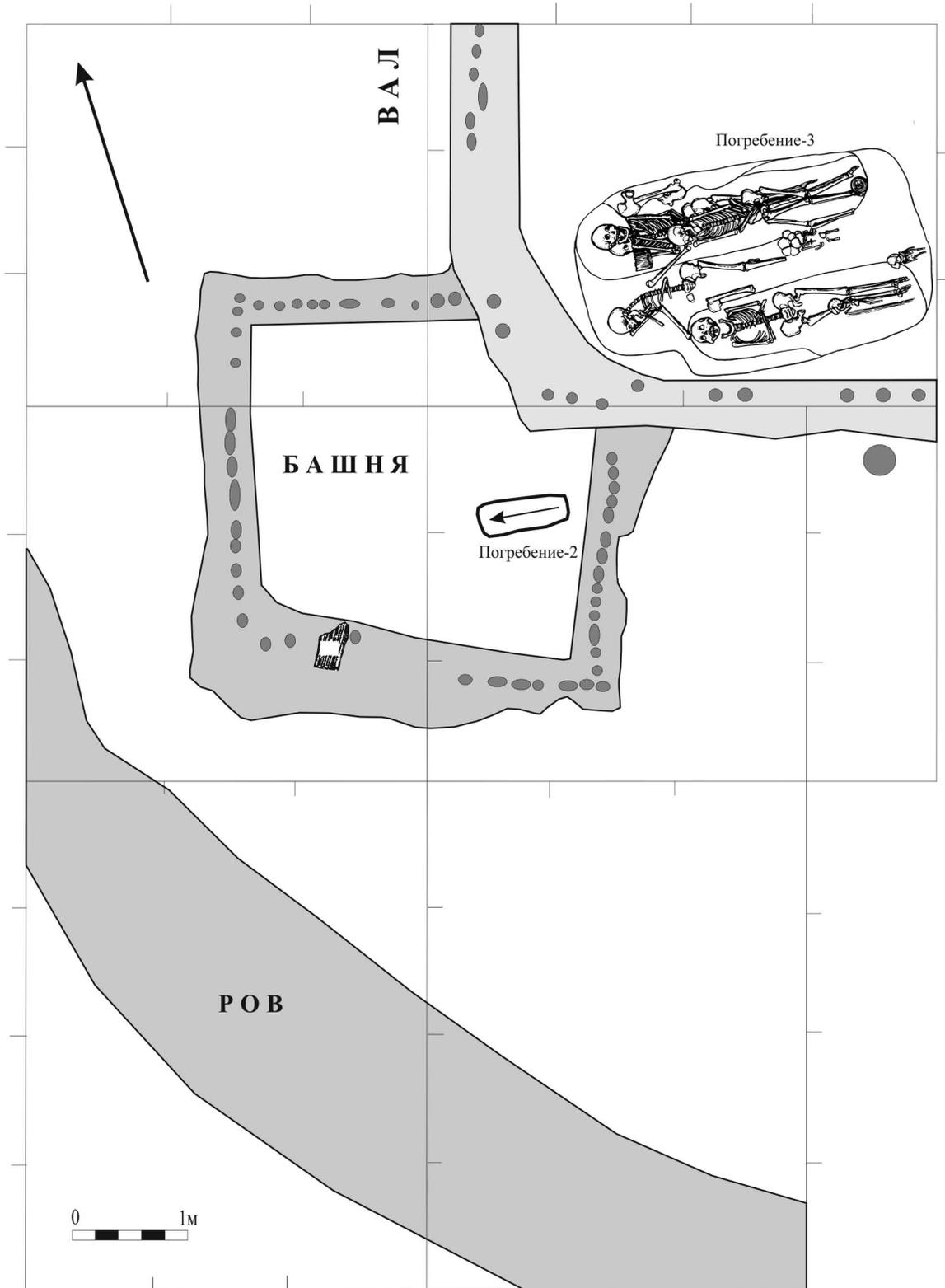

Рис. 2. Схема раскопа юго-западной наугольной набережной башни Умревинского острога

Рис. 3. Раскоп юго-западной башни Умревинского острога. Канавка фундамента и коллективное ярусное захоронение (снято с востока)

Башня выступала за пределы западной тыновой стены на 2 м. К северной и восточной стенке фундамента башни примыкали западная и южная тыновые стены острога (рис. 1: 4–5; рис. 2). Они, так же как и фундамент башни, были сооружены путем выборки канавки в материковой поверхности и установки в нее тынин с подтрамбовкой. Ширина канавки составляла до 0,3 м, глубина от материковой поверхности – около 0,4 м. Тынины сохранились плохо. Диаметр их составлял около 0,1–0,15 м, сохранившиеся в канавке фрагменты длиной до 0,4 м.

Общая насыщенность находок на первом штыке имела более широкое планиграфическое распространение, чем на втором. Все разновидности находок, как правило, встречались в одних и тех же местах. Фрагменты керамики и остеологического материала группировались в районе рва и юго-западного угла башни, а также к северо-востоку от этих сооружений на внутренней площадке острога.

Особенно четко выделялась территория, насыщенная остеологическими находками, около северо-восточного угла башни, где был вход. Кроме того, этот участок соответствовал расположению могильной ямы коллективного захоронения. Часть остеологических находок зафиксирована на поверхности западного вала. Распространение остатков строительного мусора повторяло планиграфию размещения прочих находок.

На втором штыке основная часть артефактов группировалась около фундамента башни, рва и ям за его пределами. Количество керамики на этом горизонте существенно уменьшилось. Ее расположение соответствовало размещению других находок. Большая часть фрагментов керамики относится к XVIII в. Распространение остеологического материала на этом горизонте соответствовало наиболее интенсивной жилой зоне – территории рва около башни. Строительный мусор на этом уровне располагался аналогичным образом.

Археологическое исследование башен сибирских острогов является не только одной из актуальных задач в ходе проведения полевых работ, но и важным основанием для последующих реконструкций этих оборонительных сооружений. Особое значение это приобретает в случае полного отсутствия сохранившихся наземных конструкций деревянных башен.

На основе полученных в ходе раскопок данных можно частично реконструировать внешний вид башни. Юго-западная угловая набережная башня Умревинского острога на момент ее изучения была представлена подквадратным ленточным свайно-столбчатым фундаментом (3,2 × 3,5 м), который состоял из полубревен диаметром до 0,2 м, длиной 0,5–0,78 м, установленных плотно друг к другу с последующей подтрамбовкой глиной в канавообразном углублении. Сваи южной и восточной стороны ленточного фундамента установлены вплотную к внешней стенке канавки и подтрамбованы изнутри фундамента. Сваи северной и восточной стороны, напротив, прижаты к внутренней стенке канавки, а подтрамбованы с внешней стороны.

Сверху фундамент перекрыт глиняной засыпкой, необходимой для лучшей сохранности нижних венцов башни. Над засыпкой обнаружены отдельные фрагменты перекрытия из плах, бывших когда-то полом. Они располагались исключительно вдоль по течению Оби (рис. 1: 1, 2, с. 325). В сибирских условиях башни острогов не только были оборонительными сооружениями, но и использовались как жилое помещение. В этих целях для сохранения тепла делалась изоляция нижних и верхних ярусов башен. В частности, известно утепление межэтажного перекрытия из сплошного настила глины и земли в Нарымском остроге [Черная, 1996, с. 109]. Глиняная засыпка основания башни Умревинского острога вполне могла иметь именно такое назначение.

Выделяется четыре периода в использовании юго-западного участка острога (рис. 1: 2–5, с. 325):

- первоначально был сооружен ров и вал;
- затем возведен угол тына;
- далее была возведена угловая юго-западная набережная башня в системе уже сложившихся тыновых;
- сформирован некрополь, частично повредивший фундамент башни.

Для башни Умревинского острога вопрос о времени ее сооружения может быть решен исходя из планиграфических, нумизматических и письменных свидетельств. Под северо-восточным углом башни отчетливо прослеживается угол тына (рис. 2), относящийся к первоначальному периоду существования острога, когда у него не было башен. Расположение закладной монеты в фундаменте башни (чеканка таких монет началась по указу от 22 декабря 1730 г.) связано с очередным этапом реконструкции оборонительных сооружений острогов на севере Верхнего Приобья в первой трети XVIII в. Именно в этот период велись ремонтно-восстановительные работы на Уртамском остроге. В 1734 г. Г. Ф. Миллером было составлено описание Умревинского острога, в котором сказано, что острог имел две башни [Элерт, 1988]. Таким образом, возведение юго-западной башни острога можно уверенно отнести к периоду 1731–1734 гг.

По вопросу о количестве башен в Умревинском остроге существует несколько мнений. Одно из них принадлежит Г. Ф. Миллеру, который в своем описании Умревинского острога за 1734 г. говорит следующее: «состоял из четырехугольного палисада с двумя башнями» [Элерт, 1988]. Очевидно, именно на основании этого описания в конце 1980-х гг. была выполнена одна из первых реконструкций Умревинского острога, опубликованная в книге Д. Я. Резуна и Р. С. Васильевского «Летопись сибирских городов» [Резун, Васильевский, 1989, с. 277]. На более поздней реконструкции А. В. Шаповалова указано уже три башни – северо-западная набережная, юго-западная набережная и юго-восточная напольная, однако на северо-западном и северо-восточном углу тыновых укреплений Умревинского острога в ходе археологических исследований остатков башни не выявлено.

Ров, примыкавший к юго-западной набережной башне острога, был перекрыт следами интенсивного горения. Возможно, это связано с заключительным этапом существования башни, когда она могла быть сожжена и упала в сторону взвоза с реки. Известен прецедент с деревянной башней Ляпинской крепости. В 1927 г. ее сжег местный крестьянин, «поскольку развалины, находясь на сенокосных угодьях, ему мешали» [Крадин, 1988, с. 89]. Для территории Умревинского острога такое развитие событий вполне вероятно, поскольку вплоть до недавнего времени эти земли интенсивно использовались под посадку картофеля и сенокосы.

Натурная реконструкция юго-западной башни Умревинского острога была проведена с учетом фактов, выявленных в ходе археологического изучения, а также с опорой на результаты исследований археологами других сибирских острогов и характеристики сохранившихся башен.

Наблюдение за реконструированной башней ведется с момента ее сооружения (август 2003 г.). За это время выявлены следы четырех деструктивных процессов:

- 1) появились зазоры между столбами фундамента, что вызвано высыханием и, как следствие, уменьшением в объеме деревянных столбов;
- 2) произошла усадка башни на 7–10 см;
- 3) небольшой завал башни в юго-восточном направлении, который наблюдается с момента возведения сруба. Это может быть вызвано как некачественным выполнением строительных работ, так и особенностями грунта. В пользу второй версии говорят данные археологических исследований, которые свидетельствуют о том, что башня была сожжена и при пожаре завалилась в южном направлении;
- 4) произошел изгиб северной половины восточной стены башни на участке, ограниченном высотой дверного проема, в восточном направлении на 1–7 см. Это явление вызвано, по всей видимости, присутствием здесь дверного проема, что ослабляет жесткость сруба на этом участке, а изгиб именно в восточном направлении обусловлен общим завалом башни в юго-восточном направлении.

Продолжение археологических исследований на территории Умревинского острога позволит выявить остатки второй башни, после чего архитектура земляных и деревянных оборонительных сооружений острога будет окончательно установлена. Изучение остатков башен на других памятниках эпохи русского освоения Сибири и Дальнего Востока даст необходимый материал для выявления всего конструктивного разнообразия объектов этого типа, а также для уточнения археологических признаков такого рода сооружений.

Бородовский А. П., Горохов С. В. Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг. – Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 2009. – 244 с.

Крадин Н. П. Русское деревянное оборонное зодчество. – М. : Искусство, 1988. – 190 с.

Матвеева Н. П., Алиева Т. А. Башни в фортификационном строительстве раннего железного века (саргатская культура) // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 4 (42). – С. 140–143.

Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. – Новосибирск : [Б. и.], 1989. – 304 с.

Черная М. П. Нарымский острог // Земля Парабельская. – Томск, 1996. – С. 94–116.

Элерт А. Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г. Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск, 1988. – С. 59–101.

SOUTHWESTERN CORNER TOWER OF UMREVINSKY OSTROG

Towers as an element of fortification works appeared in Siberia at the very end of the 16th century when Siberia was being incorporated into Russia. Therefore, identification of the remaining parts of towers during archeological excavations provides a possibility of interpreting a monument as fortification works of the epoch of the early development of Siberia by the Russians. It is the discovery of the south-western corner tower that enabled to remove any doubts concerning the exact location of the Umrevinsky Ostrog. The remaining parts of the tower are represented by the continuous piled footing and ground water-proof bedding. According to the archeological and written data, the tower was constructed in 1730–1734 as a coin dated by 1730 was found on the footing, and, according to the description of the Ostrog made by G. F. Miller in 1734, there were two towers in it. The south-western corner of the Ostrog where that tower was located changed its functional destination several times, so four construction periods were identified. Once the excavations works were completed, the tower was reconstructed for the purpose of observing the dynamics of its structure deformation.

Keywords: Umrevinsky Ostrog, a tower, continuous piled footing, a lath fence, full-sized reconstruction.

УДК 902/904

П. Г. Данилов

Тобольская комплексная научная станция УрО РАН

ВОПРОСЫ ТОПОГРАФИИ ТОБОЛЬСКОГО КРЕМЛЯ XVII ВЕКА ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И ИСТОРИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ*

В статье рассматриваются вопросы изучения городской планировки Тобольска в XVII в. Объем информации, содержащийся в письменных и картографических источниках, недостаточен для реконструкции городской планировки. Большое значение приобретает междисциплинарный подход с привлечением материалов археологических исследований. Археологические материалы отличаются массовостью и видовым разнообразием, отражают социально-экономическую сущность и культурный облик города в динамике, подтверждая его ключевую роль в процессе русского освоения Сибири. В научной литературе по истории Тобольска представлено несколько вариантов реконструкций Тобольского кремля XVII в. и усадьбы архиепископа Киприана 1620-х гг., основанных на письменных источниках. Археологические материалы позволяют скорректировать и дополнить имеющиеся реконструкции планировочной структуры и динамики застройки Тобольска.

Ключевые слова: Тобольск, планировочная структура города, археологические материалы.

Интерес к Тобольску вызван не только желанием полнее представить развитие русского градостроительного искусства, но и стремлением глубже показать роль города в расширении и укреплении границ Русского государства в Сибири. Тобольск занимает особое место в русской колонизации Сибири. За небольшой отрезок времени с момента основания в 1587 г. до начала XVIII в. город прошел путь от небольшого острога – форпоста русской колонизации во враждебном окружении до военно-административного, экономического и духовного центра всей русской Сибири.

Планировочная структура Тобольска в XVII столетии имела типичное для средневекового градостроительства трехчастное деление – кремль, нижний и верхний посады, монастыри. Тобольский кремль играл в этой структуре большую организующую роль. Планировка кремля и размещение сооружений были предопределены характером местности. Тобольск естественным образом разделен на две части: на горе – верхний посад и под горой – нижний посад. Формирование Тобольска как поселения начиналось с нагорной части. Первоначально город был заложен на мысе, который позже стал называться Троицким. В 1600 г. центральная часть Тобольска была перенесена на соседний мыс ближе к берегу Иртыша.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2015-0003 «Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н. э. – II тыс. н. э.)».

© Данилов П. Г., 2017

Изучение развития топографии сибирского города остается одной из актуальных тем исследования. Однако, как показывают последние научные публикации, имеющийся объем информации, содержащейся в письменных и картографических источниках, недостаточен для реконструкций планировки и этапов строительства русского сибирского города. Всё большее значение приобретает использование при исторических построениях междисциплинарного подхода с применением методов ряда научных дисциплин: истории, археологии, этнографии, географии, картографии, естественных наук [Аношко, 2012, с. 5; 2014; Балюнов, 2015а].

В научной литературе имеется несколько вариантов реконструкций Тобольского кремля и города в целом, основанные на данных письменных и картографических источников. В середине XX в. В. И. Кочедамов предложил модели объемных видов кремля в первой половине XVII в., в конце XVII в. и в 1720-х гг. [Кочедамов, 1963, с. 11, рис. 2, с. 29, рис. 11; с. 69, рис. 41]. В это же время В. В. Кириллов выдвинул свою авторскую схему развития «Тобольской крепости» [1984, с. 38]. Позднее А. Ю. Майничевой была предложена реконструкция усадьбы первого тобольского архиепископа Киприана, построенной в начале 20-х гг. XVII в. [2000, с. 18]. Одна из последних моделей городской планировки Тобольска «православного ландшафта», под которым понимается система культурных объектов, размещенных на определенной территории и образующих целостность, предложена И. Л. Маньковой в двух публикациях [2014; 2015]. Эти объекты как маркировали территорию, находившуюся под защитой высших христианских сил, так и становились основой для развития отношений внутри местного конфессионального сообщества, внутри- и межрегиональных коммуникаций. Для реконструкции процесса формирования и изменения православного ландшафта Тобольска на протяжении XVII – первой половины XVIII вв. исследователем были привлечены в качестве базовых три источника. Каждый из них фиксировал православный ландшафт города на определенном этапе: а) Дозорная книга 1624 г.; б) план Тобольска начала XVIII в., составленный С. У. Ремезовым; в) описание Тобольска, сделанное Г. Ф. Миллером в 1741 г. И. Л. Маньковой предложена схема возможного расположения приходских церквей в нагорной части Тобольска по данным 1624 г. и начала XVIII в. [2015, с. 238], наложенная на план Тобольска С. У. Ремезова 1701 г.

Сегодня мы имеем возможность скорректировать представленные исследователями реконструкции городской планировки и дополнить их имеющимися материалами археологических исследований, проведенных в Тобольске во второй половине XX – начале XXI вв. Сведения письменных и картографических источников в значительной степени дополняют и углубляют археологические исследования, проводимые на территории кремля и посада. Археологические материалы отличаются массовостью и видовым разнообразием, отражают социально-экономическую сущность и культурный облик города в динамике, подтверждая его ключевую роль в процессе русского освоения Сибири [Аношко, 2014, с. 11]. Однако обобщающих работ по сибирским памятникам XVII–XIX вв. до сих пор недостаточно.

Археологическими исследованиями в Тобольске, по разным данным, изучено от 1,5 до 2 и более тыс. кв. м культурного слоя [Аношко, 2014, с. 12; Балюнов, 2015а, с. 17]. Полученные материалы позволяют охарактеризовать материальную культуру, погребальный обряд, оборонительные сооружения, каменную архитектуру, жилищно-хозяйственную застройку Тобольска на протяжении XVII–XIX вв. На сегодняшний день опубликован целый ряд обобщающих статей и работ, в которых исследователи характеризуют культуру жителей города, экстраполируя свои выводы на данные истории [Адамов, Балюнов, Данилов, 2008; Аношко, 2015; Балюнов, 2014; 2015; Данилов, 2009; 2014]. В ряду задач городской археологии Тобольска, выделяемых исследователями [Балюнов, 2009, с. 31], делается акцент на изучении древней архитектуры и ранней планировки города.

Объем накопленных археологических материалов, их анализ и перенос на данные истории, картографии и проверка всего комплекса источников послужат основанием для решения вопросов реконструкции планировочной структуры и динамики застройки Тобольска в XVII–XVIII вв. К сожалению, у нас нет более точных исторических свидетельств, которые помогли бы создать полное представление о планировочных композициях и конструктивных особенностях зданий и сооружений Тобольска. Хочется верить, что будут найдены дополнительные сведения и утраченные памятники получат развернутую характеристику.

Адамов А. А., Балюнов И. В., Данилов П. Г. Город Тобольск. Археологический очерк. – Тобольск : [Б. и.], 2008. – 114 с.

Аношко О. М. Археологические исследования культурного слоя первой российской столицы Сибири // Наследие Тюменской области. – 2015. – № 1 (5). – С. 11–18.

Аношко О. М. Изучение культуры сибирских первопроходцев по раскопкам в Тобольске // Присоединение Сибири к России: новые данные : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Тюмень, 2014. – С. 11–16.

Аношко О. М. Теоретико-методологические и методические основы исследования процесса урбанизации Сибири // АВ ORIGINE : археолого-этнограф. сб. Тюмен. гос. ун-та. – Тюмень, 2012. – Вып. 4. – С. 4–12.

Балюнов И. В. Материальная культура населения города Тобольска конца XVI–XVII веков по данным археологических исследований : автореф. ... дис. канд. ист. наук. – Тобольск, 2014. – 24 с.

Балюнов И. В. Некоторые итоги развития тобольской городской археологии // Исторический сборник : сб. науч. работ, посвящ. 30-летию юбилею ист. фак. ТГСПА им. Д. И. Менделеева. – Тобольск, 2009. – С. 31–33.

Балюнов И. В. О значении археологических источников для изучения ранней истории города Тобольска (конец XVI–XVII век) // Миллеровские чтения: финно-угорский мир в древности, в Средневековье и в настоящее время : тез. докл. и сообщ. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 310-летию со дня рождения Г. Ф. Миллера. – Нижневартовск, 2015. – Вып. 1. – С. 15–17.

Балюнов И. В. Тобольский кремль в свете археологических исследований // Наследие Тюменской области. – 2015. – № 1 (5). – С. 30–34.

Данилов П. Г. Некоторые итоги археологического изучения развития Тобольского кремля в XVII–XIX вв. // Исторический сборник : сб. науч. работ, посвящ. 30-летию юбилею ист. фак. ТГСПА им. Д. И. Менделеева. – Тобольск, 2009. – С. 54–57.

Данилов П. Г. Некрополи XVII–XVIII веков в структуре городской застройки Тобольска в свете археологических и исторических материалов // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014. – Т. II. – С. 19–22.

Кириллов В. В. Тобольск. – М. : Искусство, 1984. – 239 с.

Кочедамов В. И. Тобольск (как рос и строился город). – Тюмень : Кн. изд-во, 1963. – 157 с.

Майничева А. Ю. Деревянные церкви Сибири XVII века: формы, символы, образы. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 64 с.

Манькова И. Л. Дозорная книга 1624 г. как источник для реконструкции православного ландшафта Тобольска // Известия Уральского федерального университета. Серия 2 : Гуманитарные науки. – 2014. – № 3 (130). – С. 212–226.

Манькова И. Л. Реконструкция православного ландшафта Тобольска XVII – первой половины XVIII вв.: приходские церкви // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города : сб. науч. ст. Всерос. конф. с междунар. участием. – Курган, 2015. – С. 232–246.

P. G. Danilov

Tobolsk Complex Scientific Station, UB RAS

QUESTIONS TOPOGRAPHY TOBOLSK KREMLIN XVII CENTURY ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL AND HISTORICAL MATERIALS

The article deals with the study of Tobolsk town planning in the 17th century. The amount of information contained in written and cartographic sources, insufficient for the reconstruction of urban planning. Great importance is the interdisciplinary approach, involving archaeological research materials. Archaeological materials are massive and species diversity, reflect the socio-economic and cultural essence of the city's appearance over time, confirming its key role in the development of Russian Siberia. In the scientific literature on the history of Tobolsk there are a number of reconstructions Tobolsk Kremlin 17th century and manor house Archbishop Cyprian 1620s, based on written sources. Archaeological materials will help to correct and complete the reconstruction of the existing planning structure and dynamics of the construction of Tobolsk.

Keywords: Tobolsk, town planning structure, archaeological materials.

УДК 947.1 (571.13)

С. Ф. Татауров

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

ПЛАНИГРАФИЯ ТАРЫ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ БЛАГОУСТРОЙСТВА ГОРОДА В XVII–XIX ВЕКАХ

Тара, один из первых русских городов в Сибири, практически полностью сохранила планиграфию середины XVIII в. и значительное количество комплексов деревянной архитектуры XVIII–XIX вв. В ходе археологических исследований исторического центра города были зафиксированы семь строительных горизонтов города начиная с конца XVI в. и до начала XX в., что позволило восполнить некоторые моменты, связанные с первоначальной застройкой города и его благоустройством. Картографические материалы показывают динамику перепланировки города в XVIII в., и в статье рассматриваются причины переустройства Тары. Показаны усилия горожан в борьбе с пожарами и заболачиванием. В ходе научных изысканий были найдены

свидетельства строительства жителями города водоотводных устройств – деревянных желобов, а также тротуаров и мостовых для передвижения внутри Тарской крепости и острога. Многовековые усилия тарчан превратили Тару в один из красивейших и самобытных городов Сибири.

Ключевые слова: Сибирь, город, Тара, планиграфия, археология, архитектура, благоустройство, дерево.

Введение. Первые русские города в Западной Сибири – Тобольск, Томск, Тара – в значительной степени сохранили свой исторический облик до наших дней. Особенный колорит придает им деревянная архитектура. Сибирское деревянное зодчество складывалось на основе строительных традиций населения преимущественно северорусских земель с учетом местного материала, природных условий и элементов практик аборигенного населения. Сегодня прослеживается и специфическая сибирская планиграфия, где уличная планировка нередко вступает в противодействие с усадебной застройкой. Люди живут в домах, срубленных в XIX и даже в XVIII вв. Изучение деревянного зодчества как блока материальной культуры особенно актуально в настоящее время, когда современные технологии просто уничтожают дожившее до нас это историческое наследие.

Тара в силу своего исторического развития самая маленькая по своим размерам и численности населения в списке первых русских городов – ее обошло промышленное строительство и многоэтажная жилищная застройка, и по этой причине она больше всего сохранила свой самобытный вид. Причем не только на поверхности, в «действующем» виде, но и под землей – в культурных слоях города. В ходе проводившихся с 2007 г. археологических исследований в историческом центре Тары было раскопано более 15 тыс. кв. м площади города. В культурных слоях зафиксировано семь строительных горизонтов и около 20 деревянных объектов XVII–XIX вв. Хорошая сохранность древесины позволяет воссоздать многие элементы домостроительства: особенности обработки дерева, способы рубки, скрепления сложных конструкций и т. д. Полностью исследованные объекты дают возможность моделировать храмовые, фортификационные, административные, жилые и хозяйственные комплексы города.

Цели и задачи. Археологические материалы, полученные в ходе почти десятилетнего изучения исторического центра Тары, а также данные из центральных и региональных архивов Российской Федерации, полученные параллельно раскопкам, являются основанием для воссоздания первоначальной застройки города, динамики ее изменений на протяжении нескольких веков. Продемонстрировать причины изменений планиграфии города и превращение крепости в один из самых благоустроенных на конец XIX в. городов Сибири – это одна из основных задач нашего исследования.

Обсуждение. Тара на протяжении первых двух веков своего существования была городом-крепостью, поэтому ее развитие происходило на очень ограниченной территории. В ходе археологических исследований отмечена значительная теснота жилых и хозяйственных объектов. Если в крепости мы зафиксировали усадебный характер застройки, то в острожной части города ее можно назвать дворовой, где междомового пространства практически не было, жилые и производственные (сапожные, гончарные, ткацкие мастерские) помещения были совмещены, а свободные площадки служили дворами сразу для нескольких хозяев. Вследствие этого здесь нами не выявлено заборов или заплотов как разграничивающих систем собственности или хозяйственной специфики территорий. Небольшие загородки и плетни служили для содержания мелкого рогатого скота, свиней и птицы.

По сути дела застройку города до 1709 г. можно называть не столько уличной, сколько проулочной. К сожалению, ранее рисунка-схемы г. Тары С. У. Ремизова, который был выполнен примерно в самом конце XVII в., планов Тары мы не имеем (рис. 1, с. 333). Фактически единственной улицей города была Трактовая (у нее не было названия, но, поскольку она была частью Сибирского тракта, назовем ее так), которая проходила через западную часть острога и на выезде из города заканчивалась проездной Борисоглебской башней. От этой «улицы» шли проулки (тупики), которые служили для подвоза припасов: дров, сена, продовольствия, сырья для производств, а также вывоза мусора и навоза. Проездная часть этих проулков была в ужасном состоянии. В раскопе 2009 г. на месте такого проезда в горизонте конца XVII в. зафиксирован метровый слой грязи с большим количеством веток, обрубков дерева, обрывков веревок. Такая ситуация сохранялась до середины XX в. Тарский историк А. А. Жиров писал: «Бывшая Мостовая улица получила такое название потому, что мостили ее листовыми плахами. Иначе по улице не проехать. <...> Однажды бывший кучер райкома Георгий Васильевич Зыков свалился с мощеного настила и “чуть не утопил лошадь и телегу”. “Хорошо, – говорил, – что с собой была волосяная веревка. Крепкая”» [Жиров, 2008, с. 71].

Для перемещения жителей города вдоль этих проулков были проложены деревянные тротуары шириной около метра из трех-четырех плах (рис. 2, с. 333).

Тарская крепость была отгорожена от города крепостной стеной и, по описанию 1701 г. дворянина Ивана Родионовича Кочанова, соединялась «с восточной стороны “через калитку” с острогом» [Цветкова, 1994, с. 22]. Внутри крепости находились четыре усадьбы, «зеленый» (пороховой) погреб, ясачный, соляной и два хлебных государевых амбара, тюрьма, караульня и соборная церковь Успения Пречистые Богородицы [Тарская роспись 1701 г.]. Расположение усадеб и зданий было соразмерно положению крепостных стен и башен и небольших размеров самой крепости, поэтому, как и в острожной части, не имело плановой застройки. Плотность ее в крепости – меньше, чем в остроге, поэтому здесь находились свободные площадки (возможно, для воинских смотров), между усадеб через эти места были проложены деревянные мостовые шириной 6–8 м (рис. 3).

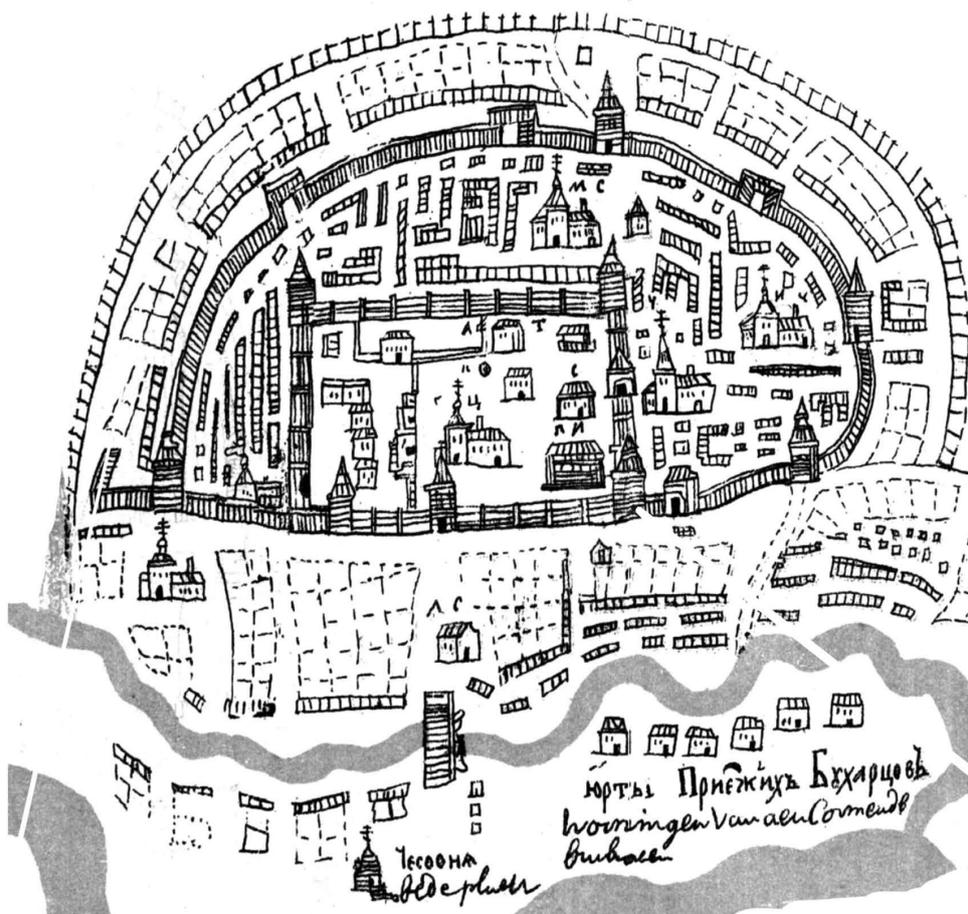

Рис. 1. План г. Тары (примерно 1700 г.) из «Чертежной книги» С. У. Ремезова

Рис. 2. Деревянный тротуар. Раскопки острожной части города в 2009 г. Фотография С. Ф. Татаурова

Рис. 3. Деревянная мостовая на территории Тарской крепости. Раскопки 2012 г. Фотография С. Ф. Татаурова

Теснота и хаотичность расположения построек в острожной части города, дерево как основной строительный материал делали город уязвимым перед огненной стихией – пожарами. Тара горела фактически постоянно, но с определенной периодичностью пожары принимали вид бедствия, и сгорала большая часть или весь город, как, например, в 1624, 1669, 1709 гг. Воевода князь Ф. Н. Мещерский писал в Москву про пожар 1669 г., что город «згорел Божьей волей», так как «дворы были тесны гораздо и улицы были узки». Во время этого пожара сгорело 360 дворов, приказная изба, воеводский дом и другие постройки [Цветкова, 1994, с. 22]. Подтверждение многочисленных пожаров отмечено и в ходе археологических раскопок – стратиграфия культурного слоя состоит из угольно-зольных прослоек следов сгоревших зданий. Через некоторое время территория пожарищ разравнивалась, засыпалась мусором, суглинком и песком, и на этом месте строились новые здания. Рубка домов велась

непосредственно на территории их возведения, и строительный мусор не убирался. Это зафиксировано в ходе раскопок – сохранились не только сами конструкции, но и строительные отходы, которые позволяют более полно восстанавливать технологию, определять набор использовавшихся плотниками инструментов и т. д. Следствием этой практики стал быстрый рост напластований культурного слоя, особенно в XVII – первой половине XVIII вв. В настоящий момент культурные слои в центре города составляют в районе крепости 4–4,5 м, в районе острога – 2–2,5 м и на месте расположения крепостных и острожных стен – 0,8–1,2 м.

Не меньшим бедствием для населения Тары была вода – подгородную часть практически ежегодно затапливал Иртыш, а высокое расположение грунтовых вод приводило к периодическому заболачиванию участков города. Если с наводнениями жители справлялись, перетаскивая на время свой скарб и домашних животных на коренной берег Иртыша, то с болотистой почвой приходилось бороться постоянно – прокладывая по городу водоотводные каналы и желоба, строя мостовые и тротуары. Вода также способствовала увеличению мощности культурного слоя. Повышенная влажность уменьшала время функционирования древесины – основного строительного материала Тары. По этой причине нижние венцы церквей, военно-административных зданий, домов и хозяйственных построек требовали периодического ремонта, как и фортификация крепости и острога. В архивах сохранились многочисленные свидетельства недовольства служилых людей города привлечением их к подобным работам. Например, во время сыска о злоупотреблениях тарских воевод 1637–1638 гг. служилые жаловались: «Всякие государевы изделия делаем, амбары, избы, и бани, и воеводские двory ставим и починиваем, и бревна, и тес, и всякий лес возим, и печи бьем, и изгороди около государевых поль городим» [Никитин, 1988, с. 87].

Ситуация с пожарами и водными проблемами начинает меняться в начале XVIII в. Город очень долго восстанавливался после спалившего всю Тару пожара 1669 г., но новая огненная стихия 1709 г. перечеркнула все старания тарчан. Наступило время петровских реформ, это коснулось как фортификации Тарской крепости и острога, так и общей планировки Тары. Нетронутой осталась только подгородная часть, а верхняя стала строиться строго по прямоугольно-квартальной схеме. Это диктовалось как военными соображениями, так и противостихийными мероприятиями. В первую очередь была перестроена острожная часть. Острожные укрепления перенесли дальше от центра и прикрыли сформировавшуюся с начала XVIII в. посадскую часть города. В первую очередь это было вызвано тем, что Спасский мужской монастырь к этому времени с более чем 40 приписанными крестьянами находился вне укреплений. В связи с перестройкой острога были обустроены выезды в сторону Томска и Тобольска, тем самым Московско-Сибирский тракт стал проходить через Тару. Непосредственно острожную часть города существенно «проредили», и на плане Тары 1747 г. мы уже видим уличную застройку, шедшую параллельно бывшим укреплениям острога, которые после их срытия превратились в самую широкую улицу (рис. 4).

Рис. 4. План Тары 1747 г. (из фондов Главного инженерного управления РГА ВМФ)
[по: Тарская мозаика. – Омск, 1994. – Прил. 3]

Существенно отодвинулась городская застройка от стен Тарской крепости. Раскопки в этой части Тары позволяют утверждать, что с этого времени территория уже не застраивалась, а после срытия крепостных сооружений превратилась в Базарную площадь. Но все эти перестроения не решили городских проблем: Тара продолжала гореть и утопать в грязи одновременно... Только с воцарением Екатерины II ситуация начинает меняться, и центр города приобретает строгую, характерную для других городов Российской империи застройку (рис. 5).

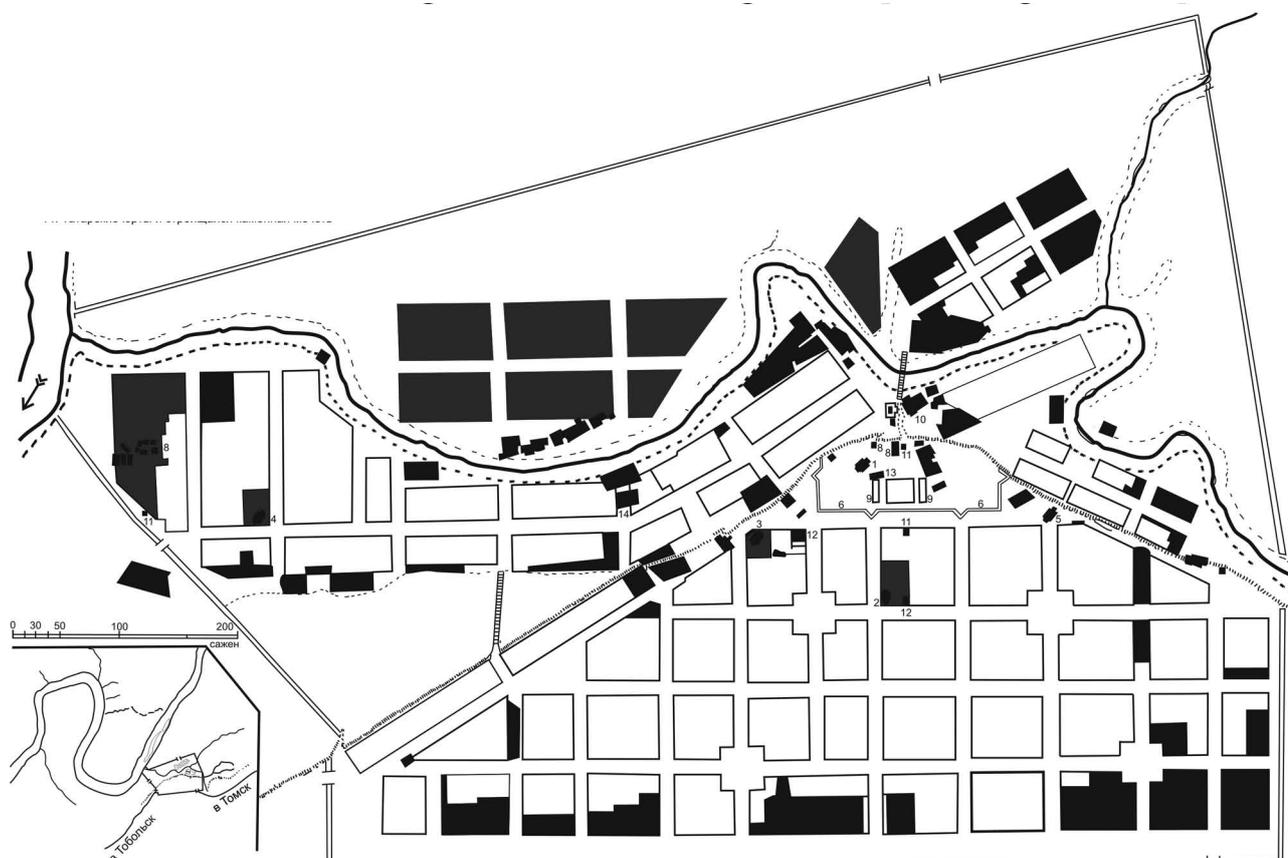

Рис. 5. План уездного г. Тары 1775 г. (ГИАОО, Военно-учетный архив. Д. 21498. Л. 70–71):

- 1 – соборная церковь Успенья Богородицы; 2 – церковь Нерукотворного Образа; 3 – церковь Святителя Николая;
- 4 – церковь Казанской Богородицы; 5 – церковь Великомученицы Прасковьи; 6 – крепость для казенных строений;
- 7 – приусадебные места; 8 – магазины и подвалы; 9 – Гостиный двор; 10 – мясные ряды; 11 – питейные дома;
- 12 – богадельня; 13 – кузницы; 14 – татарские юрты и строящаяся каменная мечеть

Тара была втиснута в достаточно жесткие рамки – «местное положение с окружностью 5 верст 100 сажен, в длину 2, в ширину 1 верста, фигурию продолговатый четвероугольник, улицы прешпективны... Город для удобства управления и охраны порядка стал делиться на части, количество которых определялось численностью жителей, часть же делилась на кварталы. Сей город разделен на 4 части, а именно: первой на бугру называемой Николаевской и большой першпективой улицам с протчими поперешными улицами ж, касаясь положением до гостиного двора. Второй на конопляном бугру всё селение от гостиного ж двора и тюремного острога. Третий под горой от мясных лавок над речкою Аркаркою и за крестьянским мостом под горою от Иртыша реки. Четвертой – приход Богородской церкви и по самой лежащей звоз от магистрата под гору и по улице до речки Аркарки» [*Описание...*, 1982, с. 66]. Широкие улицы и правильная застройка положили конец обширным пожарам, локализовали их пределами одного квартала. Прокопанные вдоль улиц канавы значительно осушили центральную часть города. Серьезные усилия были предприняты по осушению находящихся в черте города болот – отводе из них воды в Аркарку и Иртыш.

Существенные ограничения коснулись и правил застройки города. В 1785 г. было принято Городовое положение, согласно которому Таре предписали план с расписанием «по каким фасадам в г. Таре и по каким улицам полагается строение домов... Деревянные дома по кварталам строить по фасадам на каменных жилых погребях, на каменных фундаментах и бескаменных фундаментах, кто какие пожелает, но чтоб всякое деревянное одно от другога не ближе было 5-ти сажень, не выше 6-ти аршин и не больше каждой деревянный корпус строить 12-ти сажень... кровли крыть тесом и гонтом и дранью, а соломою крыть недопускать. Магазины, анбары поблизости рек в нарочитом расстоянии от жила, кожевни и протчие заводы, скотские бойни по течению реки ниже города в таких местах, дабы от них в городе не происходило нечистоты и дурного воздуха, пивоварни при реке выше скотских

боев и тех заводов, кузницы при въезде в город у больших дорог, и все сии строения строить в таком расстоянии от жила, чтоб не угрожали опасностию пожара» [Цветкова, 1994, с. 33].

Использование кирпича сначала для возведения храмов, а затем для административных зданий и магазинов стало еще одной преградой для пожаров. Но превалирование деревянной застройки до настоящего времени ежегодно несет много бедствий жителям города. Кирпич решил, хоть и не до конца, проблемы с водоотводом – сначала от храмов, а затем и от купеческих магазинов и особняков были построены кирпичные водоотводные желоба (многие были проложены по более древним подобным сооружениям). В ходе раскопок 2011 г. был исследован один из желобов для отвода воды от Успенского собора к коренному берегу Иртыша (рис. 6). В наши дни хорошо фиксируется в виде продольного углубления подземный искусственный водоток от Никольского собора к иртышской пойме. Отведение излишков воды позволило населению освоить территорию к западу и северу от острожной части города, вынести кузнечные мастерские из подгородной части на западную окраину (в район современной Кузнечной улицы) и тем самым отвести угрозу пожаров.

Благоустройство города решило, наконец, проблему чистоты, в частности вывоза мусора. Культурный слой, относящийся к XVII–XVIII вв., в Тарской крепости и остроге содержит многочисленные следы заваливания навозом и мусором всех возможных оврагов и низменностей. В 2009 г. в ходе раскопок территории, прилегающей к Никольскому собору, был обнаружен овраг, полностью заваленный навозом – глубина напластований превысила 3,5 м. На месте Тарской крепости в культурном слое фиксируются прослойки навоза 0,5–0,7 м. Вместе с навозом в эти места вываливался бытовой и промышленный мусор. С ослаблением напряженной военной ситуации основным местом для вывоза городских отходов стала р. Аркарка: на ее лед в зимнее время вывозился навоз – весеннее половодье реки уносило нечистоты в Иртыш.

По принятому Городовому положению в конце XVIII в. на территории города были построены деревянные сооружения для сбора мусора. Одно из них исследовано нами в 2013 г. Это деревянный ящик (1,5 × 3 м) высотой 1 м (рис. 7). Его неоднократно чинили, что видно по конструкции: в нижней части он собран из плах и скреплен деревянными шипами, в средней части плахи были заменены досками и сбиты коваными гвоздями, а верх ящика скреплен уже современными гвоздями. Время его функционирования определено нами по конструктивным особенностям ящика – конец XVIII – начало XX вв. Ящик периодически освобождали, а мусор вывозили на городскую свалку. Последний раз это произошло в 1950-е гг. После чего ящик засыпали, так как базарную площадь очистили от базарных рядов и других сооружений и сделали площадью Ленина.

Рис. 6. Деревянный желоб для отвода воды. Раскопки 2011 г.
Фотография С. С. Тихонова

Рис. 7. Деревянный ящик для мусора. Раскопки 2013 г.
Фотография М. П. Черной

Заключение. К концу XVIII в. в Таре по примеру других российских городов сложилась административно-хозяйственная система, постепенно превратившая ее в один из самых благоустроенных и чистых городов Сибири. Спустя полтора века после основания Тара справилась с опустошительными пожарами. Мероприятия по осушению болот в черте острога и сброс воды в Аркарку во многом решили проблему грязи на тарских улицах и подтопления погребов у населения. Следует отметить заслуги в благоустройстве города тарского купечества, которое, помимо обязательных сборов, добровольно способствовало обустройству тарских улиц. Наиболее известна история с особняком купца И. Ф. Немчинова, построенным в подгородной части на одном из самых непроездных и грязных мест: стараниями Ивана Федоровича эта улица (сейчас Немчиновская) превратилась в одну из самых благоустроенных.

Все эти выводы сделаны на основе комплексного анализа археологических и архивных данных, что, по мнению автора, показывает перспективность подобного рода исследований.

Тарская роспись 1701 г. // РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 5. Л. 317–319.

Жиров А. А. Если бы стены могли говорить... : очерки и статьи. – Омск : Полиграф, 2008. – 284 с.

Никитин Н. И. Служилые люди Западной Сибири. – Новосибирск : Наука, 1988. – 254 с.

Описание Тобольского наместничества. – Новосибирск : Наука, 1982. – 320 с.

Ремезов С. У. Чертежная книга Сибири. – СПб. : С. У. Ремезов и сыновья, 1982. – 50 с.

Цветкова Г. Город на реке Аркарке // Тарская мозаика (история края в очерках и документах 1594–1917 гг.). – Омск, 1994. – С. 6–45.

S. F. Tataurov

Omsk Division of the Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS

PLANIGRAPHY OF TARA AND SOME QUESTIONS OF IMPROVEMENT OF THE CITY IN THE 17–19th CENTURIES

One of the first Russian cities in Siberia – Tara almost completely kept a planigraphy of the middle of the 18th century and a significant amount of complexes of wooden architecture of the 18–19th centuries. During the archaeological researches of the historic center of the city seven construction horizons of the city, since the end of the 16th century and prior to the beginning of the 20th century have been recorded, that has allowed to fill some moments of initial building of the city and improvement. Cartographic materials show dynamics of re-planning of the city in the 18th century, and the reasons of a reorganization of Tara are given in article. There are shown efforts of citizens in fire-fighting and waterlogging. During scientific researches there were found certificates of a construction by residents of drainage devices – wooden trenches, and also sidewalks and pavements for movement in the Tarsky fortress and prison. The centuries-old efforts of tarchane turned Tara into one of the most beautiful and distinctive cities of Siberia.

Keywords: Siberia, city, Tara, planigraphy, archeology, architecture, improvement, wood.

УДК 903.09(571.53)

В. В. Краснощеков¹, Л. А. Аболина²

¹ООО «Раритет», Иркутск,

²ООО «Красноярская Геоархеология»

ПРЕИМУЩЕСТВА КОМПЛЕКСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ РЕКОНСТРУКЦИИ УЧАСТКА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ ИРКУТСКА XVIII ВЕКА

На фактических данных, полученных при исследовании археологического объекта Усть-Ушаковка, сделана попытка реконструкции функций одного из участков Иркутска XVIII в.; при почти полном отсутствии деревянных контуров зданий в качестве важных информативных источников для определения номинации построек и времени их функционирования были использованы печные развалы. Сочетание археологического, картографического и архивных материалов позволило не только идентифицировать постройки, но и предположить вариант использования горожанами исследуемой территории и происходившие на ней события. Полученные результаты

показывают эффективность применения комплексного метода исследований при археологических работах в сложных условиях городской среды.

Ключевые слова: сибирский город, Московские ворота в Иркутске, кирпич, подклет, дымник, русская печь, голландка.

Изучение планировок первых сибирских городов с реконструкцией исторической застройки в настоящее время является одной из ведущих тем в археологии. Реальные перспективы ее развития заключаются в грамотном сопоставлении письменных и материальных, в основном археологических, источников, а также в умелом привлечении всевозможных косвенных дополнительных данных, которые, повышая информативность, позволяют расширить границы образного воспроизведения городской среды позднего Средневековья. Такой путь становится одним из самых оптимальных для археологов, работающих в стесненных условиях современного города.

Застройка Иркутска, служившего форпостом освоения Северо-Восточной Азии и Америки, в силу сложившихся ландшафтных особенностей на начальном этапе происходила в ограниченных территориальных рамках. В процессе проведения раскопок на небольшой (около 150 кв. м) площади выявленного в 2004 г. археологического объекта Усть-Ушаковка в Иркутске было установлено наличие нескольких культуросодержащих слоев [Краснощев, 2013, с. 45]. Наиболее древний из них содержит ископаемые остатки среднеолитического времени и гипсометрически трудно отделим от находок палеометалла. Остальные, начиная от вытаптывания дерна с компрессией подстилающих отложений и распашкой под посев и включая многочисленные техногенные нарушения, принадлежат периодам существования города. В 2004 г. было обнаружено погребение с датировкой 3770 ± 50 (СОАН-4390). С тех пор проводились раскопки на участках, попадающих в зону хозяйственной деятельности, связанной со строительством здания банка. В 2009 г. экспедицией Иркутского государственного университета были выявлены погребения кладбища XVIII в. близ Владимирской церкви [Бердникова и др., 2009, с. 204]. Первоначально весь массив городских отложений по находкам разделялся на культурные горизонты XVIII, XIX и XX вв. Более точная их стратификация стала возможной благодаря открытию в 2011 г. остатков фундамента Московских ворот 1811–1813 гг. постройки в сочетании с изучением литературных и картографических материалов.

Капитальные здания доиндустриальной постройки маркируют линию первой надпойменной террасы Ангары на левом приустьевом мысе р. Ушаковки. Проведенными работами установлено, что после короткого периода существования пашни с начала XVIII в. здесь размещалось жилье обывателей. Иркутский острог 1661 г. постройки находился в 500 м юго-западнее вверх по течению Ангары на этой же террасе. Чуть ниже по берегу Ангары на высокой пойме до самой Ушаковки существовало торговое место. Издавна здесь причаливали лодки, перевозившие людей и грузы в Иркутск с Московского тракта. Известно, что планомерной уличной системы в то время не было и дома, как правило, располагались по террасам вдоль протоков и трактов.

Верхний слой городских напластований содержал всего несколько фрагментов бревен от окладных венцов построек. Четыре фрагмента из них (предположительно от двух разных сооружений) соответствовали ориентации, совпадающей с направлением бровки первой надпойменной террасы Ангары, т. е. юго-запад – северо-восток. Часть конструкции № 1 была обнаружена в раскопе 2011 г.: два бревна лежали в направлении северо-запад – юго-восток, третье перпендикулярно им, составляя неполный венец. Под северо-восточным углом был подложен короткий фрагмент бревна, выравнивающий здание на рельефе. В центре конструкции располагалась подпольная яма № 1, а в ее юго-восточной части находилась дополнительная небольшая яма, которая, вероятно, была связана с постройкой. В северо-восточном углу строения зафиксирована еще одна яма, относящаяся к более раннему периоду, как и ямы восточнее и южнее конструкции № 1, включая незначительное углубление, заполненное фрагментами кирпича, не являющегося развалом печи.

Раскопом 2013 г. северо-западнее конструкции № 1 была зафиксирована подпольная яма № 2 с грунтовыми стенками, соотносящимися с направлением фрагментов венцов построек: СВ – ЮЗ и СЗ – ЮВ. В яму вели грунтовые ступени с северо-западной стороны, ограниченные досками и колышками. Ступени могли быть устроены только в случае внешнего входа в подвал. Ямы № 1 и 2 заполнены развалами печей, контур постройки ни в одном из уровней не прочитывался.

Судя по фрагментам окладов, подпольным ямам и развалам печей, можно утверждать, что на этом участке, как минимум, две постройки были жильными. В 1726 г. в связи с тревожной обстановкой на китайской границе Иркутск был обнесен палисадом со рвом и 12 люнетами [Летопись..., 1996, с. 26, 63, 96; Колмаков, 2003, с. 22]. Одни из трех устроенных ворот, Монастырские, располагались поблизости от Владимирской церкви и места производства работ. Несомненно, что ко времени строительства палисада здесь находились обывательские дома.

Самая древняя монета, найденная на дне одной из подпольных ям, имеет дату «1737». К наиболее поздним относятся монета 1800 г. в засыпке конструкции № 2 и свинцовая пломба с оттиском «1804» в верхней части заполнения жилища. Наибольшее количество монет находилось в подпольях 1748–1778 гг. Все они в совокупности отражают период существования здесь жилья. Самая молодая монета в слое дороги непосредственно над постройками имеет легенду – 1840 г. Таким образом, окончание существования жилья на этом участке совпало со строительством Московских ворот в 1811–1813 гг. Примечательно, что нигде на вскрытой площади не встречено следов пожара 1879 г., вопреки известным данным о границах его распространения.

Наибольший интерес на исследуемой территории представляют постройки XVIII в., их назначение и использование. Часть ям в районе конструкции № 1 предположительно принадлежала раннему периоду освоения, ямы были заполнены ненужными вещами, в том числе большим количеством одновременно сломавшихся. Старые сломы на апплицирующихся предметах идентичны при реконструкции керамических сосудов и стеклянных штофов из заполнения разных ям. В связи с чем возможно предположить разовое катастрофическое явление, например землетрясение. Последние характерны для Прибайкалья. Так, в Иркутске крупные землетрясения зафиксированы в 1725, 1742, 1829 и в 1861 гг. Одно из самых разрушительных приходится как раз на интересующее нас время: 16 июня 1742 г. [*Летопись...*, 1996, с. 37, 38, 75, 185; *Колмаков*, 2003, с. 26]. Подробнее его последствия описаны в доношении Провинциальной канцелярии: «От Спасской церкви крест сломило и цепи все порвало и внутри главы от оной падали не только кирпичи, но и доска выпала и у паникадила обломало две ручки, да три погнуло, да в трапезной на левой стороне свод разломился»; «В Иркутском Знаменском девичьем монастыре в алтаре разбило гробницу и на стол стрясло и измяло: тако ж и полки в алтарь упали»; в одном из домов «труба каменная упала и рассыпалась до потолка и внутри избы кирпичи падали и на шестке стоящий для согревания воды медник повредило», в Вознесенском монастыре «избу повредило и угол выпал и матица из места вывалилась», а у Петра Горяшина «в избе две потолочины выдернуло» [*Дело по доношению...*]. Судя по тому, что у некоторых изб выпали даже потолочины и матица, а также полки, пострадало и много посуды. Следовательно, заполнение ям, расположенных в районе конструкции № 1, вполне может быть связано с последствиями описанного землетрясения.

Из находок в подпольях жилищ датируемыми могут являться стекло и фарфор. Стекло (фрагменты штофов, бутылок, тарелок и рюмок) в ямах и в подполье (за исключением небольшого числа изделий) представлено низкокачественной продукцией с непромышленными компонентами. Существует большая вероятность его местного производства на стекольном заводе, который существовал на левобережье Ангары в окрестностях Иркутска в 1747–1764 гг. [*Летопись...*, 1996, с. 188; *Колмаков*, 2003, с. 27].

Наибольшее количество обнаруженных фрагментов сосудов – красноглиняная керамика. Для большей части поливных сосудов использовалась зеленая глазурь. Фрагменты фарфоровой посуды – китайской (иероглиф на подставке и мотивы орнамента) и германской (два клейма Мейсенского завода 1774 г.) – принадлежали тарелкам, блюдам и чашкам.

Итак, письменные данные о землетрясении 1742 г., о местном производстве стекла (с 1747 г.), монеты и датировки части фарфоровых изделий позволяют утверждать, что время образования подпольной ямы № 2 – немного ранее 1737 г., а даты заполнения мусорных ям – период 1747–1804 гг.

При плохой сохранности окладов построек в качестве важных информативных источников вполне могут использоваться развалы печей.

Развал № 1 (в конструкции № 1) состоял из фрагментов кирпича разных партий двух размеров: 28,0–27 × 13,5 × 6,5 и 28,0 × 14,0 × 7,0 см. Идентифицировать печи можно только по совокупности признаков и количеству деталей. По отсутствию компонентов песчано-галечной засыпки, глиняной подушки и деревянного опечка можно предположить, что печь являлась отопительной голландкой без камеры для готовки пищи. Топочная камера, как и у русской печи, имеет свод и «под» из того же набора кирпича, но меньшего размера. Отсутствие целых кирпичей в развале – показатель того, что печь функционировала недолго (судя по состоянию кирпича, не более 10 лет) и при разборке пригодные кирпичи были выбраны для вторичного использования.

На границе ямы развала № 1 зафиксирован единичный фрагмент красного изразцового кирпича размером 20,5 × 13,5 × 5,0 см, представляющего панель без румпы с рисунком на аверсе. Мотив рисунка «вазон» состоит из цветочной вазы с букетом в рамке. Выпуклый позитивный рельеф выполнен лекальным способом. Панель на внутренней стороне закопчена, нижняя часть ее имеет забитости и следы от извлекающего устройства – свидетельство того, что, кроме декоративной функции, изразцовый кирпич использовали в качестве дверцы «чистки» печного дымохода (рис 1: 1, с. 340).

Можно утверждать, что печь-голландка стояла на полу в горнице над хозяйственным подклетом. Во время разборки дома хорошо сохранившиеся толстые плахи пола были вынуты и остатки печи упали в подклет. Фрагменты досок, лежащие под грудой кирпича, были настилем на земляном полу. Судя по овощной яме в углу, ограниченной доской, и отсутствию лаг, пола в нем не было. Подклет являлся хозяйственным помещением – сухим погребом или амбаром с внешним входом. В пользу этого предположения свидетельствуют клепки и металлические обручи от бочек, присутствовавших в заполнении. Валун (15 × 20 × 25 см), найденный там же, мог использоваться в качестве гнета.

При раскопках 2011 г. в конструкции № 1 обнаружены фрагменты красноглиняных и поливных изразцов, украшенных желто-зеленым растительным орнаментом при кирпичном цвете теста (рис. 1: 2, 6, 8). Такие изразцы распространились в Сибири во второй половине XVII–XVIII вв. В расходной книге Иркутска за 1700 г. имеется запись об изготовлении печником, иркутским посадским человеком Иваном Кирпичником, 1 468 кирпичей и 20 «образцов» для «кладки печей на государевом дворе, где живут воеводы» [*Полунина*, 1979, с. 13–14]. Соотношение 20 изразцов к общему количеству кирпича для печи, видимо, предполагает их использование в качестве декоративных вставок в кладке.

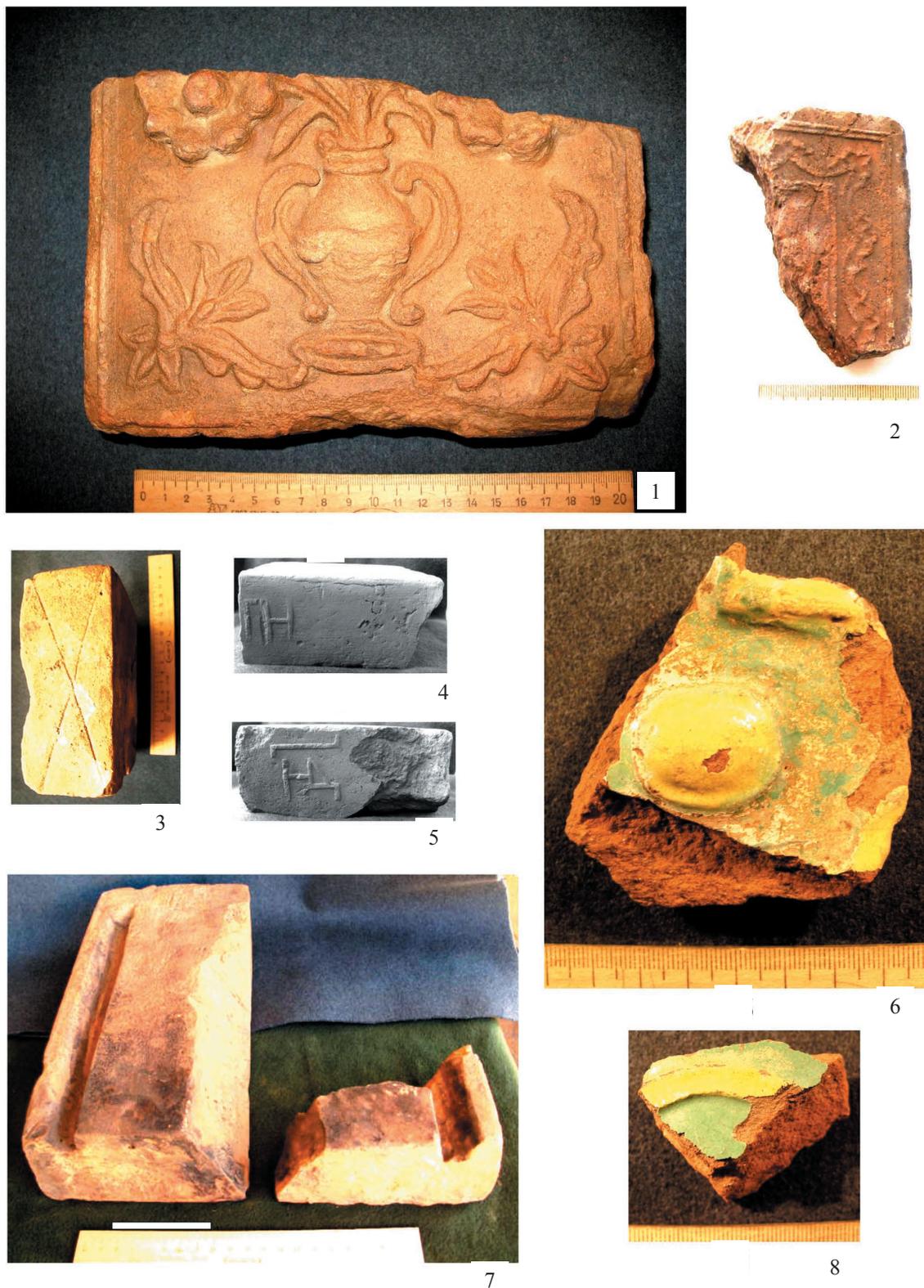

Рис. 1. Объект археологического наследия «Усть-Ушаковка». Находки из жилищ XVIII в.:
 1 – изразцовый кирпич; 2 – фрагмент изразца; 3 – счетный кирпич; 4, 5 – фрагментированные кирпичи с позитивными
 клеймами; 6, 8 – фрагменты поливных изразцов; 7 – кирпичи с желобками для металлической задвижки

Развал печи № 2, находящийся в подпольной яме со ступеньками, состоял из большого набора печного кирпича среднего размера (28,0 × 13,5 × 6,5 см), характерного для этого периода в городах Сибири. В развале присутствовали кирпичи от «трубы выводной кирпичной», со следами сажи на ложках, подтесанные кирпичи от дымооборотов, три кирпича с желобками, имеющими следы выработки от металлической задвижки дымохода. Среди кирпича от топочной камеры из подтесанных клиновидных кирпичей находилось большое количество серо-ох-

ристого глиняно-песчаного раствора, тут же встречались гладкие округлые гальки (8 × 10 × 5 см), добавлявшиеся в заполнение полости над сводом топки, которым и являлся раствор. Почти на всех кирпичах, лежащих плашмя, имеются сколы от ударов на постелистой плоскости. Они могли быть нанесены только во время процесса кладки печи из кирпича, имеющего отклонения в размерах, но не во время разборки, после которой остаются другие следы. Вероятно, поэтому кирпич был негоден для вторичного использования.

Предположительно печь была большой (около 200 × 160 см), русской, отопительно-варочной: с камерой для готовки и при этом с дымооборотами и кирпичной выводной трубой с задвижкой вместо вьюшки. Судя по совокупности фактов, в том числе по толщине побелочного слоя, печь функционировала не более шести-восьми лет и была разобрана в результате экстренного случая – подготовки к строительству Московских ворот (1811 г.). Примерное время кладки печи – 1803–1805 гг. Наличие металлической задвижки нехарактерно для теплотехнических сооружений XVIII в., особенно в домах обывателей, так же как и известковая побелка. Конструкция исследованной печи является новацией и, возможно, маркирует время появления печей такого типа в Иркутске.

К моменту начала промышленного производства кирпича в Иркутске, связанного с именем М. И. Долгих и строительством каменной канцелярии в 1701 г., частный кирпичный промысел уже существовал [Полунина, 1979, с. 15–16]. Быстрое его развитие сделало возможным использование кирпича для кладки печей в жилых домах. Уже в начале XVIII в. не только зажиточные иркутяне имели печи с «трубами выводными» и отопление побелому, но и рядовые обыватели: «У иркуцкого посацкого человека у Ивана Симонова Малыгина дворишко ветхое, а строения изба черная, другая белая. Пожитков никаких нет»; «У иркутского посадского человека у Ивана Храмова двор огорожен заплотом, во дворе строения: изба, перед избой клеть белая с подволокой, меж избой и клетью сени под одной кровлею». Из описанных 20 дворов в пяти были жилые избы, горницы или клетки, отапливавшиеся по-белому [Переписная книга комнат...].

Как быстро распространились печи с трубами в городе, видно из «Реестра повредившимся от великого потрясения иркутских обывателей дворам, 1742 г.». Список содержит описание 341 домовладельца различного достатка, судя по количеству разрушенных «труб» (от одной до пяти), а соответственно, и жилых помещений в каждом дворе. Всего «рассыпалось» около 500 труб, среди них упоминается только 20 «дымников», которые упали. Это свидетельствует о том, что уже к середине XVIII в. у большинства иркутян дома отапливались по-белому, лишь 20 печей топилась по-черному и имели деревянные дымники, выводившие дым из сеней через кровлю.

С большой долей вероятности можно предположить, что уже ранние постройки на исследуемой территории имели кирпичные печи с дымоходами, которые вошли в число зафиксированных после землетрясения. Развалы первых печей не сохранились, если не считать фрагменты из заполнения ямы во дворе.

В развале № 2 обнаружены кирпичи с клеймами предположительно конца XVIII в., которые свидетельствуют о существовании в это время в Иркутске нескольких заводиков. Обнаружены два вида клейм: печатные литеры «НД» с титлом сверху и совмещенные по одной стороне «ПН» или «ГН». Клейма делали на ложке (длинной узкой стороне) или тычке (короткой стороне), они имеют выпуклый рельеф и получены при формовке кирпича в разъемной деревянной форме. На некоторых кирпичах имеются диагональные счетные линии разметки для подсчета партий готового кирпича [Лорох, 2011, с. 221] (рис. 1: 3, 4, 5).

Судя по информации, полученной благодаря печным развалам, становится понятным, что печи не могли принадлежать первому строительному периоду, поскольку обе просуществовали не более десятка лет, т. е. были построены около 1800 г. Одна из них была кирпичной голландкой с декоративными вставками, вторая – русской печью с дымооборотами и металлической задвижкой (рис. 1: 7). Подобные задвижки массово распространились только в XX в. По отсутствию в заполнении старой гнилой древесины можно предположить, что и постройка, в которой стояли печи, была относительно новой, с плотным полом из согнанных в четверть плах и построенной на расчищенном от старой постройки месте. В конце XVIII в. «дома были высокие и строились в два жилья: вверху горницы, а нижнюю половину занимала кухня, которую называют там (в Иркутске) подклет, и кладовая, по-тамошнему подвал. Если дом был в одно жилье, то низ занимало подполье, род сухого погреба, и подвал. Горницы разделялись сенями на две половины; их обыкновенно называли задняя и передняя; передняя на улицу, а задняя во двор. Из сеней входили прямо в горницу; там на правой стороне изразчатая печь с вычурами» [Авдеева-Полевая, 1837, с. 19]. Печи-голландки обычно служили для обогрева горниц и могли быть изразцовыми, чаще квадратными в плане или угловыми.

Археологически выявленная усадьба располагалась на бойком месте: вблизи переправы через Ангару, недалеко от Монастырских ворот, где начинался Якутский тракт. В процессе работ были обнаружены остатки конструкций и следов организации пространства двух периодов – 1737 – конец 1770-х и 1780-е – 1811 гг. Учитывая, что жилье здесь появилось уже в 1720–1730-х гг., можно условно выделить первый период существования ранней постройки, на время которой приходится большая часть монет, упавших в щели пола с 1737 по 1778 гг. Поскольку ямы не могут быть моложе, чем даты на монетах, следовательно, они были заполнены в период с 1737 до 1804 гг. Заполнение ямы, включающее большое количество разбитых штофов и монет, не совсем характерно для жилой постройки. Это дает основание предположить, что постройка, находившаяся на этой территории в середине XVIII в., была питейным заведением или постоянным двором. Осколки китайского и европейского фарфора могут свидетельствовать о зажиточности владельцев подобного заведения.

В начале XVIII в. постоянные дворы во всех сибирских городах выглядели как обычные жилые избы: «...горница на подклете... у той горницы три окна колодные, да три окна волоковые, двери у той горницы на крюках железных. В горнице печь кирпичная с трубой выводной. Под той горницей подклет, у того подклета окно колодное, три окна волоковые... А на том дворе, на постое торговых людей и с лавочными сидельцы двенадцать человек» [*Переписная книга постоянных дворов*, л. 24]. Аналогично выглядели и питейные заведения: «Кабак представлял собой типичную городскую усадьбу, снабженную некоторыми постройками специального назначения. Например, в Великих Луках он состоял из трехкамерной избы – горницы, сеней с чуланом и клетки. Под сенями находился подвал, во дворе ледник с сушилом наверху. Отдельно стояли поварни и кружечная изба, где и производилась продажа» [*Люцидарская*, 1992, с. 51].

Подводя итоги, можно реконструировать ход событий, происходивших на исследуемой территории в течение XVIII – начале XIX вв., опираясь на литературные сведения и на фактические материалы раскопок. В первые годы существования Иркутска левобережье устья Ушаковки постепенно попало в сферу интересов горожан. Наиболее ранние городские отложения описанного объекта – сильно утоптаный дерн с большим количеством спрессованной щепы. На нескольких локальных участках вместо слоя щепы обнаружены следы плужного земледелия. Распашка производилась вдоль линии бровки (распашка поперек могла вызвать ее эрозию) первой надпойменной террасы левого приустьевых мыса Ушаковки, что находит аналогии в способе возделывания таких участков и по сей день. После этого, на рубеже XVII–XVIII вв., на обследованной территории появилось жилье горожан. Технология строительства первых домов соответствовала общепринятой в этот период: нижние венцы постройки клали прямо на грунт, оставляя слой щепы, не вкапывая под углы толстых листовичных «стульев», распространившихся позднее. В местах западин под углы подложены короткие бревнышки.

Усадьба, расположенная вблизи переправы Московского тракта и пивоваренной избы, вполне могла являться питейным заведением либо постоянным двором. Заполнение большинства ям подтверждает эту версию: разбитая керамика, штофы, тарелки, стаканы, кружки, рассыпавшиеся бусы, пуговицы, нательные крестики. Не противоречит этому и вероятность зафиксированных последствий землетрясения. Видимо, к концу XVIII в. питейное заведение прекратило свое существование, и строения второго периода были жилыми.

При освобождении места под строительство Московских ворот в 1811 г. постройки усадьбы были разобраны и перемещены. Остались лишь незначительные фрагменты окладов, развалы печей и подпольные ямы, покрытые слоем грунта, упавшего с потолка при разборке. От расчистки территории до начала функционирования дороги прошло не менее двух лет, так как развалы кирпича успели обильно зарастить сорняками, корни от которых присутствовали среди кирпича. За это время подпольные ямы были полностью засыпаны бытовым и строительным мусором, затем дневную поверхность начали целенаправленно нивелировать для функционирования дороги. На линии дороги между опор Московских ворот отмечено сильнейшее уплотнение грунта с истертостью поверхностей торчавших кирпичей и гальки, связанное с движением значительного количества людей и повозок. Благоустройство вокруг возведенных Московских ворот с устройством дороги и периодической уборкой «сообщило» этой территории новый режим осадконакопления, точнее – почти полное его отсутствие.

Предпринятая работа показывает возможность увязки фактических данных, полученных при раскопках, с литературными и архивными источниками. Существенным информативным источником стали печные развалы; благодаря им, при минимуме деревянных конструкций удалось получить представление о двух строительных периодах и функциональном назначении построек обнаруженной усадьбы. Большинство полученной при раскопках информации не входило в противоречие с письменными свидетельствами и картографическими материалами. Вместе с этим в представленной реконструкции построек и исторических событий ни одна из составляющих не может претендовать на самостоятельность.

Дело по доношению из Иркутской провинциальной канцелярии о бывшем в городе Иркутске 16 июня 1742 г. великом землетрясении тако ж Иркутской провинции в городех и дистриктах и в прочих местах» // РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 5630. Л. 1–33.

Переписная книга комнат, имущества (посуда, одежда, иконы, скота) иркутских посадских людей, пеших казаков и посадских людей г. Илимска, Кабанского острога, Селенгинска, Удинска // РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2700. Л. 1–9.

Переписная книга постоянных дворов Енисейска 1704 г. // РГАДА. Ф. 214. Кн. 1390. Л. 13–62.

Авдеева-Полевая К. Записки и замечания о Сибири. С приложением старинных русских песен. – М.: Тип. Николая Степанова, 1837. – 156 с.

Бердникова Н. Е., Бердников И. М., Батракова Н. А. Раскопки Владимирского некрополя в Иркутске // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009 г. – Новосибирск, 2009. – Т. 15. – С. 204–208.

Колмаков Ю. П. Иркутская летопись 1661–1940 гг. – Иркутск: Оттиск, 2003. – 848 с.

Краснощечков В. В. К Иркутску через Московские ворота // Достояние поколений. – М., 2013. – № 1/11. – С. 44–49.

Летопись города Иркутска XVII–XIX вв. / сост. Н. В. Куликаускене. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1996. – 320 с.

Люцидарская А. А. Усадебный комплекс Восточной Сибири начала XVIII в. // Памятники быта и хозяйственное освоение Сибири. – Новосибирск, 1989. – С. 144–149.

Полунина Н. М. У истоков каменного града. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979. – 128 с.

Порох М. И. Тарский кирпич XVIII – начала XX вв. (по результатам археологических исследований и визуального осмотра кладок зданий) // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. – Омск, 2011. – С. 217–223.

V. V. Krasnoshchekov¹, L. A. Abolina²

¹Raritet, Ltd., Irkutsk,

²Krasnojarskaja Geoarheologija, Ltd.

ADVANTAGES OF COMPLEX RESEARCHES AT RECONSTRUCTION OF THE PART OF IRKUTSK URBAN ENVIRONMENT OF THE 18th CENTURY

On the data obtained at the research of Ust-Ushakovk archaeological object the attempt of reconstruction of functions of one of parts of the city of Irkutsk of the 18th century is made. Due to almost total absence of wooden contours of buildings, stove ruins have been used as important informative sources for definition of the nomination of buildings and time of their functioning. The combination of archaeological, cartographical and archival data has allowed not only to identify constructions, but also to assume some details of use of investigated area by citizens as well as the events which took place on it. Results of the study show efficiency of application of a complex method of researches during the archaeological works in difficult conditions of the urban environment.

Keywords: Siberian city, The Moskovskie vorota arch in Irkutsk, brick, ground floor, smoke hole, Russian stove, tiled stove.

УДК 902/904 (571.122)

И. Ю. Чикунова

Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень

САМАРОВСКИЙ ЯМ: ИТОГИ ПЕРВЫХ РАСКОПОК

В результате проведения в 2016 г. спасательных археологических работ на поселении «Самаровский Ям» (Ханты-Мансийск) исследованы напластования XVIII–XX вв. Обнаружены остатки плота-фундамента от жилой постройки. В слое под стерильным речным наносом найдено большее количество фрагментов лепной посуды, что свидетельствует о хронологическом разрыве между слоем, залегающим над слоем речного наноса. Можно предположить, что этот разрыв получился в результате закончившегося в 1771 г. десятилетнего половодья, описанного в книге Х. М. Лопарева. Полученные находки позволяют в подтверждение многим архивным данным на конкретном материале увидеть, что местное русское население активно занималось коневодством и рыболовством. Домашние промыслы и ремесла были представлены обработкой кожи и дерева, керамическим производством.

Ключевые слова: Ханты-Мансийск, Самарово, поселение Самаровский Ям, спасательные археологические раскопки, культура русских.

Поселение ямщиков у подножия Самаровских гор – Самаровский Ям – было известно с 30-х гг. XVII в. [История населенных пунктов..., 2012, с. 142]. В феврале 1635 г. царем Михаилом Федоровичем был дан указ о том, чтобы «прибрать в поморских городах 100 человек ямщиков с женами и детьми и немедленно отправить в Сибирь для поселения» [Лопарев, 1896, с. 9; Шашков, 2004; Мосин, 2009, с. 29]. Самаровский ям как одна из станций, следующая после Демьянского яма на пути между Тобольском и Березовым, стал функционировать с 1637 г., а слобода при нем была окончательно построена к 1639–1640 гг.

Одним из основных источников по истории Самарова, культуре и быту его населения является изданная в 1896 г. книга известного ученого, уроженца села Хрисанфа Мефодьевича Лопарева «Самарово, село Тобольской

губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о его прошлом». Начинает он ее так: «На правом берегу Иртыша, верстах в 20 от впадения его в Обь, у подножия довольно высоких гор Самаровских: Паленины, Комиссарской, Мирославской, Филиновой и Романовой, раскинулось село Самарово. Сначала как остяцкие юрты, потом как русский ям, жители которого занимались ямскою гоньбою, Самарово стало теперь большим населенным пунктом, благоустроенным и довольно богатым селом» [Лопарев, 1896, с. 1].

До прихода русских и строительства ими Самаровского яма здесь уже проживало местное население. Примеров, когда русские остроги и города в Сибири строились на месте бывших остяцких «городков», известно немало. В сочинении Герарда Фридриха Миллера, посвященном истории Сибири в 3-й главе приводятся следующие сведения: «По реке Иртышу осталось еще одно место, которое тем важное было, что там жил знатнейший князец надо всеми по рекам Иртышу и Оби находящимися остяками. Сей князец назывался Самар. По нему именуется село Самаровский Ям, понеже оно заведено на том же месте, где князец имел свое жилище» [Миллер, 2011].

В течение первого полувека существования Самаровская слобода постепенно росла. По переписям писцов, в 1683 г. здесь проживал 381 чел. [Шашков, 2004, с. 69]. Поселение изначально было полиэтничным. В 1788 г. ям получает статус села и административного центра Самаровской волости. К этому времени Самарово уже было «самым крупным в Приобье транспортным узлом, обеспечивающим торговые и экономические связи с Восточной Сибирью, Китаем, Средней Азией» [Со времен князя Самара..., 2005, с. 68].

По архивным материалам, к концу 80-х гг. XIX в. усилиями исправника Дзержинского в Самарово были расчерчены улицы, снесены постройки, мешавшие движению, появились тротуары, построенные из плах. Село было перестроено согласно плану, часть строений убрана, появились улицы Церковная, Школьная, Никольский переулок и т. д. [Лопарев, 1896, с. 71].

После революции с. Самарово стало центром Самаровского района Тобольского округа Уральской области, вплоть до 1950 г., когда оно вместе с пос. Остяко-Вогульском было объединено в Ханты-Мансийск.

Несмотря на значительное количество письменных источников, изучение Самаровского яма как археологического объекта начато недавно. Летом 2010 г. при осмотре места земляных работ при обустройстве площади Свободы и возведения памятника основателям Ханты-Мансийска в профилях котлована визуально выявлен культурный слой. Т. Н. Собольниковой произведена зачистка стенок котлована, обнажившая хорошо стратифицированный культурный слой, содержащий артефакты XVIII–XIX вв., а также предметы начала XX в. [Собошникова, 2010]. Благодаря этим работам, Самаровский ям (XVII–XIX вв.) получил статус выявленного объекта культурного наследия, утверждены его границы и режим использования. В 2013 г. были уточнены границы распространения культурного слоя.

Необходимость проведения спасательных раскопок была вызвана начавшимся весной 2016 г. строительством жилого многоквартирного дома на ул. Свободы, 17 (район Самарово, Ханты-Мансийск). Северная половина котлована была выкопана с осуществлением археологического надзора. В процессе выборки Я. А. Яковлев установил, что в котловане имеется непо потревоженный культурный слой, в связи с этим строительные работы были приостановлены.

Перед проведением раскопочных работ, благодаря местному краеведу Н. Ю. Мухиной, нам стало известно, что на выделенном участке строительства на ул. Свободы, 17 в XIX в. располагались два жилых двухэтажных деревянных дома. В большом доме слева жил Александр Иванович Кузнецов. Соседний дом, построенный Петром Семеновичем Скрипуновым, снесли в конце XX в.

На месте дома Кузнецовых в 30-е гг. XX в. было построено двухэтажное деревянное общежитие, которое снесли в 2013 г. С учетом вышесказанного следовало ожидать наличие повреждения верхней части культурного слоя.

Над южной частью планируемого котлована был заложен раскоп площадью 480 кв. м. Из-за ограниченности территории раскоп был поделен на три почти равнозначных сектора. Работы начались с выборки 3-го сектора ввиду его труднодоступности для техники, затем был исследован 1-й сектор. Бровки, учитывая большую глубину раскопа, было решено не оставлять из-за опасности их обрушения. Меридиональные стратиграфические разрезы зафиксированы по стенкам секторов. Снятие первого техногенно-антропогенного культурного слоя производилось с помощью техники, затем слои выбирались последовательно условными горизонтами до 20 см вручную (ввиду специфики состава напластований) по общепринятой методике, с тщательной фиксацией каждой находки при помощи нивелира. Отработанная земля проверялась на наличие пропущенных металлических артефактов с помощью металлоискателя, затем складировалась в ковш экскаватора и вывозилась за пределы строительной площадки. Выборка культурных напластований в раскопе осложнялась погодными условиями и выступанием грунтовых вод. В 1-м секторе грунтовые воды начали скапливаться с уровня 2,5 м, в связи с чем не удалось выбрать последний слой (навоз) и дойти до материковой глины: сектор оказался затопленным. В 3-м секторе грунтовые воды начали поступать с уровня 3 м. Последний слой, который состоял из спрессованного конского навоза и не содержал артефактов, исследован частично, после чего 3-й сектор также оказался залитым грунтовыми водами; 2-й сектор выбирался в последнюю очередь.

В первом антропогенном слое (серый мешанный слой, содержащий строительный и бытовой мусор, щебень, битый кирпич и шифер, глинистые вкрапления различного цвета, – мощностью 1–1,1 м) расчищены остатки бревен от фундаментов снесенных построек XX в. На метровой глубине разрозненно встречались небольшие обруб-

ки бревен и досок. Находки представлены железной жиковиной, фрагментами детской игрушки, латунной ложки и пряжки, крышкой от фарфорового чайничка.

В центре раскопа расчищены остатки почти квадратного фундамента-плота из пиленых деревянных плах и бруса, уложенных взаимоперпендикулярно в три слоя. Такие основания-плоты обычно были практически под любыми постройками для придания им устойчивости на болотистом грунте. В соседних квадратах сохранились также доски от дворового настила, что также до сих пор принято в некоторых регионах с определенными климатическими условиями.

После снятия первого слоя и выборки остатков деревянных конструкций выявился серо-коричневый супесчаный слой из древесной трухи, щепы и опилок. Здесь же встречались разрозненные куски и обломки палок, досок и бревнышек. Много обрывков бересты. Слой достаточно мягкий, рыхлый, что не способствовало качественной зачистке; его мощность составила около 50 см. Находки представлены несколькими фрагментами от черно- и сероглиняных гончарных русских сосудов, в том числе и поливных, железным ножом, рукоять которого собрана из берестяных кружков, шнурками-косичками из конского волоса, рыболовными грузилами, фрагментом деревянного лука, железными коваными гвоздями, обломком деревянного гребня, кухонной веселкой и железной ручкой от ведра.

На двухметровой глубине цвет слоя стал коричневым, сохраняя свой состав (древесная труха, опилки, щепка, куски бересты и ветки). Расчищены доски, уложенные рядком. По архивным сведениям известно, что в Самарове все мостовые и тротуары были деревянные. Не исключено, что эти доски также являлись покрытием улицы или двора. В этом слое найдено наибольшее количество керамики и различных предметов (деревянных и кожаных).

Ниже находился серо-зеленый илистый слой. Его мощность, по архивным данным и наблюдениям, по стенкам котлована составляла от 0,7 до 1 м. При его выборке обнаружено, что он представлен мощным речным намывом и не содержит находок, что в условиях ограниченности времени и погодных условий позволило использовать технику для выборки стерильной прослойки. В нижней ее части стали встречаться разрозненные, хаотично расположенные бревна, несколько обломков фрагментов деревянных изделий, береста.

Под слоем речного намыва залегал темно-коричневый слой, содержащий, помимо опилок, щепы, веток, древесной трухи, еще и примесь навоза. Слой достаточно мощный – около 1 м. В процессе его выборки обнаружено много фрагментов гончарной, лепной и фарфоровой посуды, железные гвозди, кибасы, детали деревянного сборного сосуда, деревянные крышки, железный нож, бусинка, кусочки слюдяных пластинок, железный клевец, каменный оселок, детали кожаных изделий и обуви. Нижний предматериковый слой (навоз) исследован частично из-за обильного выступления грунтовых вод, находок в нем не было.

Коллекция включает более 500 фрагментов от серо- и черноглиняных лепных и гончарных русских сосудов. Венчик короткий, утолщен и обычно отогнут наружу. Орнаментация заключается в украшении верхней половины сосуда прочерченным орнаментом, произведенным гладким широким шпателем. Орнаменты включают косые, перекрещивающиеся, зигзагообразные или беспорядочные линии. Придонные части и донышки свидетельствуют о том, что сосуды были в основном крупные, тяжелые, высокие, типа корчаг, характерных для русской культуры. Кроме этого, найдены фрагменты поливных орнаментированных и неорнаментированных мисок и тарелок. Орнамент представлен растительным узором.

Встречены осколки квадратных бутылок из зеленого и коричневого стекла. Найдены фрагменты фарфоровой посуды с синим орнаментом, которую по аналогиям датируем XVIII–XIX вв.

Массовые находки: 99 деревянных изделий – веселки кухонные, крышки, детали деревянных мисок, тарелок, шаек, донышки и крышки туесков, лопатки и подставки, детали и украшения различных предметов интерьера, пуговица, фрагмент лука и т. д.; 21 рыболовное грузило (кибасы); 73 кожаных изделия – среди них подошвы, подметки, заплатки, оторочки, детали и фрагменты обуви и других предметов; 32 металлических изделия – три железных ножа, клевцы, набойка на каблук, распределительное кольцо, железные кованые гвозди и др.; 22 фрагмента стенок и три расколотых чугуна.

Среди одиночных находок: полосатая бусинка, двузубая вилка, каменные оселки и терочник, косички из конского волоса и фрагменты веревочки из растительных волокон. Полученные находки позволяют в подтверждение многим архивным данным на конкретном материале увидеть, что местное население, помимо своих основных занятий – коневодства и ямщицкого дела, активно занималось рыболовством. Домашние промыслы и ремесла представлены обработкой кожи и дерева, керамическим производством.

В результате проведения спасательных археологических работ (первых на территории поселения «Самаровский Ям») был исследован участок территории, на котором планировалось строительство многоквартирного жилого дома. Раскопом 480 кв. м исследованы напластования, образованные в результате жизнедеятельности людей в последние 300–350 лет. В верхних слоях XIX–XX вв. выявлены остатки разрушенных последующим строительством деревянных фундаментов-плотов, которые обычно устанавливались под постройки различного назначения для придания ей устойчивости в болотистой местности, остатки дощатого покрытия двора (?) XVIII–XIX вв., остатки бревен уличного настила (?) XVIII в.

Большее количество фрагментов лепной посуды, обнаруженных в слое под речным наносом, предполагает некоторый хронологический разрыв между слоем, залегающим над стерильным горизонтом. Можно предположить,

что этот мощный речной нанос образовался в результате почти десятилетнего стояния воды, закончившегося в 1771 г. и описанного в книге Х. М. Лопарева «Самарово, село Тобольской губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о его прошлом» [1896, с. 29, 57].

Собольникова Т. Н. Отчет о НИР. Историко-культурные изыскания по проектной документации по объекту «Благоустройство площади Свободы в г. Ханты-Мансийске» и земельного участка под объект «Обустройство площади Свободы в Ханты-Мансийске. Памятник основателям Ханты-Мансийска», проведенные летом 2010 г. Ханты-Мансийск, 2010 // Личный архив Т. Н. Собольниковой.

История населенных пунктов Югры : краткий научно-популярный справочник / Е. А. Зайцева, В. П. Ключева, С. Н. Щербич. – Ханты-Мансийск ; М. : Перо, 2012. – 176 с.

Лопарев Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1896. – 247 с.

Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства и всех произошедших в нем дел, от начала а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. – Кн. 1. – М. : Книга по требованию, 2011. – 508 с. – URL: <http://static.my-shop.ru/product/pdf/88/879853.pdf> (дата обращения: 12.02.2017).

Мосин А. Г. Фамилии и прозвища жителей Самаровского Яма в XVII в. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. – Екатеринбург, 2009. – [Вып. 7] : в. 2 ч. – Ч. 1. – С. 28–42. – URL: <http://elar.uufu.ru/handle/10995/21561> (дата обращения: 12.02.2017).

Со времен князя Самара: В поисках исторических корней Ханты-Мансийска / Н. А. Балюк, А. Г. Еманов, Е. Б. Заболотный, А. В. Матвеев. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2005. – 182 с.

Шашков А. Т. Самаровский Ям и его жители в XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее и будущее. Сургут, 2004. – С. 65–89.

I. Yu. Chikunova

Institute of the Problems of Northern Development, SB RAS, Tyumen

SAMAROVSKY YAM. THE RESULTS OF THE FIRST EXCAVATIONS

The cultural layers of the 18–20th centuries are investigated on the settlement of “Samarovsky Yam” (Khanty-Mansiysk) in 2016. The remains of houses found. The thick sterile layer of river sand discovered in the thickness of the cultural layer. This layer is formed by a long spill of the Irtysh river in 1760–1770. The sterile layer was found a large number of moulded ceramics. Also found fishing sinkers, wood and leather, iron knives. The resulting artefacts indicate that the local Russian population is actively engaged in horse breeding and fishing. Homemade crafts represented by the processing of leather and wood, ceramic production.

Keywords: Khanty-Mansiysk, Samarovo, the settlement “Samarovsky Yam”, rescue archaeological excavations, culture of Russian.

**НОВАЦИИ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКИХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА (по материалам археологических исследований)**

В статье рассматриваются инновации в материальной культуре русского населения Западной Сибири в XVII – первой половине XVIII вв., которые фиксируются по результатам археологических исследований. В ходе адаптации русских переселенцев к новым условиям жизни происходит определенная трансформация их социально-культурного облика. Изменяются как социально-бытовая среда (дом, усадьба, населенный пункт), так и личный имущественный комплекс (костюм, столовая утварь, посуда, курительные трубки и т. п.). Проводником новаций выступали, как правило, высшие слои русского сибирского социума, однако к ним достаточно быстро адаптировалось и всё общество в целом. Сочетание традиционных и инновационных элементов сформировало уникальный социально-культурный облик русского сибиряка.

Ключевые слова: Западная Сибирь, XVII – первая половина XVIII вв., материальная культура, новации, социально-культурный облик, социально-бытовая среда, личный имущественный комплекс.

Человек, попадающий в новые условия, учится реагировать на них, перестраивая свою повседневную жизнь. При этом он продолжает пользоваться привычными вещами, придерживаться традиций общественного поведения, присущих культурной среде, из которой он вышел. Совокупность этих факторов отражает сложный процесс адаптации, в ходе которой неизбежно изменяется не только мировоззрение социума, но и характерный для него материальный комплекс.

Процесс активного заселения и освоения русскими Западной Сибири пришелся на XVII – первую половину XVIII вв. В ходе него произошли многочисленные контакты как с местным сибирским населением, так и с народами, проживавшими на соседних территориях. Они, наряду с климатическими особенностями региона, повлияли на традиционный жизненный уклад русского общества и привели к распространению различных новаций, нашедших отражение в материальной культуре и фиксируемых по результатам археологических исследований русских памятников Западной Сибири в указанный период.

Происходившие изменения можно проследить через процесс формирования социально-культурного облика русского сибиряка в XVII – первой половине XVIII вв. Это понятие объединяет мировоззренческие установки, сложившиеся в конкретном обществе и транслируемые через материальную культуру [Романова, 2013, с. 156].

Социально-культурный облик транслируется через социально-бытовую среду и через индивидуальный имущественный комплекс, характерный для каждого члена определенной социальной группы. Социально-бытовая среда включает в себя жилище и его характеристики (размер, особенности конструкции, детали интерьера, внутреннее убранство), пространство усадьбы, а также поселение, в котором располагается конкретная усадьба. В индивидуальный имущественный комплекс входят костюм, личные вещи повседневного использования (посуда, предметы личного благочестия, курительные трубки, гребни), оружие и т. д. Таким образом, проанализировав составляющие социально-культурного облика, можно проследить инновационные изменения в материальной культуре русского населения Западной Сибири в XVII – первой половине XVIII вв.

Новации, проявившиеся в социально-бытовой среде русского общества и фиксируемые по результатам археологических исследований, связаны с приемами домостроительства и новыми элементами в интерьере дома. По данным письменных источников фиксируется тот факт, что, попав на новые территории, русские первоначально строили избы как наиболее практичный вид жилищ, но затем достаточно быстро сумели развить известные им приемы домостроения, создав многокомнатные дома с развитой при них усадьбой [Этнография..., 1981, с. 138]. Этому способствовало обилие строевого леса (за исключением Заполярья). Однако в городах этот процесс происходил медленнее, что было связано с ограниченностью доступной для строительства территории в пределах городских стен. Это

подтверждается данными археологических исследований. К настоящему времени в той или иной степени изучено несколько десятков жилых и хозяйственных построек в разных городах Западной Сибири, в частности в Тобольске [Аношко, 2014, с. 138–146], Томске [Черная, 2015, с. 21–69], Таре [Адаптация русских..., 2014, с. 158–163], Березове [Визгалов, Пархимович, 2008а, с. 166–178]. По результатам этих работ можно сделать вывод, что средний размер жилого дома в городе находился в пределах 18–30 кв. м, притом что в это пространство могли попадать части хозяйственных построек. Многокамерные жилища строили для себя лишь представители царской администрации, что фиксируется по результатам раскопок на территории Томского кремля [Черная, 2015, с. 46–69].

В сельской местности такая проблема не стояла. В частности, на сельских памятниках Омского Прииртышья (Изюк-1, Ананьино-1) изученные жилища имели площадь от 30 до 80 кв. м [Адаптация русских..., 2014, с. 191].

Изменения в домостроительстве, связанные с отходом от традиционных изб и строительством более сложных жилых сооружений, стали отражением социального расслоения в западносибирском русском обществе. Это фиксируется по данным письменных и этнографических источников: «богатые имеют в доме три комнаты, среднего состояния – две, а бедные – одну» [Этнография..., 1981, с. 127].

Еще одной новацией, связанной с домостроительством и распространившейся в Западной Сибири в конце XVII – первой половине XVIII вв., стало увеличение количества домов на подклетах. Если в XVII в. такие жилища могли позволить себе только представители царской администрации (что фиксируется и по материалам археологических исследований на территории Томского [Черная, 2015, с. 54–69] и Тарского кремлей [Адаптация русских..., 2014, с. 162]), а остальное население ставило дома прямо на грунт [Там же, 2014, с. 191], то к концу XVIII в. строительство домов на подклете стало распространенным явлением и перестало особо оговариваться в исторических документах, относящихся к этому периоду [Этнография..., 1981, с. 123].

В XVII – первой половине XVIII вв. шло активное распространение печей с трубами, которые были нехарактерны для традиционно топившихся «по-черному» жилищ русских крестьян в предшествующую эпоху [Этнография..., 1981, с. 115]. Следует отметить одну сибирскую особенность, связанную с этой деталью жилища. Несмотря на то что этнографические и письменные источники говорят нам, что кирпичные трубы были атрибутом домов только представителей верхнего слоя сибирского общества [Там же, с. 115], по результатам археологических исследований русских памятников Западной Сибири фиксируются развалы глинобитных печей и труб, выполненных в примитивной технике [Адаптация русских..., 2014, с. 188]. Можно предположить, что волоковые окна под крышей, являющиеся атрибутом топившихся «по-черному» домов, не отвечали суровым климатическим условиям Сибири, и поэтому требовалось внедрение в домостроительство специального дымоотвода, который позволял лучше сберегать тепло.

Инновационные изменения прослеживались и в оформлении отдельных конструктивных элементов жилища. Так, в XVII в. большое распространение получили слюдяные окна. Слюда хорошего качества по прозрачности приближалась к стеклу и пропускала достаточное количество света, а также сохраняла в помещениях необходимую температуру. Для увеличения срока службы слюдяных пластин в домах представителей высших социальных слоев русского сибирского общества использовали железные переплеты, которые в Сибирь привозили из европейской части страны [Этнография..., 1981, с. 114].

По материалам археологических исследований русских памятников Западной Сибири фиксируется, что в изучаемый период слюдяные окна в регионе были распространены достаточно широко. Большое количество фрагментов и целых слюдяных пластин было обнаружено в Березове [Пархимович, 2008, с. 230], Томске [Черная, 2015, с. 92–99], Старотуруханске [Визгалов, Рудковская, 2011, с. 187], Таре [Адаптация русских..., 2014, с. 300], на сельских памятниках Омского Прииртышья Изюк-1 и Ананьино-1 [Татауров Ф. С., 2014, с. 297]. Письменные источники отмечают, что слюдяные оконницы вставлялись только в окна горницы, что указывает как на высокую стоимость, так и на статусное значение этих элементов жилища [Этнография..., 1981, с. 123–124].

С XVII в. связано появление в домах представителей высших слоев русского общества Западной Сибири оконного стекла. Находки его были зафиксированы на территории Томского кремля [Черная, 2015, с. 103]. Однако широкое распространение этот материал для окон получил только к концу XVIII в., а полностью вытеснить слюду оконное стекло смогло только к середине XIX столетия [Этнография..., 1981, с. 123–124].

Необходимо отдельно остановиться на некоторых новациях в оформлении интерьера жилища, которые оставались сугубо элитарными на протяжении рассматриваемого периода. К таким относится распространение в Западной Сибири с середины XVII в. изразцовых печей. Доступны они были только царским воеводам, так как стоимость готовой печи с изразцовым убранством доходила до 20 руб. [Черная, 2015, с. 196]. Археологические исследования русских памятников Западной Сибири XVII – первой половины XVIII вв. фиксируют наличие изразцов лишь в городах, как правило, на территории воеводских усадеб. Так, в Томском кремле были обнаружены фрагменты красных терракотовых и зеленых поливных изразцов, привезенных в середине XVII в. из Европейской России [Там же, с. 77–86]. Несколько изразцов были обнаружены в ходе археологического изучения Верхотурского кремля [Соколова, 1998, с. 165–170]. Представительная коллекция терракотовых и глазированных изразцов собрана в ходе раскопок воеводской усадьбы в Тюмени [Семенова, 2014, с. 275–277]. Лишь к концу XVIII в. цена на этот товар упала, и он стал доступен средним слоям русского населения Сибири [Черная, 2015, с. 87].

Обобщая выводы, касающиеся изменений в социально-бытовой среде русского общества Западной Сибири в XVII – первой половине XVIII вв., мы видим, что русское население Западной Сибири первоначально перенесло на новое место старые традиции домостроения и оформления интерьера жилища. Однако под воздействием климата и новой среды (обилие строевого леса и свободной для проживания земли) смогло провести в жизнь ряд новаций, позволивших ему более комфортно чувствовать себя в новых условиях. К таким мы относим повсеместное строительство многокамерных домов, появление подклетов, печных труб и слюдяных окон. В жилищах представителей царской администрации появились изразцовые печи, в качестве материалов для оконниц начинает использоваться стекло.

В индивидуальном имущественном комплексе русских сибиряков в XVII – первой половине XVIII вв. также произошли существенные изменения. Появились и получили широкое распространение новые категории предметов. Прежде всего, необходимо обратиться к новациям в костюмном комплексе русских Западной Сибири в указанный период. Следует отметить, что именно одежда во все времена была наиболее изменчивым элементом материальной культуры. По данным О. Н. Шелегиной, к середине XIX в. в костюме западносибирских крестьян было представлено 74 элемента (66 %), традиционных для жителей Европейской России, остальные 34 % были заимствованы у аборигенного населения Сибири и иностранцев [Шелегина, 1997, с. 114]. Это говорит о том, что в период XVII–XVIII вв. шел активный процесс формирования «сибирского» костюма. Определенной новацией можно назвать то, что в это время в средние слои русского общества Западной Сибири проникает одежда из дорогих статусных тканей, ранее им недоступная. По материалам археологических исследований фиксируются фрагменты шелковой ткани в Березове [Пархимович, 2008, с. 262], Старотуруханске [Визгалов, Рудковская, 2011, с. 181] и даже на одном из сельских памятников Омского Прииртышья [Глушкова, 2008, с. 332]. Распространение в XVII в. получило и европейское сукно, находки которого известны по материалам раскопок Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2008б, с. 119–120], Тары [Адаптация русских..., 2014, с. 298], и сельских памятников Омского Прииртышья [Богомолов, Татаурова, Кравец, 2013, с. 30–34].

Влияние на традиционный русский костюм оказало и коренное население Сибири. В период начального освоения края среди личных вещей колонистов и товаров на рынках можно было встретить вогульские односторонние и кафтаны, остяцкие и якутские шубы, остяцкие шапки и малахай и т. п. [Вилков, 1967. Табл. 36]. Прочно вошел в обиход сибиряков среднеазиатский кафтан из верблюжьего сукна – «азям» [Люцидарская, 1992, с. 145].

По археологическим данным фиксируется влияние на костюмный комплекс русских западноевропейской моды. Так, при анализе коллекции обуви с поселения Изюк-1 в Омском Прииртышье были выявлены образцы женских и мужских туфель первой половины XVIII в., характерные для населения Западной Европы [Татаурова, Богомолов, 2016, с. 109–117]. Похожая обувь, разнообразно декорированная и с высоким каблуком, была обнаружена в ходе раскопок Мангазеи [Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011, с. 86].

Таким образом, при сохранении большого количества традиционных черт костюмный комплекс русских Западной Сибири в XVII – первой половине XVIII вв. воспринял ряд новаций, что послужило основой для формирования особого социально-культурного облика русского сибиряка, который в дальнейшем стал его «визитной карточкой», отличавшей его от жителей великорусских губерний.

Инновационные изменения, происходившие в личном имущественном комплексе представителей средних и низших слоев русского социума в Сибири, в некоторых случаях были связаны с проникновением из высших слоев предметов, ранее считавшихся элитарными. К таким можно отнести, в частности, вилки, которые в изучаемый период только начинали распространение по территории Сибири. Скорее всего, первоначально эти предметы были в обиходе лишь у дворян и царских чиновников. В Западной Сибири для XVII – первой половины XVIII вв. они фиксируются по материалам археологических исследований Березова [Пархимович, 2008, с. 255], Томска [Черная, 2015, с. 211] и Тары, причем в последнем случае это предметы, изготовленные кустарным способом как подражания вещам, которыми пользовались представители высших слоев городского общества, при том что находки вилок сделаны в острожной части города.

Особенной сибирской новацией стало распространение в регионе в XVII в. чая и фарфоровой посуды. Русские познакомились с этим напитком в Средней Азии в первой половине XVII в. К середине столетия он в небольших количествах завозился в Западную Сибирь бухарскими купцами, а к концу века чайный лист прочно утвердился на сибирских рынках [Этнография..., 1981, с. 186]. При этом он продолжал оставаться дорогим товаром и служил показателем статуса, распространившись в основном среди служилых людей и царских чиновников, низшие слои населения могли позволить себе пить чай только по большим праздникам [Гончаров, 2004, с. 68].

Чай был тесно связан с фарфоровой посудой, из которой его пили. Китайские традиции чаепития способствовали возникновению особой пищевой культуры не только в Сибири, но и в европейской части России [Похлебкин, 1997, с. 298–300]. Первые поставки китайского фарфора в Западную Сибирь после прихода в этот регион русских начались, судя по данным таможенных книг, уже в первой трети XVII столетия, при этом его цена могла доходить до двух рублей за предмет [Вилков, 1990, с. 46–48]. По археологическим данным можно сделать вывод, что фарфоровая посуда в Западной Сибири была распространена достаточно широко, причем как в городах (Мангазея [Татауров Ф. С., 2014, с. 293–294], Березов [Пархимович, 2008, с. 420], Тобольск [Матвеев, Аношко, Сирюшова, 2011, с. 119], Тара [Адаптация русских..., 2014, с. 172]), так и в сельской местности: Ананьино-1, Изюк-1, Бергам-1 (все памятники Омского Прииртышья) [Татауров Ф. С., 2014, с. 293–294].

Во второй половине XVII в. из Западной Европы в Россию в больших количествах начинает поступать продукция возникшего там столетием ранее стекольного производства. Это были емкости для вина (бутылки), а также флаконы, рюмки, чашки. В Западной Сибири подобные предметы входят в обиход высших слоев общества; об этом говорят материалы археологических исследований воеводской усадьбы в Томском кремле, где были найдены фрагменты венецианских, богемских, польских винных бутылок и разнообразной стеклянной посуды [Черная, 2015, с. 206–211]. Аналогичные предметы были обнаружены в культурном слое посада Тобольска [Адамов, Балюнов, Данилов, 2008, с. 58], Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2008б, с. 251], на территории Тарского кремля [Татауров Ф. С., 2016, с. 191–194] и на сельских памятниках Омского Прииртышья [Татауров Ф. С., 2014, с. 296].

Еще одна новация, которую также можно назвать сибирской, – табакокурение. Привычка курить табак, как полагают исследователи, бытовала у коренных народов Сибири еще в XVI в. [Беликова, Зинченко, 2012, с. 93]. Поступал он в основном из Китая и распространялся бухарскими купцами [Шаповалов, 2000, с. 115].

В русском обществе Западной Сибири табак курили в основном служилые люди. Первоначально они выступали посредниками и контрабандистами, продавая его, в частности, селькупам, но потом и сами пристрастились к этой привычке [Шаповалов, 2000, с. 115]. Оказывали влияние на распространение табака среди военных и казаки литовских списков, принесшие привычку к курению из Европы. Употребление табака представителями военного сословия считалось модным, несмотря на запреты центральной власти [Оглоблин, 1892, с. 684–686].

Зафиксировать факты употребления табака в изучаемый период помогают курительные трубки, найденные в ходе археологических исследований. Большинство из них – это сугубо утилитарные предметы. Лунки для засыпки табака в диаметре не превышают 1 см, что свидетельствует о высокой стоимости и дефиците этого товара в Западной Сибири. Трубки были обнаружены на сельских памятниках Омского Прииртышья [Татауров Ф. С., 2014, с. 296] и на территории Саянского острога [Шаповалов, 2000, с. 119].

Подводя итог, можно говорить о том, что, переезжая на новое место, человек был подсознательно готов к изменениям в своем образе жизни. Как следствие этого, меняется всё общество в целом. Начинается процесс формирования социально-культурного облика русского сибиряка, который завершился к середине XVIII в. Свое отражение он нашел в материальном комплексе, что фиксируется по результатам археологических исследований. Новации, нехарактерные для традиционной русской культуры европейской части России, прослеживаются как в социально-бытовой среде, так и в личном имущественном комплексе всех социальных слоев русского сибирского общества в XVII – первой половине XVIII вв.

Изменения в социально-бытовой среде связаны, в первую очередь, с развитием приемов домостроительства и строительством многокомнатных домов на подклетах, печами по-белому и изразцовыми, слюдяными и стеклянными окнами. В личном имущественном комплексе более всего изменился костюм, который эклектично сочетал в себе русские, западноевропейские, среднеазиатские и местные сибирские традиции. В Сибири раньше, чем в Европейской России, распространяется культура чаепития, а также фарфоровая посуда. То же мы можем сказать и про табакокурение. При этом некоторые тенденции, связанные с появлением в регионе, например, стеклянной посуды, являлись общероссийскими. Стоит отметить, что проводником новаций выступали, как правило, высшие слои русского сибирского социума, однако к ним достаточно быстро адаптировалось и всё общество в целом. Вышеуказанные особенности позволяют сделать вывод о складывании в XVII – первой половине XVIII вв. уникального социально-культурного облика русского сибиряка.

Адамов А. А., Балюнов И. В., Данилов П. Г. Город Тобольск. Археологический очерк. – Тобольск : [Б. и.], 2008. – 114 с.

Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI–XVIII вв. (по материалам археологических исследований) / Л. В. Татаурова, С. Ф. Татауров, Ф. С. Татауров, К. Н. Тихомиров, С. С. Тихонов. – Омск : Издатель-Полиграфист, 2014. – 374 с.

Аношко О. М. Посадские постройки Тобольска XVII–XIX вв.: описание, датировка, назначение (по материалам первого и второго гостиных раскопов) // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск ; Тюмень; Екатеринбург, 2014. – Т. I. – С. 138–142.

Беликова О. Б., Зинченко А. С. Курительные аксессуары XVII–XIX вв. Таежного Причулымья (юг Западной Сибири): трубки // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 2(17). – С. 93–105.

Богомолов В. Б., Татаурова Л. В., Кравец Е. В. Реконструкция костюма русских Западной Сибири по археологическим материалам XVII–XVIII вв. // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. – 2013. – № 12 (303), вып. 55. – С. 28–36.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Археологические исследования Березовского городища // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2008а. – С. 166–178.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). – Екатеринбург ; Нефтеюганск : Магеллан, 2008б. – 296 с.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Курбатов А. В. Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). – Екатеринбург : Магеллан, 2011. – 216 с.

—Ф. С. Татауров. Новации в материальной культуре русских Западной Сибири в XVII – первой половине XVIII века

Визгалов Г. П., Рудковская М. А. Первые результаты археологических раскопок Старотуруханского городища (Новой Мангазеи) // *Культура русских в археологических исследованиях. Междисциплинарные методы и технологии.* – Омск, 2011. – С. 180–189.

Вилков О. Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII вв. – Новосибирск : Наука, 1990. – 308 с.

Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. – М. : Наука, 1967. – 324 с.

Гончаров Ю. М. Семейный быт горожан Сибири второй половины XIX – начала XX века. – Барнаул : Аз Бука, 2004. – 132 с.

Глушкова Т. Н. Ткани XVII века из русских могильников Изюк-I и Ананьино-I // *Культура русских в археологических исследованиях.* – Омск, 2008. – С. 326–333.

Люцидарская А. А. Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки. XVII – начало XVIII вв. – Новосибирск : Наука, 1992. – 200 с.

Матвеев А. В., Аношко О. М., Сирюшова Н. Ф. Старинный фарфор и фаянс из культурного слоя Тобольска // *Вестник археологии, антропологии и этнографии.* – 2011. – № 2 (15). – С. 116–124.

Оглоблин Н. Н. Бытовые черты XVII века // *Русская старина.* – СПб., 1892. – Т. 74. – 762 с. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Пархимович С. Г. Коллекция артефактов из раскопок Березовского городища // *Культура русских в археологических исследованиях.* – Омск, 2008. – С. 215–227.

Похлебкин В. В. История важнейших пищевых продуктов. – М. : Центрполиграф, 1997. – 553 с.

Романова Н. В. Сегменты социокультурного облика // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* – 2013. – № 2 (28). – С. 154–156.

Семенова В. И. Коллекция изразцов из раскопок Тюмени // *Культура русских в археологических исследованиях.* – Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014. – Т. I. – С. 275–277.

Соколова Н. Е. Изразцы Верхотурского кремля // *Археологические и исторические исследования г. Верхотурья.* – Екатеринбург, 1998. – С. 165–170.

Татауров Ф. С. Западноевропейское стекло XVII века в Тарской крепости (по материалам археологических исследований) // *Материалы VIII региональной научно-практической конференции «Вагановские чтения».* – Омск, 2016. – С. 51–54.

Татауров Ф. С. Систематизация археологических коллекций как инструмент для воссоздания социального облика русского населения Западной Сибири конца XVI – первой половины XVIII вв. // *Культура русских в археологических исследованиях.* – Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014. – Т. I. – С. 293–298.

Татаурова Л. В., Богомолов В. Б. Женские кожаные туфли на высоком каблуке XVII–XVIII вв. (по материалам археологических комплексов русских Омского Прииртышья) // *Археология, этнография и антропология Евразии.* – 2016. – № 44(2). – С. 109–117.

Черная М. П. Воеводская усадьба в Томске. – Томск : Д'Принт, 2015. – 276 с.

Шаповалов А. В. Табак в Западной Сибири в XVII–XVIII вв. // *Чуждое – чужое – наше. Наблюдения к проблеме взаимодействия культур.* – Новосибирск, 2000. – С. 107–121.

Шелегина О. Н. Историко-этнографические аспекты адаптации русского крестьянства Западной Сибири в XIX столетии // *Народы Сибири: история и культура.* – Новосибирск, 1997. – С. 113–120.

Этнография русского крестьянства Сибири. XVII – середина XIX вв. / отв. ред. В. А. Александров. – М. : Наука, 1981. – 270 с.

P. S. Tataurov
Omsk State Technical University

INNOVATION IN THE RUSSIAN MATERIAL CULTURE OF WESTERN SIBERIA IN 17th – FIRST HALF 18th CENTURIES (according to archeology)

This article considers innovations in material culture of the Russian population of Western Siberia in 17th – the first half of the 18th centuries which are fixed by results of archaeological researches. During adaptation of the Russian immigrants to new conditions of life, there is a certain transformation of the socio-cultural aspect. Changes happen as in the social environment (the house, the estate, the settlement), and in a personal property complex (a suit, table utensils, ware, pipes, etc). The upper class of the Russian Siberian society acted as the conductor of innovations, as a rule, however all society in general quickly enough adapted to them also. The combination of traditional and innovative elements formed a unique socio-cultural aspect of Russian Siberian.

Keywords: Western Siberia, 17th – first half of the 18th century, material culture, innovations, socio-cultural aspect, social environment, personal property complex.

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕРСТА К ГРАДУ ТАРСКОМУ

В статье изложены результаты работ автора по изучению путей сообщения, которые подходили к воротам Тарской крепости. Это один из сюжетов, которыми занимается пространственная археология. Источниками стали планы и карты Тары 1701, 1737, 1775, 1861 гг., материалы раскопок крепости, наблюдения автора по природно-географической среде города и его окрестностей. По мнению автора, крепость, основанная князем Андреем Елецким, располагалась в хорошо защищенном природой месте, легкодоступном только с севера. Для удобства проезда жители Тары начали пролагать дороги преимущественно в северном и южном направлениях. Часть из этих дорог стала улицами современной Тары. Дорогу на запад преграждало болото. Путь на восток пролегал по труднопроходимой пойме. Автор считает, что результаты исследования таких сюжетов могут быть экстраполированы на более ранние эпохи.

Ключевые слова: Тарская крепость, планиграфия, пространственная археология, пути сообщения, картографические материалы, поздняя археология.

Существующая ситуация. В настоящее время в археологии Западной Сибири довольно отчетливо видны две парадигмы исследования археологических памятников XVI–XVIII вв. Одну из них, которую называют «поздняя археология», можно соотнести с археологией русских и аборигенов Сибири, другую – с изучением этнографо-археологических комплексов (ЭАК) преимущественно русских сибиряков и сибирских татар. Конечно, это не значит, что археологи других регионов не рассматривают эти вопросы; просто в данной работе речь о них не пойдет. Конечно, между названными парадигмами есть различия, касающиеся, прежде всего, методологии исследования и интерпретации материалов. Но есть и сходство: использование одних и тех же археологических памятников и решение некоторых схожих вопросов: например, планиграфии археологических объектов и пространственного распределения компонентов ЭАК. Фрагмент именно этого сюжета будет рассмотрен ниже.

Обсуждаемый вопрос. Изучение планиграфии археологических памятников, распределения категорий находок или объектов на их площади – один из традиционных видов работ археологов. Как пример приведу работу Л. В. Татауровой, изучившую планиграфию поселения Ананьино-I – русской деревни начала XVII в. [Татаурова, 2016, с. 435–439]. Многочисленные подобные работы, выполненные в русле пространственной археологии – spatial archaeology, абсолютно справедливо считаются перспективными, поскольку в них ученые выявляют интересные, не лежащие на поверхности факты о функционировании изучаемых объектов.

Накопленные в ходе раскопок Тарской крепости материалы (работы ведутся с 2007 г. под общим руководством С. Ф. Татаурова) позволяют рассматривать ее планиграфию, а также соотносить раскопанные сооружения с известными по письменным сведениям постройками. Однако возможно изучение и другого аспекта пространства Тары – формирование ее исторических районов и их соотнесение с современной застройкой [Тихонов, 2016а, с. 32–39; 2016б, с. 440–442], благо, о них есть данные, хотя и достаточно краткие [Описание..., 1982, с. 66], а кроме того, картографические материалы.

В статье будет рассмотрен сюжет о возможности определения дорог, по которым путники подходили к самым воротам Тары, и их соотнесения с современными улицами города.

Дискуссия. В настоящее время не составляет никакого труда доехать до самой Тары и добраться до любой ее точки, поскольку существует развитая сеть дорог и улиц с твердым покрытием и есть мосты через реки. Но не так было в первые века существования крепости. Она была построена князем Андреем Елецким на мысовидном участке первой надпойменной террасы левого берега Иртыша. Под террасой протекала небольшая речка Аркарка, а далее к востоку простиралась пойма шириной около трех километров, пересеченная многочисленными логами и правыми притоками Аркарки. Передвижение на этом участке было затруднительно в весенне-летний период, хотя по одной из речных дюн была проложена дорога к Верхним юртам (ныне с. Екатерининское), что примерно в 10 км от Тары на правом берегу Иртыша.

С юга, судя по карте С. У. Ремезова 1701 г., крепость ограничивал буерак. Возможно, сейчас это безымянный подъем, начинающийся от ул. Омской и выводящий к культурно-досуговому центру «Север». Предположим, что за годы существования Тары он был трансформирован, частично засыпан, стал более пологим. В 400 м южнее описанного подъема есть еще один «буерак» (в местной огласовке – «щель»), препятствующий подходу к крепости с юга. Хотя главной преградой на пути с этой стороны была Аркарка с крутыми берегами, выходящая в пойму в 900 м южнее крепости. С западной стороны дорогу к крепости затрудняла речка, начинавшаяся в болоте к западу от крепости и впадающая в Аркарку в 500 м к юго-западу от места ее выхода в пойму. Она протекала по логу, который в середине XIX в. называли «Кладбищенским». С северной стороны естественных препятствий на пути

к Таре не было. Итак, князь Елецкий построил крепость на месте, хорошо укрепленном самой природой и легкодоступном только с северного направления.

Чтобы рассмотреть возможность преодолеть последнюю версту к Таре с северной стороны, сначала изучим картографические данные. Сравнивая карту 1775 г. и план современной застройки города, известный по общедоступным космическим съемкам, расположенным на сервисах Wikimapia, Google Earth, Panoramio, Яндекс-карты, можно убедиться, что на протяжении последних 200 с лишним лет планиграфия этого участка не изменилась. Единственное существенное отличие этих карт – разное направление указателя на север – можно объяснить ориентацией их на географический или магнитный полюс. Магнитноеклонение в Таре составляет $+12.8^\circ$, что примерно соответствует углу между указателями на север на этих двух картах. Русло Аркарки также не изменилось, т. е. и надпойменная терраса не меняла очертаний. Поэтому предположу, что основные современные транспортные артерии были проложены на месте старых (рис. 1).

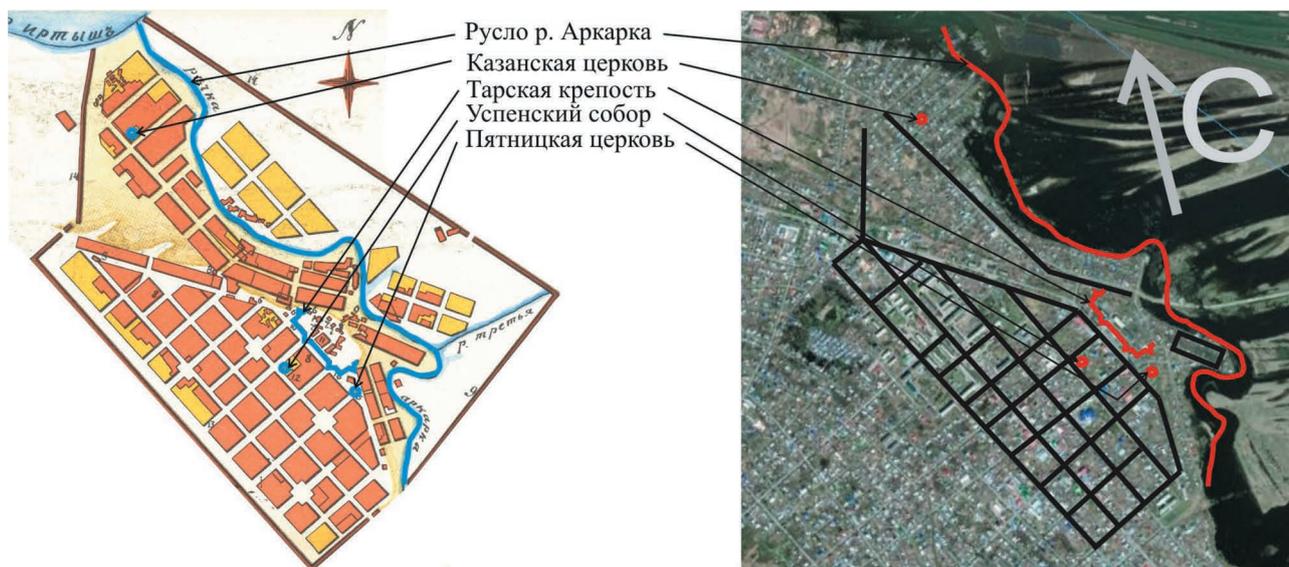

Рис. 1. Сопоставление планов Тары 1775 г. [ГИАОО, л. 70–71] (слева) и современного города (справа)

Итак, подъехать к воротам Тарской крепости с севера не составляло труда. Тракт из Тобольска, конечный участок которого стал современной ул. Советской (бывшая Никольская), подходил прямо к крепостным воротам (рис. 2, с. 354). Приехать в Тару с востока по пойме можно было в сухое время года или зимой. Но чтобы попасть на эту дорогу (сейчас ее называют «Старая Екатерининская»), нужно было от Екатериновки на пароме переправиться на левый берег Иртыша, проехать десяток километров по пойме до Крестьянского моста (небольшой мост через Аркарку, выводящий к ул. Нерпинской под горой и ведущий к пристани на Иртыше) и уже потом по ул. 40 лет ВЛКСМ (бывшая Полицейская) подняться на террасу к острогу. Полагаю, что эта дорога была местного значения.

Чтобы прибыть в город с юга, необходимо переправиться через Аркарку – главное препятствие. Судя по картам, переход через нее был возможен в двух местах (рис. 2). Первый – в месте выхода Аркарки в пойму по небольшому мостику, который в наши дни заменен на дамбу с трубами. Этот мост показан на карте 1861 г., и по нему можно было пройти от крепости к месту, которое планировалось отдать под строительство мечети, татарской слободы (район современного стадиона «Олимп») и татарского кладбища близ средней общеобразовательной школы № 4. По каким-то причинам мечеть и слободу здесь не построили, а место, отведенное под кладбище, использовали. В наши дни это старое кладбище заброшено. Вообще именно этот участок Тары не имел жилой застройки. Сейчас здесь располагается место отдыха тарчан – Тарская роща, в которой строят стадион и ледовую арену. Иными словами, мостик, о котором идет речь, вел к пустому месту. И вряд ли его интенсивно использовали. К тому же, на картах XVIII в. он отсутствует.

Второе место переправы через Аркарку – район улиц Кузнечная – 8 Марта, там, где когда-то находился Калашников мост. Именно к этому месту, где впадала в Аркарку речка, текущая по Кладбищенскому логу, подходила прямая дорога с юга (ныне это тракт К-4 Омск – Тара, переходящий в ул. Радищева). Здесь могло быть два перехода. Один – мост ниже устья речки – показан на карте 1861 г. Он вел на ул. Кузнечная, и близ моста стояла полицейская будка. Второй переход располагался в районе Калашникова мостика, по которому можно было пройти к улицам 8 Марта и 4-я Линия, обогнув Тихвинское кладбище с запада, подойти к ул. Избышева (бывшая Пятницкая) и по ней подойти к южной части крепости, к спуску в подгорную часть Тары по буераку. Или же, пройдя половину версты к северу, пройти городскими улицами до ул. 40 лет ВЛКСМ (бывшая Полицейская), выйти к северной части крепости и к спуску в подгорную часть Тары по ул. Успенской к ул. Нерпинской и Крестьянскому

мостику. На обоих путях через речку, текущую по Кладбищенскому логу, были мостики (рис. 2). Всего же через эту речку было четыре моста, их количество указывает на то, что жителям Тары, по-видимому, часто нужно было перебираться через речку.

Рис. 2. Схема въездных дорог в старую Тару

Заключение. Построенная князем Андреем Васильевичем Елецким Тарская крепость была с запада хорошо защищена болотом, называвшимся Водяным (от него остались отдельные водоемы), и речкой, текущей по Кладбищенскому логу. С востока дорогу в крепость затрудняла иртышская пойма шириной около 3 км, с большим количеством логов, а также Аркарка с притоками. Чтобы попасть в Тару с юга, необходимо было перебраться через Аркарку, затем, обойдя Тихвинское кладбище с запада, по одной из двух улиц подойти к южной или северной части крепости (рис. 2). Отметим, что и в наши дни эти улицы используются для проезда чаще, чем другие, расположенные между ними. На одной из этих улиц находится базар, а традиция устраивать торг возле ворот известна. Данные карт свидетельствуют, что в середине XIX в. появилось еще две переправы через Аркарку. С севера для проезда в Тару никаких препятствий не было.

Таковы предварительные итоги исследований о дорогах, которые подводили когда-то путников в ворота старинного сибирского города.

План уездного города Тары 1775 г. // ГИАОО, Военно-учетный архив. Д. 21 4998. Л. 70–71.

Описание Тобольского наместничества. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1982. – 321 с.

Татаурова Л. В. Планиграфия и система жизнеобеспечения деревни Ананьино XVII–XIX веков // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2016. – Т. XXII. – С. 435–439.

Тихонов С. С. Бухарская слобода Тарской крепости: исследования топографии и исторических районов города // Средневековые тюрко-татарские государства. – Казань, 2016а. – № 8. – С. 32–39.

Тихонов С. С. Исследования микротопографии Тарской крепости и ее окрестностей в 2016 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2016б. – Т. XXII. – С. 440–442.

S. S. Tikhonov

Omsk Division of Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS

THE LAST MILE TO TARA FORTRESS

The article presents the results of the author's work on the study of lways, who came to the gate of the fortress of Tara. This is one of the subjects dealt with by the spatial archeology. The plans and maps of Tara 1701, 1737, 1775, 1861's, the materials of fortress excavation, the author's observations of natural and geographical environment of the city and its environs becomes the sources. According to the author, fortress, founded by Prince Andrew Eletskii, located in a well-protected by nature place, easily accessible only from the north. For the convenience of residents peoples of Tara started to pave roads mainly in the northern and southern directions. Some of these roads becomes the streets of modern Tara. Road to the west was blocking the swamp. The path to the east lay along rugged floodplain. The author considers the results of such investigating can be extrapolated to an earlier times.

Keywords: Tara fortress, planigraphy, spatial archeology, roads, cartographic materials, later archeology.

УДК 930.26/930.85

А. М. Илюшин

Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева

КУЛЬТУРА РУССКИХ ПОСЕЛЕНЦЕВ ЗЕМЛИ КУЗНЕЦКОЙ (по материалам археологических разведок в долине реки Ур)

Описываются результаты археологического исследования остатков русских жилищ и деревни. Публикуются материалы раскопок, которые датируются XIX – началом XX вв. Делается вывод о свободной планировке деревни на основе обособленных заимок. Высказывается гипотеза о том, что выявленные археологические объекты представляют собой место проживания семьи Устюжаниных.

Ключевые слова: река Ур, археологический объект, раскоп, русское жилище.

В 1999 г. Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция (ККАЭЭ) проводила полевые исследования в долине среднего течения Ура на территории Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области [Полевые исследования..., 2001, с. 248–250]. При совершении археологических разведок по правому берегу Ура близ с. Подгорное были выявлены четыре земляные сильно задернованные насыпи диаметром 7–10 м и высотой 0,35–0,45 м, каждая из них стояла особняком на расстоянии 100–150 м друг от друга. Эти явно искусственные и схожие между собой сооружения, несмотря на разрозненное расположение на западной наклонной подошве Устюжанинского плато, внешне напоминали курганные насыпи. На этом основании они предварительно интерпретированы как одна курганная группа. Было принято решение заложить разведочный раскоп в восточной части северной земляной насыпи этой группы, чтобы исследовать ее профиль и окончательно определиться с предназначением сооружения. Это позволяло, в случае если насыпь окажется погребальным курганом, продолжить ее изучение с оставлением одной бровки или разреза в соответствии с методикой полевых исследований, а если это окажется современное сооружение, то это даст возможность законсервировать его после рекультивации грунта.

После раскопок и зачистки восточной части земляной насыпи была зафиксирована устойчивая стратификация грунта – дерн 0,10–0,12 м, чернозем 0,25–0,45 м, предматериковый смешанный слой из чернозема и светло-желтой глины 0,08–0,11 м и материк (светло-желтая глина). Каких-либо дополнительных конструкций погребальных или жилых сооружений выявлено не было. В раскопе на разных глубинах были найдены фрагменты посуды: 50 керамической (вся выполнена на гончарном станке, 40 без глазури и 11 были покрыты светло-коричневой блестящей глазурью) и два – фаянсовой, а также два миниатюрных фрагмента тонкого прозрачного стекла, одна железная подвесная скоба, один фрагмент обработанной бересты и один фрагмент толстой кожи. По завершении исследования разведочный раскоп был засыпан грунтом, а объект законсервирован.

Находки из раскопа (рис. 1: 1–11, с. 356) дают возможность датировать исследованный объект XIX – началом XX вв., а полученные из раскопа материалы позволяют сделать вывод о том, что изученная земляная насыпь – это остатки строения, по-видимому жилища. Отсутствие котлована, ямок-углублений от столбов опор и следов очага приводят к заключению, что строение представляло собой наземный сруб или какую-либо другую деревянную

конструкцию, установленную на дневную поверхность и отапливавшуюся при помощи печи. Вероятно, несущая конструкция с внешней стороны была обвалована снизу землей для ее укрепления и утепления. Близкое по конструкции сооружение, датированное концом XVIII–XIX вв., было раскопано ККАЭЭ в 2000 г. на поселении Саратовка-6, расположенном в 1,5 км выше по течению Ура [Илюшин, Борисов, Ковалевский, 2001, с. 229–231; Илюшин, 2003, с. 45–46; 2007, с. 420–423; Илюшин, Алташева, 2004, с. 293–294]. Расположение построек на удаленном расстоянии друг от друга позволяет предполагать, что выявленные четыре земляные насыпи (одна из которых была частично раскопана) представляют собой остатки обособленных строений на русских заимках, образующих небольшое селение (деревню). Такая застройка была характерна для русских селений в Западной Сибири до XVIII в., но сохранялась и в XIX в. [Бардина, 1994, с. 111, 117–118].

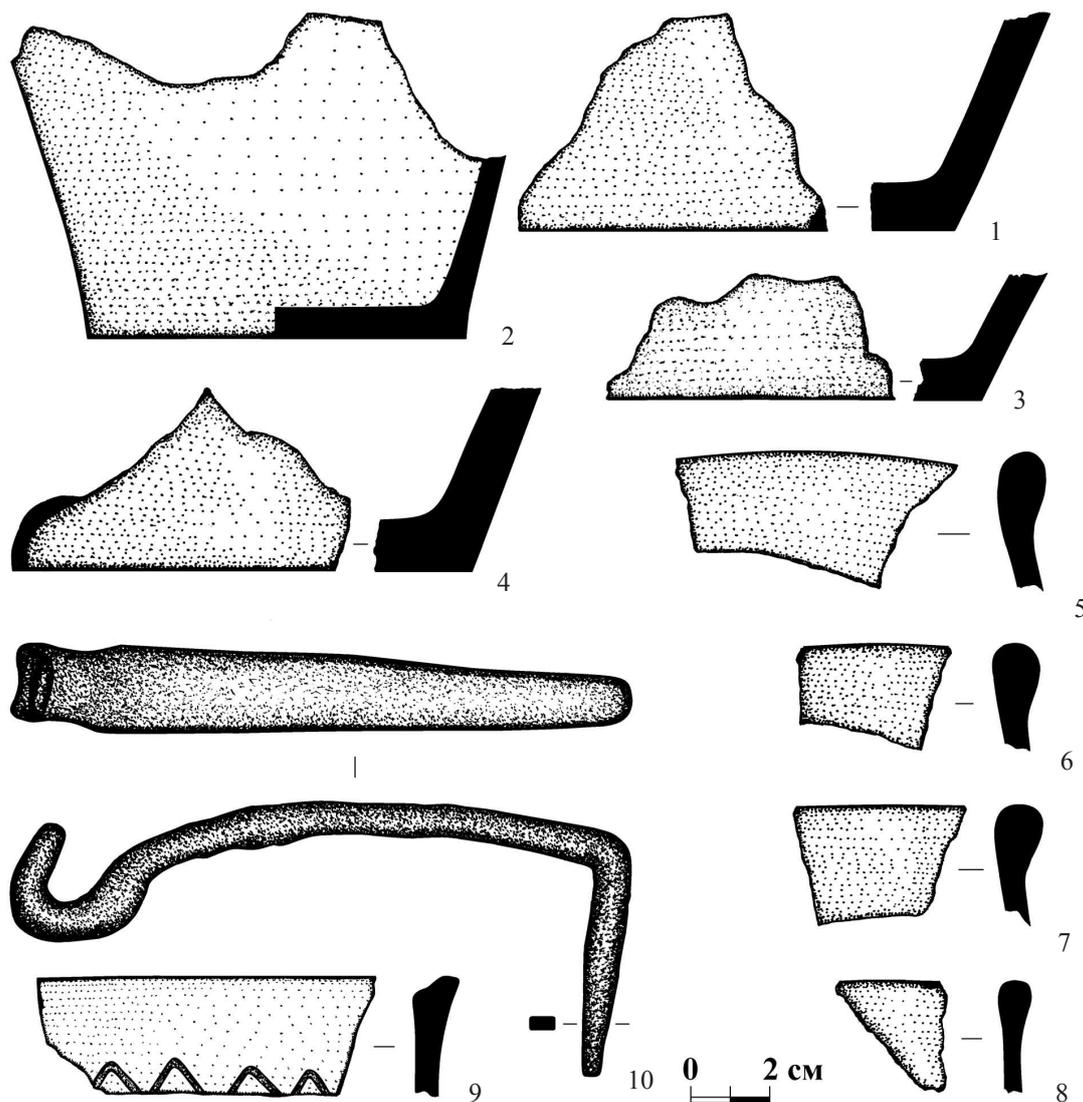

Рис. 1. Поселение Подгорное-1. Находки из раскопа 1999 г.:

1–9 – фрагменты керамической посуды (1, 3, 4 без глазури, 2, 5–9 покрыты светло-коричневой глазурью); 10 – железная подвесная скоба

Оценивая результаты исследования земляных насыпей в долине среднего течения Ура, можно констатировать, что они представляют собой остатки жилищ и деревни, расположенной по соседству с аз-кыштымским поселением. Свободная планировка селения и конструкция жилищ свидетельствуют о наличии у русских поселенцев на этом месте традиций местожительства русских крестьян в Западной Сибири, сложившихся еще в XVIII в. Не исключено, что найденные экспедицией остатки деревни из четырех заимок XIX – начала XX столетия представляют собой первое место поселения семейства Устюжаниных, чья фамилия стала «прологом» названия небольшого горного плато и д. Устюжанино Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области.

Бардина Е. П. Русские поселения, жилища и другие постройки // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск, 1994. – Т. 1 : Поселения и жилища. – Кн. 2. – С. 101–164.

Илюшин А. М. Аз-кыштымские (телеутские) поселения и жилища Кузнецкого Присалаирья в конце XVIII – XIX вв. (по данным этнографии и археологии) // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования : сб. науч. тр. – Иркутск, 2007. – С. 420–423.

Илюшин А. М. Этнокультурный комплекс аз-кыштымов в конце XVIII века (по материалам археологических раскопок) // Народная культура: личность, творчество, досуг. – Омск, 2003. – С. 45–46.

Илюшин А. М., Алташева М. Ю. Поселение аз-кыштымов последней четверти XVIII–XIX веков в долине реки Ур (по материалам раскопок ККАЭЭ) // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности : материалы XLIV регион. (с междунар. участием) археолого-этнограф. конф. студентов и молодых ученых. – Кемерово, 2004. – С. 293–294.

Илюшин А. М., Борисов В. А., Ковалевский С. А. Полевые исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Археологические открытия 2000 г. – М., 2001. – С. 229–231.

Полевые исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции / А. М. Илюшин, В. А. Борисов, С. А. Ковалевский, М. Г. Сулейменов // Археологические открытия 1999 г. – М., 2001. – С. 248–250.

A. M. Ilyushin

Kuzbass State T. F. Gorbachev Technical University

CULTURE OF THE RUSSIAN SETTLERS OF THE EARTH KUZNETSK (on materials of archaeological investigations in the valley of the river Ur)

Results of archaeological research of the remains of the Russian dwellings and the village are described. Materials of excavation which are dated 19th – the beginning of the 20th centuries are published. The conclusion about free planning of the village on the basis of isolated *заимок* is drawn. The hypothesis that the revealed archaeological objects represent a place accommodation of a family *Устюжанин* expresses.

Keywords: river Ur, archaeological object, excavation, Russian dwelling.

УДК 347.787

Р. Ю. Федоров¹, Д. Н. Лысенко², Л. А. Аболина³

¹Институт криосферы Земли СО РАН; Тюменский государственный университет,

²ООО «НПО «Археологическое Проектирование и Изыскания», Красноярск,

³ООО «Красноярская Геоархеология»

«ПОГРЕБ С НАПОГРЕБИЦЕЙ»: ДВОРОВЫЕ ПОСТРОЙКИ ДЛЯ ХРАНЕНИЯ ПРОДУКТОВ В XVII–XXI ВЕКАХ (Ангаро-Енисейский регион)

Освоение Сибири русским населением сопровождалось привнесением на ее территорию привычных способов организации жилого пространства и двора, в том числе комплекса построек для хранения продуктов. Во время полевых исследований старожиловских прибрежных населенных пунктов на территории, включающей Енисейский и Богучанский районы Красноярского края, были изучены ямы, погреба, амбары, подполья. Были выявлены их общие черты и различия в конструкции, расположении и использовании с предыдущими историческими периодами, а также зафиксированы бытующие варианты их народных названий. В результате привлечения письменных архивных источников удалось проследить ряд конструктивно-бытовых изменений, происходивших с этими постройками с XVII по XXI вв.

Ключевые слова: Ангаро-Енисейский регион, хранение продуктов, яма, погреб, напогребица, амбар, голбец.

Русские переселенцы, заселяя огромные сибирские просторы, несли с собой традиционные способы жизнеобеспечения, в том числе культуру питания и строительства. Стремительные темпы освоения требовали максимально быстро приспособиться к новым условиям. На первом этапе недостаток привычных продуктов приходилось

компенсировать местными ресурсами. Документы этого периода пестрят челобитными о невыдаче хлебного жалования: отсутствие хлеба, традиционно являвшегося основным продуктом, воспринималось как голод. Соответственно, первыми государственными хозяйственными постройками в острогах были амбары для хранения «хлебных припасов», доставлявшихся из центральных регионов. В Енисейске уже в 1626 г. были «денежный да соболиный, да хлебных два анбара», а в 1650-х гг., кроме отдельно стоявших амбаров, под трапезной Богоявленской церкви хранились соль и красноярские хлебные запасы [Кочеданов, 1978, с. 117].

В. А. Александров по поводу питания русских в XVII в. обращает внимание на то, что на начальном этапе заселения при слаборазвитом земледелии, животноводстве и малочисленности женщин – носителей гастрономических традиций в рацион чаще входили дикоросы, рыба и дикое мясо. Большинство примеров, приведенных им, относится к Енисейской губернии [Этнография..., 1981, с. 183–185].

Начало местного производства продуктов питания в исследуемом регионе связано с заселением края крестьянами и формированием системы деревень, а также ростом посада в городах. Уже в 1630-х г. жителям Енисейска, занятым на обработке пашни, потребовалась мельница для помола зерновых. В 1640-е гг. основными зерновыми культурами в Енисейске и его округе были рожь и овес, в меньших объемах возделывались пшеница и ячмень. Выращивались огородные культуры: лук, чеснок, морковь, брюква, репа, капуста, огурцы. В переписи 1669 г. на Енисейском посаде отмечено 7 чел., производивших пищевые продукты: «1 хлебник хлебы печет на продажу, 4 калачника, 1 калачник и хлебник и 1 калачник», также отмечены пять рыбопромышленников, три рыборотговца и 11 мясников [Копылов, 1965, с. 74–75, 169, 175, 184]. Появляются в документах и упоминания частных построек для хранения продовольственных запасов: «В 1690–1697 гг. П. А. Свечник имел на берегу за Богоявленской башней погреб с надпогребицей». А в 1650–1660 гг. он же имел «в Енисейске в ряду лавку и погреб» [Там же, с. 167].

В 1704 г. среди государевых крестьян Енисейского уезда был распространен рыбный промысел: из 117 оброчных крестьян большинство ловили рыбу на себя и семеро на продажу [Там же, с. 91]. С появлением достатка в хлебе он становится предметом торговли и вывоза в Иркутск и Якутск, активно развивается животноводство: количество мясников с 11 в 1669 г. увеличивается до 57 в 1689–1700 гг. К началу XVIII в. в городе складывается стабильная продовольственная база.

Переписная книга постоянных дворов Енисейска за 1704 г. дает большой список построек дворового комплекса, в котором помещения для хранения различных запасов выглядят очень разнообразно и вариативно (см. табл. 1). Вот как это описано в документе: 1. «На том же дворе погреб с напогребицею, мерою три сажени, сверху на погребнице верхней анбар. У напогребицы, у верхнего анбара двери на крюках железных, замок висячей»; 2. «Изба новая мерою трех сажень с аршином..., а под той избой анбар, а другая половина подполье. <...> На огороде погреб мерою двух сажень»; 3. «На том же дворе сенник новый, а под тем сенником подвал»; 4. «Изба черная, перед избой сени и клеть... Под сеньми хлев скоцкой, под клетью анбар и погреб мерою двух сажень» [Переписная книга постоянных дворов..., 1704].

Всего документ содержит описание 33 дворов, в 14 из них имеются специальные постройки, в которых хранились продукты. Наиболее часто упоминаются погреба – они были в 11 дворах. Из них пять погребов находятся под клетями, один выкопан в огороде, один – под сенником, в одном случае пишется, что под сенником – «подвал». Один погреб – под избой. В двух случаях под старыми избами находятся амбары. По поводу одного из них уточняется, что амбар холодный, а во втором случае пространство под избой разделено на две части: одна является амбаром, а вторая погребом. Два амбара расположены под клетью, а один на погребнице (см. рисунок на с. 359) [Переписная книга постоянных дворов..., 1704].

Таблица

Состав и расположение построек для хранения продуктов в Енисейске в 1704 г.*

Погреб	Амбар	Подвал	Подполье
		Под сенником	
С напогребицею	На погребнице, верхний		
Под избой			
	Под избой		Под избой
	Под старой избой		
Под клетью	Под клетью		
Во дворе, с напогребицею			
Под сенником			
На огороде			
Под клетью			

* Сост. по: РГАДА. Ф. 214. Кн. 1390. Л. 13–62.

Рис. Типы вертикальной и горизонтальной планировки построек для хранения продуктов в старожильческих населенных пунктах Енисейского и Богучанского районов Красноярского края. Схема

Судя по разнообразию вариантов хозяйственных построек в усадьбе и тому, что они зафиксированы менее чем в половине дворов, можно предположить, что в их размещении не сложилась еще максимально удобная схема. Тот же документ сообщает, что основными «харчевыми запасами» постояльцев являлись крупы, капуста и квас (капусту и квас хранили в погребе, крупы, как и зерно, в амбаре или клети [*Переписная книга постоялых дворов...*, 1704, л. 56–62]. Предполагается, что хлеб, мясо и рыба приобретались исходя из возможностей. Многие горожане, как и сельские жители, в этот период вели натуральное хозяйство. Постройки для содержания скота были в половине дворов: 15 хлевов и 11 сенников. Несмотря на сходство в составе построек крестьянских и городских дворов, разница заключалась в их количестве и расположении. В городе хозяйственных помещений было меньше и большинство их находилось в подклетах. В деревнях, в связи с преобладанием поземных изб, хозяйственные постройки преимущественно строились отдельно [*Александров*, 1981, с. 51]. Различия в дворовых строениях зависели и от уровня достатка владельца усадьбы. Если рядовые горожане ограничивались несколькими постройками: «на дворе сенник новый, а под тем сенником подвал»; «погреб с напогребницей, мерою три сажени, сверху на погребнице верхней амбар. У амбара во дворе около погребницы хлев скоцкой» [*Переписная книга постоялых дворов...*, 1704, л. 15 об., 16], то во дворе, «где живут бояре и воеводы погреб деревянный, у него выход кирпичной, да из окна выход кирпичной же... затвор железной, на погребце сарай решетчатой. Ледник, а на том леднике амбар забран досками... два амбара старых, один в нем бывают хлебные запасы, другой кладовой пшеник десять чуланов больших, да на огороде две житницы хлебные» [*Опись строениям...*, 1712, л. 79–81].

О составе и местонахождении хозяйственных построек в населенных пунктах, возникших на транзитном водном пути в глубь Восточной Сибири, можно судить по описанию дворов рядовых жителей того же времени в Иркутске и его окрестностях. В 18 описанных в документе [*Переписная книга комнат...*] городских и сельских усадьбах погреба упоминаются лишь четыре раза: два из них расположены под клетью, один во дворе с напогребницей, один под амбаром; кроме них, два чулана выгорожены в сенях. Малочисленность хозяйственных построек, возможно, объясняется более поздним возникновением Иркутска и в связи с этим менее сформированным дворовым комплексом. Важным для исследования является расположение и конструкция амбаров. В одном из дворов Иркутска «подле новой избы, на левой стороне амбарище, под ним погреб», в другом – «погреб с напогребницей, впереди с амбаром, под одной кровлей» [Там же]. По типу постройки это однокамерный и двухкамерный поземные амбары с погребами, какие фиксируются в Сибири с начала ее освоения русскими [*Александров*, 1960, с. 51; *Люцидарская*, 1989, с. 144–149; 1992, с. 33, 35 и др.] и которых не было в это время в Енисейске (см. рис.).

Обзор, сделанный М. Г. Рабиновичем по хозяйственным постройкам Европейской Руси XVI–XVII вв., выявил преобладание определенных видов конструкций на разных территориях: в южных районах (Комра, Углич) над погребом мог находиться амбар, напогребница, конюшня; в центральных (Псков, Москва) были распространены ледники и погреба с боковыми выходами; на Русском Севере (Олонец, Вологда, Архангельск) преобладали погреба под амбарами, навесом или сушилом [*Рабинович*, 1975, с. 190–200]. В Енисейске, несмотря на преобладание северно-русских строительных традиций, в XVII–XVIII вв. в числе хозяйственных построек присутствовали практически все вышеописанные их разновидности, за исключением отдельно стоявших амбаров с погребами. Поэтому можно предположить, что напогребница по функциям соответствовала амбару.

Следующий документ содержит «описи деревянных строений Абалакского подворья, 1765 г.», расположенного в черте Енисейска, и показывает изменения, произошедшие в строительстве и использовании построек для хранения продуктов. «Келья келарская, т. е. стряпчая, при ней кухня, при том два чулана». Термин «чулан» не встречался у рядовых жителей в 1704 г., зато в воеводской усадьбе в 1712 г. было 10 отдельно стоявших чуланов. «От клетей на северной стороне два погреба с напогребницами». «Вторая келия казенная... Позади той келии, через сени амбар кладовой для содержания в тогдашнее время имущества монастырского» [*Дело о переносе...*, 1765, л. 3 об.]. Учитывая специфику построек, обратим внимание на детали. Определение «кладовой» свидетельствует о разделении функций амбаров, что подтверждается и дальнейшими наблюдениями. Далее в описании указывается «скотный двор и ради сажения овощей огород», из чего становится очевидным набор продуктов, хранившихся

в монастырских погребах, напосребицах и чуланах. В погребах хранили в первую очередь квашеную капусту, овощи, кисломолочные и мясные продукты. В чуланах находились лари для круп и муки, а также продукты, не требовавшие охлаждения.

Развитие Сибири и ее продуктового рынка сопровождалось усложнением рациона питания, тем не менее до распространения картофеля основными овощами оставались репа и капуста, следовательно, набор построек для их хранения значительно не менялся. Во второй половине XIX в. с появлением картофеля возросло значение подполья, расположенного под жилой избой.

Информация о хозяйственных постройках в усадьбах и их функциях зафиксирована этнографами. По свидетельствам сельских жителей Ангаро-Енисейского региона, родившихся в начале XX в., можно судить как о рационе питания в 1920–1940-х гг., так и о назначении и использовании построек. Функции амбара значительно возросли. С начала XIX в. повсеместно на территории Ангаро-Енисейского региона распространились отдельно стоявшие амбары разных конструкций. «Амбарушечка» (маленький амбар): «мы раньше в Оськиной жили... папа добывал по 300–400 гусей. Помню, у нас в амбарушечке небольшенькой столько их было навешано! И добывали рыбу в ключах: посереде амбарушечки этой прямо кучи язей навалят. И рябчиков, помню, много добывали, и гусей, и уток» [*Афанасьева-Медведева*, 2006, с. 330–339]. Это одно из многочисленных свидетельств, описывающих значительный продовольственный ресурс, упоминаемый в источниках [*Этнография восточных славян*, 1981, с. 183–199; *Этнография восточных славян*, 1987, с. 304; *Копылов*, 1965, с. 166–168] и не фиксировавшийся в архивных документах XVII–XVIII вв.

Однокамерные амбары сразу выполняли несколько функций, но чаще амбары были двухкамерными и более: «амбар спальный или лопотной»: «Ну, мы в спальном амбаре, лопотном, спали летом-то. Там у мамы стерженки висели, армяки...»; следующий, «мучной амбар» – «там муку держали в засеках. Амбар мучный, кругом засеки... рублены. В одной стороне зерно ссыпали, в другой муку дряжали. Добывали ленков – на всю зиму надобывают, и подвал был в этом в мучном амбаре у нас. Здоро-о-овый. Вот в подвале там их солили». Амбар с погребом назывался «ямный амбар». Раньше из черемухи делали сусло, «процедят и это сусло ставят в ямный амбар, в яму. А там же лед речной. Холодно» [*Афанасьева-Медведева*, 2006, с. 330–339]. Термин «яма», соответствующий термину «погреб», был зафиксирован в Устюге 1622 г.: «изба да погреб, яма да хлев подле избы» [*Рабинович*, 1975, с. 200].

Традиционным сооружением для хранения корнеплодов у восточных славян была «яма», ее появление имеет очень древние корни. К числу ранних примеров относятся репные ямы, имевшие на Руси широкое распространение: «Хранили репу в особых репных погребах – полуопущенных в яму срубам с односкатной кровлей. Кроме репных погребов, в местах с сухим песчаным грунтом устраивали и просто репные ямы в стороне от проезжих дорог, вблизи перелеска или кустарников, чтобы зимой их заносило снегом. Репу укладывали ранней осенью прямо в песок и пересыпали льняной кострикой, а сверху прикрывали соломой, хворостом и землей или дерном, где она хранилась до весны» [*Восточнославянский этнографический сборник*, 1956, с. 293–294].

С 2015 по 2016 гг. авторами статьи был проведен ряд экспедиций в населенные пункты Енисейского и Богучанского районов Красноярского края, организованных Научно-производственным объединением «Археологическое Проектирование и Изыскания» и Институтом проблем освоения Севера СО РАН. В ходе экспедиций были получены полевые материалы по различным составляющим культуры русских, в том числе по исследуемым постройкам и их названиям.

В Енисейском и Богучанском районах термин «яма» употребляется до сегодняшнего дня, но сооружение, к которому он применяется, имеет несколько вариантов. В Енисейске, деревнях Вернепашенной и Прутовой Енисейского района яма размером 1,5 × 1,5 × 2 м выкапывается в огороде. Осенью в нее засыпается половина урожая картофеля и моркови (вторая половина спускается в подполье). Сверху яма закрывается сеном или соломой, присыпается землей, иногда опилками и так под снегом оставляется до весны. «Подвал – это под постройками, а ямка в огороде, почти у всех была» (Гертруда Яковлевна Безруких (Сумкина), 1936 г. р., Енисейск). «Яма возле дома для зимнего хранения, землей засыпана, метра полтора глубиной, а ледник – это из листвяка, две вытяжки. Крышка двойная, на дне плахи в путних-то. “Самоедская яма”, когда сверху строение, сарайчик, а может, амбар, там стояли лари, крупы, мука. В простой яме – картошка. В пос. Большеюкинске Богучанского района подполье под домом из двух ям было во весь рост: кроме большой, еще маленькая, чтоб рукой достать, на первое время» (Александр Михайлович Бушин, 1973 г. р., с. Хребтово Богучанского района) [*Полевые материалы Аболиной*, 2016]. Подобная «ямка» (65 × 80 см, глубиной 60 см) была зафиксирована и в усадьбе д. Колмогорова Енисейского района в жилой «избушке-зимовье». «Самоедская яма», как пример заимствования конструкций, требует дополнительных исследований [*Беседина*, 1989, с. 18].

Название «яма» применительно к погребу распространено в деревнях Богучанского района. Местные старожилы дают наиболее точные, функциональные описания бытующим многокамерным, двух-трехуровневым постройкам: «Скоропортыши продукты хранили в ямах! А погреба сверху. Сама избушечка называлась погреб, а в избушечке – яма» (Людмила Егоровна Зорина (Безруких), 1947 г. р., д. Ярки Богучанского района). «Ямой погреб называют, а то амбар над ямкой, в амбаре хранится сухое, а если двойной, то один сухой, а один с ямкой, там из кругляка-листвяка стенки, потом творило, чтоб лазить» (Александр Иннокентьевич Логинов, 1959 г. р.,

д. Иркинеева Богучанского района). «В чистом дворе амбар с погребом, в амбаре ночевали наверху, там холстины, одежда, ящик свекровкин стоял в амбаре» (Галина Федоровна Лушникова (Безруких), 1929 г. р., д. Ярки Богучанского района). «Раньше в Пинчугской волости делали погреба. На них сверху были амбары: в верхних зерно хранили, лари, отсеки, а внизу холодный (амбар) и погреб 2 м глубиной, просто яма. Наваживали лед, продох был, а сверху две крышки» (Иван Викторович Шигов, 1966 г. р., д. Ярки Богучанского района Красноярского края) [*Полевые материалы Аболиной*, 2016]. Холодный амбар упоминался и в Енисейской переписной книге постоянных дворов в 1704 г. [*Переписная книга постоянных дворов...*, 1704, л. 19].

В Центральной Руси XVI–XVII вв. различали погреб теплый и ледник. Ледники преобладали в богатых усадьбах, иногда их делали кирпичными. В бедных домах обходились небольшими ямками под полом избы или вкопанными там же емкостями с крышкой [*Рабинович*, 1975, с. 208]. Такие конструкции, сходные с «каржиной», «карзиной», являются архаичными приспособлениями, до сих пор существующими в деревнях по берегам Енисея и Нижней Ангары.

О том, что хранилось в ямах, погребах и других постройках, свидетельствуют полевые материалы, собранные на территории исследуемого региона авторами статьи: «В погребе лед сверху опилками присыпали, там полати, чисто чтоб было. И молоко и стряпню хранили, мясо хранили, крапивой облаживали, бочками рыба стояла, красная рыба не выводилась» (Зинаида Николаевна Бобина (Безруких), 1941 г. р., д. Ярки Богучанского района Красноярского края). «У тетушки в Ярцево (Енисейского района) в подвале рыба в бочках стояла, и осетрина, и стерлядь, ельцы не считались за рыбу» (Гертруда Яковлевна Безруких (Сумкина), 1936 г. р., Енисейск).

Иногда во дворе было несколько ям разного назначения: «Ямка у нас на улице под навесом для банок и для солений: солили в бочке и огурцы и капусту или в ведре туда ставили, а для картошки отдельно в огороде или в ограде. Мясо, сало в кладовке хранили, ящик такой был, и иногда обмораживали, чтоб не быгало, небольшими кусками обмораживали. Или лари еще были, муку сыпали раньше и мясо от мышей закрывали. А то под амбарами были ямы. У деда с бабкой, напротив, амбар двойной был, и у них в одной половине яма, два метра на два примерно, стенки из бруса, три полки больших с вареньем, а внизу соленье. “Ледники” не называли, лед в ямку на землю прямо клали. Такая ямка “холодная” называлась. “Подвал” в ограде делали, как и ямка, только спуск туда сбоку по ступеням и дверь. В ямку лазить нагрудно, а тут спустился и достал. В нем двойные двери делают, утепляют: одне-то промерзнут. Особенно-то в колхозе подвалы делали» (Клавдия Семеновна Симонова, 1935 г. р., д. Верхнепашенная Енисейского района Красноярского края) [*Полевые материалы Аболиной*, 2016].

Документы XVII–XVIII вв. донесли до нас описание построек для хранения продуктов следующих видов: погреба, напогребницы, амбара, подвала, подполья и чулана в разных сочетаниях. Вероятно, что ямы для овощей, расположенные в огороде, не фиксировали при переписи, так как они не имели архитектурной конструкции. Благодаря полевым исследованиям 2015–2016 гг., удалось более точно дифференцировать хозяйственные постройки XIX–XX вв., конструктивно и функционально соотнести их с сооружениями XVII–XVIII вв., выявить причины произошедших изменений. Зафиксированы следующие виды отдельно стоящих построек: яма, амбар, погреб, подвал. Значительное конструктивное разнообразие, направленное в сторону усложнения, выражается в различных сочетаниях этих построек друг с другом (см. рисунок на с. 359). Самая простая конструкция – это яма, затем погреб и погреб с напогребницей. Позднее происходит развитие надземной части сооружения: погреб с напогребницей и рядом стоящим амбаром (двухуровневая постройка), погреб с напогребницей и верхним амбаром (трехуровневая постройка). Распространенное количество камер у надземной части постройки XVIII–XX вв. в Ангаро-Енисейском регионе – две, над ними могли быть еще одна или две камеры амбара. Остальные варианты построек для хранения продуктов, такие как чулан и кладовка, повсеместно являлись частью сеней. Подполье было расположено под полом избы со входом через «голбец», который в прошлом веке был утрачен в связи с заменой глинобитных печей на кирпичные.

Практически все виды построек, зафиксированные в XVII–XVIII вв. сохранились до конца XX в., хотя и претерпели значительные изменения. Термин «кладовой амбар», появившийся в конце XVIII в., трансформировался в «кладовку», изменилось и помещение, которое так называлось: в XX в. это отгороженная часть сеней, раньше называвшаяся «чуланом». Чулан как отдельная постройка вместе с термином почти вышел из употребления, такая постройка именуется «сараем». «Казенкой», как выяснилось, в д. Иркинеева Богучанского района и д. Плотбище Енисейского района называли перегородку в избе, горнице или сенях, а не помещение, ею отделенное. Сейчас слово «казенка» также почти не используется.

На первом этапе заселения Сибири основным подсобным помещением была «клеть» – неотапливаемая срубная постройка, где хранились сезонная одежда, продовольственные запасы и хозяйственные принадлежности. Летом ее использовали как жилье. В XVIII в. место клетки в связи с избыю заняла изба «белая», или горница, а функции клетки распределили между собой разные по назначению амбары. Вынос зернового амбара из подклета был неизбежен при сыром грунте Енисейска и частых наводнениях. В XIX в. амбары для зерна и одежды заняли среди дворовых построек более высокое сухое место, отсюда их названия – «верхний амбар», «сухой амбар».

Сохранившимся до сегодняшнего дня элементом дворового комплекса является архаичная яма в огороде для хранения корнеплодов, в то время как ее вариант «погреб с напогребницей» претерпел несколько этапов изменений. Произошло замещение напогребницы амбаром или погребом, сам термин «напогребница» исчез. Важным

уточняющим признаком «подвала», который мог быть расположен как отдельно, так и под клетью или амбаром, является вход через боковую дверь. На это обратила внимание и О. В. Шелегина, характеризующая его как помещение, «имеющее вход со двора» [1992, с. 62]. Подвалы были распространены в усадьбах енисейского купечества, а позднее – в колхозах.

Своеобразие архитектуры и разнообразие конструктивных вариантов построек Ангаро-Енисейского и соседних регионов привлекало внимание многих исследователей, ими в разной степени изучались и постройки хозяйственного комплекса [Вагнер, 1956; Маковецкий, 1971; Литинская, Александров, Сафьянова, 1981; Люцидарская, 1989; Царев, Царев, 2014 и др.]. Поэтому в завершение хотелось бы обратить внимание на оставшуюся в стороне народную терминологическую вариативность в названиях построек, подтверждающую выводы Л. И. Баранниковой, объясняющей возникновение двойных названий внесенными на территорию в разные периоды северновеликорусскими, средневеликорусскими, южновеликорусскими переселенцами [1967, с. 29]. Региональные влияния в архитектуре были отмечены Г. К. Вагнером [1956, с. 64], а также А. Ю. Майничей, Е. И. Глухих, проанализировавшими фамильный состав жителей, считающийся показательным для выявления мест выхода поселенцев, и связанные с этим архитектурные влияния [Майничева, Глухих, 2013, с. 216–217]. В настоящее время на территории Ангаро-Енисейского региона постройки для хранения продуктов, претерпев ряд изменений в процессе выработки оптимальных вариантов, сохраняют самую древнюю основу. К началу XXI в. уточняющие определения исчезли и закрепились простые, но вариативные названия двух- или трехъярусных конструкций (см. рисунок на с. 359). Благодаря нестабильной государственной политике, разрыв между городом и деревней снова увеличивается, способствуя сохранению и использованию архаичных видов построек, что дает возможность исследователям для их дальнейшего, более глубокого изучения.

Дело о переносе Владимирской церкви с Енисейского Абалакского подворья Троицкого Туруханского монастыря в г. Енисейск. Опись церковной утвари, опись деревянных строений Абалакского подворья, 1765 г. // ГУТО ГАТ. Ф. И 156. Оп. 2. Д. 1094. Л. 1–56.

Опись строениям Енисейского острога при передаче стольника воеводы Михаила Даниловича Римского-Корсакова стольнику воеводе Богдану Даниловичу Глебову, 1712 г. // РГАДА. Ф. 214. Кн. 1148. Ч. 1. Л. 79–81.

Переписная книга комнат, имущества (посуда, одежда, иконы, скота) иркутских посадских людей, пеших казаков и посадских людей г. Илимска, Кабанского острога, Селенгинска, Удинска // РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. № 2700. Л. 1–9.

Переписная книга постоянных дворов г. Енисейска (1704 г.) // РГАДА. Ф. 214. Кн. 1390. Л. 13–62.

Александров В. А. Русское жилище в Восточной Сибири в XVII – начале XVIII вв. // СЭ. – 1960. – № 2. – С. 44–56.

Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири : в 20 т. / отв. ред. Ф. П. Сороколетов ; Ин-т лингвист. исследований РАН. – СПб., 2006. – Т. 1. – 576 с.

Баранникова Л. И. Русские народные говоры в советский период (к проблеме соотношения языка и диалекта). – Саратов : СГУ, 1967. – 206 с.

Беседина О. Н. Памятники деревянного зодчества Приленья (по материалам обследования 1985–1986 гг.) // Памятники быта и хозяйственное освоение Сибири. – Новосибирск, 1989. – С. 17–28.

Вагнер Г. К. Деревянное зодчество русских старожилов в Среднем Приангарье // СЭ. – 1956. – № 3. – С. 52–68.

Восточно-славянский этнографический сборник. – М. : Изд. Акад. наук СССР, 1956. – 458 с.

Копылов А. Н. Русские на Енисее в XVII в. – Новосибирск : Наука, 1965. – 235 с.

Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. – М. : Стройиздат, 1978. – 190 с.

Литинская В. А., Александров В. А., Сафьянова А. В. Жилища и хозяйственные постройки русского крестьянства Сибири // Этнография русского крестьянства Сибири (XVII – середина XIX вв.). – М., 1981. – С. 102–182.

Люцидарская А. А. Старожилы Сибири // Историко-этнографические очерки XVII–XVIII вв. – Новосибирск, 1992. – С. 152–159.

Люцидарская А. А. Усадебный комплекс Восточной Сибири начала XVIII в. // Памятники быта и хозяйственное освоение Сибири. – Новосибирск, 1989. – С. 144–149.

Маковецкий И. В. Деревянное зодчество Среднего Приангарья (XVII–XX вв.) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири : в 2 ч. – Новосибирск, 1971. – Ч. 1 : Приангарье. – С. 106–143.

Майничева А. Ю., Глухих Е. И. Особенности заселения Нижнего Приангарья и северорусские традиции в строительном деле русских старожилов-ангарцев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2013. – Т. 12, вып. 3 : Археология и этнография. – С. 214–223.

Рабинович М. Г. Русское жилище в XIII–XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. – М., 1975. – С. 156–244.

Сабурова Л. М. Русское население Приангарья // Быт и искусство населения Восточной Сибири : в 2 ч. – Новосибирск, 1971. – Ч. 1 : Приангарье. – С. 28–77.

Царев В. И., Царев В. В. Архитектурное наследие Нижнего Приангарья // Баландинские чтения : сб. ст. науч. чтений памяти С. Н. Баландина. – Новосибирск, 2013. – С. 192–197.

Шелегина О. Н. Очерки материальной культуры крестьян Западной Сибири. – Новосибирск : Наука, 1992. – 248 с.

Этнография русского крестьянства Сибири XVII – середина XIX вв. – М. : Наука, 1981. – 270 с.

Этнография восточных славян // Очерки традиционной культуры. – М., 1987. – 256 с.

R. Yu. Fedorov¹, D. N. Lysenko², L. A. Abolina³

¹*Institute of the Earth Cryosphere, SB RAS, Tyumen State University,*

²*Research and Production Association “Archaeological Engineering and Research”, Ltd., Krasnoyarsk,*

³*Krasnoyarsk Geoarcheology, Ltd.*

“A CELLAR WITH SUPERSTRUCTURE”: DOMESTIC CONSTRUCTIONS FOR STORAGE OF FOOD OF 17–20th CENTURIES (Angara and Yenisey region)

Development of Siberia by Russians was followed by introduction on its territory of habitual methods of the organization of living space and the yard, including a complex of constructions for storage of food. During the field researches of the of coastal settlements of Russian old residents in the area of the Yeniseiskiy and Boguchanskiy districts of Krasnoyarsk Krai have been studied: holes, cellars, barns and undergrounds. Their common features and distinctions in a design, an arrangement and use with the previous historical periods have been revealed, and also the occurring versions of their national names are recorded. On the base of written archival sources, a number of the constructive and household changes of these constructions from 17th to the 20th centuries as well as their national names have been investigated.

Keywords: Angara and Yenisei region, storage of food, hole, cellar, “napogrebitsa”, barn, “golbets”.

УДК: 904:599(470.54–25) “17/19”

О. П. Бачура, Т. В. Лобанова

Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург

КОСТИ ЖИВОТНЫХ ИЗ КУХОННЫХ ОТБРОСОВ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНБУРГА В XVIII–XX ВЕКАХ

В работе описываются костные остатки животных, отражающие хозяйственную культуру русского населения города в XVIII–XX вв., из раскопок на улицах Екатеринбурга. Основу остатков составляют кости млекопитающих, 99 % из которых – это кости домашних животных. Проведен анализ видового состава, соотношения остатков домашних животных, возрастного состава, а также описаны способы разделки и утилизации туш. Показано, что охота не играла серьезной роли в хозяйственной деятельности жителей данного района. Ведущее значение для населения этой части города играл крупный рогатый скот. В значительно меньшей степени население занималось разведением (или закупкой) коз или овец. Свиньи имели наименьшее значение для жителей Банной слободы. Население могло содержать небольшое количество скота, но основная часть животных завозилась (покупалась) в виде туш.

Ключевые слова: костные остатки, домашние животные, охота, русское население.

Введение. В настоящее время накоплен обширный остеологический материал из раскопок русских городов, расположенных на Урале, в Западной и Восточной Сибири. Однако только небольшая часть из этих материалов была опубликована [Косинцев, Подопригора, 1998; Бачура, Подопригора, 2000; Косинцев, Черная, 2000; Косинцев, Лобанова, 2005; Девяшин, Пластеева, 2010]. Все эти остатки представляют собой так называемые «кухонные отбросы». В работе представлены новые остеологические материалы, собранные в ходе археологических раскопок на территории Екатеринбурга в 2013 г. Раскопки производились сотрудниками НПП «Волот» С. Ю. Каменским и Е. А. Жирных. Собранный коллекция артефактов и костных остатков животных отражает материальную и хозяйственную культуру русского населения Екатеринбурга XVIII–XX вв.

Материал и методы. Костные остатки животных были собраны в Екатеринбурге на улицах Гоголя и Энгельса в 2013 г. в ходе археологических раскопок территории, отведенной под строительство. Участок, где проводились раскопки, находился за пределами Екатеринбургской крепости, у ее юго-восточного угла, и относился к Банной слободе, в которой располагались бани и прачечные. По одной из улиц, которая ограничивает квартал исследования, проходила южная граница Екатеринбургской крепости в 1723 г. [Зорина, Служин, 2005].

Общая площадь раскопа составила 1 147 кв. м. Из раскопа было собрано 12 569 костных остатков: 99 % принадлежит млекопитающим и 1 % – птицам. Сбор костей производился по секторам. В раскопе выявлены фрагменты 15 сооружений и многочисленные ямы. На основании археологических находок костные остатки из ям и сектора 5 были отнесены к периоду XVIII–XIX вв., а все остальные к XIX – началу XX вв.

Определение костей млекопитающих произведено до вида. Те остатки, видовой диагностика которых невозможна, были отнесены в категорию млекопитающие, которые с большей долей вероятности являются мелкими фрагментами костей крупного рогатого скота. Приведено также общее количество костей птиц (см. табл. 1).

Возраст забитых животных определялся по состоянию зубной системы верхних и нижних челюстей (с сохранившимися зубами), а также степени прирастания эпифизов на костях (там, где это было возможно).

Результаты исследования. Судя по характеру раздробленности, костный материал из этого памятника представляет собой «кухонные остатки», попавшие в культурный слой вместе с выбросом различного мусора, в том числе и трупов павших животных.

Во все временные периоды преобладают костные остатки крупного рогатого скота, которые составляют 87 – 92 % от общего числа костей. На втором месте по количеству остатков стоит мелкий рогатый скот (6–15 %). Доля свиньи невелика (менее 1–3 %). Кости лошади составляют менее 1 %. Найдено небольшое количество костей кошки и собаки, а также единичные кости диких животных: зайца, бурого медведя, лося и северного оленя. Видовой состав и соотношение остатков животных аналогичны таковым из раскопок других русских городов [Косинцев, Подопригора, 1998; Бачура, Подопригора, 2000. Косинцев, Черная, 2000]. Как видно из таблицы 1, в материалах XVIII–XIX вв. по сравнению с материалами XIX – начала XX вв. выше доля крупного рогатого скота и ниже доля мелкого рогатого скота. Доля свиньи в рационе питания населения этой части города была одинаковой и в том, и в другом периоде.

Таблица 1

Видовой состав и соотношение костных остатков животных в материалах раскопок в Екатеринбурге

Вид	XVIII–XIX вв.		XIX–XX вв.		XX вв.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Крупный рогатый скот	1 369	92	1 147	83	8 305	87
Мелкий рогатый скот	100	7	203	15	827	9
Свинья	23	2	26	2	260	3
Лошадь	2	0,1	1	0,1	52	0,5
Собака	1	0,1	1	0,1	33	0,3
Кошка	0	0	0	0	11	0,1
Лось	0	0	0	0	3	0,03
Северный олень	0	0	4	0,04	0	0
Бурый медведь	0	0	0	0	2	0,02
Зяец	1	0,1	0	0	0	0
<i>Всего</i>	1 496	100	1 382	100	9 493	100
Млекопитающие	17	11	95			
Птица	20	28	37			

Среди остатков крупного рогатого скота представлены все элементы скелета (табл. 2, с. 365). Найдено относительно немного остатков рогов. На большинстве черепов отмечаются следы отрубания рогов, а также следы удара в теменной области. Черепа слабо фрагментированы. Сохранилось очень мало остатков передней части черепа с носовыми и подъязычными костями. Возможно, передняя часть черепа отрубалась, затем череп разрубался вдоль на две половины. Хорошо сохранились зубные ряды и кости мозговой части черепа.

Кости раздроблены слабо. Целыми являются отдельные позвонки, кости заплюсны и запястья, фаланги пальцев, большая часть костей голени (пястные и плюсневые кости), а также ряд трубчатых костей от молодых животных. Практически все позвонки разрубались вдоль тела на две равные части. Ребра раздроблены на три части: верхняя часть ребра (место крепления к позвонкам), средняя часть и его нижний конец (место крепления к груди). В материалах присутствует в основном средняя часть ребер (80 %). Скорее всего, туша разрубалась посередине на две части, о чем свидетельствуют разрубленные на две части позвонки. Верхняя часть и нижняя часть ребер отламывались и в процессе дальнейшего захоронения оказались потерянными.

Таблица 2

Состав и количество элементов скелета домашних животных из раскопок в Екатеринбурге

Элемент скелета	КРС*	МРС**	Свинья	Лошадь	Кошка	Собака
Скелет	–	–	–	–	–	2
Роговой чехол	4	–	–	–	–	–
Рог	43	1	–	–	–	–
Череп	432	28	18	–	1	2
Нижняя челюсть	428	48	37	2	–	3
Зубы	53	4	5	1	–	–
Подъязычная кость	7	–	–	–	–	–
Атлант	98	10	–	–	–	–
Эпистрофей	75	12	1	–	–	1
Позвонок шейный	357	33	2	1	–	2
Позвонок грудной	663	36	10	2	–	2
Позвонок поясничный	626	50	8	–	–	–
Крестец	116	–	–	–	–	–
Позвонки	15	–	1	–	–	–
Позвонок хвостовой	28	–	–	–	–	–
Грудина	6	–	–	–	–	–
Ребро	2 460	100	5	9	–	–
Лопатка	517	110	18	1	1	3
Таз	588	137	30	2	1	3
Плечевая кость	707	122	45	3	2	4
Локтевая кость	142	8	15	–	–	1
Лучевая кость	387	87	16	6	–	2
Бедренная кость	542	105	41	4	2	7
Большая берцовая кость	563	124	46	–	4	3
Малая берцовая кость	–	–	1	–	–	–
Коленная чашечка	22	–	–	1	–	–
Трубчатые кости	4	–	–	–	–	–
Метаподии	49	1	1	–	–	–
Пястная кость	620	49	–	3	–	–
Плюсневая кость	565	46	–	4	–	–
Метаподия добавочная	–	–	–	1	–	–
Пяточная кость	174	11	4	1	–	–
Таранная кость	165	7	4	2	–	–
Запястье и предплюсна	82	–	–	–	–	–
Фаланга 1	133	1	1	9	–	–
Фаланга 2	77	–	–	1	–	–
Фаланга 3	63	–	–	2	–	–
<i>Всего</i>	10 811	1 130	309	55	11	35

*КРС – крупный рогатый скот; **МРС – мелкий рогатый скот.

Большая часть трубчатых костей разрублена поперек кости на три части: верхняя часть кости, средняя часть (диафиз) и ее нижний конец. У большинства плечевых костей отрублена передняя часть нижнего блока, которым эта кость крепится к лучевой кости. Вероятно, при разделке туши от туловища отделялись конечности. Затем конечности разрубали на три части: верхнюю (плечевая кость или бедренная кость), среднюю (лучевая или большая берцовая кость) и нижнюю (метаподии, фаланги пальцев и мелкие кости).

На девяти первых фалангах имеются искусственные отверстия в середине верхнего сустава, на одной фаланге видны следы шлифовки.

В целом, среди костных остатков крупного рогатого скота преобладают кости верхних отделов конечностей (плечевая, лучевая, бедренная и большая берцовая кости) и метаподии (пястные и плюсневые кости), много также лопаток и тазовых костей (табл. 2). Довольно значительную долю составляют кости черепа и нижней челюсти. Кости туловища (ребра, позвонки, грудина) составляют 41 % от числа остатков крупного рогатого скота. Меньше всего сохранилось костей нижних отделов конечностей: фаланг пальцев и мелких кости запястья и предплюсны (табл. 3, с. 366). Такой характер соотношения отделов скелета свидетельствует о довольно полном использовании

туши животного. Состав, характер раздробленности и соотношение отделов скелета крупного рогатого скота в описываемых материалах совпадает с таковыми из материалов на других улицах Екатеринбурга и Верхотурья [Косинцев, Подопригора, 1998; Бачура, Подопригора, 2000].

Таблица 3

Соотношение отделов скелета домашних копытных из раскопок в Екатеринбурге

Отдел скелета	Крупный рогатый скот		Мелкий рогатый скот		Свинья	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Рога	47	0,4	1	0,1	–	–
Голова (зубы, череп, нижние челюсти)	920	9	80	7	60	19
Осевой скелет (позвонки, ребра, грудина)	4 444	41	241	21	27	9
Верхние части ног	3 468	32	693	61	212	69
Нижние части ног	1 928	18	115	10	10	3
<i>Итого</i>	10 807	100	1130	100	309	100

Наблюдаются некоторые отличия в распределении отдельных частей скелета и в соотношении отделов скелета в различных участках раскопа. Большая часть (60 %) черепов и нижних челюстей крупного рогатого скота была сосредоточены в ямах.

Значительная часть нижних и верхних челюстей крупного рогатого скота (89 %), содержащих зубы, принадлежали особям в возрасте старше двух лет (табл. 4), причем, судя по стертости зубов, возраст этих особей не превышал трех-четырёх лет. Лишь одна нижняя челюсть происходит от довольно старой особи; 4 % челюстей относятся к недавно рожденным телятам до полугода; 2 % составляют особи от полугода до двух лет, и 5 % особей было в возрасте двух лет (табл. 4).

Таблица 4

Возрастной состав домашних копытных из раскопок в Екатеринбург

Состояние зубной системы	Крупный рогатый скот		Мелкий рогатый скот		Свинья	
	Возраст, мес.	Экз.	Возраст, мес.	Экз.	Возраст, мес.	Экз.
m1 нет	до 6	12	до 3–5	5	до 6	3
m1 есть, m2 нет	6–15	4	3–9	0	6–12	0
m2 есть, m3 нет	15–24	4	9–18	3	12–18	1
m3 прорезается	24	17	18	22	18	5
m3 есть	Старше 24	305	Старше 18	18	Старше 18	17

Трубчатые кости от взрослых особей (в возрасте около четырех лет) составляют 84 %, от особей до четырех лет – 15 %, телятам принадлежал 1 % трубчатых костей крупного рогатого скота. Костей эмбрионов крупного рогатого скота не найдено. Такой возрастной состав стада говорит о том, что крупный рогатый скот использовали преимущественно для получения максимального количества мяса.

Размеры костей крупного рогатого скота в целом очень схожи между собой и свидетельствуют о средних размерах животных. Среди остатков есть несколько костей от очень крупных особей, вероятно быков.

Костные остатки мелкого рогатого скота представлены всеми элементами скелета (табл. 2, с. 365). Позвонки преимущественно целые. Ребра и трубчатые кости ног разбиты на три части. Кости предплюсны и запястья целые, практически полностью отсутствуют фаланги пальцев.

Основу костных остатков составляют кости верхних отделов ног (61 %), т. е. наиболее мясные части туши. Меньшее количество приходится на кости нижних частей ног (10 %) и черепа (7 %) (табл. 3).

Согласно состоянию зубной системы, о возрасте забитых животных можно сказать следующее. Большая часть челюстей (60 %) принадлежала особям в возрасте полутора лет. Довольно значительная часть челюстей (38 %) происходит от особей старше двух лет. Челюстей от старых особей не найдено. Пять челюстей (10 %) принадлежали особям в возрасте до одного года (см. табл. 4). Среди трубчатых костей найдены кости от полувзрослых особей в возрасте примерно двух лет (17 %). Таким образом, кости мелкого рогатого скота принадлежали преимущественно особям в возрасте от одного года до трех лет.

Остатки свиньи составляют не больше 3 % от костей всех млекопитающих. Среди них представлены кости всех отделов скелета (табл. 2). Степень и характер раздробленности сходный с таковым у мелкого рогатого скота.

Никаких особенностей разрубания не отмечено. При этом 69 % остатков приходится на кости верхних отделов конечностей – наиболее мясные части туши (табл. 3). Довольно большую долю составляют кости черепа и нижние челюсти (19 %). Минимальное количество приходится на кости туловища (позвонки и ребра) и нижние части ног – 9 и 3 % соответственно. Следовательно, у свиньи использовали только наиболее мясные части тела. Такое соотношение отделов скелета свиньи характерно и для материалов других русских городов [Косинцев, Подопригора, 1998; Бачура, Подопригора, 2000; Косинцев, Черная, 2000].

Больше половины челюстей (65 %) происходят от взрослых особей старше полутора лет (табл. 4). Найдены три челюсти от особей, не достигших полугода. Большая часть трубчатых костей (70 %) происходит от взрослых особей (старше двух лет). Следовательно, забивали преимущественно взрослых особей.

Лошади принадлежат менее 1 % костных остатков (табл. 1). Среди костей лошади найдены одна целая и один фрагмент нижней челюсти, а также фрагменты осевого отдела скелета и конечностей (табл. 2). Остатки лошади принадлежали в основном взрослым животным.

Найдены два почти полных скелета взрослой собаки и одного щенка, а также верхняя часть задней лапы другого щенка, целый череп взрослой собаки с пробитой мозговой коробкой. Кроме того, найдены отдельные целые позвонки, нижние челюсти и кости конечностей от взрослых особей собак.

Кошке принадлежали кости скелета молодой особи с патологией бедренной кости и кости задней лапы взрослой особи, также целый череп взрослой кошки.

Заключение. Среди млекопитающих определены костные остатки домашних и диких животных. Видовой состав и соотношение видов сходны в материалах XVIII–XIX вв. и XIX – начала XX вв. Основу составляют остатки домашних животных (от 99 %). Охота на диких млекопитающих не играла сколько-нибудь серьезной роли в хозяйственной деятельности жителей Банной слободы.

Ведущая роль среди домашних животных принадлежит крупному рогатому скоту. Следовательно, в конце XVIII – начале XX вв. в рационе питания у здешних жителей говядина имела первостепенное значение. Причем в XVIII–XIX вв. значение говядины в их рационе было выше, чем в конце XIX – начале XX вв.

Меньшее значение в рационе питания у горожан имели баранина и мясо коз. Причем в конце XIX – начале XX вв. роль баранины в рационе питания стала несколько выше, чем в предыдущий период. Туши мелкого рогатого скота использовали полностью. Мелкий рогатый скот забивали в основном в возрасте от одного года до трех лет. Свинина употреблялась населением города меньше всего. Забивались (и/или покупались) преимущественно взрослые особи.

В этом районе города могли содержать небольшое количество крупного скота для получения молока. Но большая часть животных завозилась (покупалась) в виде туш. Об этом свидетельствует преобладание одной возрастной группы (три-четыре года) среди особей крупного рогатого скота, а также наличие отдельно сложенных голов с отрубленными рогами. В настоящее время на рынках туши крупного рогатого скота продают с отрубленными рогами. Мелкий рогатый скот и свиней могли содержать в небольшом количестве для собственных нужд.

Лошади, вероятно, принадлежала более значительная роль в хозяйстве, чем это отражают костные остатки. Отдельные находки костей этого вида в материалах памятника свидетельствуют о том, что, скорее всего, конину в пищу не употребляли и захоранивали павших животных в специальных местах. Население содержало собак и домашних кошек, костные остатки которых происходят от падших животных.

Находки фрагментов рогов северного оленя могут свидетельствовать об обитании этого вида в окрестностях города до конца XIX в. В настоящее время ареал северного оленя проходит севернее Североуральска [Млекопитающие..., 2000]. Возможно также, что рога животных, добытых в северных районах, были привезены в город в качестве трофея или для изготовления поделок. Остальные дикие виды млекопитающих, кости которых найдены в описываемых материалах, обитают в окрестностях Екатеринбурга и в настоящее время.

Бачура О. П., Подопригора И. Н. Некоторые особенности питания русского населения городов Северного Урала (XVII–XX вв.) // Русские старожилы. – Тобольск ; Омск, 2000. – С. 457–460.

Девяшин М. М., Пластеева Н. А. Некоторые аспекты использования животных первыми русскими поселенцами в Западной Сибири // Молодежная научная конференция Томского государственного университета 2009 г. «Проблема гуманитарных наук». – Томск, 2010. – Т. 273, вып. 1. – С. 49–51.

Зорина Л. И., Слукин В. М. Улицы и площади старого Екатеринбурга. – Екатеринбург : Баско, 2005. – 288 с.

Косинцев П. А., Лобанова Т. В. Животноводство в хозяйстве населения Мангазеи // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2005. – С. 105–112.

Косинцев П. А., Подопригора И. Н. Домашние животные Верхотурья // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. – Екатеринбург, 1998. – С. 81–91.

Косинцев П. А., Черная М. П. Костные остатки животных из Томского кремля // Русские старожилы. – Тобольск ; Омск, 2000. – С. 488–492.

Млекопитающие Свердловской области : справочник-определитель / В. Н. Большаков, К. И. Бердюгин, И. А. Васильева, И. А. Кузнецова. – Екатеринбург : Екатеринбург, 2000. – 240 с.

**ANIMALS REMAINS FROM KITCHEN WASTE OF RUSSIAN POPULATION
THE YEKATERINBURG CITY IN THE 18–20th CENTURIES**

In the paper we described the fossil remains from excavations in the streets of Yekaterinburg the city. These materials reflect the economic culture of the Russian remains is mammalian bone. 99 % from remains are domestic animals bones. The analysis of the species composition, the ratio of animal remains, the age structure, describes methods for cutting and disposing of animal carcasses were done. It is shown that the hunt did not play a major role in the economic activities of the residents of the area. Cattle had the leading value for the population of this part city. The population was engaged in breeding (or purchase) goats or sheep significantly less. Pigs had the lowest value for the citizens of this district city. The population could contain a small number of cattle in the area of the city, but the bulk of the animals were imported (bought) in the form of carcasses.

Keywords: bone remains, pets, hunting, Russian population.

УДК 904

Г. П. Визгалов¹, Т. В. Лобанова²¹ООО «НПО «Северная археология – 1», Нефтеюганск,²Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург**ХОЗЯЙСТВО НАСЕЛЕНИЯ РУССКИХ ГОРОДОВ СЕВЕРА СИБИРИ
В XVII–XIX ВЕКАХ: СКОТОВОДСТВО, РЫБНЫЙ ПРОМЫСЕЛ, ОХОТА**

Проведено комплексное исследование археологических и палеоэкологических материалов из раскопок русских поселений Севера Сибири – городов Мангазеи, Березова, Старо-Туруханска и Нижнеколымского острога в XVII–XIX вв. Изучено 124 149 экз. костных останков. Определены кости домашних видов млекопитающих и птиц (крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, лошади, собаки, кошки, курицы, гуся). Дикие животные представлены более чем 14 промысловыми видами. Основой хозяйства жителей Мангазеи, Березова, Старо-Туруханска служило животноводство. Для получения продуктов питания в городах разводили преимущественно корову и свинью. В Нижнеколымском остроге основой хозяйства была охота на лося и дикого северного оленя. Жители всех северных поселений содержали и разводили собак и занимались рыболовством. В окрестностях городов для еды население добывало дикого северного оленя, зайца, белую куропатку, водоплавающую и боровую птицу. Добыча пушного зверя осуществлялась вдалеке от городов и острогов на промысловых зимовьях. Русское население первых городов на Севере Сибири стремилось вести то хозяйство, которым оно занималось на Европейском Севере.

Ключевые слова: Север Сибири, русский город, костные остатки, животноводство, рыболовство.

Первые русские города и остроги на Севере Сибири от Урала до Чукотки были построены за удивительно короткие сроки – всего 50 лет, что свидетельствовало о появлении в здешних местах постоянного русского населения, которое быстро адаптировалось и сформировало приемлемое для себя хозяйство в суровых условиях Севера. Но система жизнеобеспечения первых русских поселений изучена пока поверхностно и в основном по письменным источникам. Причиной этого является недостаточная археологическая исследованность памятников этого периода. До настоящего момента на всем протяжении Севера Сибири стационарные раскопки проводились только на 12 памятниках, в числе которых три уездных города – Мангазея, Старо-Туруханск (или Новая Мангазея), Березов; пять острогов – Казымский, Ляпинский, Зашиверский, Стадучинский (или Нижнеколымский), Алазейский; одно село – Обдорское; два зимовья – Оленекское, Бухта Промысловая; две стоянки – в заливе Симса и на о. Фаддея. До 2000 г. исследования палеоэкологических остатков из культурного слоя проводились только на стоянке мореплавателей в заливе Симса [Гинзбург, 1951, с. 196–197; Громов, 1951, с. 194–195; Зубков, 1951, с. 198–202; Фоканов, 1951, с. 193] и на Мангазее по результатам разведочных работ В. М. Чернецова [1947, с. 159–162]. При раскопках Мангазеи, проводившихся в 1968–1970, 1973 гг., велись только дендрохронологические и антропологические исследования [Белов, Овсянников, Старков, 1980, с. 93–107, 161–163].

С 2001 по 2014 гг. коллективом НПО «Северная археология – 1» проводятся комплексные археологические исследования городища Мангазея на р. Таз, Березовского городища на Северной Сосьве – правом притоке Оби, Старо-Туруханского городища (Новой Мангазеи) на Турухане – левом притоке Енисея, Стадухинского поселения (Нижнеколымского острога) в низовьях Колымы.

Благодаря консервирующим свойствам мерзлотных почв, в культурном слое северных памятников отлично сохраняются органические вещества и материалы: дерево, ткань, войлок, кость, рог, кожа, шерсть, трава, мох, семена. Это позволило нам получить более полную информацию о материальной культуре и хозяйстве населения этих городов и острогов по сравнению с памятниками более южных территорий. Исследование остеологических коллекций, собранных при раскопках, проводилось сотрудниками Института экологии растений и животных УрО РАН Н. Е. Бобковской, П. А. Косинцевым, Т. В. Лобановой и А. Е. Некрасовым. Всего в ходе исследования было изучено 124 149 экз. костных останков, в том числе из раскопок Мангазеи – 66 554 образца, из Березова – 42 637 экз., из Старо-Туруханска – 5 758 экз., из Нижнеколымского острога – 9 206 экз. (табл. 1, с. 370) [Косинцев, Лобанова, 2005, с. 105–108; Визгалов, Пархимович, 2008, с. 112–113]. Комплексное исследование археологических и палеоэкологических материалов позволило сделать ряд выводов по хозяйству первых русских городов и острогов на Крайнем Севере Сибири.

В северных городах постоянно проживала определенная группа населения, которая, кроме торговли, ремесла и службы, занималась скотоводством, рыбным промыслом и в меньшей степени охотой. Причем скотоводством, вероятно, пытались заниматься только в самых удаленных поселениях Заполярья, например в низовьях Колымы. Для получения продуктов питания жители северных городов разводили корову, свинью, немного мелкого рогатого скота (преимущественно овец), домашних кур и, возможно, в Березове даже гусей. Везде завозили лошадей, разводили собак для охоты и транспорта, а для защиты запасов от мышей держали кошек.

Соотношение видов домашних животных, использовавшихся в пищу, различается по поселениям и хронологическим периодам. Так, много свиней держали в западносибирских городах – Березове и Мангазее, где свинья занимала значительное место в мясном рационе жителей. В Березове кости свиньи составляют от 8 % от всех костей млекопитающих в посадской части поселения до 32–40 % в кремле, а в Мангазейском посаде – 18 % (табл. 2, с. 371). В Старо-Туруханске костей свиньи немного (4 %) в период XVII – начале XVIII вв. в посадской части поселения, но число их возрастает до 16 % в районе кремля в XVIII – начале XIX вв. (табл. 2). В Стадухинском (Нижнеколымском) остроге найдены лишь единичные кости животных этого вида (табл. 1).

Крупный рогатый скот содержали и разводили везде, при этом его значительно больше в Старо-Туруханске и в Березове, где кости коровы составляют от 48 до 72 % и от 49 до 57 % от всех костей млекопитающих соответственно (табл. 2). Интересно, что процент костей крупного рогатого скота возрастает в XVIII в. по сравнению с XVII в., что видно на примере Березова и Старо-Туруханска (таблицы 1, 2). Значительно меньше костей коров в Мангазее – 7 % от всех млекопитающих и совсем мало – 1 % в Стадухинском остроге. Вероятно, коров в Мангазее содержали в основном для получения молока и вместе со свиньями разводили на месте. Об этом свидетельствуют находки костей от животных всех возрастов (от новорожденных особей до крупных взрослых самцов), а также наличие костей от всех частей тела [Косинцев, Лобанова, 2005, с. 105–108; Визгалов, Пархимович, 2008, с. 112–113]. Конечно, часть костей свиньи попадала в Мангазею с запасом солонины на кораблях, но определить процент завезенных туш в виде солонины пока не представляется возможным.

В заполярных Мангазее и Стадухинском остроге природные условия ограничивали возможности содержания коров. Прежде всего, это недостаток кормовой базы, так как и на Тазе, и на Колыме вблизи поселений очень мало пастбищ и заливных лугов. В Старо-Туруханске корова была основным источником мясной пищи, а в Березове, кроме коровы, держали много свиней (таблицы 1, 2). Последнее объясняется тем, что заливные луга близ Березова освобождаются от разлива Оби и Северной Сосьвы только в августе, а в Туруханске разлив Енисея заканчивается уже к концу июня. В низовьях Турухана образовались благоприятные природные условия для скотоводства. Енисей в отличие от Оби и Таза имеет быстрое течение, вода в нем резко поднимается и быстро спадает. Почти напротив устья Турухана – типично равнинной реки в Енисей справа впадает Нижняя Тунгуска, имеющая более быстрое течение. Во время ледохода и паводка вода из Нижней Тунгуски задерживает течение Турухана, и какое-то время течение в реке даже идет вспять. В результате этого в пойме откладывается слой плодородного «мусора». Паводковая вода быстро уходит, и, благодаря длительному приполярному дню, в течение июля в пойме Турухана вырастает богатое злаковыми разнотравье. В то время как в пойме Оби в районе Березова трава вырастает только в августе и состоит в основном из осоковых видов. Поэтому в Березове и Мангазее в отличие от Старо-Туруханска для получения мяса проще было содержать всеядную свинью, которую можно прокормить и рыбой.

На всех исследованных нами памятниках кости лошади и мелкого рогатого скота малочисленны. Однако по костным остаткам трудно судить о количестве лошадей и о разведении их на Севере. Как известно, русские только в исключительных случаях употребляли лошадь в пищу. Ее использовали как тягловое животное до естественной смерти, а павших животных закапывали отдельно. Поэтому и костные остатки при раскопках обычно находят в малом количестве. По найденным костям и деталям упряжи ясно, что лошадь в северных поселениях была, но ее, несомненно, было значительно меньше, чем в «пашенных» городах таежной зоны Сибири и Урала – Томске, Тобольске, Верхотурье, Екатеринбурге. Но даже в материалах раскопок этих городов кости лошади составляют

не более 3 % [Косинцев, Подопригора, 1998, с. 83; Бачура, Подопригора, 2000, с. 458; Косинцев, Черная, 2000, с. 488]. Так же мало (3 %) костей лошади в русских поселениях лесостепной зоны Западной Сибири Изюк-1 и Аняныно-1 [Явшева и др., 2008, с. 363, табл. 1].

Судя по количеству костных останков, мелкий рогатый скот (преимущественно овцу) на Севере Сибири содержали в незначительном количестве. Небольшие стада могли быть только в Березове и Старо-Туруханске, отдельные особи завозились в Мангазею, на Стадухинском поселении кости овцы вообще не найдены. Отметим, что костей овцы найдено незначительно больше на территории Березовского и Старо-Туруханского кремля, чем в посадской части этих поселений (табл. 1).

В Березове, Старо-Туруханске и в Мангазее в малом количестве содержали и разводили кур, что является нерациональным для холодного климата Севера, где зерно было привозное и стоило дорого. Вероятно, кур содержали по традиции для получения яиц к праздничной пище во время Масленицы и Пасхи [Косинцев, Лобанова, 2005, с. 111].

На всех памятниках найдены кости собаки (табл. 1), которая была необходима для охоты и как транспортное животное. Больше всего костей собаки получено из культурного слоя Мангазеи и особенно на Стадухинском острове, где на небольшом участке найдены останки не менее, чем от 16 особей. До недавнего времени собачьи упряжки были одним из основных транспортных средств у русских старожилов Колымы. Последние собачьи упряжки сегодня на Нижней Колыме сохранились именно у русских.

Таблица 1

Видовой состав и количество костных остатков животных из раскопок русских поселений на Севере Сибири

Вид и группа животных	Памятники*						
	I	II	III	IV	V	VI	VII
Свинья (<i>Sus scrofa domestica</i>)	2 176	66	102	3 579	65	240	3
Крупный рогатый скот (<i>Bos taurus</i>)	2 666	119	650	1 302	777	1 105	59
Мелкий рогатый скот (<i>Capra et Ovis</i>)	121	1	10	17	30	52	–
Лошадь (<i>Equus caballus</i>)	5	–	28	8	45	1	2
Собака (<i>Canis familiaris</i>)	10	2	30	833	64	2	228
Кошка (<i>Felis catus</i>)	1	–	–	91	3	–	–
Северный олень (<i>Rangifer tarandus</i>)	266	20	491	3 405	248	60	2 714
Лось (<i>Alces alces</i>)	3	–	22	262	3	1	2 647
Заяц-беляк (<i>Lepus timidus</i>)	180	1	2	10 118	384	78	102
Песец (<i>Vulpes alopecurus</i>)	2	–	–	129	1	1	122
Лисица (<i>Vulpes vulpes</i>)	2	–	–	10	–	–	31
Медведь бурый (<i>Ursus arctos</i>)	1	–	–	31	1	1	1
Волк (<i>Canis lupus</i>)	–	–	–	5	1	1	3
Росомаха (<i>Gulo gulo</i>)	–	–	–	29	–	–	14
Бобр (<i>Castor fiber</i>)	–	–	1	10	1	–	–
Соболь (<i>Martes zibellina</i>)	–	–	–	4	–	–	–
Белка (<i>Sciurus vulgaris</i>)	–	–	–	1	–	1	–
Горностай (<i>Mustela ermine</i>)	–	–	–	25	–	–	2
Морские млекопитающие**	4	–	–	9	–	–	–
Млекопитающие***	6 804	181	1 829	4 306	358	100	1 308
Птица (вся)	17 526	410	1 592	32 611	550	350	303
Рыба (вся)	6 741	170	396	9 769	1 075	159	1 667
<i>Всего</i>	36 508	970	5 153	66 554	3 606	2 152	9 206

*Памятники: I – Березов, Кремль, XVII в.; II – Березов, кремль, XVIII в.; III – Березов, посад, XVIII в.; IV – Мангазея, посад, XVII в.; V – Старо-Туруханск, посад, XVII – начало XVIII вв.; VI – Старо-Туруханск, кремль, XVIII – начало XIX вв.; VII – Нижнеколымский острог, XVII–XIX вв.

**Морские млекопитающие – сюда отнесены кости моржа и китообразных.

***Млекопитающие – неопределимые ближе остатки.

Рыба – один из главных источников питания русского населения на Севере Сибири, и поэтому все первые русские поселения располагались вблизи рыболовных угодий – неводных песков. Кости рыбы более мелкие и сохраняются значительно хуже костей млекопитающих, однако тем не менее они встречены на всех памятниках, причем в массовом количестве. По соотношению с костями птиц и млекопитающих кости рыбы составляют от 18 % на Стадухинском поселении до 30 % в Старо-Туруханске (табл. 3, с. 371). При этом надо еще учитывать, что часть костей рыбы в прошлом использовали для приготовления муки – порсы для корма собак.

Таблица 2

Соотношение количества определимых остатков (%) различных видов и групп домашних и промысловых млекопитающих (+ – количество костей составляет менее 0,5 %)

Вид и группа	Памятники*							
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Крупный рогатый скот	49	57	49	7	48	72	1	–
Мелкий рогатый скот	2	+	1	+	2	3	–	–
Свинья	40	32	8	18	4	16	+	+
Лошадь	+	–	2	+	3	+	+	–
Северный олень	5	10	37	17	15	4	46	23
Лось	+	–	2	1	+	+	45	+
Собака	+	1	2	4	4	+	4	1
Промысловые виды**	3	+	+	52	24	5	5	76
<i>Всего</i> остатков (экз.)	5 436	209	1 336	19 777	1 620	1 543	5 928	54 622

*Памятники: I – Березов, Кремль, XVII в.; II – Березов, кремль, XVIII в.; III – Березов, посад, XVIII в.; IV – Мангазея, посад, XVII в.; V – Старо-Туруханск, посад, XVII – начало XVIII вв.; VI – Старо-Туруханск, кремль, XVIII – начало XIX вв.; VII – Нижнеколымский острог, XVII–XIX вв.; VIII – Надымский городок, XVII – начало XVIII вв.

**Промысловые виды: заяц-беляк, песец, лисица, медведь бурый, волк, россомаха, бобр, соболь, белка, горностай, морж, кит.

Таблица 3

Соотношение количества костных остатков основных групп животных из раскопок поселений на Севере Сибири (%)

Группы животных	Памятники*							
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Млекопитающие	34	40	61	36	55	77	79	60
Птица	48	42	31	49	15	16	3	35
Рыба	18	18	8	15	30	7	18	5
<i>Всего</i> остатков (экз.)	36 508	970	5 153	66 554	3 606	2 152	9 206	54 622

*Памятники: I – Березов, Кремль, XVII в.; II – Березов, кремль, XVIII в.; III – Березов, посад, XVIII в.; IV – Мангазея, посад, XVII в.; V – Старо-Туруханск, посад, XVII – начало XVIII вв.; VI – Старо-Туруханск, кремль, XVIII – начало XIX вв.; VII – Нижнеколымский острог, XVII–XIX вв.; VIII – Надымский городок, XVII – начало XVIII вв.

На всех памятниках найдено большое количество рыболовных снастей (сетевые и неводные грузила и поплавки, железные крючки, железные и костяные остроги, медные блесны, застежки для подледных сетей, фрагменты самих сетей и инструменты для их плетения – деревянные иглы и шаблоны). Судя по найденным грузилам и поплавкам, у населения больше было неводов, чем ставных сетей. Неводами в северных реках ловят в основном проходных рыб. Для ловли осетровых во время хода использовали переметные крючки, которых также много найдено в культурном слое поселений [Визгалов, 2005, с. 99]. В конце лета – осенью в северные реки из морских заливов поднимаются на нерест сиговые (р. *Coregonus*), осетровые (р. *Acipenser*), а также нельма (*Stenodus leucichthys nelma*). Костные останки этих видов рыб найдены в значительном количестве, хотя в слое памятников встречаются кости всех промысловых видов [Лобанова, Гимранов, 2015, с. 11–14], обитающих в данной местности. Особое значение для охотничьих промыслов имела ловля осетров, из которых производился ценный клей, необходимый для изготовления составных луков и лыж с подволоками.

Кости диких животных, добывавшихся для пищи, собраны на всех памятниках, и их количество обратно пропорционально количеству костей основных домашних видов – свиньи и коровы (табл. 2). Наибольший процент костей лося и оленя на Стадухинском поселении, где они составляли основу мясного рациона населения [Визгалов, 2011, с. 44]. В Мангазее самое большое разнообразие костей диких видов животных, добывавшихся для питания (табл. 1), что говорит о затруднениях в стабильном снабжении населения города мясом.

В Мангазее, Старо-Туруханске и Березове среди костей крупных диких животных, использовавшихся в пищу, преобладают кости северного оленя. Наибольший процент северного оленя в Мангазее, в Березове в раскопе 2 на «остяцкой усадьбе» и в нижних слоях Старо-Туруханска (табл. 2). На посаде в Березове был частично раскопан двор – резиденция одного из северных хантыйских князей [Визгалов, Кардаш, 2011, с. 95]. Состав костных пищевых остатков, собранных на «остяцком» дворе, отличается от состава из раскопа в кремле более высоким содержанием костей северного оленя (37 %) среди крупных мясных видов животных (табл. 2). В Старо-Туруханске

нижние слои относятся к первой половине XVII в., когда поселение было еще не городом, а Туруханским зимовьем. Состав костных остатков в нижних слоях свидетельствует о более значимой роли охоты в обеспечении мясом, чем в более поздних слоях, относящихся к Старо-Туруханску.

На памятниках Западной Сибири – Березовском, Мангазейском, Старо-Туруханском городищах кости лося единичны (табл. 1). А в слое Стадухинского острога на Колыме костей лося столько же, сколько костей оленя – 45 % от всех остатков млекопитающих (табл. 2). Учитывая, что лось значительно крупнее оленя, то именно он являлся основным источником мяса для населения русских колымчан. Такое различие между Колымой и Западной Сибирью не означает, что жители западносибирских поселений не охотились на лося и предпочитали оленя. В XV–XVII вв. на Севере Западной Сибири зоологи отмечают депрессию численности лося и смещение границы его ареала на юг по естественным причинам [Косинцев, 1997, с. 171–172]. На северо-востоке Сибири, судя по костным остаткам, природная ситуация в этот период была иной и в ареал лося входила зона лесотундры.

Объемы охоты на дикого северного оленя жителей русских поселений на Севере определить трудно, так как невозможно по костям разделить домашнюю и дикую формы северного оленя [Косинцев, Лобанова, 2005, с. 109]. Судя по тому, что в Старо-Туруханске и Березове найдено очень мало костей головы и дистальных отделов конечностей, в эти города в основном привозили уже готовые туши. В Мангазее, где костей оленя больше, чем других животных, все олени были забиты одновременно – осенью [Бачура, 2013, с. 323]. То есть это либо домашние животные из стад местных северных народов ненцев и энцев, либо эти олени были добыты во время осенних массовых миграций, возможно, теми же ненцами и энцами. Причем домашние стада могли принадлежать и богатым жителям Мангазеи, а аборигены только пасли их как работники. Подобная ситуация хорошо известна на примере с. Обдорского на Оби в XIX в. [Бартенев, 1998, с. 132].

Из мелких диких животных в окрестностях городов для еды жители добывали зайца, белую куропатку, водоплавающую птицу. Соотношение этих видов с другими животными на памятниках различно. Особенно много зайца добывалось жителями Мангазеи и Старо-Туруханска в первой половине XVII в. (слой Туруханского зимовья). В Березове и Стадухинском остроге костей зайца очень мало (табл. 1), несмотря на то что этот вид очень многочислен в поймах Оби и Колымы. Костей птиц много собрано в Мангазее и Березове, меньше в Старо-Туруханске и очень мало на Колыме (табл. 3). Это можно объяснить тем, что охота на птицу и зайца компенсировала для населения недостаток в мясе, особенно это актуально было для Мангазеи. На Нижней Колыме, где крупных мясных животных – лося и оленя было достаточно, население не утруждало себя охотой на птицу и зайца. В Старо-Туруханске со второй половины XVII в. потребность в мясе удовлетворялась разведением коров, а в Нижнеколымском остроге легко было добывать крупного восточного лося и оленей. Часть оленей жители Нижнеколымска могли приобретать и у «оленных» чукчей.

В Старо-Туруханском городище слои, относящиеся к периоду ясачного зимовья – первая половина XVII в., существенно отличаются от слоев периода уездного города – второй половины XVII–XIX вв. в соотношении костей видов животных (таблицы 1, 2). В ранних слоях значительно меньше костей коровы и больше костей диких промысловых животных (зайца, птицы и северного оленя).

Интересно, что при раскопках трех городов и острога находки костей промысловых пушных видов животных были единичны, однако в культурном слое найдены пучки шерсти почти всех ценных пушных видов. Это свидетельствует о том, что вблизи городов и острогов добычей пушнины уже не занимались, а на поселения привозили готовые шкурки. В Старо-Туруханске и Березове находки частей ловушек на пушных зверей достаточно немногочисленны, зато на Стадухинском поселении и в Мангазее деталей от давящих ловушек типа черкана найдено значительно больше.

В Мангазее и Березове были обнаружены в небольшом количестве кости моржа, нерпы, фрагменты китового уса и изделий из него (табл. 1). Эти находки свидетельствуют о плаваниях из этих городов в море и о развитии в этих городах косторезного ремесла.

Если сравнить соотношение костей млекопитающих из памятников Севера Сибири с раскопками «пашенных» городов Урала и Сибири [Бачура, Подопригора, 2000, с. 457–458; Бачура и др., 2011, с. 275], то ближе всего к ним стоит Старо-Туруханское городище периода XVIII–XIX вв. Так же как в «пашенных» городах, в Старо-Туруханске в это время преобладают кости крупного рогатого скота и очень мала доля диких копытных. В Мангазее и Березове в отличие от Старо-Туруханска больше держали свиней и больше поедали диких животных – северного оленя, водоплавающую и боровую птицу, куропатку, зайца. От всех поселений особенно отличается Стадухинский острог, где основным источником мясной пищи были лось и северный олень.

Для сравнения хозяйства русских поселений на Севере Сибири с поселениями аборигенного населения приведем материалы из раскопок Надымского городка, расположенного в устье Надыма периода XVII – начала XVIII вв. (таблицы 2, 3). Сравнительный анализ показал, что по соотношению видов животных культурный слой поселений ханты и ненцев не имеет сходства ни с одним русским комплексом. Основа питания аборигенов – северный олень, также велика доля птицы (преимущественно белой куропатки) и зайца, которыми компенсировали нехватку оленины. В отличие от русских поселений – много костей песка, добывавшегося для уплаты ясака, но тушки в городок приносили для корма собак, а также собственного употребления. Значительно меньше, чем в русских поселениях, жители Надымского городка занимались рыболовством [Кардаш, 2009, с. 280–282].

Еще одним отличием хозяйства русских городов и поселений аборигенных этносов является собирательство. При анализе культурного слоя на предмет содержания семян используемых в пищу дикоросов выяснилось, что, например, жители Мангазеи собирали всё – кедровые орехи, морошку, бруснику, голубику, чернику, княженику, водянику [Корона, 2010, с. 112]. А жители Надымского городка собирали в небольшом количестве только ягоды растений, находившихся в непосредственной близости от поселения, – княженику, черемуху, морошку и смородину [Корона, 2003, с. 57]. При этом остатков каких-либо емкостей для сбора и хранения дикоросов при раскопках Надымского городка не найдено [Кардаш, 2009, с. 283]. Напротив, в слое русских поселений – большое количество фрагментов берестяных емкостей и бондарных изделий.

Таким образом, русское население первых городов на Севере Сибири стремилось вести то хозяйство, которым оно занималось на Европейском Севере. Первые русские поселения создавались в местах, где находились рыболовные угодья, прежде всего – неводные пески. Количество промышлявшихся для мяса животных напрямую зависело от возможности заниматься разведением крупного рогатого скота и свиней. Постоянные поселения, имевшие перспективу дальнейшего существования как города, находились в природно-ландшафтных условиях, пригодных для содержания и разведения крупного рогатого скота. Эти условия стали одной из причин переноса центра Мангазейского уезда с р. Таз на р. Турухан, а Нижнеколымского (Стадухинского) острога со Стадухинской протоки на Колыму напротив впадения Анюя. Добыча пушного зверя осуществлялась вдалеке от городов и острогов на промысловых зимовьях, а в городах проживало постоянное население, не занимавшееся пушной охотой. Население же острогов и ясачных зимовий в большей степени обеспечивало себя мясом за счет охоты и меньше занималось скотоводством. Пока невозможно определить долю оленеводства, которым непосредственно городское население не занималось, но могло иметь собственные стада на выпасе у аборигенных народов Севера.

Бартенев В. В. На крайнем Северо-Западе Сибири. Очерки Обдорского края // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века. – Екатеринбург, 1998. – С. 114–218.

Бачура О. П. Сезон и возраст забоя животных в Мангазее // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи : материалы Всерос. науч. археол. конф. (Сургут, 1–4 октября 2013 г.). – Екатеринбург ; Сургут, 2013. – С. 321–323.

Бачура О. П., Лобанова Т. В., Бобковская Н. Е. Животноводство русского населения в городах на севере Урала и Сибири в XVII–XIX веках // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии : сб. науч. ст. / под ред. Л. В. Татауровой. – Омск, 2011. – С. 271–275.

Бачура О. П., Подопригора И. Н. Некоторые особенности питания русского населения городов Северного Урала (XVII–XX вв) // Русские старожилы. – Тобольск ; Омск, 2000. – С. 457–460.

Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазее. Мангазейский морской ход. – Л. : Гидрометеиздат, 1980. – 164 с.

Визгалов Г. П. Новые археологические исследования Стадухинского поселения на Нижней Колыме. Результаты и перспективы комплексных исследований // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные подходы и технологии : сб. науч. ст. / под ред. Л. В. Татауровой. – Омск, 2011. – С. 40–49.

Визгалов Г. П. Хозяйство и занятия посадского населения Мангазеи (по материалам раскопок 2001–2004 гг.) // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2005. – С. 97–105.

Визгалов Г. П., Кардаш О. В. «Остяцкая усадьба» в посаде города Березова XVIII в. (по материалам археологических исследований 2008 г. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – № 1 (14). – С. 87–97.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазее: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). – Екатеринбург ; Нефтеюганск : Магеллан, 2008. – 296 с.

Гинзбург В. В. Кости человека // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. – Л. ; М., 1951. – С. 196–197.

Громов И. М. Костные остатки позвоночных // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. – Л. ; М., 1951. – С. 194–195.

Зубков А. И. Видовой состав древесины // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. – Л. ; М., 1951. – С. 198–202.

Кардаш О. В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура. – Екатеринбург ; Нефтеюганск : Магеллан, 2009. – 360 с.

Корона О. М. Макроостатки растений из археологических памятников позднего голоцена в лесотундре Западной Сибири // Динамика экосистем в голоцене. – Екатеринбург ; Челябинск, 2010. – С. 110–112.

Корона О. М. Результаты карпологического анализа образцов из местонахождения Надымский городок // Экология древних и современных обществ / Ин-т проблем освоения Севера [и др.] ; [редкол.: Н. П. Матвеева (отв. ред.) и др.]. – Тюмень, 2003. – С. 56–58.

Косинцев П. А. Крупные млекопитающие и охота населения севера таежной зона Западной Сибири в голоцене // Материалы по истории и современному состоянию фауны севера Западной Сибири : сб. науч. тр. – Челябинск, 1997. – С. 165–177.

Косинцев П. А., Лобанова Т. В. Животноводство в хозяйстве населения Мангазеи // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2005. – С. 105–112.

Косинцев П. А., Подопригора И. Н. Домашние животные Верхотурья // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. – Екатеринбург, 1998. – С. 81–91.

Косинцев П. А., Черная М. П. Костные остатки из Томского кремля // Русские старожилы : материалы III Сиб. симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11–13 дек. 2000 г., Тобольск). – Тобольск ; Омск, 2000. – С. 488–492.

Лобанова Т. В., Гимранов Д. О. Обзор находок костей рыб из голоценовых местонахождений севера Западной Сибири // Фауна Урала и Сибири. – Екатеринбург, 2016. – Вып. 2. – С. 7–20.

Фоканов В. А. Остатки шкур млекопитающих // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. – Л. ; М., 1951. – С. 193.

Чернецов В. Н. О работах мангазейской экспедиции // КСИИМК. – Л., 1947. – Вып. XXI. – С. 159–162.

Явиева Д. А., Некрасов А. Е., Татаурова Л. В. Животноводство и охота русского населения лесостепного Прииртышья // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2008. – С. 356–367.

G. P. Vizgalov¹, T. V. Lobanova²

¹Research and Production Association “Northern Archaeology – 1”, Ltd., Nefteyugansk,

²Institute of Plant and Animal Ecology, UB RAS, Yekaterinburg

THE ECONOMY OF THE RUSSIAN TOWNS OF OF NORTHERN SIBERIA IN THE 17–19th CENTURIES: CATTLE BREEDING, FISHERY, HUNTING

The complex research was performed to study the archaeological and the paleoecologic remains from the excavations of the Russians settlements of the North of Siberia, the towns Mangazea, Berezov, Staro-Turuhansk and Nyzhnekolymsky stockade in the 17–19th centuries. 124 149 bone fragments were studied. The bones of domesticated mammals and poultry were identified, such as cattle and small ruminants, pig, horse, dog, cat, chicken, goose. Wild animals are presented with more than 14 species of game animal. The basis of economy the inhabitants of Mangazea, Berezov, Staro-Turuhansk were cattle breeding. In the towns goats and pigs were raised as a nutrient source. In the Nyzhnekolymsky stockade the elk and wild reindeer hunt was the basis of economy. The population of all northern settlements kept and bred dogs and do fishing. In the suburbs of towns the population hunted wild reindeer, hare, snow grouse, water fowl, upland fowl. Fur game was hunted far from towns and stockades at the game winterings. The Russian population of the first towns of the North of Siberia was eager to preserve the type of economy which was kept in the European North.

Keywords: the North of Siberia, Russian town, bone fragments, cattle breeding, fishing.

УДК 903.46

М. А. Глушенко¹, Б. П. Яровой²

¹ООО «Красноярская Геоархеология»,

¹Братский городской объединенный музей истории освоения Ангары,

²Иркутский техникум архитектуры и строительства

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАЗВАЛИН ВОДЯНЫХ МЕЛЬНИЦ В КАЧЕСТВЕ ИСТОЧНИКА ПО КУЛЬТУРЕ РУССКИХ

Археологическое изучение разрушенных водяных мельниц должно стать логическим продолжением развития археологии позднего времени. Несмотря на масштабные затопления искусственными водохранилищами, в Приангарье до сих пор сохраняются останки водяных мельниц, которые перестали использоваться еще в середине прошлого столетия. В настоящее время они интенсивно разрушаются, поэтому незамедлительно требуется их этноархеологическое изучение. Работы в 2016 г. на одном из таких объектов Братского района показали, что они могут служить надежным источником по изучению мукомольного промысла. Чтение останков сооружений позволяет почти полностью реконструировать тип устройства мельниц и выявить их ло-

кальные особенности. В перспективе комплексное изучение руин водяных мельниц позволит вычислять их производительность, что внесет существенный вклад в изучение экономики края.

Ключевые слова: Приангарье, этноархеологическая реконструкция, деревянное зодчество, водяные мельницы, мукомольный промысел.

За последние десятилетия в России значительно выросло значение археологии русских поселений позднего времени. В основном работы ведутся в городах и острогах, в меньшей степени на сельских поселениях. Почти не охваченными до сих пор остаются промыслово-хозяйственные комплексы, зачастую расположенные вдали от населенных пунктов. К их числу можно отнести водяные мельницы для мукомольного промысла, широко распространенные в Приангарье.

Водяные мельницы для размола муки появились в Древней Руси не позже XII в. [Рыбаков, 2016, с. 387]. В Приангарье они получили распространение вместе с началом заселения региона русскими крестьянами в XVII в. В это время уже использовались не только муточатые, но и колесчатые типы мельниц [Шерстобоев, 1949, с. 363–365]. На рубеже XIX–XX вв. почти все крестьянские деревни Приангарья имели собственные водяные мельницы, зачастую своей мукомольней обладали каждые две-три семьи [Шерстобоев, 1949, с. 367; Нефедьева, 1997, с. 4]. Нередко в регионе несколько мельниц строили рядом, на одном водном притоке образуя целый каскад [Шерстобоев, 1957, с. 368; Нефедьева, 1997, с. 6]. В середине XX в. внедрение передовых мукомольных устройств прекратило многовековое использование мельниц на водяной тяге. Из-за устройства вблизи водоемов они подвергались воздействию весенних паводков, поэтому быстро разрушались.

На территории Приангарья есть четыре зоны, затопленные водохранилищами, в результате чего большое количество ранних русских поселений находится под водой. Остальная часть, расположенная в зонах выклинивания водохранилищ, регулярно разрушается береговой абразией. Исключения составляют территории по притокам Ангары, которые русские осваивали в XVIII–XIX вв. по принципу постепенного превращения сельскохозяйственных заимок в постоянные поселения. Благодаря этому, в ходе этнографических экспедиций Братского городского объединенного музея в 2013–2015 гг. на территории Братского района удалось обнаружить руины пяти водяных мельниц. На одной из них в 2016 г. проведено подробное обследование, в результате чего пришлось столкнуться с проблематикой изучения подобных объектов как в методическом плане, так и с точки зрения целесообразности использования их в качестве самостоятельного источника.

Мельница расположена на р. Силоть в 5 км от пос. Ключи-Булак. Поселок стоит на бывшем тулунском тракте, соединяющем с. Братск-острожное с Тулуном, и появился на карте в 1871 г. Судя по сохранившейся архитектуре пос. Ключи-Булак активно заселялся переселенцами из западных областей России еще в XIX в.

В районе расположения мельницы Силоть делает излучину, пересекая трапповую интрузию. Наибольший перепад реки образовался сразу после траппов, где река начинает углублять русло, формируя террасы. Используя данный рельеф, мельницу разместили на левом берегу в каменистой пойме возле пятиметровой террасы (рис. 1). Остатки мельницы представляли собой заросшие деревьями и кустарником нижние венцы с фрагментами механизма и небольшим срубом, расположенным от основного здания в 2,5 м.

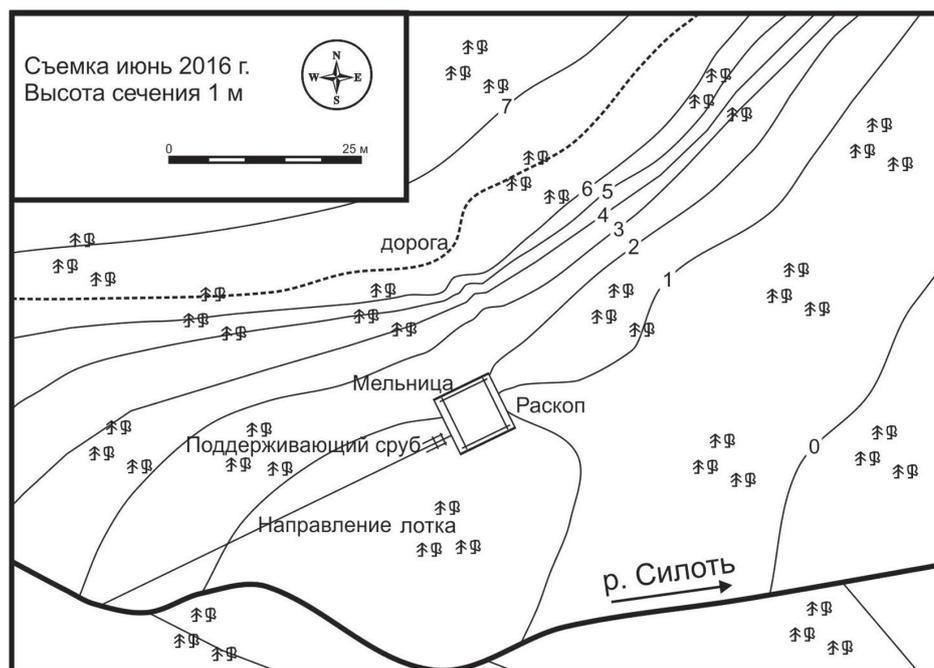

Рис. 1. Ситуационный план расположения объектов

Местный старожил (И. Н. Белецкий, 1951 г. р.), показавший нам остатки мельницы, подробно проинформировал об ее особенностях [Полевые материалы авторов, 2016]. По типологии она относилась к колесчатым наливным. Подача воды из реки производилась по длинному лотку шириной 40 см и высотой 20 см, сколоченному из досок. Забор воды осуществлялся из небольшой плотинки, стоявшей на реке. У самой мельницы лоток опирался на рядом стоявший сруб. Здание покрывала двускатная крыша самцово-слезной конструкции, ориентированная по течению реки. Входная дверь была расположена в стене, которая смотрела вниз по течению. В трех других стенах находилось по одному окну. Под лотком для подачи воды на колесо находились нары для отдыха, с обратной стороны водяного колеса располагался стол. Возле входа была устроена внутренняя лестница, которая вела на второй этаж, где размещался короб для засыпания зерна. Подача зерна регулировалась задвижкой в коробе и зависела от напора воды. На мельнице до 1960-х гг. с конца весны до осени молот зерно ключи-булакский колхоз. Зимой мельница не работала, так как вода в желобе замерзала. Поэтому она была частично разрушена для изъятия жерновов, которые планировалось использовать на строящейся рядом новой мельнице, расположенной на самой реке. Но новую мельницу снесло первым же паводком, ее останки вместе с фрагментами длинного лотка от старой мельницы можно было наблюдать еще в начале 2000-х гг.

Для обследования сруба мельницы вокруг него был заложен раскоп со сторонами 8×8 м с разбивкой квадратов 2×2 м (рис. 2). После удаления деревьев и кустарника процесс раскопок заключался в расчистке конструкции от растительности и перекрывающих друг друга деталей. Рыхлых отложений почти не было, только местами попадалась легкая гумусированная супесь. Снятие условных горизонтов представляло собой разбор фрагментов деталей до обнажения нижележащих останков. Помимо фотофиксации и зарисовки планиграфии, все детали зарисовывались индивидуально в двух проекциях, так как на многих из них присутствовали врубки и следы сложных соединений. Индивидуальная зарисовка значительно облегчает дальнейшую идентификацию деталей. Всего было снято два условных горизонта. Остатки стен здания с балками и валом от колес остались не разобраны, так как они находились на материке и не перекрывали собой необследованные детали.

Рис. 2. Зачистка раскопа после снятия горизонта 1, вид с юго-запада

Сохранившиеся остатки здания мельницы представляли собой один-три венца от пятистенного сруба размерами $7,5 \times 7,5$ м, поставленного на камни (рис. 3: 1, с. 378). Бревна диаметром до 30 см, окладной венец рублен «в охряпку», выше угловые соединения выполнены «в чашу». В трех сохранившихся венцах южной стены в средней части был выпилен проем шириной 40–60 см. Мельничный вал длиной 3,6 м и диаметром 34 см пронизывает внутреннюю стену, которая делит здание на две половины. Две средние поперечные балки в месте примыкания к валу подтесаны. Балки пола, ориентированные перпендикулярно валу, располагались под окладным венцом; четыре из них – в северной половине, а одна тяготела к южной стене. В южной половине находились фрагменты водяного колеса, которые представляли собой фрагменты лопастей, ободов и спиц (детали № 7 и 17). По их измерениям было выявлено, что диаметр колеса составлял примерно 2,1–2,3 м, а ширина – 1,2 м (рис. 4: 6, с. 379).

Водяное колесо почти наполовину было погружено в специальную яму размерами $4,5 \times 2$ м и глубиной 0,7 м, укрепленную трехстенным срубом, рубленным «в прямую лапу» из четырех венцов. Четвертая стенка сруба отсутствовала, чтобы отводить из ямы отработанную воду. Для этой же цели в северо-восточной стене основного сруба мельницы между первыми двумя нижними венцами вырублен проем шириной 2,2 м и высотой 20 см. Причем нижнее бревно в этом месте имеет длину только 5 м и установлено на стулья, так как находится под окладным венцом. Ближе к этой стене в яме с водяным колесом находились различные деревянные детали. Среди них распознаны остатки лотка (детали № 14–16), представляющие собой доски с пазами для шпонок. Длина досок – 2,4 м, толщина – 40 см и ширина от 21 до 27 см. Деталь № 13, лежащая там же, являлась рамкой, скрепляющей лоток, ее размеры $1,2 \times 0,84$ м. От нее сохранилось только три доски, соединенные между собой «в сковородень». Деталь № 5 может являться столбом, поддерживающим свес крыши над половиной мельницы, где располагалось водяное колесо. В северной половине мельницы на противоположном конце вала фиксировалось сухое колесо диаметром 1,4 см, представляющее собой фрагменты обода и спиц (рис. 4: 1, с. 379). Зубцы, передающие тягу на вал с жерновами, не сохранились.

Рядом у противоположной стены лежали два фрагментированных жернова (рис. 4: 2, 3). Первый жернов (деталь № 28) имел диаметр 110 см и толщину 11 см, между серединой и краем у него просверлено сквозное отверстие диаметром 3 см. Диаметр второго жернова (деталь № 29) – 120 см, а толщина – 17 см. Каждый из жерновов был скреплен по периметру металлическим обручем. По центру в жерновах находилось отверстие диаметром 26 см. Материалом для изготовления жерновов послужил кварцит. На рабочей плоскости более крупного жернова хорошо фиксировались следы в виде дугообразных лучей. Скорее всего оба жернова являлись нижними, так как для верхних характерно наличие в середине крупного прямоугольного паза для вращения.

По краям от сухого колеса между перерубом и балкой северной половины сохранилось два участка вымостки из досок толщиной 5–7 см. Выше залегали останки других деталей, среди которых определена деталь № 4, являющаяся опорной балкой для вертикального передаточного вала с жерновами (рис. 4: 4). Ее сложная профилировка объясняется предотвращением возможности задевания о нее вала и обода с зубьями сухого колеса. Не распознанными на данный момент остаются только пять деталей, принадлежащих внутреннему интерьеру мельницы. Ряд деревянных деталей имел металлические крепежные изделия. На каждом конце вал обжат тремя металлическими обручами для укрепления, так как в торцы вбиты стержни, центрировавшие деревянный вал и воспринимавшие всю нагрузку. Со стороны сухого колеса на стержень дополнительно крепился шариковый подшипник, на противоположном конце вращения происходило в углублении бревна, обрамленного железной пластиной.

Для предотвращения смещения водяного колеса относительно вала в нем дополнительно сбоку вбиты два штыря. В прямоугольный паз размерами 9×7 см детали № 4 через подкладку из кожи вложен металлический брусок с коническим углублением диаметром 4 см и глубиной 2,5 см, воспринимающий нагрузку от передаточного механизма с жерновами. В конструкции водяного колеса находились стяжки в виде болтов с гайками. Стяжки длиной около 1 м скрепляли между собой ободы, болты длиной 20 см закрепляли бруски-спицы к ободам. Подобные короткие стяжки скрепляли пары ободьев сухого колеса между собой. В балке пола возле юго-западного угла вертикально закреплен крюк длиной 30 см с закрученным концом. Назначение данной детали не выявлено.

Со стороны подачи воды в 2,5 м от здания расположен сруб размерами $2,7 \times 3,2$ м из четырех венцов с толщиной бревен 15–20 см (рис. 3: 1, с. 378). Соединение бревен выполнено без продольного паза-канавки и «в охлоп», т. е. чаши выбраны в нижней части бревна. Верхний венец имеет выпуски длиной 2,8 м в сторону забора воды.

Среди артефактов были обнаружены фрагменты оконного стекла толщиной 2,5 мм; лампа накаливания; деревянные бруски, пропитанные смазочным маслом на основе продуктов нефтепереработки; четыре железных обруча диаметром 26–31 см; деревянный клин; обрезки от кожаного изделия; обрезок железной трубы; два чугунных заводских изделия; жестяная труба и полоска (рис. 3: 1).

На основании полученных археологических материалов представляется возможным реконструировать нижнюю часть мельницы (рис. 3: 2а). Мельницу намеренно разместили таким образом, чтобы юго-восточная часть ахотилась над сильным понижением рельефа с целью благополучного отвода отработанной воды от здания. В начале работ в каменистой пойме была выкопана яма для водяного колеса и укреплена срубом (№ 21) из трех стен в четыре венца, рубленных «в прямую лапу». Далее прямо на валуны были уложены балки пола (№ 23–27) будущей мельницы. Выше на них опирался окладной венец, рубленный «в охряпку». Для выравнивания рельефа перед рубкой окладника со стороны отвода воды на деревянные стулья было уложено бревно. Между ним и окладным венцом прорублен проем по ширине водяного колеса. Полы в северной половине были выполнены из досок.

Вал с колесами (№ 11, 7 и 19) крепился со стороны водяного колеса к короткому бревну (№ 22), уложенному на камни, его противоположный край крепился к балке пола (№ 26) северной половины здания через деревянный вкладыш. Судя по протеске двух средних балок (№ 24–25) в месте примыкания к валу, первоначальная высота вала была выше зафиксированной всего на 5–10 см, т. е. на уровне пола. Поэтому для сухого колеса (№ 11) также была выкопана яма, укрепленная одним коротким бревном. Жернова (№ 28–29) находились над сухим колесом на дополнительном вертикальном вале с передаточным механизмом, который опирался на балку (№ 4). Деталь № 6 служила нижним бревном перегородки между помольной и водяной половинами мельницы, которая начиналась со второго венца и была врублена «в охряпку», венцы выше, как и в остальной части сруба, были

рублены «в чашу». В южной стене напротив оси вала как минимум в трех нижних венцах сруба находился проем шириной 40–60 см. Скорее всего его использовали для замены горизонтального вала (№ 19) во время ремонта мельничного механизма.

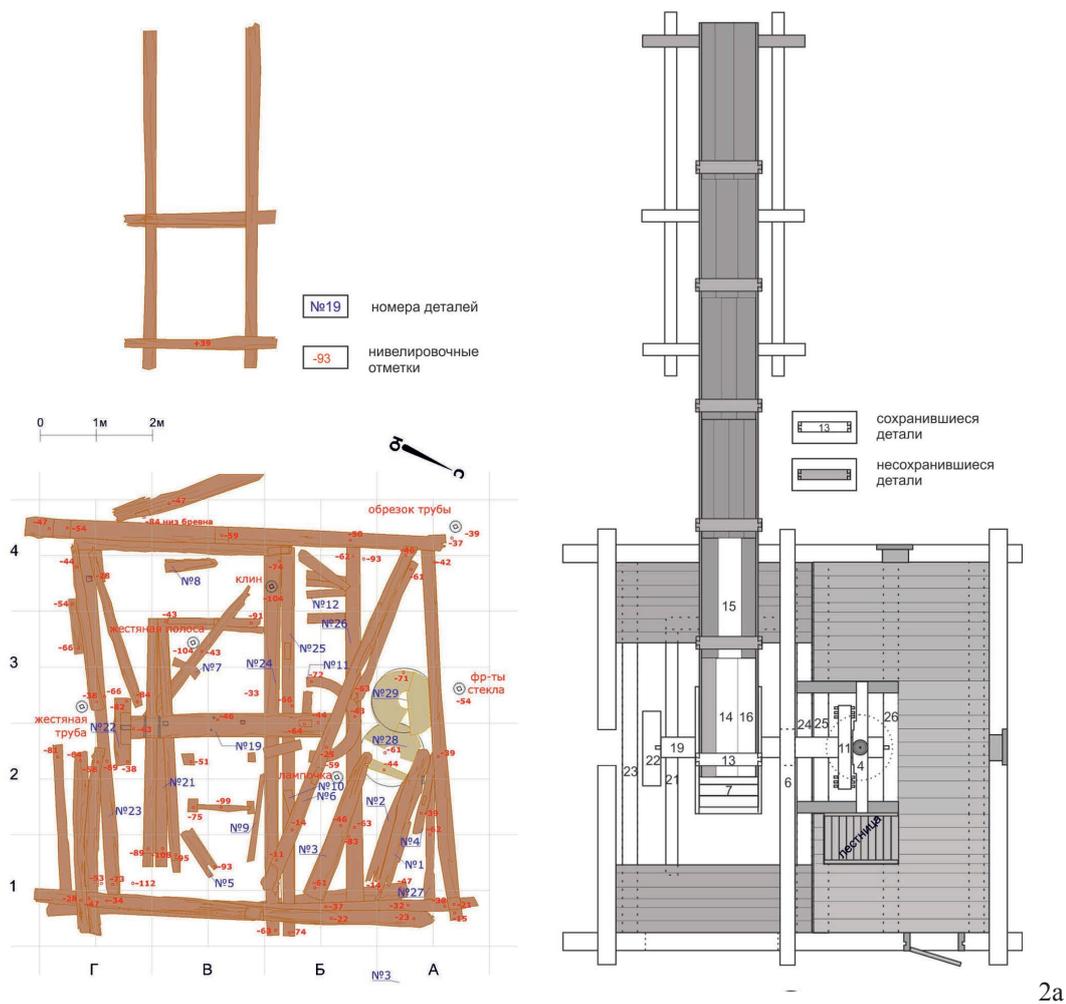

Рис. 3. Мельница:

1 – план распределения конструкций и находок перед снятием горизонта;
 2 – реконструкция мельницы: план на уровне первого этажа (а); общий вид с юга (б)

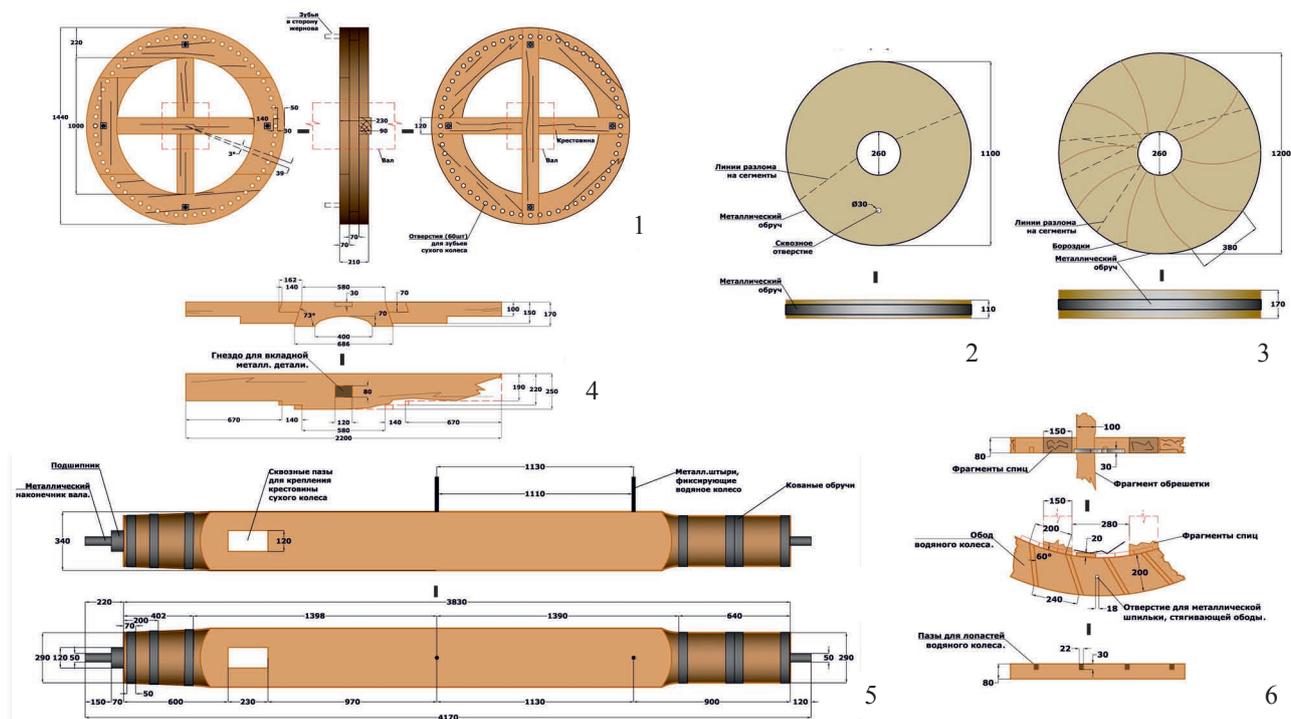

Рис. 4. Детали механизма мельницы:

- 1 – деталь № 11 (сухое колесо); 2 – деталь № 28 (жернов); 3 – деталь № 29 (жернов); 4 – деталь № 4 (опорная балка);
5 – деталь № 19 (вал); 6 – деталь № 7 (фрагменты водяного колеса)

Лопасте водяного колеса были повернуты таким образом, чтобы подача воды осуществлялась на него сверху. Лоток для воды (№ 14–16) опирался на небольшой сруб рядом с мельницей и находился в здании на 1,5 м выше уровня половых балок. Ширина лотка совпадала с шириной водяного колеса – 1,2 м. Доски лотка были сплочены шпонками и укреплены деревянными без гвоздевыми рамками (№ 13).

На основе сведений старожила в реконструкцию верхней части мельницы можно добавить наличие двускатной крыши, внутренней лестницы на второй этаж, расположение дверного и оконных проемов.

Проверить устные сведения и правильность реконструкции верхней части здания можно на основании найденных по региону аналогий. Среди целых водяных мельниц в Иркутской области сохранились три из Братского района, одна из Ольхонского и одна из Жигаловского района. Кроме того, в литературе имеются иллюстрации мельницы близ д. Закурдаево в Братском районе [Сабурова, 1967, с. 38–39; Ковалев, 1975, с. 296; Ополовников, Ополовникова, 1983, с. 476–477]. Все они предположительно датируются рубежом XIX–XX вв. Мельница из Жигаловского района относится к мутовчатому типу, остальные являются колесчатыми. При сравнении их между собой выясняются некоторые общие закономерности, определяющиеся спецификой устройства мельничного механизма. Направление отвода муки от жерновов осуществляется в противоположную от водяного колеса сторону. Здесь же находится и входная дверь, через которую в постройку попадал свет. Таким образом, дверь мельницы на Силоти должна была располагаться в северной стене, но, по свидетельству И. Н. Белецкого, дверь находилась в восточной стене. Такая же планиграфия двери присутствует только в мутовчатой мельнице из Жигаловского района. Высота жерновов относительно оси вала находится в районе 1,5–2 м, из-за чего для доступа к ним требуется лестничный всход, еще одна лестница требуется для попадания на второй ярус, где был установлен короб для засыпания зерна.

Кроме входной двери, изученная нами силотская мельница имеет свою специфику в плане размещения мельничного механизма. У остальных колесчатых мельниц вал с колесами смещен в один из углов здания, в результате чего появляется возможность с помощью рубленых перегородок создать дополнительные хозяйственные помещения. В исследованной мельнице вал находится в середине здания, поэтому в ней фиксируется только одна перегородка, разделяющая здание на водяное и помольное помещения. Перегородка начинается на два венца выше пола, что является препятствием для перехода между помещениями на уровне первого этажа. Поэтому остается неясным, каким был доступ в южную половину мельницы, где, по воспоминаниям старожила, располагалось место для отдыха.

Выявленные отличия исследованной мельницы могут быть связаны с локальными особенностями местного населения, в котором преобладали переселенцы из западных областей России, либо с отличиями в эксплуатации, касающимися ее технического усовершенствования. В целом по своим характеристикам эта мельница близка к мельницам из Братского района, которые также были наливными, поэтому правильнее привлекать их в качестве

аналогий для реконструкции недостающих элементов мельницы на Силоти (рис. 3: 2б, с. 378). Предположительно время сооружения изученной мельницы – первая половина XX в., точный возраст покажут только результаты дендрохронологической датировки.

Проведенное этноархеологическое исследование показало, что руины водяных мельниц вполне позволяют определять их типологически, а вместе с устными свидетельствами старожилов и найденными аналогиями дают возможность выполнить почти полную реконструкцию. Кроме того, разрушенные мельницы могут являться единственным источником, свидетельствующим о локальных отличиях местного мукомольного производства.

Археологические работы выявили некоторые проблемы в специфике исследования подобных объектов. На месте мельницы почти отсутствует культурный слой; несмотря на воздействие паводков, смещение деталей исследуемой мельницы относительно своего первоначального расположения незначительно, в пределах 1–2 м. Предмет исследования представляет собой груды полусгнивших деталей в пойме из валунов с остатками современной растительности, что не дает возможности фиксировать стратиграфические разрезы. Так как нет культурного слоя, непонятно, на какие этапы следует разделить разборку завалов. По археологической методике требуется почти полностью удалять остатки конструкций из раскопа либо консервировать их, что в нашем случае не представлялось возможным. На наш взгляд, полностью удалять элементы конструкции не нужно. Целесообразно оставлять наиболее массивные из них при условии, что ниже них не залегают какие-либо другие неизученные материалы. С одной стороны, расчистка крупных бревен от мха и перекрывающих их деталей способствует проветриванию и замедляет процесс гниения, что позволит еще какое-то время исследовать объект. С другой стороны, расположение мельниц в поймах рек ускоренно разрушает их паводковыми водами, поэтому всё равно оставшиеся деревянные элементы будут уничтожены в ближайшее время.

Водяные мельницы в данный момент находятся в процессе археологизации, которая в скором времени приведет, к сожалению, к полной утрате деревянных элементов, что значительно затруднит понимание конструкции этих сооружений. Поэтому изучение руин водяных мельниц должно стать для исследователей приоритетным направлением на ближайшие два-три десятилетия.

Полевые материалы М. А. Глушенко и Б. П. Ярового, 2016.

Ковалев А. Я. Ангарский каскад. – М. : Стройиздат, 1975. – 328 с.

Нефедьева А. К. Мукомольный промысел в Среднем Приангарье (конец XIX – начало XX вв.) // Тальцы, 1997. – № 1 (2). – С. 3–9.

Ополовников А. В., Ополовникова Е. А. Земля Иркутская, деревянная. – М. : Ополо, 2004. – 534 с.

Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения Приангарья. – Л. : Наука, 1967. – 280 с.

Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. – М. : Академ. проспект, 2016. – 720 с.

Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. – Иркутск : Кн. изд-во, 1957. – Т. II. – 673 с.

Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. – Иркутск : Кн. изд-во, 1949. – Т. I. – 600 с.

M. A. Glushenko¹, B. P. Yarovoy²

¹Krasnoyarsk Geoarcheology, Ltd.,

¹Bratsk Joint City History Museum of Mastering the Angara River,

²Irkutsk Technical School of Architecture and Construction

PROSPECTS FOR THE USE OF THE RUINS OF THE WATER MILLS AS THE SOURCE FOR CULTURE OF THE RUSSIAN

Archeological study of the ruined water mills should be a logical continuation of the development of archeology later time. Despite large-scale flooding by artificial reservoirs in the Angara region are still preserved the remains of water mills, which ceased to be used in the middle of last century. Currently, they are intensively destroyed, so immediately required ethnoarcheological study. Works in 2016 on one of the Brotherly area objects have shown that they can serve as a reliable source for the study of the milling craft. Reading the remains of the structures allows to almost completely reconstruct the device type of the mills and to identify their local features. In the future, a comprehensive study of the ruins of the water mills will calculate their productivity that will make a significant contribution to the study of the region economy.

Keywords: Hangar reconstruction ethnoarcheological, wooden architecture, water mills, flour craft.

ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА СИБИРИ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О ТРАДИЦИОННОМ СЕВЕРОРУССКОМ СУДОСТРОЕНИИ

В статье кратко рассматриваются основные причины слабой изученности особого пласта русской культуры – традиционного судостроения России. В качестве одного из источников для решения данной проблемы изучались материальные остатки традиционных русских судов XVII–XIX вв. с памятников археологии Крайнего Севера Сибири. В качестве примера приведена приблизительная реконструкция судна барочного типа XVIII–XIX вв., созданная преимущественно на основе анализа судового дерева, обнаруженного при археологических раскопках с. Обдорское XIX в.

Ключевые слова: традиционное русское судостроение, археологические памятники Севера, судовые детали, барочные суда, реконструкция.

Традиционное русское судостроение как отдельный пласт народной культуры, известный по письменным источникам с периода основания Русского государства и в некоторых регионах сохранившийся до сих пор, остается крайне слабо изученным и, по сути, незаслуженно забытым историками и исследователями.

Слабая изученность «судовой» проблематики объясняется не столько «непопулярностью» этой тематики, сколько скудностью и труднодоступностью информации о многих забытых ныне традиционных русских судах. Известно, что в допетровской Руси существовал и широко использовался торговый, промысловый, транспортный флот, имевший внушительную номенклатуру типов и видов судов как по назначению, так и по специфике плаваний: лодьи, барки, дощаники, кочи, учаны, насады, струги, каюки, ботники, паузки, коломенки, устюжны, ржевки, романовки, белозерки и т. д.

Только в 2016 г. появился обобщающий энциклопедический словарь, включающий собранные его авторами буквально «по крохам» все известные на сегодняшний день наименования судов традиционной постройки в России – около 950 (!) [Филин, Курноскин, 2016, с. 3]. Этот колоссальный труд, основанный преимущественно на документальных письменных источниках, дает не только практически полное представление о масштабах традиционного народного судостроения на Руси, а позже – в России, но и краткие описания устройства судов, а также некоторые характеристики и особенности тех или иных плавсредств.

Но письменные источники, к сожалению, далеко не всегда содержат подробную информацию, позволяющую детально изучить устройства, технологию и материалы строительства судов. И здесь для создания полноценных и детальных реконструкций вполне уместен комплексный подход, позволяющий объединить данные смежных исторических дисциплин.

Заполнить «пробелы» в изучении данной темы позволяет археология. Обильную информацию о традиционном русском судостроении дают остатки судов, залегающие не только под водой, но и – что удивительно, на первый взгляд – на суше, в остатках построек на поселениях Крайнего Севера, где, благодаря мерзлым почвам, отлично сохраняются деревянные детали судов и остатки оснастки. Дело в том, что при освоении арктических и субарктических регионов Сибири часто строились суда для одного рейса. В пункте назначения такое судно разбиралось, а его детали использовали в качестве материала для строительства жилых и хозяйственных зданий и сооружений, так как обработанная судовая древесина высоко ценилась на бедных строевым лесом тундровых и лесотундровых территориях.

Долгое время практически единственным памятником, содержащим остатки судов, оставалось Мангазейское городище, где впервые были найдены детали поморского судна – коча, что позволило М. И. Белову осуществить его первую графическую реконструкцию [1980, с. 5, 164, 122–126, прил. XXXV].

Возобновленные экспедицией НПО «Северная археология – 1» с 2000 г. раскопки этого уникального памятника дали обильный материал, позволивший предложить более аргументированный вариант реконструкции коча. На основе анализа найденных деталей удалось установить основные размеры и характеристики судна, способы и принципы сопряжения основных элементов корпуса корабля, материал строительства, устройство парусного вооружения и способы управления судном в целом [Кухтерин, 2011, с. 210–211].

В последние годы круг памятников, содержащих находки судового дерева, значительно расширился: это Березовское городище (Средняя Сосьва – левый приток Оби), Надымский и Полуйский городки и с. Обдорское (Нижнее Приобье), Туруханское городище (Турухан – левый приток Енисея), Стадухинский острог (низовье Колыма).

Кроме этих памятников, в пойме Средней Оби были выявлены остатки двух судов, замывшихся песком: судно в окрестностях Сургута (рис. 1, с. 382) и барка в протоке Кирьяс. Удаленность и труднодоступность их местонахождений создает сложности для проведения полноценного научного обследования. Тем не менее в 2015 г.

экспедицией НПО «Северная археология – 1» при содействии Нижневартковского краеведческого музея были проведены раскопки судна на протоке Кирьяс.

По результатам этих работ составлены подробные чертежи остатков корпуса барки XVIII–XIX вв. с применением 3D-сканирования [*Работы по изучению...*, 2016, с. 317–328] (рис. 2). Остатки судна в разобранном виде были перевезены в Нижневартовск для создания постоянной музейной экспозиции.

Рис. 1. Останки корпуса барочного судна XIX в. Обская пойма, Сургутский район. Фотография М. Селяниной, 2006

Рис. 2. Останки корпуса барочного судна XVIII–XIX вв. Обская протока Кирьяс. Фотография А. Ю. Скоробогатовой, 2015

Суда «барочного» типа были самым распространенным видом водного транспорта, обеспечивавшим массовые грузовые перевозки всех видов между населенными пунктами исключительно по рекам вплоть до конца XIX в. Известные на сегодня письменные источники ограничиваются кратким описанием всего многообразия подобных судов, дающим только общее представление.

Подробную информацию об устройстве таких судов дали раскопки «сухопутных» памятников, перечисленных выше. Так, при раскопках Полуйского мысового городка, проведенных научно-производственным объединением «Северная археология – 1» в 2004–2005 гг., в конструкциях храмовой ограды и дома священника (конец XVIII – начало XIX вв.) обнаружены фрагменты деталей барочного судна. В более ранних слоях памятника (XVI – первая половина XVII вв.) – в конструкциях городка обдорских князей Тайшиных найдены части досок обшивки барки и коча [*Кардаш*, 2013, с. 107].

Практика вторичного использования судовых деталей на Севере Сибири дожила до начала XX в.: в Салехарде, в усадьбе по ул. Ламбиных, 1 сохранился амбар с. Обдорского, построенный из шпангоутов и досок бортового набора барки.

Информативный комплекс судового дерева был получен в 2006–2007 гг. при раскопках с. Обдорское, где в конструкциях окладных венцов и настилов полов построек использовались детали разобранного судна с сохранившимися элементами креплений и соединений (рис. 3, с. 383).

На основе анализа судовых деталей попытаемся обозначить общие основные характеристики измерений и технологии устройства корпуса судна. Сразу оговоримся, что ввиду сжатого срока работ коллекция судового дерева была зафиксирована только фотосъемкой. В чертежах удалось зафиксировать только фор- и ахтерштевни, а также фрагмент бортовой обшивки корпуса. Вся коллекция была передана на хранение в Ямало-Ненецкий музейно-выставочный комплекс имени Шемановского (Салехард) с целью консервации, проведения комплексного обследования и дальнейшего экспонирования. К сожалению, вся коллекция (более 30 фрагментов), находившаяся на хранении, по требованиям противопожарной безопасности была утилизирована.

Рассмотрим основные и самые информативные детали, данные о которых сохранились теперь только в чертежах, фотографиях и кратких полевых заметках.

Форштевень (рис. 3) был изготовлен из изогнутого ствола хвойного дерева (сосна, ель?). Он сохранился полностью, но в ходе вторичного использования был распилен напополам. При сопоставлении обоих фрагментов форштевень имеет полную длину 5,6 м. Ширина от верха к низу 32 см – сверху, 34 см – в центре, 26 см – внизу, толщина, соответственно, – 30–30–27 см. В нижней оконечности с внутренней стороны штевня по всей ширине был выбран паз (45 × 11 см) с двумя сквозными отверстиями ($d = 2,5$ см), формирующий плоскости замка крепления с килевой балкой. В верхней оконечности штевень оформлен двумя декоративными срезами под небольшим углом, придавшими ему завершенный вид. В диаметральной плоскости (ДП) форштевень имеет дугообразный профиль с радиусом закругления 24 м. По всей его длине с боков выбраны продольные симметричные пазы для крепления обшивочных досок борта. Доски крепились полуаршинными (35 см) коваными гвоздями – так называемыми «костылями». Часть гвоздей так и сохранилась в этих пазах. Фрагмент такого соединения был зафиксирован нами на левой части форштевня (рис. 4, с. 383).

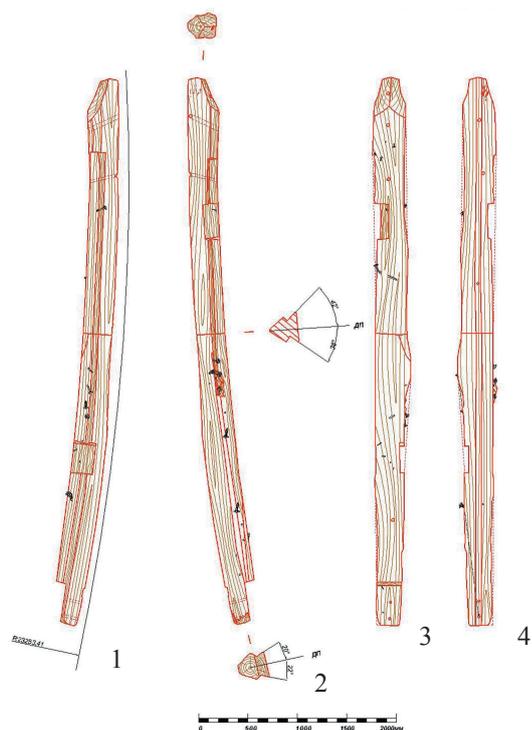

Рис. 3. Форштевень (окладной венец жилой постройки):
1 – вид с правого борта; 2 – вид с левого борта; 3 – вид изнутри судна; 4 – вид снаружи судна

Рис. 4. Сохранившийся фрагмент устройства обшивки борта судна. Фотография М. Н. Пальяновой, 2007

Примечательно, что в данном соединении сохранились элементы «ластового уплотнения»: доски обшивки прибивались к форштевню железными гвоздями, обмотанными внутри у шляпки просмоленной пенькой. Стыки между досками и места примыкания досок к штевню конопатились и пробивались тонкими, треугольными в сечении планками при помощи U-образных скоб длиной 4–5 см, шириной 0,5 см. В месте сгиба скоба раскована на ширину до 15 см, образуя «шляпку», позволяющую плотно вбить ее, обжимая планку-«ласт», встык, без ее излома, с максимальным примыканием. Такой способ герметизации судов был известен еще в Древнем Новгороде, причем форма и размеры конопатных скоб совершенно не изменились [Дубровин, 2000, с. 95–97].

В верхней и нижней оконечностях форштевня находятся по два сквозных отверстия $d = 4$ см в верхней и 2,5 см в нижней, вероятно служивших для крепления деревянными нагелями низа штевня к килю, а вверху, видимо, для крепления продольной защиты штевня – «фальстема», защищавшего форштевень от носовых ударов. Если учесть относительно большую длину форштевня и угол захода обшивочной доски в его паз, то можно предположить, что в корпусе судна в ДП он устанавливался под углом около 45° относительно ватерлинии. При таком уклоне носа корабль мог плавно, с минимальной продольной качкой от носа к корме разрезать жесткую мелководную волну, характерную для относительно неглубоких северных акваторий.

Ахтерштевень выполнен из цельного ствола с корневым продолжением (рис. 5, с. 384). Судя по длине в 2,04 м, он сохранился не полностью – верхняя часть была отпилена при вторичной обработке. Можно предположить, что над ахтерштевнем располагалась транцевая конструкция, но следы соответствующих креплений на нем отсутствуют. Устройство трудоемких транцев на барочных речных судах было нехарактерно: жилые помещения – «казенки» устраивались, как правило, на палубах или под ними. Предположительно полная высота ахтерштевня составляла около 3–3,5 м, толщина от верха к низу – 23–25–20 см, ширина – 24–32 см. Как и на форштевне, имеются продольные пазы по бокам для крепления обшивочных досок с сохранившимися железными гвоздями. Нижняя часть имеет естественное корневое продолжение, в котором снизу (в «подошве») выбран сквозной по толщине паз 47×12 см, сформировавший замок соединения с килевой балкой.

Такой способ соединения – с использованием естественных «кокорных» корневых изгибов ствола – широко применялся при строительстве кочей в XVII в. [Кухтерин, 2011, с. 207–209]. По форме выборки паза видно, что ахтерштевень устанавливался на киль в диаметральной плоскости под углом 5° наружу от вертикали. На высоте 80 см от подошвы штевня находятся остатки железной петли для крепления пера руля шириной 5,5 см, толщиной 0,6 см, прибитые железными гвоздями с квадратными $1,5 \times 1,5$ см шляпками. Второе крепление, необходимое для установки и эксплуатации руля, находилось в верхней, несохранившейся части ахтерштевня.

Донный шпангоут (рис. 6, с. 384) выполнял функцию поперечной связи-«ребра» в корпусе, к которому крепились доски обшивки дна и борта судна. Также шпангоут задавал поперечный профиль корпуса судна. Этот шпангоут, длиной 3,6 м, сечением $d = 30$ см, выполнен из цельного бревна с корневым продолжением высотой

50 см, обработанным под форму и уклон («развал») борта примерно в 10° . По обработке плоскости корневого продолжения, примыкавшего к борту под углом около 30° относительно диаметральной плоскости, можно предположить, что в корпусе судна шпангоут располагался в сужающейся носовой или кормовой частях корпуса судна. Угол расхождения пазов для обшивки (в форштевне) составляет около $30\text{--}35^\circ$.

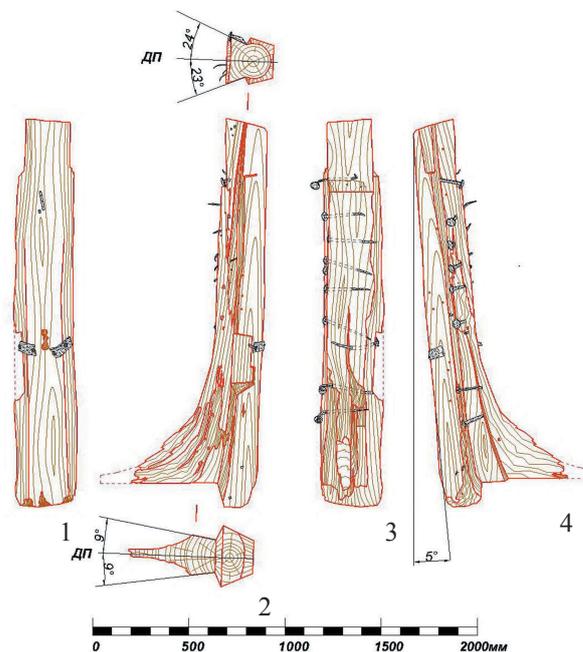

Рис. 5. Ахтерштевень (окладной венец жилой постройки):

1 – вид снаружи судна; 2 – вид с левого борта; 3 – вид изнутри;
4 – вид с правого борта

Рис. 6. Шпангоут (основание жилой постройки).
Фотография М. Н. Пальяновой, 2007

Таким образом, шпангоут устанавливался на расстоянии около 2,5 м от штевня, что дает представление о форме носовой оконечности дна судна. Нижняя часть шпангоута затесана под плоскость для примыкания донных обшивочных досок, и по всей протяженности шпангоута, включая кокорную часть, проходят сквозные отверстия $d = 4,5$ см со средним шагом в 15–20 см. В отверстиях сохранились обломки деревянных нагелей, крепивших донную и бортовую обшивку. По всей длине корпуса судна такие «кокорные» шпангоуты устанавливались в шахматном порядке: шпангоут корневым продолжением к одному борту, а последующий – впритык к нему или небольшой шпацией корнем к противоположному борту и т. д. Так же отдельно, на всю высоту борта, устанавливались дополнительные бортовые кокорные шпангоуты – «накурки», которые крепились стволковой частью к борту, а корневой к днищу.

Судовые доски (рис. 7, с. 385) представлены более чем 20 фрагментами длиной от 1,1 до 4,3 м. Их отличает хорошая сохранность. Доски были выполнены из хвойных пород и представляли собой, судя по размерам, скорее массивные брусья шириной 26–30 см и толщиной 9–11 см. По всей протяженности доски имеют сквозные парные отверстия ($d = 4,5$ см, шаг 45–50 см) с остатками железных, а большей частью деревянных нагелей, которые служили для крепления досок к шпангоутам. Доска длиной 4,3 м, состоящая из двух состыкованных половин, в отличие от остальных, была пробита попарно не деревянными, а железными гвоздями с тем же шагом. По всей вероятности, эта доска из верхних бортовых набоев, потому что по длине она имеет продольный дугообразный профиль, соответствующий «седловатости» верхней линии борта судна. Поскольку цельную доску так изогнуть невозможно, то изогнутый профиль этого пояса обшивки набирался из двухметровых фрагментов, соединенных между собой в торцевых стыках дополнительными железными пластинами (рис. 8, с. 385).

Важно отметить один технологический факт, имеющий прямое отношение к нашему судну, но характерный и для всего деревянного судостроения в целом. При наличии железных кованых гвоздей подводную часть борта пришивали деревянными нагелями, которые в воде разбухали, жестко удерживая обшивку, а в надводной части высыхали, и поэтому соединение досок с каркасом судна ослабевало. Здесь уже использовались только железные гвозди, которые в подводной части быстро ржавели. В подводной части железные крепления использовались только в ответственных соединениях, например, как в нашем случае, при креплении обшивки к штевням насквозь с загибом концов гвоздей, где доски при установке испытывают самые сильные напряжения. С наружной стороны досок в верхней и нижней кромках присутствуют описанные выше судовые скобы, пробитые со средним шагом в 15 см по всей длине, т. е. ластовое уплотнение швов устраивалось по всей поверхности бортов, включая и надводную часть.

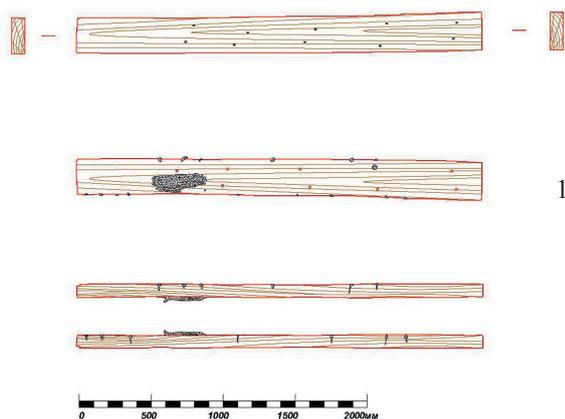

Рис. 7. Фрагмент бортовой доски: 2
1 – вид с внутренней стороны судна; 2 – вид с наружной стороны судна

Рис. 8. Фрагмент наборной обшивочной доски верхней части борта. Фотография М. Н. Пальяновой, 2007

Понимая, что собранная коллекция крайне невелика для подробного реконструирования судна, всё же попытаемся обобщить результаты анализа и сделать возможные выводы.

Итак, судно, безусловно, принадлежит к барочному типу. Построено, скорее всего, на Тюменском плотбище (р. Тура) в конце XVIII – начале XIX вв. [Вершинин, 2003, с. 78]. Каркас судна состоял из продольных киля и фор- и ахтерштевней, о чем свидетельствуют пазы замков соединения штевней с килем и поперечных кокорных шпангоутов, установленных с шагом (по осям). В соответствии с нагельными отверстиями в бортовых досках (шаг – около 50 см) обшивка бортов устраивалась «вгладь», с просмоленной конопаткой и ластовым уплотнением швов скобами, и пришивалась деревянными и железными коваными нагелями.

Судно имело навесной руль, крепившийся к ахтерштевню железными петлями. Судя по массивности обшивочных досок аналогичных судов [Филин, Курноскин, 2016, с. 178], длина судна около 30 м или более. Распространенные пропорции судов барочного типа имеют соотношение длины к ширине 1: 3–1: 4, соответственно наше судно могло быть шириной около 8 м. Учитывая углы захода донных обшивочных досок в штевни, ориентировочные величины длины и ширины корпуса, можно очертить предварительный абрис донной формы судна. Единственный обнаруженный шпангоут дает угол развала бортов от низа к верху в 10°.

По данным исследователя традиционного судостроения в бассейнах Каспия и Беломорья П. А. Богославского, описавшего в 1859 г. устройство морских и речных судов, осадка речных барок варьировалась в пределах 1–2 м в зависимости от размеров судна [Богославский, 1859, с. 66]. В нашем случае можно предположить глубину осадки около 1–1,5 м. В ходе раскопок не обнаружено никаких вертикальных конструкций, поддерживавших палубу, и мы не знаем, какими именно были палубное устройство и глубина интрюма. Как правило, палуба всегда устраивалась несколько выше ватерлинии максимальной осадки и, имея небольшую покатость для стока воды, в центре судна могла достигать 2 м высоты от дна или более. Борт выше палубы (фальшборт) на речных судах был невысоким (50–70 см) для удобства управления судном веслами или шестами, а также погрузо-разгрузочных работ. Объединив вышеизложенные предварительные вычисления, можно представить абрис корпуса судна в первом приближении (рис. 9, 10).

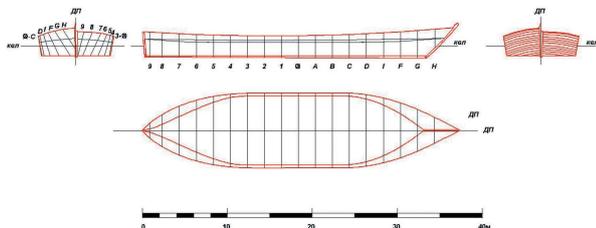

Рис. 9. Теоретический чертеж корпуса судна

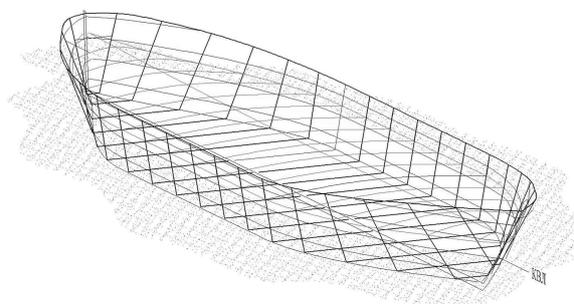

Рис. 10. 3D каркас корпуса судна

При полученной площади дна около 200 кв. м и ориентировочной высоте ватерлинии 1,5 м возможно представить предположительное водоизмещение судна (200 × 1,5) – около 300 т. Зная массу судна, можно вычислить

его грузоподъемность, однако таких данных в нашем распоряжении нет, поэтому теоретически эта величина предполагается в пределах 150–200 т.

Конечно, эти данные приблизительные, так как мы не знаем ни устройства палубы-кровли, ни чем управлялось судно – парусом или веслами, поэтому можем только приблизительно определить его тип. По приведенным выше сведениям, это судно можно отнести как к многообразным видам барок, так и к дощанику или коломенке, повсеместно использовавшимся в этот период в акватории Обь-Иртышского бассейна [Филин, Курноскин, 2016, с. 16, 103, 178]. Для создания полной, обоснованной реконструкции необходимо продолжать исследования как в части сравнительного анализа аналогичных находок при археологических раскопках и выявленных сохранившихся корпусов судов, так и в историко-архивном направлении. Но подчеркнем еще раз, что даже небольшая коллекция судовых деталей имеет большую ценность. При внимательном ее изучении совместно с данными письменных источников можно получить уникальную информацию о технологии строительства речных судов XVIII–XIX вв. и даже осуществить реконструкцию той или иной их разновидности.

Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. – Л. : Гидрометеоздат, 1980. – Ч. 1. – 164 с.

Богославский П. А. О купеческом судостроении в России, речном и прибрежном. – СПб. : Тип. Мор. мин-ва, 1859. – 188 с.

Вершинин Е. В. Коч и русское освоение Западной Сибири // Полярный архив. – Т. 1 : Труды Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) под руководством П. В. Боярского. – М., 2003. – С. 72–109.

Дубровин Г. Е. Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода X–XV вв. По археологическим данным. – М. : Старый сад, 2000. – 445 с.

Кардаш О. В. Полуийский мысовой городок князей Тайшиных. – Екатеринбург ; Салехард, 2013. – 380 с. – (Обдорские городки в конце XVI – первой трети XVIII вв. История и материальная культура).

Кухтерин С. А. Традиционное северорусское судно – коч. Проблемы изучения и реконструкции. Реконструкция по материалам археологических исследований на Мангазейском городище 2001–2009 гг. // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии : сб. науч. ст. / под ред. Л. В. Татаровой. – Омск, 2011. – С. 206–213.

Работы по изучению и сохранению выявленного объекта археологического наследия «Кириясская барка» в Нижневартовском районе ХМАО – Югры / А. Ю. Скоробогатова, А. А. Пушкарев, С. А. Кухтерин, М. Л. Копейкин // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого : сб. ст. / отв. ред. Я. А. Яковлев. – Томск ; Ханты-Мансийск, 2016. – Вып. 14. – С. 317–328.

Филин П. А., Курноскин С. П. Народное судостроение в России : энциклопедический словарь судов народной постройки. – СПб. : Гангут, 2016. – 408 с.

S. A. Kukhterin

Research and Production Association “Northern Archaeology – 1”, Ltd., Nefteyuagansk

ARCHAEOLOGY MONUMENTS OF NORTHERN SIBERIA AS THE SOURCE OF INFORMATION ABOUT TRADITIONAL NORTH RUSSIAN SHIPBUILDING

This article briefly examines the main causes of poor knowledge of a particular stratum of Russian culture – the traditional shipbuilding Russia. As one of the ways to solve this problem, as the object of source are considered monuments of archeology of the Far North of Siberia, preserving the material remains of the traditional Russian ships 17–19th centuries. As an example, an approximate reconstruction of the baroque 17–19th centuries, created mainly on the analysis of the ship’s wood remains found during archaeological excavations village Obdorskoe 19th century.

Keywords: traditional Russian shipbuilding, archaeological monuments of the North, ship parts, court baroque type, reconstruction.

НЕКРОПОЛЬ ТОМСКОГО МУЖСКОГО БОГОРОДИЦЕ-АЛЕКСИЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Статья написана на основе материалов, полученных в результате раскопок, проведенных в 2012 г. «Центром по охране памятников» на территории мужского монастыря в Томске. На площади раскопа (510 кв. м) вскрыто 87 могил. Внутримогильные конструкции представлены преимущественно дощатыми гробами, в 12 случаях сохранились кирпичные склепы (открытого и закрытого типа). На монастырском кладбище похоронены мужчины (45), женщины (20), дети (12); в 14 могилах останки не идентифицированы по полу и возрасту. Большинство захоронений относится ко второй половине XIX – началу XX вв. Со времени основания монастыря (1663 г.) и до его уничтожения в 1923 г. здесь нашли упокоение многие священнослужители и «лучшие люди города» – губернаторы, представители аристократии и дворянства, жертвователи храму.

Ключевые слова: некрополь, Томск, Богородице-Алексиевский монастырь, погребальный обряд, могила, склеп.

Богородице-Алексиевский мужской монастырь основан в 1605 г. Почти 60 лет его земли и постройки располагались не в городской черте, а в устье правого притока Томи – реки Киргизки, в 9 км к северу от Томска, и монастырь назывался Усть-Киргизским. В 1662 г. власти выделили под строительство монастыря участок в центральной части города, на северном мысу Юрточной горы. С этого времени он получил новое имя – Богородице-Алексиевский. Вероятно, уже с конца XVII в. на его территории функционировал один из древнейших погостов города (рис. 1). Первоначально на нем хоронили игуменов-схимонахов, священников и послушников, а с XVIII в. «лучших людей города» – высших служителей церкви, представителей местной аристократии, родового дворянства, жертвователей храму. В XIX–XX вв. на монастырском некрополе были похоронены губернаторы Н. Родзянко, И. Кросовский, историк К. Евтропов, епископы Виталий и Платон, архимандриты Виктор (Лебедев) и Иона (Зосимов).

В 1920-х гг. монастырь был закрыт. Замок, храмы, постройки и склепы подверглись разграблению, памятники и надгробья сравняли с землей. В 1923 г. здания передали Томскому педагогическому училищу. С этого времени Алексиевская обитель была поставлена на учет музейным отделом Главнауки как памятник старины, имеющий государственное значение.

Спорадически археологические исследования на территории монастыря проводились в 1993, 1995, 2000 гг. и были связаны с хозяйственными нуждами его обитателей [Барсуков и др., 2013, с. 218]. В 1995 г. археолог Л. А. Чиндина принимала участие в раскопках небольшого участка некрополя, на месте часовни, построенной в честь томского святого – старца Феодора Кузьмича [Стойлов, 1995, с. 2].

В 2012 г. ОГАУК «Центр по охране памятников» осуществил охранно-спасательные раскопки на северном участке Юрточной горы. Было вскрыто более 500 кв. м площади, на которой зафиксировано 87 могил, расположенных в 10 рядов, ориентированных по линии север – юг. На поверхности они когда-то были отмечены памятниками и плитами (рис. 1), уничтоженными в 1920-х гг. Захоронения совершены в индивидуальных грунтовых ямах глубиной от 1,5 до 2,5 м. Внутримогильные сооружения представлены дощатыми гробами трапециевидной и прямоугольной формы. Сверху на крышках гробов сохранились остатки декора из позумента, металлических пластинчатых растительных узоров, наверший с кистями, изображения креста и металлические ручки.

Рис. 1. Вид на Богородице-Алексиевский монастырь и некрополь. 1904–1905 гг.

На дне 12 могильных ям зафиксированы склепы закрытого (рис. 2) и открытого (рис. 3) типа в виде кирпичных ящиков высотой около 1 м. В четырех могилах обнаружены одновременные парные (?) захоронения – лица мужского и женского пола, похороненные не в одном, а в разных гробах. В могиле 84 они оба были помещены в склеп. В гробах умершие уложены на спину, в вытянутом положении, головой на запад. Противоположная ориентация отмечена лишь в одном случае (могила 63, мужчина 35–40 лет).

Среди инвентаря преобладают личные вещи покойных (нательные и наперсный кресты, образки Богоматери, Николая Чудотворца и Иннокентия Иркутского, серьги), остатки одежды (форменные мундиры, сюртуки, накидки, погоны, эполеты, металлические и перламутровые пуговицы, запонки), обувь (сапоги, туфли). В могиле 43 найдены две монеты достоинством 3 коп. 1830 г. [Отчет..., 2012]. Находки свидетельствуют о том, что основная масса захоронений появилась на северном участке некрополя в XIX в.

По особенностям инвентаря, фрагментам одежды и знакам отличия в группе похороненных мужчин различаются лица духовного звания (3 чел.), представители средних и высших чинов по «Табели о рангах» – надворные советники VII разряда (2 чел.), статский советник V разряда (1 чел.), действительный статский советник IV разряда (1 чел.) [Археологические раскопки..., 2013, с. 223]. По материалам, опубликованным Н. М. Дмитриенко, в чине надворного советника на монастырском кладбище были похоронены двое – Николай Сергеевич Дьяконов (год смерти – 1896) и Яков Степанович Усов (год смерти – 1902) [Дмитриенко, 2001, с. 51, 75]. Вероятно, ими могли быть мужчины, похороненные в могилах 15 и 68.

Рис. 2. Некрополь Богородице-Алексиевского монастыря. Могила 45. Склеп закрытого типа

Рис. 3. Некрополь Богородице-Алексиевского монастыря. Могила 56. Склеп открытого типа

Наличие антропологических определений и привлечение письменных источников позволят в дальнейшем идентифицировать некоторые захоронения с известными жителями Томска, его высокопоставленными чиновниками и служащими.

На площади некрополя Богородице-Алексиевского монастыря был зафиксирован археологический культурный слой мощностью от 1 до 2,8 м, который содержал находки неолита, XVII, XVIII–XX столетий [Отчет..., 2012, с. 23]. Все материалы из раскопок с монастырской территории (более 6 400 ед. хр.) поступили в фонды Томского областного краеведческого музея (ТОКМ). В настоящее время идет обработка находок из межмогильного пространства, засыпей могил, а также постройки, выявленной в материковом слое в северо-восточном углу раскопа. Основную часть этой коллекции составляет русская гончарная керамика. Процесс обработки находок еще не завершен, поэтому анализ погребального инвентаря пока не может быть предложен.

Отчет о научно-исследовательской работе «Спасательные археологические полевые работы в границах территории объекта культурного наследия регионального значения «Богородице-Алексиевский монастырь» по адресу: ул. Крылова, 12 в Томске. Предварительный отчет (по договору № 03–12/04 от 20.07.2012 г.). Томск, 2012 // Архив ТОКМ. Д. (без номера). 53 л. : ил.

Археологические раскопки на территории Богородице-Алексиевского монастыря / Е. В. Барсуков, Н. В. Березовская, М. В. Вавулин, И. Н. Коробейников, Е. А. Решетников, М. П. Рыкун // Труды ТОКМ. – Томск, 2013. – Т. 18. – С. 214–230.

Боброва А. И., Рыкун М. П., Васильева Т. В. Некрополь Богородице-Алексиевского монастыря (комплексные исследования) // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2015. – С. 93–107.

Дмитриенко Н. М. Томский некрополь. Списки и некрологи погребенных на старых томских кладбищах 1827–1939 г. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – 528 с.

Стойлов Эд. Обретение мощей святого // Красное знамя. Прил. «Пятница». – 1995. – 7 июля. – № 159–160. – С. 2.

A. I. Bobrova

M. B. Shatilov Tomsk Regional Museum of Local Lore

NECROPOLIS OF BOGORODITSE-ALEKSEEVSKIY MONASTERY OF TOMSK

The article draws on the materials collected during the excavations conducted in 2012 by the Centre for Protection of Monuments on the territory of Bogoroditse-Alekseevskiy Monastery in the city of Tomsk. In the excavation area of 510 square meters 87 graves were opened. The inside-grave constructions are mostly plank coffins; there were also 11 cases of brick vaults (both open and closed) having been found preserved. Buried in the necropolis are: men (45), women (20), and children (12); the remains in 14 graves have not been identified as to the sex and age of the deceased. Most of the graves date back to the second half of the 19th to the early 20th century. From the foundation of the Monastery in 1663 to its destruction in 1923, it had been the final resting place for many of the clergy and of the 'best people of the city' – governors, aristocrats, members of the nobility, and donors of the Monastery.

Keywords: Necropolis, the city of Tomsk, Bogoroditse-Alekseevskiy Monastery, funeral rite, grave, vault.

УДК 2-523.3

Е. П. Загваздин

Тобольская комплексная научная станция УрО РАН

ТРЕХВЕРШИННАЯ ГОЛГОФА С НАДГРОБИЙ ИЗ ТОБОЛЬСКА И ИОАННО-ВВЕДЕНСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ*

Рассмотрена серия каменных надгробных памятников середины XIX – начала XX вв. из Тобольска – с территории Завального кладбища, а также из Иоанно-Введенского женского монастыря. Эту серию надгробий объединяет изображение горы Голгофы. Однако в отличие от ее устоявшихся обликов, в которых она предстает в виде одновершинной горы либо символической трехступенчатой лестницы, рассматриваемый образ не совсем обычен. Святая гора на памятниках показана трехвершинной (объемной или плоской), в полуциркульной манере. Выяснено, что сохранившиеся надгробия с этим образом Голгофы были распространены на кладбище Тобольска.

Ключевые слова: Тобольск, Завальное кладбище, Иоанно-Введенский женский монастырь, Голгофа.

В христианской иконографии Голгофа остается одним из наиболее узнаваемых символов. За ее многовековую историю образ места казни Христа многократно проецировался в изобразительном искусстве. В иконографической традиции устоявшимися считаются два варианта Голгофы. В первом – она предстает в виде одновершинной горы. Во втором – в образе символической трехступенчатой лестницы.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2015-0003 «Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н. э. – II тыс. н. э.)».

© Загваздин Е. П., 2017

Еще в одном виде, менее известном, она показана трехвершинной. В научной литературе существует такой пример – картины распятия Христа из Хлудовской Псалтыри (около 850 г.), выполненные на пергаменте [Щепкина, 1977]. На страницах Псалтыри Голгофа с тремя крестами. Еще один вариант трехвершинной Голгофы отпечата на одной из так называемых «ампул Монцы» (VI–VII вв.) – металлических и глиняных сосудах для жидкостей (сюжет – жены-мироносицы у Гроба Господня) [Покровский, 1900, с. 220].

Более пристальное внимание к этому символу христианства возникло при изучении серии каменных надгробных памятников с территорий Завального кладбища Тобольска и Иоанно-Введенского женского монастыря Тюменской области. Помимо наиболее распространенных двух вариантов Голгофы, отмеченных выше, на них встречен еще один, стилистически близкий к тому, что изображено на ампулах VI–VII вв. Наибольшее количество таких памятников отмечено на Завальном кладбище.

Актуальность рассмотрения этого типа Голгофы на надгробных памятниках была вызвана несколькими обстоятельствами. Во-первых, исследования, касающиеся истории Завального кладбища, часто затрагивают лишь наиболее характерные и распространенные темы: история формирования кладбища [Балюнова, Балюнов, 2008], данные об исторических личностях, погребенных здесь [Сулимов, 2006]. Публикации, касающиеся изучения надгробного памятника Завального кладбища как исторического источника, единичны [Гайнуллин, 2011].

Подобных пробелов в некрополистике России достаточно много. Так, наиболее полно и всесторонне в изучении охвачены старинные кладбища Москвы и Петербурга, наименее – периферийные кладбища страны [Фоменко, 1999, с. 220]. Частично восполняют эти лакуны тематические ресурсы Интернета [<http://www.m-necropol.ru/>; <http://www.necropolisociety.ru/cemetery-russia.html>], однако без комплексных исследований их важность остается не до конца раскрытой.

Во-вторых, что касается самого облика Святой горы, то не совсем понятны истоки ее изображения в таком виде. Прототип, который мог бы стать основой для этих гравировок, датируется VI–VII вв. Однако большой временной разрыв, отсутствие подобных ей форм в последующем, после VII в., в христианской иконографии позволяют сделать вывод, что трехвершинная Голгофа была нетипичным образом. Вопрос о том, в каком центре камнерезного промысла эти гравировки создавались, существовал ли в действительности прототип или эта форма возникла независимо, пока остается открытым. Известно, что крупное производство надгробных памятников находилось в Екатеринбургском округе Пермской губернии. Поставщиком этого специфического товара, в том числе и на территорию Западной Сибири, являлся Константин Иванович Трапезников (1854–1923) [Щеглова, 2001; Бирюков, 2001]. К сожалению, более детальной информации на эту тему не удалось обнаружить.

Несомненно, что на основании вышеизложенного важно не только ввести в научный оборот материал с достаточно необычным вариантом Голгофы, но и проследить динамику изменения ее формы во времени. Отмечу, что рассматриваемая серия гравировок датируется серединой XIX – первыми десятилетиями XX вв.

Всего нами найдено и рассмотрено 14 надгробных памятников, сделана их типология. Из них два надгробия происходят из Иоанно-Введенского женского монастыря (Тобольский район Тюменской области) и 12 надгробий с территории Завального кладбища Тобольска.

Тип 1. Объемное изображение Голгофы. Подтип 1. С высоким рельефом (рис. 1: 1)

Памятник № 1 (рис. 1: 1, с. 291). Плита обнаружена в склепе церкви-усыпальницы во имя Преподобного Серафима Саровского Иоанно-Введенского женского монастыря во время археологических исследований [Загваздин, 2009]. Имеет подпрямоугольную форму с выкружками по нижним углам. По ее периметру выполнена ступенчатая профилировка, повторяющая форму плиты. Верхняя часть памятника сколота. Там же, по центру, сохранились три объемных полукруглых элемента – два в один ряд, а третий в середине, над ними, которые изображают Голгофу. Крест на плите, на вершине Голгофы, тоже оказался отбит. На плите чуть ниже Голгофы выбита краткая биографическая надпись, выполненная вязью: «Здѣсь погребено тѣло раба Божія Іеросхимонаха Аввакума Дружинина, Скончавшегося 31 Декабря 1892 года 72 хъ лѣтъ отъ роду». Под ней следует разделительный элемент – две удлиненные ромбовидные линии с точкой между ними. Далее идет эпитафия: «Миръ оставльшаго и въ честнѣмъ жителствѣ пожившаго прослави Спасе Нанебесехъ». Эпитафия представляет собой укороченную выдержку из тропаря на чин «Последование исходное монахов» [Большой Требник, 1995]. Плита с погребения основателя монашеской династии иеросхимонаха Аввакума (в миру Петра Ефимовича) Дружинина [Загваздин, 2017].

Памятник № 2 (рис. 2: 1, с. 393). Намогильная плита с Завального кладбища Тобольска. Надгробие прямоугольной формы. Размер надгробия: 140 × 70, 2 × 16, 3 см. В верхних углах памятника выбита надпись: «Упокой Господи душу раба твоего». В верхней половине памятника восьмиконечный православный крест, стоящий на Голгофе. Голгофа в виде трех объемных полукружий, выбитых объемно над плоскостью камня. Под Голгофой выбита надпись: «Стефанъ Ивановичъ Гашинскій скончался 6 мая 1911 г. 59 лѣтъ». Погребение принадлежит коллежскому советнику, учителю древних языков Тобольской гимназии [Дело Департамента...].

Памятник № 3 (рис. 2: 9). Намогильный памятник с Завального кладбища Тобольска. Надгробие в виде изящного трапезиевидного гробовища. Размер памятника: 177 × 63, 5 × 37 см. В верхней половине памятника восьмиконечный крест с перекладиной, стоящий на Голгофе. Голгофа изображена здесь в виде трех объемных полукружий, выбитых на плоскости камня. Под Голгофой выполнена надпись:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Здѣсь покоится тѣло Елизаветы Павловны Фишеръ по первому мужу Ершовой скончавшейся 14го Марта 1885 года 38 лѣтъ от роду Поманема Господа Егда придеси во Царствіи Твоемъ».

Тип 1. Объемное изображение Голгофы. Подтип 2. С низким рельефом. Вариант 1. С ветвями (рис. 1: 2)

Памятник № 4 (рис. 2: 4). Намогильная плита с Завального кладбища Тобольска. Надгробие прямоугольной формы. Размер памятника: 142,7 × 71,1 × 7,8 см. На плите по кругу выбита надпись: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь».

Ниже выгравировано объемное изображение Голгофы с двумя ветвями о трех листьях, расположенных на верхнем полукружии, слева и справа. Далее следует надпись такого содержания:

«Здѣсь покоится прахъ рабы Божіей Анны Сергѣевны Лопаревой.

Мы могилу украшаемъ

Друга сердца нашего

Что – же сделалось не видимъ

Такъ знать Богом суждено.

Здѣсь нашу радость и веселья

Сокрыла мать – сыра земля

Прощай нашъ другъ неоцененный

До всемірнаго суда».

Ниже в рамке продолжение надписи: «Скончалась 12 февраля 1907 года 18 лѣтъ и 3 мѣс. отъ роду. Миръ праху твоему возлюбленная наша дочь АНЮТОЧКА!».

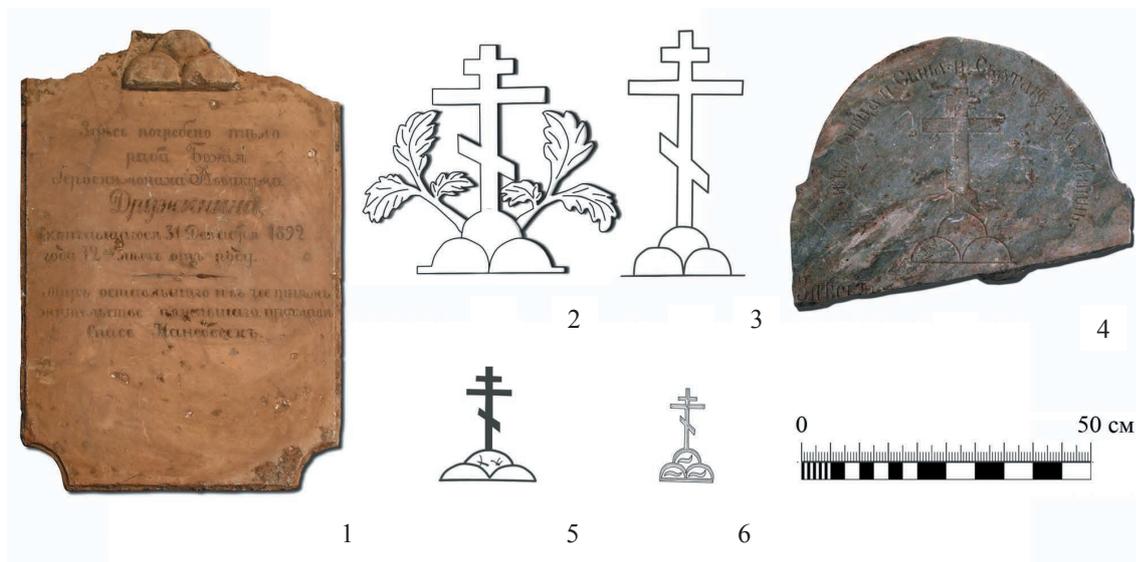

Рис. 1. Типология трехвершинной Голгофы на могильных надгробиях:

1 – тип 1, подтип 1; 2 – тип 1, подтип 2, вариант 1; 3 и 4 – тип 2; 5 – тип 2, вариант 1; 6 – тип 2, вариант 2

Памятник № 5 (рис. 2: 5). Намогильная плита с Завального кладбища Тобольска. Надгробие прямоугольной формы с фаской по периметру. Размер надгробия: 196,5 × 123,5 × 8,5 см. В верхней части памятника выбито объемное изображение Голгофы с ветвями о трех листьях, расположенных на верхнем полукружии, слева и справа. Ниже надпись: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа Аминь. Здѣсь покоится прах раба Божія Игнатія Антоновича Камаровскаго скончался 25 Августа 1904 г. отъ роду 56 лѣтъ. Миръ праху твоему любезный супруг».

На Завальном кладбище обследовано еще два вертикальных надгробия, на которых присутствует Голгофа с двумя ветвями. Их отмечу лишь вкратце. Располагаются они по одной линии в 5, 5 и 8, 5 м от южной стены храма. Одно из них датировано 16 июня 1894 г., на другом сопроводительная табличка отсутствует.

Характерно то, что элементы трехвершинной Голгофы на них редуцированы, но всё же угадываются. Это проявляется в отсутствии двух нижних холмов. Центральная вершина выполнена в той же полуциркульной манере. Присутствует и характерная для трехвершинной Голгофы нижняя горизонтальная линия. На памятниках отмечено большое количество декоративных элементов: розетки, треугольники, внутреннее обрамление.

Тип 2. Плоское изображение Голгофы (рис. 1: 3, 4)

Памятник № 6 (рис. 1: 4). Намогильная плита из Иоанно-Введенского женского монастыря. Большая часть плиты утрачена. Сохранилась верхняя полукруглая часть плиты с «плечиками». Размер этой части плиты составляет 59,3 × 42,8 см. Сверху полукругом выбита надпись «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа Аминь». Под надписью восьмиконечный крест с перекладиной, стоящий на Голгофе. Голгофа в виде трех плоских полукружий,

выбитых на плоскости камня. Ниже фиксируется часть надписи: «Здѣсь по...». Далее косая линия слома. Датировка плиты не установлена.

Памятник № 7 (рис. 2: 2). Намогильная плита с Завального кладбища Тобольска. Надгробие прямоугольной формы. Верхняя часть имеет форму полукруга с «плечиками». Размер надгробия: 122, 3 × 53, 3 × 8, 2 см. В верхней части надгробия выбит восьмиконечный крест с перекладиной, стоящий на Голгофе. Голгофа в виде трех плоских полукружий, выбитых на плоскости камня. Ниже надпись: «Здѣсь покоится Агнія Зиновьевна Колокольникова скончавшаяся 20 июля 1908 года 57 лѣтъ».

Памятник № 8 (рис. 2: 7). Намогильная плита с Завального кладбища Тобольска. Надгробие прямоугольной формы. Размер надгробия: 124, 1 × 58, 6 × 9, 7 см. В верхних углах памятника выбита надпись: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа Аминь». В верхней части надгробия выбит восьмиконечный крест с перекладиной, стоящий на Голгофе. Голгофа в виде трех плоских полукружий, выбитых на плоскости камня.

Ниже выбита эпитафия: «Здѣсь покоится прахъ вдовы Надворнаго Советника Марии Петровны Ефремовой, скончавшейся 14 ноября 1886 года».

Памятник № 9 (рис. 2: 8). Намогильная плита с Завального кладбища Тобольска. Надгробие прямоугольной формы. Размер надгробия: 124, 8 × 62, 2 × 12 см. В верхних углах памятника выбита надпись: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа Аминь». В верхней части надгробия выбит восьмиконечный крест с перекладиной, стоящий на Голгофе. Голгофа в виде трех плоских полукружий, выбитых на плоскости камня. Ниже надпись: «Здѣсь покоится прахъ дочери Надворнаго Советника Глафиры Андреевны Ефремовой, скончавшейся 19 октября 1867 года».

Памятник № 10 (рис. 2: 10). Намогильная плита с Завального кладбища Тобольска. Надгробие прямоугольной формы. Размер надгробия: 146 × 68 × 9, 8 см. В верхней части надгробия выбит восьмиконечный крест с перекладиной, стоящий на Голгофе. Голгофа в виде трех плоских полукружий, выбитых на плоскости камня. Ниже надпись: «Тернистая твоя была великая жизнь достопочтимая раба Марія пода будетъ блаженъ твой путь который уготованъ тѣбѣ какъ мѣсто вѣчнаго...». Посередине, поперек проходит линия слома плиты и надпись не читается. Дата отсутствует.

Памятник № 11 (рис. 2: 11). Намогильная плита с Завального кладбища Тобольска. Надгробие прямоугольной формы. Верхняя часть имеет форму полукруга с «плечиками». Размер надгробия: 141, 6 × 62, 4 × 10, 2 см. В верхней части надгробия выбит восьмиконечный крест с перекладиной, стоящий на Голгофе. Голгофа в виде трех плоских полукружий, выбитых на плоскости камня. Ниже надпись: «Здѣсь погребено тело жены надворнаго совѣтника, ЕВГЕНІИ ИВАНОВНЫ СЪРЯХЪ. Скончалась 27 ноября 1874 года житія ея 48 лѣтъ».

Памятник № 12 (рис. 2: 12). Намогильная плита с Завального кладбища Тобольска. Надгробие прямоугольной формы. Размер надгробия: 106, 7 × 49, 2 × 8, 5 см. В верхней части надгробия выбит восьмиконечный крест с перекладиной, стоящий на Голгофе. Голгофа в виде трех плоских полукружий, выбитых на плоскости камня. Ниже надпись: «Преблагій Господи Вседержитель вселенной не восрами меня грешную рабу твою Елену прими душу мою съ миромъ и упокой ея въ вечныхъ твоихъ обителяхъ со святыми твоими». Дата на плите отсутствует.

Тип 2. Плоское изображение Голгофы. Вариант 1. С «выщерблинами» (рис. 1: 5)

Памятник № 13 (рис. 2: 3). Намогильная плита с Завального кладбища Тобольска. Надгробие прямоугольной формы. Размер надгробия: 105, 7 × 50, 2 × 9, 8 см. В верхней части плиты выбит достаточно небольшой узкий восьмиконечный крест, стоящий на Голгофе. Голгофа в виде трех плоских полукружий, выбитых на плоскости камня. На вершине Святой горы выбиты две небольшие «выщерблины» в виде черточек.

Ниже Голгофы выбита эпитафия: «Насемъ месте покоится тѣло тобольскова Городоваго крестьянина Ивана Ильина Струнина скончавшияся 1852 года февраля 17 дня. миръ Праху твоему».

Тип 2. Плоское изображение Голгофы. Вариант 2. С «титлами» (рис. 1: 6)

Памятник № 14 (рис. 2: 6). Происходит с Завального кладбища Тобольска. Памятник в виде вертикально стоящей «часовенки». Его размер: 137 × 52 × 51 см. Изображение Голгофы выбито на северной вертикальной плоскости памятника. В верхней части плиты выбит узкий восьмиконечный крест с перекладиной, стоящий на Голгофе. Святая гора в виде трех полукружий, на которых вырезаны по одной волнообразной линии – «титлу». Ниже Голгофы на постаменте в прямоугольной рамке выбита эпитафия «Подъ симъ памятникъ покоятся тѣла Тобольска мещ. Андрея Андр. Бобова сынъ его Викторъ Андр. Дочь Палагея Андр. Бобовы». С юга: «Насемъ мѣсте покоится прахъ Тобольскаго 2 рой гильдіи Куптца Павла Андреѣ Бобова». Чуть ниже еще одна надпись: «Воимя Отца и Сына и Святаго Духа Аминь». С восточной стороны: «скончавшегося 24 числа Октября 1875 года въ 6 часовъ вѣчера житія его было насемъ свѣте 39 лѣтъ 4 месяца».

Заключение. Анализ серии надгробий с трехвершинной Голгофой с территорий Иоанно-Введенского монастыря и Завального кладбища Тобольска показывает, что их изготовляли с середины XIX в. и до первых десятилетий XX в. Таким образом, можно говорить о достаточной популярности этого варианта изображения Святой горы. Также изученный материал показывает, что присутствие трехвершинной Голгофы на памятнике не являлось чем-то особым, показывающим экстраординарный статус покойного. Это изображение наблюдается на надгробиях практически всех социальных групп. Отсутствует и строгая привязка к формам надгробных памятников, хотя горизонтальные надгробия – плиты всё же, несомненно, доминируют. Однако это наблюдение справедливо отнести и ко всем остальным надгробиям на территории Завального кладбища.

Наиболее распространенным является тип 2 с плоским изображением Голгофы (9/ 64,3 %), так как он не требовал больших трудозатрат на гравировку. Следует сказать, что на протяжении длительного времени это изображение хотя и отличалось от типовых форм Голгофы, но было неизменно в следующем: три полукружия, горизонтальная линия под основанием, крест. Небольшие штрихи («титла» и «выщерблины») не выделяли такие памятники из общего числа. Отклонение в форме и добавление новых мотивов в декоре наблюдается на малом количестве памятников 90-х гг. XIX – начала XX вв. На них появляются симметричные ветви на Голгофе, дополнительные декоративные элементы. Даже присутствует редукция количества вершин до одной, но с сохранением типичной ее характерной полукружной формы. Однако основной «аскетичный» тип Голгофы никуда не исчез и продолжал существовать вплоть до первых десятилетий XX в. Вероятнее всего, что этот вариант Голгофы, как и другие, исчезает с надгробий уже в первые годы советской власти.

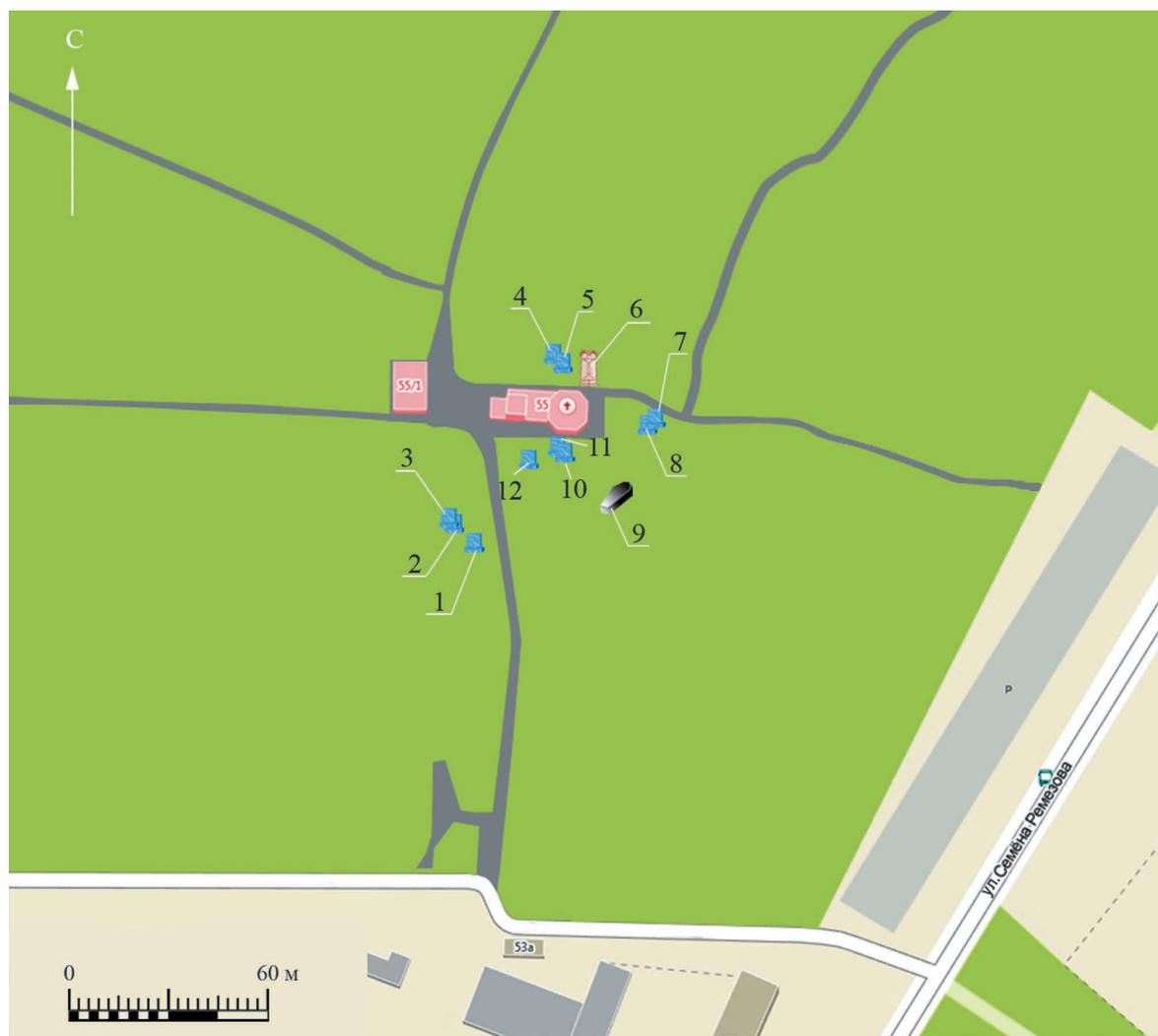

Рис. 2. План центральной части Завального кладбища с надгробиями с трехвершинной Голгофой (пояснение нумерации см. в тексте статьи)

Несмотря на то что количество обнаруженных надгробий с трехвершинной Голгофой на порядок меньше, чем памятников с устоявшейся формой Святой горы, всё же они были довольно распространены. Однако эта особенность нами выявлена лишь для Тобольска и Иоанно-Введенского монастыря. На доступных нам материалах с других кладбищ России такого варианта Голгофы не обнаружено.

Дело Департамента народного просвещения по разным вопросам, касающимся устава гимназий и прогимназий. Ч. II // РГИА. Ф. 733. Оп. 165. Д. 253.

«Большой» Требник. – [Репринт. изд. 1884 г.]. – СПб. : Изд-во Свято-Троице-Сергиевой лавры, 1995. – 627 с.

Балюнова Е. А., Балюнов И. В. Из истории погребального обряда русского населения // Архивы Урала. – 2008. – № 12. – С. 279–282.

Бирюков Е. Деревянный дом каменных дел мастера // Стройкомплекс Среднего Урала. – Екатеринбург, 2001. – № 5. – С. 55.

Гайнуллин М. Ш. Бедный Кюхля, или В поисках последнего приюта // Южноуральская панорама. – Челябинск. – 2011. – № 181(2662).

Загваздин Е. П. Археологические исследования на объекте реставрации «Иоанно-Введенский монастырь» (пос. Прииртышский, Тобольский район) // Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии. – Екатеринбург, 2009. – Ч. 2. – С. 381–391.

Загваздин Е. П. К биографии иеросхимонаха Иоанно-Введенского женского монастыря Аввакума Дружинина // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – Новосибирск, 2017. – Т. 16, № 1. – С. 72–79.

Покровский Н. В. Очерки памятников христианской иконографии и искусства. – СПб. : Тип. А. П. Лопухина, 1900. – 481 с.

Сулимов В. С. Завальное кладбище. Путеводитель. – Тобольск : [Б. и.], 2006. – 40 с.

Фоменко В. А. История российского освоения Центрального Предкавказья в конце XVIII – начале XX века в отражении погребальных памятников : дис. ... канд. ист. наук. – Пятигорск, 1999. – 385 с.

Щеглова Т. К. Ярмарки юга Западной Сибири в XIX – начале XX века. Из истории формирования и развития всероссийского рынка. – Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2001. – 504 с.

Щепкина М. В. Миниатюры Хлудовской Псалтыри. – М. : Искусство, 1977. – 318 с.

Могила знаменитостей. Виртуальный некрополь. – URL: <http://www.m-necropol.ru/> (дата обращения: 10.05.2016).

Общество некрополистов. – URL: <http://www.necropolisociety.ru/cemetery-russia.html> (дата обращения: 10.05.2016).

E. P. Zagvazdin

Tobolsk complex scientific station UB RAS

CALVARY WITH THREE SUMMITS ON THE HEADSTONES OF TOBOLSK AND OF IOANNO-VVEDENSKY CONVENT

We consider a series of stone gravestone monuments of the middle 19th – early 20th centuries from Tobolsk and from the territory of the Zavalnoe cemetery. And from the territory of Ioanno-Vvedensky convent. This series combines the gravestones image of Mount Calvary. However, in contrast to its well-established image, in which it portrayed a unimodal or the mountains, or a symbolic three-step ladder, the image in question is not quite common. Holy Mountain on the monuments portrayed with three summits (bulk or flat), in the semicircular style. Was found that preserved tombstones with the image Calvary are typical for Tobolsk.

Keywords: Tobolsk, Zavalnoe cemetery, Ioanno-Vvedensky convent, Calvary.

УДК 904

А. Ю. Борисенко¹, Ю. С. Худяков²

¹Новосибирский государственный университет,

²Институт археологии и этнографии СО РАН

ВООРУЖЕНИЕ РУССКИХ ВОИНОВ В ЗАПАДНОЙ И ЮЖНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XVI–XVII ВЕКЕ (по сведениям Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина)*

В статье анализируются сведения о вооружении и военном деле русских воинов, служивших в Сибири, собранные участниками Великой Северной экспедиции профессорами Г. Ф. Миллером и И. Г. Гмелиным. Этим исследователям удалось собрать ценные информативные сведения о вооружении русских казаков и служилых людей, противостоявших тюркским и монгольским кочевникам в процессе присоединения Сибири к Российскому государству. В русских письменных и изобразительных источниках приведены различные виды

* Исследование проведено в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/БЧ).

© Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С., 2017

оружия и защитных доспехов, применявшихся русскими воинами. Они были вооружены ружьями, пушками, копьями, саблями. Некоторые воины имели в своем распоряжении панцири и кольчуги. Осознавая преимущество использования огнестрельного оружия и металлических защитных доспехов, царские власти запрещали русским людям продавать эти виды вооружения сибирским народам.

Ключевые слова: Сибирь, пищали, пушки, панцири, кольчуги, русские воины, Великая Северная экспедиция.

В ходе многолетних научных исследований, проводившихся в 1730–1740-х гг. европейскими учеными, членами Санкт-Петербургской Академии наук, принимавшими участие в работе Великой Северной (или Второй Камчатской экспедиции) в Сибири, были собраны важные информативные сведения по истории и культуре русского населения и многих коренных народов, проживавших в Северной и Центральной Азии. В последующие годы, после возвращения из экспедиции, основные свидетельства русских письменных источников по истории присоединения сибирских земель к Российскому государству были изучены и введены в научный оборот выдающимся ученым-историком, участником этой экспедиции Г. Ф. Миллером [1998, с. 87, 89, 104–105]. В последнем издании его фундаментального научного труда по истории Сибири содержатся весьма важные информативные сведения о некоторых видах вооружения, о событиях военной истории, в которых принимали участие русские воины, казаки и служилые люди, а также об особенностях военного дела некоторых сибирских и центрально-азиатских народов. В числе разных видов вооружения и боеприпасов, предоставленных в распоряжение казакам из отряда Ермака купцами Строгановыми накануне похода через Уральские горы в Сибирь, упомянуты «три пушки, безоружным казакам ружья и каждому из 5 000 чел. по три фунта пороха, по три фунта свинца» [Миллер, 1999, с. 212].

В ходе военных столкновений с сибирскими татарами, по оценке Г. Ф. Миллера, стрелы татарских воинов, как правило, «причинили мало вреда» русским казакам, в то время как «казацкие ружья действовали с большим успехом» [Миллер, 1999, с. 216]. Взятому в плен сибирскому татарскому тархану Кутугаю казачий атаман Ермак Тимофеевич наглядно продемонстрировал стрельбу из пищалей для того, чтобы произвести на противника устрашающее впечатление [Там же, с. 217]. Этот эпизод демонстрации стрельбы из пищалей запечатлен на миниатюрных рисунках Ремизовской летописи [*Сибирские летописи*, 2008, с. 487–488]. Стрельба «невидимыми стрелами» произвела большое впечатление и очень удивила татарского тархана, «прежде не видевшего ничего подобного» [Миллер, 1999, с. 217]. Однако это не означает, что сибирские татары вообще не были знакомы с действием артиллерии и огнестрельного оружия, подобно американским индейцам, подвергшимся нападению испанских конкистадоров, как это предположил британский подданный на российской дипломатической службе Д. Белл [Зиннер, 1968, с. 47].

По имеющимся сведениям, правитель Сибирского ханства Кучум имел артиллерию. В ходе решающего сражения между русскими казаками из отряда атамана Ермака и войском сибирских татар, которых возглавлял хан Кучум, сибирские татарские воины, кроме «обыкновенного оружия», стрел, луков, копий и сабель, попытались применить две пушки, приобретенные и привезенные из Казани ханом в предшествовавшие годы. Однако они оказались совершенно бесполезными, поскольку среди сибирских татарских воинов не оказалось артиллеристов, которые могли бы из них стрелять. После того как они ни разу не сумели из них выстрелить, хану Кучуму пришлось приказать своим воинам сбросить эти пушки в Иртыш, чтобы они не достались противнику. Г. Ф. Миллер выразил сомнение в том, что позднее «казаки вытащили из Иртыша одну из этих пушек» и в течение некоторого времени она находилась в Тобольске [Миллер, 1999, с. 254]. Он также подверг сомнению содержащееся в сибирской летописи сообщение о том, что, помимо Кучума, еще двумя пушками владел татарский князец Бегиш, который употребил их в ходе боя против русских казаков [Там же, с. 225].

В ходе военных действий против отряда под командованием атамана Ермака сибирским татарским воинам неоднократно удавалось захватывать огнестрельное оружие. Во время ночевки группы казаков во главе с самим атаманом Ермаком на р. Вагай посланный ханом Кучумом татарский разведчик дважды пробрался к спавшим казакам и «в доказательство точности первого донесения доставил три русские пищали и две лядунки» в распоряжение татарских воинов [Миллер, 1999, с. 257]. Однако, даже получив в свое распоряжение огнестрельное оружие и артиллерию, сибирские татарские воины так и не смогли освоить его боевое применение. В сочинении Г. Ф. Миллера по истории Сибири приведены сведения о неудачных попытках татар стрелять из пушек, но нет упоминаний о том, что они пытались вести стрельбу из пищалей [Там же, с. 225, 254].

В последние годы некоторые неизвестные ранее ценные информативные сведения о хозяйственных занятиях, об особенностях традиционной культуры и религии, а также о военном деле народов Северной Азии, собранные Г. Ф. Миллером, были введены российскими и германскими исследователями в научный оборот. Например, в разделе о военном деле сибирских народов, хотя и очень кратко, упомянуто об организации военного дела у татар, которое, по мнению Г. Ф. Миллера, было основано некогда самим создателем Монгольской империи Чингисханом. В доказательство ученый привел ссылки на сочинения хивинского хана Абулгази и французского писателя, переводчика и путешественника Пти де ла Круа [Миллер, 2009, с. 347].

В дальнейшем исторические материалы, собранные участниками Великой Северной экспедиции и, прежде всего, Г. Ф. Миллером, привлекались для описания вооружения и военного дела русских казаков и сибирских народов еще одним из участников этой экспедиции – И. Э. Фишером, который обращался к изучению исторических событий, связанных с присоединением Сибири к России на основе материалов, собранных его предшественником [Фишер, 1774, с. 53–55].

Определенный вклад в изучение вооружения русских казаков и служилых людей в этот период внес еще один участник Великой Северной экспедиции – профессор И. Г. Гмелин. После возвращения из этой экспедиции по Северной Азии он уехал в Германию и опубликовал собранные им экспедиционные материалы. В России публиковались лишь отдельные фрагменты из его путевых экспедиционных дневников. В одной из этих публикаций были освещены события, относящиеся к периоду пребывания И. Г. Гмелина в составе сухопутного отряда этой экспедиции на территории Рудного Алтая [Гмелин, 1994, с. 140–147]. В описании путешествия по Средней и Восточной Сибири содержатся некоторые сведения о разных видах вооружения русских казаков и служилых людей. Они были изданы в переводе на русский язык Э. П. Зиннером [1968, с. 150–181].

За время пребывания ученых этой экспедиции в Красноярске в феврале 1734 г. профессор И. Г. Гмелин совершил вместе с красноярским воеводой поездку в соседнее поселение Торгушино, чтобы посмотреть «масленичные увеселения» местного русского населения. Ученый кратко описал увиденные им «потешные бои», в ходе которых всадники предпринимали попытки атаковать снежную крепость и даже «хотели стрелять стрелами» в оборонявшихся. Однако в этом случае в дело вмешался красноярский воевода, запретивший применять какое-либо настоящее оружие, из-за чего «потешное» оборонительное сооружение так и не было взято атакующей стороной [Зиннер, 1968, с. 158–159]. В дальнейшем И. Г. Гмелин смог осмотреть доспехи русских казаков и служилых людей, которые находились в специальном оружейном хранилище в Красноярске. При этом ученый счел их довольно странными. Согласно описанию этого европейского исследователя, в «старое время служивые выглядели очень странно. Они имели двойные кольчуги, которые закрывали всё туловище. Одна состояла сплошь из маленьких железных колец, другая – из тонких железных пластин. Последний вид кольчуги, по мнению служивых, легче носить, чем первый. Такой панцирь закрывает, как уже было сказано, всё туловище, грудь, живот, всю спину и руки. К тому же носили еще шапку, сверху покрытую железом. Я видел оба вида, но они уже не употребляются» [Там же, с. 159].

По принятой в современном отечественном оружейведении терминологии «кольчугой», или кольчужным «пансырем», называется кольчатый доспех. Названный этим исследователем кольчатый доспех, который закрывал всё туловище воина, был достаточно эффективным средством индивидуальной металлической защиты. Он был составлен из соединенных между собой небольших железных колец. Другой защитный доспех, который не точно также был назван этим исследователем «кольчугой», был изготовлен из тонких железных пластин. Согласно приведенному описанию, этот доспех закрывал верхнюю часть туловища и руки воина. Вероятнее всего, такой доспех можно более точно назвать пластинчатым панцирем. По утверждению И. Г. Гмелина, панцирь было носить легче, чем кольчугу. Вероятно, он обладал меньшим весом по сравнению с кольчатым доспехом. Защитный головной убор, названный ученым «шапкой, сверху покрытой железом», вероятнее всего, является металлическим шлемом. Внутри купола, составленного из железных пластин, он был дополнен меховой подкладкой. Несмотря на то что подобное защитное оружие перестало использоваться для предохранения воинов в ходе военных действий в первой трети XVIII столетия, когда в Сибири работала Великая Северная экспедиция, оно продолжало храниться в некоторых сибирских городах на военных складах, на одном из которых было осмотрено и затем подробно охарактеризовано И. Г. Гмелиным.

По мнению этого исследователя, обследованные им доспехи использовались русскими воинами в качестве «двойных кольчуг». Вероятно, ученый имел в виду, что русские казаки и служилые люди надевали на себя, поверх поддоспешной одежды, сразу оба защитных металлических доспеха: сначала кольчугу, а поверх нее панцирь. Из русских источников известно, что подобное двойное защитное покрытие, «два драгоценных панциря», точнее сказать, кольчуга и панцирь, во время появления в Москве казачьего посланника Ивана Кольцо были подарены казачьему атаману Ермаку Тимофеевичу царем Иваном IV Грозным. В дальнейшем он носил эти доспехи одновременно в качестве двойного защитного покрытия [Миллер, 1999, с. 233]. Вероятно, такую прочную двойную металлическую защиту не могла пробить ни одна, даже бронебойная, татарская стрела. Однако, в конце концов, именно эти два тяжелых защитных доспеха стали причиной гибели казачьего атамана. Как отметил в этой связи Г. Ф. Миллер, во время нападения сибирских татар на группу спящих казаков на р. Вагай «на Ермаке было два панциря, мешавшие ему плыть, и он утонул...» [Там же, с. 257].

Кольчатые защитные доспехи продолжали применяться русскими казаками и служилыми людьми в ходе военных действий в Южной Сибири до конца XVII столетия. В некоторых случаях предприимчивые люди, несмотря на категорические запреты царских властей, в том числе сибирских воевод, пытались продавать огнестрельное и холодное оружие, а также защитные доспехи, включая кольчуги, представителям некоторых сибирских народов, воевавших с русскими [Бобров, Борисенко, Худяков, 2012, с. 62]. Кроме того, известны отдельные исторические эпизоды, когда во время боев с русскими воинами енисейским «кыргызам» удавалось захватывать кольчатые доспехи – «панцири» [Бахрушин, 1955, с. 219].

Собранные участниками Великой Северной экспедиции Г. Ф. Миллером и И. Г. Гмелиным важные исторические сведения о военном деле и комплексе вооружения русских казаков и служилых людей, противостоявших в конце XVI–XVII вв. на территории Западной и Южной Сибири сибирским татарам, енисейским кыргызам и другим тюркским и монгольским кочевникам, служат весьма ценным информативным источником по военной истории на территории Северной Азии в течение завершающего периода эпохи позднего Средневековья и начала Нового времени. Эти материалы со всей очевидностью свидетельствуют о том, что русские воины в определенной степени превосходили своих противников из числа тюркских, а также монгольских кочевников в военно-техническом отношении. Однако не только обладание более передовыми для того времени видами вооружения, в том числе огнестрельным оружием и артиллерией, и использование средств индивидуальной металлической защиты, но и размещение своих опорных пунктов с достаточно эффективными бревенчатыми фортификационными сооружениями – острогами в стратегически важных пунктах, а также передвижение по рекам на маломерных судах обеспечили значительное военное преимущество российских властей в Сибири над их противниками в кочевом мире. Не менее существенное значение в процессе присоединения сибирских земель к Московскому царству имело привлечение российскими властями на свою сторону некоторых представителей правящей элиты тюркских и монгольских кочевых этносов, а также достаточно продуманная ясачная политика. Все эти факторы позволили России одержать верх над воинственными противниками в кочевом мире в Центрально-Азиатском историко-культурном регионе в процессе присоединения сибирских земель к Российскому государству.

Бахрушин С. В. Енисейские киргизы в XVII в. // Научные труды. – М., 1955. – Т. 3, ч. 2. – С. 176–224.

Бобров Л. А., Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Русские воины на южных рубежах Сибири в конце XVI–XVII вв. Вооружение и военная организация : учеб. пособие. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2012. – 128 с.

Гмелин И. Г. Поездка по Рудному Алтаю в августе – сентябре 1734 года (из книги «Reise durch Sibirien von den Jahre 1733–1734») // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 1994. – Вып. 2. – С. 140–169.

Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. – 247 с.

Миллер Г. Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена. – М. : Либерия, 1998. – 416 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. – Изд. 2-е, доп. – М. : Вост. лит., 1999. – Т. I. – 630 с.

Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. – М. : Памятники ист. мысли, 2009. – 456 с.

Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). – Рязань : Александрия, 2008. – 688 с.

Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. – СПб. : Имп. Акад. наук, 1774. – 631 с.

A. Yu. Borisenko, Yu. S. Khudyakov

Novosibirsk State University,

Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS, Novosibirsk

**ARMAMENT OF THE RUSSIAN WARRIORS IN WESTERN
AND SOUTHERN SIBERIA IN THE END OF THE 16–17th CENTURY
(based on data of G. F. Miller and J. G. Gmelin)**

It is analyzed in the article the data about armament and military science of the Russian warriors, being served in Siberia; these data were gathered by participants of the Great Northern Expedition, professors Gerhard Friedrich Müller and Johann Georg Gmelin. These explorers succeeded in collection of information about armament of the Russian Cossacks and Serving people, stood against to the Turkic and Mongolian nomads in the course of annexation of Siberia to the Russian State. It is adduced in the Russian written and graphic sources the various kinds of weapon and armour, applied by the Russian warriors. They were armed with guns, cannonry, spears, sabres. Some warriors had chain armour on hands. Imperial authorities prohibited to the Russian people to sell these kinds of armament to the Siberian people, realizing the preference of utilization of fire-arms and metallic armour.

Keywords: Siberia, harquebuses, cannonry, armour, chain armour, Russian warriors, Great Northern Expedition.

КОЛЛЕКЦИЯ ПУЛЬ XVII ВЕКА В ГОРОДЕ ТАРЕ

После победы над ханом Кучумом военно-политическая обстановка в Тарском Прииртышье значительно обострилась. Главным противником русских на весь XVII в. оказались калмыки. С 1628 по 1651 гг. Тара и ее округа испытывали частые нападения и осады. В ходе исследований культурных напластований крепости собрана огромная коллекция предметов русского, аборигенного, а также иностранного производства. Здесь на фоне малого количества металлических изделий выделяется коллекция пуль первой трети – второй половины XVII в. – более 180 экз. Авторы характеризуют несколько групп предметов, использованных для стрельбы защитниками крепости: пули для ручного огнестрельного оружия, изготовленные методом литья свинца в формы и изготовленные методом рубки-обкатки свинцовых заготовок, без термообработки. Установлено, что пули имеют следы прохода по каналу ствола, отсюда стало возможным установить виды ручного огнестрельного оружия, из которого стреляли этими пулями. Методом картографии были определены районы ожесточенных столкновений с противником, отсюда автoрами была предложена датировка, связанная именно со временем осад города-крепости.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Тарская крепость, татары, калмыки, служилые люди, пули, снаряды.

Князь Андрей Васильевич Елецкий, исполняя «Наказ...» царя Федора Иоанновича, основал в 1594 г. Тару – крепость, которая внесла решающий вклад в разгром хана Кучума и в последующий период, более века защищала от набегов кочевников всю русскую Сибирь. Основателям города буквально сразу пришлось открыть военные действия против несломленного хана. Походы тарских воевод закончились на Ирменском лугу 20 августа 1598 г., где князь Андрей Воейков нанес хану Кучуму решающее поражение [*Тара в XVI–XVII веках...*, 2014, с. 26–28].

Но эта победа стала и первым известием о новом противнике для русской Сибири. Отряд Андрея Воейкова после разгрома хана Кучума не стал оставаться на поле боя дольше пяти дней, поскольку в двух днях пути от него собрался пятитысячный военный отряд «колмаков» [*Синяев, 1951, с. 149*]. С начала XVII в. на границе с русскими землями постоянно кочевали отряды калмыков, которые при любой возможности совершали набеги на поселения Тарского уезда. Часто этими набегами руководили сыновья и внуки хана Кучума, которые собирали под свое руководство достаточно многочисленное войско [*Худяков, 2014, с. 87*]. Татары, проживавшие на землях Тарского уезда, часто переходили на сторону кучумовичей и под их руководством подступали под стены Тары.

С 1627 по 1651 гг. время самых активных осад Тары. В 1627 г. Тарскому городу угрожали тайши Айдар и Магнит [*Волкова, 1965, с. 117; Евсеев, 1981, с. 82*]. В 1628 г. соединенные силы аялыньских татар под руководством Кочаша Танатарова и Евруса Евгаштина осаждали город [*Волкова, 1965, с. 119*]. В начале лета 1634 г. Тара выдержала сначала осаду, а через полтора месяца – еще один набег калмыков во главе с кучумовичами [*Материалы...*, 1959, с. 63–64]. Город в течение длительного времени находился на военном положении. В первую очередь это отражалось на снабжении Тары. Именно с этим в культурном слое XVII в. связано крайне малое количество изделий из металла. На этом фоне выделяется коллекция пуль, которые были получены в ходе археологических исследований в районе крепостных стен – всего 15 экз. Значительную коллекцию (166 экз.) передали нам тарские краеведы, которые собрали ее под крепостью на огородах Бухарской слободы и в районе острова на р. Ржац. Всего комплекс свинцовых пуль составляет 181 единицу.

Все предметы были взвешены, обмерены (см. таблицу на с. 399), также была произведена их фотофиксация. Основываясь на существующих схемах систематизации, в основе которых лежат технологические признаки изготовления, разработанные для конца XV–XVIII вв. [*Двуреченский, 2005, с. 264–271*], среди тарских находок мы выделили две группы, в каждую из которых были включены варианты (рис. 1, с. 400).

Группа 1. Свинцовые пули для ручного огнестрельного оружия, изготовленные методом литья в формы – пулелейки. Всего к данной группе относится 169 экз., что составляет 93 % от общего числа пуль.

Вариант 1. Пули шаровидные, с литником, без дальнейшей обработки (рис. 1: 1). Включает пять экземпляров, что составляет 3 % от всех снарядов группы. Вес 4–13,6 г, диаметр 8–13 мм.

Вариант 1А. Пуля шаровидная. При литье обрублена часть пули с литником, без дальнейшей обработки (рис. 1: 2). Включает 19 экз. (11 %). Вес 3,7–5 г, диаметр 8–12 мм.

Вариант 2. Пуля шаровидная, обрублена, зачищена (рис. 1: 3). Включает 145 экз., т. е. 86 % снарядов группы. Вес 2–24 г, диаметр 6–18 мм.

Весоразмерные характеристики свинцовых пуль XVII в. из г. Тары

Группа 1. Пули литые			
Пули	Вариант 1	Вариант 1А	Вариант 2
Количество (169)	5	19	145
Размеры (мм)	8–13	8–12	6–18
Вес (г)	4–13,6	3,7–5	2–24
Группа 3. Пули катаные			
Пули	Вариант 1	Вариант 2	
Количество (12)	4	8	
Размеры (мм)	10–18	10–14	
Вес (г)	5–15	3–10	

Экземпляры, отнесенные к первому варианту группы 1, после отливки не подвергались доработке, тогда как у пуль, выделенных в вариант 1А этой же группы, был обрублен литник. Готовыми боеприпасами можно считать экземпляры варианта 2 (где литник тщательно удален), тогда как пули вариантов 1 и 1А были браком, который также использовался для стрельбы из ручного огнестрельного оружия. Объяснить появление пуль с качественно удаленным литником можно тем, что в России XVII в. получили распространение пулелейки с резаком, поэтому пули, отнесенные к варианту 2, в отношении баллистики имели некоторое преимущество.

Находки пулелеек на русских памятниках Западной Сибири свидетельствуют о производстве пуль на местах. При раскопках Мангазеи найдена форма-пулелейка клещевидного типа, которая представляет собой клещи с формочками на конце в виде полусфер с каналами для литья, к ней же была обнаружена и ложечка для литья свинца – льячка [Белов, Овсянников, Старков, 1981, с. 138]. Одна из таких пулелеек обнаружена Л. В. Татауровой на поселении Изюк-1 (д. Изюк была основана во второй половине XVII в.) [Культура населения..., 2005, с. 195].

Аналогии тарским пулям происходят как из европейской части России (Москва, Смоленск, Тула), так и из Сибири (Мангазея, Тобольск) и датируются в широком диапазоне – концом XV–XVII вв. [Двуреченский, 2005; 2007; Матвеева, Нагибин, 2014]. А более качественно выполненные боеприпасы (вариант 2) продолжают употребляться в русской армии вплоть до второй половины XIX в. [Двуреченский, 2005, с. 266].

Группа 2 по О. В. Двуреченскому [2005, с. 267–270] – это пули, выполненные способом литья в воду или масло. На данный момент в Таре они не обнаружены.

Группа 3. Пули, изготовленные методом рубки-обкатки свинцовых заготовок, без термообработки. К группе относится 12 экз. – 7 % от общего числа коллекции. Способ изготовления включал два этапа. Заготовка (свинцовый округлый стержень) рубилась на цилиндры, после чего их закругляли катанием (современные охотники при изготовлении пули или дроби кустарным способом используют чугунные сковороды, окатывая ими заготовки по железному листу). В результате пуля может получиться округлой формы и мало чем уступать по пропорциям отлитой. Такие снаряды назывались «секанцами», от слова «сечь, рубить» [Маркевич, 1994, с. 115]. В этой группе было выделено два варианта.

Вариант 1. Представлен заготовкой в виде цилиндра, без дальнейшей обработки (рис. 1: 4). Включает четыре экземпляра, что составляет 33 %. Вес от 5 до 15 г, высота цилиндра 12–20 мм, диаметр 10–18 мм.

Вариант 2. Произвольный кусок свинца (снаряд – жеребей?) или неоформленная заготовка (рис. 1: 5), включает восемь экземпляров – 67 %. Вес от 3 до 10 г, высота 10–14 мм.

Пули этой группы скорее были заготовками для боеприпасов, однако обнаружение их на поле боя говорит об их боевом применении. Вполне вероятно, что такие пули использовали для мелкокалиберных пушек и затинных пищалей, которые не требовали качественных расходных материалов. Скорее всего, это связано с неожиданным нападением противника и невозможностью использовать подготовленные боеприпасы. Малое количество таких заготовок приводит к выводу о том, что такой способ изготовления пуль (без термообработки) был не в почете у тарских служилых людей и уступал литью свинца в формы.

Экземпляры группы 3 аналогичны пулям, найденным в слоях конца XV–XVII вв. Москвы и Смоленска [Двуреченский, 2005, с. 265–266]. Практически у всех снарядов (97 %) обнаружены характерные следы деформации. За этим стоит, по нашему мнению, несколько причин.

Во-первых, это отпечатки трения о каналы ствола как при забивании пули в ствол, так и при вылете из него. Исходя из этого возможно реконструировать некоторые виды ручного огнестрельного оружия, применявшегося в боях у Тарской крепости:

- мелкокалиберные пушки или затинные пищали (в случаях с экземплярами группы 3);
- гладкоствольное ручное оружие, которое оставляло неширокий поясик на пуле (некоторые экземпляры группы 1 варианта 1А);
- пищали или мушкеты с шестиканальными нарезками ствола (группа 3, вариант 1);
- пистолеты с шестью каналами нарезки (экземпляры, входящие в группу 1, варианты 1А–2).

Во-вторых, на пулях заметны следы вдавлений, которые появились вследствие попадания их в твердую поверхность (защита противника, дерево, камень) или же по причине долгого хранения в одном положении (учитывая, что свинец металл мягкий, режется ножом и легко царапается ногтем).

Рис. 1. Пули для ручного огнестрельного оружия XVII в. Тарская крепость:

1 – группа 1, вариант 1; 2 – группа 1, вариант 1А; 3 – группа 1, вариант 2; 4 – группа 3, вариант 1; 5 – группа 3, вариант 2

Все скопления пуль, обнаруженные вблизи крепости, были перенесены на карту местности (рис. 2, с. 401). Анализ картографических материалов (чертеж Тары, составленный С. У. Ремезовым в конце XVII в., планы Тары и ее окрестностей 1737 и 1747 гг., рисунок Тарской крепости, сделанный Люрсениусом в 1734 г.) и современных планов г. Тары позволил выделить три района скопления пуль. Первый, самый значительный, у северной крепостной стены – там сконцентрировано до 70 % всех пуль; второй – при слиянии Аркарки и Ржаца – 20 %, третий – в районе места традиционного проживания татар (левый берег Аркарки – подгородная часть Тарской крепости, где татары живут до сих пор) [Тихонов, 2016, с. 36–37] – 10 % находок. Такое районирование обусловлено частыми осадами Тарской крепости и наилучшими подходами к крепостным стенам.

Учитывая сложную военно-политическую обстановку в Тарском Прииртышье в конце XVI–XVII вв., объяснить такой разброс пуль вдали от крепости возможно. Скопление в первом районе объясняется тем, что это одно из лучших мест для нападения на крепость. Отсутствие системы фортификационных и инженерных сооружений (надолбов у стен Тары) позволяло практически беспрепятственно подходить к городу не только спешенному войну, но и конному. Скопления пуль в двух других районах позволяет предположить, что защита Тарской крепости от многократно превосходившего по численности противника имела обратную сторону – сторону нападения, т. е. вылазки. Вероятнее всего, благодаря хорошо поставленной караульной службе исключалась возможность скрытого подхода врага вплотную к крепости. Стрельбой из огнестрельного оружия противнику не давали подойти

к стенам, затем следовала неожиданная контратака, что скорее связано не с какой-то специальной тактической установкой на бой, а с крайне малым числом защитников.

Рис. 2. Местонахождение пуль у Тарской крепости:

1 – у северной крепостной стены, 2 – при слиянии Аркарки и Ржаца, 3 – на территории традиционного проживания татар

Изученная коллекция пуль помогает разрешить некоторые вопросы военного дела города-крепости Тары. Использование всех представленных тарских пуль укладывается в пределы первой трети – второй половины XVII в. В этот период для ручного огнестрельного оружия применялся один вид боеприпасов – свинцовые пули. Изготавливались они методом литья в формы либо из заготовок, которые обкатывались до придания им нужной конфигурации. Нужно отметить, что для стрельбы из ручного огнестрельного оружия использовались не только качественные, но и бракованные пули.

Таким образом, изучение коллекции пуль позволяет судить о разнообразии огнестрельного оружия, применявшегося защитниками Тары, – от затинных пищалей до пистолетов, что подтверждают письменные источники [Миллер, 2000, с. 351–352]. Описанный комплекс боеприпасов демонстрирует спектр разных калибров огнестрельного оружия, о которых письменные источники не сообщают вовсе. Поскольку данные пули XVII в. не изучены в полном объеме, тарские материалы приобретают значимость не только как датирующие предметы, но и как составляющий компонент комплекса вооружения, раскрывающий военные традиции Европейской России.

Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. – М.: Наука, 1981. – Ч. 2. – 148 с.

Волкова К. В. Восстание татар Тарского уезда 1628–1631 гг. // Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. – Новосибирск, 1965. – Вып. 2. – С. 118–122.

Двуреченский О. В. Боеприпас для ручного огнестрельного оружия Московской Руси конца XV – начала XVIII века // Археология Подмоскovie. – М., 2005. – Т. 2. – С. 264–296.

Двуреченский О. В. Комплекс вооружения и снаряжения всадника и верхового коня, происходящие с территории Тушинского лагеря // Археология Подмоскovie. – М., 2007. – Вып. 3. – С. 254–276.

Евсеев Е. Н. Тара в свои первые два столетия // Сибирские города XVII – начала XX вв. – Новосибирск, 1981. – С. 78–108.

Культура населения XVI–XVIII вв. как основа формирования современного облика народов Сибири / Н. А. Томилов, С. Ф. Татауров, Л. В. Татаурова, М. А. Корусенко, К. Н. Тихомиров, С. С. Тихонов, Е. Ю. Смирнова. – Омск: Издат. дом «Наука», 2005. – 268 с.

Маркевич В. Е. Ручное огнестрельное оружие. – М.: Полигон, 1994. – 552 с.

Матвеева Н. П., Нагибин Г. Ф. Работы по обнаружению поля битвы Ермака с татарской дружиной на Карачинском острове // Присоединение Сибири к России: новые данные. – Тюмень, 2014. – С. 29–33.

Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636 гг. – М. : Вост. лит, 1959. – 352 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. – М. : Вост. лит. РАН, 2000. – Т. II. – 796 с.

Синяев В. С. Окончательный разгром хана Кучума на Оби в 1598 году // Вопросы географии Сибири. – 1951. – № 2. – С. 141–156.

Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша / Д. А. Алисов, Ю. М. Гончаров, А. Р. Ивошин, А. В. Матвеев, С. Ф. Татауров, Ф. С. Татауров, К. Н. Тихомиров, С. С. Тихонов, К. Н. Тихомиров, М. Н. Тихомирова. – Омск : Амфора, 2014. – 332 с.

Тихонов С. С. Бухарская слобода Тарской крепости: исследования топографии и исторических районов города // Средневековые тюрко-татарские государства. – 2016. – № 8. – С. 32–38.

Хвостов Н. А. К вопросу истории взаимоотношений калмыков (джунгар) с русским государством (XVII – начало XVIII вв.) // Ислам, общество и культура. – Омск, 1994. – С. 177–180.

Худяков Ю. С. Взаимодействие российских властей в Сибири с телеутами в борьбе со сторонниками восстановления Сибирского ханства // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. – Курган, 2014. – С. 86–88.

S. F. Tataurov¹, T. N. Faistov²

¹*Omsk Division of the Institute of Archaeology and Ethnograph, SB RAS,*

²*Omsk State F. M. Dostoyevsky University*

COLLECTION BULLETS 17th CENTURY (ON GATHERING MATERIALS AT THE TARA FORTRESS)

After the victory over the khan Kuchum the military-political situation in Tarsky Priirtyshje has considerably aggravated. Over the all 17th century the main opponents of Russians were Kalmyks. Since 1628 to 1651 Tara and its districts were frequently attacked and reined in. As result of researches of cultural beddings of fortress was amassed a huge collection of objects of the russian, indigenious and foreign production. Between small quantity of metal products is allocated collection of bullets of the first third – the second half of the 17th century – 180 copies. Authors allocated several groups of the objects used for shooting by defenders of fortress such as: plumbic shells made by method of founding of plumbum in forms for, which were used for manual firearms and rounds which were made by method of hack-roll without any heat treatment. It is specified that bullets have pass traces on the channel of a trunk so it has made possible to establish types of manual firearms for which were used such bullets.

By using the method of cartography it was determined areas of violent confrontations. In connection with it authors have offered the dating connected with time of sieges of the fortified city.

Keywords: Western Siberia, Tara fortress, Tatars, Kalmyks, serving men, slug, ammo.

УДК 903.24(470)1150/15

В. И. Семенова

Тюменский государственный институт культуры

КОЛЛЕКЦИЯ КОЖАНОЙ ОБУВИ ИЗ РАСКОПОК ТЮМЕНИ (по материалам 1988 года)

Тюмень в XIX в. являлась признанным центром обработки кожи в Сибири. Кожевенное производство развивалось со дня основания города и удовлетворяло потребности горожан в кожаных изделиях, прежде всего обуви. Коллекция кожаной обуви из раскопок Тюмени позволяет составить представление о видах обуви, распространенных среди населения Тюмени XVII – начала XIX вв. Горожане использовали местное сырье и шили обувь простого кроя, характерную для русского населения как Центральной России, так и Сибири. Культурный слой города сохранил поршни, детали туфель, сапог. В коллекции есть поршень из детской могилы, имеющий признаки ритуального предназначения (особенности кроя, следы порчи на подошве).

В сравнении с наиболее полно опубликованными материалами из Мангазеи, данная коллекция отличается использованием местного сырья, упрощенными формами повседневной обуви, ее домашним и кустарным изготовлением.

Ключевые слова: Сибирь, Тюмень, кожаная обувь, туфли, сапоги, детали обуви.

Известный сибирский публицист Н. М. Ядринцев назвал Тюмень «кожевенным Лионом». В начале XIX в. в Тюмени производили больше половины кож, выделявавшихся в Западной Сибири. Изготавливали кожи красные, черные, белые юфтевые. Черная юфть шла на местные нужды [Миненко, 2004, с. 292–293]. Путь к этому процветанию начался практически с самого основания города. П. М. Головачев писал, что в Тюмени XVII в. все жители должны были держать домашний скот – лошадей, коров, овец [Тюмень в XVII в., 2004, с. 186], значит, с сырьем проблем не было. По сведениям П. М. Головачева, с кожевенного дела собиралась небольшая пошлина [Там же, с. 189]. Тюменская обувь XVII–XVIII вв. никогда не была объектом изучения, хотя она есть в коллекциях Тюменского краеведческого музея и представлена этнографической городской и археологической частями. Данная статья посвящена описанию и систематизации коллекции обуви, найденной автором при раскопках в исторической части Тюмени в 1988 г.

Коллекция кожаных изделий состоит из 75 находок. В нее входят детали обуви, одни ножны, несколько лоскутов и неопределимых изделий. Большая часть происходит из культурного слоя раскопа 2 с остатками городской застройки. Два детских поршня найдены в траншее, разрушившей участки с могилами.

Средневековая обувь русских городов хорошо изучена. Значительные коллекции были собраны при раскопках в Новгороде, Москве, Мангазее, Томске [Визгалов, Пархимович, 2008, с. 79–85; Рабинович, 1988, с. 172–177; Черная, 2015, с. 156–165 и др.]. Разработана типология и методика описания городской обуви [Осипов, 2006].

В тюменской коллекции присутствует обувь мягких форм (поршни) и обувь жестких форм (туфли, сапоги). [Оятева, 1965, с. 42–59].

Поршни представлены семью экземплярами, относящимися к одному типу. Все они были выкроены из прямоугольных кусков кожи толщиной 0,1–0,2 см, сложенных в два слоя. Для головки посередине делали два наклонных надреза, образующих треугольный язычок, загнутые края и язычок сшивали тачным швом. Для формирования пятки сзади делали два параллельных продольных надреза. При соединении краев два боковых прямоугольника сшивались переметочным швом встык, а средний прямоугольник закрывал шов, и всё прошивалось сквозным швом. По краю поршня через вертикальные надрезы пропускалась оборка шириной 0,4–0,6 см, которая выходила наружу у пятки.

Несмотря на то что поршней мало и все они двуслойные, они имеют прямые обрезы головок, оборы, но одинаковых нет. На некоторых отмечены отверстия от подметки в носочной части, другие отличаются деталями кроя и декором обреза. При крое разрез спереди мог отсутствовать. При формировании головки уголки загигались внутрь, края выворачивались наружу, соединялись и прошивались выворотным швом. Обрез мог быть с простыми прорезями для оборы или украшен бахромой из частых продольных разрезов, развернутых по оси под прямым углом и собранных на обору через отверстия, сделанные в их центре. Здесь тоже могли быть варианты. Язычок бахромы мог быть сверху разрезанным или нет. В первом случае декор был нарядным за счет стройного ряда одинаковых четких приостренных развернутых язычков. Во втором случае получался другой визуальный эффект. Каждый язычок разрезался пополам, но не до конца. При развороте появлялся более разнообразный ритм декора за счет чередования коротких и длинных разрезов. Интересно, что под бахромой отмечены тонкие наколы разметки, точно соответствующие длинным и коротким разрезам. На одном детском поршне на носке ниже обреза линованием нанесена полоска из коротких вертикальных оттисков.

Интерес представляют два ритуальных детских поршня из разрушенных могил в траншее. Один поршень по крою ничем не отличается от повседневной обуви. Выделяет его хорошая сохранность, видны детали кроя пятки и пр. (рис. 1: 1, с. 405). Второй поршень скроен из одного куска тонкой кожи (толщина 0,05 см) с разрезом на носке, прямым обрезом с треугольным выступом в центре (за счет его высота головки – 7 см). Разрез на носке и боковины снизу сшиты переметочным швом. Оборой служила тонкая шерстяная нить, которая соединяет выступ головки с подошвой по центру боковин и пяткой (рис. 1: 2). На подошве отмечено четыре поперечных коротких надреза с одной стороны.

Судя по размеру (12–22 см), поршни принадлежали женщинам и детям. Только один фрагмент (сохранилась головка длиной 17,6 см) поршня имел большой размер.

Обувь жестких форм представлена отдельными деталями: это головки, подошвы, каблуки, поднаряды, боковины, штаферка, задник. Целых сапог и туфель нет. Критерии для определения вида обуви связаны с технологическими признаками [Осипов, 2006, с. 47]. Сапоги имеют подошвы с комбинированным швом: носочная и геле-ночная (перейма) части скреплялись с верхом потайным швом, пятка – сквозным. Обрез головки и задник сапога определяются по наличию следов выворотного или тачного швов. Подошвы туфель имеют единый шов по периметру, швы на подъеме и обресе задника отсутствуют. В процессе описания коллекции были выделены некоторые дополнительные признаки. Так, сравнивая головки туфель и сапог, удалось установить, что по обресту туфель идут сквозные отверстия с равно- или разновеликими стежками и на многих экземплярах сохранилась сборка. В то время как на головках сапог не было сборки, и там виден тачной шов.

Туфли – это обувь низких форм, закрывающая стопу ниже лодыжки. В коллекции три типа туфель (19 головок, две подошвы, три фрагмента боковин).

Туфли 1-го типа с длинными низкими боковинами, соединенными тачным швом на пятке, с пришивной подошвой без каблука представлены шестью головками с цельнокроеными длинными боковинами и тремя фрагментами боковин. Для туфель этого типа характерен прямой, реже дуговидный срез, глубина головки от 7,5 до 10 см, прошивка равномерными стежками по верху головки и боковин с шагом 0,2 и 0,6 см, присборенный обрез, по нижней части равномерные стежки с шагом 0,3 см, на головке над нижним швом есть по два ряда сквозных отверстий аморфной формы с разным шагом. Размеры туфель взрослые (длина 22–28 см) (рис. 1: 4).

Туфли 2-го типа представлены 12 головками с цельнокроеными короткими боковинами (из-за этого их еще сложнее отличить от головок сапог). Для туфель этого типа характерен дуговидный срез, глубина головки от 8 до 11 см, прошивка равномерными стежками по верху головки и боковин с шагом 0,15–0,3 и 0,8–1,4 см, присборенный обрез, по нижней части равномерные овальные отверстия размерами 0,1–0,25 × 0,1–0,2 см с шагом 0,3–0,8 см. На головке над нижним швом встречается второй ряд сквозных отверстий, но они идут с одной стороны головки или отсутствуют. На головках возможны мелкие подгибы внутрь, поднаряды. На одной головке с поднарядом ниже обреза с подгибом есть декоративный шов. Также встречен декор в виде параллельных бороздок, выполненных линованием. Судя по глубине головок, все размеры туфель взрослые (рис. 1: 6).

Туфли 3-го типа отличаются от предыдущих наличием каблука, в коллекции представлены одной головкой с сильно скошенными торцами боковин, что и указывает на наличие каблука. Головка состоит из трех тонких слоев кожи (0,05 см) – двух верхних и поднаряда, сшитых переметочным швом по обрезаю, носок тупой, закругленный, симметричный, верхний обрез дуговидный, с треугольным язычком, глубина головки – 6,8 см. Поднаряд направлен бахтармой к головке. По нижней кромке сквозные круглые отверстия (шаг – 0,3 см, диаметр – 0,1 см) от прошивки (рис. 1: 3). Кожа головки выделяется фактурой и напоминает козловую.

Подошвы туфель (2 экз.) пластинчатые, плоские, симметричные, с заостренным носком и округлой пяткой. Геленочная часть выражена и имеет меньшую ширину по сравнению с носочной и пяточной (6–4,5–4,9 и 9–5,1–7,5 см). Толщина кожи – 0,15–0,2 см. Сквозные отверстия от крепления с верхом идут по периметру. На пятке одной подошвы отверстия чаще и больше по размеру, чем в передней части, что можно объяснить наличием каблука.

К деталям туфель следует отнести один фрагмент штаферки – опушки, которая пришивалась к верхней части боковин туфель в виде фрагмента ленты (длина около 24 см), согнутой по продольной оси два раза, по кромке двойные сквозные отверстия от прошивки.

Сапоги – это обувь высоких форм, с голенищем, закрывающим стопу и голень, представлены четырьмя головками, восьмью подошвами, 11 каблуками, одним задником, четырьмя фрагментами поднарядов.

Для сапожных головок характерны овальный тупой носок (один лопатообразный), дуговидный срез, глубина головки от 12,5 до 13,8 см, тачной шов по обрезаю головки и торцам боковин, по нижней части равномерные овальные отверстия размерами 0,2–0,3 × 0,1 см с шагом 0,3–0,6 см (рис. 1: 7). Судя по глубине головки, размеры сапог взрослые. На одном экземпляре сохранился поднаряд.

Подошвы сапог представлены восьмью экземплярами, выделено два типа подошв.

Подошвы сапог 1-го типа (6 экз.) пластинчатые, плоские, асимметричные, с заостренным носком и округлой пяткой. По носовой и геленочной части идет потайной шов (отступ – 0,8–1 см, ширина – 0,6–0,9 см), на пятке у края сквозные отверстия, на одном экземпляре есть дополнительные сквозные отверстия по краю. Ширина носка, геленочной части, пятки разная (соответственно 8–9 см, 5–5,5 см, 5–6 см), толщина кожи – 0,2–0,25 см. Сквозные отверстия от крепления с верхом идут по периметру. На одном экземпляре сохранилось клеймо в виде трех параллельных линий. Размеры подошв – 20–23 см.

Подошвы сапог 2-го типа (2 экз.) пластинчатые, с крокулем, асимметричные, с заостренным носком и трапециевидной пяткой. Потайной шов в носовой и геленочной частях (отступ – 0,6–0,8 см, ширина – 0,5–0,7 см) сочетается с со сквозными отверстиями по краю (на одном экземпляре прошита только носочная часть, отверстия сомкнуты в круг). Ширина геленочной части сильно заужена (соответственно 9,5–2,8–6 и 7,7–4,5–4,8 см), толщина кожи – 0,25 см.

Каблуки (11 экз.), все наборные, сохранились в виде рассыпанных фликов (5 экз.) и собранных в каблук (6 экз.). Большая часть каблуков имеет форму усеченного цилиндра, только два экземпляра – усеченного конуса, размеры – 5–9 × 5–6 см, высота – 1–3 см. Флики собраны прошивкой, скреплены в задней части лентой (сохранились характерные углубления сзади). Флики в каблуке по форме одинаковые. В одном случае они отличаются по форме, размеру и собраны так, чтобы в центре каблука оставалась пустота (рис. 1: 5). Крепились каблуки с помощью гвоздей. На одном экземпляре сохранился фрагмент подошвы с крокулем и набойка.

Задник представлен одним экземпляром – высокий, прямоугольный, с треугольным выступом высотой 1,5 см сверху, с сохранившимися четырьмя берестяными пластинами-вкладками, нижний край задника отогнут наружу, по краю сквозные круглые отверстия от крепления к каблуку (отступ от края – 0,4 см, шаг – 1 см, диаметр – 0,15 см), по обрезаю отверстия от тачного шва от крепления к берцам и голенищу. Размеры – 9 × 6 × 4,8 см.

Поднаряды, сохранившиеся в виде самостоятельных фрагментов, представлены четырьмя экземплярами. Поднаряды от сапог представлены двумя половинками и одним полным изделием. Цельный поднаряд головки сапо-

га цельнокроеный, с короткими боковинами, вывернут бахтармой к головке, в середине верхнего обреза имеется треугольный выступ, носок тупой, закругленный, симметричный, по обреза и краю короткой боковины с внутренней стороны отверстия от тачного шва, по нижнему краю два ряда отверстий от крепления к подошве. Половины от двух поднарядов были сшиты по центру переметочным швом, один из них имеет треугольный выступ. Один поднаряд туфли с тупым закругленным присобранным носком, дуговидным верхним обрезом также был вывернут бахтармой к головке туфли.

Рис. 1. Обувь из раскопок Тюмени:
1, 2 – поршни; 3, 4, 6 – головки туфель; 5 – каблук; 7 – головка сапога

Среди деталей обуви отсутствуют голенища. Впрочем, в других коллекциях находки голенищ также достаточно редки [Визгалов, Пархимович, 2008, с. 81; Черная, 2015, с. 157]. Можно сделать вывод о том, что они скорее всего имели вторичное использование. Также обращает внимание преобладание головок от туфель по отношению к головкам сапог. Вполне возможно, что часть туфель – это просто обрезанные сапоги.

По своей структуре тюменская коллекция сходна с находками обуви в других русских городах как центральной части страны, так и Сибири. Тюменцы располагали своим сырьем, использовали кожу телят. Обувь сильно изнашивали. Крой обуви был достаточно прост. Интересно, что в Мангазее, где не было своего привычного для русских сырья, есть поршни с треугольными вставками, которые в Тюмени отсутствуют. В целом, материалы тюменских раскопок представляют интерес и обогащают наши представления о культуре города и быте горожан.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазее: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). – Екатеринбург ; Нефтеюганск : Магеллан, 2008. – 296 с.

Миненко Н. А. Тюмень: летопись четырех столетий. – СПб. : Русь, 2004. – 512 с.

Оятева Е. И. Обувь и другие кожаные изделия Земляного городища Старой Ладogi // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Вып. 7. – 1965. – С. 42–59.

Рабинович М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. – М. : Наука, 1988. – 312 с.

Тюмень в XVII столетии: собрание материалов для истории города с «Введением» и заключительной статьей прив.-доц. П. М. Головачева «Состав населения и экономический быт в XVII в.», с приложением плана старинной Тюмени и двух видов Благовещенского собора начала XVII в. – Тюмень : Мандр. и К°, 2004. – 200 с.

Осинов Д. О. Обувь московской земли XII–XVIII вв.: материалы раскопок археологических исследований. – М. : Ин-т археологии РАН, 2006. – Т. 7. – 202 с.

Черная М. П. Воеводская усадьба в Томске 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. – Томск : Издат. дом «Д’Принт», 2015. – 276 с.

V. I. Semyonova

Tyumen State Institute of Culture

LEATHER SHOE COLLECTION FROM TYUMEN EXCAVATION (based on the material of 1988)

The town of Tyumen in the 19th century was considered to be a famous Siberian centre of leather processing. Leather production had been developed since the date of the town foundation and satisfied the requirements of the town’s citizens for leather goods, mainly for shoes. Leather shoes’ collection from Tyumen excavation allows forming a clear view of shoe types in wide use among the population of Tyumen in the 18th – the early 19th centuries. The citizens used the local raw material and made shoes of simple cut characteristic of Russian population of Central Russia and Siberia as well. The cultural layer of the town preserved seamless one-pierce leather-hide shoes, shoe and boot parts.

The collection keeps the shoe from the child’s grave, having the signs of ritual role (cut peculiarities, signs of sole damage). Compared with Mangazeya most weighty published materials, the given collection is different by local raw material use, simplified everyday shoe forms, its homemade and handicraft production.

Keywords: Siberia, Tyumen, leather shoes collection, shoes, boots, shoe parts.

УДК 902.2(571)

А. В. Кениз¹, Е. А. Зайцева², А. А. Кимпицкая¹

¹Сургутский государственный университет,

²НИПИ «ЭтноАрхео Центр»

КОЖАНАЯ ОБУВЬ У НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК МОГИЛЬНИКА ГОРНОПРАВДИНСКИЙ*

Статья посвящена анализу кожаной обуви, полученной в результате археологических работ на могильнике Горноправдинский, расположенном в Нижнем Прииртышье на правом берегу Иртыша (административная граница – пос. Горноправдинск Ханты-Мансийского района ХМАО – Югры). Захоронения на могильнике относятся к периоду XVIII–XIX вв. Анализируемая коллекция кожаной обуви представлена 46 изделиями, из которых 19 пар обуви

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №15-11-86602.

© Кениз А. В., Зайцева Е. А., Кимпицкая А. А., 2017

и восемь штучных единиц. Все кожаные изделия из коллекции могильника характеризуются как грубо выделанные. В качестве сырья для изготовления обуви использовались шкуры крупного рогатого скота. Типология обуви следующая: обувь мягких (чирки, туфли) и жестких (туфли на каблучке, ботинки, полусапоги, сапоги) форм, а также обувь переходного типа. На большей части обуви обнаружены следы ношения, что говорит об использовании ее в быту еще до смерти погребенных. Техника изготовления свидетельствует о том, что изделия создавались по одному и тому же лекалу одним и тем же человеком или родом.

Ключевые слова: археология, могильник, кожаная обувь, Западная Сибирь, Нижнее Прииртышье, Горноправдинск.

Изучение наследия русского старожильского населения севера Западной Сибири, взаимодействий и трансформаций культурных традиций русских и угров, их взаимовлияния и взаимообогащения – актуальное направление современных археолого-этнографических исследований. Открытие таких крупных поселенческих памятников, как Мангазея и Березово, ввело в научный оборот большой круг источников северного варианта русской культуры Сибири, в том числе и кожаных изделий [Визгалов, Пархимович, 2008]. Теме кожевенно-сапожного производства сейчас уделяется большое внимание, направленное на изучение развития обувного ремесла, разработку классификации, реконструкцию способов изготовления [Курбатов, 1991; Курбатов, Овсянников, 1999; Осипов, 2006; Осипов, Лихтер, 2004; Валиев, 2009; Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011; Осипов, 2012; Богомолов, Татаурова, 2014; Татаурова, Богомолов, 2016 и др.]. Тем не менее география источников ограничена, что диктует необходимость ее расширения. Существенно дополнить источниковую базу по данному виду ремесла населения севера Западной Сибири в XVIII–XIX вв. позволяют материалы, полученные в ходе исследования могильника Горноправдинский.

Могильник Горноправдинский расположен в Нижнем Прииртышье, на высоком правом коренном берегу Иртыша в урочище Филинская гора. В административном отношении это территория пос. Горноправдинск Ханты-Мансийского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Согласно историческим данным, в конце XIX в. эта территория входила в состав Деншиковской волости Тобольского округа с административным центром – с. Филинское [Конов, 2000, с. 261]. Упоминания о Филинском погосте содержатся в материалах Г. Ф. Миллера за 1740 г.: «Филинский погост, на восточном берегу, в 10 верстах от дер. Пузиной. Имеет построенную для остояков церковь Вознесения Господня и 14 ямщицких дворов» [Миллер, 1996, с. 268].

Результаты дендрохронологических исследований показали, что захоронения на могильнике Горноправдинский существенно старше времени основания пос. Горноправдинский (1964 г.) и относятся ко времени существования с. Филинское в период XVIII–XIX вв. [Дендрологическое датирование..., 2016, с. 92].

Уникальность данного памятника заключается в сохранности многих предметов из органических материалов, таких как деревянные колоды, дощатые гробы, кожаная обувь, а также изделия из ткани, что обычно характерно для памятников с мерзлотным культурным слоем.

Целью настоящей работы является введение в научный оборот кожаной обуви как источника по изучению кожевенно-сапожного ремесла русского населения на севере Западной Сибири, полученного в результате археологических работ на могильнике Горноправдинский.

За четыре года исследований (2007, 2008, 2012 и 2015 гг.) изучено 478 кв. м памятника [Зайцева, 2008; 2009; Кениг, Зайцева, 2012]. Кожаная обувь, зафиксированная в 43 захоронениях, представлена целыми изделиями, деталями и фрагментами, которые в силу плохой сохранности не предоставляется возможным как-либо интерпретировать. После извлечения кожи из погребений проводились мероприятия по ее первичной полевой обработке и консервации с целью сохранения эластичности, предотвращения рассыхания, ломкости и коробления. Целых образцов – 46 единиц, из них 19 пар и восемь штучных изделий. В 16 захоронениях обувь зафиксирована в сильно фрагментированном состоянии. В некоторых погребениях, помимо обуви, обнаружены травяные и берестяные стельки, шерстяные носки, портянки и элементы крепежа (шнурки, повязки). В могилах обувь (или ее фрагменты) имела на обеих ногах покойных, за исключением погребения № 8, где был зафиксирован один сапог и одна конечность. Вся обнаруженная обувь имеет темно-коричневый или бурый окрас.

На большинстве экземпляров обнаруженной обуви сохранился рисунок мерей, который не составляет труда рассмотреть при помощи увеличительных приборов. Так, для большей части кожаных предметов из коллекции характерно рядное расположение практически одинаковых по форме и размерам устьев каналов волосяного ствола, ряды образуют некрутую волну, каналы расположены близко друг к другу. Эти наблюдения позволяют сделать вывод, что основным сырьем для изготовления обуви, полученной в ходе раскопок могильника Горноправдинский, служили шкуры крупного рогатого скота.

Обувь можно охарактеризовать как грубо выделанную. На бахтарме большинства предметов (сапоги из погребения № 1 и чирки из погребений № 3, 4, 15, 27 и захоронений № 40Г и 61В) имеются участки с неудаленными остатками подкожного жира и волосяного покрова – мягкая шерсть разных оттенков, от темно-рыжего до коричневого. Структура шерсти как у телят, кожа из шкур которых называется опоек, что подтверждает тезис об использовании шкур крупного рогатого скота. Отсутствие плесени и грибка на анализируемом материале может свидетельствовать о том, что дубление кож производилось сосновой корой [Рестаурация..., 1981].

По оставшимся на коже проколам и оттискам можно сделать вывод о том, что сборка конструктивных деталей рассматриваемых предметов осуществлялась при помощи сквозного и выворотного шва. Такие техники соединения деталей наталкивают нас на две мысли. Во-первых, собранная так обувь не отличается высокой прочностью и долговечностью. Во-вторых, эти виды швов свидетельствуют о тонкости материала. Потайной шов встречается лишь в одном случае – на детских чирках из захоронения № 40Г. На обуви из погребений № 2 и 4 фиксируются следы от тачного и от сквозного швов. Применение разных техник крепления свидетельствует о попытках улучшения качества изделия, повышения его прочности, водонепроницаемости и износостойкости. В некоторых случаях с деталями кожаной обуви сохранились фрагменты соединительных нитей бежевого, желтого и коричневого цветов, предположительно органического происхождения – крапивы [Глушкова, Зайцева, 2011].

Типология пошива кожаной обуви достаточно разнообразна. Тем не менее условно коллекцию можно разделить на обувь мягких и жестких форм.

К **обуви мягких форм** относят поршни. Этот вид обуви является самым распространенным в материалах раскопок Мангазеи [Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011]. Однако на данный момент в исследуемом могильнике такого вида обуви вообще не было обнаружено. В нашем случае к обуви мягких форм мы относим два вида изделий: чирки и мягкие туфли.

Чирки составляют самую большую группу кожаной обуви на могильнике Горноправдинский (погребения № 2, 3, 5, 35, 18, 19, 49, 50, 55, 56, 58, 64, 67 и захоронения № 20Б, 40А, В, Г, 59В). Это изделия примитивной формы, детали соединены выворотным (чаще) или тачным (реже) швом, в который иногда вставлялись прошвы. Чирки состоят из подошвы, головки, задника и опушки. Подошва стандартная для всех изделий. Обрез края носка выпуклый, асимметричный, обрез края пятки выпуклый, округлый, перейма (геленочная часть) не сильно выражена, в виде слегка вогнутой дуги. Головка представлена двумя формами: 1) симметричная, крылья которой одной длины, соединенные по оси пятки выворотным швом либо соединенные с задником; 2) асимметричная, одно крыло длиннее другого настолько, что соединительный шов находится на внутренней стороне. Задник представляет собой прямоугольную вставку или накладку в области пятки. Опушка – декоративная обшивка, крепившаяся оборотом по верхнему краю изделия. В коллекции кожаных изделий могильника обнаружена только одна пара обуви с шерстяной опушкой – это была бахрома коричневого цвета, внутри которой проходила нить из такого же материала (погребение № 54). В остальных случаях зафиксированы сквозные проколы по периметру верхнего края изделий. Возможно, когда-то к ним крепились опушки.

Вся обувь этой группы выполнена практически одинаково. Главные различия в размерах и индивидуальном изгибе линий подошвы, на некоторых изделиях есть тонкие поднаряды, повторяющие те или иные конструктивные детали изделия. Благодаря длинному носку и относительно малому углу между крыльями головки, чирки плотно облегли всю стопу и не нуждались в дополнительном креплении.

Судя по материалам раскопок могильника, чирки носили как взрослые, так и дети. Детская обувь не отличается по конструкции от взрослой, за исключением размеров и толщины материала. Взрослая обувь имеет разную толщину, но не более 0,2 см. Детская обувь выполнена из более толстой кожи либо состоит из двух слоев, в результате чего толщина подошв составляет не менее 0,25 см.

Мягкие туфли представлены одним экземпляром. В погребении № 2 обнаружены левое и правое крылья изделия с большими утратами, а также подтреугольная деталь, закрывающая носочную часть. Подошвы отсутствовали. Все элементы соединялись тачным швом, следы от которого расположены на расстоянии 0,1 см от края обреза деталей. Вероятнее всего, туфли крепились на ноге при помощи шнурков. Это подтверждает наличие трех пар круглых сквозных отверстий диаметром 0,15 см, расположенных симметрично друг против друга.

К **обуви жестких форм** в современной научной литературе относят модели с поднарядом, задником, каблучком и усилительными подкладками [Осинов, 2006]. В коллекции с могильника Горноправдинский эту группу обуви представляют 20 экземпляров, в числе которых восемь полноценных пар.

Женские туфли с низким каблучком обнаружены в погребении № 49. Эта пара включает изделия, состоящие из головки, двуслойной подошвы, задника и каблука. Каблук наборный из трех кожаных пластин, высотой 1,1 см. Аналогичная обувь была обнаружена в ходе раскопок на территории Свято-Троицкой церкви бывшего Кондинского монастыря [Баранов, Чарусова, 2011, с. 495]. В захоронении обнаружены туфли с язычком на низком деревянном каблучке, которые отличаются от обуви из могильника Горноправдинский наличием подошвы с крокулем.

К обуви жестких форм также относятся *сапоги с низким каблучком*, обнаруженные в погребениях № 8, 13 (захоронение № 13А), 29, 63. Эта обувь представляет собой модель чирков, дополненную голенищем. Подошвы и задники этих изделий двуслойные, с берестяными вкладышами. Снаружи к подошвам крепились наборные каблуки (0,2, 0,3, 4, 0,53 см). В погребениях № 8 и 13 (захоронение № 13А) головки цельнокроенные, симметричные, в погребениях № 29, 63 – заостренные к носу. Голенища двусоставные, передняя и задняя части соединены выворотным швом. На внутренней стороне (бахтарме) голенища присутствует короткий однородный ворс (выделка под велюр – ?). Все детали изделий соединены ровным и аккуратным тачным швом.

На общем фоне изделий жестких форм по модели и пошиву выделяется *женский ботинок* из погребения № 4. Это детальнокроенное изделие с подошвой, носком, двусоставной союзкой, берцами. Детали верха между

собой были соединены тачным швом, а с подошвой – выворотным. Подошва двуслойная, длина – 22 см, толщина – 0,34 см. Носок округлый, симметричный, с парой параллельных прорезей под шнурки. Прорези для шнурков также присутствуют на деталях союзки – правой и левой частях. Берца цельная, односоставная, высота по оси пятки составляет 11,2 см; на правом и левом концах деталей, закрывающих подъем стопы, сделаны прорезы для шнурков. В общей сложности на передней стороне изделия зафиксировано семь пар параллельных отверстий под шнуровку, вокруг и внутри которых присутствуют следы окисления металла, что может свидетельствовать об использовании металлической фурнитуры – люверсов или блочки.

К обуви жестких форм можно отнести сапоги из погребения № 1 (рис. 1), изделия из погребений № 24, детский полусапог из захоронения № 43В, ботинки из погребений 31, 33 (захоронение № 33А) и полуботинки из погребения № 15 (захоронение № 15Б). Подошвы этих изделий сделаны из толстой твердой кожи и имеют дополнительные кожаные нашивки в районе пятки. По мнению некоторых исследователей, такие модели можно отнести к «наиболее раннему типу обуви жестких форм» и считать переходными от обуви мягких форм к жестким формам [Сабурова, 1997; Визгалов, Пархимович, Курбатов, 2011]. Аналоги сапог из погребения № 1 были встречены авторами в экспозициях Музея-усадьбы сельского купца Рязанцева в с. Селиярово (ХМАО – Югра), а также в Усть-Вымском историко-краеведческом музее (Республика Коми, с. Усть-Вымь).

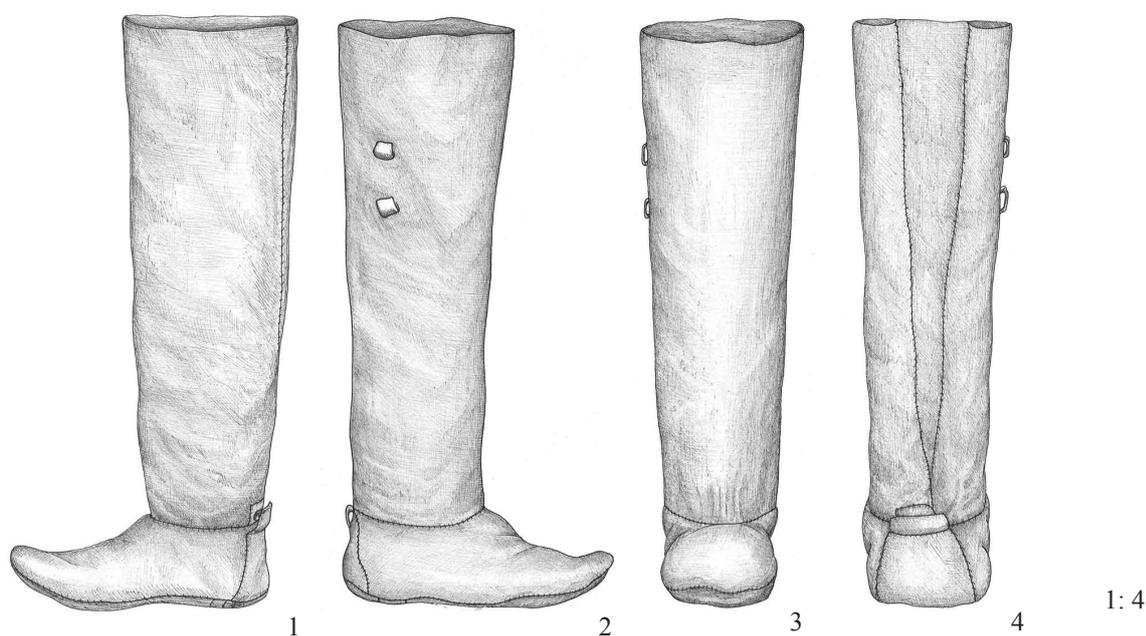

Рис. 1. Графическая реконструкция формы мужского кожаного сапога на правую ногу из погребения № 1:
1, 2 – вид сбоку, 3 – вид спереди со стороны носка, 4 – вид сзади со стороны пятки

В целом, в рассматриваемой коллекции преобладает бескаблучная обувь мягких форм. По данным этнографии, такая обувь была самой доступной и распространенной среди простого крестьянства Сибири [Этнография..., 1981, с. 160]. Мягкая обувь, за редким исключением, делалась из тонкой кожи, поэтому для ее утепления использовались шерстяные носки, портянки, а также шерстяные, берестяные и травяные стельки, что находит подтверждение и в материалах раскопок могильника Горноправдинский. Аналогичная обувь встречается, кроме того, в материалах могильника Чемаши-1 [Комова, 2012], поселениях Изюк-1, Ананьино-1, Бергамак-1 в Омской области [Татаурова, Богомолов, 2016].

Малое количество обуви жестких форм можно объяснить тем, что ее пошив требовал больше затрат как на материал, так и на изготовление, а в условиях Нижнего Прииртышья таких возможностей, вероятнее всего, не было.

Анализируя обувь из коллекции могильника Горноправдинский, сложно однозначно отнести ее к бытовой (носимой при жизни) или «покойницкой» (погребально-ритуальной), как это делают некоторые исследователи. По их мнению, ритуальную обувь отличают такие признаки, как отсутствие износа, тонкая кожа подошвы, упрощенная технология изготовления [Богомолов, Татаурова, 2014]. Практически на всей обуви (88 % изделий), обнаруженной в погребениях могильника Горноправдинский, зафиксированы следы ношения: потертости на подошве, истончение кожи в области пятки и носка, частичные утраты и даже следы проколов (не от швов), которые могли появиться в процессе эксплуатации. В основном это обувь жестких форм, а также чирки из погребений № 40 (захоронение № 40В), 53, 56. Из этого можно сделать вывод, что в погребальной практике населения Нижнего Прииртышья в XVIII–XIX вв. использовали бытовую обувь разного качества. Это, в свою очередь, косвенно может отражать невысокий уровень материального благосостояния и социального положения ее владельцев, а схожесть

технологии изготовления большинства моделей может говорить о том, что эта обувь создавалась по одному и тому же шаблону (лекалу) и, возможно, одним и тем же человеком.

Таким образом, небольшая по объему коллекция кожаной обуви, полученная при раскопках могильника Горноправдинский, позволяет нам дополнить источниковую базу, выявить наиболее общие и особенные черты в культуре населения Нижнего Прииртышья в XVIII–XIX вв.

Баранов М. Ю., Чарусова И. С. Церковная археология: раскопки на территории Свято-Троицкой церкви бывшего Кондинского монастыря в пгт. Октябрьский ХМАО – Югры в 2010 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск ; Ханты-Мансийск, 2011. – Вып. 9. – С. 490–496.

Богомолов Б. Б., Татаурова Л. В. Погребальная кожаная обувь русских Среднего Прииртышья XVII–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014. – Т. II. – С. 7–18.

Валиев Р. Р. Изготовление и обработка кожи в ханской Казани // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 151, кн. 2, ч. 1. – С. 44–50.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). – Екатеринбург ; Нефтеюганск : Магеллан, 2008. – 296 с.;

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Курбатов А. В. Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). – Нефтеюганск ; Екатеринбург : АМБ. – 2011. – 216 с.

Глушкова Т. Н., Зайцева Е. А. Текстиль XVIII–XIX вв. по материалам могильника Горноправдинский // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. – Омск, 2011. – С. 283–290.

Дендрохронологическое датирование памятников истории и культуры п. Горноправдинск / В. В. Баринов, З. Ю. Жарников, Е. А. Зайцева, А. В. Кениг, В. С. Мыглан, М. О. Сидорова // Вестник угроведения. – 2016. – № 2 (25). – С. 85–97.

Зайцева Е. А. Противоаварийные археологические раскопки на могильнике Горноправдинский в полевом сезоне 2008 года (предварительные результаты) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Екатеринбург ; Ханты-Мансийск, 2009. – Вып. 7. – С. 302–307.

Зайцева Е. А. Противоаварийные работы на могильнике Горноправдинский в Ханты-Мансийском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в полевом сезоне 2007 года (предварительные результаты) // Сохранение археологического наследия в условиях интенсивного хозяйственного освоения: опыт, проблемы, решения : сб. докл. – Ханты-Мансийск, 2008. – С. 51–58.

Кениг А. В., Зайцева Е. А. Итоги археологических исследований в полевом сезоне 2012 г. // Вестник угроведения. – Ханты-Мансийск, 2012. – Вып. 4 (11). – С. 156–161.

Комова Н. Г. Результаты мониторинга археологических памятников в окрестностях д. Чемаша (Октябрьский район ХМАО – Югры) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск ; Ханты-Мансийск, 2012. – Вып. 10. – С. 343–350.

Конев А. Ю. Филинская волость // Югория : энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. – Ханты-Мансийск, 2000. – Т. 3. – С. 261.

Курбатов А. В. Методические аспекты историко-археологического анализа средневекового кожевенного производства // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Археологические изыскания. – Л., 1991. – Вып. 3. – С. 130–140.

Курбатов А. В., Овсянников О. В. Изделия кожевенного производства в городах русского Заполярья (Мангазея) // Археологические вести. – 1999. – № 6. – С. 245–271.

Миллер Г. Ф. Путешествие от Березова вверх по рекам Оби и Иртышу до Тобольска. 1740 г. // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. – Новосибирск, 1996. – С. 268.

Осипов Д. О. Кожевенно-сапожное ремесло Великого Новгорода в свете письменных источников : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2012. – 48 с.

Осипов Д. О. Обувь московской земли XII–XVIII вв.: материалы охранных археологических исследований. – М. : ИА РАН. – 2006. – Т. 7. – 202 с.

Осипов Д. О., Лихтер Ю. А. Системное описание и классификация кожаной обуви (методические рекомендации). – М. : ИА РАН. – 2004. – 66 с.

Реставрация, исследование и хранение музейных художественных ценностей. Обзорная информация. Вып. 2 : Современные методы консервации к реставрации тканей и кожи. – М., 1979. – URL: <http://art-con.ru/node/3318> (дата обращения: 20.02.2017).

Сабурова М. А. Обувь // Древняя Русь. Быт и культура. – М., 1997. – С. 103–105. – (Археология).

Татаурова Л. В., Богомолов Б. Б. Женские кожаные туфли на высоком каблуке XVII–XVIII веков (по материалам археологических комплексов русских Омского Прииртышья) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – Т. 44, № 2. – С. 109–117.

Татаурова Л. В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. по материалам комплекса Изюк-I. – Омск : Апельсин. – 2010. – 284 с.

Этнография русского крестьянства Сибири XVII – середина XIX вв. – М. : Наука, 1981. – 274 с.

A. V. Kenig¹, E. A. Zayceva², A. A. Kimpitskaya¹

¹*Surgut State University,*

²*AU Khanty-Ugra Centre for Protection of Cultural Heritage, Khanty-Mansiysk*

LEATHER SHOES THE POPULATION OF THE LOWER IRTYSH REGION ON MATERIALS OF EXCAVATIONS OF THE BURIAL GROUND GORNOPRAVDINSK

This article is devoted to analysis of leather shoes produced in the result of archaeological work at the cemetery Gornopravdinsk. The cemetery is located in the Lower Gornopravdinsk Irtysh on the right bank of the river. Irtysh (administrative boundary n. Gornopravdinsk, Khanty-Mansiysk district Khanty-Ugra). Burial at the cemetery Gornopravdinsk relate to the period 18–19th centuries. Collection of leather shoes from the cemetery shows 46 articles, of which 19 pairs of shoes and footwear 8 piece units. Leather products from the repository collection is characterized as roughly dressed. The raw material used for manufacturing of shoes cattle skin, from local raw materials neprivoznogo. The typology of shoes as follows: soft shoes (teal, shoes) and hard (high heels, boots, low boots, boots) forms, as well as shoes in transition. In most of the shoes showed signs of wear, indicating that the use of it in everyday life before the death of the buried. Techniques indicates that the products created by the same patterns of the same person or from.

Keywords: archaeology, burial, leather shoe, Western Siberia, Lower Irtysh region, Gornopravdinsk.

УДК 902+069+2:7

К. А. Руденко

Казанский государственный институт культуры

ПРАВОСЛАВНЫЕ КРЕСТЫ XVII – НАЧАЛА XX ВЕКА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ Е. А. БЕГОВАТОВА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье рассматриваются артефакты, собранные известным казанским археологом, нумизматом и математиком Е. А. Беговатым (1937–2015) на археологических памятниках в Лаишевском районе Республики Татарстан в 1980–1990-х гг. из собрания Тетюшского музея. Большая часть артефактов найдена на месте бывшего с. Мансурово, где с XVII в. проживало русское население. Село прекратило существование в 1955 г. после строительства Куйбышевского водохранилища. В коллекции 1 144 предмета, относящихся к христианству. Это металлические миниатюрные иконы, медальоны с изображением Богоматери, распятия и святых; кресты, носившиеся на теле верующими, а также священнослужителями. Автор считает, что эти артефакты могут дать интересную информацию о культуре русского населения в Казанской губернии в XVIII – начале XX вв.

Ключевые слова: археология, этнография, кресты, Татарстан, Тетюши, музей, православие, христианство, русское население.

Имя Евгения Александровича Беговатова (1937–2015) хорошо известно в археологии Волго-Камья [Руденко, 2014, с. 672–674]. Научное наследие исследователя выходит за рамки только историографических штудий, связанных с его публикациями в области нумизматики, археологии, естественных наук и т. д. В первую очередь это относится к обширному собранию, сформировавшемуся в результате полевых разведочных работ в зоне Куйбышевского водохранилища на разрушающихся памятниках разного времени – от каменного века до середины XX в., которые проводились им в основном в конце 1970-х – начале 1990-х гг.

Эти материалы Е. А. Беговатова в настоящее время хранятся в разных учреждениях. Археологические коллекции как из разведочных работ, так и из раскопок были сданы им в музей археологии Института археологии Академии наук РТ, бывший музей археологии (закрыт в 2014 г.) исторического факультета Казанского государственного университета (сейчас Институт международных отношений и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета (К(П)ФУ), Национальный музей РТ, Билярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник, Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Нумизматическое собрание и Билярский клад дирхемов начала XI в. переданы в Государственный Эрмитаж; этнографические и археологические находки – в Тетюшский краеведческий музей (Тетюшский район РТ). Архив и библиотека после смерти Е. А. Беговатова переданы в Институт археологии Академии наук РТ.

Только незначительная часть материала опубликована [библиографию см.: Руденко, 2014, с. 673–674]. В основном это археологические и нумизматические артефакты, в том числе христианские древности эпохи Волжской Булгарии и Золотой Орды [Беговатов, Руденко, 1992, с. 115–116; 1994, с. 49–51; Полубояринова, 1993, с. 75–78; Руденко, Беговатов, 2016, с. 186–201].

Особый интерес представляет собрание православных крестов-тельников, иконок, собранных Е. А. Беговатым в районе бывшего с. Мансурово в Лаишевском районе РТ, хранящихся в настоящее время в Тетюшском краеведческом музее. Точная дата основания села неизвестна, но можно предположить, что оно возникло во второй половине XVIII в., поскольку отмечено на картах Казанского наместничества 1792 и 1795 гг. (на карте 1745 г. его еще нет). С 1781 г. Мансурово входило в Лашевский уезд Казанского наместничества (с 1796 г. – губернии), располагаясь на важной трассе – Спасской ветке Оренбургского тракта, шедшей от Лаишева через Каму и Мешу в уездный Спасск (в 101 версте от Казани) (рис. 1: 1, с. 413). Местность (по большей части приходившаяся на камскую пойму) была весьма неудобная: множество низменно-болотистых мест, где низины чередовались с возвышениями (рис. 1: 2), что представляло большие трудности для передвижения в весенний период [Артемьев, 1866, с. XVIII, XLIX–XL].

По данным Казанского статистического комитета, в середине XIX в. в Мансурове (второе название (по церкви) – Воскресенское) было 216 дворов, где проживало 773 жителя мужского пола и 838 женского; церковь православная – одна [Артемьев, 1866, с. 52, № 963]. К ней было приписано несколько деревень, составлявших приход [Там же, с. LXXVIII]. Преобладающее население в Лаишевском уезде – русские, на середину XIX в. составлявшие примерно 64 % от общей численности населения уезда. Это были преимущественно выходцы из губерний Центральной России [Там же, с. LV, LVI, табл.].

История села закончилась в середине 1950-х гг., уже в советское время, впрочем, как и десятков других в основном русских сел и деревень, попавших в зону затопления Куйбышевского водохранилища. Археологических древностей в окрестностях Мансурова, кроме находки одного каменного долота [Археологическая, 1981, с. 110, № 515], неизвестно. Внимание археологов эта местность в 1960–1970-х гг. не привлекала, поскольку значительное количество материалов XVIII – первой половины XX вв. существенно снижало вероятность обнаружения остатков поселений средневекового или первобытного времени.

Обследования Е. А. Беговатова в 1980-х гг. были практически единственными, позволившими получить объективную информацию о археологической картине этой территории. Выяснилось, что большая часть находок в районе бывшего с. Мансурово относятся к русскому селу: украшения, монеты, бытовые поделки, предметы личного благочестия. Последние по большей степени были собраны с территории размытого кладбища села. Единичны были артефакты эпохи Волжской Булгарии и других эпох.

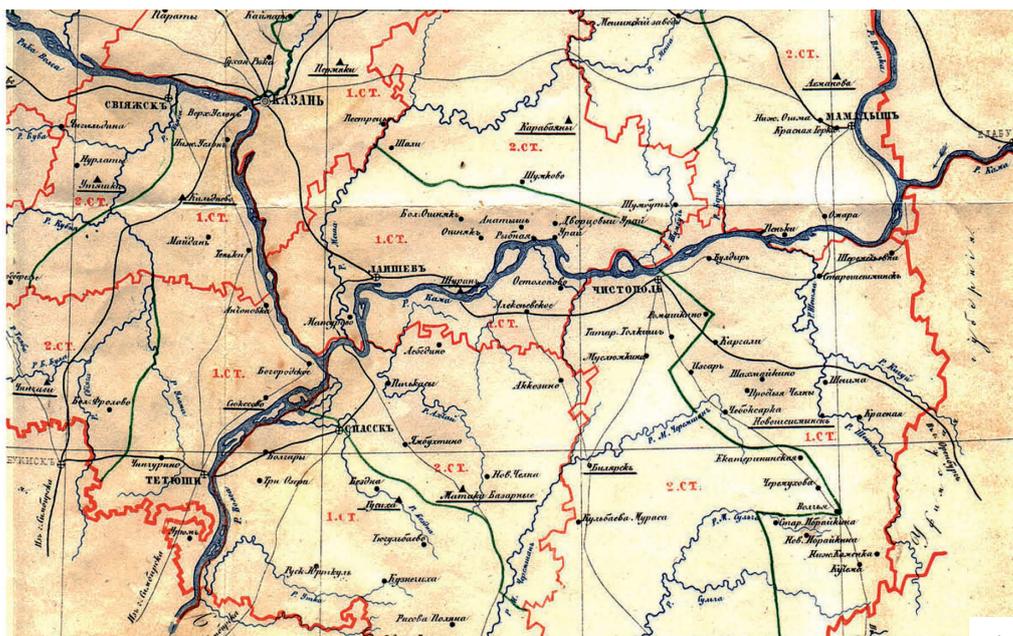
Всего коллекция христианских древностей из Мансурова насчитывает 1 144 ед. хр. как научно-вспомогательного, так и основного фонда. В основном это кресты-тельники медного литья (включая крестильные). Остальные предметы значительно уступают им по численности. Это иконки-медальоны, наперсные кресты, фрагмент престольного креста, части крестов-складней и фрагменты нагрудных иконок. Они были изготовлены из медного сплава литьем, медальоны – чаще всего штампованные. Кресты нередко делались из свинца и олова. Изображения на медных изделиях иногда были украшены цветной эмалью.

Анализ находок показал, что в XIX – начале XX вв. в селе работал мастер-кустарь, изготавливавший мелкие ювелирные украшения, в том числе и кресты-тельники. Однако как минимум треть этих артефактов, скорее всего, была привозной. Это относится к крестам, украшенным эмалью, со сложным рисунком и т. п., а также к штампованным фабричным способом медальонам; несомненно, местного происхождения были крестики, отливавшиеся по оттиску с оригинала хорошего качества. У них нечеткие изображения, нечитаемые и плохо различимые надписи.

Наперсные кресты в коллекции немногочисленны (рис. 2, с. 414). Все они практически идентичны, отличаясь только в деталях. Особенно интересен наперсный крест «Распятие» (ТКМ, инв. № 476), односторонний (107,64 × 59,83 × 2,33 мм; m = 85,55 г), с изображением в высоком рельефе, с гравированными надписями и орнаментами (рис. 2: 1). На лицевой стороне в центре изображен голгофский крест с распятием; с боков – орудия страстей Христовых: слева – копьё, справа – трость с губкой. Ниже ног Христа – гравированные буквы: МЛ (Место лобное). Над Голгофой – изображения двух ангелов. Под ними аббревиатуры с титулами: ЦРЬ (слева) СЛ... (Царь Славы). Над головой Христа – надпись: НИ... (НИКА – Победитель). С боков средней перекладины христограмма: ИС ХС (Иисус Христос). Сверху и снизу от нее выгравированы надписи, но можно разобрать только верхнюю слева: распятие. Христос изображен со склоненной налево головой с нимбом вокруг. Изображение в целом четкое, резкое, детали и надписи хорошо проработаны. На обратной стороне в верхней части следы нечитаемой рельефной надписи.

Напрестольный крест в коллекции один (сохранился фрагмент центральной части (ТКМ, инв. № 479). Он восьмиконечный, односторонний, с изображением распятия, выполненного в низком рельефе.

От икон-складней в коллекции представлены только отдельные части. Например, правая часть литого трехстворчатого складня (51,72 × 24,34 × 0,75 мм; m = 20,21 г) (ТКМ, инв. № 470), пластинчатая, односторонняя, с рельефными изображениями, имеющая выступающие штифты для крепления (рис. 3: 4, с. 415). На лицевой стороне отлиты три клейма с фигурами святых (по две фигуры в каждом клейме), сверху складня надписи, а по правому краю – орнаментальная полоска с растительным орнаментом (вьющийся побег).

1

2

Рис. 1. Лаишевский уезд на картах начала XX в.:

1 – карта Казанской губернии. Начало XX в. Фрагмент (масштаб: в английском дюйме – 50 верст); 2 – карта Лаишевского уезда Казанской губернии. Составлена Оценочно-статистическим бюро Казанского губернского земства в 1911 г. Фрагмент (масштаб карты: в 1 дюйме – 4 версты)

Еще одна аналогичная деталь складня (ТКМ, инв. № 471) (рис. 3: 5, с. 415) практически совпадает по размерам ($51,84 \times 23,77 \times 0,89$ мм; $m = 15,98$ г) с предыдущим артефактом. На лицевой стороне отлиты два разделенных двумя линиями квадратных клейма ($20,42 \times 20,42$ мм), между которыми полоска из s-видных наклонных элементов (типа «веревочки»). В верхнем клейме в арке изображена ростовая фигура святого с нимбом. Фон за аркой заполнен какими-то неясными изображениями. Нижнее клеймо – изображение Богородицы (в центре), сверху – нечитаемая надпись, с боков – два ангела. Справа от Богородицы различимы две ростовые фигуры, у одной (ближней) руки прижаты к груди. С левой стороны также изображены ростовые фигуры (но различима только одна).

В коллекции имеются два обломка нижних частей больших крестов. Например, фрагмент двустороннего креста (ТКМ, инв. № 474) (рис. 3: 2) прямоугольной формы ($66,71 \times 32,97 \times 1,88$ мм; $m = 51,19$ г) с рельефным изображением, обрамленный по краю рельефной ленточкой, украшенной имитацией катушечной скани. На лицевой стороне сохранилось изображение скалы – основания Голгофы – с черепом Адама. На обратной стороне гравированный рисунок цветка в виде стилизованной головы змея, в центре которой схематичное человеческое лицо; снизу – полоска «зубчиков» и несколько волнистых линий. Второй фрагмент (рис. 3: 3) (ТКМ, инв. № 475) по размерам ($50,12 \times 30,67 \times 1,25$ мм; $m = 37,79$ г) и изображению аналогичен предыдущему.

Рис. 2. Наперсные кресты из коллекции Е. А. Беговатова (собрание Тетюшского краеведческого музея).
Литье, медный сплав, XVIII – начало XX вв.

Рис. 3. Наперсные кресты (1, 4, 5) и складни (2, 3) из коллекции Е. А. Беговатова (собрание Тетюшского краеведческого музея). Литье, медный сплав, XVIII – начала XX вв.

В коллекции 90 % составляют кресты-тельники, как целые, так и их фрагменты. Схема описания крестов-тельников и основные символы подробно описаны в литературе и достаточно стандартны [Молодин, 2007; Глушкова, 2016; Культурная пластинка..., 2016]. Для атрибуции и хронологических ориентиров при определении артефактов были взяты публикации, посвященные крестам-тельникам того или иного периода [Винокурова, 1999, с. 326–360], альбомы христианских древностей [Гнупова, Зотова, 2000; Гнупова, 2006], а также датированные материалы из раскопок поздних кладбищ Поволжского региона [Итоги изучения..., 2010]. Рассмотрим несколько наиболее типичных образцов.

Крест (ТКМ, инв. № 3(892)) литой четырехконечный (50,14 × 36,22 × 0,18 мм; m = 7,37 г), с цатой, двусторонний, с ушком-петелькой прямоугольной формы (внутри сохранился штифтик), с круглыми окончаниями лопастей, на которых изображены рельефные кольца, украшенные мелкими кружочками (рис. 4: 1, с. 417). Лопастя соединены стилизованными растительными побегами в виде крина, образующими кольцевую композицию. В средокрестии помещена цата (полумесяц рогами вверх), украшенная мелкими точками. На лицевой стороне изображен восьмиконечный крест и надписи, заполняющие фон и пространство внутри кругов в лопастях. На обратной стороне креста видны следы нечитаемых надписей, а в средокрестии – ромб с надписью и растительный орнамент с боков.

В этом же стиле выполнен другой крест (ТКМ, инв. № 4 (893)) (рис. 4: 2). Он литой, четырехконечный (49,3 × 34,8 × 0,14 мм; m = 6,4 г), двусторонний, с ушком-петелькой прямоугольной формы, с фигурными окончаниями лопастей в виде трилистника, соединенными четырьмя элементами, напоминающими небольшие лучи, расположенные в виде «косога креста» с основанием в виде валют. Эти элементы создают кольцевую композицию, напоминающую «кельтский крест». На лицевой стороне изображен голгофский крест, с боков от которого показаны копье и трость (орудия страстей Христовых), а в основании – череп Адама. Над крестом расположена сокращенная надпись: «Царь Славы». Справа и слева в лопастях христограмма: IC XC (Иисус Христос). Под горизонтальной балкой видны мелкие буквы, возможно надпись. Такие же мелкие буквы расположены в нижней лопасти под черепом Адама. Фон заштрихован. На обратной стороне видны следы текста, разделенные тонкими полосками, сильно заглаженные или потертые от ношения.

Интересен литой четырехконечный крест (ТКМ, инв. № 5 (894)) (рис. 4: 3) чуть большего веса, чем предыдущий (40,61 × 29,23 × 1,24 мм; m = 8,21 г), односторонний, с ушком-петелькой круглой в плане формы, с килевидными окончаниями лопастей, между которыми размещены небольшие шарики (d = 3,6 мм). На лицевой стороне изображен голгофский крест с орудиями страстей Христовых, над которым сокращенная надпись: «Царь Славы»; в боковых лопастях христограмма: IC XC. В нижней лопасти расположены буквы: «МЛРБ» (Место Лобное. Рай Бысть).

Своеобразна стилистика следующего креста (ТКМ, инв. № 7(896)) (рис. 4: 4). Он литой, четырехконечный (50,97 × 35,76 × 0,19 мм; m = 8,11 г), с цатой, двусторонний, с ушком-петелькой квадратной формы, с килевидными окончаниями лопастей, на которых размещены круглые медальоны, на правом и левом христограмма: IC и XC, в нижнем – небольшими буквами: «ник» (ника). Между лопастями идет кольцо с лучами (стилилизация – рис. 4: 2), создающими кольцевую композицию. На лицевой стороне изображен голгофский крест с надписями под горизонтальной балкой. В средокрестии помещена цата – полумесяц.

Следующий крест (ТКМ, инв. № 74(773)) (рис. 4: 5) относится к другой группе артефактов. Он литой, четырехконечный (40,34 × 19,81 × 0,8 мм; m = 7,57 г), листовидный (копьевидный), двусторонний, с шаровидным ушком-петелькой, круглой в плане формы, с выступом в верхней части, с фигурным обрамлением с четким изображением пальметт. Орнаменты с обеих сторон выполнены в низком рельефе. На лицевой стороне в центре в крестовидном углублении изображен рельефный голгофский крест. Над крестом в верхней части рамки различимы буквы, сокращения слов с титлами: ЦС: «Царь Славы»; ниже христограмма: IC XC; под ней: СБ: «Сын Божий». Сверху и снизу от горизонтальной балки идут две нечитаемые строки текста. У основания креста показан символический череп Адама. С боков от креста изображение орудий страстей Христовых. Фон фигурного обрамления с лицевой и обратной стороны украшен светлой эмалью; фон в крестовидной рамке, возможно, зачернен. На обратной стороне креста в крестовидной углубленной рамке различим текст мелким шрифтом в 10 строк: «Господи ИИСУСЕ ХРИСТЕ, сыне Божии, благослови, м..ст.. и сохрани, с... Крест Живоносный...».

Стилизацией предыдущего изделия является литой крестильный четырехконечный листовидный (29,7 × 12,32 × 1,29 мм; m = 2,6 г) крест (ТКМ, инв. № 43(742)) (рис. 4: 6). Он двусторонний, с плоским ушком-петелькой, круглой в плане формы, с пирамидальной шишечкой в верхней части. Крест с фигурным обрамлением без рисунков. Орнаменты с обеих сторон не выпуклые, а как бы оттиснуты в металле основы креста, т. е. находятся в углублении. На лицевой стороне в центре в крестовидном углублении изображен рельефный восьмиконечный голгофский крест без букв и надписей. На обратной стороне в крестовидной углубленной рамке оттиснут текст мелким нечитаемым шрифтом.

Поскольку материал в коллекции весь подъемный, то точно датировать эти находки невозможно. Аналогии большинству предметов укладываются в рамки XVIII – начала XX столетия. Однако это вовсе не значит, что здесь не представлены и экземпляры более раннего времени. Выявление таких предметов, как и более детальная атрибуция, – задача дальнейшего исследования коллекции Е. А. Беговатова.

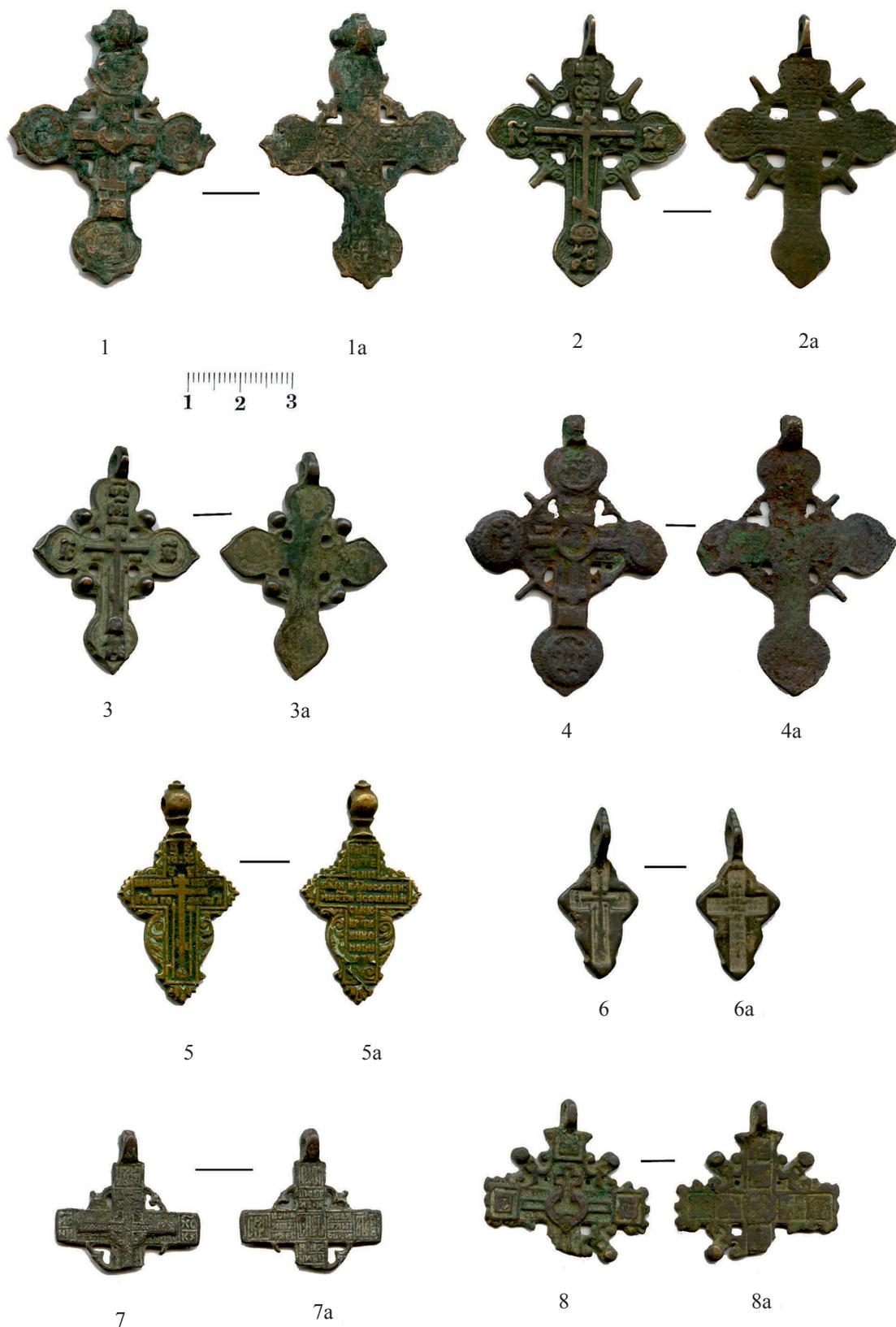

Рис. 4. Кресты-тельники из коллекции Е. А. Беговатова (собрание Тетюшского краеведческого музея). Литье, медный сплав, XVIII – начала XX вв.

Помимо этого, коллекцию православных древностей, собранную Е. А. Беговатовым, необходимо рассматривать не только в музейном аспекте, но и в более широком контексте изучения культуры русского населения второй половины XVI – первой половины XX вв. на Средней Волге. К сожалению, подобных исследований на сегодняшний день в археологии Татарстана немного [Руденко, 2014а, с. 139–144].

С середины 1990-х гг. в казанской археологии сошла на нет тема христианских и более широко – древнерусских древностей в средневековой культуре населения Волжской Булгарии в домонгольское и ордынское время, хотя материалы по этому научному направлению были получены в течение последних 25 лет в результате археологических изысканий в достаточном количестве [Полубояринова, 1993; Руденко, 2001; 2015]. Обширный материал из раскопок Казани и Казанского кремля, а также Свияжска получен в 2004–2015 гг., но только незначительная часть его введена в научный оборот.

Впрочем, сама по себе тема материальной культуры русского населения и его истории в пределах Казанского края освещена письменными источниками [Липаков, Руденко, 1993, с. 26–27]. Имеются материалы этнографические, обобщенные в 1960–1980-х гг. Е. П. Бусыгиным и Н. В. Зориным [Бусыгин, 1966] и дополненные в начале XXI в. исследованием А. Н. Зорина культуры уездных провинциальных городов Среднего Поволжья [2001]. Комплексный анализ исторических, этнографических и археологических данных позволит восполнить образовавшуюся лауну и ввести в научный оборот обширный и разнообразный археологический материал.

Артемьев А. И. Казанская губерния: по сведениям 1859 г. / обработан ст. ред. А. Артемьевым. – СПб. : Тип. Карла Вульфа, 1866. – [3], LXXX, 237 с., [1] л. цв. карт. – (Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел).

Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье. – М. : Наука, 1981. – 212 с.

Беговатов Е. А., Руденко К. А. Несколько перстней с чернью из Волжской Булгарии // Город Болгар и его округа. Конференция, посвященная 25-летию БГИАЗ : тез. – Болгар, 1994. – С. 49–51.

Беговатов Е. А., Руденко К. А. Перстни с чернью из Волжской Булгарии // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья : тез. докл. III регион. науч. конф. «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья». – Нижний Новгород, 1992. – С. 115–116.

Бусыгин Е. П. Русское сельское население Среднего Поволжья : историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX вв.). – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1966. – 403 с.

Винокурова Э. П. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы: XVII век. – М., 1999. – С. 326–360.

Глушкова А. В. К вопросу о методике описания крестов-тельников (на примере коллекции Кирово-Чепецкого краеведческого музея) // XLVIII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК) : материалы и исследования по археологии Поволжья / отв. ред. Ю. А. Зеленева. – Йошкар-Ола, 2016. – Вып. 8. – С. 263–268.

Гнутова С. В. Крест в России : альбом. – М. : Данилов. Благовестник, 2006. – 284 с.

Гнутова С. В., Зотова Е. Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX века из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. А. Рублева. – М. : ИНТЕРБУК-БИЗНЕС, 2000. – 136 с.

Зорин А. Н. Города и посады дореволюционного Поволжья. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2001. – 704 с.

Итоги изучения некрополя на территории Иверского женского монастыря города Самары / П. Ф. Кузнецов, М. А. Турецкий, Н. В. Иванова, В. А. Скарбовенко // 40 лет Средневожской археологической экспедиции. Краеведческие записки Самарского областного историко-краеведческого музея / отв. ред. Л. Н. Кузнецова. – Самара, 2010. – Вып. XV. – С. 263–276.

Культурная пластика Гольянского кладбища (каталог) / сост. С. А. Перевозчикова, С. Е. Перевозчиков. – Ижевск, пос. Новый : Изд-во УдГУ, 2016. – 36 с.

Липаков Е. В., Руденко К. А. Русское население Казанского края в XIV–XVII вв. (Западное Предкамье) // Памятники истории, культуры и природы Европейской России : тез. докл. 4-й науч. конф. «Проблемы исследования памятников истории, культуры и природы Европейской России» / отв. ред. Ф. В. Васильев. – Нижний Новгород, 1993. – С. 26–27.

Молодин В. И. Кресты-тельники Илимского острога. – Новосибирск : ИНФОЛИО, 2007. – 248 с.

Полубояринова М. Д. Русь и Волжская Булгария в X–XV вв. – М. : Наука, 1993. – 128 с.

Руденко К. А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII вв.). – Казань : РИЦ «Школа», 2014. – 768 с.

Руденко К. А. Материальная культура булгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. – Казань : Школа, 2001. – 244 с.

Руденко К. А. Русские древности в Волжской Булгарии и Булгарском улусе Золотой Орды: опыт изучения в свете новых данных // Культура русских в археологических исследованиях / науч. ред. Л. В. Татаурова, В. А. Борзунов. – Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014а. – С. 139–144.

Руденко К. А. Исследования VI Алексеевского и Мурзихинского селищ в Татарстане в 1992–1996 гг. – Казань : Издат. дом «Казанская недвижимость», 2015. – 400 с.

Руденко К. А., Беговатов Е. А. Редкие археологические находки с Семеновского острова // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней) / отв. ред. Б. А. Байтанаев. – Алматы, 2016. – С. 186–201.

К. А. Rudenko

The Kazan State Institute of Culture

COLLECTION OF ORTHODOX CROSSES XVII – BEGINNINGS 20th CENTURY FROM E. A. BEGOVATOV COLLECTION: THE PRELIMINARY ANALYSIS

In article it is considered the artefacts collected by the known Kazan archeologist, the numismatist and mathematician E.A. Begovatov (1937–2015) on archaeological settlements in Laishev area of Republic Tatarstan in 1980–1990s years from meeting of the Tetyushi's museum. The most part of artefacts is found on a place of the former village Mansurovo where from a 17th century lived Russian population. The village has stopped existence in 1955 after building of the Kuybyshev Reservoir. In a collection there are 1144 subjects concerning Christianity. These are metal tiny icons, medallions with the image of the Mother of god, the Crucifixion and Sacred; the crosses rushing on a body by believers, and also clerics. The author considers that these artefacts can give the interesting information on culture of Russian population in the Kazan province in 18–20th century beginning.

Keywords: archeology, ethnography, crosses, Tatarstan, Tetyushi, a museum, Orthodoxy, Christianity, Russian population

УДК 904

В. А. Попов

*Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории
и культуры Свердловской области*

НАТЕЛЬНЫЕ КРЕСТЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ОРУДИЙ СТРАСТЕЙ ХРИСТОВЫХ ИЗ ТУРИНСКА И ВЕРХОТУРЬЯ

В статье приводится описание трех наиболее интересных нательных крестов с изображением орудий страстей Христовых, которые были найдены автором во время раскопок в различных городах Свердловской области в основном при вскрытии погребений на территории прицерковных кладбищ. Дается подробный сравнительный ставрографический анализ сюжетов на представленных артефактах, а также приводятся ссылки на похожие нательные кресты, помогающие датировать данные предметы.

Ключевые слова: нательные кресты, орудия страстей Христовых, церковь, погребение.

Автор статьи, работая в Научно-производственном центре по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области (ГБУК СО НЦП), принимал участие в исследованиях русских прицерковных кладбищ по всему региону. При раскопках встречались в основном достаточно ординарные нательные кресты. Однако некоторые из них, несомненно, выделяются из общего ряда. Наиболее интересные находки представлены в этом исследовании.

Описание находок. Крест № 1 (рис. 1: 1, с. 421) найден в Туринске в 2007 г. Археологические работы на территории бывшего кладбища, относящегося к Крестовоздвиженскому собору Туринска, проводились в 2004 и 2007 гг. Основными задачами этих изысканий было уточнение местоположения самого собора, территории кладбища и поиск места погребения канонизированного священнослужителя Слободо-Туринской слободы о. Федора, принявшего мученическую смерть в 1918 г. и погребенного «по чину» на территории кладбища. Сам собор был освящен в 1765 г. [Новоселов, 2000, с. 169]. В 40-е гг. XX в. храм был разрушен и разобран на стройматериалы. К моменту начала археологических работ на этой территории был разбит городской парк имени Павлика Морозова. В 2007 г. здесь заложен раскоп, площадь которого вместе с прирезками составила около 100 кв. м. На площади раскопа зафиксировано 50 погребений и несколько археологизированных архитектурных объектов: остатков кирпичных фундаментов и алтарной части церкви, а ниже – деревянного настила и плах [Погорелов, Попов, Святова, 2011,

с. 130–32]. По сохранившимся в архивах планам города известно, что собор перестраивался (достраивались приделы), расширялся по площади, и, вероятно, сооружение кирпично-решетчатой (железной) ограды надо относить к началу XIX в. На карте 1821 г. ограда уже отмечена. Таким образом, деревянные сооружения и погребения, перекрытые сверху оградой, являются более ранними по отношению к последней и датируются, вероятнее всего, второй половиной XVIII – самым началом XIX вв. [Погорелов, Попов, Святова, 2011, с. 130–150].

Крест № 1 (рис. 1: 1) обнаружен в погребении № 3 (ребенок 9–12 лет). Крест литой, двусторонний, бронзовый с добавлением серебра. Размеры – 32 × 26 мм без ушка. Концы балок закругленные, пятилепестковые. Сами балки слегка изогнуты и по дуге расширяются от средокрестия к краю. Углы средокрестия закругленные. На одной стороне артефакта изображен восьмиконечный крест на горизонтальной Голгофе в виде стилизованных скальных камней, между которых заключена голова Адама. По бокам от креста из камней выступают наконечник копья и навершие трости. На краях поперечной балки видны буквы IC XP (Иисус Христос), заключенные в выпуклые сердечки остриями вниз. Сердце – символ любви не только божественной, но и человеческой. В верхней части креста изображена чаша (потир) на треножнике, а по бокам от нее – копьё и трость с губкой. На другой стороне изделия в центре средокрестия видно изображение Гроба Господня под могильным камнем, слева от него внизу видно горизонтальное изображение кисти руки. На левом конце поперечины изображены перекрещенные молоток и меч (сабля). Рукоять меча закрыта рукой. На правой оконечности видна треххвостая плеть (бич). В верхней части креста под ушком изображена раскрытая книга под сложной виньеткой. Ниже перекрестья хорошо просматривается профильное правостороннее изображение петуха, сидящего на колонне (столпе), которая обрамлена растительным орнаментом.

Подобный тип креста приводят Б. И. и В. Н. Ханенко, датируя его 1764 г. [1900, табл. XXXII, № 352]. Похожие атрибутированные кресты можно найти в материалах Илимского острога [Молодин, 2007, с. 70], раскопок Иркутска [Бердников, Бердникова, 2011, с. 235, 415]. Еще один серебряный позолоченный крест, тоже очень богато атрибутированный, был найден осенью 2010 г. в детском склепе внутри Свято-Преображенского собора Верхотурья. Все эти крестики датируются XVIII в. По аналогии и этот крестик можно отнести к этому же периоду.

Крест № 2 (рис. 1: 2) найден в склепе в северо-восточной части главного придела Свято-Троицкого собора Верхотурья. Каменный собор Верхотурского кремля был заложен в 1703 г. по указу Петра I. Основное строительство закончили к 1709 г., и собор был освящен, хотя строительство продолжалось до 1712 г., когда были закончены наружные работы северного придела. В 1738 г. во всем городе случился сильный пожар, крыша и большинство деревянных конструкций храма сгорело. Однако собор был восстановлен в течение года, освящен заново и принял свой современный вид [Корчагин, 2001, с. 106–109, 129–131; Стариков, Симиненко, Поздникин, 2007, с. 10–11]. В 2010 г. в храме производили ремонтные работы – некоторые старые чугунные плиты пола заменяли на новые. В результате рабочие, производившие замену плит, случайно наткнулись на детский склеп. Были вызваны работники Верхотурского музея-заповедника, которые и произвели вскрытие погребения. Склеп был выложен по бокам кирпичом и перекрыт сверху железной плитой. К сожалению, автор статьи не присутствовал при вскрытии склепа. В научно-производственный центр для реставрации и атрибуции был передан нательный крест из погребения и изъятые оттуда человеческие кости для последующего антропологического анализа. Погребение оказалось детским – ребенок возрастом от полугода до одного года. Судя по месту захоронения и очень редкому и ценному нательному кресту, ребенок происходил из самых высших слоев общества.

Описание креста № 2 – литой, серебряный, позолоченный, с поперечным ушком, длиной (без ушка) 37 мм, шириной 31 мм, толщиной 2 мм. Окончания балок креста криновидные (лилия) или луковичные, балки слегка изогнутые, сам крест с обеих сторон оконтурен тонким валиком. На одной стороне изображен выпуклый семиконечный крест, над ним, в оглави, находится изображение чаши на поддоне, заключенное между копьем и тростью с губкой. По краям поперечной балки видны стилизованные изображения роз. Роза в христианстве символизирует мученичество и милосердие. По легенде, красная роза выросла из капель крови Христа на Голгофе. Кроваво-красная роза и ее шипы – символ страстей Господних [Энциклопедия символов, 2002, с. 155]. В нижней части вертикальной балки по бокам семиконечного креста хорошо просматриваются выходящие из земли наконечник копья и наконечник трости с губкой, под крестом изображена голова Адама. На другой стороне изделия в центре средокрестия показан Гроб Господень, из которого выходят три копья с наконечниками (возможно, символ Троицы). В верхней части, под ушком, хорошо просматривается терновый венец. На концах горизонтальной балки изображены символы страстей Христовых: в левой части хорошо читаются молоток, сабля (меч) и кувшин (кунган), в правой можно рассмотреть изображение треххвостой плети и факела, а ближе к средокрестию, скорее всего, показан камень со скрижалями Завета. На вертикальной балке под Гробом Господним изображен петух на столпе (колонне), над ним, справа, стилизованный символ солнца в виде круга, позади колонны находится изображение перекрещенных копья и лестницы.

Крест № 3 (рис. 1: 3) был обнаружен во время раскопок кладбища у Старо-Покровской церкви Верхотурья. В 2011 г. в связи с предстоящей ее реставрацией отделом археологии ГБУК СО НПЦ были проведены археологические раскопки на территории, прилегающей к Старо-Покровской церкви [Попов, 2014, с. 268–275]. Покровский монастырь является старейшей женской обителью Зауралья. Основателем его считается первый архиепископ Сибирский и Тобольский Киприан. С момента образования и до 40-х гг. XVIII в. в монастыре сменилось пять или шесть деревянных Покровских церквей, практически все они были уничтожены при пожарах 1650–1651, 1681,

1686, 1692 и 1738 гг. или пришли в негодность из-за ветхости [Корчагин, 2001, с. 126–128]. Наконец, по просьбе инокинь митрополит Тобольский и всея Сибири Антоний (Нарожницкий) разрешил возвести в обители каменный храм. Была заложена каменная Покровская церковь без колокольни вместо деревянной по грамоте митрополита Антония 19 сентября 1744 г. и освящена по грамоте митрополита Тобольского Сильвестра 31 марта 1753 г. В это же время, по-видимому, была построена и каменная ограда вокруг монастыря, примыкающая с северной стороны к восточному и западному углам церкви. У Старо-Покровской церкви (Верхотурье, ул. Комсомольская, 4) было вскрыто 80 кв. м с восточной стороны. Исследовано 22 погребения [Попов, 2014, с. 270].

Крест № 3 был найден в погребении № 8 (ребенок трех-шести месяцев). Крест двусторонний, серебряный, литой, с чернением и золочением. Размеры по осям (без ушка) – 28 × 29 мм. Ушко поперечное, его внешний диаметр – 7 мм. На одной стороне ушка хорошо читается клеймо мастера – буквы А. Т. Окончания балок креста пятилепестковые, сами балки плавно расширяются по дуге от средокрестия к концам. На одной стороне креста в центре находится рельефное изображение распятия Иисуса на семиконечном кресте. Над фигурой Христа на верхней перекладине креста идут буквы ІНЦІ (Иисус Назарянин Царь Иудейский). Под ушком в верхней части креста находится поясное рельефное изображение Саваофа (Бога-Отца). На концах поперечной балки видны поясные изображения Предстоящих – Иоанна Предтечи и Богоматери (или, возможно, ангелов). В самом низу креста хорошо просматриваются купола храмов; так, по мнению Н. В. Покровского, русские мастера изображали Иерусалим, который при этих изображениях появляется вместе с первыми распятиями: он имеет вид «...большого города с башнями и даже минаретами, как на русских памятниках XVII–XVIII вв.» [Покровский, 2001, с. 460]. На другой стороне изделия в центре средокрестия расположено изображение Гроба Господня. В верхней части, под ушком, изображение какого-то надгробия. На правой и левой стороне поперечной балки показаны орудия страстей Господних: молоток, клещи, плеть-семихвостка. Под средокрестием изображение петуха на колонне (птица повернута влево), сразу за колонной видна лестница в горизонтальном положении. Образ петуха на столпе связан с трехкратным отречением Петра от Иисуса на Тайной Вечере: «Прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня» (Мат. 26: 34). Поющий петух – напоминание об отречении Петра, а также знак его раскаяния и служения в качестве первого папы. Петух в христианстве является также символом света и возрождения.

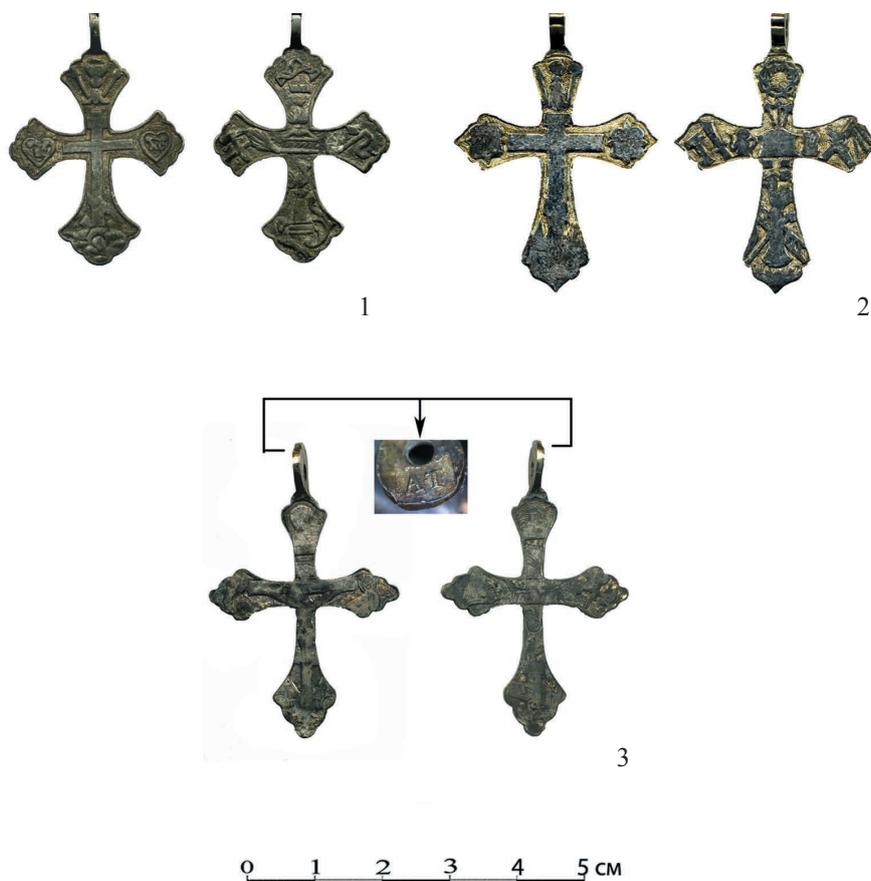

Рис. 1. Нательные кресты с изображением орудий страстей Христовых:
 1 – крест № 1 из Туринска; 2 – крест № 2 из Свято-Троицкого собора Верхотурья;
 3 – крест № 3 от Старо-Покровской церкви Верхотурья

Изображения на крестах. Композиции с изображением орудий страстей Христовых начинают воспроизводиться на крестах и других предметах культа (антиминсах, потирах, окладах икон и Евангелий и т. д.) примерно со второй половины XVII в., размещаются они обычно на оборотной стороне креста [Гнутова, 1994, с. 68–69; Покровский, 2001, с. 467]. Все изображения на кресте рельефные, зачерненные, а свободное пространство представляет собой тонкие волнистые линии, покрытые позолотой. Подобные кресты из Илимской коллекции были описаны В. И. Молодиным [2010, с. 124–137].

Более подробно обратимся к символам на крестах. По мнению С. В. Гнутовой, со второй половины XVII в. композиции с изображением орудий страстей Христовых начинают воспроизводиться на крестах, антиминсах, покровцах, потирах, дароносицах и дарохранительницах, на окладах Евангелий и икон. Наибольшее количество элементов, символизирующих страсти Христовы, помещалось на крестах [Гнутова, 1994, с. 68–69]. Того же мнения придерживается и В. И. Молодин [2010, с. 132–133].

В интерпретации изображенных символов большинство исследователей опираются на работы Н. В. Покровского [2001], А. П. Голубцова [1995] и графа А. С. Уварова [1908] как наиболее полные. Н. В. Покровский, описывая крестные муки, выделяет такие орудия страстей Христовых: «В русской иконографии XVII–XVIII вв. картина распятия осложняется нередко целым рядом орудий страданий Спасителя... терновый венок; трость и копье с губкой; внизу лестница, гвозди, молотки, сосуды, клещи, копье, три пучка прутьев, жезл, колонна с бичом, петух, кисть руки; иногда добавляются сосуды, мешок с высыпавшимися из него деньгами, фонарь, рука, потир, туника, Нерукотворный образ, жребии, бердыши, меч, лентий и цепь» [2001, с. 467]. Далее автор дает более развернутую характеристику орудий: «Значение этих элементов легко понять: некоторые из них прямо обозначены в евангельском рассказе о распятии, другие дополнены на основании личных соображений художников и преданий: лестница, молотки, гвозди – орудия пригвождения; клещи – снятия тела Христа с креста; колонна, бичи и прутья – орудия поругания; рука и деньги – эмблемы предательства Иуды; другая рука – эмблема побоев; две руки над сосудом – Пилатово омовение рук; фонарь – орудие предательства в Гефсиманском саду; меч и ухо – отсечение уха раба первосвященника; бердыши – вооружение воинов, взявших Христа в Гефсиманском саду; петух – символ отречения ап. Петра. На Западе явились они в иконографии в эпоху усиленной разработки тем, относящихся к страстям Христовым (XV–XVI вв.)» [Там же, с. 468].

Сначала рассмотрим символы, которые присутствуют в Евангелиях. *Копье и трость с губкой* являются неотъемлемой частью иконографии натальных крестов. На всех трех описанных выше крестах присутствуют их изображения: «И тотчас побежал один из них, взял губку, наполнил уксусом и, наложив на трость, давал ему пить» (Мат. 27: 48). Про копье сказано только у Иоанна: «Но один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода» (Иоан. 19: 34).

Чаша (потир) изображена в верхней части вертикальной балки у крестов № 1 и 2. Она может символизировать собой несколько смыслов: чашу Тайной Вечери; чашу, в которую, по легенде, Иосиф Аримоефский собрал кровь Христа; Святой Грааль или просто объединенный символ христианства, преобразовавшийся в потир для обряда евхаристии. В христианской иконографии чаша, с одной стороны, является символом искупления грехов, бессмертия и просветления, а с другой – символом жертвы Христа, символом добровольного принятия тяжести своей судьбы во имя других – «горькой чаши»: «Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия» (Мат. 26: 39).

Терновый венец, по мнению того же Н. В. Покровского, введен впервые на Западе в XII–XIII вв. с целью усилить страдальческий вид Распятого и оттуда не ранее XVII в. перешел в православное искусство [Покровский, 2001, с. 446–447]. Он присутствует в верхней части оборотной стороны креста № 2. Терновый венец и трость были соединены в Евангелиях как орудия поругания: «И, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и, становясь пред Ним на колени, насмехались над Ним...» (Мат. 27: 29).

Петух на столпе изображен на всех трех крестах: «И вдруг запел петух. И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от меня» (Мат. 26: 74, 75).

Меч на крестах № 1 и 2: «Симон же Петр, имея меч, извлек его, и ударил первосвященнического раба, и отсекал ему ухо; имя рабу было Малх» (Иоан. 18: 10).

На кресте № 1 изображена кисть руки как орудие поругания: «Тогда плевали Ему в лицо и заушали Его; другие же ударили Его по ланитам» (Мат. 26: 67).

На кресте № 2 изображен *кувшин* (кунган): «Пилат... взял воды и умыл руки пред народом, и сказал: невинен я в крови Праведника Сего» (Мат. 27: 24).

На крестах № 1 и 2 видны изображения *плетей-треххвосток*: «Тогда Пилат взял Иисуса и велел бить Его» (Иоан. 19: 1).

Лестница изображена на всех трех крестах. Используя ее, Христа сначала распяли на кресте, а затем сняли с него. Лестница – это орудие страстей Господних. Лестница также традиционно являлась символом восхождения на небо как в христианстве (лестница Иакова), так и в других религиях (например, в исламе это восхождение Мухаммеда).

На всех трех крестах присутствуют изображения стилизованной Голгофы и головы Адама, а также изображения молотков и клещей. Эти кресты можно датировать серединой XVIII – начала XIX вв., они зафиксированы в детских погребениях и являются наиболее искусно сделанными, дорогими и поэтому наиболее уникальными из всех найденных в 2004–2007 гг. в Свердловской области крестов.

Бердников И. М., Бердникова Н. Е. К вопросу о времени первых захоронений на территории Иркутского острога // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2008. – С. 233–238.

Гнутаева С. В. Орудия страстей Христовых на русских крестах второй половины XVII – первой половины XIX вв. // Филевские чтения : материалы третьей науч. конф. по проблемам рус. культуры второй половине XVII – начала XVIII вв., 8–11 июня 1993 г. – М., 1994. – Вып. V. – С. 68–86.

Голубцов А. П. Из чтений по церковной археологии и литургике. – СПб. : Сатисъ, 1995. – 251 с.

Корчагин П. А. История города Верхотурья (1598–1926). Закономерности социально-экономического развития и складывания архитектурно-исторической среды города. – Екатеринбург : Банк культур. информ., 2001. – 180 с.

Новоселов А. В. Туринск – прелюдия Сибири // На государевой дороге : культурно-исторические очерки. – Екатеринбург, 2000. – 276 с.

Молодин В. И. Кресты-тельники Илимского острога. – Новосибирск : ИНФОЛИО, 2007. – 246 с.

Молодин В. И. Кресты-тельники с изображением распятого Иисуса в Илимской коллекции // Очерки по ставрографии. – Красноярск, 2010. – С. 124–137.

Погорелов С. Н., Попов В. А., Святова Е. О. Археологические исследования исторического города Туринска в 2004 и 2007 гг. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – Пермь, 2011. – Вып. VII. – С. 130–150.

Покровский Н. В. Евангелие в памятниках иконографии. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 564 с.

Попов В. А. Нателные кресты из погребений прицерковных кладбищ города Верхотурья. // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск ; Тюмень, 2014. – Т. I. – С. 268–275.

Уваров А. С. Христианская символика. – Ч. 1 : Символика древнехристианского периода. – М. : Тип. Г. Леснера и Д. Совко, 1908. – 222 с.

Федоров Ю. Образ креста. История и символика православных нагрудных крестов. – СПб. : [Б. и.], 2000. – 110 с.

Ханенко Б. И., Ханенко В. Н. Древности русские. Кресты и образки. – Киев : Фототипия и тип. С. В. Кульженко, 1900. – Вып. II. – 47 с.

Энциклопедия символов / сост. Е. Я. Шейнина. – М. ; Харьков : Торсинг, 2002. – 591 с.

V. A. Popov

Scientific and Production Centre for Protection and Exploitation of Historical and Cultural Monuments of Sverdlovsk Region, Yekaterinburg

BAPTISMAL CROSSES WITH IMAGE OF INSTRUMENTS OF THE PASSION OF CHRIST FROM TURINSK AND VERKHOTURYE

The article provides description most interesting baptismal crosses with image of instruments of the passion of Christ, which were found by author on the middle of digging in different cities of the Sverdlovsk oblast, in the main, at the opening of graves on the territory of churchyard. Detailed comparative chapter analysis with available artifacts, also included a references to similar baptismal crosses, which helps date this artifacts.

Keywords: baptismal crosses, instruments of the passion of the christ, church, burial, burial vault.

УДК 903.26

¹Е. В. Мишкина, ²Л. В. Татаурова

¹Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского,

²Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

КУЛЬТОВОЕ ЛИТЬЕ СИБИРИ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

С развитием археологии Нового времени объем коллекций крестов-тельников из археологических памятников русского и аборигенного населения Сибири значительно пополнился. Расширился круг научных подходов в их изучении. Однако малоизученными остаются вопросы, связанные с центрами изготовления культурного литья, путями его распространения и хронологические аспекты его бытования на территории Сибири. Особо важным является анализ старообрядческой продукции, определение хронологических маркеров производства крестов

в сибирском регионе. Результаты исследования выявили три центра производства предметов личного благочестия в европейской части России, которые повлияли на формирование традиций изготовления культового литья в Сибири XVII–XIX вв.

Ключевые слова: культовое литье, центры производства, Сибирь, хронология.

С конца XVI в. Сибирь начала входить в структуру Русского государства, что привело к социально-экономическим, политическим, культурным изменениям в жизни пришлого и аборигенного населения. Одним из культурных нововведений было распространение здесь христианства, связанное с заселением этой территории русскими. Во второй половине XVII в. в недрах этой религии так же произошли трансформации, в результате которых в православии появилось множество течений. Идеологические лидеры этих направлений влекли за собой в Сибирь своих последователей и культурные традиции, впоследствии названные старообрядческими. В числе основных культурных маркеров православия и его разновидностей всегда оставался нательный крест. В Сибири он приобрел особую значимость как объединяющий символ русских сибиряков, и прежде всего у приверженцев раскола.

За последние 20 лет ставрографические коллекции, полученные в процессе археологических исследований русских комплексов Сибири, существенно выросли в объемах. В связи с этим вопросы, касающиеся атрибуции, изучения, хронологии полученного материала, ставились неоднократно [Татаурова, 2016, с. 28–32]. Однако в публикациях почти не рассматривались проблемы поступления культового литья в Сибирь и формирования сибирского производства этих изделий.

Большое количество работ, в которых рассматривается тема импорта товаров в Сибирь, в дореволюционной, советской и современной России посвящено промыслам, связанным с добычей пушнины и отправкой ее в Центральную Россию, и вопросам, касающимся ввоза хлеба из-за Урала. Меньшая часть исследований затрагивает тематику ремесленных изделий, ввозившихся в Сибирь или вывозившихся оттуда. Актуальность этой темы обосновывается тем, что именно ремесленная деятельность была важным видом предпринимательства в Сибири в XVII–XVIII вв. Свои мастера в различных областях были в каждом городе и селе. Крупными центрами ремесленного производства являлись города Тобольск, Тюмень, Верхотурье, Томск, Енисейск, с XVIII в. – Тара. По числу ремесленных специальностей сибирские города к концу XVII в. достигли уровня средних городов Европейской России. В Тобольске и Томске в конце XVII в. насчитывалось более 50 специальностей [Бахрушин, 1959, с. 147–148, 204; Вилков, 1967, с. 78]. Анализируя формирование ремесла в Сибири, авторы делают акцент на изучении предметов для кузнечного, кожевенного, сапожного, строительного мастерства, не беря во внимание религиозную атрибутику. Отсюда проблема, связанная с отсутствием работ, которые смогли бы ответить на вопрос: было ли в Сибири организовано производство культовой пластики (крестов-тельников, литых икон, складней и т. п.) или же она импортировалась, как и многие другие товары, из Центральной России?

Рассматривая публикации, которые косвенно затрагивают интересующую нас проблему, мы можем выделить несколько точек зрения, которые помогут нам ответить на поставленный вопрос.

Ученые, отнесенные нами к первой группе, считают, что подавляющее большинство ремесленных товаров, и в том числе кресты-тельники, в Сибирь в XVII–XVIII вв. импортировались из центральной части России. Этой точки зрения в свое время придерживались С. В. Бахрушин [1959], О. Н. Вилков [1967], К. В. Конончук [2000] и др. По мнению О. Н. Вилкова, о производстве данного вида продукции можно говорить лишь с начала XVIII в. Доля русских товаров в 1639–1640 гг. (7148 г. от С. М.) – 59,3 %, но к 1694–1695 гг. (7203 г. от С. М.) она снижается до 16 % [Вилков, 1967, с. 82]. В таможенных книгах, изучением которых занимался ученый, отражен импорт предметов культа, в частности медных крестов, которые были ввезены в Тобольск в 1639–1640 гг. (7148 г. от С. М.) в количестве 40 шт. [Там же, с. 145]. Интересно, что в последующие годы эти предметы не ввозились, что может говорить о том, что начинают появляться местные мастера. Однако, по мнению О. Н. Вилкова, в Тобольске до 1720 г. не было специалистов, которые могли изготавливать мелкую литую пластику. В 1720 г. в городе появилось пять оловянных и по одному меднику и золотых дел мастеру [1967, с. 74].

С. В. Бахрушин в свое время утверждал, что в Сибири, жившей только пушниной, ремесло в XVII в. было мало распространено и «предметы промышленного производства – сукна, холсты, кожи, обувь, мыло и т. п. поставлялись из Европейской России в обмен на меха Сибири» [Бахрушин, 1959, с. 147–148], «Сибирь не имела собственной промышленности» [Там же, с. 204]. Исходя из вышесказанного, исследователи относят кресты-тельники, найденные в Мангазее [Белов, Овсянников, Старков, 1981, с. 147], на берегу залива Симса и на о. Фаддея [Окладников, 1951, с. 7–40; Порфиридов, 1951, с. 153–159], и кресты из Стародухинского и Алазейского острогов [Конончук, эл. ресурс] к привозной группе товаров.

Другая точка зрения представлена в статье Р. С. Василевского, В. И. Молодина, Е. Ф. Седакиной, которые полагают, что на территории Илимского острога в XVII–XVIII вв. было развито ремесленное производство, в том числе и ювелирное, поэтому кресты делались на месте [1978, с. 215–231]. Этому же воззрению придерживаются и другие ученые, считающие, что, благодаря развитию сибирского ремесла, ввоз товаров из Европейской России к концу XVII столетия сократился почти наполовину, т. е. отпала необходимость завоза в Сибирь многих товаров, изготовление которых было налажено на местах [Зиняков, 2011, с. 279; 2016, с. 57; Метелев, 2011, с. 214–217; Тара в XVII–XVIII вв., 2014, с. 103–106 и др.].

На основании изучения центров производства культового литья в Европейской России (об этом речь пойдет ниже) мы считаем, что о времени изготовления крестов-тельников на территории Сибири можно говорить лишь с начала 20-х гг. XVIII в.

С. В. Гнутова на основе культурологического анализа медного литья пришла к выводам, что основным центром изготовления крестов в России в XVII–XIX вв. являлась Москва, откуда они распространялись в другие регионы России; иконографическими источниками композиций стали западные произведения XIV–XVI вв., проникавшие на Русь через Польшу, Украину и Белоруссию; в орнаментации русских крестов XVII–XVIII вв. ощущается влияние светского искусства [Гнутова, 1993, с. 7–20]; разработка новых форм и иконографии крестов связана со старообрядцами-поморцами [Гнутова, Зотова, 2000, с. 20].

М. Ю. Казакова полагает, что в XVI–XVII вв. традиции медного литья перемещаются в Центральную Россию и Москву из Новгорода и Киева, но памятников XVII в. сохранилось мало. Большинство дошедших до нас изделий старообрядческого литья относится к XVIII – первой половине XIX вв. [Казакова, эл. ресурс].

На основе анализа литературы можно выделить три крупных центра производства культовой пластики, которые сложились в России в XVIII в.: Выговский монастырь на Русском Севере (поморское литье), московский центр, где находилась община беспоповцев-федосеевцев (московское литье) и Гуслицы (гуслицкое литье).

Поморское литье сформировалось в староверческих общинах Выга после запрета на производство медного литья указами 1722–1723 гг. Петра I и Священного Синода. В результате это сделало их монополистами в этом виде ремесла, и в XVIII в. Поморье (Выговская обитель) становится первым крупным центром литья. В 1703 г. монахи были приписаны к государственным металлургическим заводам на Повенце, где освоили технику медного литья и к концу первой четверти XVIII в. открыли при монастыре производство литых крестов и икон. Они создали продолжившие дореформенные традиции собственные святыни, включая кресты-тельники, в том числе – мужской прямоконечный крест с широкими лопастями и женский крест в форме листа. Истоки появления женской формы креста, которая была широко распространена, не только в Европейской России, но и в Сибири, некоторые ученые усматривают в выговской резьбе по дереву, существовавшей там еще до начала меднолитейного производства. Выработанные в Поморье типы нательных крестов стали образцами для старообрядческих мастерских всей России [Коршун, 2009, с. 26–41].

Тесное общение с поморцами поддерживала федосеевская община старообрядцев, сформировавшаяся в Москве. В 1791 г. прошел собор поморцев и федосеевцев, где они отказались от написания титулы «ІН ЦІ» и вернулись к надписи «ЦС ІХ НІКА». С этого момента нательные кресты поморских образцов начали изготавливать и в Москве. Поэтому нижней границей появления описываемых категорий крестов в Центральной России можно считать конец XVIII в. – к тому времени московское меднолитейное производство уже играло важную роль в изготовлении культовой медной пластики, экспортируя поморское литье по всей России [Зотова, 2003].

Гуслицкое литье вобрало в себя поморские и московские черты, для него характерен небольшой вес изделий и использование белой и синей эмалей. Неплохое качество и невысокая цена делали гуслицкую продукцию достаточно популярной на протяжении XIX–XX вв. [Зотова, 2004, с. 50–57].

Старообрядческое медное литье на рубеже XIX–XX вв. становится явлением массового характера. Помимо расширения производства в указанных выше центрах, возникают новые. Одним из них была Красносельская волость Костромской губернии [Куколевская, 1993, с. 373–385]. Красносельские мастера копировали образцы московских мастерских. Кресты отливались из латуни, что, по-видимому, было характерно и для московского производства и для XVIII в. в целом. Отличительным признаком являлось применение темно-синей прозрачной, а также голубой и белой глухих эмалей.

С XVIII в. начинается передвижение старообрядцев в Поморье, Карелию, Поволжье, на Урал, в Сибирь, Польшу, позже в страны Прибалтики и Венгрию, что способствовало перемещению и сохранению традиций меднолитейного производства.

На Урале наибольшее распространение получили старообрядцы, выходцы с Поволжья, именовавшиеся беглоповцами, что позволяет говорить о преемственности и их влиянии в сфере изготовления мелкой культовой пластики. С середины XVII в. металлообрабатывающие промыслы имели Невьянский Богоявленский, Тагильский Преображенский, Долматовский Успенский мужские монастыри. В 1701 г. рудные земли по указу Петра I были отобраны в казну. Позже, в XVIII–XIX вв., крупнейшими центрами по изготовлению металлических изделий были поселения при частных заводах – Невьянском, Нижне-Тагильском, Суксунском и Каслинском. Вероятно, при этих заводах было налажено и производство культового литья [Белобородов, Гончаров, 1999, с. 208]. Однако эта тема требует дальнейшего изучения с привлечением данных археологии и междисциплинарных исследований.

Бахрушин С. В. Научные труды. – М. : АН СССР, 1959. – Т. IV. – 304 с.

Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. – М. : Наука, 1981. – Ч. II. – 147 с.

Белобородов С. А., Гончаров Ю. А. Старообрядческая иконописная традиция и меднолитейный промысел в Зауралье в XVII – начале XX вв. // Сибирская икона. – Омск, 1999. – С. 207–215.

Василевский Р. С., Молодин В. И., Седякина Е. Ф. Исследования Илимского острога // Древние культуры Приангарья. – Новосибирск, 1978. – С. 215–231.

Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. – М. : Наука, 1967. – 324 с.

Гнупова С. В. Медная мелкая пластика Древней Руси // Русское медное литье. – М., 1993. – Вып. 1. – С. 7–20.

Гнупова С. В., Зотова Е. Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX века. – М. : Интербук бизнес, 2000. – 134 с.

Зиняков Н. М. Железообрабатывающее производство русского населения Западной Сибири в XVII–XVIII вв.: традиции и новации (по материалам г. Тобольска) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – № 5 (43). – С. 56–58.

Зиняков Н. М. Особенности становления русского металлообрабатывающего производства в XVII–XVIII веках в Западной Сибири (на примере материалов Тарского Прииртышья) // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. – Омск, 2011. – С. 305–311.

Зотова Е. Я. Гуслицкое и загарское медное литье. Проблема классификации // Гуслица старая и новая : материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Орехово-Зуевского района. – М., 2004. – С. 50–57.

Коршун В. Нательные кресты поморских типов XVIII – начала XX вв. в Рязанской губернии. История, хронология, классификация // Родная старина. – 2009. – № 2. – С. 36–41.

Куколевская О. С. Медное художественное литье Красносельской волости Костромской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Памятники культуры. Новые открытия. – Ежегодник 1993. – М., 1994. – С. 373–385.

Метелев С. Е. Некоторые тенденции развития предпринимательства в Сибири // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. – Омск, 2011. – С. 214–217.

Окладников А. П. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. – Л. ; М., 1951. – С. 7–40.

Порфиридов Н. Г. Предметы прикладного искусства // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. – Л. ; М., 1951. – С. 153–159.

Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша / Д. А. Алисов, Ю. М. Гончаров, А. Р. Ивошин, А. В. Матвеев, С. Ф. Татауров, Ф. С. Татауров, К. Н. Тихомиров, С. С. Тихонов, К. Н. Тихомиров, М. Н. Тихомирова. – Омск : Амфора, 2014. – 332 с.

Татаурова Л. В. Нательные кресты как конфессиональный маркер (по археологическим материалам русского комплекса Изюк-1) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2016. – Т. 23 – № 2. – С. 28–32.

Зотова Е. Я. Поморская меднолитая пластика: к истории становления и развития в Московском регионе // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера : материалы IV науч. конф. «Рябининские чтения». – Петрозаводск, 2003. – URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2003/103.html> (дата обращения: 10.04.2017).

Казакова М. Ю. Тайны отливных икон: сайт. – URL: http://www.tagilvariant.ru/news/culture/tayny_otlivnykh_ikon/ (дата обращения: 10.04.2017).

Конончук К. В. Нательные кресты из Стародухинского и Алазейского острогов. – URL: <http://zaimka.ru/kononchuk-srucifix/> (дата обращения: 10.04.2017).

E. V. Mishkina, L. V. Tataurova

¹*Omsk State F. M. Dostoevsky University,*

²*Omsk Division of Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS*

RELIGIOUS FOUNDRY FORMATION OF SIBERIA: INTRODUCTORY REMARKS

The volume of collections of crosses from archaeological monuments of the Russian and aboriginal population of Siberia has increased in connection with the development of modern archeology. The range of scientific approaches in their study has expanded. However, issues related to the centers of manufacturing of cult castings, the ways of its distribution and the chronological aspects of its existence in the territory of Siberia remain insufficiently studied. Of particular importance is the analysis of the Old Believers products, the determination of chronological markers for cross production in the Siberian region. The results of the study revealed three centers of production of items of personal piety in the European part of Russia, which fell on the formation of traditions of manufacturing cult casting in Siberia 17–19th centuries.

Keywords: cult casting, production centers, Siberia, chronology.

ЧЕРНОМЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ ПОСЕЛЕНИЯ АНАНЬИНО В ТАРСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Статья посвящена металлографическим исследованиям кузнечной продукции д. Ананьино (XVII–XIX вв.) в Тарском Прииртышье. Полученные аналитические материалы дают представление об уровне развития технологии металлообрабатывающего производства в этом регионе. Металлографическое изучение археологической коллекции свидетельствует, что производство металлических изделий осуществлялось с помощью четырех технологических операций: 1) свободнойковки металла, 2) наварки стального лезвия на железную основу, 3) сварки двух и более кусков металла, 4) закалки изделий. Особое отношение кузнецы проявляли к производству режущих инструментов. При их производстве наибольшее распространение получилаковка цельносталльных изделий (63 %). Вторым технологическим приемом являлась наварка стального лезвия на железную основу (37 %). В качестве упрочняющих операций мастера использовали различные режимы закалки (57 %). Полученные автором материалы подтверждают общую тенденцию развития металлообрабатывающего производства в Западной Сибири, характеризующуюся параллельным использованием сварных и цельносталльных конструкций, берущих начало в XVII в., и с течением времени постепенным увеличением доли последних.

Ключевые слова: металлообрабатывающее производство, Западная Сибирь, русские, металлические изделия из археологических памятников, реконструкция технологии.

Начало освоения территории Тарского Прииртышья русским населением было положено грамотой царя Федора Иоанновича от 1593–1594 гг. Грамота была выдана в качестве «наказа» следовавшему в Сибирь князю Андрею Елецкому. В ней Высочайше повелевалось выстроить новый оборонительный острог на р. Таре для защиты русских рубежей и обеспечения дальнейшего продвижения служилых людей в Сибирь [Миллер, 1937, с. 354–361]. Князю Елецкому конкретно предписывалось: построить на р. Таре город, завести пашню, вытеснить с этих территорий царя Кучума, организовать поставки соли с Ямышевского озера, «привести под государеву руку непокорные волости», собрать с «волостей» «прошлый и нынешний ясак». Содержание «наказа» в полной мере отражало содержание политики Московского государства в отношении Сибирского края. С самого начала продвижения русских за Урал здесь культивировалось, наряду со строительством оборонительных рубежей, развитие пашенного земледелия и хозяйственное освоение новых территорий. С течением времени эта политика становилась основополагающей.

Деревня Ананьино Тарского уезда, изучению материалов которой посвящена статья, являлась одним из звеньев хозяйственного освоения Сибири. Впервые этот населенный пункт упомянут в исторических источниках 1624 г., «по дозору» воеводы Василия Тыркова. Тырков в своем отчете приводит данные о 29 деревнях Тарского уезда с описанием общих характеристик каждой из них. Из этих сведений следует, что 22 деревни имели по одному двору, четыре – по два двора, две деревни насчитывали по пять дворов, одна состояла из шести дворов [Буцинский, 1889, с. 152–153]. Согласно «дозору», «Ананьино на Ананьевском озере» состояла из двух дворов. Деревня просуществовала до 70-х гг. XIX в. включительно.

Раскопки д. Ананьино производились омским археологом Л. В. Татауровой в течение нескольких полевых сезонов начиная с 2005 г. В ходе полевых археологических работ был получен обширный и разнообразный материал, в том числе и металлический, позволяющий характеризовать хозяйственную культуру местного сельского населения XVII–XIX столетий. Коллекция металлических изделий данного памятника довольно разнообразна и включает 35 наименований изделий из черного металла. Для металлографического исследования были взяты 56 образцов изделий 15 наименований. Из них – 14 ножей, три серпа, две лопаты, один струг (скобель), одно лезвие рубанка, четыре черты, пять острог, пять рыболовных крючков, два светца, три кресала, восемь обувных подковок, три навеса, три скобы, один запорный крючок, одна ручка дверная.

Результаты металлографических исследований по отдельным категориям изделий следующие.

Ножи. Относятся к режущим инструментам, рабочей частью которых является клинок с лезвием на одной стороне. Нож был повседневной необходимостью жителей как наиболее универсальный инструмент. Словарь старинного русского языка свидетельствует, что в XI–XVII вв. для названия рассматриваемого инструмента использовались термины «нож», «ножик», «ножичек» [Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 11, с. 417–418]. Помимо этого, существовали иные наименования, свидетельствующие о специализации ножевидных режущих инструментов. В том числе – «перочинный нож» и «перочинный клепичек» (уменьшительное от слова клепик – нож) [Словарь

русского языка XI–XVII вв., вып. 14, с. 309]. «Клепик» представлял собой короткий и широкий нож с загнутым на конце лезвием, применявшийся, главным образом, для щипания лучины (из источника: «Два клеписка чем лучину щипают») [*Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 7, с. 165]. Словарь русского языка XVIII в. также дает как общесобирательное определение рассматриваемого орудия – «нож», «ножик», «ножичек», «ножище», так и специализированные характеристики последних – столовый, складной (карманный), перочинный, поваренный, бондарский, охотничий, ловчий, лекарский [*Словарь русского языка XVIII в.*, вып. 15; *Словарь Академии Российской*, ч. IV, с. 549]. Всё это свидетельствует о разнообразии видов ножей у русского населения в исследуемый период.

В металлографических исследованиях ножи, по мнению ученых, относятся к наиболее информативной категории изделий. Изученные ананьинские экземпляры по внешнему виду и назначению подразделяются на пять групп: 1 – многофункциональные, с прямой спинкой, узким лезвием и двумя уступами при переходе от черенка к клинку; 2 – широкие тяжелые ножи для щипания лучины (лучевники); 3 – нож для очинки перьев (перочинный нож); 4 – складные ножи; 5 – сапожный нож. Микроструктурному исследованию подвергнуто пять ножей первой группы, пять – второй, один перочинный, два складных, один сапожный.

Отличительной чертой *многофункциональных ножей* является сравнительно узкий клинок. Длина сохранившихся экземпляров составляет 20–23,9 см. Металлографическое исследование показало, что при ковке ножей этого типа кузнецами были использованы две технологические схемы: 1 – наварка твердого стального лезвия на мягкую основу (рис. 1, ан. № 2399*, 2785, с. 429; рис. 5: 1, с. 435) и 2 – цельно стальное производство (рис. 1, № 2390, 2781; рис. 2, № 2823, с. 431). По первой технологии изготовлено два ножа, по второй – три. В двух случаях из пяти установлено, что в качестве исходного сырья кузнецы употребляли неравномерно науглероженную сталь. В качестве дополнительной упрочняющей операции при производстве цельно стальных ножей использована мягкая закалка (№ 2781, 2823). Металл при этом характеризуется структурами сорбита и троостита. Микротвердость троостита – 427 кг/кв. мм. Один из сварных экземпляров подвергнут закалке в воде (№ 2785), в результате которой стальная кромка лезвия приобрела структуру мартенсита. Микротвердость мартенсита – 596 кг/кв. мм.

Ножи-лучевники достаточно массивны, имеют широкое лезвие. Ширина клинков колеблется от 3,4 до 4,2 см. Длина сохранившихся экземпляров вместе с черенком составляет 25,4–26,4 см. При изготовлении лучевников кузнецами использованы три технологические схемы: 1 – наварка твердого стального лезвия на мягкую основу (рис. 1, № 2398, 2798; рис. 6: 1, с. 436), 2 – цельно стальное производство (рис. 1, № 2400; рис. 2, № 2819), 3 –ковка изделий из многослойной «пакетной» заготовки (рис. 1, № 2792). Наварка выявлена на двух образцах, цельно стальное производство – также на двух. В качестве дополнительной упрочняющей операции в одном случае зафиксировано использование мягкой закалки (№ 2798), в двух – твердой закалки (№ 2792, 2398). Микроструктуры закаленной стали – сорбит, мартенсит и мартенсит с трооститом. Микротвердость мартенсита – 504 кг/кв. мм, троосто-мартенсита – 396–447 кг/кв. мм.

Нож для очинки перьев. В русском языке XVII в. рассматриваемый инструмент обозначался словосочетанием – «перочинный нож» и «клепичек перочинный» (в смысле, маленький ножичек) [*Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 7, с. 165, вып. 14, с. 309]. В русском языке XVIII в. он значится как «перочинный ножичек» [*Словарь Академии Российской*, ч. IV, с. 549]. Таким образом, и в первом, и во втором случае при обозначении перочинного ножа указаны его главные признаки – маленькие размеры. Исходя из этого, в исследуемой коллекции к данному виду инструментов можно отнести один миниатюрный ножичек с небольшим лезвием (рис. 1, № 2803). Длина лезвия составляет 4,8 см, черенка – около 2 см. Вполне очевидно, что конструкция изделия была рассчитана на применение незначительных усилий при его использовании по назначению. Вместе с тем, как свидетельствуют металлографические исследования, технология изготовления ножа обеспечивала остроту лезвия и его достаточную упругость. Согласно аналитическим данным, рассматриваемый нож сделан в технике наварки стального лезвия на мягкую железную основу и подвергнут мягкой закалке (рис. 1, № 2803; рис. 5: 2). Микроструктура металла на лезвии состоит из сорбита.

Складные ножи. В наше время синонимом складного ножа выступает нож карманный. Он представляет собой клинок с односторонним лезвием, закрепленным на оси рукоятки. В сложенном состоянии клинок скрыт в рукоятки. Однако, как свидетельствуют археологические и письменные источники, отождествление складных ножей с карманными допустимо лишь при анализе материалов, датированных XVIII в. и позднее. Древнерусские же источники XI–XVII вв. свидетельствуют о бытовании складных двулезвийных ножей, из которых в складном положении (в рукоятки) находилось лишь одно лезвие, а второе было всегда в рабочем состоянии [*Колчин*, 1959, рис. 44]. В словаре русского языка XI–XVII вв. наименование «карманный нож» не встречается вообще, в отличие от термина «складной нож». В письменных материалах XVI в. термин «складной нож» имел еще более специфическое содержание, соответствовавшее определению «складной», т. е. составленный из отдельных частей, о чем свидетельствует выдержка из исторического документа: «10 ножей литовские, черены складные – половина черена сандальные, а другая половина кипарисна» [*Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 24, с. 204–205]. С XVIII в. в русском языке уже употребляются словосочетания «складной нож» (как тип разновидности ножей) и «карманный нож» – как носимый в кармане [*Словарь Академии Российской*, ч. III, с. 449].

* Далее вместо «ан. (анализ) №» указывается только №.

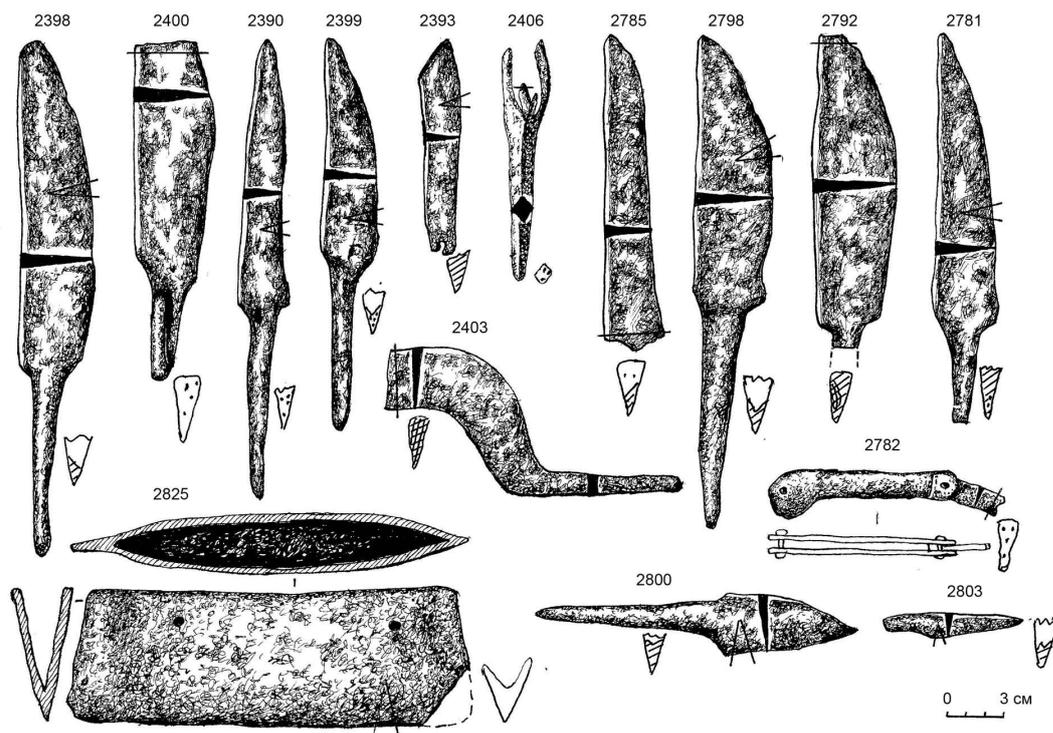

Рис. 1. Поселение Ананьино-I. Технологические схемы ножей, сельскохозяйственного инвентаря, бытовых предметов: № 2390, 2393, 2398, 2399, 2400, 2781, 2782, 2785, 2792, 2798, 2800, 2803 – ножи; № 2403 – серп; № 2825 – оковка лопаты; № 2406 – светец

Металлографически изучено два складных ножа разной сохранности. Один из них (№ 2782) имеет прямоугольную рукоять с закругленной асимметричной головкой и часть клинка. Рукоять наборная, состоит из внутреннего каркаса, собранного из двух металлических полос, скрепленных штифтами. Микроструктурный анализ клинка ножа показал, что откован он из среднеуглеродистой стали (рис. 1, № 2782).

От второго складного ножа сохранилась основная часть клинка, за исключением так называемый пятки, с отверстием для насадки на ось. Клинок имеет расширяющийся к острию боковой профиль, заканчивающийся скосом обуха. Микроструктурным анализом установлено, что клинок откован из углеродистой стали и подвергнут закалке (рис. 1, № 2393). Микроструктура закаленной стали состоит из бейнита. Микротвердость бейнита – 509 кг/кв. мм. Оценивая основные характеристики рассматриваемого ножа, в том числе его форму, тонкость лезвия, угол заточки и технологию производства, можно не без основания предположить, что данный инструмент мог вполне успешно использоваться в качестве бритвы. Употребление ножа в качестве бритвы нашло свое отражение в русском языке XI–XVIII вв., где известно хождение термина «нож-бритвенник». Так, например, выдержка из документа XIII–XIV вв. гласит: «Иногда бритвенник нужно изострити и пострица тем главу» [*Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 1, с. 334]. Указание на возможное использование ножа в качестве бритвы содержится и в словах известного поэта XVIII в. Н. П. Осипова: «Приамус им (охотничьим ножом. – Н. З.) всегда гордился, сек, бил, колот, рубил и брился» [*Словарь русского языка XVIII в.*, вып. 2, с. 141].

Нож сапожный. Изученный экземпляр отнесен к категории сапожных с определенной степенью условности, в силу того что классическая форма сапожного ножа представляет собой обычно закругленное к концу лезвие, позволяющее сапожнику резать кожу в направлении от себя. Рассматриваемый нож имеет короткий широкий клинок с острым концом и слегка скошенным лезвием. Черенок рукояти массивный и длинный, рассчитанный на значительные механические нагрузки. Микроструктурное изучение образца металла показало, что нож изготовлен в технике наварки твердого стального лезвия на мягкую основу, состоящую из малоуглеродистой стали (рис. 1, № 2800). В качестве упрочняющей операции отмечается использование мягкой закалки. Структурное состояние закаленной стали – троостит. Микротвердость троостита – 392 кг/кв. мм.

Серпы предназначались для жатвы зерновых культур. Металлографически изучено три экземпляра. О конструкции серпов можно судить по одному хорошо сохранившемуся инструменту (рис. 2, № 2817), представляющему собой изогнутый по параболической кривой широкий нож с острием на одном конце; на другом конце клинок серпа через колено переходит в черенок. Размеры серпа: по длине лезвия – около 40 см, по ширине полотна – 1,8–3,6 см. Форма режущей части любого ножа, а значит, и серпа определяется необходимостью обеспечения одинакового усилия, возникающего при резании, в любой точке лезвия. Постоянство усилий в любой точке режущей

кромки серпа достигалось специфическим изгибом инструмента, с помощью которого обеспечивалось постоянство угла A^* в любой точке лезвия ножа [Родионов, 1992, рис. 24]. Известно, что оптимальный угол A составляет 51° . Угол A анализируемого экземпляра почти идеален – 50° . Помимо общих черт, присущих серпам, рассматриваемый инструмент имеет одну конструктивную особенность. Она заключается в том, что острие клинка выполнено в виде плоского, прямоугольного в сечении клина, без лезвия. Длина отмеченной детали составляет 5,5 см. Объяснением острия такой формы служит механизм жатвы серпом: «При жатве жнец держит серп в правой руке, отделяет им часть стеблей от основной массы, левой рукой сжимает эту часть стеблей и быстрым движением серпа срезает их» [Там же, с. 73]. Исходя из этого, очевидно, что острие серпа без лезвия способствует более эффективному отделению части стеблей в процессе жатвы.

Микроструктурное изучение серпов показало, что два из них откованы из сырцової, неравномерно науглероженной стали (рис. 2, № 2817, 2821), один – из «пакетной» стальной заготовки (рис. 1, № 2403). Последний из них закален в воде. Структура закаленной стали – крупноиглочатый мартенсит. Микротвердость мартенсита – 707–890 кг/кв. мм.

Оковки лопат. Как свидетельствуют археологические источники, определенная часть землекопных лопат делалась из дерева и оковывалась железом. Металлографически изучено два экземпляра железных оковок вытянутой трапециевидной формы. Режущая часть располагалась на самой длинной стороне изделия. Над лезвием находилась V-образная втулка для крепления оковки к деревянной лопасти лопаты двумя скобами (одна из которых сохранилась в поковке), вбитыми в специальные отверстия и отогнутыми в сторону черенка. Размеры металлических оковок: длина – 18 см и 20,4 см; высота – 4,8 см и 7 см (рис. 1, № 2825; рис. 4, № 2824, с. 434; рис. 6: 3).

Микроструктурное исследование образцов металла показало, что оковки лопат изготовлены из простого железа и малоуглеродистой стали, концентрация углерода в которой не превышает 0,1 %.

Полость втулки сформирована с помощью кузнечной сварки боковых граней пластин.

Деревообделочные инструменты. В изученной коллекции деревообделочные инструменты представлены стругом (скобелем), резцом от рубанка и четырьмя плотницкими чертами.

Струг (скобель) – инструмент в виде изогнутого ножа с двумя поперечными ручками, служивший преимущественно для снятия коры, обстругивания бревен, досок и т. п. Исторические документы XVI–XVII вв. упоминают отдельные разновидности скобелей в зависимости от формы и назначения – скобель мастеровой, бревенный, стеной [Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 24, с. 214]. Имеющийся в коллекции скобель сохранился фрагментарно. Металлографическое изучение металла шлифа, взятого на поперечном сечении лезвия, показало, что инструмент изготовлен в технике боковой наварки стального лезвия на железную основу (рис. 3, № 2795, с. 432).

Резец от рубанка. Рубанок являлся деревообрабатывающим инструментом для строгания. Появление слов «рубанок», «рубан» в русском языке фиксируется с XVIII в. Для их объяснения используется слово «струг» (так называли инструмент, употреблявшийся в плотничной работе для обстругивания («стружения») и «глажения» дерева) [Словарь Академии Российской, ч. V, с. 179]. Более известен этот инструмент в рассматриваемое время под термином «струг», при описании которого упомянуты все наиболее важные детали, присущие современному рубанку: «Струг – орудие, столярами употребляемое, состоящее из деревянной колодки, посредине коей – отверстие, в которое вкладывается плоское железо, с одного конца заостренное и прикрепляемое клином, служит для глажения дерева» [Там же, с. 901].

Столярный инструмент для строгания под названием «струг» был известен у русских и в более раннее время. Однако отождествлять его с рубанком нет достаточных оснований. Данные XVII в., с одной стороны, указывают, что слово «струг» употреблялось как синоним слова «скобель»; с другой стороны, описание работы стругом соответствует описанию строгания скобелем, имеющим дугообразное лезвие: «Стругом строгать, чтоб сердцевая сторона мало была погорбатее, а другая пологоватее [Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 28, с. 196].

Рассматриваемый резец представляет собой вытянутую трапециевидную пластину с прямым лезвием и закругленными краями. Как показали исследования, резец был откован из стали и подвергнут закалке в воде (рис. 3, № 2786, с. 432; рис. 5: 3, с. 435). Микроструктура образца металла состоит из мартенсита. Микротвердость мартенсита – 430–472 кг/кв. мм.

Черта – плотницкий инструмент для разметки продольного паза и угловых врубок, используемый при рубке деревянных срубов. В русских документах известно упоминание указанного инструмента, относящееся к 1679 г.: «Платил Михаилу Чернавину две денги, сковал черту для рубки воеводских хором» [Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 22, с. 228]. Технологическому изучению подвергнуто четыре экземпляра разных форм.

Три из них имеют конфигурацию циркуля и изготовлены по единой технологии. С помощью горячейковки из единого стержня формировались две ножки, одна из которых оформлялась в виде шила, другая – в виде тонкой полоски с лезвием (в форме ласточкиного хвоста) на конце. Заключительной операцией являлось перегибание ножек, осуществляемое таким образом, чтобы в месте перегиба образовалась петля, выполнявшая роль пружины в случае изменения расстояния между ножками. В качестве исходного материала мастера использовали

* Угол A – угол между прямой, проведенной из точки O , расположенной на оси симметрии рукоятки, в какую-либо точку лезвия ножа, и касательной в этой точке к кривой лезвия.

кричное железо (рис. 3, № 2778, 2779, с. 432) и близкое ему по физическим свойствам частично науглероженное железо (рис. 3, № 2791).

Одна черта в рассматриваемой коллекции имеет форму вилки с изогнутыми и острыми концами. Употреблялся этот инструмент для разметки стыковочной доски. Как показали анализы, изготовлена черта обычными методамиковки металла в горячем состоянии. Исходным материалом послужила неравномерно науглероженная сталь. Готовое изделие было подвергнуто мягкой закалке. Структурное состояние стали – сорбит (рис. 3, № 2784).

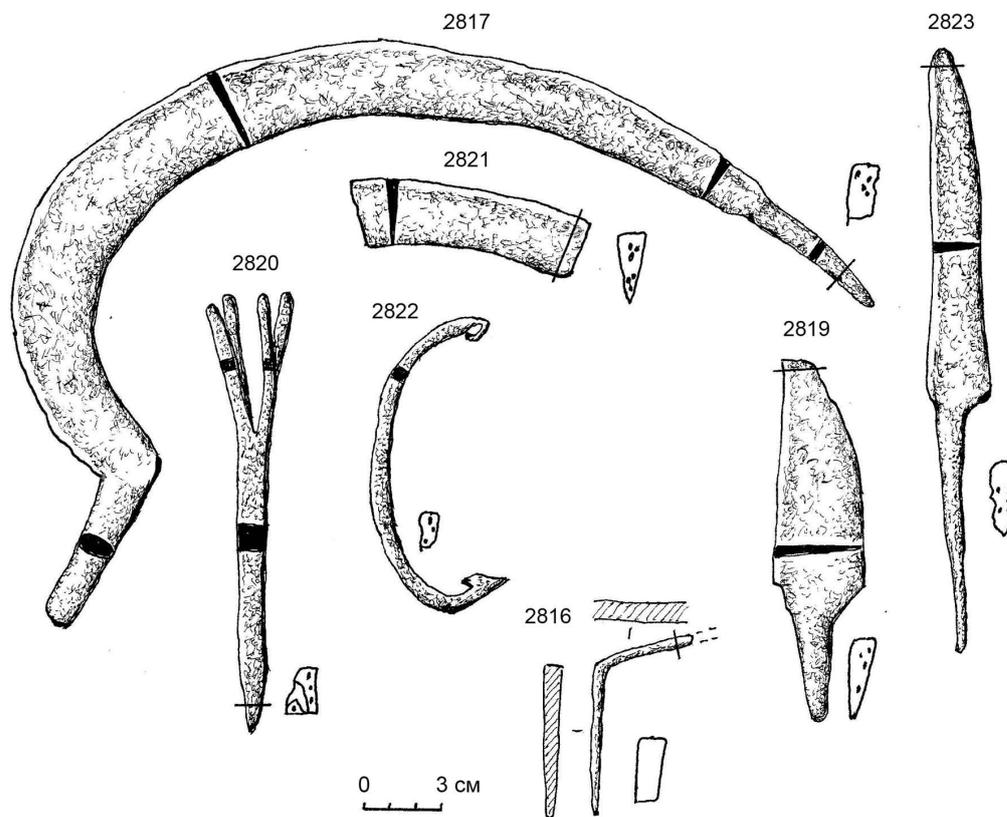

Рис. 2. Поселение Ананьино-I. Технологические схемы сельскохозяйственного инвентаря, бытовых предметов: № 2819, 2823 – ножи; № 2817, 2821 – серпы; № 2822 – рыболовный крючок; № 2820 – светец; № 2816 – фрагмент скобы

Рыболовные снасти. Предпосылками развития рыболовства у жителей д. Ананьино было выгодное географическое положение вблизи одноименного озера и Иртыша, а также наличие древнерусских рыбопромысловых традиций. Последнее отмечается и в специальном исследовании И. В. Балюнова [2014, с. 16]. Другой источник свидетельствует, что в XVII–XVIII вв. в районе Тары, вблизи д. Ананьино, рыбу ловили неводами, бреднями, сетями, сайпами, кривдами, переметами, мордами, удою [Гончаров и др., 2014, с. 16]. Из всего разнообразия перечисленного рыболовного инвентаря в археологических коллекциях представлены металлические элементы острог и рыболовные крючки.

Железные наконечники острог являются частями составных двузубых или трехзубых острог. Описания указанной рыболовной снасти содержатся в словарях русского языка XVII и XVIII вв. и по содержанию во многом схожи. Их суть: «Острога – орудие рыболовное наподобие вил, насаждаемое на древко, с двумя или тремя рожками с зазубринами на конце» [Словарь русского языка XI–XVII вв., вып. 24, с. 214; Словарь Академии Российской, ч. IV, с. 655].

Технологическому изучению подвергнуто пять наконечников острог (зубьев). Все они одношипные, различаются размерами, формой зуба и оформлением черенка. По форме зубьев они подразделяются на два типа: 1 – дугообразные (рис. 3, № 2827, 2841, 2848, 2851); 2 – с небольшим коленом и изогнутым черенком (рис. 3, № 2849). Три зуба первого типа имеют приостренный черенок и прямоугольное сечение стержня, один из них – округлого сечения. Длина зубьев колеблется от 8,6 до 12,4 см. Как показали микроструктурные исследования, два наконечника откованы из кричного железа (рис. 3, № 2827, 2841), один – из трехслойной заготовки с различной концентрацией углерода в слоях (рис. 3, № 2848) и еще один – в технике трехслойной сварки (рис. 3, № 2851). В качестве дополнительных упрочняющих операций использовалась мягкая (№ 2848) и твердая (№ 2851) закалка. Структурное состояние закаленных сталей – сорбит и бейнит. Микротвердость бейнита – 312–324 кг/кв. мм.

Наконечник остроги второго типа имеет небольшое колено на стержне прямоугольного сечения, переходящем в изогнутый черенок. Длина его около 14,7 см. Отковано изделие из многослойной заготовки. Готовое изделие подвергнуто мягкой закалке. Структура закаленной стали состоит из сорбита (рис. 3, № 2849).

Рыболовные крючки относятся к важнейшим элементам крючковых снастей. Представленные в коллекции экземпляры очень крупные, индивидуальных форм, с толстым цевьем прямоугольного сечения. У большинства находок цевье с петелькой для крепления. У одного крючка кончик цевья расклепан. Все изученные поковки имеют на жале острую бородку. Длина изделий колеблется от 8,9 до 12,5 см. В рыболовном промысле крупные крючки были предназначены для ловли крупной рыбы с помощью живца или самоловов. В русском языке XVII в. они обозначались различными названиями: «кованцы большие», «уды осетровые», «крюки удебные» [*Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 8, с. 97].

Технологическому изучению подвергнуто пять рыболовных крючков. Микроструктурные исследования показали, что изготовлены они обычными методамиковки металла в горячем состоянии, с помощью которых заготовке придавалась необходимая форма. В качестве исходного сырья кузнецы использовали кричное железо (рис. 3, № 7994, 2843, 2846) и неравномерно науглероженную сталь (рис. 2, № 2822; рис. 3, № 2836).

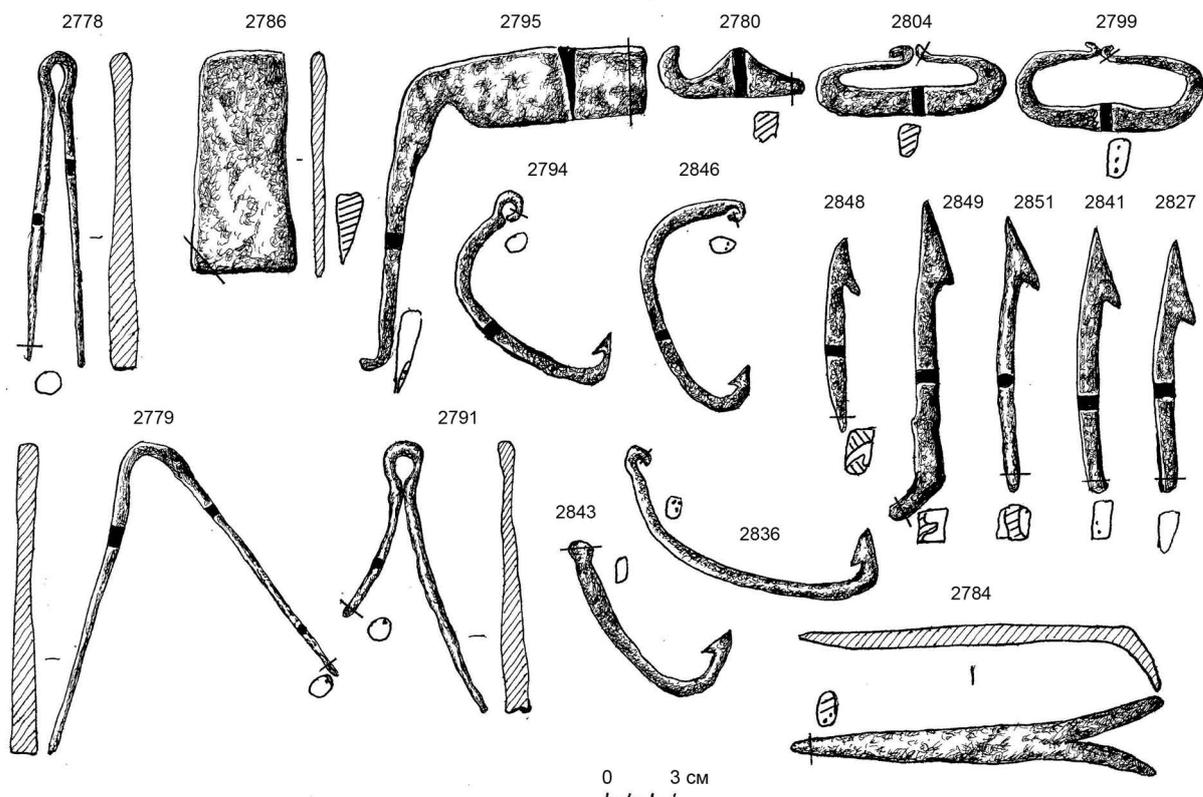

Рис. 3. Поселение Ананьино-I. Технологические схемы строительных орудий, кресал, рыболовных снастей: № 2795 – струг (скобель); № 2786 – резец от рубанка; № 2778, 2779, 2784, 2791 – черты; № 2827, 2841, 2840, 2849, 2851 – наконечники острог; № 2794, 2836, 2843, 2846 – рыболовные крючки; № 2780, 2799, 2804 – кресала

Бытовой инвентарь. В данную категорию включены предметы домашнего обихода непромышленного назначения: светцы, кресала, обувные поковки. *Светцы* – одна из разновидностей осветительных приборов. Благодаря своей дешевизне и доступности, они широко использовались в деревенском быту. Конструкция их предельно проста и состоит из четырехгранного стержня, увенчанного четырехрожковым зажимом для лучины; для удобства размещения в подставке концы светцев приострены. Изготовлены светцы обычными методами пластической обработки металла в горячем состоянии из неравномерно науглероженной стали (рис. 1, № 2406, с. 429) и «пакетной» заготовки (рис. 2, № 2820, с. 431).

Кресала – приборы для высекания огня. В русском языке XVII–XVIII вв. кресало обычно называли «огнивом», «огнивецом» (уменьшительно-ласкательное от огнива) или «огнивишком» (уничижительно) [*Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 12, с. 242–243; *Словарь Академии Российской*, ч. IV, с. 616]. В полный комплект прибора входили трут, кремль, огниво. Для металлографического исследования взяты три образца, один из которых – об-

ломок. По своей форме изученные экземпляры относятся к типу калачевидных кресал. Размеры целых изделий: длина – 8,3 и 8,4 см; высота – 3,2 и 4 см. Результаты металлографии показывают, что технология производства кресал ограничивалась обычными методами пластической обработки металла. В качестве исходного сырья кузнецы использовали сталь различного качества, в том числе малоуглеродистую сталь (рис. 3, № 2799), сталь с неравномерным распределением углерода по сечению (рис. 3, № 2780). Качество стали одного из экземпляров не поддается определению, так как металл находится в метастабильном состоянии (закален) (рис. 3, № 2804). Закалка кресал, отмеченная на двух экземплярах, значительно улучшала рабочие свойства изделий. Микроструктуры закаленных сталей представлены мартенситом (№ 2780) и сорбитом (№ 2804). Известно, что закалка обеспечивала повышенную хрупкость металла, облегчавшую отрыв мельчайших частиц стали при ударе кремнем. Кроме того, необходимо отметить, что при изготовлении кресал мастера использовали исключительно углеродистую сталь. Наличие углерода в металле повышало температуру высекаемых искр. Тем самым углерод благоприятным образом воздействовал на процесс получения огня.

Обувные подковки предохраняли каблук от быстрого износа. В исторических документах XVII–XVIII вв. они обозначены терминами «скобы сапожные» и «скобы». Достаточно полное содержание наименований дает «Словарь Академии Российской» (XVIII в.): «Так называется железная пластинка по мере обуви наподобие подковы сделанная, подколачиваемая под каблуки башмаков и сапогов» [*Словарь Академии Российской*, ч. V, с. 479. См. также: *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 24, с. 214].

В изученной коллекции содержится восемь подковок. По способу крепления, в соответствии с известной классификацией [*Векслер и др.*, 1997], обувные подковки подразделяются на набивные (рис. 4, № 2788, 2840, 2850, с. 434) и комбинированные (рис. 4, № 2832, 2838, 2839). По археологическим материалам соседнего Тобольска [*Балунов*, 2012] набойки на гвоздевом соединении в слое XVII в. не обнаружены. В археологии Москвы они зафиксированы лишь в слое XVIII в. [*Векслер и др.*, 1997, с. 114].

Кроме традиционных подковок дугообразной формы, в коллекции д. Ананьино содержится две пластинчатые набойки. Специфический изгиб и расположение гвоздевых отверстий свидетельствуют о том, что они крепились одной стороной на каблук, а другой – на прилегающую часть подошвы и, таким образом, предохраняли каблук сверху и спереди.

Микроструктурное изучение описанных находок показало, что большая часть их (5 экз.) откована из обычного кричного железа (рис. 4, № 2829, 2835, 2838, 2839, 2850; рис. 6: 2, с. 436), два экземпляра – из неравномерно науглероженной стали (рис. 4, № 2832, 2840) и один – из двуслойной (железо и сталь) сварной заготовки, явно случайного происхождения, с последующим ускоренным охлаждением поковки (рис. 4, № 2788).

Скобяные изделия. К данной группе кузнечных поковок относятся небольшие металлические изделия, которые применялись при строительных, столярных и плотничьих работах. В их число входят шарнирные навесы, скобы, крючки, ручки.

Шарнирные навесы представляют собой механизм вращения, служащий для навески дверных полотен, деревянных ставней, крышек сундуков, ларцов и т. п. Их размеры прямо пропорциональны размерам и весу деталей, которые они несут. Судя по размерам и толщине металла, изученные навесы рассчитаны на небольшой вес несущих деревянных компонентов. Конструкция представленных в коллекции изделий очень проста. Навесы состоят из двух разъемных деталей – крыльев с элементами шарнирного механизма (опорные пальцы и петли). Соединение двух частей механизма обеспечивает их вращение при эксплуатации. Форма крыльев – треугольная и трапециевидная. По данным микроструктурного анализа, откованы навесы из неравномерно науглероженной стали (рис. 4, № 2830, 2833) и низкокачественной «пакетной» заготовки (рис. 4, № 2828).

Скобы. Этот вид кузнечных поковок представляет собой железную полосу различной длины, с заостренными концами, чаще всего изогнутыми в виде буквы П. По назначению скобы подразделялись на крепежные, воротные, калиточные, дверные, сундучные и др. В русском языке термин «скоба» известен с XVII–XVIII вв.

В изученной коллекции представлены три экземпляра: один – крепежная скоба (рис. 4, № 2837), один – для навешивания замка (судя по размерам, скорее всего, сундучная) (рис. 4, № 2847) и один – в виде фрагмента (рис. 2, № 2816). Все скобы просты в изготовлении. Производство их ограничивалось обычными приемамиковки металла в горячем состоянии. В качестве сырья дляковки скоб использовалось кричное железо (рис. 2, № 2816) или различного качества сталь (рис. 4, № 2837, 2847). Одна скоба подвергнута закалке. Микроструктура закаленной стали состоит из бейнита (№ 2847).

Запорный крючок. Металлографически изучен один миниатюрный экземпляр, предназначавшийся, скорее всего, для запираения небольших дверных створок. Откован крючок из двуслойной сварной заготовки, состоящей из железа (феррит) и неравномерно науглероженного металла (феррито-перлит, переходящий в феррит) (рис. 4, № 2834).

Ручка. Исследованная находка относится к типу ручки-скобки с отогнутыми концами, способствующими креплению ее к деревянной поверхности с помощью петель пробоев. Весьма вероятно также ее использование в бондарном деле, где ручки могли служить для переноски небольших бочонков или являлись необходимой деталью крышек маленьких кадушек (как это практикуется в настоящее время [см.: *Федотов*, 1991]). Как показали микроструктурные исследования, ручка была изготовлена из кричного железа (рис. 4, № 2826).

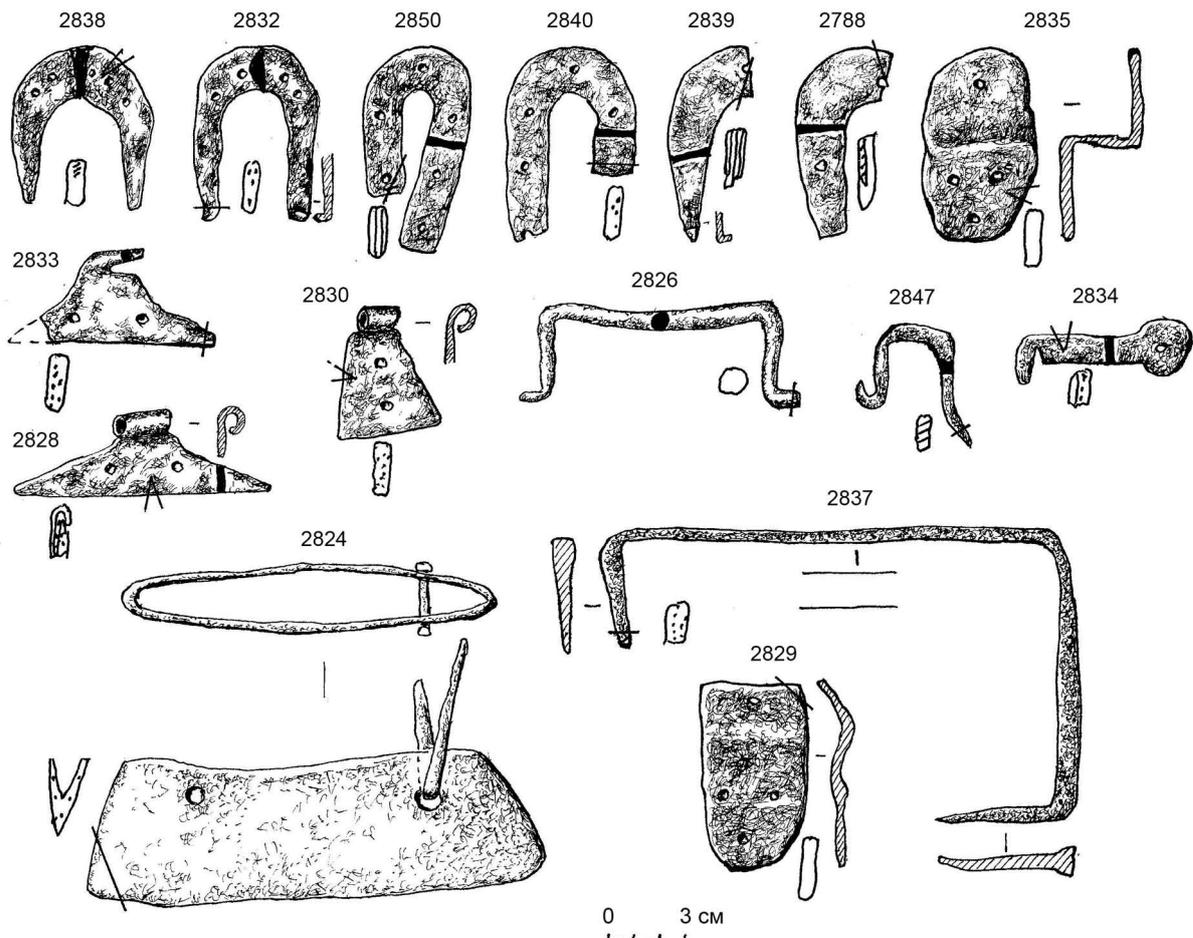
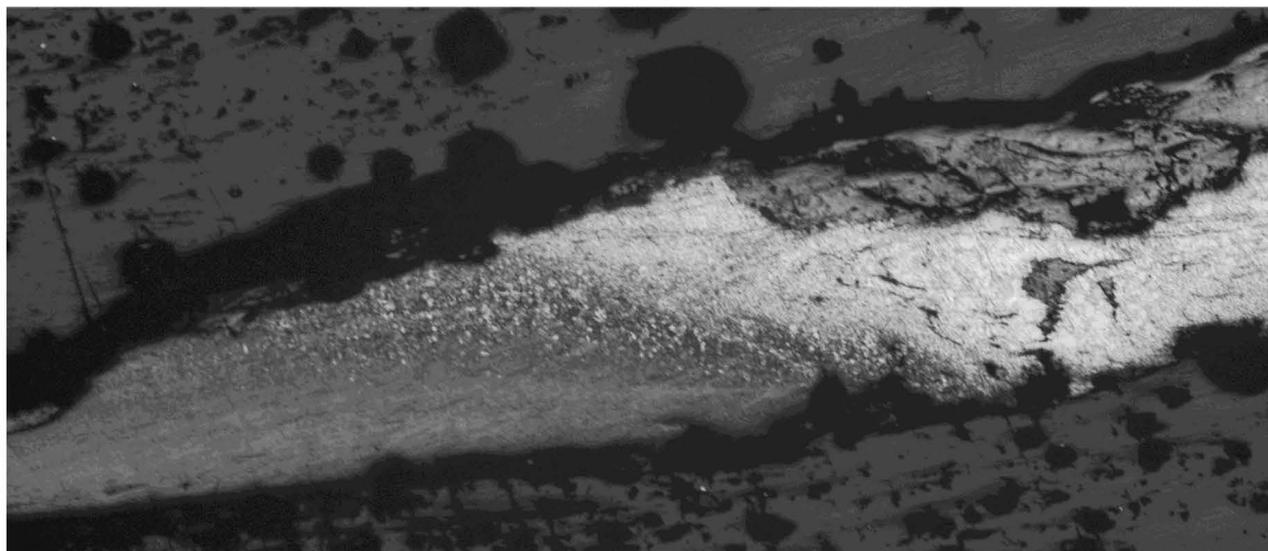

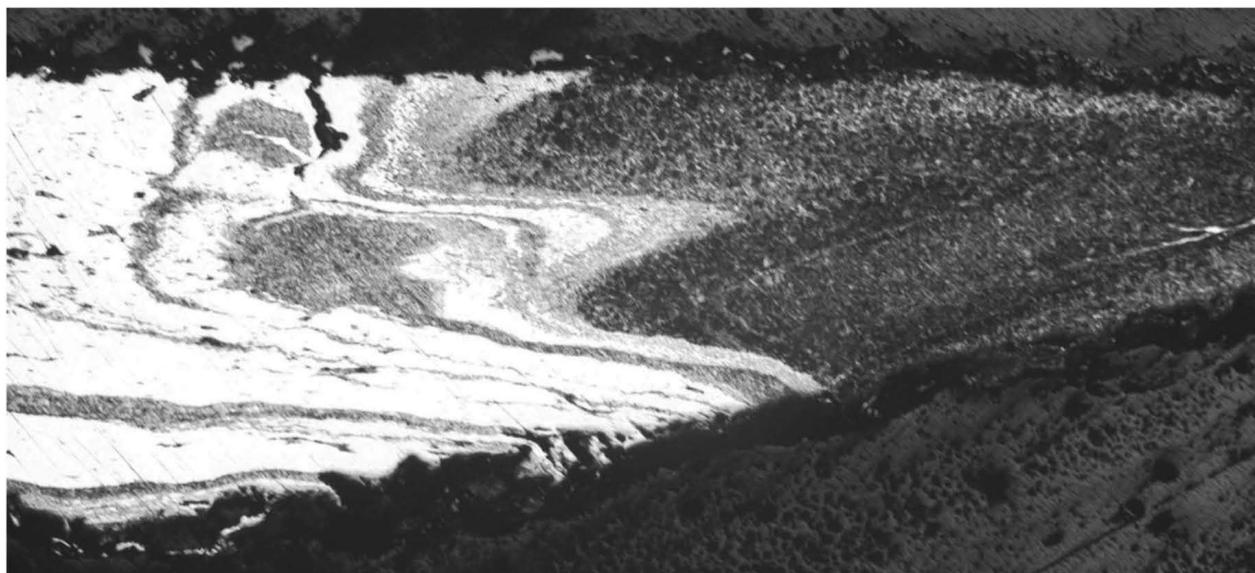
Рис. 4. Поселение Ананьино-I. Технологические схемы металлических деталей обуви, сундуков, орудий труда:
 № 2824 – оковка лопаты; № 2788, 2829, 2832, 2833, 2835, 2838, 2839, 2840, 2850 – обувные подковки;
 № 2828, 2830, 2833 – шарнирные навесы; № 2837 и 2847 – скобы; № 2834 – запорный крючок; № 2826 – ручка-скобка

Таким образом, металлографическому исследованию была подвергнута обширная коллекция кузнечных изделий из железа и стали, состоящая из 56 предметов. Номенклатура изделий включает 15 наименований. С учетом не вошедших в изученную коллекцию находок (топор, ножницы, фрагменты чугунной посуды, наконечники стрел, замки, ключи, предметы конской сбруи, гвозди, пробойи, швейные иглы и др.), общая номенклатура кузнечной продукции д. Ананьино достигает 35 категорий. Полученные аналитические материалы дают нам представление об уровне развития технологии металлообрабатывающего производства в Тарском Прииртышье, качестве и составе основных орудий труда и бытовой утвари, а также представляют дополнительные сведения о степени обеспеченности местных жителей металлическим инвентарем. Кроме того, они уточняют наши воззрения о хозяйственных занятиях и промыслах крестьянского населения в изучаемом регионе. Металлографическое исследование археологической коллекции д. Ананьино свидетельствует, что производство различных видов металлических изделий осуществлялось с помощью кузнечной техники обработки железа и стали. При этом использовались традиционные для русских технологические операции: 1) свободнаяковка металла в горячем состоянии (включая рубку и прошивку отверстий); 2) наварка стального лезвия на железную основу; 3) сварка двух и более кусков металла; 4) закалка изделий.

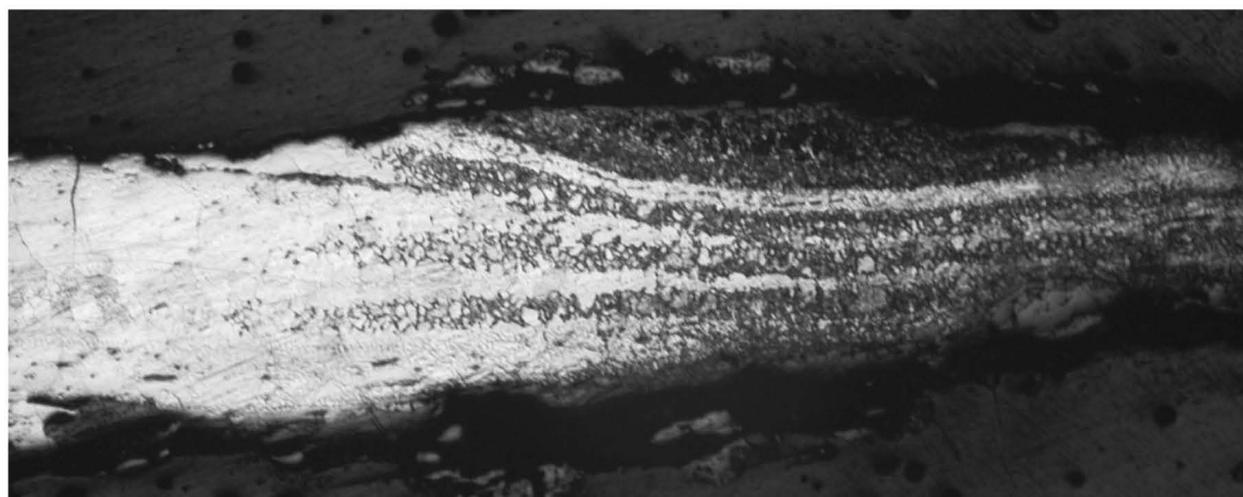
Использование конкретных технологических схем и приемов обуславливалось техническими требованиями эксплуатации выпускаемых изделий. Наиболее высокие требования предъявлялись к режущим инструментам, для их производства использовались две технологические схемы. Наибольшее применение получилаковка цельносталевых изделий (63 %). Вторым технологическим приемом являлась наварка стального лезвия на железную основу. В соответствии с ней изготовлено 37 % поковок. В качестве упрочняющих операций кузнецы применяли различные режимы закалки стали (57 % изделий). Особое место среди кузнечных поковок занимали кресала. Изготовлены они из стали различного качества, в соответствии с основными требованиями эксплуатации. Два кресала из трех подвергнуты термообработке (закалке). Все остальные изделия, эксплуатация которых не требовала высоких характеристик металла, откованы из подручного, как правило, менее качественного материала.

25x

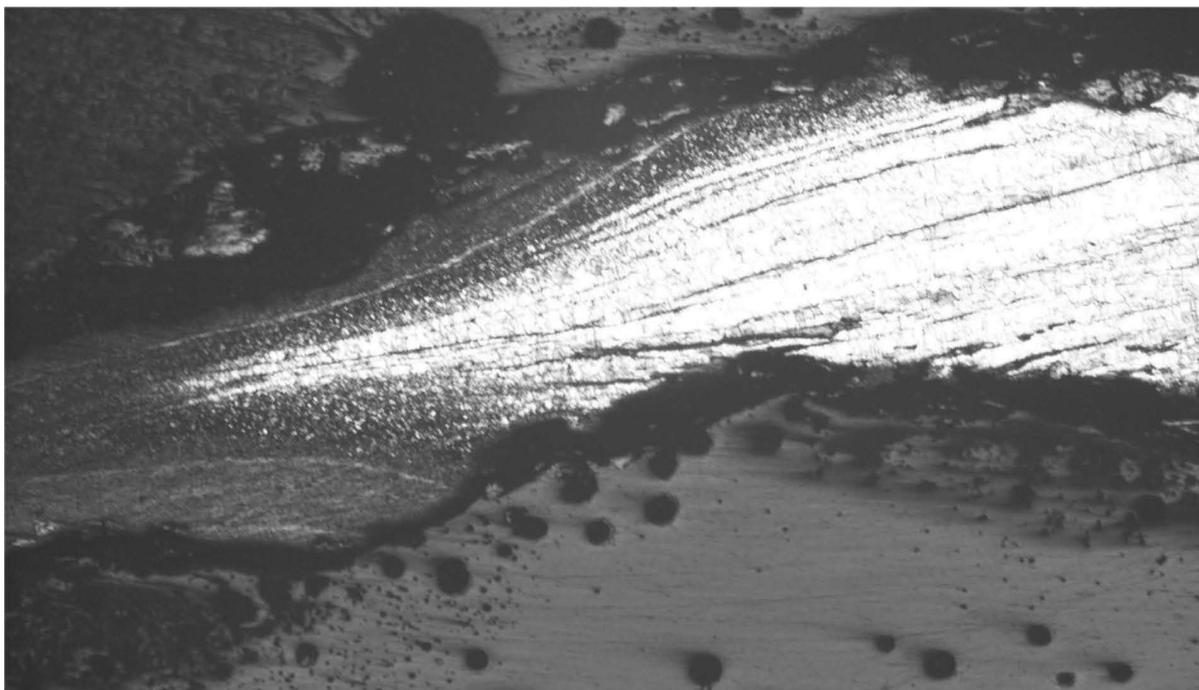

25x

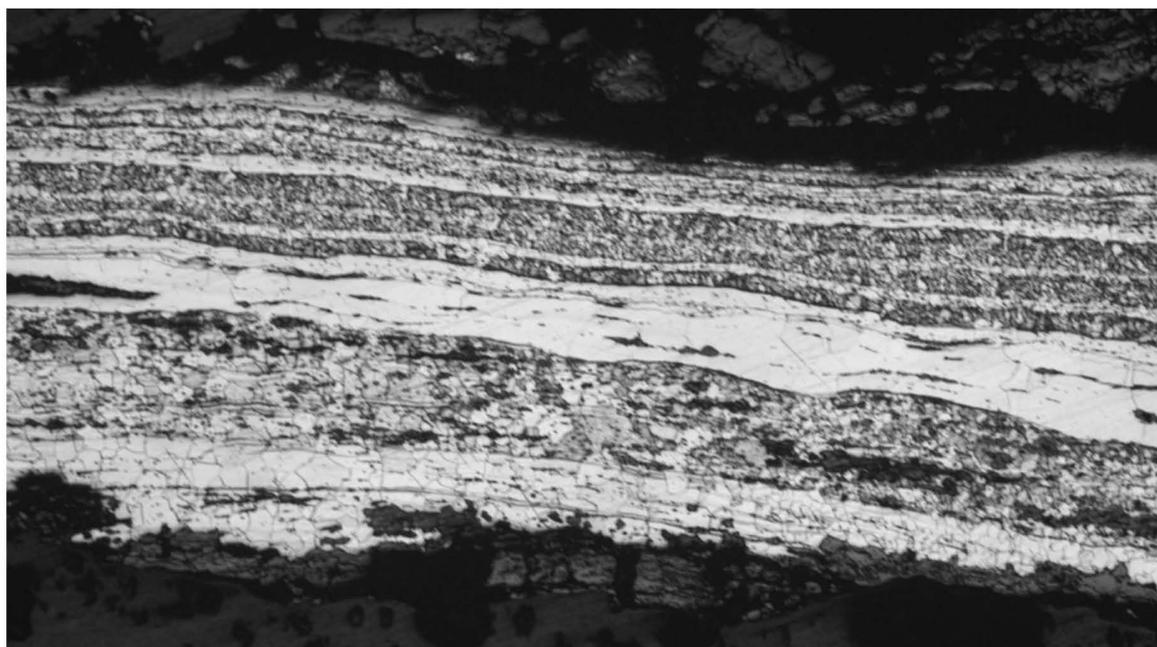

25x

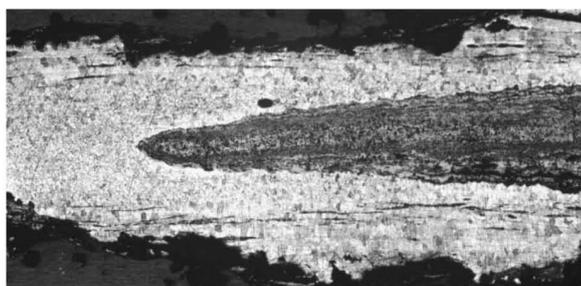
Рис. 5. Микроструктуры:
1 – нож, № 2785; 2 – нож, № 2803; 3 – скобель, № 2795

25x

50x

25x

Рис. 6. Микроструктуры:

1 – нож, № 2798; 2 – обувная подковка, № 2839; 3 – оковка лопаты, № 2824

В заключение необходимо отметить, что полученные материалы подтверждают отмеченную ранее автором общую тенденцию развития металлообрабатывающего производства русского населения Западной Сибири в изучаемый период, характеризующуюся параллельным использованием сварных и цельностальных конструкций уже с XVII в., с постепенным возрастанием доли последних в последующее время.

Балюнов И. В. Обувные подковки г. Тобольска XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2012. – № 2. – С. 56–59.

Балюнов И. В. Материальная культура населения города Тобольска конца XVI–XVII веков : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тобольск, 2014. – 23 с.

Буцинский П. И. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. – Харьков : Тип. губ. правления, 1889. – 327 с.

Векслер А. Г., Лихтер Ю. А., Осипов Д. О. Обувные подковки XVI–XVIII вв. // РА. – 1997. – № 3. – С. 114–119.

Гончаров Ю. М., Ивонин А. Р. Социально-экономическое развитие Тары в конце XVI – конце XVIII века // Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша. – Омск, 2014. – С. 87–125.

Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Труды Новгородской археологической экспедиции. – М., 1959. – Т. 2. – С. 7–120.

Миллер Г. Ф. История Сибири. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. – Т. 1. – 684 с.

Родионов Н. Н. Коси, коса // Сделай сам. – М., 1992. – № 2. – С. 44–86.

Словарь Академии российской. – СПб., 1792. – Ч. III. – 1388 с.

Словарь Академии российской. – СПб., 1793. – Ч. IV. – 1272 с.

Словарь Академии российской. – СПб., 1794. – Ч. V. – 1084 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 1975. – Вып. 1. – 371 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 1980. – Вып. 7. – 407 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 1986. – Вып. 8. – 355 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 1986. – Вып. 11. – 456 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 1987. – Вып. 12. – 386 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 1988. – Вып. 14. – 311 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 1997. – Вып. 22. – 306 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 2000. – Вып. 24. – 257 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 2008. – Вып. 28. – 304 с.

Словарь русского языка XVIII века. – Л. : Наука, 1985. – Вып. 2. – 247 с.

Словарь русского языка XVIII века. – СПб. : Наука, 2005. – Вып. 15. – 247 с.

Федотов Г. Я. Секреты бондарного ремесла. – М. : Экология, 1991. – 287 с.

N. M. Zinyakov
Kemerovo State University

BLACK METAL PRODUCTS OF ANANYINO SETTLEMENT IN TARSKI PRIIRTYSHYE: TECHNOLOGICAL CHARACTERISTICS

The article is devoted to metallographic studies of the blacksmith's products of the village of Ananino (17–19th centuries) in Tarski Priirtyshye. The obtained analytical materials give us an idea of the level of development of the technology of metal-working production in the region under study. Metallographic study of the archaeological collection shows that the production of metal products was carried out with the help of four technological operations: 1) free forging of metal; 2) welding the steel blade onto the iron base; 3) welding of two or more pieces of metal; 4) hardening of products. The smiths showed a special attitude towards the production of cutting tools. At their manufacture the greatest distribution has received forging of all-steel products (63 %). The second technological method was the welding of the steel blade onto the iron base (37 %). As hardening operations, the wizard used various quenching modes (57 %). The materials obtained by the author confirm the general tendency of the development of the metalworking industry in Western Siberia, characterized by the parallel use of welded and all-steel structures dating back to the 17th century, and, over time, a gradual increase in the share of the latter.

Keywords: metalworking production, Western Siberia, Russian, metal products from archeological monuments, technology reconstruction.

«ПИТЕЙНОЕ ДЕЛО» В МАНГАЗЕЕ

Статья посвящена проблеме организации торговли и производства «хмельного питья» в Мангазее – первом русском городе Сибирского Заполярья (1601–1672 гг.). Отрывочные, но, безусловно, важные для оценки состояния и характера торговли алкогольными напитками (пивом, медом и «горячим вином») в этом городе сведения содержатся в письменных источниках. Археологические свидетельства этих явлений, полученные в результате раскопок Мангазейского городища, позволили впервые целенаправленно охарактеризовать предметный ряд, связанный с потреблением привозных вин и организацией местного винокурения. Артефакты, характеризующие потребление хмельных напитков, включают фрагменты штофов и иной стеклянной посуды, свинцовые насадки на горловины и крышки с винтовой резьбой, а также крышки жбанчиков для пива и меда.

Уникальная находка 2014 г. – полностью сохранившийся медный куб для выгонки «горячего вина», обнаруженный под слоем пожарища в сожженном в 1631 г. во время вооруженного конфликта воевод А. Ф. Палицына и Г. И. Кокорева амбаре государева кабака. Аналогии этому кубу – «аламбики» из музеев Западной Европы.

Ключевые слова: «горячее вино», кабак, Мангазее, перегонный куб, штоф.

Алкогольная тематика в работах по ранней истории русского заселения Сибири вниманием исследователей не избалована. Как справедливо отмечал в 1890 г. пионер изучения этой проблемы – литератор и краевед Е. В. Кузнецов в статье о первых сибирских кабаках, «нет ни одного труда, который бы целно посвящен был ходу в Сибири винного дела собственно с исторической стороны» [Кузнецов, 1999, с. 262]. Действительно, вопросы, связанные с «питейным делом», российские историки XVIII – начала XX вв. рассматривали попутно, приводя отдельные факты и обращая внимание на его высокую доходность для государственной казны, а также на «физико-нравственный» аспект.

В советский и постсоветский периоды эта проблема рассматривалась историками в рамках работ, посвященных развитию ремесел, торговли, предпринимательства, организации самоуправления и т. п. Единственной специальной работой является монография Д. В. Раева об истории кабаков и кружечных дворов в городах Западной Сибири (XVII – начало XVIII вв.), в которой собраны и проанализированы данные архивных документов по производству и продажам вина, пива и меда [Раев, 2005].

В целом, благодаря архивным разысканиям историков, выявлен и проанализирован ряд документов о производстве и продажах спиртных напитков в Сибири в XVII – начале XVIII вв. (царские грамоты, отписки воевод, челобитные, расходные, питейные, винокуренные и т. п. книги ряда городов). Из эпистолярных источников стали известны некоторые факты, события, имена и даты, а из разного рода книг («питейных», «винокуренных» и т. д.) – ценные сведения о видах, объемах и пропорциях сырья для винокурения и пивоварения, объемах выхода конечного продукта, динамике производства и продаж хмельных напитков. Яркие и живописные зарисовки бытовых сцен, связанных с потреблением спиртного в Московской Руси XVI–XVII вв., оставлены иностранными путешественниками (А. Олеариум, Д. Флетчером, Н. Витсенем и др.).

Оценивая степень изученности «питейного дела» в Сибири XVII–XVIII вв., Д. В. Раев заключил, что к настоящему времени нет «...специальных работ... по кабацкому быту, не изучены до конца проблемы производства и продажи спиртных напитков... и для исследователя остается большое поле деятельности» [Раев, 2005, с. 46–47]. К этому следует добавить, что существенное пополнение круга известных документов, а также выявление принципиально новой информации в архивных источниках сегодня всё же маловероятны. В этой ситуации возможности письменных источников для окончательного решения указанных проблем выглядят если не исчерпанными, то явно недостаточными.

В связи с изложенным, весьма перспективным представляется привлечение к изучению этой проблематики качественно иного вида источников – археологического. Речь идет о материалах из раскопок русских поселений Сибири конца XVI–XVIII вв. Этот информационный ресурс, к сожалению, до сих пор оставался не востребуемым, хотя очевидно, что он может существенно дополнить сведения письменных источников по истории «питейного дела» в Сибири конкретными материальными свидетельствами и новыми фактами. В данной работе в качестве «опытного полигона» выступает Мангазейское городище – остатки знаменитого г. Мангазее, служившего форпостом промыслового освоения Сибирского Заполярья и Приполярья в 1601–1672 гг.

Документальные сведения об организации и состоянии «питейного дела» в Мангазее и Мангазейском уезде отрывочны и немногочисленны. Наиболее информативным документом является отписка тобольского воеводы

князя Ивана Куракина, посланная в Москву в 1620 г., и ответный государев указ об открытии в Мангазее государственного кабака, в соответствии с которым воевода в тот же год отправил в заполярный город тобольского подьячего Никиту Чаплина [Буцинский, 1999, с. 35–37]. Куракин сообщал со слов мангазейских служилых людей, что «...прежние воеводы корыстовались, и торговые и всякие люди меж себя вино и мед продают», а воевода князь Иван Биркин (1615–1618 гг.) «посылал в Турухан на продажу свое вино и мед и взял за то вино и мед больше восьми тысяч рублей» [Там же]. Вырученная Биркиным сумма для того времени была гигантской – не уступала годовым ясачным сборам или денежным доходам, собиравшимся в Мангазее и Туруханском зимовье. Рачительный Куракин даже подсчитал потенциальные доходы для казны в случае открытия в Мангазее государственного кабака, где за 150 ведер вина по цене 15 руб. за ведро можно было получить прибыли 2 070 руб., а с 50 пудов меда – 140 руб., а если продавать хмельные напитки за мягкую рухлядь (меха), то прибыль удваивалась [Буцинский, 1999, с. 36].

Реакция чиновников Сибирского приказа была молниеносной и конкретной: тобольскому воеводе было велено отправить в Мангазею с Чаплиным 200 ведер «вина горячего» и 100 пудов меда (этого количества хватало для получения 1 000 ведер «ставленого» меда – собственно хмельного напитка [Раев, 2005, табл. 5] для продажи по ценам, рекомендованным Куракиным. Чаплину наказывалось продавать хмельные напитки торговым и промышленным людям лишь после того, как те уплатят десятинную пошлину, а инородцам после уплаты ясака. Служилым людям вино и мед продавать запрещалось, чтобы они «не пропились». Для кабака мангазейскому воеводе было приказано передать Чаплину новую избу с амбаром и целовальника из торговых или промышленных людей. Примечательно указание Чаплину *завести приготовление этих напитков на месте* (курсив мой. – С. П.), а в случае нехватки привезенного вина и меда необходимый материал (ржаную муку, солод, хмель, дрожжи и дрова) покупать у торговых людей [Буцинский, 1999, с. 36]. Чаплин эту ситуацию предусмотрел, купив заранее два новых медных котла, «чтоб воду грети для медвяных ставок» [Белов и др., 1981, с. 10]. Неясно, были это обычные котлы или «аламбики» – перегонные кубы, один из которых и был найден нами.

Кроме новой избы и амбара, «под кабацкие запасы» воеводы Дмитрий Погожий и Иван Тонеев выделили Чаплину еще одну избу с сенями «для того, что в одной избе государевы кабацкие запасы и ему, Никите, со служилыми людьми жить и питухом государева питья пить за теснотою не мочно» [Цит. по: Белов, Овсянников, Старков, 1980, с. 73]. Неизвестно, как долго Никита заправлял «питейным делом» в Мангазее, но в верхотурской расходной книге за 1624–1625 гг. упоминается некий Чаплин, посадский человек, варивший и продававший пиво [Квещинская, 1977, с. 104]. Неясно, был ли он тем самым Никитой, или речь идет о его родственнике, также специалисте по производству хмельных напитков и торговле ими.

Важно отметить, что с появлением в Мангазее государственного кабака частным лицам категорически запрещалось ввозить для продажи спиртные напитки и «курить вино». Эти ограничения, видимо, привели к дефициту спиртных напитков в крае, о чем свидетельствуют челобитные на имя государя от торговых и промышленных людей, где они жаловались, что на пушных промыслах «без зайцев и меду никак пробыть нельзя», потому что «цынжают» [Цит. по: Буцинский, 1999, с. 37]. Речь в этом письме не о разрешении добывать зайцев и лакомиться обычным медом, а о хмельных напитках. «Зайцы» – не что иное, как иносказательное название «горячего вина». Этот эвфемизм, к которому вынуждены были прибегнуть просители из «дальней государевой вотчины», возник по принципу смежности понятий: неизменные спутники винокурения – огонь и пар, а в фольклоре образ зайца был тесно связан с огнем. «Зайцами» называли клубы белого пара, выходявшего зимой из теплого помещения [Гура, 2002, с. 175]. Примечательна уверенность челобитчиков в том, что этот жаргонизм государю будет вполне понятен.

В этой ситуации достаточно комфортно чувствовали себя чиновники высоких рангов, которые могли завозить на кочах солидные объемы спиртного для собственных нужд. Так, например, Борис Пушкин в 1633 г. прибыл в Мангазею на воеводство с большими припасами, в числе которых были 200 ведер вина [Белов, Овсянников, Старков, 1980, с. 41]. Чиновники злоупотребляли своими исключительными возможностями и после запрещения частной торговли спиртным, о чем свидетельствуют царские грамоты. Так, в грамоте, посланной в 1636 г. тобольским воеводам Михаилу Темкину-Ростовскому и Андрею Волынскому, царь писал: «Ведомо нам стало, что сибирские воеводы и дьяки, и письменные головы возят с Москвы и иных городов многие меды и вина... сверх своих обиходов для торговли и для бездельных своих прибытков, а будучи в сибирских городах продают те товары на деньги, на лисицы и иную мягкую рухлядь» [Цит. по: Кузнецов, 1999, с. 279]. За организацию «плавучего», по выражению Е. В. Кузнецова, кабака в отношении бывшего енисейского воеводы Павла Хмелевского в 1634 г. было заведено сыскное дело, из которого известно, что он «едучи из Тобольска на Турухан, мед бочками, а вино в скляницы и чарки продавал» [Там же].

Целый ряд свидетельств о злоупотреблениях служебным положением со стороны воевод Г. И. Кокорева и А. Ф. Палицына содержится в их челобитных, где они обвиняли друг друга в пьянстве и наживах на торговле вином. Кокорев сообщал, что его коллега-соперник «пьян по вся дни», по ночам ходит в гости, «...а за ним носят вино в склянцах и во флягах, да и у себя с питухи и с бражки днем пьет и ночи просиживает». В его кутежах однажды принимали участие, например, «...таможенный голова, да поп Степан Борисов, да служилых три человека, и торговые и промышленные люди...» [Цит. по: Бахрушин, 1955, с. 188]. Встречные обвинения, выдвинутые Палицыным, были гораздо серьезнее: речь шла о частной торговле вином, которую Кокорев организовал

не только в Мангазее, но и на Турухане, губя тем самым «государеву златокипящую вотчину всепагубным мечем всеродно поядая». В ханжеском по сути, велеречивом, полном аллегорий послании А. Ф. Палицын под «всепагубным обоюдным мечем... хмелем нарицаемым окаянным» подразумевает вино, которым торговал Кокорев: «...у него, Григория, истекают повсечасные непресыхаемые источники в серебропроводство беспрестанно, день и ночь, во дворе его и под церковью Преч. и Жив. Троицы, а под съезжей избою и большой погреб, и по всему городу, во всех городнях беспрестанные корчма» [Бахрушин, 1955, с. 190]. О винной торговле сына Кокорева и его людей на Турухане Палицын писал, что они «...тех жаждущих людей приятно презрили... вскоре и сторговались, винные свои бочки испразднили... всего платья обнажили» [Там же, с. 189]. В торговле вином участвовала и жена Кокорева: ее «... боярские боярыни вино меняют на деньги» [Там же, с. 196].

Однако и сам Палицын был небезгрешен: о его торговле «заповедными» товарами – вином и табаком доносили Кокореву верные люди: «...ходят де к Андрею многие люди, приносят деньги, и он де у тех людей деньги емлет, а дает тем людям вино боченками и по се число накучено у него привозу 138 года 10 бочек вина, 2 бочки по 40 ведер, а 2 по 30, а 6 по 10 и 12 ведер» [Бахрушин, 1955, с. 191].

Не упускали возможности обогатиться и служилые люди, заводившие тайное винокурение. Организация этого запретного бизнеса непосредственно в уездном центре была проблематична, так как могла обернуться серьезными неприятностями для нарушителей закона, поэтому они, понятное дело, курили вино на периферии уезда, подальше от власти. Об одном из таких предприятий стало известно из челобитной некоего Григория Цыпани-Голубцова, основателя Дыбчасской слободы на юго-востоке уезда, который в 1651 г. жаловался на стрелецкого сотника Дементия Титова, посланного для сбора ясака из Мангазеи на Енисей. Вместо того чтобы собирать ясак в Закаменном зимовье, сотник пришел в Дыбчасскую слободу и поселился на подворье Цыпани, где целую зиму курил вино. Челобитчик сетовал: «...от того курения двор мой со всеми хлебными запасами и со всяким деревенским заводом и с животом сожен, и он Дементий разорил меня до основания: остался я с женишкой и сынишкой душою да телом... из огня ничего не вынесли» [Цит. по: Буцинский, 1999, с. 44].

Итак, из обрывочных сведений письменных источников складывается следующая картина:

1) спиртные напитки – меды и вина – завозились в Мангазею издалека водным путем один раз в году и поэтому были очень дорогими;

2) до 1620 г. снабжение и торговлю спиртными напитками вели частные лица;

3) с открытием в 1620 г. государева кабака торговля спиртным была монополизирована государством, что, впрочем, не было непреодолимым препятствием для воевод, привозивших его в больших объемах и торговавших им вопреки запрету;

4) при кабаке предположительно была создана винокурня, о работе которой косвенно свидетельствуют данные о завозе хмеля из «зборных книг Мангазейского города» за 1633 и 1635 гг., – соответственно, 9 и 13,5 пудов [Белов, Овсянников, Старков, 1981; Бахрушин, 1955, табл. XVIII]; по данным из тобольских винокурных книг конца XVII в., один пуд хмеля тратился на производство 52–53 ведер «горячего вина» [Раев, 2005, табл. 10]. Следовательно, завезенных в эти годы припасов этого сырья должно было хватить на приготовление 468–477 (1633 г.) и 702–715 (1635 г.) ведер вина;

5) в розничной торговле использовались «скляницы» – стеклянные бутылки, ковши и чарки, а в оптовой – бочки и ведра.

Скудные сведения из документов не содержат ответов на целый ряд вопросов, касающихся организации завоза, торговли и производства хмельных напитков в Мангазее, объемов потребления и т. п. В частности, неизвестно, где находился «царев кабак», была ли непосредственно при нем винокурня, что они из себя представляли. Описания сибирских кабаков и винокурен XVII в. неизвестны, но сохранились данные об устройстве таковых в городах европейской части страны. Зачастую кабак был не просто местом, где продавалось «подрядное» вино, а представлял собой производственно-торговый комплекс, включавший собственно кабацкую, или «стояльную», избу, поварню, или винокурню, амбары для хранения сырья для производства браги, подвал и ледник для хранения готовой продукции, избу для проживания целовальника и его подручных. В соответствии с назначением построек в них находились специфические наборы утвари: винные бочки, посуда для питья и розлива, винокурные инструменты – «винные суда, кубы и трубы» и т. п. [Рабинович, 1988, прил. I. с. 280; Раев, 2005, с. 97–102]. Безусловно, концентрацию таких артефактов среди остатков той или иной постройки следует рассматривать как существенный фактор для их идентификации с кабацким и винокурным дворами. Кроме того, к кругу предметов, характеризующих кабацкий быт, надо относить и игорные принадлежности – кости для игры в зернь, шахматы, шашки и карты. Азартные игры были неизменными спутниками «питейного дела», так как способствовали увеличению доходов, что было подмечено современниками: «а как де играют зернью, и в то де время вино государеву в расход идет большой» [Цит. по: Раев, 2005, с. 118].

М. И. Белов, уделивший большое внимание идентификации объектов, вскрытых на Мангазейском городище в 1968–1970 гг. и 1973 г., с постройками, известными из письменных документов, не смог удержаться от соблазна найти остатки кабака. Итогом его поисков стало отождествление со «знаменитым зерновым (правильно – зерновым, т. е. местом для игры в зернь. – С. П.) и питейным заведением», основанным Н. Чаплиным, «большой пятикамерной постройкой в двух строительных горизонтах» на раскопе 18 [Раев, 2005, с. 118]. Анализ археологических

материалов очевидно свидетельствует о несостоятельности точки зрения М. И. Белова. Документальным сведениям не соответствуют ни дендрохронологическая датировка постройки (1625 г.), ни планировочная структура вскрытых остатков построек (изба – сени – клеть и примыкавшая к ним сбоку изба с сенями), ни набор артефактов, найденных в раскопе. Данные о находках из отчета о раскопках и в монографии странным образом расходятся: в первом случае отмечено «почти полное отсутствие находок, что пока трудно объяснить (найлены единичные предметы из кости – заготовки, несколько железных гвоздей)» [Овсянников, 1970, с. 19], а во втором сообщается о найденных в постройках раскопа «керамических изделиях, шарнирных ножницах, железном кресале, костяных деталях упряжи, бронзовой бляхе, фрагментах тигля, “зеркальном стекле”, бисере» [Белов, Овсянников, Старков, 1980, с. 73]. Нетрудно заметить, что даже в «расширенном» списке нет ни одного предмета, который можно было бы связать с функционированием питейного заведения.

В свете новых материалов, полученных в раскопе 2014 г., гораздо предпочтительней представляется отождествление с одной из построек чаплинского кабацкого двора вскрытых остатков амбара, где был обнаружен перегонный куб (в Западной Европе такие кубы называли «аламбиками»). Амбар был выполнен в традиционном для Мангазеи стиле: окладной венец срублен «в обло с выпуском» из бревен (диаметр – 20–25 см), а стены были сложены из досок разобранного коча. В качестве подкладок под окладной венец и лаг использовались обрубки шанпоутов, штевней и кия коча. Размеры сруба в плане – около 5,6 × 5,6 м. Южная стена осталась за пределами раскопа. Амбар был уничтожен пожаром, а слой пожарища оказался перекрыт мощным (до 25–30 см) слоем засыпки из переотложенной материковой глины с линзами печной глины и обломками кирпичей. В слое пожарища и под ним были собраны 515 артефактов, среди которых был и завернутый в рогожу куб для выгонки «горячего» вина (рис. 1, с. 442).

Куб представляет собой полузакрытый горшковидный, снабженный куполообразной крышкой-паросборником и двумя пароотводными трубками котел с широким закругленным плечиком, узким устьем и коротким прямым венчиком (рис. 2, с. 442). Все детали изготовлены из листовой меди. Собственно котел состоит из двух частей, склепанных в верхней трети по окружности. Дно его – плоское, чуть выпуклое. На плечиках приклепаны две дровяные петли, развернутые по оси диаметра. Стенки котла слегка выгнутые и расширенные кверху. Диаметр дна – 17 см, диаметр на уровне плечиков – 23,1 см, диаметр устья – 12,9 см. Высота котла равна его максимальному диаметру и составляет 23 см.

Котел вмещал почти 7 л жидкости, что соответствует половине мерного ведра XVII в. (13,5–13,9 л). Крышка имела форму полусферы с ребристым уступом внизу, коротким (1,3 см) прямым бортиком в устье и приклепанной сверху петлей, сохранившейся частично (рис. 3, с. 442). Сбоку в ней было вырезано овальное (4 × 4,4 см) отверстие, в которое вставлялся конец пароотводной трубки (рис. 4, с. 442). Высота полусферы – 9,3 см, диаметр устья – 12,6 см. Толщина стенок такая же, как и у котла. Бортик устья плотно вставлялся внутрь устья котла до основания уступа. В рабочем положении при нагревании залитой в котел браги под крышкой скапливалось около 0,6 л летучих паров спирта, которые затем поступали в пароотводную трубку. В трубке, проходившей через колоду или бочку, набитую снегом или наполненную холодной водой, пары охлаждались и переходили в жидкое состояние, затем спиртовой конденсат поступал в сосуд-приемник (вероятно, медное ведро). Пароотводная трубка (рис. 5, с. 442) состояла из двух частей длиной около 62 и 68 см и диаметром 4–4,4 см, склепанных из листовой меди толщиной 0,18 см. Загнутые края листов соединялись «в замок», после чего были склепаны. Трубки были подогнаны друг к другу: зауженный конец одной, меньшего диаметра, плотно вставлялся внутрь другой.

В целом, следует отметить высокое качество изготовления, выверенность деталей, что при сложной форме куба требовало от мастера еще и тонкого знания технологической специфики прибора. Очевидно, что такую работу мог осуществить только высококвалифицированный медник, специализировавшийся на изготовлении аламбиков. В отечественной археологии такие изделия неизвестны, а вот обращение к ресурсам Интернета (сайт images.yandex.ru > аламбик) позволило выявить аппараты аналогичной конструкции, отличающиеся лишь нюансами форм (рис. 6–7, с. 442). К сожалению, в этих публикациях отсутствуют точные сведения о происхождении и времени бытования представленных изделий. Известно лишь, что аламбики были широко распространены в Западной Европе (Франции, Португалии, Германии) с XVI в., а конструкция, аналогичная мангазейской, является достаточно простой в сравнении с другими. В свете этих данных мангазейский перегонный аппарат следует отнести к кругу изделий западноевропейского происхождения, каковых в культурном слое памятника немало.

Судя по нагару, сохранившемуся и внутри, и снаружи котла, аппарат был в употреблении. Вероятно, пожар, уничтоживший амбарчик, произошел в теплое время года, в «межсезонье», когда выгонка «горячего вина» не производилась, поэтому аппарат был убран из производственного помещения – поварни. Тот факт, что столь ценное изделие осталось под руинами постройки, объясняется, видимо, гибелью хозяина. Предположительно это могло случиться во время так называемой «войны воевод» в 1630 г., когда сторонники засевавшего в кремле воеводы Г. И. Кокорева, как следует из челобитной его коллеги-соперника А. Ф. Палицына, расстреляли, «иссекли», «розломали до основания» и сожгли более 40 изб и амбаров на посаде [Белов, Овсянников, Старков, 1980, с. 51, 53].

Характеристику своеобразной профессиональной деятельности хозяина амбара существенно дополняют и другие предметы, найденные под его руинами. Среди них – вполне естественные для складского помещения при кабаке остатки «бочкотары» – семь клепок и шесть днищ от шести бочонков высотой 0,8–1,0 м и диаметром

0,37–0,66 м и ведерка вместимостью около 2,6 л, восемь обломков «стекляниц», 33 створки футляров для восковых печатей, которыми опечатывались торговые грузы, а также девять счетных бирок, на которых поперечными нарезками фиксировалось движение товаров и денег. Объем бочек, детали которых были найдены в амбаре, судя по их размерам, варьировался в пределах 10–20 ведер.

Рис. 1. Перегонный куб *in situ* – в слое пожарища на месте кабацкого амбара

Рис. 2. Котел перегонного куба

Рис. 3. Крышка-паросборник перегонного куба

Рис. 4. Котел с крышкой-паросборником

Рис. 5. Перегонный куб в собранном виде

Рис. 6–7. «Аламбики» – медные перегонные кубы из западноевропейских музеев

В северо-восточном углу амбара в слое пожарища залежали рассыпавшиеся 35 серебряных монет. Довольно неожиданным было присутствие в этом же скоплении 19 фальшивых монет (заготовок – ?), нарубленных из оловянного прута (рис. 8, с. 443). По форме и размерам фальшивки были идентичны настоящим монетам, но толщина их была несколько больше – 0,12–0,19 вместо 0,07–0,09 см. Вероятно, эти фальшивки не прошли полный цикл необходимых операций. Для достижения максимального сходства с настоящими монетами их необходимо было отшлифовать, уменьшив тем самым толщину и получив гладкую блестящую поверхность, а затем имитировать надписи и изображения на аверсе и реверсе. Строго говоря, последняя операция была желательна, но не-

обязательна, так как, судя по мангазейской нумизматической коллекции, в обиходе нередко встречались настоящие монеты с совершенно гладкими сторонами, где изображения и буквы были полностью затерты в результате их длительного употребления. Полностью исключать вероятность внедрения в оборот обнаруженных фальшивок в таком несовершенном виде всё же нельзя, потому что всучить такие экземпляры вместе с настоящими монетами нетрезвому завсегдатаю кабака было вполне реально, а в случае каких-либо претензий с его стороны можно было обвинить в мошенничестве самого пострадавшего.

Рис. 8. Заготовки фальшивых монет из кабацкого амбара

Наличие в сгоревшем амбаре достаточно большого количества поддельных монет – любопытный факт к портрету его хозяина. Вообще, кабаки и, соответственно, кабатчики и целовальники (продавцы) заслуженно имели весьма сомнительную репутацию. О широком бытовании разного рода ухищрений, к которым прибегали «винопродавцы» ради собственной корысти, свидетельствуют строки из того же указа об организации государева кабака в Мангазее, где кабатчикам строго наказывалось не воровать, не брать «с питухов лишнего и в вино и мед воды и квасу не прибавлять» [Буцинский, 1999, с. 37]. Искушение немалыми дополнительными прибытками было столь велико, что и целовальников, и кабацких голов, надзиравших за ними, не останавливал даже закон от 1637 г., грозивший смертной казнью за такие злоупотребления [Раев, 2005, с. 80]. В этих обстоятельствах изготовление и сбыт фальшивых монет мангазейским кабатчиком представляется, с одной стороны, поступком дерзким и из ряда вон выходящим, а с другой – вполне ожидаемым. Мангазейские умельцы не были единственными в Сибири фальшивомонетчиками. Сей воровской промысел в эти же годы процветал, в частности, в Тюмени: ямские охотники однажды жаловались, что из выданных им 100 руб. жалованья 28 руб. составляли поддельные оловянные монеты [Буцинский, 1999а, с. 279].

Кабаки, как уже отмечалось, были заведениями многопрофильными, в перечень услуг которых, помимо основной, входила также возможность общаться с продажными женщинами и заниматься азартными играми, не опасаясь преследования со стороны представителей власти. Не был исключением и мангазейский кабак, где наряду с государевой откупной баней и зерновой избой азартные игры были разрешены с условием уплаты десятинной пошлины. Игровой бизнес был очень выгодным занятием, что подтверждается данными о денежных доходах из приходных книг Мангазейского уезда за 1626 и 1627 гг.: с «зернового, карточного и всякой закладной игры» в государеву казну поступили, соответственно, 64 и 68 руб., в то время как «явочная пошлина с меду, пива и браги» составила лишь 6 и 15 руб. [Буцинский, 1999, с. 33]. Справедливости ради отмечу, что, судя по распространению игорных принадлежностей в раскопе 2001–2014 гг., игры велись повсеместно. Тайные «игрецы», конечно, преследовались, подвергались наказаниям и облагались штрафом: в те же 1626 и 1627 гг. с «зерновых судебных дел» в казну поступили 28 и 43 руб. [Там же]. Играли мангазейцы в зернь, карты, шахматы, а также, вероятно, в шашки и какую-то неизвестную игру, в которой использовались костяные и деревянные плоские прямоугольные фишки с резными знаками. Материалы раскопок наглядно свидетельствуют о процветании в Мангазее этих игр. Так, в раскопе 2001–2014 гг. были найдены 133 костяных кубика для игры в зернь, 18 заготовок кубиков, 549 деревянных и 40 костяных шахматных фигурок, 12 шахматных досок, 32 деревянные и 35 костяных фишек. Экспедицией под руководством М. И. Белова было собрано «большое количество» (? – С. П.) кубиков для игры в зернь, 32 костяные и 48 деревянных шахматных фигурок, три шахматные доски, а также «около полутора десятков» костяных фишек [Белов, Овсянников, Старков, 1980, с. 59–60; 1981, с. 42–45].

Пик увлечения азартными играми, вероятно, приходился на начало лета, когда в город съезжались на ежегодную ярмарку торговцы и промышленники с пушницей. В среде «игрецов» орудовали профессиональные игроки и шулеры. Деятельность последних документируется находкой рядом с одной из усадеб первого строительного яруса трех костяных шулерских кубиков для игры в зернь, внутри которых имелись искусно сделанные скрытые полости, куда была залита ртуть, а отверстия в надсверленных точках на боковых гранях были аккуратно залеплены воском. В амбаре, предназначенном не для игр, а для хранения винных запасов и «винных инструментов», были найдены костяной кубик для игры в зернь, деревянная шахматная фигурка, четыре деревянные фишки и заготовка фишки. Значительное количество таких изделий следует ожидать в «стойечной», или «стояльной», избе кабака, где и проводили игры «питухи».

В целом, довольно специфический набор предметов, найденных в амбаре, а также отсутствие в нем таких обычных для мангазейских амбаров изделий, как рыболовные и охотничьи принадлежности, свидетельствуют в пользу его принадлежности к кабацкому комплексу построек. Что из себя представлял этот комплекс, можно будет выяснить после обнаружения «стояльной», или «стойечной», избы и поварни.

Наиболее массовый материал, характеризующий состояние «питейного дела» в Мангазее, – это обломки стеклотары, которая в письменных источниках именовалась «скляницами». В результате раскопок экспедиции НПО «Северная археология – 1», проведенных на территории посада, были собраны 975 фрагментов стеклянной посуды. Этот набор не вполне соответствует изначальному количеству таких артефактов, залежавших в культурном слое, так как работы велись на месте двух смежных раскопов 21-й и 22-й экспедиции Арктического и Антарктического научно-исследовательского института (ААНИИ), где в 1968–1970 гг. и 1973 г. была выбрана лишь верхняя часть культурных напластований. Однако, судя по опубликованным данным, утраты следует признать незначительными: в раскопе 21 было найдено «синее и зеленое стекло» (количество не указано), а в раскопе 22 – несколько обломков штофов [Белов, Старков, 1974, с. 12, 16, 18; Белов, Овсянников, Старков, 1980, с. 71, 82]. Всего же экспедицией ААНИИ в 24 раскопах на площади в 15 тыс. кв. м. было найдено около 300 фрагментов стеклянной посуды от «приблизительно 70 предметов», большая часть которых представлена «штофами разнообразной формы, цвета и величины» [Белов, Овсянников, Старков, 1981, с. 49]. Плотность залегания этих находок в среднем составляет один фрагмент на 50 кв. м. (12 фрагментов на раскоп). Кардинально иная ситуация зафиксирована в результате новых раскопок: плотность залегания – 1 фрагмент на 1,1 кв. м.

Высокая степень хрупкости материала, обусловившая сильную фрагментированность посуды и рассеянность фрагментов на широкой площади, затрудняют определение численности сосудов. Размеры фрагментов варьируются от мелких (1–2 × 1,2 см) до относительно крупных (6–9 × 6–9 см). При этом среди мелких преобладают обломки тонкостенных сосудов, а среди крупных – толстостенные придонные части и донца. Толщина стенок – от 0,12 до 0,32 см, донцев – от 0,4 до 1,2 см. Судя по отдельным относительно крупным фрагментам, в составе посуды были штофы, для которых характерна форма прямых прямоугольных призм со слегка вогнутыми квадратными или подпрямоугольными днищами (10 экз.) размерами от 4,4 × 4,4 см до 5,8–9 × 5,8–9 см (рис. 9, с. 445).

Полные развалы сосудов не встречены. Лишь в одном случае сохранилась верхняя часть небольшой бутылочки цилиндрической формы с диаметром тулова около 4,3 см и горловиной с внутренним диаметром 1,1–1,5 см (рис. 10: 1, с. 445). Внутренние диаметры еще шести горлышек – 1,2–2,4 см.

Скляницы закрывались свинцовыми крышками с внутренней винтовой нарезкой, которые закручивались на свинцовые обоймы с соответствующей внешней нарезкой. Обоймы плотно обхватывали устья горлышек. В новой мангазейской коллекции имеются крышка и две обоймы от разных скляниц. Крышка цилиндрической формы, сверху на ней две узкие кольцевые канавки. Внутренний диаметр крышки около 1,5 см, толщина стенок – 0,46 см, высота – 2,3 см (рис. 10: 2). Одна из обойм частично повреждена, однако сохранилась полностью (рис. 10: 3), от другой остался деформированный выступ с наружной винтовой нарезкой (рис. 10: 4). Целая обойма состояла из двух частей: нижняя диаметром 2,2 см и сужающимся книзу бортиком высотой 0,4 см должна была охватывать основание горлышка штофа диаметром 1,85 см, а верхняя в виде короткого цилиндрического выступа высотой 0,7 см и наружным диаметром 1,46 см имела винтовую нарезку в три витка. Толщина стенок – 0,12–0,23 см. Выступ от второй обоймы повторял форму вышеописанного, имел также три витка нарезки и высоту в 0,7 см, но отличался несколько большим наружным диаметром – 1,65 см. Толщина его стенок – 0,15–0,25 см.

В старой мангазейской коллекции также имелись горлышки штофов, «окантованные свинцом» (описания и данные о количестве в публикации отсутствуют). На одном из горлышек сохранилась «пробка с колечком» высотой 1 см с внутренней винтовой нарезкой [Белов, Овсянников, Старков, 1981, с. 49, табл. 51: 1, 2]. Свинцовые крышки и обоймы с винтовой нарезкой изредка встречались в слоях русских городов XVII – начала XVIII вв. Так, два экземпляра были найдены при раскопках на Великом посаде Москвы [Векслер, 2009, ил. 19-984, 29-1019].

На стенках штофов из Мангазеи имелись наклепные дисковидные медальоны, изготовленные из того же стекла, что и собственно сосуды. Найдены два целых медальона, на которых оттиснуты однотипные клейма в виде четырех параллельных рельефных отрезков, перекрытых рельефной петлей (рис. 10: 5–6). Диаметры медальонов составляют 1,55 и 1,8–1,9 см, толщина соответственно 0,42 и 0,56 см. Стенки штофов с этими медальонами – тонкие (0,12 и 0,2 см), без орнамента; стекло – прозрачное, ярко-зеленого оттенка. Вероятно, благодаря оттискам клейм – печатей (?), именно такие штофы назывались «печатными».

Рис. 9. Днища штофов

Рис. 10. Фрагменты стеклянных бутылок:

1 – верхняя часть бутылки с горловиной; 2 – свинцовая крышка с внутренней винтовой резьбой; 3–4 – свинцовые насадки на горловины штофов с наружной винтовой резьбой; 5–6 – медальоны с клеймами

О том, как выглядели мангазейские штофы, можно судить по единственному полностью реконструированному экземпляру, найденному экспедицией ААНИИ: прямая прямоугольная призма со скругленными углами, коротким цилиндрическим горлышком, окантованным «свинцом с нарезкой; высота – 15,3 см, дно квадратное, со сторонами длиной 7,1 см» [Белов, Овсянников, Старков, 1981, с. 49, рис. 9]. Стенки этого штофа, изготовленного из бесцветного прозрачного стекла, были расписаны стилизованными растительными узорами, выполненными эмалевыми красками белого, желтого, зеленого, розового и голубого оттенков. Этот штоф вмещал около 0,6 л, что составляло около половины емкости мерного штофа XVII в.

У днищ из новой коллекции близкие днищу этого экземпляра размеры, поэтому если они имели аналогичные пропорции, то и вместимость их также варьировалась в тех же пределах, т. е. около половины мерного штофа. Можно предположить, что подобные сосуды именовались «штофиками», «штофчиками» [Даль, 2004, с. 725] или «полуштофами» [Воронина, 2001, с. 405]. Однако нельзя исключить и вероятность бытования в Мангазее «полновесных» штофов: экземпляры с днищами в 9 × 9 см при высоте 20 см могли вмещать около 1,2–1,27 л.

В целом, для мангазейского собрания фрагментов стеклянной тары характерно присутствие сосудов, различающихся по ряду таких признаков, как фактура, толщина и цвет стекла, наличие или отсутствие орнамента, виды узоров и техника их нанесения. Основную часть собрания составляют фрагменты стенок сосудов, которые по тем или иным признакам можно разделить на группы, однако точное определение количества сосудов затруднено: с одной стороны, сходные по ряду параметров фрагменты могли принадлежать разным, но идентичным экземплярам, изготовленным в одной мастерской и завезенным в Мангазею в составе одной партии товара, а с другой – фрагменты разных частей одного сосуда часто отличались одна от другой толщиной, наличием или отсутствием узоров.

Тем не менее анализ достаточно представительной выборки материала позволяет выявить некоторые характерные черты данного собрания остатков стеклотары. Прежде всего, следует отметить, что все сосуды изготовлены из прозрачного стекла, в структуре которого в той или иной степени обязательно присутствовали мелкие воздушные пузырьки. По цвету выделяются шесть групп стекла:

- бесцветное – 46 %,
- так называемое «бутылочное» – различных оттенков зеленого (от бледно-салатного до ярко-зеленого) – 25 %,
- синее – от блеклого синеватого до ярко-синего – 13 %,
- бледное желтовато-зеленое – 7 %,
- голубое – от бледного серовато-голубого до насыщенного голубого – 6 %,
- сиреневое – 3 %.

По фактуре поверхности коллекция почти единообразна: 98 % составляют фрагменты с гладкой поверхностью и лишь около 2 % – фрагменты с рифленой сетчатой. Последние, судя по цвету (бледно-голубому и синеватому) и размерам ячеек сетки, принадлежали не менее чем трем сосудам (штофам – ?).

Более половины (52 %) фрагментов украшены разноцветными узорами, в том числе 47,5 % фрагментов декорированы нитями цветного непрозрачного стекла, навитыми на горячую поверхность сосудов после их формовки и вдавленными в нее «заподлицо» или не до конца, когда они слегка выделялись рельефно. Около 4,5 % фрагментов были расписаны эмалевыми красками.

Узоры из цветных стеклянных полосок покрывали всю поверхность сосудов, различаясь плотностью, шириной и цветом полосок (от 2–3 до 5–7 мм), сочетанием различных цветов. В основном они встречались на сосудах из бесцветного стекла, гораздо реже – на сосудах из голубого, зеленоватого и синего. Прямые или реже волнистые линии на одних сосудах навивались по спирали от дна к горловине, опоясывая их по горизонтали, на других располагались меридионально, проходя от горловины вниз до середины дна (рис. 11, с. 448). На одном сосуде могли использоваться исключительно белые стеклянные нити или чередовались белые и красные (от ярко-красного до вишневого и сургучного оттенков) полосы. Гораздо реже встречалось чередование белых, красных и желтых полосок.

Особо следует отметить, что, наряду со «сплошными» полосками, часто встречались полоски «кружевные», сформированные ажурно переплетенными тончайшими (0,5–0,8 мм) исключительно белыми нитями (рис. 12: 1–2, с. 448). Этот элемент декора известен как «венцианская филигрань» [Лихтер, 2009, с. 110–112].

Штофы и другая стеклянная посуда, декорированные разноцветными накладными стеклянными нитями, встречаются в московских слоях XVI–XVII вв. Ю. А. Лихтер полагает, что такая посуда в это время производилась в западноевропейских мастерских (Венеция, Нидерланды, Германия, Богемия). Это, кроме аналогий в декоре, подтверждается и результатами химического анализа образцов стекла [Там же].

Сосуды, расписанные непрозрачными эмалевыми красками, представлены в мангазейском собрании 43 фрагментами стенок. Судя по цвету стекла и оттенкам красок, они принадлежали 14 экземплярам. Почти все фрагменты – прямые, плоские, что указывает на их принадлежность к штофам. Лишь два фрагмента плавно изогнуты. Стекло – бесцветное (15 фрагментов), ярко-синее (15) и бледно-голубое (13). Роспись – полихромная: в изображениях отмечены сочетания от двух до пяти цветов. Использовались краски салатного, темно-зеленого, голубого, синего, серого, светло-коричневого, красно-коричневого, ярко-желтого и серо-желтого, желтовато-зеленого, белого, бледно-розового, бежевого и золотистого оттенков.

Фрагментарность композиций не позволяет получить сколько-нибудь полное представление о них. Остается констатировать присутствие абстрактно-геометрических (прямоугольные рамки, прямые отрезки) и растительных (пучки побегов, завитки, цветочные розетки) мотивов (рис. 12: 3–8). На одном фрагменте белой краской были нарисованы некие округлые плоды, увенчанные пучком коротких побегов (репа – ?) (рис. 12: 9).

Штофы, расписанные подобными узорами, встречены в слое XVII в. в раскопе 2008 г. на Великом посаде Москвы. По заключению Ю. А. Лихтер, они имеют западноевропейское происхождение. Аналоги одному из них известны в Богемии и Германии [*Лихтер*, 2009, с. 111].

Очевидно, что скляницы использовались для продажи вина «на вынос», но завозились они в Мангазею не в качестве пустой стеклотары, а будучи заполненными дорогими импортными винами. Из письменных источников известно, что в XVI–XVII вв. русская знать и состоятельные жители городов нередко баловали себя «заморским питьем» – испанскими, французскими, «ренскими», бургундскими, венгерскими и другими винами, которые, кстати, даже в царских застольях предпочитали смешивать с водкой [*Кузнецов*, 1999, с. 264; *Раев*, 2005, с. 111]. Эти вина, хотя и в меньших в сравнении с другими горячительными напитками объемах, завозились и в сибирские города. В этом отношении показателен перечень хмельных напитков, выданных в дорогу из царских дворцовых запасов первому Сибирскому и Тобольскому архиепископу Киприану в 1621 г.: «50 ведер вина горячего, ведро романеи доброй, ведро мальвазии, два ведра меду боярского и десять ведер меду цыженого» [*Буцинский*, 1999, с. 210]. В 1636 г. в закромах Софийского дома Сибирской епархии были отмечены 236 ведер вина горячего, 79 ведер меду кислого, 224 ведра пива простого, 35 ведер пива подельного, 13 ведер вина церковного и лишь четверть ведра романеи красной [Там же, с. 279].

Специализированная посуда для питья вин в новой мангазейской коллекции представлена фрагментом подножки рюмки из бесцветного стекла и фрагментом венчика, принадлежавшим предположительно пойлу рюмки, сделанной из стекла бледно-салатного оттенка. Подножка имела форму слабовогнутого диска диаметром 6,3 см, толщиной 0,12–0,16 см. Форма пойла рюмки и его полные размеры из-за небольшой величины фрагмента неясны. Установлено, что диск был отогнут наружу, с внешней стороны под венчиком имеется кольцевой валик с поперечными ложбинками. Диаметр устья – около 6–7 см. Толщина стенок – 0,22–0,32 см. В коллекции из раскопок экспедиции Арктического и Антарктического научно-исследовательского института имеются две ножки от рюмок высотой 6,5 и 5 см. У второй ножки сохранилась подножка [*Белов, Овсянников, Старков*, 1981, с. 50]. Мода на стеклянную посуду, в том числе и рюмки, по мнению М. Г. Рабиновича, распространилась среди рядовых горожан Руси в XVII столетии, «в особенности в его середине и второй половине» [*Рабинович*, 1988, с. 258–259]. Примечательно, что рюмки имелись и среди пожалованной царем и патриархом архиепископу Киприану домашней утвари [*Буцинский*, 1999, с. 209]. Найденные на Мангазейском городище обломки рюмок наглядно свидетельствуют о бытовании этой новомодной посуды для винопития в Мангазее. Оба фрагмента из новой коллекции были найдены в слое нижнего строительного яруса, внутри амбаров, датирующихся 1620-ми гг. При этом следует особо отметить, что подножка рюмки залегала в том же амбаре, где находился и перегонный аппарат. Сведения о местах обнаружения такой посуды в раскопах экспедиции Арктического и Антарктического НИИ в публикации отсутствуют. Вполне можно предположить, что рюмки являлись, прежде всего, аксессуарами кабацкого быта.

Еще до основания мангазейского кабака один из первых жителей города избавился от пришедшего в негодность некогда шикарного оловянного кубка английского производства. Обломок дна этого кубка был найден под засыпкой завалинки постройки 1А, поставленной, судя по дендродатам образцов с бревен сруба, в 1615 г. У кубка было круглое дно диаметром 4,8 см и короткий вертикальный поддон по периметру высотой 1 см. Сохранившаяся нижняя часть стенок высотой до 2 см была обрезана и смята. Толщина дна и стенок – 0,08–0,12 см. Снизу на дне находилась частично затертая литая барельефная композиция из двух фигур – мужчины и женщины, заключенная в двойной ободок из стилизованных колосьев, смыкающихся вверх (рис. 13, с. 449). Достаточно хорошо просматривается правая фигура – мужчина анфас, развернутая к центру. Дженгльмен одет в костюм, характерный для английской знати и состоятельных горожан конца XVI – первой трети XVII вв.: стеганая куртка-дублет с характерным треугольным выступом на животе, с пышными рукавами «буф»; воротник «РАФ» с радиальными складками, «венцианские» стеганые бричзы-«окорока» с продольными складками; сапоги с каблуками и высокая цилиндрическая шляпа с мягкими загнутыми вверх полями [*Мерцалова*, 1972, с. 66, 67, 101–106, ил. 141, 145, 148]. Женская фигура сохранилась хуже – четко различимо лишь длинное широкое платье со складками, полностью закрывающее ноги.

В целом, следует отметить изящность миниатюрных изображений на кубке, тонкую и точную высокохудожественную проработку мелких деталей. Наличие такой композиции на дне, которое окружающие видят только в момент опрокидывания кубка «питухом», дает основание предположить, что подобные композиции не только украшали дно, но и покрывали стенки кубка.

Обнаружение в Мангазее этого изделия заставляет вспомнить о случайной находке на бечевнике под городищем серебряного кубка, на котором было выгравировано имя воеводы Ивана Биркина. Об этой находке, ссылаясь на газетную информацию, сообщил М. И. Белов [*Белов, Овсянников, Старков*, 1980, с. 59]. К сожалению, этот уникальный предмет был утрачен для науки.

Рис. 11. Фрагменты бутылок с разноцветным декором

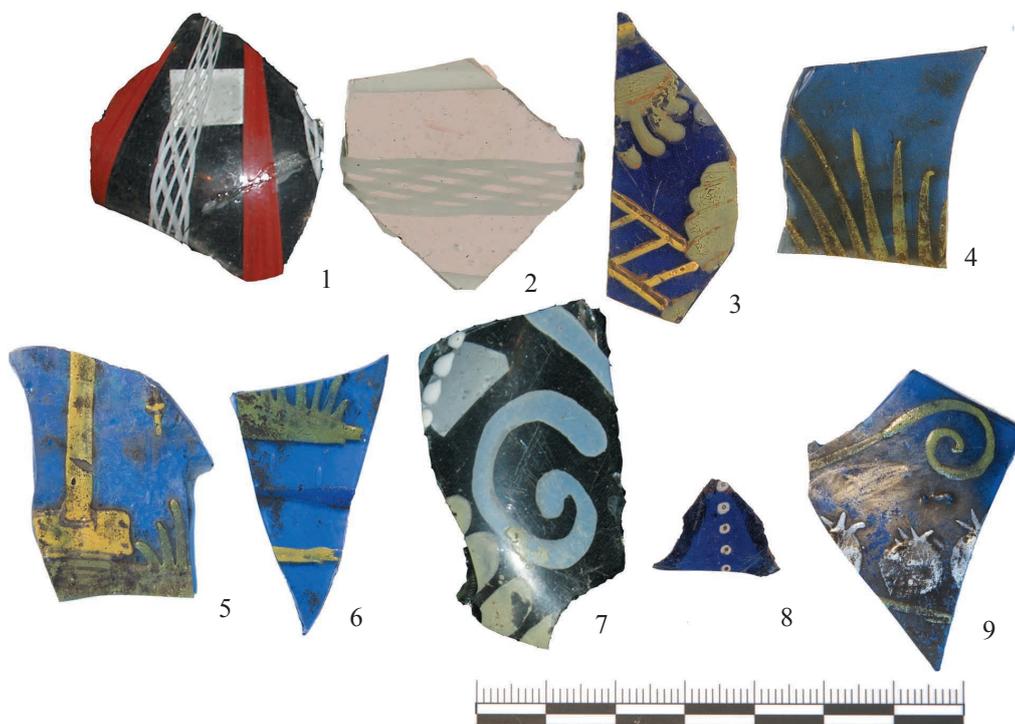

Рис. 12. Декорированные стенки стеклянных сосудов:
1–2 – фрагменты с «венетической филигранью»; 3–9 – фрагменты, расписанные эмалевыми красками

Рис. 13. Днище английского оловянного кубка с барельефной композицией

Безусловно, подобные сосуды для питья были неординарной и дорогой посудой и могли принадлежать лишь некоторым состоятельным горожанам. Например, в описаниях имущества сибирских архиепископов, кроме рюмок, упоминаются сосуды серебряные, медные и оловянные [Буцинский, 1999, с. 209, 295]. Основная же масса потреблявших хмельные напитки (вина, меда и пиво) мангазейцев пользовалась, вероятно, дешевой и доступной посудой – деревянными резными и точеными чарками, ковшиками для питья и т. п. Обломки таких сосудов – достаточно частые находки в культурном слое Мангазейского городища. Обычная посуда для питья, устраивавшая неприхотливых кабацких завсегдатаев XVII в., неприятно поражала привыкших к изысканности случайных посетителей из верхушки общества и иностранцев. Какая посуда была в кабаках, точно неизвестно, но сосланный в Тобольск царем Алексеем Михайловичем в 1660 г. хорватский просветитель и публицист Юрий Крижанич, не конкретизируя, дал краткую эмоциональную характеристику посуды тобольского царского кабака: «А там посуда такая, что годится в свиной хлев» [Кузнецов, 1999, с. 280]. Далее он сообщал, что в гостях при застольях обычно «чарка идет по кругу» [Там же, с. 281].

В целом, собранные материалы лишь частично, отдельными штрихами характеризуют состояние «питейного дела» в Мангазее. Тем не менее реализация информационного ресурса археологических материалов позволила существенно дополнить и конкретизировать сведения из письменных источников по рассматриваемой теме. Так, впервые найденный перегонный аппарат позволил получить наглядное представление о техническом арсенале русских виноделов начала XVII в. Достаточно представительное собрание обломков разнообразной заморской стеклотары дает основание говорить о тесных связях мангазейского рынка с западноевропейскими поставщиками виноградных вин. Нельзя не отметить и высокую насыщенность культурного слоя фрагментами этой посуды: по плотности залегания в слое мангазейский посад (один фрагмент на 1,1 кв. м) значительно превосходит даже Теплые торговые ряды на Великом посаде Москвы (один фрагмент на 9 кв. м) [Векслер, 2009, с. 20; Лихтер, 2009, с. 109–111]. Однако этот показатель отнюдь не свидетельствует о том, что в Мангазее процветало беспорядное постоянное пьянство. Это удовольствие было просто не по карману рядовым жителям: при годовом денежном окладе служилого человека, который в сибирских городах XVII в. варьировался от 5 до 8 руб. [Русское старожильческое население..., 2007, с. 352–360, 365–371], этих денег хватило бы лишь на полведра «горячего вина» (6–7 л), которое в Мангазее, как следует из приведенного выше царского указа, продавалось по цене в 15 руб. за ведро (в шесть раз выше, чем на «большой земле», – в Верхотурье с 1605 г. ведро стоило 2,5 руб.). Ведро меда, как менее крепкого напитка, обходилось мангазейским «питухам» в 40 коп. [Буцинский, 1999, с. 36], но и эта цена была весьма чувствительна для их кошельков. Заморские вина были дороже, чем «горячие», поэтому ими баловались лишь воеводы, отдельные зажиточные жители и гости города. Рядовые посадские жители могли приобретать «хмельное питье» на средства от побочных доходов – промыслов, продажи своих изделий и т. п.

Основными потребителями хмельного были торговые и промышленные люди (продажа вина и меда служилым людям официально запрещалась). Последние раз в год съезжались в Мангазею на ярмарку по окончании промыслового сезона. Они же брали некоторое количество винных припасов с собою на промыслы, дабы скрасить суровые трудовые будни в отдаленных промышленных избушках и зимовьях и не «оцынжать». Численность потенциальных потребителей хмельных напитков в Мангазее была достаточно велика: торговых и промышленных людей за сезон в период расцвета города прибывало «человек по шести и семи сот и больше» [Белов, Овсянников, Старков, 1980, с. 64]. На ярмарку съезжались и инородцы. Посетивший в июле 1846 г. Туруханскую ярмарку финский ученый М. Кастрен сообщал, что они «по старому обычаю» ежегодно прибывали к Туруханску в большом количестве «для платежа подати в казну и для продажи мехов... купцам» и «чтобы сделать кое-какие небольшие закупки и попьанствовать» [Кастрен, 1999, с. 148, 170]. Кстати, он упомянул и еще об одной ярмарке, которая проходила в Туруханске в декабре [Там же, с. 67].

Важно отметить, что раскопки позволили вскрыть такие любопытные факты из жизни мангазейского посада, не отраженные в письменных источниках, как изготовление фальшивых монет и шулерских костей для игры в зернь. Шайка фальшивомонетчиков и шулеры орудовали при кабаке и на подворьях посада, по крайней мере, до «войны воевод» 1630 г. (артефакты залежали в слое нижнего строительного яруса).

Предположение о принадлежности амбара, где был обнаружен перегонный аппарат, к подворью основателя мангазейского кабака или к собственно кабаку окончательно могут подтвердить раскопки на прилегающих к нему участках, которые, надеюсь, в ближайшие годы удастся осуществить. Перспектива выяснить обустройство этого «досугового центра» Мангазеи представляется достаточно реальной.

Овсянников О. В. Отчет о полевых археологических работах 1969 года Мангазейской экспедиции // Архив Института археологии РАН. Р-1. Д. 4044.

Бахрушин С. В. Научные труды // Андрей Федорович Палицын. – М., 1955. – Т. III, ч. 1. – С. 175–197.

Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. – Л. : Гидрометеозидат, 1980. – Ч. 1. – 164 с.

Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. – М. : Наука, 1981. – Ч. 2. – 147 с.

Буцинский П. Н. Мангазея и Мангазейский уезд (1601–1645 гг.) // Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск. – Тюмень, 1999. – Т. 2. – 327 с.

Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. – Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 1999а. – Т. 1. – 325 с.

Векслер А. Г. Раскопки на Великом посаде. Теплые торговые ряды. – М. : Триумф принт, 2009. – 223 с.

Воронина Т. А. Пища и утварь // Русский Север. Этническая история и народная культура – XII–XX века. – М., 2001. – С. 367–424.

Гура А. В. Заяц // Славянская мифология : энциклопедический словарь. – М., 2002. – С. 174–176.

Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М. : ЭКСМО. – 735 с.

Кастрен М. А. Путешествие в Сибирь (1845–1849). – Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – Т. 2. – 351 с.

Квецинская Т. Е. Ремесла г. Верхотурья в XVII в. // История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XIX вв.). – Новосибирск, 1977. – С. 97–113.

Кузнецов Е. В. Первые кабаки в Сибири // Сибирский летописец (работы Е. В. Кузнецова). – Тюмень, 1999. – С. 261–283.

Лихтер Ю. А. Заключение по изделиям из стекла // Векслер А. Г. Раскопки на Великом посаде. Теплые торговые ряды. Прил. 1. – М., 2009. – С. 106–117.

Мерцалова М. Н. История костюма. – М. : Искусство, 1972. – 197 с.

Рабинович М. Г. Очерки истории материальной культуры русского феодального города. – М. : Наука, 1988. – 311 с.

Раев Д. В. Кружечные дворы городов Западной Сибири (вторая половина XVII – начало XVIII вв.). – Новосибирск : Сова, 2005. – 271 с.

Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв. : исследовательские материалы и документы. – М. : Галерея. – 591 с.

Аламбик. – URL: <https://alcofan.com/samogonnyj-apparat-alambik.html> (дата обращения: 12.02.2017).

S. G. Parkhimovich

Research and Production Association “Northern Archaeology – 1”, Ltd., Nefteyugansk

“DRINKABLE MATTER” IN MANGAZEY

Article is devoted to a problem of organization of trade and production of “heady drink” in Mangazey – the first Russian city of the Siberian Polar region (1601–1672). Written sources contain fragmentary though important data to assess the state and the nature of alcoholic beverages trade (beer, honey and “hot wine”) in the city.

The archaeological findings of these phenomena received by the excavation of the Mangazey ancient settlement allowed to characterize tradition of using imported wines consumption and local distillation organisation. The artifacts characterizing of alcoholoc drinks include fragments of shtof-bottles and other glasswares, lead (attachments’ for the bottle-necks and screwthread lids) and also lids for beer and honey jugs. A perfectly preserved copper still for “hot wine” dishillation is a unique finding of 2014. It was found under a big fire site of the burnt barn of the monarchic pub in 1631 during the armed conflict of military governors (voivodes) Palitsyn and Kokorev. “Allembics” from the museums of Western Europe could be considered as analogies to this still.

Keywords: “hot wine”, pub, Mangazey, distillation still, shtof-bottle.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВА РЕКОНСТРУКЦИИ ТАЛЬЦИНСКОГО СТЕКОЛЬНОГО ЗАВОДА

В процессе развития экспозиционной инфраструктуры Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (Иркутск) встал вопрос о возможности создания археологической экспозиции в его составе. Для рассмотрения этой возможности с 1998 г. на территории бывшего Тальцинского стекольного завода проводились пробные археологические раскопки, в одном из шурфов вскрывшие фундамент здания. В процессе раскопок был получен представительский материал в виде артефактов стекольного производства, которые частично поступили в фонды музея, а частично вместе с подъемным материалом из береговых размывов были отправлены на спектральный анализ для определения состава стекла чисто тальцинского производства. По его итогам маркирующим элементом в составе тальцинского стекла определен алюминий. В дальнейшем для выяснения ареала распространения продукции Тальцинского стекольного завода международной научно-исследовательской группой дополнительно были также проведены раскопки на территории конторы Российско-Американской компании (Россия, Иркутск, ул. Сурикова, 24) и на территории здания Чайна Таун, расположенного в г. Ситке (США, Аляска).

Ключевые слова: археологические раскопки, археологическая экспозиция, Тальцинский стекольный завод, Эрик Лаксман, Александр Баранов.

С момента начала строительства в первоначальном варианте музея деревянного зодчества, затем Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» и до настоящего времени дискутируется вопрос о необходимости и возможности формирования в составе экспозиционной инфраструктуры музея археологического экспозиционного сектора. Археологический сектор рассматривается как резерват на месте существовавшего с 1774 по 1955 гг. Тальцинского стекольного завода [Тихонов, Нефедьева, 2006, с. 28].

В 1966 г., при строительстве ГЭС, для спасения памятников уникального деревянного зодчества Восточной Сибири федерального значения Спасской проезжей башни Илимского острога (1667 г.) и Казанской привратной Илимской церкви (1679 г.) было принято решение о строительстве под Иркутском музея деревянного зодчества. Для его размещения выбрали незатопленную часть территории бывшего Тальцинского стекольного завода. Территория при затоплении Иркутского водохранилища была освобождена от всех ранее существовавших на ней строений. Тем не менее фундаменты строений, в том числе промышленных, и артефакты, свидетельствующие о функционировании поселка и промышленного производства, остались. К промышленному производству относились стекольные, фаянсовые и суконные фабрики и заводы.

Тальцинский стекольный завод построили в 1774 г. на базе стекольных песков в месте впадения Тальцинки в Ангару [Анисимова, 2000, с. 52]. Это примерно в 47 км от границы тогдашнего Иркутска к истоку Ангары. Пески были открыты естествоиспытателем, ученым, финном по национальности Эриком (Кириллом) Густавовичем Лаксманом в 20 км от будущего завода.

Идею Э. Г. Лаксмана о строительстве завода поддержал каргопольский купец, проживавший в то время в Иркутске, Александр Баранов. Вместе они обратились к генерал-губернатору Иркутской и Колыванской губернии И. В. Якоби с прошением о выделении земли под завод и, конечно, попросили ссыльных для работы на нем; под завод выделили 10 десятин земли, а под будущий поселок – 300 десятин.

В последние годы жизни Э. Г. Лаксман много экспериментировал в своей лаборатории с производством стекла, стремясь оптимизировать и одновременно удешевить этот процесс. Одним из обязательных компонентов производства стекла был поташ. Его добывали из древесной золы, при этом приходилось заготавливать колоссальное количество древесины и сжигать ее для получения золы. В 1786 г. Э. Г. Лаксман впервые в промышленном объеме получил стекло, применяя не поташ, а минеральный гужир (глауберова соль – сульфат натрия). «Гужир» – бурят-монгольское название глинистой соленой массы, использовавшейся забайкальскими бурятами для подкормки скота, а иногда самими непосредственно в пищу вместо натриевой соли. Эту соль привозили с восточного берега оз. Байкал по воде на баркасах. Эксперименты по замене поташа глауберовой солью проводились Лаксманом и раньше. Именно за это открытие он в 1700 г. был избран действительным членом Петербургской академии наук. Глауберова соль добывалась в солончаковых озерах (гужирах) хлорид-сульфатного состава в виде кристаллов мирабилита. Озера располагались в Верхнеудинском и Баргузинском уездах Забайкалья. О своем достижении Э. Г. Лаксман в качестве отчета сообщал в Академию наук в письме от 22 июля 1786 г.: «Тальцинск теперь с 3 апреля является тем местом, где добывается первое стекло из сибирской горькой соли Sale mirabele

(чудесной соли глауберовой). Оно очень хорошо и превосходит все те стекла, которые добываются из щелочных солей растительного царства» [*Раскин, Шафрановский, 1971, с. 261*].

Применявшийся в стекольном производстве гужит давал стеклу зеленоватый оттенок. Постепенно за счет добавок удалось получать с применением гужита и прозрачное оконное стекло, и стекло разных оттенков, использовавшееся при производстве лампад, домашней посуды, винных бутылок и т. д. Особенно часто цветное стекло использовалось для производства бус и бисера. Разноцветные бусы и бисер пользовались большой популярностью у коренных народов Сибири (бурят, эвенков, якутов и др.) и в русских колониях на Североамериканском континенте. Так как в Сибири и на Аляске в XVIII – начале XIX вв. главным образом была распространена меновая торговля, промысловые, а также охотничьи артели перед своими вояжами запасались большим объемом как основной стеклянной продукции, так и стеклянных бус и бисера в виде связок (снизок).

Начав производство стекла из глауберовой соли, хозяева завода отправили в Императорскую Академию наук (Санкт-Петербург) образцы изделий из стекла: оконное стекло, бусы и бисер, бутылки, лампы, рюмки, чашки и др. Старания предпринимателей, как и качество продукции, были высоко оценены. На основании этого в 1787 г. Э. Г. Лаксман удостоивается звания академика, а А. А. Баранов избирается действительным членом Санкт-Петербургского Вольного экономического общества, находившегося под личным покровительством его императорского величества Екатерины II. Экономикой производства завода ведал А. А. Баранов. Через своих приказчиков и агентов он занимался сбытом продукции в Восточной Сибири, Забайкалье, Якутии и по побережью Охотского моря. К 1790 г. торговля стеклянными изделиями, которую А. А. Баранов вел на Чукотке в Анадыре, приходит в упадок, и он поступает на работу в Северо-Восточную Американскую компанию Г. И. Шелихова и связывает свою дальнейшую судьбу с ней в должности губернатора Аляски. Право на владение заводом перешло Э. Г. Лаксману, а с его смертью (1796 г.) – его вдове Е. И. Лаксман. В 1812 г. Е. И. Лаксман продает завод иркутскому купцу Я. П. Солдатову [*Артемьев, Бычков, Тихонов, 2000, с. 37*], который не только развил стекольное производство, но и построил в пос. Тальцы фаянсовую фабрику (1829 г.), а также организовал суконное производство (1824 г.). С 1798 г. у Тальцинского стекольного завода появился конкурент в виде Тельминской казенной стекольной фабрики. Здесь первоначально выпускали продукцию из зеленого и голубого стекла, а в последующем, с 20-х гг. XIX в., организовали производство из белого стекла и даже хрусталя.

В период владения Тальцинским заводом Я. П. Солдатовым в 20–30-х гг. XIX в. на заводе налаживается производство кобальтового и аметистового стекла, которое частично использовалось в оконных витражах. Много продукции в то время шло в русские колонии в Северной Америке – на Аляску, в Калифорнию, на Алеутские острова. В 1883 г. Тальцинский завод перешел во владение В. П. Катышевцева. На протяжении XIX в. Тальцинский стекольный завод оставался в России самым восточным производителем стекла и стеклянных изделий.

После революции и Гражданской войны завод перешел под опеку государства. Стекольные пески на открытом Э. Г. Лаксманом месторождении выработались, и с начала XX в. их стали привозить баржами из пади Харгино на оз. Байкал. Однако завод в 1954–1956 гг., так же как рабочий пос. Тальцы, попал в зону затопления формирующегося водохранилища при Иркутской ГЭС. Сооружения завода и здания в поселке частично разобрали и перевезли в пос. Большая Речка и г. Тулун (где также организовали стекольное производство на основе местного месторождения стекольных песков). Это было сделано для того, чтобы строения не мешали судоходству и деревянные конструкции не всплывали и не попадали на лопасти гидроагрегатов. Но при заполнении водохранилища отдельные объекты не успели уничтожить, в частности склады с готовой продукцией, и местные дайверы периодически попадают в эти склады и достают продукцию завода.

Предполагалось, что вся территория поселка и стекольного завода будет полностью покрыта водой. Но только часть поселка и завода оказалась затопленной. Учитывая то, что уровень водохранилища значительно колеблется с максимальным обнажением от воды территории весной, после схода льда на обнаженных территориях сотрудники музея «Тальцы» собирали артефакты, в том числе и целые изделия завода.

В 1994 г. при проработке программы развития Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» было высказано предложение рассмотреть возможность создания на базе незатопленной территории (4 га, возможно, больше) поселка и завода экспозиции археологического сектора. Для этого в 1998 г. на этой территории были организованы пробные археологические раскопки в виде четырех шурфов размерами 2 × 2 м; 2 × 2 м; 4 × 4 м и еще один – площадью 14 кв. м. Исследования проводились Амурской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН под руководством доктора исторических наук А. А. Артемьева и сотрудников Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» В. В. Тихонова и кандидата исторических наук О. В. Бычкова.

В результате раскопок в одном шурфе, который расширили до площади 14 кв. м, был обнаружен каменный фундамент здания. В остальных шурфах, как и в отмеченном, найдены различные артефакты: битая посуда, остаток металлической чайной ложки, стеклянные изделия, обломки штофов, остатки бутылок, кирпичей и скобяных изделий и т. д. В размытой части берега после его зачистки обнаружен обильный насыпной материал, накопившийся за значительное время и представленный шлаками и остатками стекольной массы из варочных печей, фрагментами горшковых печей и облицовочного кирпича с остатками стекольной массы различной окраски, осколками стекольной продукции тоже различной окраски. По предварительному сопоставительному анализу информации,

собранных сотрудниками музея, фундаменты четырех стеклоплавильных печей, а также фундаменты части здания заводоуправления должны находиться вне зоны затопления, с расположением печей в ряд по направлению с северо-востока на юго-запад. Это подтверждает большой объем стекольных шлаков и остатков печного оборудования (фрагментов горшковых емкостей и кирпича с остатками стекольной массы). Вряд ли шлак и иные печные отходы увозили далеко от места производства.

Решая задачу определения перспективы формирования археологического сектора в Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» за счет выявления в дальнейшем в результате археологических раскопок фрагментов строений (фундаментов) и возможной реконструкции на некоторых из них утраченных объектов (данные обмеров, рисунки, чертежи и фотографии есть в архивах), в том числе, возможно, и горшковой печи, исследователи ставили и другую задачу – определить ареал распространения продукции Тальцинского стекольного завода. Для выявления маркирующих элементов, присущих тальцинскому стеклу, из артефактов, полученных в результате раскопок и сбора подъемного материала, была сделана выборка из 63 экземпляров стекла и стеклянной массы, которые подвергли спектральному анализу в Лаборатории спектро-химических методов исследований Дальневосточного геологического института ДВО РАН [*Итоги...*, 2003, с. 139]. Лабораторные исследования выявили большое количество алюминия в составе стеклянной массы, и это неудивительно, так как при производстве стекла в Тальцах использовался песок с большим содержанием полевого шпата, который и являлся источником алюминия. С целью получения результатов по химическому составу стекла из других мест международной исследовательской группой в составе россиян кандидата культурологии В. В. Тихонова, доктора исторических наук А. В. Харинского и американцев Дэйва Макмэхана и Тая Дилиплайна проводились раскопки с отбором артефактов из стекла у здания Российско-Американской компании в Иркутске (ул. Сурикова, 24) в 2006 г. и у здания Чайна Таун в г. Ситке, США (в 2010 г.). Из-за финансовых проблем спектральный анализ этих артефактов пока не сделан. В ближайший полевой сезон исследования предполагается продолжить.

Анисимова Ю. А. Стекольная промышленность в Иркутской губернии в конце XVIII–XIX вв. // Иркутский историко-экономический ежегодник. – Иркутск, 2000. – С. 52–57.

Артемьев А. Р., Бычков О. В., Тихонов В. В. Исследования истории Тальцинского стекольного завода // «Тальцы». – 2000. – № 2 (9). – Иркутск 2000. – С. 34–39.

Итоги исследования стеклоделия на Тальцинском заводе (1784 – 1956 гг.) / А. Р. Артемьев, А. Ю. Кудрин, В. А. Галибин, В. В. Тихонов // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: историко-археологические исследования. – Владивосток, 2003. – Т. 3. – С. 136–150.

Раскин Н. М., Шафрановский И. И. Эрик Густавович Лаксман, выдающийся путешественник и натуралист XVIII в. – Л.: Наука, 1971. – 274 с.

Тихонов В. В., Нефедьева А. К. Основные направления развития Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». – Иркутск: Репроцентр А 1, 2006. – 215 с.

V. V. Tikhonov

Architectural-Ethnographic Museum “Taltsy”, Irkutsk

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH AND THE PROSPECT OF RECONSTRUCTION OF TALTSY GLASS FACTORY

In the development of the infrastructure exposure Architectural and Ethnographic Museum “Taltsy” there was a question about the creating an archaeological exhibition as part of the museum. To consider the creation of such exposure, since 1998 on the territory of the former glass factory the trial archaeological excavations were organized. In the process of excavation the artifacts of glass production were obtained, which partly entered into the museum and partly were sent for the spectral analysis to determine the feasibility of marking on the composition of glass for further work on the definition of a purely Taltsy exhibits. According to the results of spectral analysis of the marker element in the composition of the Taltsy glass the ammonium was determined. Further, to determine the range of spread the products Taltsy glass factory the excavations works were organized by International research team in the Offices Russian-American Company at the address – Russia, Irkutsk, street Surikov, 24 and on the territory of building China Town which is located in Sitka, Alaska, The USA.

Keywords: archaeological exhibition, Taltsy Glass factory, archaeological excavations, Eric Laksman, Alexander Baranov.

**ТЕХНОЛОГИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАМНЯ В САЯНСКОМ ОСТРОГЕ:
ТОЧИЛА И ОСЕЛКИ***

Саянский острог на Енисее существовал с 1718 г. по начало 20-х гг. XIX в. Это первый полностью исследованный русский археологический памятник в Сибири. В составе его культурного слоя присутствует большое количество изделий из камня, в том числе точила и оселки. Микрофотосъемка этих изделий показала, что они имеют явно выраженные следы (зачастую весьма интенсивного) воздействия металлических инструментов, включают свидетельства первичной (грубой) зачистки заготовок или отливок, ремонтных работ, связанных с интенсивным съемом металла (восстановление и изменение формы и профиля клинка и самой режущей кромки) и удалением следов обдирочных операций, шлифовки, основных работ по чистовой заточке и доводке рубяще-режущего инструмента. Потому можно достаточно уверенно говорить о точилах и оселках не только как о своеобразной (специализированной) части металлообрабатывающего комплекса Саянского острога, но и как о предметах повседневного использования.

Ключевые слова: Саянский острог, материальная культура, изделия из камня, точила, оселки, обработка, технологии.

Саянский острог на Енисее, существовавший с 1718 г. по начало 1820-х гг., является первым полностью исследованным русским археологическим памятником в Сибири. Находки из состава его культурного слоя, имеющиеся в весьма большом объеме и ассортименте, позволяют реконструировать многие особенности материальной культуры русских первопроходцев и старожилов Южной Сибири XVIII в., проследить формирование предметного комплекса и его развитие в течение столетия. Тем самым могут быть восполнены некоторые пробелы в знаниях о культурных процессах, проходивших в Сибири и на Дальнем Востоке в начальные периоды русского освоения.

В составе коллекции находок из культурного слоя острога, хранящейся в настоящее время в Новосибирском государственном университете, присутствуют многочисленные изделия и их фрагменты из различных материалов – железа (в том числе стали и чугуна), меди (бронзы), серебра, свинца, керамики, стекла, кости (рога), дерева и кожи. Значительную долю в составе находок занимают и предметы из камня. Если целому ряду производств в культуре русского населения Сибири уделялось достаточное внимание, то каменные изделия изучаются в меньшей степени, поскольку самих таких находок в русских памятниках Сибири и Дальнего Востока известно относительно немного в сравнении с предметами из других материалов. В Саянском же остроге номенклатура каменных изделий весьма широка. Они производились и использовались в разных сферах жизни. Кроме традиционных ружейных и кресальных кремней, нами были обнаружены рыболовные грузила, различных видов точила и оселки, головки курительных трубок, фрагменты жернова, слюдяных окончин, заслонки плавильной печи, фрагменты предметов неизвестного назначения. Камень широко использовался в конструкции печей в жилых помещениях. Абсолютное большинство каменных изделий, как можно видеть, относится, таким образом, к культуре жизнеобеспечения.

Оселки и точила (одни из наиболее часто встречающихся изделий из камня) – третья по численности группа орудий каменной коллекции после ружейных (кресальных) кремней и каменных рыболовных грузил. Они интересны не только сами по себе как артефакты XVIII в. Важность их изучения заключается также в демонстрации особенностей обработки металлов в остроге, в первую очередь железа и стали, поскольку для этих целей (первичной обработки, затем доводки и поддержания в рабочем состоянии изделий из данных материалов) они производились и использовались.

В результате полевых исследований найдено более 30 таких изделий и их фрагментов. Артефакты изготовлены из красного, розового, темно-коричневого и серого песчаника разной степени зернистости (от очень мелкой и глазом почти неразличимой до вполне заметной), а также сланца разных цветов, в том числе зеленого. Они имеют разные размеры и конфигурацию. Часть предметов с закругленными углами длинных сторон, как правило, мало сношена. Другие в сечении имели вид как законченных прямоугольников и трапеций, так и приближающихся к ним фигур. Они заметно сточены в средней части, где чаще всего затем и ломались. Особенно интересен разломанный на три части фрагмент тонкого длинного бруска из очень мелкозернистого и хрупкого сланца зеленого цвета. Такой длинный и тонкий предмет (судя по грубо обломленному концу рабочей поверхности, он в действительности был еще длиннее) не мог долго прослужить – и действительно, следы легкой изношенности наблюдаются лишь на одной стороне одного из его обломков. Имеется подобный фрагмент (но уже песчаниковый, обломанный с двух сторон) в виде еще более тонкого бруска. В связи с этим непонятны цели изготовителей,

* Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 1.4539.2017/8.9).
© Волков П. В., Скобелев С. Г., 2017

сделавших такие малопригодные для интенсивного использования по прямому назначению предметы. Некоторые мелкие фрагменты изделий из камня с участками прямых углов могут быть как частью точил и оселков, так и заготовками головок курительных трубок, поскольку отдельные из них по форме, использованным материалам и характеру обработки очень близки друг другу.

Упомянутые выше изделия обрабатывались в самой разной степени качества. Отмечаются предметы и их фрагменты, у которых рабочей была лишь одна из поверхностей, а остальные сохраняли необработанные неровности камня. Но найдены и изделия с четырьмя рабочими поверхностями из шести (например, некоторые из брусков) или тремя из четырех (например, круглые точильные камни).

По форме эти артефакты можно разделить на три типа.

Тип 1 – брусковые. Оформлены в виде четырехгранных (или близких по форме) брусков разного размера и сечения, как правило, с заметными следами сработанности в средней части, обычно со всех четырех сторон, где часть этих предметов и ломалась из-за чрезмерного истончения при интенсивном использовании. Но имеются предметы лишь с одной рабочей стороной, тогда как остальные – это рваные поверхности необработанного камня. Интересен брусок с намеченным с двух сторон и частично выдолбленным отверстием. Вероятно, оно должно было служить для подвешивания точила к поясу. Изделия этого типа использовались для заточки и правки инструментов из железа и стали, что осуществлялось в виде поступательно-возвратных движений, скорее всего, самим бруском.

Тип 2 – плитчатые. По форме в виде плоской плитки. В центре, как правило, имеются следы сработанности, но ее степень существенно меньше, чем у брусков. Такие оселки служили, видимо, для грубой заточки крупных инструментов, что осуществлялось в виде поступательно-возвратных движений как самой плиткой, так и металлическим предметом.

Тип 3 – дисковидные. Представляют собой фрагменты обычно крупных точил в виде дисков от разных кругов из мелкозернистого абразивного песчаника серого и темно-коричневого цвета. На одном из фрагментов сохранились части центрального отверстия, лицевой (рабочей), обратной и торцевой поверхностей. Лицевая поверхность ровная, со следами заметной равномерной изношенности, которая могла образоваться при заточке металлических инструментов в ходе вращения самого круга; торцевая поверхность (внешний край диска) также имеет заметные следы использования, которые могли появиться в результате заточки при вращении диска; тыльная сторона фрагмента относительно ровная, имеет разнонаправленные следы воздействия для формирования ровной поверхности, но уверенно отмечаемых признаков использования при вращении круга на ней нет. Вероятно, этот фрагмент, как и остальные подобные, являлся частью разбитого точила-круга, возможно приводившегося во вращательное движение на специальном приспособлении.

Несмотря на то что большая часть находок представлена фрагментами изделий, на некоторых после поломок тем не менее уверенно различаются следы их применения в качестве обычных точил. Так, на рабочих поверхностях дисковидных фрагментов точильных камней после их поломки прослеживаются заметные выемки от воздействия заточивавшихся инструментов, которые располагаются в разных частях и не могли образоваться при вращении точильных кругов. Имеются следы сильной изношенности даже по поверхности разломов с обеих сторон (рис. 1, с. 457). Фрагменты брусков после поломок также могли использоваться, однако уверенно таких следов отметить нельзя из-за одинакового характера эксплуатации целых изделий и их фрагментов.

Функциональная принадлежность этих находок нами определялась, исходя из их внешнего вида. О том, что они могли служить для заточки железных или иных орудий и инструментов, ранее можно было судить лишь по степени визуально отмечаемого износа обычно в их средних частях. Уверенно фиксируемых следов взаимодействия камня и металлов в нашем распоряжении не имелось. Поэтому по части из этих каменных предметов, а именно нескольким точилам и оселкам, нами проведено специальное микроскопическое обследование поверхностей с целью обнаружения признаков функционального износа артефактов в качестве инструментов для «доводки» или заточки металлических изделий. Такая работа проводилась впервые для данной категории находок русского времени. С учетом значимости каменного инвентаря в культуре жизнеобеспечения гарнизона острога важно ввести в научный оборот полученные результаты.

Микроскопическое обследование поверхности находок проводилось по методике экспериментально-трасологического анализа, разработанной С. А. Семеновым и Г. Ф. Коробковой [Семенов, 1957; Korobkova, 1999 и др.], путем анализа микрозаполировок износа каменных орудий по Л. Кили [Keeley, 1980]. Использовался и опыт синтезированной трасологической методики, адаптированной для работы с материалами археологических коллекций палеолитических и неолитических памятников Северной и Центральной Азии [Волков, 2013]. При общем трасологическом обследовании материалов применялись бинокляры МБС-10 и Altami с рабочим режимом увеличения от 10 до 80 крат при специальном освещении наблюдаемого объекта. Такое освещение приводило к некоторому искажению цветопередачи на микроснимках, что необходимо учитывать при изучении артефактов: их истинный цвет следует определять по фотографиям, где предмет показан целиком. Для сравнительного анализа следов изношенности на древних орудиях из камня использовались материалы Сибирской эталонной коллекции трасологических стандартов.

В результате микроскопического обследования поверхностей артефактов саянской коллекции были выявлены следы износа изделий в качестве орудий. На основе сравнительного анализа трасологических данных по экспериментальным и археологическим образцам определено функциональное назначение точил и оселков.

Так, на двух оселках исследованной коллекции, изготовленных из относительно крупнозернистого песчаника красного (рис. 2: 1, с. 457) и мелкозернистого темно-коричневого цвета (рис. 3: 1, с. 457), отмечены следы их использования в качестве точила – абразивного инструмента для «доводки» форм металлических изделий после их изготовления путемковки или отливки. Имелись и орудия для формообразования (первичной заточки) рабочих кромок режущих инструментов (ножей, резов и т. п.). Изделия со следами такой специализированной функции выявлены в исследуемой коллекции в количестве трех экземпляров. Следы типичного износа подобного рода инструментов проявились в виде углубленных каналов различного профиля и линейной направленности (рис. 2: 2; 3: 2).

Часть артефактов изготовлена из относительно мелкозернистой породы серого цвета (рис. 4: 1; 5: 1, с. 457). Их рабочая поверхность сохранилась в виде заглаженных, иногда слегка вогнутых плоскостей. В отдельных случаях отмечаются параллельные линейные микроследы, характерная заглаженность, а из-за продолжительного использования инструментов – волнистость поверхности (рис. 4: 2), сглаженная ступенчатость границы изношенного участка инструмента и его непо потревоженной плоскости (рис. 5: 2). Эти следы говорят о том, что предметы служили в качестве абразива для правки рабочих краев, режущих кромок металлических инструментов (по большей части ножей и иных клинков) после их формообразования или первичной, относительно грубой заточки.

В единственном экземпляре в коллекции выявлен брусковидный многогранный предмет из песчаника розового цвета, ранее использовавшийся как оселок (рис. 6: 1, с. 457), с четырьмя рабочими сторонами из шести, на которых имеются скопления точечных каверн. Это два конусовидных углубления, расположенные друг напротив друга на противоположных сторонах бруска (рис. 6: 2, 3). Вероятно, на этом предмете пытались сделать отверстие путем кернения и последующего сверления, но не довели эту работу до конца.

В непосредственной близости от Саянского острога нет месторождений песчаников, соответствующих по составу найденным предметам. Но ниже по течению Енисея по его обоим берегам известны выходы девонских песчаников серого и красного цветов, часть которых совпадает по составу с нашими находками. Вероятно, подходящий для изготовления точил материал мог оттуда доставляться в острог, где и была произведена часть изделий. Об этом свидетельствуют многочисленные обломки песчаника в составе культурного слоя, не имеющие явных следов использования и могущие расцениваться в качестве отходов производства. Вместе с тем точила могли быть привезены сюда из других населенных пунктов. Так, «брусы точильные» присутствуют в перечне товаров, продававшихся в Сибири в XVII–XVIII вв. [Вилков, 1990, с. 52].

На территории Приенисейского края в погребениях, принадлежавших коренному населению периода, предшествовавшего началу русского освоения, найден лишь один оселок (хранится в Минусинском региональном краеведческом музее – инв. № 10.019/4) – в могиле в с. Курагино (с 1961 г. пгт Курагино Курагинского района Красноярского края). Он имеет неправильные очертания, оригинальной формы сечение в виде ромба и следы рваного камня на концах и даже на его рабочих поверхностях. Г. Ф. Миллер отмечал, что коренные жители региона находили точильные камни на берегах оз. Беле [Сибирь XVIII века..., 1996, с. 148]. Отсюда можно заключить, что аборигенами использовались именно необработанные обломки камня. Часто такие точильные камни на разных территориях Евразии (даже при их недоработанном состоянии) имели на конце отверстие для подвешивания [Голдина и др., 1980, с. 171; Медведев, 1991, с. 60, 127], чему соответствует один брусок из Саянского острога, на котором имеются следы намеченного, но недоделанного отверстия (рис. 6).

Предметы из Саянского острога характеризуются формами, близкими к геометрическим. Вероятно, одним из результатов русских культурных влияний можно считать появление в погребениях коренных жителей Сибири в позднем Средневековье и начале Нового времени брусков геометрических форм без отверстий [Плетнева, 1990, с. 53, 55], подобных обнаруженным в Саянском остроге. Вместе с тем значительная часть изделий из коллекции Саянского острога имеет следы необработанной поверхности камня. Таково точило со всеми пятью необработанными сторонами из шести (рис. 2), брусок, у которого лишь одна из четырех, узкая сторона обработана и то фрагментарно (рис. 4–5) и т. д.

Анализ микроснимков показал, что даже при наличии не полностью обработанных поверхностей на найденных точилах и оселках имеются явно выраженные следы (зачастую весьма интенсивного) воздействия металлических инструментов. В комплексе они включают свидетельства первичной (грубой) зачистки заготовок или отливок, ремонтных работ, связанных с интенсивным съемом металла (восстановление и изменение формы, профиля клинка и самой режущей кромки), удалением следов обдирочных операций, шлифовки и основных работ по чистой заточке и доводке режуще-рубящего края инструмента (клинковых изделий). Поэтому можно достаточно уверенно говорить о точилах и оселках как своеобразной (специализированной) части металлообрабатывающего комплекса Саянского острога, который, как это было установлено в ходе раскопок, включал производство плавок металлов, в том числе железа (выявлена плавильная печь, найдены куски медной и железной руды, среди которых есть и обожженные), и изготовление металлических изделий (изучены кузница с остатками горна и отдельно стоящее рядом здание, которое можно считать мастерской, поскольку вокруг него было обнаружено большое количество фрагментов железных предметов и их заготовок, а также обломков песчаника). Несомненно, служилые люди из гарнизона Саянского острога имели кроме того личные точила и оселки для текущей заточки своих металлических инструментов с режуще-рубящими поверхностями.

Рис. 1. Фрагмент точильного круга со следами использования после поломки: 1 – участок отверстия для насадки на вал; 2 – участок первоначального края диска; 3 – изношенная поверхность торцевой стороны фрагмента после поломки

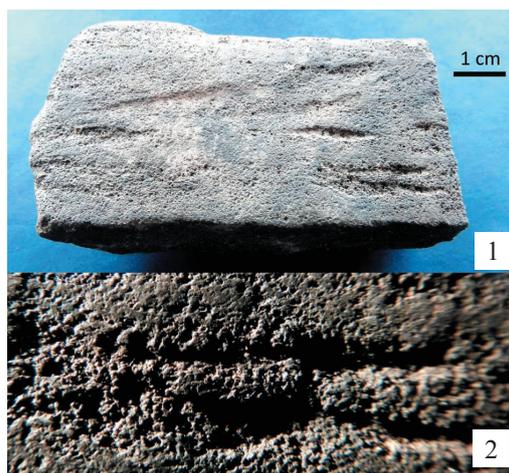

Рис. 2. Фрагмент точила (1) со следами износа в виде линейных каналов (2)

Рис. 3. Обломанный с двух сторон фрагмент тонкого точила (1) со следами износа в виде линейных каналов (2)

Рис. 4. Оселок (1) и участок его изношенной поверхности с характерной волнистостью (2)

Рис. 5. Оселок (1) и ступенчатая граница его непо потревоженной и изношенной поверхностей (2)

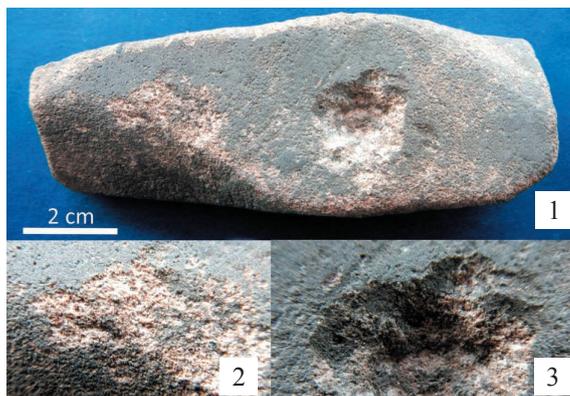

Рис. 6. Оселок с намеченным отверстием (1) и вид этих углублений с обеих сторон (2, 3)

Вилков О. Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII вв. – Новосибирск : Наука, 1990. – 308 с.

Волков П. В. Опыт эксперимента в археологии. – СПб. : Нестор-История, 2013. – 46 с.

Голдина Р. Д., Королева О. П., Макаров Л. Д. Агафоновский I могильник – памятник ломоватовской культуры на севере Пермской области // Памятники эпохи Средневековья в Верхнем Прикамье. – Ижевск, 1980. – С. 3–66.

Медведев В. Е. Корсаковский могильник: хронология и материалы. – Новосибирск : Наука, 1991. – 175 с.

Плетнева Л. М. Томское Приобье в позднем Средневековье (по археологическим источникам). – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1990. – 134 с.

Семенов С. А. Первобытная техника. – М. ; Л., 1957. – 241 с. – (Материалы и исследования по археологии СССР ; № 54).

Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. – Новосибирск : Сиб. хронограф, 1996. – 310 с. – (История Сибири. Первоисточники ; вып. VI).

Keeley L. H. Experimental determination of stone tool uses. A microwear analysis. – Chicago ; London : Univ. of Chicago Press, 1980. – 212 p.

Korobkova G. F. Narzedzia w pradziejach. – Torin : Wydawnictwo Uniwersytetu Mikolaja Kopernika, 1999. – 168 p.

P. V. Volkov¹, S. G. Skobelev²

^{1, 2}*Novosibirsk National Research State University,*

¹*Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS, Novosibirsk*

TECHNOLOGY USE OF STONE IN SAYAN OSTROG: WINEPRESSES AND TOUCHSTONES

Sayansky fortress on the Yenisei existed from 1718 to the beginning of the 20s of the 19th century. It is the first fully researched archaeological object of Russian Siberia. As part of its cultural layer has a large number of stone products, including winepresses and touchstones. Photomicrography of these products showed that they are clearly expressed traces (and often very intense) the impact of metal tools. Together they include evidence of initial (coarse) cleaning of workpieces or castings, repair work related to intensive removal of excess metal (recovery and change the shape, the profile of the blade and the most cutting edge), the removal of traces of roughing operations, grinding and basic work on the finishing sharpening and fine-tuning of the cutting tool. Thus, you can quite confidently say winepresses and touchstone as a kind of (specialized) parts of metalworking Sayansky fortress, including everyday use.

Keywords: Sayansky fortress, material culture, stone products, winepresses, touchstones, processing, technology.

УДК 903.2

О. А. Митько, Е. К. Швейгерт

Новосибирский государственный университет

ОРНАМЕНТИРОВАННЫЕ БЛЯХИ С КОНСКОЙ УПРЯЖИ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ, СЛУЧАЙНЫХ НАХОДОК И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ МУЗЕЕВ СИБИРИ*

Работа посвящена анализу блях из цветных металлов, которыми украшали русскую конскую упряжь вплоть до 20-х гг. прошлого века. Традиция украшения упряжи, предназначенной для праздничных гуляний и свадеб, приходит в Сибирь из европейской части России. В археологических памятниках найдено всего несколько экземпляров блях. В то же время огромное количество находок было обнаружено «любителями старины» в последние годы. В краеведческих музеях Сибири бляхи представлены в комплекте с различными предметами. Выделяется два основных типа: «бляхи-пуговицы» и «бляхи-крестовики». Их семантика близка к средневековым «солнечным амулетам», связанным с образом коня. Ямщики крепили бляхи к походным часовням, придавая этому религиозное значение. Вместе с иконами православных святых они долж-

* Исследование проведено в рамках научной деятельности ЛМИПИЕ НГУ.

© Митько О. А., Швейгерт Е. К., 2017

ны были защищать животных и путешественников в дороге. Коренные народы Севера Сибири украшали бляхами упряжь оленей, головные уборы, пояса и верхнюю одежду шаманов.

Ключевые слова: русская тройка, конская упряжь, типология, бляхи, солярные символы, медь, латунь.

Введение. В настоящее время необходимость введения в исторические исследования данных смежных дисциплин практически является аксиомой, а для истории Сибири привлечение археологических источников XVI–XIX вв. не просто расширяет научную проблематику, оно «задает новый формат исследований этого эпохального периода» [Черная, 2016, с. 114]. За последние годы, благодаря раскопкам археологических памятников Нового времени, наши представления о материальной и духовной культуре русского и аборигенного населения существенно расширились, прежде всего, за счет фактологического материала, который в дальнейшем неизбежно повлечет за собой появление новых концепций исторического развития Сибири.

В настоящее время большинство из находок русского времени относится к разряду бытовых предметов, порой хорошо узнаваемых, что не отменяет их сопоставления с этнографическими данными и сведениями письменных и фольклорных источников. Несмотря на свою массовость и тиражированность, а в ряде случаев благодаря именно этому, они могут служить яркой деталью картины той повседневной жизни, на которую современники не обращали внимание.

Результаты исследования. К подобным находкам можно отнести украшения на русской конской упряжи, встречающиеся в самых разных природно-климатических зонах Сибири – от степных регионов до тундры; при этом в археологическом и этнографическом материале они представлены крайне скудно. По нашим данным, на археологических памятниках русского времени обнаружено всего шесть сбруйных блях.

Три бляхи небольших размеров были зафиксированы при раскопках старой части Тобольска в культурном слое, датированном XVIII в.: одна на площади Второго гостиного раскопа и две на площади Базарного раскопа. Автором публикации они включены в группу пуговиц, «имеющих отверстия для крепления» [Алиева, 2012, с. 196, рис. 1: 20; 2: 10, 16]. Однако наличие парных отверстий прямоугольной формы отличает их от пуговиц, имеющих круглые отверстия, что позволяет выделить все три бляхи в отдельную группу. При этом можно допустить переиспользование двух плоских блях от конской упряжи в качестве пуговиц для верхней одежды. Что же касается блях выпуклой формы, то с функциональной точки зрения их применение крайне неудобно.

Еще три бляхи были найдены в Приангарье. Одна на местонахождении Рябчиков Ключ – 1*, две другие – на поселении Берямба и в качестве подъемного материала на стоянке Хедугин ручей. Автором раскопок Ю. А. Гревцовым они идентифицированы как сбруйные бляхи [Богучанская археологическая..., 2015, рис. 238: 6; 298: 1].

Стоит отметить, что находки украшений с русской конской упряжи на территории Сибири не стали предметом научного изучения. Единственной известной нам публикацией, посвященной анализу позолоченной бронзовой бляхи, является статья коллектива авторов. По их мнению, обнаруженный в качестве случайной находки на мелководье одного из озер Хакасии бронзовый диск является сакральным предметом, несущим в себе календарную и астрономическую информацию и может быть связан с зороастрийскими религиозными представлениями. Хронологические рамки его бытования авторы определили III–VI вв. н. э., а принадлежность находки к зороастрийскому календарю доказывается ими с помощью методов математического анализа декоративных элементов [Паршиков и др., 2009, с. 172].

В отличие от археологических изысканий большое количество металлических деталей и украшений конской упряжи найдено «любителями старины» и различного рода «копателями» с помощью металлообнаружителей. На самых различных интернет-сайтах можно встретить фотографии с находками, обозначенными жаргонизмом «конина». На протяжении последних десяти лет нами проводился своеобразный мониторинг этих находок в интернет-пространстве, и можно отметить, что, по очень приблизительным подсчетам, общее количество рассматриваемых нами блях от русской конской упряжи может составлять около одной тысячи. С 2012 г. отмечается увеличение количества находок.

Судя по фотографиям, выложенным на сайтах, в Сибири найдено более 100 блях (главным образом в Кемеровской области, на юге Красноярского края и в Прибайкальском регионе). Чаще всего их находят в селениях, стоявших на почтовых трактах, на местах хозяйственных построек, бывших скотных дворов и конюшен.

Стоит отметить, что бляхи не представляют особого интереса для краеведческих музеев, а «любители старины» единственное практическое применение этого «сопутствующего» материала нашли в изготовлении коллажей, выходящих под претензионным девизом «Галерея изящных решений».

В силу подавляющего количественного преобладания не имеющих культурного контекста находок над обнаруженными в ходе археологических исследований артефактами их анализ требует привлечения дополнительных источников информации, содержащихся на разных интернет-ресурсах. При этом основным условием привлечения фотоматериалов и комментариев к ним в качестве вторичных источников является проверка их достоверности.

Бляхи, украшавшие конскую сбрую, представляют собой круглые диски с парными прямоугольными отверстиями. Они различаются размерами (от 1 до 4–5 см – маленькие, до 10 см – большие), формой, декоративными

* Пользуясь случаем, выражаем благодарность А. В. Выборнову за возможность познакомиться с материалами раскопок памятника.

элементами. Более двух столетий их отливали из меди и бронзы в деревенских кузницах, с середины XIX в. изготавливали методом штамповки из медных и латунных листов, лудили, покрывали позолотой на мануфактурах и железоделательных заводах. По источникам начала XX в. известно, что все подобные украшения называли общеупотребительным термином «бляхи». Крупные орнаментированные украшения выделяли особо, обозначая их как «крестовики» и «крестовики зубчатые» [Каталог..., 2014, рис. 192–202].

Несмотря на морфологические различия, крупные и мелкие украшения объединяет один характерный признак – парные прямоугольные отверстия по краям либо в центральной части. Через отверстия бляхи нанизывались на узкий кожаный ремень, который затем пришивали на различные детали конской упряжи: на седелках, шлеях и уздах, а также использовали в качестве ременных разделителей (рис. 1).

Рис. 1. Фрагмент бурятской конской узды (музей ИАЭТ СО РАН, сборы А. П. Окладникова в Забайкалье)

Классификация блях возможна по материалу изготовления (группы): бронза, медь (луженая, позолоченная), латунь. Следующий таксономический уровень – выделение типов с разделением на бляхи-пуговицы (тип I) и бляхи-крестовики (тип II). Бляхи-пуговицы характеризуются такими признаками, как небольшие размеры, пара отверстий в центральной части, форма выпуклая (полусферическая) и плоская. Плоские бляхи могут быть орнаментированы окружностями и зубцами.

Бляхи-крестовики всегда только плоские, с одной или двумя парами прямоугольных отверстий по краям, с зубцами и без зубцов, с различными прорезными геометрическими фигурами в центральной части (шестиконечные и восьмиконечные звезды, круг, овал, треугольник, шестиугольник, сердцевидные) (рис. 2).

В отдельный тип выделяются бляхи с прорезным изображением лошади, имеющие одно или два отверстия прямоугольной формы для крепления на ремне. К настоящему времени они были обнаружены только на территории европейской части страны.

Используя лишь сибирский материал, рассмотреть типогенез блях с выделением хронологических рамок отдельных типов не представляется возможным. Начиная с конца XVI в. русская культура оказывала постоянно возрастающее влияние на образ жизни и религиозные представления населения Зауралья. В различных сибирских регионах это влияние имело свою динамику и специфические особенности, во многом связанные с характером хозяйственной деятельности и интенсивностью торговых контактов с производственными центрами митрополии. Важную роль играли мануфактуры, продукция которых была ориентирована не только на сбыт среди аборигенного населения Зауралья [Гончарова, 1983], но и на возрастающее русское население, принесшее из центральных районов России привычные для него формы хозяйствования, технологии материального производства, культурные стереотипы, религиозные и художественно-эстетические представления.

Рис. 2. Классификация блях с конской упряжи русского времени с территории Сибири

В южной полосе Сибири наряду с хлебопашеством, ремеслами и различными промыслами характерным явлением стало широкое внедрение гужевого транспорта с использованием лошадей в качестве тяглового животного. Как и в европейской части России, за Уралом были распространены различные типы зимних и летних повозок, использовавшихся для курьерской и почтовой службы, хозяйственных нужд и перевозок грузов на ближние и дальние расстояния. В соответствии с назначением применялась и упряжная конская сбруя, которая подразделяется на дуговую, бездуговую и дышловую. Считается, что русская упряжь (тягловая) имеет очень рациональную конструкцию, способствующую обеспечению максимальной работоспособности животного. Она должна быть прочной, легкой, простой в изготовлении и ремонте [Богданов, Ермолаев, 2004, с. 6].

Как правило, упряжь для различных видов хозяйственного использования не имеет лишних деталей, все ее элементы функциональны. Полную противоположность хозяйственной, повседневной упряжи представляла собой упряжь, предназначенная для снаряжения лошадей во время праздничных гуляний. Она богато декорировалась металлическими бляхами и кистями.

Украшенное подобным образом конское снаряжение было характерно для русской упряжи центральной части России, в Сибири оно появляется вместе с вольными землепашцами и торговцами, осваивавшими новые земли. В XIX в. важной частью народных гуляний стали свадебные тройки, символика которых во многом определялась их убранством. В конской упряжи использовались элементы, совмещавшие как практические и эстетические функции, так и магические. Шорники наносили на нее «защитные росписи», оберегавшие лошадей от сглаза, нападения диких зверей и разбойников. Особое значение придавалось бляхам-крестовикам, выполнявшим роль оберегов и несшим в себе отражение двух религиозных систем: христианства и народных верований, развивавшихся из дохристианских представлений.

Ярко выраженная солярная символика, подчеркивающая светлую, «солнечную» ипостась коня, уходит своими корнями в славянские древности I тыс. до н. э. Однако наиболее близкие морфологические параллели можно обнаружить в материалах верхнекамских могильников VII–IX вв., где в захоронениях встречаются бронзовые колесовидные подвески, украшенные ажурными прорезями, насечками и зубчатым краем [Голдина, 1969, табл. 47: б, 7]. «Солнечные амулеты» фиксируются у пояса погребенных, в ряде случаев вместе с ними находят фигурки коней или коньковые подвески. Оба типа амулетов связаны с почитанием солнца и гармонично дополняли друг друга. По мнению Л. А. Голубевой, эти образы вошли в мифопоэтический и образный ряд волго-окских финнов.

Исследователями отмечается стойкость традиций духовной и материальной культуры восточнославянских народов, восходящих ко временам славянского язычества. В частности, для территории Западной Сибири этнографические материалы свидетельствуют о консервации в условиях инокультурного окружения и отдаленности от метрополии ранних пластов культуры восточных славян. Реликты дохристианских представлений прослеживаются в верованиях, фольклоре, женских рукоделиях [Фурсова, 2006, с. 126, 135].

На наш взгляд, использование помимо прямого назначения упряжных украшений в среде русского населения может служить еще одним источником для реконструкции языческих верований. В своих записках художник К. А. Евреинов писал, что ямщики Южной Сибири подвешивали бляхи от сбруи к деревянным обозным часовням с образами Святого Власа – покровителя скота и Святого Никиты – заступника странников. Опираясь на данные, полученные от ямщиков, у которых сохранились часовни, он пришел к выводу, что ременные подвески со сбруйными бляшками служили не для украшения обозных часовенок, а имели религиозное значение. Вместе «со священной силой образа» они защищали людей и животных. На вопрос: «Почему (использованы) подвески с бляхами от сбруи, разве не было (возможности) как-нибудь получше украсить?» – ямщик ответил ему: «Это для коней надо...». К. А. Евреинов отметил, что к 1913 г., когда он осматривал часовенку, ее использовали уже около 200 лет [Евреинов, 2000, с. 138–139].

В данном случае можно говорить о переносе обрядов и ритуалов, включая специальные приношения в виде орнаментированных блях «скотью богу» Волосу, на святого Власия – хранителя скота. Возможно, и святой Никита, который, как отметил К. А. Евреинов, являлся заступником «странствующих людей, находящихся в дороге», имел своего языческого предтечу. Однако более широкое распространение в народных представлениях имело отождествление с Волосом святого Николая [Успенский, 1982, с. 45–49].

Стоит отметить, что самое позднее применение крупной орнаментированной бляхи в качестве нагрудного украшения конской узды верховой лошади зафиксировано нами в 2006 г. в районе с. Нижнеусинского Ермаковского района Красноярского края. Хозяин лошади, русский по происхождению и относящий себя к старожильческому населению Усинской долины, сообщил, что нашел бляху на дороге. По его словам, украшение узды подобными бляхами он встречал у тувинцев.

Помимо русского населения, украшенную бляхами конскую упряжь использовали буряты, обряжая ею праздничные и свадебные экипажи. Крупные орнаментированные бляхи помещали на чепраки лошадей хакасы.

Очень широкий культурный контекст имеет использование блях у народов Сибири и Дальнего Востока, проживавших в таежной и тундровой зоне. Чаще всего такие бляхи использовались как украшение оленьей узды и атрибутики шаманского костюма. У долган они встречаются в качестве составной части гугарки – держателя вожжей, крепящегося на передовом олене. Зафиксированы орнаментированные бляхи и на оленьей узде нгансанов, представленной в экспозиции Красноярского краевого краеведческого музея.

На шаманском костюме бляхи отмечены у ульчей. В 2000 г. японский исследователь Т. Масумото опубликовал материалы исследования шаманского пояса из с. Булава Ульчского района Хабаровского края, хранящегося в музее Института археологии и этнографии СО РАН. Бляха подвешена к широкому кожаному ремню вместе с другими различными подвесками из дерева и металла, включая бронзовое зеркало, гарду от японского меча и замок. По совокупности времени распространения этих подвесных предметов датировка пояса определяется 90-ми гг. XIX в. [Масумото, 2000, с. 119].

На нагруднике женского шаманского костюма удегейцев, привезенного в 1894 г. Н. Д. Кузьминым с р. Бикин и датированного второй половиной XIX в., также зафиксирована бляха с конской упряжи. Аналогичным образом украшен шаманский нагрудник с двумя латунными бляхами, привезенный в 1980 г. И. Н. Гемуевым из района обитания эвенков на р. Тым. К этому же костюму относятся еще два бронзовых украшения, которые подвешивались к одежде на плетеных поясах, орнаментированных бисером и бусинами.

Как деталь шаманского костюма рассматриваемые украшения встречаются у коряков. Они отмечены на ритуальном поясе и шапке шамана. Л. Н. Хаховской бляха не выделяется из состава пуговиц, нашитых на головной убор, наряду с ними она включается автором в состав статусных предметов, подчеркивающих социальное положение владельца [Хаховская, 2015, с. 129, рис. 26].

В качестве значимых празднично-ритуальных вещей предметы украшения конской упряжи были распространены у эвенов Магаданской области. Они нашивались на передник женской одежды, причем на одной из блях фиксируются следы подработки, придающей ей черты антропоморфной личины.

Стоит также отметить случаи использования орнаментированных блях вместе с бытовыми орудиями: на металлическом трубчатом игольнике, входившем в состав погребального снаряжения коряков, и на подвесном ремне огнива, зафиксированном у эвенков Красноярского края в начале 1920-х гг.

Заключение. Изучение украшений русской конской сбруи носит многоплановый характер и включает всевозможные варианты интерпретаций их функционирования в культурном пространстве: от полного сохранения потенциальной знаковости и концептуальности до бессознательного копирования и использования. Для части пришлого населения, прежде всего славянского, знаковая роль блях проявлялась в контаминации христианских и языческих представлений.

Бляхи, не связанные с конской упряжью («утерянные»), представляют собой тип украшений, которые уже не имеют утилитарного значения, но обладают повышенным семантическим статусом. Материал изготовления, форма и орнаментация попавших в таежные и тундровые регионы украшений оказались релевантными базисным символам, лежащим в основе традиционного мировоззрения проживавшего там населения. Поэтому включение блях в устоявшийся «вещный» мир органично дополнило систему его материальных и духовных ценностей.

Алиева Т. А. Некоторые данные о деталях костюма и украшениях тоболяков в XVII–XVX вв. // *AB ORIGINE*. – 2012. – Вып. 4. – С. 92–105.

Богданов В. В., Ермолаев В. А. Конская упряжь – основные элементы, требования и особенности. Методическое пособие к самостоятельной работе студентов. – Ульяновск : ГСХА, 2004. – 26 с.

Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 гг.) / А. П. Деревянко, А. А. Цыбанков, А. В. Постнов, В. С. Славинский, А. В. Выборнов, И. Д. Зольников, Е. В. Деев, А. А. Присекайло, Г. И. Марковский, А. А. Дудко. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – 564 с. – (Труды Богучанской археологической экспедиции ; т. 1).

Голдина Р. Д. Могильники VII–IX вв. на Верхней Каме // *Вопросы археологии Урала*. – Вып. 3 : Памятники ломоватовской культуры. – Свердловск, 1969. – С. 57–113.

Голубева Л. А. Символы солнца в украшениях финно-угров // *Древняя Русь и славяне*. – М., 1978. – С. 68–75.

Гончаров Л. Н. Художественные изделия из металла русских мастеров для народов Севера и Сибири (XVIII–XX вв.) // *Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII–XX вв.)*. – Новосибирск, 1983. – С. 106–120.

Еврешинов К. А. Путевые реликвии старинных сибирских ямов // *Труды Томского областного краеведческого музея*. – Томск, 2000. – С. 137–140.

Каталог русской упряжи. «Шорная торговля И. И. Климова». – М. : Грифон, 2014. – 148 с.

Масумото Т. Шаманский пояс рода ульчей айнского происхождения с Нижнего Амура // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – Новосибирск. – 2000. – Вып. 1. – С. 118–124.

Паршиков С. А., Прокопьева С. А., Карлов С. В. Средневековый бронзовый диск из Саяногорска (знаковая система объекта искусства и расшифровка связанного с ним сакрального «текста») // *Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии*. – Красноярск, 2009. – С. 166–173.

Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 248 с.

Фурсова Е. Ф. Орнитоморфная символика в традиционной культуре крестьян Приобья, Барабы, Кулунды и Алтая конца XIX – начала XX века // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2006. – № 2. – С. 126–136.

Хаховская Л. Н. Статус и престиж в культуре аборигенов северо-востока России (на примере изделий с форменными пуговицами) // Вопросы археологии, антропологии и этнографии. Сибири. – 2015. – № 2 (29). – С. 128–140.

Черная М. П. О чем «рассказывает» история и что «показывает» археология: источники и методы изучения русской культуры Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – № 1. – С. 114–122.

O. A Mitko, E. K Schveygert
Novosibirsk State University

ORNAMENTED BADGE RUSSIAN ORIGIN FROM ARCHAEOLOGICAL SITES, ACCIDENTAL FINDS AND ETHNOGRAPHIC COLLECTIONS MUSEUMS IN SIBERIA

The work deals with the analysis of non-ferrous metal plaques that adorn the Russian horse harness up to 20s of the last century. The tradition of decorating a harness designed for festive celebrations and weddings come to Siberia from European Russia. The archaeological sites found only a few copies of the plaques. At the same time a huge number of finds have been discovered «lovers of antiquity» in recent years. The local history museums in Siberia plaques presented complete with a variety of objects.

There are two main types: «badges buttons» and «badges krestoviki». Their semantics is close to the medieval «solar amulets», associated with the image of a horse. Coachmen plaques fastened to march chapels, giving it a religious significance. Along with the icons of Orthodox saints they were supposed to protect animals and travelers on the road. The indigenous peoples of northern Siberia decorated plaques harness the reindeer, hats, belts and outerwear shamans.

Keywords: russian troika, horse harness, typology, badge, solar symbols, copper, brass.

УДК 902.01:033.62

Я. Г. Загваздина

Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник

НАХОДКИ КИТАЙСКОГО ФАРФОРА ИЗ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ТОБОЛЬСКА

Фарфор и фаянс из культурного слоя поздних памятников русского населения являются весьма показательными находками с хорошими датирующими признаками. Российские фарфорово-фаянсовые изделия изучены довольно хорошо. Датирующие признаки китайского фарфора у нас известны хуже. Главный вопрос – можно ли датировкам фарфора из Поднебесной доверять? Решить его – цель данной публикации.

В статье вводятся в научный оборот редкие находки китайского фарфора, обнаруженные при раскопках в 2003 и 2007 гг. на территории Тобольского кремля. Это два донца небольших чаш. На одном из них изображен цветочный орнамент, второй – без рисунка. На обоих донцах присутствуют клейма. Клейма, нарисованные кобальтом, показали, что фарфор был изготовлен в XV в. при династии Мин. Учитывая, что Тобольск основан в конце XVI в., проанализированные находки следует отнести к подделкам.

Ключевые слова: Тобольск, кремль, китайский фарфор, династия Мин.

При исследовании культурного слоя поздних памятников, оставленных русским населением на территории Западной Сибири, довольно распространенной находкой являются обломки фарфоровых и фаянсовых изделий. Так, только при изучении Базарной площади Тобольска тюменскими исследователями было собрано несколько тысяч фрагментов фарфоровой и фаянсовой посуды [Аношко, Игнатов, 2014, с. 77–85]. При раскопках территории Тобольска встречаются обломки фарфора и фаянса разного времени и качества, которые несут определенную информацию об эпохе, их создавшей. Наиболее многочисленны находки изделий XIX – начала XX вв. разных производителей Российской империи. Реже встречаются фрагменты китайского фарфора, на которых хотелось бы остановиться подробнее.

История фарфора насчитывает не одну сотню лет. Связанные с ним традиции и ритуалы стали одним из ярких проявлений культуры Китая. Изделия эти всегда ценились очень высоко, археологический импортный фарфор имеет еще и высокое историческое и культурное значение.

Обломки фарфоровых изделий китайского производства встречены на территории Стадухинского острога [Алексеев, 1996, с. 37, 110], на памятнике Ананьино-I в Омском Прииртышье, в Мангазее, Березове, Обдорске

[Татауров, 2011, с. 383–388], на территории Иркутского острога [Бердников, Бердникова, 2008, с. 233–238]. Кроме того, фрагменты фарфора ранее были найдены в Тобольске тюменскими археологами [Матвеев, Аношко, Сирюшова, 2011, с. 116–124].

Среди предметов, обнаруженных при изучении культурного слоя Тобольска, есть находки китайского фарфора, которые пока не введены в научный оборот.

Первая находка (рис. 1: 1) была выявлена при раскопках на территории Тобольского кремля в 2007 г. под руководством И. В. Балюнова. Это донце (предположительно от чаши) диаметром около 5 см, украшено подглазурной кобальтовой росписью. На лицевой (внутренней) стороне изделия изображен растительный орнамент в виде цветка и листьев пиона (?), заключенного в двойной круг. Предмет имеет низкую кольцевую ножку. На дне снаружи, в двойном круге – клеймо, состоящее из шести иероглифов в два столбца. На внешней поверхности ножки – двойная линия, в месте перехода от ножки к тулову одинарная линия. На небольшом фрагменте тулова с внешней стороны роспись предположительно растительного характера. Изделие имеет следы воздействия высоких температур, возможно, побывало в пожаре.

Второй фрагмент (рис. 1: 2) найден при работах на территории Тобольского кремля под руководством А. В. Нескорова в 2003 г. Это донце (предположительно от чаши) диаметром 5,2 см. На внутренней стороне фрагмента орнамент отсутствует. Изделие имеет низкую кольцевую ножку. На дне снаружи, в двойном круге, клеймо, нанесенное кобальтом, включающее шесть иероглифов в два столбца.

Оба фрагмента украшены подглазурной кобальтовой росписью – одним из древнейших видов росписи на китайском фарфоре. Во втором случае это всего лишь марка на дне. Пожалуй, ни один другой вид росписи не является настолько китайским по своей сути, как подглазурный кобальт. Цвет неба гармонично согласуется с общей философией Поднебесной. Кроме того, этот цвет оттеняет красоту фарфорового черепка, при этом не замутняя глазурь и не скрывая белизну фарфоровой массы [Липко, 2009, с. 40–45].

Как отмечалось, обе находки сохранили клеймо с шестью иероглифами. Иероглифическое письмо предполагает передачу не звуков, а общего смысла. Таким образом, каждому иероглифу соответствует определенное значение. Китайские марки читаются сверху вниз и слева направо. Нам удалось прочесть марки на наших фрагментах. Первый иероглиф читается «Да» и означает великий. Он присутствует на подавляющем большинстве марок, производившихся в период правления династий Мин и Цин. Следующий символ обозначает наименование династии и читается как Мин или Цин. На обоих фрагментах указан минский иероглиф. Третий и четвертый иероглифы означают девиз правления, т. е. тот лозунг, под которым правил тот или иной китайский император. Под этими девизами императоры известны историкам. Пятый и шестой иероглифы означают «период» и «делать», условно можно перевести как «сделано в период», т. е. по третьему и четвертому иероглифам можно определить, к какому времени относится изделие. Соответственно, первый экземпляр помечен маркой правления Сюаньдэ (1426–1435 гг.), второй – маркой правления Чэнхуа (1465–1487 гг.).

Рис. 1. Китайский фарфор из культурного слоя Тобольска с территории Тобольского кремля

Казалось бы, мы столкнулись с большой удачей. Перед нами фрагменты фарфора, которые можно атрибутировать, определить, что это китайский фарфор, а также установить время его изготовления. И если верить надписям на дне, оба фрагмента относятся к фарфору династии Мин и могут быть отнесены к XV столетию. Известно, что Тобольск был центром торговли, и эти связи в какой-то мере были переняты им еще от Искера. К концу XVII в. китайские товары заняли господствующее положение во всем восточном ввозе в Россию через Тобольск [Вилков, 1967, с. 201].

Несмотря на то что город был центром торговли, в том числе и с восточными странами, всё же датировка данных изделий по клеймам выглядит весьма сомнительно, учитывая, что Тобольск основан только в 1587 г., а слой XV в. здесь неизвестен [Загваздин, 2012]. Фарфор, расписанный кобальтом и изготовленный именно в периоды Сюаньдэ и Чэнхуа, является практически эталонным и в подлинном виде, в том числе и на современном рынке, встречается редко [Липко, 2009, с. 40–45]. Интересно то, что подделывали изделия этого периода уже в древности и сами китайцы. Так, в конце правления династии Мин (1619–1644 гг.), в связи со сложной политической и экономической ситуацией в стране, крестьянской войной, нападением маньчжуров, производство фарфора и его качество заметно снижаются. Нередко, чтобы повысить ценность выпускаемых предметов, их снабжали марками Сюаньдэ и Чэнхуа [Арапова, 1977, с. 20].

Таким образом, логично будет предположить, что мы имеем дело с фарфором не XV в., а с более поздними подделками, датировать которые можно в лучшем случае первой половиной XVII в. Но, несмотря на относительно позднее изготовление, эти предметы представляют значительный интерес, так как они свидетельствуют о развитии торговых связей с Китаем, об определенном уровне запросов и благосостояния населения Тобольска, которое имело возможность приобретать дорогой китайский фарфор.

Алексеев А. Н. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. – 152 с.

Аношко О. М., Игнатов С. В. Нумизматические и сфрагистические материалы Базарного раскопа в Тобольске // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2014. – № 4(27). – С. 77–85.

Арапова Т. Б. Китайский фарфор в собраниях Эрмитажа. – Л. : Аврора. – 1977. – 136 с.

Бердников И. М., Бердникова Н. Е. К вопросу о времени первых захоронений на территории Иркутского острога // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2008. – С. 233–238.

Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. – М. : Наука, 1967. – 324 с.

Загваздин Е. П. К вопросу о раннем культурном слое Троицкого мыса г. Тобольска // Тобольск – врата Сибири: актуальные вопросы истории города и региона XVII–XX вв. – Тобольск, 2012. – С. 12–18.

Липко И. Заметки о китайском фарфоре, написанные «чайником» для чайников // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. – 2009. – № 5(67). – С. 40–45.

Матвеев А. В., Аношко О. М., Сирюшова Н. Ф. Старинный фарфор и фаянс из культурного слоя города Тобольска // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 2011. – № 2(15). – С. 116–124.

Татауров Ф. С. Школы, основные центры производства и характер распространения фарфора из археологических памятников Западной Сибири // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии : сб. науч. ст. / под ред. Л. В. Татауровой. – Омск, 2011. – С. 383–388.

Y. G. Zagvazdina

State Autonomous Cultural Institution of Tyumen Region “Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve”

FINDS OF CHINESE PORCELAIN FROM THE CULTURAL LAYER OF TOBOLSK

Porcelain and earthenware from the cultural layer of the later monuments of the Russian inhabitants are indicative findings. And they are well dated. Russian porcelain and faience studied well. Dated the Chinese porcelain has known worse. The main question – can I trust the dating of porcelain from China? To solve it – the purpose of this publication.

The article introduced for scientific circulation rare finds of Chinese porcelain, found during excavations in 2003 and 2007 on the territory of the Tobolsk Kremlin. These are two small bowls stems. On one of them depicts a floral ornament, and second has not a drawing. Both bowls have brands. Brands painted cobalt showed that the porcelain was made in the 15th century during the Ming Dynasty.

Considered that Tobolsk was founded at the end of the 16th century, analyzed the findings should be attributed to a forgery.

Keywords: Tobolsk Kremlin, Chinese porcelain, Ming dynasty.

**ТОМСКИЙ МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ЗВЕРЬ
(к семантике артефакта)**

Предпринята попытка семантического изучения образа фантастического животного на «красноглиняном» печном изразце из культурного слоя «Томской крепости» XVII в. Предшествующие публикации во многом ошибочны в своих суждениях и недостаточно информативны со смысловой точки зрения. Задачи исследования определяли поиск аналогий, хронологическую привязку, содержание сюжета и назначение изображения в идейно-смысловом отношении. Прямых аналогий поиск не дал. Сходные изображения обнаружены на смоленском светильнике XVI в., где в форме аллегии отражена борьба светлых и темных сил за обладание небесным Сионом. За фантастическими образами, совмещающими черты коня, льва и птицы, подразумевались конкретные политические и идеологические силы, «кроившие» историческую карту средневековой Руси. В результате исследования установлено, что томский изразец по аналогии демонстрировал в образе фантастического коня-льва-птицы облик внешнего врага, угрожавшего Томску на протяжении XVII в.

Ключевые слова: Томская крепость, русский печной изразец «фантастический зверь конь».

Многочисленные разведочно-поисковые и стационарные исследования «Томской крепости» на протяжении ряда лет сформировали значительный корпус «русских» артефактов, датирующихся в диапазоне XVII–XX вв. Особое место в ряду находок занимает коллекция фрагментов печных изразцов, украшенных рельефными растительными стилизациями и композициями с зооморфными и орнитоморфными персонажами. В числе последних внимание привлекают «красные изразцы» с профильным изображением фантастического животного, или, как говорили, «зверя» (рис. 1, с. 467).

Критика источников. В монографии 2002 г. М. П. Черная писала: «...Зверь напоминает коня, у него лошадиная голова, грива и туловище. Ноги похожи на когтистые птичьи лапы. Хвост львиный, тонкий, длинный, с кисточкой на конце. Согнутое положение ног передает гарцующее движение животного. Во рту он держит ветку с острыми треугольными листьями. Изображение динамично: “движущиеся” ноги, напряженно загнутый хвост, мускулатура, переданная энергичными рельефными линиями, показывают, что зверь как бы красуется, демонстрирует свою грациозность, ловкость и вместе с тем силу» [Черная, 2002, с. 58–59].

В монографии 2015 г. описание изразцов дублируется в сильно урезанном виде, а образ «зверя» лишен подробностей [Черная, 2015, с. 80]. При этом заметные изменения коснулись иллюстраций, выполненных с авторских прорисовок (реконструкций). При сравнении рисунка № 31а, б в книге 2002 г. (рис. 1) и рисунка № 83 в издании 2015 г. (рис. 5, с. 468) различаются форма гривы, кисточки хвоста, глаза и конечностей в коленных сгибах. По-разному трактованы на корпусе и шее животного геометрические фигуры, символизирующие, видимо, «мускулатуру, переданную энергичными рельефными линиями». Более того, на туловище не совпадает количество «мускулов» (соответственно четыре и шесть). Недостатки касаются и некоторых других деталей. Например, «восьмиконечная звезда» под брюхом коня [Черная, 2002, с. 59, рис. 31а, б] на реконструкции 2015 г. обратилась в девятиконечную, изменив при этом форму и рельеф. И это притом, что число лучей звезды с древних времен определяет ее ритуальное содержание и назначение, символизм конкретного божества: четыре луча – бог солнца Шамаш, пять – Иштар, шесть – звезда Давида, семь – гностическая звезда, восемь – знак богини Иштар и Венеры, она же Вифлиемская звезда – символ созидания и плодородия [Тресиддер, 2001, с. 107–108].

Неточности в иллюстрациях не стали решающим препятствием к использованию в настоящей работе прорисовки, обладающей наибольшей достоверностью [Черная, 2002, рис. 31а, б]. Для восполнения недостающих деталей использована «реконструкция» из экспозиции Музея истории Томска (рис. 6, с. 468).

Исследование источников. Что же на самом деле изображает и символизирует этот персонаж, что скрыто за эмпирически, казалось бы, объяснимыми деталями в их отдельности и совокупности? Фигура, запечатленная на изразце, бесспорно, «рисует» образ коня, усложненный «сказочными» деталями на фоне высокой степени стилизации и схематизма. Ирреальное сказочное восприятие инициируют и длинный гладкий хвост, с кисточкой на конце, выгнувшийся над спиной в виде знака S, и неестественно выгнутые конечности с когтями, и изогнутая в форме бивня «зубчатая» деталь, «вырастающая» из морды коня. Помимо этого, инаковость образа усиливает еще и так называемый «скелетный» стиль, противный, по сути, реализму. Изначальная недооценка данных обстоятельств при формальном описании фигуры грозит неизбежным формулированием трактовки бытового уровня, которая предполагает столь же неизбежный смысловой тупик такого рода, т. е. фантастический конь, играющий мускулами и гарцующий на птичьих лапах, с веткой в зубах и львиным хвостом за спиной.

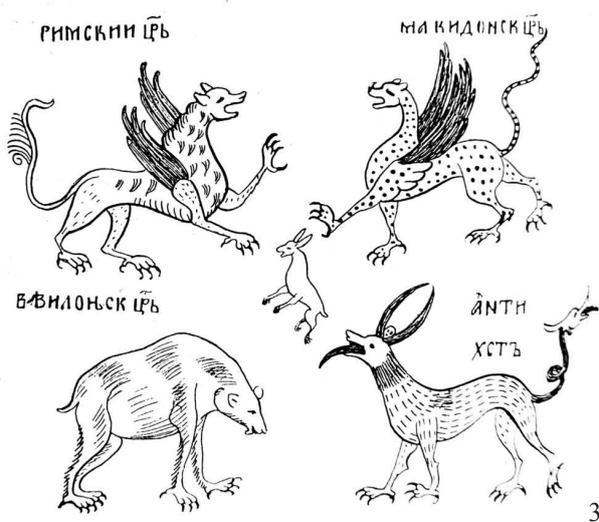
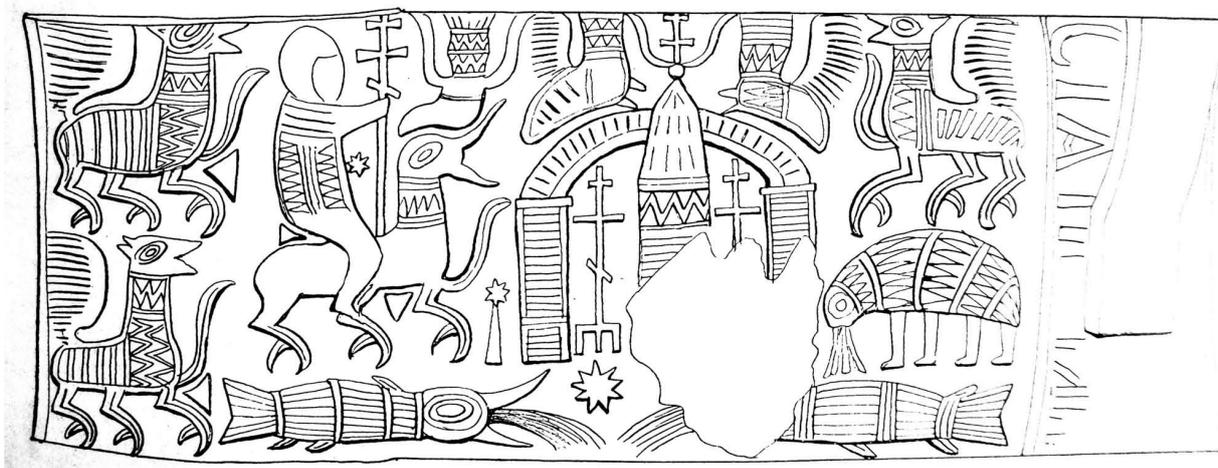

Рис. 1. Томский изразец. Прорисовка [по: Черная, 2002, рис. 316]

Рис. 2. Смоленский светец. Прорисовка композиции [по: Городцов, 1914, рис. 2]

Рис. 3. Прорисовка сцены из Псалтыри Онежского Крестного монастыря [по : Городцов, 1914, рис. 3]

Рис. 4. Образцы «булгарской» торевтики с образом «зверя» [по: Котов, 2010, рис. 1]

Рис. 5. Реконструкция томского изразца
[по : Черная, 2015, рис. 83]

Рис. 6. Реконструкция томского изразца
из экспозиции Музея истории Томска

В попытке избежать смысловой ловушки рассмотрим образ коня в поле его семантического звучания. Уже на эмпирическом уровне вполне понятно, что передние конечности коня намеренно искажены. В силу устройства коленных суставов кони могут сгибать их лишь внутрь, под себя, а вытягивать вперед только в распрямленном виде. Форма конечностей на плитке, напротив, более мобильна, что свойственно лапам кошачьих и канисовых. При этом наличие хвоста с кисточкой дает намек на львиную природу фигуранта. Следовательно, конь с изразца стоит не на птичьих, а на львиных лапах, но и это не всё. Форма когтей, точнее пальцев с когтями, действительно, птичья. На трех «лапах» показано по три когтя в ряд, а четвертый находится напротив сзади. Именно так устроены лапы крупных хищных птиц. Коготь, расположенный сзади, позволяет птице хватать добычу, обхватывать камни и ветки для опоры в наземном положении. В свете перечисленных обстоятельств образ томского коня приобретает новую окраску, характеризующую его в качестве «зверя», совместившего в своем строении черты коня, льва и хищной птицы.

Необходимую в толковании этой сцены помощь оказало исследование близкой по духу композиции из русской средневековой керамики, проведенное В. А. Городцовым в начале XX в. (рис. 2, с. 467). В специальной статье автор сделал попытку объяснить сцену на поверхности глазурированного керамического осветительного прибора (светец), изготовленного на Смоленщине в XVI в. [Городцов, 1914, с. 76, 78, рис. 1: 2]. Композиция, скомпонованная из фигур птиц, звезд и фантастических животных с чертами коней, птиц и кошачьих хищников, выполнена в довольно редком для такого рода искусства «скелетном» стиле. Комментируя стиль и иконографию, автор отметил их соответствие нормам средневековой русской книжной миниатюры, где в лицевых апокалипсисах смерть изображается «то на коне, то на льве». С ними соседствуют адские звери с семью головами и рогами, а также апокалипсические кони, «то разномастные... то одной белой масти» [Городцов, 1914, с. 84, рис. 3].

В поисках смысла композиции автор провел сравнительный анализ изображений и видений пророка Даниила, отразивших космогоническую картину «стихийной борьбы и хуления земными тварями неба». В итоге Городцов пришел к выводу, что рисунок осветил апофеоз борьбы и победу светлых сил над темными за овладение небесным Сионом. Выражением победы стало седлание «зверя», означающее символическое его укрощение человеком с восьмиконечным крестом в руках – Иисусом Христом. В широком смысле, речь, безусловно, идет о победе христианства над язычеством [Городцов, 1914, с. 81, 82].

В качестве сравнительного материала В. А. Городцов использовал символический рисунок из псалтыри Онежского Крестного монастыря (рис. 3, с. 467), составленный в конце XIV в. рукой переписчика смолянина Луки [Бугославский, 1906, с. 83, 86, 96, табл. XIV; Городцов, 1914, рис. 3]. Красочная миниатюра в аллегорической форме отразила политическое положение Смоленского княжества, окруженного противниками, от которых зависела дальнейшая судьба Смоленска. Соседей, посягавших на самостоятельность княжества, художник представил в образах, поименованных «римский царь», «македонский царь», «вавилонский царь» и «антихрист». Высокопоставленные персоны представлены в форме чудовищ с кошачьими телами, птичьими крыльями и когтями. Самый ужасный из них, «антихрист», символизировал монголо-татар [Бугославский, 1906, с. 84, 96, табл. XIV; Городцов, 1914, рис. 3].

Образы миниатюры как нельзя лучше характеризуют не только смоленские образцы, но и томский персонаж, которые разнятся лишь в мелких деталях. Точнее в расстановке акцентов. На смоленском образце доми-

нируют птичьи (крылья, противостоящие когти) и кошачье-львиные (хвост, морда, поднятая лапа) характеристики. На томском изразце, несомненно, господствует конская ипостась. При этом персонажи тесно объединены в семантическом плане. Все они являются демоническими существами, опасными реальному миру, и за каждым из этих символов стоит конкретный враг.

При сравнении томского и смоленского образцов возникает ощущение, что авторы рисунков иллюстрировали очень близкие по содержанию тексты. В символической форме затронут основной космологический миф о двуединстве миров, рассуждения о добре и зле, противостоянии доброго, национального (христианского) и злого, инородного (языческого). В изобразительном контексте авторы повествуют об изнурительной борьбе со Степью, обретшей не только военно-политическую, но и религиозно-идеологическую окраску.

Тема внешнего врага в XVII в. сохраняла актуальность одинаково и для смоленской, и для томской земли. Томск, точно так же как Смоленск, находился в окружении врагов и подвергался угрозам со стороны как разбитого, но несломленного сибирского хана Кучума, так и еще более серьезных конкурентов за власть в Западной Сибири – джунгарского хана и монгольских Алтын-ханов.

Отставив на некоторое время тему враждебного окружения, рассмотрим отдельные семантические аспекты томского персонажа, характеризующие его мифологическую и метафизическую природу. Современные источники доказывают достаточно долгую историю формирования образа, причем необязательно из древнерусских или славянских корней.

Прежде всего, несколько замечаний о позе коня. М. П. Черная пишет, что конь на изразце движется, гарцует. Однако это лишь иллюзия движения, порожденная приподнятой левой передней лапой. И то же самое можно сказать о большинстве смоленских персонажей. На самом деле животные застыли в геральдической позе предупреждения и угрозы одновременно. Биологами доказано, что поднятые вверх хвост и лапа, наряду с рычанием и вздыбленной шерстью на загривке, манифестируют агрессивное поведение кошачьего хищника, угрозу нападения. Любопытно, что приподнятая лапа, наряду с задраным хвостом, – очень устойчивый жест, начавший свой путь на образцах более раннего времени. Особенно часты такие примеры на согдийской торевтике, поступавшей на Русский и Сибирский Север в I – начале II тыс. [Маршак, 1971, табл. 6, 21, 23, 30; Marschak Boris, 1986, s. 121, 146; Котов, 2010, с. 68–70]. В XII в. эти образы внедряются в барельефы Владимиро-Суздальской храмовой резьбы по камню [Воронин, 1964, рис. 24, 26], а позднее отражаются в книжной миниатюре и керамике. Что касается изразцового искусства, то В. А. Городцов писал в свое время: «...изразцы с рельефными изображениями людей, птиц, животных... появляются в XV в. и затем, постоянно прогрессируя в своем развитии, существуют до начала XVIII в.» [Городцов, 1914, с. 86].

Ярко и убедительно мифологема «волшебного» коня изучена в работах В. Я. Проппа, открывшего на примерах славянской мифологии целый мир древнерусских воззрений, среди которых не последнее место занимает тема крылатого коня, понятия – птица-конь. По мнению Н. Я. Марра, в доисторические времена лошадь означала и птицу, семантически связанную с небом. Близость с птицей отмечена и в выкармливании коня в ряду чудесных или волшебных животных. Орел, конь и, наконец, даже змей выкармливаются злой царевной или сестрой [Пропп, 1998, с. 97, 98].

Любопытно наблюдение, утверждающее, что там, где конь играет культовую роль, он всегда белый. А белый цвет есть цвет потусторонних существ, и не случайно, что коня иногда называли невидимым: «В некотором царстве, в некотором государстве есть зеленые луга, и там есть кобылица-невидимка, и у ей 12 жеребят» [Пропп, 1998, с. 101]. Напомню, что, характеризуя масть апокалипсических коней из древнерусских рукописей, В. А. Городцов также указывал на их белую масть. В этом контексте любопытно замечание Р. Л. Розенфельда о том, что «красные изразцы» на печах белили [по: Черная, 2002, с. 57]. И, действительно, слабые следы белой покраски сохранились на отдельных фрагментах до сих пор (рис. 6, с. 468). Следовательно, томские кони на печах являлись магически белыми. Данные сведения хорошо ложатся на обозначенную выше позицию о сверхъестественной природе томского коня, подчеркнутую скелетным изображением.

Еще один важный для настоящей работы вывод В. Я. Проппа сделал в отношении огненной природы коня. Он писал: «Мы знаем, что основная функция коня – посредничество между двумя царствами. Он уносит героя в тридцатое царство. Точно таким же посредником был огонь», который уносил души умерших в страну мертвых. И далее: «Нет необходимости повторять здесь детали, касающиеся огненной природы коня: из ноздрей сыплются искры, из ушей валит огонь и дым и т. д.» [Пропп, 1998, с. 101].

В контексте процитированного следует вернуться к изогнутому «выросту» у морды томского коня. Определенно, он не является веткой с листвой. Кони – травоядные животные и не грызут, походя, ветки деревьев или кустарника. Мастер тоже знал об этом не понаслышке, поэтому вложил в свой рисунок не бытовую, а сакральный смысл. У волшебного сказочного коня в этом месте вполне логично быть языку пламени, исходящему из пасти огнедышащего животного. Сказочное понятие конь-огонь уместно не только для обозначения способности стремительно перемещаться, но также для фиксации магического огненного дыхания.

Истоки данного элемента можно увидеть в изделиях согдийского типа из Волго-Камского региона (рис. 4, с. 467), которые В. Г. Котов связывает с «булгарскими» древностями X–XI вв. [2010, с. 69, 70, рис. 1: 1–3]. У двух персонажей, и идейно, и формально сходных с томским конем, длинные, далеко высунутые из пасти языки,

круто выгнутые вверх. В последнем они сильно напоминают изображение антихриста, рассмотренное в работах Г. К. Бугославского и В. А. Городцова (рис. 3, с. 467). Наверное, рано делать утвердительное заключение, однако нельзя исключать, что русская иконография позаимствовала эту деталь из среднеазиатского (поволжского) изобразительного искусства вместе со многими другими темами и сюжетами. В нашем случае – это «согдийские» львы с изогнутыми хвостами и крылатые кони, украшавшие богатые сасанидские ткани в VI–VII вв. [Беспалова, 1997, с. 20].

При отсутствии надежных источников сейчас трудно судить о смысловом назначении вытянутых языков на согдийской или «булгарской» посуде. Пока можно лишь догадываться, что эта форма, вне зависимости от других причин, удачно легла на русское мифопоэтическое осмысление огнедышащего коня, нашла новое содержание и послужила моделью для изображений.

Наличие звезды под брюхом томского и смоленских коней лишний раз доказывает сакральность сюжетов, их метафизическое содержание, обусловленное принадлежностью коня к инаковым силам и событиям. В. Я. Пропп в своем исследовании показал, что конь не просто посредник между небом и землей, в «Ригведе» небо непосредственно сравнивается с конем, украшенным жемчугами [Пропп, 1998, с. 103].

Черета трансформаций образа в конце концов привела к созданию знакомого нам теперь облика «зверя» темного мира, служившего символом опасности. Ассоциативно-образное мифологическое мышление древних и средневековых обитателей Евразии веками вело селекцию и осмысление вербальных и изобразительных «знаков» «чужого» мира. В результате длительной работы под давлением военно-политических и религиозно-идеологических событий люди получили необходимые и узнаваемые лики-символы врага.

Сегодня нет сведений о количестве и системе размещении плиток со «зверем» в декоративном полотне томской печи (печей), как неизвестно количество этих печей и точное время их функционирования. Также нет данных, в каком соотношении такие изразцы были с другими, условно «фоновыми» образцами. И это серьезная проблема, так как семантика печного изобразительного полотна не менее важна, нежели содержание отдельного его элемента – изразца. От этого зависели не столько назначение, сколько смысл декоративного убранства. В традиционном искусстве нет изделий без смысла, таково уж его свойство. Поэтому то, что томский конь, в отличие от смоленского, не оседлан и, следовательно, не укрощен, далеко не случайность. Возможно, в этом и состояла квинтэссенция томского сюжета. Потусторонний образ, манифестирующий вскинутой лапой опасность из внешнего мира, ежечасно напоминал хозяевам дома об угрозе и о необходимости быть всегда готовыми к отражению темных сил в лице немирных соседей.

В традиционных воззрениях предметы, события или явления не имели однозначной трактовки. Они всегда многозначны, поэтому символ врага, предупреждающий своим видом об опасности, легко мог приобрести новый смысл – защитника. В результате изображение врага становилось оберегом против него же и тиражировалось с новым содержанием и назначением, не теряя целиком прежнего смысла.

Итоги исследования. В заключение несколько моментов принципиального характера. Во-первых, необходимо отметить чрезвычайную важность серийных находок печных изразцов в пределах Сибири и в частности Томска. Уже их наличие требует работы по разным аспектам, один из которых обозначен в настоящей работе.

В ходе исследования стало понятно, что еще потребуются серьезные поиски в области хронологической принадлежности томских изразцов, использование искусствоведческого и других междисциплинарных анализов. Например, сравнительной аналитики сырья и технологий с выходом на вопрос о месте и времени производства.

Семантический метод убедительно показал, что томский сюжет с фантастическим животным (конь-лев-птица) существовал в одном русле с общерусской идейно-мифологической традицией, имел серьезную политическую и идейную подоплеку. Своеобразие этого сюжета и его символика позволяют сделать предварительный вывод о его магико-охранительной функции.

Беспалова Т. Сасанидские ткани // Митра. – 1997. – № 1. – С. 18–24.

Бугославский Г. К. Замечательный памятник древней Смоленской письменности XIV в. и имеющийся в нем рисунок символично-политического содержания // Труды Императорского Московского археологического общества. – М., 1906. – Т. XXI, вып. 1. – С. 77–88.

Воронин Н. Н. Владимиро-Суздальская архитектура // Всеобщая история архитектуры : в 12 т. – Т. III : Архитектура Восточной Европы. – Л., 1964. – С. 598–639.

Городцов В. А. Смоленский древний светец (дар Е. Н. Клетновой) // Отчет Императорского Российского исторического музея имени Императора Александра III в Москве за 1913 год. – М., 1914. – С. 76–88.

Котов В. Г. «Булгарская» торевтика как источник по реконструкции мировоззрения волго-уральского населения в эпоху раннего Средневековья // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии : сб. науч. тр. – Барнаул, 2010. – С. 67–70.

Маршак Б. И. Сокровища Приобья // Сокровища Приобья. – СПб., 1996. – С. 45–227.

Маршак Б. И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. – М. : Глав. ред. вост. лит., 1971. – 191 с.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – М. : Лабиринт, 1998. – 270 с. – URL: http://royallib.com/book/prop_p_vladimir/istoricheskie_korni_volshebnoy_skazki.html (дата обращения: 15.02.2015).

Тресиддер Дж. Словарь символов. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 448 с.

Черная М. П. Томский кремль середины XVII–XVIII вв.: проблемы реконструкции и исторической интерпретации. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. – 187 с.

Черная М. П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. – Томск : Издат. дом «Д'Принт», 2015. – 276 с.

Marschak Boris Silberschätze des Oriens / Metallkuntat des 3. – 13. Jahrhundert und ihre Kontinuität. – Leipzig : Veb E. A. Seeman Verlag, 1986. – 438 s.

Y. I. Ozheredov

Tomsk History Museum

TOMSK MYTHOLOGICAL BEAST: SEMANTIC STUDY OF AN ARTIFACT

The article represents a semantic study of a fantastic beast depicted on a Russian stove tile which was excavated at the level of 17th century in the Tomsk fortress. Previous studies have a number of misinterpretations and in general lacked in semantic understanding of the images. Present work aims at finding analogues, dating, interpreting and suggesting the functions of these images. No analogues have been discovered at present stage of the research. Similar images were found on a 16 century ceramic oil lamp near present Smolensk. They show an allegory on the battle of Zion between light and dark forces. The mythological hybrids that partially were horses, lions and birds symbolized particular political and ideological forces competing for the territories on the map of medieval Russia. The study confirmed that the image from Tomsk symbolized the enemy threatening Tomsk in 18th century.

Keywords: Tomsk fortress, Russian oven tile, fantastic beast, horse.

УДК 902 (571.17)

А. С. Сизев

Музей-заповедник «Томская Писаница»

МАТЕРИАЛЫ РУССКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ПОСЕЛЕНИЙ СРЕДНЕГО ПРИТОМЬЯ (работы хоздоговорной темы «Волна»)

В статье проанализированы археологические материалы русского времени, полученные в ходе работ по хоздоговорной теме «Волна» в 1970–1980-х гг. на памятниках Среднего Притомья (Сосновка IV, Курья IVa, Глинка, Ажендарово II, Салтымаково III, Лачиново I). Охарактеризованы такие категории находок, как керамическая посуда, нательные кресты, предметы орудийного набора, выявлен круг вещественных аналогий и предложена датировка.

Ключевые слова: хоздоговорная тема «Волна», Лачиново I, Сосновка IV, Курья IVa, Глинка, Ажендарово II, Салтымаково III, Среднее Притомье, нательные кресты, керамика, русская археология, XVIII–XIX вв.

Важным направлением исследований кафедры археологии Кемеровского государственного университета (КемГУ) во второй половине 1970–1980-х гг. стали хоздоговорные археологические работы в зоне затопления Крапивинской ГЭС. В ходе спасательных работ по обоим берегам Томи от пгт Зеленогорска до с. Ерунакова обнаружены поселения, содержащие слои русского времени – Салтымаково III, Ажендарово II, Глинка, Лачиново I, Курья IVa, Сосновка IV. Поскольку материалы русского времени с памятников не были сколько-нибудь подробно проанализированы в публикациях, потребовалось провести обработку коллекций в фондах музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ (КМАЭЭ), среди которых не оказалось материалов с поселений Глинка, Салтымаково III, Ажендарово II.

Большая часть рассматриваемых нами поселений расположена компактно в окрестностях Лачиновской Курьи – левого притока Томи. И только два поселения (Сосновка IV, Салтымаково III) располагаются на правом берегу Томи напротив устья притока (рис. 1: 9, с. 474).

Материалы с поселения *Курья IVa* (пойма Лачиновской Курьи, в 4 км от бывшей д. Лачиново) датируются И. В. Окуновой периодом от эпохи бронзы до позднего Средневековья [Окунева, 2006, с. 34]. В верхних слоях памятника сделана единственная находка, предположительно отнесенная авторами раскопок к русскому времени, – развал верхней части лепного неорнаментированного сосуда [Любченко, 1987, с. 13].

Форма сосуда – закрытая банка (рис. 2: 5, с. 475). Венчик отогнут наружу, его срез приострен. Диаметр верхней части сосуда – 12 см, толщина стенок – 0,8–0,9 см. Цвет керамики на изломе варьируется от светло-коричневого до черного. На наружной поверхности, особенно в зоне венчика, отчетливо видны следы от однонаправленных горизонтальных заглаживаний, которые могли возникнуть при доработке сосуда на ручном гончарном круге. На внешней стороне сосуда заметны следы нагара, свидетельствующие о его использовании для приготовления пищи на огне. Тогда как профилем сосуд сходен с жбаном, применявшимся в основном для хранения продуктов [Татаурова, 1998, с. 108].

Поселение *Сосновка IV* (правый берег Томи, в 7 км к югу от с. Салтымаково и в 300 м севернее бывшей д. Сосновка). Находки с памятника датируются последними веками I тыс. до н. э. – первыми веками I тыс. н.э., ранним Средневековьем, русским временем [Окунева, 2006, с. 31]. С последним периодом связаны железные предметы, нательные кресты, представительный керамический комплекс (более двух тысяч фрагментов).

Два металлических четырехконечных креста, обнаруженные в верхних слоях памятника, атрибутированы нами в соответствии с типологией сибирских крестов-тельников из Илимского острога, предложенной В. И. Молодиным. У креста № 1 (рис. 1: 2, с. 474) обе стороны по периметру оконтурены рельефным валиком. В центре лицевой стороны располагается рельефное изображение восьмиконечного креста, к которому слева прислонено копьё, а справа – трость. Кроме того, на нижней лопасти изделия схематично изображена голова Адама. В верхней части креста нанесены двумя рядами нечитаемые сочетания букв, предположительно монограммы Христа – ЦС (Царь Славы) и ИХ (Иисус Христос). Над и под углами горизонтальной перекладины рельефного креста имеются нечитаемые знаки. Обратная сторона креста заполнена сплошной нечитаемой надписью. Размеры креста – 1,7 × 3,5 × 0,1 см. Предположительно крест № 1 относится к варианту 1 подтипа 1 типа 1 по типологии В. И. Молодина [2007, с. 41].

Крест № 2 (рис. 1: 1) с обеих сторон оконтурен рельефным валиком. На лицевой стороне имеется рельефное изображение восьмиугольного креста, фланкированного копьём с левой стороны и тростью с правой. Обратная сторона предмета сплошь покрыта нечитаемой надписью. Остальные иконографические элементы креста слабо различимы ввиду его плохой сохранности. Размеры креста – 2,3 × 4,9 × 0,1 см. Крест № 2 сопоставим с вариантом 2 подтипа 1 типа 1 по типологии В. И. Молодина [2007, с. 41].

В работе В. И. Молодина представлены аналогии рассмотренным крестам. Подобные кресты, найденные на территории Москвы, Удмуртии, Молдавии, датируются XVII–XIX вв. и относятся к категории «мужских» старобрядческих крестов [Молодин, 2007, с. 42–43].

Орудийный набор с поселения *Сосновка IV* включает предметы быта – скобы, кованые гвозди, рыболовные крючки, железные ножи, керамическое грузило (рис. 1: 3, 4). Три ножа (рис. 1: 5–7) можно отнести к категории многофункциональных черешковых ножей, размеры которых варьируются (15,5–29,2 см). Характерные особенности этих изделий – прямая спинка, наличие одного-двух уступов, отделяющих лезвие от черенка, изогнутое лезвие. Четвертый нож (рис. 1: 8), возможно, использовался для определенных операций, о чем может свидетельствовать крепление черенка под углом.

Керамика с поселения *Сосновка IV* лепная, сделана в технике жгутового или ленточного налёпа. Венчики в некоторых случаях дорабатывались на ручном гончарном круге, от использования которого в этой части сосудов остались параллельные линии. Округлые углубления в середине наружной поверхности днища также могут быть следами крепления заготовки сосуда к гончарному кругу (рис. 2: 1). Заглаживание соединительных швов в зоне тулова и придонной части производилось тряпкой (на некоторых сосудах есть оттиски ткани). Стенки сосудов достаточно толстые (0,8–1,6 см). В тесте часто встречается отошитель – крупный песок (дресва). Цвет теста на изломе фрагментов от разных сосудов варьируется от темно-серого до светло-коричневого. На памятнике в равной мере представлена посуда, обожженная как в окислительной (50 %), так и в восстановительной (50 %) среде [Глушков, 1996, с. 81]. Преобладают плоскодонные сосуды открытой баночной формы (50 % сосудов), встречаются закрытые банки (22 %), горшки (33 %), есть тарелка. По типологии русской керамики, разработанной Л. В. Татауровой, на памятнике имеются следующие типы сосудов – латки, корчаги, горшки, т. е. посуда традиционно русских форм (рис. 2: 1, 6, 7, 12). Орнамент на керамике редок. Два сосуда орнаментированы по срезу венчика рядом косых параллельных насечек (рис. 2: 9, 15), один декорирован в привенчиковой зоне рядом прочерченных перекрещивающихся линий (рис. 2: 8).

Способ изготовления двух сосудов, представленных фрагментами венчиков, заметно отличается от технологии изготовления основной массы посуды памятника *Сосновка IV*. Эти изделия, несомненно, сделаны на гончарном круге – на поверхности видны параллельные линии. Один венчик является фрагментом чернолощеного сосуда (рис. 2: 3), скорее всего доставленного с территории какого-то притомского острога. Наличие на памятнике керамики, выполненной разными способами (лепной, лепной с доработкой на ручном гончарном круге, станковой), может свидетельствовать о процессе усвоения со временем местной гончарной традиции. К со-

жалению, отсутствие в отчете сведений о глубине залегания фрагментов керамики не позволяет сделать выводы о стратиграфии типов. Не исключено также, что лепная керамика с доработкой на ручном круге и станковая одновременны, только первая была местной, а вторая привозной.

Поселение Лачиново I находится на территории бывшей д. Лачиново [Окунева, 2006, с. 29–30]. В слое русского времени найдены фрагменты венчиков и придонных частей не менее чем 18 сосудов. Нами было определено, что большую часть посуды составляли гончарные горшковидные сосуды со слабовыраженной шейкой и раздутым туловом (77 %), имеются также открытые и закрытые банки (33 %) (рис. 2: 2, 4, 10, 11, 13). Керамика неорнаментированная. Встречаются фрагменты с наклепным валиком на внешней стороне венчика (рис. 2: 14). По типологии русской керамики, предложенной Л. В. Татауровой, это корчаги, горшки, латки. Толщина стенок сосудов – 0,6–1,2 см. Крупных примесей (дресвы) в составе теста значительно меньше, чем в керамике с поселения Сосновка IV. На некоторых фрагментах сосудов отмечены следы нагара, что может свидетельствовать об определенном хозяйственном использовании такой посуды. На памятнике преобладает посуда, характеризующаяся темно- и светло-серым цветом на изломе, прошедшая обжиг в восстановительной среде (72 %), в то время как сосудов, обожженных в окислительной среде, значительно меньше (28 %).

Поселение Глинка находится в 90 км выше по течению Томи от Лачиновской Курьи. Согласно А. В. Циркину, памятник содержит слои эпохи бронзы и русского времени [Циркин, 1980, с. 19]. Вещественный комплекс поселения представлен поливной гончарной керамикой, галечными грузилами, многочисленными металлическими предметами: медной ручкой от сундука, железными коваными гвоздями, дужкой от ведра, четырехгранным пробойником, черешковыми ножами. По форме А. В. Циркин разделяет посуду на два типа – горшки и миски. Керамика покрыта глазурью с линейным или зигзагообразным рисунком [Там же, с. 25].

Поселение Ажандарово II находится в 200 м южнее д. Лачиново. И. В. Окунева указывает, что поселенческий инвентарь включает фрагменты гончарных сосудов, покрытых разноцветной глазурью, лепные горшки, галечные грузила [Окунева, 2006, с. 29].

Поселение Салтымаково III расположено на территории одноименного села. Найдены черешковые железные ножи, четырехгранные пробойники, кованые гвозди, неорнаментированная толстостенная плоскодонная посуда [Окунева, 2006, с. 29]. Е. М. Рабинович указала на факт сходства русской керамики из Салтымаково III с керамикой поселений Сосновка IV и Ажандарово II [Рабинович, 1989, с. 18].

Выше было определено, что наиболее распространенными типами сосудов на рассмотренных поселениях Среднего Притомья являются горшок, корчага, латка. Подобная посуда распространена и на других русских памятниках Западной Сибири. Например, в Умревинском остроге (XVIII в.) [Горохов, 2011, с. 134]. В материалах из Усть-Тартасского форпоста (XVIII в.) такие сосуды датируются XVII–XIX вв. [Колонцов, Воробьев, 2001, с. 156]. Аналогии анализируемым сосудам имеются, например, на памятниках Притомья – Абагурское I (конец XVII – начало XVIII вв.) [Ширин, 2015, с. 17], Малово I (вторая половина XVIII в.) [Ширин, 2005, с. 22], Староабашево (XVIII в.) [Ширин, 2006, с. 27]. Такая керамика в большом количестве есть в археологических материалах из других сибирских острогов и городов [Мельников, 2000, с. 395].

Способы изготовления посуды с Курьи IVа и Сосновки IV близки приемам изготовления сосудов с Усть-Тартасского форпоста (ручная лепка, использование круга для заглаживания поверхности, как правило, верхних частей сосудов) [Новиков, 1990, с. 180]. Посуда с Лачиново I отличается от керамики Курьи IVа и Сосновки IV. Она полностью изготовлена на гончарном круге, о чем свидетельствует наличие параллельных линий по всей поверхности сосудов. В тесте содержится меньше крупных примесей, стенки сосудов более тонкие.

Посуда с декорированными срезом венчика и привенчиковой зоны встречается на других русских памятниках Верхнего Приобья. Сосуды, орнаментированные гребенчатыми оттисками в привенчиковой зоне, известны на памятнике Ступин Лог (вторая половина XVIII в.) [Ширин, 2003, с. 21]. Один из горшков с Усть-Тартасского форпоста орнаментирован косыми перекрещивающимися линиями, причем С. В. Колонцов и А. А. Воробьев подчеркивают именно русское происхождение таких орнаментальных мотивов [2001, с. 157]. Фрагменты керамических сосудов с орнаментом в виде косых параллельных линий на срезе венчика встречаются на поселении Малово I [Ширин, 2003, с. 27].

Л. В. Татаурова отмечает, что технология изготовления лепной керамики сохранилась у русских Сибири вплоть до начала XX вв. [1998, с. 91]. Лепная керамика характерна и для русских памятников Притомья, например, поселения Сосновка IV [Ширин, 2006, с. 29], Курья IVа, Салтымаково III, Ажандарово II.

Аналогии предметам орудийного набора с поселений Среднего Притомья имеются и на других памятниках Верхнего Приобья: рыболовные крючки встречаются на территории Умревинского острога [Горохов, 2011, с. 134]; керамическое грузило было найдено на памятнике Ильинка 5 (вторая половина XVII столетия) [Ширин, 2015, с. 67]. Железные черешковые ножи, подобные обнаруженным на поселениях Глинка и Сосновка IV, были выявлены в Кузнецком остроге, а также на других русских поселениях Притомья. Они датируются исследователями XVII–XIX вв. [Ширин, 2006, с. 35; Зиняков, 2014, с. 84]. Похожий нож есть среди находок из Умревинского острога, причем С. В. Горохов отмечает наличие таких изделий и на территории других сибирских острогов [Горохов, 2011, с. 135]. Для каменных рыболовных грузил из верхних слоев памятников Глинка, Ажандарово II были найдены аналогии в материалах из Саянского острога (XVIII в.) [Скобелев, 2003, с. 281].

Рис. 1. Материалы памятника Сосновка IV:

1 – крест № 2; 2 – крест № 1; 3 – рыболовный крючок; 4 – керамическое грузило; 5–8 – черешковые железные ножи;
 9 – карта археологических памятников со слоями русского времени, открытых в ходе работ по хозяйственной теме «Волна»
 (1 – Лачиново I; 2 – Курья IVa; 3 – Ажндарово II; 4 – Салтымаково III; 5 – Сосновка IV; 6 – Глинка)

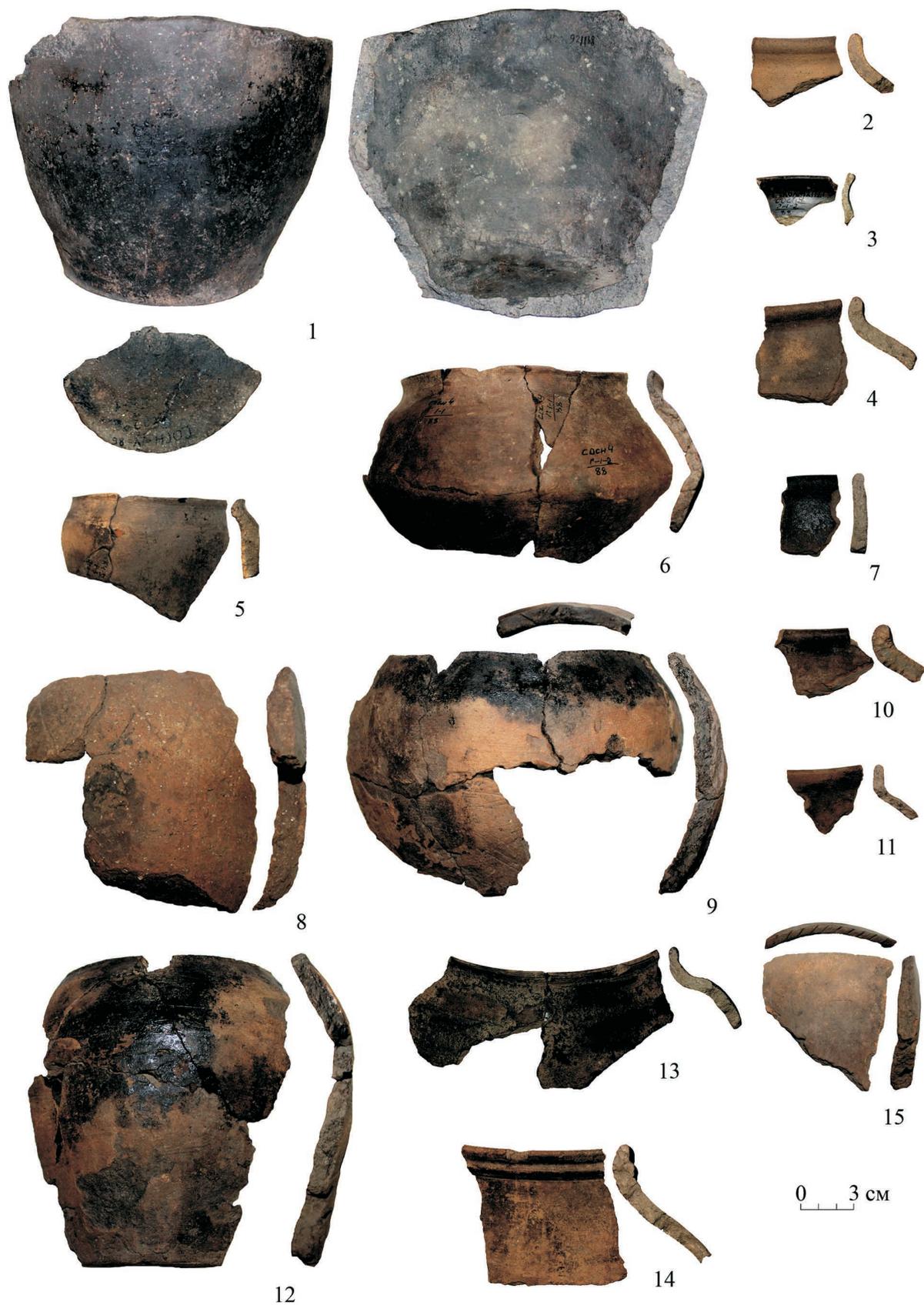

Рис. 2. Керамика из памятников Сосновка IV, Лачиново I, Курья IVa:

1, 3, 6, 8, 7, 9, 12, 15 – фрагменты керамических сосудов с поселения Сосновка IV; 5 – фрагменты керамического сосуда с поселения Курья IVa; 2, 4, 10, 11, 13, 14 – фрагменты керамических сосудов с поселения Лачиново I

Таким образом, приведенные аналогии позволяют датировать XVIII столетием большую часть предметов материального комплекса поселений Курья IVa и Сосновка IV. Изготовленная по более совершенной технологии посуда поселения Лачиново I предположительно относится ко второй половине XVIII – первой половине XIX вв. При этом верхняя граница определяется здесь отсутствием гончарной поливной ремесленной керамики, характерной для слоев второй половины XIX – начала XX вв. русских памятников Притомья. По этому же признаку керамику поселения Глинка можно датировать второй половиной XIX – началом XX вв.

Скорректировать датировку позволяет обращение к архивным документам и картографическим материалам. Так, в географическом атласе «Чертежная книга Сибири» С. У. Ремезова, зафиксировавшем расположение населенных пунктов в конце XVII в., в окрестностях Лачиновской Курьи никаких сел и деревень не отмечено. В документе «Описание Кузнецкого уезда» Г. Ф. Миллера, относящемся к 1734 г., в окрестностях Лачиновской Курьи числится только один населенный пункт – д. Лачиново. Эта деревня располагалась на правом берегу [Миллер, 2003, с. 80], тогда как одноименная современная деревня находилась на левом. В ревизских сказках д. Салтымаково начинает упоминаться с четвертой ревизии (1782 г.), а д. Лачиново с шестой (1811 г.) [Усков, 2002, с. 169]. Тем самым предложенная нами нижняя дата (XVIII в.) подтверждается данными письменных источников.

Предпринятый автором анализ материалов из русских слоев памятников, изученных в процессе работ по хозяйственной теме «Волна», позволил датировать поселения Сосновка IV, Курья IVa – XVIII в., Лачиново I – второй половиной XVIII – первой половиной XIX вв., Глинка – второй половиной XIX – началом XX вв. Пока не удалось уточнить хронологию памятников Ажндарово II и Салтымаково III. Поскольку региональные критерии периодизации русских комплексов еще не выработаны, сузить датировку рассмотренных в статье материалов на сегодняшний день не представляется возможным.

Любченко В. М. Отчет о НИР исследования археологических памятников в зоне строительства Крапивинского гидроузла. Раскопки памятников Курья 4, 6, 8, 9 // Научный архив КМАЭЭ, 1987. Д. 745.

Рабинович Е. М. Отчет о раскопках поселения Сосновка III и Сосновка IV в Крапивинском районе Кемеровской области, 1981 г. // Научный архив КМАЭЭ, 1984. Д. 671.

Циркин А. В. Отчет о раскопках поселения у деревни Глинка Новокузнецкого района Кемеровской области 1980 г. // Научный архив КМАЭЭ, 1981. Д. 586.

Глушков И. Г. Керамика как исторический источник. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 328 с.

Горохов С. П. Умревинский острог как археологический источник : дис. ... канд ист. наук. – Новосибирск, 2011. – 331 с.

Зиняков Н. М. К вопросу об особенностях кузнечного производства Кузнецкого острога и окрестных деревень в XVII–XVIII вв.: на основе металлографических исследований // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск ; Тюмень ; Екатеринбург, 2014. – Т. 1. – С. 82–93.

Колонцов С. В., Воробьев А. А. Материалы Усть-Тартасского форпоста // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Новосибирск, 2001. – Вып. 3. – С. 154–158.

Мельников Б. В. Характеристика гончарной керамики археологических памятников Урала и Сибири (XVI–XVIII вв.) // Русские старожилы. – Тобольск ; Омск, 2000. – С. 394–399.

Миллер Г. Ф. Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии в сентябре 1734 г. // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 2003. – Вып. 5. – С. 63–87.

Молодин В. И. Кресты-тельники Илимского острога. – Новосибирск : Инфолио, 2007. – 248 с.

Новиков А. В. Гончарное производство Усть-Тартасского форпоста // Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика. – Новосибирск, 1990. – С. 175–181.

Окунева И. В. Поселения Среднего Притомья: итоги работ хозяйственной темы «Волна» // Археология Южной Сибири. – Вып. 24. – Кемерово, 2006. – С. 29–39.

Скобелев С. Г. Местные заимствования и комплекс материальной культуры русских первопроходцев юга Средней Сибири (по материалам раскопок Саянского острога) // Степи Евразии в древности и Средневековье. – СПб., 2003. – С. 278–282.

Татаурова Л. В. Типология русской керамики (по этнографическим материалам) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. – Новосибирск, 1998. – Т. 3. – С. 88–123.

Усков И. Ю. Ревизские сказки как источник по истории Среднего Притомья // Аборигены и русские старожилы Притомья. – Кемерово, 2002. – С. 153–175.

Ширин Ю. В. Керамика XVIII в. из деревень в окрестностях Кузнецка // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 2003. – Вып. 5. – С. 17–35.

Ширин Ю. В. К проблеме этнической атрибуции южносибирских археологических комплексов Нового времени в зоне расселения русских // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 2006. – С. 25–36.

Ширин Ю. В. Материалы археологических разведок на р. Томи // Из Кузнецкой старины. – Новокузнецк, 2015. – С. 4–75.

MATERIALS OF RUSSIAN TIME FROM SETTLEMENTS OF MIDDLE TOMSK REGION (research under administrative contract "Volna")

The archeological materials of Russian time, which were received as a result of archeological investigations in Middle Tom Region in 1970–1980s on archeological sites (Sosnovka IV, Kuria IVa, Glinka, Azhendarovo II, Saltimakovo III, Lachinovo I) under administrative contract "Volna", are considered in this article. Such categories of finds as pottery, crucifixes, tools were characterized. The author offers his analogues and dating.

Keywords: administrative contract "Volna", Lachinovo I, Sosnovka IV, Curia IVa, Glinka, Azhendarovo II, Saltimakovo III, Middle Tom Region, Russian archeology, 18–19th centuries.

УДК 903.03

Н. А. Тропин

Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина

МИР МАТЕРИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЗАЖИТОЧНОГО ЖИТЕЛЯ ЕЛЬЦА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII – НАЧАЛА XVIII ВЕКА (по материалам раскопок 2007 года по улице Маяковского, дом 5)

Экспедиция Елецкого государственного университета с 1990-х гг. проводит систематические исследования в историческом центре Ельца с целью поиска местонахождения летописного города и изучения его исторической топографии позднего Средневековья и начала Нового времени. В 2007 г. исследования осуществлялись в рамках развития туристической зоны и как междисциплинарные с целью изучения материальной культуры, получения новых сведений по исторической топографии города, изучения жилища зажиточного горожанина. Методы исследования связаны с междисциплинарными, комплексными исследованиями ландшафта, палеозоологии, стекла, нумизматики. В культурном слое, кроме керамики, встречены индивидуальные находки, основная часть которых относится к XVI–XVII вв. С этим периодом связаны четыре подпольные ямы от жилищ служилых людей. Один из объектов (№ 5) представляет наибольший интерес. Высока вероятность зажиточного статуса владельца дома. Об этом свидетельствует кирпичная изразцовая печь, находки оконного стекла, посудное стекло, добротно обустроенный подпол дома. Возможно говорить о динамике застройки участка в пределах одного дворовладения конца XVI – начала XVIII вв.

Ключевые слова: исторический центр Ельца, средневековое жилище, средневековое стекло, елецкие служилые люди.

В 2007 г. экспедиция Елецкого государственного университета имени И. А. Бунина проводила междисциплинарные исследования в историческом центре Ельца (Липецкая область) по ул. Маяковского, д. 5 с целью изучения его исторической топографии позднего Средневековья и начала Нового времени. Нумизматическое определение проводилось член-корреспондентом РАН П. Г. Гайдуковым, почвенные анализы – научным сотрудником Института географии РАН Э. П. Зазовской, анализ стекла кандидатом исторических наук Ю. А. Лихтер, палеозоологический материал изучался научным сотрудником Института археологии РАН А. Н. Глазуновой. К работам были привлечены ведущие сотрудники Института физики РАН П. А. Морозов и В. В. Копейкин, проводившие в окрестностях раскопа георадарные исследования.

Согласно письменным источникам XVI–XVII вв., участок раскопа находился внутри северного пространства крепости. Раскоп площадью 448 кв. м был заложен на пустыре, на месте снесенного в 2006 г. здания XIX в. и его более поздней пристройки (рис. 1, с. 478).

В культурном слое, кроме керамики, встречены индивидуальные находки, основная часть которых относится к XVI–XVII вв. (рис. 2, с. 480). Это изделия из железа (ножи, гвозди, иглы, подковы под каблук, наконечник стрелы, кресало и др.), бронзы (перстни, нательные кресты, заклепки), глины (трубка, печные изразцы, пряслица, игрушки, грузила), кожи (фрагменты и обрезки обуви, каблуки), отметим также находки бус, пуговиц, свинцовые пули, кремневое огниво. Необходимо сказать, что в слое артефакты XVIII–XIX вв. немногочисленны.

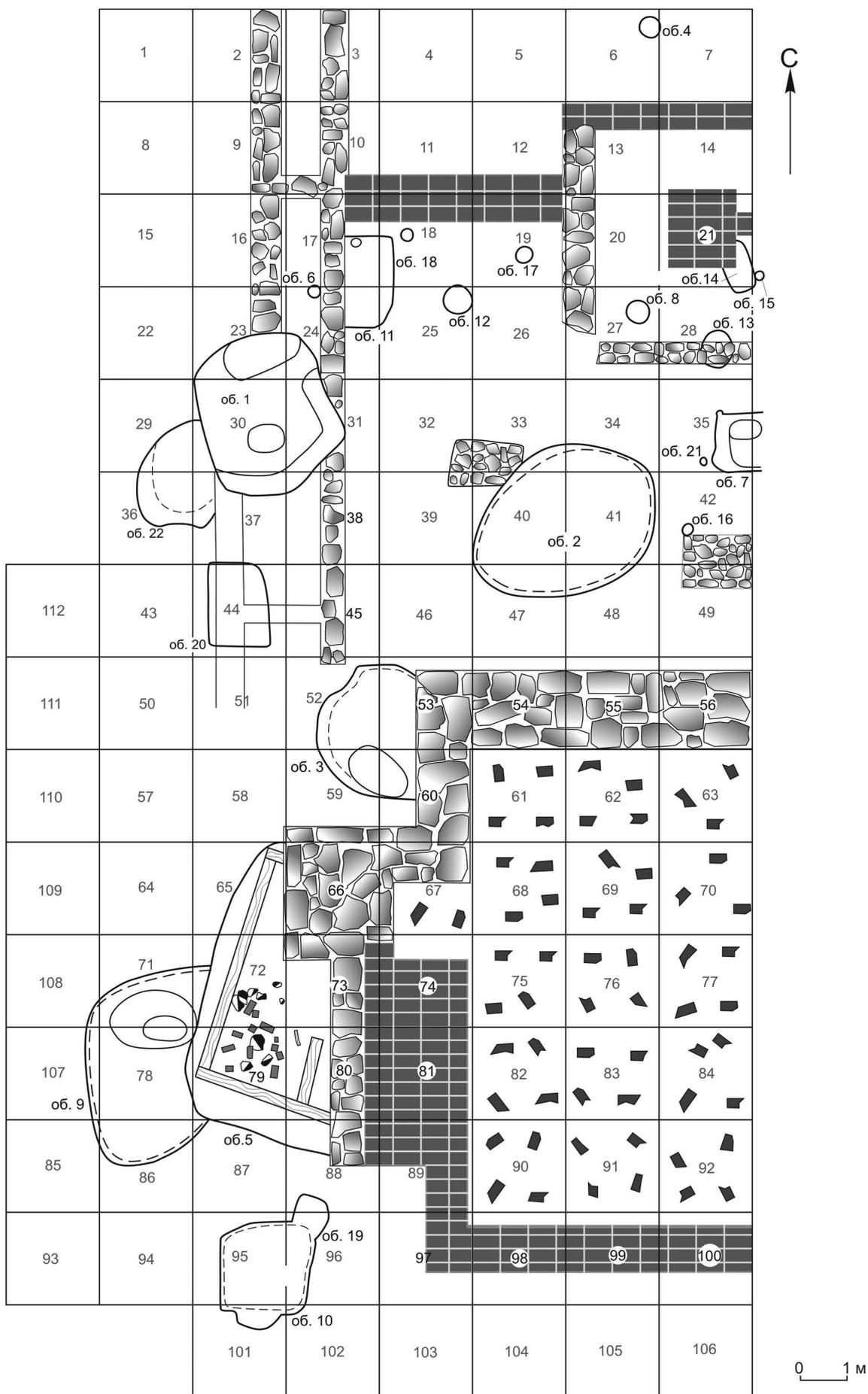

Рис. 1. План раскопа, Елец, ул. Маяковского, д. 5

С раскопа получены результаты анализа остеологического материала из сооружений XVI–XVII вв. Из 497 костей определимых было 243, что составляет 49 % от общего объема материала. Анализ показал почти полное преобладание домашних животных над дикими (до 97 %). Среди домашних животных подавляющее большинство за костями коровы (35 %), свиньи (38,1 %), лошади (8,6 %), овцы (16 %). Кости бобра, лося, вырезуба единичны.

Почвенные анализы на фитолиты позволили установить для Средневековья растительный комплекс, соответствующий луговой растительности. Имеются все основания говорить, что Елецкая крепость, возникшая в 1592 г., строилась на участке, свободном от леса. Ему предшествовал слой пожара, зафиксированный в напластованиях древнерусского времени.

С XVI–XVII вв. связаны четыре подпольные ямы от жилищ, обозначенные нами как объекты № 1, 2, 5, 9. Наибольший интерес представлял объект № 5. Имеющиеся сведения позволяют говорить о том, что в площадь раскопа попали подполья жилищ служилых людей. Жилой характер построек (по наличию развала печи) достоверно зафиксирован лишь в объекте № 5. В остальных случаях (объекты № 1, 2, 9) печи могли не сохраниться в результате многократных нивелировок поверхности.

Принадлежность жилищ к служилым людям (детям боярским) гипотетична, но наиболее вероятна. Дело-производственные материалы времени строительства Ельца в 1592 г. сообщают о размещении в городе 160 дворов детей боярских. В грамоте от 31 августа 1592 г., адресованной елецким воеводам, говорится: «А городское дело им делати не велели покаместа они двory себе не поустроятца» [Глазьев, Новосельцев, Тропин, 2001, с. 64]. Вполне возможно, что однотипные, внешне схожие объекты № 1, 2, 9 как раз отражают массовую застройку внутри Елецкой крепости.

В культурном слое и заполнениях котлованов встречены немногочисленные предметы вооружения: три наконечника стрел, две свинцовые пули, пищальный кремь (рис. 2, с. 480). Другие же находки, четко указывающие на социальную принадлежность жителей этого пространства, не встречены.

Стрелы относятся к трем разным типам по классификации О. В. Двуреченского [2007а]. К типу 1, варианту Б – бронебойный наконечник с прокалывающим действием (рис. 2: 3). Он шиловидный, прямоугольный в сечении, с простым упором для древка [Двуреченский, 2007а, с. 282]. Длина пера – 3 см, ширина – 0,6 см, черенок обломан. По аналогиям бытовал до второй половины XVII в. К типу 6, варианту Д – ромбовидный, вытянутой формы наконечник, сплюснутый, линзовидный, с расширением в нижней трети длины пера [Там же, с. 285]. Длина пера – 6 см, черешка – 2 см, ширина пера – 1,5 см (рис. 2: 1). По аналогиям датируется XV–XVII столетиями. К типу 7 относится ромбовидный клиновидный наконечник, уплощенный, ромбический в сечении, с расширением в нижней трети длины пера без упора [Там же, с. 285]. Общая длина наконечника – 7 см, длина пера – 4 см, ширина – 1,3 см (рис. 2: 2).

Пули встречены в культурном слое (рис. 2: 8–9). Они изготовлены методом литья свинца в форме-пулелейке. Пули шаровидные, с литниками. Их диаметр – 1–1,2 см. По классификации О. В. Двуреченского они относятся к варианту 1, это пули от пистолетов и малокалиберных ружей [Двуреченский, 2007б, с. 267].

Ружейный кремь представляет собой отщеп серого цвета с черными прожилками. Он подпрямоугольной, слегка подтрапещевидной формы, размерами 2,5 × 3–3,5 см, толщиной 0,9 см. С трех сторон имеются следы интенсивной забитости. Кремь не местного происхождения. Отметим факт, что даже в районах с выходом высококачественного мелового кремня, например на Среднем Донце, доля привозных ружейных кремней была значительной и составляла 46 % по отношению к изделиям местного изготовления. Исследователи отмечают его геологическое сходство с верхневолжским кремнем [Колесник, Голубева, 2010, с. 246]. Привозной кремь преобладает по раскопкам в Туле [Екимов, 2016, с. 312].

Возвращаясь к интересующему нас объекту № 5, отметим, что он обнаружен в западной части раскопа, изучен не полностью (рис. 1). Его значительная восточная часть, не менее половины, разрушена подвалами и фундаментами здания XIX в. О полных размерах котлована говорить не приходится. Его зафиксированные размеры не менее 2,9 × 6,1 м. Западная сторона, ориентированная с незначительным отклонением к северо-востоку, имеет длину 6,1 м. Южная часть подпольной ямы изучена большей частью на длину 2,9 м. Глубина котлована в материке – 1,54 м. Стенки ямы отвесные.

Заполнение объекта № 5 состояло из трех слоев. Верхний – мощностью 0,15–0,3 м представлен очень гумусированным перемешанным грунтом. Второй, подстилающий его слой, более светлый, мощностью 0,6 м, содержал значительное количество глины и прослойки гумуса. По сути, эти два слоя являются засыпками котлована после того, как он перестал использоваться. Третий слой мощностью 0,6 м – светлый, перемешанный, с включениями глины, угольков, развала от печи: камни и кирпичи стали слоем первоначальной засыпки котлована сразу вслед за тем, как его забросили. Отчасти этот слой образовался при пожаре объекта № 5, о чем красноречиво свидетельствует угольная прослойка над развалом печи.

Западная часть профиля на стыке объектов № 5, 9 более непонятна. По всей видимости, уже после полной засыпки объекта № 5 здесь была вырыта яма, в дальнейшем засыпанная почти чистой глиной.

При расчистке третьего слоя заполнения котлована по его периметру на глубине «–354; –365» обнаружены остатки деревянной конструкции из хвойных пород деревьев. Речь идет о деревянной облицовке стен котлована.

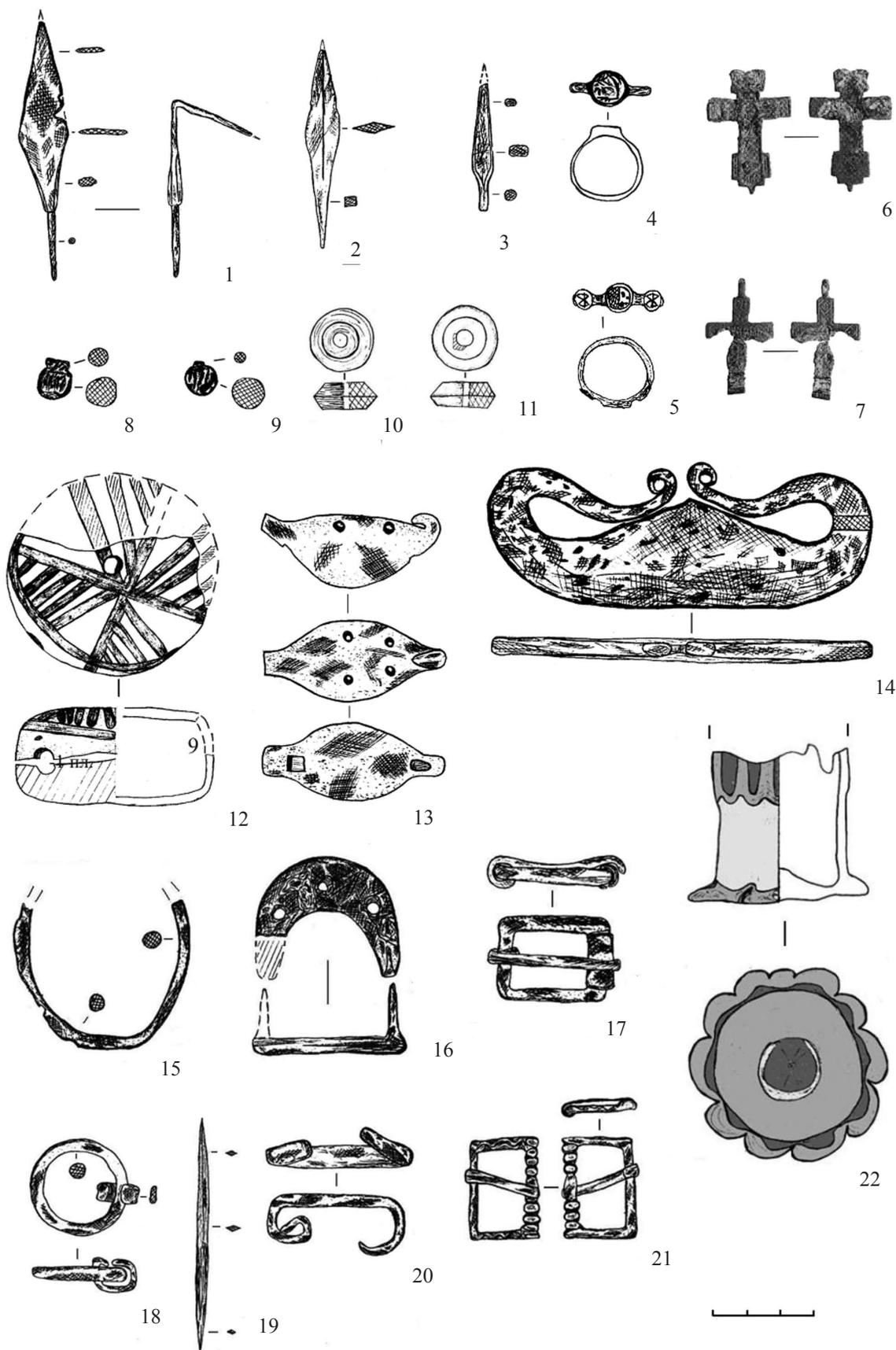

Рис. 2. Находки:

1–3 – наконечники стрел; 4–5 – перстни, 6–7 – кресты; 8–9 – пули; 10–11 – пряслица; 12–13 – игрушки; 14 – кресало;
15–16 – обувные подковки; 17–18, 21 – наременные пряжки; 19 – игла; 20 – скоба, 22 – нижняя часть сосуда.

Культурный слой: 1, 5, 7–12, 14; объект № 1: 2, 4, 6; объект № 2: 3, 13; объект № 5: 15–22.

Железо: 1–3, 14–20; бронза: 4–7, 21; свинец: 8–9; глина: 10–13; стекло: 22

Облицовка стен котлована представляла собой брусья прямоугольной формы размерами 20 × 25 см. Западная сторона деревянной облицовки вдоль стены изучена на всю длину – 5 м, южная – частично – на длину до 2,9 м, крепление брусьев осуществлялось в вырезанные пазы глубиной до 0,08 м. Таким образом, полезное пространство в подполье составляло не менее 2,9 × 5 м.

В юго-западном углу котлована расчищены остатки печи, компактно развалившейся на участке 1,6 × 1,6 м. Печь была сооружена из кирпича размерами 17 × 30 см и камня. По всей видимости, она была установлена на опечке в жилой части дома. Границей опечка в восточную сторону служил, очевидно, брус, обнаруженный на материковом слое, являвшемся полом подпола. При пожаре опечек сгорел, и печь компактно просела в юго-западный угол подпольной ямы. После пожара целые кирпичи были изъяты с пожарища, как, впрочем, и крупные части муравленой плитки с другими ценными предметами.

В заполнении объекта № 5 были встречены многочисленные фрагменты посуды XVII столетия и другие находки. С первым слоем связано преобладающее большинство находок. Среди керамики обнаружено 163 венчика, 853 стенки, 46 днищ, 119 костей животных, 55 кусков шлака. Из 97 индивидуальных предметов 51 артефакт встречен в первом слое:

- из железа – 15 находок: строительные и подковные гвозди, костыль, скоба, игла, наременная пряжка с прямоугольной рамкой, кольцо от пробоя;
- из глины – 30 находок: 27 фрагментов муравленого изразца, фрагмент игрушки-погремушки, ручка от чернолощеного сосуда;
- из стекла – 23 фрагмента оконного стекла и нижняя часть стакана (рис. 2: 22);
- из кожи – один фрагмент.

Среди керамики второго слоя: 19 венчиков, 106 стенок, 21 днище, 19 костей животных, 21 обломок шлака и семь индивидуальных находок: медное пуло конца XV – начала XVI вв., фрагмент медного креста, три фрагмента оконного стекла, два фрагмента муравленого изразца.

В третьем слое встречены многочисленные фрагменты керамики: 32 венчика, 217 стенок, 12 днищ. С этого слоя происходит 21 находка:

- из железа – 5 экз.: фрагменты проволоки, гвоздя, скобы; подкова, кольцо с пробоем;
- из меди – две находки: деньга Петра I чеканки 1704 г. и наременная пряжка с прямоугольной рамкой;
- из серебра – копейка периода Алексея Михайловича;
- из глины – шесть находок (одна из них – детская игрушка-шарик диаметром в 1,5 см, пять других – фрагменты муравленого изразца);
- из стекла – пять фрагментов оконного и 22 фрагмента посудного стекла.

Состав находок в слоях объекта показывает их однотипность и хронологическую однородность в пределах XVII в. Однако, учитывая наличие кирпичной печи с муравлеными изразцами, время которых определяется 1660–1670 гг., и полушки 1704 г., маркирующей верхний слой заполнения котлована, время функционирования сооружения следует отнести ко второй половине XVII – началу XVIII вв. Этот вывод согласуется с находкой нижней части стакана из прозрачного стекла светло-зеленого цвета (рис. 2: 22). Его донце оформлено в виде круглой розеткообразной подставки, которая образована путем наварки валика. Этот тип посуды относится к гутным изделиям, он был распространен на Украине в XVI–XVII вв. [*Шовкопляс*, 1974, с. 84–85].

На датировку сооружения второй половиной XVII в. косвенно указывает находка развала кирпичной печи. Согласно новейшим архивным изысканиям елецкого историка Д. А. Ляпина, известно, что после крупного пожара 1648 г. прибывший на службу в Елец воевода А. В. Бутурлин, планируя восстановить крепость из кирпича, нешел в городе и уезде кирпичников. Такой ремесленной традиции в Ельце пока не было [*Ляпин*, 2011, с. 118–119]. Это сообщение косвенно свидетельствует о дате, ранее которой не могла быть сооружена печь.

Следует также высказать мнение о жилищном статусе владельца дома. О состоятельности хозяина свидетельствует кирпичная изразцовая печь, оконное стекло в многочисленных фрагментах, посудное стекло, добротный обустроенный подпол дома. Необходимо подчеркнуть, что многочисленные фрагменты стеклянной посуды XVII в. из раскопок подпола дома, на наш взгляд, являются признаком богатства его владельцев. Этот вывод мы не распространяем на Подмоскovie и западные пограничные территории России этого времени, где изделий из стекла было значительно больше. Вывод, прежде всего, уместен для более удаленных территорий. Елец и его уезд составляли южное пространство государства, территорию бывшего «Поля», удаленную как от западных рубежей, так и от центральных районов Московии. Из раскопок в историческом центре Ельца – это первое жилище, где обнаружено многочисленное посудное стекло и одновременно с ним иные признаки богатства: муравленые изразцы, кирпичная печь, оконное стекло, обширный подпол дома.

К схожим наблюдениям высокого статуса стекла XVII в. по материалам Западной Сибири пришел Ф. С. Таууров, подчеркивая его связь с военным сословием [2015, с. 295].

Часть стеклянных изделий из подпольной ямы жилища (объект № 5, рис. 1 на с. 478) была передана нами для анализа Ю. А. Лихтер («Археологические изыскания в строительстве»). Ею выделены следующие виды изделий: стопа, рюмка, бутылка (2 экз.), штоф (2 экз.), флакон, сосуд неопределенной формы, оконницы. Приводим результаты выполненного ею анализа. Порядковый номер артефакта соответствует описанию (рис. 3, с. 483).

121. Стопа (яма 5, пласт 7). Фрагмент, покрытый по всей поверхности коррозией и иризацией. У предмета сохранились тулово, дно и поддон. Тулово – коническое, расходящееся, усеченное снизу; дно вогнутое; поддон – конический, кольцевидный, сплошной, отдельный элемент. Размеры: диаметр тулова внизу – 8 см; толщина тулова внизу – 0,39 см; диаметр дна – 8 см; толщина дна – 0,23 см; высота поддона – 0,78 см; диаметр поддонаверху – 8,5 см; диаметр поддона внизу – 9 см; высота – 6 см; длина поддона – 1,06 см. Цвет – желто-зеленый средний, светлый; стекло полупрозрачное.

Техника изготовления – выдувание в форму. Для изготовления поддона на дно навили нить. Подобные стопы известны в Западной Европе, где датируются серединой XVII в.

122. Рюмка (яма 5, пласт 1). Фрагмент покрыт по всей поверхности коррозией и иризацией. От предмета сохранились тулово, дно, ножка, подножка. Тулово коническое, расходящееся вверх, дно – выпуклое, коническое, ножка – коническая, усеченная сверху, полая, отдельный элемент; подножка – коническая, усеченная сверху, полая, продолжение ножки. Размеры: диаметр тулова внизу – 0,68 см; толщина тулова внизу – 0,29 см; высота ножки – 1,47 см; диаметр ножки сверху – 1,14 см; диаметр ножки внизу – 2,07 см; толщина ножки – 0,54 см; диаметр подножки сверху – 2,07 см; толщина подножки сверху – 0,52 см. Декор: внизу тулова наложена широкая и плоская рифленая нить. Цвет – желто-зеленый сильный, светлый; стекло полупрозрачное.

Техника изготовления: тулово было выдута в форму, затем были совместно выдуты ножка и подножка, и обе части соединены между собой. После этого на тулово наложили рифленую нить. Подобные рюмки встречаются на Украине, где датируются XVI–XVII вв.

Стекло было отправлено на анализ (№ 879-28). Химический тип стекла – K – Ca – Mg – Al – Si, окраску дает окись железа, для ее нейтрализации была использована окись марганца. Источником щелочного сырья послужила зола континентальных растений. Всё это позволяет отнести рассматриваемое стекло к общеевропейской школе стеклодела Нового времени.

123. Бутыль (яма 5, пол). Сохранился фрагмент горла, коррозия во всем объеме. Форма: горло коническое. Размеры: диаметр внизу – 3,32 см, толщина внизу – 0,47 см. Цвет серо-голубой средний; стекло полупрозрачное. Техника изготовления: основа выдута в форму, горло вытянуто.

124. Штоф (яма 5, пол). Сохранился обломок (угол). Коррозия и иризация прослежены по всей поверхности. Сохранился угол граненого тулова. Ребро закруглено. С одной стороны вдоль ребра проходит небольшая вмятина. Толщина тулова внизу – 0,45 см. Цвет серо-голубой сильный; стекло полупрозрачное.

Техника изготовления: выдувание в форму, прессование инструментом. Прослеженная вмятина позволяет сближать рассматриваемый обломок с сосудом черкасского стекла, датированным XVI–XVIII вв.

Стекло было отправлено на анализ (№ 879-29). Химический тип стекла – K – Ca – Mg – Al – Si, окраску дает окись железа, для ее нейтрализации использована окись марганца. Источником щелочного сырья послужила зола континентальных растений. Всё это позволяет отнести рассматриваемое стекло к общеевропейской школе стеклодела Нового времени.

125. Флакон (яма 5, пол). Сохранность стекла хорошая. От предмета остался венчик и горло, край венчика сколот. Венчик горизонтальный наружу, слегка приплюснут в поперечном разрезе, намотан ниже края, чем напоминает упор. Горло коническое, расходящееся, усеченное сверху. Размеры: диаметр края внутри – 0,64 см, толщина края – 0,31 см, высота венчика – 0,89 см, диаметр венчика снаружи – 2,39 см, длина венчика – 0,65 см, толщина венчика – 0,53 см, диаметр горла сверху – 1,21 см, толщина горла сверху – 0,31 см. Цвет серо-голубой сильный, темный; стекло прозрачное.

Техника изготовления: основа выдута свободно, затем вытянуто горло, и на него сверху наложена стеклянная нить, образовавшая венчик. Похожие сосуды встречаются в культурном слое польских городов, где датируются XVI–XVII вв. Однако наш флакон от обычно встречающихся флаконов отличается хорошим качеством стекла, а также тем, что имеет не венчик, а скорее упор. Можно предполагать более позднюю дату.

126. Бутыль? (квадрат 101, слой, пласт 2). Сохранился обломок, коррозия во всем объеме. Фиксируется место соединения горла и тулова. Форма: горло и тулово округлые. Размеры: толщина тулова сверху – 0,36 см; толщина горла внизу – 0,37 см. На наружной поверхности – декор, размещенный в нижней части горла и верхней части тулова. На тулове под самым горлом проходит красная горизонтальная широкая полоса (1); под ней желтая узкая полоса (2), а над ней – желтый бордюр из точек (3). От этой полосы наклонно вниз отходит красная широкая полоса (4), на которую наложена желтая волнистая линия (5). На горле, непосредственно над точками, по-видимому, еще одна полоса красного цвета (6). Цвет основы оливковый средний; стекло полупрозрачное. Цвет декора желтый средний, светлый (3, 5), желтый слабый (2); красно-оранжевый сильный темный (1, 4, 6). Эмаль непрозрачная.

Техника изготовления основы – выдувание в форму; техника нанесения декора – роспись. В качестве близкой аналогии укажем русскую бутылку, датирующуюся первой половиной XVIII в.

127. Штоф с клеймом (квадрат 101, культурный слой, пласт 2). Сохранившийся обломок подвержен коррозии и иризации по всей поверхности. Сохранилась часть граненого тулова толщиной 0,19 см. На тулове снаружи – плоский, овальный налп, похожий на клеймо, однако без изображений и надписей. Размеры: толщина – 0,78 см; длина – 3,77 см; ширина – 2,45 см. Цвет стекла – серо-голубой средний; стекло полупрозрачное. Техника изготовления: выдувание в форму (основа), налп капли, прессование штампом (клеймо).

Рис. 3. Посуда из стекла и ее аналогии:

- 121 – стопа (фрагмент); 122 – рюмка (фрагмент); 123 – бутыл (фрагмент горла); 124 – штоф (обломок);
125 – флакон (венчик и горло); 126 – бутыл (обломок); 127 – штоф с клеймом (часть тулова);
120 – сосуд неопределенной формы (обломок тулова или горла)

120. Сосуд неопределенной формы (яма 5, пласт 7). Сохранился обломок тулова или горла цилиндрической или конической формы, покрытый по всей поверхности коррозией и иризацией. Толщина – 0,15 см. На наружной поверхности – выпуклый декор: эллиптический контур, внутри разделенный вертикальными линиями. Под ним – очень тонкие горизонтальные нити (иногда такие нити бывают на горле кувшинов). Цвет стекла – серо-голубой средний; стекло прозрачное. Сосуд был выдут форму. На наружную стенку наложена изогнутая полоса. Горизонтальные линии, возможно, получены при выдувании основы сосуда в форму.

Результаты анализа посуды из стекла позволяют сделать несколько заключений. Некоторые образцы находок из раскопок подпольной ямы (объект № 5) имеют отношение к гутной продукции (черкасское стекло), аналогиям с польским и западноевропейским стеклом XVI–XVII вв. Один предмет на основании аналогий имеет более узкую датировку (середина XVII в. – первая половина XVIII в.). То есть посуда из стекла не выходит за рамки предложенной датировки жилища по иным признакам. Химический анализ посуды позволяет отнести рассматриваемое стекло к общеевропейской школе стеклоделия Нового времени.

В качестве гипотезы можно предположить, что массовое распространение стекла в Ельце могло произойти не ранее середины XVII в. Стекло как товар не упоминается в таможенных книгах по Ельцу в первой половине XVII в. Следовательно, во время активного строительства города в 1592 г. и до середины XVII в. изделия из стекла попадали эпизодически. С середины XVII в. ситуация менялась вследствие участия елецких служилых людей в русско-польской войне 1654–1667 гг. и расширения торговых связей с западными уездами России. Например, ельчане были частыми гостями на курском рынке, куряне – в Ельце. Таможенная книга Ельца 1671/1672 гг. зафиксировала поставки склянниц и стаканов. Цена стакана, поставленного в Воронеж в 1705 г., составляла в среднем 14,3 деньги, цена склянницы, поставленной в Острогжск в 1720 г., – 1,4 коп. [Мизис, 2006, с. 326, таблицы № 96–98].

Результаты раскопок по адресу: ул. Маяковского, д. 5 позволяют говорить о динамике застройки территории в пределах, возможно, одного дворовладения. На этом месте не встречено сколько-нибудь крупных хозяйственных построек, раскопаны подпольные ямы жилищ разного времени.

В целом же участок с объектами № 1, 2, 5, 9 датируется концом XVI – началом XVIII вв. Маркерами границ этапов перестройки могут служить известные по письменным источникам крупные пожары. Наиболее ранним является объект № 1 согласно находке креста XVI в. на полу объекта (рис. 2: 2). Сооружение функционировало с 1592 по 1618 гг., до тех пор, пока значительная часть города не сгорела в огне сражения с запорожцами [Ляпин, 2011, с. 55–69]. К первой половине XVII в. относятся объекты № 2, 9. Время их бытования – 1618–1648 гг., так как 26 июля 1648 г. город сгорел почти полностью в результате бытового пожара в засушливое лето [Там же, 2011, с. 113]. Со второй половиной XVII в. связан объект № 5. Это жилище могло существовать в период 1648 – 1703 гг. (или немного позднее). Известно, что в городе в 1703 г. крупный пожар уничтожил соборную Воскресенскую церковь, расположенную в 200 м от места раскопок [Клоков, Найденов, Новосельцев, 2006, с. 130]. Крупные пожары случались и позднее.

Выскажем обнадеживающее суждение, что дальнейшие исследования на прилегающем к раскопанному участку пространстве смогут расширить наше представление о городском квартале позднесредневекового города.

Глазьев В. Н., Новосельцев А. В., Тропин Н. А. Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592–1594 годах. – Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2001. – 274 с.

Двуреченский О. В. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII вв. // Археология Подмосквья : материалы науч. семинара. – М., 2007а. – Вып. 3. – С. 277–331.

Двуреченский О. В. Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря // Археология Подмосквья : материалы науч. семинара. – М., 2007б. – Вып. 3. – С. 254–276.

Екимов Ю. Г. Предметы вооружения из культурного слоя раскопа на улице Спортивной в исторической части Тулы // Город Средневековья и раннего Нового времени II (V): археология, история : материалы V Всерос. семинара / под ред. И. Г. Бурцева. – Тула, 2016. – С. 311–323.

Клоков А. В., Найденов А. А., Новосельцев А. В. Храмы и монастыри Липецкой и Елецкой епархии. Елец. – Липецк : [Б. и.], 2006. – 512 с.

Колесник А. В., Голубева И. В. Ружейные кремневые микролиты-вкладыши в археологических комплексах XVI–XVIII вв. в среднем течении Северского Донца // Древности 2010. – Харьков, 2010. – Вып. 9. – С. 235–252.

Ляпин Д. А. История Елецкого уезда в конце XVI–XVII вв. – Тула : Гриф и К°, 2011. – 208 с.

Мизис Ю. А. Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2006. – 816 с.

Татауров Ф. С. Стекло из русских памятников Западной Сибири как статусный предмет в XVII–XVIII веках // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Барнаул ; Омск, 2015. – С. 294–297.

Шовкопляс А. М. Некоторые гутные стеклянные изделия из Киева // Культура средневековой Руси. – М., 1974. – С. 81–85.

VALUABLES OF A WEALTHY CITIZEN OF THE CITY OF YELETS OF THE SECOND HALF OF 17th – BEGINNING OF 18th CENTURIES (excavations 2007, Mayakovsky str., 5)

The study of historical topography makes it possible to represent in more details the historical area where Yelets was developing in the 16–17th centuries, since the beginning of its construction in 1592 a large number of documents have been preserved. The research of this kind is being made for the first time. A considerable number of written documents and archaeological data are analyzed in the article. The author studies the historical topography of the fortress and the settlements. During the construction of Yelets in 1592 the tendencies were laid which determined further development of the town. Yelets developed in the only possible way, in the limits of existing landscape. The cultural layer of the town Yelets (Lipetsk region) as an object of scientific research began to be studied systematically on the boundary of 1980–1990s.

Keywords: the historic city center Yelets, medieval house, medieval glass, service people.

УДК 902.01

Н. П. Турова

Тобольская комплексная научная станция УрО РАН

О МУЗЫКАЛЬНОЙ ДЕТСКОЙ ЗАБАВЕ СИБИРЯКОВ (по археологическим материалам XVII века из Тобольска)*

Статья посвящена описанию и интерпретации коллекции костяных изделий из метаподий свиньи, в центральной части которых имеется сквозное отверстие. Четыре таких изделия найдены в слоях XVII в. Тобольска. Находки не атрибутированы, в научных отчетах значатся как «изделия из кости с отверстием». Отсутствуют упоминания о подобных артефактах и в научных работах по западносибирскому региону. Значительное число трубчатых костей с отверстиями выявлено при раскопках древнерусских городов в слоях XI–XVI вв. У ученых нет единого мнения о функциональном назначении таких изделий. Некоторые исследователи атрибутируют их как детские звуковые игрушки – так называемые «жужжалки», «брунчалки». С опорой на этнографические данные тобольские находки также отнесены к этим маховичным звуковым игрушкам. Актуальна задача выявления брунчалок среди имеющихся остеологических коллекций как Тобольска, так и других русских поселений Сибири. Это позволит более полно охарактеризовать игровую культуру юных сибиряков.

Ключевые слова: Тобольск, Древняя Русь, изделия из кости, детские игрушки, жужжалка, брунчалка.

Среди материалов разных лет из раскопок Тобольска встречаются изделия из трубчатых костей животных со сквозным отверстием по центру диафиза (рис. 1, с. 487). Данные артефакты если и фигурируют в научных отчетах в списке индивидуальных находок, то под наименованием «неатрибутированное костяное изделие», «изделие из кости с отверстием», либо они находятся среди массового материала – в составе остеологических коллекций. В публикациях сибирских археологов упоминания о подобных изделиях отсутствуют.

Целью данного исследования является введение в научный оборот коллекции костяных изделий с отверстием из культурных напластований XVII в. Тобольска, поиск аналогий, интерпретация этой группы находок с привлечением этнографических данных.

Как точно подметил историк П. А. Словцов, говоря о переселившемся за Урал населении, «переселенец назывался сибиряком; сибиряк не переставал быть русским, в том типе, в каком расстался с родиной... у переселенцев Сибири одинаковы замашки духа, одинаковы забавы и нравы с народом-родителем, к которому принадлежали они, как сыны сынов» [Словцов, 1995, с. 173]. В связи с тем что переселенцами были выходцы практически из всех губерний европейской части России, поиски аналогий были нами осуществлены среди материалов археологических раскопок с этих исконных территорий «народа-родителя».

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2015-0003 «Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н. э. – II тыс. н. э.)».

© Турова Н. П., 2017

На европейской территории костяные изделия с отверстиями встречаются повсеместно. В значительном количестве подобные артефакты найдены в культурных напластованиях XI–XVI вв. многих древнерусских городов (Новгорода, Киева, Вологды, Пскова, Старой Рязани, Смоленска, Изборска, Старой Руссы и других), характерны они и для поселенческих памятников Прибалтики. Косточки с отверстиями атрибутируются исследователями по-разному: как простейшие музыкальные приспособления [*Работы...*, 1990, с. 6], как предмет для наматывания ниток (катушка) [*Шноре*, 1961, с. 120; *Тронін*, 2004, с. 173] либо как застёжки/пуговицы [*Воронин*, 1954, с. 73, рис. 36: 13; *Гуревич*, 1981, с. 115, рис. 86: 2].

Значительная же часть исследователей, опираясь на этнографические материалы Западной и Восточной Европы, относит рассматриваемые изделия к детским звуковым игрушкам, называя их по-разному: жужжалки, брунчалки, гуркала [*Поветкин*, 1988, с. 191, рис. 1: 1–3; *Розенфельдт*, 1997, с. 117; *Седов*, 2007, с. 234, рис. 243: 4, 5, 7–11; 250: 1–14; *Сергеева*, 2010, с. 211, рис. 9: 1–5; *Андреанова, Васильева*, 2011, с. 19, рис. 7].

Принцип действия такой игрушки знаком практически каждому: во второй половине XX в. достаточно часто дети (преимущественно мальчики младшего и среднего школьного возраста) производили манипуляции с большой пуговицей на крепкой нитке, пропущенной через два отверстия и завязанной кольцом так, чтобы с двух сторон образовались петли. Для «запуска» приспособления петли из ниток надевали на пальцы и быстро закручивали, пока нитка сильно не сжимала пальцы, а затем растягивали петли в стороны (чтобы пуговица сделала несколько оборотов) и немного отпускали их. Натяжение и ослабление нитей приводило к раскручиванию пуговицы, и вскоре по инерции она уже сама закручивала нить в другую сторону. Пуговица вращалась вперед-назад, издавая жужжащий звук, от него-то это приспособление и получило название – жужжалка.

Позднее, к концу XX в., ребятам стала изготавливать жужжалки из пластиковых пробок. А в книге доктора технических наук Н. В. Гулиа, чье детство пришлось на военные и первые послевоенные годы, подробно описан еще один вариант игрушки с подобным принципом работы: жужжалку делали из крупного грецкого ореха, который просверливали или прожигали гвоздем в двух местах близ центра так, чтобы расстояние между отверстиями не превышало сантиметра, а затем пропускали в эти отверстия нити [*Гулиа*, 2005, с. 80–81].

Археологические материалы свидетельствуют о популярности на Руси подобных маховичных игрушек во II тыс. н. э. Только в слоях XI–XVI вв. Новгорода найдены десятки костяных брунчалок. Последние представляют собой мелкие трубчатые кости животных или изредка птиц длиной от 37 до 90 мм, с просверленным посередине сквозным отверстием (в редких случаях встречаются два отверстия) [*Поветкин*, 1990, с. 187–188]. Многочисленные находки жужжалок, обнаруженные в культурных напластованиях Новгорода, Пскова, Старой Рязани и Смоленска домонгольского периода, сделаны из плюсневых костей овцы и козы [*Розенфельдт*, 1997, с. 117].

Версия об использовании косточек с отверстиями в центре в качестве детской игрушки находит подтверждение в этнографической литературе конца XIX – начала XX вв., в которой содержатся сведения о различных разновидностях приспособлений для этой детской забавы. Так, из фундаментального труда Е. А. Покровского мы узнаем, как изготовляли фурчалку/гуркала (Малороссия) и как именно забавлялись с этой игрушкой:

«...берется тоненький кружочек или продолговатая пластинка с закругленными концами, – из дерева, свинца, жести, кости, – длиною вершка в три. Посредине такой пластинки просверливают две дырочки, в которые продевают две ниточки, от ½ аршина до 1 аршина длины, соединяя их на концах. <...> От этих движений происходит быстрое вращение пластинки и вместе с тем образуется особый шум фурчания, откуда и название самой игрушки. Костяная фурчалка большею частью делается из голенной овечьей кости, называемой еще “дудкой” (Тулъск[ая] г[уберния]). Для этого в кости, так же как и в деревянной пластинке... просверливают дырочки, в которые продеваются нитки, и игра проводится так же, как и с деревянной пластинкой. Игрушка эта между прочим встречается в Германии и Англии» [*Покровский*, 1895, с. 84].

В толковом словаре В. И. Даля детская игрушка, представляющая собой косточку либо дощечку («деревяшку»), «вздернутую на веревочку (в другой словарной статье уточнено – на двойную веревочку) и урчащую, если завивать и растягивать веревочку», носит названия «брунчалка, гудалка, буркало, жужжалка» [*Даль*, 1880, с. 133], произведенные от глаголов буркать, брунеть, гудить, жужжать. Приведено у Даля и краткое описание устройства брунчалки: «...папоротковая (кость крыла. – Н. Т.) птичья косточка, с просверленными двумя дырочками, на нитке...» [Там же, с. 145].

Таким образом, получается, что как маховичные игрушки XX в., так и устройства, упоминаемые в вышеприведенных работах второй половины XIX в., различались по материалу, но имели по два сквозных отверстия. Тогда как же быть с внушительной археологической коллекцией древнерусских «брунчалок» (за исключением нескольких экземпляров), имеющих в центральной части лишь одно отверстие?

Сведения об использовании на территории современной Украины в конце XIX – начале XX вв. для детских игр костей с ног животных, в которых просверливалась одна дырочка, всё же удалось обнаружить [*Грушевский*, 1904; *Коновалов*, 2013]. Из работы М. Грушевского можно подробно узнать об особенностях конструкции и материалах, из которых изготавливали вуркала (вуркотела) в Чигиринском уезде Киевской губернии на рубеже XIX–

XX вв.: для изготовления игрушки использовались косточки с ног свиньи или барана (именно их форма наиболее подходила для данного изделия), оставшиеся после еды. Кости высушивали, проделывали в них отверстие, в которое и вставлялась крепкая веревочка. Последняя свивалась преимущественно «з вовны» (так чаще всего называли овечью шерсть. – Н. Т.) потому как эта веревка позволяет достичь более громкого «вурканья» [Грушевский, 1904, с. 54–55]. По другим сведениям, также брали косточку с ног свиньи и проделывали в ней одно отверстие [Коновалов, 2013].

Тобольские «жужжалки» выявлены в культурных напластованиях XVII вв. в нагорной части Тобольска [Адамов, 2005, с. 41; Аношко, 2008, с. 491, рис. 42: 5; Матвеев, 2012, с. 34, 42]. Все изделия (рис. 1) имеют по одному сквозному отверстию в центральной части, изготовлены из костей с ног свиньи (метаподии взрослой (1 экз.) и полувзрослой (3 экз.) особи)*. Косточки не подрабатывались – сохранена их природная «гантелеобразная» форма. Длина изделий – от 4,4 до 5,8 см. Отверстия (диаметром 0,3–0,5 см) имеют округлую или подовальную форму, края неровные, что свидетельствует об их «домашнем» производстве – «просверливались» при помощи ножа или гвоздя. На двух изделиях есть следы заложения. Играть брунчалками можно было круглый год – как в помещении, так и на улице. Такие приспособления для игры могли излать не только взрослые, но и сами дети, так как их изготовление не требует специальных навыков и чрезмерных физических усилий.

Рис. 1. Маховичные звуковые игрушки из культурных напластований XVII в. Тобольска. Все – кость

Российский этнограф, музейвед и краевед В. В. Богданов, призывавший в начале прошлого столетия собирать и описывать коллекции русских детских игрушек (особенно из деревенской среды), среди игрушек, сделанных самими детьми, называет и жужжалки [Богданов, 1912, с. 228]. По мнению исследователя, особая ценность таких игрушек заключается в том, что они являются предметами настоящей детской забавы и более органично связаны с детским душевным миром (по сравнению с теми предметами, которые мастерили для детских забав взрослые) [Там же, с. 229].

Несомненно, костяные изделия с отверстиями, найденные в Тобольске, являются составной частью детских шумящих маховичных игрушек – так называемых брунчалок, жужжалок, фуркал и др. Думается, что после пристального пересмотра многочисленных остеологических коллекций, происходящих из раскопов разных лет с территории Тобольска, количество данных изделий многократно возрастет (весьма вероятно, что расширятся и хронологические рамки бытования брунчалок).

Подобные артефакты, думается, должны присутствовать и среди археологических материалов других русских поселений Западной Сибири (как городских, так и сельских). Выявление и публикация этой группы костяных изделий позволят дополнить наши представления о детской игровой культуре сибиряков, а также определить локальные особенности ее развития.

* Определения любезно выполнены кандидатом биологических наук П. А. Косинцевым (Институт экологии растений и животных (ИЭРЖ) УрО РАН, Екатеринбург).

Адамов А. А. Археологические исследования на объекте «Софийско-Успенский собор с ризницей и котельной» в 2005 г. Тобольск, 2005 // НА ТИАМЗ. № 1735.

Аношко О. М. Отчет об охранных раскопках в исторической части г. Тобольска в 2007 г. Приложение III : Гостинный раскоп. Иллюстрации. Тюмень, 2008 // НА ИПОС СО РАН.

Матвеев А. В. Отчет об охранных археологических исследованиях в зоне благоустройства Сада Ермака в г. Тобольске в 2012 г. Т. I. Тюмень, 2013 // НА ИПОС СО РАН.

Андрианова Л. С., Васильева Н. Б. Вологда в зеркале Средневековья: путеводитель по выставке Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. – Вологда : Древности Севера, 2011. – 24 с.

Богданов В. В. К изучению игрушки. Программные заметки // ЭО. – 1912. – № 1, 2. – С. 222–230.

Воронин Н. Н. Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932–1949 гг.). – М. : Изд-во АН СССР, 1954. – 240 с. – (Материалы и исследования по археологии СССР ; № 41).

Грушевський М. Дитячі забавки та ігри усякі. Зібрані по Чигиринщині Київської губернії // Киевская старина. – Киев, 1904, июль – август. – С. 51–105.

Гулиа Н. В. Удивительная механика: в поисках «энергетической капсулы». – М. : Изд-во НЦ ЭНАС, 2006. – 176 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Изд. 2-е, испр. и умнож. – СПб. ; М. : Изд. М. О. Вольфа, 1880. – Т. 1: А–З. – 812 с.

Поветкин В. И. Об одной из детских музыкальных забав на Руси // Материалы по археологии Новгорода. 1988. – М., 1990. – С. 187–191.

Покровский Е. А. Детские игры, преимущественно русские (в связи с историей, этнографией, педагогией и гигиеной). – М. : Типолит. В. Ф. Рихтер, 1895. – 378 с.

Розенфельдт Р. Л. Игры детей // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. – М., 1997. – С. 114–119.

Сергеева М. С. Про деякі давньоруські приладдя з кістки та рогу для ігор і розваг (за матеріалами з Середнього Подніпров'я) // Древности 2010. – Харьков, 2010. – Вып. 9. – С. 198–215.

Тропин Н. А. Сельские поселения XII–XV веков южных территорий Рязанской земли. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – 263 с.

Шноре Э. Д. Асотское городище // Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР. – Рига : Изд-во АН Латв. ССР, 1961. – Т. II. – 232 с.

Работы Новгородской экспедиции в 1989 г. / В. Л. Янин, Е. А. Рыбина, А. С. Хорошев, П. Г. Гайдуков, А. Н. Соколин // Новгород и Новгородская земля. История и археология : тез. науч. конф. – Новгород, 1990. – Вып. 3. – С. 3–7.

Коновалов І. Українська народна іграшка на Слобожанщині // Матеріали обласного етапу Всеукраїнської експедиції учнівської та студентської молоді «Моя Батьківщина – УКРАЇНА». – Харків, 2013. – URL: <http://www.bezogr.ru/moya-batekivshina-ukrayina-harkiv-2013.html> (дата обращения: 11.12.2016).

N. P. Turova

Tobolsk Complex Scientific Station, UB RAS

ON SIBERIAN SOUND TOYS FOR CHILDREN (on the 17th century tobolsk archaeological materials)

The article is devoted to the description and interpretation of collection which gains pigs metabody bone artefacts with a through hole in the central part. Four such products have been found in the 17th century historical layers in Tobolsk. These findings are not attributed being marked as “artifacts made of bone with a hole” in scientific reports. Such artifacts have never been mentioned in any scientific studies concerning the Western Siberian region history. A significant number of bones with holes has been found in ancient cities excavations of the 11–16th centuries’ historical layers. Scientists still argue on the functionality of such artifacts. Some researchers attribute them as children’s toys – so-called “zhuzhalka”, “brunchalka”. Considering ethnographic data, Tobolsk findings are also related to these flywheel sound toys. The actual problem is identifying “brunchalka” among available osteological collections of Tobolsk and other Siberian Russian settlements as it will contribute to detailed description of gaming culture of young Siberians.

Keywords: Tobolsk, the Old Russia, bone artifacts, toys for children, “zhuzhalka”, “brunchalka”.

ГОНЧАРНЫЙ КОМПЛЕКС ПРЕПОДОБНОГО ВАСИЛИСКА СИБИРСКОГО

Уже шесть лет в урочище Монашка ведется археологическое изучение места обитания в первой четверти XIX в. в Кузнецком уезде Томской губернии трех канонизированных сибирских святых: Василиска, Зосимы и Петра Томского. В статье проанализированы особенности гончарных комплексов этого памятника. На основании рассмотренных фактов установлена высокая вероятность того, что, соответственно имеющимся житийным описаниям, Василиск действительно организовал в своей келье гончарное производство. Найдены не только керамические предметы разнообразного ассортимента с признаками руки одного мастера, но и глинище, обжиговая яма, а также железная ось ручного гончарного круга. Продукция, связываемая с деятельностью Василиска, отличается заметным своеобразием на фоне известных керамических комплексов рубежа XVIII–XIX вв. из Кузнецка и его сельской округи. Это, вероятно, можно объяснить тем, что Василиск принес в Кузнецкий край гончарные традиции своей родины – Калязинского уезда Тверской губернии.

Ключевые слова: святой преподобный Василиск Сибирский, гончарный круг, Кузнецкий уезд Томской губернии.

Святой преподобный Василиск Сибирский (рис. 1, с. 491) (в миру Василий Гаврилович Гаврилов) родился примерно в 1740-е гг. в семье крестьянина д. Иванищи Калязинского уезда Тверской губернии. Известно, что, странствуя по России, он более 20 лет жизни провел в Кузнецком уезде Томской губернии вместе со своим спутником преподобным Зосимой (в миру Захарий Васильевич (Богданович) Верховский) [*Поселянин*, 1910, с. 479–490]. Оба канонизированы в 2004 г.

До недавнего времени место их обитания в Кузнецком уезде было известно весьма приблизительно. Выявленные письменные источники, в которых содержится указание на месторасположение пустыни, немногочисленны. Кратко место описывается в «Летописи» кузнецкого купца XIX в. И. С. Конюхова. Он лично неоднократно бывал у «монахов», к которым уходил его отец [*Конюхов*, 1995, с. 45–54]. Наиболее подробная информация может быть извлечена из «Жития преподобного Василиска Сибирского», написанного преподобным Зосимой и из некоторых писем последнего [*Преподобный старец...*, 2006]. С учетом имеющейся информации место обитания пустынножителей Василиска и Зосимы может быть определено как залесенный участок на берегу старичного озера, в пойме правого берега Томи, в окрестностях современных деревень Увал и Краснознаменка (бывшая Трехкурейная) Новокузнецкого района Кемеровской области. В 1990-х гг. началась любительская поисковая работа по точной локализации этого места, покинутого пустынножителями примерно в 1821 г.

Поисковиками из новокузнецкого храма Иоанна Воина установлено, что старожилам д. Краснознаменка было известно в 1,5 км к юго-востоку от деревни урочище Монашка, преданиями связанное с обитанием неких «монахов». В урочище, на берегу старичного озера, до сих пор заметны западины от заброшенных построек. Западины поисковиками были подвергнуты раскопкам, что привело к полному уничтожению этих объектов. Кроме вскрытия заполнения ям (раскопы закладывались внутри контура западины), было выкопано несколько шурфов и траншей в разных местах обитаемой площадки с целью обнаружения могилы еще одного жителя урочища – святого Петра Томского (в миру Петр Алексеевич Мичурин, канонизирован в 1984 г.). Тот пришел к старцам в последний год их жизни в крае, но через несколько месяцев умер [*Поселянин*, 1910, с. 495]. До прихода к старцам Петр Мичурин служил в чине унтер-офицера в Кузнецкой крепости [*Конюхов*, 1995, с. 48].

Основные сведения о проведенных поисковиками на урочище Монашка работах были получены от настоятеля храма Иоанна Воина – отца Василия и от его сына Геннадия Лихвана (непосредственного участника раскопок). Как выяснилось, поиски могилы Петра успехом не увенчались. Большая часть находок (несколько сотен фрагментов керамики) разошлась по рукам прихожан, в храме остались только единичные артефакты. В частности, сохранились кованый гвоздь, элемент гончарной печной трубы, а также фрагмент крупного сосуда с надписью «Рыбная», сделанной церковно-славянской кириллицей еще по сырой глине.

В связи с началом работ по созданию в урочище Монашка обустроенного места для паломников и сооружению храма нам было предложено провести дополнительное обследование территории с целью сбора археологических материалов и выявления границ распространения культурного слоя. Также нас нацеливали на проверку сведений старожилов о могиле святого Петра Томского. В ходе натурного обследования, геофизических работ и снятия инструментального плана урочища Монашка нами были зафиксированы следы нескольких разрушенных поисковиками объектов и около десятка шурфов, траншей и раскопов разных размеров. Наиболее крупные раскопы расположены вдоль края юго-западного берега пойменного озера, возвышающегося на 1,5 м над заболоченной низиной.

В ходе проведенных нами охранных раскопок получены разнообразные бытовые материалы, не противоречащие предположению о принадлежности урочища к месту обитания старцев в первой четверти XIX в. В культурном слое памятника найдены две сибирские медные монеты конца XVIII в., две бронзовые книжные застёжки этого же периода, железные кованые гвозди, лодочные скобы и оковка шеста, ножи, топор, точила, осколки стеклянных бутылей, типичные для первой четверти XIX в. серо-розовые оружейные кремни, которые могли использовать и для огнива.

Среди находок преобладали фрагменты гончарной керамики. На площади около 100 кв. м было найдено более 250 кг керамики, отличающейся не только относительной технологической однородностью, но и выделяющейся на фоне известных городских и сельских керамических комплексов Кузнецкой котловины конца XVIII–XIX вв.

В материалах раскопок представлены глиняные изделия разнообразного характера: латки (рис. 5: 1, 12, с. 492), горшки (рис. 5: 2), миски (рис. 5: 11), иногда с ручками (полукольцевыми или в виде выступов разных форм), крышки к ним, корчаги, квасники (с отверстием в придонной части) (рис. 5: 4), кисельники (с трубчатыми носиками), чашки, тарелочки (иногда со сливными носиками), стаканы, ковшики. Из этой же глины изготовлены разнообразные бытовые приспособления: разнотипные светильники (рис. 5: 9), лампадки, треноги, печные трубы, шаровидные грузила для рыболовных сетей (рис. 5: 10) и т. п. Кроме этого, встречены изделия неясного назначения. К последним отнесены полукольцевые или кольцевые предметы с внешним диаметром 28–29 см, с бортиками разной высоты, с продольными желобками и гребнями (рис. 5: 5–8). Интересно, что единичные фрагменты сходных изделий известны и в материалах Кузнецка XIX в.

Наличие богатого и своеобразного керамического материала в культурном слое урочища Монашка можно соотнести с информацией преподобного Зосимы из «Жития преподобного Василиска Сибирского»: «... нам не было нужды в деньгах, а потому и небрегли о них, но занятия ради времени Старец мой делал скудельную посуду, и за оную всякую потребу нам подавали, к тому же и благотворители не оставляли в нужном для нас» [*Преподобный старец...*, 2006, с. 106].

На участке около исследованной поисковиками землянки было выявлено скопление кирпичей, предположительно связанное с остатками отопительной печи наземного сооружения. В ходе раскопок объекта удалось расчистить контур жилища (не менее 4 × 4 м) с остатками обугленных плах пола. У восточной стены постройки, в ее средней части, расчищено основание небольшой печи из плиток песчаника и кирпичей. Сама печь, судя по малому количеству обломков кирпича, видимо, была разобрана крестьянами соседних деревень. Одним из важных результатов проведенной работы стал вывод о том, что печь этой наземной постройки была сооружена на выбросе из котлована расположенной рядом землянки. При этом глиняная посуда из обоих объектов была однородна. Вероятнее всего, именно эта землянка служила первоначальным местом обитания старцев, пока не были построены наземные кельи [*Конюхов*, 1995, с. 47]. В дальнейшем землянка могла использоваться для хозяйственных нужд.

Одной из уникальных находок, сделанных в исследованной нами келье, был железный стержень длиной 26,5 см в сочленении с железной кубической опорной «пятой» (рис. 2, 3, с. 491). Судя по всему, это детали ручного гончарного круга, его ось. Клиновидный конец оси прямоугольного сечения жестко крепился в основании круга, а кубическая пята с лункой для установки круглой части оси, пропущенной через скамью, устанавливалась в поперечине передней опоры этой скамьи (рис. 4, с. 491). Эта находка в совокупности с описанным комплексом однородной группы керамических изделий с признаками почерка одного мастера с большой долей уверенности позволяет утверждать, что в урочище Монашка действительно работал профессиональный гончар. Ничто не противоречит тому, что им был преподобный Василиск Сибирский.

По нашему мнению, есть весомые основания признать большинство керамических изделий из культурного слоя урочища Монашка результатом труда преподобного Василиска Сибирского. Практически вся керамика изготовлена на ручном гончарном круге (дно у сосудов с песчаной подсыпкой). В ассортименте посуды преобладают изделия крупных размеров. Все сосуды толстостенные, придонная часть снаружи обточена. Интересно, что и преподобный Зосима подмечал «склонность» преподобного Василиска к грубоватым изделиям [*Преподобный старец...*, 2006, с. 121].

В гончарном комплексе преподобного Василиска встретилась одна необычная поделка, к созданию которой мог приложить руки и преподобный Зосима. Это был обломок изделия, напоминающего крышку полулунной формы, с конической ручкой в центре (рис. 5: 3). На внешней плоскости крышки до обжига были процарапаны линии, радиально расходящиеся по касательной от края основания центрального конуса к кромке. Вдоль кромки крышки в конце каждой линии процарапаны кириллические цифры. Состав цифр позволяет предполагать, что это изделие не что иное, как примитивные солнечные часы с коническим гномоном. Причастность преподобного Зосимы, бывшего офицера, к созданию этого артефакта весьма вероятна. Солнечные часы были весьма популярны в дворянской среде того времени.

Бросается в глаза, что основная масса глиняных изделий изготовлена из сырья, сходного с местной, среднезапасоченной, но весьма пластичной глиной, которая встречается в урочище Монашка на глубинах более 1 м. Глинищем могла быть большая яма 7,5 × 2,5 м, заросшая кустами, глубиной около 1 м, выявленная в 45 м к югу от места расположения кельи. Не исключено, что старцы сами изготавливали и кирпич для печей.

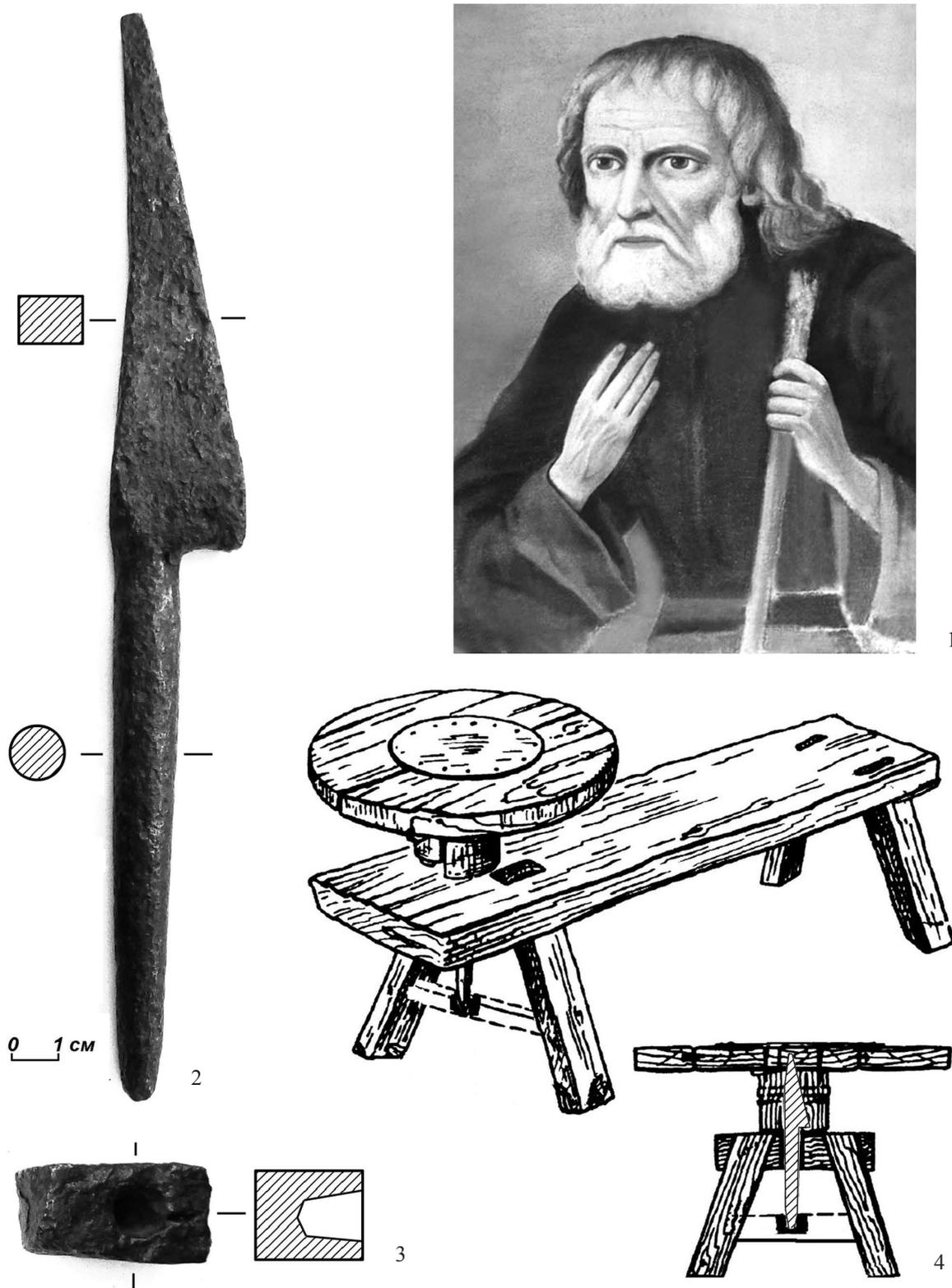

Рис. 1. Преподобный Василиск Сибирский (портрет с посмертного рисунка)

Рис. 2. Железная ось ручного гончарного круга (Монашка)

Рис. 3. Железная пята оси гончарного круга (Монашка)

Рис. 4. Схема устройства ручного гончарного круга

Среди находок в урочище Монашка выделяются единичные предметы из глины иного качества, изготовленные более тонко, с признаками использования ножного круга и высокотемпературного обжига, обычно с пятнистой зеленоватой или коричневатой матовой глазурью (это разнообразные масляные светильники и несколько предметов столовой посуды, которые вполне могли попасть к старцам от их гостей).

На изломе у большинства фрагментов керамики из урочища цвет трехслойный – черный внутри и светлый снаружи. Преобладающий цвет внешней поверхности сосудов – светло-бежевый, иногда с пятнами. Гончарные изделия, судя по всему, обжигались в примитивных ямных устройствах. Одно из них было исследовано в 25 м к северо-западу от жилой площадки (яма диаметром 90 см, глубиной 85 см от дневной поверхности). Над ямой разобран завал из камней и битого кирпича, что не исключает более сложной конструкции печи для обжига. В заполнении ямы, кроме древесного угля, прокаленного грунта и фрагментов гончарных изделий, найден глиняный светильник (рис. 5: 9), видимо не замеченный при выемке предметов после обжига. Обломки таких же светильников встречены при изучении культурного слоя жилой площадки, где стояли кельи.

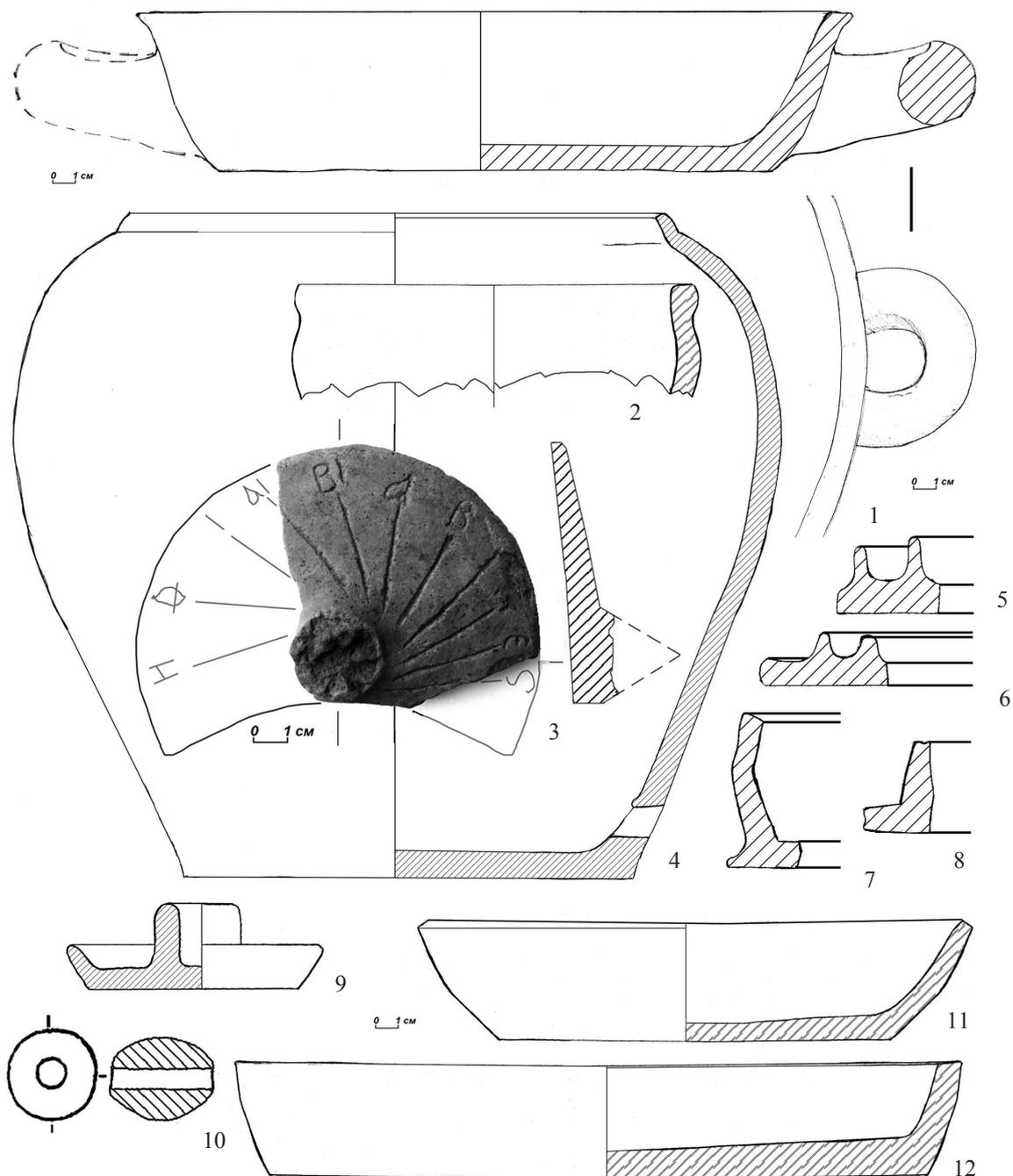

Рис. 5. Образцы гончарных изделий из урочища Монашка:

1, 12 – латки; 2 (5) – горшок; 4 – обломок крышки (?); 5–8 – полукольцевые и кольцевые предметы (?); 9 – светильник; 10 – грузило для рыболовной сети; 11 – миска; 12 – латка

Преподобный Василиск Сибирский навыки гончарного мастерства мог получить еще в своей родной деревне в Тверской губернии. Гончары Калязинского уезда были хорошо известны. Опыт исследования керамических комплексов Кузнецка рубежа XVIII–XIX вв. и его сельской округи позволяет отметить заметное своеобразие ассортимента изделий преподобного Василиска. Пока сложно судить, насколько этот ассортимент был традиционен для тверских гончаров, а насколько был самобытен и следовал нуждам пустынножителей и местных крестьян. К сожалению, в музеях практически не отложились простые бытовые изделия гончаров Тверской губернии XVIII в. Как правило, в коллекциях представлены только художественные изделия, а массовая продукция тверских мастеров описана фрагментарно и в основном только для рубежа XIX–XX вв. [Калмыкова, 1998; Розов, 1926; 1926а]. Надеемся, что с накоплением источников по гончарству Нового времени всё же удастся преодолеть трудности с атрибуцией ряда изделий из комплекса гончара преподобного Василиска Сибирского.

Калмыкова Л. Э. Русское народное гончарство в собрании Сергиево-Посадского музея-заповедника // Русское народное искусство. Сообщения 1996 (Памяти О. В. Кругловой). – М., 1998. – С. 128–136.

Конюхов И. С. Кузнецкая летопись. – Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 1995. – 184 с.

Поселянин Е. Русские подвижники 19-го века. – СПб. : Изд. И. Д. Тузова, 1910. – 570 с.

Преподобный старец Зосима Верховский. Творения. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра : Изд-во Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2006. – 552 с.

Розов Н. Народная техника гончарного производства в Тверской губернии (по материалам Верхне-Волжской этнологической экспедиции Российской Академии материальной культуры) // Тверской край. – 1926. – № 5. – С. 40–47.

Розов Н. Народная техника в гончарном искусстве Тверской губернии // Тверской край. – 1926а. – № 6. – С. 28–38.

Yu. V. Shirin

Museum-Reserve «Kuznetsk Fortress»

COMPLEX OF POTTER REVEREND BASILISK SIBERIAN

Archaeological research has been studied for six years in a place of an intended habitat in the first quarter of 19th century in the tract of «Monashka», in the Kuznetsk county of Tomsk province of three canonized Siberian Saints: Basilisk, Zosima and Peter of Tomsk. In this article there are some analyzed features of ceramic complexes of this site. On the basis of the facts there is high probability that Basilisk really organized pottery in his cell, according to the available hagiographical descriptions. The diversity of the ceramic items was excavated, not only the items with the signs of the same master's hand, but also a pit for clay, a pit of pottery kiln and an iron axis of a potter's wheel as well. The products presumably manufactured by Basilisk activity differs a lot from the famous ceramic complexes 18–19th centuries of Kuznetsk and its rural districts. This is probably due to the fact that Basilisk brought pottery traditions of his homeland – Kalyazin county of Tver province, to the Kuznetsk region.

Keywords: St. Reverend Basilisk Siberian, potter's wheel, Kuznetsk county of Tomsk province.

ЭТНОГРАФИЯ РУССКИХ, ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РУССКОЙ И ДРУГИХ КУЛЬТУР

УДК 391.4

Е. Ф. Фурсова
Институт археологии и этнографии СО РАН

СООТНЕСЕНИЕ ДАННЫХ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ПРИ РЕКОСТРУКЦИИ ОБУВИ РУССКИХ СИБИРИ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РЕШЕНИЯ*

Проблемы своеобразия и трансляции традиционной культуры, этнокультурного состава русских старожилов Западной Сибири как в годы появления по этой теме первых научных публикаций, так и сегодня выходят на первый план. Этнографическое изучение русских и их традиционной культуры требует привлечения широкой и разноплановой источниковой базы. Автор статьи делает попытку соотнести по принципу взаимодополняемости материалы, характеризующие обувь русских Западной Сибири по этнографическим материалам конца XIX – начала XX вв. и вещам XVII–XVIII вв. из археологического инвентаря раскопок в Омском Прииртышье.

Ключевые слова: Западная Сибирь, этнографо-археологические исследования, русские старожилы, кожаная обувь, обутки, чирки, бродни.

Очевидно, что археология русских в Сибири к настоящему времени сформировалась в отдельное научное направление [Татаурова, 2011, с. 264–265], в то время как русско-сибирская этнография насчитывает не один десяток лет. Труды этнографов, касающиеся особенностей сибирского костюма и его дополнений в виде обуви, написаны в большинстве своем не на основе музейных экспонатов или описаний современников (их ничтожно мало), но со слов носителей традиций и, что особенно ценно, людей, родившихся в начале XX в. Эти информанты могли показать способы кроя и шитья обуви, так как каждый крестьянин в конце XIX – начале XX вв. был также ремесленником и навыки домашнего ремесла передавал своим детям. Как показали исследования конкретных регионов Западной Сибири, перенесенные сюда с Русского Севера традиции остались в своей основе севернорусскими, хотя в составе старожилов очевидно включение и «южных кровей»; часть их получила особое название «чалдонов» (по их собственной легенде, это переселенцы с Дона, потомки донских казаков) [об этом: Фурсова, 1992; Бережнова, 2007; Сибирь и Русский Север, 2014, с. 98–201].

Экспедиции Алтайского этнографического отряда (1978–1984 гг., руководитель Л. М. Русакова), а впоследствии и Восточнославянского этнографического отряда (1988–2016 гг., руководитель автор) позволили ввести в научный оборот массовый этнографический материал по этнографии русских Сибири. В конце XIX – начале XX вв. у русских сибиряков основными видами обуви были кожаные изделия домашнего и ремесленного изготовления. Отсутствием или незначительным распространением плетеной обуви «лаптей» сибиряки отличались от многих жителей Европейской России.

Кожаную обувь в зависимости от назначения делали из коровьих, конских, козьих шкур. Толстые шкуры со спины шли на изготовление подошв, более мягкие с боков – на верхнюю часть, голенища. Приемы обработки шкур несколько различались не только в отдельных селениях, но и семьях, однако, в общем, включали ряд обязательных операций (два-три дня размачивали в воде, три-четыре дня держали в растворе извести или в квасах и т. п., чистили). Хотя количество пар башмаков зависело от достатка, в семьях средней обеспеченности всегда имелась обувь «про запас». Летом сибирские «обутки», или «чирки» (вариант «чарки»), носили с онучами из холста или старого тряпья, зимой с одним-двумя «кошменными» или «кочемными» (валяными из шерсти) чулками, вниз укладывали стельки из соломы, бересты, трав. Еще во время экспедиций 1970–1980-х гг. информанты вспоминали (а кое-кто и хранил) войлочные чулки-«потники», обшитые по верхнему краю яркой тканью, выглядывавшей из-под обуви; вязали также длинные носки («чулки») из домопряденной шерсти (рис. 1). В описях этнографической коллекции, собранной С. П. Швецовым для Императорского Русского музея в 1906–1912 гг. на Алтае, значатся «шерстяные чулки, надеваемые зимой с обутками со сборами» (отдел рукописей РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 714. Л. 15). Согласно полевым материалам, полученным от людей, носивших такую обувь, главным отличием повседневных обутков от праздничных была степень изношенности [Фурсова, 1997, с. 114]. Что касается принятой

* Исследование выполнено по гранту РНФ (проект № 14-50-00036).

© Фурсова Е. Ф., 2017

терминологии, то наиболее популярным названием были «обутки», которые в ряде районов (север Томского края, южные районы Алтая) назывались «чирками», у старообрядцев Сарасинской инородческой управы (деревни Усть-Кокса, Верх Уймон) эта обувь была известна как «коты» (рис. 2). Таким образом, название обуви «коты» для юга Западной Сибири конца XIX – начала XX вв. являлось локальным.

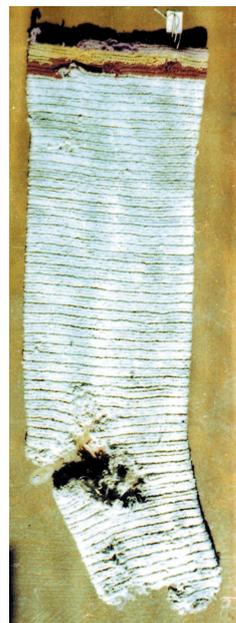

Рис. 1. Чулки, вязанные одной иглой из шерсти домашнего прядения. Собрание ИАЭТ СО РАН (без №)

1

2

3

4

5

Рис. 2. Кожаная обувь сходного вида с разными названиями:

1 – «чарки» из Тобольской губернии (Архив Института этнографии РАН); 2 – «коты» из Соликамского района Пермской области (из сборника «Труды Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая», 1960, с. 130); 3, 4 – женские «чарки» из Алтайского края (ПМА, 1978 г.); 5 – мужские «обутки» из с. Северное Новосибирской области (ПМА, 1991 г.)

Поскольку термины, связанные с сибирской старожильческой обувью, обладают спецификой, имеет смысл подробнее остановиться на возможных аналогиях. Женские башмаки или туфли в Центральной России назывались разнообразно – «босовики», «коты», «чарки» [Зими́на, Шангина, 2011, с. 90], в южнорусских губерниях глухие туфли из грубой кожи были известны как «коты» (из одного куска кожи «чирики») [Чижикова, 2011, с. 234], на Русском Севере сходного вида обувь называлась «чарками», «котами» [Власова, 2011, с. 320]. Из этого следует, что кожаная обувь под названием чарки была известна повсеместно, включая европейскую и азиатскую (Сибирь) части России, котами называли разные кожаные башмаки у европейских и уральских крестьян, откуда обувь под этим названием привозилась на рынки Тобольска или шла через Тобольск транзитом [Вилков, 1967, с. 106, 155]. Однако заметное уменьшение количества ввозившейся в Сибирь «с Руси» готовой обуви с середины XVII в. свидетельствует о появлении, по терминологии О. Н. Вилкова, в «затобольской Сибири» значительного числа сапожников [Вилков, 1967, с. 137–161]. В период XVIII – первой половины XIX вв. в Томском уезде Томской губернии встречались обутки, но на широкой территории Западной Сибири были известны чирки [Шелегина, 1992, с. 232]. Архивные данные свидетельствуют о бытовании у сибирских старожилков башмаков или чирков в середине XIX в. Об этом сообщается в «Этнографических сведениях о с. Камышево Парашевской церкви»* за 1848 г. (Архив РГО. Р. 62. Оп. 1. № 2. Л. 2). В Архиве РГО хранится рисунок, иллюстрирующий рукопись «Песнь сибирских девушек по коей они в воскресные и другие праздничные дни пляшут в поле (“заплетайся, плетень”))». Девушки и юноши изображены на рисунках в обуви, по внешнему виду напоминающей чирки, с красной опушкой по верхнему краю (рис. 3). С. П. Швецов в начале XX в. в описи своей коллекции называл обувь этого вида обутками: «женские обутки с оборкой, кожаные, местной выделки; выворотные башмаки, открытые, с плисовой оторочкой и низким каблуком» (отдел рукописей РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 714. Л. 17). Таким образом, по сибирской традиции распространенная обувь типа котов на юге Западной Сибири называлась обутками, или чирками [Бардина, 2011, с. 564; Фурсова, 2011, с. 518].

Рис. 3. Рисунок из рукописи «Песнь сибирских девушек...» (Архив РГО. Р. 55. Оп. 1. № 17. Л. 2)

Информанты, родившиеся в начале XX в., могли убедительно пояснить, что женские обутки (или чирки) изготавливались без голенищ в виде башмаков, а мужские предполагали наличие кожаных или холщовых голенищ (холщовые голенища были у самых бедных старожилков). Следовательно, когда в погребениях обнаруживается обувь без голенищ, это может быть признаком не только их утери, но и существования традиции их использования в зависимости от половой принадлежности.

Автором фиксировался процесс изготовления этой обуви у русских Западной Сибири. Первоначально сибиряки намечали контуры лекал («наметов», «кроильников») на сложенном вдвое куске кожи. Вырезанные «переда» накладывали на деревянную колодку и пришивали лоскут кожи на пятку-задник и подошву – «почву». Эти

* Здесь, видимо, в настоящее время Усть-Тарковский район Новосибирской области.

детали шивали промасленной дратвой теми же швами, что и одежду («втачку», или назад иголкой, «живулькой», или вперед иголкой). После сшивания всех частей обуви выворачивали, почему они назывались «выворотными» (выворотный способ шитья фиксировался и для XIII–XVII вв.) [Рабинович, 2011, с. 44]. Под пятку между слоями кожи подкладывали бересту и все слои подбивали деревянными гвоздиками «колками». При раскопках в Омском Прииртышье была обнаружена обувь такого типа с опушками, петлями или голенищами с петлями (и без), которые пришивались ко шву соединения верха с голенищем сквозным одинарным швом после выворачивания обуви на лицевую сторону [Богомолов, Татаурова, 2017, с. 20–23]. Сибирские информанты давали пояснения по поводу присутствия таких петелек в обуви: в них вставляли кожаные ремешки для крепления обуви на ноге. Узкие тканые пояски дарились молодым людям симпатизировавшими им девушками, а также просватанными невестами [Фурсова, 1997, с. 115].

Шили обувь на одну ногу, лекала различались лишь размерами, что соответствует также выводам сибирских археологов. Дальнейший процесс изготовления зависел от того, кому предназначались обувки: к мужским пришивали голенища – «приставки» длиной примерно до колен, женские обшивали «опушкой» из сложенной вдвое полоски холста (иногда их окрашивали в красно-коричневый цвет). Мужского вида обувки женщины носили только при выполнении мужских работ, езде верхом на конях.

Вместе с тем этнографические материалы свидетельствуют и о других видах обуви, которые пока не фиксируются по археологическим данным. Например, высокие недубленые сапоги «бродни» (от слова «бродить» по болотам), использовавшиеся как промысловая обувь. Они, как и обувки, шились с голенищами и ремешками, укреплявшими их на ноге выше и ниже колен. С помощью ремешков их подвязывали к поясу. Недубленая кожа, разбухая в воде, стягивала швы и не пропускала влагу. Сходного вида рабочая и промысловая обувь была известна под этим названием почти повсеместно: в центре европейской части России в виде мягких сапог [Зимина, Шангина, 2011, с. 90], в южном пограничье России, на Кубани в виде высоких сапог из коровьей кожи с подвязками к поясу [Литинская, 2011, с. 386], на Урале [Чагин, 2011, с. 485]. Эта обувь свидетельствует о повсеместно распространенных занятиях русских крестьян промыслами, рыбалкой, охотой.

В межсезонье сибиряки носили рабочую обувь на толстой подошве – «бутылы», которые доходили до середины бедра с расширением сверху. Бутылы надевали в зависимости от сезона с холщовыми портянками или войлочными чулками. Начищенные до блеска новые бутылки обували и по праздникам. В этом случае они не подвязывались, но спускались по ноге поперечными складками. Если голяшки изготавливали из кожи, а подошву толстой, с каблуком, то такую обувь называли «сапоги»; их также подвязывали под коленями веревками или ремешками. Зимой под самодельные сапоги с длинными голенищами поддевали вязаные или валяные («качемные») чулки и суконные онучи. Вязали также носки одной иглой без пяток («русские чулки», которые при разрывах не распускались) или на пяти спицах («немецкие чулки»). При вязании сибирячки могли демонстрировать свое искусство орнаментации – «винтом и с зубчиками».

До широкого распространения войлочных сапог-«пимов» мужской зимней обувью были «ичиги», изготавливавшиеся также из кож или овчин шерстью внутрь. Поиск аналогий ведет нас в южное пограничье России в низовья Дона, где исследователями зафиксирована сходного вида и названия обувь «ичиги» [Литинская, 2011, с. 375]. На наш взгляд, локальный вариант бытования этих теплых сапог – серьезный аргумент в пользу «чалдонов» как представителей этнокультурной группы потомков служилых казаков Сибири. Добавим, что, по архивным материалам, ичиги упоминались в документах XVII, XVIII и особенно первой половины XIX вв. [Люцидарская, 1992, с. 140; Шелегина, 1992, с. 232]. В таможенных книгах XVII в. (РГАДА) можно увидеть, что из поступающих в Тобольск русских промышленных товаров господствовали изделия из животного сырья, среди них упоминаются «ичегоги кожаные» [Вилков, 1967, с. 85, 106]. В «Толковом словаре» В. И. Даля «ичеготы», «ичитыги» представлены как старая азиатская (татарская) сафьянная обувь, полусапожки, сверх которых надевают башмаки, колоши, а также распространенные в Европейской России «босовики», комнатные сапожки [Даль, 1989, с. 67].

На Алтае встречались такие экзотичные для русского крестьянина меховые сапоги из кож с козлиных ног и собачьих шкур, как «лунты» (шерстью внутрь) и «кисы» (вар. «кысы»), в которых шерсть располагалась наружу. В описях коллекции С. П. Швецова значится: «лунты – теплые сапоги из козлиной шкуры шерстью внутрь. Употребляются стариками для выхода зимой из дома». Про кисы исследователь сообщил следующее: «это зимняя обувь из козлиных ног шерстью наружу, употребляются в зимнюю дорогу» (отдел рукописей РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 714. Л. 17). В данном случае высвечивается проблема археологических соответствий этим зимним видам обуви, бытовавшей до момента широкого распространения «пимов». Археологам, видимо, надо усилить поиски в решении вопроса, во что же обувались сибиряки в XVII–XVIII вв. зимой.

Совершенно особняком стоит обувь типа поршней, обнаруженная в ходе археологических раскопок г. Тары (руководитель С. Ф. Татауров). Ее шили из одного куска кожи со сборками по верхнему краю, закрепляя на ноге узкими кожаными ремешками. Этот древнейший тип кожаной обуви был известен всем славянским народам и их соседям [Чижикова, 2011, с. 233]. Прimitивная кожаная обувь из одного куска кожи с названиями «поршни», «постолы», «чирики» часто встречается в районах смешанного расселения русских и украинцев – в Воронежской и Курской губерниях. Эта обувь зафиксирована отдельными очагами во всех губерниях Центральной России [Русская народная одежда, 2011, с. 89], у казаков, у которых со второй половины XIX в. она существовала как часть

обязательного обмундирования [Липинская, 2011, с. 386]. У донских казаков этот вид обуви был вообще самым распространенным, носимым вместе с шерстяными чулками или онучами [Там же, с. 379]. В данном случае археологический материал ставит проблему перед этнографами, которым в Сибири практически не удалось обнаружить поршневидную обувь (за исключением поздних российских переселенцев начала XX столетия и локального бытования в Томском крае) [Бардина, 2011, с. 564].

Соотнесение этнографических и археологических материалов, как показывают многолетние исследования, продуктивно для развития обеих научных дисциплин. Однако движение в этом направлении будет возможно при условии увеличения количества публикуемых материалов. Архивные источники ограничены и сообщают исследователям названия вещей и дают более-менее полное описание, в чем заключается их главная ценность. Упоминание же в архивах, прежде всего в РГАДА, о котях, чирках для периода начального освоения Сибири XVII – начала XVIII вв. свидетельствует о многопоколенной преемственности традиций русской обуви [Люцидарская, 1992, с. 140], что было отмечено и исследователями мангазейского поселения XVI–XVII вв. [Белов, Овсянников, Старков, 1981, с. 52]. В «Толковом словаре» В. И. Даля находим указание на «обутки» как обувь Пермского края с пояснением, что это «башмаки, чирки, черевички, затяжные коты на оборке и всякая башмачная обувь, и босовики, кроме сапог» [Даль, 1989, с. 628]. Судя по имеющимся материалам, термины «обутки» (от русского слова «обути», «обуваться») и «чирки» были в Сибири взаимозаменяемыми. Видимо, в местах, где преобладающими были переселенцы с северо-востока России, прижился термин «обутки» для обозначения повседневной и отчасти праздничной обуви. Вместе с тем нет оснований для твердого убеждения в том, что обнаруженная кожаная обувь (и ее фрагменты) без каблука называлась котами – название, которое было распространено в Европейской России, однако в Сибири не имеет четкой фиксации.

Бардина П. Е. Быт и хозяйство русских сибиряков Томского края. – Северск : Контекст, 2009. – 432 с.

Бардина П. Е. Томско-Нарымское Приобье // Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки. – М., 2011. – С. 551–570.

Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазья. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. – М. : Наука. – 147 с.

Бережнова М. Л. Загадка челдонов. История формирования и особенности культуры старожильского населения Сибири. – Омск : Изд-во ОмГУ, 2007. – 265 с.

Богомолов В. Б., Татаурова Л. В. «Коты» – кожаные туфли без каблука (по археологическим материалам Омского Прииртышья) // Народный костюм в Сибири. – Новосибирск, 2017. – С. 20–23.

Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. – М. : Наука, 1967. – 323 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. II : И – О. – М. : Рус. язык, 1989. – 780 с.

Зимина Т. А., Шангина И. И. Одежда русских центрального региона XVII – начала XX веков // Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки. – М., 2011. – С. 63–96.

Лебедева А. А. Дон и Северный Кавказ (область войска Донского, Терская и Кубанская области, Ставропольская губерния) // Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX – начало XX вв.). – М., 1971. – С. 232–259.

Липинская В. А. Северо-западная часть // Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки. – М., 2011. – С. 272–294.

Липинская В. А. Южное пограничье европейской части // Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки. – М., 2011. – С. 367–422.

Люцидарская А. А. Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки. XVII – начало XVIII вв. – Новосибирск : Наука, 1992. – 196 с.

Маслова Г. С. Русская народная одежда Забайкалья (XIX–XX вв.) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. – Ч. II : Забайкалье. – Новосибирск, 1975. – С. 48–70.

Панин Л. Г. Лексика западносибирской деловой письменности XVII – первой половины XVIII вв. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-е, 1985. – 204 с.

Рабинович М. Г. Одежда русских XIII–XVII веков // Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки. – М., 2011. – С. 19–62.

Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки. – М. : Индрик, 2011. – 776 с.

Сибирь и Русский Север: проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий (XVII – начало XXI века). – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – 296 с.

Татаурова Л. В. Проблемы изучения материальной культуры русских Сибири по данным археологии // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – Новосибирск, 2011. – С. 264–265.

Труды Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. LVII : Материалы и исследования по этнографии русского населения европейской части СССР. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 317 с.

Фурсова Е. Ф. Новогодние праздники и обряды чалдонов Чаусской волости Томского округа (с. Середино, Кандаурово) // Населенные пункты Сибири: опыт исторического развития. – Новосибирск, 1992. – С. 102–119.

Фурсова Е. Ф. Обь-Иртышский бассейн // Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки. – М., 2011. – С. 507–550.

Фурсова Е. Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX – начало XX вв.). – Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. – 150 с.

Чагин Г. Н. Приуралье XIX – начала XX века // Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки. – М., 2011. – С. 461–490.

Чижикова Л. Н. Юг европейской части // Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки. – М., 2011. – С. 139–266.

Шелегина О. Н. Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX вв.). – Новосибирск : Наука, 1992. – 251 с.

E. F. Fursova

Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS

ATTRIBUTED OF DATA OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY IN RECONSTRUCTION OF RUSSIAN SIBERIAN SHOES: PROBLEMS AND POSSIBLE SOLUTIONS

Problems of identity and translation the traditional culture of ethnic and cultural composition of Russian old Residents of Western Siberia in the years of the onset of scientific publications on the topic, and today are still relevant. Ethnographic study Russian Siberians and their traditional culture requires the involvement of a broad and diverse source base. The author makes an attempt to use the principle of complementarity of materials characterizing shoes Russian Western Siberia by ethnographic materials late 19th – early 20th century, and things 17–18th centuries in inventory of archaeological excavations in the Omsk Irtysh region.

Keywords: Western Siberia, ethnographic and archaeological studies, Russian old Residents, leather shoes, obutki, chirki, brodni.

УДК 39 (82+826+83)

А. И. Терюков

*Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург*

Л. М. САБУРОВА КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО СТАРОЖИЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ

В 1957–1962 гг. Институт этнографии АН СССР впервые проводил масштабное исследование русского старожильского населения междуречья Ангары и Илимма (начальник экспедиции – Л. М. Сабурова). Оно было вызвано необходимостью получения дополнительных материалов по традиционной культуре русских Сибири в рамках подготовки историко-этнографического атласа «Русские». Было проведено комплексное обследование большого количества населенных пунктов Кежемского района Красноярского края, Братского и Нижне-Илимского районов Иркутской области. В проведении работ принимали участие этнографы, диалектологи, музыковеды, художники, фотографы. Был собран громадный материал для описания русского старожильского населения региона: сведения о хозяйстве и хозяйственных занятиях, жилище, одежде, пище, семейной жизни, музыкальном фольклоре. При исследовании региона большое внимание обращалось на описание изменения образа жизни местного населения в советское время: формирование общественного сознания в колхозах, изменение хозяйства, быта и культуры в послевоенное время. К сожалению, значительная часть собранного материала: полевые записи, рисунки, фотографии – по разным причинам не была опубликована. Поэтому автору хотелось бы привлечь внимание исследователей к этому уникальному материалу.

Ключевые слова: Россия, Восточная Сибирь, бассейн Ангары, русские старожилы, этнография, традиционная культура, язык, песенный фольклор.

С 1957 по 1962 гг. Институтом этнографии АН СССР проводилось масштабное исследование русского старожильского населения междуречья Ангары и Илима. Эта многолетняя экспедиция была вызвана подготовкой двух крупнейших изданий: «Историко-этнографического атласа “Русские”» и тома «Русские» многотомника «Народы мира», основным исполнителем которого был Славяно-русский (позднее Восточнославянский сектор) Института этнографии АН СССР [Кушнер, 1955]. Это структурное подразделение тогда объединяло этнографов – славистов Москвы и Ленинграда. Руководил этим большим коллективом П. И. Кушнер [Альмов, 2004; Никишенков, 2007]. Эта многолетняя работа завершилась уже в конце 1960 г. [Русские, 1967; Русские, 1970]. В ходе подготовительных работ выяснилось, что для их написания не хватало фактического материала для характеристики русского населения Сибири, и дирекцией Института этнографии АН СССР было принято решение обследовать районы компактного проживания русских в Приангарье. Кроме того, в это время на Ангаре строилась Братская ГЭС и предполагалось затопление значительной территории, заселенной в первую очередь русскими. Поэтому экспедиция должна была максимально сохранить сведения о традиционной культуре местного населения. Начальником экспедиции была назначена Л. М. Сабурова – младший научный сотрудник Ленинградской части Института этнографии АН СССР, уже имевшая к этому времени опыт полевых работ. Частично эти материалы позднее вошли в ее монографию, статьи [Сабурова, 1965; 1967], но большая их часть осталась неопубликованной и сегодня хранится в Архиве МАЭ РАН. В данной работе мы попытаемся дать общий обзор деятельности этой экспедиции и собранных материалов.

Людмила Михайловна Сабурова (Назаренко) (6 марта 1921 – 10 декабря 1998) родилась в семье служащих в с. Старая Криуша Петропавловского района Воронежской области [Личное дело...]. Ее отец был агрономом, мать – учительницей. В Старой Криуше она окончила среднюю школу. В 1938–1947 гг. училась сначала на этнографическом отделении филологического, а позднее восточного факультета Ленинградского госуниверситета (ЛГУ). Такой длительный срок обучения был вызван тем, что она с 26 июля 1941 г. по 26 декабря 1945 г. служила медицинской сестрой эвакогоспиталя № 1980. Закончила войну младшим лейтенантом медицинской службы, была удостоена ордена Красной Звезды. В 1946 г. продолжила учебу в ЛГУ и в 1947 г. закончила университет с отличием, в 1947–1950 гг. – аспирантка ЛГУ; в 1950–1952 гг. – преподаватель Ленинградского отделения аспирантуры АН СССР, потом некоторое время работала научным секретарем Библиотеки АН СССР. В 1951 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Русско-мордовские связи по данным этнографии». В 1952–1953 гг. была секретарем Василеостровского райкома КПСС (членом партии она стала во время войны). В декабре 1953 г. Л. М. Сабурова возвращается к научной работе в Библиотеке АН СССР, а 29 декабря распоряжением № 29 по ленинградским учреждениям АН СССР ее переводят на должность младшего научного сотрудника Института этнографии.

В 1955–1956 гг. принимала участие в работе Мордовской этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР. В 1957–1962 гг. – начальник экспедиции в Восточной Сибири. В это время Л. М. Сабурова впервые в отечественной науке дала описание культуры и быта своеобразной локальной группы русского населения Приангарья. Кроме того, она принимает участие в подготовке тома «Народы европейской части СССР» в серии «Народы мира» и историко-этнографического атласа «Русские».

В 1967–1982 гг. Л. М. Сабурова являлась заместителем директора Института этнографии АН СССР по Ленинградскому отделению (тогда – Ленинградской части). В это время она приняла участие в подготовке теоретико-фундаментальной работы «Современные этнические процессы в СССР» [1975]. С 1982 г. до выхода на пенсию в 1988 г. – старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР.

В 1957 г. этнографический отряд состоял из Л. М. Сабуровой, В. А. Горелова – младшего научного сотрудника Института этнографии АН СССР (Москва), В. М. Бекетова – студента-географа Казанского университета, фотографа Д. В. Бородина, архитектора В. Г. Демьянова, художницы Е. Н. Александровой и шофера К. С. Тихонова. Экспедиция работала с 13 июля по 6 сентября в Братском районе, в зоне затопления, как часть Ангарской археологической экспедиции. Было обследовано 21 селение. В задачу входило ознакомление (проведение разведки) с культурой и бытом местного русского населения [Сабурова. Отчет..., 1957]. Основной задачей экспедиции было изучение традиционных форм материальной культуры, особенностей форм жилища, которые представляли историко-культурную ценность и вследствие своей ветхости могли разрушиться при переносе на новые места проживания. Иллюстративные материалы этой поездки были зарегистрированы в коллекции И-1723 (507 кадров). Отряд работал в Кобляковском сельсовете, где исследователи зафиксировали наибольшее сохранение различных предметов быта. По мнению Л. М. Сабуровой, это связано со слабым развитием путей сообщения и некоторой изоляцией этого микрорегиона. Братск и все населенные пункты, расположенные по Ангаре, испытали значительное изменение быта вследствие нахождения их на транзитном пути. Село Каймоново и прилегавшие к нему селения Нижне-Илимского района характеризовались преобладанием неземледельческих занятий над земледелием. Л. М. Сабурова отмечает, что русское население, живущее вверх по Илим, занимается *исключительно охотой* (выделено мной. – А. Т.). В выводах отчета Л. М. Сабурова пишет, что «этнографические данные свидетельствуют о генетической связи местного русского населения с северно- и средневеликорусским населением. Оно испытало известное влияние соседей – тунгусов и бурят».

Отчет о работе в 1958 г. в МАЭ РАН не сохранился: по-видимому, он был отправлен в Москву. Все отчеты о работе экспедиции отправлялись в дирекцию Института этнографии, а полевые материалы оставались в Ленинграде. Но сохранилось задание-программа проведения полевых работ, подписанная начальником Русской этно-

графической экспедиции, заведующим Славяно-русского сектора П. И. Кушнером [1957]. Судя по заданию, отряд Л. М. Сабуровой должен был обследовать район среднего и нижнего течения Ангары и Илима, за пределами зоны затопления Братской ГЭС. Изменяется цель изучения – главной задачей становится не сбор сведений о реликтах, а материальная культура и быт современного населения, которому придется жить после переселения в изменившихся условиях. Поэтому сбор сведений для атласа «Русские» становится второстепенным, уступив первое место изучению современного быта. П. И. Кушнер обращает внимание на необходимость описания экономики сельского хозяйства, выявления специфики хозяйственной деятельности русского населения. Для этого ставилась задача сбора сведений о численности колхозов, размерах обрабатываемых общественных и частных земельных участков за последние пять лет, поголовья скота, об общих доходах, размерах трудодней и т. д. Некоторые полевые записи этого года сохранились в Архиве МАЭ [*Сабурова. О материальной...*]. Фотоматериалы 1958 г. зарегистрированы в коллекциях И-1724 и И-1553.

В 1959 г. Ангарский отряд Комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР работал с 5 июля по 20 сентября в составе девяти человек. Л. М. Сабурова – начальник отряда, В. А. Горелов – младший научный сотрудник, В. М. Матвеева – старший лаборант, диалектолог из ЛГУ, В. Т. Демьянов – архитектор, Т. Л. Юзепчук – художник Ленчасти Института этнографии АН СССР, А. В. Маторин – фотограф Ленчасти Института этнографии АН СССР, Л. К. Кудинова – научно-технический сотрудник Ленчасти Института этнографии АН СССР. Кроме того, к отряду были прикомандированы сотрудники Красноярского краевого музея Е. А. Рипинский и Н. Ф. Панкратова [*Сабурова. Отчет...*, 1959].

Главной задачей отряда было продолжение работ по изучению культуры и быта колхозного крестьянства бассейна Ангары и Илима, начатые в 1958 г. В отчетном году обследованы колхозы «XX партсъезда» (д. Тубе), «Ангара» (д. Ненвоп), «Сила» (д. Баншиково) Нижнеилимского района Иркутской области, колхоз имени Сталина (д. Займка Кежемского района), «XX партсъезда» (д. Голтявино Богучанского района) Красноярского края. Основной целью было изучение состояния колхозного производства, основных отраслей его хозяйства, уровня специализации и механизации, организации труда, кадров, доходов и материальной базы колхозов, соотношения общественных и личных хозяйств колхозников. Кроме того, изучалась работа партийных и советских организаций в колхозах и их роль в формировании нового общественного быта. С этой целью копировалась документация колхозов, совхозов, сельских советов, низовых партийных организаций, велись беседы с председателями колхозов, бригадирами, председателями и депутатами сельсоветов, механизаторами и колхозниками. Такой интерес к этой проблематике был вызван тем, что в это время в числе основных направлений научной деятельности Института этнографии АН СССР было изучение колхозов [*Альмов, 2006*]. Одновременно, конечно, рассматривались и традиционные этнографические темы.

В. А. Матвеева занималась сбором лексического и фольклорного материала. В. Т. Демьянов и Т. Л. Юзепчук выполнили около 300 рисунков и чертежей, в том числе планы селений, планы и разрезы жилых и хозяйственных помещений. А. В. Маториным были проведены фотографирование и киносъемка (МАЭ. Кол. И-1844. 119 рис.; И-1830. 1 280 кадров фотопленки. К сожалению, материалы киносъемки в МАЭ не обнаружены). Сотрудники Красноярского краевого краеведческого музея Е. А. Рипинский и Н. Ф. Панкратова занимались сбором сведений о дореволюционном быте крестьян региона для создаваемой экспозиции музея.

Ангарский отряд этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР в 1960 г. работал в регионе с 15 июля по 1 сентября. Текста полного отчета в МАЭ нет. Полевые материалы имеются [*Сабурова, 1960*], однако сохранился интересный отдельный отчет диалектолога О. Г. Воронковой о работе, выполненной в Кежемском районе 1960 г. Она проводила обследование в пяти населенных пунктах Кежемского района – деревнях Аксеново, Прокопьево, Костино, Дворец, Рожково (вместе с Сосновой). Запись материала велась согласно «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» Академии наук СССР 1947 г. Для выявления наиболее старого лексического пласта записи проводились среди лиц старшего поколения (в возрасте 60–80 лет). Записи от них сопоставлялись с говором людей до 50 лет, а также детей. В ряде случаев проверка наиболее интересных языковых фактов проводилась среди местной интеллигенции. Весь диалектологический материал представляет собой транскрибированные записи отдельных слов и выражений, небольших связных текстов и предложений. По данным О. Г. Воронковой, наиболее интересные языковые особенности старого ангарского говора были зафиксированы у жителей по р. Каве (деревни Прокопьево и Костино). Всего она определила существование в этом микрорегионе трех говоров: говор по р. Каве, говор д. Аксеново, говор деревень Рожково и Дворец. В заключении отчета автор говорит о необходимости продолжения лингвистических исследований [*Воронкова, 1960*]. Они были продолжены в следующем году.

Диалектологические материалы этой экспедиции сегодня очень важны. По-видимому, это одни из первых записей языка русских Приангарья. Надо сразу отметить, что записи были выполнены очень профессионально, несмотря на то что они были сделаны начинающим исследователем. Позднее О. Г. Воронкова заведовала кафедрой математической лингвистики филологического факультета Ленинградского государственного университета. К большому сожалению, эти материалы оказались неиспользованными специалистами по русскому языку Сибири [*Фильде, 2014*]. Сегодня ангарский говор считается уникальным явлением русской старожильческой культуры, и в социальных сетях предпринимаются попытки создания базы данных этого говора.

Ангарская группа Южносибирского отряда Комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР в 1962 г. состояла из шести человек: Л. М. Сабурова – начальник отряда, О. Г. Воронкова – диалектолог, прикомандированный от ЛГУ, Л. М. Масленкова – музыковед, прикомандированный от Ленинградской государственной консерватории, О. И. Бурнатов – художник, прикомандированный от Академии художеств, А. В. Маторин – фотограф Ленчасти Института этнографии АН СССР и Л. К. Кудинова – научно-технический сотрудник Ленчасти Института этнографии АН СССР [*Предварительный отчет*, 1962].

Экспедиция работала с 5 июля по 3 сентября 1962 г. в пяти населенных пунктах Кежемского района Красноярского края и в Братском районе Иркутской области. Отряд продолжил начатое ранее изучение современного состояния культуры и быта русского населения Приангарья. Между сотрудниками отряда темы изучения были распределены следующим образом: Л. М. Сабурова и Л. К. Кудинова занимались изучением этнографических тем, О. Г. Воронкова – диалектологических, Л. М. Масленникова – музыкального фольклора. Члены экспедиции работали в тесном контакте между собой и многие трудоемкие работы выполняли совместно. Так, в заполнении посемейных карточек, копировании архивных материалов принимали участие все сотрудники. А. В. Маторин, кроме фотографирования, проводил запись на магнитофонную ленту живой речи и песен. Информаторов члены отряда часто посещали совместно.

Набольшее внимание членами экспедиции в 1962 г. было уделено изучению семьи и семейного быта, одежды, хозяйства, музыкального фольклора и диалектов. Сохранился отчет Л. М. Масленковой об изучении музыкальной культуры, проводившемся в с. Кежма, деревнях Мозговая и Алешкино. Причем тексты записывались не только у жителей старших возрастных групп, но и молодежи, также изучался репертуар участников художественной самодеятельности [*Отчет о работе...*, 1962]. Исследователь отмечает, что в изучаемых населенных пунктах сохранилась «исключительно богатая старая песенная традиция», живущая среди большой группы населения в возрасте 50–60 лет. Большинство жителей этого села на протяжении жизни не выезжали за пределы своего района. Так, например, Л. М. Масленкова выделила Кузьму Александровича Брюханова из Кежмы как страстного энтузиаста песни. Он начинал петь еще в церковном хоре и отмечал, что «народ в церковь не молиться шел, не свечи ставить, а хор слушать». По ее данным, репертуар этого исполнителя был разнообразен: песни из старинных песенников, местные народные песни, привезенные из России, с Украины, песни солдатские, плясовые, шуточные, лирические и т. д. В его репертуаре был отмечен даже кант петровских времен «Как по матушке, по Неве-реке». Манера исполнения протяжных песен в этих селах восходит к XVII–XVIII вв. Л. М. Масленкова подмечает отсутствие обрядовых песен. Хотя местные жители называют некоторые из песен свадебными, они таковыми не являются, ибо в них отсутствуют соответствующие мелодические формулы. В лексическом плане в текстах часто встречаются слова, общие с лексикой песен Полесья, Украины, Белоруссии (это понятно, так как в конце XIX в. в Восточной Сибири появляются переселенцы из западных губерний Российской империи). Она же отмечает отсутствие в этих текстах признаков северных песен (Новгорода, Пскова). Исследователь с сожалением констатирует, что молодежь уже обращается к советской песне. Всего было записано на магнитофон 67 песен.

Ценные материалы были получены в результате работы в Кежемском районном архиве: были изучены посемейные списки 1926 г. с указанием численности и состава семьей, количества земли, скота, инвентаря, принадлежащего каждой семье; сведения об организации колхозов и их деятельности. Здесь надо отметить, что эти материалы можно сопоставить частично с опубликованными материалами Всесоюзной переписи населения 1926 г., которая зафиксировала состояние страны перед началом коллективизации. Одновременно сохранившиеся в полевых записях экспедиции данные позволяют современным исследователям судить о состоянии хозяйства населения обследованного района доколхозного и колхозного периода. В материалах экспедиции сохранились отчеты местных колхозов за 1961 г., которые использовались для сопоставления.

Кроме того, 1962 г. отряд Л. М. Сабуровой посетил места Братского района, где проводились работы в 1957–1958 гг., т. е. до затопления Братским водохранилищем. Тогда были обследованы небольшие поселения и колхозы вдоль берегов Ангары. На их месте к 1962 г. на базе 17 населенных пунктов, переселенных из зоны затопления, был создан совхоз «Калтук», главной задачей которого было снабжение Братска мясомолочной и овощной продукцией. Задачей отряда в этом регионе было изучение изменения производственных и бытовых черт населения в новых условиях. За период работы отряда заполнено около тысячи посемейных карточек на основе похозяйственных книг, художниками сделано 50 рисунков, фотографом – около тысячи кадров, из которых было зарегистрировано 365 (МАЭ, И-1921). Фольклорист Л. М. Масленникова записала ряд текстов старинных песен от жителей старшего поколения. Продолжался сбор диалектологического материала.

Таким образом, за эти годы был собран громадный полевой материал, который сохранил для современных исследователей фактуру народной культуры русских Приангарья середины XX в. Она в то время переживала большие изменения под воздействием советской цивилизационной эпохи, но в ней еще сохранялись многие черты традиционного прошлого. С большим сожалением можно сказать, что эта культура исчезла. Села и деревни оказались затоплены сначала Ангарским, а в начале XXI в. и Богучанским водохранилищами. Их жители были переселены в другие места, местная традиция культуры пресекалась. Но в случае необходимости собранные материалы могут быть использованы для виртуального возрождения местной общности.

Воронкова О. Г. Отчет о работе диалектолога в комплексной этнографической экспедиции, [1960] / Ангарский отряд Этнографического института Академии наук СССР. 3 с. машинописных + 33 с. рукописного текста // Архив МАЭ РАН. Ф. 37. Оп. 1. № 34.

Кушнер П. И. Начальнику Восточносибирского отряда Русской этнографической экспедиции Л. М. Сабуровой // Архив МАЭ РАН. Ф. 37. Оп. 1. № 38. Правленая машинописная копия, подпись-автограф П. И. Кушнера. 7 июля 1957. 5 с.

Личное дело Л. М. Сабуровой // Архив МАЭ РАН. К. 1. Оп. 7. № 53. Л. 1–64.

Отчет о работе музыковеда Масленковой Л. М. в составе Ангарской группы Южно-Сибирского отряда комплексной экспедиции Института этнографии сроком с 5 мая по 15 августа 1962 г. // Архив МАЭ РАН. Ф. 37. Оп. 1. № 36. 7 с.

Сабурова Л. М. Отчет о работе Ангарского отряда Комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР в 1959 году. Машинопись. 103 с. // Архив МАЭ РАН. Ф. 37. Оп. 1. № 20.

Сабурова Л. М. Отчет о работе 2-го Этнографического отряда Ангарской экспедиции 1957 года. Правленая от руки машинопись. 18 с. // Архив МАЭ РАН. Ф. 37. Оп. 1. № 18.

Сабурова Л. М. О материальной культуре русских. Иркутская область, Красноярский край, [1960] Рукопись // Архив МАЭ РАН. К. 1. Оп. 2. № 427. 100 с.

Предварительный отчет о работе Южносибирского отряда в 1962 году. Машинописная копия. 3 с. // Архив МАЭ РАН. Ф. 37. Оп. 1. № 32.

Алымов С. С. Павел Иванович Кушнер: между наукой и идеологией // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX в. / Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; сост. Д. Д. Тумаркин, отв. ред. В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин. – М., 2004. – 278 с.

Алымов С. С. П. И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950 гг. – М.: Наука, 2006. – С. 108–235.

Кушнер П. И. О русском историко-этнографическом атласе // Краткие сообщения Института этнографии. – Вып. 22. – 1955. – С. 3–11.

Никишенков А. А. П. И. Кушнер и развитие советской этнографии в 1920–1950-е годы // ЭО. – 2007. – № 3. – С. 183–187.

Русские. Историко-этнографический атлас. – Т. 1 : Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (середина XIX – начало XX века). Тексты и карты / под ред. В. А. Александрова, П. И. Кушнера, М. Г. Рабиновича. – М.: Наука, 1967. – 213 с.

Русские. Историко-этнографический атлас. – Т. 2 : Из истории русского народного жилища и костюма. Украшение крестьянских домов и одежды (середина XIX – начало XX века) / под ред. В. А. Александрова, П. И. Кушнера, М. Г. Рабиновича. – М.: Наука, 1970. – 208 с.

Сабурова Л. М. Некоторые черты общественного и семейного быта русского населения Приангарья в первые годы советской власти (1919–1929 гг.) // СЭ. – 1965. – № 2. – С. 28–39.

Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения Приангарья. – Л.: Наука, 1967. – 280 с.

Современные этнические процессы в СССР / под ред. Ю. В. Бромля; Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 1975. – 545 с.; 2-е изд. – М.: Наука, 1978. – 545 с.

Фильде О. В. Ангарский нарратив как объект исследования // Вестник Томского педагогического университета. – 2014. – № 10 (153). – С. 189–192.

A. I. Teryukov

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS

L. M. SABUROVA AS A RESEARCHER OF CULTURE OF THE RUSSIAN OLD-RESIDENT POPULATION OF SIBERIA

In 1957–1962s the Institute of Ethnography, of the Academy of Sciences of the USSR conducted the first large-scale study of the Russian old-resident population in the interfluvium of the Angara and Ilim. It was caused by the need of additional materials on the traditional culture of the Russians of Siberia in preparation of the Historical-ethnographic Atlas “Russian”. Were conducted a comprehensive survey of a large number of settlements of Kezhemsk district of Krasnoyarsk, Bratsk and Nizhne-Ilimsk districts of the Irkutsk region. In the work took part ethnographers, dialectologists, musicologists, artists, photographers. As a result of works, was assembled a vast amount of material to describe old-time Russian population of the region: data on farm agriculture and economic classes, housing, clothing, food, family life, musical folklore. During the study region the great attention was paid to the description of changes in the lifestyle of the local population in Soviet times: the formation of social consciousness

in the collective, change of economy, life and culture in the postwar period. Unfortunately, a large part of the material collected: field notes, drawings, photographs, for various reasons was never published. Therefore, the author would like to draw the attention of researchers to this unique material.

Keywords: Russia, East Siberia, Angara river basin, the Russian old resident, Ethnography, traditional culture, language, folk singing.

УДК: 902:351.853.3

М. Ю. Баранов¹, В. А. Куприянов²

¹НПО «Северная археология – 1», Нефтеюганск,

²ООО «Центр археологических исследований», Челябинск

КУЛЬТУРНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС ПРИОБСКИХ ОСТЯКОВ XVII–XIX ВЕКОВ (по материалам исследований поселения «Урочище Бала 1»)

В статье представлены результаты раскопок поселения «Урочище Бала 1» – зимнего хантыйского поселения, функционировавшего в качестве постоянного двора, расположенного на зимнем пути Самаровского яма и связывавшего Европейскую Россию с городами Тобольского Севера. Представлена типология исследованных построек и сооружений. Собрана обширная коллекция разнообразного бытового и промыслового инвентаря. Полученные материалы свидетельствуют о высокой степени адаптации сложившейся хозяйственной структуры к местным природным условиям. Результаты археологических исследований позволяют проводить реконструкции хозяйственных структур и этнокультурных традиций населения края середины XVIII – конца XIX вв.

Ключевые слова: ХМАО – Югра, Ханты-Мансийский район, спасательные раскопки, типология исследованных построек, коллекция бытового и промыслового инвентаря середины XVIII – конца XIX вв.

В ходе полевых работ 2005–2016 гг. в среднем течении Оби, в Ханты-Мансийском районе ХМАО – Югры, на Приобском месторождении нефти, в районе с. Селиярово, обследованы бывшие населенные пункты аборигенного населения, существовавшие в XVI–XIX вв. Поселения расположены в обской пойме, подтопленной в паводок. Согласно существующим методикам выявления археологических объектов, такая территория относится к перспективной зоне. Между тем подобное расположение поселений было обусловлено сложившимся в XVI–XIX вв. хозяйственным комплексом, связанным с оседлым образом жизни, подводной повинностью, товарным рыболовством, промыслом дичи и мелкого зверя, собирательством. А. В. Головнев определяет данный комплекс как приречно-таежный промысловый, присущий хантам припойменных районов Оби и Иртыша [Головнев, 1995, с. 47].

В конце XVI в. в Селияровскую остяцкую волость Сургутского уезда входили юрты Чигамины, Тукаскины, Сакалевы, Балины (общее количество – 13) [Туров, 2004, с. 13]. Говор остяков Селияровской волости «несколько отличался» от языка соседей [Сибирь XVIII века..., 1996, с. 217–218]. Ясашные остяки Селияровской волости несли подводную повинность по дороге Самарово – Нарым [Вершинин, 2004, с. 62–63], а Балинские юрты являлись транзитным пунктом на зимнике Тобольск – Сургут – Березов.

С заселением Средней Оби в конце XVII в. выходцами с Русского Севера начались аккультурация, инкорпорация и крещение коренного населения [Туров, 2004, с. 24]. Происходили широкие заимствования в области материальной культуры. В середине XIX в. М. А. Кастрен писал, что хантыйские юрты на Средней Оби состоят из примитивных срубных построек с чувалами и глинобитными печами, с полами, покрытыми камышовыми рогожами. Кроме того, ученый упоминал небольшие чуланы для рыбы и уличные печи [Кастрен, 1999, с. 55–56]. В начале XX в. А. А. Дунин-Горкавич назвал это население «лошадными» или «конными» остяками. «...Они, сравнительно с другими, культурны, живут в бревенчатых избах, которые строят сами, держат лошадей повсеместно, а в некоторых юртах даже коров и овец; их женщины пекут хлеб, ткнут холст, вышивают бисером и шерстью» [Дунин-Горкавич, 1995, с. 88]. «Избы здесь светлые, русского типа – с сенями, о двух и даже трех комнатах, имеют глинобитную русскую печь, да другую небольшую печь, в которую вмазан котел, и, кроме того, чувал» [Там же, с. 130]. Основными хозяйственными занятиями аборигенов были рыбная ловля и охота. Они также держали лошадей, практиковали «избенное оленеводство», а в XIX в. у них стало больше коров. Пушной промысел по значимости уступал рыболовству и служил в основном для уплаты ясака [Кастрен, 1999, с. 65; Туров, 2004, с. 33].

Сформировавшееся к XIX в. население Средней Оби является результатом этнической конвергенции, в которой участвовали выходцы с Русского Севера (русские, коми) и аборигены ханты. Подавляющая часть коренного населения была аккультурирована, а затем инкорпорирована в состав русского населения.

Остатки Балинских юрт. Памятник находится в 7,5 км к СВВ от с. Селиярово, в обской пойме, на оконечности прибрежного вала, вдоль небольшой протоки, полностью пересыхающей в межень. Южнее расположено старичное озеро. На территории поселения выявлены две группы археологических объектов [Баранов, 2007]. В группу 1 входит 11 оплывших овалных впадин со слабо выраженными обваловками. Группа 2 расположена в 0,2 км к востоку от первой и представлена основаниями крупных построек, впадинами с обваловками, системой ям, канавами. Граница распространения насыщенного органикой культурного слоя хорошо заметна по резкой смене растительности. «Жилая грива» покрыта крапивой, на прилегающих участках растут злаковые травы, а на затопляемой территории прослеживается типично пойменная растительность. Площадь групп 1 и 2 составляет до 110 тыс. кв. м.

В 2012–2013 гг. по территории бывших Балинских юрт (поселение «Урочище Бала 1») были проложены грунтовая автодорога и высоковольтная линия. Вопиющим фактом нарушения законодательства об объектах культурного наследия (ОКН) явился широко организованный вывоз культурного слоя. Площадь разрушений составила до 15 тыс. кв. м, поврежденными оказались более 20 выраженных в рельефе археологических сооружений. В связи со значительными разрушениями культурного слоя между ООО «РН-Юганскнефтегаз» и НПО «Северная археология – 1» была достигнута договоренность о проведении археологических исследований памятника.

На поврежденной части поселения заложены раскопы общей площадью 14,5 тыс. кв. м. Вскрытый культурный слой содержал большое количество остатков деревянных конструкций жилых и хозяйственных сооружений. Из-за расположения поселения в пойменном ландшафте его жители испытывали дефицит древесины. По этой причине обветшавшие постройки разбирались для повторного использования деревянных частей зданий, а в грунте оставались лишь нижние венцы сооружений.

В ходе аварийно-спасательных работ исследованы остатки жилых и хозяйственных построек, элементы фундаментов, развалы печей, выявлены четыре строительных горизонта.

Исследованы остатки построек и сооружений нескольких типов и разновидностей:

- традиционные каркасные постройки (рис. 1: 1, с. 506);
- однокамерные срубные жилые, с серединным и угловым расположением печи (рис. 1: 2);
- двухкамерные срубные жилые, с серединным и угловым расположением печи (рис. 1: 4);
- трехчастные конструкции: изба – сени – изба (рис. 1: 3);
- крупные амбары с хранилищами-ледниками (рис. 1: 7, 11);
- крупные наземные амбары (рис. 1: 8);
- постройки хозяйственного назначения без печей;
- хозяйственные погреба и ямы для хранения и засолки рыбы (рис. 1: 9, 10);
- легкие постройки с очагами (рис. 1: 5);
- уличные печи;
- основания усадебных ворот (рис. 1: 6).

Большинство построек было поставлено прямо на грунт. Изредка под стенами построек прослеживаются подкладки-опоры из обрезков крупных бревен, которые играли роль фундамента. Обнаружены немногочисленные площадки, отсыпанные материковым грунтом под возводимый сруб. Иногда сруб окружала завалинка, насыпанная из материкового грунта. Стены рубили с пазом «в чашку», который делали в нижнем бревне. Это был нерациональный прием, потому что вследствие попадания влаги дерево гнило и венец быстро разрушался [Ащепков, 1950, с. 63]. Часть домов была срублена на месте, о чем свидетельствуют отложения щепы в основании построек.

При строительстве жилищ, помимо срубных узлов, применяли заплотные конструкции «в набирку» (рис. 1: 12). Основой последних служили столбы с вертикальными прямоугольными пазами, куда горизонтально закладывались плахи. Протяженность прогонов в заплотных стенах составляла до 3,5 м.

Полы в большинстве построек не прослежены, но в некоторых у выхода зафиксированы деревянные вымостки. Наличие деревянного пола не может служить определяющим признаком жилого дома. Известны многочисленные этнографические примеры, когда жилища, особенно промысловые, не имели полов. Отсутствие настилов в постройках с сохранившимися переводинами можно объяснить вторичным использованием досок пола из обветшавших строений. В раскопе не зафиксировано ни одного дверного проема, как и находок, позволяющих судить о конструкции кровли.

Остатки отопительных сооружений представлены развалами печного слоя, обломками слабо обожженного кирпича и кусками обмазки. Столбовых или срубных печных фундаментов не обнаружено. Размеры печей зависели от величины построек. В больших домах габариты печей составляли 3,0 × 2,0 м, в малых – 1,4–1,5 × 1,6–1,7 м. Ранние печи были глинобитные. Фрагменты рыхлого кирпича относятся к слоям XIX в. Выявлены развалы глинобитных очагов на жердевых каркасах, обмазанных глиной. В хантыйской этнографии подобные сооружения хорошо известны. Печи с вмазанным котлом назывались «калташихами», очаги носят название «пуут кар» – «место, дом котла» [Лукина, 2009–2010, с. 62, рис. 94, 96; ПМА].

Были вскрыты хозяйственные ямы прямоугольной формы размерами 2,0–3,0 × 1,5–2,0 м, глубиной 0,7–1,0 м. В придонном заполнении каждой из них залегала прослойка влажной щепы. В некоторых ямах были выявлены настил пола и обкладка стен доской, в остальных стенки оказались неукрепленными. Предположительно эти ямы использовались местным населением в качестве погребов для хранения и засолки рыбы.

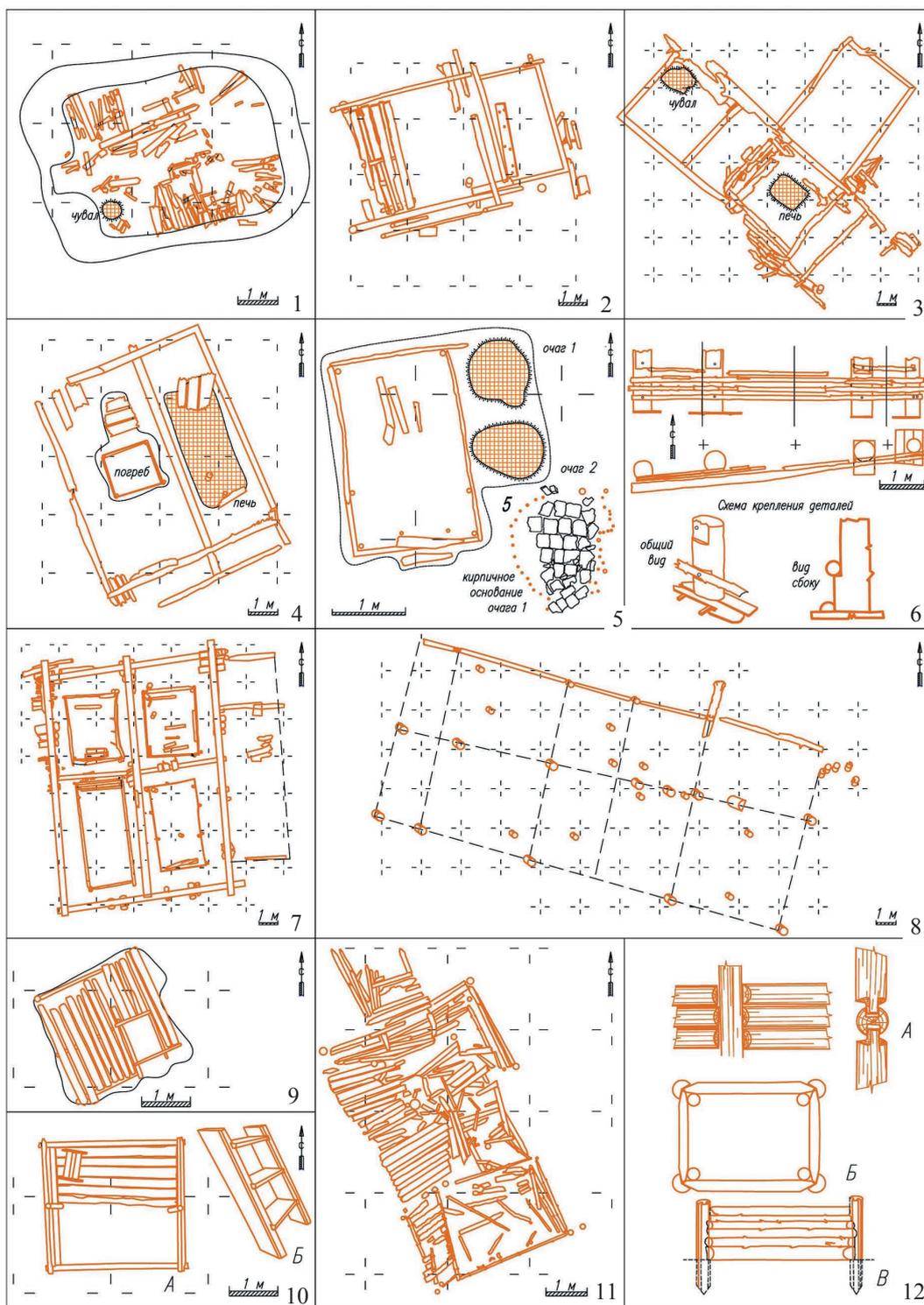

Рис. 1. Основные типы и разновидности построек и сооружений:

- 1 – каркасная жилая постройка; 2 – однокамерная срубная жилая постройка; 3 – трехчастная срубная жилая постройка: изба + сени + изба; 4 – двухкамерная срубная жилая постройка; 5 – легкая каркасная постройка с глинобитными очагами; 6 – основание ворот усадебного комплекса; 7 – крупный амбар с хранилищами-ледниками; 8 – крупный наземный амбар; 9 – хозяйственный погреб для хранения рыбы (перекрытие); 10А – хозяйственный погреб для хранения рыбы (настил пола); 10Б – приставная лесенка погреба; 11 – перекрытие крупного хранилища-ледника; 12А – схема заплотной конструкции; 12Б – схема соединения обкладки стен погреба; 12В – схема устройства обкладки стен погреба

Многочисленные вертикальные столбы можно интерпретировать как основания амбаров, заборов, всевозможных сушил и вешал. В ряде мест обнаружены скопления уплотненного навоза, занимающие ограниченную площадь, однако следов построек не сохранилось. По-видимому, это остатки производственных построек, кровля которых крепилась на столбах. Крытые дворы и навесы зачастую устраивались в заезжих постоянных дворах [Ащепков, 1950, с. 24].

По воспоминаниям жителей с. Селиярово, прежде усадьбы обносились оградой, состоявшей из высоких столбов высотой до 2,5 м с пазами, куда вставлялись жерди, чтобы снег свободно выдувался ветром. Такая ограда, называвшаяся «заплотом», имела высокие сводчатые ворота. Рядом с воротами стояли столбы с кольцами для привязывания лошадей («привязи») [Туров, 2004, с. 54].

Вещевой комплекс. Представлен керамикой серолощеной, сероглиняной, красноглиняной, фаянсом, неводными наплавами и керамическими грузилами, изделиями из стекла, металлов и камня, изделиями из дерева и бересты, ткани, шерсти, кожи и кости. Кроме того, собраны остеологические остатки. Коллекция датируется серединой XVIII – концом XIX вв.

Промысловое снаряжение. Широко представлена оснастка сетевых орудий лова. Керамические грузила для неводов дисковидной формы крепились к нижней тетиве. С помощью кедрового корня они зашивались в берестяные футляры (рис. 2: 25, 26, с. 509). Вес грузила подбирался в соответствии с типом сетевого орудия лова и размером наплавов. Больше всего среди них изделий весом от 200 до 300 г (до 70 %), использовавшихся для малых неводов на небольших протоках, озерах и сорах.

Наплава (поплавки) для неводов изготовлены в виде плоских прямоугольных дощечек со скругленными краями из коры осокоря – разновидности европейской ветлы (рис. 2: 24). В меньшем количестве были представлены малые наплава для ставных сетей. Обнаружены железные пешни для разламывания льда (рис. 2: 23), фрагменты якорей-кошек малых речных судов. Железные крючки рыболовных самоловов для промысла осетровых рыб и налимов единичны.

В XIX в. аборигенное население для добычи рыбы использовало ставные, тягловые и плавные сети, деревянные и сетные ловушки, лучение. Наиболее распространенным сетевым орудием для лова рыбы был невод. Небольшие невода длиной до 30 м имелись почти в каждом хозяйстве.

С ручными луками охотились на утку и белку [Шульц, 1924, с. 184]. К принадлежностям охотничьих луков относятся фрагменты склеенных деревянных пластин со следами обмотки полосами бересты; стержневидные костяные наконечники стрел, железные вильчатые наконечники-срезни (рис. 2: 15) и наконечники с двумя обратными зубцами на выдру. Есть упоминания, что клееные луки продавали самоеды, жившие на Оби [Кастрен, 1999, с. 56].

Были найдены разнообразные детали шомпольных ружей, а также ружейные принадлежности: стволы с ударно-капсюльными замками, замочная доска капсюльного ружья с курком, замок охотничьего ружья, огнивная полка кремневого ружья, железная антабка, спусковые скобы, детали пороховниц (рис. 2: 20), мерки для пороха, литейная форма для отливки пуль, куски свинцовых полос для изготовления дроби, ружейные пули и кремни (рис. 2: 6).

В коллекции широко представлены клинки ножей, имеющих значительные конструктивные различия в зависимости от назначения: хозяйственные, кухонные и столовые, для обработки дерева, косторезные, сапожные, рабочие и боевые (рис. 2: 13). Лезвия многих орудий основательно сточены. На некоторых сохранились рукоятки из бересты. Обнаружено большое количество точильных брусков прямоугольной формы с зашлифованными боковыми гранями, изготовленных из серого и светло-зеленого песчаника и сланцев.

Детали обозно-конского снаряжения свидетельствуют о широком использовании лошадей. Обнаружены зимние железные подковы для упряжной лошади с заостренным наружным и зацепным шипами (рис. 2: 16), железные трензельные удила (рис. 2: 17), железные карабины для пристегивания поводьев, ременные разделители, петлеобразные копытные железные ножи для расчистки конских копыт перед ковкой (рис. 2: 14), бронзовые поддужные колокольчики и бубенцы, жестяные бубенчики-ширкунцы большого диаметра (рис. 2: 1, 2).

В составе сбруи применялись декоративные элементы из цветных сплавов, которые служили украшением и уберегали коней от сглаза. К ним относятся солярные («солнечные») бляхи, декоративные «пуговицы» круглой формы из медного и бронзового листа (рис. 2: 3), накладки на кожаные детали упряжи, бронзовые и железные ременные кольца (рис. 2: 4, 5). Найдены фрагменты кожаных обшивок клешней конских хомутов с парными круглыми отверстиями для крепления гужей, фрагменты ремней упряжи с бронзовыми нашивками, детали кожаных сакв (дорожных баулов), кожаные выючные ремешки и кисточки, фрагменты войлочных попон, необходимых для укрытия лошадей при размещении их зимой на отдых под открытым небом.

Инструменты. Обслуживание зимней дороги подразумевало перековку лошадей и ремонт подвижного состава. Вследствие этого даже в небольшом поселении существовала потребность в наличии специально оборудованной кузницы. Найдены кузнечные ручные молоты и зубила, гвоздильня для осаживания головок гвоздей, бордки, круговые каменные точила.

Была собрана разнообразная железная фурнитура для деревянного строительства: навесы, подставы, а также жиковины ворот и оконных ставен, дверные задвижки, петли, крюки, пробои, кольца и т. д.

Орудия по обработке древесины представлены плотничными, дровосечными, столярными (потесами) топорами, теслами-пазниками (рис. 2: 30), фрагментами скобелей, двуручных, лучковых и маховых пил; спиральными и перовидными сверлами.

Обнаружены сделанные из длинных костей копытных ножи для чистки рыбы, крупные скребки на ребре копытного (для выделки кож?), орудия из мелкой кости с режущей заполированной кромкой по краю, а также костяные проколки (рис. 2: 22).

Одежда и обувь. Коллекция текстильных изделий состоит из деталей кроя, фрагментов тканей и вязаных носков, опушек обуви, плетеных изделий домашнего, кустарного и фабричного производства (рис. 2: 29). Найдены фрагменты шерстяных поясов с оловянными нашивками, которые изготавливались аборигенами Западной Сибири. Костюм сибирского населения в XIX в. в основном повторял русский костюм с проявлением местных особенностей. В нем широко использовались фабричные ткани, что связано с торговлей текстилем по Сибирскому тракту [Дунин-Горкавич, 1995, с. 89, 130; Глушкова, 2002].

Собраны детали различных моделей обуви и обрезки от раскроя кожи*. Большая часть обуви сшита в местных традициях. Это мягкая низкая обувь с однослойной подошвой (рис. 2: 27). В составе некоторых изделий сохранились задники из бересты. Обнаружены наборы деталей сапог-бродней, материалом для которых служила дубленая кожа с тиснением поверхности «булгари», бытовавшим с XVII в. Имеются образцы обуви промышленного пошива, изготовленной в городах Европейской России в середине XIX в. Ей свойственны толстые жесткие подошвы, имеющие двойной ряд мелких отверстий от деревянных шпеньков по всему краю. Обнаружены единичные фрагменты качественной обуви из тонкого войлока с кожаными вставками.

Многочисленны кожаные рукавицы-вачеги: короткие, цельнокроеные, подпрямоугольные, с закругленным передом, как правило, сильно изношенные (рис. 2: 28).

Лезвия скобелей указывают на выделку местным населением сыромятной кожи (лосиных и оленьих шкур, камусов для подбивки лыж, аборигенной обуви).

Кухонная утварь среди находок достаточно многочисленна: печные железные ухваты-рогачи, сковородники-чапельники, сечки кухонные, чугунные пестики и печные детали. Были обнаружены фрагменты литых чугунок различного объема, крупных котлов полусферической формы. У коренного населения Сибири котлы имели очень широкое распространение при приготовлении пищи на глинобитных очагах. Также котлы вмазывались в небольшие уличные печи – «калташихи».

Посуда. В комплексе посуды XVIII в. представлена керамика: ранняя местная грубая лепная, привозная чернолощенная, мореная и серолощенная. Серединой XVIII–XIX вв. датируются сероглиняные и поливные изделия. Дальний импорт представлен единичными фрагментами белоглиняной керамики из светлогжущейся глины. На некоторых сосудах вырезаны крупные буквы, вероятно, инициалы владельцев.

В слоях, датируемых второй половиной XIX в., обнаружены обломки фаянса. Фарфоровая посуда представлена обломками чайных принадлежностей, фаянс – фрагментами столовых блюд, мелких закусочных тарелок, толстостенных супниц, образцами мелкой декоративной пластики. Большинство клейм принадлежит заводам Кузнецовского товарищества, работавшим в Риге, Московской, Владимирской, Тверской, Новгородской, Ярославской губерниях. Единичны находки фаянса с фабрик Иркутской губернии и Финляндии.

Найдены фрагменты стеклянных штофов разного размера с клеймами первой четверти XIX в., бутылок для выдержанного вина и больших бутылей, использовавшихся в торговых питейных заведениях, а также пробки графинов, бутылки аптекарские, ножки бокалов, стопок. Немногочисленные осколки относятся к европейским керамическим кувшинчикам из белой глины с коричневой поливой.

Берестяная посуда представлена фрагментами цилиндрических туесов, коробок с низкими бортами, табакерок. На бересте сохранились выскобленные орнаменты, имеющие аналогии в этнографических материалах, собранных среди хантов Оби [Лукина, 1979]. Бондарные изделия – это клепки от кадушек, ведер и шаек, фрагменты днищ.

Найдены приборы для сервировки стола: ложки чайные, вилки малые столовые с костяными рукоятками, ножи. Обнаружены детали самоваров.

Курительные аксессуары представлены трубками двух типов. Трубки бухарского типа для водяного курения (деревянный чубук, головки из камня и глины разных геометрических форм), наиболее ранние в Сибири датируются серединой XVII в. [Шаповалов, 2000; Беликова, Зинченко, 2012] (рис. 2: 8). Курительные трубки «турецкого» типа изготовлены способом формовки в двусторонней форме из глины, покрыты орнаментом из оттисков зубчатых штампов. Время их бытования – XVIII – начало XIX вв. [Волков, 1999] (рис. 2: 9).

Торговлю и делопроизводство иллюстрируют железные навесные замки, внутренние сундучные замки, детали сундуков, ключи кованые, гири-разновесы, подсвечники.

Украшения – оловянные литые ажурные накладки местного производства, основной орнаментальный мотив которых – розетки из ромбической и крестообразной сетки, крестовидные нашивки (рис. 2: 11). В качестве украшений применялись также подвески из бронзового листа, бронзовых пуговиц, монет, щитков перстней.

* Описание коллекции кожаной обуви, найденной на раскопках поселения «Урочище Бала 1», см. в статье М. Ю. Баранова и Д. О. Осипова (с. 511–517). – *Примеч. ред.*

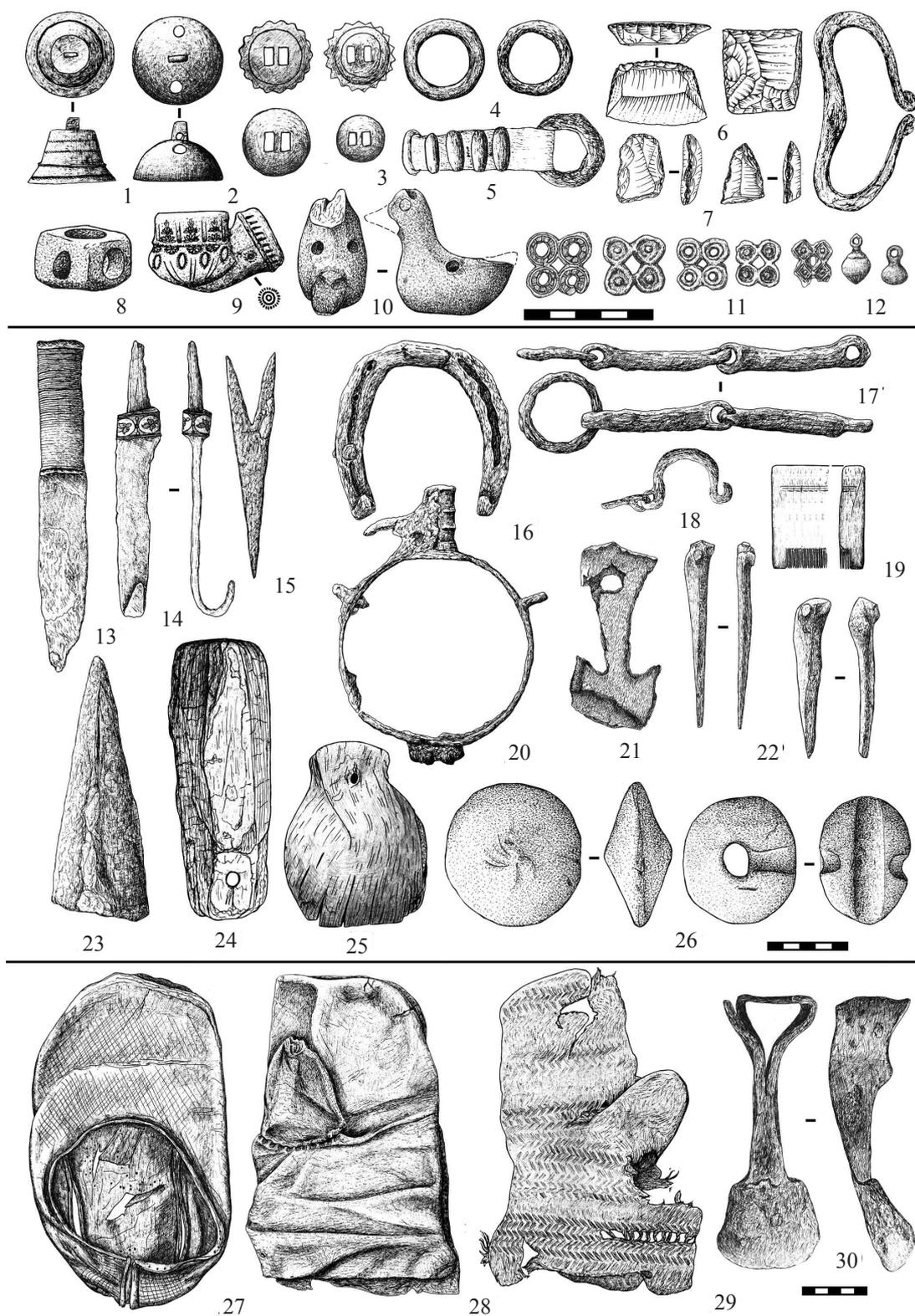

Рис. 2. Находки с раскопок:

- 1–5 – детали упряжи: 1, 2 – подужные колокольчики и бубенцы, 3 – декоративные «пуговицы» конской сбруи, 4 – ременные кольца, 5 – кольцо с фрагментом ремня; 6 – ружейные кремни; 7 – кресало и кресальные кремни; 8, 9 – курительные трубки «бухарского» и «турецкого» типов; 10 – керамическая свистулька; 11 – оловянные литые ажурные накладки; 12 – пуговицы-«гирьки»; 13 – универсальный нож; 14 – копытный нож; 15 – наконечник стрелы «срезень»; 16 – зимняя подкова; 17 – удила; 18 – петля седелки; 19 – гребень; 20 – обкладка пороховницы; 21 – костяной крюк колыбели; 22 – орудия для выделки крапивной кудели; 23 – наконечник пещни; 24 – неводной наплав; 25 – неводной кибас в бересте; 26 – неводные кибасы; 27 – туфля без каблука; 28 – кожаная рукавица; 29 – вязаная рукавица; 30 – тесло-пазник. *Материал:* 1–5, 12 – бронза; 6, 7 – камень; 11 – олово; 13–18, 20, 23, 30 – железо; 19, 21, 22 – кость; 24 – кора; 8–10, 25, 26 – керамика; 27, 28 – кожа; 29 – шерсть

Привозные изделия представлены бронзовыми перстнями и кольцами, серьгами, бусами и бисером, пользовавшимися повышенным спросом у аборигенного населения.

Предметы христианского культа – оклады икон «Господь Вседержитель», «Святитель Николай Чудотворец», «Чудо Святого Георгия о Змие», фрагменты оклада Евангелия, образцы меднолитой пластики, кресты настенные, выполненные в технике плоского двустороннего литья, фрагменты стеклянных кадил, подвесных домашних лампадок, церковная бутылочка из Абалакской обители, что под Тобольском.

Принадлежности игр – детские миниатюрные игрушки из дерева и керамики, игральные биты для игры в «бабки», залитые свинцом, керамические свистульки.

Комплекс монет царского чекана укладывается в период с 1742 по 1916 гг. При этом основная часть денег отложилась в период с 1800 по 1850-е гг.

На основании анализа исторических источников, картографических материалов и полученной коллекции археологических предметов исследованный памятник интерпретирован как зимнее поселение аборигенного населения, функционировавшее как постоянный двор на зимнем пути Самаровского яма, который связывал Европейскую Россию и города Тобольского Севера.

Вещевой комплекс свидетельствует о высокой степени адаптации сложившейся хозяйственной структуры к местным природным условиям. В коллекции выделяется ряд форм, характерных для коренного населения, однако большая часть изделий типична для русского населения.

Наличие некоторых категорий товаров, являвшихся предметами далеко не первой необходимости, позволяет говорить о налаженных торговых связях и востребованности статусных вещей при обслуживании постоянного двора. Материалы археологических исследований подтверждают данные письменных источников XVII–XIX вв. об активном привлечении аборигенного населения к подводной гоньбе и товарному рыболовству. Они позволяют проводить реконструкции хозяйственных структур и этнокультурных традиций населения края середины XVIII – конца XIX вв., а также дают возможность проследить формирование опыта традиционного природопользования, возникшего в процессе освоения территорий Северо-Западной Сибири.

Туров С. В. Отчет о НИР: Селиярово – русское село на Средней Оби: селитебная и этническая история, традиционный хозяйственный комплекс, архитектурное наследие. Тюмень, 2004 // Архив НПО «Северная археология – 1». Ф. Науч. № 120. 64 с.

Баранов М. Ю. Отчет о НИР: Археологическая разведка на Приобском месторождении нефти в Ханты-Мансийском районе ХМАО – Югра в 2006 г. Нефтеюганск, 2007 // Архив НПО «Северная археология – 1». Ф. Науч. № 186. 43 с.

Ащепков Е. Русское народное зодчество в Западной Сибири. – М. : Изд-во Акад. архитектуры СССР, 1950. – 140 с.

Беликова О. Б., Зинченко А. С. Курительные аксессуары XVII–XIX вв. таежного Причулымья (юг Западной Сибири): трубки // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 2 (17). – С. 93–105.

Вершинин Е. В. Челобитные аборигенного населения Сургутского уезда (XVII в.) // Западная Сибирь: прошлое, настоящее и будущее. – Сургут, 2004. – С. 53–64.

Волков И. В. Частная коллекция «турецких» курительных трубок из Москвы // Материальная культура Востока : сб. ст. / Гос. музей Востока. – М., 1999. – С. 226–252.

Глушкова Т. Н. Археологические ткани Западной Сибири. – Сургут : Изд-во СурГПИ, 2002. – 206 с.

Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург : Изд-во УрО РАН, 1995. – 606 с.

Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. – Т. 1 : Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. – М. : Либерия, 1995. – 376 с.

Кастрен М. А. Сочинения : в 2 т. – Т. 2 : Путешествия в Сибирь (1845–1849). – Тюмень : Ю. Мандрики, 1999. – 348 с.

Лукина Н. В. Альбом хантыйских орнаментов (восточная группа). – Томск : Изд-во ТГУ, 1979. – 238 с.

Лукина Н. В. Ханты от Васюганья до Заполярья: источники по этнографии. – Т. 3 : Юган. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2009–2010. – 296 с.

Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера // История Сибири. Первоисточники. – Новосибирск : Сиб. хронограф, 1996. – 310 с.

Шаповалов А. В. Табак в Западной Сибири в XVII–XVIII вв. // Чуждое – чужое – наше. Наблюдения к проблеме взаимодействия культур. – Новосибирск, 2000. – С. 107–121.

Шульц Л. Р. Салымские остяки (из материалов к этнографии южных остяков) // Записки Тюменского общества научного изучения местного края. – Тюмень, 1924. – Вып. 1. – С. 166–200.

M. Yu. Baranov¹, V. A. Kupriyanov²

¹Research and Production Association “Northern Archaeology – 1”, Ltd., Nefteyugansk,

²Centre of Archaeological Research, Ltd., Chelyabinsk

CULTURAL-ECONOMIC COMPLEX OF THE OB OSTYAKS IN THE 17th – LATE 19th CENTURY (based on the materials of the research at the Bala 1 archaeology site)

The paper presents the results of the archaeological excavation at the Bala 1 site – a winter Khanty settlement which functioned as a coaching inn and post station located on the winter way of the Samara yam. The yam connected the European part of Russia with the towns in the north of the Tobolsk region. The authors provide some data on the typology of the buildings and structures examined by them. A great number of various have been collected. The materials obtained indicate to the high degree of adaptation of the existing economic structure to local environment. The results obtained make it possible to carry out reconstructing the economic structures and ethnic cultural traditions of the indigenous population of the middle 18th – late 19th century.

Keywords: Khanty-Mansiisk region, archaeological excavation, typology of the buildings and structures examined, collection of everyday and hunting/fishery implements.

УДК: 902

М. Ю. Баранов¹, Д. О. Осипов²

¹ООО «НПО «Северная археология – 1». Нефтеюганск,

²Государственный исторический музей, Москва.

КОЛЛЕКЦИЯ КОЖАНОЙ ОБУВИ ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ «УРОЧИЩЕ БАЛА 1» (по материалам 2013–2015 годов)

В статье представлены описание и систематизация кожаной обуви, найденной в результате раскопок поселения «Урочище Бала 1» – зимнего хантыйского поселения, функционировавшего в качестве постоянного двора, расположенного на зимнем пути Самаровского яма, связывавшего Европейскую Россию с городами Тобольского Севера. Коллекция «археологической кожи» насчитывает 450 предметов, большую часть составляет кожаная обувь, обувные детали и обрезки раскроя. Кроме того, при раскопках памятника найдены рукавицы, сумки, ножны, детали конской упряжи, кожаные пуговицы, а также теплые вкладыши и стельки, изготовленные из войлока. Репрезентативная выборка дает возможность реконструировать бытовую жизнь поселения, установить следы торговых контактов с европейской частью России. Набор кожаной обуви включает промысловые сапоги и туфли, пошитые местными кустарями, а также привозные модели, изготовленные на специализированных обувных фабриках. Наличие на памятнике элементов модного городского костюма маркирует процесс изменения традиционного уклада местных жителей.

Ключевые слова: ХМАО – Югра, Ханты-Мансийский район, спасательные раскопки, кожевенно-сапожное ремесло, изготовление обуви.

Статья посвящена описанию и систематизации коллекции кожаной обуви, собранной при спасательных раскопках на поселении «Урочище Бала –1», расположенном в Ханты-Мансийском районе ХМАО – Югры, в среднем течении Оби. Памятник интерпретирован как хантыйское поселение, функционировавшее в качестве постоянного двора, расположенного на зимнем пути Самаровского яма, который связывал Европейскую Россию с городами Тобольского Севера [Баранов, 2014]. Культурные напластования, содержащие «археологическую кожу», датированы концом XVIII – концом XIX вв. Эта работа – предварительная публикация, объем которой ограничен описанием кожаной обуви. Для исследователей кожевенно-сапожного ремесла эта категория находок является наиболее информативной, поскольку именно в ней сконцентрированы все технические и технологические достижения эпохи. Сложность изготовления обуви продиктована необходимостью соблюдения принципов износоустойчивости моделей, удобства ношения, технологичности операций, соблюдения норм при раскрое и пошиве, а также унификации элементов обуви и стандартизации моделей.

Полный объем собранной на памятнике коллекции «археологической кожи» будет представлен в обобщающей статье, публикация которой планируется нами после завершения обработки собранного материала.

Характеристика коллекции. Коллекция «археологической кожи» из раскопок поселения «Урочище Бала 1» насчитывает 450 предметов. Большую часть ее составляет кожаная обувь различных моделей, обувные детали и обрезки раскроя (69 %). Кроме того, в собрании присутствуют детали конской упряжи, различные вместилища, рукавицы, пуговицы, ножны (см. табл. 1). Ремесленные отходы (13,9 %) представлены обрезками кожи вторичного использования со следами шовных отверстий.

Большая часть обувных деталей изготовлена из кожи жирового дубления – ровдуги, близкой к замше. Это название первоначально бытовало у народов Сибири и жителей Русского Севера. Происходит оно от саамского *govva* – «одеяло из шкуры» (Фасмер, 1996, с. 488). Для модельной обуви использована кожа мелкого и крупного рогатого скота, дубленая с использованием растительных экстрактов. Дополнительные обувные детали вырезаны из бересты (внутренние стельки, прокладки задников). Для утепления использовались войлочные стельки и вкладыши. Практически вся найденная нами обувь имеет следы сильного износа и неоднократного ремонта в виде подметок и кожаных заплат, поставленных на места сквозных порезов, заломов или протертостей.

Таблица 1

Статистика изделий из кожи

Детали обуви	Подошвы	Голенища	Задники	Стельки	Верх	Каблуки	Подметки	Рант
	68	39	40	14	86	8	25	31
Детали костюма	Рукавицы				Сумки и чехлы			
	Двухчастные 11 Цельнокроеные 8				5 (сумки) 4 (ножны) 2 (дробницы)			
Конская упряжь	5							
Обрезки	Первичного кроя				Вторичного кроя			
	1				62			
Ремни кожаные	8		Пуговицы				2	
Шайбы/прокладки	1		Заплаты кожаные				23	
Берестяные вставки	8		Войлочные вкладыши				5	
<i>Общее количество</i>	450							

Сапоги. Доминирующим типом обуви в коллекции является модель промысловых рыбацких сапог – бродней на помочах, с закрывающими бедро высокими (от полуметра и более) голенищами, изготовленными из ровдуги (рис. 1, с. 513). Их конструкция включала цельнокроеный симметричный верх, крылья которого сшиты по оси пятки выворотным швом, закрытым сверху кожаной накладкой задника, и слабопрофилированную подошву, скреплявшуюся с верхом выворотным швом, в который помещался рант. Использование ранта – кожаной полоски, вставлявшейся в шов между подошвой и верхом, усиливало прочность и влагонепроницаемость шва, что особенно актуально для промысловой обуви.

Большинство сапожных подошв имеют следы крепления подметок, закрывающих наиболее изнашивающиеся участки – носок и пятку. Форма и способ крепления подметок зависят как от процесса производства новой обуви, так и от хода ремонта изношенных участков подошвы. Конструктивным вариантом бродней можно считать модели, у которых крылья сшиты не ровно по оси пятки, а несколько смещены к внутренней стороне стопы.

Лицевая поверхность верха некоторых сапог покрыта тисненными линиями, которые образуют косую сетку. По мнению А. В. Курбатова, подобная техника отделки мереи, сложившаяся в Поволжье в XI–XII вв., получила название «булгари» [2010, с. 447–452]. Высокие (выше колена) цельнокроеные голенища, одночастный верх, стремление к сокращению количества швов, внутри которых уложена кожаная прокладка, отличают этот тип от обычной городской обуви, указывая на его промысловое назначение для неводной рыбалки или охоты в болотистой местности. В коллекции Исторического музея хранятся близкие по конструкции торбаса из с. Гижига, также выполненные из ровдуги (ГИМ. № 96456/790 Ж 405-3). Время их изготовления – рубеж XIX–XX вв. [*Праздничная одежда...* 2016, № 128, с. 132].

Подобная обувь широко использовалась сибирскими старожилами даже в зимнее время. Для тепла сапоги надевали поверх длинных чулок, связанных из конского волоса [*Музей-усадьба...*, 2008, с. 85]. Ближайшей аналогией описанным моделям являются сапоги из с. Селиярово, которые также были изготовлены кустарным способом [*Фурсова*, 1997, с. 115–117].

Не исключено, что сборка найденных на поселении сапог могла производиться из готовых деталей на месте. Подтверждением существовавшей практики продажи выделанных кож и готовых обувных деталей служит перечень ассортимента кожаных изделий, проданных в 20–30 е гг. XVIII в. Свято-Троицким Селенгинским монастырем. В списке фигурируют кожи юфтевые, телячьи, лосиные, конские, козлиные, а также рукавицы, хомуты и обувные детали: перада, подошвы, голенища и даже заплаты [*Машанова*, 1973, с. 150–165, табл. 8].

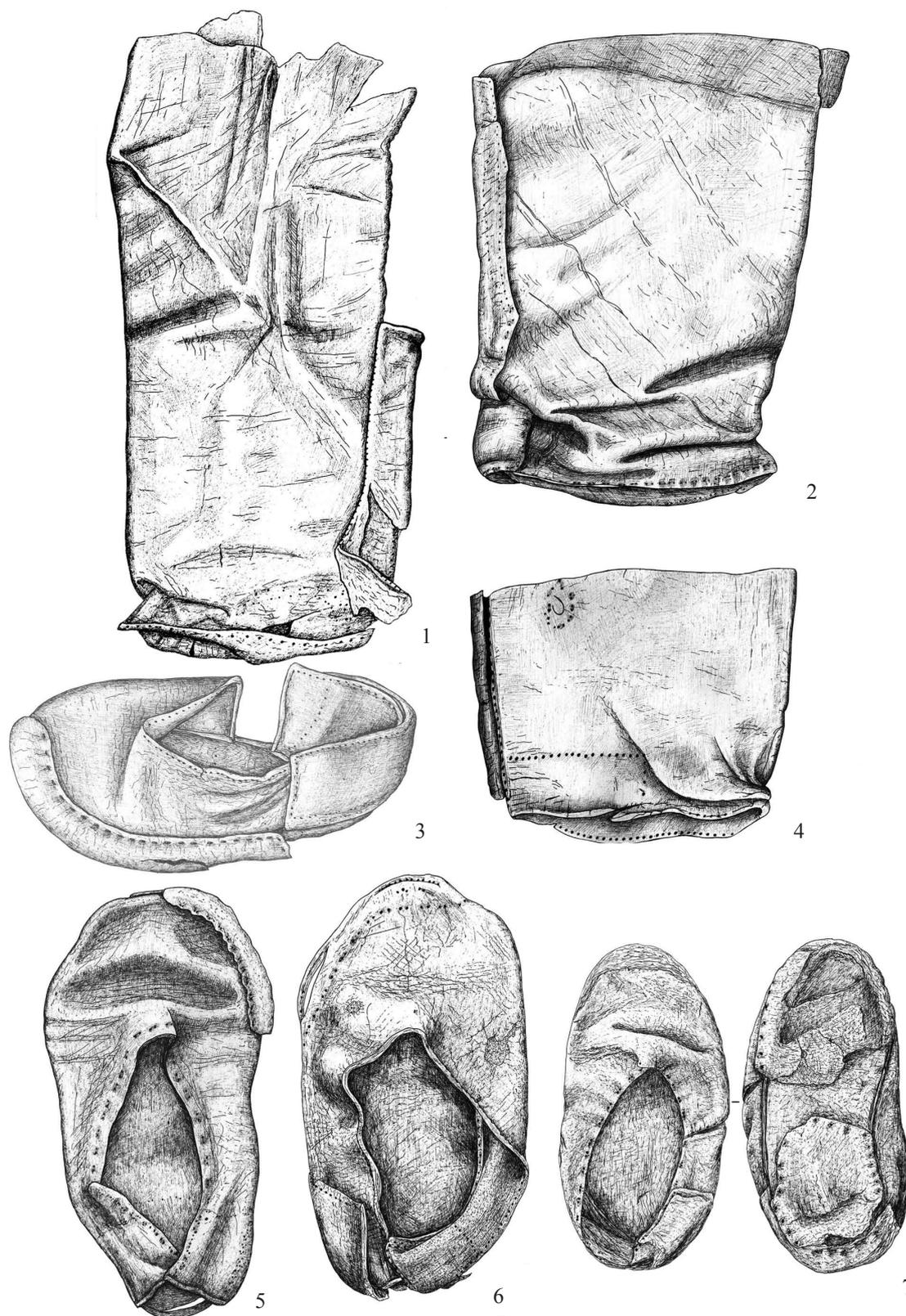

Рис. 1. Сапоги:

- 1 – бродень, голенище цельнокроеное (по описи № 176); 2 – обрывок, голенище цельнокроеное (№ 294);
3 – цельнокроеный верх головки сапога со швом сбоку с набойками (№ 23); 4 – голенище сапожное цельнокроеное, обренок (№ 271); 5 – верх цельнокроеный со швом по оси пятки. В носочной части и на пятке крепились набойки (№ 234);
6 – цельнокроеный верх со швом по оси пятки, подошва (№ 242); 7 – сапог, включавший цельнокроеный верх со швом на внутренней стороне стопы (№ 230)

Детальнокроеные туфли без каблука. К этому типу обуви принадлежат модели, включающие цельнокроеный верх, соединенный с однослойной подошвой при помощи потайного выворотного шва, проходившего по всему периметру слабопрофилированной подошвы с широким следом и округлой формой носка и пятки (рис. 2, с. 515). По краю верха таких туфель так же, как и у поршней, крепилась сложенная вдвое шерстяная, суконная или замшевая обшивка – «опушень», внутри которой проходила ременная оборота. Это мог быть тонкий кожаный ремень или шерстяной шнур, продевавшийся сквозь петлю задника, крепившегося на пятке (рис. 2: 2–4). В нашей коллекции количество бескаблучных детальнокроеных туфель насчитывает приблизительно шесть экземпляров. Точную цифру назвать сложно в силу фрагментарной сохранности моделей и схожести кроя сапог и туфель. Уверенно отнести ту или иную находку к соответствующему типу можно лишь при наличии голенища, петли задника или опушня. Лучшее других сохранились туфля с орнаментированным косой сеткой верхом и детская туфля с длиной подошвы 20 см.

Кроме размера, крой верха туфель может незначительно отличаться местоположением шва (на пятке или внутренней стороне), формой накладки задника или наличием доточки, что подтверждает высокий уровень стандартизации бытовавших здесь обувных моделей, сшитых в местных традициях. В различных регионах Сибири на протяжении XVII–XIX вв. подобные туфли, именуемые «уледами» или «чирками», являлись наиболее распространенной обувью среди рядового населения [*Этнография русского крестьянства Сибири*, 1981, с. 160].

Модельная обувь. Полной противоположностью описанным выше промысловым сапогам и мягким туфлям, изготовленным кустарным способом, являются образцы модельной обуви, сшитой из высококачественной цветной кожи растительного дубления. В отличие от продукции местных ремесленников, для ее изготовления использовали качественное сырье различной толщины и степени жесткости, а также прорезиненную ткань, металлические (?) пуговицы и деревянные шпеньки.

Качество кожи, форма кроя деталей и характер сборки указывают на фабричное изготовление этой обуви. По конструктивному типу она делится на туфли и ботинки. Туфлями в специальной литературе называют обувь с закрывающим стопу не выше лодыжки разрезным верхом. Такая обувь крепилась на ноге при помощи ремешков [*Зыбин*, 1975, с. 12]. В Россию это слово попадает в петровское время вместе с множеством других терминов, заимствованных из западноевропейской лексики [*Вахрос*, 1959, с. 9].

В коллекции лучше всего сохранились две полупары открытых женских туфель на наборном каблуке, которые крепились на ноге с помощью чересподъемных ремешков (рис. 2: б). Туфли изготовлены из шевро (козлиная кожа хромового дубления, прошедшая обработку водными растворами солей трехвалентного хрома). Эта технология становится известна с 1858 г., промышленное применение относится к 1893 г. (*Краткий кожевенно-обувной технической словарь*, 1940. с. 157).

Набор деталей верха включает цельнокроеную головку и двухчастные берцы. Асимметричная (правая) подошва длиной 23 см (размер 35,5) опирается на наборный каблук. Судя по фасону туфли и технологии сборки, ее следует датировать не ранее чем третьей четвертью XIX в.

К близким по конструкции туфлям принадлежит набор деталей, включающий обрывок головки, выкроенной из тонкой (0,9 мм) кожи, стельку и подошву асимметричного левостороннего кроя со слабо заостренным носком.

Женские ботинки. Этот термин, происходящий от французского «*bottine*», обозначает мягкий кожаный сапог, высота которого не превышает середины голени [*Мерцалова*, 2001, с. 542]. В нашей коллекции имеется несколько моделей, принадлежащих к этому конструктивному типу.

Первый набор деталей женского ботинка с высокими берцами включает цельнокроеную головку с округлым носком, двухчастные берцы, поверх которых спереди крепилась кожаная накладка с петлями для пуговиц, кожаную стельку, кожаный геленок (от нем. *Gelenk* – сочленение. В данном случае – жесткая кожаная пластина, укрепленная под стелькой на месте свода стопы и выполнявшая роль супинатора). Жесткая однослойная подошва толщиной 2 мм скреплена со стелькой рантовым способом. На пятке сохранились следы крепления наборного каблучка высотой 1 см. Длина подошвы составляет 23 см, что по штихмассовой шкале соответствует 36-му размеру (французский штих – 0,6 см). Женские ботинки аналогичного фасона, изготовленные в 1900 г., хранятся в собрании Государственного Эрмитажа [*Коришнова*, 1979, рис. 30].

У второго женского ботинка с разрезным двухдетальным верхом и наборным каблуком высотой 1,3 см носочная часть закрыта кожаной накладкой. Внутренний объем обшит подкладкой из тонкой кожи телесного цвета. Край верха обшит кожаным кантом (рис. 2: 7). На ноге ботинок крепился с помощью шнурков, продевавшихся в металлические люверсы. Реконструированная длина подошвы составляет 23,5 см (35-й размер).

Еще одна конструктивно близкая модель ботинка рантовой конструкции имеет подошву длиной 23 см. Берцы и задник ботинка у этой модели выкроены из единого куска кожи. Однослойная подошва толщиной 2,5 мм прошита сквозным швом.

Наиболее поздний тип обуви представлен тремя полупарами высоких женских ботинок с глубокими вырезами, в которые вшивалась эластичная прорезиненная ткань (рис. 2: 5). Набор деталей низа включает двуслойную кожаную стельку с супинатором, жесткую подошву и низкий наборный каблук. Размеры подошв варьируются в пределах 19–25 см. Появлению женских ботинок с вставками из прорезиненной ткани предшествовало изобретение шотландского химика Чарльза Макинтоша (Charles Macintosh), которому удалось в 1823 г. получить водонепроницаемую ткань путем пропитки материи составом из продуктов перегонки угля и каучука.

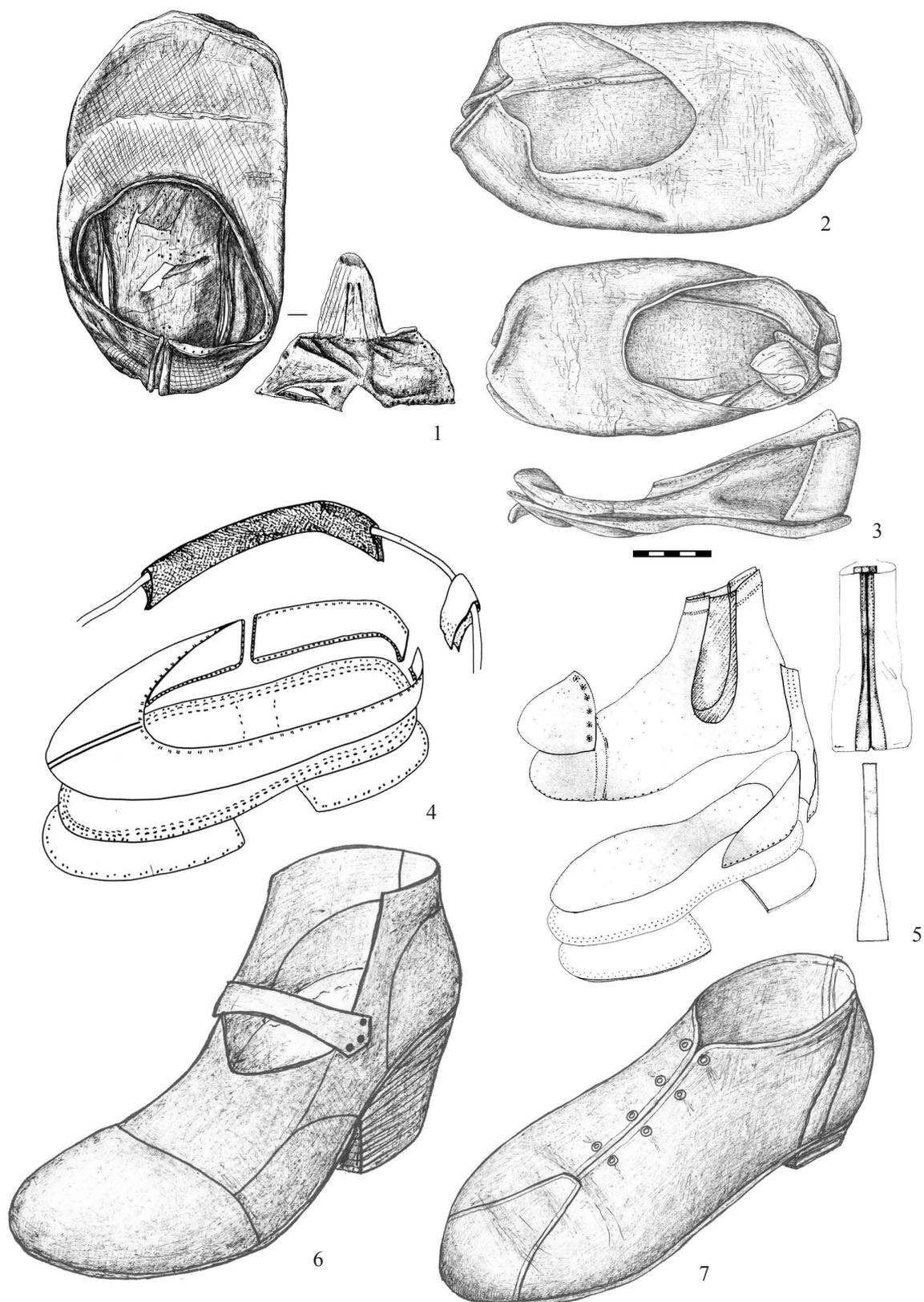

Рис. 2. Мягкие туфли без каблука:

Обувь, изготовленная кустарным способом: 1 – туфля (по описи № 295): а) верх, б) задник; 2 – туфля с цельнокроеным верхом (№ 115); 3 – туфля женская (№ 107); 4 – схема сборки (по: *Визгалов и др.*, 2011. с. 121, рис. 14).

Фабричная обувь: 5 – ботинок. Схема сборки; 6 – женские летние туфли (№ 136). Графическая реконструкция;

7 – женские ботинки на шнурках (№ 37). Графическая реконструкция

Подобные модели (рис. 2: 5), именовавшиеся «штиблетами» (от нем. Stiefelette), получают распространение в начале XX в. Однако некоторое время этим термином именовались различные изделия. Так, во второй половине XIX в. штиблетами называли гетры на пуговицах, а в первой половине XX в. – мужские ботинки на шнурках [Энциклопедия моды, 1997, с. 398].

В коллекции с поселения «Урочище Бала 1» зафиксировано широкое разнообразие обувных фасонов, включающих как традиционную обувь аборигенов в виде мягких туфель и промысловых сапог, так и модельную городскую обувь, изготовленную на специализированных обувных фабриках с использованием швейных машин, что свидетельствует о привозном характере этого товара.

Находки на маленьком хантыйском поселении городской модельной обуви, продававшейся в специализированных магазинах обеих российских столиц, меняют наши представления о распространении моды, повлиявшей на изменение традиционного костюма. Судя по размерам, вся найденная на поселении фабричная обувь принадлежала женщинам и, скорее всего, использовалась в составе праздничного костюма. Высокая стоимость найденной обуви указывает на высокий материальный статус ее владельцев. Проникновение подобных моделей в поселение, несомненно, объясняется местоположением памятника на пути Самаровского яма, связывавшего Европейскую Россию и города Тобольского Севера. Кроме привозной обуви, местное население использовало и элементы тканого городского костюма, что способствовало вытеснению традиционной одежды. Наиболее активно этот процесс, по мнению О. В. Соколовой, происходил в районах, примыкавших к крупным промышленным центрам и путям сообщений [Праздничная одежда народов России, 2016, с. 16,17].

В заключение хотелось бы отметить, что публикация коллекций конца XVIII–XIX вв. затрагивает проблему исследования «позднего», с точки зрения традиционной археологии, материала, которая, хотя и обозначилась в реалии научной деятельности, еще всё-таки недостаточно осознана ни в собственно научном, ни в организационном плане.

По этой причине позднесредневековые коллекции зачастую не стыкуются с этнографическим материалом, что ставит вопросы, которые нельзя разрешить без привлечения археологических находок промежуточного периода. Анализ и публикация подобных коллекций позволяют преодолеть источниковедческий разрыв между археологическими материалами, обработанными в соответствии с традициями археологической науки, и данными этнографии и музейными коллекциями.

Баранов М. Ю. Отчет о НИР. Аварийные археологические раскопки на поселении «Урочище Бала 1» в Ханты-Мансийском районе ХМАО – Югры Тюменской области в 2013 г. : в 2 т. Раскопы 1, 3. Нефтеюганск, 2014 // Архив НПО «Северная археология – 1». Ф. I. Д. 413/1.

Баранов М. Ю. Отчет о НИР. Аварийные археологические раскопки на поселении «Урочище Бала 1» в Ханты-Мансийском районе ХМАО – Югры Тюменской области в 2014 г. : в 2 т. Раскопы 2, 4. Нефтеюганск, 2015 // Архив НПО «Северная археология – 1». Ф. I. Д. 424/1.

Баранов М. Ю. Отчет о НИР. Аварийные археологические раскопки на поселении «Урочище Бала 1» в Ханты-Мансийском районе ХМАО – Югры Тюменской области в 2015 г. : в 2 т. Раскоп 5. Нефтеюганск, 2016 // Архив НПО «Северная археология – 1». Ф. I. Д. 455/1.

Большой толковый словарь русского языка. – СПб. : Норинт, 1998. – 1536 с.

Вахрос И. С. Наименования обуви в русском языке. – Т. 1 : Древнейшие наименования до петровской эпохи. – Хельсинки : [Б. и.], 1959. – 271 с.

Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Курбатов А. В. Мангазея. Кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). – Екатеринбург : АМБ, 2011. – 216 с.

Зыбин Ю. П. История развития конструкций обуви. Учебное пособие по курсу лекций. – М. : Легкая индустрия, 1975. – 464 с.

Коршунова Т. Т. Костюм в России XVIII – начала XX вв. из собрания Государственного Эрмитажа. – Л. : Художник РСФСР, 1979. – 281 с.

Краткий коженно-обувной технический словарь. – М. ; Л. : Гизлегпром, 1940. – 171 с.

Курбатов А. В. О городе Болгар и сорте кожи «булгари» // Диалог культур и народов средневековой Европы. – СПб., 2010. – С 447–452.

Машанова Л. В. Хозяйство Селенгинского Троицкого монастыря // Вопросы истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск, 1973. – 464 с.

Мерцалова М. Н. Костюм разных времен и народов. – М. : Акад. моды. – СПб. : Чарт Пилот, – 576 с.

Музей-усадьба сельского торговца в с. Семиярове (филиал Музея Природы и Человека в г. Ханты-Мансийске) : каталог музейного собрания / [авт.-сост. Е. А. Малофиенко, Л. Н. Приль, Я. А. Яковлев]. – Ханты-Мансийск : [Б. и.], 2008. – 200 с.

Праздничная одежда народов России. Из собраний Исторического музея. Издание к выставке / вступ. ст. О. В. Соколовой. – М. : ГИМ, 2016. – 368 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – Т. III. – М. : Азбука-Терра, 1996. – 832 с.

Фурсова Е. В. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья XIX–XX вв. – Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 1997. – 152 с.

Энциклопедия моды. – СПб. : Литера, 1997. – 416 с.

Этнография русского крестьянства Сибири XVII – середины XIX вв. – М. : Наука, 1981. – 274 с.

M. Y. Baranov¹, D. O. Osipov²

¹Research and Production Association “Northern Archaeology – 1”, Ltd., Nefteyugansk,

²State Historical Museum, Moscow

COLLECTION OF LEATHER FOOT WEAR FROM BALA 1 ARCHAEOLOGY SITE (based upon the excavations of 2013–2015)

The paper presents the description and systematization of leather foot-wear found during the archaeological excavation at the Bala 1 site – a winter Khanty settlement which functioned as a post station located on the winter way of the Samara yam. The yam connected the European part of Russia with the towns in the north of the Tobolsk region. The leather foot-wear (shoe parts and cutting out ends) makes up most of the collection which contains 450 items. Besides the foot wear, such items as mittens, bags, sheath, horse harness parts, leather buttons, warm felty inner soles were excavated as well. The representative selection makes it possible to recreate everyday life of the settlement and to trace back the evidence of its trade with the European part of Russia.

The paper provides the data only on leather foot wear which includes fishery high-boots and shoes made by local craftsmen as well as imported models made at specialized shoe factories. Elements of the stylish town dress found at the site are indicative of the process of changing the traditional mode of life of the natives.

Keywords: Khanty-Mansiisk region, rescue excavations, leather shoemaking, shoemaking.

УДК 94(985)+(470.11)

В. В. Брызгалов¹, О. В. Овсянников², М. Э. Ясински³

¹Архангельский научный центр УроРАН,

²Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

³Норвежский университет науки и технологии, Тронхейм

«КАРАУЛ» НА МУРМАНЕ (по документам Холмогорского архиерейского дома XVIII столетия)

В статье рассматривается вопрос об охране морских рыбных станов на Мурманском побережье в первой половине XVIII столетия в зимний период, когда рыбные промыслы не производились из-за суровых погодных условий. Это договора на охрану морских рыбных становищ, которые заключались между Холмогорским архиерейским домом и лопарями, а также с жителями г. Колы. Впервые вводятся в научный оборот новые документы юридического и экономического плана морских рыбных промыслов Холмогорского архиерейского дома, которые расширяют наши знания о торгово-промышленных отношениях на Русском Севере в первой половине XVIII в.

Ключевые слова: Мурман, морские рыбные промыслы, промышленники, лопари, стан, становище, архиерейский дом.

Представленный сюжет – часть подготовленной к печати группы письменных документов Холмогорского архиерейского дома, относящихся к морским зверобойным и рыбным промыслам, в том числе и на Мурманском берегу Кольского полуострова, в XVII–XVIII вв. Среди проблем морских промыслов принципиально важных для исследования экономических и социальных аспектов наиболее актуальной является структура проведения всех циклов промысловых работ. Именно с начала XVIII в., после краткого периода спада, связанного с наступлением шведских военных кораблей на устье Двины, необычайно возрос объем мурманского рыболовства. Об этом свидетельствует значительное число промышленных судов на Мурманском берегу. В прошении соловецкого архимандрита Варсонофия говорится о том, что на море «бывает промышленных судов, с которых берутся по рублю, в лето по двести, и болше и менше» (ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 149. Л. 4). Сведения о таких судах и их владельцах

за 1706–1728 гг. (приблизительно о 3 259 судах), зафиксированных в Кольской канцелярии, опубликованы [Овсянников, Ясински, 2010, с. 24–144]. Интенсификация мурманского рыболовства способствовала вовлечению в сферу экономики значительного контингента жителей различных регионов Северного Поморья, знаменуя по существу новый этап внутренней колонизации побережья Ледовитого океана.

Эти сведения, на наш взгляд, дают возможность «нащупать» переход от значительного присутствия в конце XVI – начале XVII вв. посадских и крестьянских ловецких станов, наряду с монастырскими, к более массовому появлению морского рыболовства непосредственно с участков морского побережья («с судов»). Пока трудно сказать, куда делись эти станы «на мурманском берегу к западу от Кольского острога – 121 изба» и по берегу «в Русской конец» – 190 [Харузин, 1890, с. 409–492]. Отметим также, что в 1608–1611 гг. писцы зафиксировали ощутимое увеличение суммы оброка с рыболовных станов (избы). Промышленники должны были платить «в государеву казну оброку с тех своих изб по 2 гривны с избы на год, а положен на них тот оброк вново, того оброку прежде сего не было» [Там же, с. 450]. За промысел «на русской стороне» для промышленников, которые не имели своих изб, а промыслили с судна, было определено «пошлин с судна судебного по 2 алтына, а преж сего на них тое пошлины не было» [Там же, с. 480]. Новая норма пошлин касалась всех промышленных судов, в том числе и монастырских, если таковые промыслили в своих становищах. Увеличение пошлины, несомненно, отражает возрастание объема мурманских промыслов и увеличение его значимости в поморской экономике.

Интерес к мурманским речным и морским рыбным промыслам у исследователей появился уже с XVIII в. Несколько важных документов 1695, 1704 и 1755 гг., относящихся к морскому рыболовству на Мурмане, из архива Холмогорского архиерейского дома опубликовала А. Ефименко [1873. 76 с.]. Позднее к этой теме обращались И. Ф. Ушаков [1972] и В. П. Пузырев [1993]. Исследуя процесс формирования основных этнических групп в Северном Поморье, несколько замечаний о Мурманском рыболовстве высказала Т. А. Бернштам. Их суть заключается в том, что активное участие жителей Западного Беломорья в мурманском (кольском) рыболовстве определило самоназвание этой группы населения как «поморь» [Бернштам, 1978, с. 90–99]. Однако логику исследователя в этом утверждении усмотреть непросто.

Между тем мурманский промысловый район значительно отличался по своему статусу, например, от Терского берега в восточной части Баренцева моря. В 1561 г. в Лодомской волости (Двина, выше устья) были собраны «обежные дани за горностаи, и за поралскую белку, и за морской оброк с Терские стороны, и за засечные и ямчужные, и Загубской оброк» [Акты Лодомской церкви Архангельской епархии, 1908, с. 49]. «Загубский оброк» (восточная часть Баренцева моря), «За морской оброк с Терской стороны» почти ежегодно упоминаются в оброчных платежах жителей Лодомской волости в 1562–1565 гг. [Там же, с. 51, 54, 89]. Указанные оброки – это твердо установленные коллективные платежи за возможность вести в упомянутых районах промысловую деятельность. Есть основания предполагать, что такие оброки являются довольно архаичной формой фискальной политики государства в первоначально освоенных дальних территориях Поморья. Возможно, что эти оброки в архаической «коллективной» форме могли просуществовать до конца XVI в. или до первой четверти XVII в. По крайней мере, Николо-Карельский монастырь по «Сотной 1554 г.» с писцовых книг Ивана Заболоцкого на владение платил «за морской оброк с рек с Терские стороны два алтына» [Сборник грамот..., 1922, с. 138].

Сложная фискальная система, сложившаяся для сбора денег с промышленников на Мурманском берегу, несомненно, отражает более интенсивную промысловую эксплуатацию рыболовных (речных и морских) угодий. Кратко перечислим лишь наиболее важные, на наш взгляд, элементы этой системы. С промышленников, которые имели избы в становищах, брали «пошлины по алтыну с карбаса» (новая пошлина – два алтына); по берегу от Колы «в Русской конец», кто промысливает, «приезжая на лодьях, – «десятую рыбу и за сало деньгами», а за рыбу, которую промышленники «меняют с неметскими людьми», – особая плата [Харузин, 1890, с. 418].

Фискальные нововведения на протяжении столетия изменились и не только в процессе добывания рыбы, но и при ее предъявлении в Архангелогородской внутренней таможне: «Когда с Мурманского берега приезжают с уловною рыбою и звериным салом на судах, в Архангелогородскую внутреннюю таможню пошлин против архангелогородских жителей больше и имянно с крестьян берут – по 24 копейки, а с архангелогородских жителей только по 5 копеек с рубля» [ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 149. Л. 5–5 об.]. Это прошение об интересах вотчинных соловецких крестьян-промышленников подавал императрице соловецкий архимандрит Варсонофий, и разбирательство длилось с 1728 по 1730 гг., закончившись в пользу крестьян.

В более благоприятном положении были вотчинники, имевшие свои рыбные морские угодья, и холмогорский архиерейский дом был одним из них. В 1694 г. архиепископ Афанасий получил в промыслы значительную часть Мурманского берега: «На Мурманском берегу становище Висилкину губу и речку Поршинку и от того становище в верхней конец на пятнатцать верст по урочище Трясино, а в морской конец на пятнатцать верст по урочище Середние Зеленцы» [Сборник материалов по истории..., 1930, с. 121].

Реформа Петра I, связанная с секуляризацией церковных земель, и передача по указу от 12 марта 1704 г. рыболовных угодий в Поморье в ведение Семеновской канцелярии и губернатора Санкт-Петербурга князя Александра Меншикова [Там же, с. 124] не затронули экономические интересы архиерейского дома, хотя передача и находилась под особым вниманием двинской администрации. Об этом свидетельствуют описи архиерейских промыслов (речных и морских): «Ведомость» от 20 апреля 1704 г. [Там же, с. 127–135], «Опись архиерейских промыслов

на Мурманском берегу» от 23 июня 1704 г. [Сборник материалов по истории..., с. 135–146] и др. Наиболее четко описаны морские промыслы на Мурмане в документе, составленном двинским выборным целовальником Никитой Туровым, сыном боярским архиерейского дома Михаилом Александровым и подьячим Федором Нечаевым 23 июня 1704 г. [ссылки по списку РА СПб. ФИРИ РАН. Ф. 255. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–20]. Этот документ, на наш взгляд, дает достаточно точное представление о том, что представлял собой «стан» и каково его реальное место в структуре морского рыболовства, а также показывает соотношение понятий «стан» и «становище». В ходе развития мурманских промыслов в деталях была отработана четкая структура организации и проведения всего длительного промыслового сезона как вешнего, так и летнего [Овсянников, 1988, с. 75–76].

Обращаем особое внимание на фразу в этом документе: «Под именем становища разумеется удобный для пристани судов морской берег, на коем ставят промышленники от 3-х до 5-ти и более изб называемых вообще станом, для жительства своего и сбережения добытой на промыслах рыбы до прибытия судов». Позднее, а тем более в наши дни, становищем обычно называют, прежде всего, именно весь комплекс построек независимо от их количества или числа их владельцев. Поэтому при рассмотрении документов XVI–XVII и XVIII вв. необходимо учитывать то содержание термина «становище», которое вкладывалось в него в то или иное время (рис. 1).

СТАНОВИЩЕ

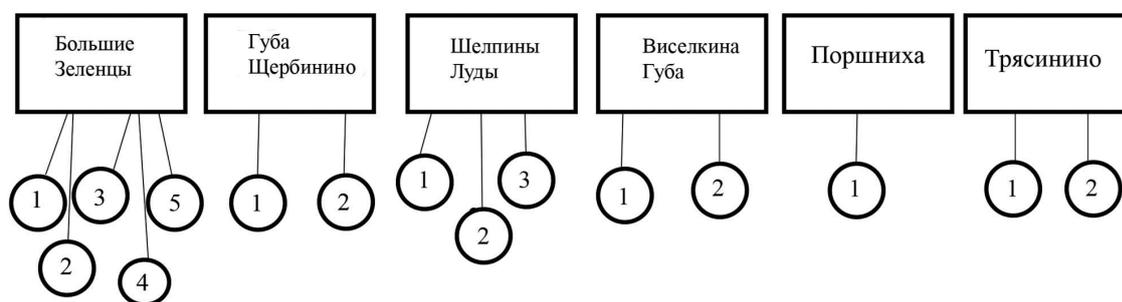

Рис. 1. Структура архиепископского 30-километрового становища на Мурманском берегу («Русское Оленье становище «Висилкина да Поршниха губы»»):

Большие Зеленцы: 1 – стан сумлянина Якова Павлова; 2 – стан сумлянина Петра Махилева; 3 – стан Сухонаволочанина Ивана Ильина; 4 – стан сумлянина Виктора Павлова; 5 – стан Нюхоцкой волости Сисоя Иванова и Петра Попова.

Губа Щербиниха: 1 – стан каргопольца Семена Семенова сына Марковых; 2 – стан архиерейского Загорского стана крестьянина Ивана Кустова. *Шелпины Луды:* 1 – стан Сийского Троицкого монастыря; 2 – стан Архангельского монастыря;

3 – стан крестьянина Соловецкого монастыря Гаврила Шмакова. *Виселкина губа:* 1 – стан архиерейского дома; 2 – стан двинского Спасского Новоприлуцкого монастыря. *Поршниха река:* 1 – стан архиерейского дома. *Трясино губа:* 1 – стан Ухостровской Троицкой волости Афанасья Фокина; 2 – стан Ухостровской Троицкой волости Михаила Павлова.

Сост. по: Опись промыслов Холмогорского архиепископского дома на Мурманском берегу, 1704 г.

[РА СПб. ФИРИ РАН. Ф. 255. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–20]

В предложенной схеме отчетливо прослеживаются промысловые пункты всего становища – станы (избы), которые принадлежали архиерейскому дому (22 стана), «приписным» монастырям (Сийскому, Архангельскому – три стана), а также оброчные станы крестьян (10 станов), которые платили оброк в архиерейский дом. Особо подчеркнем еще раз, что в конце XVIII в. сами промышленники «под именем становища разумели удобный для пристани судов морской берег», т. е. в вотчине во владение (или на оброк) давалась не «вода» (тоня), а участок берега, с которого в море велся промысел. Этим морской рыбный промысел отличался на Мурманском берегу от речного рыбного промысла.

Среди документов архиерейского дома XVIII в. немалый интерес представляет особый вид письменных источников – инструкции по проведению морских промыслов на Мурманском берегу в зимнее время. Примечательно, что «пашпорт» двум кормщикам и шестерым работным людям был выдан из архиепископской консистории за подписью протопопа Спасо-Преображенского собора и заверен канцеляристом: «По указу ея величества государыни императрицы Елисавет Петровны, самодержицы всероссийской и прочая и прочая и прочая».

Объявители сего вотчины преосвященнейшаго Варсонофия, архиепископа архангелогородского и холмогорского крестьяне, посланы из дому его преосвященства на домовой его ж преосвященства Мурманской палтасей и тресковой промысел в Веселкино становище для промысла сего 1755 года будущего лета про домовой казенной обиход рыбы трески и плтасины, а имянно кормщики Чюхченемского Ильинского села Василей Афанасьев сын Аврамов, Спасского стану Иван Федоров сын Конаков, да при них работные того ж Спасского стану Василей Стефанов сын Лебедев, Тихон Павлов сын Уской, Иван Андреев сын Уской же, Михайло Кирилов сын Скомоухов, Спасского Новоприлуцкого монастыря Иван Иванов сын Корелской, помянутого Чюхченемского Ильинского села Тимофей Васильев сын Полуянов. Того ради, от Холмогор до Колского острога и до вышеписанного

становища, помянутых кормщиков и работных людей, також и обратно до Холмогор, с промышленною рыбою надлежащим трактом по учрежденным заставам о пропуске чинить по ея императорскаго величества указом. Дан ис консистории преосвященнейшаго архиепископа. Февраля 23 дня 1755 г.

Таков пашепоорт за закрепую Алексия протопопа Спасо-Преображенского, за справую канцеляриста Ивана Курского и за печатью отдан вышеписанному кормщику Василью Аврамову. Февраля 23 дня 1755 года» [РА СПб ФИРИ РАН. Ф. 255. Оп. 2. Д. 33. Л. 98]. К «пашпорту» были приложены инструкции на проведение морского рыбного промысла: «По указу ея императорскаго величества самодержицы всероссийский из консистории преосвященнейшаго Варсонофия, архиепископа архангелогородского и холмогорского, сыну боярскому Василью Володину

Инструкция:

1. Ехать тебе в Колской острог и на домовый преосвященнейшаго архиепископа Мурманской рыбной промысел и чинить следующее:

По приезде в Колской острог и до отбытия на Мурманской рыбной в Виселкино становище промысел с домовыми преосвященнейшаго архиепископа промышленниками Васильем Афанасьевым сыном Аврамовым, Иваном Федоровым сыном Конановым и с работными жительство тебе иметь в приписном пропитании и между теми карабасником и работником плотническую или другую какую строителя повелить велеть работать работу неотложно, а втуне без работы им не быть.

2. Ис Колского острога на вышеписанной в Виселкино становище промысел с показанными карабасниками и работниками обще ехать вам, не упуская удобного времени, неотменно. И быть тебе прикащиком, а оным карабасником и работником быть у тебя во всяком благом послушании безпрекословном и в надлежащее к промыслу время иметь за ними тебе неослабное смотрение и понуждение. И по приезде во оное становище с теми промышленниками, как хоромное строение, так и суды, и у анбара печать, в котором хлеб, соль и снасть в прошлом 1754-м году сентября 14 дня тобою Володиным и под караул Колского уезда Воронского погоста лопарям Степану Логинову, Якову Осипову сыну Пелькину отдано, все ль оное в добром охранении и целости имеется, осмотреть и принять по караульной росписи за клеймами оных лопарей, которая роспись дана тебе при сей инструкции, все налицо и вписать в данную тебе шнурызпечатанную тетрадь имянно. А ежели, паче чаяния, по той росписи чего не явится, оное все взыскать на объявленных караульщиках без послабления. Буде же в соли недовес явится, то на утечку исчислять на сто пудов по три пуда, а достальную соль взыскивать против вышеписанного.

3. Живучи тебе на оном промысле на пропитание промышленникам муку и крупу, и на соленье рыбы соль выдавать с теся дневною в данную тебе тетрадь зпискою, и при том тебе накрепко смотреть и наблюдать, дабы отнюдь как хлебу, так и соли от промышленников ни от других, ни от кого ни какова хищения и траты не происходило. Тако ж и тебе хлебных припасов и соли отнюдь тайно и явно не продавать и сторонним людям, яко под видом займа, не давать, дабы оная твоя записка могла быть в будующие годы и то верное, и по взятии от сторонних разных имевшихся на Мурманском промысле промышленников о таковых же хлебных запасов и соли росходе сходственная. А ежели живучи на оном промысле от твоего несмотрения или паче чаяния тобою учинится хлебу и соли какова напрасная трата, за то с тобою, яко с клятвopеступником и неверным слугою, поступлено будет по силе прав и указов неотменно.

4. Карбасником и работником рыбу велеть промыслить со всещтальным усердием и трудолюбным рачением, неленостно, и никакова хищения ис той рыбы отнюдь не чинить, и по улову паластину крупную и среднюю; привозя в становище солить того ж числа неотменно, а мелкую прутвиной и карзухой сушить по угожеству. Треску крупную також солить, а среднюю сушить самую свежую, а не лежалую. Отборной троски крупной вымыть в чистой воде и, вычеркав карзухой, высушить, которой по весу было не меньше шести пудов, и при отъезде из становища, в судно положить просто в удобное место, а не в связок, и смотреть, чтобы никакова ей повреждения не было. Троски отборной ярусной или удебной крупной, а не лоховатой, четыре бочки да пикшуев бочку насолить, дватцать тросок отборных, крупных осалить и вывялить. Тросковую везигу мыть в чистой воде и черную кожу одирать, языков тросковых боченок насолить. Воексу (?) тросковую по улову незамедля греть и в чистыя бочки, а черное, и саевное, и акулье сало по выгревке в особливые бочки лить, а с чистым не мешать. И салогрейного котла никому посторонним людям для гретья сала отнюдь не давать.

5. Накрепко смотреть вышеписанные карбасники с товарищи казенной промышленной рыбы со шняк или судов не продают ли или для продажи и про свой обиход, другим тайно кому не отдают ли, и от чего предписанной домовый Мурманской промысел перед протчими повсягодно мал быает. О том чрез посторонних промышленников всячески навевывается. И рыбу велеть солить посредственно, не весма солоно и не весма малосоло. К тому ж оным карбасникам с товарищи отнюдь ленитца не пропускать и велеть со тщанием мойву искати и ловить про запас больше. А когда на ярусах ловить будет нельзя, то выслать их на удебной промысел. А буде карабасники и рядовые в чем тебя не будут слушать или озорничать, то вины их по численно и при ком оное говорено было, для памяти и доносу преосвященнейшему архиепископу от слова до слова записывать неотменно. При том же накрепко смотреть тебе, чтоб оные казенной муки, крупы и печеного хлеба, как со становищ, так и со шняк другим никому отнюдь не продавали и даром не отдавали.

6. Приезжих людей с вином и протчим хмельным питием никого к себе в становище не впускать, тако ж и тебе самому для пьянства никуда от становища не отлучатся и карбасников и работников отнюдь не отпускать и всегда быть при том промыслу безотлучно.

7. Промышленные суда и на них снасти и веревки всякого звания, також котлы и все, что имеется и впредь при бытности твоей будет заведено куплено, иметь в полной... смотрени и бережении, а расхищения никакова ничему отнюдь не чинить. А ежели ис какой снасти имеется что ветхое и к промыслу впредь негодное, и то привезь вам с собою и объявить в доме преосвященнейшаго архиепископа неотменно.

8. По окончании промысла изыскать близ того становища или где пристойно из жительствующих людей добрых и вероистенных, при которых оставшей хлебный припас, муку, крупу, соль, котлы, перевеси, також и всякого звания пенковую и протчую снасть, и парусы высуша, собрав все без остатка, перевязав, покласть в замченой анбар и запечатать тебе своею печатью, по тому ж промышленные суды и всякое в том становище строение отвезь под охранение вышеписанным людем, в чем взять от них по обыкновению с поручительством заручную караульную запись, чтоб им ис того казенного утрачено ничего не было. А уловную рыбу, сало и протчее в надлежащее время поклавши на присланную в то становище с Холмогор из дому преосвященнейшаго архиепископа новостроенную домовую казенную ладью, со всем тем промыслом следовать к Архангельскому городу. А по прибытии к городу оттуда для ведома, в Холмогоры в казенный приказ прислать нарощного человека вскорости.

9. По приезде в Холмогоры предписанную записную росходу денег, хлебных припасов, соли, и всякой снасти, и протчему, как выше в сей инструкции показано, тетрадь, и караульную запись, и колико от расхода денег остается, и что у вас в промыслу будет какой рыбы и сала, о том объявить преосвященнейшему архиепископу доношением имянно.

10. Ежели что в государственных делах подлежать будет тайности, онаго отнюдь в партикулярных писмах ни к кому не писать, ни же к тому, от кого отправлен, кроме настоящих реляцей. А ежели какое препятствие кого в том или ином будет его делу, то вольно писать куды за благо разсудит, только упоминая о врученном ему деле генерально, от чего повреждение есть. 1755 г. августа 17 дня. подано. Счесть» [РА СПб. ФИРИ РАН. Ф. 255. Оп. 2. Д. 28. Л. 99–102].

В публикуемой «Инструкции» следует отметить два важных момента. Во-первых, по прибытии на место промысла в стан, перед началом промысла, необходимо было осмотреть и принять по росписи «как хоромное строение, так и суды, и у анбара печать, в нем хлеб, соль и снасть», отданные перечисленным лопарям Воронского погоста в сентябре 1754 г. Во-вторых, после промыслов «оставшейся хлебной припас, муку, крупу, соль, котлы», а также промышленные суда и снасть, «паруса высуша, собрав всё без остатка, перевязав, покласть в замченой анбар и запечатать» печатью. По существу данный тип письменных источников можно считать новым видом юридического документа.

Сведения о документах по сдаче на охрану промысловых станов жителям Колы и лопарям ближайших погостов в 1721, 1742 и 1765 гг. впервые привел В. П. Пузырев [1993, с. 76]. К сожалению, автор очень скудно прокомментировал эти сведения. Несомненно, указанная практика была обычным явлением и раньше, о чем свидетельствует запись кольских стрельцов «с товарищи» представителю Антониево-Сийского монастыря 1675 г. [*Сборник материалов по истории...*, 1930, с. 109–110].

Подобная практика охраны станов в зимнее время продолжалась и в начале XVIII в. Так, в сентябре 1710 г. «на Мурманском берегу Вороненским лопарям Логину Кондратьеву с товарищи, что оне нанялись караулить в Поршнихи и в Виселкине становищах станы, анбары, хлебные запасы по записным тетрадам к предбудущему 711 г., да по два рубля тритцать алтын две денги» [РА СПб. ФИРИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 324. Л. 27 об. – 28].

Публикуемые нами караульные росписи 1716, 1745, 1754 и 1755 гг., на наш взгляд, являются весьма информативным источником для воссоздания облика и размеров не только строений различного назначения, но и всего ассортимента съестных припасов, посуды, промысловых судов и судовых снастей. Любопытно, что в документах встречаются сведения и о находившихся там иконах. Активизация мурманских промыслов в XVII в., а особенно в XVIII в., несомненно, сказалась и на процессе экономической и культурно-социальной интеграции саамского населения в составе Кольского уезда, которое еще во второй половине XVI в. приняло христианство. Наряду с охотой, ловлей белой и красной рыбы в озерах и реках, для саамов, живших вблизи побережья Ледовитого океана, имело значение и морское рыболовство. В первой четверти XVIII столетия лопарские суда промышляли во многих становищах Мурманского берега: в Круглом, Шепины Луды, Гаврилово, Дворовая бухта, Щербиниха и других [Овсянников, Ясински, 2010, с. 25, 69, 74–81 и др.]. Археологические раскопки саамского поселения первой четверти XVIII в. в бухте Дворовая убедительно показали влияние материальной культуры многочисленного сезонного промыслового контингента на жителей – саамов [Карпелян, Овсянников, 2013, с. 261–326]. Этот «канал» контактов устойчиво действовал на протяжении нескольких столетий, о чем в первой половине XIX в. писал М. Рейнеке: «Поморы, уходя на зиму домой, поручают присмотр за своими станами ближайшим лопарям» [1843, с. 47]. Наряду с денежной оплатой за караул в становищах, с лопарями расплачивались и натурным продуктом – дефицитной солью: в 1757 г. «лопарям за караул становища 1 пуд по 35 копеек пуд, итого 2 рубли 10 копеек» [РА СПб. ФИРИ РАН. Ф. 255. Оп. 2. Д. 44. Л. 2]. Как правило, приказчик на промысле записывал все статьи расхода соли: «соли в печении хлебов и лопарям за годовой караул в становище семь пуд, ценою ис провозом по тритцати по семи копеек с половиною пуд. Итого два рубли шестьдесят две копейки с половиною» [Там же. Д. 46. Л. 6].

Как и многие понятийные термины, содержание термина «становище» в течение столетий, по сведениям письменных источников, не оставалось неизменным, приобретая новые смысловые значения: ближе к концу XVIII в.

начинается смысловое сближение термина «становища» как удобной для судов стоянки и «становище» как комплекса удобной гавани и находившихся на ее берегах построек. К. П. Гемп в публикации поморских лоций конца XVIII – начала XIX вв. представил два определения: «Становище. 1 – постоянный промысловый поселок; 2 – бухта, закрытая от морского прибоя и сильных ветров» [Гемп, 1980, с. 79].

Хочется надеяться, что публикуемая нами группа письменных документов конца XVII–XVIII столетия, относящихся к промыслам Холмогорского архиерейского дома, сможет восполнить существующую в настоящее время лауну в изучении промысловой экономической деятельности одной из крупнейших промысловых структур Северного Поморья.

Приложение

1. Список с подлинной росписи караульного Мурманского становища:

«1716-го сентября в 19 день. Колского уезду Воронежского погоста лопари Федор Иванов сын Короткой з братом своим родным Иваном дали сию роспись дому преосвященнаго Варнавы, архиепископа холмогорского и важежского, сыну боярскому Андрею Попову в том, что приняли себе на караул на Мурманском берегу в Виселкине становище к предбудущему 717-му году архиерейской домовою рыбных промыслов стан с сенми и с поварней, крыто все тесом и скалами, анбар снастной крыт скалами и тесом, в нем котел медной сологретной весом дватцать пять фунт з грязью, два котла красной же меди весом восемь фунт, соли в анбаре семьдесят пуд, да у Самыла Звягина взято соли под росписку сто пуд, положена в том же анбаре особо, веревок голомянных с удами и с оростегами четыре тысящи две веревки, новых веревок шесть, веревок стоянок голомянных тысяща семь веревок, ут голомянных с оростегами пятьсот дватцать, ут без оростега двести, прядена оростежного и с оростегами пуд десять фунт, багорниц подержанных четыре конца, багры двусоставные железные шестнатцать фунт, кошка железная весу дватцать четыре фунта, двои баргы удяные, парус новой, два подержанных, десять лес удебных с пундами и с розлучками, пять пунт свинцевых, пять железных, седьм завесок ветхих кожаных, напарья, скобель, топор, свердло, семь копоруль, сковорода железная, заслон железной печной, полукрючье железное, тюкачка, шесть пил, молоток, десять кляпиков, восемь лепов, шестеры завоски ветхие кожаные, карбас новой, два ветхих, смолы полтора пуда, пятьдесят кубасов, тритцеть палтух, две бочки салных четыре обреза салных, пять кошниц салных, два ведра, ушат, три квашни хлебных, скея что рыбу солят.

И все вышеписанное по сей росписи мы, караульщики Федор з братом, приняли налицо и караулити нам до 717-го до весны и отвести противо сей росписи на весну, как промышленные люди будут и кому приказано будет. За нашим караулом, что по сей росписи утерятьца, и нам караульщиком платит противо столповой оценочной записи безо всякого отговору. От караула мы взяли за работу с трех судов по десяти алтын, с оуднаго судна гривну. В том сию и росписку дали. Росписку писал по их караульщиком велению Федора Короткаго з братом сумлянин Стефан Круглой.

У подлинной росписи в конце пишет: Вместо караульщиков Федора Короткаго з братом Иваном по их велению княжостронец Никифор Федоров Беляев руку приложил» [РА СПб. ФИРИ РАН. Ф. 255. Оп. 2. Д. 7].

2. «Договор о приеме в становище архиерейскаго шкарбу.

1745 году 23 дня. У великаго господина преосвященнейшаго Варсонофия архангелогородскаго и холмогорскаго Колского уезду Воронежского погоста лопари Яким Логинов, Мелентей Селиванов, Осип Пенкин приняли вобче за свой караул до предбудущаго 1746 году в домовом его преосвященнаго Варсонофия в становище Виселкиной у карбасника ево керечанина Андрея Данилова хоромного строения изба, сени и поварня, баня, скея, анбар и в нем новой заузельной снасти дватцеть три свяски, голомянных веревок с удами сто пятьдесят шесть, бережных веревок с удами сто дватцеть пядьдесят стоянок подержанных, три пуда прядена, оростега плетеных новых тысяча пятьсот; хлебных припасов: муки ржаной и ячной и крупы ячной всего двести пядьдесят пуд; соли морянки сто шестдесят пуд; две шняки, третья ветхая, три паруса шняшных держанных, семь червениц, пять перепредей, трои наруканники, пять клепиков, шесть грузив, шесть розлучек, два сака, дватцеть кубасов, пядьдесят четыре палтухи, багры, бочка квасная, котел салогревной весом тритцеть фунт, другой котел зеленой меди весом пять фунт, одна напарья болшая и тюкавка, пять бочек салних однодонных, три обреза салние же, пять ушатов, четыре пилы, пять рогож и протчее, всякая морская снасть. Караулити нам лопарям со всяким охранением и со всещательным радением до предбудущаго 1746 году до приходу на Мурманской промышленников и отдать налицо посланному от него преосвященства прикащику, как приняли, так и отвести все налицо и печати в охранении. А есть ли что нами не усмотрено будет, и за то повинны мы ево преосвященству платить. В том мы сию и запись дали. А запись писал по их общему прошению Якима Логинова, Мелентья Михайлова сына Селиванова, Осипа Игнатьева сына Пенкина Соловецкой вотчины керечанин Василей Савин. К сей записи вместо караульщиков Екима Лоргинова, Меелентия Селиванова, Осипа Пенкина по их общему прошению Каргополского уезду Турчасовскаго стану дворцовою крестьянин Афонасей Елизаров Тимофеевых руку приложил» [РА СПб. ФИРИ РАН. Ф. 255. Оп. 2. Д. 15].

3. «1754-го года сентября 14 дня. Колского уезда Воронского погоста лопари Степан Логинов, Яков Осипов сын Пелькин, будучи на Мурманском берегу в Виселкине становище, наняли мы лопари в том становище караулить преосвященнейшаго Варсонофия архангелогородскаго и холмогорскаго, спаскаго казенного живота, о чем значит ниже сего, а имянно:

В начале стан старой с сенми и с поварнею, и келья, все старое ветхое; при том строении баня без кровли, анбар хлебной, в нем в начале божие милосердие образы, первой Спасителев образ, второй Богоматерин, третьей образ Зосимы и Савватия, соловецких чудотворцов, на медном окладе. Да в том же анбаре хлебных припасов муки ржаной сто девять пуд тритцать один фунт, ячной муки весом сорок один пуд, крупы ячной весом семь пуд три фунта. Да к промыслу рыбному снастей, а имянно: новой заузельной снасти пятнатцать свясков, прядена орос-тожного пуд девять фунтов, две багорницы новых стоялых стоянок сорок веревок, бережной державной снасти с удами и со оростегами сто пятьдесят веревок, простых уд бережных четыреста, на остерегах бережных уд пят-сот, голомянных простых уд сто, на оростегах тритцать, сросток новых плетеных бережных четыреста шесть все с пундами и розлучками, что рыбу удят четыре леса новы, сросток новых голомянных пятьдесят две. Судов промышленных два самых добрых, при тех шняках одна снасть, весла и парус один держаной, семь завесок держаных, четыре заруканики, десять клепиков, шесть ляпов, полторы бочки смолы, десять копоруль, кубасов пятьдесят семь, палтух на елуях шестьдесят четыре, две напарьи, котел сологревной весом тритцать фунтов, черта, скобель, конопатка, салних судов новых бочек три, старых три, поддонов дубовых шесть, ровдогорок бочек новых две, старых об одном дни семь, три квашни, два ларя, лукно мучно, ушатов водяных и салних десять, четыре кадцы водяных, пята салная, две бочки квасных да две боченки маленьких судовых, восемь шаек, два жбана квасных, рогож ценовок три, простых десять, четыре лагуна салних старых об одном дни, в том числе один дубовой, чан салной старой. Дров келья накладка полна, точива на парусы пятнатцать аршин, безмен с медною гирею, замок у анбара висячей. И приняли мы, караулщики Степан и Яков, вышеписанного живота и протчаго, что к тому промыслу угодно, к себе под караул у посланного у дому преосвященнейшаго Варсонофия архиепископа казенного приказа у прикащика сына боярского Василя Володина все по сей записи в целости. А взяли мы, караулщики, за тот караул себе на хлеб и на работу по рублю с судна, итого два рубли, да вместо соли денгами за один пуд тритцать пять копеек, две стоянки, два мошка, хлеба печеного два пуда. А ежели мы, караулщики Степан и Яков, того казенного живота не укараулим, и что из нашего караулу утеряетца, а имянно из снастей или хлебных припасов и что у тому промыслу угодно, то повинны платить кто из нас будет в лицах безрозвычайно по цене. И в том мы караулщики к нему прикащику Василю Володину сию на себя запись дали.

На подлинной записи клейма (так): Клеймо Степана Логинова; Клеймо Якова Пенкина» [РА СПб. ФИРИ РАН. Ф. 255. Оп. 2. Д. 22].

4. «1755 года августа... дня. Колского уезда Вороновского погоста лопари Яков Осипов сын Пелкин, Петр Якимов сын Логинов, будучи на Мурманском берегу в Висилкином становище, нанялисе мы, лопари, в том становище караулить преосвященнейшаго Варсонофия, архиепископа Архангелогородскаго и холмогорскаго, спаского казенного живота, о чем значит ниже сего, а имянно: в начале стан старой с сенми и с поварнею и скея, все старое и ветхое; при том строении баня бес кровли, анбар хлебной, в нем божие милосердные образы, первой Спасителев образ, второй Богоматерин, третий образ Изосимы и Саватия соловецкии чудотворцы на медном окладе; да в том же анбаре хлебных припасов муки ржаной сто пятьдесят три пуда, жытной семь пуд, крупы ячной одиннатцать пуд двенатцет фунтов да к промыслу рыбному снасти, а имянно новой заузельной снасти семнатцет свясков, прядина оростежного пуд десять фунтов, две багорницы новых, стоялых стоянок тритцать пять, голомянной держаной снасти с удами и со оростегами сто шездесят четыре веревки, бережной держаной снасти с удами и с оростегами сто восемьдесят три веревки, простых уд голомянных сто пятьдесят, на оростегах голомянных уд семдесят, простых бережных уд двести шездесят, на оростегах бережных уд сто пятнатцет, оростег новых плетеных голомянных двести, бережных сто дватцать шесть, шесть лес с пундами и розлучками, что рыбу удят, четыре леса новых, одна пунда нова простая, две шняки промышленных саамы добрые, при тех шняках две снасти, два паруса и весла, шесть завесок держаных, четыре зарукавника, бочка смолы цела, девять копоруль, кубасов пятьдесят семь, палтух на (елуях?) шездесят четыре да привезенной новой стан складен в груды числом, а имянно: круглых бревен семдесят два бревна и с паклинками, тесу желобастого сорок тесниц, половых тесниц тритцет девять, ломового двенатцет тесниц. Осталою в анбаре соли сорок пуд, одна напарня, котел салогревной тритцать фунтов, черта, скобели, конопатка, салних сосудов бочек пять, поддонов дубовых шесть, ровдогорок(?) бочка, три квашни, два ларя, два лукна мушных, ушатов водяных и салных десять, четыре катцы водяных, пята салная, три бочки квасных да две боченки маленьки судовы, пять шаек, два жбана квасных, рогож простых дватцет пять, три лагуна салних старых об одном дни, в том числе один дубовой, сан салной старой один, дров в скеи накладка полна, безмен с медною гирею, замок включен у анбара. А приняли мы, караулщики Яков, Петр, вышеписанного живота и протчаго, что тому пристойно к промыслу, к себе под караул у посланного из дому преосвященнейшаго Варсонофия архиепископа казенного приказа прикащика сына боярского Василя Володина все по сей записи в целости. А взяли мы, караулщики, за тот караул себе хлеба печеного два пуда, соли пуд, денег два рубля, две стоянки, два моста. А ежели мы, караулщики Яков и Петр, того казенного живота не укараулим и что из-[з]а нашего караулу утеряетца, а имянно ис хлебных припасов и соли, и ис снастей и что промыслу угодно по вышеписанному, то повинны платить кто из нас будет в лицах безрозвычайно по цене. И в том мы караулщики к нему прикащику Василю Володину сию на себя запись дали. Клеймо Якова Пелькина вместо руки ево; Клеймо Петра Якимова вместо руки ево» [РА СПб. ФИРИ РАН. Ф. 255. Оп. 2. Д. 37].

Акты Лодомской церкви Архангельской епархии // Акты Холмогорской и Устюжской епархии. – Кн. 3. Приложение. – СПб., 1908. – Т. XXV. – [С. 461–648]. – (Российская историческая библиотека ; т. XV).

ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 149*. Л. 4, Л. 5–5 об.

РА СПб. ФИРИ РАН. Ф. 255. Оп. 2. Д. 7.

РА СПб. ФИРИ РАН. Ф. 255. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–20.

РА СПб. ФИРИ РАН. Ф. 255. Оп. 2. Д. 15.

РА СПб. ФИРИ РАН. Ф. 255. Оп. 2. Д. 22.

РА СПб. ФИРИ РАН. Ф. 255. Оп. 2. Д. 28. Л. 99–102.

РА СПб. ФИРИ РАН. Ф. 255. Оп. 2. Д. 33. Л. 98.

РА СПб. ФИРИ РАН. Ф. 255. Оп. 2. Д. 37.

РА СПб. ФИРИ РАН. Ф. 255. Оп. 2. Д. 44. Л. 2.

РА СПб. ФИРИ РАН. Ф. 255. Оп. 2. Д. 46. Л. 6. 1758 г.

РА СПб. ФИРИ РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 324. Л. 27 об. – 28.

Сборник грамот Коллегии экономики. – Пг., 1922. – Т. I. – 967 с.

Бернштам Т. А. Поморье. Формирование группы и системы хозяйства. – Л. : Наука, 1978. – 176 с.

Гемп К. П. Выдающийся памятник истории поморского мореплавания XVIII столетия [Книга мореходная с означением мест сколько от одного до другого расстояния и приметы становищем]. – Л. : Наука, 1980. – 80 с.

Ефименко А. Артели в Архангельской губернии // Сборник материалов об артелях в России. – СПб., 1873. – Вып. 1. – С. 1–93.

Карпелян К., Овсянников О. В. Саамское поселение в бухте Дворовая первой четверти XVIII столетия на побережье Баренцева моря (Кольский полуостров, бухта Дворовая) // *Лодия.* № 7. 2010. – Архангельск, 2013. – С. 261–326.

Овсянников О. В. Промысловая «Энциклопедия» конца XVIII в. // *Культура Русского Севера.* – Л., 1988. – С. 75–76.

Овсянников О. В., Ясински М. Э. Заметки о морском аспекте освоения Русской Европейской Арктики // *Лодия.* № 5. 2008. – Архангельск, 2010. – С. 24–144.

Пузырев В. П. Паруса над Студеным морем. – М. : Союзморнипроект, 1993. – 205 с.

Рейнеке М. Ф. Гидрографическое описание северного берега России, составленное капитан-лейтенантом М. Рейнеке в 1833 году. – СПб. : Мор. тип., 1843. – Ч. 2 : Лапландский берег. – 363 с., 5 л. табл.

Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв. – Л. : Изд-во АН СССР, 1930. – 192 с.

Ушаков И. Ф. Кольская земля. – Мурманск : Кн. изд-во, 1972. – 617 с.

Харузин Н. Русские лопари (очерк прошлого и современного быта) // *Известия Императорского общества любителей естествознания, этнологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете.* – Т. 66 : Труды Этнографического отделения. – Т. 10. – М., 1890. – 482 с.

V. V. Bryzgalov¹, O. V. Ovsiannikov², M. E. Jasinski³

¹*Arkhangelsk Scientific Centre, UB RAS,*

²*Institute for the History of Material Culture, RAS,*

³*Norwegian University of Science and Technology, Trondheim*

“GUARD” ON MURMAN (on documents of Cholmogor bishop house of 18th century)

In the article a question is examined about the guard of marine fish figures on the Murmansk coast in the first half of 18th century on a winter period, when fishing is not produced from severe weather terms. It is agreements on a guard marine fish stanovsh, that consist between of Cholmogor bishop house and lopari, and also with the habitants of city of Cola. The new documents of legal and economic plan of the marine fishing of Cholmogor bishop house are first entered in a scientific turn, that extend our knowledge at commercial and industrial relations in the first half of the 18th century on Russian North.

Keywords: Murman, marine fishing, industrialists, lopari, stan, stanovishe, bishop house.

* Названия документов из ГААО и РА СПб. ФИРИ РАН есть в тексте статьи, поэтому в затекстовых ссылках они не повторяются. – *Примеч. ред.*

«ГОРОД АРХИСТРАТИГА МИХАИЛА»: СУДЬБА ИМЕНИ (источники и мнения)

В статье рассматривается вопрос о происхождении наименования Архангельска на основании исторических документов, а также с изменениями в наименовании города, которые произошли в последующие века. Вначале он именовался Новохолмогорский город, затем – Архангельский город или Город Архангельский. Губерния, образованная в 1708 г. по указу Петра I, носила наименование Архангелогородская, а после утверждения Екатериной II указа «Грамота на права и выгоды Городам Российской империи» 21 апреля 1785 г. город стали именовать Архангельском. Все эти наименования связаны с монастырем во имя Архангела Михаила, но только не с именем архистратига – Михаил, а с его статусом – архангел.

Ключевые слова: Архангельский монастырь, архангел, ангел, Михаил, город Архангельский, Архангелогородская губерния, Архангельск.

Вопрос 7: Как проименован Новый город в начале?

Ответ 7: Новохолмогорским городом, потом прозван Архангельским, по монастырю сегож имени.

В. В. Крестинин. Краткая история о городе Архангельском

Как говорится в таких случаях, «ни прибавить ни убавить». Однако эта кажущаяся простота скрывает не простые, а порой дискуссионные проблемы – топонимические, социально-экономические и даже метафизические. Считаем принципиально важным безоговорочно принять и употреблять термин «город» исключительно в том его содержании, как понимали и употребляли термин «город» в тот исторический период, т. е. «крепость», «кремль», «замок».

Летописная запись о появлении оборонительных сооружений на Пур-Наволоке лаконична и, несомненно, носит характер поздней вставки: «В лето 7092-е. Приехали с Москвы воеводы Петр Афонасьев Нащокин да Залешанин Никифоров сын Волохов, и Архангельской город деревянной поставили одним годом на Пурнаволоке над Двиною рекою за тридцать верст от устья тоя Двины реки. А поставили город круг Архангельского монастыря, и съехали к Москве. А после того присланы на Двину приказные люди дети боярские» [*ПСРЛ*, 1977, с. 150, 169].

Вопрос о возведении оборонительных сооружений возник на несколько лет ранее начала самого строительства. Уже в сентябре 1581 г. (30 сентября 7090 г.) расположенная в низовьях Двины волость Лодьма платила «в городское дело, и Петра Афонасьевича Нащокина протори в приезд, и в корм, и в поминки» [*Овсянников*, 1971, с. 21–23; 1972, с. 211–223; *Акты Лодомской церкви Архангельской епархии*, 1908, с. 87]. Практика строительства оборонительных сооружений в Российском государстве XVI–XVII вв. общеизвестна и предполагала, что начальная грамота о предполагаемом строительстве должна была содержать указание о выборе наиболее удобного места для возведения крепости, далее готовился и отсылался в Москву чертеж. После рассмотрения посланных в Москву документов и в случае одобрения их на место строительства отсылали указ о начале такого строительства; при этом в тексте указа содержались упоминания и о некоторых предшествующих процедурах. Так было и при строительстве крепости на Пур-Наволоке: «Писали есми к нам о Двинском городском деле и роспись и чертеж тому городу к нам прислали; и мы тое росписи вычли и чертежу смотрели, и указали поставить город на том месте и по той мере, как в вашей росписи и в чертежу написано; а архангелскому монастырю, церкви и кельям, указали есми им быть в городе, а которые их монастырские амбары и дворы их служни, и всякие монастырские обиходы, и тем службам и двором и всяким монастырским обиходам указали есми бытии за городом; а что монастырские земли в отмене указали есми к монастырю дати пашенные ж земли, столько же четвертей или десятин, что у них отойдет под город и к городу. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б часа того велели город делати на том месте и по той мере, по росписи и чертежу, какову есте роспись и чертеж к нем прилагали, наспех, теми посошными людьми, которую посоху к тому городскому делу есмя указали... а о наряде городском и о железе указ вам учинили часа того. Писан на Москве, лета 7091 марта в 4 день» [*Акты, собранные...*, с. 380].

Историки уделяли основное внимание исключительно самому факту возведения крепости на Пур-Наволоке. Однако царская грамота 1583 г. намного содержательнее: кроме важнейших моментов бюрократической процедуры, определяющей основные вопросы организации строительства (обмен грамотами, чертежами), указ декларировал и определенные земельные вопросы. Речь шла не о количественном (четверти, десятины) определении

земельной компенсации за взятые под строительство деревянного «города» и других сооружений, а о самих принципах компенсации земельных владений различного сельскохозяйственного назначения. Грамота 1583 г. декларировала типичную для позднесредневековой России практику возмещения владельцам (монастырям, церквям, частным владельцам) наносимый подобным строительством ущерб, причем часть его возмещалась в денежной форме, о чем свидетельствует упоминание в документе 1585 г. деньги «за отмененную городовую землю» [*Акты, собранные...*, 1836, Т. I, с. 109–110].

Весьма примечательно, что В. В. Крестинин первым обратил внимание на вопрос о судьбе земельных владений Михайло-Архангельского монастыря на территории Пур-Наволока и опубликовал некоторые документы [*Крестинин*, 1784, с. 4, сноска 30; 1792, с. 261]. Наибольшее значение для начальной истории Архангельского города имеют первые три опубликованные историком грамоты, относящиеся к построению оборонительных сооружений и к формированию посадской части нового поселения [*Крестинин*, 1792, с. 156–168, архивные списки: 1, 2, 3].

В 1636 г. Архангельский монастырь сгорел: «И от того пожара сгоре городе Архангельске монастырь, церкви, и кельи, и воеводский двор, и пол города от Двины реки. И после пожару город построен по прежнему, а монастырь Архангельской поставлен за городом над Двиною рекою, в Нячерах, от города за версту» [*ПСРЛ*, 1977, с. 173]. Вставка о пожаре 1636 г., несомненно, довольно поздняя, о чем свидетельствует формулировка топонима («Архангельск») и само содержание текста. Случившийся пожар привел к новому витку социальной напряженности на Пур-Наволоке. Согласно документу, который в свое время опубликовал И. Сибирцев, после пожара место для монастырских построек вне деревянного города был послан осмотреть стрелецкий голова Василий Оничков, который доложил, что вниз по течению Двины ниже города и «ниже церкви Успения Пресвятыя Богородицы от дальняго бору на горе Кузнечихе Архангельской монастырь устроит мочно», так как «на той горе под монастырь в длину и поперек с сухова места по сту сажен, а около того места мочно пашни распахать и поля расчистить по все стороны» [*Сибирцев*, 1894, с. 13]. На новом месте предполагалось построить храм во имя Архистратига Михаила и храм Покрова Пресвятой Богородицы, а на месте сгоревшего монастыря – храм Происхождения Честного и Животворящего Креста Господня с приделом во имя Архистратига Михаила. Оказалось, что решение затронуло интересы окрестных крестьян, «которые искони вечно на тех местах дрова на продажу немецким и всяким людям ставили» [*Сибирцев*, 1894, с. 14].

По царской грамоте 1638 г. было «велено Архангелскому монастырю пониже Архангелского города и ниже церкви Успения Пресвятой Богородицы от далново Бору на горе Кузнечихи строить, для того что то место по списку лежит впусе и не отдано никому и оброку с него никто не платит, и в писцовых книгах не написано; да и тому монастырю велено отвести того пустого места под конюшенной и под коровей и под служни дворы и на огороды сколко пригоже смотря по месту, а достальное пашенное место измерить сколко будет четвертей пашни и сенных покосов и рыбных ловель которыя лежат безоброчно, и тою пашню и сенные покосы и рыбные ловли велено дать на оброк Архангелского монастыря игумену Павлу з братею, и оброк на то место положить смотря по пашне и по угодью как бы государевой казне было прибылнее» [*РО БАН*. Д. 618. Л. 111–111 об.].

С выбором нового места для постройки монастыря произошла, по выражению цитируемого документа, «смута». В 1638 г. черной поп Матвей «з братею» подал челобитную, в которой было написано: «в прошлом 144-м (1638) году прислана на Двину государева грамота... что в городе Архангелскому монастырю для утеснения по челобитью двинских земских старост быть не велено, и бил челом государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси архангелской прошлой игумен Павел о том месте, что пониже города от Кузнечихи ложно без братцкого совету своим произволом, и о том месте учинил великую смуту, и учиняя смуту из монастыря збрел, а то де место Кузнечиха тяглое и оброчное, и под монастырь то место не годное и городовых посадских людей скотинная паства. И государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси пожаловал их, велел Архангелской монастырь строить на новом месте повыше города в Нячере, чтоб им без монастыря не быть. И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу Архангелского монастыря черному попу Матфею з братею Архангелской монастырь и храмы строить на новом месте выше города в Нячеры, да к тому монастырю пустого места по их же челобитью под конюшенной, и под коровей, и под служни дворы, и на огороды же розчистить, и пашня распахать против того ж сколко было места на Кузнечихе дано» [*РО БАН*. Д. 618. Л. 111 об. – 112]. Любопытно, что цитируемый нами документ, обнаруженный в рукописном сборнике XVII в., кратко упомянут и у В. В. Крестинина [1784, с. 43].

Историк В. В. Крестинин искренне верил в глубокую древность Архангельского монастыря и в посвящении своей первой книги писал: «Знаменитому между российскими монастырями древностию Архангеломихайловскому монастырю, городу того ж имени преподавшему свое Имя, подносит в благодарение Сочинитель, свою рукою сие написавший, Василей Крестинин. С. Г. 1784, января 29 дня» [*Крестинин*, 1784, с. 1].

Позднее, в 1792 г., В. В. Крестинин указал в своей последней книге: «Монастырь Архангельский древностию все Московские монастыри превосходящая обитель, построенная во втором надесять столетствии в земле Заволоцкой, названной после по имени реки, Двиною» [*Крестинин*, 1792, с. 1]. Поздние источниковедческие исследования письменных и сфрагистических памятников Великого Новгорода отнесли дату основания монастыря к более позднему времени – к концу XIV или началу XV вв. [*Макарий (Миролюбов)*, 1878, с. 8; *Андреев*, 1988,

с. 67–70]. По существу, В. В. Крестинин ссылками на грамоты новгородского архиепископа «открыл» в российской исторической науке дискуссию о времени основания Архангельского монастыря.

Вполне возможно, что «...Михайловский Архангельский монастырь был создан в качестве главного монастыря Двинской земли», так как обслуживал нужды населения «от Емцы и до самого моря» [Андреев, 1988, с. 69]. Данная территория, известная под названием «Двинская слобода», появилась в результате «Орлецких событий» 1342–1398 гг. Можно отметить, что постройка храмов в честь архангела Михаила более характерна для тех территорий, которые входили в бассейн Ваги, особенно в Устюжском, Тотемском и Важском уездах [Акты Лодомской церкви, 1908, Т. XIV, с. 137–141]. И. И. Срезневский опубликовал запись-заказ на изготовление для Михайло-Архангельского монастыря напрестольного Евангелия: «Поклон от Фрола господину игумену Миките. Господин Игумен доправи ми господине ба дела книги си на Двину к святому Михаилу, книги же си дадут Григорию Серипоу. А ты господине Григории взми себе оу игумена Акакия 5 сорочек, а сугалие дан ему, а мне дали Степан да Василие два сорока, а ты господине Григории и возми 5 сороков, а ряд ми от писмени взятии 6 сороков да телятины и ми было взятии за телятины же сорочек, 6 от писмени, а се же вам книги, а аз вам бию челом своим старейшим Степану и Василию Григору» [Срезневский, 1866, с. 91–92]. Срезневский дал краткий комментарий этой записки. Игумен Михайло-Архангельского монастыря Акакий поручил монастырским старостам Степану и Василию заказать список напрестольного Евангелия некоему Фролу, но эту работу выполнил другой мастер. Упомянутые в этой записке имена, как и игумена Луки, часто встречаются в поземельных документах (купчих, закладных, рядовых Архангельского монастыря XV в.) [Шахматов, 1903, с. 59–87].

Что представлял собой Архангельский монастырь в то время, известно по росписям из «Писцовых книг» письма Василия Андреевича Звенигородского 1586–1587 гг.: «В Двинском уезде в Нижней половине в Новом Холмогорском городе монастырь Архангельской, а на монастыре церковь Архистратига Михаила, деревянная вверх, да на полатех предел мученика Христова Мины да церковь теплая Покров Пресвятыя Богородицы, а в церквах образы и свечи, и книги, и колокола на колоколнице, и все в монастыре игуменова келья и тритцать келья, а в них братьев сорок два старца» [РО БАН. Д. 618. Л. 95].

Первые полные сведения о монастыре относятся к первой четверти XVII в. Он описан в «Писцовой книге 1622–1624 гг.»: «В городе монастырь Архангельской, а на монастыре церковь Аристратига Михаила древяна, в верхе о девяти верхах, у той же церкви два предела: предел мученика Христова Мины, другой предел страсто-терпец Христовых Бориса и Глеба... А в церкви у Аристратига Михаила образов: образ чюда Аристратига Михаила на золоте, венец и гривны серебряны, золочены, у образа пелена бархат рыт черват; образ Аристратига Михаила ж на золоте, венцы и цаты серебряны золочены, у образа пелена бархат рыт, шелк зелен на белой земле; ...образ Аристратига Михаила и Гаврила на красках... На монастыре ж другая церковь Покров Пречистые Богородицы древяна ж вверх, с трапезою, а в церкви образов месных: ... образ Аристратига Михаила на золоте...» [Ясински, Овсянников, 1998. Т. II, с. 192–193]. Перенесенный после пожара 1636 г. за город, в Нячеры, из-за «великого утеснения» внутри деревянного города, Архангельский монастырь отстраивался в течение нескольких десятилетий. По описи 1683 г. в монастыре были соборная церковь Михаила Архистратига, в северном приделе церковь Бориса и Глеба, в южном – мученика Мины; второй теплый храм – во имя Покрова Пресвятой Богородицы, с трапезной и келарской, а также колокольня на шести столбах с шестью колоколами...» [Сибирцев, 1894, с. 13]. В. В. Крестинин – один из первых российских историков, который неоднократно обращался к проблеме возникновения и начального этапа истории поморских и вообще российских городов: «Древние российские города имеют двойное начало, некоторые от строения крепостей, другие от деревень» [Крестинин, 1790, с. III]. Мысль ученого кратко и четко выражает суть самого «механизма» возникновения городских центров – поселенческие структуры развивались в одних случаях около вновь построенных укрепленных центров или происходило перерастание поселений сельского типа в посады.

Интерпретация топонима «Новохолмогорский город» рядом исследователей как «Ново-Холмогоры» просто неприемлема [Кибирев, 1959, с. 7; Попова, 1994, с. 13]. Некоторые мнения о начальной истории Архангельского города вызывают недоумение: «на основании царской грамоты от 1 августа 1613 г. стал считаться городом» [Попова, 1994, с. 23]. Речь в этом документе шла совершенно о другом: царский указ предписывал вернуть обратно в посад тех переведенцев, которые по указу 1587 г. были насильно записаны в посад, но разбежались. Трудно объяснить, например, такое суждение Л. Д. Поповой: «По указу царя был создан и искусственный микроландшафт – новый город, получивший в 1587 г. статус Новохолмогорского посада» со ссылкой (Крестинин, 1792, с. 164–165), а далее: «Новые Холмогоры как бы упразднили подлинные Холмогоры, подобно тому, как Константинополь, для православных христиан, явился заменой “ветхого” Рима» [Попова, 2015, с. 84]. Не имеет смысла комментировать приведенные цитаты, но за В. В. Крестинина всё же стоит вступить. Он никогда не писал, что Архангельский город получил «статус Новохолмогорского посада». Историк В. В. Крестинин поделился с читателями тем, что воевода князь Звенигородский «с товарищи написали на двине к новому [курсив. – В. Б., О. О.]. Колмогорскому городу в жильцы с посадов з Двинских из Двинского уезда... и жити им на посаде в новом Колмогорском городе, торговати, и корчемного питья, и блядни, и приезду лихих людей у себя не держати...» [Крестинин, 1792, с. 164–165]. Крестинин публикует грамоты, наиболее актуальные для изучения начальной истории Архангелогородского посада. Грамота 12 февраля 1587 г., в которой, самое главное, перечисляются поименно те, кто

переселяется и образует новое поселение посадского типа. Из 133 переселенцев «воевода князь Василей Андреевич Звенигородской с товарищи написали на Двине к новому Колмогорскому городу в жильцы с посадов з Двинских из Двинского уезда с Двинского посаду» – с Колмогор, с черных волостей, с Волока Пенежского, с Емецкого стана и т. д. [*Крестинин*, 1792, с. 160–165]. Переведенцы разбежались «по домам», и у Архангельского города осталось всего 30 чел. [Там же, с. 169]. Начальный этап формирования Архангелогородского посада не остался незамеченным в исторических исследованиях [*Носов*, 1968, Т. I, с. 227–269; 1971, с. 118].

Возведение оборонительных сооружений на Пур-Наволоке вокруг комплекса построек Архангельского монастыря, на наш взгляд, было обусловлено рядом объективных обстоятельств, из которых главное – это особенности расположения выбранного участка двинского берега. Им являлся коренной берег главной водной магистрали Северного Поморья, а после Пур-Наволока начиналась широкая дельта Северной Двины. Постоянные коммуникации выбранной территории обеспечивались сухопутным маршрутом со всеми регионами; береговая конфигурация речного мыса (в настоящее время в значительной степени разрушенного) полностью отвечала требованиям, которые предъявлялись к фортификационным сооружениям в России в конце XVI в. Важнейший для строительства участок имел свою специфику. Береговая часть, наиболее высокая, представляла собой отложение берегового вала, территория в юго-восточном направлении значительно понижалась и переходила в болото, которое уже в то время получило название «мхи». Основная конфигурация мыса была фланкируема лощинами, по которым вода со «мхов» скатывалась в Двину. Южная лагуна (район ул. Поморская) фланкировала участок высокого двинского берега. Лощина, значительная по размерам, на северо-восточной окраине этого участка так же фланкировала территорию берега, на которой первоначально стоял Архангельский монастырь, а затем «город», Спасо-Преображенский собор, деревянные гостиные дворы и все другие постройки.

Значительная по своей территории береговая линия не была ровной и сплошной по своей структуре. В южной части ее проходила лагуна, которая при строительстве деревянного «города» была использована в качестве рва вдоль южного фасада крепости. По существу, во второй половине XVII в. на Пур-Наволоке стояли два «города». Это были деревянный «город» и каменный «город», входивший в комплекс, который получил название «Гостиные дворы». Однако «городом» весь каменный комплекс «Гостиных дворов» никогда не назывался.

Несколько неожиданно было узнать, что «Софийская (новгородская) семантика топонима Архангельск объясняет и его первоначальное название – “Новгородок”, “Новый город”. В номинации Архангельска “Новым городом” раскрывается один из глубинных механизмов освоения новых территорий, лежащий в основе новгородской колонизации. Суть его заключается в сакрализации “новой земли”, перенесении на нее благодатных свойств, ценностей, имен, установлений старой земли, ее священного центра» [*Теребихин*, 1996, с. 48]. Заметим только одно: ведь никакого «переноса» и не было. Дело в том, что в 80-х гг. XVI в. «городов» на территории шести Холмогорских посадов просто не существовало. Об этом писал В. В. Крестинин: «Холмогоры до XVII в. не почитался городом, но посадом. Сие место не имело никаких стенобитных укреплений прежде 1613 г. Курцевское городище, где стоит нынешняя соборная церковь Преображения Господня каменная, не имело никакого крепостного строения в XVI в.» [*Крестинин*, 1790, с. 29].

Автор «метафизической» концепции «Архангельск – Град Земной и Град Небесный» пишет: «Связь городской символики Архангельска с Новгородом прослеживается и в благословенной грамоте новгородского архиепископа Иоанна (не ранее 1389 г.) на строительство Михайловского Архангельского монастыря...» [*Теребихин*, 1996, с. 48, 104]. Достаточно вспомнить фразу В. В. Крестинина – «город» на Пур-Наволоке был назван «Новохолмогорским городом, потом прозван Архангельским, по монастырю сегоже имени». Просто необходимо вспомнить, что «благословенная» грамота на основание Архангельского монастыря дана новгородским владыкой Иоанном. Духовные дела Северо-Поморского региона находились в то время в его ведении, позднее – в ведении Новгородской епархии, а с 1682 г. – в ведении архиепископа Холмогорского и Важеского. Вряд ли в самом факте появления благословенной грамоты Архангельскому монастырю следует видеть некий особенный, потаенный смысл и распространять его на факт появления Архангельского города.

Наука приемлет широкий спектр научных выводов, концепций и интерпретаций, кроме тех, которые игнорируют или сознательно искажают общеизвестные исторические факты. Нижнее Подвинье отнюдь не находится «за тридевять земель» или «на конце света», как считает Н. М. Теребихин [1996, с. 46]. Наиболее подходящим «кандидатом» в «настоящий город» могла быть «далекая» Кола, находившаяся вблизи торгово-промысловых становищ (Вайда-губа и др.), имевшая активные торговые отношения с близлежащими зарубежными территориями. В то время, когда приписанные к новому Холмогорскому городу посадские переведенцы разбежались, поселенческая структура далекой Колы, по выписке из писцовой книги Аглая Михалкова 1608–1611 гг., состояла из Верхнего и Нижнего посадов, государевых дворов на приезд иностранных и русских торговых людей, стрелецкой слободы. Посадских людей насчитывалось 150 чел. и стрельцов более полусотни [*Харузин*, 1890, с. 412–416].

В. В. Крестинин в 1792 г. полагал, что первые церковные постройки у «города» – это две приходские церкви: Преображенская к Стрелецкому приходу и Воскресенская – к Посадскому приходу [*Крестинин*, 1792, с. 3]. О том, что первая приходская церковь во имя Преображения Господня была построена в 1588 г. по благословенной грамоте московского митрополита Иова, писал И. Сибирцев [*Сибирцев*, 1894, с. 3].

Архистратиг архангел Михаил (начальник ангелов) в небесной иерархии, по определению «Православной энциклопедии», предпоследний ангельский чин, хотя в качестве покровителя «воинствующей Церкви» почитается как Глава Небесного воинства [*Православная энциклопедия*, 2001. Т. II, с. 304; Т. III, с. 473]. Иногда это аннотируется в названии икон, посвященных архангелу Михаилу, например: «Архангел Михаил Небесных Сил Воевода» (икона из Великоустюжской епархии) [*Иконы Русского Севера*, 2007, № 182]. В Северном Поморье памятники такого рода встречаются нечасто, так же как и храмы, посвященные архангелу Михаилу.

На наш взгляд, перемещение после пожара 1636 г. Архангельского монастыря «из-за тесноты» в другое место в определенной мере может свидетельствовать о том, что в то время он не рассматривался в качестве некоего символа для сгоревшего, а затем и вновь отстроенного «города» и посада. По церковной традиции, на месте уничтоженного огнем монастыря была поставлена в 1637–1638 гг. церковь Происхождения Честного и Животворящего Креста с приделом во имя Чуда Святого Михаила [*Краткое и историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии*, 1898, с. 5–6].

Начало XVIII столетия ознаменовалось не только широким размахом ремонтных работ в комплексе Гостиных каменных дворов, но и значительным строительством малых торговых помещений – лавок, амбаров, «шалашей, полочных мест» по всей протяженности двинского берега начиная от Спасо-Преображенского собора до Немецкой слободы. Нам удалось найти связанные с событиями лета 1713 г. документы, которые позволяют по-новому взглянуть не только на неизвестные ранее факты градостроительной истории Архангельского города, но и отметить непосредственную роль Петра I в их реализации. Речь здесь идет об элементах застройки в прибрежной части деревянного города.

Петр I направил указ архиепископу Холмогорскому и Важескому Варнаве следующего содержания:

«По Указу великого Государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия, и Малыя, и Белья России самодержца Посвященному Варнаве архиепископу Холмогорскому и Важескому. В нынешнем 1713-м году прошедшаго июля 1-го дня по его Великого Государя указу за подписанием вице Губернатора Алексея Александровича Курбатова велено у города Архангельского новостроенныя продолжительного во благочинном здравии лет жития его Государева и его царского дома и на врати самодержавия его триумфальных побед и всеполезнейшаго его Государева мира, града Архангельского церкви Архистратига Михаила на всякие церковныя потребы у священников с прочими причетниками в пропитание на оном месте. Государь, нынешняя святая церковь была до создания Града построен Архангельской монастырь и город Архангельской звание свое смеет по той Архистратига Божия Михаила церкви и того ради быть у той церкви двум священником и дьякону понеже одному священнику повседневной службы отправлять невозможно, дабы впредь первейшая в городе Архангельском святая церковь без пения никогда же была, а жалованья его Государева руженого учинить священником двум денег по двенадцать рублей, муки ржаной из гварнизонного провианта по тпяти, овса по три четверти челоуеку, муки оржаной четыре, овса две четверти; дьячку денег шесть рублей, муки оржаной две, овса две четверти; пономарю денег четыре рубли, муки оржаной полторы, овса полторы, и того три четверти; просвирнице денег три рубли; те денги дават им из найму выше объявленных лавок полугодовою дачею, а досталныя за наем тех лавок денги держать на церковныя потребы церковному старосте, и того ради в старосты выбрать из оставных городцских добрых салдат. И определения священников и дьякона к Холмогорскому Архиепископу в указе церковно величество объявить Г. У. (Государев указ. – В. Б., О. О.). Лавки ж и анбары, которые в прошлом 1712 г. ево вице Губернаторским приказанием и в прошлых же годов до вышешипанного 1712 г. другими управители, в деревянном городе и за городом и на Русском Гостине каменном Дворе и в стенах дворах и с ведония ратушского правления инспектора Степана Леонтьева построены будут, отдать в оброк охочим людем с торгу из наддачи, чтоб перед прежними болшими зборы учинить с тех лавок прибыл немалую. И збирть те денги в Архангелогородцкую Канцелярию подьячему Якову Сумарокову. И об отдаче вышешипанных в оброк лавок объявить сей Его великого Государя указ в торговые дни при барабанном битье и в других местех выставить листы, а у строения тех лавок быть купчине Ивану Звягину. О лавках же и о анбарах, которые в деревянном городе и за городом всяких чинов у людей построены, выпишат кто и по каким указом строились, и по чему с которм оброку в год платят и у них в отдаче каковыми ценами в год бывает. Губернатор, июня дня 1-го 1713» [*РА СПб. ФИРИ РАН*, л. 2 об. – 3 об.].

Этот указ Петра I о храме Михаила Архангела можно рассматривать как четкий «поворот» в сторону переосмысления исторической памяти в вопросе о роли Архангельского монастыря и образа архистратига Михаила в процессе формирования топонима «Архангельск». В 1685 г., на начальном этапе своей архиепископской деятельности, архиепископ Афанасий дал благословенную грамоту на строительство каменного собора во имя Архистратига Михаила в Архангельском монастыре, а в 1700 г. освятил собор [*ИСПЛ*, 1977, с. 201].

Симптоматично то, что на месте сгоревшей деревянной церкви во имя Происхождения Честного и Животворящего Креста с приделом во имя Чуда Святого Архистратига Михаила по благословенной грамоте архиепископа Архангелогородского и Холмогорского Варсонофия в 1742 г. было указано: «вновь построить против опробованного чертежа каменую церковь о двух престолах, ис которых одна холодная имеет быть во имя святого архистратига Михаила воспоминания бывшего его в Колокаех еже есть в Хонех Чюдес, другая теплая во имя святыя великомученицы Екатерины» [*ГААО*. Ф. 57. Л. 1]. Через семь лет, в апреле 1749 г., «в городе Архангельском

новая каменная церковь во имя Архангела Михаила, построенная на месте бывшего Архангельского монастыря, освящена» [*ПСРЛ*, 1977, с. 216].

Еще В. В. Крестинин был убежден, что новый город впоследствии был «прозван Архангельским, по монастырю сегож имени». В топониме использовано не имя «Михаил», а его чин – «архангел». По мнению Н. М. Терехина, «к числу объектов сакральной географии, наделенных “иномирной” семантикой, относится и “Город”. Северорусские крестьяне воспринимали город как уникальный и единственный Город на всем белом свете» [2004, с. 32]. И еще: «В сакральной географии Русского Севера только один избранный, отмеченный локус называется Городом и только один имеет ИМЯ» [Там же, 2004, с. 33].

Действительно, понятие «город» имеет определенное метафизическое значение, однако не в системе восприятия северорусским крестьянином топонима «Архангельск». В системе христианских ценностей (в православии и католичестве) он также присутствует, причем занимает важное место и имеет давние традиции. Приведем цитату из описания «Чин Патриарша круг города на осляти шествия, бываемаго в день поставления Российских Патриархов и следующие по тому обряды. 1642 г.»: «А едучи Патриарх около города у всяких ворот говорил молитву граду, а за ним ехали Ростовской Митрополит Варлаам, да Рязанской архиепископ Моисей, да два ключаря Пречистенские, везли святой и животворящий Крест Господен, и кропили град святою водою» [*Древняя Российская Вивлиофика*, 1788, с. 253–254].

По прибытии из Москвы на Холмогоры в октябре 1682 г. «архиепископ Афанасий вышел из лодьи на холмогорский берег у Троицкой посадской церкви на уготованное место и всему народу подал благословение, вошел в Соборную церковь за святыми иконами и в Соборной церкви служил божественную литургию. И, отслужив, ездил около Холмогорского города по их архиерейскому обычаю» (*ПСРЛ*, 1977, с. 188). Перед поездкой на Соловецкие острова с Петром I архиепископ Афанасий молился в Архангельском монастыре, затем “изволил плыть к городу Архангельскому”, по прибытии “с пристани поиде архиерей чином в соборную церковь”, после этого “архиерей изволил итти со святыми иконами около деревяннаго и каменаго. Первое осенял деревяннаго города у Спасских ворот, второе осенение было у церкви великомученицы Параскевы, третье у ворот каменаго города от мху, четвертое у гостиных ворот нижних, пятое против роскату у великих ворот, шестое у гостиных верхних ворот, седьмое у Воскресенских ворот деревяннаго града, и оттоле иде в соборную церковь”» [*Голубцов*, 1903, с. 139]. Архиепископ Афанасий показал себя ревностным, как мы видим, блюстителем обрядов традиционного православия, что было зафиксировано еще в эпоху византийских императоров [*Дагорон*, 2010, с. 351, примеч. 134].

В летописных записках архиерейского иконописца Ивана Погорельского сохранилось описание закладки крепости на Новой Двине 12 июня 1701 г.: «воевода боярин князь Алексей Петрович Прозоровский по согласию с преосвященным архиепископом изволили путешествовать на Новую Двинку к НОВОНАЧЕНЦЕМУСЯ городовому строению НА ОСНОВАНИЕ ГРАДА. С преосвященным архиепископом при основании Града были Соловецкой архимандрит Фирс, Архангельской Товия, Николаевской Варсонофий, града Архангельского протопоп Калинин Венедиктов сын Золотарев. И пришедшие на место НА СРЕДИНЕ ГРАДА построенное, и тесом помощенное и на наложках поставлены были образ Спасителей, и пресвятая Богородицы, и образ святых верховных апостол Петра и Павла, а на столе евангелие, и крест, и чаша водосвященная. И, облачась, архиерей по чину со всеми служащими пели часы по чину. И по часах чин ОСНОВАНИЯ ГРАДА священнодействовал по болшему требнику Киевской печати. По совершении основания, избрав место, архиерей благословил создать ЧАСОВНЮ или молитвенный ХРАМ во имя святых апостол ПЕТРА и ПАВЛА ради тамо пребывающих и работающих у градового дела людей и благословил тамо быть священнику и псаломщику ради церковных молитвы и всяких христианских нужд... А заложена НОВАЯ каменная крепость ГОРОД ЦЫТАДЕЛЬ на Малой Двинки близ Березового устья. И учинено той крепости в сем году одно основание» [*Собрание А. А. Титова*, № 4682, л. 38 об. – 39]. Так рядом с Архангельским городом возник еще один «город», и в устье Двины появился еще один топоним, а точнее, несколько топонимов, которые многократно использовались в оригинальных документах.

В Нижнем Подвинье только за два с перерывами века были построены четыре новые «города» – крепости: 1575–1584 гг. – деревянный Новохолмогорский (Архангельский) «город»; 1613 г., 1621 г. – деревянный острог, затем деревянный Холмогорский «город»; 1668–1687 гг. – каменный Архангельский «город» в составе комплекса Гостиных дворов; 1701–1712 гг. – двинской (Новодвинский) «город». Ни одного «переноса» одного «города» в другой в этой плотной череде военных строительства письменные источники не зафиксировали.

Во второй половине, а особенно к концу XVIII столетия в официальных губернских документах такие определения, как «Архангельская губернская канцелярия», «Архангельский город», «архангельский купец», сначала робко, а потом энергичнее вытесняют прежние – «Архангелогородская губернская канцелярия», «архангелогородский купец» и т. д. Даже сегодня употребляется термин «архангелогородец», а не «архангелец». Это также видно по прошениям на «отпуск» в море купеческих судов [*ГААО*. Ф. 4. Л. X]. В 1735 г. в Санкт-Петербург из устья Двины ушли новопостроенные корабли, а «спуск тем кораблям был первому июня 22 дня, имя ему Город Архангельск, второму июля 15-го, имя ему Северная звезда» [*ПСРЛ*, 1977, с. 209].

Еще в указе Петра I в 1713 г. проводится «линия» на историческую память имен архистратига Михаила, на Архангельский монастырь и церковь Михаила Архангела как носителей этой «памяти»: «Нынешняя святая церковь была, до создания Града построен Архангельской монастырь и город Архангельской звание свое имеет по той

Архистратига Божия Михаила церкви...». После гибели во время пожара Архангельского монастыря на его месте в деревянном городе была построена деревянная церковь Происхождение Честного и Животворящего Креста с приделом во имя Чуда Святого Архангела Михаила. Упомянув о гибели здания во время пожара 1738 г., «Двинской летописец» называет этот храм именем Михаила: «...июля 4 в деревянном бывшем городе церковь Михаила Архангела сгорела» [ПСРЛ, 1977, с. 211], т. е. по приделу был назван в «Двинском летописце» весь храм. Вероятно, именно так и воспринимался храм в сознании населения на протяжении 100 лет.

В писцовых книгах 1622–1624 гг. сохранилось описание двух наиболее древних икон с образом Михаила Архангела: «А в церкви и Архистратига Михаила образов: образ чуда Архистратига Михаила на золоте. Венец и гривны серебряны, золочены, у образа пелена бархат рыт черват; образ Архистратига Михаила ж на золоте, венцы и цаты серебряны золочены, у образа пелена бархат рыт, шелк зелен на белой земле... образ Архистратига Михаила и Гавриила на красках» [Ясински, Овсянников, 1998, Т. II, с. 192].

С 1740-х гг. в написании иконописцами образа Михаила Архангела можно отметить следующую тенденцию: стремление связать образ архистратига непосредственно с реальным Архангельским городом – все элементы изображенного архитектурного стаффажа полностью отвечают конкретным каменным и деревянным постройкам в районе Пур-Наволока. И этот прием художников-иконописцев, безусловно, имеет свое объяснение: фигура архистратига Михаила в античных воинских доспехах, в развивающемся красном плаще за плечами зримо создает эффект присутствия архангела-воина в реальном городе середины XVIII в. Прихожане, посещавшие храм, где были подобные иконы, узнавали городскую застройку, здания, берег Двины, забранный бревенчатым обрубом. Отметим наиболее интересные иконы (середины XVIII в.), этого цикла (рис. 1, 2*). Обе иконы опубликованы [Лолыкова, 1986, с. 497–508; Кольцова, 2009, с. 150; Ясински, Овсянников, 1998, Т. I, с. 155, 233]. Можно с уверенностью говорить о том, что появление подобных икон – явление далеко не единичное, а довольно четко прослеживаемая с XVI в. общерусская тенденция [Мусин, 2006, с. 491–524]. Это мнение подтверждается и тем фактом, что на некоторых иконах наряду с изображением архистратига Михаила присутствует и храм в честь его.

Рис. 1. Григорий Попов. Архангел Михаил с видом Архангельска. Икона, 1741 г.

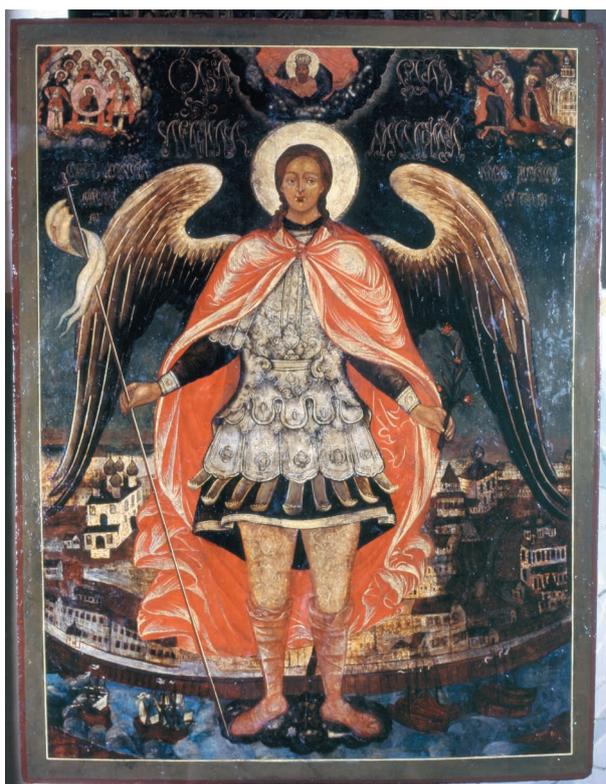

Рис. 2. Архангел Михаил с видом Архангельска. Икона, середина XVIII в.

Использование топонима «город» архангельскими и вологодскими мужиками по отношению к «Архангельску» вплоть до начала XX в. побудило некоторых исследователей считать этот топоним неким сакральным именем в географии Русского Севера. Напомним, что в Нижнем Подвинье с 1578 г. «Архангельский город» оставался

* Благодарим Татьяну Михайловну Кольцову, доктора искусствоведения, заведующую отделом древнерусского искусства Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера», за предоставленные цветные иллюстрации икон Архангела Михаила на фоне Архангельска.

единственной крепостью. Это способствовало появлению устойчивой топонимической традиции в широком употреблении нового топонима – «город». На протяжении всего XVII в. оба топонима широко использовались, и к концу столетия стали нормой. Примеры употребления этих топонимов в письменных документах носят массовый характер. Это побуждает нас считать, что решение поднятой Н. М. Терехихиным проблемы из области метафизики целесообразнее перевести в область топонимических исследований.

Трудно согласиться с тем, что «Архангельск» – это имя. В русском языке всё-таки принято считать, что «имя» – это, прежде всего, «личное название человека, даваемое при рождении» [Ожегов, 1953, с. 216]. Наименование «Архангелогородский», а гораздо позднее «Архангельский», как и «Архангельск», не является производными от ИМЕНИ, это трансляция статусного положения архангела святого Михаила (был и второй архангел – Гавриил). Монастырская колонизация в северорусских землях оказала значительную поддержку Москве в борьбе с Великим Новгородом в XIV–XV вв. Около 1371 г. Дмитрий Прилуцкий, друг и исповедник преподобного Сергия Радонежского, основал Спасо-Прилуцкий монастырь. Около 1397 г. другой ученик Сергия Радонежского, монах Кирилл из Московского Симонова монастыря, основал Успенский Кирилловский монастырь, а в 1409 г. сподвижник Сергия Радонежского, Ферапонт, основал монастырь с собором Рождества Богородицы. Вот эти основатели знаменитых северных монастырей и дали ИМЕНА поселений, впоследствии появившихся у монастырских стен – Кириллов, Прилуцк, Ферапонтово.

Затронутые нами вопросы являются лишь частью большого комплекса проблем, связанных с возникновением, развитием и судьбами русского города на Поморском Севере. Городские реформы XVIII в., по которым все уездные центры получили статус «города», подвели своеобразную черту под средневековым пониманием термина «город» – крепость. Как писал А. А. Кизеветтер, «жалованная грамота городам 1785 г., данная российским городам Екатериной II, впервые провозгласила совершенно новые понятия о городе и городском обществе, а также изменила порядок управления городом» [1905, с. 46–47].

Название нашей статьи – «Город Архистратига Михаила», но такой топоним никогда не встречался, он и не упоминается ни в одном письменном документе. Мы воспользовались лишь литературным приемом и полностью согласны с В. В. Крестининым, что город «прозван Архангельским по монастырю сегож имени».

ГААО*. Ф. 4. Оп. 9. Д. 86. Л. X.

ГААО. Ф. 57. Оп. 2. Д. 566. Л. 1.

РА СПб. ФИРИ РАН*. Ф. 10. Оп. 2. Д. 254. Л. 2 об. – 3 об.

РО БАН*. Рукописное собрание. Д. 618. Л. 95, повторение этого текста на Л. 134.

РО БАН. Рукописное собрание. Д. 618. Л. 111–111 об.

РО БАН. Рукописное собрание. Д. 618. Л. 111 об. – 112.

Собрание А. А. Титова. № 4682 // РО НПБ.

Акты Лодомской церкви Архангельской епархии // Акты Холмогорской и Устюжской епархии. – Кн. 3. Приложение. – СПб., 1908. – Т. XXV. – [С. 461–648]. – (Российская историческая библиотека ; т. XV).

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. – СПб. : Тип. П отд-я собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. – Т. I : 1294–1598 гг. – 551 с.

Акты Холмогорской и Устюжской епархии. – Ч. 2. – СПб. : Тип. А. Катанского и К°, 1894. – [739 с.]. – (Российская историческая библиотека ; т. XIV).

Ангел // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – М. : Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2001. – Т. III. – С. 473.

Ангелология // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – М. : Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2001. – Т. II. – С. 300–306.

Андреев В. Ф. О дате основания Михайловского Архангельского монастыря // Культура Русского Севера. – Л., 1988. – С. 67–70.

Голубцов А. Н. Чиновники Холмогорского собора // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1903. – Кн. IV. – XLII, 286 с.

Дагорон Ж. Император и священник: этюд о византийском «цезарепапизме» // пер. и коммент. А. Е. Мусина. – СПб. : Нестор – История : Филолог. фак. СПбУ, 2010. – 480 с.

Древняя Российская Вивлиофика, изданная Николаем Новиковым. – М. : Тип. Компании типографской, 1788. – Ч. VI. – 506 с.

Иконы Русского Севера. Шедевры древнерусской живописи Архангельского музея изобразительных искусств : каталог / вступ. ст. Э. С. Смирновой, О. Н. Вешняковой. – М. : Сев. паломник, 2007. – Т. II. – № 182.

Кибирев М. Ф. Архангельск [Архитектура]. – Архангельск : Кн. изд-во, 1959. – 40 с.

Кизеветтер А. А. Русское общество в восемнадцатом столетии. – Ростов н/Д. : Дон. Речь, 1905. – 48 с.

Кольцова Т. М. Искусство Холмогор XVI–XVIII веков. – М. : Сев. паломник, 2009. – 648 с.

* Названия документов из ГААО, РА СПб. ФИРИ РАН, РО БАН есть в тексте статьи. – *Примеч. ред.*

Краткое и историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. – Архангельск : Типолит. наследников Д. Горяйнова, 1898. – Вып. I. – VI, 371 с.

Крестинин В. В. Исторические начатки о двинском народе, древних, средних, новых и новейших времен, сочиненные Василием Крестининым, архангелогородцем, гражданином. – СПб. : Изданием Имп. Акад., 1784. – Ч. I. – 46 с.

Крестинин В. В. Краткая история о городе Архангельском, сочиненная архангелогородским гражданином Василием Крестининым. – СПб. : Имп. Акад. наук, 1792. – 274 с.

Крестинин В. В. Начертание истории города Холмогор. Сочинено архангелогородским гражданином Васильем Крестининым. – СПб. : Имп. Акад. наук, 1790. – VI, 44 с.; табл.

Макарий, епископ. Христианство в пределах Архангельской епархии // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. – М., 1878. – Кн. 3. – С. 5–95.

Мусин А. Е. Соборные округа древнерусского города: от сакральной топографии к иеротопии // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. – М., 2006. – С. 491–514.

Носов Н. Е. Опыт генеалогических изысканий по истории зарождения крестьянских торгово-промышленных капиталов в России // Вспомогательные исторические дисциплины. – Л., 1968. – Т. I, сб. 1. – С. 227–268.

Носов Н. Е. «Торговый мужик» XVI века (историко-бытовые заметки) // Проблемы истории феодальной России. – Л., 1971. – С. 118–121.

Овсянников О. В. Люди и города средневекового Севера. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1971. – 80 с.

Овсянников О. В. Оборонительные сооружения севернорусских городов: Архангельск, Каргополь, Холмогоры, Сольвычегодск // Летопись Севера. – М., 1972. – Вып. 6. – С. 211–223.

Ожегов С. В. Словарь русского языка. – Изд. 3-е. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. – 848 с.

Полякова О. А. Иконы с изображением архитектурных памятников в собрании музея «Коломенское» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1986. – Л., 1987. – С. 497–508.

Попова Л. Д. Архангельск. Очерк истории строительства (конец XVI – начало XX вв.). – Архангельск : Правда Севера, 1994. – 162 с.

Попова Л. Д. Сакральная семиотика Северного города. – Архангельск : Соломбальская тип., 2015. – 287 с.

ПСРЛ. Холмогорская летопись. Двинской летописец. – Л. : Наука, 1977. – Т. 33. – 252 с.

Сибирцев И. Исторические сведения из церковно-религиозного быта г. Архангельска в XVII в. и первой половине XVIII в. – Архангельск : Типолит. наследников Д. Горяйнова, 1894. – 128 с.

Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. Приложение к IX тому «Записок Императорской Академии наук». – СПб., 1866. – № 3. – 96 с.

Теребихин Н. М. Метафизика Севера. – Архангельск : Помор. ун-т, 2004. – 272 с.

Теребихин Н. М. Сакральная география Русского Севера (Религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры). – Архангельск : Помор. гос. ун-т, 1996. – 223 с.

Харузин Н. Н. Русские лопари (очерки прошлого и современного быта). – М. : Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1890. – 483 с. – (Известия Императорского общества любителей естествознания, этнологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете ; т. 66 : Труды Этнографического отдела ; т. 10).

Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV в. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1903. – Ч. II. – VI, 184 с.

Ясински М. Э., Овсянников О. В. Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский Север: проблемы и источники. – СПб. : Центр «Петербургское востоковедение», 1998. – Т. I. – 464 с. ; Т. II. – 432 с.

V. V. Bryzgalov¹, O. V. Ovsiannikov²

¹*Arkhangelsk scientific centre, UB RAS,*

²*Institute for the History of Material Culture, RAS*

CITY OF ARCHISTRATIGA MIKHAIL: FATE ON THE NAME (sources and opinions)

In the article a question is examined about the origin of the name of city of Arkchangel on the basis of historical documents, and also with changes in the name cities that happened in subsequent centuries. In he was named the beginning – Novocholmogorski city, after is the Archangelic city or City Archangelic. A province form in 1708, on the decree of Peter I, carried the name of Archangelogorodskaya, and after a statement by Catherine II on April, 21 a 1785 g of decree is “Deed on rights and benefits to Cities of Russian Empire” a city it was begun to name is Arkchangel. All these names of communication with the monastery of archangel Mikhail, but only not with the name of archstratig is Mikhail, and with his status is an archangel.

Keywords: Archangel monastery, archangel, angel, Mikhail, city of archangel, Archangelogorodskai province, Archangel.

**НАСЛЕДСТВЕННЫЕ ПРОЗВИЩА КРЕСТЬЯН КОЛОМЕНСКОГО УЕЗДА
В XVII–XVIII ВЕКАХ: СОЦИАЛЬНЫЙ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

В Центральной России наследственные прозвища (прозвания) у крестьян складываются в XVII–XVIII вв. с целью избежать омонимии в связи с отказом от традиционных имен и переходом на календарный именованослов. Процесс появления прозваний отображает особенности развития микрорайонов и конкретных родов. На начальном этапе государство фиксировало прозвания (расценивая их как вариант прозвища) с целью более точно установить личность заносимого в писцовые и переписные книги крестьянина. В XVIII в. произошел отказ государства от официального признания крестьянских фамилий, и они до второй половины XIX в. существовали неофициально.

Ключевые слова: антропонимика, появление фамилий, крестьянские фамилии.

Антропонимия русских крестьян – тема в филологическом отношении хорошо разработанная. Изучался и репертуар имен, и структура, и региональные особенности. Тем не менее проблема формирования фамилий у крестьян почти не выходит за границы языковедения и не использовала весь свой потенциал, чтобы обогатить новым знанием смежные дисциплины, например историю. Учитывая относительную скудность источников по крестьянству России XVII–XVIII вв. любой новый освещенный аспект представляет значительный интерес.

Процесс складывания фамилий у русских крестьян в большинстве работ скорее постулируется и иллюстрируется, чем изучается. В. К. Челищев рассматривает исключительно формирование наследственных прозвищ знати [1959, с. 109–125]. Б. О. Унбегаун, сосредотачиваясь главным образом на вопросах структуры фамилии, без каких бы то ни было ссылок утверждает, что «у крестьян за немногими исключениями не было наследственных фамилий вплоть до отмены крепостного права в 1861 г.» [1995, с. 16].

В классическом труде В. А. Никонова [1988] есть ряд важных замечаний о процессе складывания фамилий в русском крестьянстве, но в центре внимания автора (как и вынесено в заглавие его работы) – географический аспект распределения фамилий, и уже через это делаются исторические реконструкции. В последнее время появляется много работ, посвященных региональной антропонимии, но и здесь филология превалирует над историей. Филологическая антропонимика сосредоточена главным образом на чисто языковых явлениях и часто сводится к составлению общих или региональных антропонимиконов [Комарова, 2000, с. 125–130]. Всё это приводит к сужению картины важнейшего общественного явления – появления фамилий (а значит, и выделению обозначаемых ими семей и родов). Например, вывод диссертации Е. Ю. Сидоренко: «В России в XVIII в. развернутая формула именованослова находилась в большой зависимости от характера документа, а также от того, к какому классу, сословию принадлежал именованный. Большую роль играет общественное и материальное положение именованослова» [Сидоренко, 2005, с. 20]. Выводы бесспорные, но на их примере ярко видно отличие исторического подхода к изучению проблемы становления фамилий в среде крестьян от филологического. Историк начинает с критики источника, чтобы рельефнее представить содержащуюся в нем информацию, для филолога же разнородность источников – помеха, замутняющая картину.

Складывание русской системы именованослова – процесс нелинейный, имеющий региональные особенности и, что особенно важно для микросоциальных исследований, обладающий потенциалом маркеров социальных процессов и явлений, которые никак иначе в массовых источниках не отражаются. Действительно, если очевидна взаимосвязь почти повсеместного бытования устойчивых наследственных прозвищ (прозваний, фамилий) среди свободных северорусских крестьян и меньшая распространенность таковых среди закрепощенных крестьян Центра, то мы вправе предположить, что и наличие в Центре у некоторых крестьян наследственных прозвищ не случайно.

А. В. Суперанская, А. В. Сусллова, относя появление официальных фамилий среди крестьян к пореформенному периоду, тем не менее признавали, что «так называемые уличные, или деревенские, фамилии у русских крестьян существовали очень давно», однако они не были юридически закреплены и потому оставались нестабильны [1981, с. 43]. Официально получали фамилию в XVIII–XIX вв. только те крестьяне, которые шли в отход или брались помещиками в услужение [Там же, 1981, с. 22].

В. А. Никонов, отстаивавший теорию распространения фамилий из единого центра (Италии) на север и затем на восток (вплоть до России), выделяет следующие социальные особенности образования фамилий: «1. Распространение фамилий... не охватывало сразу всю территорию страны. Оно зависело от уровня социально-экономического развития... 2. Фамилия социальна... В сословном строе она стала сословной привилегией... 3. В одном социальном слое не все семьи сразу приобретали фамилию... 4. Фиксация фамилии в документах очень отстает от ее появления... 5. Законодательные акты, делающие фамилию обязательной, всюду поздние...» [Никонов, 1988, с. 27].

В настоящей статье на основе массовых источников (писцовых и переписных книг) автор попытался выявить некоторые закономерности распространения прозвищ в Коломенском уезде XVII – начала XVIII вв. Были исполь-

зованы: писцовая и переписная книга Коломенского уезда писца Семена Усова и подьячего Герасима Михайлова 135 и 136 гг.* (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 203, 204, 9273); переписная книга 154–155 гг.** Федора Неелова и подьячего Григория Богданова (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 205, 206); переписные книги Коломенского уезда переписи стольника Афанасья Тимофеева сына Савелова 1706 г. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 9276, 9277).

Собственно фамилии – термин весьма поздний и весьма обязывающий. Н. В. Подольская определяет его как «наследуемое официальное именование, указывающее на принадлежность человека к определенной семье» и относит с латинским *cognomen* [1978, с. 155]. В определении фамилии важны два момента: устойчивость и официальное признание. Что касается устойчивости, то Институт этнографии АН СССР рекомендовал считать фамилией «наследственное имя семьи, устойчивое не менее как в трех поколениях» [Никонов, 1988, с. 29]. Что касается официального признания, то при обращении к историческому материалу оно подразумевается: мы оперируем только тем, что отражено в источниках и, таким образом, признано или допущено властью.

Для периода XVII–XVIII вв. при описании наследственных прозвищ предлагаю пользоваться термином «прозвище», он не так строг, как «фамилия», поэтому не вызовет ненужных споров. Н. В. Подольская (со ссылкой на употребление термина еще в «Словаре Академии Российской» 1794 г.) дает «прозвищу» следующее определение: «Вид антропонима. Имя, которое имел весь род исстари и каждый в него входивший» [1978, с. 115].

Формально наследственное прозвище (прозвание) чаще всего указывается третьим элементом имени, например: Федка Никонов сын Беляев, Васка да Ермолка Григорьевы дети Брыкова (формальная структура может быть выражена как ИОсФ, где И – имя, О – отчество, с – сын, Ф – фамилия/прозвание). Возможен вариант, когда связкой/разделителем между отчеством и фамилией служат не «сын» («дети»), а «прозвище» (п): Гараско Иванов прозвище Цыбулин, Онофрейко Сергеев прозвище Воробьев, Митка да Панко Васильевы прозвище Миляевы (ИОпФ). Третьим, весьма редким вариантом было одновременное использование обеих связок: Якушко Федоров сын прозвище Чужово (формальная структура – ИОспФ). Динамика соотношений этих вариантов на протяжении 80-летнего изучаемого периода крайне интересна (табл. 1).

Таблица 1

Варианты связки прозвания с именем и отчеством, %

Вариант связки	135 г. (1627/1628)	155 г. (1646/1647)	1706 г.
ИОсФ	11,50	75,23	100,00
ИОпФ	84,96	18,58	
ИОспФ	3,54	6,19	

Если в 1620-х гг. преобладала связка «прозвище», то через два десятилетия доминировала связка «сын» («дети»). В начале периода использования прозваний они воспринимались как вариант прозвища, поэтому и использовалась традиционная для прозвища связка. Именно потому государство не только допускало официальную регистрацию прозваний, но и постоянно настаивало на ней в наказах писцам. Важно было как можно точнее (полнее) описать зависимого человека, поэтому записывали все варианты его именованья.

Рассмотренные варианты совершенно четко выделяют три элемента антропонимической конструкции: имя, отчество и прозвание. Сложности возникают, когда прозвание стоит вторым элементом двухчастной конструкции, на месте отчества (такая практика хорошо известна и теперь в неофициальном стиле). Отделить отчество от фамилии можно на основании двух критериев: отчество – производное от, во-первых, календарного, а во-вторых, полного имени. Екимко Игнатьев, Гаврилко Микитин, Федка Иванов – это сочетание имени и отчества. Микитка Онгульев, Ивашко Дудин, Зинка Тарутин – скорее всего имя + прозвание. Чтобы определить более точно, необходимо досконально исследовать каждый конкретный случай, что источники далеко не всегда позволяют сделать.

Процесс образования наследственных прозвищ в XVII в. среди крестьян Коломенского уезда только шел и порой пересекался с практикой давать человеку второе имя (не из святцев). Это создает спорные ситуации, когда не ясно, является ли употребленное прозвище личным или родовым (прозванием). Такие случаи рельефно показывают двойственную природу прозваний (как и фамилий), которые маркируют как роды, так и каждого конкретного их представителя. Не всегда ясно, где перед нами прозвище (Кузнец, Смолянин), а где просто дополнительное указание на ремесло или происхождение человека.

В 1620-х гг. (см. табл. 2, с. 536) прозвания были наиболее широко распространены в Скулневском (32 % крестьянских и бобыльских дворов), Деревенском (31 %), Маковском (21 %) станах, а также в Алексеевской волости (27 %). Все они расположены в правобережной (западной), лучше освоенной части Коломенского уезда практически компактно (см. рис. 1, с. 536). Эти станы и волости, расположенные между Коломной и Москвой, следует назвать центрами распространения родовых прозвищ в уезде. Все они (кроме Алексеевской волости) упомянуты в самой ранней духовной Московских великих князей – духовной Ивана Калиты 1336 г.

* 135 и 136 гг. – 7135–7136 гг. от С. М. (от сотворения мира), т. е. 1626/1627 и 1627/1628 гг. от Р. Х. – *Примеч. ред.*

** 154–155 гг. – 7154–7155 гг. от С. М., т. е. 1645/1646–1646/1647 гг. от Р. Х. – *Примеч. ред.*

Рис. 1. План Коломенского уезда в XVII в. [по: Мазуров, 2001, табл. 3 (на отд. вкладке) с изм. и доп.]

Таблица 2

Доля дворов с прозваниями по станам и волостям Коломенского уезда

Станы и волости	Первое упоминание, год	135 г. (1627/1628)			155 г. (1646–1647)			1706 г.		
		Всего, чел.	С прозванием		Всего, чел.	С прозванием		Всего, чел.	С прозванием	
			чел.	%		чел.	%		чел.	%
Маковский	1336	201	43	21,39	263	69	26,24	846	567	67,02
Малинская	XVI в.	142	15	10,56	179	28	15,64	258	161	62,40
Деревенский	1336	28	10	35,71	61	19	31,15	178	114	64,04
Алексеевская	XVI в.	120	32	26,67	159	35	22,01			
Брашевский	1336	97	1	1,03	134	34	25,37	167	50	29,94
Раменская	1389	370	9	2,43	500	50	10,00	162	9	5,56
Мещерская	1356	236	4	1,69	397	51	12,85	121	30	24,79
Холмовская	1577	16	0	0,00	17	1	5,88	50	0	0,00
Высоцкая	XVI в.	267	3	1,12	390	3	0,77	580	10	1,72
Усмерский	1336	198	5	2,53	285	42	14,74	371	136	36,66
Крутинская	1406	60	2	3,33	109	13	11,93	144	7	4,86
Мезинская	1336	32	0	0,00	57	4	7,02	58	5	8,62
Дарицкая	XVI в.				44	9	20,45	45	13	28,89
Бол. Микулин	XVI в.	1 204	153	12,71	1 898	564	29,72	2913	1 910	65,57
Комарев	1389	82	8	9,76	127	27	21,26	139	75	53,96
Оглоблинская	1577	71	8	11,27	89	33	37,08	195	97	49,74
Похрянский	1336	282	17	6,03	413	92	22,28	466	285	61,16
Левиченский	1336	83	6	7,23	133	12	9,02	248	177	71,37
Песоченский	1336	142	13	9,15	250	25	10,00	635	359	56,54
Скулневский	1336	56	18	32,14	109	31	28,44	324	247	76,23
Каневский	1336	234	17	7,26	278	44	15,83	617	395	64,02
<i>Итого владельческие</i>		3 921	364	9,28	5 892	1 186	20,13	8 517	4 647	54,56
Дворцовые села					1 316	262	19,91	245	206	84,08

Источники: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 203, 204, 205, 206, 9273, 9276. Подсчет автора. Данные по упоминанию станов и волостей [по: Мазуров, 2005].

Наименее распространены прозвания были в Раменской, Мещерской, Крутинской, Холмовской, Мезинской и Высоцкой волостях, а также в Брашевском и Усмерском станах. Все они сосредоточены на лесистом, малоплодородном левобережье Москвы-реки. При этом Брашевский и Усмерский стан, Мезинская волость – одни из древнейших, а Холмовская и Высоцкая волости упоминаются только со времен Ивана Грозного. Очевидно, длительность существования административной территории для процесса фамилиеобразования была не столь важна, как экономическое развитие.

В 1640-х гг. по распространенности прозваний лидирующие позиции продолжали удерживать Деревенский (31 %), Скулневский (28 %) и Маковский (26 %) станы. Активно шел процесс образования (фиксации) наследственных прозваний в Оглоблинской волости (37 %) и Большом Микулине стане (30 %) – самом большом административно-территориальном образовании, занимавшем треть Коломенского уезда. В лидеры выбился Брашевский стан (25 %), где количество дворов с прозваниями возросло с одного до 34, хотя их общее количество увеличилось всего в 1,4 раза.

В начале XVIII в. наследственные прозвания были наиболее широко распространены в Скулневском (76 %), Левиченском (71 %), Маковском (67 %), Большом Микулине (66 %), Деревенском (64 %), Каневском (64 %) и Похрянском (61 %) станах, а также в Малинской волости (62 %). Все эти административно-территориальные образования также находились в западной, развитой в сельскохозяйственном отношении части Коломенского уезда. Труднее всего прозвания прививались в Холмовской (0 %), Высоцкой (2 %), Крутинской (5 %), Раменской (6 %) и Мезинской (9 %) волостях, расположенных на левобережье Москвы-реки. Интересно отметить, что в левобережной, самой глухой Мещерской волости было 25 % дворов с прозваниями, тогда как в соседней, расположенной при важной транспортной артерии – р. Оке – Раменской волости почти в пять раз меньше.

Таким образом, за восемь десятилетий прозвания из спорадического явления стали преобладающим. Если в 1620-х гг. прозвания были только у 9 % дворов, то через 20 лет доля таких дворов удвоилась, а к началу XVIII в. жители более половины (55 %) дворов имели прозвания. Тенденция была очевидная и устойчивая.

Особенно активно образование прозваний шло в дворцовых селениях. Если в 1640-х доля крестьян и бобылей с прозваниями была чуть ниже, чем по владельческим селениям (19,91 против 20,13 %), то в 1706 г. дворцовые селения значительно опережали владельческие (84,08 против 54,56 %). Особенно выделялось здесь с. Дединово. Уже в 1648 г. здесь из 358 дворов 136 дворов были с прозвищем (самих прозваний было 97). Некоторые роды (прозвания) были представлены несколькими дворами: Савинской, Семаков (по пять дворов), Шамин, Шустов (по четыре двора), Бобылев, Горшков, Олонов, Русинов (по три двора), остальные по одному-два двора. Интересно, что не менее 18 фамилий, упомянутых в 1648 г., сохранились в Дединово до наших дней: Горшков, Гришенской, Долбежев, Есин, Кузнецов, Кислов, Миляков, Нечаев, Олонов, Подзолов, Русинов, Семаков, Сериков, Сорокин, Третьяков, Шемякин, Шмарыкин, Шустов (из этого рода вышел знаменитый «водочный король» Николай Леонтьевич Шустов).

Следует сказать, что это было именно прозвание (фактически складывающаяся фамилия), а не «второе отчество» («дедичество»). Это доказывается как большим количеством дворов с носителями одного прозвания, так и тем, что, несмотря на неблагоприятные условия, прозвания в ряде случаев дожили до современности.

В 1706 г. переписные книги, возможно, отражают изменение отношения правительства к официальному признанию крестьянских прозваний. Перепись этого года по Коломенскому уезду состоит из двух книг. Если кн. 9276 отражает использование крестьянами прозваний (именно на ней построены мои расчеты), то кн. 9277 описывает крестьян только по имени и отчеству, причем представлены те же административно-территориальные единицы, что и в первой книге: Большой Микулин стан, Мещерская и Раменская волости. Если в кн. 9276 с прозванием показаны 66 % крестьян Большого Микулина стана, то в кн. 9277 только у 1 % жителей того же стана есть наследственные прозвища. Очевидно, что вторая книга совершенно не передает реальное положение дел с использованием прозваний в крестьянской среде. Возможно, это отражение изменившегося взгляда правительства на допустимость наличия прозваний (фамилий) у крепостного населения. Наличие фамилии стало рассматриваться как сословная привилегия, и государство ограничило его официальное употребление. Крестьянские прозвания, как и прозвища, вытеснились в область неофициального общения на уровне селения. Окрепшее государство почувствовало, что может жестко контролировать население и по имени и отчеству.

Источники второй половины XVIII в. по Коломенскому уезду (исповедные ведомости, а также ревизские сказки, сохранившиеся только для территорий, вошедших в состав новообразованного Егорьевского уезда Рязанской губернии) описывают крестьян без фамилий. Без фамилий крестьяне Коломенского уезда значатся, кроме того, и в пяти ревизиях XIX в.

Процесс практически поголовной утраты фамилий еще ждет своего исследователя. Высказанное предположение, что абсолютистское государство культивировало сословное расслоение и наличие фамилии сделалось важным показателем принадлежности к привилегированным классам, пока остается рабочей гипотезой.

Второе рождение фамилий у крестьян Коломенского уезда произошло во второй половине 1870–1880-х гг. Процесс легализации прозваний, сосуществование официальных и уличных фамилий занял не только конец XIX, но и значительную часть XX вв. [Симина, 1969, с. 27–34].

Из сказанного можно сделать следующие *выводы*:

1) Образование прозваний (наследственных родовых прозвищ) по материалам Коломенского уезда активно проходило в XVII в., убыстряя темпы к концу столетия. Вероятной причиной было изживание древнерусской

системы имен (с практически неограниченным антропонимиконом, при этом нередко для обозначения конкретного лица было достаточно мононима), которые заменялись именами по святам. Всё это приводило к увеличению омонимии.

2) Для точного определения человека в дополнении к имени и отчеству потребовался третий элемент – прозвание. Новация прижилась в крестьянской среде изучаемого уезда. Прозвания получила большая часть населения, они стали устойчивыми.

3) На первом этапе (начало XVI в.) прозвание рассматривалось как вариант прозвища, но к середине столетия оно было осознано как совершенно особый элемент.

4) На первом этапе государство было заинтересовано регистрировать прозвания, чтобы надежнее прикрепить к земле и владельцу конкретного крестьянина. Таким образом, прозвания получили официальный статус. В совокупности с устойчивостью это давало основания говорить о складывании фамилий у крестьян уже к концу XVII – началу XVIII вв.

5) Одновременно с желанием точно и полно отобразить именование человека существовала и тенденция сохранить фамилии только за привилегированными сословиями. В итоге именно эта тенденция победила. Официальные источники начинают отказываться от регистрации прозваний. Возрождение фамилий происходит только через полтора века – уже в пореформенный период.

6) Пройдя сквозь стихию народного неофициального именования в XVIII – первой половине XIX вв., в большинстве мест старые прозвания не сохранились. Фамилии, узаконенные в конце XIX в., с ними никак не соотносятся. Старые роды разделились, появившиеся ветви утратили память об общем происхождении. Исключение составляют селения с древними и сильными традициями именования по прозвищу (например в с. Дединово).

7) В XVII в. прозвания появлялись неравномерно по территориям и родам. Это дает возможность маркировать определенные особенности развития этих территорий и проживавших на них людей, что является очень важным в микроисторических исследованиях.

8) Показателями развития родовых прозвищ служат доля дворов с прозвищем и количество дворов на одно прозвание (род).

Комарова Л. Э. Материалы для словаря русских фамилий Зауралья (по памятникам письменности XVII–XVIII вв.) // Лингвистические аспекты речевой культуры. – Тюмень, 2000. – С. 125–130.

Мазуров А. Б. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI вв. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого русского государства. – М. : Александрия, 2001. – 542 с.

Никонов В. А. География фамилий. – М. : Наука, 1988. – 192 с.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – М. : Наука, 1978. – 198 с.

Сидоренко Е. Ю. Система русской региональной антропонимии начального периода становления русского литературного языка (на материале памятников деловой письменности XVII в. г. Тобольска) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2005. – 22 с.

Симина Г. Я. Фамилия и прозвище // Ономастика. – М., 1969. – С. 27–34.

Суперанская А. В., Сулова А. В. Современные русские фамилии. – М. : Наука, 1981. – 176 с.

Унбегаун Б. О. Русские фамилии. – М. : Прогресс, 1995. – 441 с.

Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий (вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв.). – М. : Учпедгиз, 1959. – 128 с.

M. B. Zheltov
Relief-Centre, Ltd., Ryazan

SURNAMES OF PEASANTS OF THE KOLOMNA UYEZD IN 17–18th CENTURIES: SOCIAL AND GEOGRAPHIC ASPECTS

The advent of surnames among the peasants of the Central Russia in 17–18th centuries was in order to escape homonymy of the new system of naming based on Christian names. This process refers social peculiarities of places and families. Until 18th century the government recognized peasant surnames and wrote them in census, but then they existed only unofficial.

Keywords: Russian anthroponomastics, advent of surnames, peasant surnames.

ТРАДИЦИОННЫЙ РУССКИЙ БЕРЕСТЯНОЙ КОРОБ

Автором изучено изделие из бересты для переноски легких грузов – короб, изготовленный в первой половине XX в., найденный местным жителем в заброшенной деревне в Тарском районе Омской области и хранящийся в частной коллекции. В статье описана технология производства предмета, а также результаты эксперимента по изготовлению макета короба из бумаги. Отдельно рассмотрены узлы, которыми к коробу были привязаны ремешки, служившие ляжками. Автор предполагает, что техника завязывания таких узлов аналогична той, которую использовали жители Тары в XVII–XVIII вв. и которая известна по материалам раскопок. По мнению исследователя, такие предметы могут быть предметом археолого-этнографических исследований.

Ключевые слова: короб из бересты, этноархеология, емкости для переноски легких грузов, народная традиция.

Взвалил косолапый короб на спину и пошел в деревню.
Русская народная сказка «Маша и медведь»

Я полагаю, что есть такие феномены культуры, хозяйственные, социальные или иные процессы, категории предметов, которые существуют/существовали на протяжении многих столетий, а то и тысячелетий и могут быть, даже должны быть исследованы комплексно, с использованием методов и источников археологии и этнографии. Такой подход позволяет рассмотреть истоки происхождения и формирования вышеназванных феноменов, процессов, предметов, динамику развития, использования их разными народами. До недавнего времени предметом моих работ были социальная структура, палеодемография, пути сообщения и т. д., в последние годы к ним добавились узлы на веревках. В статье будут изложены результаты первого опыта изучения – берестяного короба (емкости для переноски нетяжелых грузов), найденного на чердаке заброшенного дома в д. Баженово Тарского района Омской области. Короб является традиционным бытовым предметом в культуре многих народов, в том числе и у русских. И в этом его ценность, поскольку можно предполагать, что некоторые его элементы существовали, по крайней мере, три столетия. Изготовление таких предметов было известно со времен Древней Руси [*Древняя Русь...*, 1997, табл. 37, с. 283]. Сведения об использовании берестяных коробов есть и в русском фольклоре, например в сказке «Маша и медведь»^{*}.

В июле 2016 г. Ю. А. Белов – сотрудник стадиона «Олимп» (г. Тара, Омская область) любезно предоставил автору возможность изучить хранящийся у него берестяной короб. Предмет был найден одним из жителей Тарского района несколько лет назад и передан указанному сотруднику, по словам которого, короб был местного изготовления и ему «навверное, лет 100». Высота предмета около 55–60 см (рис. : 1, 3, с. 540) ширина – примерно 35 см (рис. 1: 2, 4), толщина в нижней части – 20 см, диаметр устья – 35–38 см (рис. 1: 5). Не берусь судить о возрасте и месте изготовления предмета, поскольку информации о нем в поле не собирал. Однако вещь действительно старая, что хорошо видно по состоянию бересты, и, полагаю, сделана традиционным способом.

Технология изготовления короба. Основой предмета послужило берестяное полотно длиной не менее чем 1,4 м и около 1 м шириной, т. е. оно было снято с березы диаметром около 33 см, причем без сучков в месте снятия бересты. Предположу, что в наши дни таких берез не осталось либо заготовители бересты ищут подходящие деревья не в тех местах. Это предположение основано на описании процедуры заготовки бересты, размещенной на многочисленных сайтах Интернета: все как один советуют снимать бересту узкой лентой, а не полотнищем. Однако из этнографии известно, что охотники и рыболовы сибирской тайги для изготовления чумов снимали бересту именно полотнищами.

Очевидно, что после снятия бересту предварительно обработали, поскольку полотно чистое, без надразов, а его края достаточно ровные. Этнографами неоднократно были описаны традиционные способы подготовки бересты: выварка в воде с золой, в рыбной ухе или просто в воде. Современные мастера советуют ленты бересты выдерживать в воде, затем прогладить утюгом. Как готовили бересту для описываемого короба, неизвестно.

Полотно было сложено вдвое, при этом сформировалось дно. Следующая операция – сведение верхней части полотнища для того, чтобы образовалось округлое устье емкости. Логично, что следующим действием было закрепление сведенных вместе боковых частей изделия, для чего была использована неширокая полоса бересты (около 10–12 см), соответствующая высоте короба. Она была скреплена с его боковой частью расщепленной по длине палочкой (черемуха?) диаметром 2,5–3 см и обшита тонким кожаным шнуром внахлест (рис. 1: 2, 4).

Затем углы, образовавшиеся с двух сторон при сведении краев берестяного полотна у дна, были загнуты и скреплены со стенками короба (рис. 1: 4). После этого двумя полосами бересты, соединенными в «замок» под

^{*} Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. – Л. : Наука, 1979. – С. 83 (Сказки о животных. – 179* Медведь (волк) захватывает девушку, собирающую в лесу грибы, девушка обманом освобождается...). – *Примеч. ред.*

нижней частью короба мастер укрепил его дно и широкую боковую часть (рис. 1: 6). Для надежности в середине боковины лента была прошита «крестом» вместе со стенкой (рис. 1: 1, 3). Судя по неровным краям боковых лент (рис. 1: 4), их от полотнища оторвали руками, а не обрезали ножом или ножницами. Следующее действие – обшивка верхней части короба поверх уже имеющихся лент полосой бересты, на которую потом внахлест пришили тонким кожаным шнуром расщепленный надвое и свернутый в кольцо прут (черемуха?) (рис. 1: 1–5).

Наконец, к вертикальным палочкам по бокам короба в качестве лямок привязали кожаные ремешки шириной около 1 см (рис. 1: 7). Это позволяет предположить, что груз, который переносили в коробе, был невелик или же под лямки что-то подкладывали, чтобы они не резали плечи. Не исключено, что при переноске тяжелого груза лямки или дно короба поддерживали руками. Немыслимо запутанные узлы из матерчатых лент на одной из вертикальных палочек – явление вторичное, поскольку они расположены поверх кожаных ремешков.

Знакомство с литературой показывает, что ученые время от времени публикуют такие изделия. Например, на обложке коллективной монографии [Традиционно-бытовая и природно-средовая культура, 2008] помещена фотография мужчины с коробом за спиной (рис. 1: 8). Отметим, что на этом снимке изображен абсолютно другой тип короба: у него иначе сделано дно, не такие ремни, полотно для короба сшито из нескольких кусков бересты, боковой угол имеет не такой вид и т. д. Совсем другие виды коробов из коллекции ваховских хантов, собранных М. Б. Шатиловым в юртах Чухломеевские (Чухломей-пугол) (рис. 1: 9) и в Большом Ларьяке (Алле-Лар-Ях-Эмтер-пугол) (рис. 1: 10) во время экспедиции 1926–1927 гг. [Лар-ях – народ с заливных лугов..., 2003, с. 56, 62], публикуют Я. А. Яковлев, Н. А. Тучкова и А. Г. Тучков. Иными словами говоря, источники для изучения подобных предметов имеются.

Рис. 1. Короб из Баженово и его аналоги:

1–4 – вид короба с разных сторон; 5 – устье короба; 6 – «замок» на боковой ленте; 7 – узел на лямке; 8 – обложка книги; 9–10 – хантыйские короба

Любопытны узлы на ремешках короба. Их сохранилось два (рис. 2: 1–5). Поскольку я не нашел узлов такого вида в известной мне литературе, был изучен способ их завязывания (рис. 2: 6–9).

Рис. 2. Узлы на коробе:

1–5 – узлы на лямках (1–2 – левая сторона; 3–5 – правая сторона; 5 – узел с полуштыком); 6–9 – последовательность завязывания узла; 10–11 – поршень XVIII в. из раскопок Тарской крепости

Для того чтобы вывязать узел, коренной конец ремня (т. е. конец, который не двигают и вокруг которого обводят другой конец ремня – ходовой) просовывали под вертикальную расщепленную палочку, прикрепленную к коробу (при моделировании узла был использован вертикально стоящий столбик) (рис. 2: 6), и, вытянув, сгибали вдвое (рис. 2: 7).

Потом ходовой конец ремня проводили в разрез на коренном конце (рис. 2: 8) (опытным путем было установлено, что такой разрез проще сделать на согнутой пополам коже, чем разрезать кожу на твердой поверхности). Затем необходимо было обвести согнутый коренной конец и пронести ходовой конец в образовавшуюся петлю (рис. 2: 9). Второй узел был завязан точно так же, но «законтрен» полуштыком (рис. 2: 5). При изучении этого узла оказалось, что вполне возможны и другие варианты его завязывания. Не исключено, что такой способ (прорезь в ремне и закрепление ходового конца через нее) – тарское «ноухау», поскольку с такой манерой закрепления ремней я познакомился, когда изучал ремешки на поршнях, полученных при раскопках Тарской крепости в культурных слоях XVIII столетия (рис. 2: 10–11).

Пока мне неизвестны статьи археологов, в которых были бы детально проанализированы коробка из бересты, поскольку к рассмотрению этой темы я приступил недавно. Вероятно, отсутствие публикаций связано с тем, что крупные берестяные изделия (короба, туеса, чехлы и т. д.) хорошей сохранности знакомы археологам преимущественно по публикациям этнографов либо по редким находкам при раскопках поздних памятников. Однако берестяная утварь бытовала и в Средневековье, и в более ранние эпохи, и она может быть предметом этнографо-археологических исследований, что я и попытался показать в предлагаемой вниманию читателя работе.

Древняя Русь. Быт и культура. – М. : Наука. 1997. – 368 с.

Лар-ях – народ с заливных лугов: этнографическая коллекция ваховских ханты в Томском областном краеведческом музее. – Томск : ГалаПресс, 2003. – 80 с.

Традиционно-бытовая и природно-средовая культура народов Сибири, ее место в этнологии и этнической экологии / А. И. Казанник, С. Ф. Татауров, К. Н. Тихомиров, Н. А. Томилов. – Омск : Изд-во Ом. пед. ун-та ; Издат. дом «Наука», 2008. – 214 с.

S. S. Tikhonov

Omsk Division of Institute of Archaeology and Ethnography, SB RAS

TRADITIONAL RUSSIAN BIRCH BARK BOX

The author studied a box – a product from birch bark for transferring of light loads, made in the first half of the 20th century. It was found by the local in the lonely village in Tara's district of the Omsk region, and is stored in a private collection. In article the production technology of a subject, and also results an experiment on production of a prototype of a box from paper is described. Nodes which to a box tied the thongs serving as straps are separately considered. The author assumes that technology of setting of such nodes is similar to that which was used by Tara's inhabitants in 17–18th and which is known on materials of excavation. According to the researcher, such objects can be a subject of archeologo-ethnographic researches.

Keywords: box from birch bark, ethnoarchaeology, reservoirs for transferring of light loads, people's tradition.

УДК 94(571.1)

М. Антонович

Университет Николая Коперника в Торуня (Польша)

СОВРЕМЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛОНИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПРИИРТЫШЬЕ (на территории Западной Сибири)

В статье представлена деятельность полонийных организаций в районах Прииртышья в Западной Сибири. Организации действуют в Российской Федерации с 1990-х гг., и сегодня можно наблюдать изменения в способе их функционирования. Целью этих объединений является, с одной стороны, сохранение памяти и культурной самобытности польской диаспоры, с другой – инициативы, поддерживающие межкультурный диалог. Исследование было проведено этнографическим методом при использовании основных его инструментов – интервью (биографическое, свободное, фокусированное) и включенного наблюдения.

Ключевые слова: полонийные организации, Прииртышье, Омск, польская диаспора.

© Антонович М., 2017

Полонийные организации в Российской Федерации начали свою деятельность в 1990-х гг. Уже с 1992 г. был создан Конгресс поляков в России, который в 2003 г. преобразован в Федеральную польскую национально-культурную автономию «Конгресс поляков в России». Структура организации включает в себя местные общественные польские объединения, работающие по всей России.

В последние 20 лет можно заметить изменения в способе функционирования польских организаций. Это относится главным образом к основным задачам и участникам реализованных проектов. В начальный период деятельности цель полонийных организаций заключалась в проведении курсов польского языка, изучении польских истории и традиций, установлении контактов с польскими семьями и поддержке деятельности Римско-католической церкви в России. Эти мероприятия были направлены главным образом на поддержание национального сознания представителей польской диаспоры. В этот период членами организаций, как правило, были люди, которые идентифицировали себя с поляками или имели польские корни [Romanow, 2010, s. 301–308].

В настоящее время в деятельности полонийных объединений участвуют также лица, не связанные с польским народом, но желающие изучать культуру, язык и историю другой страны. В результате сегодняшние полонийные организации выполняют гораздо более широкую функцию. С одной стороны, они способствуют сохранению культурной самобытности, польской культуры и памяти о польском присутствии на территории бывшего Советского Союза. С другой стороны, независимо от национальности и вероисповедания являются частью межкультурного диалога с местным сообществом. Участие в жизни организаций для некоторых в какой-то степени – это чувство долга, демонстрация принадлежности к данной группе, для других – это путь к развитию языковых, художественных, организационных или гражданских компетенций.

Цель статьи состоит в том, чтобы представить отдельные элементы деятельности полонийных организаций, действующих в Западной Сибири на территории Прииртышья, в частности в сфере обучения польскому языку, а также изучения польской истории и культуры. Инициативы полонийных организаций, которые сегодня адресованы всем жителям Омска и Омской области, будут рассматриваться как действия, направленные на создание межкультурного моста (диалога) здесь.

По мнению польского этнолога Войцеха Ольшевского, современное антропологическое исследование сибирских поляков следует развивать в двух направлениях. Первое направление – это исследование, рассматривающее эту группу как мост, связующий польский и русский народы. Второе направление – исследование современной польской общины в Сибири должно быть сосредоточено на вопросах, связанных с ее культурной самобытностью и поиском текущей трактовки социально-культурных явлений [Ольшевски, 2014, s. 34–38].

В свою очередь, польские сообщества будут определены как «среда централизации группы». По словам Станислава Орсини-Розенберга, это то, «вокруг чего группируются члены, и то, что они считают общими ценностями (офис группы, собственность группы, официальные представители группы и ее символы – флаг, печать, название и т. д.), а также культурные ценности, считающиеся общими и характерными для данной организации» [Orsini-Rosenberg, 1929, s. 14].

Представленный материал был собран в ходе полевых исследований на территории Среднего Прииртышья, в основном в Омске и Таре). Исследование было проведено этнографическим методом при использовании основных его инструментов – интервью (биографическое, свободное, фокусированное) и включенного наблюдения [Atkinson, Hammersley, 2000; Kabzińska, 2003, s. 39–61; Angrosino, 2010, s. 45–60]. Кроме того, был проведен анализ вторичных источников: архивных собраний полонийных организаций* и полонийной прессы, опубликованной в России после 1997 г.

По данным переписи населения, в 2010 г. в Омской области 2 231 чел. относили себя к польской нации [Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.]. Представители этой группы состояли в польских общественных объединениях, а также католических церковных приходах в Омске и Азове**. На рассматриваемой территории функционируют три польские организации: Омская региональная общественная организация «Польское культурно-просветительское общество “Rodzina-Семья”» (далее в тексте: «Rodzina-Семья»), Омская региональная организация «Польский культурно-просветительский центр “Полонез”» (далее в тексте «Полонез») и историко-краеведческий клуб «Полония Прииртышья».

Первые две организации объединяют людей, идентифицирующих себя как поляки, имеющих польские корни, а также «любителей польской культуры». Их деятельность направлена в первую очередь на социально-культурные аспекты. Основные мероприятия включают проведение курсов польского языка, изучение польской истории и культуры, а также ее распространение среди сибирского населения, благодаря участию в локальных мероприятиях, а также сохранение культурной самобытности поляков в регионе [Краевский, 2009, s. 24–25]. В свою очередь, клуб «Полония Прииртышья» объединяет историков-любителей, журналистов, любителей польской культуры, целью которых является популяризация истории польской общины в районах Прииртышья. Деятельность

* Материал, полученный из архивов польских объединений, будет закодирован в следующем порядке: название организации, дата, событие / личность / место, например [Rodzina-Семья, 2003, Празднование 3 мая] или [Полонез, 2009 Пломк].

** Следует отметить, что в с. Азово (Азовский немецкий национальный район Омской области) доминирует немецкое и русское сообщества. Лица, отождествляющие себя с польской идентичностью, составляют небольшой процент.

членов этого клуба сосредоточена главным образом на культивировании памяти об исторических местах. В основном это мероприятия, связанные с возведением памятников, установлением мемориальных досок или крестов на кладбищах [Краевский, 2008, s. 17–18].

В 1998 г. в Омске было основано первое полонийное объединение – Омская региональная общественная организация «Польское культурно-просветительское общество “Rodzina”». В 2008 г. эта организация была реорганизована и изменила свое название: Омская региональная общественная организация «Польское культурно-просветительское общество “Rodzina-Семья”» [Краевский, 2009, s. 24–25]. Во главе организации стояли Евгения Боте (1998–2012), Станислав Курьята (2013–2014) и Валентина Шмакова (2014) [Rodzina-Семья, 2008–2012, годовые отчеты за период 2008–2012 гг.]. Кроме того, «Rodzina-Семья» имеет филиалы в Таре и Азове [Можан, Осинцева, 2009, s. 26].

В 2004 г. была основана еще одна организация – Польский культурно-просветительский центр «Полонез». С самого начала существования центра функцию ее председателя исполняет Любовь Нестерова. Деятельность организации сосредоточена в Омске и в с. Десподзиновка Саргатского района Омской области [Rakowa, 2009, s. 17–18]. Одной из основных инициатив Центра является организация занятий по польскому языку, истории и польской культуре. Они проводятся как учителями, назначенными Центром развития польского образования за рубежом, так и местными польскими активистами [Staroń, 2004, s. 369–386]. Занятия по польскому языку проводили: Агнешка Гжеляк (2005–2007), Барбара Цурило (2007–2010), Иоанна Станкевич (2010–2011), Эльжбета Радэцка (2011–2013), Анна Матусяк (2013–2015), Катажина Марковска (2015–2016). Изучение польской истории и культуры организовали местные активистки – Любовь Нестерова и Вера Макуцкая [Makucka, 2007, s. 29].

В 2006–2007 гг. уроки польского языка проводились под руководством Марии Богуцкой, которая находилась в Омске в рамках стажировки в университете имени Ф. М. Достоевского. Сотрудничество с «Полонезом» она вспоминает в полонийной прессе следующим образом: «К сожалению, в 2006/2007 г. учитель польского языка не приехал, и когда я узнала об этих трудностях, то согласилась вести уроки польского языка в свободное от академических занятий время. Каждую субботу я веду уроки польского языка для детей (в 15: 00) и взрослых (в 16: 00) в базовой школе № 150. Помещение очень хорошо оборудовано (телевизор, CD-плеер, видеоплеер, видеокассеты, книги). Всё это облегчает усвоение материала. Кроме того, в зале присутствуют польские национальные символы, фотографии выдающихся поляков, карта Польши – это создает атмосферу пребывания в Польше. Группы весьма многочисленны. Тематический блок проходим вместе. <...> Занятия по субботам организуются таким образом, что после уроков польского языка каждая группа переходит в музыкальный кабинет и изучает польские песни. Потрясающие музыкальные занятия для детей и взрослых проводит председатель Центра Любовь Леонидовна Нестерова, что не только облегчает учащимся ознакомление с польской музыкой, но и помогает повторению пройденного материала, способствует расширению словарного запаса» [Bogucka, 2009, s. 11].

Кроме групповых курсов, организуются индивидуальные встречи. Занятия проводятся специально для тех, кто готовится к вступительным экзаменам в университеты Польши, полонийным конкурсам и фестивалям, и для проживающих за пределами Омска (жители Тары и Десподзиновки).

Языковые курсы в организации «Rodzina-Семья» проводятся с двумя группами. В первую входят члены организации, владеющие польским на базовом уровне, в другую ходят ученики, которые только начинают знакомство с польским языком. Встречи длятся полтора часа. Число слушателей, посещающих занятия, колеблется от пяти до десяти человек. Отличительной чертой являются частые изменения в составе группы.

Кроме того, организуются встречи для участников танцевально-инструментального ансамбля «Жавороночки» («Skowroneczki») под руководством Ольги Перминовой. Занятия для этой группы проводятся время от времени в зависимости от планируемой художественной деятельности. В состав ансамбля входит от четырех до восьми человек в возрасте от 10 до 14 лет.

В свою очередь, в Центре «Полонез» занятия проходят два раза в неделю. Так же, как в организации «Rodzina-Семья», уроки длятся полтора часа. Жители Омска, участвующие в занятиях, разделены на три группы, каждая изучает польский язык, а также польские культуру и историю. Группы делятся в зависимости от уровня знания польского языка и/или времени, в течение которого участник состоит в организации. В первой группе находятся начинающие изучение польского языка. Во вторую входят слушатели, которые продолжают обучение, а также принимают активное участие во внеклассных встречах, т. е. репетициях ансамбля, концертах, фестивалях. Третья группа состоит из тех, кто наиболее активно участвует в деятельности организации и говорит на польском на коммуникативном уровне. На каждую встречу приходят около 20 чел. Уроки польского языка ведут приехавшие из Польши учителя. В свою очередь, уроки по польской истории и культуре проводит местная активистка Любовь Нестерова. На встречах представляются различные события и исторические деятели, традиционные и современные элементы польской культуры, а также проводятся репетиции танцевально-вокальной группы.

Полонийные организации также сотрудничают с омскими учебными заведениями. На сегодняшний день организованы театральные мастер-классы, мастер-классы по живописи, а также лекции польского языка, истории и культуры Польши [Владимирова, 2011, s. 16].

Полонийные культурные организации проводят встречи, целью которых является ознакомление местных жителей с польской культурой. Примерами таких мероприятий могут быть концерты [Казыдуб, Мулина, 2009, s. 15;

Ладан, 2015, s. 12–13; Шмакова, 2015, s. 17], поэтические чтения и «Дни польской культуры» [Шмакова, 2014, s. 8; 2015, s. 18–19]. Дополнительно совместно с местными органами власти организуются мероприятия, связанные с Омском (например День города, праздник Библиотеки) и, в общем, с Российской Федерацией (например День Победы). В них представляются польские народные костюмы, история и польский фольклор.

Как уже было сказано, в омских полонийных организациях участвуют люди с разнообразным спектром идентификации. На основании интервью можно выделить несколько повторяющихся причин, по которым лица участвуют в жизни польской общины.

Первая группа людей, как правило, в возрасте старше 40 лет (большая часть которых называет себя «сибирскими поляками», «омскими поляками» или «поляками») подчеркивает, что уроки польского языка позволяют им изучать язык предков. Участие во встречах организации и возможность изучения языка трактуют как привилегию, которую не имели их родители, бабушки и дедушки. В то же время язык воспринимают как иностранный: он не используется в повседневной жизни, что объясняет одновременно низкий уровень знания польского. Для этой категории людей значимой является возможность поддерживать контакт со знакомыми из организации, а также возможность обсудить текущие вопросы и послушать «живой польский язык» из уст учителей из Польши.

Вторая группа людей отмечает, что причиной посещения занятий по польскому языку является функция, которую они исполняют в полонийных организациях. Знание польского необходимо для эффективной работы, поддержания контактов и сотрудничества с польскими организациями. Кроме того, эта группа выступает в качестве организаторов и опекунов экскурсий в Польшу на всевозможные фестивали, конкурсы и другие полонийные мероприятия. Это группа «социально-культурных лидеров» [Znaniński, 1990], или «выразителей группы» [Latour, 1990, s. 42–48], имеющих авторитет среди других членов польских организаций. Эти лица, благодаря их активному участию в жизни организации, проявляют свою культурную идентичность.

К следующей группе относятся молодые люди, т. е. школьники и студенты. Следует подчеркнуть, что среди молодого поколения наблюдается самое большое культурное разнообразие. По этой причине для некоторых членство в организации связано с необходимостью развития своей идентичности и поиском корней. Для других основной причиной деятельности в польских организациях являются интересы, возможности для личностного роста и роста языковой, художественной, организационной и социальной компетенций.

Среди польской диаспоры в Омской области есть также группа поляков, которые не участвуют в жизни польской общины. Согласно их мнению, знание польского языка и деятельность в полонийных организациях не представляет собой какой-либо ценности для их самоопределения «поляка в Сибири». Они отмечают непрактичность польского языка и подчеркивают сильную привязанность к Сибири.

Таким образом, в настоящее время деятельность полонийных организаций сосредоточена на ознакомлении местного населения с польской культурой в ее широком понимании. Членами организаций являются не только местные поляки или сибиряки с польскими корнями, но также лица, интересующиеся польской культурой. Открытый характер организации позволяет, с одной стороны, иметь больший социальный охват, а с другой – поддерживать память о поляках в Сибири.

Участники занятий по изучению польского языка мотивируют по-разному свое участие в жизни полонийных организаций. Для некоторых уроки позволяют почувствовать общность, проявить свою национальную идентичность и культурную самобытность. Следует подчеркнуть, что для многих знание польского языка – дополнительный элемент, фундаментальным же аспектом становится интегрирующая и социальная роль присутствия в группе. Для других участие в общественной жизни организации – это реализация личных, социальных, культурных и профессиональных стремлений. Для последней же группы участие в жизни организации является излишним, но тем не менее в повседневной жизни они по-прежнему подчеркивают свою культурную идентичность.

Angrosino M. Badania etnograficzne i obserwacyjne. – Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 2010. – 187 s.

Atkinson P., Hammersley M. Metody badań terenowych. – Poznań : Zysk i S-ka, 2000. – 328 s.

Bogucka M. Uczymy języka kraju naszych przodków, ponieważ jest najpiękniejszy na świecie // Rodacy. – 2009. – № 2 (39). – S. 11.

Владимирова И. Вне школьной программы // Rodacy. – 2011. – № 3 (56). – S. 16.

Znaniński F. Współczesne narody. – Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 1990. – 413 s.

Kabzińska I. Metoda biograficzna w badaniach etnologicznych // Czas zmiany, czas trwania. Studia etnologiczne / J. Kowalska, S. Szynkiewicz, R. Tomicki. – Warszawa, 2003. – S. 39–61.

Казыдуб Н., Мулина С. Дань памяти // Rodacy. – 2009. – № 1 (46). – S. 15.

Краевский П. 10-летие омской «Семьи» // Rodacy. – 2009. – № 1 (46). – S. 24–25.

Краевский П. Мы помним вас, поляки Сибири! // Rodacy. – 2009. – № 4 (45). – S. 17–18.

Ладан А. Музыка Шопена // Rodacy. – 2015. – № 4 (68). – S. 12–13.

Latour B. Splatając na nowo to, co społeczne. Wprowadzenie do teorii aktora-sieci. – Kraków : Wydawnictwo Universitas, 2010. – 435 s.

Makuckaja W. Origami – to jest bajkowy świat, który możesz stworzyć sam // Rodacy. – 2007. – № 3 (38). – S. 29.

Можан Н., Осинцева Ю. Русско-польские контакты в Тарском Прииртышье // *Rodacy*. – 2009. – № 1 (46). – С. 26.

Ольшевский В. Исследование польской диаспоры в Сибири. Дилеммы антропологии // *Культура русских в археологических исследованиях* : сб. науч. ст. / под ред. Л. В. Татауровой, В. А. Борзунова. – Омск ; Тюмень; Екатеринбург, 2014. – С. 34–38.

Orsini-Rosenberg S. Program badań socjologicznych w zakresie społecznego podłoża gospodarczego w województwach wschodnich Rzeczypospolitej Polskiej. – Poznań : Rolnicza Drukarnia i Księgarnia Nakładowa, 1929. – 87 s.

Rakowa A. Despodzinowka // *Rodacy*. – 2009. – № 3 (48). – С. 17–18.

Romanow P. Dziesięciolecie ruchu polonijnego w Rosji // *Państwo polskie wobec Polaków na Wschodzie. Poszukiwanie modelu polityki* / Т. Gąsowski. – Kraków, 2000. – С. 296–310.

Staroń K. Nauczyciele z Polski wspomagają nauczanie języku polskiego na Wschodzie // *Kultura i świadomość etniczna Polaków na Wschodzie. Tradycja i współczesność* / А. Kuczyński, М. Michalska. – Wrocław, 2004. – С. 369–386.

Шмакова В. Празднование Дня Конституции Польши в Омской «Rodzinie-Семье» // *Rodacy*. – 2015. – № 2 (66). – С. 17–19.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. в отношении демографических и социально-экономических характеристик отдельных национальностей. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html (дата обращения: 05.01.2015).

М. Antonowicz

Nicolaus Copernicus University in Torun (Poland)

CONTEMPORARY ACTIVITY OF POLISH DIASPORA ORGANIZATIONS IN THE IRTYSH REGION IN WEST SIBERIA

The article shows the activity of polish diaspora organisations in The Irtysh region in West Siberia. These organisations have operated in Russia since the nineteen-nineties and today can be observed changes in their functioning. On the one hand, the aim of these organisations is to keep collective memory and cultural identity of Polish diaspora in Siberia, but on the other hand is support a variety of initiatives to promote intercultural dialogue.

The article is a ethnographic description based by long-term and stationary fieldwork in West Siberia.

Keywords: polish diaspora organisations, The Irtysh region, Omsk, Polish in Siberia.

УДК 393

М. А. Жигунова

Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ПОХОРОННОМ ОБРЯДЕ РУССКИХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Статья написана на историко-этнографических и этносоциологических материалах, собранных в конце XX – начале XXI вв. в различных регионах Западной Сибири с целью обобщения имеющихся сведений, вычленения в современном похоронном обряде наиболее общих черт, характерных для подавляющего большинства русских сибиряков, выявления в них традиционных и новационных элементов, а также зон наибольшего сохранения похоронных традиций и их основных носителей. Основные методы – анкетирование, интервьюирование, непосредственное включенное наблюдение, экспертный опрос, анализ и обобщение. В работе рассматриваются материальные и духовные компоненты похоронного обряда, поминальные действия и пища, приводятся оригинальные примеры. Автор делает вывод, что во всем исследуемом регионе обнаруживается устойчивая общность обрядовых действий. Структура и функциональная направленность похоронного обряда остается прежней. Основной зоной сохранения похоронных традиций является мировоззренческая сфера, главные хранители этих традиций – женщины среднего и старшего возраста. В сельской местности традиции сохраняются в боль-

шей степени, чем в городской. Усиливается тенденция индивидуализации. Организацией и проведением похорон всё чаще занимаются не родственники, а представители ритуальных салонов и служб. В связи с этим наблюдается унификация обрядовых действий похоронного обряда; на первое место выходит религиозная принадлежность и социальный статус покойника, а этническая составляющая становится менее значимой.

Ключевые слова: русское население Западной Сибири, представления о смерти и покойниках, основные этапы и материальные компоненты похоронного обряда, поминальные действия и пища, традиции и современное время.

Введение. Актуальность исследований похоронной обрядности не вызывает сомнения, поскольку на протяжении многих веков неизменным остается интерес к этой «вечной проблеме», которая касается каждого человека. Для современного русского населения западносибирского региона характерна довольно высокая гетерогенность, обусловленная спецификой заселения и расселения, высокой миграционной подвижностью, активными межэтническими контактами, а также различными историческими, социально-экономическими, политическими и природно-географическими факторами. Всё это обусловило чрезвычайную вариативность традиционно-бытовой культуры русских сибиряков.

Похоронно-поминальным обрядам русского населения Западной Сибири посвящены работы многих современных сибирских этнографов: П. Е. Бардиной, М. Л. Бережновой, Ф. Ф. Болонева, К. Ю. Гизиевой, О. В. Голубковой, Н. С. Грибановой, М. А. Жигуновой, И. В. Межевика, Е. Ф. Фурсовой, Л. А. Явновой и др. Преимущественно в них рассматривались отдельные региональные традиции, материальные компоненты похоронно-поминальных обрядов либо сведения более раннего периода.

Цели работы: обобщив имеющиеся материалы, выявить в современном похоронном обряде наиболее общие типичные черты, характерные для подавляющего большинства русских сибиряков, вычленив в них традиционные и новационные элементы, а также зоны наибольшего сохранения похоронных традиций и их основных носителей. В работе рассматриваются представления о душе и смерти, приметы и запреты, связанные с покойниками, основные этапы и материальные компоненты похоронного обряда, поминальные действия и пища, приводятся оригинальные примеры. Подобное специальное исследование предпринимается впервые.

Источники и методы. Статья базируется на материалах экспедиционных историко-этнографических, этносоциологических и религиоведческих исследований, проведенных под руководством автора в 1985–2016 гг. в различных регионах Западной Сибири среди городского и сельского населения. Дополнительным источником послужили материалы, собранные в 2000–2013 гг. при чтении ряда лекционных курсов («Современные этнические процессы у русских Сибири», «Русские сибиряки: проблемы самосознания и культуры», «Обряды жизненного цикла восточных славян», «История мировых религий» и др.). Также привлекались фольклорные и лингвистические материалы, опубликованные результаты предыдущих исследований, фотографии. Для сбора и обработки информации использованы методы непосредственного и включенного наблюдения, массовые выборочные и панельные обследования, анкетирование и интервьюирование, экспертный опрос, анализ документов, обобщение, описание, конкретно-исторический анализ, статистические и математические методы.

Результаты исследований. Похоронно-поминальные обряды относят к переходным ритуалам, поскольку считается, что во время их проведения совершается символический переход человека из одного статуса в другой и установление его новой идентичности [Геннеп, 2002, с. 9–15; Седакова, 2004, с. 31]. В их основе лежит многовековая вера в продолжение существования души человека после его смерти, а также – в непрерывность связи живых и мертвых. Функциональная направленность этих обрядов представлена в виде двух основных составляющих: «облегчение перехода» на «тот свет» и желание обезопасить себя от возможного неблагоприятного воздействия покойного и соприкосновения с неведомыми силами. Структура похоронного обряда трехчленна и включает подготовительный период, сами похороны, поминки и действия после похорон. Консервативность похоронно-поминальных обрядов во многом обусловлена длительностью сохранения архаических элементов и целого комплекса представлений о смерти, взаимоотношениях живых и мертвых. На всей территории Западной Сибири распространены различные былички, повествующие о встречах с умершими родственниками в снах: «Мне на Пасху дедушка умерший приснился. Сказал, что у него всё хорошо, чтобы не волновались. И еще просил поблагодарить всех, что ему такие хорошие похороны устроили»; «Снится мне, что сидим мы все за столом, обедаем. А тут дверь открывается, и муж умерший заходит. Я остолбенела, говорю ему: “Ты как здесь, ты же умер?”. А он отвечает: “Не бойся, я пришел на вас всех посмотреть, соскучился”. Сел в сторонке от стола на диван и сидел там тихонечко»*.

Говоря о похоронном обряде, прежде всего, следует соотнести религиозную составляющую и народные традиции. По данным наших исследований, 80 % русского населения Западной Сибири относят себя к православным (хотя воцерковленных из них не более 5 %). Согласно традиционным воззрениям русских, человек приходит в этот мир и покидает его «по воле Бога». Согласно православному учению, смыслом земной жизни является

* Здесь и далее приводятся полевые материалы автора. – *Примеч. ред.*

переход в вечность, смерть не прерывает существования человека, а только видоизменяет его [Фомин, 2005, с. 2–6]. Между тем потеря близкого человека в большинстве своем воспринимается трагедией. Бывает, что, не сумев справиться со случившимся, люди пытаются покончить жизнь самоубийством или совершают это самое страшное и греховное действие: «У меня дед с бабушкой более 50 лет прожили, а когда дед умер, бабушка очень сильно скучала. Написала записку и повесилась в 79 лет. Не могла без деда жить. Она верующая была, меня в церкви крестила, молитве научила».

В настоящее время не всегда удается сообщить всем близким родственникам и знакомым о случившейся смерти (дальняя командировка, служба в армии, отсутствие связи и др.). Бывает и так, что эта информация целенаправленно скрывается: «Внук узнал о том, что родная бабушка умерла, только через год от ее похорон, когда вернулся домой из армии. Родители решили его не расстраивать». Раньше родственники проживали более компактно, сейчас – разбросаны не только по разным регионам России, но и по разным странам мира. Поэтому не всегда можно успеть на похороны близкого человека.

Весь обрядовый комплекс церковных похорон проводится довольно редко, чаще встречаются отдельные его составляющие (чтение молитв, покаяние, отпевание (чаще – дома или в траурном зале, а не в церкви), использование церковной атрибутики и др.). Интересно, что отпевание и другие элементы религиозного обряда зачастую проводятся даже с теми, кто при жизни являлся коммунистом и атеистом. Многие из опрошенных, особенно – женщины среднего и старшего возраста, признались, что регулярно ходят в церковь, чтобы помолиться и поставить свечки «за упокой души» родных и близких. Реже заказывают панихиду или сорокоуст об успокоении, посещают Божественную литургию. Зажигать свечки и молиться за усопших (читая Псалтырь или своими словами) многие предпочитают дома.

Поскольку анализ современных представлений о душе и смерти выполнен автором ранее [Жигунова, 2014], отметим лишь следующее. В существование души и загробного мира верят 50–92 % опрошенных в разных половозрастных группах. Чаще всего это представительницы женского пола 18–35 лет, наиболее критически относятся к этому мужчины среднего возраста. Распространены представления о том, что хороший человек умирает легко и быстро или во время сна, а наиболее тяжелой смертью умирают грешники и колдуны. Предвестниками смерти считаются определенные вещи сны (о выпавших зубах, встречах с умершими, разрушительных действиях в доме и т. п.), неординарное поведение домашних животных, птиц и др.

Повсеместно считается, что очень важно «правильно похоронить человека», но не все и не всегда знают, как это сделать. Зачастую (особенно у молодого поколения и части мужчин) отсутствуют элементарные знания о традициях похоронного обряда, различные источники предлагают разнообразные варианты, что иногда приводит к спорам у гроба. Новый федеральный закон Российской Федерации «О погребении и похоронном деле» впервые устанавливает государственные гарантии бесплатного погребения умерших, а также – погребения с учетом его волеизъявления и пожеланий, высказанных человеком при жизни. Это значит, что любой гражданин России при жизни имеет право не давать согласия на проведение патолого-анатомического вскрытия, а также высказать свои пожелания о месте захоронения и о том, по каким обычаям проводить обряд [Федеральный закон..., 1996].

Выполнение последних пожеланий умирающего остается обязательным, как и его посещение с целью получить прощение за причиненные когда-либо обиды. Сохраняется обычай материальной, психологической и другой поддержки семьи покойного: приходящие приносят с собой деньги, отдельные продукты или готовые блюда для поминовения усопшего, помогают в организации похорон, стараются не оставлять близких наедине с их горем.

Сейчас покойников чаще всего обмывают и одевают в морге, но считается, что последнюю ночь перед погребением умерший должен провести дома. На стол, подоконник или божничку ставят стакан с водой, накрытый сверху кусочком хлеба. В изголовье умершего должны стоять иконка, стакан с пшеном, рожью или пшеницей, в который ставят зажженную свечу. В доме с покойным не выключают свет, не закрывают входную дверь. Повсеместно принято занавешивать зеркала и другие отражающие предметы. Это занавешивание сохраняется девять (или 40) дней. Священники зачастую не рекомендуют следовать этой традиции, называя ее языческой.

Бытует представление о том, что покойника нельзя оставлять одного, но ночные сидения у гроба встречаются всё реже. Зачастую (обычно – в городской местности) вечером лицо умершего в гробу накрывают покрывалом или простыней, а сами ложатся спать. Не всегда останавливают часы в доме умершего, забывается и традиция выливать воду, находившуюся в доме в момент смерти.

В большинстве своем выдерживаются традиционные сроки похорон (как правило, это третий день после смерти). Однако встречаются случаи, когда хоронят на следующий день после смерти (обычно такое бывает жарким летом, если известна причина смерти) или когда тело хранится несколько дней в морге (если дожидаются приезда близких родственников).

Покойника всегда выносят вперед ногами, иногда при этом гроб трижды опускают на порог – «умершим предкам таким образом дают знак: встречайте». Повсеместно известна традиция, согласно которой в доме (квартире) после выноса гроба необходимо вымыть полы. Но некоторые представители церкви убеждают близких покойного, что делать это необязательно, достаточно пригласить священника, чтобы он освятил дом.

Резкая дифференциация населения по уровню доходов отражается не только в проведении похорон, количестве и составе поминальных трапез, но и в ассортименте самих гробов. Так, если в ритуальных салонах Омска

в 2000 г. продавалось до шести видов гробов, то уже в 2011 г. ассортимент и «разбег» цен увеличился: можно было купить гроб от 1 500 до 114 000 руб.

В качестве смертной используется обычная современная одежда (преимущественно – новая), а не изготовленная особым способом. Пожилые люди стараются заранее приготовить «узелок со смертным». Но бывает и иначе: «В нашем селе умерла старушка. Она не готовила себе специальную одежду, поэтому ее положили в гроб в платье в цветочек (однотонного платья у старушки не нашли). Через несколько дней покойница приснилась одной из женщин, что ее одевала, и сказала: “Зачем вы одели меня в такое платье? Меня теперь за ворота не пускают. Мне придется стоять под дождем, пока он все цветы не смоет”». Встречаются случаи захоронения молодых девушек в белых свадебных платьях, а молодых женщин – в брюках и джинсах (т. е. в том, в чем любили ходить при жизни). Обязательную часть женской смертной одежды составлял платок. Сейчас платок повязывают лишь пожилым женщинам или кладут его сложенным в гроб. Не так строго, как раньше, сохраняется запрет на использование при погребении материалов животного происхождения. Если похороны совершаются зимой, то покойника одевают в теплые вещи, часто – шерстяные. В гроб вместо традиционной подушечки с опилками, березовыми листьями/вениками и чабрецом чаще всего кладут подушечку с искусственными наполнителями, но встречаются и обычные пуховые или перовые подушки (зачастую – по желанию умирающего).

На похороны известных и социально статусных людей приглашают духовой оркестр. Встречаются случаи, когда, согласно последней воле покойных, их гроб выносят не под траурный марш, а под вальс «Прощание славянки» или другие музыкальные произведения: «Перед выносом гроба золовки все вышли, попрощавшись с покойной, в квартире у гроба остался только муж и дети. Поставили пластинку с ее любимой песней Ларисы Долиной. Татьяна перед смертью просила так сделать».

Если раньше гроб до кладбища несли на руках или везли на санях и телегах, то сейчас, как правило, на машинах, в том числе в специально оборудованных катафалках. В связи с этим исчезает традиция траурного шествия. Однако сохраняется запрет переходить дорогу похоронной процессии. После последнего прощания на кладбище в вырытую могилу после опускания гроба бросают по одной или три горсти земли, монеты («чтобы откупиться»), «чтобы заплатить за землю/за переправу на тот свет», «чтобы мог купить себе там, что понадобится») и платочки, которыми вытирали слезы. На могилках куривших при жизни людей иногда оставляют сигареты/папиросы, на детских могилах – игрушки.

В настоящее время не всегда удается похоронить рядом умерших родственников, особенно – на городских кладбищах. В начале XXI в. появилась возможность еще при жизни приобрести «Ценный сертификат о резервировании земельного участка на кладбище». Как правило, такие участки земли рядом с могилой умершего родственника огораживают и ставят табличку: «Место зарезервировано». В качестве надмогильного сооружения используется не только традиционный деревянный крест, но и различные надгробия из камня, мраморной крошки, железа, цемента, кирпича. Различные сооружения устанавливают довольно часто и на месте гибели (обычно вдоль дорог) либо отмечают его траурным венком.

Обязательная поминальная тризна совершается после захоронения, на 9-й, 40-й дни после смерти, полгода, год. Практически исчезла традиция поминок на 20-й день после смерти, не всеми отмечается и полгода. Встречаются случаи, когда люди отказываются приходить на похороны или поминки, мотивируя своей занятостью, плохим самочувствием или отсутствием желания лицезреть печальное действо. Отдельные молодые люди считают, что проводить поминки на 9-й и 40-й дней не нужно, поскольку «это только всех расстраивает». В дальнейшем основными днями для поминовения усопших являются Радуница (Родительский день), Троица и годовщины смерти. Также распространенными поминальными днями стали День Победы 9 мая, дни рождения умерших, дни их профессиональных праздников (День милиции, День медика и др.). В эти дни стараются посетить кладбище, навести порядок на могилке, принести цветы, «покормить умерших» (на могилку кладут или крошат хлеб (блины, булочки, печенье), вареные яйца, конфеты и другие сладости, фрукты, сыр, колбасу, соленое или копченое свиное сало). Некоторые выливают рюмку вина или водки, оставляют бутылку пива («чтобы помянули»). Церковь не приветствует трапезы на могилках, предлагая поминать дома за столом или в храмах. Согласно традиции, нужно поминать умерших в первой половине дня, обычно – в полдень. В настоящее время поминуют и после обеда, и даже вечером (так как не все могут отпроситься с работы в дневное время).

На всей территории Западной Сибири основными поминальными блюдами остаются кутья, блины, кисель и компот, на Радуницу и Пасху – крашеные вареные яйца и куличи. На первое подают куриную лапшу или борщ, на второе обычно готовят мясные котлеты или гуляш с картофельным пюре или гречкой. Обязательно подается разнообразная выпечка из сдобного теста (пироги, ватрушки, булочки), а также – печенье, пряники, хворост, вафли, конфеты. Встречаются на поминальном столе различные бутерброды, салаты, колбаса, холодец, рыба, мясные закуски, фрукты и сладости, соленья и маринады, консервы, а также – блюда, заимствованные у других народов (плов, манты, голубцы, бигус, баурсаки и др.). В северных районах Западной Сибири часто готовят уху из стерляди (горбуши, муксуна, нельмы), щи, рыбные пироги и клюквенный кисель, в южных районах – борщ, компот или кисель из облепихи. Во многих семьях стараются приготовить на поминки не только традиционные блюда, но и те, которые любил умерший при жизни. Кутья готовится чаще всего из риса, а не пшеницы, заправляется не только медом, но и сахаром. Если покойник умер в пост, то поминальная пища бывает необязательно постной.

По многочисленным сведениям информаторов, «раньше водкой и вином не поминали, выпивку подносили только тем, кто копал могилу». Сегодня эта традиция встречается редко. Обычно желающие выпивают по одной-три рюмки. Иногда встречаются случаи, когда печальная трапеза постепенно переходит в веселое застолье с исполнением песен. Информаторы поясняют это следующим образом: «Покойник эти песни любил, для него мы их поем», «Усопший был человеком веселым при жизни, вот мы сейчас его душу и веселим!». Всё чаще поминки проводят в кафе или столовой, где предлагается типовое меню (в 2016 г. в Омске поминальная трапеза на человека составляла в среднем 300–790 руб.). Сохраняется запрет на использование за поминальным столом ножей и вилок. На поминальный стол часто ставят портрет умершего в траурной рамке и вазу с четным количеством цветов, лишний прибор и оставляют свободное место для умершего. Остатки поминальной пищи раздают «на помин души» не только детям и пожилым людям, но и соседям, коллегам, знакомым, реже — относят в храм.

На современных кладбищах можно встретить совместные захоронения людей разных национальностей и вероисповеданий за одной общей оградой и общим рвом (иногда — в разных концах кладбища, иногда — вперемежку). В настоящее время, независимо от религиозной принадлежности, ходят на похороны и поминки друг к другу люди разных национальностей. Всё более популярным становится суждение, что «Бог один, не Иисус Христос, не Аллах». В ноябре 2004 г. в Омске за поминальным столом вместе с русскими находился близкий друг покойного из казахско-татарской семьи. Он сказал: «Я сегодня умершего Витька во сне видел, он от меня почему-то вместе с моим отцом уходил. Я спросил: “Вы куда? Оденьтесь, на улице холодно”. На что он ответил: “Там, куда мы уходим, всегда тепло”». Ровно через три дня после этого умер отец человека, рассказавшего свой сон.

Если раньше члены семьи умершего должны были до года носить траурную одежду, им запрещалось выходить замуж (или жениться), участвовать в различных развлечениях, то сейчас эти запреты соблюдаются не всеми или срок их исполнения сокращается до девяти (40) дней. Устойчиво бытуют представления о том, что после похорон плакать по усопшим нельзя: «Незачем тревожить их душу», «Им на том свете сыро будет». Исчезает традиционное представление о «чистых» и «нечистых» покойниках. «Раньше самоубийц и других нечистых покойников не отпевали, хоронили за оградой или в отдельном углу кладбища, сейчас в городах всех одинаково хоронят».

Появившиеся в первое десятилетие XXI в. крематории в Новокузнецке, Новосибирске, Сургуте привели к распространению обряда трупосожжения (кремации). Отношение к этому явлению неоднозначно. Так, в 2008 г. автор явилась свидетелем безутешных причитаний пожилой женщины, которая ехала из Новосибирска после похорон сестры: «За что? За что дети так над нею поглумились? За что она горела в огне, как в аду?». В Новосибирском крематории, созданном по инициативе частного лица, возможна организация торжественных ритуалов по индивидуальному сценарию, а также — отправление праха умерших в космос, заказ украшений из сожженных волос и многое другое. Здесь находится Парк Памяти (благоустроенная территория, где можно урну с прахом захоронить в нише колумбария) и Музей мировой погребальной культуры («Музей смерти»). Поминальные службы проводятся в традициях различных конфессий [*Новосибирский крематорий...*].

Заключение. Похоронно-поминальная обрядность русских Западной Сибири представляет собой сложный многогранный феномен, характеризующийся определенной вариативностью, наличием многослойных напластований и синкретизмом различных традиций. Структура и функциональная направленность похорон остается прежней, как и большинство связанных с ними понятий. На их формирование оказали влияние как традиционные механизмы мифологического сознания и конфессиональная принадлежность респондентов, так и сведения, полученные от знакомых и родственников, из СМИ и др. В целом, во всем регионе обнаруживается устойчивая общность обрядовых действий.

Несмотря на сохранение коллективистского начала и участие в похоронных обрядах широких масс населения, усиливается тенденция индивидуализации. Поминальная еда существенно разнообразится в зависимости от времени года, региона проживания, личных взглядов, вкусов и материальных возможностей. Основной зоной сохранения похоронных традиций является мировоззренческая сфера, основными хранителями этих традиций остаются женщины среднего и старшего возраста. В сельской местности традиции сохраняются в большей степени, чем в городской. Организацией и проведением похорон всё чаще занимаются не родственники, а представители ритуальных салонов и служб. В связи с этим наблюдается унификация обрядовых действий похоронного обряда. На первое место выходит религиозная принадлежность и социальный статус покойника, в то же время этническая составляющая становится всё менее значимой.

Полевые материалы М. А. Жигуновой, 1985–2016 гг. // Личный архив автора.

Геннеп А., ван. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. — М.: Вост. лит., 2002. — 198 с.

Жигунова М. А. Современные представления русских Западной Сибири о душе и смерти // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст.: в 2 т. / под ред. Л. В. Татауровой и В. А. Борзунова. — Омск; Тюмень; Екатеринбург, 2014. — Т. 2. — С. 159–163.

Седакова О. А. Поэтика обряда: Погребальная обрядность восточных и южных славян. – М. : Индрик, 2004. – 320 с.

Фомин А. В. Доказательства существования жизни после смерти. – М. : Новая мысль, 2005. – 512 с.

Новосибирский крематорий : официальный сайт. – URL: <http://cremation-nsk.ru/category/services/> (дата обращения: 13.02.2017).

Федеральный закон «О погребении и похоронном деле» от 12.01.1996 № 8-ФЗ (последняя редакция) // Консультант плюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8919/ (дата обращения: 10.02.2017).

M. A. Zhigunova

Omsk Division of Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS

TRADITIONS AND INNOVATIONS IN THE FUNERAL CEREMONY OF THE RUSSIAN POPULATION OF WESTERN SIBERIA AT THE BEGINNING OF THE 21st CENTURY

Article is based on the historical, ethnographic and ethno-sociological materials, collected at the end the 20th beginning of the 21st century in various regions of Western Siberia. Work purpose: to generalize the available data, to reveal the most typical lines characteristic of most of Russians in a modern funeral ceremony of Russians Siberians, to take from them traditional and innovative elements, to learn zones of the biggest preservation of funeral traditions. Main methods: questioning, interviewing, the direct included observation, expert poll, the analysis and generalization. In work material and spiritual components of a funeral ceremony, funeral actions and food are considered, original examples are given. The author draws a conclusion: in all explored region the steady community of ceremonial actions is found. The structure and a functional orientation of a funeral ceremony haven't changed. The main zone of preservation of funeral traditions is the world outlook sphere, the chief keepers of these traditions are women of middle and advanced age. In rural areas of tradition remain more than in city. Individualization tendency of a funeral ceremony constantly grows. Not relatives of the dead, but representatives of ritual salons and services are engaged in the organization and holding a funeral more often. The religious affiliation and the social status of the dead man become main, the ethnic component becomes less significant.

Keywords: russian population of Western Siberia; views of death and dead men; main stages and material components of a funeral ceremony; funeral actions and food; traditions and modern time.

УДК 902/904+39+94(3)

Т. В. Мжельская

Новосибирский государственный педагогический университет

РУССКАЯ ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА «ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА» В КОНТЕКСТЕ АРХЕОЛОГИИ

Изучение волшебных сказок позволяет выявить в них отдельные элементы исторической действительности. Цель работы состоит в том, чтобы с помощью привлечения археологических аналогий уточнить отдельные аспекты мотивов и персонажей русских волшебных сказок. Мотив воцарения героя в рассматриваемой сказке имеет свои особенности. Лук и стрелы связываются со свадебной обрядностью и выбором наследника престола. Для анализа были привлечены археологические аналогии: скифские сосуды, парфянские, скифские и античные монеты, где изображены лучники, лук и стрелы, сцена инвеституры царя божеством, головной убор из погребения царя кургана Иссык. Для выявления особенностей образа Василисы Премудрой были рассмотрены скифские изображения змееногой богини и трипольские женские статуэтки. В результате проведенного исследования было выявлено, что эпизод с выстрелами из луков имеет глубокие исторические корни, именно поэтому герой не только нашел себе жену, но и вступил на престол. С помощью археологических материалов была доказана глубокая древность появления образа Василисы Премудрой, раскрыты отдельные аспекты этого персонажа.

Ключевые слова: русские волшебные сказки, археологические параллели, мотив воцарения героя, Василиса Премудрая.

Русские волшебные сказки содержат отдельные элементы исторической действительности, которые неоднократно выделяли и анализировали исследователи (А. Н. Афанасьев, А. Н. Веселовский, В. Я. Пропп, Е. М. Мелетинский, В. Н. Топоров и др.). Они рассматривали различные аспекты: выясняли формирование отдельных мотивов, происхождение определенного персонажа, выявляли связь с обрядовой деятельностью и представлениями об окружающем мире, проводя исследования на основе исторических, фольклорных, этнографических источников. В последние годы с этой целью стали привлекать и археологические данные [Мжельская, 2011; 2014; 2015].

Цель данной работы состоит в том, чтобы с помощью привлечения археологических аналогий уточнить отдельные аспекты мотивов и персонажей русских волшебных сказок. Во-первых, будет показана специфика мотива воцарения в сказке «Царевна-лягушка». Во-вторых, разработаны отдельные аспекты образа жены Ивана-царевича – Василисы Премудрой.

Исторические корни формирования мотива воцарения героя были исследованы В. Я. Проппом. Изучение этого мотива в сказке «Царевна-лягушка» показало, что он имеет свои особенности. Так, были выявлены две практически независимые части единого для сказки мотива воцарения: первая – поиск невесты путем выстрела из лука, женитьба, испытания для жен, сжигание кожи; вторая – поиск и возвращение жены, вступление на престол [Мжельская, 2014].

Проанализируем более подробно эпизод, в котором братья стреляют из луков, выбирая себе невест. Так, в публикациях встречается идея, что выбор невесты – это выбор судьбы, который решается с помощью лука. Лук и стрелы, таким образом, связываются со свадебной обрядностью. Частью обряда сваямвары является состязание потенциальных женихов в стрельбе из лука. В «Махабхарате» выбирают жениха царской дочери, и здесь нужно не только удачно выстрелить, но и, прежде всего, натянуть лук [Антоний, б/д]. Состязания в стрельбе из лука устраивали у индоиранцев при избрании жениха для царевны и претендента на престол [Кузьмина, 2002, с. 227]. Отметим, что, по мнению В. Я. Проппа, дело не только в том, чтобы произвести выстрел из слишком большого орудия, а в том, чтобы выстрелить из одного царства в другое [2002, с. 278].

Рассмотрим ряд свидетельств, в том числе археологических, в которых лук и стрелы, а также выстрелы из них так или иначе связаны с выбором будущего правителя и являются атрибутами царской власти.

По одной из легенд о происхождении скифов, Геракл, оказавшись в земле по имени Гилея, нашел в пещере Ехидну, некое существо смешанной природы – полудеву-полузмею. Из родившихся у них троих сыновей, только один, младший, смог выполнить задание отца – натянуть лук, оставленный Гераклом, подпоясаться его поясом и в результате стал владыкой Скифии (Геродот, IV, 9, 10). По мнению Д. С. Раевского, четыре изображения на электровой чаше из скифского кургана Куль-Оба иллюстрируют представленную выше легенду [Раевский, 1970]. На сосуде из Частых курганов под Воронежем мы видим сцену, где юному безбородому воину его собеседник протягивает лук [Раевский, 1970]. Это изображение может быть интерпретировано как процесс передачи власти. Такой вывод можно сделать при сравнении с оформлением древних монет. На парфянских монетах представлялся или сам правящий царь, держащий в руках лук, или парфянский лучник, или равнозначная по смыслу сцена инвеституры царя божеством [Зеймаль, 1982]. Изображения лучника, отдельно лука или лука с горитом встречаются на скифских и античных монетах [Зограф, 1951, с. 130, 133, 134, 136, 137, 139, 141].

В кургане Куль-Оба также были найдены золотые фигурные бляшки с изображением лучников: два скифа в полный рост стоят спиной друг другу и целятся из луков в противоположные стороны. Интерпретация этого изображения была сделана Д. С. Раевским на примерах из ритуальной практики различных народов. В древней Индии каждые три года во время праздника царь выпускал украшенные цветами стрелы на четыре стороны света. В Египте стрельба по четырем основным направлениям горизонта составляла один из элементов коронационного ритуала, а также ритуала Хебсед, связанного с идеей периодического возобновления сакрального могущества фараона. По сути, эта церемония составляет магическую процедуру установления суверенитета данного государства над определенной территорией [Раевский, 1981].

Приведем другие археологические материалы, показывающие значение лука и стрел как атрибутов царской власти. В кургане Иссук у захороненного вождя был обнаружен головной убор, составной частью которого были четыре стреловидных украшения [Акишев, 1978, с. 23, 26, 63]. Возможно, то, что стрелы именно четыре, связано с описанными выше обрядами установления власти над территорией. Ю. С. Худяков, рассмотрев значительное количество археологических материалов, пришел к выводу о том, что стрелы, среди прочих, символизировали властные полномочия [2004, с. 227].

Интересно, что в разных вариантах сказки «Царевна-лягушка» стрелы старших братьев попали к невестам, которые относятся к разным слоям общества (генеральской, княжеской, боярской, купеческой дочерям). Эта информация может быть интерпретирована через призму идеи, которая была высказана И. Маразовым. На упомянутой выше чаше из Куль-Обы он видит не просто трех братьев, а представителей трех общественных классов [Маразов, 1988]. У младшего царевича невеста является героиней высокого статуса: Василисой Премудрой. У старших же братьев жены – это обычные женщины, которые происходят из разных социальных слоев.

Таким образом, мы видим, что выстрелы из луков предопределили судьбу героев сказки. Братья не только выбрали себе невест, но и определили наследника, который сменит на престоле старого царя. Это видно из того,

что младшему царевичу достается невеста, имеющая особый статус и необходимые знания, чтобы не только стать его женой, но и руководить (или помогать руководить) государством.

Рассмотрим в этом контексте особенности личности жены Ивана-царевича. Василиса Премудрая является персонажем многих русских народных волшебных сказок. Тот же женский образ выступает под именем Марьи-царевны, Марьи Моревны, Елены Прекрасной. Отметим ее связь с водой: в некоторых вариантах она – дочь морского царя, наделенная мудростью и способностью превращения [БЭС], обладает хтонической сущностью.

То, что царевна изначально пребывает именно в лягушечьей шкурке, не случайно. Роль лягушки в русской культуре была рассмотрена исследователями на основе анализа вышивки с привлечением исторических и фольклорных материалов. В том числе несколько изображений интерпретируются как двойной образ: человек-лягушка. В облике лягушки Василиса «накапливает знание», которое реализуется в дальнейшем («детей добывать») и «чудесное умение» (шить, ткать, печь, танцевать). Г. Н. Кузьменко на основе изучения образа Василисы Премудрой выявил особенности женского образования в древности. Исследователи отмечают также, что в «Царевне-лягушке» героиня во время пира выступает в роли культурного героя,демиурга и творца, обладающего божественной природой (т. е. строит новый мир. – Т. М.) [Баранов, Мадлевская, 1999, с. 112, 122, 123; Кузьменко, 2014].

Для решения поставленных в данной статье задач нам необходимо показать определенную идентичность образов лягушки и змеи. Д. А. Баранов и Е. Л. Мадлевская приводят мифопоэтические параллели лягушки и Земли, аналогичные мифопоэтическим параллелям Земли и змеи. Подобно змее, лягушка сопоставима с Землей по признаку многоплодности и мудрости/всезнания [Баранов, Мадлевская, 1999, с. 121–122]. Лягушка наделена, подобно змее, признаком мудрости, сакральным знанием. Отсюда второе имя Василисы – Премудрая.

В некоторых сказках есть эпизоды, в которых героини оборачиваются в разных животных. Когда Иван-богатырь удерживает в руках Василису Премудрую, она обращается в «лягушку, жабу и змею и прочих гадов»; то же случилось, когда Иван-царевич ухватил Марью-царевну. В сказке «Царевна-змея» героиня сначала является змеей, а потом превращается в «красну девицу». Проводя параллели между сказкой «Царевна-лягушка» и сюжетом нартовского эпоса о женитьбе Хамыца, исследователи отметили следующее: жена нарта не всегда предстает в образе лягушки (или черепахи), а, судя по описанию, может быть змеей [Луговой, Мжельская, 2011, с. 127]. Таким образом, мы можем говорить о тождественности образов лягушки и змеи в контексте специфики представлений древних об окружающем мире. Так в искусстве изображались не конкретные животные, а носители определенной идеи. Очевидно, символизм в искусстве соответствовал и символизму в мышлении [Мартынов, 1987, с. 14].

В качестве археологических аналогий привлечем известные скифские изображения змееногих богинь, туловище которых заканчивается двумя змеями или вырастает из растительных побегов. Это либо самостоятельные изделия, либо украшения предметов (например, налобник лошади). Возможно, это изображения богини Апи, которую исследователи признают олицетворением земли и воды как одного из основных порождающих начал [Степи..., 1989, с. 120–121, табл. 34: 7, 36, 31]. Исследователи видят в этих изображениях также Ехидну – полузмею, упоминавшуюся выше.

Краснодарские исследователи О. В. Галут и В. И. Лях считают, что змееногая богиня – это великое женское божество, богиня производящих сил природы, покровительница всего живого на земле. Авторы показывают архаичность и общемировое значение этого образа. Они определяют ее как Великий Дух Женского начала и предлагают следующие формулы для ее описания: «змей – женщина – плодородие», «змей – дождь – плодородие», «женщина – змей – волшебство» и т. д. [Галут, Лях, 2015, с. 69, 70].

Рассмотрим еще более древние женские скульптуры трипольской культуры эпохи энеолита. Их связывают с аграрной магией на основании наличия в тесте зерен и муки, а также специфических изображений на теле. Скорее всего, в фигурках отражалась идея плодородия, символически выраженная в женском облике. Это еще не богиня, а просто женское естество, олицетворяющее рождающую силу земли [Рыбаков, 2013, с. 186–189]. Для нашего исследования важно отметить наличие у некоторых из них на груди изображения змей (ужей?), символизирующих воду, дождь. Иконографический мотив воды в первобытном искусстве нередко изображался в виде змеи. Она была, в первую очередь, магическим символом силы, породившей жизнь. Культ змей был связан с богиней плодородия [Галут, Лях, 2015, с. 72].

Связь ужа с водой, поливающей землю для взращивания урожая, сопоставима с молоком матери [Рыбаков, 2013, с. 187]. Отметим также, что в источниках прослеживается еще и связь лягушки с молоком [см., например: Баранов, Мадлевская, 1999, с. 120].

Археологические предметы, привлеченные для анализа, можно рассматривать и как изделия культа, и как предметы искусства. Их роль в архаическом обществе при отсутствии письменности и/или широкой грамотности сложно переоценить. В этих условиях произведения искусства выполняют несколько функций (воспитательную, гедонистическую, коммуникативную и др.), с помощью них происходит формирование мировоззрения, обучение и развитие подрастающего поколения [Чапля, 2016]. Этим определяется высокая роль подобных предметов как исторических источников.

По мнению Б. А. Рыбакова, формирование женского образа началось в эпоху палеолита. Сказка же специфическим образом отражает ритуальные действия эпохи неолита и даже более раннего времени – периода позднего

палеолита. Особое отношение к женщине базируется на присущей только женщинам способности рождения, т. е. на материнстве, которое в архаичную эпоху интерпретируется магически. Впоследствии появляются пантеистические учения древности, в которых первоисточником мира признавалось великое божество женского рода [Кузьмин, 2014, с. 8, 9, 135]. Именно эти представления стали основанием для появления в более поздние времена известных богинь или героинь. Среди них нартовская Сатана, которую считают своеобразной предшественницей «великих богинь» типа Иштар или Изиды. Л. А. Чибиров проводит также параллели между Сатаной и скифской Ехидной [2015, с. 88].

Тожественные по своему характеру архетипические образы обнаруживаются в несоприкасавшихся друг с другом культурах, что исключает объяснение их возникновения заимствованием. Все архаические культуры, будь они земледельческими или же морскими, почитали женское начало в образе Матери Великой Богини. Имена этой богини многочисленны, поскольку у каждого племени, каждого народа существовал свой локальный культ. Ибо самые разные человеческие общества, цивилизованные либо варварские, находили точку соприкосновения и возможность взаимопонимания в одном и том же культе Великой Богини [Галут, Лях, 2015, с. 70].

Обозначим специфические черты Василисы Премудрой, которые позволяют поставить героиню русских сказок в один ряд с богинями плодородия древности. Покажем это на примере сравнения Царевны-лягушки со скифской Ехидной. Родоначалница скифов не оборачивается в змею, а является существом двойной природы, но при этом совпадают основные характеристики героинь:

– связь с водой (родственники, связанные с водой) и иным миром (одна связана с ним через пещеру, другая свободно перемещается из одного мира в другой);

– одна создает новый мир, другая владеет своим (уже созданным?);

– материнство. Этот аспект требует некоторого уточнения. Ехидна стала матерью скифского царя. Василиса Премудрая, находясь в облике лягушки, получала знания, чтобы в будущем стать женой и матерью [Баранов, Мадлевская, 1999]. Подразумевается, что она происходит из родовитых семей и создаст семью, которая впоследствии возглавит родовую общину [Кузьмин, 2014, с. 20, 27].

Ответ на вопрос, почему героиня получает знания в облике лягушки, мы находим в публикации Г. Н. Кузьменко. Автор разрабатывал вопросы получения «образования» в архаическом обществе. По его мнению, девочку уводили в особое место, волшебное место обучения (пещеру, волшебный лес, святилище), где она должна измениться, уподобиться местным обитателям. Поэтому (в сказке. – Т. М.) она может принять облик животного, бестелесного духа или иного существа [Кузьмин, 2014, с. 53]. Закончив «образование», Василиса сбрасывает кожу (оборачивается из лягушки в человека) и, таким образом, изменяет свой «социовозрастной» статус (становится женой и матерью). Высокий статус Царевны-лягушки подчеркивает ее имя – Василиса, что значит царственная. Особое значение материнства нашло отражение в культе рожаниц в средневековой Руси [Рыбаков, 2013, с. 212].

Сказка «Царевна-лягушка» заканчивается возвращением домой мужа и жены. Продолжения нет, мы можем только догадываться, что в дальнейшем они жили долго и счастливо, у них родились дети. Этот сюжет сказка утеряла, так как сама является усеченным вариантом исходного героико-эпического текста о рождении великого героя [Дуговой, Мжельская, 2011, с. 127]. Проведенное исследование позволяет показать значительность персонажа Василисы Премудрой и поставить ее в один ряд с другими женскими божествами плодородия.

В процессе работы были сделаны следующие выводы. Археологические материалы позволили уточнить исторические корни формирования и специфику мотива воцарения в сказке «Царевна-лягушка». Эпизод с выстрелами из лука имеет глубокий семантический смысл, основанный на том, что лук и стрелы в древности были атрибутами царской власти. Именно поэтому герой не только нашел себе жену высокого социального статуса, но и стал реальным претендентом на престол. С помощью археологических материалов была доказана глубокая древность образа Василисы Премудрой, раскрыты отдельные аспекты этого персонажа.

Акишев К. А. Курган Иссык. – М. : Искусство, 1978. – 130 с.

Баранов Д. А., Мадлевская Е. Л. Образ лягушки в вышивке и мифопоэтических представлениях восточных славян (Семантический комментарий) // Сборник Музея антропологии и этнографии / Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). – СПб., 1999. – Т. XLVII. – С. 111–131.

Зеймаль Е. В. Парфянский лучник и его происхождение // Сообщения Государственного Эрмитажа. – Л., 1982. – [Вып.] XLVII. – С. 46–49.

Зограф А. Н. Античные монеты. – М. : Изд-во АН СССР, 1951. – 264 с. – (Материалы и исследования по археологии СССР ; вып. 16).

Галут О. В., Лях В. И. «Змееногая богиня» как символ диалога культур Северного Причерноморья // Социально-гуманитарный вестник. – Краснодар, 2013. – С. 69–74.

Кузьменко Г. Н. Василиса Премудрая: сказочные проекции архаичного образования. – М. : [Б. и.], 2014. – 192 с.

Кузьмина Е. Е. О двух перстнях Амударьинского клада с изображением царик // Кузьмина Е. Е. Мифология и искусство скифов и бактрийцев (культурологические очерки). – М., 2002. – С. 220–234.

Луговой К. В., Мжельская Т. В. Русский сказочный сюжет о царевне-лягушке в контексте осетинской героико-эпической традиции // Культурно-антропологические исследования. – Новосибирск, 2011. – Вып. 1(3). – С. 125–130.

Маразов И. К толкованию изображения на арибалле из кургана Куль-Оба // Вестник древней истории. – 1988. – № 4. – С. 103–108.

Мартынов А. И. О мировоззренческой основе искусства скифо-сибирского мира // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск, 1987. – С. 13–25.

Мжельская Т. В. Волшебная русская сказка «Сивко-Бурко»: исторические корни одного мотива // Восток – Запад: проблемы взаимодействия. – Новосибирск, 2011. – С. 46–52.

Мжельская Т. В. К семантике изображений на бляхе из кургана Кулаковского // Археологические изыскания в Западной Сибири и на сопредельных территориях. – Новосибирск, 2015. – С. 93–100.

Мжельская Т. В. Мотив воцарения героя в русской волшебной сказке «Царевна-лягушка» // История и историография России и Сибири в исследовательском и образовательном контекстах : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Новосибирск, 2014. – С. 276–284.

Пропт В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – М. : Лабиринт, 2002. – 336 с.

Раевский Д. С. Куль-Обские лучники // СА. – 1981. – № 3. – С. 44–51.

Раевский Д. С. Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея // СА. – 1970. – № 3. – С. 90–101.

Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. – М. : Наука, 1979. – 248 с.

Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. – М. : Академ. проект, 2013. – 638 с.

Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М. : Наука, 1989. – 464 с.

Худяков Ю. С. О символике стрел древних и средневековых кочевников Центральной Азии // ЭО. – 2004. – № 1. – С. 102–111.

Чапля Т. В. Социокультурные аспекты взаимодействия общества и искусства // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2016. – Т. 6. – № 1. – С. 62–66.

Чибиров Л. А. Сатана осетинской «Нартиады»: истоки формирования образа // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2015. – Т. 30, вып. 4. – С. 87–92.

Антоний. Лук в мифологии и обычаях индоевропейских народов. – URL: <http://churchtoday.ru/biblioteka/mifologija/istoki-slavjanskoi-i-evraziiskoi-mifologi/mify-i-legendy-o-volke-luke-i-strelah-u-evraziiskih-narodov/luk-v-mifologi-i-obychajah-indoevropeiskih-narodov.htm> (дата обращения: 15.05.2014).

БЭС (Большой энциклопедический словарь). – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/84070> (дата обращения: 15.12.2016).

T. V. Mzhelskaya

Novosibirsk State Pedagogical University

RUSSIAN FAIRYTALE “THE FROG PRINCESS” IN THE CONTEXT OF ARCHAEOLOGY

The study of fairy tales brings out in them some elements of historical reality. The purpose of this work to clarify certain aspects of the motives and characters of Russian fairy tales. To this end, the author conducts archaeological analogies. Archaeological materials prove Vasilisa the Wise ancient origin. The article deals with some aspects of the semiotics of this character.

The motif, where the hero becomes king, is present in the fairy tale. This motif has features. Bow and arrows are associated with the wedding rites and with a choice of heir to the throne. Archaeological analogies were used for analysis. The antique, parthian, Scythian coins and Scythian vessels contain images archers, bows and arrows, the scene of investiture of the king god, king's headdress burial from mound Issyk. The author tries to define the Vasilisa's semiotic specificity. To this end, the author explores the image Scythian goddess with serpent legs and explores images of female figurines from Cucuteni-Trypillia culture. The results show that the meaning of a shot from the bow has historical roots. Therefore, not only the hero found himself a wife, and came to the throne. The archaeological material proven antiquity of Vasilisa's image, were revealed some cultural aspects of her character.

Keywords: russian fairy tales, archaeological parallels, the motif of the reign of the hero, Vasilisa The Wise.

**«СИБИРСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ» КАК ОБРАЗЕЦ «УСТНОЙ ИСТОРИИ»:
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ***

Бывших ссыльных поляков, которые оказались в глубинных регионах царской России или Советского Союза, в Польше называют «сибиряками». Начиная с XIX в. они играют важную роль в формировании польской национальной идентичности; их считают национальными героями. В Польской Народной Республике (в послевоенные годы) рассказы об этих людях и их деятельности распространялись только нелегально, в тайне от властей, в форме «устной истории», и именно такая информация сыграла большую роль как одна из форм противодействия официальной, коммунистической версии истории. Сегодня бывшие ссыльные трактуют свои воспоминания как послание людям новых поколений. Торуньское отделение «Союза сибиряков» издало в 2016 г. книгу «Сибирские воспоминания». Она содержит рассказы и воспоминания 42 авторов – бывших ссыльных, оказавшихся в СССР в 1940–1956 гг. Эти люди сами решали, что они хотят рассказать и на каком периоде или эпизоде остановиться в своих воспоминаниях. Именно поэтому тексты оказываются прекрасным материалом для изучения их культурной идентичности, их ценностной системы. В этих рассказах можно встретить множество конкретных данных (даты, фамилии, названия населенных пунктов), а также описание условий жизни в местах ссылки. «Сибирские воспоминания» изобилуют описаниями тех страшных страданий, какие выпали на долю ссыльных поляков, но в них нет ненависти к русскому народу. Они свидетельствуют о том, что память даже о таком прошлом, в котором были особенно болезненные моменты во взаимных отношениях, может содействовать в будущем нормализации и улучшению отношений между нашими народами.

Ключевые слова: Сибирь, ссылка, память, устная история.

В 2016 г. бывшие польские ссыльные в СССР, проживающие ныне в Торунь, издали книгу «Сибирские воспоминания» (*Syberyjskie wspomnienia*) [2016]. В ней собраны воспоминания и рассказы 42 авторов – поляков, которых советская власть сослала в глубинные регионы СССР во время Второй мировой войны и в послевоенные годы. Эта книга, подобно другим воспоминаниям «сибиряков», представляет собой пример записи устных рассказов (памятников устной истории/*oral history*) и может служить интереснейшим источником как для польских, так и для российских исследователей – историков и антропологов.

Кто же они на самом деле, эти современные польские «сибиряки»? Чтобы понять значение этой книги (а также других, ей подобных) для польских и российских исследователей (в первую очередь – именно для российских), надо обратить внимание на несколько культурных контекстов, связанных с польскими «сибиряками». Поляки в разных ролях были известны в Сибири с давних времен, начиная с походов Ермака, однако только в XIX в., когда ссылке стали подвергаться участники антироссийских восстаний, память об этих ссыльных стала важным фактором польской национальной идентичности, а сами ссыльные – национальными героями [*Kuczyński*, 2016]. Вторая мировая война изменила положение бывших ссыльных. Для коммунистической власти Польской Народной Республики – государства, находившегося в зависимости от Советского Союза, люди, пережившие сибирскую ссылку, уже не были героями. Их трактовали как врагов, или, по крайней мере, они всегда были подозреваемы в потенциальном враждебном отношении к существующему строю и к союзу Польши с ее советским соседом. В отличие от довоенных времен, в послевоенные годы воспоминания ссыльных «сибиряков» в Польше не печатались, этим людям не присваивалось никаких наград, не проводились их встречи с молодежью. Напротив, те из них, кто искал работы, например, хотел вести преподавательскую деятельность в университетах, вынуждены были скрывать факт своего пребывания в сибирской ссылке, а если совсем скрыть такой факт было невозможно, то по крайней мере не говорить правды о том, какой характер имело их пребывание в Советском Союзе**.

* Работа выполнена при поддержке Программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ.

** Для примера приведу такой факт. Еще в 1970-х гг. в местной печати появилась статья о моей родственнице, имевшей звание заслуженного работника медицины. В 1944 г. ее сослали на восток – в глубь СССР. Журналистка, автор этой газетной статьи, написала, что свою «профессиональную практику она проходила в далеком Казахстане». Семья восприняла эту полуправду с ироничной усмешкой, с презрением в адрес «польского» государства (ПНР) и с уважением к мужеству журналистки, которая даже за такую формулировку могла быть подвергнута преследованиям (большинство читателей понимали истинный смысл ее слов). Часть воспоминаний, включенных в книгу, также содержит описания тех сложностей, с которыми столкнулись бывшие ссыльные в ПНР. Торуньские «сибиряки» планируют издание отдельной книги с воспоминаниями о том периоде их жизни, который наступил после возвращения из ссылки.

© Олшевски В., 2017

Но вопреки стараниям властей эти люди еще в большей мере, чем прежде, становились национальными героями. Их значение для сохранения польской национальной идентичности в коммунистическом, по сути враждебном польскому народу государстве еще более увеличилось. Рассказы об их жизни, передаваемые «шепотом», в кругу членов семьи и близких знакомых, становились важной составной частью «устной истории» и одновременно своего рода «антиистории», контрастирующей с той официальной историей, которую преподавали в школах, университетах и пропагандировали с помощью средств массовой информации.

Ознаменованные ограничениями в распространении устной истории 45 лет привели к тому, что в польском обществе становилось всё более слабым и урезанным знание тех проблем, которые были связаны с положением поляков, оказавшихся в ссылке в глубинных регионах СССР в 1939–1956 гг. После перемен, произошедших в Польше в 1989 г., бывшие ссыльные восстановили основанный в 1928 г. «Союз польских сибиряков» (ныне его отделения существуют в большинстве городов Польши) и развернули деятельность, направленную на сохранение памяти о том, что они пережили. Они сами начали записывать свои воспоминания или диктовали их ученым и журналистам, надеясь, что эти материалы останутся в архивах или увидят свет в печатных изданиях.

Торунь относится к числу таких городов, где проживают бывшие ссыльные трех «категорий»: вывезенные с их родной земли из бывших Восточных Кресов Польши на восток в начале Второй мировой войны (в большинстве случаев в 1940 г.); вывезенные оттуда же после того, как сюда вторично вошла Красная армия в конце войны (в 1944-м и в последующие годы), и, наконец, подвергнутые ссылке поляки уже не из восточных, а из иных, в том числе западных, регионов Польши, после того как туда вошли советские войска, т. е. в начале 1945 г., а также в последующие годы.

«Сибиряки» в Торуню пользуются большим почетом. В 2016 г. здесь был установлен и торжественно открыт памятник ссыльным 1940–1956 гг. Имя «сибиряков» носит одна из торуньских школ, в которой создан маленький музей – уголок, посвященный их памяти. Именем сибиряков названа также площадь, которая находится по соседству – и это не случайно, а знаменательно – с мостом имени Эльжбеты Завацкой – единственной женщины из числа так называемых «тихих и темных» героинь Второй мировой войны, преследовавшихся в ПНР*.

Есть еще одна существенная вещь – незнание, которое мешает не только иностранцам, но и многим полякам правильно ориентироваться в вопросах, связанных с польскими «сибиряками». Дело в том, что словом «сибиряк» в Польше называли любого ссыльного, сосланного в глубь СССР независимо от того, в каком месте он на самом деле находился. Разумеется, сами ссыльные вполне отдавали себе отчет, где точно они оказались. Однако Сибирь в польской традиции стала синонимом места ссылки в глубинах России (царской, а затем и советской империи), а «сибиряк» – синонимом ссыльного (узника ГУЛАГа). Долгий период запретов на исследования, публикации и просто рассказы о ссыльных периода Второй мировой войны и послевоенных десятилетий стал причиной того, что значительная часть польского общества не вполне понимает, что такое «Сибирь», включая в это понятие, например, Казахстан, Киргизию, весь российский (в том числе европейский) Север и дальние восточные рубежи. Случается, что такого рода ошибки делают даже ученые [Rzepkowska, 2009].

В соответствии с нормами польской орфографии житель Сибири называется «Сибиряк» (это слово пишется с большой буквы), а ссыльный поляк в Российской империи или Советском Союзе называется «сибиряк» (это слово пишется с маленькой буквы). С большой буквы пишутся названия всех обитателей определенных исторических регионов (стран), представителей национальных и этнических групп. И так случилось, что бывшие ссыльные начали писать о себе, вопреки правилам русской орфографии, называя себя «Сибиряками» (с большой буквы «С»). Это слово получило, таким образом, значение своего рода этнонима. Оно подчеркивало символический вес, важность периода ссылки в их жизни, в их собственном сознании и в национальной идентичности. Получилось нечто такое, будто бы эта символическая «Сибирь» стала еще одним историческим регионом Польши, подобным таким регионам, как Мазовша, Подлясье, Малая Польша, Большая Польша, Силезия, Приморский или Куявский регионы (Mazowsze, Podlasie, Małopolska, Wielkopolska, Śląsk, Pomorze czy Kujawy). Для того чтобы уточнить, о какой собственно Сибири идет речь, в польском языке применяются разные понятия. Сибирь как географический регион называется польским словом «Сыберия» (Syberia). Когда же речь идет о символической «Сибири» – о месте ссылки и страданий многих поляков, ее называют не «Syberia», а приспособленным к польскому произношению русским словом «Sybir (Сыбир)».

Я обращаю внимание на все эти аспекты, потому что без них трудно понять, какую роль играют «Сибиряки» и их воспоминания в формировании среди поляков образов Сибири, России и всего постсоветского пространства, русских и россиян в развитии польско-российских отношений. В этом контексте оказывается понятным, почему публикация «Сибирских воспоминаний» столь важна для самих «Сибиряков», почему она имеет именно такой характер, такое содержание, почему одни события давнего прошлого постепенно как бы уходят в тень, оказываются в маргинальной сфере, а другие, наоборот, – выделяются крупным планом.

* «Тихими-темными» (Cichociemni) назывались в годы Второй мировой войны представители элитарной группы десантников, которых обучали в Великобритании и которые возглавляли потом партизанские отряды на территории Польши, оккупированной фашистской Германией. Они должны были обладать не только физической силой и блестящей военной подготовкой, но и выдающимся умом, эрудицией, высокой нравственностью.

Что содержат в себе «Сибирские воспоминания»? Почти каждому из воспоминаний, опубликованных в то-руньском сборнике, предшествует краткая информация с «сухими» данными (имя, фамилия ссыльного, дата и место рождения, имена родителей, дата ссылки и дата возвращения в Польшу, место ссылки, сведения о членах семьи, также подвергнутых ссылке, и о том, кто из них погиб в этой ссылке и по какой конкретно причине). Предоставление такой информации было единственным требованием редакции по отношению к «сибирякам» – авторам воспоминаний. В остальном же – форма, содержание, объем воспоминаний – зависело от них самих, от их темперамента (самые лаконичные воспоминания уместились на половине страницы, самые длинные – заняли 63 страницы), от их литературных способностей, от того, что каждый из них выбрал и посчитал наиболее важным для рассказа. Эти воспоминания были записаны самими ссыльными, возможно, их близкими родственниками или друзьями, иногда – журналистами, но во всех случаях отсутствовала какая бы то ни было установленная «сверху» схема.

Эта свобода высказывания, которую имели авторы воспоминаний, имеет для нас большую ценность с методологической точки зрения. Каждый антрополог прекрасно знает, что даже наилучшим способом приготовленные «вопросник» или анкета могут исказить результат проводимых исследований. Влияние на результат опроса могут иметь не только выбор и формулировка поставленных вопросов, но даже их последовательность, а также поведение антрополога в процессе беседы. От всех этих недостатков тексты, включенные в сборник воспоминаний «Сибиряков», в значительной мере свободны. Авторы были ограничены только поставленной темой, во всем остальном они имели полную свободу. Они сами решали, какой выбрать момент, период для рассказа, как расставить акценты. Сами определяли, о чем сказать кратко, несколькими словами (даже если нам, антропологам, именно это казалось важным), а о чем рассказать подробно, во всех деталях, даже если в контексте всей истории их ссылки это могло показаться малосущественной мелочью. Что же влияло на то или иное расставление акцентов в сообщениях «Сибиряков», кроме их личного опыта и ощущения? Видимо, прежде всего (кстати, это не раз подчеркивалось ими самими), понимание своей миссии – долга, обязанности сохранить память о жертвах депортаций, предостеречь об опасности последствий коммунистического тоталитаризма, а также чувство ответственности за будущие отношения с россиянами. Часть авторов этого сборника также описала свои переживания после «возвращения» в Польшу, и, несомненно, эти переживания были итогом и последствием самой ссылки*. Это тоже весьма важная информация для исследователей и читателей книги: она помогает понять сложившиеся после ссылки, в том числе и нынешние взгляды, позиции, подходы к проблеме бывших ссыльных.

Благодаря такой конструкции книги, читатель (историк, антрополог) в самом начале, перед каждым сообщением, получает богатый «объективный» фактографический материал – имена, фамилии, даты, точные названия географических пунктов, включая даже маленькие деревни, поселки, колхозы, нередко с детальным описанием того, как всё это административно было устроено и локализовано. В текстах воспоминаний также встречаются имена и фамилии русских, татар, немцев, ссыльных других национальностей и представителей местного населения, в частности учителей, стражей порядка, иногда истинных палачей (а также польских изменников, какими были, например, родственники писателя Ежи Путрамента). Здесь можно найти свидетельства о том, какие страдания и несчастья пережили не только поляки, но и люди других национальностей, в том числе местные жители – «советские люди».

Книга содержит богатый материал, касающийся условий жизни ссыльных в Сибири и других местах. Конечно, есть там много субъективного, поскольку речь идет о «сибирских» условиях жизни, воспринимаемых польскими ссыльными, «их глазами», сквозь призму их собственной системы ценностей и в контексте их полной неподготовленности к тому, чтобы жить в этих условиях. Этот субъективизм (который, кстати, присущ всегда так называемой «устной истории» (oral history) и является ее неотъемлемой характерной чертой) не умаляет, однако, ценности книги, скорее, напротив, повышает ее. Люди, вообще, в жизни не руководствуются какой-то «объективной действительностью», а воспринимают ее в соответствии с тем культурным багажом, каким они обладают, с той системой ценностей, какую они разделяют, в соответствии со своим личным опытом. Польские ссыльные, возможно, непропорционально большое место в своих воспоминаниях отводят тому, что для них было особенно болезненно – недостатку гигиены, невозможности уединения (постоянному пребыванию среди других и на глазах других людей), голоду, такому положению, когда человек вынужден красть или попрошайничать, чтобы выжить, отсутствию уважения к самой человеческой жизни и смерти, а также тому, чего они никак не могли понять, а именно саму систему функционирования коммунистической власти и экономики, отношение советских людей к труду. Вся совокупность воспоминаний, собранных в этой книге, является интереснейшим для антрополога свидетельством вынужденной встречи, столкновения разных культур и систем ценностей.

Ценность «Сибирских воспоминаний» для антрополога. В распоряжении российских исследователей находится множество воспоминаний жителей Сибири (и других регионов, служивших местами ссылки) периода Второй мировой войны. Их содержание частично совпадает и перекрещивается с рассказами и воспоминаниями

* Я написал о «возвращении» после ссылки в кавычках, поскольку в действительности жители бывших Восточных Кресов Польши, вывезенные отсюда, не возвращались после войны к родным местам, их направляли в другие, совсем чужие для них районы Польши, в которых они попадали в совершенно чуждую им среду (и, разумеется, в совершенно иную политическую реальность по сравнению с их довоенной жизнью).

польских ссыльных. Но существуют такие элементы культуры, особенно в области повседневного быта, которые россиянам казались настолько само собой разумеющимися, что они в своих воспоминаниях могли оставить их в тени, даже вовсе обойти молчанием, в то время как в польских источниках им уделяется значительное внимание, поскольку они были непривычными, неожиданными, удивительными для поляков. Так же и наоборот: польские авторы могли не придавать значения тому, что россиянам (местным жителям) казалось само собой разумеющимся, и придавать повышенное значение тому, что их удивляло, подробно описывая и отмечая такие моменты. Естественно, что польские исследователи, прежде всего, изучают воспоминания польских ссыльных, а российские ученые – литературу и источники, основанные на воспоминаниях и рассказах граждан СССР. Но я убежден в том, что следующим этапом исследовательской работы как польских, так и российских ученых должно стать изучение документов «устной истории», принадлежащих «другой стороне», при внимательном отношении к той общественной позиции, какую занимают авторы таких воспоминаний – и в Польше, и в России. Это совершенно необходимо не только для правильного понимания тех установок и взаимоотношений друг с другом, которые существовали в период Второй мировой войны, но и для функционирования и роли памяти об этой войне в современной общественной жизни и сознании обоих народов. Комплексные исследования в этом направлении имеют также большое значение для верификации теории отношений между культурами.

Общественно-культурная роль «Сибирских воспоминаний». Тексты, принадлежащие к сфере «устной истории», как те, что существовали только в устных пересказах, так и те, которые были записаны самими авторами воспоминаний или с их слов историками и антропологами, играют исключительно большую роль в формировании общественно-культурных установок, и можно с уверенностью сказать, что эта роль гораздо активнее той, какую могут сыграть научные исторические труды. Как я уже отмечал выше, «Сибиряки» пользуются в Польше почетом и уважением. Их позиция, их точка зрения, их голос, воспроизводимый в таких книгах, как торуньское издание, если они получают достаточно широкое распространение, могут оказать существенное влияние на формирование позиций всего польского общества. Поставим в этой связи вопрос: какое послание, адресованное современникам, содержат в себе «Сибирские воспоминания»?

Приведу в качестве ответа реплику одной молодой преподавательницы Университета имени Николая Коперника, прозвучавшую на торуньской встрече с «Сибиряками» (она цитируется в данной книге):

«Один человек, совершенно беззубый, с каким-то поразительным спокойствием рассказывал о страшной ка-торге, о бесконечно долгой перевозке людей в вагонах для скота, о своих товарищах по несчастью, которые не доехали до места назначения, поскольку погибли от голода и холода, о тех, кто не выдержал страшных условий лагерного труда, о тех, кого закопали в ямах. И о тех, кто выжил в лагере и должен был вернуться домой, но не доехал до дома, до своих близких, ибо умер от истощения по дороге домой. И в голосе этого человека не чувствовалось ни сожаления, ни малейшего протеста или жажды мести. Это произвело сильнейшее впечатление на всех присутствовавших, и это впечатление невозможно забыть» [*Сибирские воспоминания*, с. 192].

И еще одна весьма показательная цитата из этой книги – из воспоминаний «Сибирячки» о русских людях, с которыми судьба свела ее в ссылке: «Раньше спрашивали меня, сильно ли я ненавижу. Знаете, – нет, я совершенно не чувствую ненависти, это мне чуждо. Русские – это вообще-то добрые люди, сердечные, только очень бедные. <...> Я могу их только пожалеть. Другое дело – мое отношение к советской власти, которая в годы войны так страшно над нами измывалась» [*Сибирские воспоминания*, с. 99–100].

Нельзя сказать, что это совершенно новый подход. Еще в 1930-х гг. Мечислав Лепецкий (Mieczysław Lepski), бывший адъютант Ю. Пилсудского, путешествуя по Сибири по местам его ссылки, выражал надежду на то, что в будущем Сибирь станет привлекательным местом для польских туристов, которых покорит ее красота. Он писал: «... прекрасная суровая Сибирь ни в чем не виновата, не ее надо проклинать за то зло, которое правило бал на этих землях. А может быть, вообще, не надо проклинать? Надо только обо всем этом помнить» [*Lepski*, 2012, с. 21, 64; *Ольшевски*, 2013].

Весь мой опыт в области культурной антропологии убеждает меня в том, что на пути к тому будущему, о котором мечтал Мечислав Лепецкий, документы из сферы «устной истории», будь то устные рассказы или записанные тексты, как в книге «Сибирские воспоминания», хотя они вовсе не обходят молчанием трудные моменты наших отношений друг с другом, могут сыграть гораздо более активную и позитивную роль, чем труды историков и высказывания политиков.

Syberyjskie wspomnienia / M. Antonowicz, K. Buniak, W. Chróścielewski, S. Dubiel, W. Janowicz, A. Józwik, J. Krokowska, Z. Matuszewicz, J. Myrcha, M. Swaczyna, D. Szelałyńska. – Toruń : Machina Druku, 2016. – 374 s.

Kuczyński A. Syberia: 400 lat polskiej diaspory : zesłania, martyrologia i sukces cywilizacyjny Polaków : rys historyczny, antologia. – Krzeszowice : Wydawnictwo Kubajak, 2016. – 703 s.

Lepski M. Sybir bez przekleństw. Sybir wspomnień. – Warszawa : LTW, 2012. – 300 s.

Ольшевски В. Сообщения Мечислава Лепецкого из Сибири как источник культурной антропологии // Проблемы российско-польской истории и культурный диалог : материалы Междунар. науч. конф. (Новосибирск, 23–24 апреля 2013 г.) / отв. ред. М. Волос, Н. П. Матханова. – Новосибирск, 2013. – С. 374–382.

Rzepkowska A. Sybiracy: wspólnota – pamięć – narracja. Studium antropologiczne. – Łódź : PTL, 2009. – 227 s.

*W. Olszewski**Laboratory of archeological and ethnographical research of Western Siberia Tomsk State University,
Nicolaus Copernicus University in Toruń (Poland)***“SYBERYJSKIE WSPOMNIENIA” AS AN EXAMPLE OF ORAL HISTORY:
CULTURAL CONTEXTS**

Former deportees exiled into the depths of Russia or the Soviet Union are referred to in Poland as “Sybiraks”. They have played an important role in the development of Polish national identity since the 19th century, and are considered national heroes. After World War II, their stories could only be passed down secretly, by word of mouth, but they were important as a form of opposition to the official, Communist version of history. Today, former deportees treat their memories as a message for the next generations.

In 2016, the Toruń branch of the Association of Siberian Deportees (*Związek Sybiraków*) published a book entitled *Syberyjskie wspomnienia* (Siberian Memoirs), which contains accounts from 42 deportees who spent time in exile in the USSR between 1940 and 1956. The authors were free to determine the scope and content of their accounts. As a result, the accounts provide excellent material to study the authors’ cultural identities and systems of values. In addition, they contain a wealth of specific details (dates, names of people and places) as well as descriptions of living conditions in the places of exile.

Syberyjskie wspomnienia tells many stories of terrible suffering, but it does so without conveying any traces of hatred towards the Russian nation. The book demonstrates that remembrance, even if it brings back very painful memories of the two nations’ shared past, can help build good relations in the future.

Keywords: Siberia, deportations, remembrance, oral history.

УДК 395.3

*М. Соегов**Национальный институт рукописей АН Туркменистана, Ашхабад***К ЭТИМОЛОГИИ ЛИЧНЫХ ИМЕН И ПРОЗВИЩ НЕКОТОРЫХ ПРАВИТЕЛЕЙ
ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В СВЯЗИ С ПРАВОПИСАНИЕМ
ИХ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ (на кириллице)**

В данной статье, состоящей из двух небольших частей, сначала предпринята попытка заново этимологизировать личные имена таких киммерийских, скифских и гуннских правителей, какими являются Сандакساتра, Тугдамме (Дугдамме), Атей, Мундзук, Бледа и Аттила. Во второй части затрагиваются вопросы происхождения и правописания личных имен и прозвищ средневековых туркменских правителей. Адекватная передача имен собственных из туркменского и других тюркских языков на русский язык была и остается одним из спорных и не до конца решенных вопросов в деле взаимодействия этих языков, особенно тогда, когда правописание и семантика подобных лексем осложнены посредством арабо- и персоязычных текстов, которые были выполнены арабской вязью представителями разных школ искусства восточной каллиграфии. Последнее имеет непосредственное влияние на правильное выявление семантики единиц туркменской исторической антропонимики даже в родном языке. Автором обоснован собственный взгляд в вопросе о передаче на русский язык личных имен и прозвищ таких правителей, какими являются карханид Бугра-хан, сельджукиды Тугрул-бек и Султан Санджар Мази, хорезмшах Джалал ад-Дин Менгбурны и некоторые другие туркменские знаменитости Средневековья.

Ключевые слова: антропоним, правитель, правописание прозвищ, семантика, источники, правильная передача.

Результаты этимологических разработок всегда будут вызывать дискуссии, порою даже недоумение. Они обычно сопровождаются определенной фантазией ученого, без которой вообще немислимы подобные исследования, поэтому представляют собой одно из неблагодарных занятий. Еще можно различать взгляды более убедительные или менее убедительные, особенно тогда, когда они выходят за рамки «дозволенного», т. е. ломают установившиеся годами (иногда веками) стереотипы. В условиях постепенного перехода на междисциплинарные

исследования («глобализация проблем, стоящих перед наукой») изыскания в области этимологии могут выступать «легкой кавалерией», некой «разведкой боем» для ведения в будущем больших и серьезных разработок. Не является исключением из указанных общих правил и настоящая статья, которая состоит из двух небольших частей. Первая из них посвящена древности и, естественно, более дискуссионная, чем вторая, где рассматриваются вопросы, связанные с личными именами и прозвищами туркменских правителей Средневековья.

Древние антропонимы. Если тюркоязычность как азиатских хуннов (хунну), так и европейских гуннов (хуннов) уже давно не вызывает сомнения у современных ученых, то в отношении скифов в этом вопросе делается со стороны исследователей пока робкие предположения. Тем не менее разработки последних лет убедительно показывают, что у древних авторов (Геродот и др.) нет даже намек на какие-либо языковые сходства массагетов (и скифов) со своими врагами – ираноязычными персами или другими соседями (древнегреческий язык, латынь и др.), которые, согласно современной классификации, входят в индоевропейскую языковую семью.

Рустан Рахманалиев в своей большой книге «Империя тюрков. Великая цивилизация» [2009] очень осторожно замечает, что «хотя, по мнению современных исследователей, скифы относятся к иранским народам – индоевропейская семья, индоиранская или арийская группа, – их образ жизни весьма схож с образом жизни хуннских племен – прототюрков, или доисторических тюрков», а Ю. Н. Дроздов в книге «Тюркоязычный период европейской истории» прямо утверждает: «Самый ранний европейский этноним, который появился на страницах античных письменных источников, – это ‘киммерийцы’. Семантико-этимологический анализ этого этнонима показал, что это было типичное тюркоязычное племенное название. В античных источниках есть четкое сообщение о том, что киммерийцы принадлежали к скифским народам, которых позднее стали называть гуннами. Вообще, скифами древние греки изначально называли европейские племена, религиозной приверженностью которых, судя по семантике этого названия, было огнепоклонничество» [Дроздов, 2011, с. 12–13]. Автор книги не сомневается в том, что «скифы были тюркоязычным народом» [Там же, с. 22].

Если это действительно так, то можно предположительно этимологизировать этноним «киммерийцы» на основе тюркских слов «ким» (используется только в отношении людей) ‘кто’ и «бер-» ‘давать’, ‘отдавать’, т. е. киммерийцы (ким + бер) – это ‘те, кому (другие) дают (оплачивают) налоги’ или наоборот ‘те, кто (другим) дает (оплачивает) налоги’. Как известно, в Библии киммерийцы известны как яфетический народ «гомер», а у Гомера исправляли написание киммерийцы на «керберии».

Тюркизмами гуннского периода считаются такие слова современного английского языка, как beech (от бука/буга ‘бык’) ‘бык’, body (от бод/бой ‘рост тела’, ‘тело’) ‘тело’, girl (от кыз/гыз ‘девочка’, ‘девушка’) ‘девочка’, beer (от боза/буза ‘хмель’, ‘вино’) ‘пиво’, book (от бит-, битик ‘писать’, ‘письмо’, ‘книга’) ‘книга’, king (кан/хан) ‘король’ [Тюркизмы в английском языке].

Исходя из изложенного, мы с большой долей вероятности можем констатировать, что скифский царь Атей (греч. Atheas) был тезкой более позднего гуннского царя Аттилы (лат. Attila), ибо оба они носили тюркское имя Ат(т)а ‘отец (народа)’. Мы еще в 2007 г., выступая на страницах турецкого журнала «Tarih» («История») со статей «İlBaşı Anlamı Veren Ad Taşınış Büyüklüğümüz», в которой высказались о тюркском (хуннском) происхождении личного имени (титула) Аттилы, сравнивая его с такими современными политическими «псевдонимами», как Ата-тюрк и Туркменбаши [Söyegov, 2007, s. 20–23].

Имя старшего брата Аттилы – Бледы мы склонны считать искаженной формой слова (титула) Билге, хорошо известного несколько позже по Орхонским памятникам. Имя отца Аттилы (и Бледы) – Мундзук этимологизируется не иначе, как «монджук» ‘ожерелье’, ‘(правитель, который носит) бусы’, а одного из сыновей Аттилы называли Денгизик ‘море’, ‘(пусть его владения будут шире как) океан’. Ср.: гектюркский принц и полководец Кельтегин (кель ‘озеро’). Исконно тюркские лексемы, характеризующие язык азиатских хуннов и зафиксированные в китайских анналах, были рассмотрены нами на страницах указанного выше турецкого журнала в 2008 г. в статье под названием «Çin Yıllıklarına Göre Birkaç Hunca Sözcükve Kısa Açıklaması» [Söyegov, 2008, s. 52–54].

Начиная со второй половины 1950-х гг. многие ученые приняли точку зрения И. М. Дьяконова, согласно которой имя киммерийского царя Сандаксатру абсолютно аналогично (?) иранскому «Артаксеркс» и может быть интерпретировано как ‘власть бога Сандона’ (лувийское божество) [Дьяконов, 1956, с. 241]. В свою очередь это якобы предполагает (?) индоиранскую принадлежность киммерийцев.

Теперь, во второй половине 2010-х гг., позвольте не согласиться в принципе с устаревшей постановкой этого вопроса тогда, когда утверждается, что ‘киммерийцы’ – это типичное тюркоязычное племенное название.

Мы хотим связать происхождение дошедших до нас немногочисленных киммерийских антропонимов не с иранским религиозным пантеоном, а с древним евразийским тенгризмом (тенгрианство), в котором в центре поклонения находилось само Солнце, а не огонь, как наблюдаем в зороастризме (огнепоклонничество) у древних иранских народов. По существу, зороастризм – это несколько видоизмененный тенгризм, т. е. продолжение туранского тенгризма в новом социуме, среди иранских этносов. Одним из основных атрибутов тенгризма (солнцепоклонничество) были разнообразные знамена, поднятые высоко в небо (как бы до Солнца).

Таким образом, этимологию имени киммерийского царя Сандаксатру мы связываем с тюркскими словами «санджак» (‘одно из разновидностей знамени’, ‘знамя’) и «чадыр» (‘шатер’, ‘шатер-дворец тюрко-монгольских правителей’). Санджак – это имя существительное от глагола санч-, одно из значений которого – ‘вставить (знамя)’,

‘проколоть в землю древко (знамени)’. Следовательно, личное имя (титул) киммерийского царя Сандаксатру этимологически состоит из двух частей: сандак (санджак) и сатру (чадыр) – и имеет метафоричное значение, как ‘знамя на дворце’, т. е. ‘царь’ [Соколов, 2011, с. 258–259].

Не случайно, имя другого киммерийского царя Тугдамме (Дугдамме, умер в 640 г. до н. э.) также созвучно со словом «туг» в значении ‘флаг’, ‘штандрт’, на основе которого был образован в туркменском языке семантически неологизм «тугра» в значении ‘герб’. Вторая часть киммерийского антропонима Тугдамме, очевидно, представляет собой несколько видоизмененное тюркское слово «тагма», т. е. ‘печать’, ‘герб’. Можно предположить, что царь (в современном понимании этого слова носил личное имя с метафоричным значением ‘флаг и герб (государства)’, т. е. ‘царь’.

Средневековые антропонимы. По просьбе своего младшего приятеля, кандидата филологических наук из Кызыла (мы знаем друг друга пока только по Интернету), я отправил ему по э-почте электронный вариант двухтомного «Толкового словаря туркменского языка», который был издан в 2016 г. Но сразу же получил от него письмо со следующими словами: «Большое спасибо за скорый ответ... а как насчет орфографического словаря туркменского языка? Я заинтересовался орфографическим словарем, потому что, оказывается, в “Этимологическом словаре тюркских языков” Э. Севортяна словник (заглавные слова), в первую очередь, передается на туркменском языке. И вот поэтому я думаю, словарь туркменского языка должен быть у каждого тюрколога. С уважением, Кызыл-Маадыр Симчит».

Это было 5 мая 2016 г. Через несколько дней я выслал ему и «Орфографический словарь туркменского языка», вышедший впервые после перевода туркменской письменности на алфавит, составленный на основе латинских букв (в скобках отметим, что туркмены подобным алфавитом пользовались и раньше – в 20-е и 30-е гг. прошлого столетия).

Однако это всё второстепенное, а главным для меня стало то, что под влиянием высказывания специалиста по шаманской терминологии из Республики Тыва о словах-реестрах в этимологическом словаре тюркских языков я решил изложить свои соображения в вопросе об установлении правописания прозвищ, а также некоторых личных имен правителей Средневековья на основе их туркменского произношения. Ибо эти антропонимы, написанные в оригинале в своем большинстве арабскими буквами, передаются современными алфавитами на разных языках часто искаженно или вообще неправильно. Мы исходим здесь из передачи их буквами кириллицы, которые использовались до недавнего времени и используются по настоящее время в письменности многих тюркских народов, населявших бывший Советский Союз.

Если Гектюркское государство (Древнетюркский каганат) было создано огузами, предками туркмен (по В. В. Бартольд), то в государстве туркмен-карлуков (термин Махмуда Кашгарского), названном впоследствии с легкой руки В. В. Григорьева Караханидским, правление осуществлялось двукрылой системой, в которой высший (правое крыло) правитель назывался Арслан-ханом (представлял племя чигиль), а низший (левое крыло) правитель носил имя Бугра-хан и был представителем племени ягма. Да, именно Бугра-хан, как произносят его туркмены, а не Богра-хан, как писалось до этого в научной литературе. Современный туркменский стихотворный пример на использования слова «бугра» как личное имя: Бугра чопан; Гыз янында йыгра чопан. – Керим Гурбаннепесов. Арслан также является одним из распространенных личных имен у туркмен. Первичное лексическое значение этих слов: арслан – ‘лев’, бугра – ‘чистокровный двугорбый верблюд-производитель’ [Соколов, 2012а, с. 206–214; 2012б, с. 281–288].

Такая же картина при передаче арабской буквы «вав» наблюдается в имени одного из двух братьев-правителей туркменского государства Великих Сельджукидов, а именно Тугрул-бека – брата Чагры-бека. Написание Тогрул-бек противоречит туркменским словам: туг (‘штандрт’) и тугра (‘герб’), а также современным личным именам: Тугур (мужское) и Ту(г)ра (женское), которые имеют общий корень с именем Тугрул-бека. Правильное написание, присущее турецкому языку, – Tugrul bey. По своим лексическим значениям их обычно связывают соответственно с туркменскими словами «тугун» – ‘кречет’ и «чайкел» – ‘вид хищных птиц’.

Из работ В. В. Бартольда узнаем, что в первом французском переводе (1891 г.) известного сочинения Мухаммеда Насави (переводчик О. Уда) имя последнего султана Хорезма написано в виде Djelal ed-Din Mankobirti. Сам В. В. Бартольд интересующее нас прозвище пишет двояко: Менкуберти (или, может быть, Менкубирни) [Бартольд, 1963, с. 86]. Точка над і в этом вопросе была поставлена З. М. Буниятовым еще в 1973 г.: «Манкбурны – прозвище султана Джалал ад-Дина. В разных источниках и исследованиях пишется и произносится по-разному, хотя современные Джалал ад-Дину и более поздние источники на арабском и персидском языках дают ясное написание Манкбурны» [Насави, 1973, с. 301–302]. Далее ученый приводит следующие слова – доказательство из сочинения XVI в.: «Султан Джалал ад-Дин... имевший на носу родинку, был известен как Манкбурны». Еще добавляет, что «написание этого имени в форме “Манкбурны” отчетливо видно на монетах Джалал ад-Дина, чеканенных в Индии». Поэтому вполне справедлив З. М. Буниятов, когда утверждает, что чтение «словообразования “Менкубирти” и толкования “Менгу” – ‘вечный (бог)’ и “берди” или “бирди, бирти” (‘он дал’) не выдерживает критики» [Насави, 1973, с. 301–302].

После всего этого попытка со стороны некоторых наших молодых ученых поднять без основания и с особой назойливостью давно разрешенный в науке вопрос и усердие их вновь восстановить ошибочное написание про-

звища хорезмшаха в виде Менгуберди выглядят, по меньшей мере, безответственными, даже смешными. Очевидно, современное туркменское написание должно быть в виде Meñburny/Менгбурны, т. е. досл. тей/менг ('родинка') и burny/бурны ('его нос').

В этой связи хотим остановиться еще на одном вопросе. В публикациях сначала на турецком, затем на русском языках название драмы «Султан Санджар Мази» (Ашхабад, 1926), созданной ногайским писателем Басиром Абдуллином из истории туркменских средневековых правителей, исходя из записи «Султан Санджар. Историческая пьеса» в самой книжке было нами переведено как «История Султана Санджара», т. е. слово «мази» передано как 'история' [Söyegov, 2012; Соегов, 2012в, с. 116–121]. Вновь выявленные факты позволяют теперь внести необходимое уточнение. Так, например, хивинский хан и историк Абул-Гази в своем трактате «Родословное древо туркмен» пишет о Султানে Санджара Мази, отцом которого был Мьялик-шах («Султан Меликшах, отец Султана Санджар-Мази, из уруга Кынык, пошел и завоевал Ирак и Фарс») [Кононов, 1958, с. 68, 70]. В литературе встречается еще один, более поздний Султан Санжар Мази, который был одним из приближенных людей Захир ад-Дина Бабура, который, скорее всего, полностью принял титул первого (сельджукского) султана.

Арабское заимствование «мазы (мази)» в туркменском языке имеет значение 'люфа' (огородное растение семейства тыквенных и небольшой его плод (размером с маленький мяч), который отличается ароматным и приятным запахом; синоним – десеммая). Таким образом, туркменское именное сочетание Султан Санджар Мази можно будет перевести на русский язык в будущем как Султан Санджар Muskusный. Если иметь в виду лексическое значение его личного имени («санджар» – отглагольное имя от основы «санч-» 'вонзить', 'колоть'), то он будет выглядеть еще и воинственным.

В таком понимании вещей последний султан Великих Сельджукидов займет достойное место в самом начале исторического звена туркменских правителей, которые носили интересные прозвища, исходя из своих телесных особенностей или социальных заслуг: Султан Санджар Мази (Воинственный и Muskusный), Султан Джалал ад-Дин Менкбурны (с родинкой на носу), Султан Мехмед Фатих (Завоеватель), Султан Баязид Дервиш (Монах), Султан Селим Ёвуз (Грозный), Султан Сулейман Кануни (Законодатель или Великолепный). В этом отношении их можно сравнивать с Иваном Грозным (русский), Карлом Великим (француз) и правителями других народов, которые имели (или им присудили позже летописцы и историки) разные прозвища.

В конце еще отметим, что книга В. Я. Бутанаева «Бурханизм у тюрков Саяно-Алтая» [2003] содержит ценные сведения о религиозно-фольклорном образе Ойрот-хана. Как известно, знаменитый алтаист Г. Й. Рамстетд писал об этимологической идентичности слов «ойрот» и «огуз». Исходя из этих данных, нам нетрудно будет обобщить: образ упомянутого Ойрот-хана и образ легендарного прародителя современных туркмен Огуз-хана, о котором повествуют «Родословное древо туркмен» (XVII в.) и более ранние «Огузнаме», имеют общий исторический прототип, который можно будет выявить в будущем, не только исследуя глубинные слои веков и тысячелетий, а также путем адекватного изучения соответствующего этнографического и фольклорного материала.

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. – М. : Вост. лит., 1963. – Т. 1. – 760 с.

Бутанаев В. Я. Бурханизм у тюрков Саяно-Алтая. – Абакан : Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2003. – 260 с.

Дроздов Ю. Н. Тюркскоязычный период европейской истории. – М. : Литера, 2011. – 599 с.

Дьяконов И. М. История Мидии: от древнейших времен до конца IV века до н. э. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – 488 с.

Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. – 192 с.

Насави-ан Шихаб ад-Дин Мухаммад. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / пер. с араб., предисл., коммент., примеч. и указ. З. М. Буниятова. – Баку : Элм, 1973. – 452 с.

Соегов М. К. Этимологии некоторых личных имен древних аланских правителей // Бронзово-железный век и материально-духовное наследие туркмен : материалы Междунар. науч. конф. – Ашхабад, 2011. – С. 258–259.

Соегов М. Некоторые вопросы раннесредневековой этнической истории туркменского народа в свете трудов Л. Н. Гумилева по этнологии (в порядке обсуждения) // Научное наследие Л. Н. Гумилева: истоки, эволюция, проблемы восприятия : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Л. Н. Гумилева. – СПб., 2012. – С. 206–214.

Соегов М. О двухкрылой системе управления государством хазарскими правителями в Итиле (Астрахань) и ее древних тюрко-огузских корнях // Гуманитарные исследования. – Астрахань, 2012б. – № 1 (41). – С. 281–288.

Соегов М. Творчество Басира Абдуллина и вопросы ногайско-татарско-туркменских литературных взаимосвязей в начале XX века // Проблемы филологии народов Поволжья : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – М., 2012в. – Вып. 6. – С. 116–121.

Söyegov M. Çin Yıllıklarına Göre Birkaç Hunca Sözcükve Kısa Açıklaması // TürkDünyası TarihKültürDergisi. – Sayı : 256. Nisan. – İstanbul, 2008. – S. 52–54.

Söyegov M. İlBaşı Anlamı Veren Ad Taşımış Büyüklerimiz // Türk Dünyası Tarih Kültür Dergisi. – Sayı : 243. Mart.– İstanbul, 2007. – S. 20–23.

Söyegov M. Nogay Yazar Basir Abdullin'nin Dramları Üzerine Bir Unceleme // Kardeş Kalemler Aylık Avrasya Edebiyat Dergisi. – Sayı : 63. Mart. – İstanbul, 2012. – URL: http://www.kardeskalemler.com/mart_2012/nogay_yazar_basir_abdullin.htm (дата обращения: 14.01.2016).

Тюркизмы в английском языке. – URL: <http://www.atc.az/forum/showthread.php?t=7102> (дата обращения: 22.02.2016).

M. Soyegov

National Institute of Manuscripts of Academy of Sciences of Turkmenistan, Ashgabat

TO ETYMOLOGY OF PERSONAL NAMES AND NICKNAMES OF SOME GOVERNORS OF THE ANTIQUITY AND THE MIDDLE AGES IN CONNECTION WITH THEIR SPELLING IN RUSSIAN (on cyrillics)

In the given article consisting of two small parts, attempt anew этимологизировать personal names such киммерийских, Scythian and гуннских governors whom Sandaksatra, Tugdamme (Dugdamme), Atej, Mundzuk, Bleda and Attila are at first is undertaken. In the second part of article questions of an origin and spelling of personal names and nicknames of medieval Turkmen governors are mentioned. Adequate transfer of proper names from Turkmen and other Turkic languages on Russian was and remains to one of disputable and not up to the end решенных questions in business of interaction of these languages, especially when spelling and semantics of similar lexemes are complicated by means of Arab and Perian texts which have been executed Arabian ornate lettering by representatives of different schools of art of east calligraphy. The last has direct influence on correct revealing of semantics of units Turkmen historical antroponimik even in a native language. The author proves own sight in a question on transfer on Russian of personal names and nicknames of such governors with what are Karakhanid Bugra-khan, Seljukids Tugrul-bek and Sultan Sanjar Mazi, Khorezmshah Jalal ad-Din Mengburny and some other Turkmen celebrities of the Middle Ages.

Keywords: antroponim, governor, spelling of nicknames, semantics, sources, correct transfer.

УДК 811.11 –112 801.5

М. А. Таганова

Национальный институт рукописей АН Туркменистана, Ашхабад

ПЕРЕДАЧА НЕКОТОРЫХ РУССКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье говорится о русско-туркменском сотрудничестве в области археологии, благодаря которому на древней Туркменской земле, которая славится своими богатыми историческими, художественными, архитектурными и археологическими памятниками, было много сделано – проведены многочисленные экспедиции и найдено бесчисленное количество артефактов, проливших свет в изучении человеческой цивилизации. В описании достижений археологии важную роль играют термины. В докладе археологические термины разделяются на несколько групп. В первую входят международные термины, которые почти одинаково используются в русском и туркменском языках. Вторую группу составляют русские археологические термины, имеющие свои эквиваленты в туркменском языке. В третью группу отнесены термины русского языка, которым пока не найдены эквиваленты в туркменском языке.

Ключевые слова: археология, русский язык, туркменский язык, термины, перевод, эквивалент.

В связи с получением независимости народы бывших союзных республик сами определили свой дальнейший путь. Туркменский народ избрал путь независимости и нейтралитета, основанного, в первую очередь, на его главных традициях, обычаях и многовековом опыте, а также достижениях мировой науки. Туркменское государство выбрало созидательный курс, нацеленный на обеспечение прогресса страны в области науки, образования, культуры, обеспечения своих уверенных позиций на арене мировой политики и экономики. В настоящее время

независимый нейтральный Туркменистан постоянно расширяет границы взаимовыгодного международного сотрудничества, направляет свои политические, экономические и культурные возможности на общечеловеческие интересы. Наше государство активно участвует в разработке гармоничного решения важных задач человечества со странами мира и крупными международными организациями, в том числе с такими, как Организация Объединенных Наций, Европейский Союз, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе и Организация исламского сотрудничества. В этом направлении – в установлении дружеского и долгосрочного сотрудничества на двусторонней и многосторонней основе надежным фундаментом служит забота Туркменского государства, направленная на достойное продолжение ценных гуманистических принципов человечества и созидательные инициативы по развитию принципов мира, взаимопонимания и дружбы.

Путь туркменского народа, выбранный в годы независимости, способствовал и способствует развитию международных отношений и всех отраслей народного хозяйства, в том числе туркменской науки. Кропотливую исследовательскую работу ведут в Туркменистане международные археологические экспедиции, в составе которых регулярно приезжают специалисты из США, Англии, Франции, Италии, Польши, России, Турции и других стран. Вместе с туркменскими коллегами они раскрывают неизвестные страницы истории, спасают для будущих поколений материальные свидетельства нашей древней культуры. Большую роль в этом играют ЮНЕСКО и Программа развития ООН, ряд проектов в области изучения и реставрации памятников на территории Туркменистана осуществляется на двусторонней основе.

В качестве примера можно привести данные о сотрудничестве между Министерством культуры Туркменистана и ведущими научно-исследовательскими центрами других стран. Ежегодно на памятниках истории и культуры Туркменистана работали и работают несколько научных экспедиций, в составе которых туркменские археологи и их коллеги. Вот некоторые из них: Гонур-депе в Маргиане (совместная туркмено-российская экспедиция), Старая Ниса (туркмено-итальянская и туркмено-российская экспедиция), городища Древнего Мерва (туркмено-английская экспедиция), Ыылгынлы-депе на территории этрапа Алтын асыр (туркмено-российская экспедиция), Меле-Хейран и Гуйруклы-депе в Серахском оазисе (туркмено-польская экспедиция), Аджи-куи в Маргиане (туркмено-итальянская экспедиция), Геоучик-депе и Изат-Кули в Дехистане (туркмено-испанская экспедиция), Улудеде в Каахкинском этрапе (туркмено-французская экспедиция), Тоголок-1 в Маргиане (туркмено-итальянская экспедиция) [Оразмурадова, 2014, с. 174–175].

Активная работа в этом направлении ведется представителями русского народа, тесные дружеские отношения с которым имеют многовековую историю, что просматривается во всех сферах жизни, в том числе археологии. Российские археологи активно работали и работают в тесном сотрудничестве со своими туркменскими коллегами. В Туркменистане хорошо известны работы В. И. Сарияниды, отца и сына Михаила Евгеньевича Массона и Вадима Михайловича Массона, Г. А. Пугаченковой, С. А. Ершова, Н. Дубовой. Благодаря кропотливому труду В. И. Сарияниды, его туркменских и русских учеников на территории Туркменистана, а точнее членами Туркмено-Российской Маргианской экспедиции Института этнологии и антропологии РАН в тесном сотрудничестве с Национальным Управлением по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры Туркменистана и заповедником «Древний Мерв» был обнаружен пятый очаг мировой цивилизации – Гонур-депе. Как пишет Н. Дубова, «Гонур-депе, как полагают археологи, – столичный город древней страны Маргуш – расположен в 35 км от ближайшего населенного пункта в песках Каракумов. Люди жили там более 4 000 лет назад» [2014, с. 16].

Следует отметить, что важную роль в изучении истории народов играет археология. Благодаря открытиям археологов, человечество всё больше и больше узнает о своем прошлом. Но, как отмечают ученые, «археология не может решить проблему истолкования найденных материалов без привлечения данных смежных наук. Данные из атомной физики помогают точно датировать по изотопам культурные слои стоянок, пыльцевые анализы дают возможность представить климат прошлого, знание законов архитектуры помогает понять развалины древних строений и реконструировать их» [Матюшин, 1996, с. 3].

Археология тесно связана с лингвистикой, а точнее с терминологией – одним из разделов лексикологии, где археологические термины занимают свое достойное место. В деле толкования, пропаганды и, конечно, описания ни с чем нельзя сравнить значение языка, в частности терминологии. Чтобы ознакомить с археологическими данными не только научное общество, но и широкий круг жителей той или иной страны, необходимо воспользоваться определенным пакетом археологических терминов. Многие археологические термины используются как международные почти во всех языках мира.

Туркменские слова заняли достойное место в словарях археологических терминов русского языка. В их числе такие, как Джейтун, Анау, Маргиана, Намазган-тепе [Матюшин, 1996, с. 3].

Археологические термины в русском и туркменском языках можно разделить на три группы: 1) международные термины; 2) термины, имеющие эквиваленты в русском и туркменском языках, и 3) термины, не имеющие эквивалентов в русском и туркменском языках.

К международным терминам относится, в первую очередь, само слово археология, которое по своему происхождению является древнегреческим (*ἀρχαῖος* – древний и *λόγος* – слово, учение) и обозначает историческую дисциплину, изучающую прошлое человечества по вещественным источникам. Этот термин одинаково используется и в туркменском, и в русском языках. Прилагательное археологический также употребляется в двух

сопоставляемых языках, но в каждом согласно их правописанию. Например, *археологические находки* – *arheologik taryndylar*, *археологические памятники* – *arheologikü adygärlikler* и т. п.

Латинское слово *артефакт* (*artefactum* от *arte* – искусственно + *factus* – сделанный), которое в обычном понимании означает любой искусственно созданный объект, продукт человеческой деятельности. Это слово также используется в обоих языках.

Французское слово *mosaïque*, которое перешло в итальянский язык в виде *mosaico*, во многих языках мира, в том числе в русском и туркменском языках, используется в виде *мозаика* (рус.) – *mozaika* (туркм.). Выставленное в археологической экспозиции Музея изобразительных искусств Туркменистана *мозаичное (mozaika)* панно с противоборствующими грифонами является великолепным образцом высокого искусства мастеров эпохи бронзы [Туркишова, 2014, с. 261].

Одинаково используется в русском и туркменском языках древнегреческое слово *temenos* – *теменос*, обозначающее священный участок, посвященный определенному божеству. Считалось, что, находясь в теменосе, человек может почувствовать присутствие этого божества.

Слово *некрополь* по своему происхождению является греческим и состоит из двух частей *nekros* (мертвый) и *polis* (город), в подстрочном переводе оно означает «город мертвых». Это слово в русском языке используется как некрополь, а в туркменском языке передается в двух видах: *mazarlartoplumy* (комплекс гробниц/могил) или *gonatçylyk* (кладбище).

Многие русские слова, используемые в археологии, имеют туркменские эквиваленты. Например:

амфора – *küýze*

бровка – *erňek*; *gyra*

ворота – *derweze*

глинобитный – *palçyk*; *palçykdansalnan*

городище – *gadymuşäherharabaçykygy*

гравий – *çagyl*

крыльцо – *bosaga*; *basgançak*

купол – *gümmez*

железный век – *demirasyr*

живопись наскальная – *gaýanyňýüzündäkisuratçylyk*

жилища доисторические – *taryhdanozalky (öřängadymy) ýaşaýyşjaýy*

жилищные площадки – *ýaşaýyşjaýmeýdançalary*

захоронение – *mazar*; *gabyr*; *gör*

зачистка – *ýulmama*; *büdür-südüriaýurma*

земледелие – *ekerançylyk*; *daýhançylyk* и т. п.

Встречаются слова, которые очень трудно передать при переводе с русского языка на туркменский. В качестве примера можно привести такие русские слова, как *венчик* и *навершие*. Например, слово *венчик* в русском предложении «Венчик кувшина в виде утолщенного валика отогнут наружу». Не одна семантика слова *венчик*, которая имеется в существующих толковых словарях, не подходила для передачи значения этого слова в туркменском языке. Только с учетом семантики слова *венчик* в специальных словарях перевод удался, и словосочетание «*венчик кувшина*» было переведено как «*küýzäniň erňegi*».

Слово *навершие* имеет в русском языке семантику «верхушка какого-либо изделия (рукоятки меча, посоха и т. д.) или сооружения (терема, купола). В Туркменистане в исторической и современной архитектуре часто встречаются навершия. Но, к сожалению, нам еще не удалось найти термина, который можно использовать в туркменском языке для обозначения этого русского понятия. Поэтому пока употребляют только пояснения того или иного значения русского слова *навершие* в туркменском языке. Например, для передачи семантики словосочетания «*навершие булавки*» использовали туркменское словосочетание «*temençäniň kellesi*» – дословно: головка булавки. «*Навершие купола*» – «*gümmeziň depesindäki belli bir many aňlatmak üçin goýulýan bezeg*», дословно: украшение с определенным смыслом, которое устанавливают на верхушке купола. Иногда это понятие передается и словом *гунба*, которое в туркменском языке обозначает «куполовидное серебряное украшение, нашиваемое на девичью тюбетейку» [Туркменско-русский словарь, 1968, с. 210]. «*Навершие посоха*» – «*hasanyň kellesi*», дословно: «головка посоха».

Вышеприведенные данные говорят о тесном дружеском сотрудничестве туркменского и русского народов во всех сферах, в частности в области археологии. Изучение археологических терминов в русском и туркменском языках может дать много интересных фактических материалов в сопоставительную грамматику.

Дубова Н. Опыт Туркменистана по охране уникальных археологических объектов и экспозиции их на месте раскопок // Опыт Туркменистана в деле изучения и музеефикации археологических находок : тез. к Междунар. науч. конф. (12–14 ноября 2014 г.). – Ашхабад, 2014. – С. 12–17.

Матюшин Г. Н. Археологический словарь. – М. : Просвещение, 1996. – 304 с.

Оразмурадова Дж. Выявление, изучение и сохранение археологических находок // Опыт Туркменистана в деле изучения и музеефикации археологических находок : тез. к Междунар. науч. конф. (12–14 ноября 2014 г.). – Ашхабад, 2014. – С. 170–176.

Туркишова Я. Искусство мозаики Древней Маргианы // Опыт Туркменистана в деле изучения и музеефикации археологических находок : тез. к Междунар. науч. конф. (12–14 ноября 2014 г.). – Ашхабад, 2014. – С. 256–262.

Туркменско-русский словарь. – М. : Совет. энциклопедия, 1968. – 832 с.

M. A. Taganova

National Institute of Manuscripts of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Ashgabat

TRANSMISSION OF SOME ARCHAEOLOGICAL RUSSIAN TERMS IN TURKMEN LANGUAGE

In the report states that Russian-Turkmen cooperation in the field of archeology, due to which the ancient Turkmen land, which is famous for, much has been made rich historical, artistic, architectural and archaeological sites, conducted numerous expeditions and found countless artifacts that shed light in the study of human civilization. Terms are important in the study of archeology and the description of its achievements. In the report archaeological terms are divided into several groups. The first consists of international terms that are used in almost the same in both languages. The second group consists of Russian archaeological terms with their equivalents in the Turkmen language. The third group is the terms of the Russian language, which is not found equivalent in the Turkmen language.

Keywords: Archaeology, Russian, Turkmen language, terminology, translation, equivalent.

УДК 394:63:68:930.2

И. В. Чернова

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

РЕКОНСТРУКЦИЯ ХОЗЯЙСТВА НАСЕЛЕНИЯ ДЕРЕВНИ АНАНЬИНО В XVIII–XX ВЕКАХ: ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Автором статьи проведена реконструкция хозяйственного комплекса одного из старейших старожильческих населенных пунктов в Омском Прииртышье. Основой для ее создания послужили разноплановые источники, освещающие жизнь и быт населения д. Ананьино на протяжении XVIII–XX вв. Для их состыковки автор опирался на междисциплинарный подход. В работе также приводится характеристика связей, сложившихся между населением д. Ананьино и близлежащих населенных пунктов в исследуемый период.

Ключевые слова: хозяйство русского старожильского населения, Омское Прииртышье, междисциплинарные исследования.

В изучении хозяйства русских сибиряков можно выделить два магистральных направления: выявление особенностей хозяйственного освоения сибирских территорий в целом и исследование истории отдельных населенных пунктов. Обращение к локальным сюжетам дает возможность составления более детальных и качественных описаний хозяйственных комплексов на основе сопоставления разноплановых источников. Основу источниковой базы подобных работ могут составить архивные (делопроизводственные материалы, данные текущего учета населения и хозяйства, материалы тематических обследований) и полевые (археологические и этнологические) материалы.

Одним из примеров обращения к локальной проблематике стало изучение истории д. Ананьино (сейчас Тарский район Омской области). Социальный состав ее населения подробно представлен в работах А. А. Крих, которая, опираясь на генеалогические данные и материалы учета населения, составила обширный очерк семейной и социально-экономической истории населения д. Ананьино [Tataurova, Krikh, 2015; Krikh, 2016]. Архивные документы фиксируют время бытования населенного пункта с 1623–1624 гг. по 1880-е гг.

Для реконструкции хозяйства населения д. Ананьино были привлечены разнородные материалы – картографические данные, сведения фискального учета населения разного времени, опубликованные результаты археологических изысканий, делопроизводственная документация, а также полевые этнографические материалы, собранные у потомков населения деревни.

Наиболее детальные сведения о хозяйственной деятельности жителей Ананьино относятся к началу XVIII в. Почти все ее жители в этот период занимались хлебопашеством. Пашня отсутствует лишь у не поверстанного на службу казачьего сына А. Т. Неупокоева, который, как указывает составитель Дозорной книги 1701 г., «кормится работой» [*Дозорная книга...*, 1701, л. 187 об.]. Средний размер пашенных угодий, по данным Дозорной книги 1701 г., колеблется в пределах одной-двух десятин в поле, «а в двух – по стольку же» [Там же, л. 185–187 об.]. В документе также содержится указание на отдаленность пашни и покосов от населенного пункта, что обусловлено сложившейся системой собственности, в которой близлежащие земли принадлежали жителям татарских юрт. Подобная ситуация не редкость для территории Омского Прииртышья XVIII в. Это подтверждает, например, организация сельскохозяйственных угодий в д. Усть-Тарской, сопровождавшаяся конфликтами между русскими и татарами [*Бережнова, Корусенко*, 2006, с. 108–116].

Важная роль сельского хозяйства у населения Ананьино и близлежащих населенных пунктов фиксируется в документах вплоть до середины XIX в. В «Статистическом описании Екатерининского винокуренного завода 1851 г.» есть упоминание о том, что жители здесь занимаются огородничеством, и при «удобрении почв назьмом растут в огородах капуста, свекла, огурцы, редька, лук, ярень, картофель, горох, арбузы и дыни (малой величины), пенька и лен» [*Статистическое описание...*, 1852–1854, л. 41].

Помимо земледелия, в начале XVIII в. важную роль здесь играло скотоводство. Жители деревни, как отмечается в Дозорной книге 1701 г., разводили три вида животных – лошадей, коров и овец. Похожая структура животноводческого комплекса наблюдается и в археологических материалах, где отмечается, что в структуре домашнего скота преобладали крупный рогатый скот и свиньи [*Tataurova, Krikh*, 2015, с. 484]. Лошади в археологических материалах не представлены, что можно объяснить особенностями занятий служилого населения, основу которых составляла военная служба.

Характеристика хозяйства была бы неполной без рассмотрения вопроса об участии местного населения в торговле. Архивные материалы свидетельствуют, что у жителей д. Ананьино были широкие возможности для осуществления торгово-обменных операций в силу особенностей службы. Однако, несмотря на наличие достаточного количества местных ярмарок и их близость, основным местом торга для тарских служилых людей в начале XVIII в. стала Ямышевская ярмарка, куда везли такие товары, как предметы промысла, сукно и кожи.

Кроме того, в источниках присутствуют косвенные указания на то, что население с начала до середины XIX в. поставляло хлеб «рожью или мукою» на Екатерининский винокуренный завод. В одном из его описаний отражены средние цены за пуд муки с солодом в период 1805–1809 гг. В сравнении с другими заводами – Петровским, Успенским, Боровлянским, в Екатерининском они были самыми высокими, составляя в 1805 г. 57 ½ коп., в 1806-м – 54 коп., в 1807–1808 гг. – около 48 коп., в 1809-м – 35 коп. [*Дело по предписанию...*, 1810, л. 15 об., 45].

Привлекая архивные данные, можно установить ассортимент и цены на товары, которые могли использоваться в быту местным населением. Подобные сведения содержатся в делопроизводственных делах, часто связанных с имущественными разделами. Иногда в них встречаются оценки стоимости посуды, одежды, хозяйственных орудий, домашнего скота, нередко сопровождающиеся характеристиками материалов и внешнего вида. Указанные данные вполне могут быть сопоставлены с археологическими находками для выявления ареала распространения изделий и их ценности. Кроме того, их соотнесение с данными о наличии/отсутствии производств на местах дает возможность установить происхождение обнаруженных и описываемых предметов.

Так, в описании Екатерининского винокуренного завода есть указание на участие ссыльнокаторжных в обменных и производственных операциях с местными жителями близлежащих деревень. Среди них наиболее интересный слой с точки зрения исследования хозяйства составляли люди, знакомые с ремеслом. В описании завода 1851 г. обозначены «медных и железных дел два мастера, мельник, знающий исправление мельничного устройства, каменщики, знающие выделку и обжиг кирпича... бочкарей – 35, коновал и шорник... в досужное время от казенных работ занимаются... какими-либо изделиями для продажи» [*Статистическое описание...*, 1852–1854, л. 66–66 об.]. К сожалению, это описание относится к позднему периоду существования деревни.

В числе предметов, встречающихся в делопроизводственных документах Тобольской губернии второй половины XVIII в., упоминаются, например, «медник медный красный» ценою в 1 руб. 50 коп., «шандал зеленой меди» стоимостью в 40 коп., «оконницы слюдяные две», стоившие полтора рубля, «аркан волосной» за 25 коп., «чашка ценинная» за 20 коп., «сапоги ювтевые» ценою в 1 руб., «переды чарошняя» за 12 коп. [*Дело о взыскании...*, 1873, л. 24–25]. Несмотря на то что приведенные цены относятся к более северным территориям, набор предметов в них очень похож на археологические находки, обнаруженные на территории памятника Ананьино-I.

Помимо сельскохозяйственного комплекса, структура хозяйства дополнялась также промыслами, в числе которых важное место отводилось рыболовству. Состояние рыболовства у населения Ананьино позволяют охарактеризовать как архивные, так и археологические данные. Так, в «Описных книгах» «рыбных ловель» 1704–1705 гг. практически в каждом хозяйстве у жителей Ананьино зарегистрированы снасти, более половины из которых составляли сети и «кривды» [*РГАДА. Д. 1403, л. 622–622 об.*]. В числе археологических на памятнике были обнаружены свинцовая блесна и множество железных крючков разного размера; самоловы с крючками больших размеров, которые, судя по краеведческой литературе, могли использоваться для зимней ловли, и мордушки, изготовленные из прутьев и лучин [*Адаптация русских...*, 2014, с. 201–202, 273; *Tataurova, Krikh*, 2015, с. 484–485].

Подобная ситуация была характерна и для районов, тесно соседствующих с исследуемым локусом. Наиболее представительные материалы касаются территории современного Большереченского района Омской области, где также располагалось большое количество старожильческих деревень. В фундаментальном труде по истории района известный краевед В. С. Аношин писал, что «в дореволюционные годы рыбная ловля в пределах Большереченского района не имела промыслового характера. Добываемая рыба любителями рыбаками употреблялась в своих хозяйствах, сушилась и засаливалась для зимних “постов” и лишь в незначительных количествах продавалась на рынке – рыбаками, проживающими вблизи от места рынка» [Аношин, 1950, с. 183–185].

Сохранение важности рыболовного промысла отмечает и составитель «Статистического описания городов Тобольской губернии», указывая, что «рыболовством питаются беднейшие граждане (рыбою изобилуют не только озера Ишимского и Тюкалинского округов, но и все значительные реки, особливо же Иртыш и Обь)» [Линк, 1837, с. 71–72].

В более поздних материалах XX в. присутствуют упоминания о дифференциации рыболовных снастей, обусловленной особенностями выбранного/доступного места для рыбной ловли: в озерах, например, применялись ставные сети, котцы, неводы, бредни, режевки. По Иртышу использовались сплавные сети, самоловы, верши, вентеля. В небольших речках во время убыли воды в наиболее узких местах выстраивались запоры из деревянных прутьев [Аношин, 1950, с. 183–185]. Краеведческие работы содержат детальные описания рыболовных снастей и способов охоты, используемых в исследуемом районе; здесь дается их детальная характеристика, отражающая местную специфику. Эти работы ценны также наличием локальной терминологии. В «Воспоминаниях о рыбной ловле и охоте» А. В. Горобцова приведены описания таких снастей, как две разновидности мордушек: «суган» и «верши», используемые летом, а также «перемет», применяемый осенью для ловли налима и щуки. Универсальным орудием рыбной ловли был «вентерь»/«вентель»/«фитиль». Упоминаются здесь и снасти, используемые для зимней рыбалки, такие как «уды» – удочки для подледного лова и «самоловы» – крупные самодельные крючки, закрепленные на бечевке вместе с поплавками. Использовались они в основном для ловли стерляди, налима и осетра [Горобцов, [Б. д.], л. 5]. Привлечение материалов по другим населенным пунктам, с одной стороны, позволяет выявить наличие/отсутствие специфики в использовании рыболовных снастей жителями деревни и их потомками на фоне старожильского населения, а с другой – показывает степень влияния разных факторов на развитие рыболовного промысла.

Во второй половине XIX в. население Ананьино начинает разъезжаться, и для проведения дальнейших изысканий необходимо привлекать материалы по другим населенным пунктам. В результате работы по составлению генеалогических схем, проведенной А. А. Крих, появилась возможность установить границы сообщества потомков населения Ананьино в конце XIX–XX вв. [Крих, 2016]. Локус мест переселений оказался довольно широк, но в целом он концентрировался вокруг Тары (Черняево, Заливино, Сышиково).

Следующим шагом стало проведение полевых этнографических изысканий в среде потомков жителей Ананьино. Однако большой временной разрыв между временем исчезновения деревни и полевыми исследованиями обусловил получение скудного материала, в основном освещающего историю семьи и некоторые аспекты материальной культуры. Указанные материалы могут быть дополнены на основе фотофиксации. Так, например, воспоминания о том, что при переезде в Сышиково предки наших информантов перевозили с собой и свои дома, можно дополнить фотографиями подворья [Материалы этнографической экспедиции ОмГУ имени Ф. М. Достоевского, 2014]. На этих фотографиях видно наличие палисадных, в ряде случаев – крытых дворов и больших огородов. Кроме того, сохранившиеся снимки усадебных комплексов второй половины XX в. демонстрируют присутствие на дворе заплотов и использование дерна при сооружении хозяйственных построек.

В заключение отметим, что наиболее точные описания хозяйственного комплекса присутствуют в источниках, относящихся к периоду существования деревни. Более поздние материалы в силу фрагментарности сведений требуют включения в широкий историко-социальный контекст. Реконструкция же хозяйственного комплекса, его структуры, количественных и качественных параметров и условий формирования требует от исследователя знаний о сословной и конфессиональной специфике исследуемого населения. Наиболее интересные выводы могут быть получены при состыковке археологических и архивных данных, дополненных информацией, собранной в ходе полевых этнографических исследований.

Аношин В. С. Историко-экономическое описание народного хозяйства и культуры Большереченского района Омской области. – Большеречье, 1950 // Историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская». Личный фонд В. С. Аношина. Кн. 3. 310 л.

Воспоминания А. В. Горобцова об охоте и рыбалке в Большереченском районе. Авторская рукопись // Архивный отдел Администрации Большереченского района Омской области. Ф. 104. Оп. 1. Д. 15. 6 л. (у этого дела год отсутствует, хронологический период всего фонда – 1930–1990 гг.).

Дело о взыскании с лиц духовного звания долгов и имущества разным людям. 1773 г. // ГУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 3. Д. 112. 99 л.

Дело по предписанию Сибирского генерал-губернатора о доставлении сведений о казенных винокуренных заводах. 9.06.1810–2.07.1810 // ГУТО ГАТ. Ф. 329. Оп. 13. Д. 434. 54 л.

Статистическое описание Екатеринбургского военного завода // РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 63 : Сведения о питательной части в Сибири, а также о винокуренных заводах в этом крае. 26.06.1852 – 15.05.1854 гг.

Дозорная книга Тарского уезда 1701 г. // РГАДА. Ф. 214. Кн. 1182. Л. 1–425.

Опись рыбных ловель 1705 г. // РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1403. 630 л.

Материалы этнографической экспедиции ОмГУ имени Ф. М. Достоевского 2014 г. П. о. 1. Л. 1, 2 об.

Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI–XVIII веке (по материалам археологических исследований) / Л. В. Татаурова, С. Ф. Татауров, Ф. С. Татауров, К. Н. Тихомиров, С. С. Тихонов. – Омск : Издатель-Полиграфист, 2014. – 374 с.

Бережнова М. Л., Корусенко С. Н. Дозор вражды и дружбы, или Взаимоотношения татар и русских в Нижнем Притарье по документам и устным свидетельствам // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2006. – Т. 5, вып. 3. – С. 108–116.

Крих А. А. Русское население Тарского Прииртышья: историко-генеалогические очерки (XVII – начало XX века). – Омск : Издат. дом «Наука», 2016. – 263 с.

Крих А. А. Этносоциальная история русского населения д. Ананиино в XVII–XIX вв. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2014. – № 4. – С. 86–90.

Линк И. Статистическое описание городов Тобольской губернии // Журнал МВД. – 1837. – Ч. XXIII. – С. 1–76.

Tataurova L. V., Krikh A. A. The life support system of the Siberian village Anan'ino in XVII–XIII centuries (archaeological and written sources) // *Bylye Gody*. – 2015. – Vol. 37, Is. 3. – P. 479–490.

I. V. Chernova

Omsk State F. M. Dostoevsky University

RECONSTRUCTION OF THE HOUSEHOLD OF THE POPULATION OF THE VILLAGE ANANIINO IN THE 18–20th CENTURIES: THE INTERDISCIPLINARY RESEARCH

The article presents the reconstruction of the household complex in one of the oldest old-town settlements in Omsk Priirtyshye. The basis was diverse sources, covering the life and household of the population in the village Ananiino during the 18–20th centuries. For their interconnection, the author relied on an interdisciplinary approach. The paper also describes the relationships that exist between the population of the village Ananiino and nearby settlements in the period under study.

Keywords: household of old-timer population, Omsk Priirtyshye, interdisciplinary research.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААНИИ – Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт
ААЭ – Акты, собранные... Археографической экспедицией
АИППЗ – Археология и история Пскова и Псковской земли: материалы семинара (с 2005 г. – имени академика В. В. Седова)
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АО – Археологические открытия
АОКМ – Архангельский областной краеведческий музей
АПН – Академия педагогических наук
АРГО – Архив Русского географического общества (Санкт-Петербург)
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БГС – Богоявленский собор (Енисейск)
БЭС – Большой энциклопедический словарь
ВИД – вспомогательные исторические дисциплины
ВО – Восточное отделение
ВОАН – выявленный объект археологического наследия
ГАО – Государственный архив Архангельской области
ГАИО – Государственный архив Иркутской области
ГАКК – Государственный архив Красноярского края
ГАРО – Государственный архив Ростовской области
ГАУ НПЦ НСО – Государственное автономное учреждение «Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области»
ГБУК – государственное бюджетное учреждение культуры
ГБУК СО НПЦ – Государственное бюджетное учреждение культуры Свердловской области «Научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры»
ГИАОО – Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области»
ГИКМЗ – Государственный историко-культурный музей-заповедник
ГИН АН СССР – Геологический институт Академии наук Союза Советских Социалистических Республик
ГОУ НПП – государственное областное унитарное научно-производственное предприятие
ГУТО ГАТ – Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
ДАИ – Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Архивом Географической комиссии
ДВО РАН – Дальневосточное отделение Российской академии наук
ДП – диаметральная плоскость
ИА АН РТ – Институт археологии Академии наук Республики Татарстан
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАЭТ – Институт археологии и этнографии
ИПОС – Институт проблем освоения Севера (Тюмень)
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории
К(П)ФУ – Казанский (Приволжский) федеральный университет
КарНЦ РАН – Карельский научный центр Российской академии наук
КарФ АН СССР – Карельский филиал Академии наук СССР
КГКУ «УКС» – Краевое государственное казенное учреждение «Управление капитального строительства» (Енисейск)
КГУ – Казанский государственный университет
ККАЭЭ – Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция
КМАЭЭ – музей археологии, этнографии и экологии Кемеровского государственного университета
КрасГУ – Красноярский государственный университет
КС – капитальное строительство
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР
л. н. – лет назад
ЛМИПИЕ НГУ – Лаборатория мультидисциплинарных исследований первобытного искусства Евразии Новосибирского государственного университета
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Ленинград, Санкт-Петербург)
МГОМЗ – Московский государственный объединенный музей-заповедник
МГУ – Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

- МИА СССР – Материалы и исследования по археологии СССР
 МКС – массовое кирпичное строительство
 НА – Научный архив
 НА ТИАМЗ – Научный архив Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника
 НАН – Национальная академия наук
 НИПИ «ЭтноАрхео Центр» – Научно-исследовательский проектно-изыскательный этноархеологический центр
 НИЦ – научно-исследовательский центр
 НПД – научно-проектная документация
 НПМП – научно-производственное многопрофильное предприятие
 НПО – научно-производственное объединение
 ОГАУК – областное государственное автономное учреждение культуры
 ОКН – объект культурного наследия
 П. о. – полевая опись
 ПГОИАХМЗ – Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
 ПМА – полевые материалы автора
 ПО – первоначальное освоение
 ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
 РА – Российская археология
 РА СПб. ФИРИ РАН – Рукописный архив Санкт-Петербургского филиала Института российской истории Российской академии наук
 РАМН – Российская академия медицинских наук
 РАН – Российская академия наук
 РГА ВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота
 РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)
 РГБ – Российская государственная библиотека
 РГИА – Российский государственный исторический архив
 РГС – раннее городское строительство
 РФ – Российский научный фонд
 РО БАН – Рукописный отдел Библиотеки Академии наук
 РО НПБ – Рукописный отдел Национальной публичной библиотеки
 РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
 РЭМ – Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)
 с. д. п. – современная дневная поверхность
 СА – Советская археология
 САИ – Археология СССР: свод археологических источников
 СКМ – Сургутский краеведческий музей
 СМАМЮ – Сборник Московского архива Министерства юстиции
 СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
 СПбУ – Санкт-Петербургский (впоследствии Петроградский) университет
 СПбф АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
 СЭ – Советская этнография
 ТГПИ – Тобольский государственный педагогический институт
 ТГСПА – Тобольская государственная социально-педагогическая академия имени Д. И. Менделеева
 ТГУ – Томский государственный университет
 ТИАМЗ – Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник
 ТИЭ – Труды Института этнографии Академии наук СССР
 ТКМ – Тетюшский краеведческий музей
 УНЦ РАН – Уфимский научный Российской академии наук
 УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук
 ФАНО – Федеральное агентство научных организаций
 ФНИ – фундаментальные научные исследования
 ЧОИДР – Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете
 ЭО – Этнографическое обозрение
 ЯНЦ – Якутский научный центр

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аболина Лариса Александровна. Россия, Красноярск. Научный сотрудник ООО «Красноярская Геоархеология».

larisa-abolina@yandex.ru

Автушкова Александра Леонидовна. Россия, Новосибирск. Старший научный сотрудник Службы главного хранителя фондов Новосибирского государственного краеведческого музея.

alinanet@ngs.ru

Агаркова Анна Брониславовна. Россия, Сургут. Кандидат культурологии. Заведующая отделом археологии и этнографии Сургутского краеведческого музея.

anna-agarkova@rambler.ru

Агджоян Анастасия Торосовна. Россия, Москва. Научный сотрудник Медико-генетического научного центра Института общей генетики имени Н. И. Вавилова РАН.

aagdzhoyan@gmail.com

Аксянова Галина Андреевна. Россия, Москва. Кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, доцент по специальности «Антропология».

gaksyanova@gmail.com

Алексеева Вилюя Александровна. Россия, Якутск. Кандидат медицинских наук, доцент кафедры нормальной и патологической физиологии медицинского института при Северо-Восточном федеральном университете имени М. К. Аммосова.

viljen@mail.ru

Алиева Татьяна Александровна. Россия, Тюмень. Специалист отдела гостеприимства и экскурсионного обслуживания Музейного комплекса имени И. Я. Словцова.

agapetova@mail.ru

Антонович Михал. Польша, Торунь. Докторант университета Николая Коперника в Торуня, кафедра этнографии и антропологии.

michalanti@wp.pl

Аношко Оксана Михайловна. Россия, Тюмень. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН.

oKanoshko@yandex.ru

Багрин Егор Андреевич. Россия, Санкт-Петербург. Кандидат исторических наук, научный сотрудник Президентской библиотеки имени Б. Н. Ельцина.

Egor-bagrin@yandex.ru

Балаганская Ольга Алексеевна. Россия, Москва. Кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Медико-генетического научного центра Института общей генетики имени Н. И. Вавилова РАН.

olga.vasinskaja@mail.ru

Балановская Елена Владимировна. Россия, Москва. Доктор биологических наук, профессор, заведующая лабораторией Медико-генетического научного центра Института общей генетики имени Н. И. Вавилова РАН.

balanovska@mail.ru

Балановский Олег Павлович. Россия, Москва. Доктор биологических наук, профессор РАН, заведующий лабораторией Медико-генетического научного центра Института общей генетики имени Н. И. Вавилова РАН.

balanovsky@inbox.ru

Балюнов Игорь Валерьевич. Россия, Тобольск. Кандидат исторических наук, научный сотрудник Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника и лаборатории гуманитарных исследований научно-исследовательской части Новосибирского государственного университета.

balyunoff@mail.ru

Баранов Максим Юрьевич. Россия, Нефтеюганск. Археолог-эксперт ООО «НПО «Северная археология – 1».

baranovm73@inbox.ru

Басова Наталья Владимировна. Россия, Новосибирск. Кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН.

bass15@yandex.ru

Бачура Ольга Петровна. Россия, Екатеринбург. Кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, ведущий инженер Института экологии растений и животных УрО РАН.

ochotona@rambler.ru

Беркович Владимир Адольфович. Россия, Москва. Заместитель генерального директора ООО «Археологические изыскания в строительстве».

ber@inbox.ru

Боброва Анна Ивановна. Россия, Томск. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Томского областного краеведческого музея.

a_bobrova@bk.ru

Богунова Анна Александровна. Россия, Москва. Кандидат биологических наук, научный сотрудник Института общей генетики имени Н. И. Вавилова РАН.

ansyach@yandex.ru

Босова Наталья Владимировна. Россия, Новосибирск. Кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН.

bass15@yandex.ru

Борисенко Алиса Юльевна. Россия, Новосибирск. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета.

aborisenko2@mail.ru

Бородовский Андрей Павлович. Россия, Новосибирск. Доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН.

altaicenter2011@gmail.com

Бродников Александр Ананьевич. Россия, Новосибирск. Доцент Новосибирского государственного университета.

dora_179@ngs.ru

Брызгалов Виктор Васильевич. Россия, Архангельск. Научный сотрудник Архангельского научного центра УрО РАН.

lodia/arh@mail.ru

Буровский Андрей Михайлович. Россия, Санкт-Петербург. Кандидат исторических наук, доктор филологических наук, профессор, генеральный директор ООО «Книги и фильмы Андрея Буровского».

burovsky@mail.ru

Визгалов Георгий Петрович. Россия, Нефтеюганск. Кандидат исторических наук, директор ООО «НПО «Северная археология – 1».

vizgalovgp@mail.ru

Визгалова Мария Юрьевна. Россия, Казань. Научный сотрудник Института археологии имени А. Х. Халикова.

mutqueen@mail.ru

Вдовин Александр Сергеевич. Россия, Красноярск. Кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой музеологии Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева.

vdovin2002@bk.ru

Волков Павел Владимирович. Россия, Новосибирск. Доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований национального исследовательского Новосибирского государственного университета; ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН.

volkov100@yandex.ru

Галухин Леонид Леонидович. Россия, Красноярск. Научный сотрудник ООО «Красноярская Геоархеология».

Krasgeo@gmail.com; leon_blues@mail.ru

Гарунова Нина Нурмагомедовна. Россия, Махачкала. Доктор исторических наук, профессор кафедры истории России XX–XXI вв. Дагестанского государственного университета.

garunovanina@mail.ru

Герасимова Маргарита Михайловна. Россия, Москва. Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН.

gerasimova.margarita@gmail.com

Глушенко Максим Александрович. Россия, Красноярск. Научный сотрудник ООО «Красноярская Геоархеология»; заведующий научно-экспозиционным отделом Братского городского объединенного музея истории освоения Ангары.

Gromov_1@mail.ru

Головнев Андрей Владимирович. Россия, Екатеринбург. Доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН.

Andrei_golovnev@bk.ru

Гольева Александра Амуриевна. Россия, Москва. Доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН.

golyevaava@yandex.ru

Горохов Сергей Валерьевич. Россия, Новосибирск. Кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН.

gorokhov.sv@gmail.com

Гортер Анастасия Анатольевна. Норвегия, архипелаг Свальбард. Советник/переводчик Администрации губернатора Свальбарда.

arkpomor@online.no

Гортер Валинг Тееувис. Норвегия, Вадсе. Кандидат общественных наук, научный исследователь фирмы «Архангельск Помор», профессор Северного (Арктического) федерального университета.

arkpomor@online.no

Гурьева Алла Борисовна. Россия, Якутск. Кандидат медицинских наук, доцент по кафедре анатомии человека, доцент кафедры нормальной и патологической анатомии, оперативной хирургии с топографической анатомией и судебной медицины медицинского института при Северо-Восточном федеральном университете имени М. К. Аммосова.

guryevaab@mail.ru

Данилов Петр Григорьевич. Россия, Тобольск. Научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН.

danilovpg@mail.ru

Егоров Константин Александрович. Россия, Московская область. Начальник отдела натуральных работ ООО «Археологические изыскания в строительстве».

logos988@yandex.ru

Едовин Алексей Геннадьевич. Россия, Архангельск. Кандидат исторических наук, доцент, ученый секретарь Архангельского краеведческого музея.

alexej.edovin@yandex.ru

Желтов Михаил Борисович. Россия, Рязань. Руководитель проекта ООО «Рельеф-Центр».

mikhail-zheltoy@yandex.ru

Жигунова Марина Александровна. Россия, Омск. Кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора этнографии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН.

marizh.omsk@mail.ru

Жук Александр Владиленович. Россия, Омск. Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории религии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

zelionaya.liagushka@yandex.ru

Загваздин Евгений Петрович. Россия, Тобольск. Научный сотрудник НПО «Сохранение археологического наследия народов Сибири».

kulay_arx@mail.ru

Загваздина Яна Геннадьевна. Россия, Тобольск. Сотрудник отдела хранения фондов Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника.

wandy00@mail.ru

Заика Александр Леонидович. Россия, Красноярск. Кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии, директор музея археологии и этнографии Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева.

zaika_al@mail.ru

Зайцева Евгения Александровна. Россия, Ханты-Мансийск. Кандидат исторических наук, исполнительный директор ООО «НИПИ «ЭтноАрхео Центр».

zaiceva-e@yandex.ru

Зиняков Николай Максимович. Россия, Кемерово. Доктор исторических наук, профессор кафедры археологии Кемеровского государственного университета.

nmzinyakov@rambler.ru

Илюшин Андрей Михайлович. Россия, Кемерово. Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета.

ilushin1963@mail.ru

Камалеев Эльвир Винарович. Россия, Уфа. Кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела археологического наследия Южного Урала Института этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева УНЦ РАН.

kamaleev-ivir@mail.ru

Кениг Александр Владимирович. Россия, Сургут. Кандидат исторических наук, заведующий Югорской лабораторией археологии и этнологии Сургутского государственного университета, Институт археологии и этнографии СО РАН.

akenig@bk.ru

Кимеев Валерий Макарович. Россия, Кемерово. Доктор исторических наук, профессор кафедры археологии Кемеровского государственного университета.

kimeev@mail.ru

Кимпицкая Анастасия Андреевна. Россия, Сургут. Старший лаборант Югорской лаборатории археологии и этнологии Сургутского государственного университета, Институт археологии и этнографии СО РАН.

akimpitskaya@bk.ru

Колзунов Игорь Викторович. Россия, Владивосток. Главный хранитель Музея археологии и этнографии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

passvoid000@mail.ru

Константинов Александр Васильевич. Россия, Чита. Доктор исторических наук, профессор кафедры истории Забайкальского государственного университета.

konstant1956@mail.ru

Кошель Сергей Михайлович. Россия, Москва. Кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

skoshel@geogr.msu.ru

Крапец Марек. Польша, Краков. Доктор естественных наук, профессор, руководитель Дендрохронологической лаборатории на кафедре геологии АГН-Академии горного дела и металлургии.

mkrapiiec@agh.edu.pl

Краснощеков Виталий Валерьевич. Россия, Иркутск. Специалист-археолог ООО «Раритет».

kurkula@mail.ru

Крыжановский Вячеслав Олегович. Украина, Киев. Младший научный сотрудник Института археологии Национальной академии наук Украины.

sfatum@ukr.net

Куприянов Вадим Анатольевич. Россия, Челябинск. Научный сотрудник ООО «Центр археологических исследований».

baranovm73@inbox.ru

Кухтерин Сергей Алексеевич. Россия, Нефтеюганск. Заместитель директора по проектам ООО «НПО «Северная археология – 1».

kuhterin@yandex.ru

Левченко Татьяна Ивановна. Украина, Киев. Ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела фондов Музея истории Десятиной церкви.

stefaniya@ukr.net

Леонова Татьяна Алексеевна. Россия, Уфа. Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и культурного наследия, заведующая лабораторией методологии и методов гуманитарных исследований Башкирского государственного педагогического университета имени Акмуллы.

leonotan@mail.ru

Лихтер Юлия Абрамовна. Россия, Москва. Кандидат исторических наук, научный руководитель ООО «НПО «Археологические изыскания в строительстве».

Julia_likhter@voxnet.ru

Лобанова Татьяна Владимировна. Россия, Екатеринбург. Старший инженер Института экологии растений и животных УрО РАН.

lota_64@mail.ru

Лобзова Раиса Викторовна. Россия, Москва. Кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации.

lobzovarv@mail.ru

Лысенко Данил Николаевич. Россия, Красноярск. Директор ООО «НПО «Археологическое Проектирование и Изыскания».

arheoapi@gmail.com; krasgeo@gmail.com

Макмэхан Дж. Дэйв. США, Анкоридж. Ведущий ученый Исторического общества г. Ситка. «Макмэхан консалтинг», президент Международной ассоциации специалистов по Русской Америке (IASRA).

ugruk@hotmail.com

Майничева Анна Юрьевна. Россия, Новосибирск. Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН; главный научный сотрудник Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусства.

annmaini@gmail.com

Макаров Николай Поликарпович. Россия, Красноярск. Кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом археологии и этнографии Красноярского краевого краеведческого музея.

mnp@kkkm.ru

Маркина Надежда Вячеславовна. Россия, Москва. Кандидат биологических наук, научный сотрудник Института общей генетики имени Н. И. Вавилова РАН.

nadezdamarkina@mail.ru

Мартынович Николай Васильевич. Россия, Калининград. Кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Музея Мирового океана.

martynovichn@mail.ru

Маслюженко Денис Николаевич. Россия, Курган. Кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Курганского государственного университета.

denmas13@yandex.ru

Мешерин Михаил Николаевич. Россия, Москва. Ведущий сотрудник ООО «Красноярская Геоархеология».

mnm16@yandex.ru

Мжелская Татьяна Владимировна. Россия, Новосибирск. Кандидат исторических наук, доцент Новосибирского государственного педагогического университета.

mzel08@mail.ru

Мининков Николай Александрович. Россия, Ростов-на-Дону. Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой специальных исторических дисциплин и документоведения Южного федерального университета.

mininkov@aaanet.ru

Митько Олег Андреевич. Россия, Новосибирск. Кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором археологии лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета.

omitis@gf.nsu.ru

Мишкина Елизавета Владиславовна. Россия, Омск. Студентка Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

worldLiz@mail.ru

Нестеров Сергей Павлович. Россия, Новосибирск. Доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий сектором археологии бронзы и железа Сибири Института археологии и этнографии СО РАН.

nesterov@archaeology.nsc.ru

Новиков Игорь Константинович. Россия, Курган. Заведующий археологической лабораторией, старший преподаватель кафедры всемирной истории и историографии Курганского государственного университета.

novikov2479@mail.ru

Ованенко Иван Викторович. Россия, Томск. Магистрант Национального исследовательского Томского государственного университета.

Овсянников Олег Владимирович. Германия, Вюрцбург. Доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (Москва).

OLEG.OVS@GMX.DE

Ожередов Юрий Иванович. Россия, Томск. Кандидат исторических наук. Ученый секретарь Музея истории Томска.

nohoister@gmail.com

Олшевски Войтек. Польша, Торунь. Ведущий научный сотрудник лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири Томского государственного университета, профессор кафедры этнологии и культурной антропологии Университета Николая Коперника.

wojol@umk.pl

Осипов Дмитрий Олегович. Россия, Москва. Доктор исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Государственного исторического музея.

dmitriyosipov@mail.ru

Пархимович Сергей Григорьевич. Россия, Тюмень. Археолог-эксперт ООО «НПО «Северная археология – 1».

par18@yandex.ru

Пежемский Денис Валерьевич. Россия, Москва. Кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института и Музея антропологии МГУ имени М. В. Ломоносова.

pezhemsky@yandex.ru

Первухина Анастасия Алексеевна. Россия, Курган. Лаборант археологической лаборатории Курганского государственного университета.

perwuscha@mail.ru

Погорелов Сергей Николаевич. Россия, Екатеринбург. Историк, археолог, член Уральского общества краеведов.

baikaltai@mail.ru

Попов Владимир Анатольевич. Россия, Екатеринбург. Ведущий археолог научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области.

Voldemar1313@mail.ru

Постнов Александр Вадимович. Россия, Новосибирск. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН.

postnov@ya.ru

Рейс Евгения Сергеевна. Россия, Красноярск. Научный сотрудник ООО «НПО «Археологическое Проектирование и Изыскания».

orcinus.orca@mail.ru

Романов Алексей Геннадьевич. Россия, Москва. Научный сотрудник Медико-генетического научного центра Института общей генетики имени Н. И. Вавилова РАН.

aromanov85@mail.ru

Романова Ксения Ренатовна. Россия, Нефтеюганск. Лаборант ООО «НПО «Северная археология – 1».

chistory@mail.ru

Росляков Сергей Георгиевич. Россия, Новосибирск. Кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Новосибирского государственного краеведческого музея.

s_roslyakov@museum.nsk.ru

Руденко Константин Александрович. Россия, Казань. Доктор исторических наук, профессор кафедры музееведения и искусствоведения факультета художественной культуры и дизайна Казанского государственного университета культуры и искусств.

murziha@mail.ru

Рыкун Марина Петровна. Россия, Томск. Кандидат исторических наук, заведующая кабинетом антропологии Национального исследовательского Томского государственного университета.

m_rykun@mail.ru

Савенкова Татьяна Михайловна. Россия, Красноярск. Научный сотрудник Института культуры, здоровья и спортивной медицины; заведующая отделом палеоантропологии Красноярского государственного медицинского университета имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого.

reis_05@bk.ru

Салмин Сергей Анатольевич. Россия, Псков. Старший научный сотрудник автономной некоммерческой организации «Псковский археологический центр».

solvarg@rambler.ru

Салмина Елена Вячеславовна. Россия, Псков. Кандидат исторических наук, начальник отдела «Археологического центра Псковской области».

muntrik102@yandex.ru

Семенова Валентина Ивановна. Россия, Тюмень. Доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой истории, искусствоведения и музейного дела Тюменского государственного института культуры.

valivsem8@mail.ru

Сизев Александр Сергеевич. Россия, Кемерово. Младший научный сотрудник Историко-культурного и природного музея-заповедника «Томская Писаница». Магистрант по направлению «Археология Евразии» Института истории, государственного управления и международных отношений Кемеровского государственного университета.

asizyov@list.ru

Скобелев Сергей Григорьевич. Россия, Новосибирск. Кандидат исторических наук, заведующий лабораторией гуманитарных исследований национального исследовательского Новосибирского государственного университета.

skob@gklass.nsu.ru

Сляднев Артем Михайлович. Россия, Челябинск. Научный сотрудник ООО «Красноярская Геоархеология».

slyadnev@yandex.ru

Соегов Мурадгелди. Туркменистан, Ашхабад. Доктор филологических наук, профессор, действительный член (академик) Академии наук Туркменистана, главный научный сотрудник Национального института рукописей Академии наук Туркменистана.

msoyegov@gmail.com

Сопова Кристина Олеговна. Россия, Омск. Студентка Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

sopovaukropova@gmail.com

Степанов Николай Сергеевич. Россия, Красноярск. Ведущий специалист ООО «НПО «Археологическое Проектирование и Изыскания».

krasgeo@gmail.com

Столбов Владимир Игоревич. Россия, Нефтеюганск. Научный сотрудник ООО «НПО «Северная археология – 1».

100_1bov@mail.ru

Строгова Екатерина Алексеевна. Россия, Якутск. Кандидат исторических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ЯНЦ СО РАН.

estro@list.ru

Таганова Марал Аннаевна. Туркменистан, Ашхабад. Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Национального института рукописей Академии наук Туркменистана.

manyeye@mail.ru

Тарасов Александр Юрьевич. Россия, Красноярск. Главный специалист отдела охраны и использования объектов культурного наследия Службы по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края.

info@ookn.ru; tarasovarheo@yandex.ru

Татауров Сергей Филиппович. Россия, Омск. Кандидат исторических наук, заведующий сектором археологии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

tatsf2008@rambler.ru

Татауров Филипп Сергеевич. Россия, Омск. Младший научный сотрудник Центра материальной культуры и дизайна Омского государственного технического университета.

fil_opossum@mail.ru

Татаурова Лариса Вениаминовна. Россия, Омск. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора археологии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН.

li-sa65@mail.ru

Терюков Александр Иванович. Россия, Санкт-Петербург. Кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии восточных славян и народов Европейской России в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

tsan@kunstkamera.ru

Тихонов Владимир Викторович. Россия, Иркутск. Кандидат культурологии, директор Архитектурно-этнографического музея «Тальцы».

talci@irk.ru

Тихонов Сергей Семенович. Россия, Омск. Кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора археологии Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН.

st-57@mail.ru

Тихонова Татьяна Викторовна. Россия, Томск. Старший преподаватель кафедры анатомии человека Сибирского государственного медицинского университета.

Tanja240@yandex.ru

Томилов Николай Аркадьевич. Россия, Омск. Доктор исторических наук, профессор, директор Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, заведующий кафедрой этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

n.a.tomilov@gmail.com

Тропин Николай Александрович. Россия, Елец. Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и археологии Елецкого государственного университета имени И. А. Бунина.

tropin2003@list.ru

Турова Наталья Петровна. Россия, Тобольск. Младший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН.

turova2707@yandex.ru

Фаистов Тимофей Николаевич. Россия, Омск. Студент исторического факультета Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

faistov1993@mail.ru

Федоров Роман Юрьевич. Россия, Тюмень. Кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института криосферы Земли СО РАН; старший научный сотрудник Международного института криологии и криософии Тюменского государственного университета.

r_fedorov@mail.ru

Фурсова Елена Федоровна. Россия, Новосибирск. Доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН.

mf11@mail.ru

Хохоровски Ян. Польша, Краков. Доктор исторических наук, профессор, заведующий отделением археологии эпохи бронзы Института археологии Ягеллонского университета.

j.chochorowski@uj.edu.pl

Худяков Юлий Сергеевич. Россия, Новосибирск. Доктор исторических наук, профессор Новосибирского государственного университета, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН.

khudjakov@mail.ru

Черная Мария Петровна. Россия, Томск. Доктор исторических наук, профессор национального исследовательского Томского государственного университета.

mariakreml@mail.ru

Чернова Ирина Валерьевна. Россия, Омск. Кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

irval6@mail.ru

Черневский Денис Константинович. Россия, Нижний Новгород. Студент Нижегородской государственной медицинской академии.

denchernev@mail.ru

Черневский Константин Генрихович. Россия, Нижний Новгород. Внештатный научный сотрудник Медико-генетического научного центра Института общей генетики имени Н. И. Вавилова РАН.

nnptc@mts-nn.ru

Чикунова Ирина Юрьевна. Россия, Тюмень. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора археологии Института проблем освоения Севера СО РАН.

chikki@mail.ru

Чухряева Марина Игоревна. Россия, Москва. Научный сотрудник Медико-генетического научного центра Института общей генетики имени Н. И. Вавилова РАН.

m.chukhryaeva@yandex.ru

Шаповалов Андрей Валерьевич. Россия, Новосибирск. Кандидат исторических наук, директор Новосибирского государственного краеведческого музея.

secretar@museum.nsk.ru

Шахнович Марк Михайлович. Россия, Петрозаводск. Кандидат исторических наук, заведующий сектором археологии Национального музея Республики Карелия.

marksuk@onego.ru

Швейгерт Екатерина Константиновна. Россия, Новосибирск. Лаборант-исследователь лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета.

omitis@gf.nsu.ru

Ширин Юрий Викторович. Россия, Новокузнецк. Кандидат исторических наук, заместитель директора по науке Историко-архитектурного музея «Кузнецкая крепость».

shirin_a@mail.ru

Шубина Ольга Алексеевна. Россия, Южно-Сахалинск. Кандидат исторических наук, заведующая отделом истории Сахалинского областного краеведческого музея.

olasha8757@yandex.ru

Шутелева Ия Александровна. Россия, Уфа. Кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории методологии и методов гуманитарных исследований Башкирского государственного педагогического университета имени Акмуллы.

shutelevai@gmail.com

Щербakov Виталий Владимирович. Россия, Сергиев Посад. Научный сотрудник Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника.

vitalii-sp@mail.ru

Щербakov Николай Борисович. Россия, Уфа. Кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории методологии и методов гуманитарных исследований Башкирского государственного педагогического университета имени Акмуллы.

sherbakov@rambler.ru

Южакова Алена Владимировна. Россия, Москва. Аспирант Центра физической антропологии в Институте этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.

ejara.ru@mail.ru

Яровой Борис Павлович. Россия, Иркутск. Архитектор, заведующий лабораторией Иркутского техникума архитектуры и строительства.

boris-yarovoj@yandex.ru

Ярош Валерия Николаевна. Россия, Москва. Кандидат химических наук, руководитель сектора научных основ экспертизы объектов наследия Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева.

yaroshvn@mail.ru

Ясински Марек Эдвард. Норвегия, Тронхейм. Доктор исторических наук, профессор, подводный археолог отдела археологии и исследования религий Института археологии Норвежского университета науки и технологий.

marek.jasinski@hf.ntnu.no

Научное издание

**КУЛЬТУРА РУССКИХ
В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Редактор *Л. В. Новоселова*
Технический редактор *Е. А. Балова*

Подписано в печать 01.09.2017. Формат 60 × 84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 72,5. Уч.-изд. л. 89,61.
Тираж 300 экз. Заказ Б-231

ООО «Издательский дом «Наука»»
Омск, пр. Комарова, 15, тел./факс: +7 (3812) 47-11-66